

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
СССР

XVIII в.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ





ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР



ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик Н. М. Дружинин (председатель),

доктор исторических наук

А. Л. Сидоров (зам. председателя),

академик А. М. Панкратова,

члены-корреспонденты АН СССР:

М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин,

доктора исторических наук:

М. И. Ким, А. А. Новоселский, П. Н. Третьяков,

Л. В. Черепнин,

кандидат исторических наук

Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1956



ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР



ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА
РОССИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

докторов исторических наук:

А. И. Барановича, Б. Б. Кафенгауза,

кандидатов исторических наук:

П. К. Алефиренко, Ю. Р. Клокмана, Е. Н. Кушевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1956



ВВЕДЕНИЕ

Настоящие «Очерки истории СССР» посвящены истории нашей Родины во второй половине XVIII в. В России в течение этого периода продолжала господствовать феодально-крепостническая формация. Новые процессы, которые протекали внутри феодально-крепостнического строя, были еще недостаточны для его крушения. Явления буржуазного характера нарастали из десятилетия в десятилетие. С середины XVIII в. буржуазные отношения проявлялись более отчетливо, чем прежде, а с 90-х годов процесс разложения феодально-крепостнического строя в России был уже вполне ощутим.

Настоящий том «Очерков» охватывает время с 50-х годов по начало 90-х годов XVIII в. Важнейшим событием этого периода является Крестьянская война 1773—1775 гг.

Рост производительных сил в XVIII в. выразился в распашке и заселении обширных земель на юге и на востоке страны, в развитии ремесла и мануфактуры, в росте товарного производства и торговли. Это привело в начале 50-х годов к отмене внутренних таможен, учреждению банков, к последующему разрешению свободного экспорта хлеба. Русская металлургия к середине XVIII в. обогнала английскую, а затем и шведскую по выплавке чугуна, и Россия вышла на первое место в качестве экспортера железа. К 50-м годам относится также зарождение русской хлопчатобумажной промышленности.

С середины XVIII в. вновь обострилась классовая борьба. В 1749—1752 гг. крупные восстания крестьян происходили в Калужском уезде и в соседних районах.

С 50-х годов начались волнения среди крестьян, приписанных к вновь построенным уральским заводам. Постепенно нарастая, они вылились в начале 60-х годов в восстания помещичьих, монастырских и горнозаводских крестьян.

Дворянское государство, наряду с подавлением восстаний вооруженной силой, вынуждено было принимать и другие меры. В 1754 г. создана была комиссия по подготовке нового Уложения, явившаяся прямой предшественницей Законодательной комиссии 60-х годов; готовилась секуляризация церковного имущества, проведенная в начале 60-х годов. На 50-е годы приходится также новая расстановка сил в международных отношениях, приведшая к Семилетней войне.

Изменения в базисе и надстройке, происходившие в середине столетия, однако, не свидетельствуют о начале ломки феодально-крепостнического

строя. Следующий этап связан с потрясшей дворянскую империю Крестьянской войной 1773—1775 гг. Она оказалась недостаточной для крушения крепостного строя, но с этого времени крестьянский вопрос находится в центре внимания правительства и общества. После Крестьянской войны царское правительство предприняло ряд мер по укреплению своего аппарата на местах (губернская и другие реформы), усилилась реакция, прекратились лицемерные жесты в духе «просвещенного абсолютизма». Усиление реакции сказалось также в аресте и ссылке А. Н. Радищева и заключении в крепость Н. И. Новикова, в подготовке интервенции для подавления французской буржуазной революции.

В отличие от предшествующего времени, последнее десятилетие XVIII в. характеризуется отставанием в развитии металлургии, ростом текстильной промышленности, основанной преимущественно на наемном труде. Расстройство денежного обращения находилось в связи с чрезмерным выпуском ассигнаций. Изучение этого десятилетия должно быть соединено с первой четвертью XIX в.

Для всего рассматриваемого в настоящих «Очерках» сорокалетия (1750 — начало 1790-х гг.) в истории России следует признать характерными следующие черты.

Происходило дальнейшее расширение феодальной собственности, развившееся в усиленной раздаче земель и крестьян дворянам: при Екатерине II было роздано 800 тыс. государственных крестьян, украинские крестьяне были полностью закрепощены. Расширилась торговля крепостными не только с землей, но и без земли. Помещикам было разрешено ссылать крестьян в Сибирь, а крестьян лишили даже права подавать жалобы на злоупотребления помещиков. Значительно увеличились привилегии дворянства. Вслед за сокращением срока дворянской службы по манифесту 1762 г. дворяне были совсем освобождены от обязательной службы — военной и гражданской. Дворянство получило корпоративное сословное самоуправление, право собираться на местные съезды, избирать дворянских предводителей, должности уездных властей стали выборными дворянскими.

Но сохранение господства дворянства было лишь одной стороной сложного и противоречивого исторического развития. Наряду с ним наблюдались иные явления, указывавшие на процесс разложения феодально-крепостнического базиса, образование внутри него капиталистического уклада и несоответствия производительных сил и производственных отношений.

Рост товарного хозяйства воздействовал на крепостную деревню. Широкое применение получила оброчная система: в нечерноземной полосе более половины крестьян было на оброке, а в отдельных губерниях число оброчных доходило до 80%. Помещики повышали размер денежного оброка в расчете на внеземледельческие заработки крестьян (уход в города, мелкие крестьянские промыслы и т. п.). Уже при продуктивном оброке непосредственному производителю предоставлен, «...по сравнению с отработочной

рентой, большой простор для того чтобы найти время для избыточного труда...»¹.

Следующим этапом является переход к денежной ренте. «...Превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»². Денежная рента является формой разложения феодальной ренты.

В результате секуляризации земель, принадлежавших монастырям и церкви, около 2 млн. крестьян перешло в число государственных крестьян. Бывшие монастырские крестьяне вместо барщины, которую они прежде выполняли, или взамен смешанных повинностей стали платить оброчную подать.

С ростом товарного производства связано дальнейшее расслоение крестьянства во второй половине XVIII в., особенно в оброчной полосе. В промышленных селах, как, например, в Павлове и Иванове, формировались крепостная буржуазия — на одном полюсе и наемные рабочие из числа оброчных крестьян — на другом. Оживилась деятельность скупщиков. На усиление имущественного неравенства в деревне черноземной полосы большое влияние оказывал рост хлебной торговли, особенно в связи с разрешением хлебного экспорта в 1762 г.

Обострились противоречия внутри феодально-крепостнической системы во второй половине XVIII в. и в промышленности. В горной, суконной и некоторых других отраслях промышленности господствовал крепостной труд; напротив, в шелковой и хлопчатобумажной, где мануфактуры основывались купцами и разбогатевшими крестьянами, преобладал наемный труд; он был распространен и на водном транспорте. Усиливался отрыв крестьян в оброчной полосе от земледелия и отход в города; рос рынок труда. Наряду с этим развивалась крестьянская буржуазия.

Развитие производительных сил привело к значительному увеличению численности населения (с 16 млн. в 1742 г. до 29 млн. чел. в 1796 г., без вновь присоединенных в результате войн территорий, а вместе с ними — до 36 млн.).

Новые хозяйственные явления отразились на экономической политике дворянского правительства. Оно стремилось в условиях роста производительных сил и усиления буржуазных отношений сохранить основы феодально-крепостнического строя. Была объявлена свобода организации промышленных предприятий, ликвидирована система монополий, что объясняется ростом крестьянских промыслов и возникновением крепостной буржуазии; это было выгодно помещикам, увеличивавшим оброк для своих крестьян в расчете на внеземледельческие промыслы. Таможенная политика носила покровительственный характер. Среднегодовой внешнеторговый оборот значительно возрос (в 60-х годах экспорт вместе с импортом составил 20,4 млн. рублей, в 80-х годах — 50,6 млн. руб.). В русском

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 808.

² Там же, стр. 810.

экспорте преобладали сельскохозяйственное сырье, лен, конопля и т. п., но вместе с тем существенную роль играл вывоз изделий русских мануфактур, в особенности железа и полотняных тканей.

Феодально-крепостнический строй задерживал экономическое развитие страны, но не мог приостановить процесс образования капиталистического уклада. В соответствии с этим происходили изменения и в русском городе. Жалованная грамота городам 1785 г. создала взамен «посадских людей» более широкое понятие «городовых обывателей», включавшее купцов, ремесленников, а также домовладельцев-дворян и чиновников. Участие в органах городского управления определялось не только сословной принадлежностью, но и имущественным цензом.

Указанные социально-экономические процессы сопровождались обострением классовой борьбы. Волнения, усилившиеся с конца 40-х — начала 50-х годов, широкой волной охватили в 60-х годах монастырских, помещичьих, приписных крестьян и яицких казаков. В 1771 г. в Москве вспыхнул «чумной бунт»; восстание носило антифеодальный характер. В 1773—1775 гг. разразилась грозная Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева. На огромной территории, от Урала и Башкирии до Поволжья и Центрально-черноземных губерний, господство помещиков было временно подорвано, в ряде мест крепостные крестьяне получили свободу и землю, чиновничье-дворянская администрация была ликвидирована. Крестьянская война была стихийным восстанием крестьянства против феодально-крепостнического гнета. Стихийная и царистская по своему характеру, и поэтому обреченная на гибель, Крестьянская война глубоко потрясла феодально-крепостническую систему.

Рост противоречий приводил к дальнейшему развитию абсолютизма. Созыв Уложенной комиссии, секуляризация монастырских имуществ и некоторые меры в отношении просвещения (открытие Московского университета и т. п.) явились наиболее яркими моментами «просвещенного абсолютизма» в России в 50—60-х годах XVIII в. В Уложенной комиссии разгорелись прения по крестьянскому вопросу, купеческие депутаты также предъявили ряд требований. Напуганное остротой противоречий, правительство распустило Комиссию до окончания ее работ по составлению нового Уложения.

В государственном устройстве чиновничье-дворянской империи во второй половине XVIII в. стремление укрепить диктатуру дворянства сочеталось с усилением бюрократизации административного аппарата. Сенат по своим обширным полномочиям в 40—50-х годах приближался к бывшим Верховному тайному совету или к Кабинету министров. В дальнейшем Сенат был превращен полностью в бюрократическое учреждение, послушное орудие верховной власти. Это было достигнуто разделением Сената на департаменты и лишением его законодательных функций. Синод лишился значительной доли своего влияния вследствие секуляризации церковных имуществ. Постепенно проводилась ликвидация коллегий и замена их учреждениями с единоличной властью руководителей.

Областные учреждения были реформированы непосредственно после подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. Страна делилась теперь на 50 губерний, во главе которых стояли губернаторы, а в некоторых местах — наместники. Усиление аппарата абсолютистского государства на местах сопровождалось введением в местные учреждения выборных от дворянства должностей (капитан-исправник и пр.). Некоторые уступки верхушке городской буржуазии выразились в новых городских учреждениях, остававшихся, однако, под неустанным надзором правительственных органов.

Внешняя политика России во второй половине XVIII в. отражала интересы господствовавшего дворянства и развивавшейся буржуазии. Вместе с тем были решены важные исторические задачи, поставленные всем предшествующим развитием страны, имевшие объективно-прогрессивное значение. К ним относятся обеспечение обороны западных границ и укрепление позиций России на Балтике. С этим связаны Семилетняя война (1756—1762) и война со Швецией (1788—1790). В результате двух русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1791) Россия получила выход к Черному морю, что обеспечило развитие производительных сил юга страны. С помощью России грузинский, армянский и азербайджанский народы вели борьбу за свое освобождение от тяжелого чужеземного ига. В 1783 г. Грузия вступила под протекторат России.

Ослабление Речи Посполитой и успехи России в войнах с Турцией позволили решить задачу воссоединения украинского и белорусского народов с братским русским народом. Белоруссия и большая часть Правобережной Украины вошли в состав России. Но, уничтожив самостоятельность Польши, три государства — Россия, Пруссия и Австрия совершили акт величайшей исторической несправедливости.

Русское военное искусство достигло большой высоты: оно было ведущим в мировом военном искусстве второй половины XVIII в. Передовую русскую школу военного искусства этого времени возглавил великий русский полководец А. В. Суворов. Успехи русского оружия поддерживались русской дипломатией (А. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Панин, А. М. Обресков). Усиление международного веса России отразилось также в «Декларации о вооруженном нейтралитете» (1780), которая заложила основы новых норм морского права.

С середины 50-х годов новые явления наблюдались и в русской культуре. По инициативе М. В. Ломоносова учрежден Московский университет. Ломоносов указывал на притеснения помещиков как на одно из препятствий к «сохранению и размножению российского народа». Его разносторонние научные открытия имеют мировое значение. Он высоко поднял роль Академии наук.

В 50-х годах Ф. Г. Волков создал русский театр.

В русской литературе и в общественно-политической мысли второй половины XVIII в. получили более широкое отражение передовые для того времени буржуазные идеи. Они отразились в литературной деятельности

М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, Я. П. Козельского; усилилось влияние разночинной интеллигенции. Манифесты Е. И. Пугачева, эти, по выражению Пушкина, «образцы народного красноречия», ярко отразили ненависть трудовых масс к господствующему классу. В конце изучаемого периода с призывом к уничтожению крепостного права и самодержавия выступил великий писатель-революционер А. Н. Радищев.

В русской литературе следует отметить развитие фольклора с его ярко выраженным антифеодальным характером; таков «Плач холопов», проникнутый гневом против помещичье-дворянского государства. Художественная литература характеризуется глубоко патриотической поэзией М. В. Ломоносова, пронизанной героическим пафосом. В комедиях Д. И. Фонвизина зарождается критический реализм, достигший полного развития в «Путешествии» А. Н. Радищева. Антикрепостнический характер передовой литературы связан с подъемом классовой борьбы.

В истории русской науки середина XVIII в. имеет особенное значение. Следует отметить открытия гениального ученого М. В. Ломоносова (закон сохранения материи и энергии и др.). Изобретение И. И. Ползуновым паровой машины, гидротехнические сооружения К. Д. Фролова, изобретения И. П. Кулибина показывают развитие русской науки и техники. Однако феодально-крепостнический строй препятствовал внедрению в жизнь изобретений выдающихся русских ученых и мастеров, что в полной мере сказалось, например, на судьбе И. И. Ползунова, машина которого нашла применение лишь на короткое время. В общественных науках должны быть отмечены труды юриста С. Е. Десницкого, экономистов И. А. Третьякова, П. И. Рычкова, М. Д. Чулкова и др.

Русская архитектура в лице представителей классицизма — В. И. Баженова, М. Ф. Казакова и И. Е. Старова сделала ценнейший вклад в историю искусства. В живописи, наряду с реалистическими портретами Д. Г. Левицкого, следует отметить первые произведения из крестьянского быта («Крестьянская свадьба» М. Шибанова, «Нищие» И. А. Ерменева и др.). Русская культура развивалась в постоянной связи с передовой западноевропейской культурой.

Вторая половина XVIII в. — важный этап в начавшемся еще ранее процессе образования русской нации. Развитие промышленности, как крупной, так и мелкой крестьянской, и рост торговли способствовали усилению экономических связей. В этих условиях журналистика и передовая художественная литература содействовали складыванию общности языка и психического склада, общности культуры.

В Российской империи XVIII в. усиливались хозяйственные связи между входившими в ее состав народами — этому способствовало строительство заводов, каналов, рост ярмарок. Народы Российской империи находились на разных ступенях общественного развития. У ряда народов Сибири и севера страны преобладали родовые и полуфеодальные отношения, а в Эстонии, Латвии, Украине, Поволжье, при господстве феодализма, зарождались буржуазные отношения.

Воссоединение в одном государстве с русским народом Белоруссии и большей части Правобережной Украины благоприятно отразилось на развитии хозяйства и культуры украинского и белорусского народов. Усиливались экономические связи с Россией и народов Кавказа и Средней Азии, в большинстве своем еще не входивших в то время в империю. Торговля с ними шла через Астрахань, Северный Кавказ и Оренбург; армянские, азербайджанские и грузинские купцы ездили в русские города и на Макарьевскую ярмарку.

Все теснее сближались с русским народом народы Российской империи. Народы Сибири, Приуралья и Поволжья учились у русских земледелию и обработке металлов, перенимали русские народные песни, одежду и пр. Вместе с тем русская культура вбирала в себя лучшее из культуры братских народов.

Трудящиеся массы народов, живших в Российской империи, выступали совместно против общих угнетателей — крепостников и царского правительства. В Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева участвовали трудовые массы народов Приуралья и Поволжья.

Однако в дворянской России XVIII в. многочисленные нерусские народы подвергались гнету и унижению. Царское правительство разжигало национальную рознь. Русские помещики захватывали земли и создавали свои имения на территории башкир, народов Поволжья, в Белоруссии и др. В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники, делопроизводство велось на русском языке. В своей политике царское правительство опиралось на местных эксплуататоров. Главной опорой царизма в Эстонии и Латвии были немецкие бароны, в Белоруссии — местные крепостники, поляки и русские; на Украине — украинское дворянство, потомки казацкой старшины и польские пань. В Крестьянской войне 1773—1775 гг. служилые татары и часть башкирских старшин сражались на стороне царских войск против восставших.

* * *

Советская историческая наука в ряде работ заново пересмотрела основные вопросы истории России XVIII в. На первый план выдвинута задача освещения истории трудящихся, смены общественно-экономических формаций, т. е. развития производительных сил и производственных отношений, изучение борьбы классов и отражения ее в надстроечных явлениях — в развитии государства и культуры и обратного воздействия последних на базис.

Литература по истории России второй половины XVIII в., принадлежащая дворянским и буржуазным историкам, стоит в стороне от этих вопросов и не удовлетворяет нас с методологической стороны. Указанный период в меньшей степени привлекал внимание буржуазных историков, чем более ранняя история России.

Еще в XVIII в. были изданы важные для историка материалы — законодательные акты, Труды Вольного экономического общества и др.

Из источников, изданных позднее, в XIX в., следует отметить «Полное Собрание законов Российской империи» (1-е изд. 1830 г.). Из 42 томов этого издания ко второй половине XVIII в. относятся 13—25 томов. К этому законодательному материалу примыкают «Сенатский архив» (15 томов), «Архив Государственного совета» (два тома) и «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией», под ред. Ф. Ф. Мартенса. Начиная с 60-х годов XIX в. Русское Историческое общество выпустило 22 тома дипломатической переписки и других документов по внешнеполитической истории (но публикацией дипломатических документов совсем не охвачены годы французской революции), относящиеся ко второй половине XVIII в., 14 томов «наказов» в Уложенную комиссию 1767 г. и протоколов Комиссии; сюда вошли и документы по истории финансов, переписка Екатерины II и т. п. Но при публикации наказов в Уложенную комиссию ограничились изданием дворянских и купеческих наказов, из крестьянских наказов увидела свет только небольшая их часть, изданная в двух томах.

Издававшиеся источники неофициального характера, рисующие быт и хозяйство частных лиц, политические события и т. п., также были связаны преимущественно с господствующим классом — дворянством; таковы «Архив кн. Воронцова» (15 томов), «Архив кн. Куракина». В периодических изданиях («Русская старина», «Русский архив», «Чтение в Обществе истории и древностей российских» и др.) печатались мемуары А. Т. Болотова, секретная переписка Екатерины II с английским послом («Чтения ОИДР», 1909) и т. п. Публикация по истории общественной мысли состояла главным образом из переиздания сатирических журналов Н. И. Новикова (П. А. Ефремовым в 70-х годах XIX в.); «Путешествие» А. Н. Радищева было разрешено к изданию только после революции 1905—1907 гг.

Таким образом, при обилии изданных источников по истории России XVIII в. публикации их отличаются неполнотой и носят односторонний классовый характер. Советской исторической науке приходится восполнять эти пробелы, изучать и публиковать источники по истории крестьянства, народного хозяйства и классовой борьбы за этот период.

Господство в буржуазной науке историко-юридической школы привело к тому, что при освещении истории России XVIII в. преимущественное внимание отводилось законодательству, государственным учреждениям и истории войн. Некоторый сдвиг в буржуазной историографии по XVIII в. произошел под влиянием В. О. Ключевского и его школы, дополнивших изучение истории государства до некоторой степени освещением социальной истории. Отдельные попытки выйти за эти тематические рамки связаны с народничеством и легальным марксизмом и отразились в трудах В. И. Семевского, М. И. Туган-Барановского и др.¹

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I—II. СПб., 1881—1901 (следующее издание вышло соответственно в 1901 и 1903 гг.); *его же*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I—II. СПб., 1888; М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, СПб., 1898.

Из историков XIX в. много занимался изучаемым периодом С. М. Соловьев. Он довел свою «Историю России с древнейших времен» до кануна восстания крестьян под руководством Е. И. Пугачева. Заслугой Соловьева является введение в научный оборот архивных источников, в особенности по истории внешней политики. Но последние томы этого труда все более превращались в погодный летописного характера рассказ, где историк, подавленный обилием материала и подробностями событий, отказался от каких-либо выводов обобщающего характера. Ему свойственна также идеализация императриц Елизаветы и Екатерины II. С. М. Соловьев не нашел себе преемника в изучении истории России XVIII в. Его ученик В. О. Ключевский менее всего занимался этим периодом. Недаром в своей статье о С. М. Соловьеве он должен был признать, что история XVIII в. остается еще в «научной полутьме»¹. Основным фактором этого времени Ключевский считал «дворянновластие», которое неправильно относил только к XVIII в.

Дворянство, по мнению В. О. Ключевского, стало правящим сословием лишь в результате дворцовых переворотов. Ключевский не остановился на успехах промышленности и торговли этого периода, он игнорировал также явления классовой борьбы².

Преимущественно политической историей интересовался и В. А. Бильбасов.

В его «Истории имп. Екатерины II»³ собран большой документальный материал, однако в ней нет широких выводов и не затронуты социально-экономические явления. В центре внимания автора — личность Екатерины II и ее борьба за власть.

Для буржуазной историографии наиболее характерны работы по изучению государственных учреждений и государственных финансов второй половины XVIII в. (труды А. Д. Градовского, В. Г. Щеглова, И. И. Дитятина, М. А. Коркунова, В. И. Веретенникова и др.⁴). В обширной «Истории Сената», под ред. С. Ф. Платонова, с участием А. Н. Филиппова и А. Е. Преснякова, история высшего учреждения России излагается по царствованиям, в отрыве от социально-экономического развития страны. В ней освещены структура Сената и его департаментов, судебные функции и участие Сената в законодательстве⁵. Даже Городовое положение и губернскую реформу буржуазные историки изучали вне истории хозяйства и классовой борьбы; их внимание привлекали преимущественно состав посадского населения и историко-юридическая сторона Городового положения,

¹ В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. Пг., 1918, стр. 55.

² В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V, Пг., 1921, стр. 80—149.

³ В. А. Бильбасов. История имп. Екатерины II, т. I—II. СПб., 1890.

⁴ А. Д. Градовский. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1886; В. Г. Щеглов. Государственный совет в России, т. I—II. Ярославль, 1891—1895; В. И. Веретенников. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915.

⁵ «История правительствующего Сената за 200 лет», т. I—III. СПб., 1911.

Учреждений о губерниях и т. п.¹ Уложенная комиссия 1767 г. привлекала внимание буржуазных историков, но также изучена недостаточно. Кроме ряда журнальных статей о наказах, можно отметить историко-юридическую работу В. Н. Латкина и исследование А. В. Флоровского о составе Комиссии. В работе Флоровского организация выборов поставлена в связь с юридическим положением сословий в стране, что соответствовало установкам школы Ключевского. А. В. Флоровскому принадлежит также книга о прениях в Комиссии по крестьянскому вопросу². Г. А. Максимович написал книгу о выборах и наказах на Украине.

Авторы исследований по истории внешней политики второй половины XVIII в. (Н. Н. Бантыш-Каменский, В. И. Григорович, В. П. Безобразов, Ф. Ф. Мартенс) давали обзор дипломатических переговоров с анализом статей договоров, Н. Д. Чечулин ставил своей задачей также прославление Екатерины II как дипломата³. В своем труде по истории русско-австрийского союза в годы Семилетней войны Е. Н. Щепкин⁴ на основе большого и ценного архивного материала пытался применить, как он сообщает «интенсивные приемы» исследования, выразившиеся, впрочем, лишь в подробном изложении дипломатических переговоров.

Более полно разработана история войн, русской армии и военного искусства (Д. Ф. Масловский, Г. А. Леер, А. Н. Петров, Н. П. Михневич и др.). Кроме отдельных монографий и курсов, издана общая история русской армии и флота⁵. И эти работы, ценные своим систематизированным материалом, отличаются отрывом от социально-экономической истории, к тому же для них характерна идеализация исторического прошлого. В изучении военного искусства А. В. Суворова после крупного труда Д. А. Милютина⁶ следует назвать большую сводную биографию великого полководца, написанную А. Ф. Петрушевским⁷.

Проблемы экономической и социальной истории второй половины XVIII в. менее привлекали внимание буржуазных историков. Особняком

¹ А. А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II. М., 1909; *его же*. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; В. Григорьев. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910; В. Н. Латкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887.

² А. В. Флоровский. Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915; *его же*. Из истории екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910; Г. А. Максимович. Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г., ч. I. Выборы и составление наказов.

³ Н. А. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

⁴ Е. Н. Щепкин. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758 гг. СПб., 1902.

⁵ «История русской армии и флота». СПб., 1911.

⁶ Д. А. Милютин. История войны России с Францией в царствование имп. Павла I в 1799 г., т. I—V. СПб., 1852—1853.

⁷ А. Ф. Петрушевский. Генералиссимус князь Суворов, т. I—III. СПб., 1884; изд. 2. СПб., 1900.

стоят труды либерального народника В. И. Семевского по истории крестьянства и крестьянского вопроса в XVIII в. По своему обширному материалу они сохраняют значение до сих пор. Историк-народник останавливался преимущественно на выяснении различных разрядов крестьян и истории их закрепощения, на злоупотреблениях помещиков и на отдельных крестьянских волнениях. В меньшей степени интересовали Семевского вопросы крестьянского хозяйства; он собрал ценный материал о распространении барщины и оброка, но вместе с тем подчеркивал спасительное будто бы для крестьянства значение поземельной общины. Буржуазный историк А. Лазаревский показал роль украинских феодалов в закрепощении крестьян на Украине¹. Истории господствующего класса — дворянства посвящены работы А. В. Романовича-Славятинского и С. А. Корфа, в которых прослежены главным образом юридическое положение и привилегии правящего сословия².

По истории промышленности и торговли следует упомянуть обширный обзор соответствующего законодательства и мероприятий правительства в книге А. А. Семенова, а также отметить работу В. И. Покровского³.

Некоторый поворот к более пристальному изучению экономической истории обнаруживается в самом конце XIX в. К этому времени относится работа «легального марксиста» М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Автор, сумевший систематизировать большой материал, развивал ложную теорию «торгового капитализма». Н. Д. Чечулин изучал историю русских финансов — развитие русского бюджета, образование государственного долга и возникновение бумажно-денежного обращения. Вместе с тем этот автор утверждал, будто в течение всего XVIII в. хозяйственное развитие России стояло на одном уровне. Представление об экономической отсталости России этого периода у Н. Д. Чечулина чрезмерно преувеличено⁴.

История классовой борьбы освещалась авторами с точки зрения интересов господствующего класса. Величайшей в истории России Крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева посвящена трехтомная работа академика Н. Ф. Дубровина. В ней использован большой архивный материал, изложен ход войны, но внимание автора главным образом привлекала история подавления восстания царскими

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1881; т. II, СПб., 1901; его же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I—II, СПб., 1888; А. Лазаревский. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). Киев, 1908.

² А. В. Романович-Славятинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870; С. А. Корф. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906.

³ А. А. Семенов. Исторические сведения о внешней торговле и промышленности России, т. I—III. СПб., 1859; В. И. Покровский. Сборник сведений по истории в статистике внешней торговли России. СПб., 1902.

⁴ Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

генералами; к восставшему крестьянству и его вождям отношение автора резко враждебно. Теми же чертами отличается книга А. И. Дмитриева-Мамонова о крестьянском восстании в Приуралье и Сибири¹.

В области истории культуры можно отметить изучение истории Академии наук и биографии М. В. Ломоносова (П. П. Пекарский, П. С. Билярский). Работа над научными рукописями М. В. Ломоносова, начатая Б. Н. Меншуткиным, была завершена им после Великой Октябрьской социалистической революции. Масонство и в связи с ним деятельность Н. И. Новикова также привлекали известное внимание (А. И. Незеленов, В. И. Ламапский, В. П. Семенников). Явное непонимание проявили буржуазные ученые в отношении А. Н. Радищева, изображая его не революционером, а лишь либералом, последователем идей екатерининского Наказа (Н. П. Павлов-Сильванский)².

Таким образом, в буржуазной историографии разрабатывались политическая история XVIII в., история государства, правительственных мероприятий и местного управления, военного дела, в меньшей степени — история крестьянства, хозяйства и общественной мысли. Работы эти могут быть полезны преимущественно со стороны собранного в них материала.

В исторической литературе и публицистике XIX и начала XX в. вместе с тем необходимо выделить труды передовых писателей, значительно продвинувших понимание истории России за изучаемый период. «История Пугачева» А. С. Пушкина (1834), изданная во время жесточайшей реакции в царствование Николая I, представляет собою первую монографию на данную тему. Эта книга, составляющая исключительную заслугу великого поэта, навлекла на него ненависть реакционеров. Пушкин пытался привлечь внимание к Радищеву, но его две статьи не были пропущены цензурой. В «Заметках по русской истории», не напечатанных при жизни поэта, Пушкин ставит в вину Екатерине II то, что она «раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции». В царствовании Екатерины II он видел «деспотизм под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками». Поэт упрекал Екатерину II в заточении Новикова и в ссылке Радищева. Он подчеркивал лицемерие «Наказа», называл Уложенную комиссию «непристойно разыгранным» фарсом, а Екатерину II — «Тартюфом в юбке и в короне», заслужившим лишь «проклятие России»³.

В. Г. Белинский по цензурным условиям не мог высказать полностью свое мнение об этом периоде. В критических статьях он выделял значение

¹ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. I—III. СПб., 1884; А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907.

² П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870; т. II, СПб., 1873; П. С. Билярский. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865; Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание М. В. Ломоносова. СПб., 1911; изд. 3, доп., М.—Л., 1947; Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. Соч., т. II. СПб., 1910.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VIII. М.—Л., 1949, стр. 121—127.

М. В. Ломоносова, называл жизнь его «прекрасным подвигом». Критик подчеркивал значение сатирических журналов и книгоиздательской деятельности Н. И. Новикова. Среди деятелей этого времени он указывал на А. В. Суворова, называя его «чудо-богатырем», «фантастическим героем фантастической поэмы»¹. А. И. Герцен правильно оценивал значение Крестьянской войны: «Знамя восстания Пугачев поднял во имя освобождения крестьян от помещиков». Он писал, что Екатерина II «не знала народа и сделала ему только одно зло: народом ее было дворянство, и она чудесно понимала свою почву»². Герцен издал за границей в Вольной русской типографии «Путешествие» Радищева со своим предисловием.

Н. А. Добролюбов дал замечательный обзор екатерининского царствования в работе «Русская сатира в век Екатерины»³. Добролюбов считал, что предметом исторической науки должны быть не отдельные выдающиеся деятели, а народные массы, за которыми он признавал решающую роль в историческом процессе. С этой точки зрения он оценивал и события XVIII в.⁴ Добролюбов обвинял Екатерину II в противоречии между ее словами и делами, в восстановлении Тайной экспедиции, применении пыток, в заточении Новикова, ссылке в Сибирь Радищева. Он говорит о широкой раздаче земель и крепостных, закреплении украинского крестьянства, тяжести рекрутских наборов, отмечает непомерную роскошь вельмож, хищения, расстройство государственных финансов.

* * *

Переворот в исторической науке, произведенный марксизмом-ленинизмом, устранил, как отмечал В. И. Ленин, два коренных недостатка буржуазной историографии. Буржуазные историки, во-первых, «...рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей..., не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений», не видели «...корней этих отношений в степени развития материального производства...»⁵ и, во-вторых, не имели в виду изучения истории народных масс. Классики марксизма-ленинизма поставили перед наукой задачу изучения истории трудящихся, изучения смены общественно-экономических формаций, освещения тех изменений, которые происходили в базисе и, в зависимости от них, в надстроечных явлениях. В. И. Ленин дал глубокий анализ крепостного и капиталистического хозяйства в своем исследовании «Развитие капитализма в России», где в ряде мест останавливается на истории нашей страны в XVIII в. В. И. Ленин отметил рост уральской металлургии в этот период, анализировал барщинное хозяйство, выявил особенности «оригинальной организации» промышленности, основанной на крепостном труде.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. V. СПб., 1901, стр. 100.

² А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем, т. VI. Пг., 1919, стр. 335; т. VII, стр. 374.

³ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. II. М., 1952, стр. 316—398.

⁴ В. С. Кругиков. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., 1952, стр. 361.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

Указания классиков марксизма-ленинизма положены в основу работ советских ученых по изучению истории нашей Родины второй половины XVIII в. На первый план выдвинуты новые проблемы — изучение развития производительных сил, производственных отношений, классовой борьбы, героического военного прошлого России.

Эти задачи нашли свое отражение, в публикации документов. Для освещения истории промышленности имеет значение издание документов по истории крупнейшей суконной мануфактуры XVIII в.¹ Новый материал по истории мелкого производства в промышленных селах, как, например, Иваново, а также в Москве, собран в «Материалах по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.»².

Для понимания классовой борьбы в XVIII в. важное значение имеет издание материалов по Крестьянской войне 1773—1775 гг., включающих манифесты Пугачева, архив Военной коллегии восставших, документы о движении на уральских заводах и в приволжском крепостном районе³. Рядом с ним надо поставить издание материалов о восстаниях крестьян в начале 50-х годов в Калужском и Малоярославецком уездах; эти восстания связаны с историей мануфактур Н. Демидова и А. Гончарова⁴.

По истории внешней политики следует отметить публикацию донесений русского посла в Париже во время французской революции И. М. Симолина, содействовавшего побегу короля⁵. Заслугой советских историков является систематическое издание документов о деятельности великих полководцев А. В. Суворова, П. А. Румянцева, флотоводцев Г. А. Спиридова, Ф. Ф. Ушакова; издан ценный сборник документов о Семилетней войне⁶.

Новое академическое издание сочинений М. В. Ломоносова включает неизвестные его произведения и позволяет с наибольшей полнотой осветить деятельность величайшего русского ученого. Внимание советских историков привлекают русские географические открытия; следует отметить сборник «Русские географические открытия на Тихом океане» под редакцией А. И. Андреева (М., 1947).

О большом интересе к истории передовой общественной мысли свидетельствуют издания произведений А. Н. Радищева; осуществлено полное

¹ «Крепостная мануфактура в России», ч. V. «Московский Суконный двор», Л., 1934.

² «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I—II. М., 1935—1950.

³ «Пугачевщина». Сборник документов, т. I. М.—Л., 1926; т. II, 1929; т. III, 1931.

⁴ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.». М.—Л., 1937.

⁵ «Литературное наследство», № 29—30. М., 1937; № 33—34, М., 1939.

⁶ «А. В. Суворов». Сборник документов под ред. Г. П. Мещерикова. Т. 1—4. М., 1919—1953; «Генералиссимус Суворов». Сборник документов и материалов. М., 1947; «П. А. Румянцев». Под ред. П. К. Фортунатова, т. I—II. М., 1953; «Фельдмаршал Румянцев». Сборник документов и материалов. М., 1947; «Ф. Ф. Ушаков». Под ред. Р. Н. Мордвинова, т. I—II. М., 1951—1952; «Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1948.

академическое издание его сочинений, включающее неизвестные работы по законодательству, экономическим вопросам и его письма; изданы материалы по процессу Радищева¹. Передовая общественно-политическая мысль представлена также публикациями сатирических журналов Н. И. Новикова и двухтомным сборником избранных произведений философской и общественно-политической мысли XVIII в., в который вошли сочинения С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского и др.².

Новые точки зрения и оценки отразились в советской монографической литературе. На исторической литературе первых лет революции еще сказывалось влияние буржуазной историографии: особенно это следует отметить в работах представителей экономического материализма — М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова и др. «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханова имела большое значение: в ней освещена передовая общественная мысль второй половины XVIII в. — отдельные выступления в Уложенной комиссии, деятельность Д. И. Фонвизина и И. А. Крылова. Плеханов подчеркивал революционный характер «Путешествия» Радищева. Но вместе с тем он отрицал прогрессивный характер восстания Е. И. Пугачева, считая, что оно смотрело не вперед, а назад³. В этом отразились меньшевистские ошибки Плеханова, непонимание им роли крестьянских масс и стихийных крестьянских восстаний, носивших антифеодальный характер.

М. Н. Покровский подвергал заслуженной критике буржуазных историков. Однако он неправильно говорил о «дворянском капитализме». В восстании под руководством Пугачева М. Н. Покровский ошибочно видел раннюю буржуазную революцию; в том, что в восстании участвовали заводские крепостные крестьяне, он усматривал «смычку» рабочих и крестьян, утверждал, будто восстание было «рабоче-крестьянским» по своему характеру⁴. Исходя из теории «торгового капитализма», Покровский рассматривал войны России XVIII в. лишь как проявление торгового капитала во внешней политике. Его трактовка разделов Польши лишена классовой характеристики, он не учитывал роли польской шляхты в создании тех условий, которые привели к разделам⁵.

Советская историческая литература исходит из данного В. И. Лениным анализа феодально-крепостнического строя, позволившего вскрыть

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I—III, 1938—1952; Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952.

² «Сатирические журналы Н. И. Новикова». Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1951; Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1951; «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I—II. М., 1952.

³ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Соч., т. III. М., 1919, стр. 95—96.

⁴ М. Н. Покровский. История России с древнейших времен. М., 1911—1914.

⁵ М. В. Печкина. Восстание Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского. В сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I. М.—Л., 1939; М. В. Джервис. Внешняя политика русского самодержавия в XVIII веке в изображении М. Н. Покровского. В сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II. М.—Л., 1940.

сложный и противоречивый процесс социально-экономического развития России в XVIII в.

Анализ действия экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил побуждает советских историков тщательно изучать изменения в сельском хозяйстве и промышленной технике, явления перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру.

Академия наук СССР выпустила первый сборник «Материалов по истории земледелия СССР», включающий исследовательские статьи о сельском хозяйстве и русской агрономии в XVIII в.¹ Для истории феодального сельского хозяйства крупное значение имеет исследование академика Б. Д. Грекова о сдвигах в деревне черноземной полосы, прослеженных им по хозяйственным анкетам 60-х годов XVIII в.² Крепостное хозяйство этой полосы уже перестраивалось в расчете на расширявшийся хлебный рынок. Истории оброчной деревни посвящен труд К. Н. Щепетова³. История сельского хозяйства этого времени рассматривается и в ряде других работ советских историков⁴.

Изучению форм промышленности XVIII в. посвящены «Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX в.» П. Г. Любомирова. Не будучи марксистом, он не мог полностью вскрыть процесс возникновения мануфактуры из мелкого производства, которое он еще обозначал ненаучным термином «кустарная промышленность», но в его исследовании ценно выявление централизованного характера мануфактуры в XVIII в.⁵ В работах С. Г. Струмилина, В. В. Данилевского, Д. Кашинцева, Б. Б. Кафенгауза и других историков показан высокий уровень развития горной промышленности⁶. В этих монографиях авторы исходят из

¹ «Материалы по истории земледелия в СССР», сб. 1. М., 1952 (статьи А. И. Барановича, К. В. Сивкова, П. К. Алефиренко).

² Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. XXXV. Л., 1929.

³ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М., 1947.

⁴ Е. Н. Кушева. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в. «Известия АН СССР», Отд. гуманитар. наук, № 7—8, 1929; Г. И. Бибилов. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», кн. 4; К. В. Сивков. Подмосковная вотчина середины XVIII в. В сб. «Московский край в его прошлом», вып. 1. М., 1928; *его же*. Крестьяне украинских вотчин кн. Куракиных в конце XVIII в. «Записки АН УССР», кн. 19, 1928; А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М., 1955; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1952.

⁵ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX в. М., 1930.

⁶ С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.—Л., 1935; *его же*. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954; Д. Кашинец. История металлургии Урала, т. I. М.—Л., 1939; Н. Б. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.—Л., 1935; В. В. Данилевский. История гидросиловых установок в России до XIX в. М.—Л., 1940; *его же*. И. И. Ползунов. М.—Л., 1940; *его же*. Русская техника. Л., 1948; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX в., т. I. М.—Л., 1949.

положения В. И. Ленина о высшем процветании Урала и господстве его не только в России, но отчасти и в Европе XVIII в. Впервые освещено возникновение крупной ситценабивной промышленности в XVIII в. и развитие легкой промышленности вообще (Н. Н. Дмитриев, Д. С. Бабурин). Переход от мелкого производства к крупному в текстильном производстве прослежен И. В. Мешалиным путем изучения крестьянского производства в Московской губ. в XVIII—XIX вв.¹ История «предпролетариата» XVIII в., его численность и условия труда исследованы в работах А. М. Панкратовой, К. А. Пажитнова, Ю. И. Гессена, А. Г. Рашина². Истории мелкой промышленности посвящены работы И. В. Мешалина и книга К. А. Пажитнова³, изучившего цеховую организацию ремесла в XVIII—XIX вв. Отмеченные здесь монографии составляют лишь часть большой работы советских историков по исследованию истории промышленности и рабочего класса.

Вопрос о социально-экономической природе промышленности XVIII в., который входит в проблему генезиса капиталистических отношений в России, подвергался оживленному обсуждению в отдельных работах и дискуссионных статьях. С. Г. Струмилин в труде по истории черной металлургии (1954) подчеркивает капиталистические элементы в русской промышленности, показывает «полуфеодальный» и «полукапиталистический» ее характер.

А. М. Панкратова отмечает, что, наряду с мануфактурами на крепостном труде, в XVIII в. «возникали крестьянские и купеческие мануфактуры, связанные с формирующимся капиталистическим способом производства». Ощущавшийся недостаток рабочей силы для мануфактур был одним из проявлений уже определившегося несоответствия в развитии производительных сил и производственных отношений. Мануфактура с крепостным рабочим представляла собой внутреннее противоречивое явление, особенно ярко отражавшее несоответствие между уровнем развития производительных сил и крепостническими производственными отношениями⁴.

¹ Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII века. М.—Л., 1935; Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.—Л., 1950; В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

² К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. I—III. Пг., 1923; А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940; Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР, т. I. История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М., 1926; А. М. Панкратова. История рабочего класса (рукопись).

³ К. А. Пажитнов. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

⁴ А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 75. См. также С. Г. Струмилин. Экономическая природа первых русских мануфактур. «Вопросы истории», 1948, № 6; Н. Л. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. «Ученые записки Московского университета», вып. 87. М., 1946.

Переходя к вопросам государственного устройства России второй половины XVIII в., надо отметить недостаточность исследования их советской историографией. Вопрос о «просвещенном абсолютизме», а также изменения в государственном аппарате и политическая борьба внутри правящего класса, дворцовые перевороты и т. п. освещаются главным образом в учебниках и в общих журнальных статьях. Некоторое внимание привлекала Законодательная комиссия 1767 г., однако и в этом отношении имеются лишь небольшие работы на частные темы¹. Следует отметить исследование Ю. В. Готье по истории областных учреждений в середине XVIII в., в котором выявлен классовый дворянский характер местных учреждений². Проблема абсолютизма XVIII в. затронута в книге Я. Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII в.»³.

Внимательно изучают советские историки вопросы внешней политики и военного искусства во второй половине XVIII в. «История дипломатии»⁴ дала толчок к исследованиям по истории дипломатии и внешней политики России этого периода, разоблачению контрреволюционной роли царизма в годы французской буржуазной революции⁵. Успехи внешней политики в результате русско-турецких войн освещены в монографии Е. И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мире; в этой работе отчетливо показаны высокие качества русской дипломатии того времени⁶.

К. А. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII в. «Вопросы истории», 1948, № 3; Е. И. Заозерская. К вопросу о развитии крупной промышленности в России в XVIII веке. «Вопросы истории», 1947, № 12; И. С. Бак. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России. «Вопросы истории», 1948, № 4; С. Г. Струмилин. История черной металлургии СССР, т. I. М., 1954.

¹ Ф. И. Лаппо. Наказы однодворцев как исторический источник. «Исторические записки», кн. 35; К. В. Сивков. Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность имп. Екатерины II в 60—80-х годах XVIII в. «Ученые записки Гос. Педагогического института им. В. И. Ленина», т. 60, 1949; В. Н. Бочкарев. Вопросы политики в русском парламенте XVIII в. Тверь, 1923; П. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще». «Исторические записки», кн. 38.

² Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. II. М.—Л., 1941.

³ Я. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946.

⁴ «История дипломатии», т. I. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941.

⁵ П. К. Алефиренко. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция. «Исторические записки», кн. 22; *ее же*. Секретный договор Екатерины II с Густавом III против французской революции. «Историк-марксист», 1941, № 6; Р. А. Авербух. Политика европейских держав накануне и в первые годы французской революции. «Труды Моск. института истории, философии и литературы» им. Н. Г. Чернышевского, т. 6. М., 1940; М. М. Штрассе. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. и разночинные слои русского общества. «Исторические записки», кн. 39.

⁶ Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955; А. М. Станиславская. Русская дипломатия и Тройственный союз (1788—1791), рукопись; Г. Персегов. Политика России на Тешевском конгрессе (рукопись).

Советские историки разрабатывают теоретическое и практическое наследие выдающихся русских полководцев и флотоводцев М. И. Кутузова, А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Ф. Ф. Ушакова, Г. А. Спиридова и др.¹ В исследовании Н. М. Коробкова о Семилетней войне выявлено превосходство русского военного искусства над западноевропейским и, вместе с тем, вскрыта продажность некоторых иностранцев, пробравшихся на командные посты в русской армии². Военное искусство П. А. Румянцева, незаслуженно оставленное в тени буржуазными историками, также нашло свое новое освещение в работах советских историков (Ю. Р. Клокман и др.). Героическое прошлое русского флота, русская экспедиция в Средиземное море и Чесменский бой изучены академиком Е. В. Тарле и др.³

Достижением советской исторической науки является пристальное изучение деятельности величайшего русского ученого М. В. Ломоносова. Его роль в развитии физики, химии, геологии, географии, техники, его общественно-политические и философские взгляды нашли новое освещение. В результате выявлено значение великого русского ученого в ряде открытий, в том числе в установлении закона сохранения энергии, вскрыт материалистический характер его естественноисторических взглядов⁴. Для истории русской техники и науки за этот период большое значение имеет изучение великого изобретения И. И. Ползунова, установление его приоритета в изобретении первой паровой машины (В. В. Данилевский).

В отношении истории общественно-политической мысли XVIII в. особенно важны результаты, достигнутые в изучении творчества А. Н. Радищева. Вместо либерала и постепеновца, каким изображала Радищева буржуазная историография, советские ученые показали во весь рост великого писателя-революционера, призывавшего к крестьянской революции⁵. Советская наука выяснила прогрессивные воззрения мыслителей, остававшихся прежде в тени, — Я. П. Козельского, С. Е. Десницкого и др.

Внимательно изучается русский фольклор, выявлен передовой революционный его характер (песни о Е. Пугачеве, «Плач холопов» и др.). Обобщающая история русской литературы за этот период дана в «Истории русской литературы» и в «Истории русской литературы XVIII в.»

¹ «Суворовский сборник». Под ред. А. В. Сухомлина. М., 1951; «А. В. Суворов». Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. М., 1951.

² Н. М. Коробков. Семилетняя война. (Действия в России в 1756—62 гг.). М., 1940.

³ Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1951; Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774 гг. М., 1945.

⁴ «Ломоносов». Сборник статей и материалов, т. I—III. М.—Л., 1940; Б. Г. Кузнецов. О приоритете Ломоносова в открытии закона сохранения энергии. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1949, т. 6, № 3.

⁵ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I—III. М.—Л., 1938—1952; М. А. Горбунов. Философские и общественно-политические взгляды Радищева. М.—Л., 1947; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Изд. 2. М., 1951; Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951; «Русское народное поэтическое творчество». Сборник статей. М.—Л., 1953.

Д. Д. Благого¹. Надо отметить большую исследовательскую работу по истории русского театра и музыкальной культуры XVIII в., изучение деятельности таких выдающихся актеров, как крепостная актриса П. И. Жемчугова².

Изданы материалы о жизни Ф. Г. Волкова и о создании им театра; эти вопросы нашли отражение также в исследовательской литературе. Ценный вклад в историю искусства этого периода внесло изучение творчества В. И. Баженова, М. Ф. Казакова и других зодчих. Так же внимательно изучаются портретная скульптура Ф. Шубина, блестящее портретное творчество Д. Г. Левицкого, пейзажная живопись и др.³.

Советская историческая наука уделяет большое внимание истории народов СССР. Разработкой этого вопроса занимаются в специальных институтах академий наук союзных республик и в научно-исследовательских институтах автономных республик и областей. На базе опубликованных документов, исследованных архивных фондов и монографий по отдельным вопросам созданы обобщающие марксистские труды по истории народов СССР: «История Украинской ССР», «История Эстонской ССР» и др.

Для истории СССР второй половины XVIII в. особенно важна проблема развития экономических, политических и культурных связей народов национальных окраин с русским народом.

Во второй половине тома даны краткие очерки истории отдельных народов СССР. Однако не все стороны развития нерусских народов, ныне входящих в СССР рассмотрены в настоящее время с достаточной широтой и глубиной. Поэтому в данном издании не было возможности надлежащим образом осветить такие вопросы, как, например, классовая борьба в Белоруссии или Средней Азии во второй половине XVIII в., связь классовой борьбы белорусского и латвийского крестьянства с борьбой русского крестьянства, развитие культуры некоторых народов, особенно — не имевших в XVIII в. своей письменности.

Произведенный советскими историками пересмотр основных проблем исторического развития за XVIII в. позволил поставить вопрос о месте и значении изучаемого периода в истории нашей Родины. Переломный характер второй половины этого столетия, объясняющийся возникновением капиталистического уклада, исследован в научных работах и в дискуссии о периодизации истории СССР⁴. Вторую половину этого столетия характе-

¹ «История русской литературы», т. IV. М.—Л., 1947; Д. Д. Благой. Указ. соч.

² Н. А. Елизарова. Театры Шереметевых. М., 1944; Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952.

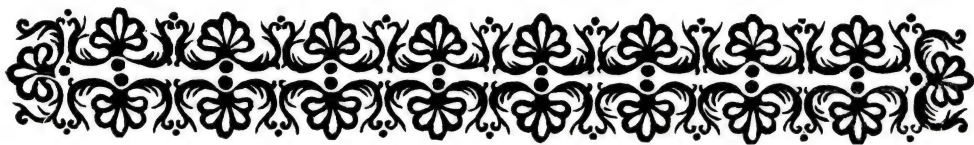
³ И. Э. Грабарь. Известные и предполагаемые постройки В. И. Баженова, М., 1951; Н. Н. Коваленская. Русское искусство в XVIII в. М., 1941; «История русской архитектуры». Краткий курс. М., 1951; «Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников XVIII в.», Под ред. А. И. Леонова. М., 1952; А. А. Федоров-Давыдов. Русская пейзажная живопись. М., 1953; «Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов» М., 1953.

⁴ Н. М. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории», 1949, № 1; Л. Максимов. О журнале «Вопросы истории». «Большевик», 1952, № 13.

ризует разложение крепостного строя как проявление несоответствия между производительными силами и производственными отношениями.

Советская историческая наука, таким образом, достигла известных успехов в разработке отдельных вопросов и в изучении объективных закономерностей процесса исторического развития нашей Родины в рассматриваемый период. Более подробное изучение социально-экономического развития позволило уточнить периодизацию истории России в XVIII в. В настоящем томе переломными моментами признаются 50-е годы и Крестьянская война 1773—1775 гг.; изложение доведено до начала 90-х годов XVIII в.





ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

1

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И НАСЕЛЕНИЕ

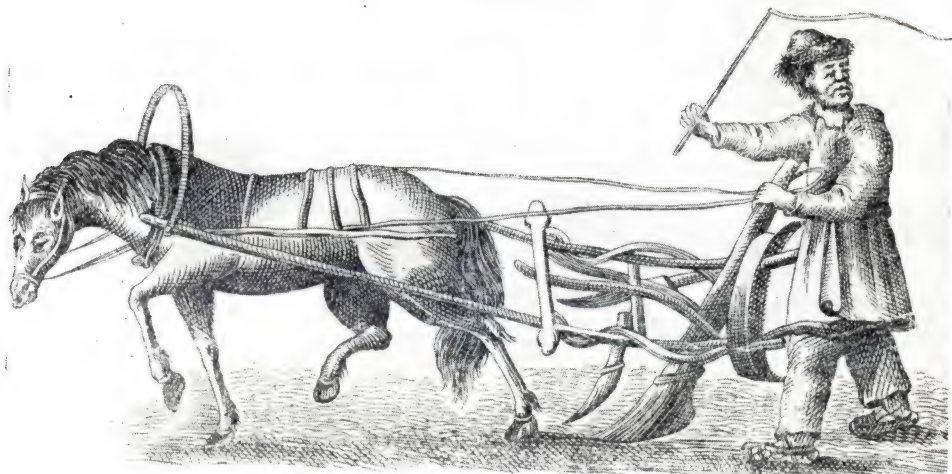
Сельское хозяйство, основное занятие большей части населения страны, развивалось в условиях феодально-крепостнического строя. Господствовала феодальная собственность на землю в форме дворянского землевладения; монастырское землевладение сохранялось лишь до секуляризации (в 60-х годах XVIII в.); на большей части остальных земель крестьяне были в зависимости от государства (черносошные крестьяне).

Немногим более половины сельского населения страны составляли помещичьи крепостные крестьяне, особенно многочисленные в центральных, экономически развитых губерниях и в районах с плодородными почвами. Крепостные отношения не получили развития в районах с суровым климатом, плохими почвами, в необжитых и малонаселенных местах — на севере страны, в северо-восточных уездах Вологодской губернии, на левобережье Волги, в Сибири и т. д. Слабое развитие крепостных отношений в некоторых районах определялось предшествующей историей и условиями заселения этих районов.

Феодальная собственность на землю и крепостная зависимость тормозили развитие сельского хозяйства. Это сказывалось в низкой технике, слабой распахке земель окраин, частых неурожаях и голодовках, постигавших и наиболее заселенные районы. На территории России преобладало трехпольное хозяйство, но на юге и на востоке страны, так же как и на севере, были распространены еще перелог и залежная система.

Значительное влияние на состояние сельского хозяйства имели почвенные и климатические условия. Ко второй половине XVIII в. наметились отличия в характере экономического развития отдельных районов, поэтому рассмотрение сельского хозяйства следует вести в порайонном разрезе ¹.

¹ Изложение ведется по районам XVIII в., намеченным в статье П. Г. Любиморова и Б. Д. Грекова «Крепостная Россия» (Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. III).



Пахота. Гравюра из «Трудов Вольного экономического общества» 1766 г.

Центрально-промышленный район условно может быть определен следующим образом: его западная и северная границы шли по линии, идущей от Брянска к Калуге и далее к северу, охватывая Тверь, Ярославль, Кострому, Галич; южная граница может быть проведена от Брянска южнее Тулы на Касимов, к Нижнему-Новгороду. На этом пространстве позднее разместились почти полностью девять губерний — Калужская, Московская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Костромская, часть Нижегородской, Тульская, Рязанская.

Почвы Центрально-промышленного района по большей части мало-плодородны, чернозем встречается редко. Ко второй половине XVIII в. на территории этого района сохранилось значительное количество лесов. Так, в Московской губернии (в конце XVIII в.) леса занимали 47% всей площади; особенно богаты лесами были Дмитровский, Клинский и Коломенский уезды. В Калужской губернии, по данным 1785 г., леса занимали 51,2% всей площади. В заволжских уездах Нижегородской губернии леса покрывали большую часть земли, а Семеновский уезд на $\frac{3}{4}$ был занят лесами. Значительные лесные массивы были и в правобережных уездах Нижегородской губернии — Ардатовском, Лукояновском. Богата лесами была Костромская губерния, в стдельных уездах которой леса занимали от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ территории и более.

Большие леса сохранились и во Владимирской губернии, где они занимали около $\frac{3}{4}$ всей площади.

По данным третьей ревизии (1762—1766 гг.), в Центрально-промышленном, наиболее заселенном, районе проживало около 2750 тыс. душ м. п. В Московской и Нижегородской губерниях пахотные земли составляли 38% всей территории; в Калужской губернии под пашней было 41,7%

территории, но во Владимирской губернии пашня занимала всего около $\frac{1}{5}$ части всей территории.

Одним из условий, ограничивавших развитие сельского хозяйства Центрально-промышленного района, была низкая обеспеченность крестьян землей вообще и пахотной в особенности.

Почти $\frac{3}{4}$ населения Центрально-промышленного района являлось крепостными крестьянами. Преобладала оброчная система эксплуатации помещичьих крепостных крестьян. Однако в этом отношении Центрально-промышленный район не был однороден. Тогда как в Костромской, Нижегородской, Ярославской и Калужской губерниях преобладал оброк, в Тверской губернии, по данным В. И. Семевского, оброчных крестьян было несколько меньше половины. Барщина господствовала в двух южных губерниях Центрально-промышленного района — Тульской (8% на оброке) и Рязанской (19% на оброке) ¹.

Крупные владельцы применяли оброчную систему значительно чаще мелких и средних помещиков. Сохранению барщинной системы способствовало развитие мелкого и среднего земле- и душевладения. Господствовало трехполье, но в отдельных местах тогдашней Московской губернии применяли в некоторой — правда, в небольшой мере — плодосменную систему, что повышало урожайность. Например, в ряде волостей Бронницкого уезда сеяли на полях и на задворках репу, а после того на репищах — овес и лен ². В Дмитровском уезде помещики сеяли репу на паровом, усиленно удобренном поле, а на другой год на нем же яровую пшеницу и ячмень, и в результате собирали большой урожай.

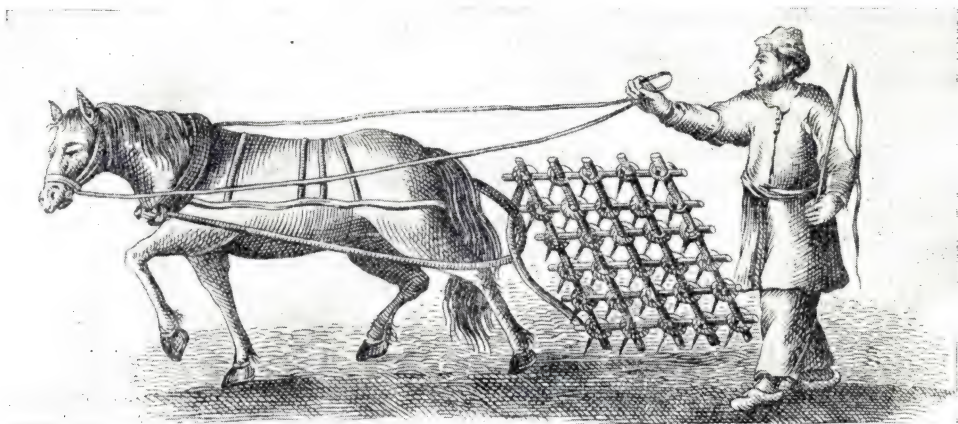
Землю пахали сохами и косулями, а иногда и плугами. В Московской губернии употребляли сохи, в Романовском и Пошехонском уездах Ярославской провинции пахали косулями по одному разу. В Ярославском уезде землю пахали первый раз косулями, второй — сохами; в Ростовском уезде Переяславль-Залесской провинции первую пахоту (оранье) проводили плугами в две лошади, затем пахали сохами.

Навозное удобрение для повышения урожайности применялось, но по преимуществу в помещичьем хозяйстве и в хозяйстве состоятельных крестьян. При господстве трехполья, там, где не были еще сведены большие леса, продолжали отчасти придерживаться подсеки. Подсечное земледелие встречалось даже в давно обжитом и отнюдь не окраинном Кашинском уезде Тверской губернии ³. Подсечная система земледелия практиковалась, в дополнение к трехполью, во Владимирском уезде, а также в Нижегородской губернии (особенно в ее слабо заселенной заволжской части), и в отдаленных районах других губерний Центрально-промышленного

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 492.

² «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами». М., 1787, стр. 172.

³ «Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (далее Труды ВЭО), ч. XXVI, СПб., стр. 22.



Боронованье. Гравюра из «Трудов Вольного экономического общества», 1769 г.

района¹. Вследствие этого урожайность основных сельскохозяйственных культур была невысокая и неустойчивая; только в южных черноземных уездах Центрально-промышленного района и на новине бывали обильные урожаи.

Некоторые культуры, и притом наиболее ценные, почти не имели места в крестьянском хозяйстве, как, например, пшеница: она требовала глубокой вспашки и хорошего удобрения, а это было не под силу крестьянам. Большая разница была и в посевах льна у крестьян и у помещика. В ряде мест Центрально-промышленного района в 70-х и 80-х годах XVIII в. в обиход стал входить картофель как огородная культура. В четырех уездах Тверской губернии его сажали крестьяне, во всех уездах — помещики; посадки его были также в Угличе и в Ярославском уезде.

Скотоводство, как и земледелие, стояло на невысоком уровне. Ежегодно большое количество рогатого скота погибало от разных эпидемических болезней. Скот у крестьян был малопродуктивный и в недостаточном количестве. Это приводило к тому, что у крестьян не хватало удобрения. В помещичьем хозяйстве скотоводство также было слабо развито. На всю Московскую губернию в 60—70-х годах XVIII в. насчитывалось только около 30 конских заводов.

Несмотря на невысокий уровень земледелия, губернии нечерноземной полосы давали около половины сельскохозяйственной продукции. Однако сельское хозяйство этого района не удовлетворяло потребностей населения в продовольствии. Значительная часть населения, при наличии городов и промышленности, жила привозным хлебом. Поэтому для снабжения населения Центрально-промышленного района сельскохозяйственными продуктами большое значение имела торговля с южными и восточными

¹ Труды ВЭО, ч. XII, 1769, стр. 101; И. Лепехин. Дневные записки путешествия ... по разным провинциям Российского государства. 1768—1769 гг. СПб., 1771, стр. 61—63 и др.

черноземными районами. Центрами транзитной торговли хлебом, скотом и т. д. служили Гжатская пристань в Можайском уезде и г. Коломна в Московской провинции. Через Гжатскую пристань шли в Петербург баржи с разными припасами и с хлебом, с той же пристани отправляли в Петербург лен, пеньку, масло, воск, щетину, сырые говяжьи кожи. Те же товары отправлялись с Бельской пристани в Ригу. Пенька шла в большом количестве в конце XVIII в. из Калужского наместничества, в котором в больших размерах сеялась конопля. Здесь повсюду торговали пенькой и конопляным маслом.

Гуртовщики гнали через Коломну гурты скота (до 300 в год, по 100—120 волов в каждом гурте) из Украины и других районов в Москву и Петербург. К Калуге приплывали струги из Орла и Мценска с хлебом и сплавлялись по Оке в Москву. Оживленная торговля хлебом шла во всех уездах и городах, расположенных на Волге.

При небольших земельных наделах, низкой урожайности и рутинности техники сельское хозяйство не могло обеспечить крестьян. Следствием этого явилось сильное развитие промыслов и отход крестьян на неземледельческие работы.

В конце XVIII в. около $\frac{1}{3}$ взрослого мужского населения уходило на неземледельческие заработки, обеспечивая себе существование и выполнение крепостных повинностей.

Земледелие в Центрально-промышленном районе во второй половине XVIII в. носило товарный характер. Сельское хозяйство в конце 60-х годов в одной из самых больших губерний Центрально-промышленного района — Московской (состоявшей из 11 провинций с 57 уездами) — освещают данные анкет Академии наук и Сухопутного кадетского корпуса¹.

В северо-восточной части тогдашней обширной Московской губернии, в Костромской провинции, в 60-х годах вводились в запашку новые земли, причем расчищались леса; землю распахивали и помещики, и крестьяне. «Все продукты сельского хозяйства — хлеб, скот, овощи в той или иной степени являются предметами торговли, и вообще костромское сельское хозяйство в заметной мере втянуто в товарные, рыночные отношения и сельский обыватель — крестьянин играет в них не последнюю роль»². Расчистка лесов и кустарников под пашню происходила и в других губерниях Центрально-промышленного района.

О товарности сельского хозяйства Центрально-промышленного района, в частности крестьянского хозяйства, свидетельствуют также перечни товаров, привозившихся крестьянами на городские и сельские ярмарки и

¹ Анкеты были обработаны Л. И. Бакмейстером, инспектором гимназии Академии наук. Работа Бакмейстера была закончена в 1769 г. и отпечатана в 1771 г. под заглавием «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», т. I, ч. I—IV.

² Э. А. Нерсесова. Хозяйственное состояние Костромской, Переяславль-Залесской и Юрьев-Польской провинций Московской губ. по хозяйственным анкетам 60-х годов XVIII в. Диссертация (рукопись).

еженедельные торги. Среди этих товаров значатся хлеб, рогатый скот, лошади, сало, масло, кожи, мясо, лен и т. д. Продукция сельского хозяйства скупалась не только на городских и сельских ярмарках и торгах; например, в Переяславль-Залесской провинции «разного звания» местные и приезжие скупщики разъезжали по деревням, закупаая хлеб на месте. Эта продукция сбывалась купечеством в Москву и Петербург и входила в состав товаров, шедших за границу.

Житницей страны была черноземная полоса. Центрально-черноземный район (вместе с Украиной) тянулся от среднего течения Днепра к средней Волге. Примыкая к Центрально-промышленному району, он с востока и северо-востока от него захватывал нижнее течение Камы и бассейн р. Вятки.

При большом разнообразии почв здесь преобладал чернозем. Земля давала высокие урожаи как озимых, так и яровых хлебов. В Харьковском наместничестве, даже при посредственном урожае, рожь давала сам-7, пшеница сам-5, яровые: ячмень сам-7, пшеница сам-5, овес сам-9 и т. д. Большим плодородием отличались земли Курского наместничества. В Фатежском уезде рожь родилась сам-9, овес сам-8, ячмень сам-6, пшеница, просо и гречиха сам-5 и т. д.; примерно такой же была урожайность в Рыльском, Щигровском и некоторых других уездах. Урожаи в степных уездах Черниговского наместничества равнялись сам-8, сам-10, сам-12, в лесных районах они были несколько ниже: сам-5, сам-6, сам-10. Урожаи могли бы быть лучше, но сказывались примитивная агротехника и тяжелые условия, в которые был поставлен закрепощенный, почти всегда барщинный крестьянин.

В Центрально-черноземном районе преобладало трехполье. В некоторых местах имелась возможность вводить в сельскохозяйственный оборот новые земли, дававшие более высокие урожаи.

Для пахоты, кроме сохи, применяли и большие плуги, что было возможно преимущественно в помещичьем хозяйстве. В Харьковском наместничестве, по свидетельству современника, в 80-х годах XVIII в. землю вспахивали большими плугами, в которые впрягали по 4, 6 и 8 волов, так как пашни сильно зарастали сорняками. Для развития сельского хозяйства Центрально-черноземного района характерно начало посевов новых культур и специализация некоторых районов по разведению технических культур. В Роменском уезде Черниговского наместничества табак разных сортов разводился в таких количествах, что его можно было «табачным уездом назвать»¹. В 80-х годах в огородах Воронежского и Тамбовского и в некоторых уездах Черниговского наместничеств встречался картофель. Восточная часть черноземно-земледельческой полосы была районом главным образом «серых хлебов» — ржи и овса. Везде земля давала хорошие урожаи.

¹ А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 549—577.

Непрерывно растущий спрос на хлеб и рост хлебных цен имели следствием более полную обработку земель, пригодных для пахоты, и усиленный захват земель этого района помещиками.

Ожесточенная борьба за землю отмечена в отношении обширной Воронежской губернии; так, о Рязком уезде Тамбовской провинции, входившей в эту губернию, в сенатской анкете сообщалось: «Земель пустых не оказывается, но многие как малопоместные дворяне, так и однодворцы приносят жалобу, что оных к хлебопашеству земель и недовольно, за что бывают с кровопролитием великие драки»¹. И дальше рисовалась такая картина: «Благородное дворянство между собою с своими людьми, и крестьяне, и однодворцы, и экономические, ямщики, посадские, церковный причет чинят с кровопролитием ссоры, драки паче на землях пахотных, на сенокосах, в лесах и в протчих разных случаях, и притом всяк своею называет, и сильные у бедных во владение отбирают...»². Факты напряженной борьбы за землю и роста хлебопашества в 60-х годах XVIII в. имели место и в Белгородской и Слободско-Украинской губерниях.

Рост спроса на хлеб побуждал помещиков Центрально-земледельческого района расширять господское хозяйство, развивать вотчинное предпринимательство (винокурение, конские заводы и т. п.), расширять барщинную систему, что разоряло крестьян. Только сопротивление крестьян заставляло помещиков несколько ослаблять свой нажим. Усиленная распахивка земли отмечается документами в Ливенском, Данковском, Ефремовском и других уездах. При этом в Ливенском уезде пашни было так много, что сами жители не были в состоянии убрать весь хлеб, и потому нанимали за большую плату людей, приходивших из других губерний и городов.

Вместе с развитием сельского хозяйства росла переработка сельскохозяйственного сырья. Перемолом зерна были заняты водяные и ветряные мельницы, которые сотнями насчитывались в каждом уезде Воронежской губернии.

В большом количестве хлеб перерабатывался в вино на многочисленных винокуренных заводах. В подгородных слободах Острогожска действовало 38 винокуренных заводов. Они были очень мелкими, давали от 700 до 11 тыс. ведер вина в год; на всех заводах в течение года выкуривалось около 160 тыс. ведер вина, которое шло на местный рынок³. В Черниговском наместничестве было 150 винокуренных заводов, 1511 водяных и 2759 ветряных мельниц. В Курском наместничестве было 87 винокуренных заводов, 1571 водяная мельница и 77 ветряных⁴.

¹ Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. XXXV. Л., 1929, стр. 56.

² Там же, стр. 57.

³ ЦГАДА, Межевой архив, Экономические примечания к генеральному межеванию. Воронежская губерния, Острогожский уезд, д. 128. «Ведомость, сколько в подгородных слободах города Острогожска состоит винокурен...».

⁴ С. Ларионов. Описание Курского наместничества. М., 1786.



Крестьянин со жбаном. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.

Государственный Исторический музей.

Сельское хозяйство Центрально-черноземного района в значительной степени также носило товарный характер. Скупщики в больших количествах направляли хлеб на север — в Москву, Петербург, прибалтийские порты и на юг — к Азову, в Крым. Гурты скота, а также соленое мясо и сало большими партиями отправляли в обе столицы; на местные рынки поступали продукты животноводства — шерсть, кожи и т. д. Возникали центры разведения лошадей, рогатого скота и особенно овец в Изюмском уезде. Сагайдачный тракт, по которому скот из южных районов перегонялся на север, шел через Курское, Тульское и Рязанское наместничества и имел то преимущество, что на протяжении тысячи верст на нем не было ни одной большой водной переправы.

В сельском хозяйстве черноземного района нередко применялся вольнонаемный труд. Так, в конце 60-х годов XVIII в. много сельскохозяйственных сезонных рабочих из подмосковных уездов приходило в Елецкий уезд. В Воронежской губернии наемный труд применялся во всех отраслях производства, в торговле, в транспорте (водном и сухопутном), в сельском хозяйстве.

В юго-восточной части Центрально-черноземного района урожайность была более высокой, чем в других его частях. Так, в Пензенском наместничестве наиболее высокие урожаи составляли: рожь сам-5, овес сам-6, озимая пшеница сам-5, ячмень сам-10, греча сам-10, просо сам-20 и т. д.¹

К 80-м годам XVIII в. плодородные черноземные земли Пензенского наместничества были в значительной части распаханы. Пахотные земли составляли здесь около 40% всей территории.

Обилие речных путей сообщения, особенно близость к Волге, все более растущий спрос на хлеб в центральных районах страны способствовали развитию зернового хозяйства Средне-Волжского района и, в частности, помещичьего предпринимательства. Первые попытки помещиков в этом направлении относятся к середине 60-х годов XVIII в.; существенные результаты были достигнуты в конце 70-х — начале 80-х годов. Крупнейшие помещики этого района — Куракин, Воронцов, Столыпин, Огарев и др. — расширяли зерновое хозяйство, строили винокуренные заводы, развивали животноводство, вводя при этом новшества: для пахоты применялись плуги, высевались новые и более разнообразные сорта семян, сельскохозяйственные работы проводились в возможно короткие сроки.

Развитие зернового хозяйства было основой винокурения и им стимулировалось. Центром винокурения в Пензенском наместничестве был Городищенский уезд, где в течение года выкуривалось около 2,8 млн. ведер вина².

¹ ГИМ ОПИ, ф. Куракиных, № 1259, ст. «Топографическое описание Пензенского наместничества».

² ЦГАДА, Межевой архив, Экономические примечания к генеральному межеванию. Пензенское наместничество, Городищенский уезд, д. № 10, дача № 39. Крупнейший винокуренный завод в этом уезде принадлежал А. А. Столыпину: в год выкуривалось 60 тыс. ведер вина.

Северо-западный торгово-промысловый район включал Выборгскую и Петербургскую губернии, Эстляндию, Лифляндию, Псковскую и Новгородскую губернии. Пространства, пригодные для земледелия, были расположены главным образом в южной части района. Коренное население составляли русские в Новгородской и Псковской губерниях, карелы в Олонецком крае, эстонцы и латыши в Прибалтике.

Оседавшее в Петербургской губернии русское дворянство устраивало здесь богатые «увеселительные» усадьбы. Владельцы их переселяли сюда крестьян из вотчин центральных уездов.

В южных частях района прочно утвердилось трехполье, в северной части еще практиковалась подсечная система; в Олонецком крае широко практиковалась лядиная система¹, и участки пашни часто менялись. В Петербургской губернии и в Лифляндии унавоживали поля, но нередко запускали участки до того, что они зарастали кустарником, который вырубали и жгли. Повсеместно были распространены культуры ржи, овса и ячменя, в отдельных местах зажиточные крестьяне сеяли яровую пшеницу.

В Псковской губернии и в Лифляндии издавна широко практиковались посевы льна («псковский долгунец», «мариенбургский лен»). Урожай хлебов на редко удобряемой почве был незначительным, обычно сам-2, сам-3, сам-4. Собственного хлеба жителям не хватало, особенно в частые здесь неурожайные годы.

Вместе с тем в хозяйство Северо-западного района уже проникали некоторые новшества. Новгородский губернатор Яков Сиверс писал, что в 1765 г. в Новгород было прислано 4 четверика картофеля, они дали прекрасный урожай: из 2 четвериков получили 172 четверика². Семена были посланы почти во все города губернии и многим дворянам и городским жителям. По словам Сиверса, посадка картофеля в огородах и в поле под соху дала везде очень хорошие результаты. В 80-х годах картофель сажали в огородах в Шлиссельбурге, Нарве, Луге и Ладого, а также в Прибалтике.

Земледелие в этом районе не могло обеспечить крестьянство, и потому большое распространение получили промыслы. А. Н. Радищев писал о сельском хозяйстве в Петербургской губернии: «Земледелие, а паче огородное, рыбные ловли в летние времена, извоз зимою — суть промысел ближайших к Петербургу селений, и для того оные гораздо зажиточнее отдаленных». «Если худая почва и малый урожай побуждает поселянина С.-Петербургской губернии к промыслам, то близкое положение многих селений подле столичного города, доставляя в оном надежное им пропитание, от земледелия совсем их отвлекает»³.

Все современники, наблюдавшие положение сельского хозяйства в Северо-западном районе, говорят о чрезвычайной бедности основной массы

¹ Ляды — участки, очищенные от леса или кустарника.

² Труды ВЭО, ч. V, СПб., 1767, стр. 197—200.

³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, стр. 100, 132.

крестьян. Анонимный автор статьи «О поправлении деревень», опытный владелец имения в Прибалтийском крае, довольно откровенно писал о своем имении: «Нашел я во всей деревне, состоящей из 31 семьи, только четырех крестьян, довольное пропитание имеющих, все прочие находились в самом бедственном состоянии»¹.

Много схожего с Северо-западным районом было в районе, охватывающем Смоленскую губернию и часть Белоруссии, вошедшей в состав России после 1772 г. Смоленская губерния была районом старинного и, в значительной ее части, мелкого и среднего помещичьего землевладения. В середине XVIII в. почти $\frac{1}{3}$ всего сельского населения находилась в крепостной неволе.

В 80-х годах XVIII в. очень большую роль в экономической жизни Смоленского наместничества играла переработка с.-х. сырья. В наместничестве было 1308 мучных мельниц, 568 винокуренных заводов, 12 сукновален и суконных фабрик, 8 парусных фабрик, 3 — полотняных.

При численном преобладании мелких помещиков, в Могилевской губернии господствовало крупное магнатское земле- и душевладение². Сельское хозяйство Белоруссии было весьма экстенсивно. В Кричевском старостве землю обрабатывали сохами, сделанными из клена, березы или липы, с железными сошниками; бороны сплетались из вязовины, черемухи или лозы, их пробивали дубовыми или кленовыми клиньями³. Трехпольная система в Могилевской губернии сочеталась с подсечной, с посевами на ляхах.

Главными сельскохозяйственными культурами являлись рожь и овес. У зажиточных крестьян были развиты приусадебные посевы конопли и посадка овощей, изредка сажали новую тогда культуру — картофель. Продуктивность сельского хозяйства была низкой — обычно урожай были сам-2, сам-3. Однако местами имелся избыточный хлеб, шедший на винокурение, развитое особенно в Могилевской губернии.

Посев технических культур также был рассчитан на сбыт, в том числе конопля шла на заграничный рынок. Чтобы устранить конкуренцию со стороны крестьян и купцов в продаже пеньки и льна, помещики нередко запрещали крестьянам продавать пеньку и лен купцам, а брали для себя «низкою ценою» или же входили в сделку с определенными скупщиками, которым поручали развезжать для скупки разных товаров по своим деревням.

Плодородные в значительной части земли обширного района Среднего и Нижнего Поволжья, Придонья и Северного Кавказа в слабой

¹ Труды ВЭО, ч. XVII, СПб., 1771, стр. 112.

² Е. П. Закалинская. Вотчинное хозяйство Могилевской губернии конца XVIII — начала XIX в. Диссертация (рукопись). Г. А. Потемкин в трех уездах Могилевской губернии имел 66 027 душ о. п. и 371 069 дес. земли; П. А. Румянцев-Задунайский в Белицком уезде — 22 716 душ о. п. и 187 724 дес. земли; К. С. Любомирский в Бабиновичском и Оршанском уездах Могилевской губернии — 49 406 душ о. п. и 237 769 дес. земли и т. д.

³ Там же, стр. 25.

степени подвергались разработке. Скованное крепостническими порядками население центральных районов не могло в XVIII в. свободно переселяться на пустующие пространства в такой мере, в какой это происходило в пореформенное время. Отдельными островками, нередко самочинно, селились здесь в XVIII в. старообрядцы, беглые крестьяне и разных категорий мелкие служилые люди. Земледелием занимались и переселенцы из Украины, колонисты-иностранцы, многие горожане и принудительно переселенные своими владельцами русские крестьяне. Помещики и колонизаторы продвинулись уже на восток, в Оренбургский край, захватывая плодородные башкирские земли. В завожской части Саратовского наместничества земли под пашни обрабатывались в очень малой степени, и занятие скотоводством преобладало над хлебопашеством.

Благоприятные для земледелия пространства Северного Кавказа разрабатывались лишь в незначительной степени. Местные жители были по традиции связаны со скотоводством. Лишь на северо-западе, на Кубани, хлебопашество заняло ведущее место.

Крайний юг Европейской России, примыкающий к Азовскому и Черному морям, на протяжении от устья Дона до нижнего течения Днепра и Южного Буга, представлял собою в конце XVIII в. совершенно особый сельскохозяйственный район. Его территория вошла в состав России только в XVIII в. по нескольким мирным договорам (1739, 1774 и 1791 гг.). В 90-х годах здесь было образовано Екатеринославское наместничество¹. В нем насчитывалось 16 млн. десятин удобной и неудобной земли, но по данным 13 обмежеванных уездов (в которых было 13 173 000 десятин) под пашней было 68% всей площади, под сенокосом около 20% всей площади, под лесом только 1,5%. Здесь «впусте лежащих» земель, «назначенных в отвод под казенные и помещичьи селения», было 2,5 млн. десятин. Намеченные для раздачи участки насчитывали по 12 и более тысяч десятин. В четырех уездах «новоприобретенной Очаковской области» были намечены для раздачи 372 «дачи». Это был «край будущего», который в большей его части еще предстояло освоить. В описанных двух уездах — Новороссийском и Александрийском — уже показаны конские и овчарные заводы.

Особенностью Екатеринославского наместничества было наличие здесь, кроме государственного и дворянского землевладения, также купеческого землевладения. В Новомосковском, Донецком, Елизаветградском и Новомиргородском уездах описание наместничества указывает несколько владений купцов, с мельницами, усадьбами и садами. Одно из них насчитывало почти 300 десятин пашни и покоса. Вероятно, правительство в целях колонизации и освоения края смотрело сквозь пальцы на нарушение и обход законов, сохранявших монопольное право на владение землей и людьми за дворянством.

¹ Описание к атласу Екатеринославского наместничества, ч. I и II, 1793; ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 18727, 18728.

В обмежеванной части наместничества на 1 человека приходилось в среднем 15,5 десятины земли. Наличие незанятых земель на всем юго-востоке страны позволяло придерживаться самых примитивных способов обработки земли. Сельскохозяйственное предпринимательство шло почти исключительно по линии освоения новых пространств, на которые переходили после истощения разрабатываемых раньше почв, эксплуатировавшихся, как правило, без привлечения удобрений. Таким образом, на юго-востоке земледелие носило экстенсивный характер.

Северный район Европейской части России имеет своей южной границей приблизительно линию от южного берега Ладожского озера по р. Монологу и дальше через Соль-Галицкую к верховьям Ветлуги, Вятки и Камы. Коренное население — ненцы, коми и другие народности — занимало север и северо-восток края. Оседлое русское население сосредоточивалось главным образом в бассейне Северной Двины и Онеги. Основную массу сельского населения составляли государственные или черносошные крестьяне. Только в Вологодской провинции, именно в ее юго-западном углу, к середине XVIII в. образовалось дворянское землевладение. В разных местах района были расположены монастыри с их обширными вотчинами, сохранявшимися до секуляризации в 60-х годах XVIII в.

Одним из основных источников для характеристики сельского хозяйства севера России служат крестьянские наказы в Законодательную комиссию 1767 г. В них земледелие рисуется одним из главных занятий жителей, но отмечается, что вследствие климатических и почвенных условий «в достаток хлеб никогда не приходит». Крестьяне сеяли рожь, овес, ячмень, горох в южных частях района. Интересные сведения о населении и хозяйстве России содержатся в «Путешествии» П. И. Челищева¹.

В самых северных частях Архангелогородской губернии, в Мезени, в Коле, в Двинском уезде, по данным анкет 1760 г., в посеве были только 2 культуры: рожь и ячмень. В более южных районах — в Великом Устюге, в Яренске, кроме этих культур в посеве был овес. В Яренске местами сеялась также пшеница. В Вологодской и Вятской провинциях количество культур было большее. Так, в Тотьме, кроме ржи и овса, изредка сеяли пшеницу, ячмень и горох. В конце XVIII в. источники отмечают большее разнообразие сельскохозяйственных культур — зерновых и огородных.

В земледелии преобладало трехполье с унавоживанием, но практиковались также подсечная и залежная системы. Для обработки почвы на Севере пользовались крайне примитивными орудиями; применялись сохи с выразительными названиями: соха коловая, соха-цапулька, соха-черкуша². Обычно урожай составлял сам-3, а то сам-2, даже сам-полтора. Часты были неурожаи. Своего хлеба никогда не хватало: его доставляли

¹ В. Боголюбов. Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам в екатерининскую Законодательную комиссию 1767 г. Казань, 1913, стр. 4; П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 году. СПб., 1886, и СПб., 1889.

² П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. «Исторические записки», кн. 15, стр. 110.

из Казанской и Вятской губерний. Но в ряде мест по берегам Сухоны рожь, ячмень и овес давали иногда отличные урожаи¹.

Население жаловалось на недостаток кормов для скота, так как в крае было мало заливных лугов. Покосы часто отстояли от жилья на 15 и даже 200 км. Деревня на Севере — это два-три двора, окруженных распаханной землей и расчищенными покосами. Количество скота у населения было незначительно — «у многих за скудостью, — писали авторы наказов, — и скота не имеется»². В то же время надо отметить распространение на севере страны одной из лучших пород скота — холмогорской, развивавшейся в благоприятных условиях заливных лугов в дельте Северной Двины³. Недостаток естественного корма для скота положил начало травосеянию на Севере. В Великоустюжской области на берегах рек Сухоны и Вели начались посевы тимофеевки на подсеках. Тимофеевку стали сеять в этой местности гораздо раньше, чем в Западной Европе⁴.

Крестьяне владели как своими «природными» (т. е. наследственными) землями, так и покупными. Продажа, покупка, заклад земли, передача ее по завещанию практиковались очень широко. Бывали случаи, когда количество земли у одного домохозяина было больше, чем у другого, в 10—15 раз⁵. Путем залога крестьянские земли захватывались и хищнически эксплуатировались духовенством, купцами. Все это свидетельствовало о появлении элементов новых, капиталистических отношений. Преобладающей формой землевладения была личная собственность на землю, но были и общинные земли.

Несколько особые условия для сельского хозяйства сложились в Вологодской провинции⁶. Достаточное количество овса и сена обеспечивало хорошим кормом лошадей и рогатый скот. Излишки молока и масла, а также мясо, шерсть и щетину продавали. Помещики начинали сажать в огородах картофель, крестьяне сажали капусту, лук, чеснок, редьку, морковь; репу сеяли в поле. По мнению современного автора, достаточных крестьян была одна треть, а две трети были «посредственные» и неимущие. Большую роль в хозяйственной жизни крестьян играли различные отхожие промыслы. На Крайнем Севере, в тундре, кочевники-ненцы занимались оленеводством. Среди них уже существовало значительное экономическое неравенство. Стада некоторых оленеводов насчитывали сотни и тысячи голов. Кроме того, ненцы занимались охотой и рыболовством.

Сибирь во второй половине XVIII в. являлась районом экстенсивного сельского хозяйства. Она была слабо заселена, много земли «лежало

¹ П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 году, стр. 199.

² В. Боголюбов. Экономический быт крестьян Северного края..., стр. 13.

³ А. А. Витюгов. Холмогорский скот. Архангельск, 1928, стр. 8.

⁴ В. Г. Бажаяев. Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России. М., 1900, стр. 36—37.

⁵ А. Ефименко. Исследования народной жизни. М. 1884, стр. 185, сл.

⁶ А. Засецкий. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде. Труды ВЭО, ч. XXIII, 1773, стр. 222—280.

впусте». Ненцы, татары, ханты, мансы, коряки, буряты, эвенки, чукчи и другие народности Сибири переживали различные стадии родового строя и перехода к феодальному. Русское население составляло меньшинство. Оно сосредоточивалось главным образом на юге Западной Сибири (южнее 60-й параллели); на востоке редкие селения располагались вдоль торгового тракта и по рекам к северу. Территория Западной Сибири делилась на Тобольскую и Томскую губернии; в 80-х годах XVIII в. из них было образовано Тобольское наместничество. Его площадь, по данным, собранным А. Н. Радищевым в начале 90-х годов, равнялась 5 млн. кв. верст¹. Все население Западной Сибири, русское и коренное (без жителей городов), к концу века насчитывало 612,2 тыс. чел.² и при этом с 1710 г. к концу XVIII в. дало прирост — главным образом на южных окраинах — в 365 тыс. чел. Восточная Сибирь, или Иркутское наместничество, при громадной протяженности с запада на восток (от Тобольской границы до Петропавловской гавани по прямой линии 3610 верст, по тракту 9760 верст³), имело очень редкое население: в нем считалось только 362 987 чел. Крестьяне Сибири (Западной и Восточной) принадлежали преимущественно к категории государственных крестьян.

Сибирь так велика, что нельзя говорить о ее сельском хозяйстве, как о чем-то едином. На юге Сибири одним из основных занятий населения было земледелие; в северных ее частях — рыболовство, скотоводство, охота. Это зависело от почвенных и климатических условий, так же надо различать сельское хозяйство Западной и Восточной Сибири.

В южной части Тобольского наместничества был чернозем; расположенная здесь Барабинская степь «за весьма плодоносную страну почитается». В Тюменском, Тобольском, Тарском, Ишимском, Ялуторовском и «в прочих порубежных уездах земледелие наилучшее», им занимались главным образом татары⁴. «Страна сия, — писал А. Н. Радищев о Тобольском наместничестве, — могла изобиловать всяким хлебом не менее прикосновенных земель на Украине. Почва всего сего края есть наилучшая. В редких местах нужду имеют в удобрянии земли и навозу не знают»⁵.

Однако в 1767 г. в огромной Тобольской губернии, включая места, причисленные впоследствии к Пермскому и Колыванскому наместничествам, было засеяно озимым хлебом всего около 75,5 тыс. дес., яровым — около 60 тыс. дес. Урожай на «новинах» давал сам-4 — сам-3, с многолетних пашен собирали только сам-3 — сам-4. Прекрасные тучные луга лежали по Иртышу, Ишиму и Томи.

¹ А. Н. Радищев. Описание Тобольского наместничества. Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., 1952, стр. 133—142.

² Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. М., 1949, стр. 110.

³ «Топографическое описание Иркутского наместничества». «Древняя Российская вивлиофика», ч. XVIII. Изд. 2, М., 1791, стр. 254.

⁴ «Краткое описание Тобольского наместничества». «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. VI. СПб., 1790, стр. 161, 185.

⁵ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, стр. 134.

А. Н. Радищев писал о Тобольском наместничестве, что земледелец «по двух или трех жатвах оставляет свое поле и разрабатывает другое, в некотором от прежнего расстоянии»¹. По словам академика И. Ф. Фалька, в Тюменском округе обычно хватало своего хлеба, и жители даже снабжали им Туринский округ². В Томском уезде хлеба сеяли свыше собственных потребностей населения и отпускали его на Кольванские заводы, на нижнюю Обь, Нарым, Сургут и т. д. Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды уже в конце XVII в. стали центром сибирского земледелия. Земледельческая полоса, охватывавшая названные уезды, «превратилась в первый очаг товарного земледелия в Сибири, производящий хлеб на продажу»³.

Иную картину представляло хозяйство северных частей Тобольского наместничества. В Туруханском и Березовском уездах много «песчаных равнин, трясин, а ближе к морю и больших болот, однако для земледелия хорошей земли везде довольно», но «большой частью земля не обработана»⁴ и «земледелие плохо», хороший урожай бывает раз в три года. Скотоводство носило экстенсивный характер. Скот содержали плохо. Рогатый скот держали только для удовлетворения домашних нужд, но лошадей разводили много, особенно татары. Был сильно развит извозный промысел.

Восточная Сибирь имела менее развитое, чем в Западной, сельское хозяйство. Плотность населения была совсем незначительной, неосвоенных земель имелось много. В Иркутском и Нерчинском округах урожай бывал выше среднего по Сибири и обеспечивал местные нужды; хлеб ввозили только на «чрезвычайную издержку на вино и на снабжение новопоселенных иноверцев, на степях кочующих»⁵. Скотоводство, как и в Западной Сибири, носило экстенсивный характер. В Нижне-Удинском уезде население, кроме хлебопашества, занималось охотой. В северных районах Восточной Сибири население занималось главным образом охотой, рыболовством и оленеводством.

В обширном районе от земельных просторов Казахстана до степей Нижнего Поволжья господствующей отраслью сельского хозяйства было экстенсивное скотоводство. Скот у кочевников казахов круглый год находился на подножном корму. Разводили преимущественно лошадей и овец. Земледелие не было развито: лишь в районе Сыр-Дарьи применялось поливное земледелие. Там сеяли просо, просянку, пшеницу, ячмень. Кроме посева хлебных злаков, казахи занимались устройством бахчей, где разводили арбузы, дыни, тыквы. Урожай, при исправной ороситель-

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, стр. 134.

² «Записки путешествия акад. Фалька». «Полное собрание ученых путешествий по России...», т. VI. СПб., 1824, стр. 345.

³ Р. М. Кабо. Указ. соч., стр. 131.

⁴ «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. VI, стр. 161.

⁵ «Древняя Российская вивлиофика», ч. XVIII, М., 1791, стр. 272.

ной системе, давали по пшенице сам-12—15, по просу сам-60 и более. Земля вспахивалась примитивной сохой, которая давала борозду до 2 вершков глубины. Борону заменял сучковатый пень или кусок дерева, который волочили по полю. Но существовала уже трехпольная система хозяйства ¹.

Во второй половине XVIII в. русские помещики проявляли все больший интерес к сельскому хозяйству, его более рациональной постановке и доходности. Но при этом они, за исключением очень немногих, не считали порочной крепостническую основу этого хозяйства. Некоторые помещики инструктировали вотчинную администрацию по вопросам управления и рационального ведения сельского хозяйства, составляли инструкции, или наказы, управителям. Особенно много было их составлено во второй половине XVIII в. ².

В ответ на призыв возникшего в 1765 г. Вольного экономического общества составить типовой наказ для управителей или приказчиков было прислано несколько проектов. Из них были напечатаны два: ученого агронома второй половины XVIII — начала XIX в. А. Т. Болотова и агронома-практика П. И. Рычкова ³. Это, собственно, теоретические и отчасти практические руководства для ведения правильно поставленного сельского хозяйства. В них имелись указания об организации крестьянских тягол, советы по постановке одоньев, устройству гумен и овинов, об общественных запашках и образовании запасных хлебных магазинов. Болотов в своем наказе уделял много внимания и места вопросам удобрения полей, улучшения лугов и т. д. Многие наказы управителям представляли собою просто инструкции административно-полицейского характера, содержащие подробные указания о том, как надлежит держать крестьян «в узде», выжимая из них все, что только возможно; были распоряжения о порядке сдачи крестьян в рекруты, о заключении между ними браков и пр. ⁴.

Гораздо содержательнее и важнее для истории сельского хозяйства России второй половины XVIII в. такие инструкции, как, например, «Учреждение» графа П. А. Румянцева, заключавшее в себе несколько «наставлений», середины 70-х годов XVIII в. ⁵. Они предусматривали осеннюю вспашку под яровой посев следующего года, нормы посева разных хлебов, соотношение земли и скота в вотчине, содержание скота и

¹ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 73.

² К. В. Сивков. Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 241—248.

³ Труды ВЭО, ч. XVI, 1770, стр. 13—68, 69—230.

⁴ К. Н. Щенегов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 269—285; С. Архангельский. Симбилийская вотчина Вл. Гр. Орлова (1790—1800 гг.). «Нижегородский краеведческий сборник», т. II, стр. 166—192; «Киевские университетские известия», № 7, 1909, Прилож., стр. 222—234; 1910, № 14, Прилож., стр. 253—275; «Ярославские губернские ведомости», 1853, № 41—44.

⁵ «Киевские университетские известия», 1903, № 12. Прилож., стр. 1—32; 1904, № 6, стр. 32—64; № 7, стр. 65—78.

птицы и пр. Очень конкретна по содержанию инструкция М. М. Голицына своему деревенскому приказчику (1767): «О содержании господских пашен», «О содержании рогатого скота», о вывозке навоза и т. п.¹. В 1769 г. напечатаны «Наставление приказчикам, определенным в господских мызах и деревнях около Петербурга, сочиненное надворным советником Федотом Удоловым», и «Наказ управителю или приказчику, как управлять деревнями в отсутствие помещика, сочиненный Г. Вольфом, членом ВЭО»². Инструкции эти свидетельствуют, какое значение придавали помещики организационным вопросам в области сельского хозяйства.

Усиливая всемерно эксплуатацию крестьянского труда, некоторые помещики пытались перестроить традиционную систему ведения хозяйства. Деятельность Вольного экономического общества, содержание всей сельскохозяйственной литературы второй половины XVIII в. наглядно свидетельствуют, в чем именно эта перестройка выражалась. С 1766 г. началось издание «Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства». Вольное экономическое общество было образовано представителями крупной землевладельческой знати при поддержке Екатерины II. Все внимание Общества было направлено на увеличение доходности помещичьего хозяйства, на извлечение наибольшей прибыли от эксплуатации крепостного труда. Однако факт организации Общества и постановления им агрономических и других вопросов свидетельствовал о значительных сдвигах, связанных с процессом разложения феодально-крепостнического строя. Кроме «Трудов» Общества, в последней трети XVIII в. издавалось несколько журналов, посвященных различным вопросам сельского хозяйства, — «Еженедельные известия», «Сельский житель» и др.

Ближайшее руководство сельским хозяйством при Екатерине II было поручено губернаторам. По Учреждению о губерниях 1775 г. были установлены казенные палаты и при каждой определены особые директора экономии «для попечения о государственных, государевых, экономических и дворцовых крестьянах, в хозяйственном и финансовом отношениях»³. Для упорядочения лесного хозяйства в 1769 г. была издана инструкция вальдмейстерам. Принимались меры по развитию виноградарства — установлением субсидий, льгот, ссуд и т. п.⁴. Это свидетельствовало о стремлении приспособить крепостное хозяйство России к развившимся в стране товарно-денежным отношениям.

¹ «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. III. М., 1897, стр. 335—349.

² Труды ВЭО, ч. XI, 1769, стр. 35—58; ч. XII, 1769, стр. 1—66; *К. В. Сивков*. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в. «Материалы по истории земледелия СССР», I, М., 1952, стр. 553—613.

³ *Н. В. Пономарев*. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. СПб., 1888, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 125.

Каковы же были итоги зернового производства в России во второй половине XVIII в.? Этот вопрос интересовал правительство и современников-публицистов. М. М. Щербатов в статье «Записка по крестьянскому вопросу» опубликовал подсчет количества хлеба, которое может дать земледелие в Великороссии и Сибири (в 60-х годах XVIII в.). Предполагая, что год урожайный и что повсюду урожай ржи будет сам-5, Щербатов определял валовой сбор ржи в 480 млн. четвериков. Из общего ярового посева, по его мнению, не более одной трети можно считать под ячменем. При урожае в благоприятный год сам-6, ячмень даст 144 млн. четвериков. Таким образом, общий приход хлеба для питания населения составит 624 млн. четвериков. Остальные виды хлеба, которые не идут на питание людей, Щербатов «в счет» не берет¹. На питание населения (на 18 млн. чел. по 2 четверика в месяц на человека) требуется 432 млн. четвериков в год². На посев 12 млн. дес. озимого и ярового надо оставить 120 млн. четвериков семян. Следовательно, из валового сбора в 624 млн. четвериков останется, так сказать, в резерве 72 млн. Щербатов приходит к заключению, что при таком сборе хлеба, «независимо даже от преувеличения намп расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшенного в исчислении населения», должен наступить голод «в случае хотя бы незначительного недорода»³. При этом он говорит, что доставка хлеба из Украины отсутствует вследствие невыгодности перевозки.

Расчеты Щербатова очень условны и приблизительны, но дают некоторое представление о потребностях населения России того времени в хлебе и об удовлетворении его этим важнейшим продуктом сельского хозяйства.

На основании данных 1802 г., П. И. Лященко приходит к выводу, что к концу XVIII — началу XIX в. нечерноземная полоса давала почти половину всего зернового производства, тогда как к середине XIX в. нечерноземная полоса давала не более $\frac{1}{3}$ всего зернового производства. По 45 губерниям посевная площадь к 1802 г. составляла 38 млн. дес., из них на 21 губернию нечерноземной полосы приходилось 17,9 млн. и на 24 губернии черноземной полосы — 20,1 млн. дес.⁴.

Таким образом, сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. претерпело большие изменения. В Центрально-черноземной полосе и на Украине происходит значительный рост сельскохозяйственной продукции. Земледельческое производство охватывает теперь не только старые, давно освоенные, но и новые территории; «основным земледельческим районом становится черноземный центр и прилегающие к нему районы предстепья

¹ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, 1935, стр. 6.

² Щербатов исчислял население Великороссии и Сибири по данным третьей ревизии в 18 млн., в том числе 7 млн. душ м. п., столько же женщин, 2 млн. дворян, духовенства, военных, купцов, горожан и иностранцев и столько же женщин.

³ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 6.

⁴ П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. «Исторические записки», кн. 15, стр. 119—120.

и юго-восточной степной полосы»¹. Но юг степной полосы (Новороссийская губерния) был еще слабо заселен и мало распахан: здесь главный вид сельскохозяйственного производства — экстенсивное животноводство². В Центрально-промышленном районе наряду с земледелием большую роль в жизни населения играют вземзледельческие промыслы.

На громадной территории России в 50—80-х годах существовали различные системы сельского хозяйства. В нечерноземном центре преобладало трехполье, в центрально-черноземном — оно только стало внедряться, и наряду с ним во многих местах применялись (как и в нечерноземной полосе) подсежная система, залежь и перелог.

Приемы обработки земли и сельскохозяйственные орудия были более примитивны на севере и в степях востока и юго-востока страны, чем в центре. В Поволжье, Заволжье, северо-восточных и южных районах, в связи с их колонизацией, местные тяжелые сельскохозяйственные орудия заменялись более легкой российской сохой и ее разновидностями³.

Сельскохозяйственные культуры были немногочисленны на севере и гораздо более разнообразны и ценны на юге России; ассортимент культур очень ограничен в крестьянском хозяйстве и более богат в хозяйстве помещиков. Крестьянам были почти недоступны посевы пшеницы и конопли, которые требовали более глубокой вспашки и удобрения, чего не могло дать крестьянское хозяйство; крестьяне сеяли менее ценные и менее требовательные к обработке почвы и удобрению «серые» хлеба — рожь, овес, ячмень.

Низкий уровень техники и феодально-крепостнические отношения, господствовавшие повсюду, снижали урожайность сельскохозяйственных культур; урожаи отличались неустойчивостью и большой пестротой. Неурожаи охватывали то всю страну, то отдельные области⁴. Скотоводству причиняли неисчислимый вред постоянные падежи скота.

Помещичье и крестьянское хозяйство носило в значительной степени натуральный характер. Однако рост общественного разделения труда, все более выявлявшаяся специализация отдельных районов страны вызывали обмен между удаленными один от другого сельскохозяйственными районами. Помещичье и крестьянское хозяйство становилось все более товарным⁵.

¹ П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 107.

² М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. Соч., т. I. СПб., 1896, стб. 525 и сл.

³ П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 110—111.

⁴ В 1754 г. неурожаи отмечены в Воронежской губернии и в Елецкой провинции, в 1756 г. — в значительной части Украины, в 1774 г. опять в Воронежской губернии, в 1779 г. — в Херсонской, Киевской и Полтавской, в 1789 г. — в Таврической. Особенно тяжелы для крестьянского населения были общие неурожаи в 1767 и 1786—1787 гг. Громадных размеров неурожай и голод постигли Россию в 1787 г.

⁵ В настоящем параграфе использован материал Э. С. Коган.

Главная причина отсталости сельского хозяйства в России XVIII в., несмотря на отдельные попытки его улучшить и рационализировать, заключалась в крепостном праве. «До капитализма,— писал В. И. Ленин,— земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом — для других, поэтому оно и не могло вестись иначе, как по вековой рутине, необходимо обуславливая полную оторванность земледельца от всего того, что делалось на свете за пределами его деревни»¹.

* * *

Территория России во второй половине XVIII в. значительно расширилась. В 1750 г. ее общая площадь составляла 14 084 259 кв. верст. В 1772 г. по первому разделу Польши в состав Российской империи вошли Верхнее Поднепровье, Подвинье и часть Лифляндии, с территорией в 74 799 кв. верст; в 1774 г.— по Кючук-Кайнарджийскому миру и в 1783 г. присоединены Крым, Северное Причерноморье и Приазовье, что составило 108 559 кв. верст; по Ясскому миру 1791 г. присоединено пространство между Бугом и Днестром — 22 507 кв. верст и в Сибири — 165 тыс. кв. верст. Всего за 1750—1791 гг. было присоединено 370 865 кв. верст. Таким образом, в 1791 г. общая площадь России исчислялась в 14 455 124 кв. версты². Часть присоединенных земель (на западе) принадлежала к разряду давно обжитых, плотно заселенных частей страны; другие земли, наоборот, стали энергично заселяться только после включения их в состав Российской империи.

Движение населения России за вторую половину XVIII в. можно характеризовать следующей таблицей, составленной на основании переписей (ревизий)³:

Значительное увеличение численности населения, по данным четвертой ревизии, по сравнению с данными предыдущих, в некоторой мере

Ревизии и годы их проведения	Численность ревизского населения м. п. в тыс.	Приблизительная численность всего населения м. и ж. п. в млн.
Вторая, 1743—1746 . .	6 625	16
Третья, 1762—1766 . .	7 349	18—19
Четвертая, 1781—1783 .	12 533	27—28
Пятая, 1794—1796 . . .	17 815	36

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 269.

² Н. Н. Обручев [ред.]. Военно-статистический сборник, вып. IV. Россия. СПб., 1871, стр. 21—23 (подсчет автора).

³ К. Герман. Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I. О народонаселении. СПб., 1819; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. т. I, СПб., 1903, стр. 16—18; А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 99; Ведомость о числе душ по четвертой ревизии 1786 г. (ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 82).

связано с тем, что четвертая ревизия охватила те территории, которые до нее не учитывались (Белоруссия, часть Украины, Прибалтика). На территории, сравнимой с территорией предыдущих ревизий, во время четвертой ревизии числилось 10 320 тыс. душ м. п. Итак, за 50 лет общее население России выросло на 125 %.

Россия оставалась в рассматриваемое время страной аграрной, с громадным численным перевесом крестьянства в составе ее населения. По основным сословно-классовым группам оно распределялось следующим образом (в тыс. душ м. п. и в % ко всему населению) ¹:

Ревизии и годы их проведения	Ревизское население			Дворяне, духовенство и разночинцы, не вошедшие в ревизию
	в с е г о	в т о м ч и с л е		
		крестьяне	горожане	
Вторая, 40-е годы XVIII в.:				
абс.	6625	6413	212	350
в %	94,9	91,9	3,0	5,1
Третья, 60-е годы:				
абс.	7349	7154	195	400
в %	95,0	92,5	2,5	5,0
Четвертая, 80-е годы:				
абс.	12 533	12 123	410	600
в %	94,5	91,6	2,9	5,5

Крестьянство продолжало делиться попрежнему на три подразделения, которые оформлялись в первой половине века: помещичьи, дворцовые и государственные; несколько особой категорией, выделившейся из государственных крестьян, были крестьяне, приписанные к заводам.

Наиболее многочисленная группа во второй половине XVIII в. — это крестьяне, принадлежавшие дворянам, а также крепостные купцов и других сословно-классовых групп. На всем протяжении изучаемого времени доля крепостных крестьян в общей массе сельского населения составляла немного более половины (по материалам третьей ревизии — 52,9 %, по ведомости 1786 г. по России в целом — 51,3 %). Неизменность относительного числа крепостных, разумеется, не противоречит его абсолютному возрастанию ².

Кроме естественного прироста, возрастание численности крепостных происходило от прямой передачи части государственных крестьян крупным помещикам, а также вследствие закрепощения украинских и бело-

¹ Использованы те же источники, что и при составлении предыдущей таблицы.

² Данные по второй и третьей ревизиям взяты из кн.: В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 17—18; данные 1786 г. — см. «Ведомости» ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 82.

русских крестьян после воссоединения украинских и белорусских земель в связи с разделами Польши.

Имевшая прикладное значение податная статистика населения по ревизиям может с известной степенью приближенности характеризовать лишь классы-сословия. Нарождавшиеся же на основе распада сословной группировки новые классы ею не только не охвачены, но и затоптаны. Крестьяне, перешедшие фактически в разряд «капиталистских», занимали заметное место в социальной жизни второй половины XVIII в., но нет статистических источников, которые могли бы характеризовать численность этой нарождавшейся крестьянской буржуазии. В общем процессе расслоения крестьянства в массовых размерах выделялось неимущее население, которое лишь формально было наделено в том или ином месте земель, а фактически уже прочно порвало с крестьянским бытом.

Сведения о динамике численности городского населения — купцов (с 1775 г. они были разделены на купцов и мещан) и ремесленников — за рассматриваемое время помещены в таблице на стр. 46. По составленной в Сенате ведомости о числе людей по всему государству по четвертой ревизии 1786 г., купцы, мещане и ремесленники исчислялись в 410 131 душу м. п., в том числе 107 353 купца, 297 605 мещан и цеховых и 5173 заводчиков и оружейников в Туле. Таким образом, в указанном году это основное население городов составляло 3,3% всего податного населения. По одной из ведомостей 1789 г. имеется возможность выделить ремесленников из общего числа горожан: по России в целом их числилось всего 21 165 душ м. п.¹

Неудовлетворительность статистики приводила к невозможности определить, сколько действительно народа живет в городах и сколько в деревнях и селах.

Сложная и длительная процедура переключения крестьян в горожан (переходящие в новое состояние должны были до очередной ревизии платить подати по двум своим сословным званиям: старому и новому) повела к тому, что установилась особая промежуточная сословная категория приписных крестьян к городу (раздельно к купцам и мещанам). По неполным данным, в 1785 г. числилось более 15,5 тыс. приписных к городам крестьян, в том числе 6,8 тыс. — к купечеству². Вероятно, большинство их выходило из богатого крестьянства, чья торговля и промыслы уже не могли развиваться в условиях закрепощенной или полукрепощенной деревни. Однако, ряд конкретных свидетельств говорит о том, что в некоторых местах, преимущественно на окраинах, не только в мещанство,

¹ ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 127, «Ведомость, сколько в экспедиции по государственной окладной книге считается по государству городских жителей», и л. 131, «Ведомость, сколько в экспедиции о государственных доходах по окладной книге считается мещан в окладе».

² ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 331. Окладная книга о числе душ и с них доходов по новой ревизии и об оброчных статьях.

но и в купечество записывались экономически несамостоятельные люди. В Нижнем Поволжье в города переходили крестьяне, в том числе беглые, которые, несмотря на свое купеческое звание, продолжали заниматься земледелием, используя обширные выгонные земли городов и т. д.

Подобного рода несоответствие между сословной принадлежностью людей и их действительным экономическим положением показательным для разложения сословно-феодального строя. То же значение имел количественный рост разночинцев. Эта прослойка складывалась из людей самого разнообразного происхождения, в основном из мелких чиновников (приказных служителей) и иностранцев. Одним из источников пополнения мелких служащих в губернских и уездных учреждениях были отставные военнослужащие.

Крупная категория населения — военные, армия, которая не входила в упомянутые выше разряды населения. В начале 90-х годов личный состав регулярной армии вместе с казаками, солдатскими детьми и инвалидами исчислялся в 502 тыс. чел.¹

Таким образом, обзор населения России за 50—80-е годы XVIII в. свидетельствует, что подавляющее большинство его (более 90%) — крестьяне; они находились в прямой зависимости от помещиков, или в феодального типа подчинении у крепостнического государства. Вместе с тем появление и разрастание промежуточных сословных группировок или людей, выбившихся из узаконенных категорий, свидетельствуют о возникновении новых классов, о начале разложения феодальной системы эксплуатации.

Густота населения в различных районах страны была далеко не одинакова. По тем районам Европейской России, плотность населения которых хотя бы с относительной точностью выявляется в цифровых показателях, можно привести следующие данные о числе жителей обоего пола на 1 кв. версту, относящиеся к концу рассматриваемого периода — к 1800 г.:

Центральные губернии:	
нечерноземной полосы	25,8
черноземной полосы	22,4
Западные губернии	15,4
Северо-западные губернии	12,2
Прибалтийские губернии	11,8
Губернии Среднего Поволжья и Приуралья	4,3
Северные губернии	0,7

По всей территории Европейской России в среднем² . . . 7,1

¹ Д. Ф. Масловский. Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. СПб., 1894, стр. 101—103; Л. Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947, стр. 203.

² Центральные губернии нечерноземные: Московская, Тульская, Калужская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская; черноземные: Пензен-

При всей неполноте данных, эта таблица все же убедительно говорит о существенном отличии старых, давно заселенных и хозяйственно освоенных районов от окраин, с их обширными, еще не освоенными землями. К подобного рода окраинам должны быть отнесены не учтенные здесь Сибирь и пространства Северного Причерноморья, Приазовья и Степной Украины.

С различием в населенности отдельных частей страны связано одно из важнейших явлений в народнохозяйственной жизни, а именно массовое переселение крестьян из центральных областей на окраины. Этот процесс начался ранее изучаемого времени и продолжался в последующие периоды. В его основе лежало то обстоятельство, что центральные области страны были районами наибольшего развития крепостничества. Хотя и здесь было немало слабо заселенных земель, но они находились в руках помещиков, монастырей, служителей церкви или числились за царем, дворцом или царской семьей. На окраинах феодальное государство также все более укрепляло свои порядки, и туда проникал помещик; однако для своевольного крестьянского переселения на окраинах имелись гораздо большие возможности, чем в центре страны.

Во второй половине XVIII в. примерная граница заселенных районов и областей, куда шли переселенцы, проходила ближе к центру по сравнению с последующим временем. Заселялись, например, заволжские части Нижегородской губернии. Процесс внутреннего переселения и освоения окраин оказывал в то время большое воздействие на развитие народного хозяйства и на социальные процессы России в целом.

2

КРЕСТЬЯНЕ

Крестьянство составляло основную часть населения и главную производительную силу России. Общее количество крестьянского населения и рост его, по данным ревизий, отмечены выше. В зависимости от того, кто являлся феодальным собственником земли, которой пользовались крестьяне, они делились на три категории: крестьяне помещичьи, дворцовые и государственные.

Численность отдельных категорий крестьян показана в таблице на стр. 50.

Из приведенных цифр видно, что численность крестьян всех категорий возрастала. Количество помещичьих крестьян увеличивалось как от естественного прироста, так и от прямой передачи дворцовых и государственных

ская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская; западные губернии: Могилевская, Витебская; северо-западные губернии: Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская, Смоленская; прибалтийские губернии: Эстляндская, Лифляндская; Среднее Поволжье и приуральские губернии: Симбирская, Казанская, Вятская, Пермская, Оренбургская; северные губернии: Архангельская, Вологодская, Олонецкая.

Ревизии и годы их проведения	Численность крестьян в тыс. д. м. п. ¹			
	помещичьи	дворцовые	государственные*	всего
Вторая, 1742—1746 . . .	3443	419	2551	6413
Третья, 1762—1766 . . .	3787	487	2880	7154
Четвертая, 1781—1783 .	6555	636	4932	12123

* Численность государственных крестьян по третьей ревизии уточнена по дополнительным данным.

крестьян в собственность крупным помещикам. Екатериной II было роздано дворцовых и государственных крестьян обоего пола более 800 тыс. Из государственных земель раздавались земли помещикам в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии.

В Белоруссии после первого раздела Польши в громадном количестве были розданы королевские земли, которые находились в пользовании польских магнатов. В областях, присоединенных по второму и третьему разделам Польши, жаловались поступившие в казну имения — бывшие королевские, или принадлежавшие католическому и униатскому духовенству или монастырям, или конфискованные у лиц, «участвовавших в мятеже»².

В Великороссии в конце XVIII в. в руках крупных помещиков, у которых было более 100 душ м. п., находилось 80% всего крепостного населения, среднепоместных владельцев, у которых имелось от 21 до 100 душ м. п., 15% крепостных и, наконец, у мелкопоместных, имевших до 21 души м. п., — только 5%³.

Общая численность дворцовых крестьян до пятой ревизии не уменьшалась, хотя, как указывалось выше, и происходили «пожалования» дворцовых крестьян помещикам. Пополнение шло за счет перевода в разряд дворцовых крестьян некоторых сельских жителей из земель, вошедших в состав России. На увеличении числа дворцовых крестьян и их размещении сказывалось энергичное дворцовое строительство. Дворцовые крестьяне во время четвертой ревизии по отдельным местностям распределялись следующим образом: в Великороссии — 94,6%, в Белоруссии — 4,5%, в Прибалтике — 0,45%, в трех украинских губерниях также — 0,45% общего их числа⁴.

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 17—18; т. II, СПб., 1901, стр. 12; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 45; ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 82. Данные четвертой ревизии по ведомости 1786 г.

² В. И. Семевский. Раздача населенных имений при Екатерине II. «Отечественные записки», 1877, № 8, стр. 206—211.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1903, стр. 32.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 82.

Государственные крестьяне занимали значительное место (39—40%) среди всего крестьянского населения¹. Во время четвертой ревизии они по отдельным местностям распределялись следующим образом: в Великой-россии — 83,6%, в Белоруссии — 2,1%, в трех украинских губерниях — 11,6% и в Прибалтике — 2,7% от общего их числа². Число государственных крестьян, несмотря на раздачу их крупным помещикам, не уменьшалось, а возрастало, поскольку в эту категорию время от времени вливались новые многочисленные группы крестьян.

Указ 26 февраля 1764 г. о секуляризации церковных имуществ выделил бывших церковных крестьян в новую крупную категорию «экономических крестьян», число их составляло 991 761 душ м. п.³. В больших размерах увеличилась численность государственных крестьян в результате роста территории России. После польских разделов в категорию государственных крестьян вошли крестьяне Курляндии, королевских староств и ленных имений Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины.

Значительную группу государственных крестьян составляли крестьяне чернососшные и ясашные: по второй ревизии учтено 554 425 д. м. п., по третьей 627 027 д. м. п. Особую группу среди государственных крестьян составляли однодворцы, которых по второй ревизии числилось 430 219 д. м. п. (вместе с группой «разного звания»), по третьей 535 084 д. м. п.⁴. Меньше было так называемых приписных государственных крестьян. Всего приписных крестьян по четвертой ревизии было 263 899 д. м. п. Приписных к казенным горным заводам насчитывалось⁵:

в 1741—1743 гг.	— 63 054 душ м. п.
» 1762 г.	— 99 330 » » »
» 1781—1782 гг.	— 99 917 » » »

Число приписных к заводам крестьян быстро возрастало по мере развития горного дела⁶.

Одну из важнейших особенностей феодально-крепостнической системы составляло наделение крестьян землей. Как известно, специфическим для феодального общества способом соединения рабочей силы со средствами производства является прикрепление этих производителей к земле. В. И. Ленин отмечал, что для такого хозяйства необходимо, «...чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землю в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки»⁷. Крестьянские

¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 45.

² ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 332, л. 82.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 254.

⁴ Там же, стр. 728, 850.

⁵ Там же, стр. 304—305.

⁶ Сравнительно незначительное количество государственных крестьян было приписано к шелковым заводам: в 1766 г. — 400 душ м. п., в 1782 г. — 426; к корабельным лесам — 76 597.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

наделы имели различные размеры. В Великороссии, по данным о крупных помещичьих имениях, в нечерноземной полосе во всех оброчных вотчинах в среднем на ревизскую душу приходилось около 14 дес. всей земли, в том числе пахотной 3,7 дес.; в барщинных вотчинах в среднем на ревизскую душу приходилось по 11,5 дес. всей земли, в том числе пахотной около 2,5 дес. В черноземной полосе в оброчных вотчинах в среднем приходилось на ревизскую душу около 10 дес. всей земли, в том числе пахотной около 4,5 дес., в барщинных вотчинах — по 8,8 дес. на душу, в том числе пахотной 3,1 дес.¹ Таким образом, в нечерноземной полосе Великороссии в конце XVIII в. наделы крестьян были больше, чем в черноземной, и в оброчных вотчинах выше, чем в барщинных. Дворцовым крестьянам в среднем на ревизскую душу приходилось пахотной земли в нечерноземной полосе России от 2,1 до 6 дес., в черноземной полосе — от 3,9 до 7,4 дес., хотя нельзя быть уверенным, что вся земля в черноземной полосе обрабатывалась крестьянами. Государственные крестьяне северных губерний были сравнительно обеспечены пахотной землей, но государственные крестьяне Уфимской провинции и других мест жаловались на недостаток земли². Экономические крестьяне в 16 губерниях Великороссии имели на душу всей земли 10—20 дес., пахотной 2—4 дес. и более.

Крупное землевладение феодалов XVIII в. (помещиков, государства), как и в предшествовавшее время, было соединено с мелким крестьянским хозяйством. Крестьянские наделы служили средством заставить крестьян нести повинности в пользу помещика. Организационной единицей крестьянских повинностей в крестьянском хозяйстве было тягло, т. е. крестьянская семья, состоявшая из двух полных рабочих — мужчины и женщины. Обычно разверстка земли по тяглам происходила ежегодно по мирскому приговору. Такая разверстка земли нарушала неподвижность ревизских данных, на практике увеличивала оброк с крестьян, беря на учет каждого нового работника и не оставляя ни одной десятины земли пустой.

С середины XVIII в. особенно усилился процесс дифференциации крестьянства; выделились два противоположных слоя: с одной стороны, крестьяне, с избытком обеспеченные землей, с другой — малоземельные бедняки, отправлявшиеся на заработки и, следовательно, перестававшие существовать в качестве мелких самостоятельных производителей. Это обстоятельство, например, нашло свое отражение в ответных пунктах Н. Шереметева крестьянам Юхотской волости в 1800 г. В них Шереметев отмечал, что землю разобрали достаточные, тогда как земля должна быть «равною пропорцією назначена», чтобы и средние и бедные не оставались безземельными³.

¹ В. И. Семеvский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II; т. I, 1881, стр. 27—30.

² Там же, т. II, стр. 660—664, 257—259.

³ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, стр. 66.

Таким образом, во второй половине XVIII в. происходил процесс сосредоточения крестьянской наделной земли в руках зажиточных крестьян.

Эксплуатация помещиками труда крепостных происходила в двух формах — в виде оброка и барщины. Соотношение оброчных и барщинных крестьян в 19 губерниях Великороссии во второй половине XVIII в. выражалось в следующих цифрах (в процентах) ¹:

Губернии нечерноземной полосы	Крестьяне		Губернии черноземной полосы	Крестьяне	
	оброч- ные	бар- щин- ные		оброч- ные	бар- щин- ные
Владимирская	50	50	Воронежская	64	36
Ярославская	78	22	Рязанская	19	81
Костромская	85	15	Тульская	8	92
Олонецкая	66	34	Орловская	34	66
Московская	36	64	Тамбовская	22	78
Вологодская	83	17	Пензенская	52	48
Нижегородская	82	18	Курская	8	92
Тверская	46	54			
Новгородская	49	51			
Калужская	58	42	Итого . .	26	74
Смоленская	30	70			
Псковская	21	79			
Итого . .	55	45			

Во второй половине XVIII в. развивались торгово-денежные отношения, значительно усилился внутренний товарооборот. Увеличился также и внешний товарооборот. В последней четверти века в связи с промышленным переворотом в Англии возрос вывоз хлеба. Быстро развивалась промышленность, среди которой заметную роль играла крестьянская. Наряду с промышленными районами, которые размещались главным образом в центральной нечерноземной полосе, выделились районы зернового и скотоводческого хозяйства в черноземной полосе. Все это не могло не сказаться на помещичьем и крестьянском хозяйстве.

В нечерноземной полосе помещикам невыгодно было поддерживать барщинную систему, и они предпочитали переводить крестьян на оброк с предоставлением им свободы в выборе занятий. В 12 губерниях нечерноземной полосы в среднем на оброке находилось 55%, а по отдельным губерниям, где развивались новые промышленные и торговые центры, число оброчных крестьян значительно превышало средний процент: в Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской оно составляло 78—85%. Напротив, отличались превышением числа барщинных крестьян

¹ В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, 1903, стр. 584.

губернии Московская, Смоленская, Псковская. В Московской губернии близость помещичьих владений к столице, где жили помещики, побуждала возлагать на крестьян ряд барщинных повинностей по доставке «столовых запасов», хлеба, соли, дров и пр. для удовлетворения потребностей домашнего обихода помещиков¹. Сравнительно невелик был процент оброчных крестьян в губерниях Смоленской и Псковской. Это явление связано с развитием мелкопоместного землевладения.

В черноземной полосе, при больших земельных владениях, в связи с благоприятной хлебной конъюнктурой, при малочисленном населении замечался недостаток рабочих рук; помещики применяли барщинную систему хозяйства, стремясь таким путем достичь увеличения земельной ренты. В черноземной полосе процент барщинных крестьян равнялся 73,9. Особенно развита была барщинная система в Тульской губернии (92%), Курской, Рязанской, Тамбовской². Дворцовые крестьяне платили главным образом денежный оброк, однако натуральные повинности далеко не везде с них снимались; местами крестьяне были обязаны попрежнему пахать известное количество десятин, косить сено и т. д.

Государственные крестьяне в великорусских губерниях состояли на «оброчном положении». Но в западной части России, в Прибалтике, Белоруссии, Литве и Правобережной Украине, где крестьяне отбывали барщину преимущественно у временных арендаторов, они оставались на «хозяйственном положении», т. е. подвергались барщинной эксплуатации. Отработочная рента в виде обработки десятинной государственной пашни сохранялась в Сибири до 1769 г.³ Государственные крестьяне в Сибири наряду с денежным obroком отбывали государству натуральные повинности: подводную по перевозке чиновников и казенных товаров, по проведению и исправлению дорог и строительную — по постройке крепостей, казенных зданий, хлебных запасных магазинов, волостных управлений и пр. Чем больше развивался обмен и чем многообразнее становились внутренние связи, тем сильнее росли подводная и дорожная повинности. В Сибири поставка подвод стала настолько тяжелой, что в 1755 г. правительство решило облегчить ее учреждением ямов.

Размеры оброка и барщины не регламентировались. Оброк с помещичьих крестьян все время увеличивался. В 60-х годах наиболее обычным был денежный оброк с ревизской души в 1—2 руб., в 70-х годах 2—3 руб.; средняя величина оброка в 80-х годах 4 руб. и в 90-х — 5 руб. Рост оброка отчасти объясняется повышением цен на хлеб, но главным образом оброк повышался в связи с развитием товарно-денежных отношений, с развитием крестьянских промыслов. Характерна в этом отношении мотивировка повышения денежного оброка в Юхотской волости Ярославской губернии, приводимая Н. Шереметевым в приказе домового канцелярии (1800).

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 26.

² Там же, стр. 27—28.

³ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 47.



Помещик на жатве. Гравюра из книги «Деревенское зеркало», 1799 г.

«Ныне,— говорится в приказе,— соображая дороговизну во всем, возвышение цен на хлеб, сопряженные с теми выгодами, какие крестьяне мои приобретают вообще от промыслов своих, получая за оные приращення свои... принужден я был по самым сим обстоятельствам... на получаемые с них доходы сделать соразмерную накладку»¹. Оброк в отдельных вотчинах Шереметевых, особенно в промышленных, увеличился в 1765 г. по сравнению с 1756 г. в 3 раза, а к 1796 г. по сравнению с 1765 г. возрос еще в 3—4 раза².

Разнообразны и размеры барщины. В XVIII в. была распространена трехдневная барщина, но была барщина по четыре и даже больше дней в неделю. Например, в Арзамасской и Алатырской провинциях одни помещики заставляли крестьян работать по три дня в неделю, а другие давали им только два дня свободных, третьи не отпускали их до тех пор, пока они не уберут весь помещичий хлеб. В Елецкой провинции крестьяне работали на господина по четыре дня в неделю, в ряде мест Рязанской — по четыре и даже по пять дней. Некоторые помещики заставляли крестьян работать ежедневно, не освобождая даже по воскресным дням и самым большим праздникам. Были и такие помещики, как писал известный агроном П. И. Рычков в своем наказе для приказчика, которые «крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а давая всем

¹ К. И. Щенеров. Указ. соч., стр. 71—72.

² Там же, стр. 69—70. Частично рост оброка связан с общим возрастанием цен.

их семействам месячной провиант, употребляют их без изъятия на господские работы повседневно»¹.

Барщина отправлялась в виде «урока», падавшего на каждое тягло, состоявшее обычно из мужа и жены. Урок заключался в обработке 1—2 дес. в каждом поле, крестьяне должны были вспахать, засеять, сжать и свезти на гумно². Иногда практиковалась и поденная барщина, когда из каждого дома через день посылались на работу два человека и уже в поле давался им урок. Из подмосковных князьминских вотчин Н. Шереметева крестьяне посылались на барщинные работы в Останкино «мало когда непоголовно». Они жаловались в 1755 г.: «та наша всегдашняя бытность привела к самому крайнему разорению и нищете»³.

Усиление барщины, так же как и увеличение оброка, связано с развитием товарного производства. Барщинная повинность особенно развилась и усилилась в черноземной полосе. Воронежская и Тамбовская губернии, Шацкая, Острогожская провинции, Коротоякский, Лебедянский, Данковский, Елецкий уезды, Моршанск, Кирсанов и т. д. стали одними из главных районов закупки хлеба.

Московские, замосковские и петербургские купцы отправляли хлеб с моршанских, цнинских, окских и волжских пристаней в потребляющие центры. Все это побуждало помещиков черноземной полосы усиливать эксплуатацию крепостных крестьян, чтобы получать как можно более товарного хлеба⁴.

Во второй половине XVIII в. нужно отметить увеличение барщины в Саратовской губернии. Например, у помещиков Шахматовых все имения были на барщине. Хлеб оттуда отвозили в Саратов, где и продавали саратовским купцам; продажа хлеба составляла главный доход помещика⁵.

Одним из видов барщинных повинностей была работа крестьян на помещичьих горных, винокуренных заводах, на суконных и других фабриках⁶. Крестьяне очень тяготились этой работой. На фабриках работали и взрослые, и дети, иногда в две смены, значительную часть года, например 230—280 дней. Не менее жестокую эксплуатацию представляло использование крестьян в мелких промышленных предприятиях. Помещики, писал Н. И. Тургенев, помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учрежде-

¹ Труды ВЭО, ч. XVI, 1770, стр. 27.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1903, стр. 68.

³ К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 59.

⁴ П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в., «Исторические записки», кн. 15, стр. 121.

⁵ Е. Н. Кушева. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в. «Известия Академии наук СССР». Отдел, гуманитарных наук, № 8. М., 1927, стр. 680.

⁶ В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, 1903, стр. 74—79.



«Званка» — усадьба Г. Р. Державина. Новгородской губернии.
Слева — сукодная «фабрика». Гравюра конца XVIII в.

ниях: они говорили «в этой деревне есть фабрика» так, как если бы говорилось «там есть чума»¹.

Тяжело было положение оторванных от земли крестьян, взятых во двор или в дом помещика; число дворовых доходило до нескольких сот. Богатый помещик Головин имел более 300 дворовых, граф Орлов — не менее 500.

Численность дворовых К. Разумовского в Батуристине составляла почти 300 чел.; в своем петербургском доме он держал 190 чел. прислуги. В одном Кускове, летней резиденции Шереметевых, в 1786 г. насчитывался 171 дворовый; из этого числа занято в разных мастерствах 50, слуг при доме и усадьбе — 42, лиц умственного труда — 39². Особенно много дворовых было в Москве. В описании моровой язвы в 1770—1772 гг. говорится, что господские дома составляли «целое селение» по разному ремеслу и званию людей³. Дворовые, как и крепостные, работавшие в вотчинных помещичьих заведениях, а равно обрабатывавшие землю помещику за «месячину», мало чем отличались от рабов.

¹ П. И. Тургенев. Россия и русские. «Библиотека декабристов», кн. 1, 1908 г., ч. 3, стр. 86—87.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1903, стр. 142; П. Бессонов. Графиня Шереметева. М., 1872, стр. 28—30; К. В. Сивков. «Штат» села Кускова (1786 г.). М., 1927.

³ И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 354.

Повиности остальных двух категорий крестьян, так же как и помещичьих крестьян, все время возрастали, но были все же менее последних. Денежный оброк с дворцовых крестьян неизменно увеличивался: с 80 коп. в 1753 г. до 1 р. 30 к. в 1758—1762 гг. и до 3 руб. в 1783 г. с ревизской души. Таким образом, оброк с дворцовых крестьян в 80-х годах поднялся менее оброка с помещичьих крестьян (ср. со стр. 55).

Дворцовые крестьяне в 80-х годах XVIII в. сравнивались с государственными крестьянами в том отношении, что были избавлены от барщины¹. Положение дворцовых крестьян, по мере того как их натуральные повинности заменялись денежным оброком, все более и более сближалось с положением казенных крестьян. Экономическое состояние большинства дворцовых волостей становилось лучше, но, несмотря на это, значительная часть крестьян жила бедно². Государственные крестьяне внутренних губерний России платили оброк с ревизской души: в 1760 г. — 1 руб., в 1768 г. — 2 руб., в 1783 г. — 3 руб. Оставшиеся натуральные повинности (охрана казенных лесных угодий, постоянная повинность и др.) государственные крестьяне старались заменить денежным наймом. По мере развития товарно-денежных отношений, чтобы не отвлекаться от земледельческих и промысловых занятий, они индивидуально или всем миром нанимали вместо себя «охотников». По этой же причине барщина государственных крестьян, сохранившаяся в западных районах России — Прибалтике, Белоруссии, Литве и Правобережной Украине, также непрерывно и прогрессивно увеличивалась³.

После секуляризации церковных имуществ в состав государственных крестьян вошла большая группа крестьян монастырских и церковных вотчин.

Эти экономические крестьяне прежде всего избавились от притеснений прежних духовных властей, от барщины и разных поборов⁴. О жестокой эксплуатации и большом угнетении их монастырями и духовными властями свидетельствуют многочисленные жалобы крестьян и частые восстания, особенно усилившиеся в конце 50-х — начале 60-х годов. Была даже организована при Сенате особая постоянная Комиссия для разбора подобных дел. В начале 60-х годов пришлось подавлять крестьянские восстания в пяти архиерейских домах и 23 монастырях⁵. Секуляризация имела важное следствие: экономические крестьяне получили почти всю землю, которую они прежде пахали на своих владельцев. Наделы

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 22.

² Там же, стр. 107.

³ П. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 46—48.

⁴ Помимо барщины и сбора столовых и иных запасов, поставки подвод и многих других статей, архиерейские крестьяне ежегодно должны были вносить в среднем с души по 49 коп. и 2,6 четверика хлеба, монастырские — по 26 коп. и по 3,1 четверика.

⁵ Д. А. Жаринов. Крестьяне церковных вотчин. «Великая реформа», т. I. М., 1911, стр. 148—151.



Кирпичный «завод» в поместье. Акварель Кнаппе. 90-е годы XVIII в.

Государственный Исторический музей.

пахотной земли в среднем на душу в 16 губерниях Великороссии составили 3—4 дес. и более. Таким образом, пахотных земель они имели достаточно ¹.

В 1788 г. экономическим крестьянам разрешили покупать небольшие деревни у помещиков. Но, как и дворцовые крестьяне, этим правом богатые крестьяне воспользовались для того, чтобы приобретать взамен себя рекрута. Они стали покупать у помещиков по одному крестьянину с известным количеством земли. Сенат обратил на это внимание и приказал директорам экономии наблюдать, чтобы казенные крестьяне покупали у помещиков только деревни, смежные со своими селениями и могущие доставить им выгоды ². Экономические крестьяне, сверх 70 коп. подушной подати, платили оброк по 1 р. 50 к. В 1768 г. они сравнивались в платеже оброка с государственными и стали вносить по 2 руб., а с 1783 г. по 3 руб., помимо подушной подати. Управлялись экономические крестьяне назначаемыми казначеями, которые часто допускали злоупотребления, и недаром в Комиссии для составления нового Уложения некоторые депутаты предлагали уничтожить должность экономических управителей и возложить их обязанности на старост, выборных и «земских достойных людей», которых крестьяне должны выбирать ежегодно.

Повиности крестьян в Левобережной Украине также росли. Универсал 1701 г. предписывал не требовать барщины более двух дней.

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 259—264.

² ПСЗ, т. XXII, № 16619, стр. 1025; т. XXIII, № 16821, стр. 97—98.

Во второй половине XVIII в. двухдневная барщина осталась лишь в южной части. В северной части наиболее обычной была трехдневная барщина.

В Слободской Украине практиковалась двухдневная барщина, но замечается тенденция увеличить барщину, что отражено в наказе дворян Валуйского уезда Белгородской губернии в Комиссию Уложения, в котором они предлагали подтвердить помещикам, чтобы они «больше двух дней работы в неделю и никаких кроме того поборов и сборов [на крестьян] не налагали»¹.

В Прибалтике, в частности в Эстонии и Латвии, повинности крестьян увеличивались. Усилилась барщина в связи с разрешением беспопынно вывозить водку в русские города и свободно торговать зерном. Помещики расширяли свои посевные площади, вырубали леса, поднимали новину. Эти работы, наряду с «винокурной барщиной», тяжелым бременем ложились на крестьян. Помещики применяли также массовую запашку крестьянских земель. Тяготы барщины все время росли. Размеры крестьянских повинностей в течение столетия почти удвоились. Увеличение барщины приводило к тому, что крестьянские земли обрабатывались из года в год все хуже, давали низкие урожаи. Крестьянские хозяйства нищали и разорялись, голод стал обыденным явлением. Публицист-просветитель И. Х. Петри считал, что крепостное право «ни в одной стране не является таким тяжким и не сопряжено с таким угнетением и мучениями, как в Эстонии»². В некоторых имениях, помимо обычной барщины, крестьянину отводился определенный участок в господских полях — волока, которую он обязан был вспахать, засеять, затем убрать и свезти урожай с поля. Такая система изнуряла крестьян гораздо сильнее, чем прежний обычный барщинный порядок, когда все крестьяне работали сообща. Все большее значение приобретала чрезвычайная барщина, которую имения требовали для уборки урожая, возки навоза, подсечной обработки земли и других работ³.

Вместе с тем, во второй половине XVIII в. у помещичьих, дворцовых и государственных крестьян большое развитие получила денежная рента. Маркс подчеркивал, что три рода земельной докапиталистической ренты — отработочная, рента продуктами и рента денежная — соответствуют различным ступеням развития общественного процесса производства.

При денежной ренте «...непосредственный производитель попрежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1903, стр. 97.

² «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)». Таллин, 1952, стр. 133.

³ «История Латвийской ССР», т. I. Рига, 1952, стр. 324—325.

всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом»¹. Переход к денежной ренте предполагает уже широкое развитие в стране торговли, городской промышленности, товарного производства, денежного обращения. Но чем больше феодал повышал оброк, чем больше денег нужно было крестьянину, чтобы уплатить оброк, тем больше он должен был быть связан с рынком. Крестьяне вовлекались в промышленную жизнь, занимались на месте всевозможными промыслами, основывали промышленные предприятия, уходили в города и промышленные села на заработки. Все это приводило к появлению зажиточных крестьян,



Крестьянин-оброкник, уходящий на заработки.
Гравюра конца XVIII в.

горговцев и промышленников, с одной стороны, и, с другой — крестьян-бедняков, с возрастающей зависимостью от своего заработка во время отхода и вообще от продажи своего труда.

Как пример промышленного села, где особенно сказалось расслоение крестьянства, можно привести с. Иваново Владимирской губернии (вотчины Шереметевых). Крестьяне здесь вовсе не занимались земледелием: землю, приписную к с. Иванову, обрабатывали крестьяне окрестных деревень. Здесь было развито ткацкое и набоечное производство. В 1741 г. 99 крестьян Ивановской вотчины находились «в отъезде для прокормления по ярмаркам»². Уже в 1741 г. выделилась среди ивановских крестьян группа «первостатейных» крестьян: Ф. Грачев, И. Грачев, И. Гандурин, И. Дурденевский, Ф. Зубков и др., занимавшихся торгово-промышленной деятельностью. И. Грачев, ведя торговые операции на Ирбитской ярмарке и по сибирским городам, роздал сибирским купцам товаров на 1000 руб. в долг³. Крестьянин И. Я. Ямановский торговал на Макарьевской ярмарке⁴. В 1742 г. открыл в с. Иваново полотняную мануфактуру

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 810.

² ЦГАДА, ф. Шереметевых, Ивановское вотчинное правление, № 1, Указы, л. 25.

³ Там же, № 4, Челобитные, л. 7.

⁴ Там же, л. 1.

Бутримов, а в 1748 г. И. Грачев; на последней в 1758 г. имелось 216 станков и 9 светлиц¹. В 1789 г. существовало 188 набоечных изб и 20 «заводов» по производству набоек; кроме того, 20 крестьян занимались ткачеством пестряди и коломяпки — всего на 192 станах. Наряду с указанными, имелись еще две полотняные мануфактуры — Е. Грачева и И. Гарелина, возникшие также в середине XVIII в.²

Наемной рабочей силой на мануфактурах были крестьяне с. Иванова или припленные отходники по паспортам. Местные крестьяне, работавшие на предприятиях богатых односельчан, принадлежали к беднейшим слоям, среди них немалое число находилось в долговой зависимости³. Богатые крепостные крестьяне приобретали людей в личное владение как с землей, так и без земли, но только не на свое имя, а на имя помещика и с его разрешения. Ивановский предприниматель-крестьянин Грачев к 1795 г. владел 3034 дес. земли и 881 душой м. п. Крестьяне Грачева на фабрике не работали, а удовлетворяли «надобности домового хозяйства [Грачева] в хлебе и сене и в доставке фабрике дров»⁴.

В с. Иванове отчетливо выявляются три разряда населения: 1) немногочисленная группа первостатейных — богатые крестьяне, крупные торговцы, владельцы фабрик, владельцы купленных ими населенных земель, т. е. нарождавшаяся сельская буржуазия; 2) второстатейные — люди среднего достатка, самостоятельно занимающиеся промыслом; 3) «мирская голытьба» — крестьяне, имеющие недвижимую собственность, но «промышляющие своим трудом», т. е. работающие по найму; «голытьба» составляла подавляющую часть населения этого села⁵. Взаимоотношения крестьян, по существу, уже основывались на капиталистической эксплуатации, приводящей к появлению новых классов — буржуазии и наемных рабочих.

Расслоение крестьянства наблюдается и в других промышленных селах центрального района с развитым текстильным производством, например у экономических крестьян Московской губ. (в селах Богородском, Озерах, Павлово-Вохне, Покровском, Хомутове), у крестьян Владимирской губ. (с. Кохмы, с. Лежнева, слободы Вязники и др.), у крестьян Костромской, Ярославской, Вологодской, Тверской, Казанской губерний. Расслоение крестьянства отмечено и в промышленных селах, где была развита железоделательная промышленность, у крестьян Тульской, Ни-

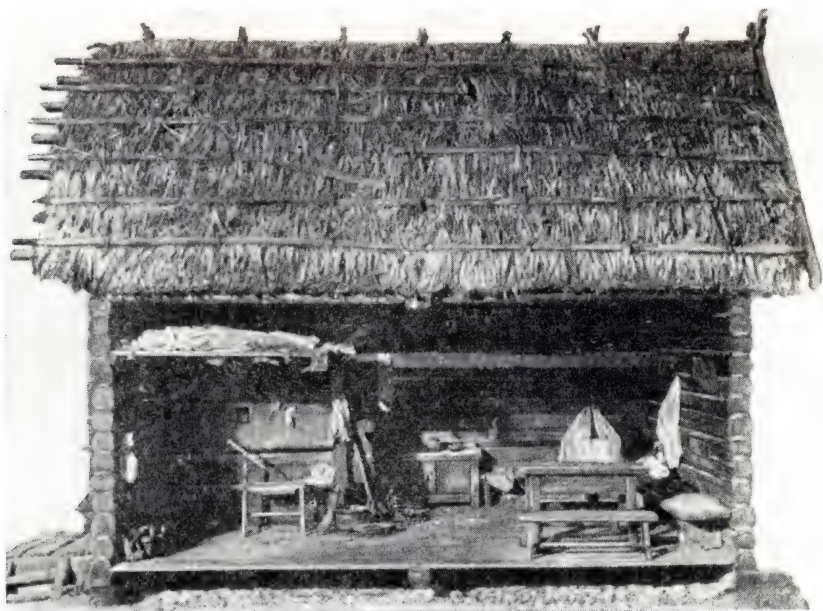
¹ К. Н. Щенетов. Указ. соч., стр. 98, 99.

² И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л., 1950, стр. 101—107. См. также: А. М. Разгон. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губ. во 2-й пол. XVIII в. «Исторические записки», кн. 32, стр. 137—141.

³ А. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачевы. К характеристике крепостных капиталистов 2-й пол. XVIII и нач. XIX в. «Записки историко-бытового отдела Гос. Русского музея». Л., 1928, стр. 222.

⁴ К. Н. Щенетов. Указ. соч., стр. 105.

⁵ А. М. Разгон. Указ. соч., стр. 166.



Курная изба 80-х годов XVIII в. Макет.

Государственный Исторический музей

жегородской, Олонецкой и других губерний и в крупных селах с развитой обработкой кож, у крестьян Казанской, Вятской и других губерний¹.

Расслоение крестьянства во второй половине XVIII в. существовало и в непромышленных селах. В Пензенском наместничестве в с. Архангельском с деревнями, принадлежавшими Куракину, в 1783 г. было значительное имущественное расслоение крестьян. Безлошадных и бескоровных или имевших одну корову или одну лошадь Куракин считал бедняками, а многокоровных и многолошадных крестьян — первостатейными, «жития хорошего». Особенно показательно наличие у крестьян денежных капиталов².

Экономическое расслоение крестьянства на базе роста товарного производства имело место и в барщинных вотчинах черноземной полосы России. Например, в с. Голуни Новосильского уезда Тульской губернии, где на барщине находилось 92 % крестьян кн. М. М. Голицына, зарегистрировано 20 богатевших крестьянских хозяйств, 76 дворов посредственных крестьян и 36 бедняцких дворов. Бедняки не только не в состоянии были платить.

¹ См. главу первую, § 4 «Промышленность», а также «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I. М.—Л., 1935; т. II, 1950.

² К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. «Исторические записки», кн. 11, стр. 252—285.

подушные и оброк, но и со своей семьей сами не могли прокормиться. Они обычно брали в долг у помещика хлеб, возвращали и опять занимали, оказываясь вечными должниками. В то же время в руках богатевших крестьян находилось до 20% лошадей, 30% жеребят, свыше 20% мелкого скота, до 40,6% ржи. Они расширяли свое хозяйство с целью увеличить его товарность. Зажиточные крестьяне продавали часть хлебных излишков, причем продавали в дальних местах (по более высоким ценам), так как местное купечество монополизировало всю прибыль местного рынка¹.

Богатые однодворцы Воронежской губ. «от земледелия имеют довольство,— как сообщается в одном из ответов на анкету Вольного экономического общества,— а бедные безлошадные и не имеющие такова достатку, чем хлебопашество исправлять, недостаток свой награждают и положенные на них подати исправляют, вырабатывая деньги через наем у разных чинов людей». Относительно Троицкого уезда Шацкой провинции в одном из ответов говорится: «Многие жители пришли в оскудение и оттого земли свои прожиточным мужикам в наем отдают, а сами идут в работу на воденные суда и в другие промыслы, а прочие к тем же прожиточным мужикам нанимаются работать»².

Таким образом, в Тульской и Воронежской губерниях расслоение крестьянства было связано с развитием товарного хозяйства. Богатые крестьяне и однодворцы Воронежской губернии, расширяя свое хозяйство и продавая хлеб лично или через скупщиков, прибегали к наемному труду. То же расслоение крестьянских хозяйств наблюдалось и в Саратовской губернии. У крестьян имений Шахматовых в селениях Хмелевке, Вязовке, Ельшанке встречаются хозяйства, имевшие много скота и большие посевы хлеба³.

С этими явлениями связан значительный отход крестьян в нечерноземной полосе, где земледелие не давало им возможности исправно нести повинности в пользу помещика. В конце XVIII в. в Ярославской губернии взяли паспорта 73 663 чел., что в общем составляло $\frac{1}{3}$ всего взрослого населения губернии⁴. Из Нижегородской губернии крестьяне уходили на Волгу.

Макарьевская уездная расправа в 1782 г. выдала 2123 паспорта (преимущественно годичных). В конце 70-х — начале 80-х годов в Арзамасском уезде государственным и помещичьим крестьянам выдавалось в среднем в год 2463 паспорта⁵. Многие крестьяне, взявшие паспорта,

¹ Г. Н. Бибилов. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», кн. 4, стр. 85, 86 и др.

² Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в., стр. 62, 97.

³ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 681—683.

⁴ В. И. Пичета. Помещичьи крестьяне в Великороссии XVIII в. В изд. «Великая реформа», т. II. М., 1911, стр. 11.

⁵ С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950, стр. 79—80.



В. Л. Боровиковский. Старик, греющий руки у огня.
Аллегория зимы, масло, 1770-е годы.

Государственная Третьяковская галлерей.

работали в промышленных предприятиях. В качестве наемных работали главным образом оброчные крестьяне¹.

Оброчные крестьяне уходили и на сельскохозяйственные работы. В Ливенском уезде местные жители, как говорит анкета, «собою и убрать хлеба не могут, а убирают тот хлеб приходящими из других губерний и городов людьми, нанимая их за большую плату, за что и платят им из этого же хлеба не менее с десятины по 2 четверти». Ищущих найма бывало так много, что не все находили применение своим силам и передвигались в другие места.

Наемный труд в земледелии практиковался и в соседнем Елецком уезде, куда приходили сезонные рабочие из подмосковных мест и нанимались из $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ доли урожая².

Расслоение крестьянства имело место и в Левобережной Украине. В связи с развитием товарного производства помещики разводили скот для продажи, торговали зерном, пенькой. Они заводили преимущественно в северной части этого района промышленные предприятия, в которых работало по несколько десятков человек. Росли торговые связи с Россией и заграницей. В связи с этим усилился процесс разорения мелких сельскохозяйственных производителей (крестьян и малоимущих казаков) казачьей верхушкой и зажиточной частью крестьянства. Часть обезземеленных переходила на положение подсоседков³, другая часть зарабатывала средства существования в городских и сельских промыслах. Подсоседки находились в кабальной зависимости у богатых хозяев, предоставлявших им за работу в своем хозяйстве кров и минимум средств производства, что обрекало их на нищенское существование. К концу XVIII в. в Левобережной Украине из обезземеленных и разорившихся крестьян выросла значительная группа рабочих людей; только в кожевенной промышленности их насчитывалось 2,5 тыс.

Закрепощение крестьянства мешало более сильному отливу рабочей силы в промышленность.

Неоднородно в имущественном отношении было крестьянское сословие второй половины XVIII в. и в Прибалтике. Например, в Латгалии зажиточность крестьян, особенно живших вокруг больших торговых дорог, значительно возросла. В 1761 г. в мызе Кирупа, расположенной недалеко от р. Даугавы, значились крестьянские хозяйства с 6—10 лошадьми, 13—15 головами крупного рогатого скота, 7—15 овцами и 12—18 свиньями. В то же время большинство крестьянских хозяйств имело по две лошади, одна из которых постоянно находилась на господской барщине, по две головы крупного скота и овец и по несколько свиней⁴.

¹ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 94.

² Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 86—87.

³ Подсоседки — несамостоятельные хозяева, жившие при дворах более зажиточных собственников — старшин, монастырей, богатых казаков.

⁴ «История Латвийской ССР», т. I, стр. 327—328.

Кроме батраков, было много бобылей, которые за свою работу получали от хозяина клочок огорода или целины. Хозяева использовали труд бобылей как на своем поле, так и на барщине. Во второй половине XVIII в. бобылей отмечено особенно много. Например, по собранным А. Хупелем данным, в уезде Вильяндимаа 38,8% всего мужского населения составляли бобыли. Особенно было много бобылей в районах, где развивались мануфактурная промышленность, льноводство и лесная промышленность. Чем больше крестьянство втягивалось в промышленность и товарно-денежные отношения, тем яснее выступало углублявшееся в деревне имущественное неравенство.

В южной Эстонии некоторые крестьяне уходили на временные заработки в Тарту, Пярну, Таллин и другие города. Но большинство помещиков, опасаясь недостатка рабочих рук в своих имениях, не давали возможности работать на стороне. В противоположность русским помещикам, которые отпускали крестьян на денежный оброк, прибалтийские помещики делали основной упор на барщину. Барщина привязывала крестьян к месту жительства, доводила их до крайней нищеты¹.

Таким образом, в связи с развитием товарно-денежных отношений, дальнейшим ростом промыслов и промышленных предприятий в крестьянском населении возникли группы, которые не укладывались в законенные категории. Появились «капиталистские» крестьяне, которые имели купчие земли, промышленные предприятия, эксплуатировали в них наемный труд. Появились крестьяне, которые отрывались от средств производства и продавали свою рабочую силу «капиталистам» крестьянам. Все это свидетельствует о начале распада прежнего крестьянского сословия, о возникновении новых классов, взаимоотношения которых основывались на экономических противоречиях.

Положение новых нарождающихся классов в феодальном обществе было противоречиво. С одной стороны, крестьяне, нанимавшие других крестьян на сельскохозяйственные работы или выступавшие как владельцы промышленных предприятий и эксплуатировавшие наемный труд, были по существу «капиталистскими», но, с другой стороны, находясь в феодальной зависимости от того или иного землевладельца-феодала (помещика или государства), должны были ему подчиняться, выполнять его распоряжения и платить ему феодальную ренту. Характерны взаимоотношения ивановских «капиталистских» крестьян и помещиков Шереметевых, стремившихся как можно выгоднее использовать зависимое их положение. Прежде всего Шереметевы стремились перенести на владельцев предприятий значительную долю мирских повинностей. По собственному свидетельству ивановских «капиталистских» крестьян, они заплатили в 1749 г. «подушных и прочих сборов без мала за 300 душ», а в 1752 г., доносили они, «по вотчинному народному расположению платим мы... на каждый год с лишним по 200 руб.». Затем владельцы предприятий должны

¹ «История Эстонской ССР», стр. 133—136.

были платить своему господину натурой: поставлять ему определенное количество скатертей и салфеток или заменять натуральную поставку денежной. С 1750 г. «фабрикант» Грачев платил помещику ежегодно 552 руб., Бутримов 217 руб. Наконец, «фабриканты», по его требованию, ссужали ему деньги. В 1770 г. Ефим Грачев вынужден был дать П. Б. Шереметеву 3058 руб.¹ Н. П. Шереметев у того же Грачева в 1793 г. занял наличными 10 тыс. руб., в следующем году еще 5 тыс. Многие «капиталистые» крестьяне старались уклониться от дачи денег взаймы, так как помещик не возвращал денег в срок. П. Б. Шереметев, прося у своего крепостного миллионера Сеземова одолжить ему 10 тыс. руб., пригрозил, что если Сеземов денег не даст, то не получит на откуп питейных и прочих сборов. Тогда Сеземов передал деньги через посредство банкира Ивана Тамеса, на имя которого был написан вексель. Заем, полученный графом от его крепостного, был перестрахован банкиром².

Помещики отбирали у зажиточных крестьян деньги под видом ссуды, штрафа, а то и без всякого повода. «Капиталистые» крестьяне, опасаясь притязаний помещика, часто предпочитали припрятывать накопленные деньги, чем вкладывать их в промышленные предприятия. Крепостнический строй тормозил процесс крестьянского накопления, сокращал покупательную способность подавляющего большинства усиленно эксплуатируемого крестьянского населения³.

Противоречиво и положение оброчного крестьянина, нанимавшегося на купеческую или крестьянскую мануфактуру. Будучи помещичьим крестьянином, он находился в крепостной зависимости от помещика; будучи государственным крестьянином, он находился в феодальной зависимости от государства и в большинстве случаев еще не был лишен средств производства и пользовался земельным наделом. По отношению же к предпринимателю в промышленности и земледелии он выступал как наемный рабочий.

Таким образом, во второй половине XVIII в. происходил дальнейший процесс формирования новых классов в деревне, развивались промыслы, крестьянская мануфактура, предприятия капиталистического типа; но средства производства являлись собственностью феодала, трудящиеся массы находились в зависимости от него. Старые производственные отношения уже не соответствовали характеру производительных сил. Но существовавший экономический строй общества подкреплялся всем законодательством дворянского государства и, в частности, законодательством с крестьянами; феодально-крепостнический строй тормозил ход экономического развития и замедлял процесс формирования новых классов.

Крепостное право во второй половине XVIII в. еще росло как вширь, так и вглубь. Крепостная зависимость распространилась на новые

¹ А. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачевы, стр. 225—233.

² К. Н. Щенегов. Указ. соч., стр. 108—109.

³ А. Л. Шапиро. К истории крестьянских промыслов и мануфактуры в России XVIII в. «Исторические записки», кн. 31, стр. 150—152.

категории людей и на новые территории. Указ 3 мая 1783 г. прикрепил к земле крестьян Левобережной Украины, — закон зафиксировал уже фактически сложившиеся отношения¹.

Прежние права помещиков над крестьянами оставались в силе: крестьяне были прикреплены к земле, не могли самостоятельно переселяться не только из одной вотчины в другую, но даже в пределах вотчины из деревни в село; крестьяне находились в личной зависимости от помещика: они не могли распоряжаться своим имуществом, браки крестьян допускались только с согласия помещика, смотревшего на них с точки зрения умножения числа плательщиков. Помещик имел право покупать, продавать, дарить и наказывать крестьян по своему усмотрению. Помещик имел право переселять крестьян из одного имения в другое. Много было переселено крестьян на Урал владельцами тамошних заводов, а также в Оренбургский край, где помещики за бесценок приобретали огромные количества земли у башкир. Переселения неблагоприятно отражались на благосостоянии крестьян, принуждая их бросать устроенное хозяйство². Много страдали крепостные от того, что помещики продавали их не только отдельно от земли, но даже разделяя членов одного семейства; продавались на вывоз целые деревни. Продажа людей в розницу приняла самый позорный вид; крестьян толпами выводили на рынок, и даже в Петербург привозили людей на продажу целыми барками³.

Издавались указы, имевшие целью ограничение продажи крестьян. В 1766 г. было запрещено совершать купчие на взрослых крепостных за три месяца до рекрутского набора, а в 1771 г. запрещено при конфискации имений и продаже их с аукциона продавать людей без земли. Но эти указы практического значения не имели, их всячески обходили.

Права помещиков как вотчинных судей были неограниченны. Правительство не регламентировало наказания, которым помещики могли бы подвергать своих крестьян. Некоторые помещики, как, например, П. А. Румянцев, сами составляли такие положения (1751).

Насколько велика была власть помещиков в отношении крестьян, видно из того, что в тогдашних законах не было предусмотрено, какому наказанию подвергать помещиков-мучителей и даже тех, которые истязаниями доводили своих людей до смерти. Права помещиков в отношении крестьян

¹ ПСЗ, т. XXI, № 15724, стр. 907—911.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 162—164.

³ Крестьянин при продаже с землею в 60-х годах стоил 30 руб., в 80-х годах — 80 руб., в 90-х годах цена поднялась до 200 руб. При продаже в одиночку цены были чрезвычайно различны — от десятков рублей за взрослого до нескольких рублей и даже копеек за детей. Люди, обученные какому-нибудь ремеслу, ценились дороже. Потемкин купил у фельдмаршала Разумовского оркестр музыкантов-рожечников за 40 тыс. руб. — по 800 руб. за каждого. Особенно была распространена продажа рекрутов: в 1766 г. рекрут стоил 120 руб., в 1786 г. — 360 руб., в 1793 г. — 400 руб. В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 166—170, 173—175.



Наказание крестьянина батогами в присутствии помещика.
Гравюра Х. Г. Гейслера конца XVIII в.

были расширены. По указу 1760 г. дворяне получили право ссылатъ своих крестьян в Сибирь на поселение¹. Нередко это были наиболее активные в классовой борьбе представители народных масс. Хотя в указе и говорилось, что ссылка имела целью заселить удобные для жизни местности Сибири, но она оказалась для помещиков выгодной: они получали за душу мужского пола в возрасте свыше 15 лет рекрутскую квитанцию, до 15 лет — 20 руб., до 5 лет — 10 руб., за членов семьи женского пола — половину. По указу 1765 г. помещики получили право людей своих по их «продерзостному состоянию» отдавать в каторжные работы «на толикое время, на сколько помещики их похотят»².

Одновременно проводилось ограничение прав крестьян. Указом 22 августа 1767 г. крестьяне, под угрозой жестокого наказания и ссылки на каторжные работы, лишались права подавать челобитные на злоупотребления своих помещиков³.

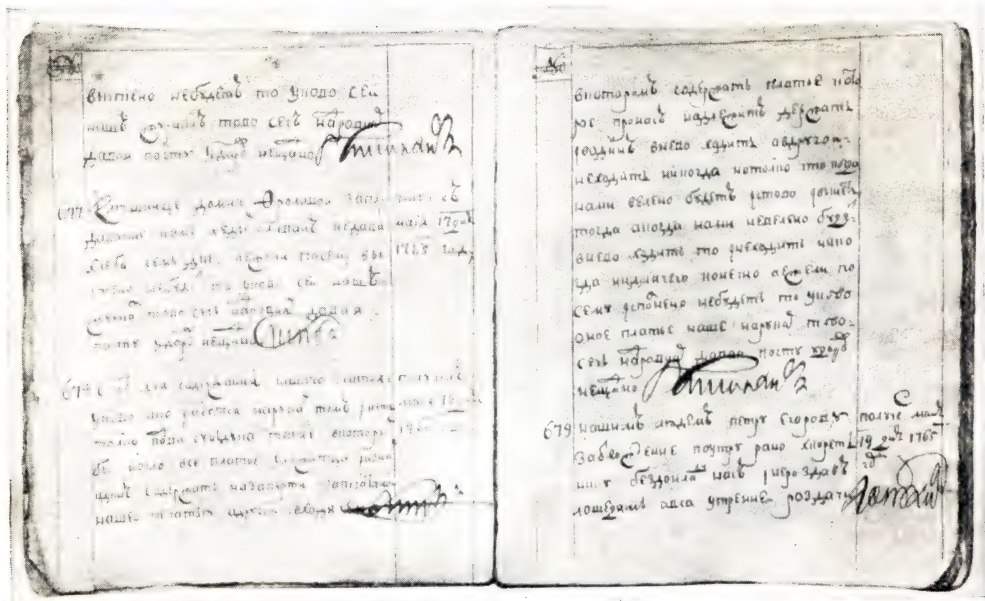
Имущественные права крестьян также подверглись ограничению. Еще в 1731 г. было велено: «Крестьян ни в откупы, ни в подряды не допускать, кроме найму подвод и судов и каких-либо работ». В 1761 г. крестьянам запретили обязываться векселями и принимать на себя поручительство без дозволения владельца⁴.

¹ ПСЗ, т. XV, № 11166, стр. 582—584.

² ПСЗ, т. XVII, № 12311, стр. 10.

³ ПСЗ, т. XVIII, № 12966, стр. 336.

⁴ ПСЗ, т. VIII, № 5789, п. 22, ст. 2, стр. 496—497; т. XV, № 11204, стр. 649—650.



Журнал наказаний дворовых людей помещика Лопухина 1763—1765 гг.

Государственный Исторический музей

Таким образом, помещичьи крестьяне юридически были почти совершенно бесправны перед лицом помещика. А. Н. Радищев писал: «Помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклёпанного в узы, се жребий заклёпанного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме!»¹. Тяжесть крепостного гнета испытывали на себе и богатые крестьяне; например, в 1793 г. зажиточный крестьянин с. Иванова Бурылин жаловался помещику Шереметеву на управляющего, который без суда посадил его под караул и «тем нанес ему не только «телесную обиду», но и «остановку в его заведении и коммерции»»².

Крепостнический порядок в вотчинах обеспечивали приказчики, назначаемые из дворовых людей, или управляющие из вольных людей. Власть их осуществлялась при помощи различных выборных из крестьян должностных лиц: старост, целовальников, сборщиков и др. В тех местах, где развивались торговля и промышленность, во главе вотчин стояли зажиточные крестьяне. В Ивановской вотчине Шереметевых еще в 40-х годах среди первостатейных крестьян для занятия должности выборного была установлена очередь. Будучи выбранными, они отвечали своими материальными средствами за исправный сбор денежного оброка и исправное выполнение полевых работ на барском поле.

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I. М.—Л., 1937, стр. 358.

² К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 122.

Государственные крестьяне сидевшие на «черных землях», несомненно пользовались несколько большей хозяйственной самостоятельностью по сравнению с частновладельческими крестьянами и располагали большими возможностями в деле передачи своих прав по владению и пользованию земельными участками. Но следует учесть, с одной стороны, непрерывное сужение их личной свободы и возрастание их «крепости земле», а также повинности, лежавшие на них по отношению к государству, в особенности в Сибири, с другой — неограниченное право государей по распоряжению черными землями и возможность превращения государственных крестьян в любой момент в частновладельческих. Поэтому нельзя признать государственных крестьян вполне свободными: над ними тяготела феодальная зависимость, правда, не такая тяжелая, как над частновладельческими крестьянами¹.

Государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми; они признавались субъектами гражданского и публичного права и в то же время полностью зависели от феодальной государственной власти. Государство стремилось расширить и усилить феодальную эксплуатацию этой категории земледельцев и в то же время оказывалось вынужденным санкционировать и расширять их права.

Земельные наделы государственных крестьян превышали наделы помещичьих крестьян. Ко второй половине XVIII в. среди государственных крестьян определились группы многоземельных и малоземельных. Вопросами землепользования, разверсткой податей и повинностей государственных крестьян ведал мир. Управление делами сельского общества находилось в руках выборных властей — старост, сотских, десятских и «лучших людей». На эти должности выбирали богатых крестьян. В их



Плеть старосты Вельского уезда Вологодской губернии, 1790-е годы.

Государственный Исторический музей

¹ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 216.



Крестьянская утварь, XVIII в. Деревянный ковш.

Государственный Исторический музей.

обязанности входило разрешение чисто административных и главным образом поземельных вопросов. Каждое общество имело свою «избу», казну и писаря. Волостное управление, выполнявшее преимущественно административно-полицейские функции, состояло из выборных — волостного головы, старосты или представителя того селения, где оно находилось, и писаря. Судились крестьяне (после 1775 г.) в нижней и верхней расправах, в которых заседателями были выборные из богатых крестьян «от тех селений, кои составляют подсудное ведомство».

Правительство в широких размерах приписывало государственных крестьян к горным казенным и частным заводам для отработки податей и раздавало их во владение частным лицам.

Крепостническое землевладение в XVIII в. укрепилось и на Дону. Основу крепостнического землевладения на Дону составляли хуторские хозяйства старшин и богатых казаков. Обеспечение этих хозяйств рабочей силой происходило главным образом за счет вольной колонизации крестьянского населения из Великороссии и Украины. Некоторое значение имело также принудительное поселение крепостных крестьян, купленных в центральных губерниях России. Но постепенно в течение XVIII в. крестьянское население на Дону слилось в одну категорию крепостных крестьян.

Крестьянам приходилось селиться на землях, захваченных старшинами. Это ставило крестьян в феодальную зависимость от них. Господствовала отработочная форма ренты. В середине XVIII в. она достигла двух дней в неделю, с 80-х годов — трех-четырех, и была не меньшей, чем в центральных губерниях России. Быстрый рост барщины во второй половине XVIII в. служит одним из показателей общих изменений, происшедших на Дону. Область Войска Донского втягивалась в орбиту «всероссийского рынка». Стремясь к увеличению доходов и укреплению своей власти, старшины расхватывали земельные владения и закрепощали

поселявшееся там крестьянское население. В этом старшины находили поддержку у царского правительства, которое видело в казачьей верхушке свою социальную опору. В 1763 г. донских крестьян обложили подушной податью, тяжелым бременем легшей на их плечи. Недомки по подушному окладу быстро росли. В последнем десятилетии XVIII в. на Дону была введена рекрутская повинность. Ответственность за выполнение государственных, войсковых и станичных повинностей возлагалась на владельцев, и это усиливало зависимость крестьян от них.

Уже в 60-х годах крестьяне фактически лишились права перехода, а указом 12 декабря 1796 г. были окончательно закрепощены. После переписи

1763 г. донские крестьяне рассматривались как люди «записанные», т. е. прикрепленные к земле и к владельцу, и в правовом отношении почти ничем не отличавшиеся от крепостных. Крестьянам запрещалось владеть хуторами и рыбными заводами, обязываться векселями и заемными письмами. В XVIII в. крестьяне, как сословие, резко отделялись от казаков и постепенно превращались в категорию «иногогородних»; противоречия между ними и казаками сознательно разжигались феодально-крепостнической верхушкой. Усиление крепостного гнета на Дону имело своим следствием обнищание крестьянских хозяйств и рост численности бурлаков, которые не имели хозяйства, земли, скота и жили работой «с найма»¹.

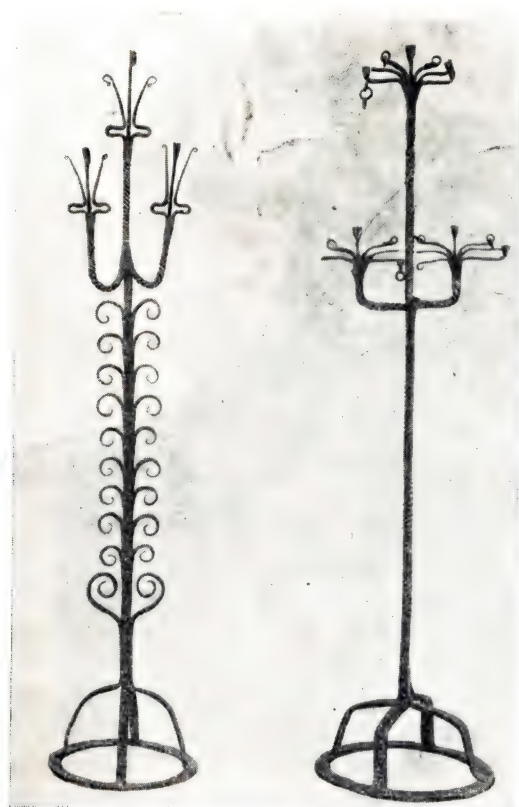
Таким образом, во второй половине XVIII в. крестьяне находились в феодальной зависимости от помещиков и государства, в руках которых сосредоточивалась феодальная собственность на землю. Размеры земельных наделов, находившихся в пользовании крестьян, были невелики и колебались в зависимости от системы хозяйства: при барщинной она была



Крестьянская утварь, XVII в. Деревянная резная солоница.

Государственный Исторический музей

¹ Текст о крестьянах на Дону (стр. 72—73) написан А. П. Пронштейном.



Крестьянская утварь, XVIII в. Железные
светцы.

Государственный Исторический музей

меньше, при оброчной — больше. В связи с ростом товарного хозяйства оброк и барщинные повинности все время возрастали: оброк до 5 руб. с ревизской души, барщина с трех дней в неделю до пяти дней и более, принимая иногда характер месячины; развивалась и предпринимательская барщина. В оброчных вотчинах феодал усиленно повышал денежный оброк с крестьян, стараясь обложить и промыслы и промышленные предприятия их. Помещик в нечерноземной полосе оставлял себе не более 20—25% земли. В черноземной полосе он имел максимальное количество земли под запашкой. По России в целом (принимая во внимание форму эксплуатации всех категорий крестьян) преобладала оброчная система хозяйства, помещичьи же крестьяне, по данным о 19 центральных губерниях, несли главным образом барщинные повинности (оброчных крестьян было 46,3%, барщинных 53,7%).

Власть помещика над крестьянами укреплялась не только экономически, но и юридически. Законодательство дворянского государства не только сохраняло права помещиков покупать, продавать, дарить, наказывать крестьян по усмотрению, но и присоединило еще право ссылать крестьян в Сибирь на каторгу (указы 1760 и 1765 гг.). Крестьяне не имели права жаловаться на своих помещиков. По жалованной грамоте дворянству 1785 г. крестьяне не выделялись из простого инвентаря помещика.

В то же время обозначались в жизни крестьян новые явления, связанные с ростом товарного производства, с процессом расслоения внутри крестьянства, особенно проявившимся в нечерноземной полосе России в условиях оброчного хозяйства. Развивались промыслы, промышленность, торговля крестьян. Образовался верхний слой крестьянства, который концентрировал в своих руках все нити хозяйственной жизни деревни. Появились крестьянские промышленные предприятия капиталистического уклада с наемной рабочей силой. Усилился отход крестьян на

заработки. Отходники пополняли состав рабочих развивавшейся купеческой и крестьянской промышленности. Усиливалось расслоение крестьян и в черноземной полосе, на Украине, в Прибалтике. В связи с развитием товарности сельского хозяйства выделилась группа крестьян, накапливавших товарный хлеб для реализации его на хлебных рынках; в то же время в земледельческих районах развилось батрачество. В основе расслоения крестьянства лежали экономические противоречия, приводившие к началу формирования новых классов. Противоречия между производственными отношениями и характером производительных сил нашли свое отражение в крестьянских восстаниях XVIII в., вызывали разложение феодального хозяйства. Однако это была еще не та форма кризиса хозяйства, которая наступает тогда, когда нарушается единство производительных сил и производственных отношений в системе производства. Кризис феодального хозяйства начался в первой половине XIX в.

3

ДВОРЯНЕ

В экономическом и политическом отношениях дворянство было господствующим классом-сословием. В основе этого господства лежало владение землей и крестьянами; дворянское землевладение все более расширялось за счет заселенных черносошными или прежними дворцовыми крестьянами государственных земель. Пожалования в XVIII в. исчислялись, как известно, количеством ревизских душ. Однако в условиях роста товарности сельского хозяйства дворянство все более начинало ценить именно земельную собственность. «Я переносу всю ценность моего состояния на земли,— писал в 1770 г. Д. А. Голицын, высказывая свои мысли относительно организации помещичьего хозяйства,— значит, все старание, все заботы мои будут устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята...»¹.

На вторую половину XVIII в. падают особенно крупные раздачи дворянам ревизских душ, а следовательно, и земли (см. выше). К концу века дворянство владело громадным земельным фондом. В связи с этим резко возрастала заинтересованность помещиков в производстве сельскохозяйственных продуктов, предназначенных к сбыту на рынок.

Большое значение имело поощряемое правительством заселение помещиками восточных районов страны, Среднего и Нижнего Поволжья. А. Т. Болотов в своем описании Каширского уезда писал в 1766 г.: «Сколько я приметить мог, то во многих местах здешнего уезда [имеется] более способных работников, нежели земли, к деланию способной. Почему многие помещики от времени до времени вывозят крестьян своих в Воронежскую и Белгородскую губернию, и селят в степных уездах»².

¹ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II. М., 1952, стр. 42—43.

² Труды ВЭО, ч. II, СПб., 1766, стр. 197.

Основными приобретателями земель в восточных районах были крупнейшие помещики, такие, как Воронцовы и Куракины. Они переводили на новые места своих крестьян из деревень центральных районов, терявших для них первостепенное значение. Условия приобретательской деятельности помещиков в восточных районах России красочно описаны в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова¹. Деду писателя стало «тесно» в родовом имении в Симбирской губернии, и он предпринял длительную поездку в Башкирию, соблазненный рассказами о природных богатствах Уфимского наместничества и «о легком способе приобретать целые области за самые ничтожные деньги». Он купил в Бугурусланском уезде «около 5 тыс. дес. земли и заплатил так дорого, как никто никогда не плачивал, по полтине за десятину». Другие помещики предпочитали получать землю даром. Так, после образования Саратовского наместничества (1780) множество лиц обратилось к саратовскому и кавказскому генерал-губернатору П. С. Потемкину с просьбами об отводе им земель. Из них 33 человека получили в пределах этого наместничества до 1797 г. около 328 тыс. дес. земли, в том числе Д. А. Зубов приобрел около 90 тыс. дес., Н. П. Шереметев более 38 тыс. дес., Г. А. Потемкин, фаворит Екатерины II, 21 тыс. дес. и т. д.

С середины XVIII в. были проведены и другие мероприятия, укреплявшие положение дворянства. Рост внутреннего рынка привел к изданию закона об уничтожении с 1 апреля 1754 г. внутренних таможенных пошлин. Это вполне отвечало как интересам купечества, так и требованиям помещиков — производителей хлеба и сельскохозяйственного сырья. Навстречу потребностям дворянства шло учреждение в 1754 г. Дворянского заемного банка.

В качестве одного из мероприятий по укреплению дворянского землевладения власти предприняли межевание земель. Дворянское землевладение в XVIII в. отличалось большой дробностью и разбросанностью. Нередко несколько дворян владели землей сообща, без размежевания. Это служило постоянным источником земельных споров, тяжб, столкновений, нередко кровавых. Государственные земли очень плохо оберегались и становились предметом захвата помещиками. Наиболее серьезно пытались приступить к межеванию в 50-х годах XVIII в. Но из-за сложности задачи и неудовлетворительности межевой инструкции 1754 г. за одиннадцать лет был обмежеван только Московский уезд. Новая инструкция (13 февраля 1766 г.) появилась в исполнение указа 19 сентября 1765 г. о генеральном межевании². Оно было осуществлено в течение XVIII в. на территории почти половины губерний России. Практика межевания резко продемонстрировала его классовый характер. К земле дворян было «примежевано», особенно в Поволжье, много не только казенных земель, но и земель, находившихся в крестьянском пользовании.

¹ С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. I. М., 1900, стр. 1—18.

² ПСЗ, т. XVII, № 12474, стр. 329—339, № 12570, стр. 560 и др.



Помещичья усадьба конца XVIII в. «Забавы» под Москвой.

Акварель В. Причетникова.

Государственный Исторический музей

Важным законодательным актом, определявшим господствующее, привилегированное положение класса дворян, явился манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (19 февраля 1762 г.)¹. Освобождение дворян от обязательной военной и гражданской службы способствовало их оседанию в поместьях и развитию крепостного хозяйства. «Все находящиеся в разных наших службах дворяне,— гласил манифест,— могут оную продолжать, сколь долго пожелают». Узаконив право дворян уходить в отставку и располагать собою по собственному усмотрению (в частности, беспрепятственно выезжать за границу), правительство вместе с тем предусматривало и целый ряд мер, направленных к сохранению за дворянством командного положения как в армии, так и в центральной и местной гражданской администрации. Манифест содержал требование продолжать службу во время войны и перед ее началом, немедленно возвращаться на родину в случае «надлежащего» указа, оставаться в армии до получения обер-офицерского чина или отслужить 12 лет в меньших чинах и т. д. Помимо того, дворяне обязывались ежегодно выбирать 50 чел. для службы в Сенате и сенатской конторе.

Для манифеста 1762 г. как документа, обеспечивающего дворянству ведущее положение в стране, характерно выраженное в нем требование

¹ ПСЗ, т. XV, № 11444, стр. 912—915.

о сословном воспитании и образовании дворянских детей. Право воспитывать своих сыновей «в училищах и домах» по сути дела превращалось по манифесту в прямую обязанность, так как требовалось не только объявление в герольдии о детях, достигших 12-летнего возраста, но и предъявление отчета об их знаниях и дальнейшем прохождении наук. Дворянам, владевшим до 1 тыс. душ крестьян, предлагалось отдавать детей в кадетский корпус, а более крупным владельцам, в случае их нежелания сделать то же, предписывалось позаботиться о «пристойном» воспитании сыновей дома. Укрепляя дворянство как господствующее сословие, самодержавная власть стремилась поднять его весьма низкий в целом образовательный уровень.

Манифест о «вольности дворянской» возник в результате длительной подготовки и явился юридическим выражением давних домогательств дворян о расширении своих сословных привилегий.

Уклонение дворян под различными предлогами от гражданской и военной службы было широко распространено, и многочисленные указы, направленные против данного явления, не имели почти никакого успеха¹. В 40—50-х годах все чаще раздавались голоса дворянских идеологов (В. Н. Татищев, И. И. Шувалов, М. И. Воронцов, А. П. Мельгунов и др.), обосновывавших необходимость полностью или частично удовлетворить чаяния дворян. Правительство Анны Ивановны еще в 1736 г. узаконило сокращение срока службы до 25 лет². Ввиду того, что дворянских детей записывали в полк в детском возрасте, служба фактически кончалась к 30—35 годам. На время отмененный указ 1736 г. был вскоре (1740) восстановлен и применялся в течение 40-х и 50-х годов. В манифесте о «вольности дворянской» эта дворянская привилегия нашла свое окончательное завершение.

После издания манифеста 1762 г. дворяне не преминули воспользоваться столь долгожданным правом и в большом числе устремились на жительство в собственные деревни. Переселяясь в провинцию, дворянин нес туда, вместе с внешним культурным лоском, усвоенным в столицах, ненасытную жажду обогащения, беспечный и праздный образ жизни за счет крепостного труда, в умножении которого он был теперь особенно заинтересован.

Предоставив дворянину возможность по собственному усмотрению жить в деревне, правительство всячески поощряло его занятия сельским хозяйством; указом от 28 марта 1762 г. разрешался вывоз за границу хлеба. Поощряя расширение посевов пшеницы и вывоз ее за границу, правительство 13 апреля 1766 г. на шесть лет освободило от пошлин вывоз пшеницы и пшеничной муки из всех портов империи, за исключением портов Лифляндии, Эстландии и Финляндии, в которых часть пошлин шла на содержание прибалтийских городов³. 23 сентября 1787 г. издан

¹ ПСЗ, т. IV, № 2157, 2199, 2327, 2337 и др. (стр. 387—388, 411, 642, 648 и др.).

² ПСЗ, т. IX, № 7142, стр. 1022.

³ ПСЗ, т. XV, № 11489, стр. 959—966.



Тканый шерстяной ковер работы крепостных мастериц с изображением усадьбы помещика Хомякова «Богучарово» Тульской губернии, 1770-е годы.

Государственный Исторический музей

указ «О подтверждении вольной и повсеместной торговли хлебом по всему государству»¹. Он содержал ссылки на указ 31 июля 1762 г., на ст. 24 «Жалованной грамоты городам» и указ 23 октября 1796 г. о свободном движении судов с хлебом и о поощрении привоза хлеба в Петербург. Непосредственным поводом к изданию указа 23 сентября 1787 г. послужил голод, охвативший многие губернии России.

Правительство предоставило дворянству монополию на винокурение (1755), в связи с чем рост его в хлеботородных губерниях достиг в 60—80-х годах громадных размеров.

Дворянство во второй половине XVIII в. не отличалось полным единством своих интересов. Наряду с прослойкой старого родового дворянства, дворянской аристократией, значительную долю господствующего сословия составляло дворянство чиновное. Вместе с крупным и средним дворянством существовало дворянство мелкое, владевшее подчас весьма ничтожной земельной собственностью и почти лишенное крепостных «душ». Родо-

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16578, стр. 898—899.

словные дворянские книги различали дворянство пожалованное, военное (т. е. приобретенное воинским чином), бюрократическое (приобретенное чином гражданской службы), древние дворянские роды, представители которых стремились держать себя обособленно от остальных дворян. По данным, относящимся к великорусским губерниям, в 1777 г. мелкопоместные владельцы (имевшие до 20 душ м. п.) составляли 59% всех помещиков, средние (владевшие 20—100 душ м. п.) — 25% и крупные (более 100 душ м. п.) — 16%¹, причем у крупных помещиков была сосредоточена основная масса крепостных. Это обстоятельство служило предпосылкой внутренних противоречий в дворянском сословии, которые не мешали, однако, дворянству выступать в качестве сплоченной, антагонистической по отношению к народу классовой силы.

Господствующее положение позволяло дворянству использовать внеэкономическое принуждение, доведенное до предела и обрекавшее крепостных крестьян на безысходное рабство. Указ 1760 г. гласил, что подвергнуть ссылке помещик может тех из «своих людей и крестьян», кто «вред, разорение, убытки и беспокойства приключают и другим, подобным себе, наивящие к таким же вредным поступкам примеры подают»². Запрещая отправлять «продерзостных» крестьян в Сибирь без их жен (впрочем, нарушение этого правила оставалось без последствий), указ, тем не менее, не препятствовал помещикам разлучать ссылаемых с их малолетними детьми. Если помещик отправлял в ссылку вместе с родителями и детей, то он мог получить от казны соответствующее вознаграждение, размеры которого объявлялись в указе с ничем не прикрытым цинизмом: 10 руб. за детей мужского пола до 5 лет, 20 руб. за детей от 5 до 15 лет; девочки оплачивались в половинном размере.

Вслед за указом 1760 г. появился в 1765 г. новый указ: помещик мог по своей воле и без решения суда отправлять «провинившихся» крестьян на каторжные работы на срок, какой «помещики их похотят»³. Наконец, в 1767 г. правительство подтвердило строжайшее запрещение крепостным жаловаться верховной власти на своих господ. Любая жалоба на помещика квалифицировалась как «извет», т. е. ложный донос, и каралась публичным наказанием плетью и ссылкой в Нерчинск «навечно»⁴. О широком использовании помещиками указов говорит, например, то, что к 1772 г. в Тобольской и Енисейской провинциях находилось 20 515 сосланных помещиками крепостных крестьян⁵. Основные, санкционированные указами, методы открытого принуждения находили свое дополнение в изощренной практике самих крепостников. Известны примеры московской помещицы Д. Н. Салтыковой («Салтычихи»), замучившей до смерти около ста чело-

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 32.

² ПСЗ, т. XV, № 11166, стр. 582—584.

³ ПСЗ, т. XVII, № 12311, стр. 10.

⁴ ПСЗ, т. XVIII, № 12966, стр. 334—336.

⁵ В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 185.

век; орловского помещика Шеншина, соорудившего у себя в поместье застенки с приспособлениями для пыток и целым штатом палачей; ярославского землевладельца Шестакова, не только истязавшего «днем и ночью бесчеловечно» своих людей, но и еще «развлекавшегося» стрельбой по ним из пистолета. Все эти факты могут считаться «исключительными» разве в том смысле, что в наиболее разительном виде представляют обычную практику, имевшую место сплошь и рядом, в сотнях и тысячах случаев. Какие формы подчас приобретала власть дворянина над крепостными, можно видеть из дошедшего до нас журнала домового управления (1763 — 1765) помещика средней полосы. «Впредь, ежели кто из людей наших, — читаем в этом документе, — высечетца плетью на дровнях, дано будет сто ударов, а розгами дано будет семнадцать тысяч, таковым более одной недели лежать не давать; а которым дано будет плетью по полусотне, а розгами по десяти тысяч, таковым более полунедели лежать не давать же; а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба, столового запаса и указного всего же; да из жалованья, что на те дни причтетца, вычитать без упущения». Ярким примером жестокости и барского самодурства является распоряжение «сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно», в случае, «ежели когда во время езды нашей в гости не положится в карман гребенка, да для чищенья платья не возьмется щетка»¹.

Как всякий угнетающий класс, русское дворянство нуждалось «...для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа»². Ссылаясь на авторитет «священного писания» («слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым»), церковь требовала покорности помещикам. Но дворяне помимо церкви нередко принимали собственные меры для поддержания религиозности среди подвластных им людей. Об этом можно судить, например, по следующей записи в упомянутом выше журнале домового управления: «Впредь всегда нашим людям говеть... и причащаться всех принуждать всякой год без пропуска. А ежели кто которой год не будет говеть, того плетью, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по пяти тысяч раз, нещадно». Дворяне ставили в полную зависимость от себя низшее духовенство, которое, вольно или невольно становясь соучастником помещичьих насилий над крестьянами, «освящало» совершаемые по прихоти помещика принудительные браки и т. д.

В страхе перед повторением событий 1773—1775 гг. самодержавная власть осуществляла ряд мероприятий, направленных к расширению и подтверждению дворянских привилегий, к усилению административного надзора за крестьянами. Наиболее важными были «Учреждения для управления губерний» (1775) и так называемая Жалованная грамота дворянству (1785)³.

¹ См. статью *И. Забелина* «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве». «Вестник Европы» за 1871 г., № 2, февраль, стр. 509—512.

² *В. И. Ленин*. Соч., т. 21, стр. 206.

³ ПСЗ, т. XX, № 14392, стр. 229 и сл.; т. XXII, № 16187, стр. 344 и сл.

Учреждение о губерниях разукрупняло как губернии (50 вместо 20), так и уезды, которых стало вдвое больше прежнего. Тем самым намного возрастал контингент местной администрации, и в то же время сужение поля ее деятельности открывало возможность более тщательного наблюдения за управляемой территорией. Помимо назначаемых верховной властью по представлению Сената руководящих должностных лиц губерний (генерал-губернатора, губернатора, обер-полицмейстера, губернского прокурора и его помощника, городничего, председателей палат, председателя верхнего земского суда), дворянство выдвигало из своей среды, согласно Учреждению о губерниях, кандидатов на множество выборных должностей. Из числа дворян выбирались сроком на три года весь состав заседателей верхнего земского суда, земский исправник, земские, совестные и уездные судьи и т. д.

Одним из проявлений заботы правительства о господствующем сословии была организованная на основе того же Учреждения о губерниях дворянская опека — сословный орган, ведавший устройством дворянских вдов и малолетних дворянских детей и подчиненный уездному предводителю дворянства.

Объявленная десятилетием спустя после губернской реформы Жалованная грамота дворянству — завершающее звено в политике возвышения дворянского сословия. Жалованная грамота выделяла дворянство из свободных сословий России. Ее действие распространялось не только на великорусское дворянство, но также и на прибалтийских, украинских, белорусских и донских дворян. Таким образом, дворянство становилось единым всероссийским сословием. Правительство ставило своей задачей непоколебимо сохранять и утверждать дворянство. Этой цели соответствовали пункты Жалованной грамоты, определявшие наследственный и потомственный характер дворянского «достоинства», сообщаемого не только детям, но и жене дворянина, в случае, если она не принадлежала к «благородному» сословию. Перечисляя далее в самой общей форме преступления, несовместимые с дворянством (нарушение клятвы, государственная измена, разбой и т. д.), Жалованная грамота, разумеется, оставляла в тени бесчисленные акты зверского насилия и угнетения, чинимого дворянами над массой крепостных крестьян и, как правило, полностью сходявшего им с рук. Более того, Жалованная грамота объявляла дворянам своего рода амнистию, предав «вечному забвению» их преступления, «коим 10 лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны и по оным производства не было». Без приговора суда дворянин не лишался дворянского достоинства, чести, жизни и имущества, причем судить его могли лишь «свои равные». Решения по уголовным преступлениям дворян приобретали силу только после внесения в Сенат и конфирмации.

Жалованная грамота еще раз подтвердила ранее предоставленные дворянам права и привилегии: исключительное владение поместьями и крепостными, оптовую продажу всего, что «в деревнях родится или рукоделием производится», покупку домов в городах, освобождение от обязательной



Мирской сход в присутствии помещика и священника.
Гравюра из книги «Деревенское зеркало», 1799 г.

службы и от личных податей, от постоя в помещицкой усадьбе, от телесного наказания, которое «да не коснется до благородного». Идя навстречу предпринимательской деятельности дворянства, Жалованная грамота позволяла дворянам «иметь фабрики и заводы по деревням», а также в городе, заводить в вотчинах «торги и ярмонки» и свободно распоряжаться принадлежащими им лесными угодьями. Она подтверждала указ 1782 г. о праве собственности дворян не только на землю, им принадлежащую, но и на ее недра.

Жалованная грамота утверждала корпоративное начало в дворянском сословии. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1767 г. при введении института губернских и уездных предводителей дворянства. Однако только теперь «дворянское общество» входило в законную силу и полностью приобретало значение юридического лица.

Дворянские собрания происходили раз в три года; в их компетенцию входило: выборы местных должностных лиц из дворян, выборы двух кандидатов в предводители дворянства (губернатор утверждал одного из них), заявление губернатору «о своих общественных нуждах и пользах». Дворянское собрание имело право выделять особых депутатов для представлений и принесения жалоб непосредственно в Сенат и верховной власти.

Узаконив за «дворянским обществом» право устранять того или иного дворянина из своей среды, а следовательно и от выборной службы, Жалованная грамота тем самым наделяла сословный дворянский орган и некоторыми дисциплинарными функциями. Исключение из «дворянского

общества» не могло не стать серьезным препятствием к определению дворянина на любую административную должность. С этим обязана была считаться бюрократическая верхушка. А это в известном смысле означало предоставление дворянству как господствующему классу косвенной возможности вмешиваться в административные прерогативы высшего государственного аппарата. При всем том, охраняя принципы неограниченного самодержавия, Жалованная грамота, однако, подчеркивала зависимость корпорации дворян от «государевых наместников», генерал-губернаторов, за которыми был закреплён созыв дворянских собраний. Представления генерал-губернатора собрание должно было принимать «в уважение» и делать по ним «пристойные ответы, решения и соглашения». «Дворянское общество» ограничивалось рамками губернии: верховная власть не допустила создания сословного дворянского органа общегосударственного значения.

Жалованная грамота определяла зависимость между имущественным цензом и правовым положением в дворянском собрании. Собранию запрещалось выдвигать для замещения выборных должностей дворян, имевших менее 100 руб. дохода с деревень. Дворянин, вовсе не владевший деревней, лишался активного избирательного права в собрании: он, как сказано в Жалованной грамоте, «присутствовать может, но только голоса не имеет». Подобным же ограничениям подвергались и те дворяне, которые хотя и владели деревнями, но либо не служили никогда, либо не дошли по службе до обер-офицерского чина. Екатерининское правительство опиралось прежде всего на наиболее состоятельные дворянские круги, а также на чиновное дворянство. Не случайно идеолог родовитого дворянства М. М. Щербатов резко нападал на пункты Жалованной грамоты, трактующие о цензе. Значение дворянства подчеркивалось, в частности, подробно разработанными Жалованной грамотой правилами ведения родословных книг, предусматривающими избрание в каждом уезде специального «депутата» для наблюдения за родословными книгами.

Экономическое и политическое положение дворянства как господствующего класса, обладание неограниченной властью над крестьянами определяли характер дворянского быта. Общеизвестны расточительство и безудержная роскошь, господствовавшие в среде высшей придворной знати. За ней тянулось и среднее дворянство. Званные приемы, азартная карточная игра, а также взяточничество — все это, по многочисленным свидетельствам современников (А. Т. Болотов, Г. С. Випский и др.), имело широкое распространение в дворянской среде. В массе своей дворяне не отличались сколько-нибудь высоким уровнем просвещения, нередко встречались и совсем неграмотные дворяне. Разумеется, это не значит, что среди дворян не было образованных и культурных людей. Известные слои дворян тянулись к знаниям потому, что без этого было немислимо развитие предпринимательской деятельности в дворянском поместье, и образование помогало продвижению по службе. В то же время дворянство как господствующий класс тормозило рост отечественной культуры, ограничивая или запрещая людям из народа доступ к образованию.

4

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Рост товарного производства и углублявшееся расслоение крестьянства нашли свое отражение и в распространении крестьянских промыслов. Домашняя крестьянская промышленность, удовлетворявшая в условиях натурального хозяйства потребности самого крестьянского хозяйства и нужды помещичьей усадьбы, теперь все более и более связывалась с рынком, превращалась в производство для рынка.

Во второй половине XVIII в. крупными центрами крестьянской промышленности становятся села и города Московской губернии. Помимо издавна существовавшей здесь выработки тканей из льняной пряжи, получило широкое развитие производство шелковых и бумажных тканей. Занимались крестьяне Московской губернии и производством сукон. Сильно выросло крестьянское набоечное производство, сосредоточенное по преимуществу в Ивановском, Зуевском и других центральных районах. Набоечное производство по холсту стало развиваться здесь с 50-х годов XVIII в., ситценабивное — несколько позже, повидимому с середины 80-х годов. Помимо Иванова, Зуевского и Богородского районов и Московского уезда, широко развивалось крестьянское текстильное производство в г. Шуе и его уезде. Здесь, кроме набивного производства, среди крестьян развивалось ткацкое дело. Сведения о распространении среди крестьян по преимуществу шелковых, льняных, шерстяных промыслов сообщает И. Георги, имевший возможность ознакомиться с ними путем личных наблюдений¹. В центральном районе страны продолжала развиваться и полотняная промышленность. Помимо Московской губ., полотняное производство было развито во Владимирской губ., где большую известность как центр полотняной промышленности еще в начале XVIII в. приобрело с. Кохма². Полотняное производство было также развито в Архангельской губ., в Вологодском наместничестве, Ярославской, Тверской, Костромской, Нижегородской и Казанской губерниях. О размерах распространения полотняных промыслов свидетельствует широкий вывоз льняных «кустарных» изделий за границу, поступление большого количества крестьянского холста на ярмарки, в том числе на Макарьевскую; одна Тверская губерния в 80-х годах XVIII в. поставляла на рынок 10 млн. аршин кустарного холста.

Этим древним видом производства занимались повсюду, но выделка полотняных тканей не везде выходила за рамки домашней крестьянской промышленности. В значительной своей части этот промысел, в противоположность шелкоткацкому делу и ситценабивному производству, носившим чисто товарный характер, продолжал удовлетворять нужды самих

¹ И. Георги. О работах крестьянских промыслов. «Труды ВЭО», СПб., 1814, стр. 156—157.

² В. Борисов. Село Кохма в Шуйском уезде Владимирской губ. 1856.

производителей, или его продукция в виде оброка поступала в распоряжение помещиков. Что касается производства широкого холста, в большом количестве вывозимого за границу, то оно, как и в первой половине XVIII в., продолжало сосредоточиваться на крупных купеческих мануфактурах и мало проникало в крестьянские светелки. Сколько-нибудь надежные статистические данные о распространении среди крестьян текстильного промысла привести невозможно. Известно, что за 1773 г. в Московском уезде выбрали свидетельства на право иметь ткацкие станы 1021 чел.; в Ивановской вотчине Шереметевых в 1789 г. отмечено наличие 224 набойных и ткацких заведений, из них 152 имели по 1—10 наемных рабочих. Но все имеющиеся данные о числе лиц, занятых на дому текстильным производством, должны быть признаны преуменьшенными, так как основная их масса — светелочники — совершенно не поддается достоверному статистическому учету.

Сохраняла свое значение среди крестьянских промыслов и железноткацкая промышленность, области распространения которой явственно обозначились уже в XVII в.: Тульский район, центральный, включая сюда и Нижегородский край, северные и северо-западные губернии, Олонецкий край и Урал. Впрочем, развитие на Урале казенной, а также частной привилегированной мануфактуры в первой половине XVIII в. подорвало здесь старинные крестьянские промыслы. Ко второй половине века Урал окончательно превратился в важнейший центр крупной металлургической и металлообрабатывающей промышленности, и мелкие крестьянские промыслы по обработке и выплавке металла в экономике края уже не играли сколько-нибудь заметной роли, хотя и не были полностью уничтожены. В большей мере они сохранились в Кузнецком и Алтайском краях. Но в районах железноткацкой промышленности Европейской части империи крестьянские промыслы по обработке металла продолжали играть крупную роль. Старинным центром крестьянской железноткацкой промышленности являлся Олонецкий край.

Служивший в России в 90-х годах шведский инженер И. Э. Норберг посетил Устюженский район и сообщал, что «на территории приблизительно 100 верст в длину и 80 в ширину, где не проживает никто из дворян, можно считать большинство мужского населения прирожденными кузнецами», потому что они «все свое свободное время, остающееся им от земледелия, проводят в кузнице: так сын научается обычно промыслу своего отца»¹. Норберг называл Устюженский край крестьянским горным округом. Интересно свидетельство П. И. Челищева, посетившего край в 1791 г. Он говорит не о металлообрабатывающей промышленности, а о добыче крестьянами железа из местных болотных руд². В 90-х годах, в связи с

¹ «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I. М.—Л., 1935, стр. 319—320.

² «Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева». СПб., 1886, стр. 241.



Набойка второй половины XVIII в.

Государственный Исторический музей.

значительным понижением цен на железо на европейских рынках, уральское железо стало в большом количестве сбываться на внутреннем рынке и проникать в Новгородский край. Это не могло не нанести ущерба местной крестьянской металлургии, но все же конкуренцией высокосортного уральского железа она убита не была.

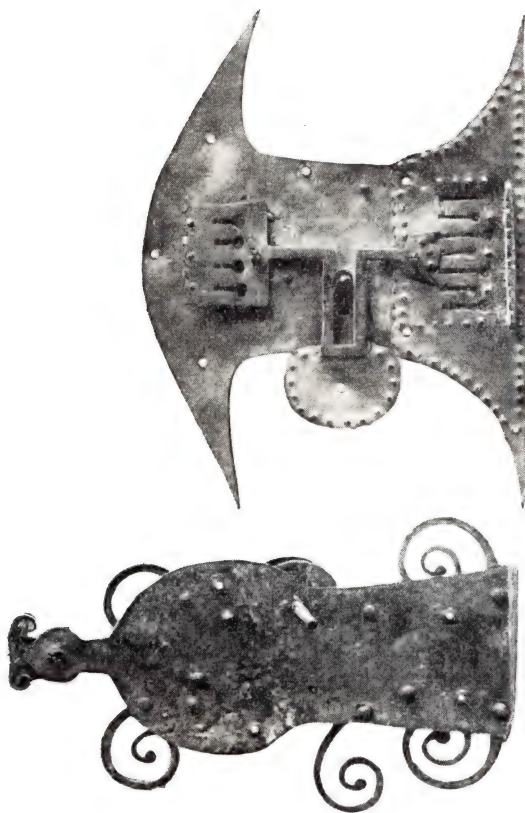
Иное влияние привозное уральское железо оказало на крестьянские промыслы центральных районов. Здесь выплавка железа в крестьянских домницах существовала в Московской, Тверской, Калужской и Нижегородской губерниях. Во второй половине XVIII в. крестьянские домницы в этих губерниях начали быстро исчезать, но не исчезла крестьянская обработка привозного железа. Крестьянские металлообрабатывающие промыслы остались во всех этих губерниях, но сохраняли местный характер, обслуживая местный рынок. Значение общероссийского центра железообрабатывающей промышленности не утратила лишь Нижегородская губерния, и прежде всего с. Павлово. В описании 1782 г. с. Павлово выступает как крупнейший в России центр металлообрабатывающих промыслов. Другими, но более мелкими центрами крестьянской металлопромышленности в Нижегородской губернии были с. Ворсма, а во Владимирской губернии — с. Вача и некоторые другие селения Муромского и Судогодского уездов. В с. Павлове в конце XVIII в., помимо четырех стальных заводов, выплавлявших 6500 пудов стали в год, насчитывалось 323 слесарных мастерских, «состоящих при домах». Крестьяне, которым принадлежали слесарни, вырабатывали в год до 21 тыс. дюжин столовых и складных ножей, до 900 тыс. замков, до 12 тыс. ножниц, до 3 тыс. ружей¹. Общая стоимость продукции этих крестьянских мастерских по самым минимальным расчетам оценивалась почти в 240 тыс. руб. Мастерские были сосредоточены не только в самом с. Павлове, но и в окружающих его 9 деревнях. В конце XVIII в. в Павлове числилось 3059 душ м. п., совершенно порвавших с земледелием. В окрестных деревнях промышленный труд крестьян сочетался с занятием земледелием. Павловские изделия находили сбыт по всей стране, их даже вывозили за границу. Крупным промышленным центром являлся район с. Безводного, где в конце XVIII в. проживало 2499 чел., совсем не занимавшихся земледелием.

В старинном центре железоделательной промышленности — Тульском районе — эта промышленность во второй половине XVIII в. пришла в упадок. К 60-м годам сохранились почти исключительно крупные предприятия железоделательной промышленности, но и их число сильно сократилось по сравнению с количеством в первой половине XVIII в.²

Большое место в промышленном производстве занимали и мелкие крестьянские промыслы по обработке кожи. Они были многочисленны в Казанской губернии, в Галичском уезде Костромского края, в Вятской

¹ С. И. Архангельский. Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе. «Труд в России». Исторический сборник, 1924, № 1, стр. 107.

² П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и нач. XIX вв. Л., 1947, стр. 417.



Железные дверные замки конца XVIII в.
Государственный Исторический музей

губернии, в Шуйском, Суздальском, Луховском, Муромском и Нижегородском уездах¹. Крупные размеры кожевенное производство с 40-х годов XVIII в. стало получать в Тверской губернии, где выделялись Осташковская слобода, а по сапожному промыслу — с. Кимры². В Нижегородской губернии крупным центром кожевенной промышленности было с. Павлово: к концу XVIII в. в нем насчитывалось 50 кожевенных «заводов»³. Крестьянские кожевенные заведения были распространены повсеместно. Простота и дешевизна оборудования предприятия, не требовавшего крупных капитальных затрат, привели к тому, что в этой отрасли производства в течение всего XVIII в. преобладали мелкие предприятия, где выделялись различные сорта кожи: прежде всего юфть, значительно реже и только на хорошо

оборудованных предприятиях — замша, сафьян, пергамент. По новейшим подсчетам, в кожевенном производстве было занято 12—15 тыс. чел., из них 6—8 тыс. на мелких предприятиях⁴.

Широкое распространение среди крестьян имели и другие виды промышленного производства: обработка дерева (в лесных губерниях — изготовление телег, сельскохозяйственного инвентаря, посуды, мебели и т. п.), керамическая промышленность, мыловарение и т. д. М. М. Щербатов имел серьезные основания отметить, что в России «...великое число крестьян, оставя земледелие, ударились в другие промыслы»⁵.

¹ И. Георги. Ответ на заданную Вольным Российским Экономическим обществом в С.-Петербурге на 1782 г. задачу. Продолжение трудов ВЭО, ч. III. СПб., 1783, стр. 140; Е. Дюбюк. Обрабатывающая промышленность Костромского края в ее прошлом. «Труды Костромского научного об-ва». Кострома, 1921, стр. 5.

² И. Ф. Токмаков. Город Осташков Тверской губ. и его уезд. М., 1906, стр. 209.

³ «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I, стр. 332.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России в XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 88.

⁵ М. М. Щербатов. Статистика в рассуждении России. М., 1859, стр. 22.



Резной деревянный ларец, конец XVIII в.

Государственный Исторический музей

Процесс общественного разделения труда был связан не с одним определенным районом и охватывал не один или два промысла, а приобретал повсеместный характер и касался самых разнообразных отраслей производства. Развитие крестьянских промыслов — типичное явление, его развитие обуславливалось не какими-либо местными специфическими условиями, — хотя эти условия и влияли на степень развития крестьянской промышленности, — а вызывалось в основном причинами общего порядка: развитием товарно-денежных отношений, процессом разложения натурального хозяйства. В частности, большое значение имели в этом смысле распространение денежного оброка и рост оброчных повинностей крестьян, явно выходивших за пределы доходности сельского хозяйства крестьянина, о чем ярко свидетельствовал рост отхожих крестьянских промыслов. Углубление общественного разделения труда и одновременно промышленной специализации районов может быть прослежено и более детально, на примере отдельных владений. Благодатный материал в этом отношении представляют данные об обширных вотчинах Шереметевых, откуда в отхожие промыслы уходила почти $\frac{1}{3}$ всех оброчных крестьян. Конечно, далеко не все уходившие на заработки занимались промышленным трудом. Многие из них заводили свои торговые предприятия или служили у купцов, другие занимались извозом; особенно много нанималось на суда. Среди шереметевских крестьян, уходивших в Москву, были портные, сапожники, печники, кузнецы и т. д.¹

Крестьянские промыслы в вотчинах Шереметевых были разбросаны в различных губерниях империи. Многочисленные промыслы по обработке

¹ К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 92.

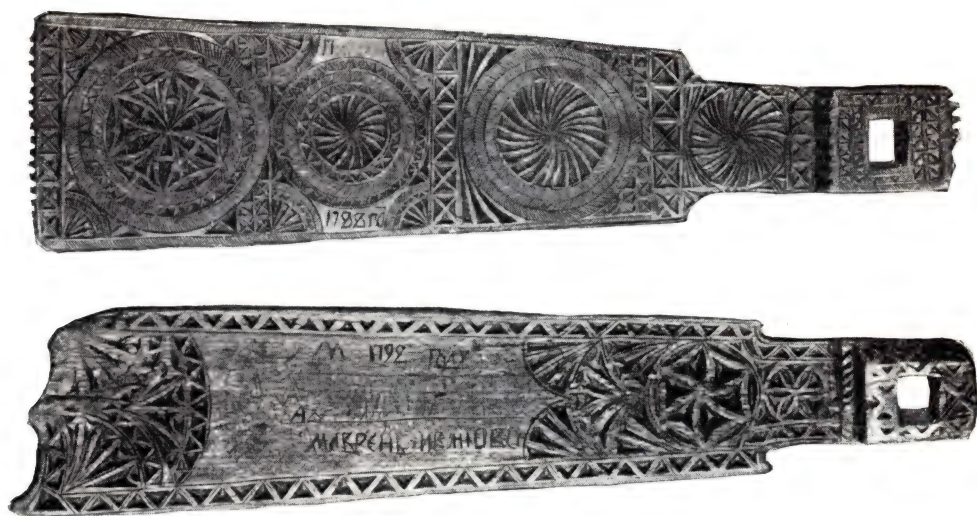
дерева (столярный, бондарный, токарный) существовали в Воронежской (в с. Алексеевке, славившемся бондарным промыслом, и в дер. Марьевке), Владимирской (в с. Васильевском), Ярославской (в деревнях Юхотской волости) губерниях. В других вотчинах были распространены кожевенное, сапожное, скорняжное производства. Ткацкий промысел сосредоточивался в с. Иванове Владимирской губ. Выше отмечалось, что в крупный центр металлообрабатывающей промышленности в XVIII в. превратились села Павлово и Ворсма Нижегородской губернии, где был сосредоточен слесарный промысел. Распространено было производство оловянных и медных крестов и пуговиц.

В вотчинах Шереметевых были развиты и другие, более мелкие крестьянские промыслы, — выделка гребней и горшечный промысел, иконописное и золотарное производства. Крестьянские промыслы в вотчинах Шереметевых особенно широкое распространение получили в Нижегородской, Владимирской и Ярославской губерниях, т. е. в оброчных вотчинах.

Крестьянские промыслы в оброчных имениях охватывали разнообразные отрасли производства и носили ярко выраженный специализированный характер. С одной стороны, это свидетельствует о глубоком проникновении товарных отношений в крестьянское хозяйство, с другой — специализация крестьянских промыслов создавала материальные предпосылки для объединения их в крупные, основанные на разделении труда, предприятия и тем самым содействовала перерастанию крестьянской мелкой промышленности в производство мануфактурного типа.

Мелкое производство имело широкое распространение не только в деревне, но и в городе. В деревне ремесленное производство почти не подвергалось правительственной регламентации, но организации городского ремесла правительство уделяло очень много внимания. Еще в 1722 г., при Петре I, была сделана попытка ввести в России цеховое устройство. Ремесленные цехи подчинялись городским магистратам. С упразднением магистратов (1727) пошатнулось и положение цехов. В Москве, например, число членов цехов с 1858 (1723) сократилось до 117 (1743). В 1743 г. магистраты и Главный магистрат были восстановлены, а через два года (1745) правительство приняло специальное решение о записи в цехи ремесленников в обеих столицах и в других городах империи. Это решение преследовало цель оживить деятельность цеховых организаций. Однако цехи продолжали владеть жалкое существование, что вынуждены были отметить и правительственные органы. Так, особая Конференция, учрежденная Елизаветой Петровной в связи с Семилетней войной, отмечала в 1760 г., что когда потребовалось шить мундиры для армии, в Москве цеховых оказалось так мало, что «упоминать о том не можно». Поэтому, говорилось в протоколе Конференции, «когда и во все прочие цехи с подробностью посмотреть, то происходящий от беспорядка или разрушения их вред неописанно велик быть имеет»¹.

¹ К. А. Пажитнов. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952, стр. 60.



Резные донца прялок 1788 и 1792 гг.

Государственный Исторический музей

В 1761 г. по третьей ревизии наличие цехов отмечено только в 104 посадах. В цехи объединялось 13 409 ремесленников. Подавляющее большинство городских ремесленников работали вне цехов. Вопрос об оживлении деятельности цехов был поднят в работе Комиссии по составлению нового Уложения и в наказах депутатов, причем ни один наказ не высказался против организации цехов. Многие из пожеланий, высказанных в наказах, нашли впоследствии отражение в Жалованной грамоте городам 1785 г. Жалованная грамота не делала запись в цехи обязательной: ремесленники, работавшие в одиночку, не имевшие звания мастера, получили право заниматься ремеслом и продавать свои изделия; однако они не могли иметь вывески, держать подмастерьев и учеников. Такая работа без записи в цех разрешалась «для дневного пропитания». Кроме того, сельским жителям — помещичьим, казенным или дворцовых крестьянам, а также колонистам — разрешались свободное занятие ремеслом в деревне и продажа своих изделий не только в деревне, но и в городе. Записаться в цех могли только те, кто причислялся к мещанскому сословию. Это ограничение привело к тому, что временные цехи, т. е. состоявшие из лиц, которые записались в цеховые организации на срок выданных им паспортов, должны были закрываться. Но это произошло далеко не повсюду; в частности, временные цехи закрылись в Петербурге. В 1796 г. Сенат отменил и эти ограничения для записи в цехи — за временными цехами было признано право на существование.

Цех мог быть организован при наличии в данном городе не менее пяти мастеров одной специальности. Мастера избирали старшину и двух това-



Серебряная с чернью табакерка великоустюжской работы, XVIII в.

Государственный Исторический музей

рищей, которые утверждались магистратом или ратушей. С подмастерьями и учениками Ремесленное положение, изданное одновременно с Жалованной грамотой, предписывало мастерам обращаться «кротко», а подмастерьям и ученикам послушно и почтительно относиться к мастеру и его семье. Срок ученичества, по сравнению с законодательством начала XVIII в. о цехах, был значительно сокращен: ученичество продолжалось от 3 до 5 лет. Подмастерье, проработавший не менее 3 лет, получал свидетельство от мастера в том, что он овладел мастерством и «поведения доброго». Затем, после сдачи испытания, цеховая управа выдавала подмастерью, если ему исполнился 21 год, свидетельство на право мастера. В это положение о цехах изменения были внесены только в самом конце XVIII в. изданием 12 ноября 1799 г. Устава о цехах, но после смерти Павла в 1801 г. новое положение не распространялось за пределы Петербурга и Москвы.

Законодательство о цехах как первой, так и второй половины XVIII в., направленное на развитие сословной корпоративной организации ремесла, тем не менее, не создавало монопольного положения цехов в городах. Имеющиеся весьма неполные данные о численности цеховых ремесленников по отдельным городам еще не дают представления о развитии городского ремесла в целом. Так, в Петербурге, по данным Георги, в 1789 г. насчитывалось 56 цехов с 2106 цеховыми мастерами. Наиболее крупным был цех русских портных, в котором состояло 178 мастеров, 295 подмастерьев и 365 учеников; в немецком цехе портных состояло 210 мастеров. В цехе русских сапожников числилось 255 мастеров по пошивке мужской обуви с 270 учениками и 77 женских башмачников с 155 подмастерьями и 116 учениками; 62 мастера с 72 подмастерьями и 54 учениками шили русские коты; в немецкий сапожный цех входило 54 мастера. Относительно многочисленными были цехи русских мясников, хлебников, гильдия

столяров и некоторые другие¹. Но далеко не все ремесленники записывались в цехи. Число каменщиков, по преимуществу крестьян, составляло более 5 тыс., в цех же записалось только пятеро. О числе цеховых в Москве во второй половине XVIII в. достоверных сведений нет, но мелкое производство в старой столице получило значительное развитие.

С середины XVIII в. особенно широко распространилось в Москве мелкое производство дешевых шерстяных и шелковых изделий. Большинство мастерских было мелкими; например, из 416 зарегистрированных в 1766 г. мелких производителей этих изделий в Семеновской и Преображенской слободах только четверо пользовались наемным трудом². Большинство ткачей были крестьянами. Так, из 1039 билетов на право ткачества, выписанных в Москве в 1773 г., 85,5% приходится на крестьян.

В Москве жило много портных, сапожников, чулочников, шапочников и ремесленников других специальностей. Процветало в Москве ювелирное производство, в больших размерах велось производство экипажей, а также костяных и роговых гребней. В 1770—1790 гг. в старой столице насчитывалось более 300 кузниц³. Широко было развито мелкое производство в городах Украины. Здесь в большей степени, чем в русских городах, получило распространение цеховое устройство⁴.

Широкое распространение мелкого производства как в городах, так и в деревне, превращение отдельных сел (Иваново, Павлово, Ворсма, Богородское, Лысково и др.) в промышленные центры свидетельствуют о значительно более глубоком проникновении в народное хозяйство России «второго крупного общественного разделения труда», по определению Энгельса,— отделения ремесленного труда от сельскохозяйственного,— чем



Серебряные с камнями серьги и перстень, XVIII в.

Государственный Исторический музей

¹ И. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 236, 238, 244 и др.

² «История Москвы», т. II. М., 1953, стр. 234.

³ Там же, стр. 237.

⁴ К. А. Пажитнов. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма, стр. 84, 85 и сл.

об этом говорят сведения о росте городского населения России во второй половине XVIII в. (с 0,3 млн. душ м. п. в 20-х годах до 1,3 млн. в 1796 г.). Эти цифры не вскрывают действительного отделения ремесла от сельского хозяйства, так как правительственная статистика проводила различие между городом и деревней не по экономическому признаку, а по сословному признаку и по той роли, которую город играл в административной системе управления. Широкое распространение промышленного труда среди крестьянства говорит о том, что процесс отделения ремесла от земледелия зашел значительно дальше, чем об этом позволяет судить прирост городского населения.

Разделение труда и развитие мелкого товарного производства не были новыми явлениями в хозяйственном развитии России изучаемого времени. На этой базе происходило образование национального рынка в России еще в XVII в. Однако во второй половине XVIII в. разделение труда и рост мелкого товарного производства (как первой стадии в капиталистическом развитии) стали общими экономическими условиями, на основе которых в России складывалась капиталистическая мануфактура. Конечно, и в более раннее время, в первой половине XVIII в., происходило превращение мелких мастерских в относительно крупные промышленные предприятия с применением наемной рабочей силы, но эти случаи еще не типичны для того времени. Промышленные предприятия в первой половине XVIII в. возникали, как правило, в форме посессионной, привилегированной мануфактуры, с преобладанием различных форм принудительного труда. Народнохозяйственным процессом, складывавшимся в борьбе с посессионной мануфактурой, возникновение капиталистической мануфактуры из мелкотоварного производства становится во второй половине XVIII в. Как уже отмечалось в советской исторической литературе, именно в это время развитие капитализма в русской промышленности начало вступать во вторую из трех установленных В. И. Лениным стадий — в мануфактурный период¹.

Какие же изменения произошли в отдельных отраслях промышленности за вторую половину XVIII в.? Как происходило в это время возникновение крупных мануфактур? Остановимся прежде всего на текстильном производстве, где вызревание новых капиталистических отношений протекало в наиболее типических для капиталистической мануфактуры формах.

В 60-х годах в Московской губернии 61,9% крестьян одновременно с земледелием занимались и промыслами, почти исключительно по обработке льна, конопли и бумажной пряжи. Из них в начале 70-х годов 40% работали на рынок. На этой базе товарного производства и происходило расслоение крестьянских промыслов. Не все крестьяне занимались про-

¹ А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 76. Редакция настоящих «Очерков» отмечает недостаточную изученность в советской литературе вопроса о начале мануфактурного периода.



Резной гребень из моржовой кости холмогорской работы, конец XVIII в.

Государственный Исторический музей

мышленным трудом у себя в деревне. Часть их уходила в отхожие промыслы. Так, в 80-х годах уходили набойщики Писцовской волости Костромского уезда. Они переходили из села в село и набивали холсты у местных жителей¹.

Не все ремесленники имели возможность сами продавать свой товар; между ними и потребителем в этом случае становился скупщик, иногда из среды их односельчан. Но чаще в роли скупщиков в XVIII в. выступали, повидимому, городские купцы.

В с. Павлово-Вохну Московского уезда на еженедельные базары съезжались купцы, которые скупали у крестьян шелковые изделия и продавали им шелк-сырец². В 80-х годах отношения между купцами и крестьянами-производителями того же с. Павлова изменились: купцы уже не продавали им шелк, а снабжали их этим сырьем. Готовые изделия (шелковые платки) крестьяне сдавали купцам и получали за работу по 10 коп. за платок. Крестьянин — мелкий производитель в этом случае превращался в наемного рабочего капиталистического мелкого производства на дому. Аналогичные явления происходили в селах соседних с Московским уездов³. Оставался один шаг к возникновению крупных мастерских с 15 и больше наемными рабочими. Первоначально такие мастерские возникали в форме простой кооперации, т. е. производственный процесс в них

¹ И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.—Л., 1950, стр. 32—33.

² Там же, стр. 88—89.

³ Там же, стр. 143.

не расчленился на отдельные, детальные операции. Владели подобными мастерскими как купцы, так и крестьяне, и можно предполагать значительное расслоение среди мелких производителей деревни, выделение среди них, с одной стороны, «хозяйчиков» и, с другой, — наемных рабочих. Судить об этом можно по числу «билетов», которые владельцы мелких «безуказных» предприятий должны были покупать по закону 1769 г. В 1773 г. в Московском уезде владельцы мелких, т. е. работавших на 1—4 станах, мастерских составляли 70,8%. Такие мастерские вполне могли обходиться без наемной рабочей силы и работать только на основе семейной кооперации. Владельцы 5—10 станов составляли 27,8%; такие мастерские в отдельных случаях должны были прибегать к найму рабочей силы. Наконец, владельцы мастерских с 10 станами и более составляли 1,4%; в подобных мастерских, как правило, применялась наемная рабочая сила. Из общего количества «безуказных» мастерских (всего в 1773 г. их было зарегистрировано 960) подавляющее большинство (825) принадлежало крестьянам и купцам, 4 — дворянам и остальные другим категориям населения. В с. Павлове в 1789 г. было 67 набоечных мастерских местных крестьян, в которых работали только члены семьи, и в 141 мастерской наряду с трудом членов семьи применялся и наемный труд. Конечно, нельзя забывать, что это еще не свободные люди, так как в большинстве случаев нанимались оброчные крепостные крестьяне.

Не следует, однако, преувеличивать степень разложения мелкого товарного производства. Значительно углубился этот процесс много позже — после реформы 1861 г. Выше приведены данные о наиболее развитых промышленных районах страны, где процесс разложения мелкого товарного производства был наиболее значителен, и все же подавляющее большинство мелких производителей еще работало в своих домах, хотя далеко не все из них являлись самостоятельными производителями. В районах, менее развитых в промышленном отношении, чем Московская губерния, мелкое товарное производство должно было подвергнуться менее глубокому разложению. Все же этот процесс отметить очень важно, так как он свидетельствует об усилении капиталистических отношений в недрах феодального общества второй половины XVIII в.

В. И. Ленин считал предприятия с 15 рабочими — крупными предприятиями. Он писал: «...при 15-ти рабочих на заведение возможно и разделение труда в более или менее значительном размере, достигается большая экономия в помещении и инструментах при более богатом и разнообразном количестве их»¹. Создание подобных мастерских — последний шаг на пути к возникновению капиталистической мануфактуры: «...мастерские с более или менее значительным числом рабочих вводят постепенно разделение труда, и таким образом капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру»². Капита-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 348.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 335.



Ситец русского производства второй половины XVIII в.

Государственный Исторический музей

листическая мануфактура, вырастая из мелкого товарного производства, обычно соединяла работу в крупных мастерских с работой на дому. Так, под Костромой в ткацком производстве в помещениях мануфактур работа велась на 1382 станах, но на владельцев этих же мануфактур работали крестьяне в своих светелках на 600 станах¹. Такие явления для второй половины XVIII в. были не исключением, а правилом. На мануфактуре Таланова в Кинешме в помещении самой мануфактуры работало лишь 32 рабочих, «да сверх вышеписанного при фабрике строения построены ткацкие деревянные светлицы в Кинешемской округе в разных деревнях... а строятся эти светлицы по просьбе оных деревень крестьян, работающих ткацкую работу»². В Буйском уезде крестьяне ткали фламандские полотна, равендуки и коломянки «по договору с фабрикантами». На мануфактуре Д. Кокушкина в Юрьеве-Польском «отдается изготовленная на вышеписанной фабрике основа и прочие к тому потребное для работы Юрьевской округи в с. Даниловке разным крестьянам, а от них принимаются сработанные товары»³. Пряжа, потребная для ткацких фабрик, в значительной части производилась крестьянами на дому. В ответах на анкету Вольного экономического общества в 1766 г. подобные явления отмечены по Переяславлю-Залесскому, Калужской, Костромской и ряду других провинций.

Итоги развития крупных мануфактур во второй половине XVIII в. должны быть рассмотрены по отдельным отраслям производства. Хлопчатобумажные крестьянские мануфактуры в Центрально-промышленном районе стали развиваться с 60-х годов XVIII в. В 1755 г. возникла ситценабивная мануфактура в Красном Селе под Петербургом, принадлежавшая В. Чемберлену и Р. Козенсу. Мастер этой мануфактуры Лиман десять лет спустя основал мануфактуру под Шлиссельбургом. Одновременно ситцепечатные мануфактуры открывались в Москве. Первоначально бумажные ткани, шедшие под набойку, имели ост-индское происхождение, хотя и поступали не только непосредственно с востока, но и через Западную Европу. В конце столетия в широких размерах стал проникать английский миткаль. На Шлиссельбургской мануфактуре в конце XVIII в. работало до 800 чел., не считая берущих работу на дом. Работали собственные крепостные крестьяне и наемные оброчные крестьяне, в большей части женщины. Наряду с ними на Шлиссельбургскую мануфактуру помещики присылали своих провинившихся крепостных для наказания, мануфактура выполняла роль работного дома, исправительного заведения или каторги⁴.

¹ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 108.

² Сообщенные данные приводятся в статье Н. Л. Рубинштейна «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в.». «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 81.

³ Там же.

⁴ Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII века. М.—Л., 1935.

Производство хлопчатобумажных тканей в 60—70-х годах получило распространение в Поволжье: в Сарепте (сарпинка), в Казанском и Арзамасском районах (кумач и пестридь из «бухарской» пряжи), в Коломне, в селах Шуйского района (бумажные платки). Хлопчатобумажная промышленность развивалась во всех трех своих основных отраслях: ситцепечатания, ткачества и, наконец, — в порядке последовательного развития, — бумагопрядения. Бумажные ткани быстро завоевывали рынок, постепенно вытесняя старинное производство полотняных тканей. Ситценабивочное производство в с. Иванове стало развиваться с 60-х годов. Первым построил здесь ситценабивную мануфактуру в 1762 г. крепостной Шереметева Ишинский, а в 1774 г. в Иванове насчитывалось уже 14 мануфактур, на которых ткали ситцы, платки, вырабатывали набойки и т. д. На хлопчатобумажных мануфактурах Иванова имелось в 1774 г. 614 станков, на которых вырабатывалось свыше 130 тыс. аршин тканей. Это производство быстро росло и находилось исключительно в руках крепостной буржуазии; в Иванове выдвинулся ряд крупных предпринимателей из крестьян: Соков, Бутримов, Грачев, Гарелин, Ямановский и др.

Хлопчатобумажная промышленность в России по сравнению с другими отраслями была наиболее капиталистической. В 1799 г. на хлопчатобумажных предприятиях насчитывалось 92% наемных рабочих людей¹. С 70-х годов в хлопчатобумажную промышленность начал проникать крепостной труд, но в незначительной степени. Крепостные крестьяне покупали крестьян не на свое имя, а на имя своих помещиков. Так, владелец хлопчатобумажных мануфактур в Ивановском районе крестьянин Грачев в 1790 г. имел крепостных: 881 мужчину и 2000 женщин. Таким образом, даже наиболее капиталистическая отрасль промышленности в России в конце XVIII в. носила явные черты феодализма.

Такая же картина наблюдалась и в других отраслях текстильной промышленности. Значительные успехи сделало капиталистическое производство в области полотняной промышленности, причем и здесь крупные капиталистические предприятия вырастали на базе мелкого, по преимуществу крестьянского, производства. Полотняная мануфактура, начиная с 50-х годов, все чаще практиковала передачу отдельных операций по производству полотна (чаще всего производство пряжи) рабочим, занятым на дому. Центрами крупной полотняной промышленности были как раз те районы, где существовали старинные крестьянские промыслы по производству холста, т. е. Московский, Костромской, Ярославский, Нижегородский, Тверской, Казанский. По данным 1760—1763 гг., сохранившим сведения о 56 полотняных мануфактурах, на 17 предприятиях покупные работники отсутствовали, на 10 предприятиях применялся и принудительный и наемный труд. Из 10 тыс. покупных 86% работало на семи крупных мануфактурах, из них 3462 чел. на фабрике Гончарова, основанной в 1718 г.² К концу XVIII в. число наемных рабочих людей на полот-

¹ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 96.

² Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 83.



Шелковая ткань производства русской мануфактуры
второй половины XVIII в.

Государственный Исторический музей.

няных фабриках составляло 19 095 (из общего числа 29 303, или 65,2%)¹. Однако эти данные, повидимому, включают всех феодально-зависимых рабочих. Если же учитывать только число фактически работавших, то оно едва ли составит более 20% ко всему числу занятых рабочих. В этом отношении полотняная промышленность уступала только хлопчатобумажной. Наиболее крупные предприятия в области полотняной промышленности принадлежали купцам.

Значительные успехи капиталистическая организация труда сделала в области шелкового производства. По данным 1761—1763 гг., из 42 шелковых предприятий применяли принудительный труд только десять. Все эти мануфактуры возникли до 1740 г. Число феодально-зависимых рабочих людей составляло примерно 35,5%. В дальнейшем число покупных работников продолжало сокращаться. К концу XVIII в. в шелковой промышленности насчитывалось 9161 чел. рабочих людей против примерно 6 тыс. в 50-х годах, причем увеличение произошло исключительно за счет наемного труда.

Капиталистически организованные мануфактуры возникали и в других, нетекстильных отраслях промышленности, они вырастали на базе мелких промыслов. В области металлообрабатывающей промышленности наиболее яркий в этом отношении пример представляет с. Павлово. Крестьянские мануфактуры в Павлове создавались в типичной для капитализма комбинированной форме. Большинство металлистов, по словам Шторха, «работали не на себя, а на более зажиточных и богатых местных крестьян». Другое описание (1801—1803) отмечает, что жители Павлова «все, кроме некоторых, упражняются в слесарной работе и составляют как бы фабрику, в которой один работник заготавливает работу для другого». Подобное разделение труда, когда продукт труда проходит последовательно через ряд рук, создавало условия для возникновения в Павлове органической формы мануфактуры, при которой, как указывает Маркс, создается реальное подчинение труда капиталу. Другими словами, процесс обобществления труда делал в силу самой организации мануфактурного производства невозможным существование мелкого производителя вне зависимости от капитала. Мелкий производитель выполнял какую-либо одну операцию, а не производил продукт целиком. Это отрывало павловского кустика от непосредственной связи с потребителем через рынок, усиливало его зависимость от «капиталистических» производителей — от скупщиков. Фактически все металлическое производство в Павлове держала в своих руках небольшая кучка зажиточных крестьян, превратившихся, по существу, в представителей торгового капитала и жестоко эксплуатировавших своих односельчан. Рассказывая об отношениях мелких производителей к таким капиталистам, Г. Потапов (служитель Шереметева) высокомерно писал: «каждый кустика стремился освободиться от «прижимков» этих богатеев, но принужден был опять брать 10 руб. и

¹ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 94—95.

работать на них, как осел, и чем дальше, тем пуще из долгу не вылезать»¹. Помимо существовавших в Павлове в конце XVIII в. четырех железоделательных заводов, принадлежавших «капиталистам» крестьянам Шереметева, многие кузницы приближались по своему экономическому облику к капиталистически организованным предприятиям. В среднем на одну кузницу приходилось около 5 чел. Но в то же время известно, что многие кузницы работали без применения наемной силы. Значит, концентрация рабочей силы в крупных кузницах была значительно выше, чем об этом позволяют судить средние данные. Это говорит о значительном классовом расслоении среди кузнецов с. Павлова и среди крестьян-промышленников, занятых обработкой металла. Применение наемного труда на металлообрабатывающих предприятиях было типично для Среднего Поволжья и центра страны. В 1766—1767 гг. ведомости Берг-коллегии отмечают распространение наемного труда на предприятиях Воронежской, Белгородской, Нижегородской, Архангельской и Московской губерний, где «большой частью работа отправляется вольнонаемными по пашпортам».

Процесс расслоения мелкого производства происходил и в других отраслях крестьянских промыслов. В том же с. Павлове были «капиталистские» крестьяне, владельцы мыловаренных заводов. Таких заводов в Павлове было 20, на которых вываривалось 50 тыс. пудов мыла в год на 257 500 руб. На этих заводах работали наемные люди как из павловских оброчных крестьян, так и пришедшие со стороны². Однородную картину представляло и с. Ворсма, принадлежавшее тому же Шереметеву.

И в кожевенном производстве ясно выступает процесс классового расслоения кустарей. По данным Мануфактур-коллегии за 1797 г., в России насчитывалось 650 кожевенных предприятий. Из них сравнительно небольшое число — около 20 — было крупными предприятиями. Так, в Петербурге было три завода с числом рабочих от 35 до 55, в Смоленске — один завод с 50 рабочими, в Великих Луках — один завод и т. д. Число занятых на этих заводах крепостных рабочих ничтожно, производство велось наемным трудом. Но большинство кожевенных предприятий было мелкими заведениями, владельцы которых сообщали в Мануфактур-коллегию: «обрабатываю сам», или «своим семейством», или «в случае нужды наемными людьми»³. С 1769 по 1804 г. число кожевенных предприятий возросло с 231 до 843. Большинство из них находилось в Нижегородской, Пермской, Орловской, Московской, Смоленской, Тверской и Владимирской губерниях. Приведенные данные, несомненно, учитывают далеко не все кожевенные предприятия: многие из них, особенно мелкие, ускользали от правительственного учета.

Бурный рост Павловского, Ивановского и других промышленных районов падает на вторую половину XVIII в. Все рассмотренные отрасли ка-

¹ К. Н. Щенегов. Указ. соч., стр. 96.

² П. Фейнштейн. Село Павлово в начале XIX в. Л., 1926, стр. 1.

³ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и нач. XIX вв., Л., 1947, стр. 174.

питалистической мануфактуры работали на широкий рынок; эта мануфактура, развиваясь на базе мелких промыслов, была мало или совсем не была связана с обязательными поставками в казну. Наоборот, отрасли, связанные с казенными поставками и развивавшиеся в районах, где мелкое крестьянское производство в результате «насаждения» привилегированных мануфактур в первой половине XVIII в. было подорвано или вообще не получило широкого развития в крестьянской среде,— эти отрасли наиболее долго сохраняли черты крепостной организации труда, наименее были захвачены капиталистической перестройкой процесса производства. Сюда относится прежде всего крупная металлургия Урала.

С середины XVIII в. русская металлургия вышла на первое место в мире. Этот рост был связан и с потребностями внутреннего рынка, и в особенности с запросами экспорта. Упадок металлургии в Англии, где остро ощущался недостаток в древесном топливе, привел к тому, что англичане стали основными покупателями уральского железа. В. И. Ленин отметил, что «во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹.

В течение всей второй половины столетия выплавка чугуна в России обгоняла Англию, где даже в 1800 г., в разгар промышленного переворота, размеры производства были несколько меньше, чем в России². Об этом свидетельствует приводимая ниже таблица.

Год	Число домен в России		Выплавка чугуна			
	действ.	запасн.	в России		в Англии	
			в тыс. пудов	в тоннах	в тыс. пудов	в тоннах
1700	2	—	(150)	2 459	732	12 000
1720	25	20	610	10 000	1037	17 000
1740	35	23	1530	25 082	1058	17 350
1750	42	28	2009	32 935	1342	22 000
1760	62	28	3663	60 050	1647	27 000
1770	76	35	5106	83 705	1952	32 000
1780	93	29	6718	110 132	2440	40 000
1790	106	34	7957	130 443	4800	80 000
1800	111	30	9908	162 427	9516	156 000

Разделение труда на мануфактурах сделало в XVIII в. значительный шаг вперед. Вместо обычных девяти цехов, имевшихся на русских металлургических заводах XVII в., в последующее время, в XVIII в., на уральских заводах уже было 32 цеха. В России строились самые высокие домны. На Невьянском заводе двухфурменная домна имела в высоту 19 аршин, тогда как обычная высота домен в Западной Европе равнялась 10—12

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

² С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. М., 1954, стр. 204.

аршинам. К промышленным гигантам того времени следует отнести заводы: Нижне-Тагильский (по данным 1795 г., выплавлявший в год 358,5 тыс. пуд. чугуна), Ревдинский (305,2 тыс. пуд.), Невьянский (290,7 тыс. пуд.), Кыштымский (208 тыс. пуд.), Уткинский (208,5 тыс. пуд.)¹. В конце столетия металлургическая техника на Урале достигла значительных успехов в результате улучшения дутья. Введение цилиндрических («кубических») мехов произвело, по сообщению современника — И. Э. Норберга, «революцию в дутье» и повысило производительность домны; суточная выплавка чугуна на Нижне-Тагильском заводе в 1799 г. составляла 434—629 пудов против не более 470 пуд. в 1791 г. Норберг ставил русскую металлургическую технику в пример западноевропейским заводчикам; по его словам, в Силезии строили домны по русским образцам.

Высокая техника на отдельных русских заводах XVIII в. во многом обязана русским изобретателям и ученым.

М. В. Ломоносов в 1763 г. издал свои «Первые основания металлургии» — учебник горнозаводского дела, в котором излагались научные основы металлургии того времени. В приложении к этой работе Ломоносов дал новую теорию движения воздуха и газов в рудниках и в пламенных печах². Русские заводы отличались оригинальными гидросиловыми установками, вполне приспособленными к режиму русских рек с их бурными паводками.

Творчество строителя заводских гидросиловых сооружений К. Д. Фролова (1726—1800) широко и плодотворно развернулось в сооружениях на Змеиногорском заводе на Алтае. Он построил здесь облегченную плотину на р. Корбалихе с длинным напорным (деривационным) каналом, на котором разместил три предприятия. Отработав на водяном колесе первого из них, водяной поток шел далее, приводя в движение колеса второго и третьего предприятий; таким образом, одно и то же количество воды выполняло работу трижды. Фролов организовал привод от одного водяного колеса ко всем рабочим механизмам завода. То же водяное колесо при помощи канатов впервые стало приводить в действие систему вагонеток на внутризаводских путях.

«Огнедействующая» машина И. И. Ползунова (1728—1766) на два десятилетия опередила машину Уатта. Машина Ползунова была универсальным двигателем и состояла из двух цилиндров с поочередным движением в них поршней с оригинальным механизмом. Машина, пройдя испытание на Колывано-Воскресенском заводе на Алтае, была пущена в ход после смерти великого изобретателя и приводила в движение воздухоудные мехи на заводе³.

Среди технических достижений XVIII в. следует отметить строительство каналов со сложной системой шлюзов. Вышневолоцкий канал,

¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1949, гл. VIII, стр. 218—234.

² В. В. Данилевский. Русская техника. Л., 1948, стр. 54—58.

³ В. В. Данилевский. И. И. Ползунов. Труды и жизнь. М.—Л., 1940.

сооруженный в первой четверти XVIII в., Ладожский канал и плюзы у Шлиссельбурга обеспечили дешевый путь с Камы и Волги до Петербурга. Огромное количество грузов — хлеба, льна, пеньки и железа — двигалось по водному пути к балтийским портам.

Водный транспорт являлся важнейшим условием быстрого роста русского экспорта. Развитие русской металлургии и ее значение во второй половине XVIII в. тесно связаны с водным транспортом. «Железные караваны», как назывались транспорты деревянных барж, груженных железом, отплывали ранней весной, в апреле, с уральских пристаней на р. Чусовой, спускались затем по Каме до Волги; в пути нанимали бурлаков и лоцманов, затем суда поднимались вверх по Волге до Твери и далее направлялись р. Твердой через Вышневолоцкий канал по Мсте, оз. Ильмень, Волхову, Ладожским каналом и Невой до Петербурга. На водном транспорте ежегодно было занято огромное число наемных рабочих. В 60-х годах XVIII в. это число доходило до 120 тыс. и возросло к концу столетия до 200 тыс.¹.

В первой четверти XVIII в. строительство металлургических заводов велось почти исключительно на Среднем Урале, а в 40-х и особенно в 50-х годах происходило также промышленное освоение Южного Урала. Эти предприятия создавались до 60-х годов как привилегированные мануфактуры. Большую роль в освоении Южного Урала сыграли представители титулованной знати, главным образом Шуваловы, затем Воронцовы и Строгановы. Ряд новых предприятий был создан купеческим капиталом (Турчаниновым, Осокиным, Походяшиным, Яковлевым). Русской аристократии принадлежали не только заводы, возникавшие в результате ее предпринимательской деятельности, но и заводы, создавшиеся на средства казны. Так, например, Гороблагодатский и Серебрянский заводы были



Медный самовар работы тульских заводов, конец XVIII в.

Государственный Исторический музей

¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 95.

переданы Шувалову, Уткинский доменный завод в 1759 г. передан Ягужинскому.

Владение промышленными предприятиями давало титулованной знати различные привилегии. Близким ко двору лицам казна выдавала крупные субсидии: Шувалов получил в 1757 г. 30 тыс. руб. Но едва ли не важнейшая привилегия заключалась в приписке к заводам государственных крестьян. Например, к Гороблагодатским заводам было приписано около 20 тыс. крестьян (в первой четверти XVIII в. ко всем уральским заводам было приписано 25 тыс. крестьян). В отдельных случаях продолжалась приписка крестьян к купеческим заводам; к Петропавловскому заводу Походяшина было приписано 4 тыс. крестьян. Промышленность Урала в 50-х годах развивалась на основе широкого применения крепостного труда.

Заметный подъем металлургической и металлообрабатывающей промышленности, как уже указывалось, наблюдался и в других районах. Исключение составлял Тульский район. В 1753 и 1754 гг. были изданы указы, запрещавшие строить заводы по производству и обработке металла в радиусе 200 верст от Москвы, а старые заводы предписывалось снести. Указы мотивировались необходимостью сохранить леса, нужные для отопления столицы. Эти указы нанесли непоправимый ущерб промышленности Тульского района. Почти все металлургические предприятия закрылись. Металлообрабатывающая промышленность сохранилась, но и ее объем производства сократился. Сохранился Тульский ружейный завод, носивший характер рассеянной мануфактуры. Впоследствии указы 1753 и 1754 гг. были отменены, но возрождение Тульского промышленного района шло крайне медленно.

Другие металлургические районы страны значительно уступали Уралу. К 1763 г. Урал давал свыше $\frac{9}{10}$ всей выплавлявшейся меди и до $\frac{2}{3}$ продукции всей черной металлургии¹. Но это был центр промышленности, основанной на применении труда приписных крестьян, собственных крестьян заводчиков-дворян и в меньшей степени посессионных крестьян. Доля наемной силы на Урале была незначительна. Заводы других металлургических районов страны существенно отличались от заводов уральской группы не только меньшими размерами, но и значительно более широким применением наемной рабочей силы.

Развитие металлургической и металлообрабатывающей промышленности после 1762 г. и до конца века значительно отличалось от процесса ее развития в 50-х годах. Прежде всего явно замедленными темпами происходило новое строительство на Урале. В области выплавки меди за последние 40 лет XVIII в. было построено лишь пять новых заводов, но до конца века из них дожили только два (Богословский и Мясковский). В 80-х годах прекратили работу 23 ранее созданных предприятия. Более медленными темпами, чем в 50-х годах, шло развертывание и

¹ П. Г. Любимов. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и нач. XIX вв., Л., 1947, стр. 382.



Богословский медеплавильный завод на Урале. Рисунок пером XVIII в.

Государственный Исторический музей



Медный кувшин работы уральских заводов,
вторая половина XVIII в.

Государственный Исторический музей

черной металлургии, а после 1791 г. строительство новых домен вообще прекратилось.

Другой особенностью развития металлургической и металлообрабатывающей промышленности за последние 40 лет XVIII в. явился упадок предпринимательской деятельности титулованной знати. Новое строительство теперь в подавляющем большинстве случаев осуществляли выходцы из купечества.

На Урале наиболее широкое строительство новых заводов развернул представитель купеческого капитала Савва Яковлев. С 1769 по 1778 г. им построено на Урале четыре доменных и три молотовых заводов. Кроме того, Яковлев скупил в Зауралье девять заводов (Невьянский, Верхне-Тагильский и др.). Петр Яковлев, сын Саввы, в дополнение к этим заводам построил еще один — Троицко-Петрокаменский на р. Нейве. С 1790 г. Яковлевы прекратили строительство заводов. Баташевы и Яковлевы —



Медный ларец с чеканным орнаментом работы уральских заводов,
вторая половина XVIII в.

Государственный Исторический музей

наиболее крупные предприниматели последних 40 лет XVIII в. Помимо них, крупное промышленное строительство вели и другие представители купеческого капитала — Губин, Гусятниковы, Лугинины и др.

В металлообрабатывающей промышленности во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной века наблюдается более широкое применение наемного труда, большей частью — оброчных крестьян. Приписка крестьян к фабрикам и заводам с 1760 г. была прекращена. В 1762 г. запрещена и покупка крестьян к фабрикам и заводам всем, не имевшим права владеть крепостными. Углубившееся во второй половине XVIII в. расслоение крестьянства выбрасывало на рынок труда большее количество рабочей силы, чем в первой половине века. Даже на Урале, где крепостничество, по сравнению с другими районами, было более развито, расширился наем крестьян. Увеличилось применение наемного труда на заводах С. Яковлева, а на Верхне-Алапаевском и Петрокаменском заводах наемные работные люди составляли преобладающую часть рабочей силы¹. Но все же и теперь в большей части предприятий горной промышленности господствовал крепостной труд. Так, много крепостных работало на заводах Твердышева, которому право приобретения крепостных было даровано специальным сенатским указом. Для своих южноуральских заводов он скупил 15 тыс. крестьян. Баташевы, получив права дворян-

¹ П. Г. Любомиров, Указ. соч., стр. 456—458.



Рабочий Тульских оружейных заводов. Акварель из альбома к «Описанию Тульского оружейного завода», конец XVIII в.

Государственный Исторический музей

ства, усиленно скупали крепостных для среднеокских заводов. Разумеется, на заводах таких предпринимателей, как Демидовы и Строгановы, крепостной труд решительно преобладал. Но и здесь доля наемного труда была выше, чем об этом позволяют судить данные ведомостей Берг-коллегии. Вольнонаемные рабочие использовались на металлургических предприятиях Оренбургской и Казанской губерний. Даже труд приписных крестьян нередко заменялся наемным. В наказах в Уложенную комиссию 1767 г. черносошные крестьяне сообщали о найме приписками от себя «к той работе посторонних людей». Данные о найме рабочей силы встречаются в сведениях о заводах Осинского, Кунгурского, Верхне-Удинского уездов, в наказах депутатов приписных крестьян к заводам П. Осокина, М. Походяшина, Н. Демидова, Р. Воронцова и некоторых других. Но, по-видимому, некоторое расширение применения наемного труда в горной промышленности произошло в 60-х годах. Таким образом, крепостнический характер горной промышленности, включая сюда металлургические, железоделательные, медеплавильные, сереброплавильные и золотопромывательные предприятия, не подлежит сомнению.

Близко к горным заводам по своей социальной структуре стояли суконные мануфактуры. Число посессионных крестьян на этих мануфактурах было невелико — к 1762 г. только 2600. Но в этой отрасли промышленности работало значительное количество помещичьих крепостных крестьян. Суконные мануфактуры большую часть своей продукции были обязаны сдавать в казну. Они в значительно меньшей степени, чем остальные от-

расли текстильной промышленности, были связаны с широким рынком. Обеспеченный сбыт привлек в эту отрасль промышленности дворянство. Ему принадлежало не только большинство суконных мануфактур, но и наиболее крупные суконные предприятия. Доля вольнонаемного труда на этих мануфактурах была невелика. Но все же и в этой, одной из наиболее крепостнических, отраслей промышленности вольнонаемный труд проби-вал себе дорогу. Применение вольнонаемного труда встречалось на сукон-ных предприятиях Москвы и Московской губернии, в Воронежской обла-сти (мануфактуры Горденина, Пустоваловых и В. Тулинова), в Тамбовской губернии (предприятия М. Олесова, Я. Тулинова) и некоторых других ¹.

Чтобы проследить общие изменения, происходившие в крупной ману-фактурной промышленности за вторую половину XVIII в., ознакомимся с данными о ее состоянии в 60-х годах этого столетия ².

По данным Мануфактур-коллегии, на конец 60-х годов состояние крупной «указной» промышленности по числу предприятий представляет-ся в следующем виде:

Отрасль производства	Число предприятий
Суконная	73
Полотняная	85
Шелковая	60
Позументная	6
Хлопчатобумажная	7
<hr/>	
Итого по текстильной про- мышленности	231
Прочие	250
<hr/>	
Итого вместе с текстильной	481
Металлургическая и металло- обрабатывающая	182
<hr/>	
Всего	663

По числу предприятий металлургическая и металлообрабатывающая промышленность уступала текстильной промышленности, но по стоимости производства превосходила ее. По данным 1767 г., стоимость продукции текстильной промышленности составляла 2774,3 тыс. руб., в то время как стоимость металлургической и металлообрабатывающей промышлен-ности равнялась 2875,9 руб. Эти данные учитывают только размеры про-изводства «указной», т. е. крупной, промышленности мануфактурного типа.

Наиболее крупными предприятиями текстильной отрасли промышлен-ности были суконные и полотняные мануфактуры. Среди них имелись предприятия с числом рабочих от 350 до 2250, а в полотняной про-мышленности были гиганты того времени, на которых работало 3500 чел.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 83.

² См. «История Москвы», т. II, стр. 241.



Горнозаводский рабочий. Перерисовка изображения из «Прспекта
Екатеринбургского завода 1729 г.»

Государственный Исторический музей

Удельный вес хлопчатобумажной промышленности в 60-х годах XVIII в. был невелик: в ней сосредоточивалось только 2,4% всех предприятий текстильной промышленности; еще меньше была ее доля по числу занятых рабочих (0,5%), т. е. эти предприятия были относительно мелкими, и, наконец, еще ниже — по стоимости производства (0,3%). Производительность труда в хлопчатобумажной промышленности вообще высокой быть еще не могла, — это была новая отрасль промышленности, только зарождавшаяся в России, представленная мелкими предприятиями. Хлопчатобумажное производство было занято по преимуществу набойкой, а не прядением и ткачеством.

Общие итоги развития промышленности к концу XVIII в., за исключением горной, могут быть иллюстрированы данными Мануфактур-коллегии, относящимися к 1799 г. Ведомости 1799 г. не вполне сопоставимы с данными 1767 г. — последние учитывали только «указные», т. е. крупные, предприятия, а в 1799 г. учитывались все предприятия, приславшие сведения. Среди них встречались и относительно мелкие предприятия — «светелки».

По ведомости 1799 г. состояние русской промышленности по числу предприятий представляется в следующем виде:

Отрасль производства	Число предприятий
Суконная	158
Шелкоткацкая и позументная . . .	357
Парусино-полотняная	318
Хлопчатобумажная	249
<hr/>	
Всего по текстильной про- мышленности	1082
Прочие	1012
<hr/>	
Итого	2094

Кроме того, горных заводов, включая сюда металлургические и золотопромысловые предприятия, в конце XVIII в. насчитывалось около 200. В 1805 г. на них работало 106 254 крепостных мастеровых, 14 918 наемных¹, и к ним было приписано 319,3 тыс. приписных крестьян. Учитывая, что сколько-нибудь существенных изменений в области горного производства в начале XIX в. не происходило, это число рабочих можно принять и для конца XVIII в.

Таким образом, число промышленных предприятий к концу XVIII в. значительно возросло, но если говорить о крупных предприятиях мануфактурного типа, т. е. о тех, какие учитывала ведомость 1767 г., то прирост окажется не столь значительным, как показано в ведомостях Мануфактур-коллегии. Крупных мануфактур в конце XVIII в. было около 1000, а вместе с горными заводами — около 1200². По сравнению с 1767 г., когда было учтено 663 предприятия, их количество возросло примерно вдвое. Очень трудно сказать, в какой степени текстильная промышленность превосходила металлургическую и металлообрабатывающую по числу предприятий, так как остается неизвестным, какое число предприятий мануфактурного типа вошло в итоговые данные по текстильной промышленности в 1799 г. Но по числу занятых рабочих металлургическая и металлообрабатывающая промышленность значительно превосходила текстильную. В то время как число работавших в 1799 г. в текстильной промышленности составляло без приписных крестьян 55 тыс., в одной черной металлургии вместе с металлообрабатывающей их был около 120 тыс.

Но металлургическая и металлообрабатывающая промышленность оставалась крепостнической. Напротив, в текстильной промышленности, особенно в области обработки хлопчатобумажной пряжи, к концу XVIII в. доля наемного труда стала неизменно возрастать и к 1799 г., как указывалось выше, достигла 92%. Значительно возросла доля наемного труда в полотняной промышленности, а также в шелковой. Капиталистическая индустриализация в странах Запада осуществлялась прежде всего в легких отраслях промышленности, как более выгодных, дающих наибольшую прибыль.

Этот процесс наблюдался и в России. Текстильная промышленность развивалась по капиталистическому пути, что проявилось главным образом в решительном вытеснении крепостного труда наемным. Но этот процесс происходил в условиях господства феодальной экономики и поэтому затемнялся ее влиянием. Элементы старого вторгались в новые явления, подчас искажая их. Так, в суконной промышленности, перешедшей в руки дворянства, доля наемного труда не возросла, а понизилась. Но все это говорит лишь о сложности развития капиталистических отношений в России во

¹ К. А. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII в., стр. 61.

² М. Ф. Злотников. От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 36.

второй половине XVIII в., а не об их отсутствии. Важно учитывать и другую сторону процесса. В. И. Ленин различал три стадии развития капитализма в промышленности: мелкотоварное производство с примитивными формами капитала, капиталистическая мануфактура и крупная машинная индустрия. По вопросу о связи между крупным производством и мелкими домашними промыслами на мануфактурной стадии развития капитализма в промышленности В. И. Ленин писал, что «...связь между ними самая тесная, что крупные заведения вырастают именно из этих мелких, что мелкие заведения составляют иногда лишь внешние отделения мануфактуры, что в громадном большинстве случаев связью между теми и другими служит торговый капитал, принадлежащий крупным хозяевам и подчиняющий себе мелких»¹. Итак, для развития капитализма в промышленности на мануфактурной стадии характерно то, что в области текстильной промышленности во второй половине XVIII в. крупные заведения вырастают из мелких предприятий.

Предпринятая в советской историографии попытка подсчитать, сколько же человек работало по найму в середине и в конце XVIII в. как на крупных предприятиях мануфактурного типа, так и в светелках, дала следующие результаты. Работавших по найму на мануфактурах ведомства Мануфактур-коллегии (т. е. за исключением горных предприятий) в 60-х годах насчитывалось 25 тыс., в конце XVIII в. — 60 тыс.; в мелких промышленных предприятиях соответственно 25 и 50 тыс.; в судостроении за те же годы — 10 и 30 тыс.; прядильщиков на дому насчитывалось примерно 20 и 60 тыс. Число работавших по найму в горнозаводской промышленности за вторую половину столетия не изменилось — около 15 тыс. То же следует сказать и о наемных рабочих людях из приписных крестьян: их было примерно 5 тыс.². Все эти данные не могут претендовать на абсолютную точность, но они достаточны для того, чтобы утверждать, что число работавших по найму в промышленности, как мелкой, так и крупной, за вторую половину XVIII в. значительно возросло, примерно с 100 тыс. в 60-х годах XVIII в. до 220 тыс. к концу столетия, т. е. более чем вдвое. Эти данные охватывают не только занятых в крупных предприятиях, но и светелочников.

Основной производительной силой каждого общества является рабочая сила. Значительное увеличение в течение короткого времени (30 лет) числа наемных рабочих говорит о том, что в недрах в основном еще феодальных общественных отношений складывался новый характер производительных сил, типичный для буржуазного общества. Как бы еще незначительны ни были ростки этого нового — им принадлежало будущее.

Господствовавшие в стране, еще сельскохозяйственной, феодальные общественные отношения начинали вступать в противоречие с новым характером производительных сил. Наряду с повышением техники производства

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 384.

² Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 95.

(например, увеличение объема доменных печей, развитие так называемого детального разделения труда, характерного для мануфактурного периода развития капитализма в промышленности) замена принудительных форм труда вольнонаемным трудом свидетельствует о значительном повышении производительности труда, об обострении противоречий между производительными силами и производственными отношениями¹.

* * *

Отдельные народы России также имели свою растущую промышленность. Однако, при господстве барщинной системы, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике развивалась преимущественно дворянская мануфактура на крепостном труде. Украинским помещикам принадлежали мелкие предприятия — стекольные, свечные, полотняные, кожевенные, дегтярные и т. п. Крупные предприятия имелись в Левобережной Украине в суконной промышленности (Путивльская, Глушковская, Ряская суконные мануфактуры), на которых использовался труд тысяч приписных крестьян. Однако на Топальской парусной мануфактуре работали и наемные рабочие люди (300 чел.).

В связи с распространением уральского железа приходили в упадок железные заводы, работавшие на местной руде, закрывались украинские пороховые и селитренные заводы.

В Белоруссии, в имениях Радзивилла, были устроены стекольные, керамические, зеркальные предприятия, производство поташа, сукна, gobеленов, шелковых поясов. Сапега имел стекольный, поташный заводы, ткацкое предприятие и т. п. Хрептович устроил металлургический завод и производство сельскохозяйственных орудий. Магнатские мануфактуры обслуживали преимущественно нужды владельца, и лишь часть продукции поступала на рынок. Некоторые шляхетские промышленные заведения переходили в купеческие руки.

В Литве имелся ряд мануфактур в Гродно, скоро закрывшихся (суконные и др.), в Шяуляйской королевской экономии, также с использованием крепостных крестьян. В Эстляндии была крупная бумажная мануфактура; в Ряпине в имении фон Лаува — стекольное и зеркальное предприятия; в Ревеле — кожевенные, прядильные и медеплавильные заведения, были распространены кирпичные заводы. Но в целом на Украине, в Белоруссии и Прибалтике феодально-крепостнический строй в еще большей степени, чем в центре России, задерживал промышленное развитие.

Экономическая политика царского правительства второй половины XVIII в. отразила происходивший в России процесс развития капитали-

¹ Вопрос о конкретных формах проявления этих противоречий выходит за рамки главы, посвященной развитию промышленности, и связан с историей классовой борьбы, формированием абсолютистского государства и новыми явлениями в области идеологии.

стического уклада, но отразила его частично, непоследовательно, робко и неполно. Она развивалась, во-первых, в направлении отмены регламентации в промышленности и торговле и прежде всего в различных монополиях, крайне усилившихся в 40-х — начале 50-х годов XVIII в., и, во-вторых, в направлении регламентации и углубления монополий в области пользования крепостным трудом. В 1752 г. было ограничено право купцов покупать крестьян к мануфактурам. Владельцам мануфактур было разрешено покупать по 12—42 д. м. п. к каждому стану, в зависимости от рода производства, по 100 чел. к каждой домне и по 30 чел. к каждым двум молотам. Владельцы медеплавильных заводов могли покупать по 50 дворов на каждую тысячу пудов выплаваемой меди.

Сверх «пропорции» покупка крестьян запрещалась¹. В 1753 г. был опубликован указ Сената об отобрании у частных заводчиков излишнего числа приписных крестьян². Но наряду с этим продолжалась приписка крестьян к казенным заводам. 29 марта 1762 г. вышел указ, запрещавший фабрикантам покупать к фабрикам крестьян как с землей, так и без земли и предлагавший владельцам мануфактур обходиться «наемными людьми по паспортам, за договорную плату». Этот указ, изданный при Петре III, был 8 августа 1762 г. подтвержден Екатериной II³. Указы не лишали заводчиков права владеть уже купленными крестьянами, но запрещали впредь покупать крестьян и тем самым усиливали монополии дворянства на владение крепостными. В дальнейшем последовал ряд указов, регламентирующих труд приписных крестьян. Так, указ 27 мая 1769 г. устанавливал новую расценку труда приписных крестьян взамен явно устаревшей расценки 1724 г. Он восстанавливал прежний порядок оплаты времени, затрачиваемого крестьянами на приход их на завод и обратную дорогу (3 коп. в день, считая дневной путь за 25 верст). Кроме того, указ 1769 г. повышал расценки труда приписных крестьян на 1 коп. в день для пешего крестьянина (5 коп. вместо 4 — зимой, 6 коп. вместо 5 — летом) и на 2 коп. в день для конного работника (вместо 6 коп. — 8 коп. зимой и вместо 10 коп. — 12 коп. летом)⁴. Более важный закон, регулировавший положение приписных крестьян, вышел через десять лет. Манифест 21 мая 1779 г. более точно определял работы, которые должны были выполняться приписными крестьянами (рубка дров, разломка и возка на заводы угля, возка руды, починка плотин и т. д.). Употреблять приписных крестьян на другие работы манифест запрещал и за нарушение устанавливал для заводчиков штраф в пользу обиженного в двойном размере по сравнению с плакатной ценой; расценка работ повышалась вдвое по сравнению с существовавшей прежде (10 и 20 коп. пешему и конному летом и 8 и 12 коп. в зимнее время). Однако следует учитывать происшедшее в это же время повышение цен на продовольствие.

¹ ПСЗ, т. XIII, № 9954, стр. 613—615.

² ПСЗ, т. XIII, № 10131, стр. 881—884.

³ ПСЗ, т. XV, № 1490, стр. 966; т. XVI, № 11638, стр. 47.

⁴ ПСЗ, т. XVIII, № 13303, стр. 895—896.

Другое направление промышленной политики правительства развивалось по линии отмены прежнего стеснительного порядка заведения мануфактур. Уже в 1755 г. был разрешен отпуск за границу узкого холста¹, прежде запрещенного к экспорту. Узкий холст вырабатывали крестьяне в «безуказных» мастерских. Постановление косвенно позволяло производить экспортный товар на предприятиях, не имевших от Мануфактур-коллегии разрешения на существование. Через три года (1758) последовал сенатский указ, позволявший производить пестрядь и шляпы в «безуказных» предприятиях². Этот указ разрешал «как набойки, так и шляпы, добротой против солдатских и ниже, всякому, кто пожелает, делать без запрещения». В 1760 г. в именном указе Сенату дозволялось разрешить свободное и «безуказное» производство веревок и канатов. Наконец, указы 28 марта 1762 г.³ и 8 августа того же года являлись открытым отказом от прежней системы монополий в промышленности и торговле. 13 июля 1762 г. было разрешено свободное производство ситца по всей империи, кроме Петербурга и Москвы. Принцип свободы промышленной деятельности был провозглашен указом 1763 г., предписывавшим не оставлять «то в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут»⁴. Однако и этот указ относился лишь к свободному производству сусального золота и серебра, а также бумажных и полотняных обоев. Такое же дозволение свободно заводить ткацкие станы было дано для выделки разных тканей (с уплатой налога по 1—2 руб. за стан). Наконец, указ 17 марта 1775 г. отменил всякие ограничения в заведении промышленных предприятий для всех отраслей промышленности; кроме того, он освободил от ранее установленных сборов мелкие промыслы в области ткацкого, кожевенного и ряда других производств⁵. Несколько позже (1777) был отменен сбор с домашних станов, принадлежавших фабрике. Указы о свободе промышленности, как городской, так и сельской, были дополнены в 1784 г. именным указом не только разрешать, но и поощрять развитие местной легкой промышленности⁶. Грамота 21 апреля 1785 г. на права и вольности дворянству содержала специальную статью о разрешении дворянам иметь в своих деревнях фабрики и заводы⁷.

Изменения в направлении промышленной политики правительства нельзя объяснить лишь давлением со стороны купечества. В наказах депутатам от купечества и прениях в Комиссии по составлению нового Уложения 1767 г. основным требованием была не свобода промышленной деятельности, а сохранение прав и привилегий купеческих предприятий. Депутаты от купечества единодушно требовали восстановления права

¹ ПСЗ, т. XIV, № 10359, стр. 312—313.

² ПСЗ, т. XV, № 10910, стр. 311.

³ ПСЗ, т. XV, № 11489, стр. 959—966; т. XVI, № 11638, стр. 47—48.

⁴ ПСЗ, т. XVI, № 11761, стр. 163—164.

⁵ ПСЗ, т. XX, № 14275, стр. 82—86.

⁶ ПСЗ, т. XXII, № 15994, стр. 148.

⁷ ПСЗ, т. XXII, № 16187, гл. А, § 28, стр. 348.

покупки крестьян к промышленным предприятиям, т. е. отмены закона 1762 г. Многие указы купечества содержали требование запретить дворянам иметь фабрики и предоставить только одному купечеству право владеть фабриками и заводами (указы купечества Тулы, Костромы, Нерехты, Гжатской пристани, Рузы, Углича и других городов)¹. Особенно враждебно относилось купечество к развитию крестьянских промыслов: требование запретить крестьянам заниматься промышленной деятельностью содержится в большинстве наказов купечества. Даже Мануфактур-коллегия — орган, ведавший вопросами промышленности, — шла в области свободы промышленной деятельности значительно дальше купечества, выступая против сохранения промышленных монополий. В наказе Мануфактур-коллегии своему депутату Сукину говорилось, что «великие мануфактурные заведения вместо того, что должныствовали служить к общему рукоделий распространению и обогащению государства, заключили все в стенах своих... и бывшая монополия лишила многих пропитания». Мануфактур-коллегия поэтому высказывалась за распространение мелких промыслов. В то же время наказ Сукину констатировал, что «многие фабрики исправляются уже теперь одними наемными людьми. А когда исправляются многие, то могут и все». Свобода мелких промыслов, переход к наемному труду купеческих фабрик — такова была программа Мануфактур-коллегии. Но эта программа не задевала интересов дворянских предприятий, на которых работали собственные крепостные крестьяне помещиков: очень немногие депутаты действительно выставили буржуазные требования, касавшиеся предоставления крестьянам полного или ограниченного права собственности на их имущество, в том числе и права собственности на землю. В этом смысле высказался депутат от дворянства Коробьин, но и он стоял за определение законом крестьянских повинностей. И только Маслов, депутат от однодворцев, требовал уничтожения власти помещиков над крестьянами во всем ее объеме. В основном в Комиссии 1767 г. борьба между дворянством и купечеством шла за привилегии, и прежде всего за право на крепостной труд.

В отмене ограничений промышленной деятельности известную роль сыграла борьба «безуказных» предпринимателей. Так, в 1766 г. в с. Покровском близ Москвы по доносу была обнаружена крестьянская мастерская с 10 станами, на которых вырабатывалось полотно. Мастерскую опечатали, но другие владельцы подобных мастерских, рабочие и прочее население села напали на возвращавшуюся обратно команду. Оба доносчика были нещадно избиты, а команда «с превеликим страхом» едва отбилась от толпы².

Экономическая политика царского правительства второй половины XVIII в. отражала интересы господствующего класса, преследовала цели

¹ Сб. РИО, т. 93, стр. 102, 174, 230, 378, 573.

² И. В. Мешалин. Материалы по истории крестьянской промышленности в XVIII и первой половине XIX в., т. II, стр. 105.

укрепить диктатуру дворянства, феодально-крепостническое государство. Но объективно отмена промышленных монополий, ограничение применения крепостного труда и другие меры способствовали развитию капиталистического уклада.

Для положения рабочих людей XVIII в. показательны следующие сведения. По наказу В. Геннина (1723) на уральских заводах был установлен рабочий день летом 14 часов, осенью и весной — 12 часов, а зимой — 10 часов; на рудниках — 13 часов. На алтайских горных заводах применялась двухсменная работа по 12 часов в каждой смене; в обрабатывающей промышленности преобладала односменная работа. Согласно «регулам» 1741 г., в суконной промышленности рабочий день должен был продолжаться 13 часов. Иногда он длился 14—15 часов¹. На Сестрорецком заводе под Петербургом рабочий день продолжался с 5 до 11 час. утра и с 1 ч. дня до 7 час. вечера. На Ижорском заводе летом работа начиналась в 4 ч. 30 м. утра и заканчивалась в 7—8 час. вечера. Зимой начинали работать за час до восхода и заканчивали через час после захода солнца.

Широко применялся женский и детский труд. На уральских заводах работали даже семилетние дети. На Невьянском заводе путешественник И. Г. Гмелин в 1742 г. видел 7—8-летних мальчиков, выделявавших медную посуду. Даже на самых тяжелых работах в кузнечных мастерских уральских заводов академик П. С. Паллас видел 10—12-летних мальчиков. Женский труд на уральских заводах употреблялся на самых тяжелых работах, и притом в принудительном порядке; заводчики заставляли женщин и девушек работать на рубке дров, выжиге угля и т. п. В легкой промышленности, например в суконной, детский и женский труд использовался еще больше. На полотняной «фабрике» Тамеса в Москве, например, в 1742 г. работало 500 мужчин и 200 женщин. На шелковых мануфактурах Москвы в 40-х годах работало 1337 мужчин и 1543 женщины. На суконных мануфактурах женский труд применялся в меньшей степени (на трех мануфактурах, Серикова, Третьякова и Еремеева, работало 1889 мужчин и 669 женщин). Женский труд в этой отрасли промышленности в значительной мере заменялся трудом детей, которые, по суконному регламенту 1741 г., должны были производить «драние, щипание и чищение», т. е. крайне вредную работу, получая за нее, по тому же регламенту, 2 коп. в день. На учтенных 22 предприятиях Москвы (полотняных, суконных и шелковых) работало 716 детей в возрасте до 14 лет. Эти данные относятся к концу 30-х годов, когда дети на мануфактурах работали в качестве учеников. В последующие десятилетия применение женского и детского труда не сократилось, к концу столетия дети использовались уже не в качестве учеников, а на разнообразных, преимущественно подсобных, работах. На алтайских заводах мальчики (дети горнозаводских рабочих людей) работали в порядке обязательной повинности с 7 лет; девочки могли поступать на заводы и рудники по усмотрению своих родителей².

¹ К. А. Пажитнов. Полсжение рабочего класса в России, т. I. Л., 1925, стр. 82—106.

² Там же, стр. 76, 77.

На уральских частновладельческих заводах применялась сделная и повременная оплата. В 1737 г. на горных уральских заводах, по «штату» Татищева, было установлено жалованье мастерам 30—36 руб. в год, подмастерьям 18—24 руб., ученикам и чернорабочим 10—15 руб. В 1766 г. слесарям полагалось 30 руб., кузнецам 18, токарям 16 и ученикам 12 руб. в год; при доменных печах мастера получали 36 руб., подмастерья 24 руб., засыпщики и работники 16 руб., ученики 15 руб. На Ижорском заводе под Петербургом мастера получали от 12 до 42 руб. в год. Заработная плата выдавалась частично мукой и крупой. На Красносельской ситцепечатной мануфактуре, где в 60-х годах XVIII в. заработная плата была относительно велика, неквалифицированные рабочие-мужчины получали по найму 48—60 руб. в год, женщины — до 24 руб. Труд крепостных рабочих оплачивался еще ниже (женщины получали не больше 18 руб. в год). Заработную плату часто задерживали — владелец оставался «в долгу»¹.

На казенных заводах заработная плата во второй половине XVIII в. оставалась без изменений. Между тем цены на хлеб и продовольствие резко поднимались; по словам современного автора (И. Германа), в 80-х годах на Урале цены были в 4—5 раз дороже, чем 50 лет назад, а в последние десятилетия XVIII в. цены продолжали возрастать². Уральские заводчики устраивали хлебные магазины для снабжения рабочих по рыночной цене в счет заработной платы. Но с повышением цен положение рабочих настолько ухудшилось, что 15 мая 1785 г. именным указом «повелевалось» вычитать у рабочих «только по 20 коп. за пуд, хотя он и дороже в магазины покупается»³. Однако дальнейший рост цен привел к тому, что многие рабочие не могли «выработать платежа и на один лишь хлеб нужного, отчего и принуждены войти в неоплатные долги»⁴. О нищете рабочих Москвы может свидетельствовать указ Мануфактур-коллегии, обязавший владельцев Большого суконного двора снабдить рабочих рубашками, вычтя у них за то из заработной платы, — рабочие ходили в рубашках, едва прикрывавших тело. Положение рабочих людей значительно ухудшалось из-за жилищных условий: они жили в помещениях, где работали, или снимали углы в московских лачугах.

На мануфактурах XVIII в. царила жесткая дисциплина, палочная расправа. Владелец завода передавал свое право вотчинной юрисдикции над крепостными рабочими своим приказчикам, нередко также крепостным. В 1762 г. демидовские, уральские рабочие жаловались на заводских приказчиков, которые «незнаемо за что, немилостиво били батожем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побой долговременно, недель по шести и полугоду, не зарастали с червием раны». Н. Демидов в 1790 г. предписывал сечь рабочих «палками в шею» или «плетьми нещадно». На алтайских казенных заводах наказывали рабочих бато-

¹ «История Москвы», т. II, стр. 254 и сл.

² К. А. Пажитнов. Указ. соч., т. I, стр. 116.

³ ПСЗ, т. XXII, № 16201, стр. 395.

⁴ К. А. Пажитнов. Указ. соч., стр. 122.

гами, били плетью за побег назначалось 4½ месяца работ под стражей и т. п.

Тяжелое положение рабочих, насилия над ними заводчиков и заводской администрации естественно вызывали протесты рабочих; пассивные формы сопротивления стали нередко превращаться в восстания крестьян и рабочих.

Обострение классовой борьбы рабочих людей, крестьянства и нерусских народностей

не может не учитываться при объяснении промышленной политики правительства. Не случайно эта политика развивалась по пути ограничения владения посессионными крестьянами, некоторой регламентации труда приписных крестьян. В условиях острой классовой борьбы крестьянства правительство непоследовательно и неполно становилось на путь ограничений применения крепостного труда: ограничения касались в основном купечества, и лишь частично, поскольку речь шла о приписных крестьянах, дворянства. Подобные ограничения сохраняли право дворянства на крепостной труд и расширяли право на личность крепостного крестьянина, при максимальном учете интересов господствующего класса. Конечной целью подобных «уступок» являлось укрепление диктатуры дворянства и устоев самодержавия. Но объективно «уступки» имели далеко идущие последствия. Правительство стремилось укрепить основы феодального строя, но рост производительных сил вел к развитию буржуазных отношений. Русская промышленность, находившаяся в путах крепостничества, вступила на путь капиталистического развития.



Штрафной ошейник для рабочих уральских заводов, XVII в.

Государственный Исторический музей

5

ТОРГОВЛЯ

Во второй половине XVIII в. внутренняя и внешняя торговля России продолжала расти. Основой образования и развития внутреннего рынка были, во-первых, углублявшееся общественное разделение труда — выделение из сельского хозяйства ремесленного и промышленного производства, специализация производства, рост городов и городского населе-

ния¹; во-вторых, усиление в этот период феодально-крепостнического гнета — оброков крепостного населения и государственных податей, которые возрастали в связи с частыми войнами, увеличением расходов на содержание императорского двора. Крестьяне, чтобы уплатить подати и оброки, по необходимости должны были продавать часть своего продукта, превращать его в товар. Чем больше были подати и оброки и чем ниже цены на хлеб, тем большую часть своего урожая должны были продавать крестьяне. «...Во многих еще провинциях,— сказано в указе 28 марта 1762 г.,— и при великих реках лежащих, хлеб остается в такой низкой цене, что крестьянин при всем урожае оного едва столько намолотить успеет, сколько на заплату его податей потребно»². В докладе Комиссии о коммерции от 21 июня 1764 г. сообщается: «Крестьянин, трудясь через целое лето, насилу на платеж своих оброков может заработать»³. Крестьяне вынуждены были продавать урожай на корню. Так, в Воронежском уезде хлеб скупался «приезжающими купцами и разных чинов людьми по селам и деревням еще не молоченный»⁴.

На развитие торговли, кроме указанных выше причин, оказывало влияние географическое разделение труда, а также климатические и почвенные условия. В то время в России промышленное производство, по преимуществу текстильное, сконцентрировалось в центральных районах; на Урале развилось металлургическое производство, на северо-западе — металлообрабатывающие промыслы, в Нижегородской, Тверской и Казанской губерниях — кожевенное производство; районы Центрально-черноземной области, Поволжья и верховья Оки поставляли хлеб, Украина — скот. В северных районах концентрировались лесные промыслы. Сибирь была поставщиком пушнины, Волга — рыбы и икры. Все это вместе взятое создавало устойчивый внутренний рынок, расширяло торговлю товарами промышленного и сельскохозяйственного производства, создавало определенные товарные потоки, торговые пути и центры торговли.

Центром всероссийского рынка во второй половине XVIII в., как и в начале его, была Москва, насчитывавшая до 400 тыс. жителей⁵. Сюда поступали самые различные промышленные и сельскохозяйственные товары со всех концов России, а также иностранные. Московских купцов и их агентов (скупщиков) можно было встретить в большинстве русских городов, в том числе на Украине, в Сибири. Из 3,7 тыс. московских гильдейских купцов, ведших торговлю внутри страны, 213 торговали в других городах, не имея в Москве торговых лавок, 93 купца специализировались на внешней торговле. Один перечень городов и государств, с которыми московские купцы имели торговые сношения (Голландия, Англия,

¹ Вопросы общественного разделения труда, роста промышленности, городов и городского населения рассмотрены в § 4 и 6 первой главы настоящих «Очерков».

² ПСЗ, т. XV, № 11489, стр. 960.

³ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 286, ч. 3, л. 360.

⁴ Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в., стр. 62—63.

⁵ «История Москвы», т. II, стр. 306.

Германия, Италия, Персия, Сирия, греческий Архипелаг, Царьград, Китай), говорит о широких внешнеторговых связях Москвы.

Московское купечество поставляло хлеб, железо, кожи, юфть, сало, рыбу, икру, воск, свечи, пушнину, пеньку, лен, веревки, канаты, смолу, ткани и т. д. Следовательно, Москва была связующим центром всероссийского рынка, опиравшегося на многочисленный ряд местных более мелких рынков (Нижний Новгород, Казань, Оренбург, Астрахань и прочие города).

Другим наиболее крупным торговым центром был Петербург, в котором в середине XVIII в. насчитывалось около 95 тыс. жителей, а в конце — 220 тыс. Согласно архивным данным, в 70-х годах в Петербурге насчитывалось 1868 купцов, из них 8 купцов специализировались на внешней торговле, 434 — на внутренней¹. Торговое значение этого города определялось близостью его к западноевропейским рынкам. В Петербург по рекам и каналам из центральных и южных районов страны поступали экспортные сельскохозяйственные и промышленные товары. Привозимые иностранные товары шли на внутренние рынки — в Москву, Нижний Новгород, Казань, вниз по Волге до Астрахани и в Сибирь.

Главной торговой водной магистралью служила Волга с ее притоками (Окой и Камой). На всем протяжении волжского пути был расположен целый ряд торговых городов, как Нижний Новгород, Казань, Саратов, Царицын и Астрахань. В Астрахани, где в 80-х годах XVIII в. проживало около 70 тыс. жителей, насчитывалось 1675 русских купцов и, кроме того, много купцов других национальностей. Торговое значение Астрахани определялось связью с восточными рынками — Персией и Индией, откуда поступали шелка и пряности. Восточные товары, астраханская соленая рыба, икра, скот из прикаспийских степей, соль, добываемая в варницах прикаспийских озер, — все это на судах поднималось вверх по Волге; в Царицыне и Саратове присоединялись дополнительные партии рыбы, затем хлеб, кожи, скот, железо; все это отправлялось в Нижний Новгород, Казань, Оренбург. В Казань, кроме этих товаров, поступали и промышленные изделия Москвы, иностранные товары из Петербурга и Архангельска. Сюда с Ирбитской ярмарки шли меха, чай, фарфор, ткани. Из Казани и Нижнего Новгорода товары направлялись в Москву, Петербург, Астрахань, в Сибирь. Большое значение в хлебной торговле приобрели Нижний Новгород и Тверь. В 1767 г. 30 крупнейших хлеботорговцев образовали Нижегородскую торговую компанию. Целью ее было создание монополии на торговлю хлебом. В 1774 г. капитал компании равнялся 68 898 руб., члены ее распределили барышей по «интересам» 22 498 руб.².

Северный торговый комплекс всероссийского рынка базировался на Северной Двине, Сухоне, Вычегде и Белом море. В «северную» торговлю входили Архангельск, Вологда, Великий Устюг, Хлынов и ряд других городов. Конечным пунктом всероссийского рынка с этой стороны был Архангельск.

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 40, л. 148.

² ЦГАДА, ф. 259, кн. 3611, л. 1065.

Хотя значение Архангельска как торгового центра в сравнении с предыдущим веком намного упало (в связи с ростом торговли Петербурга), но все же его роль оставалась значительной: в 1783 г. через него было вывезено 38,7% всех русских товаров и 16,8% ввезено из-за границы¹. Архангельские купцы вели торговлю с голландскими, немецкими и прочими купцами. В 1765 г. шесть архангельских купцов первой гильдии отправили в Голландию воск, холст, пеньку, кожи, льняное семя, пушнину, рогожи, щетину; в Норвегию — холст, сукна сермяжные, лен, мыло, рогожи, пеньку, деревянную посуду; в Швецию — лен, холст, сукна сермяжные. Часть архангельских купцов торговала в Сибири, и скупленная ими пушнина шла в Китай, Индию и Персию. Вологда и Великий Устюг были перевалочными торгово-транзитными пунктами: сюда поступали товары с Севера, из Сибири, с Волги и направлялись в Москву, Петербург, на Астрахань и Кяхту.

В северо-западной части всероссийского рынка большое значение имели Новгород, Торжок, Псков, Великие Луки, Тверь и на западе Витебск, Могилев, Смоленск. Торговля этих городов была связана с внешним рынком через Петербургский, Нарвский, Ревельский и Рижский порты и сухим путем с Польшей. Эти города торговали главным образом хлебом, скотом, юфтью, льном и пенькой, медом, воском и лесом, поступавшими как с местных рынков, так и с юга России.

Города, расположенные к югу от Москвы (Воронеж, Тамбов, Орел, Курск и др.), были крупными поставщиками на московский и внешний рынки хлеба и пеньки; города Украины поставляли в северные города и на внешний рынок рогатый скот, юфть и пеньку. Украинские товары шли в Кенигсберг, Гданьск, Лейпциг, Варшаву и Вену. В торговле с Турцией «торгуют наипаче украинские купцы»; они покупали сафьян, табак, трубки, кофе и шелковые ткани². Из этого района хлеб частично направлялся также в Таганрог и Крым, для снабжения пограничных гарнизонов.

Сибирь в торговом отношении имела двоякое значение: она была основным пушным рынком и через нее велась торговля с Китаем. Оживленно торговали Тюмень, Иркутск, Енисейск, Тобольск, Томск и другие города. Всего в Сибири насчитывалось около 20 торговых городов. Сибирь была главным поставщиком пушнины на всероссийский рынок. Конечными торговыми пунктами на Востоке была Кяхта (по торговле с Китаем) и берега Аляски. Сибирские товары шли в Москву, Петербург, Астрахань и Архангельск, на внешний рынок в Китай, Персию, в Среднюю Азию и западноевропейские государства.

Об объеме внутриторгового оборота России за XVIII в. точных статистических данных не имеется. Его можно определить по сумме внутренних пошлин, которые взимались в 5% к цене товаров; к моменту отмены (1754) пошлины составляли 903,5—1100 тыс. рублей, следовательно, внут-

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 286, ч. 4, л. 216.

² «Начертание полной купеческой системы», ч. 2. М., 1789, стр. 301.



Разгрузка баржи с хлебом. Гравюра Т.-В. Аткинсона, 1803 г.

Государственный Исторический музей

риторговый оборот страны равнялся около 22 млн. руб.¹ Через таможи проходила не вся масса товаров внутреннего оборота, поэтому фактический оборот внутренней торговли был больше указанной суммы. Он превышал внешний торговый оборот, который определялся в 13,5 млн. руб.² Таким образом, во второй половине XVIII в. Российскую империю скрепляло не только единство централизованного государства, но и экономическая связь — торговля объединяла отдельные местности в единый всероссийский рынок.

Торговля осуществлялась в трех формах: через стационарную сеть — лавки, на ярмарках и торгах, посредством развозной и разносной торговли.

Торговля в городах производилась в торговых рядах, в лавках. Держать лавки в частных домах и торговать в них запрещалось. С середины XVIII в. торговые лавки сконцентрировало в своих руках первогильдейское купечество; некоторые купцы имели до ста лавок. Другим сословиям торговля была запрещена. Дворяне имели право торговать лишь товарами, которые производились крестьянами их деревень³, причем в портах только оптом, а в розницу и на внутренних рынках. Запрещалась торговля в городских лавках и владельцам мануфактур. Кроме того, розничную торговлю

¹ А. Семенов. Изучение исторических сведений о внешней торговле и промышленности, ч. III, СПб., 1858, стр. 31.

² В. А. Бутенко. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. М., 1910, стр. 72.

³ ПСЗ, XIV, № 10486, Таможенный устав, гл. II, стр. 467.

в лавках могли вести только купцы — гильдейцы данной городской гильдии, а не приезжие купцы, даже гильдейские.

Таким образом, стационарная лавочная городская торговля стала монополией первогильдейского купечества данной городской гильдии.

Торги и ярмарки относятся к временным видам торговли. Торги носили местный характер, обслуживали потребности жителей города и окрестных деревень и производились в определенные дни недели.

Ярмарки, происходившие от одного до четырех раз в году, обслуживали более широкий рынок, чем торги. Они связывали всероссийский рынок с местными рынками. Ярмарки были двух типов: ярмарки, обслуживавшие определенный комплекс местных рынков, и ярмарки, обслуживавшие весь всероссийский рынок. На эти последние ярмарки поступали товары со всей России и с внешних рынков; таковой была Макарьевская (Нижегородская) ярмарка, на которую съезжались все крупные российские купцы и многие иностранные. В 1791 г. на Макарьевской ярмарке только с иностранными товарами было 196 русских купцов, в том числе 64 московских, 38 ярославских, 22 ростовских, 14 петербургских, 12 казанских, 9 курских, 5 костромских, 5 могилевских. Еще больше купцов торговало отечественными товарами. Одни сборы за торговые места давали казне до 40 тыс. руб. По данным М. Д. Чулкова, во второй половине XVIII в. в России насчитывалось 1637 ярмарок; наиболее крупные из них — Макарьевская, Ирбитская, Троицкая (Оренбург), Рождественская (Курск), Свинская (Орел), Севская, Нежинская, Сумская и т. д. (всего около 25).

Ярмарки создавали определенную систему связей всероссийского рынка. Время их устройства устанавливалось так, чтобы купцы с одной ярмарки могли поспеть с товарами на другую. Ирбитская ярмарка происходила в январе — феврале, Тобольская — в марте — мае, Троицкая — в летние месяцы, Макарьевская — в июле — августе, Тамбовская — в январе, Свинская — в январе — марте.

Большинство ярмарок возникло еще в XVI в. и удовлетворяло потребности местного рынка. В XVIII в. возникли новые, сибирские ярмарки. Укрепление всероссийского рынка потребовало изменения старых сроков ярмарок. Так, чтобы купцы с Макарьевской ярмарки могли с товарами попасть на Свинскую, начало последней с 1 января было перенесено на 15 марта. Ярмарочный характер торговли определялся сезонностью крестьянского производства и открытыми водными путями, и к этому приурочивалась продажа осенью сельскохозяйственных продуктов, весной — предметов ремесла. Сезонность ярмарок свидетельствует о том, что товарные излишки крестьянского хозяйства были незначительны и не нуждались в постоянном сбыте. На развитие ярмарочной торговли влияло и то, что во время ярмарок «вольно всем... приезжим..., товары свои привозя, оптом и врознь продавать»¹, тогда как вне ярмарки приезжие купцы не имели права розничной торговли.

¹ М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции..., т. II, кн. 3. М., 1785, стр. 112.

В XVIII в. в связи с ростом товарного производства и торговли произошли изменения и в сезонной форме торговли. Во-первых, увеличилось число пунктов, где происходили ярмарки (стало больше ярмарок в Сибири, при заводах, при владельческих селах): в XVIII в Российской империи насчитывалось 1637 ярмарок, во второй половине века — 1831 годовая ярмарка и 6916 еженедельных торгов¹. В 1768 г. созданы ярмарки в Иркутске, Якутске, Удинске. Увеличилось число ярмарок, происходивших в одном пункте в течение года (по 3—4 ярмарки, а иногда до 7—8)². Во-вторых, увеличилась продолжительность ярмарок. Часто устанавливалось только начало ярмарки, а конец — «отъезжать, как кто похотят». Наконец, торги и торжки все больше и больше теряли свой местный характер; они стали обслуживать не только местного потребителя, но и отдаленного, включаясь в систему всероссийского рынка. Этот двойственный процесс — увеличение частоты и продолжительности ярмарок и увеличение радиуса действия торжков — соответствовал требованиям развивающегося товарного хозяйства России.

Имела распространение также разъездная и разносная торговля по селам и деревням. Бродячие купцы второй и третьей гильдий, а также и торгующие крестьяне, разъезжая по селам и деревням, сбывали промышленные товары и скупали крестьянские.

Кроме указанных форм, торговля осуществлялась еще через откупа. Посредством откупной системы дворянское государство использовало товарно-денежные отношения в интересах господствующего класса. Торговля некоторыми товарами, например водкой, солью, была государственной монополией. Винная торговля давала большие прибыли: в 1751 г. доход от нее составил 2273,5 тыс. руб., через 20 лет (1771) — 6641 тыс. руб., в 1783 г. — 9419 тыс. руб. Кроме государства, от продажи вина большие прибыли имели откупщики, получавшие от государства право продавать вино на определенной территории России. К числу наиболее крупных винных откупщиков относится Савва Яковлев: продажа вина давала ему ежегодно 300—700 тыс. руб. прибыли. На винной торговле наживались и помещики — поставщики водки (с 1755 г. винокурение купцам было запрещено, и помещики стали монополистами по поставке вина откупщикам).

В первые годы второй половины XVIII в. торговля некоторыми товарами (табаком, смолой, ворванью, льняным семенем, лесом и т. д.) находилась на откупе в руках отдельных придворных сановников (Шувалов, Воронцов и др.), которые за определенную плату продавали право торговли крупным купцам (Евреинovu, Яковлеву), а последние в свою очередь перепродавали более мелким. Так создавалась система откупного грабежа. Откупщики путем снижения цен на скупаемые товары и повышения цен при продаже получали огромные барыши. Например, Шувалов,

¹ «Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России». СПб., 1893, стр. 92.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская ярмарка XVIII в. «Уч. записки кафедры истории народного хозяйства Московского областного пединститута», вып. 1, 1939.

державный откуп на ворованный жир, покупая его за 35—40 коп., продавал по 80 коп.¹ Часть прибыли купцы-откупщики обязаны были выплачивать сановникам: купец Евреинов, купивший у графа Воронцова и Глебова право вывоза льняного семени за границу, выплачивал им по 50 коп. с каждой вывезенной четверти; за четыре года (1759—1762) он выплатил 62,7 тыс. руб.; петербургский купец Горбылев должен был платить по договору за табачный откуп Шувалову 47,7 тыс. руб. ежегодно; английский купец Гом за онежскую торговлю лесом платил ежегодно по 10 тыс. руб. Так дворяне и купцы делили торговую прибыль от откупов между собой. Но откупная система к середине XVIII в. стала тормозить дальнейшее развитие торговли. Откупщики своими монопольными ценами угнетали как мелкое купечество, так и помещиков — продавцов сельскохозяйственных продуктов. В 60-х годах XVIII в. частные откупа были отменены.

Часть продуктов как крестьянского производства, так и промышленного шла на внешний рынок.

Промышленная продукция (металлургической и текстильной промышленности) занимала около 44,5% в общем экспорте России. По вывозу железа Россия стояла на одном из первых мест в мире. В 1790 г. Россия выплавляла 35% мировой продукции черного металла. Русское железо по своему качеству превосходило железо западноевропейских государств. Главным потребителем русского железа была Англия; строительство английского флота осуществлялось на русском железе, полотнах и лесе. Вывоз железа составил в 1750 г. 1236 тыс. пуд., в 1760 г. — 1118 тыс., в 1769 г. — 2326 тыс., в 1779 г. — 3055 тыс., в 1790 г. — 2582 тыс. пудов². В 1740 г. вывозилось около 63% всего производимого в России железа, а из произведенных в конце XVIII в. около 10 млн. пуд. вывозилось не более 2,5 млн., т. е. 25%. Эти данные показывают рост внутреннего спроса на железо в России и сокращение его экспорта.

Увеличение вывоза предметов крестьянского производства показывают следующие цифры:

	1758—1762 гг. в среднем за год в тыс. пудов	1793—1795 гг. в среднем за год в тыс. пудов
Пенька	2011	3062
Лен	671	1261

В связи с частыми неурожаями и связанным с этим изменением цен вывоз хлеба за границу был очень неустойчив. В 1772 г. было вывезено 1166 тыс. четвертей хлеба на сумму 3417 тыс. руб.

Главными статьями импорта в конце XVIII в. были: сахар (на 5595 тыс. руб.), сукна (на 3978 тыс. руб.), красильные вещества (на 3404 тыс. руб.), хлопчатобумажные изделия (на 2607 тыс. руб.), шелко-

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 286, ч. 1, л. 151.

² См. ЦГИАЛ, ф. 3, оп. 1, д. 301, 437, 450; «Материалы для истории и статистики железной промышленности России». СПб., 1896; С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.—Л., 1935; Г. Неболсин. Статистический обзор внешней торговли России, т. II, СПб., 1850, стр. 5, 111, 130.

вые товары (на 1822 тыс. руб.), кофе (на 1315 тыс. руб.), вина (на 1137 тыс. руб.), фрукты (на 903 тыс. руб.). Ассортимент вывозимых и ввозимых товаров показывает, что внешняя торговля обслуживала интересы господствующего класса — дворянства: при вывозе реализовались предметы феодальной ренты (крестьянского производства), ввозились предметы помещичьего потребления (шелка, кофе, вина, фрукты, сахар, сукна) ¹.

Рост внешнеторгового оборота во второй половине XVIII в. характеризуется следующими данными:

	Вывоз	Ввоз в тыс. руб.	Оборот
1762 г.	12 762	8 162	20 924
1793—1795 гг. . . .	43 266	27 886	71 152

Таким образом, внешнеторговый оборот за указанный период возрос в $3\frac{1}{2}$ раза; но если учесть падение курса ассигнаций, то это соотношение составит рост в $2\frac{1}{2}$ раза.

Внешнеторговый баланс России на протяжении всей второй половины XVIII в. был активным, т. е. вывоз превышал ввоз. Это видно из следующих данных:

	Вывоз	Ввоз	Превышение вывоза над ввозом в среднем за год в млн. руб.
1761—1765 гг. . .	11,7	8,7	2,0
1791—1795 гг. . .	43,5	34,0	9,5

Главную роль во внешнеторговом обороте играла русско-английская торговля. Это показывают следующие цифры (в среднем за год):

		Вывезено	
		всего в тыс. руб.	в том числе в Англию в тыс. пуд.*
1760—1764 гг.	Железо	1118	846
1793 г.	»	2996	2337
1758—1762 гг.	Пенька	2011	809**
1793—1795 гг.	»	3062	1767
1758—1762 гг.	Лен	671	84**
1793—1795 гг.	»	1261	764

* Через Петербургский порт.

** За 1760 г.

Из таблицы видно, что во внешней торговле России доля торговли с Англией во второй половине XVIII в. возросла по железу с 75 почти до 80%, по пеньке с 40 до 58% и по льну с 12,5 до 60% с лишним.

В конце XVIII в. в Англию вывозилось более 50 тыс. пудов смолы, более 80 тыс. пудов поташа, свыше 1200 тыс. пудов сала.

Внешняя торговля в России во второй половине XVIII в. продолжала оставаться в руках иностранного купечества, главным образом английского.

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 433, л. 44—45.

Роль иностранного торгового капитала в русской внешней торговле за 1778 г. по Петербургскому порту, через который происходило до $\frac{3}{4}$ операций внешней морской торговли России, иллюстрируют следующие данные ¹:

	Вывоз		Ввоз	
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %
Русские купцы	1471,8	16	3878,9	45
Иностранные купцы	7395,8	84	4674,6	55

Таким образом, почти весь вывоз русских товаров (84%) и более половины ввоза были в руках иностранных купцов.

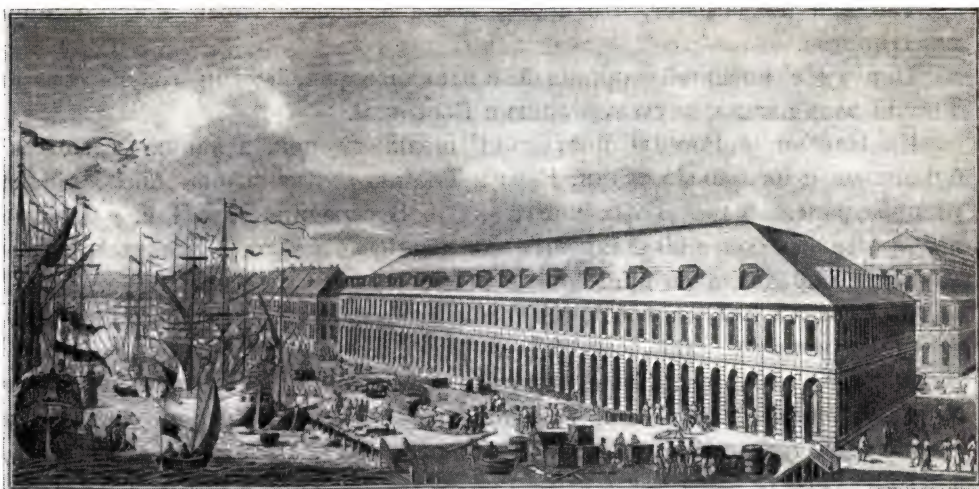
В 1773 г. во внешней торговле через Петербургский порт участвовало 188 русских купцов и 272 иностранных, в том числе 65 английских.

Ввоз и вывоз товаров из-за слабости русского торгового флота осуществлялся в основном на иностранных кораблях. В 1752 г. во внешнеторговом обороте России было занято 425 кораблей (из них 5 русских и 180 английских), в 1775 г. — 414 кораблей (из них 17 русских и 236 английских), в 1787 г. — 2015 кораблей (из них 141 русский и 767 английских). Русское правительство понимало невыгодность использования иностранного флота. В целях ликвидации зависимости своей внешней торговли от Англии Россия заключила торговые договоры в 1782 г. с Данией, в 1785 г. с Австрией, в 1787 г. с Францией, Неаполитанским королевством и Португалией. По договорам, в случае привоза товаров на кораблях договаривающихся сторон, предусматривалось снижение ввозных пошлин. В договоре с Францией устанавливался принцип наибольшего благоприятствования. Заключение договоров могло бы дать русской внешней торговле значительные выгоды, если бы Россия располагала достаточно сильным торговым флотом.

В основном во второй половине XVIII в. внешняя торговля России осуществлялась через Петербургский порт. На его долю падало более 60% морской торговли страны. Наряду с Петербургом большое значение приобрели и другие балтийские порты (Рига, Ревель, Нарва). Доля Риги во внешней торговле России составляла 13%; в среднем за 1776—1785 гг. ее посетил 841 корабль, Нарву — от 60 до 238, Ревель — от 90 до 225.

С присоединением Крыма (1783) и северного побережья Черного моря (1791) возникли большие надежды на развитие внешней торговли через Одессу, Херсон, Севастополь и Феодосию. Указанные порты были объявлены открытыми для кораблей всех дружественных стран, пошлины на товары, привозимые в черноморские и азовские порты, снижены на 25% от общего тарифа. Например, вывоз веревок по тарифу 1766 г. облагался пошлиной в 45 коп. с берковца, — тарифом 1775 г. (по черноморской торговле) пошлина устанавливалась в 33 коп.; на юфть соответственно по двум тарифам 88 $\frac{1}{2}$ и 66 коп. с пуда, на хлопок-сырец 36 и 27 коп. с пуда

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 433, л. 6—9.



«Проспект биржи и гостиного двора вверх по Малой Неве реке».

Гравюра И. Е. Елякова по рисунку М. И. Махаева, 1753 г.

и т. д. Но черноморская торговля не получила развития: русский флот был слаб, а корабли других государств Турция не пропускала через проливы. На долю черноморской торговли в XVIII в. падала незначительная доля русского морского внешнеторгового оборота. Однако внешняя торговля осуществлялась не только морским путем.

Роль портов и таможен во внешней торговле России с Западной Европой за 1783 г.¹ видна из следующей таблицы.

Порты и таможи	Ввоз		Вывоз	
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %
Порты:				
Архангельский	435,6	17,4	1439,0	41,6
Балтийские (Петербургский, Ревельский, Нарвский, Вы- боргский и др.)	601,9	24,2	1099,6	31,8
Черноморские	248,2	9,9	284,0	8,2
Таможи:				
украинские	890,1	35,8	476,9	13,8
белорусские	315,8	12,7	158,7	4,6
Всего . . .	2491,6	100,0	3458,2	100,0

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 286, ч. 4, л. 216.

Таблица показывает, что 48,5% ввоза осуществлялось помимо морских портов.

Наряду с внешней торговлей с западноевропейскими государствами Россия вела оживленную торговлю с Востоком.

Из Персии в Россию поступали шелк, хлопок, а также хлопчатобумажные и шелковые ткани. Ввоз в Россию шелка-сырца способствовал распространению шелковых мануфактур. В середине XVIII в. в Москве насчитывалось более 50 шелковых заведений, потребность которых в шелке-сырце определялась примерно в 3 тыс. пудов.

Из Средней Азии шли хлопок, хлопчатобумажная пряжа и ткани, драгоценные металлы, скот.

Большое значение имела торговля с Китаем, и во второй половине XVIII в. она быстро росла. Так, торговый оборот с Китаем составил в среднем за год в 1758 г. 1037 тыс. руб., в 1760 г. 1358 тыс. руб., в 1769—1773 гг. 2251 тыс. руб., в 1780—1784 гг. 6083 тыс. руб.¹, т. е. за четверть века вырос в 6 раз. Главными товарами ввоза из Китая были чай, китайка, шелк и камка. Вывоз же русских товаров в Китай за указанный период составил 1583 тыс. руб., в том числе мехов было вывезено на 1176,5 тыс. руб., что составляет 74,3% всего вывоза в Китай².

Внешняя торговля России с Востоком во второй половине XVIII в. развивалась успешно и имела большое экономическое значение. Ввоз шелка-сырца и хлопка способствовал развитию в России текстильного производства.

Внешняя торговля с Западом во второй половине XVIII в. находилась большей частью в руках английского купечества. Русская торговля имела большое значение для Англии,—при строительстве английского флота, как уже сказано, широко использовались русский лес, железо, полотно, смола и пенька. Поэтому Англия была очень заинтересована в удержании внешней торговли с Россией в своих руках и всячески препятствовала развитию торговых отношений России с другими государствами. Кроме того, английское купечество старалось проникнуть на внутренние рынки России. Но здесь оно встретило сопротивление со стороны русского купечества, кровно заинтересованного в сохранении за собой внутреннего рынка. Русское правительство, желая ослабить влияние Англии во внешней торговле, заключило ряд торговых договоров с другими западноевропейскими государствами. Россия продолжала вывозить главным образом сельскохозяйственные продукты. Вывоз железа в конце XVIII в. начал терять свое значение, поэтому внешняя торговля России приняла еще более аграрный характер. Такой характер внешней торговли купечество считало невыгодным для себя и выгодным для дворянства. Купцы видели, что

¹ «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем отношений через Кяхту». М., 1896, стр. 5, 15, 18—20.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 286, ч. 4, л. 307—338.

из-за границы ввозятся обработанные товары из русского же сырья, а стоимость их во много раз выше сырья. Купцы (московские) следующим образом оценивали роль внешней торговли России с Западом: «Россия отпускает за границу произведения свои наиболее в первообразном виде (т. е. необработанные.— В. Я.), а покупает из иностранных государств... наибольшее число товаров в изделиях фабричных..., обрабатываемых в других государствах большею частью из российских же произведений, ценность которых превосходит иногда в десять, сто и тысячу крат находящееся в них первоначальное вещество... От произведения в таком виде внешней торговли Россия безвозвратно теряет свое естественное богатство»¹. Дворянство, наоборот, считало аграрный характер вывоза выгодным для России².

Купцы и дворяне в вопросе о внешней торговле защищали свои классовые интересы: купцы были озабочены получением прибыли, дворяне — сохранением в деревне рабочих рук и продажей ренты.

Развитие внутренней и внешней торговли привело к необходимости создания новых юридических актов по ее регулированию, которые соответствовали бы новым условиям.

Развитие внутренней торговли, укрепление связей между рынками требовало отмены внутренних таможен и таможенных сборов, и они были отменены указом 1753 г. Это мероприятие способствовало дальнейшему росту внутренней торговли. Вместе с отменой внутренних таможенных сборов правительство, «чтоб казне убытка не было», подняло пошлины на ввозимые и вывозимые товары на 13%.

В 1755 г. издан Таможенный устав, которым правительство пыталось установить правовые торговые отношения для всех слоев населения.

Русские купцы, согласно уставу, имели право внутри страны торговать беспошлинно. Купцы одного города, приехавшие в другой, могли продавать свои товары только оптом, «а врознь на чужих городах отнюдь не торговать». Торговцам из крестьян торговать разрешалось только в селах и деревнях, находившихся к городу не ближе 5 верст, и ограниченным кругом товаров. К иностранным рынкам крестьяне не допускались.

Дворянам разрешалось продавать товары, «которые в собственных их деревнях ...за домовными расходами бывают в достатке..., а не скупными у других», и торговать оптом на внешнем рынке, если же везти «не похотят», а «гражданам продавать пожелают, то тем и в розницу продавать дозволяется»³.

Иностранные купцы, записавшиеся в российское купечество «навечно», приравнивались уставом по правам к русскому купечеству;

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 9 (доп.), л. 4.

² ЦГАДА, ф. 1244, д. 55414, л. 3.

³ ПСЗ, т. XIV, № 10486, стр. 467.

записавшиеся во временное купечество при выезде из России вносили в казну $\frac{1}{10}$ часть своего капитала.

В течение второй половины XVIII в. многократно менялись тарифы (в 1754, 1757, 1766, 1775, 1782, 1796 и 1797 гг.) как на ввозимые, так и на вывозимые товары, что видно из следующей таблицы (в руб. и коп. или в % к цене) ¹.

Товары	Год			
	1757	1766	1782	1796
Меха в десятках:				
бобры	23%	4 р. 20 к.	4 р. 20 к.	10 руб.
выдры	23%	30%	1 р. 80 к.	10 »
Вина:				
шампанское в оксфотах . .	55 р. 20 к.	144 руб.	144 руб.	Запрещено
Сырье в пудах:				
хлопок	64 коп.	36 коп.	Беспошлинно	
сахар-сырец	30 »	Беспошлинно		
Кожи выделанные:				
опойки в десятках	72 »	9 руб.	9 руб.	Запрещено
подошвы в пудах	36 »	3 »	3 »	»
Металлы:				
чугун в берковцах	1 р. 08 к.	1 р. 80 к.	3 »	»
сталь в пудах	96 коп.	1 р. 25 $\frac{1}{4}$ к.	1 р. 26 к.	1 р. 50 к.
медь в пудах	1 р. 61 к.	2 р. 10 к.	3 р. 60 к.	6 р. 90 к.
Изделия:				
медная проволока в пудах .	1 р. 70 к.	3 р. 60 к.	5 руб.	8 руб.
полотна в кусках	1 р. 38 к.	2 р. 35 $\frac{1}{4}$ к.	2 р. 40 к.— 2 р. 50 к.	Запрещено
посуда (с пены)	23%	39,9%	40%	40%
бумага писчая	40 коп.	5 руб.	5 руб.	5 руб.
сахар в пудах	1 р. 08 к.	1 р. 56 $\frac{3}{4}$ к.	1 р. 60 к.	2 р. 85 к.
Зерно (вывозное) в четвертях:				
пшеница	85 $\frac{1}{2}$ к.	По указам	9 коп.	50 коп.
рожь	57 $\frac{1}{2}$ к.		» »	» »
ячмень	36 к.		12 »	25 »
овес	25 $\frac{1}{2}$ к.		8 »	30 »

¹ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 114.

Основное направление тарифной политики за этот период сводилось к тому, чтобы «из государства больше российских произведений сырых и в деле было выпускаемо». Играли роль и внешнеполитические отношения, и задача обеспечения казны деньгами, но эти факторы подчинялись интересам более выгодного сбыта товаров помещичьего хозяйства. Это наглядно видно из сравнения тарифов на промышленные изделия и сельскохозяйственные товары. Например, по тарифу 1782 г. четверть ржи облагалась 9 коп., что составляло около 2,5% ее цены, а по тарифу 1796 г. — в размере 50 коп. (тарифная ставка выросла почти в 9 раз), что составляло к цене ржи около 5%. В то же время промышленные товары (посуда, железные изделия) тарифами облагались в 30—40% к цене этих товаров. Установление беспоплинного ввоза сырья (каменного угля, хлопка, сахара-сырца) объективно благоприятствовало развитию промышленности.

Предметы дворянского потребления обычно пошлинами не облагались или облагались по очень низкой ставке. Низкие ввозные пошлины на предметы дворянского спроса и вывозные на предметы дворянского хозяйства (феодальной земельной ренты) показывают, что тарифная политика в этот период была подчинена интересам дворянства, обслуживала потребности господствующего класса.

Торговля осуществлялась в основном гильдейским купечеством и частично торгующими крестьянами. В середине XVIII в. (1766) по 13 губерниям России гильдейских купцов насчитывалось 183,5 тыс., что составляло до 2,5% податного населения России; торгующих крестьян — 5,5 тыс., или 0,17%.

В Московской губернии проживало 39,9 тыс. купцов, или 21,7% общего числа купцов, в Новгородской — 26,6 тыс., или 14,2%, в Белгородской — 25,6 тыс., или 13,5%, в Казанской — 19,5 тыс., или 10,3%. Таким образом, в четырех перечисленных губерниях России было сосредоточено до 60% купечества¹.

По данным Главного магистрата, в 1765 г. купечество делилось по гильдиям следующим образом: в первую гильдию входило 9,3 тыс. купцов (7,1%), во вторую — 32,0 тыс. (24,7%) и в третью — 88,3 тыс. (68,2%); часть купечества (53,9 тыс.) по гильдиям не была разбита. Купцы первой гильдии, наиболее богатые, вели широкую торговлю не только в своем городе, но и в других губерниях и за границей. Купцы третьей гильдии были мелкими торговцами, а в большинстве наемными рабочими, мелкими землевладельцами, сидельцами в купеческих лавках и ремесленниками.

Московское купечество, по данным Главного магистрата, в 1765 г. по роду деятельности внутри государства подразделялось следующим образом (см. табл. на 134 стр.).

¹ Более подробные данные о гильдейском купечестве см.: В. П. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 48—76.

Категория купцов	Гильдия			Всего
	1-я	2-я	3-я	
Имевшие заводы и откупа	58	108	5	171
Владельцы вотчин	92	—	—	92
Торговавшие на внутренних рынках	834	1964	906	3704
Не торговавшие и работавшие по найму	—	1070	3452	4522
Всего	984	3142	4363	8489

В таблице не указаны купцы, которые занимались внешней торговлей и ремеслами. Всего в Москве купцов в 1766 г. было 8733, из них первой гильдии — 992, второй — 3491 и третьей — 4250. Из второй гильдии более 30 % и третьей гильдии более 80 % купцов жило не на торговую прибыль, а своим трудом.

Таково же положение и в других городах России. Так, например, в Дмитрове 371 дом купцов третьей гильдии «пропитание имеет работою своею, а также огородными овощами..., а торгу никакого не имеют»; в Кинешме 303 дома купцов третьей гильдии «пропитание себе имеют, ходя по найму на судах»; в Устюжне «третьей гильдии 423 кормятся черною работою»; в Великих Луках «большая часть третьей гильдии питается черною всякою работою»¹.

В «Обзрении торговли», относящемся к концу XVIII в., сообщалось: «В России считается 214 тыс. купцов, но большею частью помянутого числа составляют такие, которые пропитание себе получают не купечеством, но нуждою бурлацкою и прочею черною работою; или такими торгами и промыслами, которые и к купечеству причислить стыдно, а именно мясо, рыбу, птицы и прочее тому подобное по улицам продают... Все они купецкое только звание на себе несут, а ежели из того великого числа выключить еще лавочников и сидельцев, то останется самая малая часть людей, как по настоящему купеческому званию себя и дела свои ведут»².

Таким образом, можно считать, что во второй половине XVIII в. торговлей занималось не более половины гильдейского купечества, или фактически не более 100 тыс. чел. Но необходимо отметить, что торговлю вело не только гильдейское купечество: рядом с ним стояли так называемые торгующие крестьяне (богатая верхушка деревни) и отчасти дворянство.

Экономическая сила купечества заключалась не в его численности, а в его капитале. В XVIII в. произошла большая концентрация купеческого капитала. Так, 93 московских купца, ведших торговлю с границей, имели капитал, по данным Главного магистрата, в общей сложности в 1175,8 тыс. руб., в том числе В. Суровщиков в 116 тыс. руб., А. Кондя-

¹ ЦГАДА, ф. Гл. магистрата, в. 265, д. 78/19557.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, д. 287, л. 55—56.

ков — 80 тыс. руб., Д. Земской — 50 тыс. руб., М. Ситников — 40 тыс. руб., А. Турчанинов — 25 тыс. руб., братья Журавлевы — 125 тыс. руб. и т. д. Эти крупнейшие представители купеческого капитала имели разветвленную агентуру, которая от их лица вела торговлю при портах, а также в различных городах Европейской и Азиатской России. Представление о размерах этой агентуры дает следующая таблица (она охватывает агентуру из московского гильдейского купечества):

Работали в качестве	Гильдия			Всего
	1-я	2-я	3-я	
Купцов-агентов	494	1726	835	3055
Сидельцев	5	424	318	747
Приказчиков	3	71	5	79
Купцов, отпущенных для торговли по паспортам внутри России	28	119	66	213
Всего	530	2340	1224	4094

Из таблицы видно, что почти 47% московского гильдейского купечества были не самостоятельными купцами, торговавшими на собственный капитал, а агентами или рабочими богатейших купцов. Агенты и приказчики крупнейшего московского купечества в свою очередь имели агентов-скупщиков на мелких периферийных рынках. Это еще раз свидетельствует, что Москва была центром всероссийского рынка, а купечество — его связующим звеном, разрывавшим узкие рамки местных рынков. Аналогичное явление, только в более узких масштабах, наблюдалось и в других городах. Таблица показывает также, что торговая деятельность сосредоточивалась в руках купцов первой и частично второй гильдии. Об этом можно судить, кроме того, по распределению торговых лавок.

Централизация торговых лавок среди петербургского купечества 80-х годов XVIII в. характеризуется следующими цифрами:

Группировка купцов по числу лавок (в скобках)	Число купцов		Число лавок	
	абс.	в %	абс.	в %
Мелкие (1—2)	208	63,6	274	22,7
Средние (3—5)	72	22,0	266	22,1
Крупные (6—17)	35	10,7	345	28,7
Крупнейшие (18 и более)	12	3,7	319	26,5
Всего	327	100,0	1204	100,0

Как видим, крупнейшие купцы, составлявшие 3,7% общего числа петербургских купцов, являлись владельцами более четверти всех лавок, а мелкие купцы, имевшие по 1—2 лавки, составляли 63,6% всего состава купечества и владели только 22,7% общего числа лавок. Крупных купцов, владевших 6 и более лавками, было только 47 (14,4%), но они владели 664 лавками (55,2%).

Купец С. Яковлев имел 91 лавку, И. Терентьев — 27, К. Попов — 23 и т. д.

Данные о размерах капиталов крупнейшего московского купечества, о концентрации торговых лавок в руках первогильдейского купечества Петербурга, о большом количестве «купцов» из третьей гильдии, которые «торгов не имеют», а «питаются черною работою», показывают, что в XVIII в. произошла значительная концентрация купеческого капитала.

Вместе с развитием гильдейского купеческого капитала во второй половине XVIII в. расширялась роль торгующих крестьян, и можно сказать, что последние в указанный период стали на рынке серьезными конкурентами гильдейских купцов.

Образование отдельной группы торговцев, торгующих крестьян, — порождение феодально-крепостнических отношений в период начавшегося разложения, когда феодальное натуральное хозяйство все более и более становилось товарным. Причина заключается в том, что с ростом общественного разделения труда крестьянское хозяйство неизбежно втягивалось в товарные отношения, происходило расслоение крестьянства и выделение богатой торговой верхушки, которая превращала торговлю в род занятий и средство дальнейшего обогащения. Но помещики, получавшие с новых купцов из деревни большие оброки, не были заинтересованы в отпуске их на волю, даже за выкуп в несколько тысяч рублей, а гильдейское купечество, боясь новых конкурентов, всячески препятствовало их вступлению в гильдии. Поэтому из крепостных деревенских торговцев образовалось специфическое крепостное купечество — торгующие крестьяне.

Однако можно было закрыть для торгующих крестьян двери гильдий, можно было не отпускать их на волю, все это было в руках помещиков и их правительства, но нельзя было, в связи с ростом общественного разделения труда, товарно-денежных отношений и с приобщением к ним крестьянского хозяйства, предотвратить рост слоя торгующих крестьян. Во второй половине XVIII в. крестьяне, наряду с мелкой торговлей продуктами своего труда, начали торговать предметами русского и заграничного производства, заниматься куплей и перепродажей товаров ради барыша, вести, наряду с розничной, крупную оптовую торговлю на ярмарках, городских рынках и в пограничных портах.

Торгующие крестьяне стали серьезной конкурентной силой на рынке для гильдейского купечества. Возникла жестокая конкурентная борьба



Крестьянский обоз с товаром. Гравюра Т.-В. Аткинсона, 1803 г.

между гильдейским купечеством и торгующими крестьянами; принцип монополии сменился принципом конкуренции.

Б. Д. Греков отмечал, что во второй половине XVIII в. «на смену старого купечества идет новый купец из разбогатевших крестьян и однодворцев... Эта новая общественная фигура вызывает беспокойство не только у старых купцов, но и у дворянства»¹. И действительно, вопрос о крестьянской торговле неоднократно стоял на заседаниях Комиссии о коммерции, Сената и Комиссии по составлению нового Уложения.

Гильдейское купечество стало добиваться от правительства пресечения крестьянской торговли. Так, в 1766 г. петербургское купечество в своей челобитной в Сенат писало, что купечество «чувствуют не только знатный упадок, но и всеконечное разорение, ибо размножившееся в Петербурге крестьянство под именем здешних купцов... торг весь захватили в свои руки и торгуют как на морском рынке, так и по всему Петербургу... Привозимые из-за моря товары, как то сахар, чай, кофей, фрукты, пряные зелья, гвоздику, корицу, мушкат, разные ягоды и прочее с кораблей на бирже, собрався артелями, скупают в одни свои руки»². В 1778 г. в новой челобитной они сообщали, что торгующие крестьяне, «собираясь в компании или по их общему названию артелями, приходя на биржу и скупают не только великими партиями, но и целым грузом иностранного

¹ Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в., стр. 103—104.

² ЦГАДА, ф. 259, кн. 3608, л. 629—630.

судна надобные для их товары»¹. В 1782 г. в третьей челобитной они же писали: «Здесь торгующих крестьян своим собственным капиталом до несколько тысяч человек, а торгующих крестьян, которые под именем купцов лавки имеют..., находится более 2-х тысяч человек, а с их помощниками не менее 10 тысяч человек»².

Конечно, купцами, вероятно, сгущены краски об их разорении от торговли крестьян, но их неоднократные жалобы в Сенат показывают, что торговля торгующих крестьян затрагивала интересы гильдейцев. Насколько богаты бывали некоторые торгующие крестьяне, видно из дела крепостного крестьянина Шереметевых Н. Сеземова, крупного откупщика 70-х годов. В 1771 г. у него на винном откупе находились Нижегородская и Астраханская губернии, Орловская и Московская провинции, и он должен был ежегодно выплачивать казне за откуп 911,7 тыс. руб. При описи его имущества было найдено 3185 руб. наличными и на 16 906 руб. векселей. За проданное с торгов его имущество было получено 1464 руб. Сам Шереметев, согласно найденным векселям, задолжал своему крепостному 23 280 руб.

Конечно, таких богатеев из крепостных крестьян насчитывалось немного, но наличие торгующих крестьян, ведущих торговлю в городах и портах, говорит о начале довольно глубокого расслоения крестьянства.

Купечество было необходимо дворянству, чтобы превратить феодальную ренту в деньги и из денег в предметы дворянского потребления. Но дворяне понимали, что купечество — как гильдейское, так и крестьянское — наживается на этих операциях, богатеет за счет того, что, по их мнению, должно принадлежать им. В условиях конкуренции между купцами помещики имели возможность по более высоким ценам продавать с.-х. продукты и по более низким ценам приобретать другие товары. Поэтому дворянству была выгодна торговля крестьян, которая подрывала монополию гильдейского купечества. Этим и объясняется, что дворянское правительство не шло навстречу требованиям гильдейского купечества искоренить торговлю торгующих крестьян. Комиссия о коммерции, состоявшая из дворян, считала, что торговля крестьян «хотя для купцов вредна, но для жителей здешних выгодна»³. Кроме того, помещики, разрешая своим крепостным крестьянам вести торговлю, получали с них высокие оброки — по несколько тысяч рублей. Таким образом, дворянство использовало купечество в своих экономических интересах. В то же время помещики, обеспокоенные ростом богатства торгующих крепостных крестьян, старались сократить их прибыли.

Как гильдейское купечество, так и торгующие крестьяне вели торговлю в целях получения прибыли, присвоения результатов чужого труда. Так как непосредственным производителем в феодальном обществе было крепостное население, то, следовательно, содержанием купеческой

¹ ЦГАДА, ф. 259, кн. 3865, л. 133—134.

² Там же, кн. 4227, л. 749.

³ Там же, л. 621.

прибыли, в конечном счете, являлся неоплаченный купечеством труд крепостных. Условия неэквивалентного обмена создавались, с одной стороны, самими феодально-крепостническими отношениями, а с другой — неразвитостью товарно-денежных отношений.

Крестьянин для уплаты подушной подати и денежного оброка продавал часть урожая. Это создавало на рынке преувеличенное предложение продуктов крестьянского производства, чем пользовался купец и снижал цены. Оброк натурой, собираемый с крестьян, помещик старался поскорее продать и на полученные деньги приобретал предметы потребления или тратил их на увеселения. Купец пользовался и этим, чтобы скупить товары по дешевке. Конечно, если бы на рынке было много купцов, то в результате конкуренции между собой они не могли бы снижать цены. Но торговлю могли свободно вести только лица, состоявшие в гильдиях, — гильдейское купечество, а вступление в гильдии было ограничено (например, крестьянин, вступавший в гильдию, платил двойные подати: по купечеству и по крестьянству), поэтому приток крестьян в гильдии был незначительный: по третьей ревизии в гильдиях числилось 224 тыс. чел., в том числе из крестьян и разночинцев 33,4 тыс. (из них помещичьих крестьян 84, из государственных 420); отдельные купцы были монополистами на рынке и могли снижать цены. Кроме того, купечество, используя географическое разделение труда, скупало продукты крестьянского производства в губерниях черноземной полосы, где цены были низкие, и продавало в городах и ремесленных районах по высоким ценам.

Цены на сельскохозяйственные продукты по их уровню можно разделить на пять групп.

К первой группе относятся цены в тех городах, которые торговали с заграницей, и в городах, являвшихся центрами сбора товаров для внешней торговли; ко второй группе — цены в Москве и Московской провинции; к третьей — цены в остальных городах Московской губернии; к четвертой — цены в городах Украины и по Волге с ее притоками; к пятой — цены в городах, расположенных в большинстве в Центрально-черноземной области; в этой группе цены были наиболее низкими.

По данным за 1763 г. можно вывести средние по группам и, приняв цены пятой группы за единицу, вывести следующее отношение групповых цен на основные сельскохозяйственные продукты:

Продукт	Группа			
	1-я	2-я	3-я	4-я
Рожь	3,00	2,50	2,00	1,50
Мука ржаная	2,40	2,30	2,00	1,50
Овес	1,75	1,75	1,50	1,25
Ячмень	2,22	1,78	1,78	1,22
Гречневая крупа	1,91	1,36	1,40	1,40

Таким образом, по мере продвижения от городов Центрально-черноземной полосы к Москве и внешним рынкам цены возрастали в 2—3 раза. Разница в ценах давала возможность купцам путем скупки товаров в одних районах (пятая группа) и перепродажи их в других районах (первая группа) получать высокую торговую прибыль. Например, четверть ржи в Воронеже в декабре 1763 г. стоила 31—33 коп., в Тамбове — 44 коп., в Москве — 90—100 коп., в Смоленске — 1 р. 00 к. — 1 р. 08 к., в Архангельске — 1 р. 50 к.

Кроме разницы цен по городам, купечество широко использовало сезонное колебание цен. Наиболее низкие цены стояли в октябре и ноябре, наиболее высокие — в летние месяцы. Так, например, в 1773 г. в Ельце четверть проса в мае стоила 2 р. 50 к., а в ноябре 1 р. 20 к., в Липецке — в мае 2 руб., в декабре 70 коп. В 1772 г. в Челябинске четверть овса в апреле стоила 80 коп., в декабре — 60 коп.; в Иркутске пуд овса в марте стоил 22 коп., в сентябре — 15 коп.; в Оренбурге пуд гороха в июне стоил 37 коп., в августе — 21 коп. В Тюмени в 1779 г. цена четверти ржи с 1 р. 10 к. в летние месяцы упала до 80 коп. в ноябре, цена четверти овса соответственно с 70 до 34 коп., ячменя — с 1 руб. до 54 коп. Такое сильное понижение цен в октябре — декабре объясняется тем, что крестьяне в это время выплачивали подати и оброки, а потому продавали часть собранного урожая. Это намного увеличивало предложение сельскохозяйственных продуктов на рынке. Купцы-скупщики, пользуясь большим предложением, сбивали цены на 50% и более. В подобных условиях крестьяне, чтобы выплатить подати, которые тогда составляли 4 руб. с ревизской души, вынуждены были продать большую часть урожая. Например, елецкий крестьянин в 1772 г., чтобы выплатить подать, продавал в ноябре более 6 четвертей гречи по 65 коп. за четверть вместо 4 четвертей, если бы продавал по 1 руб. четверть в марте — мае; яренский крестьянин в 1773 г., чтобы выплатить подать по ноябрьским ценам (50 коп. четверть), вынужден был продавать 8 четвертей овса вместо 5 четвертей, если бы продавал овес по 80 коп. В то же время крестьяне, если им не хватало семян для посева или хлеба до нового урожая, должны были покупать его весной у купцов по более высоким ценам. Это и было основой наживы скупщиков.

Таким образом, капитал торгующих крестьян рос за счет эксплуатации крепостного крестьянства. Оказывая крестьянам различную «помощь» при выплате оброков и податей, при выполнении барщины, ссужая крестьян семенами, лошадью, деньгами и т. д., крестьяне-купцы наживали себе капиталы. Купечество богатело, используя феодально-крепостнические отношения.

Как видим, купец мог получить торговую прибыль, даже не перевоза товаров с одного рынка на другой, а только скупая их осенью после сбора урожая и продавая через 4—5 месяцев, когда цена на них поднималась. Конечно, купец нес расходы по хранению товаров, но это с лихвой покрывалось продажной ценой.

Кроме того, была разница в ценах, по которым купцы покупали товары у крестьян с воза в деревне или в городе на базаре, и теми, по которым продавали из своих лавок. В 1799 г. цены были таковы ¹:

Город	Товар в четвертях	Цена на торгу		Цена в лавке
		в округе	в городе	
Суздаль . . .	Гречневая крупа	5 р. 60 к.	7 руб.	7 р. 20 к.
Суздаль . . .	Овес	2 р. 80 к.	3 »	3 р. 25 к.
Шуя	»	3 р. 25 к.	3 р. 50 к.	3 р. 75 к.
Вязники . . .	Горох	5 р. 60 к.	6 р. 30 к.	6 р. 80 к.
Вязники . . .	Гречневая крупа	6 руб.	6 р. 80 к.	7 р. 20 к.

Разница между оптовой и розничной ценами составляла 7—10% к цене товара.

Различный уровень цен на отдельных рынках, по временам года, в деревне и в городе, в опте и рознице был основой для получения купцами торговой прибыли. Приведенные нами данные о ценах во второй половине XVIII в. показывают, что в это время существовали объективные условия для роста купеческого капитала.

Но купечество наживалось не только на разнице цен на внутреннем рынке, им приносила доход разница между ценами на внутренних и внешних рынках.

Приводим некоторые данные о ценах на отечественные и иностранные товары за 1773 г. ²:

Товар	Цены на товары	
	русские на внутреннем рынке	иностраные в Петербурге
Сахар в фунтах	17—19 коп.	12,5 коп.
Ситец в аршинах	45 коп.	20 коп.
Чулки шелковые, пара:		
мужские	6 руб.	3 р. 67 к.
дамские	3 р. 80 к.	2 р. 08 к.
Чулки хлопчатобумажные, пара:		
мужские	1 р. 25 к.	72 коп.
дамские	80 коп.	50 коп.

¹ ЦГАДА, ф. 259, д. 869, л. 33.

² В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 97—99.

В XVIII в. пуд сахара в Архангельске стоил 5 руб., в Ирбите и Тобольске — 7 руб., в Енисейске — 10 руб., в Иркутске — 14—20 руб., в Якутске — до 40 руб. Ведро красного вина в Архангельске стоило 1 руб., в Ирбите — 2—3 руб., в Иркутске — не дешевле 8 руб.

Следовательно, купец, скупив иностранные товары в Петербурге, мог продать их на внутренних рынках России по почти удвоенной цене. В этом и заключается причина, почему гильдейское купечество ожесточенно боролось за недопущение торгующих крестьян к торговле при портах и за запрещение иностранным купцам вести торговлю в городах России, а последние всячески стремились проникнуть на внутренние русские рынки.

Очень прибыльной для купечества была внешняя торговля. Приведем пример из торговых оборотов трех русских купцов (Владимирова, Пастухова и Грибанова). В 1766 г. они отправили скупленные в России товары за границу. Товары, за всеми расходами (включая их цену, расходы по транспорту и пошлины), обошлись им в 90 552 руб. Большую часть товара, а именно на 76 069 руб., они продали в Ливорно и выручили 92 832 руб., т. е. получили 16 763 руб. прибыли (22% на затраченный капитал). Наиболее выгодной была торговля железом, принесшая им прибыль в 34,2%, парусным полотном (32,8% прибыли), юфтью (22,6% прибыли). Продав русские товары, они закупили иностранные, которые за всеми расходами стоили им 55 974 руб. Часть товара (на сумму в 40 994 руб.) они продали в Петербурге, выручив 46 897 руб.; прибыль составила 5903 руб., или 14,4% на затраченный капитал. Наибольшую прибыль они получили при продаже вина (70,5%), макарон (54,5%), шоколада (26%) и красок (24,5%). Общая чистая прибыль за обе операции составила 37% на затраченный капитал. Еще прибыльнее была внешняя торговля для иностранных купцов. Купец Ренгольд, например, имевший монополию на вывоз из России смолы (1757—1765), получил 76,5% прибыли. Это объясняет, почему иностранные купцы всячески препятствовали самостоятельной торговле русского купечества на зарубежных рынках.

Таким образом, внутренняя и внешняя торговля была очень выгодной для купечества середины XVIII в. Феодальный город в лице гильдейского купечества, устанавливавший монопольные цены (низкие при скупке товаров и высокие при продаже), эксплуатировал деревню — крепостное крестьянство.

При продаже дворянам иностранных товаров и скупке у них предметов земельной ренты купечество также получало торговую прибыль. В то же время в деревне на торговле крепостного крестьянства вырастал скупщик — торгующий крестьянин. Торговая прибыль, таким образом, представляет собою неоплаченный труд крестьянина; рост купеческого капитала шел за счет эксплуатации крестьянского хозяйства. В орбиту купеческой эксплуатации попадали также и ремесленники города.

Общественное разделение труда, развитие торговли и товарно-денежных отношений неизбежно связаны с ростом ростовщического капитала.

Развитие товарного производства неизбежно вело к тому, что в феодальном обществе возрастала потребность в деньгах. Феодалы, чтобы удовлетворить эту потребность, продавали продукты ренты или переходили к денежному оброку. В последнем случае перед крестьянами вставала необходимость продавать часть урожая. Рост городского и ремесленного населения вызывал потребность в деньгах на приобретение продуктов жизненной необходимости и сырья. В том же направлении действовало несовпадение времени производства и потребления. Так, помещики получали ренту раз в год, а потребности их были круглогодичными. Часть потребности в деньгах удовлетворял купеческий капитал скупкой продуктов у непосредственных производителей и помещиков. Но потребности феодалов, несмотря на жесточайшую эксплуатацию крепостных, зачастую намного превышали их ресурсы. Они прибегали к услугам ростовщиков, ростовщического капитала. Крестьяне для уплаты податей и обложений, в особенности при недородах, тоже занимали деньги у ростовщиков. Таким образом создавались благоприятные условия для роста ростовщического капитала, частного кредита и ростовщического процента как в городе, так и в деревне. Ростовщический капитал, как и купеческий, обслуживал феодальное общество в целом — и господствующий класс помещиков, и класс эксплуатируемого крестьянства и ремесленников. Вместе с этим шло взаимное кредитование среди купечества; купцы в случае необходимости также обращались к ростовщикам.

Ростовщики получали часть продукции феодального общества в форме процента. И чем больше возрастала в феодальном обществе потребность в деньгах, тем выше становился ростовщический процент. В кабалу ростовщикам попадали не только крепостные крестьяне, но и помещики. К услугам ростовщиков прибегало и само государство.

Правительство, стоявшее на страже интересов помещиков, не могло спокойно смотреть на то, что часть привилегированного класса попадает в сети ростовщиков, как поместья переходят в чужие руки. Чтобы освободить дворян от зависимости ростовщического капитала, правительство, учредив Государственный заемный банк (1754), взяло на себя удовлетворение части потребностей дворян в деньгах.

Государственный заемный банк состоял из двух самостоятельных банков: Дворянского банка для кредитования дворянства (с двумя отделениями в Петербурге и в Москве) и Купеческого — для кредитования торговли. Ссуды из государственных банков выдавались из расчета 6%, частные же ростовщики повсеместно брали 10—20, иногда даже 40% и более.

Уставный капитал Дворянского заемного банка был определен в 750 тыс. руб. Дворянский банк выдавал ссуды только дворянам под залог драгоценностей (золота, серебра, драгоценных камней) и населенных имений, из расчета $\frac{1}{3}$ их стоимости. Имения оценивались по числу в них крепостных мужского пола, причем «душа» оценивалась по установленному правительством курсу: в 1745 г. по 10 руб., в 1768 г. по

20 руб., в 1786 г. по 40 руб., в 1804 г. по 60 руб. Ссуды выдавались в размере 500—1000 руб. сроком на 1 год, с выплатой 6% за взятую сумму. Отсрочки в возврате ссуды допускались до трех лет, после чего, в случае неуплаты, заложенное имущество поступало в продажу. Но так как полученные ссуды дворянство использовало не на производительные расходы и продажа имений шла вразрез с интересами дворянского класса, то правительство все время удлиняло срок возврата ссуд сначала до четырех, а затем до семи лет (1761). Фактически имения не продавались. Они поступали во временное распоряжение Канцелярии конфискаций для сбора с крестьян податей. Подати с крестьян этих имений были увеличены в 1765 г. на 1 р. 50 к. с души, в 1773 г. на 3 руб. и в 1796 г. на 3 р. 50 к.—5 руб. против податей с государственных крестьян. Таким образом, кредитом пользовались дворяне, а расплачивались за них крепостные крестьяне.

Наконец, в 1786 г. в «вспоможение нашим поданным, а наипаче нашему дворянству», как говорилось в манифесте, был учрежден Заемный банк, который выдавал ссуды дворянам под залог имений сроком на 20 лет из 8% годовых. Теперь правительство даже не грозило дворянам за неуплату долга конфискацией имений; за неуплату долга последние передавались в Дворянскую опеку на время погашения долга. В эти имения назначались опекуны, которые обязаны были выплачивать в банк ежегодно 8% занятого капитала. Указом Сената 3 апреля 1791 г. опекунам разрешалось «брать за труды по 5% от дохода, с тех имений собираемого, однакож сверх тех денег, кои принадлежат к платежу в банк»¹. Были случаи получения ссуд и по подложным документам. Согласно данным об имениях 1786 г., по таким подложным документам получено ссуд на 90 тыс. рублей.

Вместо наказания дворян-преступников императрица Екатерина II не только дала директору Дворянского банка секретное распоряжение об освобождении их из-под суда в случае выплаты взятого капитала, но, как свидетельствуют архивные документы, «для избавления их от политической казни даваемы были собственные ее величества деньги на расплату, через духовных лиц»².

Хотя по уставу банка и выделялось 11 млн. руб. на кредитование торговли, но фактически банк не осуществлял коммерческого кредита, а выделенный для этой цели капитал был в 1787 г. правительством изъят. Кроме Заемного банка, дворяне могли получать ссуды в сохранных конторах при воспитательных домах Москвы и Петербурга, а также во Вспомогательном банке, учрежденном в 1792 г.

Купеческий банк предназначался для кредитования петербургского купечества. Уставный капитал его составлял 500 тыс. руб. Ссуды по уставу выдавались на срок от 1 до 6 мес. под залог товаров, хранящихся в таможенных складах, в размере 75% их стоимости, из расчета 6% в год.

¹ ЦГАДА, ф. 119, д. 1665, л. 57.

² Там же, л. 42.

Условия выдачи ссуд из Купеческого банка были гораздо более стеснительными, чем из Дворянского банка. В особенности не устраивала купцов краткосрочность кредита. Поэтому в первые два месяца из Купеческого банка не было взято ни одной ссуды. Правительству пришлось изменить условия выдачи кредита: разрешить выдачу ссуд под залог векселей и поручительства других купцов сроком до одного года, а затем и отсрочку в платеже до двух лет. Новые условия кредита были выгодны купечеству, и первогильдейское купечество быстро растащило капитал банка. К концу 1754 г. в кассе банка оставалось только 7 тыс. руб. На 1764 г. капитал банка состоял из 802,7 тыс. руб., из них 729,5 тыс. розданы в ссуды. Просроченных ссуд значилось на 382 тыс. руб., в том числе за Евреиновым (бывшим директором банка) 121,5 тыс. руб. В 1770 г. банк фактически прекратил выдачу ссуд и в 1782 г. был ликвидирован, а его капитал передан Дворянскому банку.

Кроме Купеческого банка в Петербурге, в 1764 г. был учрежден банк в Астрахани для «способствования» торговли с Персией и Средней Азией, а в 1779 г. — Ссудный банк «для поправления состояния жительствоющих там армян». В 1758 г. были учреждены в Москве и Петербурге две банковские конторы «вексельного производства» между городами — Медного банка. Основой операций Медного банка являлась выдача фабрикантам, купцам и дворянам ссуд под переводные векселя медной монетой с тем, чтобы $\frac{3}{4}$ ссуды заемщик погашал серебром. Конторы «вексельного производства» мобилизовали в руках государства серебряную монету и освобождали купечество от дорогостоящих перевозок тяжеловесной медной монеты. В кассах местных правительственных контор при поступлении подушных податей и различных сборов скоплялись большие массы медной монеты. Так, с середины XVIII в. собранные подати в государстве составили около 11 млн. руб. в медной монете, что весило до 625 тыс. пудов, для перевозки которых требовалось около 25 тыс. подвод. Только покупка тары для этой казны стоила 1—3 тыс. руб.¹ В то же время московским и петербургским купцам при скупке товаров на местных рынках требовалось большое количество медных денег. Учреждение контор и ставило задачей, чтобы купечество получало под векселя медные деньги в местных казенных палатах, а оплачивало их в Москве и Петербурге серебром. Ввиду существовавшего лажа между медной и серебряной монетой конторы не сыграли возложенной на них роли в ликвидации «встречных перевозок» денег и развитии коммерческого кредита, и их средства скоро перешли в руки небольшой группы придворной знати.

Одновременно с учреждением банков правительство производило изменения и в денежном обращении. Вес медных монет был облегчен. С организацией Ассигнационного банка вошли в обращение бумажные деньги — ассигнации.

² В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 39.

Таким образом, для второй половины XVIII в. характерно возникновение в России банковских учреждений. Организуемые правительством банки имели своей целью удовлетворение потребностей в деньгах дворянского класса, были своеобразной формой защиты дворянства от ростовщического капитала, от ростовщиков. Кредит, предоставляемый дворянам государством, шел на их потребительские нужды и покрывался правительством при помощи повышенной эксплуатации крестьян. Кредит для «вспоможения коммерции» был незначительным и не играл существенной роли в развитии торговли. Деньги находились в руках купечества, и оно меньше, чем дворянство, нуждалось в помощи государства. При нужде в деньгах купцы предпочитали прибегать к взаимному кредитованию — к вексельному кредиту. Вексельное обращение имело в XVIII в. широкое распространение: только одних неоплаченных векселей по описи насчитывалось на сумму более 2 млн. руб. Для крестьян не было создано ни одного банка. Учреждение государственных банков не уничтожило частного ростовщичества; получая высокие проценты, оно продолжало развиваться. Так, в указе от 3 апреля 1764 г. говорится, что, несмотря на изданное в связи с созданием банка узаконение, чтобы никто «не дерзал давать в рост денег своих свыше шести процентов, под потеряннем в противном случае давшего капитала... в самом же деле вымогают тайными словесными уговорами сверх шести до двадцати и свыше, смотря по нужде просителей»¹.

Итак, во второй половине XVIII в. в связи с продолжающимся ростом общественного разделения труда развивались товарное хозяйство, денежное обращение, укреплялись связи всероссийского рынка. Шло дальнейшее развитие торгового оборота страны и накопление купеческого капитала. В торговлю включились новые слои населения (крестьянство, дворяне). Все это вместе взятое требовало изменения старых организационных форм торговли. Правительство не могло не учитывать этих экономических изменений, чтобы не использовать их в интересах господствующего класса. Особенно остро стоял вопрос о торгующих крестьянах, деятельность которых принимала все более широкие размеры. Помещичье хозяйство, все более втягивавшееся в товарно-денежные отношения, было крайне заинтересовано в выгодной реализации своей продукции, в расширении круга покупателей-купцов. Поэтому правительство, раньше стоявшее за запрещение торговли крестьян, в конце XVIII в. разрешило ее.

Монополии гильдейского купечества, державшего в своих руках все торговые лавки в гостинных рядах, был нанесен особенно сильный удар в конце XVIII в. после обнародования указов о разрешении вести торговлю в частных домах. Указ 8 июля 1782 г. устанавливал, что право «иметь по домам лавки и в них торговать распространяется на все города Всероссийской империи»², в указе 29 сентября 1797 г. говорилось:

¹ ЦГАДА, ф. 259, кн. 1, л. 67.

² ПСЗ, т. XXI, № 15462, стр. 624.

«Отныне нигде вновь гостиных дворов не строить, и чтоб лавки, нужные для торгов, были в домах»¹.

Торговля во второй половине XVIII в. характеризуется тем, что она стала терять сословный характер, постепенно переставала быть прерогативой гильдейского купечества, как в первой половине века; в нее широко включались крестьяне и помещики. Вместе с этим во второй половине XVIII в. произошли изменения в характере ярмарок и торгов: первые стали более частыми, вторые вышли из рамок местного торгова. Были уничтожены частные откупа и внутренние таможи. Произведены изменения и во внешнеторговой политике: принятые тарифы, которые благоприятствовали вывозу продуктов феодальной ренты, были выгодны дворянству. Вторым мероприятием правительства в этом вопросе было заключение ряда торговых договоров с западноевропейскими государствами (Францией, Данией и др.), по которым тарифы снижались на 25 %. Заключение договоров имело целью ослабление роли Англии во внешней торговле России. Они соответствовали также интересам дворян, так как последние получили возможность приобретать заграничные изделия по более низкой цене.

Все эти изменения в торговле вызывались новыми требованиями всероссийского рынка. Феодальная регламентация торговли, монополия гильдейского купечества, внутренние таможи, частные откупа, запрещение торговли в частных домах и розничной торговли в данном городе с купцами других гильдий — все, сдерживавшее дальнейшее развитие возросшего товарного хозяйства, постепенно отменялось.

Дворянство, в лице своего правительства, проводя мероприятия по расширению состава торговцев, по отмене внутренних пошлин, разрешению торговли в частных домах, по изменению тарифных ставок и т. д., думало лишь о том, чтобы выгоднее продать сельскохозяйственные продукты, дешевле купить предметы роскоши и переложить часть торговой прибыли в свой карман. Однако объективно эти мероприятия способствовали укреплению всероссийского рынка, развитию товарно-денежных отношений, возникновению рынка труда, т. е. развивали капиталистические производственные отношения и подготавливали гибель феодально-крепостнического строя.

Следовательно, во второй половине XVIII в. шло не только развитие торговли, изменение ее организационных форм, расширение социального состава торговцев, но и освобождение ее от феодальной регламентации. Принцип привилегии сменился принципом конкуренции. В этих новых условиях купец, чтобы получить большую прибыль «...при равной с другими продажной цене...», должен был влиять уже на снижение стоимости товара, т. е. заняться его производством, «...превращаясь из простого купца и так называемого *раздатчика*»². Этот процесс начался в XVIII в.

¹ ПСЗ, т. XXIV, № 18171, стр. 754.

² К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 918.

Массовый же процесс превращения купца в капиталиста протекал за рамками XVIII в. (в первой четверти XIX в.), но условия и почва для него (накопление денежного капитала в руках отдельных купцов, разорение непосредственных производителей, конкуренция, сближение цен) подготовлялись в XVIII в.

Таким образом во второй половине XVIII в. шел процесс первоначального накопления капитала, служивший основой развития капиталистических отношений в недрах феодального строя.

* * *

Во второй половине XVIII в. состояние государственных финансов резко ухудшилось¹. Бюджет, в связи с крупными войнами и расточительностью двора, оказывался хронически дефицитным².

Расходы государства повысились с 17,2 млн. руб. в 1763 г. до 84,8 млн. руб. в 1791 г., тогда как доходы составили 18,5 млн. руб. в 1763 г. и 59,4 млн. руб. в 1791 г. Особенно велико было превышение расходов над доходами во время войны 1787—1791 гг. и после нее (см. таблицу)³.

Год	Доход от податей и сборов	Расход	Год	Доход от податей и сборов	Расход
	в тыс. руб.			в тыс. руб.	
1763	18 550	17 235	1781	40 160	40 960
1764	21 900	21 580	1782	41 600	40 910
1765	23 000	22 620	1783	42 700	48 190
1766	23 400	24 090	1784	51 100	49 790
1767	25 240	23 300	1785	49 720	56 460
1768	25 400	24 950	1786	51 300	62 670
1769	24 700	26 680	1787	54 900	66 740
1770	29 800	35 020	1788	54 050	76 120
1771	30 800	38 610	1789	55 300	79 190
1772	30 000	39 290	1790	59 000	82 700
1773	30 700	38 910	1791	59 400	84 870
1774	31 150	215000			
1775	31 830				
1776	32 100				
1777	32 600				
1778	36 100				
1779	36 900				
1780	38 400				

¹ Раздел о финансах написан М. П. Вяткиным.

² П. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906, стр. 260—262, 314—317.

³ Там же, стр. 256, 314.

Доходная часть бюджета строилась на системе налогов, носившей явно выраженный сословный характер. Дворянство от прямых налогов было освобождено. Среди прямых налогов основную роль играла подушная подать (30—33% всех доходов), которая всей своей тяжестью ложилась на крестьянство и мещанство городов. Остальные прямые налоги — подворный и промысловый — играли второстепенную роль. Первое же место в доходной части бюджета занимали косвенные налоги (42—43% дохода). Эти налоги также падали главным образом на плечи широких трудящихся масс.

Важнейший из прямых налогов — подушная подать — увеличился в 60—90-х годах XVIII в. более чем в $4\frac{1}{2}$ раза (с 5,7 млн. руб. в 1763 г. до 26,4 млн. руб. в 1796 г.)¹. В наибольшей степени возросли платежи государственных крестьян: с 1 р. 10 к. в первой половине XVIII в. до 3 р. 70 к. в 1783 г. и 4 руб. в 1796 г.

Структура обыкновенных расходов показывает, что в 1781—1796 гг. тратилось на двор 11,2% всего бюджета, на армию и флот — 40,7%, на внутреннее управление — 48,1%. Сверх того следует учитывать расходы, вызываемые войнами и составившие в военное время около 13 млн. руб., или $\frac{1}{5}$ всего бюджета (обыкновенного и военного). На просвещение (училища, благотворительность) расходовались ничтожные средства, от 540 тыс. до 1,3 млн. руб. в год, или 1,3—1,7% бюджета.

Недоимки росли из года в год, и никакие грозные указы не помогали эти недоимки изжить. К 1793 г. они составили около 20 млн. руб., или $\frac{1}{3}$ доходной части бюджета².

Вывести бюджет из дефицита могли бы внешние займы, но при напряженности платежного баланса заключать их было нелегко. Все же правительство, хотя и с большим трудом, сумело разместить за границей ряд займов. Внешний долг составил к середине 90-х годов 33,1 млн. руб. Но это было лишь временным выходом из финансовых затруднений. Оставалось стать на путь увеличения внутренней задолженности государства. Всякого рода мелких долгов к середине 90-х годов накопилось на 15 570 тыс. руб. В изучаемое время возник русский государственный долг. Основной же формой внутренней задолженности государства явился выпуск ассигнаций.

До 60-х годов XVIII в. в России имели хождение в качестве денег серебро, золото и медная монета, т. е. денежная система носила полиметаллический характер. При одинаковой номинальной и различной реаль-

¹ Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов..., стр. 140. Конечно, надо учитывать, что одновременно росли цены и стоимость денег падала.

² При всем том царское правительство не могло обеспечить высокий бюджет. На средства, полученные государственным казначейством в 1763 г. от налогов, можно было приобрести 24 тыс. пудов серебра, или каждые 720 чел. давали пуд серебра. Между тем во Франции казна на свои доходы могла приобрести 170 тыс. пудов серебра, так что пуд серебра доставляли 140 чел. (Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов..., стр. 98—99).

ной стоимости одноименных монет такая система не могла быть устойчивой и приводила к выделению лишь одного металла в качестве денежного товара. Таким товаром стало серебро; медные деньги стали играть роль разменной монеты. Но серебряные рубли выпускались неодинакового достоинства. Хотя колебания в весовом содержании в монете серебра были незначительны, все же это отзывалось на устойчивости денежного обращения. К выпуску ассигнаций правительство Екатерины II приступило в 1769 г. Ассигнации были выпущены как платежные обязательства, которые правительство обязывалось разменивать по предъявлении на медную монету. Для размена ассигнаций в том же 1769 г. был учрежден Ассигнационный банк (с двумя отделениями — в Петербурге и Москве), каждое отделение которого получило на 500 тыс. руб. медной монеты. Размен ассигнаций производился, помимо банка, во всех местах, куда поступали казенные сборы.

Ассигнации были выпущены первоначально только крупного достоинства (25, 50, 75 и 100-рублевые), и курс почти не отклонялся от курса серебряного рубля. При отсутствии перевода векселей их выпуск представлял даже немалые удобства для товарного оборота, когда приходилось пересылать на большие расстояния значительные суммы; достаточно сказать, что 100 руб. серебром весили полтора пуда, а медной монетой — 6 пудов, к тому же риск пересылки денег был велик. Поэтому ассигнации быстро разошлись по всей империи. Вскоре приступили к выпуску ассигнаций достоинством в 5 и 10 руб. Но уже через несколько лет после выпуска ассигнаций начались колебания их курса. Серебряная монета стала исчезать из обращения. В 1774 г. был издан именной указ Сенату о том, чтобы общая сумма выпущенных ассигнаций не превышала 20 млн. руб. Но эта норма соблюдена не была. Напряженность денежного обращения, начавшееся обесценение ассигнаций объясняются, в частности, тем, что Ассигнационный банк передавал значительные суммы Дворянскому банку для оказания кредита дворянству. Так в 1775 г., несмотря на то, что установленный лимит выпуска ассигнаций уже был использован, Государственный совет разрешил Ассигнационному банку передать в Дворянский банк 1,5 млн. руб. для оказания кредита дворянству, пострадавшему во время Крестьянской войны 1773—1775 гг.¹ К 1786 г. сумма выпущенных ассигнаций дошла до 46 млн. руб. В 1786 г. в особом манифесте правительство объявило, что общая сумма выпущенных ассигнаций не превысит 100 млн. руб. Но и на этой сумме выпуск ассигнаций не остановился, их было выпущено больше, чем требовал рынок. Они наводнили денежный рынок, особенно в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и русско-шведской войны 1788—1790 гг. Курс их начал быстро падать. В 1796 г. за рубль ассигнациями платили только 68½ коп. Общая сумма выпущенных ассигнаций к 1796 г. достигла 156 683 335 руб.

¹ С. Я. Боровой. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. «Исторические записки», № 33, стр. 111.

Уже в 80-х годах серебро ушло из обращения, и вся денежная система при неустойчивости курса ассигнаций была дезорганизована. Расстройство денежного обращения не могло не отразиться на развитии торговли и промышленности.

6

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1785 г.

В жизни русского города в XVIII в. заметны новые явления, связанные с ростом промышленности, внутренней и внешней торговли и складывавшимися внутри феодально-крепостнического строя капиталистическими отношениями. Появились крупные мануфактуры, ремесленные цехи, выросла масса мастерового люда. Но, как и прежде, торговое и промысловое население продолжало до реформы 1785 г. составлять лишь часть города, образуя сословную посадскую общину. Посадская община отличалась наследственностью принадлежности к посаду ее членов, профессиональным характером, особыми повинностями и платежами. К посадскому населению, или «регулярным гражданам», принадлежало купечество, организованное в гильдии, и ремесленники, обязанные записью в цехи. Полноправными членами цехов могли быть только мастера, они имели право держать подмастерьев и учеников. Остальное население, «обретающееся в наймах и в черных работах», отделялось от «регулярных граждан», но также входило в посадскую общину и названо в Главном регламенте «подлыми людьми» в смысле людей, находящихся «ниже остальных групп или под ними»¹. В 60-х годах XVIII в. посадское население распределялось следующим образом: торговцев крупных и мелких 42,6%, лиц, занятых мастерством, 15,4%, живущих черной работой 42%. Ремесленники и рабочие составляли, таким образом, более половины всего посадского населения.

Ревизии дают статистический материал по общей численности посадского населения. В 1724—1728 гг. числилось мужчин 183 453, в 1743 г.— 212 284, в 1769 г.— 228 365, в 1782 г.— 401 201, в 1796 г.— 650 445. Эти цифры не полны и не всегда сравнимы, так как лишь четвертая ревизия впервые охватила всю территорию страны и лишь пятая ревизия учитывала не только посадское, но и вообще городское население. Приведенные выше данные показывают несомненный рост города, особенно во второй половине столетия. Однако доля городского населения в стране была незначительна — 3,2% по первой ревизии, и даже по пятой она составляла всего 4,1%.

Несколько менее половины (44,5%) всех посадов к середине столетия имели менее 500 душ м. п. После Москвы (около 400 тыс.) и Петербурга (около 200 тыс.) только в трех городах (Риге, Астрахани, Кронштадте) в 1785 г. проживало по 30 тыс. чел., в одном городе

¹ ПСЗ, т. VI, № 3708, гл. VII, стр. 295.

(Ярославле) — 25 тыс., в 12 городах — от 12 до 30 тыс., в 21 городе — 10 тыс., в 33 городах — от 8 до 3 тыс. Население городов отличалось крайней текучестью и сильно менялось по сезонам года. Дворяне и крестьяне заполняли зимой крупнейшие города, а с наступлением полевых работ возвращались в деревни.

Посословный учет населения не давал возможности определить население, фактически жившее в городах. Противоречие между действительной численностью горожан и тех, кого официально ими признавали, т. е. посадских и ремесленников, и возникавшие отсюда неудобства для практической работы давно сознавались в правительственных органах. Сообщая Потемкину о числе посадских в России, Экспедиция Сената сделала следующее примечание к ведомости: «По городам, кроме купцов и мещан, состоят в числе городских жителей священно- и церковнослужители, ямщики, однодворцы, пахотные солдаты и прежних служб служилые люди, войсковые обыватели, черкасы и татары»¹. Здесь не упомянуты помещичьи и государственные крестьяне, которые во многих городах составляли большинство населения.

Пестрота сословного состава горожан — следствие чрезвычайно затрудненного перехода из сельского в городское население. Основным препятствием являлась для крепостных крестьян зависимость от воли помещика, для государственных — от воли «мира» и местной администрации. Кроме того, на росте городских сословий тяжело сказывалась длительная и разорительная процедура переключения в гражданство крестьян, вышедших из деревни. Они обязаны были найти поручителей из числа влиятельных и богатых горожан, а потом, после приписки к городу, уплачивать подати по двум «сословиям», по городскому и сельскому — до очередной ревизии. Выдержать все испытания и утвердиться в городе могли преимущественно лишь состоятельные крестьяне, имевшие опору в городской буржуазии. Этот порядок с особой силой сказывался на замедленном росте городов, потому что именно крестьяне служили главным источником пополнения посадской общины. Рост городов означал процесс отделения промышленности в разных ее формах от земледелия.

В 70—80-х годах число городов в России увеличивалось за счет сел, переходивших в разряд городских поселений. Жители, приписанные к ним по ревизии, должны были приобретать посадское звание. Новые города появлялись главным образом в связи с проведением губернской реформы 1775 г. Городами преимущественно объявлялись государственные и дворцовые села; помещичьих сел и деревень, даже в тех случаях, когда они по своему экономическому развитию имели большее основание перейти в разряд городов, правительство не трогало, чтобы не нарушать владельческих прав дворян. Многие из новых городов, как показало последующее

¹ ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2; д. 332, л. 127. «Ведомость, сколько в экспедиции по государственной окладной книге считается по государству городских жителей» (сообщено П. Г. Рындыонским).

время, энергично развивались и вполне оправдали свое новое звание. В 70—80-х годах стали городами, например, такие торговые пункты и центры промышленных районов, как Богородск, Бронницы, Подольск в Московской губернии, Ковров, Вязники, Меленки во Владимирской, Гжатск, Юхнов в Смоленской, Горбатов, Макарьев, Семенов в Нижегородской, Рыбинск и Борисоглебск в Ярославской, Петрозаводск в Олонецкой губернии. Широко развивалось устройство городов на юге. В эти десятилетия были созданы такие города, как Херсон, Николаев, Таганрог, имевшие широкие перспективы для своего развития на основе роста хлебной торговли; в 1794 г. основан город Одесса.

Развитию новых экономических отношений соответствовало осложнение дифференциации городского населения. Сословное разделение уже не совпадало с делением классовым: рядом с буржуазией, обладавшей купеческими правами, выросла крестьянская буржуазия; в то же время большая часть купцов, по крайней мере до реформы 1775 г., занималась «черной работой» по найму, рядом с недавними выходцами из деревни, а цеховые организации заполнялись в большей мере ремесленниками, обладавшими крестьянским званием, а не городскими ремесленниками; ремеслом занималось и немало купцов.

Посадское население было обязано «тяглом», состоявшим из служб и платежей. Оно несло рекрутскую повинность. Тяжело ложилась на посад постоянная повинность по размещению войск.

Подушную подать, как, впрочем, и остальные повинности, платили под круговой порукой посада; каждая посадская община должна была уплатить сумму, причитавшуюся по числу душ, но раскладка производилась внутри посада в зависимости от зажиточности: по «пожиткам, торгам и земле». В Московском посаде в 20-х годах купцы первых двух гильдий (2332 чел.), при общей цифре подушного оклада в 2788 руб., платили в действительности 11 141 руб. Верхи посада старались сбросить с себя это добавочное тягло, что им в известной мере удавалось, но, вопреки их жалобам, размеры переплат далеко не соответствовали их экономической мощи.

Посадское население обязано было службами при казенной продаже вина и соли, у приема денежной казны в канцеляриях и коллегиях, при расценке казенных товаров, при сборе таможенных пошлин и т. п. Посадские люди служили также по выборам в городских магистратах, что было связано с раскладкой подушной подати и т. п. Служили не только в своем городе, но и в уезде, вызывались в столицы или на Макарьевскую ярмарку. Это были почти те же службы, как и в XVII в. Первостатейные купцы исполняли ответственные должности, часто связанные как с серьезной финансовой ответственностью, так и с заманчивой возможностью крупной наживы. Остальные, наиболее тяжкие службы падали на плечи средних и мелких посадских людей.

«Рассыпанную хранину» городов и купечества в конце первой четверти XVIII в. должны были собрать новые учреждения — городовые

магистраты с выборными президентами, бургомистрами и ратманами. Магистраты изымались из ведения воевод и подчинялись Главному магистрату, который, наравне с коллегиями, отвечал перед Сенатом. Магистраты являлись сословными органами с финансовыми, судебными и полицейскими функциями. На деле магистраты стали исполнительными органами государственной власти на местах, проводили в жизнь распоряжения властей и больше всего заняты были раскладкой сборов. В 1727 г. Главный магистрат был закрыт, городские магистраты отданы под власть воевод; членов магистратов стали избирать теперь на год, тогда как ранее эти должности были пожизненными и несменяемыми. В 1743 г. были восстановлены петровские учреждения, появился вновь Главный магистрат¹.

Магистраты были лишь «верхним этажом» посада; в XVIII в., как и прежде, посад имел другой орган, более соответствовавший понятию сословного самоуправления, — посадский сход или собрание посадского населения в целом или по его составным частям — слободам, сотням, гильдиям. Посадский сход избирал посадского старосту, своего председателя, который совместно с гильдейскими старшинами действовал от лица посада. Тот же посадский сход избирал членов магистрата, должностных лиц по службам и казенным сборам, в порядке круговой поруки; посадский мир отвечал за них своим карманом. Здесь же решались вопросы местного благоустройства и мирского хозяйства. Посадский сход всего более сближал городское устройство XVIII в. с посадом XVII в. На посадском сходе влияние и власть принадлежали кучке богатейших купцов. В члены магистратов могли избираться только первостатейные и «пожиточные» горожане. На посадских сходах кипела ожесточенная классовая борьба, выявлялось приниженное и безгласное положение мелких посадских людей, находившихся в зависимости от немногих богачей.

В Соликамском посаде в 40-х годах все общественные дела вершил крупный солепромышленник Алексей Турчанинов, произвольно распоряжавшийся посадскими выборами и не останавливавшийся перед кулачной расправой с недовольными им членами посадской общины. В Пензе в 50-х годах маломопное купечество обвиняло магистратского президента П. Никифорова в произвольной раскладке подушной подати и мирских сборов и в насильственном захвате общественных лугов и лавочных купеческих мест. В Ярославле в течение почти десяти лет (60-е годы) кипела избирательная борьба. 330 ярославских купцов обратились в Главный магистрат с просьбой об оставлении в должности двух членов ярославского магистрата. Вместо них первостатейное купечество провело своих ставленников, но посадский сход сместил их и избрал президентом ярославского магистрата купца Викулина. Противники нового президента называли избравшее его большинство схода «малоподатными, беспокойными и неимущими» людьми. На него посыпались жалобы со стороны перво-

¹ И. И. Дитятин. Устройство и управление городов России, т. I. СПб., 1875, стр. 328—348.

статейных купцов. Главный магистрат сместил весь состав ярославского магистрата и назначил новые выборы. Во время выборов камеру оцепила толпа площадных торговцев и прочих меньших людей и «стали чинить запрещение сбору первых купцов»¹.

Городская реформа 1785 г. готовилась постепенными изменениями в жизни русского города. Рост промышленности, как крупной в виде мануфактур, так и мелкой, рост товарности сельского хозяйства, развитие внутренней и внешней торговли и перемены в государственном аппарате приводили к существенным изменениям в городской жизни. С ними связаны сокращение повинностей и служб, падавших на посадское население, и ряд других перемен.

Уложение 1649 г. запрещало переход из одного посада в другой². Однако это правило нарушалось еще в конце XVII в. Оживление торгово-промышленной жизни привело к тому, что XVIII век уже не знал прикрепления посадских людей к определенным посадским общинам. При производстве ревизий «сходцы» из других городов не возвращались на родину.

Сокращение служб и повинностей посадского населения связано с переменами в государственных финансах. Отмена в 1754 г. внутренних пошлин привела к сложению большей части служб в таможенных. Откупная система продажи вина по манифесту 1 августа 1765 г. также значительно сократила посадские службы. Прежний порядок продажи вина «на вере» предполагал выборную службу посадских людей в качестве верхних голов, бургомистров и т. п., откупщик же должен был сам содержать наемных служителей. В. Крестинин в своей истории Архангельска говорит, что откупа «освободили наш посад от бедственных над питейными сборами службы»³. Например, в Туле у различных сборов состояло 76 лиц, а после введения откупов (1767) число их сократилось до 22; в Кашине число лиц у служб снизилось в результате введения откупов с 118 до 60 чел.

Тяжкие для посадского населения отъезжие службы также постепенно сокращались. В 40-х годах на Макарьевскую ярмарку на службы по сборам из 53 посадов пяти губерний выезжали 289 чел. Но с 1750 г. это число снизилось до 195, посылавшихся из 38 посадов, а с отменой внутренних пошлин стало еще меньше.

Вопрос о замене подушной подати для купечества другими сборами или о полной ее отмене неоднократно поднимался в XVIII в., обсуждался в Комиссии по составлению нового Уложения и в Комиссии о коммерции. Манифестом 17 марта 1775 г. купечество, обладавшее капиталом свыше 500 руб., освобождалось от уплаты подушной подати. Она заменялась сбором в размере 1% с объявленного капитала. Остальные купцы, с капиталом менее 500 руб., отчислялись от купечества и составили сословие

¹ А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 618, 770—776.

² Сборное уложение 1649 г., М., 1907, гл. XIX, ст. 19, стр. 138.

³ В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. 48.

мещан¹. Таким образом, в связи с этой мерой были проведены значительные изменения в структуре посадского населения.

Рекрутскую повинность для посадского населения еще в 1723—1727 гг. заменили денежными взносами, но затем рекрутская повинность была восстановлена; однако на практике посадами применялся наем рекрутов, для чего посадские сходы вводили специальные денежные сборы. В 1766 г. эти сборы были запрещены. В наказах в Комиссию об Уложении 1767 г. содержатся заявления о желательности замены рекрутчины для купечества деньгами. Эти пожелания были выполнены, и в 1776 г. рекрутская повинность для купцов была заменена денежным взносом в сумме 360 руб., который был затем повышен до 500 руб. за рекрута².

Таким образом, фактически прекратилось запрещение перехода из одного посада в другой, хотя порядок перехода был очень сложен и труден для купечества; отмена внутренних пошлин и введение откупной системы питейных сборов значительно сократили службы посадского населения. Проведена была отмена подушной подати для купечества и замена рекрутчины денежным взносом; посадское население разделилось на купечество и мещанство, еще сохранявшее прежний податный характер; в этом сказалась классовая рознь внутри посада.

Выборы в Комиссию для составления нового Уложения 1767 г. от городов показали, в каком направлении пойдут дальнейшие изменения. «Обряд» выборов в Комиссию требовал избрания депутата от всего ценового населения каждого города, независимо от сословия — в выборах участвовали все владельцы недвижимости; для руководства выборами избиратели-домовладельцы избирали городского голову. Впервые при этом город рассматривался не как сословная тяглая община, а как совокупность всех домовладельцев.

Грамота на права и выгоды городам Российской империи была издана 21 апреля 1785 года³. Отдельные части этого акта составлялись и редактировались постепенно, претерпевая значительные изменения. Расположение материала, компоновка грамоты выполнены по образцу Жалованной грамоты дворянству.

Важнейшими источниками Городового положения явились предшествующее законодательство о городах и разнообразные материалы, скопленные в Законодательной комиссии 1767 г. Частная комиссия «о среднем роде людей» в Законодательной комиссии составила «проект законов о правах среднего рода государственных жителей»; в нем, например, содержится указание на приобретение дома в городе как на необходимое условие мещанского права, что затем вошло и в Жалованную грамоту. Вопросы о правах на торговлю уездных и городских жителей и городского благоустройства обсуждались в наказах от городов. Из материала Законодатель-

¹ ПСЗ, т. XX, № 14275, § 5, стр. 83; № 14327, стр. 145—147.

² ПСЗ, т. XX, № 14509, стр. 416; т. XXI, № 15721, 3/V 1783, стр. 906.

³ ПСЗ, т. XXII, № 16188, стр. 358—384.

ной комиссии Екатерина II извлекла собранные там источники о самоуправлении украинских и прибалтийских городов. В значительной степени на Городовое положение повлияло предшествующее русское законодательство, особенно регламент Главного магистрата петровского времени и Таможенный устав 1755 г. Еще манифестом 1775 г. о «милостях» по случаю заключения мира с Турцией устанавливалось деление на мещан и купцов; к последним были отнесены лица с капиталом, объявляемым в размере свыше 500 руб. Городовое положение повысило норму капитала для записи в купеческие гильдии с 500 до 1000 руб. и сохранило деление на гильдии в зависимости от размера капитала и рода занятий.

Посадская община попрежнему оставалась замкнутой, но отличительная особенность Городового положения 1785 г. заключается в том, что оно открыло более широкий доступ в состав «городовых обывателей». По закону к участию в органах городского самоуправления допускались все горожане, удовлетворявшие определенному возрастному и имущественному цензу, включая дворян-домовладельцев, иностранных купцов и т. п. Это не значит, что город становится полностью всесословной организацией, так как необходимо было записаться в «городовую обывательскую книгу»; под городовыми обывателями разумеются все те, «кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома или иное строение, или места, или землю имеют, или в гильдии или в цех записаны»¹. Наиболее многочисленная часть горожан, а именно, жившие в городах крестьяне, попрежнему оставаясь бесправной, не входила в состав городского общества.

Горожане были разделены на шесть разрядов и внесены в городовую обывательскую книгу, имевшую шесть частей. Первый разряд состоял из «настоящих городских обывателей»; к ним причислялись те, «кои в том городе дом или иное строение, или место, или землю имеют», хотя бы они принадлежали к другим сословиям — к дворянству, чиновничеству или духовенству. Ко второму разряду отнесены купцы трех гильдий; объявившие за собой капитал в 10—50 тыс. руб. зачислялись в первую гильдию, 5—10 тыс. руб. — во вторую гильдию, 1000—5000 руб. — в третью. Статья 101-я Городового положения освобождала гильдейское купечество от ряда казенных служб при продаже соли, вина и т. п. Ремесленники, записанные в цехи (мастера, подмастерья и ученики различных ремесел), составляли третий разряд. В четвертую часть обывательской книги входили иностранцы и иногородние — «иных российских городов или иных государств. кои ради промысла, или работы, или иных мещанских упражнений» поселились в данном городе.

К пятому разряду — разряду «именитых граждан» — отнесены были крупнейшие «капиталисты» с капиталом от 50 тыс. руб. и больше, банкиры с капиталом от 100 до 200 тыс. руб., оптовые торговцы. Наряду с ними к именитым гражданам причислялись лица, несшие городские службы, от-

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16188, ст. 77, стр. 365.

бывшие два срока в должностях городского головы, бургомистров, заседателей совестного суда или магистрата, а также ученые, имевшие «академические или университетские аттестаты», художники и «музыкосочинители», также с академическими удостоверениями.

Наконец, шестой разряд составили «посадские», к которым отнесены «в том городе старожилы или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе»¹. Основная масса людей городских сословий, посадские и ремесленники, т. е. отнесенные к третьему и шестому разрядам, носили название мещан (от проникшего из Украины и Белоруссии слова «место» — город). Над этой основной массой возвышалась надстройка в виде купечества и именитых граждан (второй и пятый разряды), иностранцев, составивших четвертый разряд, домовладельцев-дворян, чиновников и духовенства, отнесенных к первому разряду.

В Жалованную грамоту городам было включено особое Ремесленное положение, подробнее, чем до этого времени, определившее цеховое устройство. Запись в цехи всех городских ремесленников была обязательна, внецеховое ремесло запрещено, но вместе с тем замкнутости цехов не было, доступ в цехи открыт и условия приема не сложны. Такая же организация корпоративного устройства мастеров охватывала подмастерьев. Каждый цех выбирал своих старшин, а подмастерья — особого выборного и поверенных, подчиненных управе мастеров. Все цехи каждого города избирали ремесленного голову. Срок ремесленного ученичества устанавливался от 3 до 5 лет. Подмастерье должен был работать у мастера не менее трех лет, после чего, если ему было не менее 24 лет, по представлении «урочной работы» мог стать мастером. Ремесленное положение установило продолжительность рабочего дня с 6 час. утра до 6 час. вечера, с двумя перерывами: полчаса на завтрак и полтора на обед. Подмастерьям запрещалось брать самостоятельную работу на дом без разрешения мастера.

Для более отчетливого представления о торгово-промышленном населении XVIII в. остановимся на составе московского купечества. Ценные сведения о нем содержатся в двух томах «Капитальных книг» московского купечества, не привлекавших внимания исследователей. Они включают перечень московских купцов с указанием звания или гильдии, суммы объявленного капитала, размера уплаченного налога, местожительства.

В Москве в 1788 г. было 2148 купцов вместе с именитыми гражданами. Общая сумма объявленного капитала составила 4,7 млн. руб. Однако она далека от реальности, так как каждый купец объявлял за собой лишь сумму, соответствовавшую установленному для вступления в гильдию минимуму. Так, именитых людей было 14 (и они объявили за собой капитал на 723 тыс. руб.² — капиталы от 50 тыс. до 56 тыс. руб.: минимум,

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16188, ст. 68, стр. 364.

² «Капитальные книги Московского купеческого общества 1788—1791 гг.». М., 1912.

установленный для именитых людей, составлял 50 тыс. руб.), с них взято по 1% налога, по 510—550 руб. с каждого. Московские купцы первой гильдии (109 чел.) имели объявленного капитала по 10—10,2 тыс. руб.: в одном случае отмечено 11 тыс. руб., в другом — 12 тыс. Среди первогильдейского московского купечества значатся Гусятниковы, Евреиновы, Солодовниковы и др.

О купцах второй и третьей гильдий в «Капитальных книгах» содержатся более подробные сведения. В Москве в 1788 г. было 183 купца второй гильдии, каждый из которых имел минимальный капитал в 5 тыс. руб. В отношении $\frac{2}{3}$ этого числа имеются сведе-

ния об их промыслах: 26 торговцев пищевыми продуктами, 32 торговца предметами одежды и обуви, 8 — золотыми и серебряными изделиями; между ними имелись 4 владельца шелковых и полотняных заведений.

Самую многочисленную группу составляли купцы третьей гильдии: в 1788 г. — 1842 чел., с капиталом у каждого не менее 100 руб. Общая сумма объявленных капиталов третьей гильдии (1876,8 тыс. руб.) превышала капиталы первых двух гильдий. В третьей гильдии, наряду с купцами, числились 31 заводчик, владельцы кожевенных, кирпичных, пивоваренных, сургучных, гончарных предприятий. Кроме того, 113 чел. занимались мастерством, в их числе 7 портных, 12 чел. были заняты шелковым мастерством, 10 — палаточным, 5 — золотопрядильным и сусальным, 4 — кузнечным, 5 — серебряным, 8 — гончарным, 2 — сапожным; 7 чел. содержали постоянные дворы. Наконец, 15 чел. состояли приказчиками и 8 чел. находились «в услужении». Купечество третьей гильдии сливалось с ремесленниками.

Наиболее многочисленная группа купцов третьей гильдии торговала в московских продовольственных рядах (383 чел.; в том числе в Мучном ряду и хлебным торгом были заняты 149 чел.).



Купец Б. А. Злобин из г. Вольска. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVIII в.

Государственный Исторический музей

Среди московских купцов всех трех гильдий еще сохранялось старинное звание гостиной сотни, к ней принадлежали 25 чел. (первой гильдии — 5, второй — 6, третьей — 14 чел.).

Торговля в Москве в основном сосредоточивалась в Гостином дворе, в многочисленных рядах, а также на площадях и бойких улицах, как Болото, Тверская, Арбат и т. д. По «Капитальным книгам» можно насчитать 75 рядов. Торговля пищевыми продуктами велась в 13 рядах, самым многочисленным по числу торговцев был Мучной ряд, где торговали 127 купцов всех гильдий, и Овощной ряд (84 чел.). Предметами одежды был занят 31 ряд — Ситцевый, Холщевый, Сурожский, Кафтанный, Кружевной, Игольный, Ветошный и т. д. Следует отметить Серебряный, Зеркальный, Хрустальный, Каретный и другие ряды.

Купечество получило особые сравнительно с другими разрядами городского населения личные права. Купцы были освобождены от подушной подати еще в 1775 г.; в конце века они освободились от тяжелых и обременительных казенных служб и от рекрутской повинности. Первые две гильдии были освобождены также от телесных наказаний.

Жалованная грамота городам 1785 г. не внесла ничего нового в разрешение наиболее острого вопроса — о порядке предоставления крестьянам прав городского гражданства; наоборот, она закрепила устаревшую сословно-крепостническую систему приписки крестьянства к купечеству или мещанству. Этому соответствовало и закрепление ограничительной регламентации для крестьянской торговли и промыслов в городах. Некоторые льготы были даны верхушке купечества, основная же масса горожан практически ничего не получила от нового широковещательного закона. Знаменательным являлось признание дворянства, живущего в городе, в качестве одного из разрядов «градского общества». Эти нововведения отражали реальный факт — постепенное втягивание значительных групп дворянства в хозяйственную жизнь городов.

Городское самоуправление по Грамоте городам 1785 г. отличалось крайней сложностью. Органами городского самоуправления являлись «собрание градского общества», общая градская дума и шестигласная дума. Кроме того, отдельные разряды городского населения получили свою особую корпоративную организацию.

«Собрание градского общества» должно было представлять собою общегородское, без различия разрядов, учреждение: в него входили все граждане, имевшие право голоса, т. е. удовлетворявшие имущественному и возрастному цензу. Оно должно было созываться один раз в три года в зимнее время для производства выборов, заслушивания предложений со стороны губернатора, принимало постановления о городских нуждах, рассматривало дела о приеме и исключении из состава городских обывателей и т. п. Однако вследствие установления определенного ценза «собрание градского общества» не было на деле объединением всего городского населения: доступ в него был закрыт не только трудовому населению, но и низшим слоям купечества. Присутствовать в нем могли все

лица из состава городского населения, но право голоса, пассивное и активное избирательное право имели лишь лица, достигшие 25 лет и обладавшие капиталом, процентные отчисления с которого составляли не менее 50 руб. (имелось в виду налоговое отчисление в 1% с объявленного капитала). Это значит, что в «собрании градского общества» могли участвовать лишь лица, имевшие не менее 5000 руб. капитала, что соответствовало минимальному размеру капитала, необходимого для вступления во вторую гильдию. Таким образом, «собрание градского общества» было органом богатейшего купечества. «Собрание градского общества» избирало городского голову, бургомистров, ратманов и заседателей магистрата и совестного суда, а также старост и депутатов для составления городской обывательской книги; они переизбирались раз в три года. Эти должности, как и прием и исключение из состава граждан, связанные с составлением городской обывательской книги, находились в руках наиболее богатой части купечества.

Общая градская дума по своему составу не зависела от общего «собрания градского общества», свои полномочия дума получала не от него, а от граждан всех шести разрядов, по которым и происходили выборы в общую думу. Но и здесь на деле не была осуществлена всесословность выборов. Дворянство не стремилось использовать свои новые права: в Московской общей думе от разряда «настоящих городских обывателей», в который входили домовладельцы-дворяне, в первые годы после городской реформы были избраны почти исключительно канцеляристы, коллежские регистраторы, низшие служители и т. п., позднее — и купцы. Следует отметить, что представительство от иногородних и иностранных купцов было велико (от каждой народности — по отдельному представителю). В целом общая дума стала по преимуществу органом городских купцов. В Московскую городскую думу в 1786 г. входило 79 чел., в том числе: 1 городской голова, 15 гласных от «настоящих городских обывателей», т. е. не от купечества, 3 — от гильдейского купечества, 16 — от цехов, 12 — от иностранных купцов, 16 — от иногородних, 1 — от именитых граждан и 15 — от посадских. В Петербурге общая дума состояла из 92 гласных, в Риге — из 51¹. Общая дума в основном проводила выборы в шестигласную думу и занималась общими делами по городскому хозяйству. Она собиралась редко; Московская общая дума, например, в первый год своего существования (1786) созывалась шесть раз, в последующие годы — не более трех раз в год.

Третий орган городского самоуправления — шестигласная дума состояла из городского головы и шести гласных от всех разрядов населения. Это было постоянно действующее учреждение для текущего управления, или, как говорит Жалованная грамота, для «всего данного отправления дел». В Москве шестигласная дума собиралась раз в неделю, по вторникам. Компетенция шестигласной думы определялась в законе очень

¹ А. А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II. М., 1909, стр. 355.

широко, хотя и недостаточно четко: забота о материальном достатке жителей, поощрение привоза в город съестных припасов, наблюдение за городскими зданиями, устройство площадей, пристаней, амбаров и т. д. Однако на деле шестигласная дума была лишена какой-либо самостоятельности и находилась в подчинении у коронных властей.

Наряду с шестигласной думой в городах продолжали действовать магистраты — четвертый орган в системе городского самоуправления. Кроме судебных функций по делам горожан, на магистраты по Городовому положению были возложены и административные функции. Компетенция магистратов переплеталась с кругом деятельности шестигласной думы. При этом губернский магистрат получил функции контроля над городскими органами.

Городское самоуправление оказывалось почти бессильным перед государственным аппаратом дворянской монархии. Власти предписывали гласным Московской шестигласной думы присутствовать на рынках наряду с приставами для наблюдения за порядком. Дума расследовала по распоряжению властей причины чрезмерного роста цен на товары, но не имела права сама издавать соответствующие распоряжения. Она могла лишь в качестве совещательного органа представлять свое мнение на усмотрение московского главнокомандующего. Бюджет думы был ничтожен и слагался почти целиком из отчислений от казенной продажи вина. В Москве в 80-х годах весь бюджет составлял в среднем около 10 тыс. руб. в год, причем 66,3% городских расходов приходилось на содержание органов самоуправления, канцелярские расходы и т. п., а на городское благоустройство тратилось лишь 17,5% бюджета. Новые городские учреждения были лишены самостоятельности, находились в подчинении у администрации.

Таким образом, по Городовому положению состав «общества градского» был шире прежней посадской общины. Однако органы городского самоуправления оставались в основном купечески-ремесленными по своему составу, и ведущая роль в них сохранялась за богатой верхушкой торгово-промышленной буржуазии. В отношении Москвы это подчеркивалось наличием особого купеческого учреждения, не предусмотренного Жалованной грамотой, — гильдии московского купечества. Возникновение ее относится к 20-м годам XVIII в. и связано с тем, что в Москве не существовало общепосадского мирского схода, как в других городах, а происходили сходы по слободам.

Функции общепосадского схода в Москве осуществлялись соединенным присутствием выборных старшин всех гильдий. С изданием Городового положения 1785 г. гильдия московского купечества продолжала существовать. На деле с ней слилось «собрание градского общества, так как состав его, как мы видели, совпадал с гильдейским купечеством и именитыми гражданами»¹. Присутствие московской гильдии состояло из

¹ «История Московского купеческого общества», т. V, вып. 2. Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1915.

старшин, старост и старшинских помощников всех трех гильдий, в его работе активное участие принимал городской голова. Присутствие гильдии ведало зачислением в состав купечества и мещанства, наблюдало за процентным сбором с капиталов и т. п. Совпадение состава гильдии московского купечества с составом «собрания градского общества» указывает на господство в городском самоуправлении Москвы верхушки торгово-промышленной буржуазии. Изменения в городском устройстве отражали глубокие экономические процессы — рост товарного хозяйства и формирование капиталистического уклада внутри феодально-крепостнической системы.

Чумный бунт в Москве (1771) свидетельствует о напряженности классовых противоречий в городе того времени. В бунте участвовали работные люди московских мануфактур, дворовые и крестьяне; он носил антифеодальный характер, был направлен против бюрократии и знати. Восстание захватило широкие массы населения Москвы и указывало на назревание глубоких классовых противоречий.

* * *

Во второй половине XVIII в. при господстве феодально-крепостнического строя уже складывался капиталистический уклад¹. Это выразилось в возникновении промышленных предприятий с применением наемного труда, главным образом из числа оброчных крестьян, в росте дифференциации городского и сельского населения, из которого выделялась с одной стороны сельская буржуазия, с другой — обедневшая масса, шедшая на заработки, в развитии мелкой промышленности, перераставшей в мануфактуру, в дальнейшем росте всероссийского рынка. Формировалась экономическая общность, которая стала одним из слагаемых нации.

В течение 1750—1790 гг. в России происходил общий рост производительных сил. Он выразился в распадке обширных новых земель, в колонизации юга и востока страны, в росте ее населения; развивалась промышленность, использовавшая передовую технику; благодаря подъему промышленности Урала русская металлургия заняла первое место в мире; увеличивалось число полотняных, суконных, шелковых и прочих мануфактур, возникла хлопчатобумажная промышленность. Производительные силы вступали в противоречие с феодально-крепостническими отношениями. Расширялся рынок труда. Мелкая крестьянская и городская промышленность настолько выросла, что правительство было вынуждено отказаться от запрещения безуказных предприятий, приняло политику свободного развития промышленности и отказалось от монополий. Однако феодально-крепостнический строй оказывал задерживающее влияние, и рост производительных сил не мог быть особенно значительным. Россия оставалась аграрной страной, натуральное хозяйство преобладало.

¹ Заключение к главе I написано Б. Б. Кафенгаузом.

Хозяйственное развитие по районам шло неравномерно. Более резко, чем прежде, происходило обособление черноземной полосы от нечерноземной, в них преобладали различные формы феодальной ренты, в первой — барщина, во второй — оброк. Нечерноземная полоса включала обе столицы; в ее городах и селах развивалась мелкая и крупная промышленность, было многочисленное купечество, имелись мастерские и т. п. В этой полосе часть крестьян уходила в города в качестве наемных рабочих, мелких торговцев и т. п.

Укрепление всероссийского рынка и связанное с ним усиление товарности сельского хозяйства привели к увеличению отпуска хлеба из губерний Центрально-черноземного района как на внутреннее потребление, так и на экспорт; при этом широко развернулась деятельность скупщиков хлеба и сельскохозяйственного сырья.

Начавшийся еще ранее процесс первоначального накопления приводил к расслоению крестьянства; и в оброчной, и в барщинной деревне выделялась «крепостная буржуазия»; наиболее яркими представителями этой категории были крепостные мануфактуристы с. Иванова, на предприятиях которых работали в качестве наемных людей такие же оброчные крестьяне, как и сами владельцы предприятий.

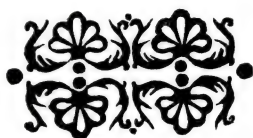
Рост крестьянской торговли, участие дворянства в сбыте сельскохозяйственных продуктов, развитие мелкой и крупной промышленности изменили состав и характер городского населения. Городская реформа 1785 г. расширила состав горожан по сравнению с прежним посадом, включив в число горожан всех землевладельцев города и, вместе с тем, отделив купечество от мещанства, отдала городское управление в руки богатейшей верхушки купечества (первой и второй гильдий).

Изменения в государственном бюджете — рост прямых и косвенных налогов и образование государственного долга — способствовали обогащению верхушки купечества и разоряли народные массы, т. е. содействовали процессу первоначального накопления. Экономическая политика дворянского правительства должна была в известной мере идти навстречу усилившимся буржуазным отношениям. Это проявилось в отказе от системы монополий, в отмене внутренних пошлин, в таможенном протекционизме, в разрешении свободно открывать промышленные предприятия.

Насколько феодально-крепостнический строй еще способен был задерживать ход исторического развития, видно из того, что указанные явления сочетались с расширением власти помещиков над крестьянами, предоставлением помещикам права ссылать крестьян в Сибирь и запрещением крестьянам жаловаться верховной власти на дворян. Дворянство было освобождено от обязательной службы, получило корпоративное устройство и право выбора уездных властей (капитан-исправник) и т. п. Широко практиковалась раздача земель и крестьян дворянам, приписка части государственных крестьян к заводам, окончательно были закрепощены крестьяне на Украине. Господствующий класс крепко держал в своих руках землю и крепостных и усиливал их эксплуатацию.

Наряду с процессом дальнейшего усиления крепостного гнета имелись налицо и другие явления. Сложившееся веками монастырское и церковное феодальное землевладение было уничтожено. Церковные крестьяне перешли в разряд «экономических», или государственных, крестьян, получили всю обрабатываемую ими землю, и положение их значительно улучшилось.

Вторая половина XVIII в. характеризуется началом разложения феодально-крепостнического строя, формированием внутри него капиталистического уклада и начавшимся несоответствием производительных сил господствующим феодальным производственным отношениям, процессом дальнейшего образования экономической общности, на основе которой складывалась нация.





ГЛАВА ВТОРАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА

1

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 50—60-х ГОДАХ

Начавшийся процесс разложения господствующей системы феодальной экономики России сопровождался усилением эксплуатации крепостного крестьянства в деревне и на мануфактурах. Гнет и полное бесправие порождали непрерывную, в разных формах протекавшую борьбу крестьянства и рабочих людей против господствующего класса и нарождавшейся буржуазии.

В развитии и ходе этой борьбы следует различать: этап, предшествовавший Крестьянской войне (50—60-е годы), Крестьянскую войну 1773—1775 гг. и период после ее поражения (1775—1780 гг.)¹.

Борьба крепостного крестьянства и рабочих людей во второй половине XVIII в. была массовым антифеодальным движением. Вылившаяся в Крестьянскую войну борьба трудовых масс закончилась поражением, тем не менее значение ее было огромно: она расшатывала феодальный строй и тем самым подготавливала условия для его падения.

Крестьянские волнения в 50—60-х годах, направленные против церковного, дворянского и государственного землевладения, охватили церковные и дворянские имения, а также государственные земли преимущественно в Центрально-промышленном районе, в северной части Центрально-черноземного района и на Урале. Это были районы наибольшего сосредоточения основных крестьянских масс. По данным второй ревизии (1747), из 880,5 тыс. синодальных, архиерейских и монастырских крестьян, записанных в ведомость по этой ревизии, около 575 тыс. душ м. п. проживало в обширных тогда Московской и Новгородской губерниях. Из 3,5 млн. душ м. п. помещичьих крестьян на одну только Московскую губернию приходилось почти 1,5 млн. душ². Здесь в наибольшей степени выявилось разложение феодально-крепостнического строя и обострение классовой борьбы. По словам Екатерины II, в год ее вступления на пре-

¹ Крестьянское движение, разгоревшееся в 90-х годах XVIII в., не рассматривается в настоящих очерках, так как хронологически выходит за пределы изучаемого периода.

² «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1839, ч. XXXIII, № 8, стр. 247—255.

стол «монастырских крестьян и самых помещичьих почиталось до полтора ста тысяч, кои отложились от послушания и коих всех усмирить надлежало»¹.

Отказы крестьян от работы на монастырской пашне и уплаты оброка значительно участились в 50-х годах. От архиерейского дома и Трифонова монастыря Вятской провинции отложились, называя себя черносошными, 11 582 крестьянина. Крестьяне перестали платить сборы в пользу духовных властей, рубили и продавали церковный лес. В 1751 г. для усмирения восставших была прислана военная команда². В 1752 г. наблюдались отказы повиноваться монастырским властям среди крестьян олопецких вотчин Хутынского монастыря.

Отказались работать на пашне и уплачивать излишний денежный оброк, а также доставлять в монастырь зерновые продукты (рожь, овес, лен, коноплю и пр.) крестьяне Татьянинской вотчины Пафнутаева-Боровского монастыря. В 1759 г. они изгнали монастырского приказчика и оказали сопротивление присланной команде³.

Один из серьезных поводов для волнений заключался в следующем. В начале XVIII в. имения многовотчинных монастырей делились на два разряда: доход с одних вотчин («определенных») предназначался на содержание монастырей, с других («заопределенных», т. е. оставшихся за определением) оброк хлебом и деньгами поступал в полную собственность государства⁴.

В 1720 г. все вотчины были розданы в монастыри, но прежние названия разрядов сохранялись долго. Крестьяне не могли разобраться, к какой категории вотчина причислялась раньше; многим казалось, что они не должны исполнять никаких работ на монастыри, а должны только платить оброк.

В 1753 г. Синод разослал указ с требованием не только беспрекословно исполнять всякие работы на монастырь, но и отсылать в казну деньги, хлеб и прочее, положенное по окладу. Когда этот указ был прочитан на крестьянских сходах некоторых сел Спасо-Ярославского монастыря, крестьяне разошлись по домам, не дав подписки. Но после того как их представителей, в числе 60 чел., посланных в монастырь «за упрямство и противность», наказали плетью, они были вынуждены дать подписку с согласием исполнять указ. Крестьяне, однако, не успокоились и обратились в Сенат и к императрице с жалобой на обиды от монастырской администрации, взятки и побои. Следствие, произведенное в Ярославле, признало эти жалобы ложными, и крестьяне были жестоко наказаны.

¹ Сб. РИО, т. X, стр. 381.

² В. И. Семеvский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 225; С. Токарев. Крестьяне Вятской провинции в XVIII в. Вятка, 1928, стр. 40—47.

³ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода», т. XXXIV. СПб., 1912, стб. 220—225.

⁴ В. И. Семеvский. Указ. соч., т. II. 1901, стр. 226—227.

Широкий размах получили затянувшиеся на много лет волнения крестьян Новоспасского монастыря, которые неоднократно жаловались в Синод и Сенат на излишние поборы и разорения со стороны монастырских властей и просили перевести их в ведение Коллегии экономии. Но жалобы ни к чему не привели. Челобитчиков отослали в Новоспасский монастырь, и одного из них — в ссылку в Оренбург. Против крестьян были посланы значительные воинские отряды, жестоко расправившиеся с непокорными. Среди восставших имелись, однако, отдельные элементы, главным образом из первостатейных и зажиточных, которые выносили приговоры с согласием на уступки, но их было меньшинство.

Сопротивление крестьян не было сломлено. Движением руководил крестьянин Мирзин. В августе 1756 г., по просьбе Синода, в Шацкую вотчину Новоспасского монастыря снова была послана команда драгун, чтобы арестовать Мирзина и других крестьян. Когда команда под начальством капитана Северцова вступила в с. Спасское, крестьяне заявили, что ни Мирзина, ни самого последнего крестьянина они не выдадут и будут ждать указа императрицы. После короткой стычки Северцов был схвачен крестьянами и вместе с двумя прапорщиками прикован к трупу убитого крестьянина, драгуны посажены под арест на монастырском дворе. После этого в вотчины Новоспасского монастыря были посланы еще три роты, а в феврале 1757 г. отправлен отряд с пушкой и ручными гранатами. Военная команда, поставленная на постой, бесчинствовала и грабила крестьян. Несколько сот человек было арестовано. Летом того же года арестовали Мирзина и еще около 200 чел.; многие из них умерли в тяжелых условиях заключения. Но крестьяне не сдавались: в последующие годы они снова подавали прошения императрице, но в ответ получали отказы и требование беспрекословного повиновения монастырским властям. Только в 1761 г. крестьян вынудили дать подписку о согласии вносить требуемые с них деньги и хлеб ¹.

Аналогичные волнения крестьян за период 1756—1760 гг. происходили в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в Бежецком уезде (около 5000 душ), Белевского, Курского, Знаменского, Саввина-Сторожевского монастырей. Волнения вызывались общей причиной — тяжелыми, непосильными работами и многочисленными поборами, которыми облагались крестьяне ². Крестьяне просили открепить их от монастырей и передать в ведение Коллегии экономии, с заменой повинностей и сборов 40-гривенным оброком с мужской души.

Напряженная борьба монастырских крестьян с их владельцами в 50-х годах заставила правительство подготовить указ 1757 г., согласно которому управление монастырскими и архиерейскими деревнями поручалось отставным штаб- и обер-офицерам; деревни облагались денежным окла-

¹ В. И. Семеvский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II. 1901, стр. 228—232.

² Там же, стр. 232—236.

дом на содержание соответствующего монастыря, не превышавшим положенного по штатам 1724 г. Но вследствие противодействия Синода осуществление указа затянулось. В связи с многочисленными жалобами крестьян в 1759 г. при Сенате была учреждена особая комиссия для рассмотрения крестьянских челобитных.

Нарастание волнений крестьян церковных имений в конце 50-х — начале 60-х годов послужило причиной для подготовки и проведения секуляризации церковных имений. Осуществляя это мероприятие, правительство одновременно преследовало несколько целей: увеличить земельный фонд, находившийся в его распоряжении, ослабить роль церкви и устранить с рынка церковное хозяйство, соперничавшее с дворянским. Чтобы покончить с проволочками в решении этого вопроса, указом 16 февраля 1762 г. было предписано ввести в действие положения указа 1757 г., а 21 марта 1762 г. была учреждена Коллегия экономии для управления бывшими церковными крестьянами. С них, сверх подушной подати в 70 коп., предписывалось взимать рублевый сбор, а на содержание монастырей отпускать деньги, положенные по штату 1724 г. Земли, которые крестьяне пахали на церковных владельцев, были отданы крестьянам¹.

Ропот духовенства и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. привели к перемене позиции правительства в вопросе о секуляризации церковных владений. Указом 12 августа 1762 г. синодальные, архиерейские, монастырские и церковные имения возвращались попрежнему в управление духовных властей, Коллегия экономии упразднялась. По этому указу церковные имения могли находиться или на оброке, или на барщине².

Указ 12 августа 1762 г. привел к новому подъему движения монастырских крестьян. В 1762—1763 гг. волнения происходили в одиннадцати губерниях: Московской, Тверской, Владимирской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Симбирской, Вятской и Пермской³. Среди крестьян монастырских вотчин распространялись подложные указы и манифесты: крестьяне отказывались работать на своих прежних властей, в свою пользу убирали хлеб и сено, вырубали рощи и избивали монастырских служителей. На подавление крестьянских волнений во второй половине 1763 г. посылались воинские команды в вотчины 25 монастырей и пяти архиерейских кафедр. 8 января 1763 г. был издан манифест о беспрекословном выполнении указа 12 августа 1762 г.⁴ Летом и осенью 1763 г. в дополнение к манифесту правительство издало новые подтвердительные указы⁵.

В связи с указанными правительственными мероприятиями 1762—1764 гг. по секуляризации церковных владений в начале 60-х годов

¹ ПСЗ, т. XV, № 11441, стр. 910; № 11481, стр. 948—953.

² ПСЗ, т. XVI, № 11643, стр. 51—53.

³ В. И. Семеvский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II. 1901, стр. 245.

⁴ ПСЗ, т. XVI, № 11730, стр. 134—135.

⁵ Там же, № 11865, стр. 301—302; № 11945, стр. 393—395.

крестьянские восстания охватили Исетскую провинцию¹ (северо-восточный район Оренбургской губернии). Эта провинция состояла из четырех уездов и 15 башкирских волостей. К крестьянам Исетской провинции в ходе восстания присоединились крестьяне смежных с ней уездов Сибирской губернии.

В восстаниях в Исетской провинции участвовали монастырские и государственные крестьяне, обремененные всякого рода феодальными повинностями. Участие монастырских крестьян в восстаниях было вызвано расширением монастырской запашки, что явилось следствием увеличения спроса на хлеб со стороны быстро развивавшейся уральской горной промышленности (например, продажа хлеба Далматовским монастырем с 1739 г. выросла более чем в 4 раза). Рост монастырской запашки увеличивал барщинные повинности крестьян более чем вдвое.

Государственные крестьяне были недовольны требованиями поставлять в казну оброчный провиант, что с 1743 г. заменило существовавшую здесь «десятинную пашню». Крестьяне двух слобод Ялutorовского уезда (образован в 1782 г. в составе Томской губернии) в 60-х годах три раза поднимались на борьбу против «государевой» барщины.

Сопrotивление монастырских и государственных крестьян против усиления феодальной эксплуатации, начавшееся в середине XVIII в., в 60—70-х годах в ряде мест перешло в вооруженное восстание. Так, например, для подавления восстания в Исетской провинции были посланы значительные военные силы, применявшие огнестрельное оружие, вплоть до пушек. Восстания монастырских крестьян в Исетской провинции начались в октябре 1762 г. и продолжались до июня 1764 г. На последнем этапе борьбы повстанческие отряды крестьян вступали в вооруженные столкновения с правительственными войсками и монахами. Начавшиеся вскоре после июня 1764 г. новые восстания крестьян были подавлены только в 1766 г.

Волнения среди монастырских крестьян, находившие сочувствие у помещичьих крестьян, заставили правительство Екатерины II, после ряда подготовительных мероприятий, издать 26 февраля 1764 г. манифест, согласно которому все архиерейские и монастырские крестьяне передавались в ведомство Коллегии экономии². Так возникла в Великороссии и Сибири новая категория «экономических» крестьян (991 761 душа м. п.)³.

Большими размерами, напряженностью и продолжительностью отмечены волнения 50—60-х годов XVIII в. среди помещичьих крестьян, вызванные теми же причинами, что и среди крестьян церковных вотчин.

¹ А. А. Кондрашенков. Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х годах XVIII в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953.

² ПСЗ, т. XVI, № 12060, стр. 549—569.

³ В 1786 г. Коллегия экономии была уничтожена, экономические волости уравнены во всем с государственными и поступили в ведение казенных палат и директоров домоводства.

Одной из форм протеста против феодально-крепостнического гнета были побеги крестьян. Бежавшие поселялись или за польской границей, полагая, что помещики тут меньше угнетают крестьян, или на южных и восточных окраинах государства, где в некоторых районах помещиков вообще не было, а там, где они были, крестьянам жилось легче, так как вследствие малой населенности этих районов нуждались в рабочей силе и потому стремились некоторыми льготами удерживать крестьян на своих землях.

В 50-х годах Сенат не раз обращался к вопросу о побегах крепостных крестьян. Показателем многочисленности побегов крестьян в эти годы является обширный указ 13 мая 1754 г., содержавший меры борьбы с побегам и установивший размер штрафов за укрывательство беглых¹.

Но никакие меры строгости — ни жестокие наказания за побег, ни высокие штрафы за прием беглых — не помогали. Правительство Елизаветы Петровны решило в 1759 г. от угроз перейти к обещаниям прощения за побег за границу и в соответствии с этим издало особый манифест 5 ноября 1759 г. Манифест разрешал находившимся в Польше, Литве и Курляндии беглым русским солдатам и «другого звания людям» «выходить беспрепятственно в Ригу и там поступать в фортификационные работы и в дворцовые крестьяне»².

Повторное издание манифеста в 1761 и 1763 гг. свидетельствует, что он мало повлиял на беглых: побеги продолжались. В 1763 г. новгородские помещики подали доношение, что из их деревень в продолжение многих лет в Польшу бежало немалое число крестьян, а в нынешнем 1763 г., писали они, ушло не менее 100 семей, в которых было до 500 душ. В августе 1763 г. по докладу Сената было велено послать в Польшу и Литву «нарочно и скрытно» воинские команды для возвращения беглых. С польской границы отряд генерал-майора Маслова привел беглых крестьян 1015 душ м. п. и 512 ж. п., а всего 1527 чел.³. О многочисленных побегах крестьян из тогдашней Новгородской и Смоленской губерний дворяне писали в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767 г. Из одной Смоленской губернии в Польшу бежало свыше 500 душ обоего пола.

Дворяне пограничных северо-западных местностей жаловались также на побеги крестьян в Латвию и Эстонию. Уходить сюда крестьянам было тем легче, что эти местности не отделялись от остальных губерний России ни заставами, ни форпостами. В большом количестве крестьяне бежали также на юг — в Новороссию, на Дон, на Кавказ, на юго-восток — в Астрахань, а также на восток — в Оренбургский край, на Урал, в Сибирь. Никакие законодательные меры не могли остановить этого движения. Высылать беглых с окраин России в места их прежнего жительства было

¹ ПСЗ, т. XIV, № 10233, стр. 75—85.

² ПСЗ, т. XV, № 11007, стр. 388—389.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5. СПб., [б. г.], стб. 1475, 1478. У Соловьева итог 2027 чел. показан ошибочно.

невозможно: это значило бы обезлюдить окраины, в то время как население здесь и без того было редким. Приходилось оставлять беглецов на новых местах жительства и засчитывать их помещикам в рекруты.

Множество беглых скрывалось и в центральной России. Время от времени среди крестьян распространялись слухи, что в таком-то месте принимают беспаспортных, и туда устремлялись беглые люди¹. Когда в 1764 г. стали говорить, что беспаспортных принимают на строительство каналов, Екатерина II велела опубликовать, что этот слух лишен основания. Чтобы прекратить побег, вызываемые подобными слухами, был обнародован общий сенатский указ.

Помещики со своей стороны давали специальные указания в инструкциях своим приказчикам и управителям, как бороться с побегами. Особенно усилились побег крестьян в середине XVIII в. из многочисленных и обширных вотчин Шереметевых².

Особой формой борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета являлись выступления беглых крестьян небольшими вооруженными группами; они жгли помещичьи усадьбы, расправлялись с приказчиками и управителями поместий, убивали самих помещиков. В 1751 г. случаи объединенных выступлений партий беглых крестьян отмечались в Серпуховском, Каширском, Тарусском и Обоянском уездах³, в 1756 г. — в Петровском и Пензенском уездах. Такие же вести о разгроме помещичьих имений приходили от местных властей из Шацкого уезда, из Алатырской провинции, из Московского уезда.

Еще более тревожные известия поступали в Сенат в 1760 г. В нескольких местах Алатырской провинции группы крестьян, вооруженных ружьями, тесаками, бердышами, рогатинами, совершали нападения на помещичьи вотчины; в одном случае повстанцы имели 4 пушки. С 1764 по 1769 г. в Московской губ. были убиты 21 помещик и 9 помещиц, не считая пяти покушений на убийство⁴. В своей тульской деревне выстрелом в окно был убит генерал-аншеф Н. Леонтьев. Особенно много помещиков уничтожено в 1767 г. Этот год, по словам одного современника, «учинился примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных»⁵. На частые убийства помещиков крестьянами указывали в своих речах депутаты от дворянства и дворянские наказания в Комиссии 1767 г.

Иной формой протеста крестьян против крепостного гнета, а вместе с тем и показателем внутреннего ослабления крепостнического базиса, были массовые выступления закрепощенного крестьянства против помещиков-дворян. Поводы для этих выступлений столь же разнообразны, как и в выступлениях крестьян в церковных вотчинах.

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 408—409.

² К. Н. Щенетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 147.

³ С. М. Соловьев. История России..., кн. 5, стб. 690.

⁴ В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 414.

⁵ Там же, стр. 413.

В 1750—1754 гг. большое волнение охватило крестьян подмосковной вотчины графини Анны Бестужевой — с. Павловское Московского уезда, с 19 деревнями. Здесь было 393 двора с населением в 2556 чел.¹ После конфискации («отписки на государя») вотчины крестьяне перестали платить оброк.

Для взыскания оброчных денег и недоимок прибыла воинская команда. К 1750 г. с крестьян было взыскано только 1095 руб. и в недоимке значилось 2124 руб. В мае этого года крестьяне обратились с ходатайством в следственную комиссию, в ведении которой находилась вотчина, отсрочить платеж до осени, а затем отправили трех ходоков с челобитной в Петербург. Кроме того, они жаловались комиссии на поборы, «нестерпимые обиды и беспрестанный бой от приказчика Матинского». Комиссия за выдачу ходокам 30 руб. из подушного сбора и подачу челобитной «без заручной от всего миру» постановила нещадно высечь плетью трех десятских и трех крестьян. В вотчины была послана воинская команда, которая произвела новую экзекуцию над крестьянами. Последовали новые челобитные, новые отправки в с. Павловское команд, высылка в Москву «заводчиков» скованными, но погашение оброчных денег и недоимок не подвигалось вперед. Крестьяне собирали сходы и по своему усмотрению сменяли старост и выборных.

В 1752 г. в Москву пришли просить «о милостивом суде» 150 крестьян, и комиссия не сразу решилась на репрессивные меры. Затем крестьян арестовали, и для сопровождения их в с. Павловское была назначена команда из 100 солдат. В с. Павловском было наказано плетью 728 чел. и оставлена команда во главе с поручиком, которая принялась выколачивать недоимки. Крестьяне снова подали в комиссию прошение. В нем они писали, что поручик держит на правеже по 200 чел. и безжалостно взыскивает деньги, что они продали скот и имущество и платить им нечем, что их обременяют работами на Санкт-Петербургской дороге. В ответ на это комиссия предписала публично высечь старосту, выборного и десятских и неослабно взыскивать недоимку.

Наконец, в марте 1754 г. крестьянам удалось подать прошение самой императрице. По указу 23 апреля 1754 г. с. Павловское было пожаловано С. П. Ягужинскому. Команду из села вывели, взыскание недоимок прекратилось. Всего до середины марта 1754 г. было взыскано 3072 р. 84 к., в недоимке осталось 1518 р. 37¹/₄ к.

Так закончилась многолетняя борьба павловских крестьян с вотчинными властями. Крестьяне в течение всех этих лет борьбы проявляли настойчивость и упорство. Вожаками их, облеченными доверием «мира», выступали обычно пожилые, нередко зажиточные крестьяне. В своих требованиях крестьяне Павловской вотчины не выходили за пределы своих, местных интересов.

¹ К. В. Сивков. Подмосковная вотчина середины XVIII в. В сб. «Московский край в его прошлом». М., 1928, стр. 75—96.

В 1758 г. крестьяне сельца Чурилова Юрьевского уезда отказались работать на помещицу Стромилову. В сельцо была послана воинская команда¹. В том же году и в том же Юрьевском уезде обнаружилось непослушание крестьян с. Никольского, принадлежавшего помещице Маковой. Крестьяне «отложились» вследствие слуха, что с. Никольское отписано на государыню, что, по их мнению, должно было улучшить их положение.

Частым поводом к волнениям крестьян служил переход их под власть другого собственника. В 1751 г. уральский заводчик Никита Демидов купил у Репнина имение в Обоянском уезде; крестьяне, очевидно, опасались, что новый владелец заставит их работать на своих заводах, а эту работу крестьяне считали более тяжелой, чем барщина на пашне; кроме того, переселение на Урал разрушало весь привычный для крестьян, давно сложившийся строй жизни. Несмотря на присылку команды, крестьяне не дали «отказаться себя» за Демидова и, повидимому, были приписаны к собственным вотчинам имп. Елизаветы².

Не хотели признать над собой власть того же Никиты Демидова крестьяне с. Русанова Алексинского уезда Тульской губ. (744 души), после того как их владелица, кн. П. И. Репнина, в 1756 г. продала их Демидову. С приездом сюда «отказчика» и воинской команды в количестве до 300 чел. произошло кровавое побоище, во время которого 30 крестьян с. Русанова были убиты и 33 смертельно ранены. Через шесть лет волнения в с. Русанове возобновились, крестьяне подали новую челобитную с жалобой на Евдокима Демидова, сына Никиты. Крестьяне отказались идти на Дугненские железные заводы Демидова в Калужском уезде. Во время допроса крестьяне показали, что вследствие создавшегося в вотчине положения они в течение четырех лет (1758—1762) не пахали своей пашни и не косили покосов и только в последний год засеяли землю³.

Случай отказа крестьян признать перевод их в собственность нового владельца отмечен в указе 29 апреля 1760 г.⁴ Крестьяне с. Спасского и других деревень в Арзамасском уезде после продажи их генералом Воронцовым надворному советнику Бессонову отказались повиноваться новому помещику. Крестьяне, увидев присланного из арзамасской провинциальной канцелярии подьячего и воинскую команду «для отказа

¹ Н. Воронин. Крестьянское движение в XVIII в. во Владимирской губернии. (По материалам архивов Владимирской провинции XVIII в.) «Агитатор-пропагандист» (Владимир), 1946, № 3 (26), стр. 37—45; № 4 (27), стр. 60—68.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. 5, стб. 686.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1881, стр. 420—426.

⁴ ПСЗ, т. XV, № 11054, стр. 470. В примечании к тексту указа сказано, что такая же мера была принята правительством в июне 1760 г. по жалобе в Сенат капитана Тараканова, что крестьяне его Галицкой вотчины с. Егорьевского с деревнями «его не слушают, доходов никаких не платят и посланных людей в деревню к себе не впускают» (там же).

оных крестьян за надворного советника Бессонова», собрались с ружьями, рогатинами и дрекольем, подъячего и команду в село не пустили и грозили всех «побить досмерти». Сенат приказал послать новую воинскую команду для подавления крестьянского движения.

Большие волнения помещичьих крестьян были вызваны слухами о том, что вследствие манифеста 18 февраля 1762 г., освободившего дворян от обязательной службы, близко и освобождение крестьян от гнета помещиков. В начале 1762 г. в девяти центральных уездах (Тверском, Клинском, Галицком, Каширском, Тульском, Белевском, Епифанском, Волоколамском и Вяземском) волнения охватили почти 7 тыс. крестьян, принадлежавших девяти помещикам. Для усмирения крестьян были посланы воинские команды. При этом в Тверском и Клинском уездах действовала команда из 400 чел. с четырьмя пушками, а потом туда прибыл кирасирский полк¹. В Вяземском уезде волнения крестьян подавлял кн. А. А. Вяземский. Военный отряд при встрече с толпой крестьян в 2 тыс. чел. открыл стрельбу из пушек; погибло около 20 крестьян. Крестьяне в ряде случаев требовали, чтобы их перечислили в разряд дворцовых крестьян².

Массовый характер носили волнения среди помещичьих крестьян в 1763 г. в Пошехонском, Новгородском, Волоколамском, Уфимском уездах³. Волнения 1762—1763 гг. послужили поводом для составления Военной коллегией в октябре 1763 г. общих правил начальникам воинских отрядов, посылаемых для подавления крестьянских движений⁴.

Особенно многочисленными и напряженными были выступления крестьян против помещиков во второй половине 60-х годов в связи со слухами о том, что в Уложенной комиссии 1767 г. поднят вопрос об улучшении быта крепостных⁵. В 1766—1769 гг. движение охватило большие вотчины пяти крупных помещиков Воронежской и Белгородской губерний. Здешные крестьяне заявили, что за помещиками «быть не хотят, а желают быть государственными крестьянами»⁶.

В середине XVIII в. произошло массовое бегство крестьян и казаков с Украины в Россию. Оно было вызвано тяжелым крепостническим гне-

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. 5, стб. 1257—1258; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. Сб. «Крестьянский строй». СПб., 1905, стр. 126.

² Волнения крестьян, сопровождавшиеся требованиями приписать их к дворцовым крестьянам, отмечены В. И. Семевским в 1765 г. в Тамбовском уезде — среди крестьян помещика Фролова-Багреева; в 1766 г. в Темниковском уезде и Переяславль-Залесской провинции — у разных помещиков; в 1767—1769 гг. в трех уездах Воронежской губ. — у помещицы Н. Пассек (В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1881, стр. 430—432, 437 и др.; см. также С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 6, стб. 293, 333 и др.).

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 426.

⁴ Там же, стр. 427—429.

⁵ Там же, стр. 442.

⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 6, стр. 292—293.

том. В 1750—1764 гг. в одну только генеральную войсковую канцелярию поступило 105 дел с челобитными «малороссиян», бежавших с Украины в Россию¹. В то же время русские крестьяне толпами бежали на Украину.

С 60-х годов на Левобережной Украине началось массовое крестьянское движение. В 1761 г. поднялись против крепостнического гнета крестьяне с. Кулаги и дер. Суботовичи в Стародубском полку. Для усмирения крестьян была послана воинская команда². В 1765—1766 гг. происходили волнения крестьян в Изюмской и Острогожской провинциях. В ряде случаев помещичьи крестьяне требовали записать их в государственные крестьяне. Против них посылались команды солдат.

В Воронежской и Белгородской губерниях крестьянское движение в 60-х годах получило распространение в связи с широко развитым здесь в те годы своеобразным социальным явлением — самозванством, одним из проявлений классовой борьбы³. Документы устанавливают несколько случаев выступлений самозванцев в указанных губерниях. Все самозванцы в России в последней трети XVIII в., за немногими исключениями, принадлежали к социальным «низам» и были беглыми солдатами, беглыми крестьянами, однодворцами. Из среды этих же социальных групп обычно выходили и распространители разных слухов о бывшем императоре Петре Федоровиче, и среди них же самозванцы находили наибольшее число сторонников⁴.

Особенно большую роль в самозванстве того времени играли однодворцы — особая категория сельского населения в России XVIII в., занимавшая промежуточное место между прежними мелкими служилыми людьми и государственными крестьянами. Общее число однодворцев, по данным третьей ревизии (1761—1767), в Воронежской и Белгородской губерниях было около 470 тыс. В конце 1766 — начале 1767 г. многие имения в Воронежской и Белгородской губерниях, как уже сказано, были охвачены крестьянскими волнениями, которые вызвали движение и среди однодворцев. Положение однодворцев в этих губерниях характеризуется следующими чертами: безземелье или малоземелье и, как следствие этого, большое оскудение, произвол со стороны администрации и окрестных помещиков. Все это создавало предпосылки для успешной агитации среди них против феодально-крепостнического строя и его представителей.

Посулы самозванцев (освобождение от подушной подати и рекрутства, от заводских работ и вообще «свобода от господ») привлекали на их сторону широкие слои социальных «низов». Для борьбы со сторонниками

¹ А. С. Черевань. Совместная борьба украинских и русских крестьян против феодального гнета в 60—70-х годах XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 33.

² Там же, стр. 34—37.

³ К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», № 31, стр. 88—135.

⁴ Там же, стр. 90.

и последователями самозванцев правительство посылало воинские команды, но движение не прекращалось и в следующие десятилетия.

Массовое крестьянское движение развернулось в 60-х годах в Среднем Поволжье, где произошло 15 восстаний помещичьих крестьян. В ряде вотчин крестьяне, выступая, говорили, что «у владельцев в подданстве быть не хотят»¹. Восстания были направлены не только против оброка, барщинных работ, но и против крепостного права в целом. Наиболее ярко это сказалось в восстаниях крестьян таких крупных собственников, как Куракины, Шереметевы, Полянские.

Одно из восстаний в с. Знаменском Симбирского уезда продолжалось более года; крестьяне организовали здесь «следствие» над приказчиком и другими вотчинными властями, сместили их и избрали новую власть. В вотчине помещика Шепелева в с. Аргамаково Верхнеломовского уезда восставшие, числом в тысячу человек, встретили два эскадрона драгун «дубьем, железными рогатинами, ножами и камнями»²; к ним присоединились крестьяне других помещиков. В восстании крестьян в 1765 г. в с. Ивановском Пензенского уезда, продолжавшемся около года, участвовали помещичьи и монастырские крестьяне, пахотные солдаты и новокрещены 11 соседних сел. Были случаи убийства крестьянами помещиков.

Частыми поводами к выступлениям крестьян в 60-х годах были слухи о якобы изданном указе, запрещающем помещикам требовать от крестьян работы более 1 дня в неделю.

Волнения охватили большие массы крестьян Бежецкого, Кашинского, Симбирского, Свияжского и других уездов³. На усмирение этих волнений посылались целые полки.



Оружие восставших крестьян.
Государственный Исторический музей

¹ Т. И. Ржанникова. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Пугачева (50-е — начало 70-х годов XVIII в.). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 16.

² Там же, стр. 17.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 433

¹² Очерки истории СССР, 2-я пол. XVIII в.

Нарастание и изменение характера борьбы помещичьих крестьян являлись непосредственным следствием разложения господствовавшей системы феодально-крепостнических отношений.

Положение дворцовых и государственных крестьян в 50—60-х годах было несколько легче, чем помещичьих и церковных крестьян, в силу того, что они были обложены точно определенными денежным оброком и повинностями. «Дворцовое управление пыталось преодолеть упадок крепостнического хозяйства, усиливая внеэкономическое принуждение с помощью бюрократического вотчинно-административного аппарата. Усиление феодального гнета сопровождалось всевозможными злоупотреблениями дворцовых властей, насилием и издевательствами над крестьянами. Крестьяне отвечали на это челобитными в высшие правительственные учреждения, неуплатой в срок денежных и натуральных сборов, а иногда и отказом от уплаты, массовыми уходами в город на заработки с паспортами и без паспортов, бегством и т. д.»¹. В 1765 г. дворцовые крестьяне Тамбовского уезда оказывали помощь крепостным помещика Фролова-Багреева при их сопротивлении воинской команде, а затем укрывали их от ареста².

Государственные крестьяне в своих челобитных жаловались на недостаток пахотной земли и на необходимость арендовать ее у горожан и других лиц, а также на большое количество взимаемых с них различных тяжелых натуральных повинностей, на взяточничество и произвол властей.

Крестьянские волнения 50—60-х годов были массовым антифеодальным движением большого размаха. В них участвовали сотни тысяч крестьян разных категорий — церковных, помещичьих, дворцовых и государственных.

Волнения 50—60-х годов охватили западные, северо-западные и южные районы страны, как протест против все усиливавшейся феодально-крепостнической эксплуатации.

Многочисленны и напряженны были выступления крестьян разных категорий в центральных и восточных уездах страны, направленные на уничтожение крепостнических отношений.

Большой размах получили в 50—60-х годах выступления монастырских и государственных крестьян Приуралья. Волнения подавлялись с большой жестокостью, сотни крестьян были убиты, тысячи человек ранены, биты плетью, кнутом и батогами и сосланы на каторгу. Все волнения заканчивались поражением восставших, так как были стихийными и неорганизованными. Идеология их носила царистский характер, но они распатывали феодальный базис, тем самым приближая его крушение.

¹ С. И. Волков. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII века. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 116.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 108—109.

2

**КЛАССОВАЯ БОРЬБА РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ И ПРИПИСНЫХ
КРЕСТЬЯН НА МАНУФАКТУРАХ В 50—60-х ГОДАХ**

Господство феодальной экономики в сочетании с капиталистическими элементами в области промышленности и состав рабочих людей, купленных и приписных крестьян, подавляющее большинство которых в 50—60-х годах XVIII в. оставалось еще крепостными, определили содержание и формы борьбы рабочих людей и приписных крестьян мануфактур. Почвой для этой борьбы служили не только условия труда на мануфактурах, вытекающие частично из условий найма, но и формы внеэкономического принуждения, которыми была опутана жизнь рабочих людей, купленных и приписных крестьян.

Дать точные сведения о числе волнений рабочих людей и приписных крестьян на мануфактурах в 50—60-х годах XVIII в. не представляется возможным: такого учета в то время не велось. В правительственные учреждения — в Сенат, Мануфактур- и Берг-коллегии попадали сведения только об относительно крупных волнениях, которые, как правило, подавлялись центральным правительством.

В 1762 г. числилось приписных крестьян к казенным заводам 99 330 душ м. п. (по третьей ревизии) и к частным — 43 187 душ м. п. — всего 142 517. Однако данные третьей ревизии не точны: в них не учтены крестьяне, приписанные к Сестрорецкому и Колывано-Воскресенскому заводам (40 тыс.). Всего приписных крестьян в 60-х годах было около 190 тыс. душ. Они должны были отрабатывать на мануфактурах подушную подать и оброчный оклад, всего по 1 р. 72 к., причем занятые на заводах крестьяне отрабатывали эти подати не только за себя, но и за все ревизские души, приписанные к заводу, т. е. за стариков и детей, что, естественно, значительно удлиняло время обязательных заводских работ. Обычно крестьяне выполняли вспомогательные работы: по рубке и подвозу дров, выжигу угля и доставке его к домнам и нередко по добыче и возке железной руды. Плата колебалась в зависимости от времени года (в летние месяцы труд оценивался дороже, чем зимой); конный крестьянин получал больше, чем пеший. Плата или выплачивалась приписным людям, которые в этом случае сами вносили подати в казну, или, что бывало чаще, подати за крестьян вносила заводская контора. В последнем случае крестьяне ничего не получали и должны были содержать себя на собственных харчах.

Приписные крестьяне продолжали считаться государственными. Они выполняли государственные повинности работой на казенном или частном заводе, но, по закону, их нельзя было отрывать от земли и переселять «навечно» на завод. Запрещалось ставить их на заводские работы и во время полевой страды. Однако эти ограничения на практике грубо нарушались. Казна и заводчики нередко переселяли крестьян на завод «навечно», — тем самым стиралась разница между приписными и крепостными крестьянами. Со сроками полевых работ владельцы не считались, и крестьяне,

отправленные на заводские работы, не могли вести свое хозяйство. Заводчики и заводские управители не стеснялись прибегать к увеличению уроков, произвольной браковке, истязаниям и взяткам. Приписка к мануфактурам превращалась для крестьян фактически в состояние, близкое к крепостному. Волнения, нередко доходившие до вооруженных восстаний, вызывались именно попытками правительства и заводчиков превратить приписных крестьян в купленных крепостных. В этом отношении борьба приписных крестьян являлась одним из проявлений антикрепостнической борьбы крестьянства, и естественно, что в Крестьянской войне 1773—1775 гг. приписные крестьяне сыграли большую роль.

Крупные волнения среди приписных крестьян в 1752 г. произошли в Ромодановской волости (близ Калуги), принадлежавшей Н. Демидову. На заводах Демидова работали купленные крестьяне, еще тесно связанные со своим хозяйством, поэтому волнения эти носили стихийный, неорганизованный характер. Ромодановская волость была куплена в 1739 г. Н. Н. Демидовым у М. Г. Головкина. Всего в волости считалось более 2 тыс. душ¹; из них треть Демидов заставлял работать на своих заводах в Калужской провинции, треть на сибирских заводах, а треть оставил на пашне. Однако крестьяне показали, что на сибирские заводы Демидов перевел до 927 чел., а остальных, не только мужчин, но и женщин, заставил работать на своих калужских заводах, так что пахать были вынуждены старики да оставшиеся в домах женщины². Но не только это обстоятельство послужило причиной восстания крепостных крестьян Ромодановской волости. В прошении, поданном Елизавете Петровне, работные люди нарисовали потрясающую картину своей жизни у заводчика, картину, характерную для эпохи первоначального накопления. Заводы в Калужской провинции строили крестьяне Ромодановской волости. Демидов «мужеск пол и женск, лето и зиму, без упокою на работе мучил; от той ево тяжкой работе сколько народу померзло. А в которых в женском полу при шалошах грудные младенцы, выползова без матерей из лагерей, днем и ночью, и пережглися, которые от той болезни многие и померли, но оные женки и повыкинули младенцов»³. Попытки жаловаться на Демидова закончились тем, что ходоки были схвачены и выданы владельцу.

Челобитная демидовских крестьян Ромодановской волости — это жалоба крестьян, которых насильственно отрывают от хозяйства, превращают в крепостных мануфактуры. Одновременно крепостные крестьяне указывали, что за каторжный труд на заводах Демидов им не платит, снижает расценки. Но особенно жаловались работные люди Ромодановской волости на кровавые насилия.

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», М.—Л., 1937, стр. 152.

² Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1949, стр. 242.

³ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 149.

Волнения начались в апреле 1752 г. Крестьяне Выровского завода бросили работу, выпустили из пруда воду и прекратили выжиг угля. Завод остановился. Когда весть о событиях на Выровском заводе дошла до ромодановских крестьян Брынского и Дугненского заводов, там произошли те же события: крестьяне, «оставя все мастерство и работу, с тех заводов разбежались и пришли во оное ж село Ромоданово к тем же ослушникам в согласие, от чего и те их заводы пришли в крайнюю остановку и разорение»¹. Крестьяне начали вооружаться ружьями, рогатинами, навезли в село камней. В Калугу были направлены четыре роты Рижского драгунского полка, но при попытке солдат переправиться через Оку они были встречены толпой ромодановских крестьян, численностью до 1000 чел., вооруженных копьями, дрекольем. На войска обрушился град камней. Переправа не удалась. Тогда на усмирение демидовских крестьян 24 мая прибыл Рижский полк в полном составе. В с. Ромодановском ударили в набат, и быстро собралась толпа в полторы тысячи человек; у некоторых имелись и ружья. Когда по толпе были даны холостые выстрелы, крестьяне бросились на отряд и смяли его. О серьезности происшедшего столкновения говорят потери с обеих сторон: в правительственном отряде было смертельно ранено 4 офицера, 2 унтер-офицера и 25 рядовых; более легкие ранения получили 9 офицеров и 188 унтер-офицеров и рядовых. Восставшие отбили 210 ружей, 10 пар пистолетов, 180 шпаг и много другого военного имущества. Командир полка полковник П. Олиц был захвачен восставшими в плен. Потери ромодановских крестьян составляли 59 убитых и 42 раненых. Полк был отброшен от села².

Поражение правительственных войск произвело в Петербурге большое впечатление. Сенат распорядился двинуть в Калугу еще 3 драгунских и 2 пехотных полка под общим командованием бригадира Ф. Т. Хомякова. Положение казалось правительству тем серьезнее, что сочувствие крестьянам выказывали посадские люди Калуги, а некоторые купцы даже снабжали повстанцев продовольствием. Восставшие нашли поддержку и со стороны некоторых представителей сельского духовенства. К середине июня в Калугу прибыл еще один полк. Первая попытка Хомякова переправить 13 июня войска через Оку не увенчалась успехом: демидовские крестьяне, несмотря на артиллерийский огонь, не позволили войскам высадиться на берег. Только 19 июня Хомякову удалось перебраться через Оку и начать наступление. Многие деревни были сожжены. Население разбежалось по окрестным деревням и буеракам. Войска захватили в плен всего около 200 чел. из общего числа повстанцев свыше 2 тыс. Действия Хомякова не удовлетворили Сенат; он был отстранен от командования, а на его место назначен генерал-майор М. Опочинин. Но повстанцы не сложили оружия. Они рассеялись по соседним уездам. К ним стали присоединяться местные крепостные крестьяне.

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 157, 158.

² Там же, стр. 185—189, 198.

Правительство называло действия крестьянских отрядов «разбойничьи», но это был не разбой, а нарастание крестьянского движения в Калужской провинции, принявшего более активные формы борьбы. Это понимало и правительство. Генералу Опочинину, в добавление к имеющимся в его распоряжении двум полкам, спешно были направлены еще два полка с приказанием в кратчайший срок ликвидировать «беспорядки». Волнение охватило Медынский, Мосальский, Серпейский, Мещовский и Брянский уезды. К крестьянам Демидова стали присоединяться крепостные крестьяне А. Гончарова. Несмотря на то, что число восставших крестьян умножилось, волнение было жестоко подавлено. Восемь «первоначальников» были приговорены к наказанию кнутом и последующей высылке из Калуги на уральские заводы Демидова, где заводчик обязывался держать их закованными, на самых тяжелых работах. Многих наказывали кнутом и плетью, после чего одних возвратили Демидову, других отправили на уральские заводы.

В апреле 1752 г., когда вспыхнуло восстание в Ромодановской волости, волнения начались и среди купленных крепостных крестьян с. Сороколетова и дер. Железной в Белевском уезде. Это село было куплено в 1750 г. купцом Л. И. Лугининым, который стал применять крестьянский труд на своей полотняной фабрике в Туле. До 1752 г. купленные крестьяне выполняли фабричные работы поочередно, но в апреле этого года решительно отказались от работы на мануфактуре. Когда для выяснения причин отказа явились следственные лица от Белевской воеводской канцелярии, крестьяне, вооружившись рогатинами, цепами и дубинами, «собравшись многолюдством», оказали им сопротивление и выгнали канцеляристов из села, «уграживая смертным боем»¹.

Подавленное в самом начале волнение среди купленных крестьян купца Лугинина не получило широкого развития. По приговору Сената, «зачинщики» были жестоко избиты кнутом и высланы в Алексинский уезд для работы на фабрике того же Лугинина. Остальные крестьяне подверглись не менее жестокой экзекуции еще до приговора Сената.

В 1754 г. начались волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах П. И. Шувалова. В приписанных к Авзяно-Петровским заводам 33 селениях насчитывалось 480 дворов и 5411 душ м. п.² Движение было вызвано самым фактом приписки крестьян, живших от завода более чем за 600 верст. Правительство ответило на эти волнения выселением «виновных» крестьян на завод; часть их было приказано «высечь плетью... и... употреблять их без очереди в самонужные и тягчайшие заводские работы»³. Но это не остановило борьбы приписных крестьян: волнения

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 413—415.

² П. А. Вагина. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-е гг. XVIII в. «Исторические записки», № 47, стр. 321.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, СПб., 1901, стр. 323.

повторились в 1758—1759 гг. и с новой силой в 1760 г., когда Авзяно-Петровские заводы были переданы Евд. Демидову, и продолжались до 1766 г. Волнения распространились и на другие заводы Урала и вскоре перекинулись на камские заводы Шувалова.

В 1755 г. начались волнения приписных крестьян на Вознесенском заводе Сиверса, к которому была приписана 1 тыс. душ государственных крестьян из семи сел Казанской губернии. На заводские работы посылались очередно по 333 чел.¹ Этот завод находился в 100 верстах от Авзяно-Петровского. Волнения продолжались в 1761 и 1762 гг.² В 1760 г. в районе Камышлова и Шадринска вспыхнули волнения государственных крестьян, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова. «Мы готовы помереть все, а на заводы не пойдем», — говорили крестьяне. В районы восстания были посланы войска. В районе Масленского острога между восставшими приписными крестьянами и правительственными войсками произошло крупное столкновение, во время которого из правительственных войск было ранено 52 чел.; потери крестьян остались неизвестными³. Крупное волнение вспыхнуло в 1761 г. среди крестьян, приписанных к Воткинскому и Ижевскому заводам Шувалова. Поводом к движению послужило увеличение казенного оклада на 60 коп., что вело к увеличению числа обязательных работ на заводе, так как приписка обязывала крестьян отрабатывать подушный оклад. И здесь развернулась вооруженная борьба приписных крестьян с правительственными войсками. Волнение приняло настолько широкие размеры, что правительству пришлось послать на завод комиссию во главе с Вяземским, только что жестоко подавившим волнения крестьян в Вяземском уезде. Результатом деятельности комиссии Вяземского явился указ 1763 г., ограничивший эксплуатацию приписных крестьян.

В 1762 г. возникли волнения среди крестьян Невьянской слободы, приписанной к Алапаевским заводам; отсюда волнения перекинулись на Нижне-Тагильские заводы. Восстали крестьяне, приписанные к Гороблагодатскому и Верх-Исетскому заводам, принадлежавшим Р. И. Воронцову. Волнения продолжались и во второй половине 60-х годов, причем наиболее широкие размеры получили в 1767—1768 гг. в Чердынском и Соликамском уездах.

В 1769—1771 гг. произошло восстание крестьян, приписанных к Олонецким заводам. За Олонецкими заводами по третьей ревизии числилось 18 979 приписных крестьян. Население края было неоднородно: здесь жили русские крестьяне, карелы и вепсы. По социальному положению крестьянство также было неодинаково: среди них выделялась богатая верхушка, которая играла решающую роль на сумах (мирских сходах) и занимала выборные сельские должности. Это давало ей возможность

¹ П. А. Вагина. Указ. соч., стр. 323.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 330.

³ Там же, стр. 331—340.

крайне неравномерно распределять мирские платежи. Приписные крестьяне Олонецкого края выполняли те же работы, что и крестьяне на других заводах (рубка леса, жжение угля и т. д.); но чтобы не отрываться от своего хозяйства и промыслов, они нанимали за себя работников. В роли подрядчиков, поставлявших рабочую силу на заводы, выступали богатые крестьяне олонецкой деревни. В 60-х годах крестьяне, чтобы откупиться от работы, платили подрядчикам по 15—20 руб., за что по казенным расценкам полагалось не более 1 р. 10 к. Таким образом, к эксплуатации со стороны феодального государства прибавлялась эксплуатация со стороны своего же односельчанина, богатея. Особенно тяжелым для крестьян был перевод их в берггауэры, т. е. в категорию крепостных работников мануфактуры.

В 60-х годах положение крестьян Олонецкого края стало чрезвычайно тяжелым. Ряд неурожайных лет усилил их нищету. Возросли крестьянские повинности в связи с разработкой тивдийского мрамора, очень ценимого за разнообразную расцветку. К работам по разработке мрамора было приписано 3392 ревизских души. Дома приписных крестьян занимали чиновники и мастеровые, так что крестьяне «почти и домов своих лишились». В то же время были снижены расценки на работу: вместо 3 руб. крестьянам стали платить 1 р. 50 к. в месяц, а за некоторые работы (поставка подвод и судов с гребцами) крестьянам вообще ничего не платили. В 1765 г. французские купцы начали строить железоделательный завод на р. Лососинке. Владельцу мануфактуры было предоставлено право использовать для строительства, заготовки угля и всяких других «черных работ» труд приписных крестьян.

Начавшаяся в 1768 г. война с Турцией потребовала усиления производства пушек. Правительство решило построить новый чугунолитейный завод на р. Лижме. Летом того же года, в самую страдную пору, начались наряды крестьян на работы по заготовке руды и дров для строящегося завода¹.

Резкое усиление феодальной эксплуатации крестьян, приписанных к Олонецким заводам, послужило причиной восстания 1769—1771 гг. Челобитчики, посланные приписными крестьянами в Петербург, жаловались на непосильные повинности, обшеты и избиения. До удовлетворения их жалоб крестьяне в конце 1769 г. прекратили работы по постройке Лижмского завода и работы на Кончезерском заводе, а также на мраморных разработках. Волнения распространялись на новые районы. В начале 1770 г. к крестьянам Кижского погоста и Великогубской волости присоединились крестьяне Остречинского погоста, Тубозерской, Рындозерской, Шелтозерской и ряда других волостей Олонецкого края. Летом 1770 г. к восстанию русских крестьян примкнули карельские волости — Сямозерская, Святозерская и некоторые другие, но центром восстания оста-

¹ Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951, стр. 24—26.

вался Кижский погост. Челобитчики крестьян были арестованы в Петербурге, но не прекращавшиеся волнения и их расширение на новые районы края заставили правительство отменить обязательные работы крестьян на мраморных разработках. Однако это не успокоило крестьян. Их основным требованием стала отмена всех обязательных работ на горных заводах. Среди крестьян выдвинулся энергичный вожак Климент Соболев, оставшийся с народом до конца восстания.

Соболев правильно понимал враждебную народу роль зажиточных крестьян. Суемы в феврале — июне 1771 г. сняли с общественных должностей богачей-ростовщиков и заменили их верными людьми. Крестьяне начали вооружаться. Сенат дал распоряжение арестовать «зачинщиков» и прежде всего Соболева. 9 февраля небольшому отряду удалось схватить Соболева и заковать его в кандалы.

Собралась большая масса крестьян, которые освободили Соболева. Солдаты были обезоружены и бежали, а командир отряда Князев посажен под арест. Волнения принимали характер вооруженного восстания, и на их подавление были направлены четыре роты солдат с двумя пушками. В то же время правительство вынуждено было сделать еще одну уступку крестьянам — отменить обязательные работы на французской мануфактуре. Между тем местные богатеи не бездействовали — они усиленно склоняли крестьян прекратить сопротивление, что им частично удалось. Летом 1771 г. в восстании участвовало около 7 тыс. крестьян, остальные прекратили борьбу. В конце июня карательный отряд во главе с Урусовым двинулся к Кижскому погосту, где собралось около 2 тыс. крестьян. Здесь, в церковной ограде, они были окружены карательным отрядом и под угрозой применения пушек, заряженных картечью, сдались. Это было концом восстания. Соболев около трех недель скрывался в лесах и вскоре был арестован. Борьба мелких отрядов после июльских событий в Кижках не могла оживить движения. Вожаки движения Климент Соболев, Андрей Сальников и Семен Костин были приговорены к вырыванию поздравлений, наказанию кнутом и вечной ссылке на каторжные работы в Нерчинские рудники; многие были жестоко избиты кнутом и плетью, 51 чел. из них выслан на поселение в Сибирь. С крестьян взыскали 8 тыс. руб. на содержание следственной комиссии и несколько сот рублей на чиновников — «за бесчестье»¹.

Волнения среди приписных крестьян на Урале в конце 50-х — начале 60-х годов и Кижское восстание 1769—1771 гг. — самые крупные восстания приписных крестьян этого времени. Более мелкие волнения происходили в других районах страны. Для волнений среди приписных крестьян характерно требование полного их освобождения от обязательных заводских работ. Крестьяне понимали, что эти работы представляли собою

¹ Там же, стр. 32.

² События, связанные с восстанием 1769—1771 гг., изложены по работе Я. А. Багагурова (стр. 23—70); см. также В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, стр. 470—493

одну из форм их закабаления. В то же время крестьяне не отказывались от работы на заводах по найму, о чем говорят многочисленные данные о найме крестьян на заводы, в том числе и их односельчанами, которые не хотели или не могли отрываться от своего хозяйства и поэтому брали себе заместителей. В этих условиях требование приписных вернуть их в «крестьянство» составляло одно из проявлений общей антикрепостнической борьбы крестьянства.

Восстания приписных оказывали значительное влияние и на движение постоянных работных людей мануфактур. На Урале сравнительно широко применялся перевод приписных крестьян на постоянную работу на заводах. Попытки закрепить переведенных в мастеровые крестьян служили основной причиной волнений среди них. В этом отношении движение мастеровых и работных людей не отличалось от волнений среди приписных крестьян. Но переведенные на заводские работы крестьяне попадали в новые производственные условия. Далеко не все из них сохраняли свое крестьянское хозяйство. Переведенные крестьяне «безотлучно» находились на заводских работах. Вчерашний крестьянин должен был кормиться на свою заработную плату, а она не обеспечивала существования рабочего и его семьи. Кроме того, юридически они продолжали считаться крестьянами, поэтому должны были платить те же подати, что и государственные крестьяне (подушную подать и оброчный оклад). Особенно бедственным было положение приписных крестьян во время болезни. На казенных заводах больным выдавалось жалование и скудная пища, на некоторых заводах (например, Мотовилихинском) имелись госпитали. Но когда эти заводы передавались частным владельцам, то за время болезни приписным ничего не платили, а своего хозяйства многие из них уже лишились. Жаловались приписные крестьяне и на то, что владельцы заводов заставляют принудительно работать подростков с 15-летнего возраста. Бедственность своего материального положения приписные люди правильно связывали со стремлением заводчиков уравнивать их с крепостными, поэтому во всех волнениях мастеровые и приписные уральских частных заводов боролись против закрепощения, отстаивая свое право оставаться государственными крестьянами.

В 1762 г. волнения вспыхнули среди работных людей Невьянского завода П. Демидова. В эти волнения были вовлечены не только «вечноотданные» крестьяне, но и мастеровые и работные люди из бобылей, беглых и т. п. Работные люди создали свою организацию — мирскую избу, которая являлась как бы официальным органом, представлявшим и защищавшим их интересы перед заводской конторой и даже правительственными учреждениями. Приказчик Невьянского завода доносил, что рабочие говорили, «они де конторе неподсудны, а имеетца де у них мирская изба»¹. Основные требования работных людей — работать на заводе в обязательном порядке только в пределах отработки подушного оклада,

¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., стр. 374, 375.

а работы сверх стоимости подушного оклада выполнять за сдельную плату, в том же размере, какую получали наемные. Помимо требования увеличить заработную плату, работные люди настаивали, чтобы их детей принудительно не привлекали к ломке угольных куч. Волнения продолжались и в 1763 г. В мае 1763 г. на заводе был получен указ Главного управления горных заводов с требованием немедленного возобновления работы. Однако работные люди не подчинились указу. Они вновь подтвердили, что «впредь положенные на них по заводским учреждениям работы исправлять будут только за один подушный оклад» и что плата за работы, выполняемые сверх того, их не удовлетворяет. То же заявили работные люди и других заводов. В июле 1763 г. на Невьянский завод прибыл кн. А. А. Вяземский. Опасаясь расширения волнений среди работных людей, он частично удовлетворил их требования: приказал, чтобы государственными крестьянами считались те работные люди и мастеровые, кто был записан в перепись 1722 г. Остальные работные были признаны крепостными крестьянами. Однако рабочих, записанных в 1722 г., на заводе оказалось всего только 30 чел., и решение Вяземского не удовлетворило большинство работных людей. Была несколько повышена (с 2 до 3 коп.) плата за выковку железа, сравнявшись с выплатой на казенных заводах. Это были ничтожные уступки, но цель Вяземского была достигнута: работные люди «стали быть в послушании».

Такой же характер, как на Невьянском заводе, приняли волнения среди работных людей в ноябре 1762 г. на Нижне-Тагильском заводе, принадлежавшем Н. А. Демидову. Но здесь волнения тесно переплетались с движением приписных крестьян с. Покровского и приняли более острые формы.

Требования работных людей, в отличие от требований приписных крестьян, отражали новые производственные условия, в которые они были поставлены. Положение работных людей, не связанных с крестьянским хозяйством, живших лишь работой на крупных промышленных предприятиях, приближалось к положению наемных рабочих. Их требования, хотя и не завершенные, половинчатые (так как значительную часть своего времени они попрежнему соглашались работать в принудительном порядке), носили также антикрепостнический характер.

Такой же характер имела борьба работных людей на полотняной и бумажной «фабрике» А. А. Гончарова в Малоярославецком уезде в 1752 г. Здесь работали не только крепостные крестьяне. Как писали сами работные люди, среди них были приписные и наемные «разных чинов люди» — солдатские и матросские дети, посадские люди, «синодальные, протопопские, и поповские, и дьяконские, и дьячковские дети», а среди крестьян — принадлежавшие не только Гончарову, но и государственным, дворцовым и монастырским волостям¹. Работные люди выделили из своей среды энергичных вожаков — Ивана Моисеева, Тихона Куликова, Якова Ветошников и др., которые сумели довольно четко сформулировать требования

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 51.

восставших. Среди этих требований были такие, которые вытекали из положения работных людей как податного сословия. В прошении на имя Елизаветы Петровны работные люди обвиняли Гончарова в том, что он взыскивал с них подушные деньги вместо 70 коп. по 1 руб. и таким образом перебрал за два набора 4216 руб. Таким же путем Гончаров взял с них за поставляемых рекрутов излишних 3029 руб. Но в то же время работные люди указывали, что приказчики Гончарова покупают плохую пеньку, из которой нельзя получить требуемого качества и количества вычески, а за невыполнение нормы берут с каждого тюка штраф по 10 коп. За пряжу, которую поставляли женщины, снизили плату с 9 коп. до 6 и даже до 3 коп. с тюка. Сбавили расценки и ткачам полотен с 70 до 50 коп. за кусок полотна.

Гончаров поступал с работными людьми, как вотчинник. Квалифицированных мастеров он принудительно посылал на рытье прудов и платил за эту работу по 3 коп. в день, а случалось, что за черную работу, «кроме немилостивых лобой, никакой платы не чинят»¹. Работные люди подавали Гончарову письменную жалобу на приказчиков, по ответом на нее был арест 11 «зачинщиков». Это побудило работных людей обратиться с прошением к самой императрице: царистские настроения, характерные для крестьянских восстаний, были присущи и работным людям мануфактур. Никакие челобитные, конечно, не помогли. Работные люди вынуждены были прекратить работу и создать вооруженные отряды. Против них были мобилизованы местные силы, и специально для подавления волнения прислана рота Рижского драгунского полка. 2 мая работные люди были собраны для заслушания указа Мануфактур-коллегии о беспрекословном послушании Гончарову. Ввиду решительного отказа подчиниться, команда драгун и отряд в 200 чел., собранный Гончаровым из приказчиков и дворовых, открыли по толпе восставших огонь из ружей. Восставшие, однако, не сдались: они напали на вооруженные отряды и заставили их укрыться в усадьбе Гончарова, причем захватили 5 легких пушек, принадлежавших заводчику, и небольшое количество другого вооружения, брошенного при отступлении карателями. В этом столкновении повстанцев поддерживали находившиеся тут же работные люди соседней мануфактуры Щепочкина.

Весть о волнениях среди работных людей на фабриках Гончарова быстро разнеслась по соседним уездам. Волнения начались в Медынском, Мосальском, Серпейском, Мещовском и Брянском уездах², где стихийно возникли вооруженные отряды из крестьян, мастеровых и работных людей. Опасаясь дальнейшего роста восстания, правительство направило в Малоярославецкий уезд крупные вооруженные силы с приказанием немедленно потушить разгоравшийся пожар, не останавливаясь перед применением оружия. К фабрикам Гончарова были стянуты отряды численностью в 1637 чел. 22 июня фабрику Гончарова окружили войсками, кото-

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 15.

² Там же, стр. 48.

рые открыли артиллерийский огонь. По данным командующего карательным отрядом бригадира Хомякова, было убито 5 и ранено 6 рабочих. Повстанцы разбежались, затем началась расправа над восставшими. Четыре человека, признанные следственной комиссией «первоначальными возмутителями», — Иван Моисеев, Иван Соловьев, Захар Кувяткин и Иван Сухан — были жестоко избиты кнутом, закованы в кандалы и отправлены на Брянские железные заводы Гончарова с приказанием «их за караулом своим без выпуску содержать и в тяжкие заводские работы употреблять». Другие «первоначинатели» после наказания кнутом были сосланы на пожизненные каторжные работы в Рогервик.

Такая же форма борьбы характерна для рабочих людей Московского Суконного двора во второй половине XVIII в. Свыше 58% работавших на Суконном дворе имели стаж более 5 лет; из них часть рабочих людей до поступления на Суконный двор работала по найму (13%); из других мануфактур перешло 2,7% рабочих. Совершенно ничтожно (0,2%) было число рабочих людей, которые до поступления на Суконный двор занимались крестьянством; незначительная доля рабочих людей, вышедших из ремесленников (1,0%) и торговцев (0,8%); до 40% составляли рабочие люди, которые прежде занимались нищенством¹. В основном это были дети солдат, крестьян и лиц, оторванных от других сословий. Они обеспечивали рабочей силой мануфактуру. Этим же объясняется высокий процент рабочих людей на Московском Суконном дворе, которые до поступления на мануфактуру в 1739 г. нищенствовали. Приведенные данные не оставляют сомнения в том, что рабочие Суконного двора в своей подавляющей массе уже не были связаны с крестьянским хозяйством.

Для второй половины XVIII в. отсутствуют более подробные сведения о социальном составе рабочих людей Московского Суконного двора. Кадры их попрежнему пополнялись главным образом из пауперизированных слоев населения, а число рабочих людей, непосредственно связанных с крестьянством, сокращалось; одновременно увеличивалось число рабочих людей из среды «нищенствующих». Воспроизводство рабочей силы, таким образом, несколько изменилось в сторону, характерную для промышленного производства. На мануфактурах стали складываться кадры пролетариата. Это были рабочие люди, положение которых на производстве не определялось связью их с крестьянским хозяйством и требования которых носили иной характер, чем требования приписных крестьян Урала или Олонецкого края. Уже в 30-х и 40-х годах в борьбе рабочих людей Суконной мануфактуры преобладали чисто профессиональные требования: увеличение заработной платы, протесты против жестоких наказаний и штрафов.

В 50—60-х годах XVIII в. борьба рабочих Московского Суконного двора носила острый характер. В июне 1749 г. рабочие люди остановили

¹ «Крепостная мануфактура в России», ч. V. «Московский Суконный двор». Л., 1934, стр. 219, 221—224.

работу и в числе 800 чел. «самовольно» покинули мануфактуру. На предприятии осталось только 120 чел. Содержатель Суконного двора обратился в Мануфактур-коллегию с просьбой отыскать ушедших работников и при посредстве Главной полицмейстерской канцелярии вернуть их на работу. В июне удалось сыскать 381 чел. Работные люди заявили, что они послали императрице прошение «о чинимых им от тех фабриканов обидах и непрестанных жестоких наказаниях» и пока не получают ответа, на работу не пойдут. Тогда Мануфактур-коллегия решила наказать пятерых «зачинщиков» кнутом, однако поостереглась произвести экзекуцию в присутствии работных людей, «дабы при этом наказании не учинено было от них возмущения». Было решено рабочих предварительно развести «по палатам». Угроза истязания не сломила сопротивления работных: они опять «в работу не пошли и учинились противны». Разводить их по палатам пришлось силой, но когда было приступлено к исполнению приговора Коллегии над ткачом Терентием Афанасьевым, рабочие, выломав двери в палатах, отбили своего товарища. В конце июля продолжало бастовать 127 работных людей. Коллегия решила, отобрав по указанию владельца мануфактуры Болотина наиболее активных, наказать их кнутом и сослать на каторжные работы в Рогервик¹.

В чем заключались «великие обиды», вызвавшие остановку работы на Московском Суконном дворе, из дела остается неясным. Но свет на это проливает движение, вновь вспыхнувшее на мануфактуре в 1762 г. Началось оно среди учеников гарнизонной школы, отданных в работу в Московский Суконный двор. Поводом к волнению послужила попытка наказать ученика Ф. Андреева. Но причина волнения, как выяснило следствие Мануфактур-коллегии, была другой. Недовольство рабочих было вызвано тем, что владельцы мануфактуры примешивали к основе сукна «негодные хлопья в половинку фунтов по 5 и 10», что, естественно, понижало заработок работных, так как они теперь нормы не выполняли. Кроме того, трепальщикам и прядильщикам владельцы мануфактуры не выдавали платы за каждые три фунта с половинки сукна. Фабриканты, жаловались далее рабочие, вычитали из заработных денег с каждой поставки на покупку рекрутов с ткача по 12 коп., с кордовщика и шкробольщика по 8, с прядильщика и шпульника по 6 коп.² В жалобах работных людей имеются также указания на произвол фабрикантов и приказчиков. Рабочие снова были подвергнуты наказанию.

Волнения работных людей в 1762 г. в какой-то мере вызывались и теми формами внеэкономического принуждения, которые распространялись не только на приписных к мануфактуре учеников гарнизонной школы, но и на наемных работных людей. На многих, особенно на старинных «привилегированных» или «указных» мануфактурах, владельцы, основываясь на указе 1736 г., закрепощавшем за фабриками и заводами работ-

¹ «Московский Суконный двор», стр. 175—179.

² Там же, стр. 179—181.

ных людей, обучавшихся ремеслу, рассматривали их как крепостных. Так же смотрели на них и правительственные учреждения.

Близкими по характеру борьбы рабочих людей на мануфактурах Гончарова и Московского Суконного двора были волнения на Липецком, Козьминском и Боренском железоделательных заводах в тогдашней Воронежской губернии. Эти заводы были открыты в первой четверти XVIII в. и находились в ведении Адмиралтейской конторы. Работали на них рабочие люди, происходившие из мещан, однодворцев (часть их была переведена с Тульского и Олонечского заводов), и крестьяне. В 1755 г. заводы вместе с мастерскими и рабочими людьми, кроме однодворцев и переведенных с других заводов, были переданы Сенатом Репнину. Всего во владение Репнина перешло 928 рабочих.

С передачей заводов Репнину положение рабочих людей резко ухудшилось. Приказчики обращались с ними, как с крепостными, подвергали телесным наказаниям, заставляли выполнять работы, не связанные с железоделательным производством, например нести караулы, работать на барках, добывать руду, выжигать уголь. Заработная плата была значительно понижена.

Пока заводы находились на казенном содержании, мастера получали 4—5 коп. в день, теперь им стали платить по 2—3 коп. Вместо 50 коп. с пуда обработанного железа приказчики Репнина снизили оплату до 20,5 коп. и т. д. Но этим дело не ограничилось: с рабочими людьми стали рассчитываться железными изделиями, которые они должны были продавать на рынке значительно ниже заводских расценок, нередко за полцены.



Рабочий Московского Суконного двора Гаврила Сухарев. Портрет маслом работы неизвестного художника, конец XVIII в.

Государственный Исторический музей

Работа мастеровых в свободное время в своих собственных кузницах была запрещена, что, естественно, также значительно понизило жизненный уровень рабочих людей. Ко всему этому прибавлялись прямые хищения приказчиков. Так было, например, в 1759 г., когда приказчики присвоили внесенные мастерами подушные деньги; на заводы была введена воинская часть, и рабочим пришлось внести подати вторично. Для расправы с неугодными им рабочими людьми приказчики использовали право сдачи в рекруты. Все это, естественно, вызывало глубокое возмущение среди рабочих людей. Жалобы их в Воронежскую губернскую канцелярию и в Берг-коллегию оставались без удовлетворения.

Воронежская губернская канцелярия, основываясь на показаниях администрации, направила в 1761 г. на заводы воинскую часть с приказанием жестоко наказать плетью 19 указанных приказчиками рабочих людей. Однако рабочие не дали в обиду своих товарищей. Они освободили задержанных и отказались повиноваться. Более того, рабочие отстранили от управления заводами приказчиков, устроили свою «станичную избу», во главе которой был поставлен рабочий человек Куприянов. Изба выдавала рабочим людям отпускные свидетельства, собирала деньги для продолжения борьбы. Заводы стояли. Рабочие люди действовали с исключительным единодушием, лишь отдельные из них отказывались повиноваться станичной избе, но такие подвергались решительному осуждению со стороны своих товарищей. Один рабочий за неподчинение распоряжению избы был подвергнут телесному наказанию.

Подавление волнений среди рабочих людей Сенат поручил воронежскому губернатору Н. Маслову. Губернатор решил подвергнуть наказанию кнутом 10 чел., в том числе и Куприянова, а затем, на основании указа Сената, сослать их в Сибирь на Нерчинские рудники. Рабочие люди демонстративно ушли с завода, отказались платить деньги на оплату проезда ссылаемых товарищей и их семей, а когда Маслов призвал рабочих для выслушивания их жалоб, никто не явился. В то же время они вновь отправили ходоков в Петербург с челобитной, где решительно заявляли, что не будут больше работать на Репнина, и просили взять их снова на казенное содержание. До 1769 г. рабочие не приступали к работе. Лишь после распоряжения Екатерины II о передаче заводов обратно в казну волнения на заводах прекратились и работа возобновилась¹.

На борьбу рабочих людей оказывали влияние различные социальные явления. В требованиях приписных крестьян выступали чисто крестьянские мотивы. Приписные крестьяне стремились вернуться в разряд государственных крестьян. В волнениях среди навечно отданных определяющим моментом являлась борьба против закрепощения их труда, но здесь начинали выступать и требования профессионального характера — как работников, оторванных от своего хозяйства, связанных с работой на крупных промышленных предприятиях. На мануфактурах, где применялся

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 487.

наемный труд, и работные люди были крайне слабо связаны с земледелием и, по существу, уже оторвались от крестьянского хозяйства, профессиональные требования становились основными, определяющими характер волнений. Эти требования сопровождались протестом против крепостнических форм эксплуатации на мануфактуре, где новые отношения трудового найма получали все большее применение, что характерно для периода разложения феодализма. В среде работных людей стихийно зарождалась новая форма борьбы против капиталистической эксплуатации — стачка.

Нарастание движения крестьянства и работных людей в России в 50—60-х годах подготавливало условия для широкой крестьянской войны против феодально-крепостнических отношений.

3

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1773—1775 гг.¹

Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, несмотря на поражение, нанесла серьезный удар по феодальному строю, углубила и расширила начавшиеся противоречия между крепостническими производственными отношениями и характером производительных сил.

Основоположники марксизма-ленинизма отводили крестьянским восстаниям значительное место в истории классовой борьбы. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что основной движущей силой в борьбе с эксплуататорами в период феодализма было крестьянство. Ф. Энгельс своей работой «Крестьянская война в Германии» положил начало подлинно научному изучению крестьянских движений. К. Маркс и Ф. Энгельс высказали принципиальные положения о социальной природе крестьянских восстаний, их идеологии, причинах поражения. На конкретных примерах крестьянских движений в Европе (Германии, России, Франции и др.) они вскрыли антифеодальную направленность крестьянских выступлений и показали историческую неизбежность поражения крестьянских восстаний при феодализме.

«Поскольку мелкое крестьянство,— указывал К. Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»,— живет в экономической обстановке, которая накладывает общую печать на его образ жизни, интересы и умственное развитие и ставит его тем самым во враждебное отношение к другим классам,— оно образует класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь локальная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними общей национальной связи, общей политической организации,— они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие»².

¹ Текст на стр. 193—207 написан А. И. Андрущенко, текст на стр. 208—238 принадлежит С. Л. Марголину.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, М.—Л., 1930, стр. 406.

Из двойственной природы крестьянства, как мелких собственников средств производства, вытекали стихийность, неорганизованность и локальность их движения.

Характерной чертой крестьянских движений России была наивная вера в «хорошего» царя. Царистские настроения были одним из препятствий для создания повстанцами четкой политической программы переустройства общества. Борьба крестьян была направлена на уничтожение крепостного гнета, за свободное пользование землей и замену ненавистных чиновников. Несмотря на классовую ограниченность, Крестьянская война 1773—1775 гг., как и предшествующие крестьянские выступления, объективно была направлена против существующего строя и неизбежно подрывала его основы. Она сыграла выдающуюся роль в формировании и развитии прогрессивного общественного движения второй половины XVIII и начала XIX в.

Несмотря на попытки царизма «предать забвению» грозные события гражданской войны второй половины XVIII в., все же передовые люди России проявляли большой интерес к ее изучению. Первым крупным исследователем Крестьянской войны второй половины XVIII в. был великий русский поэт А. С. Пушкин. На основе архивных материалов он написал большую работу «История Пугачева»¹, в которой последовательно изложил события восстания от его предпосылок до подавления и казни Е. Пугачева и его соратников. Несмотря на личное вмешательство Николая I в работу Пушкина и редактирование царем его произведения², в книге правдиво изображено восстание как мощное крестьянское движение, явившееся ответом на безмерное угнетение народа помещиками и их правительством. «Весь черный народ был за Пугачева ...одно дворянство было открытым образом на стороне правительства», — к таким выводам пришел поэт, изучая документы восстания³. Недостаточность материала не позволила поэту показать восстание в полном объеме (ничего нет о распространении восстания в Пермской и Исетской провинциях и пр.). Ряд неточностей также объясняется отсутствием материалов, а иногда недоброкачеством документов с неверными фактическими данными. Все же исторической прогрессивности крестьянского восстания А. С. Пушкин не

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, ч. 1 и 2. 1938 г.

² А. С. Пушкин изучал материалы Петербургского архива инспекторского департамента и Московского отделения, Московского Главного архива, архива министерства иностранных дел, Государственного архива, Оренбургского и Нижегородского архивов. Дела везде выдавались ему по особому разрешению и выборочно. Следственное дело о Пугачеве ему не дали и тем самым умышленно лишили его возможности осветить подробно и более точно ход восстания. (П. Софинов. А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения. «Исторический журнал», 1937 г., № 2; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Докторская диссертация, Тбилиси, 1950 г.); Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. 1949, стр. 9—10. По требованию Николая I первоначальное название работы «История Пугачева» было заменено на «История Пугачевского бунта». Под таким названием монография увидела свет в 1834 г.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, ч. 1, М. 1938, стр. 375.

понял. Здесь сказалась классовая ограниченность его сознания, свойственная и декабристам.

В. Г. Белинский назвал книгу Пушкина «примечательным явлением в области нашей ученой литературы»¹. Влияние труда Пушкина на общество было велико, особенно в годы ликвидации крепостничества и связанного с этим усиления крестьянского движения. В 1888 г. цензура запретила печатание этой книги, опасаясь, чтобы «похождения» Пугачева не подействовали «на воображение простого человека». Произведение Пушкина «История Пугачева», будучи «читано в кабаках и на всех публичных местах», может «послужить предлогом для разнообразных толков и суждений»².

Более правильно поняли характер крестьянских восстаний революционные демократы. Главной целью народных восстаний Н. Г. Чернышевский считал осуществление «коренных изменений в своем материальном быте»³. «Знамя восстания Пугачев поднял во имя освобождения крестьян от помещиков», — подчеркивал А. И. Герцен. Крестьянские войны под руководством Разина и Пугачева Герцен считал революционными, несмотря на то, что они проходили под знаком «царского имени». Однако Герцен ошибочно считал, что Крестьянская война 1773—1775 гг. была «последним усилием, последним протестом крепостных»⁴.

Крупным исследователем Крестьянской войны был Н. Ф. Дубровин, написавший трехтомную монографию «Пугачев и его сообщники»⁵. Ему впервые было разрешено неограниченно пользоваться следственным материалом и всеми архивами по Крестьянской войне 1773—1775 гг. Дубровин широко использовал архивные материалы, до него почти закрытые, уточнил многие факты.

Главной причиной восстания Н. Ф. Дубровин считал систематические злоупотребления дворян своей властью над крепостными, «порочность» и «малодушие» представителей властей, погрязших в разврате и роскоши. Против этого якобы и возмутились народные массы, найдя себе вождей среди казаков, истари привыкших к разбою и неповиновению властям. Успех повстанцев Дубровин объясняет наличием «розни» среди дворянства, долго не умевшего объединить свои силы⁶. Основным содержанием его монографии является обстоятельное освещение организации сил царизма и дворянского класса для подавления восставших. Отсюда подробнейшее описание военных действий карательных отрядов, приведение преувеличенных данных о потерях повстанцев и т. д. Благодаря большому фактическому материалу, почерпнутому из многих архивных фондов,

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина, Л., 1937, стр. 561, 665.

² П. Софинов. Указ. соч., стр. 49.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1949, стр. 374.

⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1917, т. VII, стр. 374; т. IX, стр. 155; т. XIX, стр. 151.

⁵ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, тт. I, II, III. СПб., 1884.

⁶ Там же, т. I, стр. 369.

наличию хорошо организованного научного аппарата, монография Н. Ф. Дубровина сохраняет определенную ценность и в наше время.

В конце XIX в. вышло исследование А. И. Дмитриева-Мамонова «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири»¹, основанное на источниках, отложившихся в канцеляриях Сибирской губернии (Акмолинске, Тобольске). Автор всецело следует за официальной концепцией и все содержание книги посвятил выяснению хода подавления восставших в Сибири местными властями и военными силами сибирского губернатора. Книга имеет некоторое значение вследствие больших выдержек из документов, впервые пущенных автором в научный оборот.

Во второй половине XIX в. изучением крестьянского восстания, в особенности отдельных его эпизодов, занимались многие писатели различных общественных направлений. Так возникла обширная литература, состоящая, однако, из отдельных статей, рисующих лишь эпизоды восстания. Не все эти работы носят исследовательский характер². Наиболее серьезными являются работы Д. Н. Анучина³, написанные в 60—70-х годах XIX в. Но, используя доступные ему архивные документы, Анучин также рассказал главным образом о подавлении «бунта» правительственными войсками. Его работы не свободны от фактических ошибок, извращений и неточностей. Наряду с изданием документов и материалов о Крестьянской войне 1773—1775 гг. Я. К. Грот осветил ряд сторон восстания, но также с позиций господствующего класса⁴.

Уральские историки А. Н. Зырянов, Д. Планер, Н. Чупин, Р. Г. Игнатьев⁵ на основании местных архивных материалов в своих статьях

¹ А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири. «Чтения ОИДР» 1898, кн. III. Отдельное издание этой работы вышло под названием «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири», СПб., 1907. В нем дополнено несколько документов, приложены карты и иллюстрации.

² Список литературы, посвященной Крестьянской войне 1773—1775 гг., приведен Н. Дубровиным в указ. соч., т. III (Библиографический указатель).

³ Д. А. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. «Военный сборник», 1869, № 5 и 6; *его же*. Действия Бибикова в Пугачевщину. «Русский вестник», 1872, № 6—8; *его же*. Второе появление Пугачева и разорение Казани. «Военный сборник», 1871, № 4; *его же*. Граф Панин — усмиритель Пугачевщины. «Русский вестник», 1869, т. 80; *его же*. Участие Суворова в усмирении Пугачевщины и поимка Пугачева. «Русский вестник», 1868, № 11 и др.

⁴ Я. К. Грот. Державин и граф Петр Панин. «Санкт-Петербургские ведомости», 1863, № 208, 210; *его же*. Эпизод из Пугачевщины. «Древняя и новая Россия», 1877, т. I. Примечания, сделанные Я. К. Гротом, и материалы, приложенные к сочинениям Державина, важны для исследования.

⁵ А. Н. Зырянов. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его. «Пермский сборник», М., 1859, т. I; Д. Планер. О мерах предосторожности, которые принимаемы были пермскими заводами во время Пугачевского бунта в 1774 г., там же; Н. Чупин. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. М. Башмаков и действия его во время Пугачевщины. «Пермские губернские ведомости», 1869, № 52, 53, 59—62; *его же*. «Пугачевщина». Новые материалы для истории Пугачевщины. «Русская старина», 1875, № 2 и 3. Р. Г. Игнатьев. Осада г. Уфы шайками Пугачева; *его же*. Осада г. Мензелинска. «Памятная книжка Уфимской губернии», ч. II, Уфа, 1873.

описали ход восстания в отдельных провинциях, заводах и других населенных пунктах. Авторы сообщают много фактов, приводят большие выдержки из документов о широком возмущении народа против эксплуататоров, о паническом настроении властей, дворян, купцов, духовенства, об их усилиях по борьбе с восстанием. Эти работы ценны фактическим материалом. Интересные сведения о пугачевском движении в Астрахани, особенно среди солдат гарнизона, сообщаются в статье П. Л. Юдина «Пугачевские сообщники в Астрахани»¹, написанной на основе документов Астраханского губернского архива.

С рядом трудов, посвященных различным сторонам Крестьянского восстания второй половины XVIII в., выступил в 60-х годах XIX в. Д. Л. Мордовцев². Он часто говорит с большим сочувствием о восставшем народе, но совсем не понимает исторического значения классовой борьбы; по его словам, он ставил своей целью осветить «участие русского народа в политическом и гражданском росте русского государства...»³. Однако Мордовцев полагает, что «активное участие русского народа в политической жизни своего великого отечества, к сожалению, сказывалось большей частью явлениями скорбными, нередко возмущающими человеческое чувство историка». Он говорит далее «о таких проявлениях народного... темперамента, как массовые преступления и массовые убийства, выразившиеся пугачевщиною, гайдамачиною, последовательным рядом восстаний, крестьянских бунтов и разбоев понизовой вольницы как волжской, так и поднепровской...»⁴. Будучи больше беллетристом буржуазно-народнического толка, чем историком, Д. Л. Мордовцев нередко свободно обрабатывается с фактами и порой искажает их.

Из историков народнического направления только В. И. Семевский затронул в общих чертах восстание крестьян 1773—1775 гг.⁵ Он правильно понял антифеодальный характер движения, в котором угнетенный крепостным правом народ «...крикнул на всю Россию, что ему нужна свобода не иначе как с землею..., обещанием которой Пугачев заставил трепетать все мужичьи сердца...»⁶. Основными движущими силами восстания Семевский считал казаков, «иностранцев», помещичьих, приписных,

¹ П. Л. Юдин. Пугачевские сообщники в Астрахани. «Русский архив», 1900, кн. 6; *его же*. К истории пугачевщины. «Русский архив», 1902, кн. 5—6.

² Д. Л. Мордовцев. Пугачевщина. «Вестник Европы», 1866, № 1; *его же*. Политические движения русского народа, т. I, СПб., 1871 (Екатерининские деятели и пугачевцы; Пугачевский полковник Иванов; Кто был усмиритель пугачевщины); *его же*. Самозванцы и понизовая вольница, т. I, изд. 2, СПб., 1886 (Пугачев; Пугачев до самозванства и первые действия самозванца до взятия Татищевской крепости и др.).

³ Д. Л. Мордовцев. Политические движения русского народа, т. I. СПб., 1871, стр. I.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 374—387; *его же*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I, СПб., 1888, стр. 177—180.

⁶ Там же, стр. 178—180.

экономических и дворцовых крестьян. Однако автор преувеличил элемент крестьянских грабежей во время восстания, безосновательно считая, что крестьяне больше всего были заинтересованы в господском имуществе, «которое они усердно растаскивали»¹. Семевский неправильно утверждает, что после подавления «Пугачевщины» крепостные крестьяне надолго присмирели. В его же трудах приводятся данные, свидетельствующие о продолжении крестьянами острой классовой борьбы с помещиками².

В конце XIX и первой трети XX в. выступил Н. Н. Фирсов с историческими работами по крестьянским движениям XVII—XVIII вв. В своих статьях и книгах Н. Н. Фирсов отразил противоречивую мелкобуржуазную историческую концепцию³. С одной стороны он сочувствовал восстанию, оправдывал его, но в то же время боялся массового народного движения, не верил в возможность победы народа. Говоря о причинах поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг., Фирсов вопреки фактам утверждал, что после подавления восстания «побежденное крестьянство на некоторое время впало в состояние уныния и почти полной безнадежности»⁴.

Причины восстаний крестьянства Фирсов сводил к бедности и нужде. Он порочит и принижает личность вождя Крестьянской войны Е. И. Пугачева, рисуя его как человека, занятого больше всего удовлетворением своих личных интересов, ловившего «момент наслаждения» и предававшегося «женолюбию». По словам Фирсова, Пугачев якобы меньше всего занимался интересами восставшего крестьянства. «Народ не нашел в Пугачеве опоры». По словам Фирсова, у Пугачева не хватило умения «действовать... солидарно и планомерно с народом»⁵.

Н. Н. Фирсову принадлежат также «Примечания» к произведению А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта», помещенные в сочинениях Пушкина, изданных Академией наук в 1914 г.⁶ В этой обширной работе, занявшей 320 страниц, Фирсов пытался доказать, что великий поэт «не был подготовлен к историческим работам», что он «в своих общих исторических воззрениях... не пошел дальше Карамзина...» и будто бы рисовал народное восстание «как чисто случайный эпизод из жизни царствования Екатерины II», причем «народное движение осталось в тени, в глубине сцены...»⁷. Неправильные, а порой клеветнические утверждения

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 383.

² Там же, стр. 386—390 и др.

³ Н. Н. Фирсов. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. СПб., 1906 г. (3-е изд. вышло в 1920 г.); *его же*. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. СПб., М., 1908 (3-е изд. вышло в Ленинграде в 1924 г.); *его же*. Исторические характеристики и эскизы (1890—1920), т. I—III. Казань, 1922—1926 гг.

⁴ Н. Н. Фирсов. Разин и Разинщина. Пугачев и Пугачевщина. Казань, 1930, стр. 109—110.

⁵ Н. Н. Фирсов. Пугачевщина, 1908, стр. 151, 155, 157, 163.

⁶ Н. Н. Фирсов. Примечания к «Истории Пугачевского бунта» Пушкина. Сочинения Пушкина, т. XI, Пгр., 1914.

⁷ Там же, стр. 28, 30, 31 и др.

Н. Н. Фирсова о Пушкине и его работе вызвали серьезные возражения со стороны историков¹.

Таким образом, дворянско-буржуазная наука не смогла создать научно обоснованной истории Крестьянской войны. Только после Великой Октябрьской социалистической революции советская историческая наука, основываясь на марксистско-ленинском учении о классовой борьбе и развитии общества, осуществила научное изучение Крестьянской войны. Советские историки собрали, систематизировали и издали большой архивный материал, поставили перед исследователями ряд новых проблем. Однако положительные результаты намеченной работы тормозились влиянием среди историков 20-х и начала 30-х годов XX в. так называемой «школы» М. Н. Покровского.

В изучении Крестьянской войны 1773—1775 гг. М. Н. Покровский сделал определенный шаг вперед по сравнению с дворянско-буржуазной историографией². Он дал правильную общую характеристику Крестьянской войны, ему принадлежит заслуга широкой постановки вопроса о влиянии крестьянского восстания на последующую внутреннюю политику царского правительства. Покровский внимательно остановился на участии в Крестьянской войне 1773—1775 гг. нерусских народов³. По этой теме под его руководством были собраны и опубликованы архивные материалы.

Однако М. Н. Покровский допустил ряд принципиальных методологических ошибок. Исходя из антимарксистской концепции «торгового капитализма», он неправильно рисует предпосылки восстания⁴. Покровский не разобрался в движущих силах восстания, называл его сначала «казацким», затем «казацко-крестьянским» и, наконец, «крестьянским» или даже «рабоче-крестьянским». Он не мог определить природу крестьянской войны, считая ее то «буржуазной революцией торгового капитала», то «ранней буржуазной революцией России»⁵.

¹ Резкую критику примечаний Фирсова дал поэт В. Я. Брюсов («Русская мысль», 1916, кн. 2). Д. Н. Соколов выступил со статьей в сборнике «Пушкин и его современники», в которой возражал против принижения Фирсовым Пушкина как историка и неправильного понимания им «Пугачевщины» как борьбы низших классов против дворянства и правящих кругов (Д. Н. Соколов. Несколько замечаний к комментарию проф. Н. Н. Фирсова на «Историю пугачевского бунта». Сб. «Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX, т. 8, Пгр., 1918, стр. 20). Обстоятельная критика взглядов Н. Н. Фирсова содержится в докторской диссертации А. И. Чхеидзе («История Пугачева» А. С. Пушкина. Диссертация и автореферат. Тбилиси, 1950).

² М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, Л., 1924; *его же*. Русская история в самом сжатом очерке от древнейших времен до конца XIX в. М.—Л., 1932; *его же*. Новые данные о Пугачевщине. «Вестник Коммунистической Академии», 1925, т. XII; *его же*. Предисловие к I тому сборника «Пугачевщина», М.—Л., 1926; *его же*. Неправда об историках-марксистах. «Историк-марксист», 1927, № 3 и мн. др.

³ М. Н. Покровский. Новые данные о Пугачевщине. «Вестник Коммунистической Академии», 1925, т. XII.

⁴ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке..., 1932, стр. 129.

⁵ М. Н. Покровский. К вопросу о Пугачевщине. «Историк-марксист», 1932, № 1—2, стр. 75—77; *его же*. Русская история в самом сжатом очерке..., 1932, стр. 128.

Преувеличивая сознательность и организованность крестьянского восстания под руководством Пугачева, Покровский допускал возможность победы крестьянского восстания без руководящей роли пролетариата¹. Приписывая сознательность и организованность крестьянскому восстанию, Покровский говорил о «программе» Пугачева и повстанцев, которые на деле в силу стихийного характера восстания не могли выработать продуманной программы. Он не сделал даже попытки выяснить причины поражения Крестьянской войны. Позднее Покровский переоценил роль «рабочих» Урала в Крестьянской войне, отождествил их с промышленным пролетариатом эпохи капитализма и поставил на первое место в восстании; он считал, что «рабочие» Урала второй половины XVIII в. создали настоящую «смычку» с восставшими крестьянами. В этом проявилась антинаучная модернизация исторических событий, характерная для исторической концепции Покровского. Неправильно были объяснены Покровским взаимоотношения между русскими и нерусскими повстанцами. Он писал, что последние своими грабежами вымещали гнев против «русского колонизатора»². Критике исторических ошибок М. Н. Покровского в освещении Крестьянской войны посвящена работа М. В. Нечкиной³.

Влияние «школы» Покровского отразилось на работе историка буржуазного направления С. И. Тхоржевского «Пугачевщина в помещичьей России»⁴, основанной на материалах местных архивов. Он признает Крестьянскую войну второй половины XVIII в. «буржуазной революцией», которая якобы «раскрыла... в рядовом крестьянстве, в среде мелких зависимых хозяйчиков, тяготение к превращению в настоящих независимых хозяев, эксплуатирующих наемный труд»⁵. Тхоржевский затушевывал активное участие нерусских народов в Крестьянской войне. Не видя развивавшихся товарно-денежных отношений в Поволжье, он не сумел правильно вскрыть предпосылки восстания и стремился преуменьшить наличие классовых противоречий в русском обществе⁶.

¹ М. Н. Покровский. Неправда об историках-марксистах. «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 219; его же. Предисловие к I тому «Пугачевщина», стр. 3—13.

² М. Н. Покровский. Предисловие к I тому «Пугачевщина», т. I, стр. 10—11. Мнение Покровского о том, что порядок четвертования Пугачева был нарушен якобы умысленной ошибкой палача, оказавшего последнюю услугу мужицкому царю и отрубившего сначала голову, а затем конечности, опровергается А. Чулошниковым, опубликовавшим донесения А. А. Вяземского Екатерине II, где прямо сказано об указании Екатерины отсечь сначала голову, а затем прочее (А. П. Чулошников. Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г., «Русское прошлое», 1923, № 3, стр. 144—149). Письмо кн. А. А. Вяземского Екатерине II от 6 января 1775 г. в сб. док. «Восстание Емельяна Пугачева», JL, 1935, стр. 200—201.

³ М. В. Нечкина. Восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского. Сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I. М.—Л., 1939.

⁴ С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне—октябре 1774 г. М., 1930.

⁵ Там же, стр. 177.

⁶ Критический анализ работы С. И. Тхоржевского дан в статье М. Мартынова «Против буржуазных тенденций в советской исторической науке». «Проблемы марксизма», 1930, № 5—6.

В содержательной статье О. Е. Корнилович «Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте»¹ даны общий обзор и характеристика важнейших иностранных источников о крестьянском восстании (газеты, донесения послов, переписка государственных и частных лиц, памфлетная литература). Эта работа значительно расширила использование иностранных источников при изучении Крестьянской войны.

А. Н. Филиппов в очерке «Пугачевское движение в Сибири» на основании архивных материалов показал судьбу 151 участника восстания. Автор дает характеристику отдельным наиболее активным пугачевцам, захваченным в плен. В другой статье, «Москва и Пугачев», А. Н. Филиппов показал тревожное состояние московского дворянства и властей после взятия Пугачевым Казани и перехода его на правый берег Волги. Подробно рассмотрены оборонительные меры в Московской и сопредельных с ней губерниях. К сожалению, автор не останавливается достаточно обстоятельно на вопросе, почему Пугачев не пошел к Москве².

О состоянии провинциального дворянства Московской губернии и властей в период восстания рассказывается в исследовательской статье С. А. Голубцова «Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева»³.

Из научно-популярных работ и отдельных статей советских историков, появившихся в 30-х годах, отметим следующие: А. Е. Гайсиновича («Пугачев»)⁴, М. В. Жижки («Емельян Пугачев»)⁵ и ряд статей: А. В. Пруссак, В. Е. Маркевича, И. Д. Калюжного, М. Мартынова⁶.

После Великой Отечественной войны научный интерес к разработке проблем Крестьянской войны 1773—1775 гг. заметно повысился. Вышли в свет работы С. Петрова, М. П. Вяткина, В. И. Лебедева, А. И. Андрущенко, Башкирского филиала АН СССР о Салавате Юлаеве и др.⁷ На

¹ О. Е. Корнилович. *Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте*. «Анналы», кн. 3. Пгр., 1923.

² А. П. Филиппов. *Пугачевское движение в Сибири*. «Северная Азия», 1926, кн. 3 и 4; *его же*. *Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г.* «Труды о-ва изучения Казакстана», Оренбург, 1925, т. VI, стр. 242—294.

³ С. А. Голубцов. *Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева*. 1930 г. Использованы главным образом дела о Пугачеве Канцелярии московского губернатора Ф. А. Остермана (Архив Исторического музея) и др.

⁴ А. Е. Гайсинович. *Пугачев*. М., 1937.

⁵ М. В. Жижка. *Емельян Пугачев*. М., 1940 г.; 2-е изд., М., 1950.

⁶ А. В. Пруссак. *Заводы, работавшие на Пугачева*. «Исторические записки», т. VIII, 1940. В. Е. Маркевич. *Из жизни и боевых дел Е. Пугачева до начала Крестьянской войны*. «Записки Удмуртского научно-исслед. института истории языка, литературы и фольклора». Сб. 9, 1940; И. Д. Калюжный. *Новые материалы о событиях пугачевского восстания на территории Удмуртии с приложением документов*. Там же; М. Мартынов. *Пугачевский атаман Белобородов на Урале*. «Исторический журнал», 1943, № 5—6, стр. 33—40.

⁷ С. Петров. *Пугачев в Пензенском крае*. Пенза, 1950. М. П. Вяткин. *Емельян Пугачев*. Л., 1951; В. И. Лебедев. *Крестьянская война под руководством Е. Пугачева*. М., 1951; А. И. Андрущенко. *Крестьянская война 1773—1775 гг.* БСЭ, 2-е изд., т. 23; «Салават Юлаев». К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952.

основании документов архива Демидовых Б. Б. Кафенгауз показал действия работных людей, восставших по призывам Пугачева, совместные выступления с окрестными крестьянами, попытки заводчиков внести разложение в ряды работных людей¹. Отношение народных масс Москвы к Пугачеву и восстанию показывает П. К. Алефиренко². Она отмечает возбужденное состояние трудящихся Москвы, ждавших с нетерпением прихода Пугачева, рассказывает о мерах правительства, направленных против низов, освещает настроения московского трудового люда во время суда и казни Пугачева и его соратников в Москве.

Крестьянской войне посвящен ряд диссертаций. В исследовании Н. И. Сергеевой «Крестьяне и работные люди заводов Южного Урала в Крестьянской войне 1773—1775 гг.»³ освещается на основе большого свежего материала активное участие крестьян и работных людей в восстании во время осады Оренбурга и в период действий Пугачева на Южном Урале. Автор показал активное участие в восстании заводских людей.

Н. И. Сергеева показывает, что работные люди и заводские крестьяне своим участием в восстании «не изменяли его крестьянского характера»⁴ и «не могли осуществить руководства народной борьбой против феодального гнета». Вместе с тем автор отмечает, что характерные для крестьянских восстаний черты локальности, раздробленности в выступлениях «заводских крестьян и работных людей проявились в меньшей степени»⁵. Выводы Н. И. Сергеевой интересны, но проблема идеологии, роли и удельного веса работных людей в Крестьянской войне 1773—1775 гг. ею не решена и требует дальнейшего исследования.

В диссертации «Крестьянство Казанского края в восстании Емельяна Пугачева»⁶ Е. И. Глазатова осветила широкий размах массового движения в Казанском крае с самого начала Крестьянской войны и до августа 1775 г., а также длительный и упорный характер борьбы. Автор отмечает, что наибольшую активность в восстании и наибольшую стойкость в борьбе с крепостниками проявили заводские работные люди и приписанные к заводам и адмиралтейству крестьяне; последние боролись за сохранение своего крестьянского хозяйства, а работные люди — против превращения их в «крепостных рабочих»⁷. В работе доказано, что в Казанском крае борьба работных людей и крестьян с крепостниками продолжалась и в 1775 г. Тем самым показана несостоятельность попыток

¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1949, гл. XIII, стр. 387—398.

² П. К. Алефиренко. Классовая борьба, политическая жизнь и общественная мысль Москвы 1725—1800 гг., «История Москвы», т. II, ч. 2-я, гл. III. М., 1953.

³ Н. И. Сергеева. Крестьяне и работные люди заводов Южного Урала в Крестьянской войне 1773—1775 гг. (дисс.). Л., 1953.

⁴ Там же, стр. 417, 418.

⁵ Там же, стр. 420.

⁶ Е. И. Глазатова. Крестьянство Казанского края в восстании Емельяна Пугачева, Л., 1952 (дисс.).

⁷ Там же, стр. 272.

ограничить время Крестьянской войны пределами 1773—1774 гг.¹. Представляет интерес и исследование П. Т. Смолянинова «Первый период Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева (Осада Оренбурга)»². Автор подробно изучает бои за Оренбург, от взятия которого, по его мнению, зависел успех дальнейшего похода на Казань и Москву³. Однако автор недостаточно доказал необходимость осады Оренбурга главной повстанческой армией, вместо того чтобы идти на Волгу или в центральные губернии России, где с нетерпением трудящийся народ ждал Пугачева. Вопросы стратегии и тактики Крестьянской войны 1773—1775 гг. требуют еще дальнейшего исследования.

Изучению социально-экономических предпосылок Крестьянской войны 1773—1775 гг. посвящена работа Т. П. Ржаниковой «Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева»⁴. Автор на большом фактическом материале показывает расширение помещичьего землевладения в Среднем Поволжье в результате активной помещичьей колонизации, повышение удельного веса крупного земледелия, рост городов и усиление промышленной специализации, втягивание крепостной вотчины в торгово-денежные отношения и вскрывает расслоение крепостной деревни. В работе приводятся новые факты восстаний в отдельных вотчинах.

Вопросам классовой борьбы накануне Крестьянской войны посвящено исследование А. А. Кондрашенкова «Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х годах XVIII в.»⁵. В последней главе автор также рассказывает об участии крестьян Исетской провинции и в Крестьянской войне под руководством Пугачева.

Таким образом, ряд вопросов истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. в последние годы получил свое научное освещение. Крестьянская война 1773—1775 гг. привлекла внимание также и археографов. Огромное количество материалов о восстании дошло до нашего времени. Основная масса источников хранится в Москве, в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ЦГАДА). В 6 разряде бывшего Государственного архива («Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности») сосредоточены материалы делопроизводства Тайной экспедиции Сената, Казанской и Оренбургской секретных комиссий и отделения последней, находившегося в Яицком городке (г. Уральск). Все эти учреждения занимались следствием и наказанием восставших.

¹ Е. И. Глазатова. Крестьянство Казанского края в восстании Емельяна Пугачева. Л., 1952 (дисс.), стр. 262—267, 271.

² П. Т. Смолянинов. Первый период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева (Осада Оренбурга, 1773 г. 18 сентября—29 марта 1774 г.), 1946 (дисс.).

³ Там же, стр. 84.

⁴ Т. П. Ржаникова. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Л., 1953 (автореферат диссертации).

⁵ А. А. Кондрашенков. Крестьянские восстания в Исетской провинции в 60—70-х годах XVIII в. М., 1953 (дисс.).

В 6 разряде Государственного архива также находится множество материалов о восстаниях в отдельных районах России, собранных в разное время из местных архивов (Тамбовского, Омского, Нижегородского, Вятского, Пермского, Уральского, Крымского и др.).

Очень богатые и сравнительно малоизученные материалы о восстании содержит ряд других фондов этого архива: фонд Паниных-Блудовых, бумаги Канцелярии Оренбургского губернатора, Киргиз-кайсацкие дела, Астраханские дела, переписка «высочайших особ с частными лицами», фонд Сената и сенатских учреждений и комиссий, Тайной экспедиции, фонды Коллегий, Провинциальных канцелярий, Главной дворцовой канцелярии и ее контор.

Большой важности источники по Крестьянской войне 1773—1775 гг. хранятся также в Центральном государственном Военно-историческом архиве (ЦГВИА), в фондах «Главного штаба», «Главного управления Генерального штаба» и «Военно-ученого архива», а также в фондах Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в архиве Государственного Исторического музея. Материалы по истории восстания находятся и в местных архивах (Свердловском, Уфимском, Чкаловском, Астраханском, Казанском, Саратовском, Воронежском, Тамбовском, Центральном государственном архиве Татарской АССР, Центральном государственном архиве Башкирской АССР и др.).

Многие источники о Крестьянской войне 1773—1775 гг. были опубликованы как в дореволюционное, так и в советское время. Первым опубликовал интересные источники А. С. Пушкин в приложении к своему исследованию «История Пугачева», в том числе летопись П. И. Рычкова «Об осаде Оренбурга»¹.

Во второй половине XIX в. интерес к истории крестьянского восстания под руководством Пугачева сильно возрос в связи с реформой 1861 г. и подъемом крестьянского движения. Большое количество документов, преимущественно об организации подавления восстания, было собрано и издано академиком Я. К. Гротом под названием «Материалы для истории пугачевского бунта»². В сборнике Русского Исторического общества напечатаны «Бумаги П. И. Панина», «Бумаги Екатерины II», дипломатическая переписка английских послов при русском дворе. Материал о правительственных мерах против восставших напечатан в «Архиве Государственного Совета»³. Многие источники опубликованы в сборнике «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском универси-

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. IX, ч. 1 и 2, 1938.

² Я. К. Грот. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Биби-кова... «Записки Академии наук», т. I, СПб., 1862; *его же*. Переписка имп. Екатерины II с гр. П. И. Паниным. Там же, т. III, СПб., 1863; *его же*. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. Приложение к 25 тому «Записок Академии наук», № 4, СПб., 1875; *его же*. П. С. Потемкин во время пугачевщины. «Русская старина», 1870, № 10; *его же*. Державин и гр. Петр Панин. «Санкт-Петербургские ведомости», 1863, № 208, 210 и др.

³ Сб. РИО, т. III, IV, VI, XIX; Архив Государственного Совета, т. I, СПб., 1869.

тете»¹. В разное время и в различных сборниках изданы допросы Е. И. Пугачева — важнейшие источники по Крестьянской войне².

Опубликованы документы о ходе Крестьянской войны на Урале (в «Пермских сборниках») ³. Факты о настроениях московской «черни» во время восстания содержатся в переписке Екатерины II с московским генерал-губернатором М. Н. Волконским⁴. Интересные данные об отдельных сторонах и эпизодах Крестьянской войны находятся в «Записках» современников Г. Р. Державина, агронома-помещика А. Т. Болотова и др.⁵. Народный эпос о Е. Пугачеве издан в нескольких сборниках⁶.

Дореволюционные публикации источников о Крестьянской войне 1773—1775 гг. производились без какого-либо плана и системы, публиковалось то, что попадало в руки издателей и допускалось цензурой. Издававшиеся материалы подбирались в классовом отношении односторонне и тенденциозно. В печать преимущественно попадали официальные документы, рассказывающие о расправе с восставшими, клеймившие их «разбойниками», напротив, материалы, вышедшие из повстанческих канцелярий и штабов, печатались редко.

В советское время историки много потрудились над выявлением и изданием новых материалов по Крестьянской войне. Большое значение имеет сборник документов «Пугачевщина» в трех томах, изданный Центральным архивом⁷. Несмотря на ненаучное название, некритически перенесенное в советскую историческую науку из буржуазной историографии, сборник дает систематизированное собрание источников. Внимательно

¹ Чтения в ОИДР, 1860; кн. 2. «Русский архив», 1867, 1870, 1873, 1876, 1877, 1900; «Русская старина», 1870, № II (Записки П. С. Рунича), 1871, № XVII (Расправа с пугачевцами); 1875, № V (Письма Екатерины II к П. С. Потемкину); 1876, № XVI, XVII (показания Перфильева, Творогова, Чумакова, Канзафара Усаева и др.); 1878, № XXII (Заметки о Пугачеве); 1883, № XXXVII (о победе Пугачева из-под караула); «Огчествонные записки», 1824, № 52, 53 (об осаде Яицкого городка); «Москвитинин», 1845 г., № 9 (Письмо авантюриста купца Долгополова от имени яицких казаков о поимке Е. Пугачева).

² Чтения в ОИДР, 1858, кн. 2. Допросы Е. Пугачева в Яицком городке 16 сентября и в Симбирске 2—5 октября 1774 г. (Показания напечатаны с неверного списка и страдают неполнотой и многими искажениями); ЦГАДА, разряд VI, д. 512, ч. II, лл. 46—66, 67—99, 100—139; «Красный архив», 1935, т. 69—70. (Допрос Е. Пугачева 4 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции в Москве); ЦГАДА, р. VI, д. 512, ч. II, лл. 38—91, 100—165. Кроме основного допроса в Москве 4 ноября, Пугачева допрашивали там много раз: 8, 15, 16, 17, 18, 28 ноября и трижды в декабре 1774 г. ЦГАДА, разряд VI, д. 512, ч. II, лл. 96, 206, 219, 222, 344—349, 391—392, 394—398; 457—458; ч. III, лл. 39—42.

³ «Пермский сборник», 1859, кн. 1—2, 1860, кн. 2.

⁴ Сб. «Осмнадцатый век». 1869, кн. 1, стр. 121—161.

⁵ Г. Р. Державин. Соч., т. VI; «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков», т. III, М.—Л., 1931.

⁶ «Песни, собранные И. В. Киреевским», вып. IX, М., 1872; «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», 1935.

⁷ «Пугачевщина». Сборник документов, т. I, М.—Л., 1926; т. II, М.—Л., 1929; т. III, М.—Л., 1931. (Далее «Пугачевщина»).

собраны уцелевшие манифесты Пугачева, указы Военной коллегии повстанцев и другие документы, созданные самими восставшими. Из них составлен первый том сборника. Второй и третий тома содержат разнообразный материал следствий, официальной переписки, рапортов, донесений, ведомостей и т. п. В сборник «Пугачевщина», однако, вошла небольшая часть хранящихся в архивах материалов о Крестьянской войне 1773—1775 гг. К сожалению, здесь нет показаний Е. И. Пугачева на следствии, хотя помещены показания его многочисленных соратников. Этот пробел был отчасти устранен помещением больших отрывков из показаний Пугачева в сборниках документов, изданных для учебных целей¹.

Архивные фонды хранят много материалов по Крестьянской войне 1773—1775 гг., до сих пор почти не изученных. Необходимо продолжить издание этих документов для всестороннего и глубокого изучения гражданской войны второй половины XVIII в.

Несмотря на выполненную историками большую работу по изучению Крестьянской войны 1773—1775 гг., перед исследователями ее стоит еще ряд важных вопросов. Недостаточно изучены социально-экономические предпосылки и конкретные причины восстания, обусловившие огромный размах движения, длительность и стойкость борьбы восставших. Необходимо глубже и подробнее изучить движущие силы восстания: выяснить роль и значение различных групп крестьянства, казачества, рабочих людей и заводских приписных крестьян, городских трудящихся масс и многочисленных нерусских народов, активно участвовавших в Крестьянской войне, взаимоотношения их с русским народом и др. Большой интерес представляют вопросы стратегии и тактики как главной повстанческой армии, руководимой Пугачевым, так и многочисленных отрядов, действовавших часто самостоятельно. Мало изучена биография Пугачева и его ближайших соратников, стремившихся вносить в стихийный ход восстания элементы руководства.

Слабо исследован последний этап восстания, начиная от поражения Пугачева под Черным Яром и до полного подавления восстания. Вопрос этот важен для правильной датировки Крестьянской войны. Отдельные очаги восстания действовали в конце 1774 г. и в течение всего 1775 г. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп 3 декабря 1774 г. доносил П. И. Панину, что эта губерния «не совсем еще в совершенное успокоение приведена...»². А. В. Суворов доносил П. И. Панину 31 декабря 1774 г., что в селах и деревнях Поволжья, «бывших в бунте..., генерально никою в дома не возвратилось»³. Астраханский губернатор П. Н. Кречетников еще в конце 1775 г. посылал воинские команды для борьбы с пугачевски-

¹ «Восстание Емельяна Пугачева». Сборник документов. Л., 1935; «Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье». Сталинград, 1937.

² ЦГАДА, ф. Паниных-Блудовых, д. 185, л. 108 об.

³ Там же, д. 182, л. 38.

ми партизанскими отрядами, действовавшими в самых низовьях Волги. Приписанные к Авзяно-Петровским заводам крестьяне, принимавшие активное участие в Крестьянской войне, отказывались приступать к заводским работам. Присланная в июле 1775 г. команда во главе с офицером, чтобы забрать зачинщиков «бунта», вынуждена была отступить перед угрозой открытого вооруженного выступления крестьян, которые смело заявили, что они «все... одной думы в том, чтобы не ити на заводы»¹. Среди населения были широко распространены слухи, что Пугачев не казнен в Москве, а спасся и находится с армией под Оренбургом, готовясь к боям в июне — июле 1775 г.². Сопротивлялись выходу на заводские работы приписные крестьяне Ижевского и других заводов. Еще в середине 1775 г. для устрашения крестьян по многим селам и деревням Казанской губернии были расставлены виселицы, колеса и «глаголи»³.

Это дает основание для датировки Крестьянской войны 1773—1775 годами.

Очередной задачей советских историков является дальнейшая разработка истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. и создание обобщающих трудов.

* * *

Народное восстание 1773—1775 гг., глубоко потрясшее Российскую империю, было последней крестьянской войной феодальной эпохи. По размеру охваченной ею территории, по численности вовлеченных в нее народных масс, мощи и стремительности их натиска она представляет собою крупнейшее движение крепостного крестьянства в истории не только нашей Родины, но и всей Европы.

Предпосылками Крестьянской войны послужили: усиление эксплуатации крестьянства в условиях развивавшегося товарного производства и зарождения капиталистического уклада; усиление помещичьей власти над крестьянами, что в XVIII в. приблизило крепостное право к системе рабства; тяжелое положение рабочих людей и приписных крестьян Урала; ликвидация правительством старинных казачьих вольностей на Дону и на Яике, угнетение народов Поволжья и Приуралья.

Одна из самых замечательных особенностей Крестьянской войны 1773—1775 гг. состоит в быстроте и напряженности событий. В ее истории можно различить три основных периода: с сентября 1773 г. по апрель 1774 г., когда движение в основном развертывалось на Яике, в Башкирии и в горнозаводских районах Приуралья (по обе стороны от горного хребта); с мая по середину июля 1774 г., когда после тяжелых поражений, понесенных Е. И. Пугачевым, восстание вновь вспыхнуло на Среднем Урале и на Каме; с июля 1774 г. и по 1775 г., когда оно с поразительной

¹ «Пугачевщина», т. III, стр. 416.

² Е. И. Глазатова. Указ. соч., стр. 265.

³ Там же, стр. 266—267.

быстротой распространилось по Средней и Нижней Волге и к западу от нее и в конце концов потерпело поражение.

Различие между указанными периодами заключается не только в территориальном перемещении восстания, но и в составе сил восставших, и в организационных формах движения, и в степени отчетливости классовых противоречий, лежавших в его основе, и в том, как формулировались самими восставшими их стремления и лозунги борьбы. Но эти различия не лишают движение в целом характера крестьянской войны.

Как и более ранние крестьянские войны России XVII в., Крестьянская война 1773—1775 гг. начиналась на окраине государства, на территории яицкого казачества. Здесь правительственный аппарат был слабее, чем в центре, легче было укрыться от преследования властей. Казаки были закалены в вековой, непрестанной борьбе с внешними врагами на рубежах русской земли. В среде казачества в это время зародились острые социальные противоречия, развернулась ожесточенная борьба между богатой эксплуататорской верхушкой, старшиной, и эксплуатируемой рядовой массой.

Дон во второй половине XVIII в. не мог уже стать районом восстания, как во времена Степана Разина. Автономия донского казачества была уже сильно урезана. Представители царской власти, тесно сотрудничавшие с казачьей старшиной, обладали здесь настолько большим влиянием, что держали рядовое казачество под бдительным надзором. Все же Дон дал крестьянскому движению вождя — Пугачева.

В середине XVIII в. на Яике создалось напряженное положение. Автономия яицкого казачества систематически ограничивалась. Возможности контроля над казаками для правительства особенно возросли после постройки Оренбурга и крепостей Яицкой линии и создания Оренбургской губернии. С 1744 г. яицкое казачество перешло в ведение оренбургского губернатора. Выборность войсковых атаманов была отменена, казаки привлечены к несению тяжелой службы в войсках империи, в том числе на Северном Кавказе, в Кизляре. Они ежегодно отправляли только на Кавказ 400—1000 чел. Много людей постоянно требовалось для многочисленных крепостей и форпостов Яицкой линии.

При весьма слабом развитии земледелия на Яике, в хозяйстве казаков наибольшее значение приобрело рыболовство, а также скотоводство и степная охота. «При Яицком городке пашен не бывало и нет... Все оное войско содержание и пропитание имеет и к службе е. и. в. надлежащую справу получает от рыбной в Яике реке ловли, и для этого из города в год по трижды отъезжает»¹, — писал Неплюев в 40-х годах XVIII в. в Военную коллегию. Даже скот иногда, при плохих травах, кормили рыбой. В связи с рыболовством на Яике развилась добыча соли. Беспопытная добыча соли считалась старинной привилегией войска. С 1758 г. казаки всем войском стали брать на откуп сбор с соленой рыбы.

¹ В. Н. Витевский. Яицкое войско до появления Пугачева. «Русский архив», № 10, М., 1879, стр. 213.

Еще больше, чем этот сбор, беспокоило казаков появление заграждений (учугов) в г. Гурьеве, в устье Яика, что прерывало весь ход рыбы из Каспийского моря вверх по реке и грозило им разорением.

Таким образом, в своей промысловой деятельности яицкие казаки в XVIII в. наталкивались на ограничения и трудности, создаваемые ростом их зависимости от правительства.

Более резко выступает антагонизм между казачьей массой и старшиной — богатой верхушкой, выделившейся в результате внутреннего расчленения. Из рядов последней выходили войсковые атаманы и старшины, составлявшие войсковую канцелярию; от них зависели определение служебной очереди, сбор откупных сумм, раздача денежного и натурального (в том числе порохом и свинцом) жалования, приходившего из Петербурга, порядок рыбной ловли. Богатые казаки обзаводились большими хуторами, выходцы из старшины получали офицерские звания, благодаря чему они приобщались к дворянству. В войске стали резко различать принадлежность казаков к «старшинской стороне» и к «войсковой стороне», между ними разгоралась вражда гораздо более острая, чем на Дону при Разине между «низовыми» и «верховыми» казаками. Незаконные поборы, утаивание жалования и другие подобные злоупотребления вынуждали рядовых казаков жаловаться на старшину оренбургскому губернатору и в Петербург.

В 1769—1771 гг. причиной нового острого конфликта послужило назначение казаков в состав формируемого в связи с турецкой войной Московского легиона, что влекло за собой увеличение служебных тягот. В 1771 г. к этому присоединились указы о новой отправке 500 казаков в Кизляр. Для рассмотрения жалоб казаков была назначена следственная комиссия в Яицком городке во главе с генералом Траубенбергом, который грубыми насильственными действиями по отношению к казакам «войсковой стороны» вызвал бурную вспышку открытого восстания на Яике. Восстание началось 12 января 1772 г., после того как Траубенберг приказал стрелять в толпу собравшихся казаков. Траубенберг, войсковой атаман Тамбовцев, войсковой дьяк Суетин и другие вожаки «старшинской стороны» были убиты. Против восставших были стянуты значительные силы регулярных войск. Не желая покориться, казаки пытались уйти с семьями, скотом и имуществом на восток, но были остановлены при переправе через реку; войска заняли Яицкий городок.

Вслед за тем на казаков обрушились репрессии. Казачий круг был запрещен, войсковая канцелярия уничтожена. В Яицкий городок был назначен комендант (полковник Симонов), в ведении которого и оказалось войско. Много казаков было наказано кнутом и сослано в Сибирь, у некоторых были отрезаны носы и уши; многих подвергли избиению кнутом или плетью и отдали в солдаты. На войско был наложен огромный денежный штраф в 36 757 руб.

В такой накаленной до крайности атмосфере и стал действовать на Яике Пугачев.

Емельян Иванович Пугачев был уроженцем донской станицы Зимовейской. Он родился около 1742 г., судя по его словам на допросе в 1774 г., когда он сказал, что «считает себе тридцать третий год»; впрочем, выглядел он тогда гораздо старше. Пугачев участвовал в Семилетней войне, а позднее находился в казачьем отряде, посланном в Польшу для розыска там беглых. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был в войсках, осаждавших г. Бендеры. В это время он получил чин хорунжего¹. С театра военных действий против турок Пугачев по болезни вернулся домой. Уже в этот период проявилось его активное противодействие властям. На своем позднейшем допросе он рассказывал о последующих столкновениях с донской казачьей старшиной, о неудачной попытке бежать на Терек, об аресте, побеге и дальнейших своих скитаниях.

Осенью 1772 г. Пугачев жил короткое время в Яицком городке (затем г. Уральск). Остановившись в доме казака Пьянова, он уже на второй день «открылся», т. е. назвался императором Петром III, своему хозяину. Слух об этом дошел до властей. По возвращении с Яика, в с. Малыковке (ныне г. Вольск на Волге, против устья Иргиза), Пугачев 19 декабря 1772 г. был арестован и отправлен сначала в Симбирск, а затем в Казань.

Из тюрьмы Пугачев бежал 29 мая 1773 г. вместе с другим колодником и подговоренным ими караульным солдатом. Летом 1773 г. Пугачев оказался опять на Яике, и здесь на умете (постоялом дворе) пахотного солдата Степана Оболяева, по прозвищу Еремина Курица, стали собираться вокруг «императора Петра III» казаки, среди которых с самого начала находились будущие виднейшие вожаки движения: Чика-Зарубин, М. Шигаев, Д. Караваев, И. Почиталин и др.

Самозванство Пугачева было не первой попыткой использовать имя Петра III. Это имя всплыло не случайно. Быстрое, насильственное свержение императора его супругой, происшедшее к тому же вскоре после издания манифеста о вольности дворянской, возбуждало в народе разные слухи и толки. Говорилось, что, освободив дворян от обязательной службы, император намеревался затем, как это и представлялось народу справедливым, освободить крестьян от дворянской власти. В этих слухах, разумеется, не было ни зерна истины: интересы русского крестьянства были совершенно чужды замыслам голштинского принца, случайно ставшего императором России. Но народное воображение наделяло его теми качествами и намерениями, какие ему хотелось видеть в «хорошем» царе.

В самозванстве, так часто сопутствовавшем крестьянским войнам, проявлялись вера народа в «хорошего» царя и слабость политического сознания крестьянской массы, задавленной феодальным гнетом, ее неспособность отрешиться от тех политических представлений, которые выработала феодальная государственность, и противопоставить им свою программу государственных преобразований. Появление «настоящего госу-

¹ Младший офицерский чин в казачьих войсках.

даря», зовущего на борьбу с «незаконным» начальством, становилось для масс поводом к выступлению, сигналом для начала народного восстания.

Верили ли те казаки, которые собирались на умете Ереминой Курицы, а затем и на хуторах казаков Кожевниковых и Толкачевых, что с ними находится действительно Петр III, или же они сознательно пользовались самозванством Пугачева как средством привлечения народа? Второе предположение более правильно для той небольшой группы лиц, которая составила первоначальное ядро движения. По показаниям Чики-Зарубина на допросе, казак Караваев тайно ему поведал, кем в действительности был мнимый Петр Федорович: «ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит — нам де всио равно, лишь быть в добре»¹. Позднее Зарубин говорил об этом наедине с самим Пугачевым, заверяя его: «Хотя ты и донской казак, только мы уже за государя себе приняли, так тому и быть». Казак Ульянов, брат Чики-Зарубина, также участвовавший в восстании с самого его начала, рассказывал на следствии, что в Берде слышал «от Зарубина, от Шигаева и от протчих яицких казаков неоднократно между разговорами, бывши пьяные, что самозванец есть донской казак... Почему он, Ульянов, уже знал, что он самозванец; однако ж служил ему верно, надеясь, что завладеет он государством...»².

Слух об «императоре Петре Федоровиче» все шире растекался по хуторам и в самом Яицком городке. Пугачеву были доставлены старые казачьи знамена, приобретена для него хорошая одежда. У Пугачева перебивали десятки людей; среди них, кроме яицких казаков, татары Идеркей Алметьев (Идорка), Барын Мусаев (Баранка) и др. С самых первых шагов движения проявилось объединение в общей борьбе с царизмом и крепостничеством русского и нерусского населения Приуралья, а впоследствии Поволжья.

Сначала возник план «объявить» «государя» войску на осенних плавнях (рыбной ловле). Однако выступление произошло раньше этого срока; его, вероятно, подтолкнуло стихийное нарастание тяги к «Петру III» среди казачества, широкое распространение известий о нем, невозможность в этих условиях долго скрывать от властей происходившие сборища.

Началом открытого восстания следует считать 17 сентября 1773 г. В этот день вблизи хутора казаков Толкачевых, где собралось около 80 чел., был прочитан первый манифест от имени Петра III, написанный Иваном Почиталиным. Уже на следующий день отряд восставших, двинувшийся по направлению к Яицкому городку, насчитывал около 200 чел. В течение нескольких дней Пугачев оставался в окрестностях Яицкого городка. Высланная против него комендантом, полковником Симоновым, воинская часть во главе со старшиной Андреем Витошновым, численностью в 200 чел., перешла на сторону восставших. Перебегали и из самого города. Захваченные в плен казаки «старшинской стороны» были

¹ «Пугачевщина», т. II, 1929, стр. 130.

² Там же, стр. 127.

казнены. Пугачев, однако, не решился на приступ города, где находились значительные силы регулярных воинских частей с артиллерией. Такой приступ действительно едва ли мог быть удачен, так как повстанцы не имели пушек. Восставшие двинулись в обход Яицкого городка, без сопротивления занимая в его окрестностях форпосты — небольшие укрепления из земляных насыпей и плетней с башнями и маяками, в каждом из которых находилось обычно по 20—25 казаков. Взятие форпостов доставило в распоряжение восставших некоторое число пушек.

Первым городом, взятым Пугачевым, был Илецкий городок. Это была одна из крепостей Яицкой линии, соединявшей Оренбург с Яицким городком. Ее защищала деревянная стена с пушками, за которой находилось 300 домов илецких казаков. Причисленные к Яицкому войску, они составляли отдельную группу, со своим особым атаманом. Посланный Пугачевым в Илецкий городок Андрей Овчинников легко убедил местных жителей признать «императора Петра Федоровича». 21 сентября они вышли навстречу Пугачеву с духовенством, образами и с хлебом-солью — картина, многократно повторявшаяся затем в бесчисленных селах и городах Приуралья и Поволжья в течение целого года. Атаман илецких казаков Портнов, по жалобе казаков на обиды с его стороны, был повешен. За взятием Илецкого городка последовало занятие крепостей Рассыпной (24 сентября) и Нижне-Озерной (26 сентября). Уже 27 сентября была взята важнейшая крепость Яицкой линии — Татищева, расположенная на развилке дороги от Оренбурга к Яицкому городку и к Самаре. В ней находились большие склады, гарнизон ее имел около 1000 чел. Крепость Татищева сдалась после короткого штурма, так как в момент атаки крепости пугачевским войском солдаты и оренбургские казаки, входившие в состав ее гарнизона, с сотником Т. Подуровым во главе побросали ружья и перешли на сторону Пугачева. За Татищевой через несколько дней последовало занятие Чернореченской крепости.

Взятие Пугачевым крепостей Яицкой линии, в том числе Илецкого городка и Татищевой, внушило большую тревогу властям, особенно Оренбурга и Казани. Оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп уже в эти дни писал казанскому губернатору Брандту, что Пугачев, по всей вероятности, вторгнется в Казанскую губернию и при этом пойдет «помещичьими жителями, преклоняя на свою сторону крестьян и обольщая их дачею вольности»¹.

Таким образом, с самого начала перед представителями власти вырисовывалась картина крупного социального движения, опасного прежде всего для помещиков.

Однако осенью 1773 г. Пугачев не пошел на запад. 1 октября он вступил в большую татарскую слободу Каргалы, верстах в 25 от Оренбурга, а на следующий день вошел в казачий Сакмарский городок. Значительно увеличив в этих местах численность своих сил и обогнув Оренбург с се-

¹ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II, СПб., 1884, стр. 49.

вера, Пугачев спустился вниз по р. Сакмаре и 4 октября занял слободу Берду (в 5 верстах от Оренбурга), которая вскоре получила значение основного центра для всей территории, охваченной восстанием.

5 октября можно считать началом почти полугодовой осады Пугачевым Оренбурга.

Винить Пугачева в том, что, задержавшись надолго для осады этого города, он лишь потерял время и силы, вместо того чтобы сразу же устремиться к центру страны и поднять здесь основные массы крепостного крестьянства, — едва ли возможно. Задержка под Оренбургом была проявлением неизбежно присущих крестьянской войне свойств — ее локальности и ограниченности кругозора вовлекаемых в борьбу масс, лишь с трудом и не полностью преодолеваемой ходом событий. Для яицких казаков, башкир и татар Приуралья. Оренбург — сильная крепость и местопребывание губернатора — был реальным воплощением гнета и насилий. Восставшие казаки и крестьяне не могли правильно оценить силы своего врага, — местное зачастую заслоняло для них общее. Они, несомненно, преувеличивали стратегическое значение Оренбурга, овладев которым надеялись стать хозяевами у себя дома — на Яике и в Приуралье.

Это мнение, видимо, разделял в известной мере и сам Пугачев. Один из современников и очевидцев рассказывает, что старым казакам, просившимся домой, Пугачев во время осады Оренбурга говорил: «Погодите де, детушки, трохи! Вот скоро Оренбург сдастся! Он уже теперь на последней веточке трясется. А как Оренбург возьму, то всех вас распущу»¹. А свою вторую жену, «царицу» Устинью, он уверял: «Я де Оренбург скоро возьму и так до Питера дойду беспрепятственно. Только б Оренбург взять, а то все ко мне приклонятся»². Если таковы были представления самого Пугачева, то еще сильнее был нажим, в этом смысле, со стороны яицких казаков и башкир. В ноябре 1773 г., когда Пугачев уже собирался снять осаду с Оренбурга, «башкиры принудили его остаться и не пустили, сказав, что ты нас уверил, что ты государь, и обещал, Оренбург взяв, сделать, чтоб губернии не быть и чтоб мы были оной неподвластны... мы до того времени тебя никуда не упустим, покуда ты... не исполнишь своего обещания»³. Среди казаков слышны были такие же разговоры: «Только бы де нам Оренбург взять, а протчие места все противу нас стоять не могут и все нам подрушны»⁴.

Двинуть вперед массу восставших, оставив позади, в Оренбурге, ненавистного губернатора и его чиновников, Пугачев был не в состоянии. Но не только преувеличенное представление о значении Оренбурга заставляло восставших медлить под его стенами. В этом сказывается также неизбежная организационная слабость крестьянской войны. Пугачев не имел возможности разделить свои основные силы, чтобы, двинув

¹ «Пугачевщина», т. II, стр. 389.

² Там же, стр. 199.

³ Там же, стр. 415—416.

⁴ Там же, стр. 292.

большую их часть вперед, направить меньшую для блокады крепостей, оставляемых в тылу. У него не было достаточно средств для сохранения общего руководства над войском при таких условиях. Впрочем, твердое решение идти после занятия Оренбурга дальше, на Москву и Петербург, несомненно, существовало у Пугачева и ближайших к нему лиц.

При начале осады Оренбурга в войске Пугачева было около 2500 чел.: 500 яицких, 300 илецких, 600 оренбургских казаков, 540 перешедших к нему солдат из крепостей и около 500 башкир, татар и калмыков; он имел 20 пушек. Оренбургский гарнизон насчитывал вначале около 3000 чел., при 70 пушках. Силы Пугачева затем непрерывно росли, но и Оренбург в середине ноября получил подкрепление: сюда пробрался комендант Верхне-Озерной дистанции Оренбургской линии бригадир Корф, собравший в крепостях почти 2500 чел. и 22 орудия. Попытки атаковать город, предпринятые в первые же дни осады и повторявшиеся позднее, не имели успеха. Пугачев с 18 октября оставался преимущественно в Берде. Он больше рассчитывал, как и высказывал это прямо, взять Оренбург измором, нежели штурмом. Действительно, к концу осады продовольственное положение в городе стало очень тяжелым.

Одновременно с осадой Оренбурга предпринимались попытки занять Яицкий городок. Сюда Пугачев в декабре 1773 г. направил Толкачева, который вошел в город при полном сочувствии жителей. Но комендант Яицкого городка Симонов успел запереться в укреплении, находившемся внутри города, и овладеть им так и не удалось.

В то же время движение в народных массах быстро ширилось. Оно развивалось на Урале, по обе стороны хребта, охватило всю Башкирию, перекинулось на Волгу, в район Самарской Луки, в Западную Сибирь и к западу от Волги. Связь движения на местах с главным лагерем восставших под Оренбургом осуществлялась различно, она то усиливалась, то ослабевала. Одним из способов этой связи были широко организованное распространение манифестов и указов «императора Петра Федоровича» и рассылка в разные стороны небольших групп яицких казаков и отдельных лиц из стана Пугачева. Первые манифесты Пугачева к башкирам и казакам датированы концом сентября 1773 г. В октябре он послал указы на заводы. Ноябрьские и декабрьские манифесты обращены «во всенародное известие» для размножения и распространения в разных местах.

Виднейшие участники восставших по несколько раз за время оренбургской осады выезжали из Берды на места и возвращались назад. Овчинников ездил в Башкирию и в Гурьев, Шигаев и Толкачев — в Яицкий городок, А. Т. Соколов (Хлопуша) — на заводы и на Оренбургскую линию крепостей и т. д. Особенно большое значение имела посылка Чики-Зарубина в Башкирию.

Связь движения на местах с его центром, образовавшимся вокруг Пугачева, выразилась также в приходе под Оренбург и в Берду множества русских крестьян и казаков, башкир, татар, марийцев и др. Уже в начале октября 400 башкир, вытребованных Рейнсдорпом в Оренбург для усиления

ния его гарнизона, целиком присоединились к Пугачеву. После получения пугачевского указа от 1 октября из слободы Каргалы началось движение в Башкирии; на запросы комендантов уральских крепостей о помощи башкиры отвечали, что идут к «государю». В октябре пришли два отряда башкир численностью в 1 тыс. В ноябре присоединился получивший впоследствии известность Салават Юлаев с 2 тыс. чел. Большие отряды заводских крестьян привел с Урала Соколов (Хлопуша). Явилось полторы тысячи марийцев.

Хан казахской Младшей орды Нурали завязал сношения с Пугачевым еще в середине сентября 1773 г., и хотя он занял потом двуличную и выжидательную позицию, казахи проявили активность вдоль всей линии пограничных русских крепостей, проникая в пространство между Яиком и Нижней Волгой.

Общая тяга с мест в стан Пугачева под Оренбург передана в показании Т. Подурова: «Со всех сторон стекался народ к самозванцу большими кучками, а башкирцев пришло тут в разное время тысячи с две, которых, а равно и яицких казаков, посылал самозванец в разные места для преклонения жителей к нему в подданство, кои, возвращаясь, сказывали, что во всех местах, где они ни были, народ с радостью приклонился к нему; и от всюду везли в толпу фураж и провиант, а из крепостей и Каргалы печеный хлеб и сухари»¹.

В ноябре под Оренбургом число восставших составляло уже 15 тыс., а к марту 1774 г., по словам Пугачева, «сошлось в Берду до 50 тыс. большею частью мужиков»; у осаждавших насчитывалось 86 пушек. Башкиры пригнали Пугачеву огромные табуны лошадей.

Штаб восставших, в виде созданной в с. Берды Военной коллегии, пытался держать в своих руках нити руководства движением на местах. Но при слабых организационных средствах борьбы, при скованности основного ядра сил Пугачева осадой Оренбурга крестьянские восстания в отдельных местностях развивались по большей части самостоятельно. Они вспыхивали по мере распространения известий об «императоре Петре III», который, как верили, находился с «главной армией» под Оренбургом. Ему присягали, во имя его действовали. Но восстания не сливались в единый поток, а в значительной мере поглощались борьбой с местными властями, помещиками, заводчиками и т. д.

На основные силы Пугачева непосредственно легла задача борьбы с попыткой правительства Екатерины II подавить восстание регулярными войсками из центра. Указом 14 октября 1773 г. генерал-майору Кару было поручено командование войсками, назначенными для действий против сил Пугачева. К району восстания стягивались войска из Москвы, Новгорода, Смоленска, Бахмута и Сибири. Казанский губернатор должен был срочно сформировать воинские части из поселенных в губернии отставных солдат.

¹ М. В. Жижка. Емельян Пугачев. М., 1950, стр. 73. См. также «Пугачевщина», т. II, стр. 142 (показание Творогова).

Прибыв в Кичуевский фельдшанец (небольшое укрепление в 432 верстах от Оренбурга), Кар с отрядом в 1,5 тыс. чел. двинулся против Пугачева. Он рассчитывал быстро разгромить восставших и, чтобы отрезать им отступление, приказал отряду полковника Чернышева одновременно идти по Самарской линии (вдоль р. Самары) и занять крепость Татищеву.

Навстречу Кару от Оренбурга двинулась значительная часть восставших во главе с Овчинниковым и Чикой-Зарубиным. Перехватив отряд, шедший на соединение с Каром из Симбирска (почти все солдаты примкнули к восставшим), они 9 ноября у дер. Юзеевой (к востоку от Бугульмы) нанесли сокрушительный удар войскам Кара. Совершенно растерявшись, Кар покинул порученные ему войска и уехал в Казань, а затем в Москву, где своим появлением вызвал настоящую панику среди местных дворян и властей.

Отряд полковника Чернышева, из-за отступления Кара оказавшийся отрезанным, попал в засаду, устроенную восставшими, и был 13 ноября разгромлен под Оренбургом самим Пугачевым. Взятый в плен Чернышев был затем казнен вместе с другими офицерами. Победа Пугачева над значительными силами регулярных воинских частей в полевых сражениях была большим успехом восставших.

В ноябре 1773 г. Пугачев, однако, потерпел неудачу при попытке взять Верхне-Озерную крепость (восточнее Оренбурга, расположенную вверх по течению Яика); в то же время он занял находившуюся далее на северо-востоке Ильинскую крепость. Здесь им был разгромлен отряд секунд-майора Заева, присланный из Тобольска и состоявший из трех рот. В феврале 1774 г. Соколов (Хлопуша), с отрядом, составленным почти исключительно из заводских работных людей, взял Илецкую защиту — крепость в 68 верстах к югу от Оренбурга в районе, важном по добыче соли.

Восстание охватило всю Башкирию. Положение здесь в середине декабря 1773 г. обрисовано в рапорте генерала Деколонга, командовавшего войсками Сибирской линии: «башкирский народ... весь генерально... взбунтовался. Разъезжая большими партиями, по линии состоящие редуты выжигают... на крепости набеги делают..., коммуникацию на [Сибирскую] линию со всех сторон пресекают»¹.

Несмотря на то, что локальный характер Крестьянской войны здесь сказался особенно заметно, так как в Башкирии действовало большое число разрозненных отрядов с отдельными руководителями, тем не менее движение в Башкирии было очень важным источником сил для Пугачева. Башкирский и мецерьяцкий народы выдвинули из своей среды активных руководителей движения: Канзафара Усаева, Бахтияра Капыкаева и любимого героя Башкирии — Салавата Юлаева, совсем молодого, почти юношу, талантливого и полного кипучей энергии. Ему принадлежат различные песни и стихи, и сам он и его подвиги стали предметом песен и легенд. Для его действий в 1773—1774 гг. характерно стремление внести

¹ М. В. Жижка. Емельян Пугачев. М., 1950, стр. 103.

в движение согласованность и дисциплину, организовать новую власть вместе с пугачевскими атаманами — Зарубиным, Кузнецовым, Грязновым и др.

Признание Пугачева вождем восстания под именем императора Петра III являлось для башкир, как и для других народов Приуралья и Поволжья, формой признания своей внутренней связи с русским народом и русской государственностью.

С середины ноября башкирские отряды делали неудачные попытки овладеть Уфой. В декабре руководство восстанием в Башкирии принял один из самых энергичных и талантливых соратников Пугачева — Чика-Зарубин. Он расположился в 12 верстах от Уфы в с. Чесноковке, ставшем крупным центром восстания. Под городом собралось более 10 тыс. чел., но штурм города успеха не имел. В начале января Салават Юлаев и Канзафар Усаев заняли Красноуфимск. Чика-Зарубин направил отряды для овладения Кунгуром, но это не удалось.

В период оренбургской осады движение распространилось на весь горнозаводский район Южного и Среднего Урала и среднее течение р. Камы. Поднялись заводские работные люди и приписные крестьяне, волнения среди которых происходили еще в 50—60-х годах. Уже 12 октября восставшие заняли большой Воскресенский завод Твердышева (в 56 верстах к югу от Стерлитамака). 17 октября датирован указ Пугачева, обращенный на Авзяно-Петровские заводы Евдокима Демидова, крупнейшие на Южном Урале (в 330 верстах от Оренбурга, южнее Белорецка). В октябре и ноябре 1773 г. восстание охватило весь Средний Урал, за исключением небольшого угла в его северо-западной части.

Пугачевский штаб в с. Берде пытался наладить производство артиллерийских орудий и снарядов на Воскресенском и Авзяно-Петровских заводах, о чем 8 ноября был издан соответствующий указ Пугачева. В наибольшей степени это удалось на Воскресенском заводе. В течение трех месяцев (декабрь — февраль) завод действительно работал и снабжал армию Пугачева. Всего было отлито 10—15 орудий, большей частью медных. Рабочие получали из уцелевшей заводской казны жалование и хлебное довольствие. На Авзяно-Петровских заводах наладить оружейное производство было поручено Хлопуше. Но на заводе не обнаружилось «мастера лить мортиры», и дело ограничилось литьем ядер, гранат и дроби.

Что касается других заводов Южного Урала, то здесь восстание приводило к полной остановке работы и разрушению предприятий. Накопившаяся ненависть к гнету и эксплуатации, царившим на заводах, побуждала работных людей сжигать или бросать заводы и уходить в отряды повстанцев. Например, 26 октября 1773 г. на Белорецком заводе, после того как там был прочитан манифест Пугачева, рабочие прекратили работу и подожгли заводские строения, приняв решение идти в войско «Петра III». Так поступали наиболее активные элементы; менее решительные, немолодые или многосемейные расходились по домам, возвращаясь в деревню.

Таким образом, заводы не могли стать базой снабжения армии Пугачева артиллерией. Те пушки, которыми он располагал во время оренбургской осады, были свезены из яицких крепостей или найдены на заводах готовыми. Лишь небольшая часть их была изготовлена на Воскресенском заводе.

На Среднем Урале восстание происходило главным образом в январе и феврале 1774 г. Его история связана с именем И. Н. Белобородова — одного из наиболее видных вождей Крестьянской войны. Он происходил из заводских приписных крестьян, побывал в солдатах и перед началом восстания жил в Кунгурском уезде, занимаясь торговлей. Примкнув к башкирам из отряда Канзафара Усаева и проявив огромную энергию и выдающиеся организационные способности, он вскоре получил от Пугачева звание атамана. В середине января Белобородов развернул свою деятельность на заводах Среднего Урала.

Город Екатеринбург (ныне Свердловск) — главный центр всей уральской промышленности — оказался в это время в кольце восстаний. Движение развивалось и дальше к северу — в слободах Алапаевского и Невьянского заводов, на Нижне-Тагильском заводе Демидова. Когда со стороны Красноуфимска по направлению к Екатеринбургу продвинулись значительные правительственные силы, Белобородов, потерпев поражение под Уткинским заводом, устремился в район к югу от Екатеринбурга. Установив тесную связь с Салаватом Юлаевым и самим Пугачевым, он попытался сделать своей основной базой сначала Каслинский завод, а затем Саткинский (западнее Златоуста) — один из крупнейших на Урале. В деятельности Белобородова замечательны попытки организовать военное обучение и внедрить дисциплину среди восставших. Когда в мае 1774 г. произошло его соединение с Пугачевым, то яицкие казаки сначала принимали приближавшийся издалека отряд Белобородова за регулярное правительственное войско.

В первых числах января 1774 г. восставшие заняли казенные Ижевский и Воткинский заводы в бассейне Камы, а в феврале уже $\frac{3}{4}$ всей уральской промышленности находилось в руках восставших.

Движение распространялось и на восток от Уральского хребта, вглубь Сибирской губернии. В декабре — январе 1773—1774 гг. восстание охватило окрестности Ялуторовска, Краснослободска и Верхотурья. В то же время восстание расширялось к западу от Оренбурга, вдоль крепостей Самарской линии. 18 ноября атаманы Жилкин и Арапов взяли Бузулук, 25 декабря Арапов без всякого сопротивления занял Самару.

Крестьянская война в начале 1774 г. разлилась на огромном пространстве от Каспийского моря до берегов Тобола, от Волги до крепостей Сибирской линии и степей Казахстана. О настроениях крестьянских масс на территории к западу от Волги (между Саратовом и Пензой) можно судить по тому, что в декабре 1773 г. в разговорах с проезжавшим здесь сенатским курьером все крестьяне утверждали, что Петр III жив, что они теперь волены и свободны от податей и что присылка правительственных

войск ни к чему не приведет: «все де солдаты лишь только придут, то будут ему (Пугачеву.— *Ред.*) служить...»¹.

Таков ход событий на первом этапе Крестьянской войны 1773—1775 гг., до того момента, когда начались крупные неудачи восставших в результате сосредоточения в районе восстания правительственных войск.

Участие в восстаниях и значительная роль, какую на протяжении всего периода Крестьянской войны играли в ней яицкие и оренбургские казаки, башкиры (иной раз со своими старшинами из феодализирующей верхушки), а также и горнозаводские работные люди, ни в коей мере не лишает движение характера крестьянской войны, так как в восстание Пугачева сразу же непосредственно были вовлечены помещичьи крестьяне и с самого начала борьба шла за их освобождение.

Уже в начале октября 1773 г. поместья на много километров вокруг Оренбурга были покинуты бежавшими в панике владельцами. Казанский губернатор Брандт 28 октября 1773 г. писал в рапорте о положении в районе Самарской линии: «Некоторых помещичьих деревень крестьяня, возмуться, сделали себя готовыми ко включению в число изменников и... производили непростительное дерзновение. А помещики, разным образом спасая свою жизнь, скрылись»². По рассказу одного перебежчика, перешедшего к правительственным войскам в середине ноября, у Пугачева под Оренбургом было много «мужиков помещичьих, которых каждый день на конях и пеших приходит к нему... по немалому числу»³. Когда двигавшийся к Самаре атаман Арапов — происходивший сам из крепостных крестьян — находился еще в Бузулуке, к нему пришло около тысячи крестьян из сызранских имений графов Орловых.

Действия восставших в Ставропольском уезде представлены ставропольским комендантом в таком виде: «всех без остатку дворян... разбивали и на всех страх такой навели, что ныне Ставропольского уезду как черкаса (украинские колонисты.— *С. М.*), так татару, чувашу, мордву и господские крестьяня к таковому ж разорению и мятежу согласились»⁴.

Наиболее важным источником для суждения о характере и целях восстания, руководимого Пугачевым, являются манифесты и указы «императора Петра Федоровича» и воззвания некоторых пугачевских полковников и атаманов. Самый ранний из документов этого рода — манифест от 17 сентября 1773 г., данный на хуторе Толкачевых, содержит призыв к яицкому войску служить Петру III, как служили отцы и деды: войско жалуется за это «рякою с вершин и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порохом, и хлебным провiantом»⁵. Это пожалование адресовано также татарам и калмыкам.

¹ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 180—181.

² «Пугачевщина», т. III. М.—Л., 1931, стр. 3.

³ Там же, т. II, стр. 388.

⁴ Там же, т. III, стр. 14.

⁵ Там же, т. I, стр. 25.

В разных вариантах те же, по сути дела, лозунги повторялись и в других манифестах первых месяцев восстания. В указе, обращенном к «киргизскому войску», т. е. казакам Младшей орды, «Петр Федорович» обещал: «Я вас всех не оставляю и буду вас жаловать верно, нелицемерно землею, водою и травами, и ружьями и привиянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую»¹. В манифестах, посланных в Башкирию, к пожалованию землями присоединяется пожалование «верою и законом вашим», т. е. сохранение ислама — старой религии и старого права; один из этих манифестов колоритно заключает перечень пожалований словами: «И бутте подобными степным зверям», — в этом образе рисуется кочевникам-башкирам даруемая им вольность². Заметное место в ранних манифестах занимает вопрос о соли: свободное пользование местами ее добычи, подразумеваемое в пожаловании «морями» (т. е. соляными озерами). Вопрос о рыбных ловлях решается пожалованием «рякой с вершин и до устья» и т. д.

В указе к сакмарским казакам (начало октября 1773 г.) впервые встречается, многократно повторяющееся позднее, пожалование «крестом и бородою», т. е. обещание свободы старообрядческого культа и обычая³.

В ранних манифестах говорится о «казни жестокой», ожидающей тех, кто будет противиться «государю Петру Федоровичу». В указе, посланном в Оренбург 5 октября и обращенном к «регулярной команде», т. е. к воинским частям, эти последние призываются оставить «принужденное послушание к неверным командирам». Но с чьей именно стороны можно ожидать сопротивления «императору Петру Федоровичу», сентябрьские, октябрьские и ноябрьские манифесты не указывают. Введенные в обычный перечень пожалований («рекой и землею» и др.), обещания «всякой вольности» или «вечнсей вольности» звучат широко, но неопределенно.

В первый месяц после выступления Пугачева поднялись на борьбу помещичьи крестьяне в разных местах огромной Оренбургской губернии. Приезжавшие в деревни казаки именем Петра III запрещали крестьянам работать на помещиков, и среди крестьян тотчас же сложилось представление о воле, которую им дает объявившийся «государь». События развивались быстрее, чем это предполагалось «официальной» программой пугачевских воззваний, и в этом — одно из проявлений стихийности Крестьянской войны.

Новым духом веет от манифеста, датированного 1 декабря 1773 г. и дошедшего до нас в современном ему переводе с татарского. В нем, после пожалования землей, рыбными ловлями, бортями, бобровыми гонами и т. д. (с добавлением: «также вольностью»), читаем: «А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: *помещики и вотчинники*, тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев

¹ «Пугачевщина», т. I, стр. 26.

² Там же, стр. 28—30.

³ Там же, стр. 32.

и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертью, а дома и все их имение брать себе в награждение. И на оное их помещиков имение и богатство, также яство и питье было *крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и раззорение*¹. Из последних слов видно, что призыв обращен непосредственно к помещичьим крестьянам: помещики здесь рассматриваются как естественные и наиболее вероятные слушники и враги «императора Петра III». Однако в некоторых более поздних (декабрьских и январских) манифестах мотив этот еще не получает развития.

Весьма интересны воззвания, которые публиковал «главной армии полковник» Иван Грязнов, действовавший в окрестностях Челябинска. В одном из них, датированном 8 января 1774 г. и обращенном к «находящимся в городе Челябинске всякого звания людям», читаем: «Сколько во изнурение приведена Россия, от кого же, вам самим то не безызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божием и написано, чтоб они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали полян (псов.— С. М.) своих, с которыми гоняли за зайцами. Конпанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках тово никогда не бывало, да и нет...»².

В этих воззваниях классовая направленность движения выявилась с полной определенностью. Зло дворянской власти для народа указано с большой силой, уничтожение господства дворян и их произвола прямо выдвинуто как цель восставших.

Одной из характернейших черт идеологии крестьянских войн являются царистские иллюзии восставших, их наивная вера в возможность «хорошего» царя. Это выразилось не только в том, что сам Пугачев, чтобы привлечь к себе народ, принял имя Петра III. Царистский характер движения проявился также в широко распространенных среди восставших представлениях о сочувствии и сношениях наследника Павла Петровича с его мнимым отцом.

Своеобразным проявлением того же свойства Крестьянской войны, ее неспособности вполне отрешиться от политических форм, порядков и даже имен, принадлежащих существующему режиму, было поименование Чики-Зарубина во время действий его в Башкирии «графом Иваном Никифоровичем Чернышевым». Это — одно из свидетельств сознательного пользования самозванством в руководящих кругах восставших, так как Зарубина, конечно, хорошо знали на Яике; в то же время это показывает, что воспроизведение вокруг «императора Петра Федоровича» хотя бы некоторых из привычных для петербургского двора имен было действенным средством в привлечении людей на его сторону. Есть указания и на то, что Максима Шигаева называли «графом»³.

¹ «Пугачевщина», т. I, стр. 36 (подчеркнуто нами.— С. М.).

² Там же, стр. 74.

³ Там же, т. II, стр. 207.

Несмотря на большую слабость политического сознания крестьянско-казацкой массы того времени, на упорно державшиеся царистские представления, чрезмерно большое место, отводимое узко местным нуждам в стремлениях восставших и на неспособность их создать последовательно разработанную программу преобразований, идеология Крестьянской войны 1773—1775 гг. выступает гораздо более развитой и зрелой, чем в более ранних восстаниях XVII — начала XVIII в. Гораздо отчетливее, чем при И. Болотникове, С. Разине или К. Булавине, восставшие сознают теперь причину гнета, могут определить своего врага, понимают зло дворянской власти и необходимость беспощадной борьбы с ней.

Как и в предшествующих восстаниях, основной организационной формой, которой пользовались восставшие для устройства своих военных сил, был войсковой казачий строй. Восставшие крестьяне и горожане, присоединявшиеся к ним солдаты, пощаженные офицеры и чиновники зачислялись в казаки, в знак чего им тут же по-казацки подстригали волосы, а иногда давали казацкие шапки.

В местностях, охваченных движением, в отрядах восставших широко применялась выборность командного состава и новых должностных лиц, что, впрочем, сочеталось с назначениями, производимыми самим Пугачевым и его полковниками и атаманами. В указе «Военной коллегии» из Берды атаману Илье Арапову от 18 декабря 1773 г. говорится: «Небезизвестно есть..., что при твоей команде кроме вас, старшин, никого не состоит, а вы без повеления сами распределить не смеете. Чего ради сим его и. в. указом повелевается тебе по рассмотрению твоему со общих голосов, кто кому достоин, чины распределять»¹. Распоряжения: «выбрав доброго и честного человека, и определить миром над собой командира» и т. п. — встречаются часто в указах, идущих на места из с. Берды или от отдельных атаманов.

«Военная коллегия» была создана в самом начале оренбургской осады в с. Берды, главном центре для всей охваченной восстанием территории. В ней были назначены «судьями» Андрей Витошнов, Максим Шигаев, Данила Скобочкин и Иван Творогов, «дьяком» — Иван Почиталин, «секретарем» — Максим Горшков; Творогов и Горшков были из илецких казаков, остальные — из яицких. «Повытчиками», т. е. делопроизводителями, коллегии были назначены двое казаков и двое заводских рабочих. Когда Пугачев уезжал в Яицкий городок, общее руководство под Оренбургом оказывалось в руках Шигаева. «В сей названной коллегии, — рассказывал на допросе Горшков, — никаких письменных судов не производилось, а разбираемы и решены оные были судьями на одних словах; письменное же производство было в ней только такое, что даваны были из нее наставления поставленным от самозванца полковникам, старшинам и другим частным командирам, посылающимся от него (Пугачева. — *Ред.*) в разные места: о покорении к нему народа, о доставлении из всех мест в главный

¹ «Пугачевщина», т. I, стр. 44.

стан провианта и фуража, о разграблении господских пожитков, о отображении в крепостях и на заводах пушек и пороху и о присылке оного в Берду; рассылались также и указы для рассеяния по жителям о вступлении самозванца на престол...»¹. В этих словах довольно полно обрисована разнообразная деятельность «коллегии», попытка создания в ее лице основного правительственного органа для местностей, освобожденных от царских властей. Сохранившиеся остатки делопроизводства (а многое было сожжено при оставлении восставшими Берды) свидетельствуют о значительном объеме деятельности «коллегии».

«Военная коллегия» и атаманы и полковники на местах, особенно Чика-Зарубин, Иван Белобородов и Салават Юлаев, пытались упорядочить захват и раздел казенного и помещичьего имущества. Они стремились придать организованный характер наборам людей и доставлению средств и припасов в войско Пугачева, старались письменно оформлять акты конфискации или раздачи и т. п. В указе «Военной коллегии» 20 декабря 1773 г. «графу Чернышеву» предписывается принудить башкирских старшин отдать обратно крестьянам разграбленное у них имущество, а виновных сыскать. «Да впредь, если ж какие злодеи хотя из малого чего окажутся, то, не приемля от них никаких отговорок и не возя сюда, чинить смертную казнь...»². В другом указе «Военной коллегии» «крепостным начальникам» предписывалось: «Естли и впредь будут таковые преступники законам какие причинять обиды и разорения, то таковых, тотчас поймав, и по поимке присылать за караулом в вышереченную Военную государственную коллегию при рапорте со изъяснением их преступления, с которыми поступлено по законам»³.

На Рождественском заводе башкирский отряд Семена Илишева захватил деньги и оружие и, из них сдав большую часть «графу Ивану Чернышеву», остальное, а именно 597 руб. и «огненное оружие», оставил себе. Однако Чика-Зарубин шлет «повеление» взыскать оставшуюся сумму, расценивая поведение Илишева как «разбойническое» и грозя «заковать» его⁴. Когда крестьяне татарской деревни Измайловой в Казанском уезде прислали в Берду своего представителя для «испрошения от его императорского величества указу», — а это один из многочисленных случаев таких обращений с мест, — то «Военная коллегия» дала письменное наставление о выборе атамана, полковника, есаулов и сотников и т. д. В этом наставлении также предписывалось всяких «злодеев» сажать под караул и доставлять «Военной коллегии», а «боярскую пажить, имение, хотя тот боярин и бежал, а сколько останется после его пажить, отдав оную всю верхнейшему человеку со описанием, и сюда (т. е. Берду. — *Ред.*) репортовать»⁵, т. е. захваченное господское имущество предписывалось

¹ «Пугачевщина», т. II, стр. 113.

² Там же, т. I, стр. 45.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ Там же, стр. 47.

сохранять, составив опись, до получения распоряжения коллегии. Подобного рода факты известны в довольно большом числе.

Как ни деятельны были пугачевская «Военная коллегия» и отдельные вожаки движения, вполне преодолеть стихийность и локальность Крестьянской войны, разумеется, не удавалось. При всем том ни одна более ранняя крестьянская война не создала таких элементов организованности и дисциплинированности, как это наблюдается в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Указы коллегии из Берды и распоряжения атаманов, касающиеся наборов в войско, говорят как о присылке «ревнителев к службе его императорского величества», т. е. добровольцев, так иной раз и о принудительных наборах. Но несомненно, что в этих последних большой практической надобности не было.

Основные силы восставших в период оренбургской осады подразделялись на полки. Во главе полка яицких казаков был поставлен Овчинников, оренбургских — Подуров, во главе находившихся под Оренбургом башкир — Кинзя Арасланов, у татар — Мусса Алиев, и т. д. Во главе полка, сформированного из заводских крестьян, стоял Соколов (Хлопуша), полк из пленных и перебежавших солдат возглавлял офицер Шванович, захваченный в плен под Юзеевой и присягнувший Пугачеву. Делались некоторые попытки ввести подразделение полков на роты. «В каждой роте, — свидетельствует один из очевидцев, — считается по 100 рядовых, есаул, сотник и два хорунжих, и имеют именные списки»¹.

Артиллерия под Оренбургом находилась в ведении яицкого казака Чумакова. Однако, по свидетельству Почиталина, «лучше всех знал правило, как в порядке артиллерии содержать, сам Пугачев».

Пугачев лично производил з чин полковника и атамана, а позднее — генерала.

Однако все, что делалось для устройства войска в Берде, могло создать лишь некоторые элементы правильной военной организации, чему в известной мере способствовало скопление в пугачевском лагере значительного числа солдат из регулярных частей: к февралю 1774 г. их насчитывалось около 2 тыс. с 8 офицерами. Но большую часть этого войска составляли казаки, башкиры, заводские работные люди, помещичьи крестьяне; эта масса, естественно, не могла быстро поддаться перестройке в правильно организованную и дисциплинированную армию. В целом войско Пугачева оставалось наскоро сколоченным и разношерстным, с неопределенным и колеблющимся составом, не обученным регулярному строю и плохо вооруженным. «Списков не было, — показывал Шигаев, — потому что часто прибывали и убывали, а был счет одним командирам, коим в руки и жалованье на их команду отдавалось». Один из перебежчиков доносил Секретной комиссии для сыска по делам восставших в феврале 1774 г.: «будучи ж я в толпе у самозванца, употребляем был за казака по караулам и в то время приметил, что у него ни пароля, ни лозунга нет, и когда

¹ «Пугачевщина», т. II, стр. 389.

по пикетам в ночное время разъезжают дозоры и их окликают, то они не больше отвечают, что «казаки», а потому и можно без всякой опасности объезжать их пикеты и верным из войск ее величества»¹.

Вооружение было очень скудным и пестрым, пехотинцы из крестьян и рабочих людей редко имели огнестрельное или даже холодное металлическое оружие. Зато непрерывный массовый приток в ряды войска и мощный подъем духа среди восставших возмещали недостаток организации.

В конце ноября 1773 г. правительство Екатерины II направило против восставших карательную армию во главе с главнокомандующим генерал-аншефом А. И. Бибиковым; ему были предоставлены обширные полномочия. Уже самый факт назначения Бибикова свидетельствовал о том, что правительство вынуждено было признать огромный размах движения и политическое его значение. В Казани была учреждена Секретная комиссия, и во главе ее поставлен генерал П. С. Потемкин, родственник екатерининского вельможи. Были арестованы и отправлены в Казань первая жена и дети Пугачева в качестве живого свидетельства его самозванства. В станице Зимовейской сожгли его дом и место посыпали солью, как не подлежащее возделыванию. Царское правительство всячески пыталось устрашающим образом подействовать на воображение народа. В район восстания спешно стягивались крупные воинские силы. Положение дел представлялось Бибикову очень тяжелым: он понимал возможность дальнейшего развития движения среди крестьянства по всей России, видел в нем смертельную угрозу для самодержавно-крепостнического строя, верным слугой которого был сам. В письме к Д. И. Фонвизину он писал: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование».

В Казани была объявлена организация ополчения на средства местного дворянства. Екатерина II приняла участие в его сборе, объявив себя «казанской помещицей»; этим демонстрировалась ее солидарность с дворянством. В стягиваемых против Пугачева войсках солдаты обнаруживали явную ненадежность, тревожившую Бибикова; он писал, что «дьявольски трусил за своих солдат», опасаясь их перехода на сторону восставших². Но в регулярных частях солдаты находились под неослабным присмотром; прибытие хорошо вооруженных крупных воинских частей с опытным генералитетом и офицерством, действовавших систематически, по единому плану, не могло не вызвать поворота в худшую сторону для восставших казаков и крестьян.

29 декабря 1773 г. майор Муфель взял Самару; полковник Ю. Бибилов занял 17 января Заинск и вытеснил восставших из Мензелинского уезда. Со стороны Челябинска наступал генерал Деколонт с войсками Сибирского корпуса. 26 января Салават Юлаев потерпел поражение под Курганом, а в феврале правительственные войска заняли Красноуфимск. Был занят Воткинский завод. Накопец, от Кичуевского фельдшанца и от

¹ «Пугачевщина», т. II, стр. 389.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. сочинений, т. IX, ч. 1. М.—Л., 1938, стр. 198—202.

Самары двинулись к Оренбургу и Яику войска генералов П. М. Голицына и П. Д. Мансурова.

Но и после начавшегося крупного наступления правительственных войск, т. е. в январе — феврале 1774 г., восставшие одержали немало побед. Взятие ими Ставрополя, Гурьева, Илецкой защиты, осада Далматова монастыря и Шадринска, распространение восстания на Среднем Урале приходится на эти месяцы. Но все же преобладание силы правительственных войск стало сказываться все более заметно. 14 февраля генерал Мансуров, разбив отряды атаманов Арапова и Чулошникова, занял Бузулук, кн. Голицын 27 февраля достиг Бугуруслана и его передовые части вышли на линию р. Сакмары.

Пугачев пытался предпринять контрнаступление. Двинув вперед около 2,5 тыс. человек, он 6 марта атаковал войска Голицына у дер. Пропкиной, недалеко от г. Сорочинска, но потерпел поражение. Голицын двинулся к Татищевой крепости — к важному по своему стратегическому положению месту одного из первых крупных успехов Пугачева. Здесь Пугачев собрал около 9 тыс. человек. У Голицына было меньше (6,5 тыс.), но хорошо вооруженных регулярных войск с большим числом пушек. В разыгравшемся 22 марта сражении под стенами Татищевой, которое длилось 6 часов, восставшие боролись отчаянно, но были разбиты наголову. Они потеряли около 2 тыс. убитыми, около 4 тыс. ранеными и пленными и 36 пушек. Разбиты были лучшие силы Пугачева. На следующий же день, 23 марта, рано утром Пугачев вынужден был спешно оставить Берду. Осада Оренбурга была снята. 31 марта в город вступили войска Голицына. В те же самые дни, а именно 24 марта, подполковник И. И. Михельсон разбил Чику-Зарубина у с. Чесноковки под Уфой. Через несколько дней сам Зарубин был взят в плен.

Пугачев пытался пробиться к Яицкому городку, но безуспешно, так как дороги были перехвачены правительственными войсками. Он устремился в противоположном направлении и 26 марта неожиданно опять занял Каргалы (к северу от Оренбурга), а затем Сакмарский городок, пытаясь найти возможность удержаться в районе Урала или на р. Яике. Находившийся при Пугачеве Кинзя Арасланов заверял его в возможности и впредь рассчитывать на крупные силы башкир. В слободе Каргалы и Сакмарском городке вокруг Пугачева собралось опять несколько тысяч человек. Здесь, в горной местности, восставшие рассчитывали продержаться до прихода башкирских подкреплений, но 1 апреля войска Голицына нанесли им второе поражение и вытеснили из Каргалы и из Сакмарского городка. В этом бою Пугачев потерял 400 убитыми, в том числе председателя «Военной коллегии» Витошнова, и более 2800 пленными. В числе пленных оказались виднейшие деятели лагеря восставших: члены «Военной коллегии» Шигаев, Почиталин, Горшков, полковник оренбургских казаков Подуров. Еще раньше каргалинские старшины схватили и отослали в Оренбург Соколова (Хлопушу). Рассеян был почти весь состав лиц, руководивших движением в период оренбургской осады. Овчинников

и Перфильев были в это время в Яицком городке, куда их направил Пугачев сразу после сражения под Татищевой. У Пугачева оставалось лишь около 500 чел., с которыми он и прошел дальше в горы, в заводской район Башкирии. В начале апреля генерал Мансуров стал занимать крепости Яицкой линии и 16 апреля вошел в Яицкий городок. Овчинников и Перфильев пытались его остановить, но потерпели поражение (на р. Быковке). Им удалось затем через Бугуруслан и Бугульму пробиться к Пугачеву и вновь соединиться с ним, но атаман Яицкого войска Каргин (выбранный в январе 1774 г.), Толкачев и другие были перехвачены. Арестована была и «царица» Устинья.

В правительственных кругах торжествовали. Сменивший Бибикова (умершего 9 апреля в Бугульме) кн. Ф. Ф. Щербатов, в ответ на предложение шацкого дворянства выставить за свой счет конный корпус, писал, что в этом уже нет нужды, так как Пугачев хотя и скрылся внутрь Башкирии, но скоро будет пойман.

Впереди, однако, был новый подъем движения, которому суждено было принять особенно грозное для феодально-крепостнического государства развитие именно летом 1774 г.

Апрель 1774 г. Пугачев провел на Урале, на Воскресенском, Авзяно-Петровском и около трех недель на Белорецком заводах. К нему опять стали отовсюду стекаться большие толпы заводских и помещичьих крестьян, казаки, пробиравшиеся с Сакмары и Яика, и народы Поволжья. При появлении Пугачева опять началось движение в Башкирии. На уральских заводах огромную энергию развивал Белобородов, формируя новые силы. К началу мая на Белорецком заводе собралось до 5 тыс. чел. Здесь воссоздалась в новом составе «Военная коллегия», завязавшая опять переписку с местами.

5 мая Пугачев взял Магнитную (около нынешнего Магнитогорска) — одну из крепостей Верхне-Яицкой дистанции. Здесь он соединился с Белобородовым, который привел большой отряд работных людей, а также с Овчинниковым и Перфильевым, прибывшими с Яика с 300 казаками. В середине мая Пугачев овладел рядом других крепостей Верхне-Яицкой дистанции, в том числе Троицкой. Он находился теперь к востоку от Уральского хребта и двигался в направлении к Челябинску. Казалось, что повторяется такое же нарастание успехов, как в сентябре предыдущего года. Среди властей опять возникла тревога, тем более что сведения о местонахождении самого Пугачева были смутны. Под Троицкой крепостью Пугачев собрал около 10 тыс. чел. Но это войско было еще хуже вооружено и еще менее пригодно для больших военных действий, чем в свое время «главная армия» под Оренбургом. 21 мая генерал Деколонг разбил Пугачева под Троицкой крепостью. Это было четвертое, большое поражение Пугачева: он потерял более 4 тыс. убитыми и пленными, почти всю артиллерию и огромный обоз. Но поражаемый в одном месте, Пугачев быстро восстанавливал свои силы в другом. При локальности Крестьянской войны именно быстрые переходы Пугачева с места на место,

хотя бы и в результате поражений, давали ему возможность пополнять свои потери все новыми и новыми людскими ресурсами.

От Троицкой крепости, пробираясь горными переходами на северо-запад, Пугачев вышел на р. Миасс, проследовал через Чебаркуль, Златоуст и Саткинский завод. 3 июня у дер. Лягушиной ему нанес поражение Михельсон, который с этого времени стал его главным преследователем. Но в последующие же дни Пугачев соединился с Салаватом Юлаевым и 3 тыс. башкир. Опять широко расходились по Башкирии пугачевские манифесты, вызывая всюду движение. Развитие восстания в Башкирии спутало карты врагов. Михельсон, утратив сведения о местонахождении самого Пугачева, повернул в сторону Уфы, а Пугачев ушел в сравнительно свободную от правительственных войск сторону. Действуя вместе с Салаватом Юлаевым, он взял Красноуфимск, а затем Осу (21 июня). Правительственные войска, собранные в этом городе, насчитывали до 1100 чел. Тем не менее и несмотря на неудачу предпринятого Пугачевым штурма, защитники Осы сдались ему во главе с командовавшим майором Скрипицыным, уверовавшим, по словам очевидца, что перед ним действительно Петр III. Из сдавшихся частей был создан особый «Казанский» полк. 27 июня Пугачев был на Ижевском заводе. Он теперь находился на главном казанском тракте и шел прямо к этому крупнейшему центру Поволжья, не встречая серьезных препятствий на своем пути. Взяты были Сарапул, Запск, Елабуга. В Казани и ее окрестностях среди дворян, чиновников и купцов царило полное смятение, а в народных массах — радостное возбуждение. Силы двигавшегося вперед войска Пугачева бурно нарастали, как катящийся снежный ком. Во многих селениях крестьяне поголовно уходили с Пугачевым. Под Осой у Пугачева было 8 тыс. чел., а когда 12 июля он подошел к Казани, в его войске было уже 20 тыс. Под Казанью разыгралось одно из наиболее крупных сражений за всю историю Крестьянской войны 1773—1775 гг. Войска Пугачева атаковали город четырьмя колоннами, с четырех сторон, и заняли его; оборонявшиеся ополченцы из жителей были быстро смяты или перешли на сторону атакующих. Но в казанском кремле заперлись наиболее боеспособные части правительственных войск во главе с П. С. Потемкиным. И здесь раздавались голоса, что следует сдаться. Потемкин тут же в кремле повесил двоих и только «тем устранил всех и принудил к повиновению». Город за пределами кремля почти весь сгорел.

Среди освобожденных в Казани колодников оказались жена и дети Пугачева; он затем возил их с собой и проявлял заботу о них, говоря, что это — семья «друга моего Емельяна Пугачева, который замучен за меня в тюрьме под розыском».

Пугачев готовился к штурму казанского кремля, но в тот же день к Казани подошел Михельсон, снова напавший на след Пугачева. Здесь произошло еще два сражения. После первого из них Пугачев оставил Казань, но, отойдя на 20 верст, собрал новые силы и 15 июля пытался вновь овладеть городом. Он понес новое, сильнейшее поражение, потеряв

около тысячи убитыми; все его 20-тысячное войско было рассеяно или взято в плен. Среди пленных был Белобородов. Пугачев 17 июля лишь с 400 спутниками переправился на правый берег Волги. Таким образом, войска Пугачева были очень быстро вытеснены из Казани, однако взятие и сожжение восставшими одного из крупнейших городов империи произвело огромное впечатление.

На правом берегу Волги и к западу от нее появление Пугачева явилось сигналом к такому бурному и стремительному развитию крестьянского восстания, что оно далеко превзошло события всех восьми месяцев войны. Восстание развевалось теперь в сравнительно густо населенных местах, среди огромных масс помещичьих и государственных крестьян нерусских народностей. Перенесение его в центр страны становилось теперь очень вероятным, и это потрясало ужасом дворян во всей империи. Действительно, лишь часть волжского правобережья, которая была охвачена восстанием летом 1774 г., насчитывала 3 млн. населения.

19 июля Пугачев был в г. Цивильске, 20-го — в г. Курмыше; он двигался прямо на запад от Казани, в направлении к Нижнему Новгороду. Здесь, к западу от Волги, не было крупных правительственных сил; они были стянуты в Башкирию и Приуралье и остались у Пугачева позади. Оказавшийся к нему ближе других Михельсон мог только идти за ним по пятам, стараясь его настигнуть, но после Казани это ему долго не удавалось. Однако идти дальше, прямо на запад, к центру страны Пугачев не решился, понимая трудность действий в центре, где в руках господствующего класса имелись наиболее крупные военные и административные ресурсы. Дойдя до р. Суры, он повернул на юг и пошел сначала параллельно течению Волги, поодаль от нее, а затем вышел к правому ее берегу, пытаясь уйти опять на одну из казачьих окраин.

Повернув на юг, Пугачев 23 июля был в г. Алатыре, где провел два дня, 27 июля — в Саранске, 1 августа — уже в Пензе, в 120 верстах от Саранска. Здесь он пробыл всего лишь три дня. Его стали настигать передовые кавалерийские отряды из частей Михельсона; сам Михельсон задерживался, отвлеченный в сторону ложным известием, что Пугачев направился к Арзамасу.

4 августа Пугачев занял Петровск, а 6 августа — Саратов. Он оказался опять в районе расположения правительственных войск, но переход на его сторону части солдат и большинства жителей дал ему возможность легко овладеть Саратовом. Пугачев пошел дальше, двигаясь вдоль Волги. К нему присоединилось около 1 тыс. волжских судовых рабочих; восставшие передвигались не только пешком, но и спускались по реке на захваченных ими судах.

16 августа восставшие крестьяне под руководством Пугачева одержали свою последнюю победу над правительственными войсками в битве на р. Пролейке, недалеко от Дубовки. Победой они были обязаны главным образом переходу на их сторону солдат, донских казаков и калмыков. После этого сражения была занята Дубовка — центр волжского казачьего войска.

Пугачев шел вперед, всюду находя народные массы вполне готовыми к его встрече. Обычно народное движение разгоралось уже при первых слухах о его приближении. Крестьяне одного из сел Кадомского уезда еще весной приняли на сходе решение послать ходоков к «императору Петру Федоровичу» с прошением, чтобы им не быть за помещиком. В Нижнеломовском уезде «все, как помещичьи крестьяне, так и однодворцы, идут к нему (Пугачеву.— *Ред.*) в повиновение и присягают»¹. Однодворцы этого уезда послали представителей разыскивать «команду государя Петра Федоровича» и звать ее в г. Нижний Ломов. Экономические крестьяне Тамбовского уезда в ожидании Пугачева исправляли дороги, мосты и заранее готовили для «Петра III» и его войска провиант².

Пламя Крестьянской войны бушевало не только в непосредственной близости от пути следования армии Пугачева, но и далеко в стороне от него. Восстание вспыхнуло в г. Инсаре и его уезде и в соседнем Краснослободском уезде; в бассейне р. Мокши восставшие заняли города Троицк, Наровчат, Нижний и Верхний Ломов, Темников, осаждали и лишь случайно не взяли г. Керенск. Здесь сформировались многочисленные отряды крестьян, действовавшие отдельно и самостоятельно, во главе с руководителями из местных крестьян — Петром Евсевьевым, Яковом Ивановым, Михаилом Евстратовым. В Пензенском и Петровском уездах действовали в качестве «полковников» и «атаманов» братья Иван и Алексей Ивановы из крестьян голицынских вотчин. О них впоследствии, когда они были пойманы, П. И. Панин писал Екатерине II как о «знаменитых» атаманах. В этом же районе и дальше к югу известен атаман Каменский из острогожских украинцев. Эти отряды (в некоторых насчитывалось до 3—4 тыс. чел.) то соединялись вместе, то распадались. Несмотря на тяжелые поражения при столкновениях с правительственными войсками, они иногда воссоздавались вновь через каких-нибудь несколько дней. Восстание охватила также Борисоглебский, Новохоперский и Тамбовский уезды Воронежской губернии.

Восставшие вешали помещиков и приказчиков, управителей казенных и экономических волостей, чиновников в уездных городах. Кое-где в мордовских селениях были повешены и священники.

В отдельных случаях в ряды восставших становились купцы. Многочисленны и факты участия сельского и даже городского духовенства в восстании. Известен, например, переход саратовских купцов на сторону Пугачева. Инсарский купец Дубцов оказался даже главарем небольшого отряда, в котором находился и священник дворцового села. Но все это — только эпизоды, так же как не характерны и отдельные случаи, когда чиновники или офицеры-дворяне оказывались, вольно или невольно, на стороне Пугачева. В движение пришли огромные массы крепостного крестьянства, экономические крестьяне и однодворцы.

¹ «Пугачевщина», т. III, стр. 126.

² Там же, стр. 150.

По официальным данным, за все время Крестьянской войны восставшими было убито или казнено 3 тыс. чел. (2791 чел.— без сведений из ведомостей 14 городских канцелярий), из них больше половины — дворяне. Несомненно, что значительное большинство этих потерь, понесенных господствующим классом, приходится на лето 1774 г.

Для правительства помещиков летом 1774 г. положение было грозным не только в районах, непосредственно охваченных восстанием. К западу и северу, все ближе к центру дворянской империи, наблюдались факты, возбуждавшие смятение и ужас в дворянстве и глубочайшую тревогу в петербургском придворном мире. В своем донесении императрице от 13 августа П. И. Панин писал: «Искры ядовитого огня от настоящего самозванца и употребляемых от него ко всей черни прельщений зачинают пламенем своим пробиваться не только в тех губерниях, коими сам злодей проходил..., но обнимают и здешнюю Московскую и Воронежскую губернии»¹.

Очень тревожные сведения сообщали местные власти своему начальству из Шацка, Сапожка (Рязанского), Гремячего и самой Рязани, донося о случаях открытого «ослушания» крестьян, которые на своих многочисленных сходах «в великом азарте» принимали решения не повиноваться более властям и вели «толкования» о Пугачеве².

Московский главнокомандующий М. Н. Волконский вел на эту тему переписку с воеводскими канцеляриями Переяславля-Залесского, Волоколамска, Можайска, Дмитрова и других городов Московской губернии. Сама Екатерина II сообщила Волконскому полученные в Петербурге сведения из Тулы, «будто там между ружейными мастеровыми беспокойно»³.

Малоярославецкая уездная канцелярия доносит в Москву, что «коллежского асессора Гончарова фабричные 3 человека при объявлении им осторожности от Пугачева... говорили касательно того непристойные речи». Они были отосланы в Тайную экспедицию. Волконский сообщает о принятых им мерах «ловить разгласителей и возмутителей, как уже таковой в Коломне и пойман, и теперь в Тайной экспедиции допросы производятся».

О настроениях дворян в Москве говорит в своих записках А. Т. Болотов: «Мысли о Пугачеве не выходили у всех у нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвести огонь и поломя... И как при таких обстоятельствах не могли мы на верность и самых наших слуг полагаться, а паче всех и не без основания почитали еще первыми и злейшими врагами..., то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем

¹ Сб. РИО, т. VI, стр. 106.

² «Пугачевщина», т. III, стр. 93.

³ «Оснадцатый век». Исторический сборник, изд. П. Бартевым, кн. 1. М., 1869, стр. 146.

еще приближении к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа»¹.

По левую сторону Волги летом 1774 г. продолжал борьбу вождь мещеряков Бахтияр Каныкаев. Он стремился сохранить связь с Пугачевым и его «Военной коллегией», посылал в «коллегию», а также другим башкирским вождям рапорты и сообщения об успехах Пугачева, о взятии им будто бы Москвы.

Летом 1774 г., когда движение с необычайной быстротой охватило правый берег Волги и стало распространяться в среде главным образом помещичьих и государственных крестьян, — в это время усилилась острота выявления его классовой сущности, стало более ясным понимание восставшими целей движения. Об этом говорят прежде всего пугачевские манифесты. Знаменитый манифест, написанный сразу же после перехода Пугачевым Волги и известный в нескольких списках, самый ранний из которых датирован 18 июля, гласил: «...Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без апроку и свободяем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев — судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощенцев. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян страстие и немалые бедствия. А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим именным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев — дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет»².

Манифест свидетельствует об относительно высокой степени политического сознания, какой способна была достигнуть крестьянская война феодальной эпохи. Узко местные требования, звучавшие в первых манифестах Пугачева, здесь сменились единым, выраженным с полной ясностью и неумолимой определенностью, стремлением к уничтожению дворянской власти, самого дворянства, как класса, и к освобождению крестьян от векового гнета.

¹ «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», т. III. СПб., 1872, стр. 377—378.

² «Пугачевщина», т. I, стр. 40—41; о датировке его см. Н. Ф. Дубровин. Указ соч., т. III, стр. 87.

В относительно более развитом виде, чем в каком-либо другом памятнике крестьянских войн в России, в этом манифесте Пугачева можно видеть известные зачатки программы. Отмена крепостной зависимости, уничтожение дворянства, равенство перед законом (подвластность всех царю), отмена рекрутчины, денежных податей и поборов, передача земли — вот основные пункты этой стихийно нарождающейся программы, выраженные в манифесте с такой четкостью, какой не встречаем ни в одном из более ранних памятников, отражающих политическое мышление и кругозор восставших крестьян и казаков.

Другие из манифестов этого периода обращены к допским казакам Березовской и Антиповской станиц в надежде поднять их кр.и продвижении Пугачева к югу. Манифест призывал казаков «оказать ревность и усердие для истребления вредительных обществу дворян»¹. Автором этих манифестов был, повидимому, последний секретарь пугачевской «Военной коллегии» Алексей Дубровский (он же Ив. Трофимов), мценский купеческий сын.

Крестьяне, поднявшиеся на борьбу летом 1774 г., были глубоко убеждены, что «император Петр Федорович» принес им действительное освобождение от крепостной неволи и тяжелых государственных повинностей². В Пепзенском уезде местный крестьянин Иван Иванов, назвавший себя полковником, объявил крестьянам: «Вы-де помещичьи не будите, а будите все государевы; и, сверх того, через семь лет от подушного оклада и от рекрутского набору [государь] освобождает; а соль велит отпускать по двадцати копеек пуд»³. Отмену основных государственных повинностей мыслили лишь как временную льготу, а не уничтожение навсегда. Проявилось и стремление иметь свой, пародный суд. Крестьянам дворцовых волостей около г. Троицка местные руководители движения говорили, что нужно повесить воеводу, его товарища, управителя и подьячих и создать свое правосудие. Ходили смутные слухи и о том, что «государь Петр Федорович» вводит новые порядки владения землей: говорили, что он «землю меряет и заборы утвердил, только столбы не поставлены»⁴.

Восставшие горячо верили в то, что совершилась окончательная перемена, что существовавший гнет уничтожен навсегда. В записках современника — молодого дворянина Мертваго, находившегося в плену у собственных крестьян, рассказывается, что когда автор записок пообещал одному крестьянину заступиться за него впоследствии перед властями, то выслушал в ответ: «Врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора»⁵.

Восстание к западу от Волги развертывалось в районе с многонациональным составом населения, но замечательно, что здесь совсем не ощутимы проявления каких-либо национальных противоречий среди восставших

¹ «Пугачевщина», т. I, стр. 42.

² Там же, т. III, стр. 40.

³ Там же, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ «Русский архив». 1867, кн. 8—9, стр. 12—15, 17.

В одних отрядах соединялись русские, чуваша, татары и мордва. Разгрому в равной мере подвергались как русские помещики, так и эксплуататорская верхушка местного нерусского населения.

Итак, стремление уничтожить крепостной строй и власть дворян выступало летом 1774 г. гораздо более явственно, чем в первые месяцы крестьянского восстания; создавались некоторые наметки программы последующих преобразований, отвечавших интересам основной массы населения страны в целом, а не специфически местным нуждам; летние месяцы 1774 г. — самая знаменательная пора в истории Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. Однако в организационном отношении движение на последнем своем этапе оказалось еще более слабым, еще более стихийным, чем на Яике и в Приуралье. События развивались настолько стремительно, сам Пугачев двигался так быстро, что не успевали сложиться даже те примитивные формы организации, какие были в лагере с. Берды. Хотя при Пугачеве существовала и в это время «Военная коллегия», которая пыталась наладить связи и переписку с разными местами, но самые обстоятельства весьма мало благоприятствовали развитию ее деятельности.

Формы вовлечения людей в движение были разные. Часть восставших крестьян принимала наименование казаков, стриглась по-казачьи и, образуя отряды, уходила к самому Пугачеву или действовала самостоятельно, переходя с места на место. Там, где проходил Пугачев, производились и принудительные наборы в его войско, но в огромном большинстве в «казаки» шли добровольно. «Казаками» все же становилась только меньшая часть восставших. В отдельных местных партиях «казаков» насчитывалось иногда всего лишь по несколько десятков человек и даже меньше десятка. Большинство населения, восставая, расправлялось с местными властями и помещиками, при этом вооружались как могли, приглашали к себе пугачевских атаманов и казаков или самого «Петра Федоровича», встречали его с колокольным звоном, присягали ему, но в «казаки» не шли и оставались на месте.

Как скудно было вооружение восставших в эту пору, свидетельствуют многочисленные показания источников. Согласно рапорту из воеводской канцелярии Керенска, в отряде напавшего на город атамана Якова Иванова насчитывалось до 2 тыс. чел., 2 пушки и 10 ружей¹. В войске самого Пугачева при подходе его к Царицыну из 6 тыс. чел. «только почесть оружейных тысяч и с две, а то все без всяких орудий», причем в обозе из 500 с лишним повозок ехало «многое число жен и обоего пола детей». Другой свидетель, видевший войско Пугачева между Саранском и Пензой, говорит, что в нем было людей тысяч до двух с разным оружием, а у большей части имелись обожженные колы и ножи. В небольших отрядах «казаков» (в десять или менее человек) оружие состояло обычно всего из двух-трех рогатин, тесаков и «разного дреколья»². Неудивительно, что

¹ «Пугачевщина», т. III, стр. 128.

² Там же, т. III, стр. 62; С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 100—101.



Е. И. Пугачев в заточенье. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.

Государственный Исторический музей.

при таком вооружении, при полном отсутствии выучки и очень слабой дисциплине среди восставших регулярные правительственные войска имели неизмеримое превосходство на поле сражения.

Крестьянская война 1773—1775 гг., и особенно ее второй этап (лето 1774 г.), как нельзя лучше иллюстрирует слова В. И. Ленина: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹.

За 8 месяцев Крестьянской войны в правительственных войсках сменилось четыре главнокомандующих: А. И. Бибиков, Ф. Ф. Щербатов, П. М. Голицын, наконец, П. И. Панин. В начале сентября 1774 г. из Дунайской армии на помощь Панину прибыл А. В. Суворов, ставший во главе правительственных войск, преследовавших армию Пугачева.

Панину были предоставлены исключительно большие полномочия. Ему подчинялись все учреждения и должностные лица Казанской, Оренбургской и Нижегородской губерний. В его распоряжение поступили свежие полки. Войска заняли Донскую область, чем было предотвращено там восстание казацких низов. Войска стягивались не только в Поволжье, но и к границам Московской губернии, чтобы преградить сюда путь восставшим.

21 августа Пугачев подошел к Царицыну, но не смог взять его; к нему приближались с севера отряды Михельсона. Не задерживаясь, Пугачев обогнул Царицын, занял Сарепту (ныне Красноармейск) и пошел по направлению к Черному Яру. Не доходя 40 верст до города, у так называемой Сальниковой ватаги, его настиг 24 августа Михельсон. Произошло последнее за время Крестьянской войны большое сражение. Пугачев потерял 2 тыс. убитыми и 6 тыс. пленными; в числе погибших был Овчинников, только что произведенный Пугачевым в чин генерал-фельдмаршала. С несколькими сотнями человек Пугачев переправился за Волгу; он излагал своим спутникам разные планы дальнейших действий — ухода то к низовьям Яика и туркменскому берегу Каспийского моря, то в Сибирь или Казахстан, то в Запорожье. Но яицкие казаки заставили его идти степью на Узени, чтобы пробраться на Яик. Группа казаков во главе с Твороговым и Чумаковым давно уже замыслила выдать Пугачева властям, чтобы этим предательством купить себе «прощение» Екатерины II; они отобрали лошадей у «разночинцев», т. е. у всех не-казаков, переправившихся вместе с ними за Волгу, бросив их в степи на произвол судьбы. С Пугачевым остались только казаки — участники заговора. Схваченный ими Пугачев был привезен 15 сентября в Яицкий городок, затем в Симбирск и доставлен в Москву².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

² Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. III, стр. 254 и др. Допрос Пугачева — см. сборник документов «Восстание Емельяна Пугачева», стр. 178—179.

Дворянство торжествовало победу и ознаменовало ее жесточайшей массовой расправой над восставшими.

По официальным рапортам П. И. Панина, за время его командования, по существу лишь в августе и сентябре 1774 г., было уничтожено в сражениях 10 тыс. восставших и взято в плен 9 тыс. По приговорам одного только главнокомандующего казнено на месте 326 чел.; кроме того, казни производились повсюду по распоряжению начальников отдельных частей правительственных войск. Не меньшим было число запятанных при допросах и умерших в тюрьмах; среди этих последних были даже такие ценные для властей и производимого ими розыска пленники, как последний секретарь Пугачева — Дубровский. Число колодников в одном Оренбурге уже весной 1774 г. дошло до 4700.

По приказам Панина начальники отдельных частей при занятии селений, охваченных восстанием, должны были требовать выдачи «зачинщиков» под угрозой повешения по жребью каждого третьего жителя. Если же «зачинщики» не обнаруживались, то, гласил приказ, «и действительно со того по жеребью казнить. А протчих, всех тех, кои соучаствовали в убийстве своих начальников и помещиков, пересечь под виселицами нажесточайшим образом плетми. И во всяком таком жиле (селении.— С. М.), которое бунтовало противу законного повиновения, приказывать поставить виселицу, колесо и глаголы для вешания за ребро, объявляя: естли вперед кто в том селении дерзнет бунтовать или не толко признавать, но и произносить самозванца именем покойного императора Петра третьего, или же кто таковых произносителей или подсылных к их возмущению не переловит и в канцелярии или команде... не представит,— таковых селений все, без изъятия, возрастные мужики, холопы барские и всякого звания люди будут... беспощадно переказнены мучительнейшими смертями, а жены и дети их отосланы в тягчайшие работы»¹. Казни по жребью — наиболее гнусное проявление массового правительственного террора — практиковались также на местах воеводскими канцеляриями по собственной инициативе.

Правительство стремилось погасить пожар Крестьянской войны, заливая его кровью. В Оренбурге, Казани, Симбирске, Москве работали секретные комиссии, допрашивая, пытая и казня тысячи людей.

Еще 30 июня 1774 г., раньше других руководителей восстания, был казнен в Оренбурге Соколов (Хлопуша). 5 сентября в Москве состоялась казнь Белобородова. 10 января 1775 г. там же, на Болотной площади, были казнены Пугачев и его соратники Перфильев, Шигаев, Подуров и Торпов. Приговоренного к смерти Чику-Зарубипа отправили для казни в Уфу. Салават Юлаев был бит кнутом в семи населенных пунктах Башкирии, получив в совокупности 175 ударов, ему вырвали поздри и затем сослали на каторгу; вместе с ним был сослан его отец Юлай Азналин, получивший перед этим столько же ударов кнутом; ему также вырвали поздри.

¹ «Пугачевщина», т. III, стр. 297.



Вырывание поздрав у осужденного. Гравюра Х.-Г. Гейслера, конец XVIII в.

Были биты кнутом и отправлены на каторжные работы Почиталин, Горшков и Ульянов. Такова была участь главнейших руководителей движения.

Долго не затихали отголоски Крестьянской войны. Борьба правительственных войск с мелкими отрядами восставших, особенно в Поволжье и в верхнем течении Дона, длилась в 1774—1775 гг. Дворяне просили у Панина «малых команд» для приведения «в совершенное послушание их крестьян»¹. Однако в народе не исчезала вера, что восстание еще продолжается. Могучее стремление к борьбе и победе, обнаружившееся с такой силой в восстании, не угасало, несмотря на все поражения и преследования. Эта воля к борьбе и надежда на ее продолжение прозвучали в замечательных словах самого Пугачева, брошенных в лицо Папину на допросе в Симбирске: «Я не воробей, я — вороненок, а ворон-то еще летает».

Как о Степане Разине в XVII в., так и о Емельяне Пугачеве в конце XVIII в. стали слагать многочисленные песни, сказания, легенды.

В росте классового самосознания крестьянства и в страхе, внушенном господствующему классу крестьянским движением, в расшатывании феодально-крепостнического строя заключается огромное прогрессивное значение Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Каковы причины, которые привели и эту крестьянскую войну к поражению? Несомненно, что Крестьянская война 1773—1775 гг. содержала больше элементов организованности, чем крестьянские движения под руководством Болотникова и Разина; в ней более отчетливо проявились

¹ «Пугачевщина», т. III, стр. 82.

антифеодалные настроения крестьянства. Но в целом Крестьянская война все же носила стихийный характер. Это сказывалось в отсутствии единого руководства, которое заранее определило бы цели восстания, выработало бы общую стратегию и тактику борьбы, дало бы массам четкие мобилизующие лозунги. Народные массы оставались в значительной степени под воздействием монархических иллюзий, проявившихся особенно ярко в самозванстве Пугачева. Войско восставших, хотя и одушевленное сознанием правоты своего дела, по своей организации, вооружению и дисциплинированности значительно уступало регулярной правительственной армии.

Такого руководства, которое способен придать народному движению пролетариат, когда он появляется на исторической арене, той высокой сознательности и организованности, какие он вносит в освободительную борьбу, в восстании 1773—1775 гг. еще не было и быть не могло.

4

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОРЬБА РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ В 70—80-х ГОДАХ

Значение крестьянского движения конца 70—80-х годов XVIII в. определяется его положением между двумя крупными народными антикрепостническими выступлениями: Крестьянской войной под руководством Е. И. Пугачева и охватившим большое число губерний новым подъемом крестьянских восстаний середины 90-х годов этого столетия.

Поражение Крестьянской войны 1773—1775 гг. и наступившая вслед за тем жестокая реакция не могли не сказаться на народном движении. В ближайшие годы после окончания Крестьянской войны оно несколько затихло: крестьяне находились под впечатлением кровавой расправы с восставшими. Вместе с тем углубление противоречий в экономике страны повлекло за собой оживление борьбы народных масс и определило ее характер в 70—80-х годах.

В течение всего двадцатилетия после поражения Пугачева к правительству поступали сведения, что в народе с сочувствием и надеждой публично вспоминают имя вождя народного движения и его ближайших соратников; ходила молва, что Пугачев («Петр III») или тот или другой из его атаманов жив, что они скоро вернутся «доделывать свое дело». Распространители молвы привлекались к дознаниям и подвергались расправе в карательных органах. Уверенность в спасении Пугачева была настолько жива и сильна, что указывалось, где он находится, где собирает себе новые силы. Не случайно назывались при этом районы притяжений и пребывания беглого крестьянства, рабочих людей и мещан — районы концентрации антикрепостнических сил. В некоторых местностях называли низовья Дона, в других утверждали, что спасшийся «царь» находится на Урале — в районе, тесно связанном с событиями Крестьянской войны и в то же время служившем прибежищем для беглого люда. Крестьянин в Свияжском уезде Казанской губернии говорил, что «Петр III» жив и у него

уже есть стотысячное войско на уральских горах, и в будущем (1779) году «будет великое попрежнему в России замешательство»¹.

Был известен рассказ о преемниках Пугачева, среди которых популярностью пользовалось имя Метелкипа, или Метелки, который якобы заменит погибшего предводителя Крестьянской войны. О нем, например, говорили в 70-х годах тюменский мещанин Соколов в Златоусте, солдат Андрей Краюхин и крестьянин Ярославского уезда Тихон Игнатьев в Москве; Краюхин замечал при этом: «щуку-де поймали, а зубы-де остались». В связи с расследованием последнего дела, в солдатской и крестьянской среде стали распространяться слухи, что если солдаты будут посланы против Метелкина, то они перейдут на его сторону, а возвратясь в Москву, уничтожат там все большие (т. е. дворянские) дома.

Имя Метелкина как ожидаемого предводителя народных сил держалось в памяти народа долго и было популярно еще в первые десятилетия XIX в. Это имя носил один из атаманов времени Пугачева, Игнат Заметаев, он же Запрометов, действовавший со своим отрядом на Волге. После подавления народного движения, Заметаева-Метелкина для острастки публично избивали кнутом во многих городах Нижнего Поволжья, что очевидно, и способствовало популярности его имени в народной среде².

В подобной обстановке оживленных слухов о самозванцах появилось несколько человек, пытавшихся по примеру Пугачева объявить себя Петром III.

Чаще всего самозванцы выходили из районов, куда стекались беглые люди. Это было преимущественно Придонье, Степная Украина, Нижнее Поволжье и Заволжье — те места, где в XVIII в. возникали крупные народные движения. Отметим самозванца, назвавшего себя донским казаком Максимом Ханиным. По его показаниям, данным под пыткой, он намеревался поднять широкое народное движение. Вдохновителем Ханина был один из участников Крестьянской войны 1773—1775 гг., уральский казак Оружейников (в Крестьянской войне принимал участие и сам Ханин), встретившийся с ним в Самаре в 1778 г. Предполагалось, что когда движение разрастется от Урала до Запорожья, то восставшие пойдут на Москву и Петербург, императрицу посадят под арест, «а знатных всех особ истребят на смерть». Однако массовое движение не возникло, Ханин же весной 1780 г. попал в руки властей³.

Живучесть представления о возможности добиться освобождения от гнета, подавая просьбы на царское имя, проявилась в движении крестьян-карел Бежецкого уезда Тверской губернии. Считая себя неправильно закрепощенными, они еще в 1751, 1762 и 1763 гг. подавали о том жалобы в Сенат, которые не дали результатов. В ноябре 1780 г. крестьяне вновь решили возобновить попытки добиться свободы. Способ их действия

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. VII, д. 2477, 1777 г.

² К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», кн. 31, стр. 122.

³ Там же, стр. 126—127.

первоначально оставался прежний: в Петербург отправились ходоки, чтобы подать просьбу о раскрепощении непосредственно Екатерине II. Но вскоре мирный по форме протест был поддержан вооруженным выступлением крестьян. Они «большою толпою, с рогатинами и бердышами» подходили к господскому дому и кричали, что не будут слушаться ни помещика, ни его жены, так что вся помещичья семья должна была покинуть деревню. Крестьяне заявляли, что не будут повиноваться ни прибывшей на место полицейской команде, ни священнику, уверяя, что их просьба в Петербурге будет уважена. «Если же команда тронет их,—говорили восставшие,—то они ее перебьют, как бы ни была она велика». Крестьяне угрожали, что «в случае пужды им помогут крестьяне и других помещичьих вотчин»¹.

В том же северо-западном районе, где крестьяне находились в худших условиях, чем во многих других местностях Европейской России, в 70—80-х годах произошел ряд довольно крупных крестьянских выступлений. Значительное обострение социальных отношений вызывалось тем, что помещичьи крестьяне получали в надел скудную и неплодородную землю, притом в явно недостаточном количестве, и в последней четверти века испытывали на себе чрезвычайно возросший нажим со стороны помещиков, ставших на путь развития товарного хозяйства. Близость края к крупным рынкам сбыта, к петербургскому и другим прибалтийским портам, побуждала помещиков собирать с крестьян в возможно большем количестве натуральный продукт в форме оброка и незамедлительно, при помощи крестьянского же труда, отправлять в города и превращать его в деньги.

Один из крупных крестьянских протестов, переросший в открытое массовое сопротивление крестьян помещику и правительственным властям, произошел в имении графа М. Ф. Апраксина в Порховском уезде Псковской губернии². Непосредственной причиной движения послужило резкое повышение оброка в 1775 г. в связи с тем, что помещик Апраксин «рассудил иметь льном торг». Лен этот должны были доставлять крестьяне (на деле оп ими покупался), они же обязывались оплачивать и все накладные расходы по доставке товара в Петербург. В результате вместо прежнего денежного оброка в этой вотчине в 3 руб. с копейками с «души» мужского пола крестьяне вынуждались нести повинности, исчислявшиеся ими в 31 р. 46 к. К оброчным требованиям присоединялись повинности барщинного порядка. Наиболее обременительными были обязанности по доставке льна в Петербург и Ригу, что надолго отрывало крестьян от их хозяйства. Положение обострялось свирепым взысканием недоимок: плети и кандалы, ссылка на каторгу и штрафы, бритье головы и бороды практиковались в самых широких размерах.

Сопротивление крепостных Апраксина началось в 1777 г.; уже за этот

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 1903, стр. 446—447.

² И. Л. Рубинштейн. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х г. XVIII в. (По материалам Псковской, Новгородской и Тверской губерний). «Исторические записки», кн. 40, стр. 142—149.

год, по сообщению местного начальства, помещик, в силу сопротивления крестьян, не получил со своей вотчины никаких доходов. Весной следующего года крестьяне изгнали управителей. Движение разрасталось, охватывая крестьян соседних помещиков. Для усмирения правительство прислало значительные воинские силы. Солдаты, расположенные в восставших деревнях на длительный постой, разоряли крестьянские хозяйства. Тем не менее крестьяне не сдавались. Они уходили в леса и не давались в руки карателей. В своем письме начальнику карательных войск они писали: «На господскую работу ни под каким видом итти не желаем, и стоит вся наша вотчина в том, как и прежде стояла единогласно, так и ныне единогласно». Крестьяне тут же заявляли, что если их односельчане, захваченные силой, подпишут, не выдержав мучений или от страха, какое-либо условие, то оставшиеся непокорными крестьяне с этим условием не согласятся. «Каким нас страхом будут истращать и мучить, а мы стоять будем в том, как и прежде стояли»¹. Восстание было подавлено лишь к началу 1780 г.

В 1783 г. в губерниях того же района, Тверской и Новгородской, произошло крупное движение крестьян, принадлежавших помещику П. Я. Толстому. Основная причина выступления заключалась в чудовищной эксплуатации крестьян помещиком; режим в крепостной вотчине был настолько невыносим, что даже генерал-губернатор, опасавшийся разрастания крестьянского движения, обратился к Толстому с увещеванием «учредить свое хозяйство, как долг помещика требует». Движение перекинулось в имение того же помещика в Осташковском уезде Тверской губернии. В прошении, поданном наследнику Павлу Петровичу, крестьяне писали, что приведены в «копечное разорение и великие паложенные неслосные поборы, тягости и обиды и наижесточайшие тяжкие работы и невозможные к платежу оброки, а, напротив того, и бесчеловечно мучительные напрасные наказания господина нашего». Когда на место прибыл земский суд, крестьяне оказались вооруженными не только рогатинами и дреколем, но и ружьями. Несмотря на угрозы и уговоры, они не сдавались и выражали уверенность, что ходоки в Петербурге найдут управу на помещика. Против восставших было двинуто гарнизонное войско. Дело кончилось жестокой расправой с крестьянами, из которых трое были убиты и 22 ранены².

Частые и значительные крестьянские волнения возникали и в губерниях земледельческого центра. В 1776 г. в Ливенском уезде Орловской губернии произошло едва ли не самое значительное выступление крестьян за рассматриваемый период. Движение зародилось в среде однодворцев под руководством однодворца Ивана Сергеева. Разуверившись в мирных попытках получить ограждение от наступающих на однодворцев помещи-

¹ Н. Л. Рубинштейн. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х г. XVIII в. «Исторические записки», кн. 40, стр. 150—151.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, СПб., 1903, стр. 451—453.

ков, он перешел к организации прямой расправы с ними. Сергеев, как писали местные власти, говорил крестьянам, «будто бывший третий император Петр Федорович здравствует и он, Сергеев, имеет от него указ сыскивать дворян».

Движение однодворцев подготовлялось заранее: в ночь накануне выступления, его руководители, в числе более 50 чел., собрались в доме однодворца Дементия Маслова, где после совещания «чинили присягу». Затем был созван общекрестьянский сход. В восстании приняло участие до 300 чел. Однодворцам удалось привлечь на свою сторону некоторую часть помещичьих крестьян. За короткий срок восставшие уничтожили пять помещичьих усадеб.

Восстание это напугало правительство и помещиков края. Сообщалось, что оно «во всем подобно пугачевской толпе», что все однодворцы готовы незамедлительно выступить на его поддержку. Правительству удалось подавить восстание только спустя десять дней после его начала, когда на место восстания были двинуты значительные воинские силы¹.

Относительно большей организованностью отличалось выступление в 1789 г. крестьян помещика Львова в Раненбургском уезде Рязанской губернии, во время которого восставшие, обороняясь в занятом ими дворе, выдержали настоящую осаду, противодействуя значительным карательным силам². Того же типа столкновения происходили в 1782 г. в имении помещика Украинцева Владимирской губернии³.

Неоднократные и значительные крестьянские выступления имели место в Среднем Поволжье и Заволжье, в губерниях Нижегородской, Казанской, Вятской. Исключительным упорством выделяются волнения среди крестьян помещика Зубова: начавшись в 1782 г., они были подавлены лишь весной 1784 г. Зубов посредством темной сделки приобрел из владений Воспитательного дома в Лаишевском уезде Казанской губернии и Малмыжском уезде Вятской губернии деревни с крестьянами. Помещик обложил крестьян непосильным оброком. По мнению крестьян, они «сами собою себя ему, Зубову, купили». Местные власти, которым крестьяне заявили протест, сочли покупку деревень Зубовым законной, однако признали, что крестьян к протесту «не сущая злость привела, а тягость платежа оброков», и что крестьяне находятся в крайней степени разорения. Однако все эти вынужденные признания не оградили восставших крестьян от жестокой расправы над ними⁴.

Помимо более или менее крупных крестьянских выступлений, происходили повседневные столкновения крестьян с помещиками, чиновниками,

¹ Ф. И. Лаппо. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. «Исторические записки», кн. 44, стр. 306—319; см. также К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», кн. 31, стр. 122—123.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, СПб. 1903, стр. 455—456.

³ Там же, стр. 448.

⁴ Там же, стр. 448—449.

церковнослужителями и полицейскими властями. Большое распространение и в это время имела обычная форма протеста — бегство из закрепощенной деревни на окраины страны, где природные условия и небольшая заселенность способствовали укрытию беглецов.

Иногда беглые крестьяне не отходили далеко от своих деревень; в ближайших лесах они создавали отряды, которые пополнялись пришельцами из других мест. Участники совершали акты мести в отношении своих притеснителей, нападали на помещиков, чиновников и духовенство, а иногда и на зажиточных крестьян, которые закабалили и разоряли своих односельчан¹.

Изучение крестьянской антикрепостнической борьбы позволяет отметить некоторые наиболее типичные черты движения данного времени. Многие выступления начинались с мирных просьб, в которых крестьяне пытались доказать, что помещик владеет ими незаконно, что поэтому они должны быть не крепостными, а государственными, или «государевыми». Хождение «за правдой» в столицу, как и самозванство, было одной из форм классовой борьбы. В это время отмечается упадок самозванства. Для активных выступлений характерно длительное сопротивление крестьян: восставшие и после прихода карательных войск не складывали оружия и с новой силой поднимались в ближайшие же годы. Движение часто перекидывалось на соседние вотчины или на поместья того же владельца, расположенные в других уездах и губерниях. Некоторое понижение активности крестьянского движения в рассматриваемое время объясняется тем, что поражение Крестьянской войны 1773—1775 гг. и усиленная бдительность реакционных сил не могли не оказывать воздействия на активность крестьянских масс. Но по своим характерным чертам, отмеченным выше, и по территориальному размаху крестьянское движение первых десятилетий после поражения Крестьянской войны было значительным явлением.

* * *

Борьба рабочих людей на мануфактурах в 70—80-х годах XVIII в. и по числу участников и по охвату отдельных мануфактур отличается от движения 50—60-х годов. Прежде всего изменился характер требований ее участников. Борьба шла за улучшение условий труда наемных людей, продающих свою рабочую силу.

Волнения рабочих людей начались в 1775 г. на казенной Красносельской бумажной мануфактуре, созданной еще в первой четверти XVIII в. Основную массу рабочих людей составляли приписанные к мануфактуре «казенные люди», а также лица, «не помнящие родства», задержанные полицией, в том числе и женщины. В 1755 г. мануфактура была передана

¹ См., например, описания бегства крестьян и действий подобных отрядов в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 18. Тамбов, 1888, стр. 34—35; вып. 32, 1891, стр. 56 и др.

в содержание Сиверсу. Согласно данной ему привилегии, Сиверс обязывался платить работным людям ту же плату, которую они получали, когда мануфактура находилась на казенном содержании. Кроме того, работные люди «судом и расправой» продолжали оставаться в ведении Мануфактур-коллегии и было запрещено переводить их на другие мануфактуры. Таким образом, привилегия, данная Сиверсу, не закрепляла за ним работных людей и они продолжали оставаться в казенном владении.

В 1775 г. вдова Сиверса продала мануфактуру лейтенанту Хлебникову. Новый владелец, затем его наследники, основываясь на купчей, заключенной с вдовой Сиверса, стали обращаться с работными людьми, как со своими крепостными: убавили им заработную плату, заставили работать полный рабочий день в субботу, тогда как раньше по субботам и в праздничные дни работа заканчивалась после полудня. Ухудшился продовольственный паек: прежде рабочие получали его мукой, а теперь зерном. Заставляли за нищенскую плату работать на мануфактуре малолетних. Жалоба, поданная работными людьми в Мануфактур-коллегию, была удовлетворена лишь частично: коллегия разрешила им прекращать работу по субботам на три часа раньше, чем в другие дни, и обязала Хлебникова попрежнему выдавать им продовольствие мукой. Такое решение не удовлетворило работных людей. Они попрежнему прекращали работу в субботу после полудня, отказывались выполнять требование владельцев мануфактуры об обязательной посылке на работу малолетних, не выполняли приказаний приказчиков, когда те посылали их на работу не по специальности. Работные люди не позволяли администрации предприятия применять телесные наказания: «мы им не крепостные», — поясняли они.

Столкновения с администрацией и волнения на мануфактуре тянулись до 1785 г. Вопрос о том, следует ли считать работных людей крепостными Хлебникова, рассматривался в Сенате, который принял сторону владельца мануфактуры. Борьба продолжалась. В 1796 г. этот вопрос рассматривался Екатериной II, и она отменила решение Сената. Было постановлено считать работных людей попрежнему казенными людьми и возместить им все убытки, которые они понесли из-за произвола владельца. Дело закончилось в 1802 г. Работным людям выплатили недодавшие им 12 тыс. руб. Между работными людьми и владельцем был заключен договор, по которому работным людям причиталось в качестве заработной платы 20% с цены проданной бумаги. Сумма эта должна была распределяться пропорционально специальности и трудом каждого¹. Таким образом, упорная борьба работных людей заставила правительство пойти на уступки и удовлетворить их справедливые требования.

Стремлением улучшить условия труда были вызваны волнения среди работных людей Копнинской бумажной мануфактуры, которая находилась в с. Пушкино Московского уезда. Во второй половине XVIII в. мануфак-

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 496—504.

тура принадлежала ассессору Угримову. Здесь работали как крепостные, купленные к фабрике, так и работные люди, переведенные временно сюда «из платежа денег по контракту». Однако как Угримов, так и впоследствии Баташева, которой мануфактура была продана в 1791 г., рассматривали работных людей как своих крепостных. Волнения на предприятии начались в 1778 г. Работные люди жаловались, что приказчик Угримова заставляет их мыть чаны, не сбавляя при этом урочного задания по выделке бумаги; женам рабочих, занятым сортировкой тряпья, платит всего по копейке с пуда; производит незаконные вычеты с тех, кто не мог явиться на работу по болезни; заставляет работать по большим праздникам. Такие жалобы характерны для людей, оторванных от крестьянского хозяйства, ставших постоянными рабочими и боровшихся за то, чтобы не допустить ухудшения условий труда.

Однако владелец мануфактуры и его приказчики не изменили отношения к работным людям: приказчики попрежнему за «непослушание» били их палками, подвергали и другим истязаниям, с мануфактуры никуда не отпускали. Мануфактур-коллегия также рассматривала работных людей как крепостных. Канцелярист, посланный для расследования жалобы, наказал нескольких работных людей плетью, а Мануфактур-коллегия разрешила Угримову двух работников отдать «за непослушание» в солдаты, а двух других отправить в Адмиралтейство для отсылки на каторжные работы. Но работные люди не позволили сослать своих товарищей. Они толпой явились в Мануфактур-коллегию с прежними требованиями. Трое тут же были жестоко наказаны плетью. Но рабочие не сдавались. Они обращались в различные инстанции, вплоть до Сената, и требовали, чтобы их считали не крепостными, а казенными приписными работными людьми. Дело тянулось до 1794 г., когда Сенат, вынужденный признать справедливость выставленных требований, признал работных людей приписными казенными людьми и обязал владелицу Баташеву платить им заработную плату «соразмерно трудам их». Повидимому, указ Сената все же не был проведен в жизнь. По крайней мере рабочие продолжали борьбу за повышение заработной платы и настаивали на том, чтобы считаться казенными людьми, а не крепостными мануфактуриста. Чтобы прекратить волнения, Мануфактур-коллегия решила перевести 11 работных людей на казенную Новороссийскую суконную мануфактуру, «не вменяя отнюдь сие им в наказание». Но работные потребовали, чтобы в Новороссийск были переведены все казенные мастеровые. Требование это Сенатом не было удовлетворено, и в Новороссийск были переведены только 11 человек с семьями. После этого волнения на мануфактуре прекратились¹.

Волнения среди работных людей неразрывно связаны с борьбой против крепостнических форм труда. Но большую роль играли и чисто профессиональные требования, характерные для наемных рабочих, например

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, стр. 504—508.

требование о повышении заработной платы, постоянно снижаемой владельцами мануфактур. Наиболее типична в профессиональном смысле, а также по форме сопротивления, борьба рабочих людей на частных кирпичных заводах в Москве. Здесь было несколько частных кирпичных заводов, на которых ежегодно работало 700—800 наемных крестьян — отходников из окружающих Москву уездов¹.

Движение возникло в июле 1779 г. на заводах Б. М. Салтыкова, Н. Павлова, И. Королькова, М. Гусятникова и др., расположенных в районе Донского монастыря. Причиной волнений послужило снижение расценок за выделку кирпича на 17—20 коп. Свыше 500 рабочих людей прекратили работу и потребовали повышения расценок с 80 коп. до 1 руб. за тысячу кирпича. Владельцы заводов пытались заменить участников движения другими работниками, но рабочие воспрепятствовали этому. Они «с прочих партикулярных заводов работников подговаривали и, согласясь с товарищами, не допускают продолжать работу как оставшимся на... заводах, так и вновь вступить... желающим»².

Заводовладельцы прибегли к помощи Каменного приказа и полиции, и совместными усилиями им удалось подавить движение на заводах. Однако на следующий год кирпичладельцы добились повышения расценок на все виды работ.

Борьба рабочих людей кирпичных заводов показывает, как с применением наемного труда изменяется форма борьбы рабочих людей и стихийно зарождается новая форма — стачка.

* * *

Народные волнения второй половины XVIII в. отличались интенсивностью и разнообразием форм. Движение охватывало все категории крестьян (помещичьих, церковных, дворцовых, государственных), все группы рабочих людей мануфактуры (приписных, вечноотданных, наемных) разных районов России. Наиболее напряженным было народное движение в Центрально-промышленном районе, в Поволжье и Приуралье.

Волнения среди крестьян свидетельствовали о глубоком стихийном протесте народных масс против феодально-крепостнического строя. Протест облекался в различные формы (бегство, подача челобитных, физическая расправа над помещиками и их приказчиками, поджог владений, в виде отдельных разрозненных волнений). В 50—60-х годах особенно напряженную борьбу вели монастырские крестьяне. Не мирясь с беспощадной феодальной эксплуатацией со стороны монастырей и церковью, они добивались перевода в категорию государственных крестьян: положение последних считалось менее тяжелым в силу их обложения определенными, точно установленными платежами и меньшей личной зависимости.

¹ *Н. В. Воронов*. Стачка московских кирпичладельцев летом 1779 г. «Исторические записки», кн. 37, стр. 292—303.

² Там же, стр. 297.

Большими размерами и продолжительностью отмечены в 60-х годах волнения среди помещичьих крестьян, которые также требовали перевода их в категорию государственных крестьян.

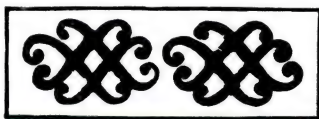
Восстание крестьян 1773—1775 гг. носило ярко выраженный противокрепостнический характер: уничтожение крепостной зависимости, тяжелых повинностей и рекрутчины являлось основным требованием восставших. Вместе с тем это движение было царистским: его участники еще сохраняли веру в «хорошего» царя.

Стихийность, неорганизованность, местный характер движения обрекли Крестьянскую войну на неизбежную неудачу. Но война имела огромное прогрессивное значение, так как будила классовое самосознание крестьянства и расшатывала феодально-крепостнические устои.

Жесточайшая расправа с участниками Крестьянской войны и мобилизация сил реакции не прекратили антифеодальной борьбы угнетенных масс, которая приобретала черты длительности, упорства и непримиримости.

Сложный социальный состав рабочих людей в 50—80-х годах XVIII в. и большая роль приписных крестьян на мануфактурах определили характер их требований и формы движения. Приписанные к заводам крестьяне требовали открепления от предприятия, возвращения к земле и облегчения крепостного гнета. Приток наемных людей, слабо связанных с деревней, заметно изменил состав рабочих людей мануфактур этого периода. В выступлениях рабочих людей последних десятилетий XVIII в. преобладали требования профессионального характера: шла упорная борьба не только против закрепощения, но и против попыток владельцев мануфактур удлинить рабочий день и уменьшить заработную плату. Осуществления своих требований рабочие люди добивались в борьбе через стихийно возникавшие стачки.

Так в условиях крупного производства с сосредоточением рабочих людей, живших главным образом на заработки, стихийно возникали требования и формы борьбы, которые получили свое развитие в рабочем движении XIX в.





ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

1

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ 1750—1773 гг. УЛОЖЕННАЯ КОМИССИЯ

Вторая половина XVIII в. характеризуется дальнейшим развитием абсолютизма в России, укреплении диктатуры дворянства и усилением бюрократизма. Значительно увеличивается централизация государственного аппарата, и коллегиальность в управлении постепенно заменяется единоначалием; в губернских и уездных учреждениях устанавливается полное господство местных дворян; разрабатывается целая система мер для предупреждения и подавления крестьянских восстаний и т. д.

Отражением сложившихся во второй половине XVIII в. социально-экономических условий является происходивший в то время рост относительной самостоятельности самодержавной власти. Неограниченная власть монарха была нужна не только господствующему классу землевладельцев, который опасался восстаний крестьян, но и купечеству, еще не настолько сильному, чтобы стремиться к своему господству, но и не настолько слабому, чтобы не заставить правительство считаться с собой.

Маркс указывал, что «абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой»¹. В России состояние равновесия еще не наступило, но зарождавшаяся буржуазия уже заявляла свои требования, вступала в противоречия с господствующим классом. Самодержавная власть, защищавшая интересы крепостников и имевшая известную самостоятельность, могла проводить мероприятия, противоречившие некоторым частным интересам дворян, но жизненно важные для купцов. Здесь самодержавная власть выступала как «кажущаяся посредница» между двумя эксплуататорскими классами.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 212.

Большую роль в этом «посредничестве» играло чиновничество, влияние которого усилилось благодаря административным мероприятиям 1750—1780 гг. Особенностью государственного строя Российской империи второй половины XVIII в. являлся рост бюрократизма.

Правительство делало ряд уступок купечеству, содействовало развитию промышленности и торговли, видя в этом «необходимые предпосылки как национального могущества, так и собственного блеска...»¹. Отмена внутренних таможенных пошлин и монополий в промышленности и торговле, созыв комиссий для составления нового Уложения, Жалованная грамота городам — эти меры самодержавного правительства свидетельствовали о возросшей самостоятельности его по отношению к классу феодальных землевладельцев.

Самодержавное правительство прикрывало иногда свои мероприятия демагогическими фразами о «пользе народной», «всеобщем благе» и т. д. Наиболее ярким проявлением «просвещенного абсолютизма» в данный период были комиссии по составлению нового Уложения, секуляризация монастырских имуществ, создание Вольного экономического общества. Эти меры не затрагивали основ феодально-крепостнического строя. Напротив, они укрепляли самодержавие экономически и политически и поэтому соответствовали интересам класса помещиков в целом. Господствующее положение продолжало оставаться за дворянством.

Это была окрепшая система чиновничье-дворянской абсолютной монархии, т. е. «...самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма...»»².

С начала 50-х годов XVIII в. внутренняя политика претерпела некоторые изменения, связанные с обрисованными выше экономическими процессами и обострением классовой борьбы³.

К 1750 г. изменился круг влиятельных лиц при дворе, власть перешла к группе Шуваловых: двоюродный брат фаворита И. И. Шувалова, А. И. Шувалов еще в 1746 г. был назначен начальником Тайной канцелярии, откуда наводил «страх и ужас на всю Россию»; родной брат Александра, Петр Шувалов, сенатор с 1744 г., теперь получил возможность осуществлять свои многочисленные проекты. Шуваловская группа приобрела тем большую силу, что группа прежнего фаворита А. Г. Разумовского и Н. Ю. Трубецкого уступила, хотя и не без борьбы, свое место и стала сотрудничать с Шуваловыми. На некоторое время сблизился с ними и обладавший огромной властью канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Консолидация придворных партий вокруг Шуваловых завершилась к началу 50-х годов⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 214.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308.

³ См. первую и вторую главы настоящих «Очерков».

⁴ Еще в 1749 г., по словам Екатерины II, Апраксин и Бестужев «творили у императрицы все, что хотели, и дело графа Лестока снова усилило их кредит» («Записки имп. Екатерины II». СПб., 1907, стр. 151).

В середине царствования Елизаветы Петровны, в 1750—1751 гг., состав Сената почти полностью обновился¹. Во главе армии были поставлены С. Ф. Апраксин и А. Б. Бутурлин. Если раньше проводником влияния придворных кругов на Сенат был Н. Ю. Трубецкой, то теперь «повеления» императрицы передают Шуваловы².

Эти вельможи, представители крупных землевладельцев, участвовали в стяжании, не гнушаясь никакими методами обогащения. Мы имеем в виду всякого рода предпринимательство, связанное с монополиями на владение заводами, промыслами и разного рода откупами. Наиболее видное место в этом отношении занимал П. И. Шувалов, бывший поистине «рыцарем» первоначального накопления, «пиявицей народа», как его звали современники³. Будучи сторонником господствовавшей тогда теории меркантилизма, П. Шувалов вместе с тем считал, что монополии и откупа должны находиться в руках вельмож, потому что передача их в руки купцов якобы отвлечет капитал от торговли. Эту мысль он последовательно применял прежде всего по отношению к самому себе. Еще в 1753 г. П. Шувалов получил откуп на «моржовые, звериные и сальные» промыслы по берегам Ледовитого океана и «Гренландской китоловный промысел». В результате он стал монопольным эксплуататором поморов и нерусских народностей на огромной территории русского Севера⁴. Затем П. Шувалов откупил тюлений промысел на Ладожском озере и на Каспийском море у Астрахани. Салотопенное дело, рыбный промысел и морская торговля стали, таким образом, достоянием предприимчивого вельможи⁵.

В 1754 г. П. Шувалов просил дать ему «ради большой государственной пользы» Гороблагодатский завод, на котором числилось до 25 тыс. приписных крестьян и которой оценен был в 90 тыс. руб. По словам М. М. Щербатова, П. Шувалов «получил его по новой переценке, где не справедливость и не польза государственная была соблюдаема, но страх его могущества..., за 40 тыс. руб.»⁶. Этот завод приносил Шувалову огромный доход — 200 тыс. руб. ежегодно. Его предпринимательство щедро поддерживалось правительством Елизаветы, он получал денежные ссуды и к его заводам

¹ «История правительствующего Сената за двести лет 1711—1911 гг.», т. II. СПб., 1911, стр. 146—147 (Далее сокращенно: ИПС). В течение 40-х годов XVIII в. из членов Сената за смертью выбыло девять человек, в 1750—1751 гг. умерло еще двое (Н. Ю. Трубецкой и В. Я. Левашев), на место умерших были назначены А. И. Румянцев, А. Б. Бутурлин, П. И. Шувалов, И. В. Одоевский, И. А. Щербатов, Б. Г. Юсупов.

² Русский биографический словарь, т. «Шебанов — Шютц». СПб., 1911, стб. 469 (далее сокращенно: РБС).

³ «Записки имп. Екатерины II». СПб., 1907, стр. 448.

⁴ ПСЗ, т. XIII, № 10083, стр. 810—816; Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII ст. Изд. 2, Казань, 1922, стр. 97—98.

⁵ РБС, т. «Шебанов — Шютц», стб. 493.

⁶ М. М. Щербатов. Соч., т. II. СПб., 1898, стб. 209.

дополнительно приписывались крестьяне¹. Кроме того, он держал крупные винные подряды и, по словам Екатерины II, стремился получить монополию на продажу табака, чтобы перепродавать его во Францию². А. И. Шувалов вслед за братом тоже вступил на путь предпринимательской деятельности.

В 1751 г. он получил Истинские и Угодские железные заводы в Ярославском и Боровском уездах³.

Наряду с Шуваловыми и другие сановные и чиновные лица становятся собственниками заводов, «держателями» крупных промыслов, участниками торговых компаний, откупщиками; среди них М. И. Воронцов, И. Г. Чернышев, К. Е. Сиверс, С. П. Ягужинский, обер-прокурор А. И. Глебов⁴. Фельдмаршал Б.-Х. Миних в своих записках говорит, что результатом господства П. И. Шувалова в русских экономических делах было «обогащение множества частных лиц»⁵. Однако эти вельможи, становясь предпринимателями, вместе с тем продолжали оставаться крупными помещиками, собственниками тысяч крестьян.

В 50-х годах XVIII в. среди купцов также появились монополисты-откупщики, часто в силу богатства добивавшиеся дворянского звания и причинявшие немалую «поруху» дворянству. Среди них нужно отметить Демидовых, Лазарева, Логинова, Барышникова, Мещанинова, Хлебникова, Кузьму Матвеева, Зубкова, Турчанинова, Походяшина⁶.

«Самодержавие,— писал В. И. Ленин,— издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места наряду с благородным дворянством...»⁷. Однако русская буржуазия XVIII в. обязана была своим возвышением покровительству правительства и играла далеко не самостоятельную роль. Возвышение купцов, следовательно, не означало превращения их в господствующий класс.

Правительство Елизаветы Петровны, как и предшествовавшее, было правительством дворянским. Одну из главных забот его составляла борьба с крестьянским движением.

В самом конце 40-х и в начале 50-х годов вспыхнул ряд восстаний, вызванных усилением крепостной эксплуатации, голодом (1749), новым увеличением налогов, повышением цен на соль. Особенно активно выступали работные люди и крестьяне, приписанные к мануфактурам⁸. Правительство всерьез было озабочено этими восстаниями, и 7 июня 1749 г.

¹ ПСЗ, т. XII, № 9515, стр. 878; т. XIV, № 10192, стр. 34.

² «Записки имп. Екатерины II». СПб., 1907, стр. 392.

³ Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII ст., стр. 130.

⁴ ИПС, т. II, стр. 34.

⁵ Н. Н. Фирсов. Указ. соч., стр. 167.

⁶ М. М. Щербатов. Соч., т. I. СПб., 1896, стб. 623—624.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 320—321.

⁸ См. вторую главу настоящих «Очерков»: «Классовая борьба».

Сенат принял суровые меры против волновавшихся рабочих людей сукошной мануфактуры Е. Болотина в Москве¹. В 1751—1752 гг. волновались рабочие люди и приписные крестьяне А. Гончарова (Малоярославецкий уезд), Демидова (Ромодановская волость), Лугинина² (Белевский уезд), А. И. Шувалова (Вышгородская волость) и на бумажной фабрике Папкова. Никогда еще против заводского люда, восставшего из-за разорительной эксплуатации и мучительных притеснений, не применялась такая грозная сила крепостнического государства, как в это время. Три полка бригадира Хомякова с артиллерией были направлены в Малоярославецкий уезд. Против восставшей Ромодановской волости Сенат велел Военной коллегии направить 6 полков³.

Волнения происходили и среди монастырских крестьян: в 1752 г. — в Олопецкой вотчине Хутынского монастыря; в 1756 г. — в Шацком уезде в вотчине Новоспасского монастыря, где при подавлении крестьян применялась артиллерия, и т. д. Не удовлетворяясь карательными мерами, правительство пыталось устранить причину крестьянских выступлений против монастырей путем изменения системы управления. Елизавета Петровна приказала 30 сентября 1757 г. Сенату и Синоду изменить управление монастырскими крестьянами, установив над ними в качестве надзирателей отставных офицеров. Конечно, такими методами нельзя было успокоить едва ли не самых обездоленных из всех крестьян, и в начале 60-х годов волнения среди монастырских крестьян приняли особенно сильный размах.

Выступления помещичьих крестьян тех имений, где не было заводов, в начале 50-х годов были слабее, и подавлением их занимались больше местные власти. Но все же до Сената доходили также дела о выступлениях «пашенных крестьян». Особенно большое беспокойство властей вызвали крестьянские восстания в конце 50-х годов. Они попрежнему охватывали главным образом монастырских крестьян и приписанных к заводам⁴.

С крестьянским движением правительство справиться не могло. Жестокость предпринимаемых им мер только подчеркивала бессилie и бесплодность политики, огульно защищавшей все способы угнетения крепостниками трудящихся масс.

Одновременно с подавлением восставших масс правительство вело непрерывную борьбу и за искоренение «разбойного» движения, которое,

¹ ПСЗ, т. XIII, № 9643, стр. 102—106.

² Волнения среди крестьян заводчика Лугинина подавляла военная команда в 101 чел. во главе с подполковником А. Жеребцовым («Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.». М.—Л., 1937, стр. 417—418).

³ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 76—77, 212, 223, 268, 389—400; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5. СПб., [б. г.], стб. 687—688, 1025; В. И. Веретенников. Из истории Тайной канцелярии 1731—1762 гг. Харьков, 1911, стр. 37.

⁴ См., вторую главу настоящих «Очерков»: «Классовая борьба».

во многом отличаясь от крестьянских волнений, тоже имело глубокие социальные корни. Не случайно в одном из указов Сената имеется такое указание: «На следующих Волгою рекою до разных городов судах от воров и разбойников чинятся многие грабительства и смертные убийства, а работные люди, коим бы по множеству их против нападающих воров и разбойников бессумнительно обороняться можно, ...никакого охранения тем судам и хозяевам не чипят, а другие тем злодеям и помощь придают»¹.

В 1756 г. опять посылались многочисленные воинские команды в Нижегородскую, Казанскую, Оренбургскую, Астраханскую, Московскую, Смоленскую, Новгородскую, Белгородскую, Воронежскую и Архангельскую губернии². Во время Семилетней войны «разбойное» движение усилилось. Отряды разбойников совершали нападения даже в Москве и по Московской дороге около Петербурга³.

Аппарат дворянского государства всеми мерами помогал помещикам укреплять их власть над крестьянами, между прочим и путем систематически проводившегося сыска беглых крестьян. Несколькими указами Сената установлен более строгий порядок возвращения беглых с донских казачьих городков⁴. В 1749—1751 гг. местные власти и Сенат упорно стремились вернуть Гончарову беглых крестьян, которые нашли укрытие у брянских купцов и вместе с ними оказывали властям отчаянное сопротивление. Только посланная Сенатом усиленная команда сломала сопротивление беглых и посадских людей.

13 мая 1754 г. последовал имепной указ, установивший новый срок сыска беглых и новые основания для ходатайств по этим делам: «Отдачу чипить кто где и за кем по сказкам с 1719 г. и по положению в подушный оклад в первую перепись и во вторую ревизию написаны, с женами и с детьми и со всем их животою и с хлебом»⁵.

Многие манифесты и указы содержали призывы к беглым в Польшу и Литву вернуться на родину. Манифест 4 сентября 1755 г. приглашал беглых приходить в Россию «без всякой боязни или страха, с женами, детьми, свойственниками и с пожитками своими». Правительство обещало не только прощение их вин и освобождение от казней, но и разрешало «в прежнее свое место определиться». Однако это последнее как раз и не устраивало беглецов, ибо большинству из них пришлось бы вернуться к своим господам, к прежней тягостной доле. Этим, между прочим, можно

¹ ПСЗ, т. XIII, № 9851, стр. 434—435.

² ПСЗ, т. XIV, № 10650, стр. 664.

³ Иногда деятельность «разбойных» отрядов принимала такой размах, что команды не могли с ними справиться и в боях терпели от них большой урон (ПСЗ, т. XV, № 11337, стр. 795—797). Этому же вопросу посвящены и указы, помещенные в ПСЗ, т. XIII, № 9840, 9848, 10011; т. XIV, 11069. См. также Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I. М., 1913, стр. 334—343; т. II, М.—Л., 1941, стр. 104.

⁴ ПСЗ, т. XIII, № 9632, стр. 85—86; № 10009, стр. 685; № 10033, стр. 708—709.

⁵ ПСЗ, т. XIV, № 10233, стр. 77.

объяснить тот факт, что установленный манифестом льготный срок впоследствии несколько раз отодвигался¹.

Льготы давались не только бежавшим в Польшу. Для заселения окраин правительство иногда вынуждено было соглашаться на оставление беглых там, где они укрывались. Так, 7 июля 1759 г. Сенат велел записать в Иркутске и Нерчинске «в цеховые зашедших туда из других мест чернососных крестьян для населения тех городов»². В исключительных случаях оставляли на своих местах и крестьян, бежавших от помещиков. 27 марта 1750 г. Сенат, например, постановил не отдавать «обретающихся в Астрахани, написанных по последней ревизии помещичьих крестьян и прочих разnochинцев на прежние жилища»³.

Очевидно, подобные исключения давали повод к распространению слухов о свободе и всевозможных льготах для желающих населить отдаленные места. Указ 13 января 1758 г. предписывал наказывать «разгласителей молвы» о последовавшем якобы дозволении крестьянам, оставив помещиков, переходить в Царицын и Камышин для поселения на шелковых заводах⁴.

Одним из последствий массовых побегов начала 50-х годов явилось сложение 15 декабря 1752 г. недоимок, накопившихся за 1724—1747 гг.⁵. Буржуазные историки в хвалебных тонах описывали и другую меру аналогичного порядка: систематическое уменьшение подушной подати по 3—5 коп. в год за 1750—1754, 1757 и 1758 гг.⁶. Однако при этом происходило чрезвычайное повышение налога на соль. Следовательно, нельзя говорить, что правительство облегчило положение масс этими мерами. Они носили скорее политический характер и имели целью видимостью уступок успокоить волновавшийся трудовой люд.

Внутриполитическое положение правительства в 50-х годах было устойчивее, чем в предыдущее десятилетие. Все же и теперь ему приходилось сталкиваться с теми представителями господствующего класса, которые почему-либо выступали против Елизаветы и ее фаворитов.

Современники-иностранцы называли колоссальную цифру — 80 тыс. наказанных и сосланных Тайной канцелярией в царствование Елизаветы⁷.

¹ ПСЗ, т. XIV, № 10454, стр. 414; см. также т. XIII, № 9976, стр. 638—639; № 10139, стр. 891—897; т. XIV, № 10619, стр. 636; т. XV, № 10889, стр. 271—272; № 10896, стр. 280—282; № 11007, стр. 388; № 11179, стр. 595—596; № 11265, стр. 724; № 11350, стр. 811.

² ПСЗ, т. XV, № 10974, стр. 361.

³ ПСЗ, т. XIII, № 9724, стр. 220.

⁴ ПСЗ, т. XV, № 10791, стр. 154.

⁵ ПСЗ, т. XIII, № 10061, стр. 756.

⁶ Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906, стр. 34.

⁷ «Peter der Dritten», Bd. I. Tübingen, 1808, 136—137; В. Андреев. Представители власти в России после Петра I. Изд. 2, СПб., 1871, стр. 122; см. также «Тайная канцелярия в царствование имп. Елизаветы Петровны». «Русская старина», 1875, т. XII, стр. 523—539.

Главным виновником большого числа ссылок считали П. Шувалова. По его велению люди пропадали безвестно, как при Бироне.

В 50-х годах были приняты решения о реформах, имевших некоторое прогрессивное значение.

П. И. Шувалов внес в Сенат предложение: вместо затянувшегося пересмотра старых законов, которым занимался Сенат 13 лет, окончить составление нового Уложения, начатое еще в первой четверти XVIII в. и разрабатывавшееся в 30-х и 40-х годах. 11 марта 1754 г. присутствовавшая в Сенате Елизавета в ответ на речь Шувалова заявила, что нравы и обычаи с течением времени изменяются, а потому необходима и перемена в законах. В связи с этим она велела «в преимущество перед прочими делами сочинить новые законы». В июле 1754 г. Сенат создал Комиссию для составления нового уложения. В состав ее вошли генерал-рекетмейстер Дивов, вице-президент Юстиц-коллегии Эмме, профессор Академии наук Штрубе, бургомистр Главного магистрата Вихляев и другие¹.

В 1755 г. были уже готовы две части — «судная» и «криминальная» и 25 июля представлены Елизавете Петровне на утверждение². Составление остальных частей затянулось, но первые варианты третьей части, «О состоянии подданных», были разработаны, повидимому, еще до 1761 г. Сенат по предложению Комиссии 29 сентября этого года постановил созвать депутатов от дворян и купцов для «слушания того Уложения»: от дворян — по два человека, а от купечества по одному³. Выборы депутатов происходили в ноябре — декабре 1761 г., а съезжаться в столицу они стали лишь в январе 1762 г.⁴. Выборы и съезд депутатов проходили крайне вяло. Даже дворяне участвовали в них неохотно. Что же касается купечества, то оно смотрело на съезд делегатов, как на новую отяготительную повинность. О роли делегатов в разработке самого проекта ничего не известно.

Политический смысл этой затеи довольно явственно проступает в деятельности Комиссии. Не случайно наиболее успешно и быстро были

¹ М. М. Щербатов дал весьма нелестную характеристику членам Комиссии: «Емме — человек ученой, но груб и бесчеловечен с природы; Дивов — глупой, наметливой на законы человек, но мало смыслящий их разум, а к тому же и корыстолюбивой; Юшков — доброй и не мздоимщик и знающий по крайней мере российские законы человек, но ленивой, праздной и не твердой судья... Глебов — угодник графу Шувалову, умной по наружности человек, но соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел» (Соч., т. II. СПб., 1898, стб. 213).

² Указ об этом был обнародован 24 августа 1754 г. (ПСЗ, т. XIV, № 10283, стр. 201); там же приложен и первоначальный «План к сочинению нового Уложения», стр. 204 («Проекты Уголовного уложения 1754—1766 гг.». Под ред. А. Востокова. Предисл. Н. Сергиевского. СПб., 1882).

³ ПСЗ, т. XV, № 11335, стр. 792—794.

⁴ Отправляясь на заседания в столицу, они попали на похороны Елизаветы, а затем были свидетелями переворота 28 июня 1762 г. Во время коронации Екатерины II Комиссию перевели в Москву, а в январе 1763 г. все делегаты были отпущены по домам.

завершены первые две части — «О суде» и «О розыскных делах и какие заразные злодейства и преступления кары; наказания и штрафы положены». Зная социально-политическую обстановку в стране в начале 50-х годов (волнения работных людей, разбои и систематическое бегство крепостных крестьян от своих помещиков), легко объяснить активную работу Комиссии по составлению «судной» и «криминальной» частей нового Уложения.

Первая часть проекта Уложения вскрывает некоторые характерные для дворянского правительства тенденции. Во вступлении, исходя, видимо, из плачевного опыта борьбы с крестьянским движением в 1750—1753 гг., отмечается хаотическое состояние в устройстве и деятельности правительственных учреждений, в особенности местных. Уложение предусматривает новую внутреннюю структуру областных учреждений, именно вводит в них выборных от дворянства заседателей, которые должны постоянно участвовать в работах губернских, провинциальных и городских канцелярий. Таким образом, проект Уложения с большой определенностью и ясностью проводит «старую, упорную и живучую мысль о предоставлении дворянам права участвовать в областном управлении»¹.

Вторая часть представляет собой свод суровых наказаний за преступления против царской власти, прав собственности и существующих законов. По большинству глав преступления эти караются смертной казнью. Формы ее не только не смягчены по сравнению с Уложением 1648 г., но и усилены введением новых, более жестоких. Так, преступника, по проекту, за оскорбление величества полагалось «разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей», а за разбой с убийством — «вешать за ребра»². Одиннадцать глав проекта посвящены наказаниям за «оскорбление величества», «за бунт и измену», за преступления против государственной власти, за неисполнение законов³. Охране частной собственности отведено 12 глав, многие из которых предусматривают смертную казнь, каторгу и плети нарушителям⁴.

Для этой «криминальной» части проекта Уложения характерно полное игнорирование указа 30 сентября 1754 г. об отмене смертной казни. В проекте, несомненно, отразились взгляды на этот вопрос помещиков-крепостников, недовольных «высочайшим повелением» и стремившихся во что бы то ни стало сохранить ее в кодексе законов и ввести в практику.

Социальная сущность третьей части — «О состоянии подданных» — сводится к утверждению сословного строя общества с господством дворянства в результате дворцовых переворотов. В п. 1 первой главы излагаются

¹ Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. II, М., 1941, стр. 148.

² «Проекты Уголовного уложения 1754—1766 гг.», часть вторая: «О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены». СПб., 1882, стр. 76, 111.

³ Там же, гл. 20—24, 43, 44, 51, 52, 58, 61.

⁴ Там же, гл. 32—39, 54—57.

принципы сословного строя: «Все подданные в государстве не могут быть одного состояния; природа, заслуги, наука, промыслы и художества разделяют их на разные в государстве чины, из которых каждый чин имеет особое своему званию приличное преимущество и право, от которых благополучие их единственно зависит». Далее составители проекта больше всего распространяются о дворянских правах. Прежде всего, они впервые пытаются определить объем помещичьей власти над крепостными крестьянами. Это выражено с полной ясностью и откровенностью в следующих словах: «Дворянство,— сказано в главе 19,— имеет над людьми и крестьянами своими мужеского и женского полу и над имением их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток». Они могут их продавать, закладывать, отдавать за посторонних в рекруты, регулировать заключение их браков, чего ни духовные землевладельцы, ни фабриканты со своими крестьянами делать не могли¹.

Привилегии дворян наиболее ясно сформулированы в главе 22: «Всему дворянству пользоваться вольностью и свободой... на вечные времена и в потомственные роды». Дворянам принадлежит свободный выезд в другие государства. «Дворян, владеющих недвижимым имением, ни за какие преступления не арестовать, разве в преступлении в самом деле пойманы, с поличным приведены или по суду отчасти изобличены будут и важность оного преступления того потребует». Дворяне освобождены от пыток и пристрастного допроса. Право владеть заводами с крепостными рабочими получили только дворяне; винокурение, очень выгодная статья дохода, оставалось исключительным правом дворян. Доступ в дворянство проект ограничивал: в отмену известного положения «Табели о рангах» проект Уложения предоставлял разночинцам, дослужившимся до офицерских чинов, только личное, а не потомственное дворянство².

О крестьянах в этом дворянском проекте говорится, конечно, лишь как об объекте, а не как о субъекте права. В проекте Уложения не только нет речи о каких-нибудь правах крепостных крестьян, но здесь ни единым словом не ограничивается крепостническая эксплуатация.

Следует отметить, что государственные крестьяне, по сути дела, приравниваются к крепостным: о них нет ни специальных глав, ни даже специальных пунктов. О дворцовых и чернососных крестьянах говорится наряду с крепостными³.

Таким образом, усиление господствующего класса побуждало к изменению законов, которое наиболее отчетливо сформулировало бы привилегированное положение помещиков в стране как в хозяйственной, так и в политической жизни. Именно в этом направлении развивалось законодательство Уложенной комиссии 1767 г.

¹ В. И. Латкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887, стр. 155—156.

² Там же, стр. 159—162.

³ Там же, стр. 156—158.

В области государственного управления 50-е годы отмечены дальнейшим падением роли Сената, вызываемым не только усилением фаворитизма, ростом значения Тайной канцелярии, Военной коллегии и Коллегии иностранных дел, но и в результате создания постоянно действующего органа в виде «Конференции при высочайшем дворе». «Конференции» или «консилиумы», как чрезвычайные совещания по внешнеполитическим вопросам, предусматривались еще манифестом 12 декабря 1741 г. и созывались время от времени как в 40-х, так и в 50-х годах. Но теперь возникла необходимость в постоянно действующем институте подобного рода.

Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, озабоченный надвигавшейся войной с Пруссией, в январе 1756 г. предложил Елизавете Петровне создать для управления русскими войсками, как и для разрешения всех вопросов, связанных с войной, комиссию, заседающую при дворе, «которая бы из таких и стольких людей составлена была, каких е. и. в. сама избрать изволит и которые бы наипаче ее высочайшую доверенность к себе имели». Не дождавшись ответа на этот проект, Бестужев в марте того же года предложил создать уже не комиссию, а Тайный военный совет, притом «не только для нынешнего времени, но и навсегда», придав ему широкие полномочия, заключающие в себе «почти генерально всю политическую систему». Иначе говоря, канцлер предлагал подчинить новому учреждению как международные и военные, так и внутривластные дела.

Это предложение, как и предыдущее, не было принято, но императрица, очевидно по совету Шуваловых, согласилась на созыв при дворе Конференции как постоянно функционирующего учреждения. 14 марта 1756 г. состоялось первое заседание Конференции, на котором присутствовали, кроме самой Елизаветы Петровны, А. П. Бестужев-Рюмин, М. П. Бестужев-Рюмин, Н. Ю. Трубецкой, А. Б. Бутурлин, М. И. Воронцов, М. М. Голицын, С. Ф. Апраксин, А. И. и П. И. Шуваловы и в. кн. Петр Федорович.

Так возникло учреждение, которое приобрело большое влияние в делах и фактически подчинило себе почти все центральные учреждения. Создание его диктовалось интересами самодержавной власти и необходимостью консолидации правящих кругов в трудных условиях войны и обострения классовых противоречий в стране.

Характерно, что, принимая постановления о вопросах внутреннего управления, Конференция поручила исполнение своих постановлений не только Сенату; она отсылала экстракты из своих протоколов непосредственно коллегиям, Главному кригс-комиссариату, Монетной канцелярии и т. д. В этом, несомненно, сказалось постепенное умаление роли Сената как высшего правительственного органа. Чем дальше, тем больше Конференция интересовалась вопросами внутренней жизни государства.

Нельзя сказать, что Конференция не служила ареной для интриг, личных происков и соперничества временщиков. Все это, конечно, имело место, но при решении важнейших вопросов текущей политики Конфе-

ренция все же достигала необходимого для господствующего класса единоплеменности среди сановников и усиления центральной власти.

В конце 50-х годов, в связи с тяготами, вызванными войной, произошел новый подъем крестьянских волнений, особенно сильно проявившийся в выступлении приписных и монастырских крестьян и заводских рабочих людей. С этим положением в стране связан именным указ Сенату 16 августа 1760 г. В нем говорится, что многие законы «своего исполнения не имеют», в стране размножились «внутренние неприятели», «некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем», а «лихоимство и пристрастие — предводительством судей». В указе значительная доля вины возлагалась на Сенат, которому «давно надлежало истребить многие... непорядки»¹. Повидимому в связи с этим, поставлен был вопрос о некотором «обновлении» Сената, коллегий и местных учреждений.

Конференции поручено было «представить кандидатов к наполнению порожних мест как по разным коллегиям, так и по другим нужным правлениям». В конференц-министры назначены были Я. П. Шаховской и И. И. Неплюев; при этом Шаховской занял место одряхлевшего генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого. Обер-прокурором Сената был назначен И. Г. Чернышев. В состав Сената были введены новые лица².

Областное управление представляло собой арену борьбы дворян за власть в местных учреждениях. Стремление дворян принять участие в местном управлении было весьма сильно и диктовалось заинтересованностью во всевозможных вопросах, разрешавшихся органами местной власти. Земельные споры, усилившаяся борьба за присвоение земель государственных крестьян, разрешение вопроса о беглых, сдача всякого рода казенных «статей» в оброк стали занимать теперь помещиков значительно больше, чем в прежние времена. И поэтому им далеко не безразлично было, кто занимает воеводское место в городе и провинции, кто назначен воеводским товарищем или прокурором.

Многие дворяне и лично желали занять то или иное место в управлении, так как, кроме жалованья, оно приносило им немалый доход от взяток. Местные чиновники, нарушая законы, запрещавшие губернаторам, воеводам и прочим, «у дел обретающимся», покупать имения в той местности, где они служат, обзаводились деревнями, угодьями и разными оброчными статьями, что прочно связывало их с местным дворянством. Именно этими обстоятельствами надо объяснить желание служилого дворянства увеличить срок воеводской службы, ранее ограниченный двумя годами. Сенат, идя навстречу дворянству и находя сам невозможным каждые два года менять всех воевод, 26 октября 1760 г. издал указ, согласно которому

¹ ПСЗ, т. XV, № 11092, стр. 498.

² А. И. Шувалов, И. И. Неплюев, Р. И. Воронцов и др. (ИПС, т. II, стр. 73—74, 147). Конференция занималась и финансами, вопросом об урожае (ПСЗ, т. XV, № 11093, стр. 499), монополиями купца Шемякина, «гербергами» (постоялыми дворами, или гостиницами) кн. П. Н. Трубецкого и т. д. (ИПС, т. II, стр. 124—125).

срок службы воевод увеличивался до 5 лет, а в случае особого ходатайства помещиков мог быть и продлен¹. Но кроме этого «законного» способа усиления местной власти, было много «незаконных», хотя и вполне закономерных в тех социальных условиях, методов использования дворянами-чиновниками своего служебного положения для личного обогащения.

Сенат был завален жалобами на притеснителей — воевод и воеводских товарищей. По некоторым делам создавались специальные комиссии. Ярким примером хозяйничанья дворян в провинции является деятельность сибирского «следователя» П. Н. Крылова, посланного туда обер-прокурором Сената Глебовым со специальным поручением застраховать иркутских купцов и вымогательством добиться от них отказа в пользу Глебова от винного откупа. Прибыв в Иркутск, Крылов заковал в цепи председателя и членов магистрата, опечатал дома и все находившееся в них имущество первостатейных купцов и начал «следствие», сопровождавшееся проявлениями необузданной жестокости. Таким путем Крылов добился «приношения» круглой суммы в 150 тыс. руб., что разорило многих купцов. Некоторые под пыткой умерли.

Еще большую важность, чем вопросы местного управления, представляли для дворянства поставленные правительством в 1752—1753 гг. вопросы, непосредственно относящиеся к земельной собственности.

Расширение товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и возросшие личные потребности привели к тому, что дворянство использовало длительные отпуска и сокращение срока обязательной военной службы для развития собственного помещичьего хозяйства. В связи с этим сильно возросли споры и тяжбы между помещиками по земельным делам, доходившие нередко до кровавых столкновений. Никакие мероприятия правительства не могли, конечно, не только устранить, но даже сократить число этих столкновений из-за земли². И правительство, по инициативе щедрого на всякие «инвенции» (выдумки) П. И. Шувалова, решило провести генеральное межевание земель³, главная задача которого заключалась в укреплении дворянского землевладения.

Изданная 13 мая 1754 г. инструкция межевщикам заключала в себе ряд строгих предписаний о ликвидации недворянского землевладения. Инструкция предусматривала проверку прав владения землей, и по этому

¹ ПСЗ, т. XV, № 11131, стр. 549; Ю. В. Готье. История областного управления в России..., т. I. М., 1913, стр. 152—153.

² О фактах кровавой борьбы за землю см.: С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 5, стб. 691, 789—790, 1128, 1130, 1177—1178; Ю. В. Готье. История областного управления в России..., т. I, стр. 339; ПСЗ, т. XIII, № 10002, стр. 677; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск. архиве министерства юстиции», кн. 4, М., 1884, стр. 29, 32 и др.

³ Генеральным, или общим, межевание называлось потому, что производилось сплошь; границы устанавливались не по владениям, а по «дачам», установленным в старину писцовыми книгами. Межевание по владениям проводилось редко и называлось частным или специальным. При генеральном межевании 1754 г. впервые в России нашли себе широкое применение геодезические инструменты.

поводу межевщикам предписывалось отказывать в праве владения земель приказным людям и даже детям чиновников и обер-офицеров, отцы которых не успели дослужиться до дворянства. Все подобные лица должны были под угрозой конфискации продать в шестимесячный срок свои земли дворянам¹. В этом отношении генеральное межевание продолжало линию на укрепление дворянской земельной собственности, намеченную указом 14 марта 1746 г., согласно которому купцам, казакам, ямщикам, дворовым людям, монастырским слугам, крестьянам и разночинцам, состоявшим в подушном окладе, запрещалось покупать людей и населенные земли².

Межевание предполагалось провести в европейской части империи, кроме Оренбургской и Астраханской губерний. Но затеянное с таким размахом дело шло очень медленно: с весны 1755 г. и до начала 60-х годов обмежеван был лишь один Московский уезд. Несмотря на то, что назначенный в 1755 г. государственным межевщиком П. И. Шувалов потребовал производства работ даже в праздничные дни, осуществление межевания сорвалось. Причину неудачи надо искать в том, что правительство не учло всех требований помещиков, в частности их стремления закрепить за собою не только все «примерные», т. е. излишние по сравнению с документами, земли, но и захваченные ими у потомков разного рода служилых людей: однодворцев, пахотных солдат и т. д. Проверка же прав на землю создавала не только обременительную для помещиков волокиту, но и ставила под сомнение всю «благоприобретенную» ими собственность. Поэтому со стороны помещиков создавались всякого рода препятствия к осуществлению межевания³. Впоследствии Екатерина II отменила эти невыгодные для дворянства условия, и межевание пошло успешнее.

Заботясь об экономическом благополучии дворянства и учитывая его настоятельные просьбы, правительство предоставило ему очень крупную привилегию: исключительное право выкуривать и поставлять вино в казну. Было решено с 1755 г. впредь «подрядать и к подрядам допускать одних помещиков и вотчинников, кто сколько куда подрядиться пожелает»⁴. Купеческие заводы должны были быть проданы помещикам или уничтожены⁵. Помещики в связи с правом винокурения получили много других привилегий в обход законов об откупах: они могли доставлять

¹ ПСЗ, т. XIV, № 10237, гл. XXX, стр. 148; Ю. В. Готье. Очерк истории землевладения в России. Сергиев-Посад, 1915, стр. 108—109.

² ПСЗ, т. XII, № 9267, стр. 523—528; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк и история образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. Сб. «Крестьянский строй», т. I, СПб., 1905, стр. 95.

³ И. Е. Герман. История русского межевания. М., 1914, стр. 174—175. О ходе межевания см.: ПСЗ, т. XIV, № 10210, 10352, 10406, 10428, 10493, 10609, 10669, 10706; т. XV, № 10831, 10835, 10844, 10850, 10878, 10932, 10968, 10969, 10979, 11075, 11079.

⁴ ПСЗ, т. XIV, № 10261, стр. 185.

⁵ Там же, № 10490, стр. 486.

вино на продажу в Петербург, Москву «и в прочие места, где жительство иметь будут», и т. п.¹.

Интересы дворянства предусматривал и именной указ 13 мая 1754 г. об учреждении Государственного заемного банка, первого в истории России кредитного учреждения².

Сдвиги в экономике страны, прежде всего рост буржуазии и вместе с тем усиление рыночных связей помещичьего хозяйства, привели к наиболее серьезному шагу в социально-экономической политике, сделанному правительством 20 декабря 1753 г.: оно провозгласило отмену с 1 апреля 1754 г. внутренних таможенных пошлин. Взамен их повышались пошлины на внешнеторговый оборот. В своем докладе Сенату в августе 1753 г. П. И. Шувалов указывал, что в результате отмены внутренних пошлин «неописанное зло и бедство, которое происходит крестьянству и купечеству, так и многим [другим людям], конец свой возмет», ибо уничтожатся «приметки и грабеж, которые от сборщиков бывают в разных случаях и обстоятельствах», и судебные места освободятся «от умноженных бумаг».

Уничтожением внутренних пошлин было ликвидировано последнее препятствие к формированию единого национального рынка³. Необходимо отметить несомненную прогрессивность этой реформы. Внутренние пошлины в некоторых западноевропейских странах отменены были значительно позднее.

Созданный в 1754 г. Купеческий банк частично имел в виду обеспечение купцам кредита под залог товаров⁴. Купечество, в противоположность дворянству, использовало новые возможности кредита и переводов как для увеличения своих торговых оборотов, так и для развития промышленности.

О планах правительства в отношении развития торговли говорит проект П. И. Шувалова по созданию Комиссии о коммерции, перед которой была поставлена задача «рассуждать, каким образом с казенною и общею пользою коммерцию российского купечества распространить в чужестранные области», рассмотреть вопросы о казенных монополиях («казенным товарам остаться ли в казенном содержании или в вольной продаже»), об упорядочении коммерческого флота, о развитии фабрик и т. д. Доклад Шувалова на эту тему был заслушан Сенатом 5 мая 1758 г., но Комиссия учреждена была лишь в 1760 г.⁵ К участию в работах Комиссии о коммерции привлекалось и купечество.

¹ ПСЗ, т. XIII, № 9856, 9859, 9913, 10091, 10160; т. XIV, № 10643, стр. 657—659.

² См. в настоящем томе, стр. 144—145.

³ ПСЗ, т. XIII, № 10164, стр. 947—953. Купечество выделило специальную делегацию, которая преподнесла Елизавете Петровне «за оказанную коммерции милость отрешением всех внутри империи таможен» ценные подарки и «письменное благодарение» («Архив кн. Воронцова», кн. 3, 1871, стр. 654; *С. М. Соловьев*. Указ. соч., V, стр. 770).

⁴ См. главу первую настоящих «Очерков».

⁵ ИПС, т. II, стр. 166—168; ПСЗ, т. XV, № 11117, стр. 527—528.

Следует остановиться на той части подготовлявшегося нового Уложения, где говорилось о правах купцов. Их права были немногочисленны и изложены, по сравнению с правами благородных, тускло и кратко. Тем не менее здесь купцы впервые рассматривались не только как тягловое сословие, но как наделенное рядом прав. «Никому из разночинцев без позволения купечества и кто в оное не записан никаких торгов и промыслов, лавок и амбаров, кроме содержания съестного припаса... внутри городов не иметь». Купцы получили право владеть домами в городах и торговать как в городах, так и повсюду внутри государства, при портах и с заграницей. Им разрешалось «заводить и содержать мануфактуры и фабрики, кроме винных, стеклянных и других всяких металлов и минералов заводов, кои все дворянам принадлежат», брать подряды и откупа, обязываться векселями и т. д. Проект Уложения предписывал купцам судиться и ведаться во всяких делах (за исключением «криминальных») исключительно в городских, провинциальных и губернских магистратах и ратушах. В проект вошло узаконение об освобождении купечества от подушной подати и от рекрутской повинности. Проект разрешал купцам посылать за границу своих сыновей для обучения «коммерции и кредиту».

В проекте нового Уложения выделена специальная группа богатейшего привилегированного купечества (гости) — купцов, плативших ежегодно в продолжение четырех лет по 30 тыс. руб. внутренних и портовых пошлин. Гостям разрешалось владеть деревнями, полученными по наследству, носить шпаги и «во всяких заседаниях и советах мирских иметь им и детям их пред купцами первой гильдии первенство». Они, как, впрочем, и купцы первой гильдии, освобождались от телесного наказания.

Покровительство эксплуататорским классам — помещикам и купцам — осуществлялось за счет угнетения широких народных масс. Правительство беспощадно расстреливало восставших, ссыло на каторгу сопротивлявшихся, наказывало кнутом, плетью и батогами недовольных. Постепенно, рядом указов, усиливалось закрепощение государственных крестьян, и вместе с тем уменьшались различия между ними и помещичьими крестьянами; складывался один феодально-эксплуатируемый класс непосредственных сельских производителей.

Что касается помещичьих крестьян, то правительство, жестоко подавляя их восстания, безгранично расширяя права дворян на личность, собственность и труд крестьян, почти превращало их в рабов. В 1755 г. правительство сочло нужным напомнить, что крепостные крестьяне, или, как в законе говорится, «пахотные крестьяне», лишены права присяги «при определении в службу, к делам, или в церковный причет»¹.

Вместе с тем русское самодержавие в 50-х годах XVIII в. сделало первые, хотя и робкие, шаги в духе «просвещенного абсолютизма». Сюда относятся меры в области просвещения: организация первого универси-

¹ ПСЗ. т. XIV, № 10361, стр. 313—314.

тета в Москве (1755), учреждение Академии художеств (1755), открытие гимназий в нескольких губернских городах, наконец, работы Комиссии по составлению нового Уложения.

Царизм начинает заигрывать с «философами» в расчете на отклик и внимание за границей. В 1746 г. в почетные члены петербургской Академии наук был избран Вольтер. В 1757 г. он получил от русского правительства предложение написать историю Петра Великого (первый том вышел в 1759 г.); его задачей было не только прославить преобразователя как «просвещенного монарха», но и показать благотворные результаты преобразований, нарисовать картину процветания России при Елизавете. Поэтому «Историю России в царствование Петра Великого» Вольтер начал с обзора современного состояния страны. Русские ученые, главным образом М. В. Ломоносов, принимали участие в работе Вольтера, посылая ему материалы и подвергая предварительной — и притом весьма основательной — критике его труд¹.

Элементы «просвещенного абсолютизма» сказываются и в том, что в официальное обращение вошла демагогическая фразеология, интересами народа начали объяснять те или иные мероприятия, несколько смягчились официальные приговоры и т. д. Типичным в этом отношении примером может служить вопрос о смертной казни. В буржуазной исторической литературе подчеркивалось, что Елизавета, отважившись на переворот, дала слово никого смертью не казнить и поэтому отклоняла все приговоры Сената, предусматривавшие смертную казнь. Однако необходимо отметить, что сохранившиеся в практике массовые расстрелы без суда восставших, наказание кнутом, ссылка в Рогервик и Сибирь на каторгу, а также убийства «при попытке к бегству» предоставляли господствующему классу широкую возможность физического истребления негодных лиц².

Такой же характер носил и проект П. И. Шувалова «О разных государственных полезностях», где одной из важнейших задач ставилось «сохранение народа», обеспечение его продовольствием, защита от притеснений и т. д. Некоторые положения этого доклада вошли в обоснование изданных законов³.

Характерная для «просвещенного абсолютизма» политика в отношении церкви сказалась в мероприятиях и планах относительно монастырских крестьян. 30 сентября 1757 г. императрица предписала Сенату подготовить закон о передаче монастырских вотчин в управление офицерам. Была создана специальная комиссия, но сопротивление духовенства помешало принять какие-либо решения. Снова вопрос о монастырских крестьянах был поставлен в 60-х годах, и дело закончилось секуляризацией монастырских имений.

¹ «Вольтер». Статьи и материалы под ред. акад. В. П. Волгина. М., 1948, стр. 311.

² ИПС, т. II, стр. 50—55.

³ Там же, стр. 238—240.

Для «просвещенного абсолютизма» характерно наряду с политикой защиты дворянства и содействие развивавшейся буржуазии, уступки последней, проявившиеся в указах об отмене внутренних пошлин, в повышении внешнеторгового обложения, учреждении банков.

В связи с резким изменением международного положения в пятидесятих годах усилились разногласия внутри правительства.

Подъем массового движения и трудности, вызванные войной, обострили противоречия между различными придворными группировками.

Одной из причин падения влияния группы П. И. Шувалова послужила безрезультатность мер, принимавшихся для подавления и предупреждения открытого сопротивления крестьян. Другая причина неудач Шувалова заключалась в относительно слабом развитии товарного производства. Большинство дворянства не желало поступаться своими привилегиями в пользу купечества. Сановники, недовольные мероприятиями Шувалова, в особенности его проектами, подняли голову и в 1760 г. добились фактического устранения его самого и сочувствующих ему лиц с важнейших постов. Один из главных «ненавистников» Шувалова, Я. П. Шаховской был назначен в 1760 г. конференц-министром и генерал-прокурором вместо Н. Ю. Трубецкого. В Сенат введены были новые лица. Должность канцлера, руководителя внешней политики правительства, еще в 1758 г. занял противник П. И. Шувалова, бывший вице-канцлер М. И. Воронцов; в 1760 г. его брат Р. И. Воронцов был назначен сенатором и председателем Уложенной комиссии.

Перемещения, произведенные в августе 1760 г., явились победой воронцовской группы противников шуваловских реформ. Эта группа стремилась к дальнейшему расширению дворянских привилегий в ущерб купечеству, что показывает проект нового Уложения, составленный под руководством Р. И. Воронцова¹.

Проект нового Уложения содержал расширенную программу дворянского наступления на купечество. Устанавливались исключительные права дворян на владение землей, торговлю сельскохозяйственными продуктами, устройство заводов, использующих недра земли, на заведение винокуренных заводов и получение винных подрядов. Проект предусматривал обязательную продажу дворянам в течение 10 лет всех существующих купеческих металлургических заводов и в течение 5 лет — купеческих мануфактур «с деревнями». Специальный раздел «О правах и преимуществах дворянства» посвящен был злободневному вопросу об освобождении дворян от обязательной государственной службы.

Коренной переработке подверглась составленная прежней Комиссией глава о праве владения крестьянами. Были урезаны права купцов, мануфактуристов и церковников на владение крестьянами; напротив, права дворян по отношению к крестьянам трактовались весьма расширительно.

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. 4. М., 1872, стр. 518—519; *Н. Л. Рубинштейн*. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. «Исторические записки», кн. 38, стр. 237—238, 244, 246.

Глава о правах купечества вновь повторяла запрещение купцам иметь заводы «всяких металлов и минералов», винные и стеклянные, «которыми одно только дворянство польоватца должно». Все предложения шуваловской комиссии о свободе купеческого торго устранялись. Была также сделана попытка создать в среде купцов своего рода купеческую аристократию путем возрождения привилегированного разряда «гостей». Недаром этот проект вызвал решительный протест купеческих депутатов, приглашенных для его обсуждения.

Такова была программа группировки Воронцовых, отражавшая узко-дворянские, точнее аристократические, тенденции.

Однако разногласия шуваловской и воронцовской группировок не выходили за рамки споров внутри господствующего класса. Это видно прежде всего из совместной борьбы Шуваловых и Воронцовых с массовым движением крестьян и рабочих людей в 60-х годах XVIII в. Это можно заметить и по одинаковому отношению к практике раздачи тех или иных государственных монополий в частные руки. П. И. Шувалов, хотя и был в теории противником монополий, на деле вовсе не отказывался от их распространения и сам энергично их домогался. Раздача монополий в частные руки резко усилилась во время войны, когда правительство особенно нуждалось в деньгах.

Разногласия касались преимущественно отношения крепостнического государства к купечеству. Воронцовы противились уступкам, Шувалов же стоял за проведение некоторых мер, способствовавших развитию купечества.

Группа Р. И. Воронцова пыталась осуществить свои планы. Уложенная комиссия под председательством Воронцова 21 сентября 1761 г. постановила: войти в Сенат с представлением, чтобы до утверждения нового Уложения «купцам и разночинцам фабрик и заводов вновь никому, кроме дворян, заводить, толь больше и к ним деревень покупать, не позволять, чтоб от того в сочинении купеческого права затруднения произойти не могло, разве купцы такие фабрики завести пожелают, которых в России никогда не бывало». Сенат обсуждал это предложение, но к решению не пришел. Оно было принято только 27 февраля 1762 г., правда, в значительно смягченном виде. Частично воронцовская программа отразилась в манифесте 18 февраля 1762 г., провозгласившем свободу дворян от обязательной государственной службы. Однако полному осуществлению программы Воронцовых помешали кратковременность пребывания их у власти и противодействие группы Шувалова.

Выступая открыто против линии Воронцовых в Конференции и Сенате, группа Шувалова одновременно тайно подготавливала условия для своего возвращения к власти.

Уже во второй половине 50-х годов, в связи с частыми и длительными болезнями Елизаветы Петровны и недовольством среди дворян официальным наследником престола, вопрос о престолонаследии стал одним из наиболее острых в политической борьбе внутри правящих кругов.

Приближенным ко двору лицам было ясно, что в. кн. Петр Федорович — неподходящая фигура для занятия царского престола. Выходец из Голштинии, он ненавидел все русское, преклонялся перед прусским королем Фридрихом II, самым опасным тогда врагом России, открыто называл себя «пруссаком». После рождения Павла Петровича (1754) Елизавета Петровна стала поговаривать о том, чтобы, обойдя Петра, возвести на престол его сына, но ничего решительного в этом направлении не предпринимала. Шуваловы то пытались провести проект Г. Н. Теплова об отстранении великого князя и его жены от престола в пользу малолетнего Павла, при регентстве Ивана Шувалова, то заигрывали с той же Екатериной Алексеевной, то даже вспоминали о заточенном в Шлиссельбургской крепости Иване Антоновиче. Для обеспечения себя реальной силой, пригодной для осуществления любого варианта, они готовили 30-тысячный «обсервационный корпус» под руководством генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова. На их стороне была и Тайная канцелярия, которую все еще возглавлял А. И. Шувалов.

Эти проекты вызывали серьезные опасения и контрпроекты со стороны их противников, для которых упрочение власти Шуваловых было опасным.

Одним из первых был выдвинут проект А. П. Бестужева объявить жену наследника в. кн. Екатерину Алексеевну соправительницей Петра Федоровича. При этом сам Бестужев должен был стать руководителем трех важнейших коллегий — иностранных дел, военной и адмиралтейской.

Но Шувалов без особого труда справился с Бестужевым. Ему помогло то обстоятельство, что в своей борьбе за власть оппозиционная группировка стала на путь антигосударственных действий в области внешней политики. Бестужев-Рюмин и в. кн. Екатерина Алексеевна в обстановке происходившей тогда Семилетней войны участвовали в сложной дипломатической диверсии английского правительства в 1756—1757 гг., направленной на подрыв военной мощи России в интересах союзницы Англии — Пруссии. Объективно Бестужев сыграл при этом на руку Фридриху II, что составляло его большую вину, а Екатерина Алексеевна оказалась прямым информатором английской разведки. Переписка английского посла Уильямса и Екатерины Алексеевны, раскрывающая эти ее действия, в то время не была еще известна. Поэтому Бестужев в 1758 г. был только сослан в свое подмосковное имение. Что касается Екатерины Алексеевны, то ее обвинили в запрещенной переписке с главнокомандующим С. Ф. Апраксиным. Хотя это дело обошлось для нее благополучно, но с тех пор и до самой смерти Елизаветы Петровны Екатерина Алексеевна находилась в опале. Однако ни Шуваловы, ни Воронцовы не достигли своей цели; уже тогда начал созревать глубоко заговорный заговор гвардейских офицеров и некоторых сановников во главе с Г. Г. Орловым и Н. И. Паниным, которые поставили своей целью возведение на престол в. кн. Екатерины Алексеевны.

Таково было положение в конце 50 — начале 60-х годов XVIII в. Со смертью Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.) борьба придворных групп вступила в новую фазу и при другом соотношении сил.

Подведем итоги. В 50-х годах XVIII в. укрепился абсолютизм, национальное государство помещиков и купцов, ослабленное в 30—40-х годах временщиками-иностранцами и частыми сменами правительств. Проведенные по инициативе П. И. Шувалова внутренние мероприятия: отмена внутренних таможенных пошлин, повышение налога на соль вместо увеличения подушной подати, протекционистская таможенная политика, создание банков и Комиссии о коммерции — эти мероприятия имели некоторое прогрессивное значение и были связаны с ростом капиталистических отношений при господстве крепостного строя. Меры, принятые правительством П. И. Шувалова, послужили исходным пунктом тех мероприятий, которые впоследствии были проведены правительством Екатерины II (секуляризация церковных имений, создание Вольного экономического общества, созыв Комиссии 1767 г., восстановление Комиссии о коммерции, отмена промышленных монополий). Они благоприятно сказались и на ходе Семилетней войны как один из факторов, обеспечивших разгром Пруссии.

В политической жизни эти меры означали укрепление абсолютизма. Изменения в структуре высших органов, усиление генерал-прокуратуры, учреждение Конференции при высочайшем дворе и т. п. показывали рост бюрократизма.

Для внутренней политики правительства 50-х годов характерна сдержанность в отношении раздач государственных и дворцовых крестьян в частные руки. В 1759 г. был даже издан указ, запрещающий делать представления о даче кому-либо в награждение дворцовых деревень¹.

Ограниченность проведенных мер объясняется, во-первых, отсутствием объективных предпосылок для серьезных реформ. Поэтому инициаторы реформ проявили известную робость и непоследовательность как в постановке социально-политических вопросов, так и в их разрешении, удовлетворялись паллиативами (ограничение пыток по корчемным делам и др.), но не сочли нужным зафиксировать их в проекте нового Уложения; в отношении монополий и откупов их позиция была крайне противоречивой. Во-вторых, сторонники реформ встретили ожесточенное противодействие группы дворянства, стремившейся к еще большему расширению дворянских привилегий и к стеснению деятельности купечества. Наконец, осуществлению планов П. И. Шувалова помешала Семилетняя война, отвлекшая внимание правительства от дел, не связанных с укреплением и обслуживанием армии².

Петр III во многих отношениях продолжал внутреннюю политику Елизаветы Петровны. За полгода наметился (и был осуществлен при

¹ ПСЗ, т. XV, № 10957, стр. 350.

² Текст на стр. 248—268 написан *Ф. И. Ланно*; дальнейший текст до конца настоящего параграфа (стр. 269—284) — Ю. В. Готье и Б. Б. Кафенгаузом.

Екатерине II) важный для господствующего класса манифест о вольности дворянства, освобождавший его от обязательной службы, издан указ о секуляризации церковных и монастырских имуществ. Во внешней политике при Петре III произошел резкий поворот: Россия вышла из Семилетней войны, был заключен мир и союз с Пруссией. За ничтожной личностью Петра III стояли, с одной стороны, голштинцы, отодвинувшие гвардию и тем до крайности ее раздражившие, с другой — группа видных сановников. Переворот, приведший к замене его на царском престоле Екатериной II, был типичным дворцовым переворотом, борьбой группировок внутри дворянства, боровшихся за власть, расходившихся по отдельным вопросам, но остававшихся по основным проблемам на позициях правящего класса, дворянства, заинтересованного в освобождении от обязательной службы, в подавлении крестьянских восстаний и укреплении своего господства в деревне и в столице.

Елизавета тотчас после своего воцарения выписала из Киля 13-летнего Петра-Ульриха, внука Петра Великого, сына Анны Петровны, уже бывшего с 1738 г. герцогом голштинским. По матери Петр был наследником Петра I, а по бабке со стороны отца, шведской принцессы, — ближайшим наследником шведского престола. Привезенный 5 февраля 1742 г. в Петербург, он принял православие, получив имя Петра Федоровича, и стал великим князем. Воспитание, полученное в Голштинии, привило ему склонность к военной муштре и экзерцициям; увлечение прусской военщиной вылилось у него в слепое поклонение Пруссии и Фридриху II. Наследника женили на немецкой принцессе Софии-Фредерике-Августе Ангальт-Цербстской, названной в России Екатериной Алексеевной. Новая великая княгиня значительно отличалась от своего ограниченного супруга. Она родилась в 1729 г. в Штеттине, где отец ее был губернатором. Она воспитывалась в духе французской культуры — явление, господствовавшее среди меньшей, но более просвещенной части немецких феодалов. Екатерина Алексеевна отмечала в своих записках, что она была постоянной советницей великого князя в делах по управлению Голштинией. Яркий свет бросает на личность молодой Екатерины Алексеевны секретная переписка ее с английским послом Уильямсом в 1756—1757 гг. Здесь она откровенно высказывала свои тайные замыслы, обнаружила жажду власти, беззастенчивость в политической интриге. 27-летняя великая княгиня имела свои взгляды на внешнюю политику, не совпадавшие с правительственным курсом, была противницей поддержки Россией Франции и желала дружбы с Англией. Но более всего ее занимала болезнь и возможная близкая смерть императрицы Елизаветы. Екатерина Алексеевна все рассчитала и подготовила, создала кружок сторонников. Она вела сложные переговоры со своими противниками Шуваловыми и советовала мужу «ухаживать за офицерами гвардии более, чем прежде». Екатерина Алексеевна заявляла: «Я буду царствовать или погибну»¹.

¹ Переписка вел. кн. Екатерины Алексеевны... «Чтения ОИДР», кн. 2, 1909, стр. 27, 223.

25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) Петр Федорович стал императором. В отдельных крупных мерах, осуществленных при Петре III, его доля участия была ничтожной. Государственная власть выступала защитницей классовых интересов дворянства, а также поддерживала нарождавшуюся буржуазию. Указ о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. явился заключительным этапом в цепи мероприятий дворянского правительства, облегчавших дворянскую службу. Автором манифеста был генерал-прокурор А. И. Глебов.

Манифест 18 февраля 1762 г. превратил дворянство в исключительно привилегированное землевладельческое сословие, свободное от обязанностей перед государством. Дворяне могли по желанию уходить в отставку или добровольно продолжать службу¹. Дворянский мемуарист А. Т. Болотов, сам одним из первых воспользовавшийся правом подать в отставку, рассказывает: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества».

Борьба правительства против крестьянства и защита дворянских интересов ярко проявились в манифесте 19 июня 1762 г. От имени императора в манифесте объявлялось: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». В Тверской и Клинский уезды, где среди крестьян происходили волнения, был послан полк с четырьмя пушками. Восстания охватили заводских и помещичьих крестьян различных районов: Урала, Тульской провинции, Белевского, Елифанского, Каширского, Волоколамского и других уездов.

Для развития торговли имел значение обширный указ 28 марта 1762 г. о разрешении хлебного экспорта. Он имел в виду в первую очередь интересы помещиков, заинтересованных в расширении хлебной торговли. Этим указом разрешался свободный отпуск хлеба за границу с понижением вывозных пошлин. Также дозволялся вывоз из Украины живого скота. Были уничтожены некоторые стеснительные меры: отменены повышенные пошлины при вывозе товаров через Архангельский порт, разрешена свободная торговля ревенем, холстом, облегчена торговля с Персией через Астрахань и т. п. Было постановлено прорыть новый канал, соединивший Волгу с Невой, учрежден Государственный банк (указ 25 мая) с капиталом в 5 млн. руб. и с правом выпуска банковых билетов на ту же сумму².

Следует отметить волнения среди рабочих одной из крупнейших мануфактур, Московского Суконного двора, и их жестокое подавление в феврале 1762 г.³ Характерен также указ о строжайшем наказании рабочих, виновных в уклонении от работы и в «возмущении и беспокойствии»⁴.

¹ А. Романович-Славягинский. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Изд. 2, Киев, 1912, стр. 201.

² ПСЗ, т. XV, № 11489, стр. 959—966; № 11550, стр. 1021—1023.

³ О движении рабочих людей см. вторую главу настоящих «Очерков».

⁴ ПСЗ, т. XV, № 11514, стр. 983—985.

Указ 21 марта 1762 г. о секуляризации церковных имений был подготовлен при Елизавете Петровне, а вопрос поставлен еще при Петре I. Хозяйственное состояние церковных имений было очень плохим, а руководство ими со стороны церковных властей сделало монастырских крестьян самой разоренной из всех категорий крепостного населения. Волнения среди монастырских крестьян в этот период особенно участились и принимали все более широкий характер. После секуляризации бывшие монастырские и архиерейские крестьяне были переданы в ведение специально учрежденной Коллегии экономии с уплатой в казну рублевого оброка, вносившегося сверх 70 коп. подушной подати (с души м. п.). Духовенство, особенно высшее, было крайне возмущено этой мерой. Екатерина II при своем воцарении из осторожности приостановила секуляризацию.

В январе 1762 г. было объявлено разрешение старообрядцам, бежавшим в Польшу, возвратиться на родину и поселиться в Сибири. 21 февраля издан манифест об уничтожении Тайной канцелярии.

Указанные мероприятия царского правительства не только не нарушали интересов господствующего класса, но, как и указ о вольности дворянства и меры по усмирению крестьянских волнений, всецело удовлетворяли интересы дворянства.

Духовенство было сильно раздражено указом о секуляризации, а также личным поведением Петра III, открыто смеявшегося над православными церковными обрядами.

Резкое недовольство, особенно среди офицерского состава армии, возбуждала антинациональная внешняя политика Петра III. Гвардия в Петербурге была, кроме того, озлоблена появлением при императоре привилегированного голштинского отряда и демонстративными оскорблениями, которые Петр Федорович наносил гвардейцам. Снова вставал призрак немецкого засилья. Главную роль в армии получил принц Георг Голштинский, дядя императора; он был введен в состав вновь учрежденного (вместо Конференции) Совета при императоре. В Совет вошли также Б.-Х. Миних, Н. П. Вильбоа, канцлер М. И. Воронцов, Н. Ю. Трубецкой, А. П. Мельгунов и Д. В. Волков¹. Новый Совет сразу поставил себя в положение верховного учреждения, предписав Сенату представлять ему точные сведения о государственных доходах и расходах. Больше того, в указе, подписанном только членами Совета, Сенату запрещалось публиковать такие указы, «кои в некоторый закон или хотя в подтверждение прежних служат, не представив наперед нам и не получа на то апробации»².

При Петре III еще более возросли влияние и роль генерал-прокурора. А. И. Глебов, сменивший Я. П. Шаховского, сам составлял все решения

¹ ПСЗ, т. XV, № 11538, стр. 1006.

² ИПС, т. II, стр. 317.

и резолюции на доклады Сената, а Петр III только подписывал. При этом Глебов проводил ряд решений, в которых преследовал свои личные корыстные цели.

Другую придворную партию составлял кружок приверженцев Екатерины Алексеевны. Подчеркнутое стремление Екатерины показать себя русской и внимание, оказываемое гвардейским офицерам, усиливали ее тесные связи с гвардией.

В июне 1762 г. мысль о заговоре среди гвардейских офицеров уже вполне созрела. Легкость дворцовых переворотов объясняется тем, что борьба шла внутри правящего класса. 28 июня Екатерина Алексеевна была провозглашена самодержавной императрицей, а на следующий день гвардия, предводимая Екатериной, выступила против императора. Последний растерялся и без сопротивления подписал свое отречение. Его отправили в Ропшу, где 6 июля он был убит.

Положение нового правительства на первых порах не было устойчивым. Далеко не все дворянские круги и отдельные влиятельные лица из тех же дворян были довольны исходом переворота 28 июня; радовались исчезновению Петра III, но не все приветствовали Екатерину в качестве самодержавной императрицы. По мнению многих, она могла быть только регентшей, правительницей государства на время малолетства ее сына, в. кн. Павла, законного наследника престола.

Легкость, с какой был совершен переворот 1762 г., разбудила в гвардейской молодежи мысли о повторении «действия» 28 июня. Несколько попыток в этом направлении имели место в 60-х годах. В Шлиссельбургской крепости содержался свергнутый с престола за двадцать лет перед тем император Иван Антонович. В октябре 1762 г. были арестованы С. Гурьев и П. Хрущев, офицеры гвардейского Измайловского полка, болтавшие о правах «Иванушки» на престол и заподозренные в заговоре. Весной 1763 г. обнаружен кружок недовольных, группировавшихся вокруг камер-юнкера Хитрово. 5 июля 1764 г. поручик Минович, командовавший ротой, временно стоявшей гарнизоном в крепости, поднял военный мятеж с целью освободить Ивана Антоновича и провозгласить его императором. Охрана имела инструкцию не выпускать узника живым, и Ивана Антоновича убили прежде, чем он мог быть освобожден. Это была наиболее серьезная попытка лишить Екатерину II престола.

Чтобы удержаться на престоле, Екатерине II надо было угождать возвысившему ее дворянству, рупором которого была прежде всего гвардия, и не ссориться со сколько-нибудь влиятельными кругами. Она осторожно проводила кое-какие мероприятия, чаще всего касавшиеся давно наметившихся вопросов, особенно таких, по которым взгляды господствующего класса уже успели в основных чертах определиться.

Екатерина II вела переписку с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером и другими представителями западноевропейской общественной мысли, не считая присяжного распространителя ее взглядов в Европе — Ф.-М. Гримма. Переведенный на французский язык «Наказ» и переписка с просве-

ценными иностранцами создали Екатерине II в Западной Европе славу представительницы «просвещенного абсолютизма».

Став самодержавной императрицей без всяких династических прав, Екатерина II не могла не понимать трудность своего положения. Тонкий от природы практический ум указывал ей, что не следует нарушать интересы тех, кто помог ей стать императрицей и кто мог при случае содействовать новому перевороту, т. е. интересы русского дворянства. Острым вопросом было положение монастырских крестьян¹.

По своему воцарении Екатерина желала заручиться поддержкой духовенства и в то же время не раздражать чрезмерно крестьян. Она сначала отменила указ 21 марта 1762 г. о секуляризации церковных имений, но крестьянские волнения усилились. Екатерина II убедилась, что авторитет духовенства в глазах населения далеко не так велик, как она думала, и что дворяне сочувственно смотрят на переход монастырских земель в казну, видя в этих землях запас для будущих раздач.

Уверившись, что от проведения намеченной меры опасность ей не грозит, Екатерина II в 1764 г. несколькими указами передала монастырские земли с населявшими их крестьянами в ведение восстановленной Коллегии экономии, что увеличило доходы казны.

Другой наболевший вопрос заключался в размежевании частных, главным образом дворянских, земель. Попытка размежевания при Елизавете Петровне, как указывалось выше, не удалась, потому что межевщики были обременены проверкой прав владения. 25 мая 1766 г. изданием новой межевой инструкции началась операция генерального межевания, законченная лишь в XIX в. И в этом Екатерина II могла встретить только общее сочувствие господствующего класса, тем более что отменила ревизию прав владения.

Стремясь к дальнейшему упрочению своего положения на русском престоле, Екатерина II реформировала Сенат. Ее целью было превратить Сенат в послушное орудие своей власти, не допустить возможности образования в Сенате каких бы то ни было оппозиционных группировок. Шаг к осуществлению этой реформы сделал Н. И. Панин, талантливый русский дипломат, долгое время занимавший пост посланника в Швеции. Он выступил с проектом учреждения постоянного «Императорского совета». По образцу Швеции, где власть короля была сильно ограничена дворянством, Панин проектировал ограничение власти новой самодержицы. Совет должен был состоять из шести человек; в это число входили руководители трех «государственных» коллегий и «статский секретарь внутренних дел». Совет должен был занять место коллективного органа, ведавшего при Елизавете Петровне всеми внутренними делами империи, — Сената. Последний, по проекту, предполагалось разделить на

¹ По третьей ревизии 1762 г. монастырские крестьяне составляли 991 761 душ м. п., или 13,8% всего сельского населения империи (без Украины и прибалтийских губерний).

6 департаментов¹. Раздробленный таким образом Сенат потерял бы свое прежнее значение.

Панинский проект имел много противников. Один из активных участников переворота 28 июня, генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, писал: «Я не знаю, кто составитель проекта, но мне кажется, как будто он под видом защиты монархии тонким образом склоняется более к аристократическому правлению. Обязательный — государственным законом установленный Императорский совет и влиятельные его члены могут с течением времени подняться до значения соправителей»². Среди противников проекта раздавались голоса, что совет этот лучше уж назвать просто «верховным тайным советом». Воспользовавшись разногласиями между сановниками, Екатерина II отказалась от проекта, но твердо ухватилась за его заключительную часть. 15 декабря 1763 г. она разделила Сенат на шесть департаментов, причем два из них должны были находиться в Москве. Два департамента — петербургский и московский — должны были заниматься судебными делами, поделив их между собой по территориальному признаку, по губерниям; один занимался делами Украины и Прибалтики; один заменял собою московскую сенатскую контору, и только первый департамент, которому поручалось распубликование законов, сохранил за собой политическое значение³.

Так определился облик центрального управления империей: при наличии раздробленного и утратившего прежнюю политическую силу Сената, Екатерина правила единолично с помощью руководителей трех государственных коллегий и генерал-прокурора, соответствовавшего «статскому секретарю внутренних дел» панинского проекта. В отдельных случаях она созывала совещания «Совета при высочайшем дворе», исторического преемника елизаветинской Конференции, состоявшего из высших сановников по выбору самой Екатерины. Классовая дворянско-бюрократическая база центрального управления осталась неизменной.

В начале 60-х годов произошли некоторые перемены в сфере местного управления. По вопросу о том, как должно быть построено местное управление, боролись два течения — дворянско-бюрократическое и дворянско-корпоративное. Что местное управление должно находиться в руках дворянства, не сомневались ни дворянское правительство, ни сами дворяне; вопрос шел только о том, должны ли быть органы местного управления чисто бюрократическими или же в нем должны принимать участие (или даже играть ведущую роль) выборные органы дворянства как правящего привилегированного сословия. Непрерывно возникавшие крестьянские волнения также выдвигали в первую очередь изменения в областном управлении.

Осторожность, с которой Екатерина II приступала ко всем делам в первые годы, привела к тому, что вопрос о преобразовании местных

¹ Сб. РИО, т. 7, стр. 214—216.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5, стб. 1392—1393.

³ ПСЗ, т. XVI, № 11989, стр. 462—468.

учреждений был облечен в скромную форму разработки новых штатов, одинаково касавшейся и центральных учреждений. Представленный бывшим генерал-прокурором Я. П. Шаховским проект Сенат одобрил с небольшими дополнениями. Проект вводил новое губернское деление, основанное на приблизительном численном равенстве населения, вводил новый высший орган — генерал-губернаторов, надзиравших за деятельностью губернаторов¹. Этим он отличался от учреждений 1727 г.

Главная особенность проекта Шаховского заключалась в попытке провести последовательное сочетание службы по назначению со службой по выбору и притом не только от дворянства, а в некоторых случаях даже и от купечества. При генерал-губернаторе должны были состоять выборные из дворян и купцов по одному от каждой подведомственной ему губернии и от каждого сословия. Из дворян должны были назначаться и товарищи губернаторов и провинциальных воевод, а в уездах, независимо от обычных органов управления, дворяне должны были избирать из своей среды особого комиссара, на которого возлагался надзор за внешним порядком в уезде, за исправностью дорог и мостов и преследование корчемства.

Утверждение проекта Шаховского было бы решительным торжеством течения в пользу выборного дворянского представительства в местном управлении; проект частично шел также навстречу купечеству. Однако и на этот раз чисто бюрократический, хотя и дворянский, порядок восторжествовал. Среди столичной дворянской бюрократии нашлись противники проекта, и, как это было и в вопросе об Императорском совете, Екатерина приняла сторону бюрократического течения. Преобразовательные попытки ранних лет царствования Екатерины практически выразились главным образом во введении во всех учреждениях империи новых штатов 15 декабря 1763 г. Штаты увеличили число чиновников и их содержание.

В 1765 г. в Петербурге было основано первое русское ученое общество, названное Вольным экономическим. Вольное экономическое, т. е. не подчиненное общему правительственному аппарату, общество имело своей задачей улучшение сельского хозяйства в России. Среди учредителей находились высшие сановники — Г. Г. Орлов, Р. И. Воронцов и др.; первым президентом был А. В. Олсуфьев, один из статс-секретарей Екатерины II. Ближайший вопрос, которым Обществу пришлось заняться, был связан с получением письма от «неизвестной особы», подписанного «И. Е.», — автором письма была Екатерина. В связи с этим письмом Вольное экономическое общество поставило на обсуждение вопрос: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение, сколь далеко его права на то или другое имение

¹ «Записки Я. П. Шаховского». Изд. «Русской старины», СПб., 1872, стр. 202—203; Ю. В. Горе. История областного управления в России..., т. II, М.—Л., 1941, гл. V, стр. 168—180.

простираются должны?» Было премировано присланное сочинение французского ученого Беарде де Лабеля. Он считал необходимым в интересах помещиков освобождение крестьян с небольшими наделами земли, что должно было обеспечить помещикам постоянный контингент выгодных арендаторов, однако эта реформа могла быть осуществлена лишь после предварительного воспитания крестьян. Наиболее интересной была работа А. Я. Поленова, предлагавшего отвести крепостному крестьянину в наследственное владение достаточный земельный участок, с точным определением повинностей в пользу помещика. Поленов предлагал позволить богатым крестьянам выкупаться на волю и записываться в мещане. Он считал крепостное право «конечным угнетением» крестьян и признавал его не только «вредным для общества, но и опасным». Ответ Поленова получил золотую медаль, но не был напечатан, и автору не давали затем хода по службе. Вольное экономическое общество считало подобные взгляды опасными. Среди авторов присланных работ был также поэт А. Сумароков, выразивший мнение дворянства. Он писал, что «сделать русских крепостных людей вольными нельзя».

Постановка вопроса о крестьянской собственности отражала обострение классовой борьбы в стране, особенно рост крестьянских волнений. Но обсуждение его и премирование слабой работы иностранного автора обнаруживало нежелание правящих кругов серьезно заняться крестьянскими делами.

Вопрос о пересмотре всего законодательства империи был также старым и наболевшим. Действующим кодексом считалось Соборное уложение 1649 г., совершенно устаревшее. Летом 1767 г. Екатерина созвала в Москву депутатов со всей империи, для того чтобы, как она позднее сама выразилась, узнать, «с кем дело имеем и о ком пецись должно», и, узнав это, составить новый имперский кодекс, обнимающий все отрасли законодательства. Но не меньшее значение имела политическая задача, поставленная при созыве Комиссии, — содействовать укреплению нового правительства, поднять его авторитет как внутри страны, так и за границей.

Для Комиссии 1767 г. императрицей был составлен «Наказ» — компилятивное политико-философское произведение, отличающееся смешением самых разнообразных источников. В нем изложены некоторые наиболее умеренные взгляды просветительной философии того времени¹; основные его положения, однако, определялись русской действительностью и харак-

¹ Екатерина II сама признавалась, что она «обокрала господина президента», т. е. президента бордоского парламента Монтескье и его знаменитое произведение «Дух законов». Восьмая глава «Наказа» представляет собою извлечение из столь же известного в то время сочинения итальянского философа-просветителя Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Много заимствований сделано из немецких произведений по публичному праву (Юсти, Зонненфельса и Блюменфельда), служивших Марии-Терезии и Иосифу II материалом для организации австрийского полицейского государства.

тером внутренней политики правительства Екатерины II. «Наказ» с его двумя дополнениями состоит из 22 глав, содержащих 655 статей¹.

Перед открытием Комиссии Екатерина созвала «разных персон, вельми разномыслящих», чтобы они выслушали «Наказ», и дала критикам свободу вычеркивать все то, что они найдут необходимым. «Вельми разномыслящие персоны» удалили из «Наказа» ряд высказываний императрицы, в особенности о крестьянах, и в этом виде «Наказ» был напечатан к открытию Комиссии; но и сокращенный он был мало понятен депутатам Комиссии. Это не был ни закон, ни практическая инструкция.

В первоначальном тексте «Наказа» Екатерина II устанавливала различие между крепостным состоянием и холопством, т. е. рабством, которое признавала «великим злоупотреблением». Вотчинную юрисдикцию помещика она понимала как государственное поручение, где дворянин выступает в качестве «судьи, а не господина». Екатерина II требовала строгого выполнения указа Петра I о назначении опеки над жестокими помещиками. Она предлагала признать за крестьянами право на движимую собственность, предоставить им право выкупа на свободу, хотела сократить число дворовых, точно определить размеры крестьянских повинностей в пользу помещиков.

В печатный текст «Наказа» эти предложения не вошли. В нем осталось лишь немного: ссылка на указ Петра I об опеке над умалишенными и жестокими помещиками, пожелание допустить собственность для крестьян. Екатерина легко отказалась от первоначальных положений «Наказа», к которым она и не относилась серьезно.

Говоря о государственном устройстве, Екатерина II подчеркнула необходимость для России самодержавия и не забыла привести традиционное теократическое обоснование абсолютизма. Екатерина II считалась с принципом законности: власть «должна действовать пределами, себе ею ж самою положенными»². Идеалом Екатерины была чиновничье-дворянская абсолютная монархия.

Мысль о смягчении уголовного права проявилась в указании, что «употребление пытки противно здравому естественному рассуждению». Екатерина высказалась против смертной казни, однако лишь при спокойном состоянии государства. Она резонерствует на тему, что «гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать»³, и т. п. Расплывчатые «либеральные» положения «Наказа» являлись лишь лицемерной фразой, далекой от действительности; Екатерина ничего не сделала для претворения их в жизнь. По справедливому замечанию Г. В. Плеханова,

¹ ПСЗ, т. XVIII, № 12949, стр. 192—280; Дополнения к наказу: № 13075, стр. 473—478, № 13096, стр. 512—522; «Наказ имп. Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.

² ПСЗ, т. XVIII, № 12949, стр. 278.

³ «Наказ имп. Екатерины II...», СПб., 1907, стр. 30, 54, 61—62, 72, 74.

⁴ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. III. М., 1918, стр. 120.

«она никогда не увлекалась серьезно освободительной философией, хотя ей нравились некоторые взгляды французских просветителей».

Манифест о созыве Комиссии для составления нового Уложения был издан 14 декабря 1766 г. Торжественное открытие ее происходило 30 июля 1767 г. Депутаты созывались на полгода, но затем их функции были продолжены до роспуска общего собрания Комиссии. От дворян избиралось по одному депутату от каждого уезда, от горожан — по одному депутату от каждого города; однодворцы, пахотные солдаты и старых служб служилые люди избирали по одному депутату от каждой провинции; черносошные, ясачные, приписные и экономические крестьяне выбирали по одному представителю от провинции. Посылали своих депутатов и казачьи войска, но помещичьи крестьяне представительства не имели. Таким образом, большая половина населения была лишена права выбора депутатов.

Каждый депутат должен был получить от своих избирателей наказ с изложением нужд и пожеланий избравшего его общества. Порядок избрания депутатов был различен для каждой социальной группы и в общем оказался очень сложным.

Дворяне уезда, собравшись в уездном городе, должны были выбрать из своей среды «предводителя» сроком на 2 года, затем под его руководством избрать депутата в Комиссию и составить для него наказ. Так впервые появилась должность уездного предводителя дворянства и собраний уездные дворянские собрания; и то и другое нашло позднее свое место в Жалованной грамоте 1785 г.

В городах для проведения выборов от городского населения, точнее от купцов и живших в городе дворян, избирались также, впервые появившийся на исторической сцене, «городской голова» и «поверенные», числом не менее 100, из среды которых избирался депутат, также снабжавшийся наказом. Все города — от столичных до самых незначительных — имели равное представительство.

Выборы от сельского населения были трехстепенными: однодворцы, черносошные крестьяне, включая приписных и экономических крестьян, казаки и отдельные «кочевые» народы избирали «погостных поверенных», те из своей среды — «уездных поверенных», из которых уже выбирался депутат, получавший иногда даже несколько наказов ввиду громадного объема представляемой им среды.

Духовенство представлял единственный депутат от Синода.

Общее число съехавшихся депутатов¹ и привезенных ими наказов определяется такими цифрами:

¹ В. Н. Латкин. Законодательные Комиссии в России в XVIII ст., т. I, СПб., 1887, стр. 250. А. В. Флоровский отмечает, что число депутатов колебалось отчасти вследствие передачи ими своих мандатов и по другим причинам; дворянских депутатов на 1 сентября 1767 г. было 154, а к моменту роспуска Комиссии — 161; городских депутатов было 208—211; от государственных крестьян Великороссии и Украины — 62, пред-

	Ч и с л о	
	депутатов	наказов
От учреждений	28	28
» дворян	161	161
» городов	208	210
» различных разрядов сельского населения	167	1066
Всего	564	1465

Уложенная комиссия выделила из своей среды три частные комиссии административно-распорядительного характера: дирекционную (фактический президиум «большой» комиссии), экспедиционную (делопроизводство) и особую комиссию по разбору наказов. Позднее для разработки отдельных частей будущего Уложения Комиссия выделяла частные комиссии, обычно в составе 5 чел. Всех частных комиссий, включая 3 распорядительных, было 19. Председателем, или «маршалом», Комиссии Екатерина II назначила генерала А. И. Бибикова, впоследствии командовавшего карательными войсками против восставших под руководством Е. Пугачева крестьян. Ведение протоколов общих собраний Комиссия поручила «держателям дневных записок» из молодых дворян, начавших службу; в числе их был и Н. И. Новиков.

По пути из Петербурга в Москву Екатерина II совершила путешествие по Волге до Симбирска, откуда сухим путем прибыла в Москву в июле 1767 г. По дороге крепостные крестьяне засыпали ее жалобами. В Москве она тотчас же издала указ, которым под строжайшим наказанием запрещалось крепостным приносить «монархине» какие бы то ни было жалобы на своих помещиков. Указ 1767 г., вместе с указом 1765 г. о праве помещиков ссылать крепостных на каторгу, лучше всего характеризует отношение Екатерины II к крепостному праву.

О том, как работала Комиссия об Уложении, может дать понятие перечень занятий за все время ее существования. После торжественной церемонии открытия и заседаний, посвященных чтению «Наказа» императрицы, Комиссия перешла к наказаниям, привезенным депутатами (8 августа — 11 сентября); далеко не кончив рассмотрение этого огромного материала, она приступила к обсуждению «прав благородных» (11—25 сентября); не закончив этого, она обратилась к обсуждению прав городского населения (25 сентября — 20 ноября), после чего до окончания московских заседаний в декабре 1767 г. занималась рассмотрением прав прибалтийского дворянства. Распущенная в конце декабря, Комиссия собралась в середине февраля 1768 г. в Петербурге. Здесь предметом обсуждений Комиссии стали законы о юстиции, причем именно в этот период происходили жаркие и интересные прения по крестьянскому вопросу, во время которых с сильным протестом против крепостных порядков выступили депутаты — от казаков Алейников и от государственных крестьян Иван Чупров. Прогрессивные депутаты от дворянства — Григорий Коробьин, Я. И. Козельский — предлагали нормировать законом барщину и оброк, а

«ставителей зажиточной верхушки ряда нерусских народов — 52, от казаков — 46—54 (А. В. Флоровский. Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг., Одесса, 1915).

также предоставить крепостным крестьянам движимую собственность. На Коробьина ополчился ярославский депутат М. М. Щербатов — главная ораторская сила дворянского лагеря. Он говорил, что крестьянам нельзя предоставить право собственности, так как земля пожалована помещикам царями. Щербатов соглашался лишь на некоторые мероприятия против отдельных случаев чрезмерных насилий, произвола и злоупотреблений помещиков. Предложение Коробьина было отвергнуто¹.

С июля до октября 1768 г. Комиссия, не приняв определенных решений ни по одному из обсуждавшихся ранее вопросов, перешла к рассмотрению уже подготовленного особой комиссией «Проекта прав благородных». Одобрив в общем, но не утвердив проекта, Комиссия 9 октября занялась законами о поместьях и вотчинах, которые «читались» до окончательного роспуска общего собрания в конце 1768 г. Таким образом, за полтора года работы Комиссия металась от одного вопроса к другому и не достигла никаких положительных результатов. Между тем в ее распоряжении имелся огромный материал. Особенно интересны привезенные депутатами наказы, в которых ярко отражались и положение страны в целом, и классовые стремления, и требования отдельных социальных групп.

Наказы государственных крестьян содержат требования облегчить многообразный гнет, тяготевший и над теми массами, которые не были закрепощены в частное владение, — гнет бесправия и тяжелых налогов и повинностей. Это особенно ярко видно в наказах народов Поволжья и других народностей, для которых произвол правительственных чиновников был не менее тяжел, чем помещичья власть над крепостными.

В наказах от государственных крестьян центральное место занимали вопросы экономического характера. С разных концов страны из государственной деревни раздавались жалобы на малоземелье; например в Устюжском уезде, по словам наказа, приходилось «по пяти осмин четверти» на душу. Такие же жалобы содержались в наказах однодворцев и пахотных солдат центральных районов. Марийцы Казанской губернии также говорили, что «пашенной земли и сенных покосов и протчих угодий имеем весьма мало», о том же писали в своих наказах государственные крестьяне Приуралья. Основную причину малоземелья наказания видели в захватах; в Приуралье главная вина лежала на владельцах горных заводов и чиновниках, в центре и в южных уездах казенные крестьяне терпели от захватов со стороны дворян, в северных — от богатых купцов-землевладельцев. Татары Казанской губернии указывали на захваты их земель русскими помещиками. Повсюду крестьяне просили о дополнительном наделении их земель, об ограждении собственности и урегулировании споров². Крестьяне, приписанные к горным заводам, жаловались на тя-

¹ Сб. РИО, т. 32, стр. 83—85.

² В. Н. Бочкарев. Земельные нужды русской деревни. Сб. статей в честь Ключевского. М., 1909; его же. Вопросы политики в русском парламенте XVIII в. Тверь, 1923; А. В. Флоровский. Из истории екатерининской Законодательной комиссии 1767 г., Одесса, 1910.

жесть возросшего подушного обложения, на низкую оплату работ по рубке леса и выжигу угля, на тяжесть подводной повинности. Заводские работы совпадали с временем полевых работ, и крестьяне вынуждены были нанимать вместо себя вольных людей для выполнения заводских повинностей. Крестьяне Соликамского и Чердынского уездов просили об освобождении от заводских работ. Особенно часты жалобы на отдаленность заводов от приписных деревень — на 200—300 и даже на 500—600 верст. Крестьяне ехали на заводы 12—16 дней, не получая оплаты за время нахождения в пути¹.

Крестьянские наказы содержали жалобы на купечество, стремившееся ограничить или прекратить торговлю крестьян между собою и продажу ими своих товаров иногородним покупателям. Крестьянам разрешалась торговля в городах лишь до полудня (по Таможенному уставу 1755 г.), вследствие чего они спешно продавали свой товар, чтобы не задерживаться в городе на следующий день. Наказ от крестьян Хлыновского уезда содержал жалобы, что купцы «для продажи в праздничные дни и на базары не допускают»².

Наказы отразили тяжелое положение государственных крестьян перед восстанием 1773—1775 гг. В крестьянских наказах выразились прогрессивные требования — увеличить крестьянское землевладение, уменьшить налоговое бремя, расширить крестьянскую торговлю. Их осуществление способствовало бы общему подъему страны — росту производства и усилению рыночных связей, ослаблению крепостничества, вело бы к развитию зарождавшихся капиталистических отношений.

Дворянские наказы, несмотря на различия в отдельных случаях, отражали классовые интересы «дворянского корпуса», связанные с землей и душевладением. Дворянство жаловалось на недостатки законодательства, на излишнюю централизацию в регистрации земельных актов, для чего приходилось ездить в Юстиц-коллегию и Вотчинную коллегию. Оно просило перенести разбор поземельных дел на места, отменить всякие стеснения в праве распоряжения имениями. В наказах содержались настойчивые просьбы о размежевании земель.

Помещики жаловались на побег крестьян. Их не удовлетворяла система взимания подушной подати, они просили об исключении из оклада стариков, увечных и умерших.

Дворянские наказы заострены против купцов как скупщиков сельских продуктов и конкурентов на сельскохозяйственном рынке. В наказах имелись жалобы на недостаточность кредита, просьбы об открытии провинциальных банков для дворян и учреждении казенных хлебных магазинов, откуда можно было бы получать хлеб во время неурожая. Дворянство

¹ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб., 1901, стр. 434.

² В. Боголюбов. Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам в екатерининскую Законодательную комиссию 1767 г. Казань, 1913, стр. 46.

жаловалось на участвовавший «разбой и воровство» и считало полицейский надзор недостаточным; в ряде наказов содержались просьбы о сохранении пыток и жестоких наказаний по Уложению 1649 г.

Особенно часты были пожелания дворянства о выборах дворянских местных властей.

Наказы говорили о создании дворянского «корпуса», или самоуправления, о выборных дворянских судебных органах. Впоследствии Екатерина полностью осуществила эти притязания дворянства. Наказы показывают перемещение интересов дворянства от центра на места — в имения и уезд¹.

Дворяне требовали сохранения всех существовавших тогда прав и привилегий, исключительного права владеть землей и крестьянами, господства в местном управлении. Дворянское звание не должно выслуживаться продвижением по Табели о рангах, его жалует только монарх за выдающиеся заслуги. Наряду с этим раздавалось требование полной свободы в области промышленности и торговли. Все это отражено в подготовленном Комиссией «Проекте прав благородных» и в значительной мере было осуществлено Жалованной грамотой 1785 г. Прибалтийское дворянство энергично настаивало на сохранении своих привилегий, а украинское, образовавшееся из казацкой старшины, больше всего добивалось уравнивания в правах с российскими дворянами.

Столь же определенный классовый характер носили указы городов, в которых отразились интересы купечества, сознававшего свое растущее значение. Городские указы стремились не только сохранить те льготы, которыми купечество уже обладало, но и получить исключительное право владеть промышленными и торговыми предприятиями, проводя в этой области открытое наступление на дворянскую крепостную «фабрику», на оптовую торговлю дворян хлебом и т. д.

Городские указы, как и выборы депутата, направлялись от всего города, а не только от его посадского населения. Но дворяне принимали мало участия в составлении городских наказов, несколько более активно участвовало вместе с купцами чиновничество. Наказы разных городов имели много общего, весьма часты были заимствования, что объясняется сходством местных условий².

Основной мыслью городских наказов было противопоставление купечества остальным классам — сословиям, обособление его; занятие торговлей и промышленностью должно стать исключительной привилегией купечества. Так, казанский наказ просил ограничить торговлю дворян лишь тем, что «родится в вотчинах». Симбирский наказ содержал требование передачи всех «фабрик» и заводов, кроме горных, в руки купечества. Го-

¹ М. М. Богословский. Дворянские указы в екатерининскую комиссию 1767 г. «Русское богатство», 1897, № 6, стр. 46—83; № 7, стр. 136—152.

² С. В. Вознесенский. Городские депутатские указы в екатерининскую комиссию 1767 г. «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1909, ноябрь — декабрь; А. А. Кизевеггер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 234.

родские наказания заострены также против торговли и промыслов крестьян. Алатырский наказ предлагал разрешить крестьянам продавать лишь то, что «родится в деревне», а чухломский и другие стояли за полный запрет крестьянам заниматься «купеческими промыслами и торгами». Городские наказания возражали против привилегий владельцев мануфактур, освобождавших их от повинностей и сборов, и выражали пожелания об уравнивании их с остальным населением города. Много предложений высказано о цеховом устройстве ремесла: «не записавшись в цех, никакого ремесла не производить», — говорится в наказе от Симбирска.

Купечество просило об укреплении органов городского самоуправления — магистратов и ратуши. Большое место отводилось жалобам на тяжесть купеческих повинностей. Вологодский наказ просил уничтожить купеческие службы при казенных сборах, другие выдвигали мысль о замене служб денежным сбором. Тягостна была подводная повинность и размещение войск постоем по домам горожан. Многие наказания содержали просьбы об освобождении купцов от подушной подати и от телесных наказаний.

Рекрутскую повинность купечество просило заменить денежным налогом или правом покупки у помещиков крестьян для сдачи их вместо себя в рекруты. Городские наказания полны просьбами о разрешении купечеству покупать крепостных. Оно хотело сравняться с дворянством также и в праве на эксплуатацию крепостного труда.

Наказ Москвы (и близкий к нему наказ от Петербурга) представляет значительный интерес. В выборах депутатов от столиц и в составлении наказов принимали активное участие не только купечество и верхушка ремесленников, но и дворянство и знать¹. В наказах перечислялись нужды городского хозяйства, содержалась просьба об учреждении банка для выдачи ссуд на строительство каменных домов, об увеличении числа врачей и аптек, учреждении городского суда и т. п. Купеческие интересы проявились в просьбах об увольнении от казенных служб при продаже соли, об учреждении училищ для купцов.

Противоречие дворянских и купеческих интересов в области торговли и промышленности не раз отражалось в высказываниях депутатов на общих собраниях Комиссии. Частные комиссии, подготовлявшие материалы по отдельным вопросам законодательства, работали и после роспуска общего собрания, постепенно снижая темпы, до 1774 г.

Острота социальных противоречий, вскрывшихся при обсуждении ряда вопросов, в том числе крестьянского, бесспорно послужила основной причиной роспуска Комиссии.

Созыв Комиссии преследовал определенную политическую цель — привлечь симпатии к новой императрице как внутри страны, так и за

¹ К. В. Сивков. Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность имп. Екатерины II в 60—80-х гг. XVIII в. — «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», т. LX. 1949.

границей. Торжественность выборов на местах и заседаний Комиссии, выражения верноподданнических чувств со стороны избирателей и депутатов свидетельствовали, что политическая задача укрепления власти была выполнена Комиссией уже в начале ее работы, и это также побуждало не тянуть с продолжением ее занятий. Комиссия показала Екатерине II, что дворянство отнюдь не думало о постоянном органе, ограничивавшем самодержавную власть.

Начало войны с Турцией в 1768 г. оказалось удобным поводом «временно» распустить общее собрание Комиссии, а затем временный роспуск превратился в окончательный.

Материалы Комиссии — ценнейший источник для изучения социально-экономической истории России, классовой структуры феодального общества середины XVIII в.

Оставленный Комиссией обширный материал наказов и в особенности разработанные частными комиссиями проекты послужили материалом для последующего законодательства Екатерины II — для разработки жалованных грамот и губернской реформы.

Секуляризация монастырских имуществ, «Наказ» Екатерины II и Комиссия по составлению проекта Уложения были проявлением на русской почве «просвещенного абсолютизма» в первые годы царствования Екатерины II.

Лицемерно расточая либеральные фразы, Екатерина II на деле настойчиво защищала феодально-крепостнический строй, однако с некоторыми уступками растущей буржуазии.

2

РЕФОРМЫ ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА 70—80-х ГОДОВ

Перед царским правительством во второй половине XVIII в. стоял вопрос об укреплении дворянской диктатуры в условиях обострения классовых противоречий в стране. Необходимо было вооружить дворянство добавочными организационно-политическими средствами, достаточно мощными, чтобы держать крестьян в повиновении и провести дальнейшую централизацию всего управления в руках верховной власти. Вместе с тем возросшее значение купечества в экономической жизни и изменения в составе городского населения также требовали соответствующих изменений в органах управления городами.

Верховный орган государственного управления — Сенат — после реформы 1763 г. утратил свои прежние широкие полномочия. Отняв у Сената его былую политическую силу, лишив его права издавать законы, Екатерина II превратила его в простое бюрократическое учреждение, послушное орудие своей власти. Сенат стал главным образом учреждением административно-судебным, высшим органом суда и надзора за исполнением

законов дворянской монархии. Екатерина II могла с полным правом характеризовать Сенат в своем «Наказе» Уложенной комиссии как «хранилище законов».

Правительство стремилось перейти от коллегиального начала в управлении к единоличному. Так, по существу на положении министра просвещения был И. И. Бецкой, таможенного ведомства — И.-Э. Миних, путей сообщения — Н. Е. Муравьев и т. д.

Значительно усилилась роль генерал-прокурора. Долгое время занимавший эту должность А. А. Вяземский сосредоточил в своих руках функции министра финансов, юстиции и государственного казначея. В его ведении находились также Герольдмейстерская часть, Ассигнационный банк. Почтовое управление, Экспедиция о государственных доходах и Тайная экспедиция.

Екатерина II осуществляла всю полноту самодержавной власти с помощью генерал-прокурора, руководителей трех главных коллегий (Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской), системы статс-секретарей и Императорского совета.

Статс-секретари А. В. Олсуфьев, А. В. Храповицкий, Г. Н. Теплов и др. были непосредственными помощниками Екатерины II, составляли ее кабинет. В этом кабинете рассматривались некоторые внутренние дела, вопросы мануфактурной промышленности, дела Сената и пр.¹

Императорский совет, или, как он официально назывался, «Совет при высочайшем дворе», в первые годы царствования Екатерины II созываемый эпизодически, с 1769 г. стал функционировать как постоянное государственное учреждение. Образованный в связи с началом войны с Турцией, Совет первоначально занимался только вопросами внешней политики, руководства военными действиями. Постепенно круг его деятельности все более расширялся. Он получил права законодательства, осуществления важнейших административных и судебных функций. Возросшее значение Совета при высочайшем дворе в области внутреннего управления видно уже из того, что именно на его заседаниях обсуждались вопросы борьбы с восстанием крестьян 1773—1775 гг.; здесь же был впоследствии утвержден приговор, вынесенный А. Н. Радищеву². По характеру своей деятельности Императорский совет был историческим преемником Конференции Елизаветы Петровны.

Политика правительства во второй половине XVIII в. по отношению к церковному управлению, и Синоду в частности, вызывалась необходимостью окончательного превращения церковной администрации в составную часть аппарата феодально-абсолютистского государства, а также и наиболее полного использования громадных земельных ресурсов и богатств

¹ В. Г. Щеглов. Государственный совет в России в царствование имп. Александра I, т. I. Ярославль, 1892, стр. 686.

² «Архив Государственного совета», т. I. СПб., 1869, ч. 1, стб. 431—458; ч. 2, стб. 737.

церкви в интересах государства и господствующего класса. От церкви требовалась безоговорочная поддержка государственной власти. К концу века вся система церковного управления уже составляла неотъемлемую часть государственного аппарата. Сенат неоднократно выносил решения, затрагивавшие сферу церковной деятельности, не считая нужным согласовать их с Синодом. Синод находился в полном подчинении у светской власти и, по существу, был Коллегией по духовным делам, руководящее значение в которой приобрел представитель светской власти — обер-прокурор.

Мероприятия по дальнейшему укреплению абсолютизма, стремление к дальнейшей централизации управления, к установлению принципа единоначалия и личной ответственности за порученное управление привели в последней четверти XVIII в. к ломке центрального аппарата и к ликвидации большей части коллегий. Коллегии, осуществлявшие прежде основные функции дворянско-крепостнического государства, стали передавать теперь эти функции местным учреждениям, Сенату и вновь образованным (уже по принципу единоначалия) центральным органам управления.

В исключительном положении находились только коллегии Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская. Особое положение этих коллегий определялось тем значением, которое имели их президенты в Сенате, как члены Конференции и Императорского совета, а также их личным влиянием на государей. Отсюда проистекала фактическая независимость этих коллегий от Сената.

Коллегия иностранных дел, возглавляемая особо доверенным лицом, находилась в непосредственных отношениях к верховной власти, формально сносясь с Сенатом доношениями. Вся секретная переписка, связанная с «делами политическими», в частности от губернаторов пограничных губерний (находившихся в ведении Сената), должна была поступать только в коллегию Иностранных дел.

Военная и Адмиралтейская коллегии к середине XVIII в. представляли собою крупнейшие центральные учреждения, имели свои хозяйственные, финансовые, ревизионные и даже судебные части, состоявшие под общим их контролем.

Основным органом финансового управления продолжала оставаться Камер-коллегия (управление и сбор государственных доходов).

С образованием в губерниях казенных палат им были переданы функции Камер-коллегии, которая, таким образом, подлежала ликвидации. Общее же руководство финансовым управлением империи было возложено на Экспедицию о государственных доходах.

Судьба торгово-промышленных коллегий не была одинакова. Мануфактур- и Берг-коллегии разделили судьбу остальных коллегий (кроме трех главных), Коммерц-коллегию упразднить не удалось. Причины сохранения Коммерц-коллегии следует искать не только в отсутствии таких учреждений, которым можно было бы передать руководство

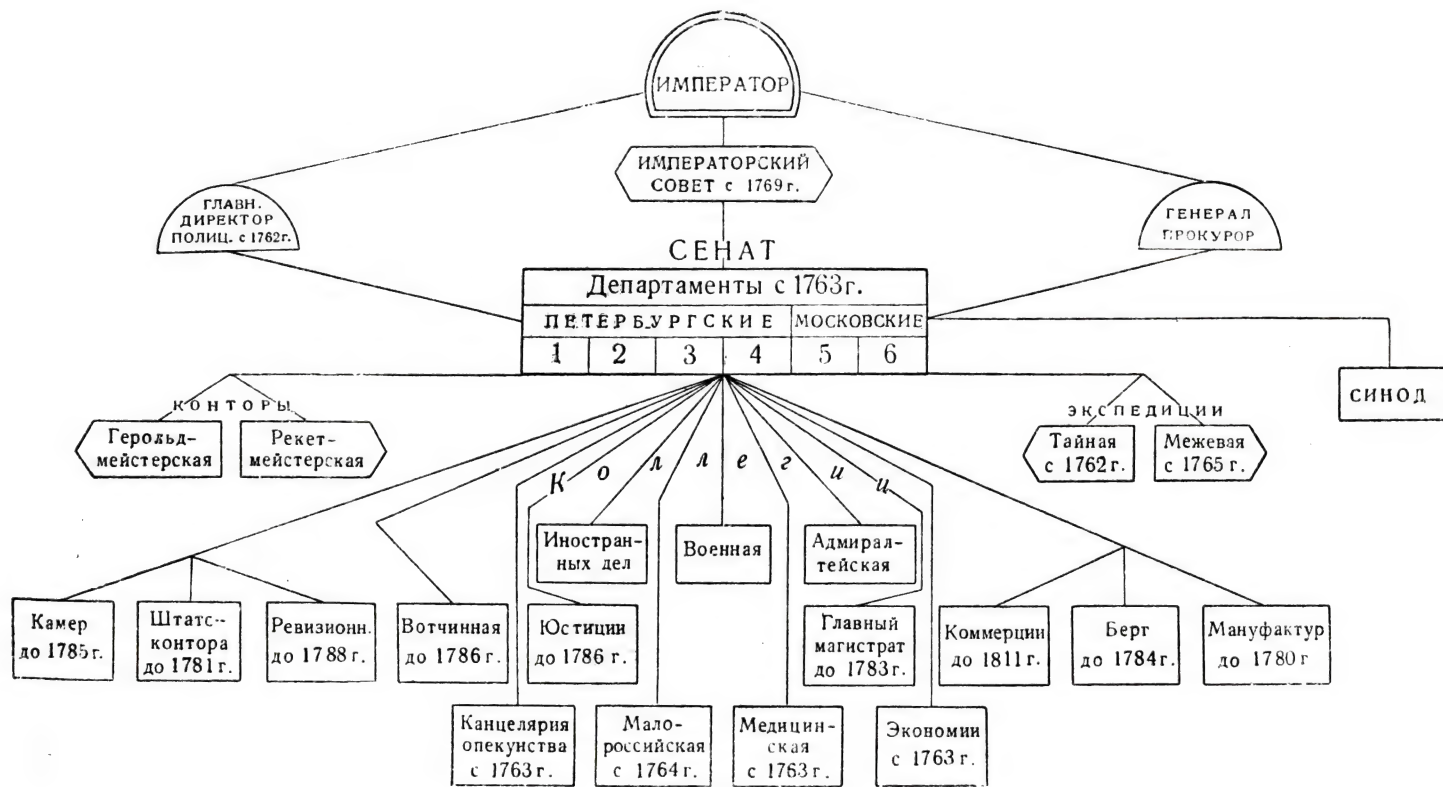


Схема
Центральные органы управления 60—70 гг. XVIII в.

внешней и, в частности, морской торговлей, но и в значении внешней торговли для народного хозяйства и государственного бюджета. Предоставить внешнюю торговлю только частной инициативе (как в промышленности) было невозможно.

Мануфактур-коллегия, восстановленная в 1742 г., продолжала свою деятельность на основании петровского регламента¹. Объем работы Мануфактур-коллегии в середине века значительно вырос в связи с правительственными указами, разрешившими «всем и каждому» заводить «фабрики»². Помимо своих прежних обязанностей, Мануфактур-коллегия приходилось собирать 1%-ный сбор от стоимости произведенных товаров на мануфактурах, вести борьбу с «безуказными» промыслами и особенно с растущей крестьянской промышленностью. Правительство, предоставив помещикам и владельцам мануфактур полную свободу в развитии производства и в эксплуатации работных людей, отказалось от руководства мануфактурами и, более того, предписало губернской администрации не вмешиваться в дела промышленных предприятий.

Мануфактур-коллегия и ее контора были ликвидированы в 1779 г.³. Поощрение частной инициативы и развитие промышленности было поручено казенным палатам и губернским правлениям.

Управление металлургической промышленностью и, в частности, горными казенными заводами, выдача привилегий вновь открываемым горным предприятиям и организация геологоразведочного дела были возложены на Берг-коллегию. С преобразованием губернских учреждений в 1775 г. горные дела поступили в ведение казенных палат. Берг-коллегия была упразднена, и вместо нее в 1783 г. образована Экспедиция для горных дел в составе Экспедиции о государственных доходах⁴.

Юстиц-коллегия продолжала действовать на основании старых положений. С образованием в губерниях (1775) судебных палат им были переданы также апелляционные функции Юстиц- и Вотчинной коллегий. Последние были окончательно ликвидированы в 1786 г., по завершении их прежних дел⁵.

Опубликование Учреждения о губерниях 1775 г. явилось удобным предлогом и для ликвидации в 1780 г. Главного магистрата.

Подчеркивая свой «просвещенный абсолютизм», Екатерина II по тактическим соображениям подтвердила ликвидацию Тайной канцелярии, но сейчас же заменила ее другим органом тайной политической полиции — Тайной экспедицией при Сенате.

Указ 2 июня 1786 г., прекративший деятельность Коллегии экономии, окончательно передал церковные земли государству, а духовным

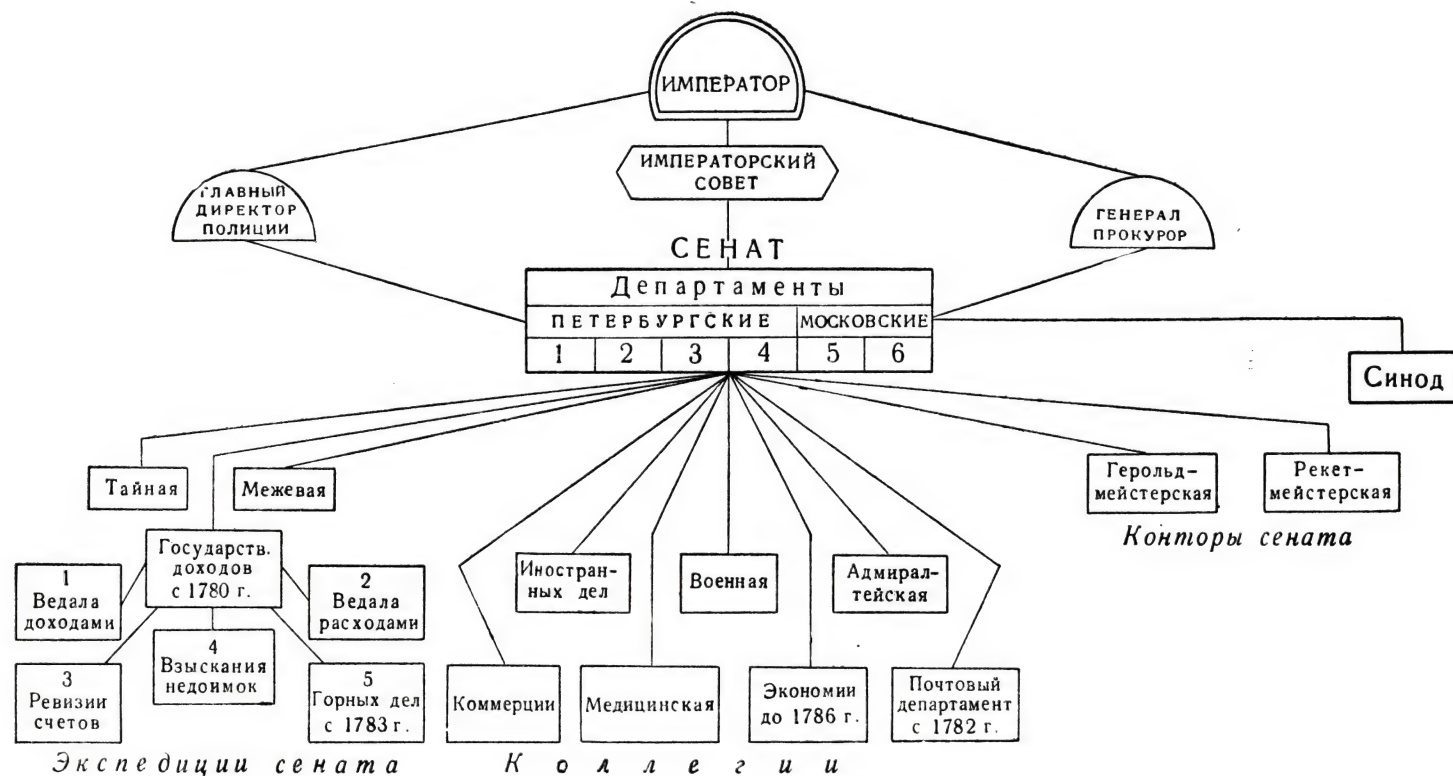
¹ ПСЗ, т. XI, № 8543, стр. 594—596.

² См. об этом первую главу настоящих «Очерков»: «Производительные силы и социально-экономический строй», § 4 «Промышленность».

³ ПСЗ, т. XX, № 14947, стр. 882—883.

⁴ ПСЗ, т. XXI, № 15660, стр. 862—863; № 15740, стр. 923—931.

⁵ Там же, т. XXII, № 16413, указ от 27/VII 1786 г.; т. XXII, № 16110, стр. 267—268.



Схема

Центральные органы управления 80—90-х годов XVIII в. (до 1796 г.)

учреждениям предложил довольствоваться штатным содержанием казны¹. Вместе с тем создаются новые учреждения: Медицинская коллегия (1763) и Почтовый департамент (1782).

Следует отметить образование Экспедиции о государственных доходах, возглавляемой полновластным руководителем, сосредоточившим в своих руках управление рядом отраслей государственного хозяйства, и поглотившей функции финансовых и промышленных коллегий и других центральных ведомств (Главной соляной конторы, Канцелярии конфискации и др.). Подчинение Экспедиции о государственных доходах ряда старых учреждений (монетные конторы и др.) и вновь организованных (банки, казначейства) не могло восполнить пробел, образовавшийся в связи с ликвидацией большинства коллегий.

Правительство Екатерины II, централизовав в немногих учреждениях внутреннее управление государством, получило возможность более оперативно осуществлять руководство государственным аппаратом, усилило ответственность губернских учреждений, передав им ряд функций центральных учреждений. Одновременно оно лишило Сенат его исполнительных органов, перегрузило текущей работой и ослабило контроль над местным управлением.

Местные органы государственного управления во второй половине XVIII в. подверглись серьезным преобразованиям. Основную причину этого следует искать в резком обострении классовой борьбы, которая достигла наибольшей силы в период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Усиление классовой борьбы заставило царское правительство в 1775 г. предпринять крупную реформу местного управления. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» — так назывался законодательный акт, установивший новую систему местных учреждений.

Вся территория страны делилась на губернии. При определении величины и границ губернии не учитывались естественно-географические, исторические и другие особенности тех или иных областей России. В основу разделения страны на губернии и уезды был положен формальный признак — численность податного сельского и городского населения. В губерниях оно не должно было превышать 300—400 тыс., а в уездах — 20—30 тыс.

В. И. Ленин называл такое деление России средневековым, крепостническим, казенно-бюрократическим административным делением².

В соответствии с принятым в 1775 г. новым административно-территориальным делением были созданы учреждения губернские, уездные и городские, которые в свою очередь делились на административные, финансовые и судебные.

К губернским административным учреждениям относились губернское правление, казенная палата и приказ общественного призрения; сюда же

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16399, стр. 604.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 31—32.

следует отнести канцелярию губернского землемера. Судебными учреждениями губернии являлись две палаты гражданского и уголовного суда, три сословных суда второй инстанции (верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя расправа) и совестный суд.

К числу уездных административных учреждений и лиц относились: нижний земский суд, уездное казначейство, уездный предводитель дворянства, капитан-исправник, землемер и лекарь. Судебными учреждениями в уезде являлись сословные суды первой инстанции: уездный суд, дворянская опека и нижняя расправа. Администрацию города возглавлял городничий или комендант, а судили городское население (мещан) — городской магистрат, городской сиротский суд, ратуша в посадах и словесные суды в частях города¹.

Во всех звеньях нового административно-территориального деления количественно преобладали судебные учреждения. Обращает внимание также обилие учреждений в губернском городе. Это было прямым результатом ликвидации провинции, промежуточного звена между губернией и уездом. Многие учреждения, в том числе сословные суды второй инстанции, проектируемые ранее для провинции, оказались поэтому в губернском городе.

Всего было образовано 50 губерний. Согласно Учреждению о губерниях, во главе каждой губернии должен был стоять главнокомандующий, он же государев наместник, или генерал-губернатор. Но в действительности власть генерал-губернатора была гораздо шире: он возглавлял обычно две, а иногда даже три губернии. Непосредственно же губернией управлял «правитель» губернии, т. е. губернатор.

Главнокомандующий получил чрезвычайно большие полномочия и права. Он не только руководил местными учреждениями и должностными лицами, но был и начальником всей полиции, командовал местными войсками, наблюдал за сбором податей, рекрутскими наборами и пр. На него были возложены и судебные функции: возбуждение преследования и утверждение приговоров по уголовным делам. Он мог приостанавливать исполнение решения суда, передавать его в Сенат и т. д. Наконец, главнокомандующий входил в состав правящего учреждения — Сената.

Главным органом губернии было губернское правление. Председателем губернского правления был главнокомандующий, в состав его входили губернатор и два советника с совещательным голосом. Они были послушным орудием в руках губернатора. Компетенция губернского правления была довольно широка. На него возлагалось обнародование законов и надзор за их исполнением, а также право предавать суду виновных. Губернскому правлению подчинялись все сословные суды и уездная полиция (нижний земский суд).

Высшим финансовым органом в губернии являлась казенная палата.

¹ Кроме того, в столичных городах учреждались дополнительно верхний и нижний надворные суды.

По положению, она должна была осуществлять в губернии функции финансовых коллегий. Ее возглавлял вице-губернатор или директор экономики. В ведении палаты находились все доходы и расходы по губернии.

Рядом с казенной палатой было создано совершенно новое по своему характеру учреждение — приказ общественного призрения, функции которого носили в основном административно-полицейский характер. Возглавлял приказ губернатор. В положении об этом учреждении наиболее ярко выражен показной либерализм «просвещенного абсолютизма» второй половины XVIII в., с его лицемерием и фальшью, попыткой замаскировать истинное назначение учреждения. На самом деле приказ был вспомогательным органом полиции для охраны «порядка» в интересах господствующего класса. Приказу общественного призрения вверялось народное образование, здравоохранение, общественная благотворительность и тюремные заведения типа работных и смиренных домов. Успехи приказов общественного призрения в деле народного просвещения и здравоохранения были ничтожны¹.

Высшими судебными апелляционными инстанциями в губернии являлись две судебные палаты — палата гражданских дел и палата уголовных дел. Уголовные дела в порядке контроля и для окончательного утверждения в обязательном порядке должны были поступать из нижних судов в палату уголовных дел. Право апелляции по гражданским делам в палату гражданских дел было обусловлено ценой иска не ниже 100 руб. и внесением залога в той же сумме. Апелляция на решения палат допускалась в Сенат по делам ценой не ниже 500 руб. и при залоге в 200 руб. Фактически право апелляции могли использовать лишь имущие классы.

Реализуя пожелания дворянских и городских наказов в Уложенную комиссию 1767 г., правительство учредило и судебные органы отдельно для каждого сословия. В губернском городе находились суды второй инстанции: верхний земский суд, судивший дворян, губернский магистрат — купцов и мещан и верхняя расправа — свободных крестьян. Каждый суд состоял из двух департаментов — по уголовным и гражданским делам. Поэтому во главе каждого суда были поставлены два председателя, а в состав суда вводилось от 10 (в верхнем земском и верхней расправе) до 6 (в губернском магистрате) заседателей, избираемых на три года на соответствующих сословных собраниях.

Особняком среди судебных учреждений в губернском городе стоял известный суд, не связанный с другими судами. Этот суд рассматривал уголовные и гражданские дела всех сословий и подчинялся только генерал-губернатору. В его состав входили судья и шесть заседателей. Основная задача суда — примирение тяжущихся и тем самым уменьшение потока дел, поступавших в другие судебные учреждения.

Для контроля над деятельностью губернских учреждений вводился институт прокуратуры. Во главе всей прокуратуры губернии стоял губернский

¹ См. пятую главу настоящих «Очерков»: «Русская культура».

прокурор, подчиненный генерал-губернатору. Надзору губернского прокурора были переданы и тюрьмы, он должен был следить за скорейшим разрешением дел лиц, заключенных под стражу.

Основным административно-полицейским учреждением в уезде был нижний земский суд. Его состав — капитан-исправник и два-три заседателя — избирался только дворянами из местных помещиков. Этому выборному дворянскому учреждению и была передана вся исполнительная власть в уезде. На него возлагался надзор за соблюдением законов, исполнение распоряжений губернских учреждений, приведение в исполнение приговоров судебных учреждений, надзор за путями сообщения, наблюдение за торговлей и, наконец, розыск беглых крестьян. Капитан-исправник мог принимать любые меры для восстановления порядка, проводить предварительное следствие. Капитан-исправник и нижний земский суд непосредственно подчинялись губернскому правлению.

Судебными учреждениями в уезде были уездный суд и нижняя расправа. В состав уездного суда, как и нижнего земского, местное дворянство избирало судью и двух заседателей. Компетенция уездного суда охватывала дела уголовные и гражданские. При уездном суде было образовано особое учреждение — дворянская опека. В состав опеки входили уездный судья, заседатели уездного суда и предводитель дворянства, который ее возглавлял. Основные ее обязанности — попечение о дворянских вдовах и малолетних сиротах.

Второе судебное учреждение в уезде — нижняя расправа — вводилось лишь в тех уездах, где численность государственных крестьян составляла 10—30 тыс., но и в данном случае образование нижних расправ ставилось в зависимость от усмотрения губернатора. Если состав уездного суда целиком избирался дворянами, то судья, возглавлявший расправу, назначался губернским правлением «из чиновных людей». Лишь восемь заседателей избирались населением, которому не запрещалось избирать заседателей из числа дворян. На практике получалось, что и данный суд — нижняя расправа — возглавлялся дворянством, имел местных помещиков в своем составе. Разумеется, такой суд не мог защищать интересы крестьян, трудящегося населения.

Следовательно, не только вся исполнительная, но и судебная власть в уезде находилась полностью в руках местного дворянства. Вся судебная система Российской империи носила ярко выраженный классовый характер, полностью служила интересам господствовавшего дворянского класса.

Акт 1775 г. выделил город в самостоятельную административную единицу. Во главе управления городом стояли следующие должностные лица и учреждения: городничий или комендант, в столицах же — Петербурге и Москве — обер-полицеймейстер, городской магистрат с находящимся при нем городовым сиротским судом, словесным судом и ратушей в посадах.

Компетенция городничего аналогична компетенции капитан-исправника. Для выполнения порученных ему обязанностей городничий получал

в свое распоряжение военную силу — «штатную команду», которая использовалась как для поддержания «общественной безопасности и порядка», так и для караульной службы. Основное судебное учреждение в городе — городской магистрат. Состав его — два бурмистра и четыре ратмана — избирался местным купечеством и мещанством. Функции его аналогичны функциям уездного суда. Положение городского сиротского суда было такое же, как и дворянской опеки. Ратуши учреждались «только по посадам» и выполняли функции городского магистрата.

Таким образом, вся система Учреждения о губерниях построена на представлении о губернии как о законченном целом. Осуществлена максимальная централизация власти в руках всеисильного наместника. Создаются специальные административные, финансовые и полицейские учреждения, обязанные контролировать все стороны управления и даже быта и в первую очередь решительно пресекать все выступления против крепостнических порядков.

Многочисленные судебные органы, по существу и юридически, оказались в зависимости от администрации. Система новых местных учреждений была построена так, что администрация в губернии осуществляла все руководство и управление в широком смысле, а в уезде осуществляла все исполнение.

Вся губернско-уездная система носила сугубо полицейско-фискальный характер и была приспособлена к задачам укрепления дворянского государства, усиливала диктатуру дворянства на местах. Дворяне господствовали во всех местных учреждениях. Большое значение придавалось предводителю дворянства; он председательствовал в дворянской опеке, участвовал в заседаниях приказа общественного призрения, под его руководством проводились выборы должностных лиц. Вся уездная администрация была сосредоточена также в руках дворянства.

Акт 1775 г., хотя и в очень скромных рамках, но удовлетворял пожелания городской буржуазии, выраженные в наказах депутатам. Последняя получила право выбора городского головы, всего состава городского магистрата и участвовала в губернском магистрате.

Эти учреждения целиком были переданы имущей верхушке города и обеспечивали только ее интересы. Основная масса населения города оказалась попрежнему бесправной и попала в еще большую зависимость от «отцов города».

Помимо этого, сословные городские органы не пользовались никакой самостоятельностью, их состав утверждался губернатором, а вся деятельность проходила под строгим надзором государственной администрации.

Несмотря на зверскую расправу над участниками Крестьянской войны и проведение реформы местного управления, классовая борьба угнетенных масс города и деревни не прекращалась. Дворянское правительство вынуждено было со своей стороны еще более усилить и развить карательные органы для борьбы с ширившимся антифеодальным движением трудящихся масс. Поскольку выполнение всеми административными учрежде-

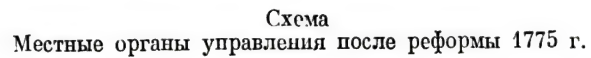


Схема
Местные органы управления после реформы 1775 г.

ниями полицейских функций считалось недостаточным, с 1782 г. в городах были созданы специальные полицейские органы.

В городах учреждались полицейские управы или управы благочиния. В состав управы входили городничий (в Москве и Петербурге — полицеймейстер), два пристава уголовных и гражданских дел и два ратмана по выборам от населения. Для лучшего осуществления надзора город делился на части, содержавшие 200—700 домов. Во главе каждой части города находился частный пристав, получавший в свое распоряжение полицейскую команду. Части города в свою очередь делились на кварталы, включающие в себя 50—100 домов. К каждому кварталу был приписан квартальный надзиратель с помощником — квартальным поручиком. Таким образом, на город была наброшена сеть полицейских участков, охватывавшая своим наблюдением каждый дом и каждого горожанина, с задачей обеспечения общественного спокойствия и «порядка».

Компетенция управы благочиния была довольно широка: надзор за выполнением законов, за правильностью мер и весов, за выполнением правил о торговле; содержание в хорошем состоянии дорог и мостов, улиц и пр. Особое внимание уделялось политическим функциям полиции. Помимо полицейских функций, управа получила и некоторые судебные: ведение следствий по преступлениям и право суда по делам гражданским и уголовным с иском ценой до 20 руб. Управа благочиния могла заключать жителей города под стражу, применять в отношении их физические наказания (кроме дворян). Устав благочиния вводил в городах полицейский режим, ставил своей целью подавлять любое общественно-политическое движение, направленное против диктатуры дворянства.

В системе мероприятий по укреплению дворянского господства большое значение получила «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (21 апреля 1785 г.)¹. Грамота явилась систематическим сводом дворянских привилегий. С юридической точки зрения, грамота точно устанавливала права и преимущества дворянства и определяла господствующее положение этого сословия в общем государственном строе. Издавая грамоту, правительство вместе с тем ставило себе задачу организовать дворянство во всей его совокупности как «корпус» или высшее правящее в государстве сословие и привлечь его в еще большей мере к участию в местном управлении и суде.

Основным источником грамоты послужили материалы Уложенной комиссии 1767 г., главным образом проект «прав благородных» и указы дворянским депутатам. Наряду с этим в грамоте была учтена практика выборных дворянских органов с 1767 по 1785 г. и опыты генерал-губернатора Я. Сиверса по организации и управлению Новгородским наместничеством².

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16187, стр. 344—358.

² С. А. Корф. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906, стр. 136—139.

Личные преимущества дворян, зафиксированные грамотой, состояли в освобождении их от обязательной службы, платежа податей, несения тяжелой постоянной повинности и от телесного наказания. За дворянством утверждалось право владеть поместьями, заниматься торговлей, иметь дома в городах, строить и эксплуатировать промышленные заведения.

Жалованная грамота подтвердила исключительное и монопольное право дворян на владение землей, этой основы феодализма, и закрепила все права дворян на эксплуатацию и ограбление крестьян.

В части организации дворянского самоуправления Жалованная грамота предоставила дворянам право организации дворянских обществ в пределах не только уезда, но и губернии. Этим дворянское общество получило свое окончательное корпоративное устройство.

Характерна ст. 65 Жалованной грамоты. Она давала дворянскому собранию право исключать из собрания дворянина, «который опорочен судом или которого явный и бесчестный порок всем известен, хотя бы и судим еще не был». Дворянин, исключенный из собрания, уже не мог рассчитывать поступить на государственную службу; таким путем дворянство изолировало неблагонадежных.

Право участия в дворянских собраниях предоставлялось не всем дворянам, а только владеющим деревней и не моложе 25 лет. Помимо этого, для получения активного избирательного права дворянину необходимо было иметь обер-офицерский чин. Этим условием правительство отстраняло всех неслуживших дворян от выборных должностей и стимулировало поступление на государственную и военную службу. Для получения пассивного избирательного права имущественный ценз был повышен. Быть избранным мог лишь дворянин, доход с имения которого превышал 100 руб. Следовательно, ограничением участия в дворянских выборах правительство стремилось не допустить в дворянские органы разорившихся и деклассированных дворян, которые не могли служить опорой крепостнической монархии¹.

Предоставляя господствующему классу право организации специальных сословных органов самоуправления, абсолютистское правительство одновременно подчиняло их деятельность контролю местной администрации.

¹ Правительство, не считая возможным удовлетворить требования аристократии в Комиссии 1767 г. о том, чтобы чин не давал дворянства, согласилось на требования о делении на разряды, в соответствии с различными способами получения дворянства. Было установлено шесть разрядов. В первый разряд вносились дворяне пожалованные и могущие доказать свое дворянское происхождение до 100 лет, во второй — получившие дворянство по военной службе, в третий — получившие его по гражданской службе, в четвертый — иностранные дворянские роды, в пятый — дворянство титулованное и в шестой — древние дворянские роды, «коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят». Никаких юридических отличий между разрядами не существовало. Дворянство как сословие характеризовалось общностью прав и обязанностей. Однако при поступлении и продвижении по службе, приеме в привилегированные учебные заведения, лицеи, кадетские корпуса предпочтение давалось дворянам последних двух разрядов.

Право созыва дворянских собраний принадлежало генерал-губернатору и губернатору. От губернатора зависело утверждение дворянских выборов и даже губернского предводителя.

Таким образом, предоставив дворянству право самоуправления, Жалованная грамота подчинила, однако, это сословное управление наместнической или губернаторской власти. Организация дворянского самоуправления никоим образом не ограничивала царского самодержавия. Современники обвиняли Екатерину II в том, что Жалованная грамота стремилась «бросить пыль в глаза Европы и обморочить потомство»¹. Право дворянских собраний делать только «представления и жалобы» (ст. 48) верховной власти историк М. М. Щербатов расценивал как позволение «визжать, когда их бьют»².

Все вновь образованные учреждения с трудом комплектовались выборным дворянством. Богатые дворяне охотнее проводили время в столицах или шли на государственную службу, предпочитая занять пост губернатора, председателя палаты и т. п. Выборная служба перешла в руки мелкопоместного дворянства, которое стремилось извлечь из нее возможно больше дохода, не гнушаясь ни взятками, ни казнокрадством. Основные вопросы управления и наиболее важные судебные дела решались в правительственных губернских учреждениях.

Однако должность дворянского предводителя приобретала все большее значение. Предводители вскоре стали центром уездной администрации: к ним обращались губернатор за справкой, капитан-исправник и заседатели за советом; для дворян они — покровители и защитники. Мелкопоместные дворяне заискивали перед предводителем, от него зависело внесение помещика в родословную книгу, выдвижение кандидатур на выборные должности.

Влияние предводителя усиливалось в связи с возложением на него все большего числа общеадминистративных функций (по установлению границ уездов, межеванию, рекрутским наборам и т. д.). В состав каждой губернской и уездной комиссии всегда включался предводитель дворянства. Он олицетворял собой местное дворянство, зорко охраняя интересы господствующего класса.

В целом значение Жалованной грамоты дворянству было велико для дворянства, она закрепила его господство в государстве и над многомиллионным крестьянством.

Одновременно с Жалованной грамотой дворянству была опубликована Грамота на права и выгоды городам Российской империи³. В зависимости от своего имущественного ценза или владения недвижимостью население города делилось на шесть разрядов и записывалось в городовую обывательскую книгу. Городам было дано право самоуправления. Органами городского самоуправления, согласно реформе 1785 г., являлись: «собрание

¹ «Записки Г. С. Винского». «Русский архив», 1877, кн. 1, стр. 102.

² М. М. Щербатов. Соч., т. I, СПб., 1896, стб. 300.

³ ПСЗ, т. XXII, № 16188, стр. 358—384.

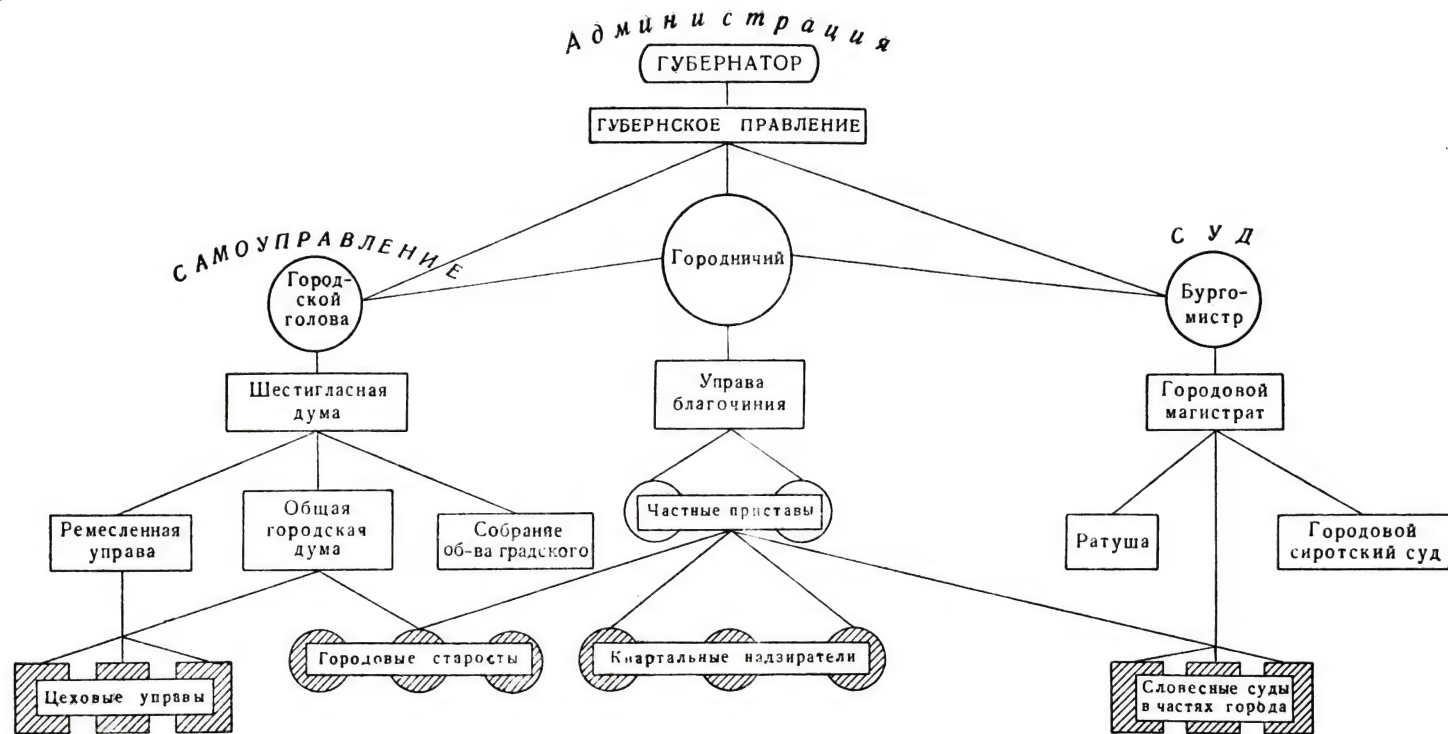


Схема
Городские учреждения конца XVIII в.

градского общества», общая градская дума и шестигласная (по числу разрядов городского населения) дума. Над ними стояли губернские правления и губернские магистраты¹.

Решающую роль в городском самоуправлении играла верхушка городской торгово-промышленной буржуазии. Право голоса и пассивное избирательное право имели только лица, обладавшие капиталом не ниже 5 тыс. руб. и достигшие 25 лет. Это показывает, насколько ошибочно и тенденциозно было утверждение дворянских и буржуазных историков о всесословности городского управления по реформе 1785 г.

Посадская община отличалась своим резко выраженным сословным признаком. Оставаясь попрежнему замкнутой организацией, город, в соответствии с новым положением 1785 г., расширил свой состав. Расширение общины происходило путем включения в ее состав других социальных категорий, в том числе и дворянства, проживавшего на территории данного города. Имущественный ценз, владение недвижимостью и т. п. становятся главным и основным критерием для определения степени прав и привилегий члена «городского общества». В этом нашли свое отражение новые явления в хозяйственной жизни страны, рост буржуазных элементов.

Однако городское самоуправление в России во второй половине XVIII в. было бессильно перед государственным аппаратом самодержавной монархии.

Царское правительство стремилось уничтожить всякую самостоятельность городских выборных органов. Создавая на бумаге подобие органов городского самоуправления, царизм в действительности превратил их в безгласные придатки государственного аппарата. Губернатор и губернское правление входили во все детали городского хозяйства, давали подробные указания, исключаящие всякую инициативу со стороны городских дум. Жалованная грамота городам 1785 г. создала новые городские органы, просуществовавшие почти без изменений до 70-х годов XIX в.

Политика дворянского правительства в части управления народами, входившими в состав Российской империи, в течение всего XVIII в. была направлена в сторону дальнейшей централизации управления окраинами. Это достигалось путем постепенной ликвидации исторически сложившихся самобытных форм местного управления и распространения на них общего административного деления с типичными для центральной России бюрократическими учреждениями. Царизм проводил политику насильственной русификации и стремился искоренить национальные особенности в быту и управлении. Социально-экономические процессы, протекавшие среди населения окраин империи (развитие феодальных отношений, рост крупного землевладения, разорение трудящегося населения

¹ Подробно о городе и городской реформе 1785 г. см. первую главу настоящих «Очерков»: «Производительные силы и социально-экономический строй», § 6.

и т. п.), способствовали осуществлению политики царизма. Правительство при этом опиралось на местных феодалов. Раздача русскому дворянству обширных земельных владений на присоединенных территориях увеличивала его влияние в местном управлении.

Расцвет абсолютизма в России во второй половине XVIII в. и включение окраин в систему всероссийского рынка не могли сочетаться с дальнейшим существованием некоторой автономии в управлении у отдельных народов. Екатерина II оценивала сохранение автономии на Украине и в Прибалтике «как нечто большее, чем ошибку»¹.

Восстановление гетманства на Украине в 1750 г. усилило там экономические и политические позиции старшины. Последняя использовала свое положение для захвата земель и постепенного закрепощения «посполитых». Обострение классовой борьбы, связанное с разорением и постепенным закрепощением украинского казачества и крестьянства, толкало старшину к соглашению с царизмом. В 1764 г. было ликвидировано гетманство, а для управления Украиной была восстановлена Малороссийская коллегия. Президентом коллегии был назначен генерал-губернатор Украины П. А. Румянцев². Как «правитель Малороссии» Румянцев проводил политику дворянско-абсолютистского государства, направленную на дальнейшее закрепощение украинского крестьянства, окончательную ликвидацию последних остатков особенностей политического устройства страны и введение на Украине общеимперских порядков.

В результате войн с Турцией 1768—1774 и 1787—1791 гг. к России отошли Северное Причерноморье и Крым. Разделы Польши привели к воссоединению в составе России большей части Правобережной Украины. Эти территории были обращены в обычные русские губернии. На Левобережной Украине в 1781 г. было введено губернское административное деление и губернские учреждения, а прежний полковой административно-политический строй был отменен. В 1783 г. украинские казацкие полки были реорганизованы в регулярные полки по русскому образцу, а крестьяне, в связи с введением подушной подати, окончательно закрепощены. Украинские помещики слились с русским дворянством в один господствующий класс. Правившая Левобережьем украинская старшина своим грабежом заслужила законную ненависть украинского народа. Ликвидация ее правления не вызвала у последнего чувства сожаления.

В Белоруссии после воссоединения ее с Россией польские крепостники сохранили свои владения и право на эксплуатацию крестьян. Состав польских феодалов пополнился русскими, которым щедро раздавались земли государственные, католических и униатских монастырей, а также конфискованные.

¹ Сб. РИО, т. 7, стр. 348.

² ПСЗ, т. XVI, № 12277, стр. 961.

По первому разделу Польши воссоединенная с Россией часть Белоруссии была разделена на две губернии: Псковскую (позже Полоцкую) в составе пяти провинций, в том числе двух великорусских (Псковской и Великолуцкой), и Могилевскую в составе четырех провинций¹. Реформа 1775 г. была распространена и на белорусские губернии. Местное дворянство также получило возможность занять ряд должностей в административно-судебном аппарате этих губерний и уездов. В 1787 г. на белорусских помещиков была распространена Жалованная грамота дворянству. К концу XVIII в. в состав Российской империи вошла вся территория Белоруссии. На нее полностью были распространены административные формы правления, существовавшие и в остальных частях дворянской монархии.

Воссоединение с Россией имело большое объективно прогрессивное значение для белорусского народа. Россия оказала огромное влияние на развитие его экономики и культуры.

К середине XVIII в. территория Прибалтики была разделена на Эстляндскую и Лифляндскую губернии. Во главе каждой губернии стоял генерал-губернатор, назначавшийся правительством из высшей знати. Непосредственное управление губерниями осуществляли регирунгс-раты — советники генерал-губернатора, назначавшиеся из прибалтийских немецких дворян.

Управление на местах сосредоточивалось в руках немецкого дворянства, сохранившего все свои привилегии и преимущества. Административные и судебные функции выполняли выборные ландраты, выбиравшиеся пожизненно, а коллегия ландратов контролировала деятельность судебных и административных органов. Основную роль в местном управлении играли ландтаги — дворянские собрания. Они избирали должностных лиц в административные и судебные органы, контролировали их деятельность, имели право выносить постановления, обязательные для всех жителей губернии.

В 80-х годах в Прибалтике был проведен ряд реформ, направленных на то, чтобы теснее связать эту окраину империи с остальной Россией: единое административное устройство, суд, налоги, пошлины и т. д.²

В 1783 г. на основе акта 1775 г. были учреждены губернии Рижская и Ревельская³. Латвия и Эстония превратились в губернии Российской империи. На все губернские административные и судебные должности назначались чиновники от правительства. Исполнительные функции на местах выполняли учрежденные в каждом уезде нижние земские суды во главе с уездным начальником и пятью заседателями.

¹ ПСЗ, т. XIX, № 13888, стр. 602, 603; № 13879 (об установлении провинций), стр. 584—585.

² «История Эстонской ССР». Таллин, 1952, стр. 147.

³ Вместо Эстляндской и Лифляндской. ПСЗ, т. XXI, № 15774, стр. 967, № 15775, стр. 968.

Особенностью в построении аппарата управления явилось образование двух экспедиций при губернском правлении, которые вели делопроизводство одна на русском, другая на немецком языках. Екатерина II, давая разрешение на образование второй экспедиции (на немецком языке), предупреждала генерал-прокурора А. А. Вяземского, что это не значит, «чтоб то правление (губернское.— *Ред.*) разделялось присутствием на два разные департамента, а только по употреблению в том крае немецкого языка»¹. В этом указе еще раз подтверждалось, что все учреждения и должностные лица могут быть учреждаемы только на основании Учреждения о губерниях, а свою деятельность должны проводить согласно генеральному регламенту коллегиям.

Преобразованию подверглись и органы городского управления в Риге и Ревеле. Если ранее национальность и происхождение обеспечивали двум десяткам немецких семей власть в магистрате, члены которого не избирались, а пополнялись путем кооптации, то по указу 1785 г. (в соответствии с Жалованной грамотой городам) участие в выборах получали все жители города, отвечавшие требованиям имущественного и возрастного ценза². В выборах городского головы, бургомистров и ратманов городского магистрата и думы могли принимать участие зажиточные торговцы, платившие казне налог не менее 50 руб. в год, без всяких национальных ограничений. Хотя этот указ утверждал господство гильдейских купцов в городских органах управления, но ликвидация монополий небольшой группы немецких бюргеров, державших в своих руках экономическую жизнь города, содействовала развитию буржуазии и подъему торговли.

В 1786 г. для усиления правительственного контроля над общественной безопасностью и охраны «порядка» было организовано в г. Риге специальное полицейское учреждение — управа благочиния, а город разделен на части и кварталы в соответствии с Уставом о благочинии, причем «содержание всяя полиции не инако быть имеет, как из городских доходов»³.

Местное бюргерство продолжало препятствовать записи русских и других иногородних ремесленников и купцов в купечество и мещанство прибалтийских городов. Поэтому в 1786 г. генерал-губернатору и губернскому правлению вновь было предложено следить за соответствующей деятельностью городских обществ и обязательно «поступать сходственно Городовому положению и другим нашим узаконениям и указам»⁴.

Таким образом, и в прибалтийских губерниях была установлена единая с русскими губерниями централизованная система управления. Узко сословные привилегии немецкого прибалтийского дворянства были основательно подорваны в интересах дворянства в целом.

¹ ПСЗ, т. XXI, № 15873, стр. 1051.

² ПСЗ, т. XXII, № 16256, стр. 450.

³ Там же, № 16404, стр. 612.

⁴ Там же.

Административные реформы в Прибалтике и введение единой таможенной системы имели исторически прогрессивное значение. Они ломали средневековую структуру администрации как не соответствующую новым политическим и экономическим условиям, способствовали усилению экономических связей Прибалтики с остальной Россией¹.

Финляндская губерния была в 1783 г. преобразована в Выборгскую, при этом было предложено не позже начала 1784 г. распространить на эту губернию реформу 1775 г.²

Территория народов Поволжья — татар, башкир, удмуртов, мари, чувашей — к середине XVIII в. входила в состав губерний Казанской, Оренбургской и Нижегородской. Организация управления этими губерниями была такой же, как и в других русских губерниях. Особенность управления народами Поволжья состояла в том, что управление самой мелкой административной единицей — волостью — было передано представителям местной феодальной верхушки. Дворянское правительство видело в этой феодальной верхушке свою опору в проведении колониальной политики, оказывало ей всемерную поддержку, расширяя ее права на эксплуатацию общинников.

После расправы с участниками Крестьянской войны 1773—1775 гг. феодально-крепостническая диктатура в Поволжье еще более усилилась. Реформа 1775 г., увеличив число губерний и уездов, укрепила этим административный аппарат. Образование дворянских обществ, появление предводителей дворянства, образование выборных дворянских административных и судебных органов привело к захвату дворянством всей власти на местах. Это имело особое значение для таких губерний, как Казанская, Уфимская, Вятская, где значительное большинство нерусского населения составляли государственные крестьяне.

Самодержавие поддерживало свою власть путем разжигания национальной вражды: посылало башкир для подавления казахов, а татар против башкир. «За верную службу» по подавлению башкирских восстаний татарские феодалы щедро награждались. Указом 1784 г. мурзы были окончательно уравнены в правах с русскими дворянами.

Содействуя развитию национальной буржуазии, правительство распространило на них Жалованную грамоту городам. В городах Поволжья были организованы магистраты и ратуши, в которых принимала участие местная буржуазия. В Казани в 1782 г. учреждена татарская ратуша, по типу городских магистратов, в ведение которой было передано все купеческое и мещанское население татарских слобод Казани³. Чтобы окончательно подчинить своей политике мусульманское население Поволжья,

¹ Следует отметить, что в 1796 г. Павел I восстановил старый порядок в Прибалтике. Немецкое дворянство вернуло, таким образом, свои прежние права и привилегии, снова стало господствовать в администрации, судопроизводстве и городском управлении прибалтийских губерний («История Эстонской ССР», стр. 148).

² ПСЗ, т. XXI, № 15795, стр. 983—984.

³ «История Татарской АССР», т. I. Казань, 1950, стр. 317.

правительство в 1782 г. учредило муфтиат для непосредственного управления мусульманской церковью. На должность главы всех мусульман — муфтия — избирались лица, угодные царскому правительству. С этой же целью — усиления своего влияния на мусульман — царизм создал в 1788 г. в Оренбурге (позже переведенное в Уфу) мусульманское духовное управление для решения всех мусульманских дел в России¹.

Реформы местного управления второй половины XVIII в. осуществлялись на всей территории Российской империи и в том числе на Востоке, на безграничных землях Сибири. К середине XVIII в. вся Сибирь и восточная часть Приуралья входили в состав Сибирской губернии и подразделялись на пять провинций: Вятскую, Соликамскую, Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Во главе наиболее обширной из них — Иркутской — стоял вице-губернатор, подчинявшийся сибирскому губернатору. Трудности управления громадными провинциями привели в 1764 г. к образованию из Иркутской провинции самостоятельной Иркутской губернии. Провинции делились на уезды и волости или ведомства. Провинциальные и уездные канцелярии возглавлялись воеводами. Во вновь образованной Иркутской губернии, в отличие от других, управление уездами вверялось комиссару².

В связи с осуществлением Учреждения о губерниях 1775 г. на территории Сибири в 1782—1783 гг. были учреждены три губернии: Тобольская, Колыванская и Иркутская. При этом Тобольская и Иркутская губернии делились в свою очередь на области (провинции). В состав Тобольской губернии входили две области: Тобольская и Томская; в состав Иркутской — четыре: Иркутская, Нерчинская, Якутская и Охотская³.

В каждой губернии создавались соответственно акту 1775 г. учреждения. Во главе областей, или провинций, были поставлены обер-коменданты (в Нерчинске) и коменданты (в остальных областях). В областях учреждались совестные суды, губернские магистраты и верхние расправы. Верхние земские суды открывались только в губернских городах, в областных их не было. Зато во всех областях были учреждены верхние и нижние надворные суды, а в Якутской области даже пять нижних надворных судов (по числу уездов)⁴. В связи с обширностью уездов и колониальным характером управления в отдельных уездах, вдвое возросло число дворянских заседателей нижних земских судов; это увеличение шло не за счет выборных элементов, а путем «определения» заседателей из отставных обер-офицеров⁵. Судебными делами в уездах, где имелись дворяне, ведали уездные суды и нижние расправы.

¹ История Татарской АССР, т. I, Казань, 1905, стр. 316.

² ПСЗ, т. XVI, № 12269, стр. 944; т. XX, № 14242, стр. 385.

³ ПСЗ, т. XXI, № 15327, стр. 385 (Тобольская); № 15675, стр. 873 (Иркутская) и № 15679, стр. 874—875 (Колыванская).

⁴ В. Григорьев. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910, стр. 338.

⁵ ПСЗ, т. XXI, № 15548, стр. 708.

Административное управление городами осуществляли городничие или коменданты. В городах Сибири также учреждались городские магистраты (или ратуши) во главе с ратманом из купцов. Ратушам подчинялись земские избы, имевшие в своем составе трех старост земских дел: купеческого, цехового и мещанского. В последней четверти XVIII в. образованы городские думы, возглавляемые городским головой¹.

Управление на местах строилось в зависимости от национального состава населения и его хозяйственной деятельности. Так, в Забайкалье территория, занятая сельским населением, разделялась на «ведомства», соответствовавшие волостям. Местными органами сельского управления являлись мирские (или приказные) избы. В состав приказной избы входили избираемые «миром» старосты, выборный и сотский. Приказная изба считывалась и непосредственно подчинялась провинциальной канцелярии. На приказную избу возлагались обязанности собирать с крестьян «денежную казну и хлеб доимочный, оброчный и двупудный» и обеспечивать доставку всего собранного в определенные места. Старосты имели право «сечь розгами нещадно» крестьян, которые во-время не выполняли сельскохозяйственных работ. Жизнь, быт, производство крестьян были детально регламентированы. За нарушение административных предписаний крестьяне подвергались жесточайшим наказаниям².

Управление народностями Сибири и Крайнего Севера было передано родовой знати. Эта последняя получила значительные привилегии в местном управлении к суде. Князцы, тойоны, зайсаны, шуленги совместно с царской администрацией эксплуатировали коренное население Сибири и служили опорой царизму. В Забайкалье с середины XVIII в. для управления бурятами учреждались «конторы». В состав конторы входили главный тайша и шесть депутатов, подчинявшихся бурятским нойонам. При конторе устраивались съезды (сугланы), в которых участвовали все тайши, депутаты и родовые начальники (зайсаны и др.). Помимо контор, управление родовыми объединениями сосредоточивалось в мирских сугланных избах. Эти учреждения ведали раскладкой, сбором и сдачей в казну податей, распределяли повинности, исполняли предписания губернского и уездного начальства, наблюдали за исправным содержанием местных почтовых станций, за состоянием дорог. Родовая знать имела право суда и расправы.

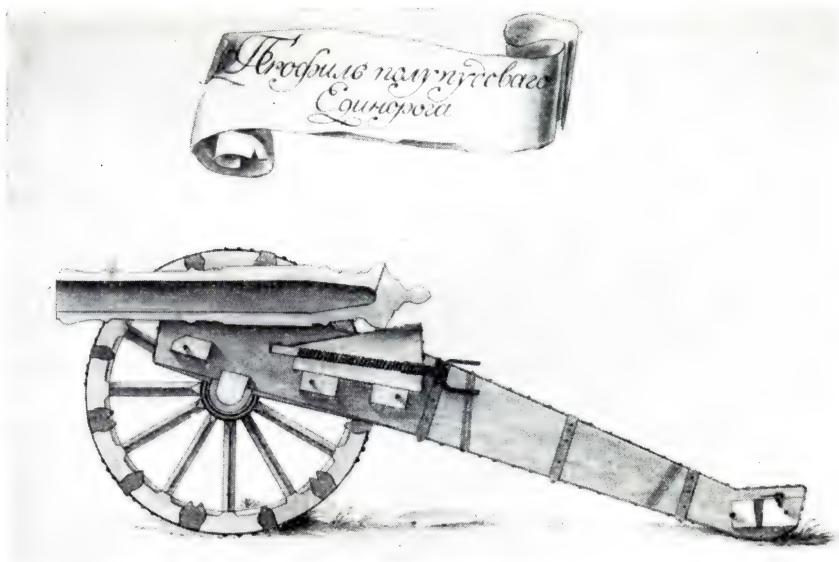
Род являлся основной административной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики³.

Примерно так же строилось управление и другими народностями Сибири. Повсеместно родовая знать использовала свое административное положение для эксплуатации населения. Родовое управление находилось в полной зависимости от царских чиновников, допуская в своей дея-

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1951, стр. 270.

² Там же, т. I, стр. 271—272.

³ Там же, стр. 275.



Профиль полупудового «единорога». Рисунок из альбома XVIII в.
Государственный Исторический музей.

тельности вопиющие злоупотребления. В условиях бесправия народных масс и удаленности от центральной власти перед сибирской администрацией открывался широкий простор для произвола. Многочисленные жалобы на злоупотребления сибирских властей оставались центральной властью без ответа.

Наряду с этим необходимо отметить, что внутренний процесс социально-экономического развития отсталых народов Востока и Севера резко ускорился в связи с включением их в состав Российской империи.

3

АРМИЯ И ФЛОТ

Задачи укрепления феодально-абсолютистской монархии, а также активная внешняя политика России второй половины XVIII в. заставляли царское правительство обращать особое внимание на вооруженные силы.

Во второй половине XVIII в. русская армия была самой сильной в Европе. Основу военного могущества России составляла довольно развитая во второй половине XVIII в. металлургическая промышленность. Она полностью обеспечивала нужды армии и флота в вооружении и боеприпасах: Россия имела 3 оружейных завода, 15 пушечных и 60 заводов по изготовлению боеприпасов. Годовая продукция этих заводов составляла 25—30 тыс. ружей и несколько сот орудий с соответствующим количеством боеприпасов.

Относительно высокий уровень металлургического производства обеспечивал возможность производства более совершенных конструкций оружия, которые появились в середине XVIII в. Особенно большое значение получили новые системы артиллерийских орудий А. К. Нартова, М. Г. Мартынова и М. В. Данилова¹. Разработанные Даниловым и Мартыновым длинные гаубицы системы «единопог» были частично усовершенствованы П. И. Шуваловым.

Из гладкоствольной артиллерии это были наиболее совершенные образцы. Данная конструкция была принята затем на вооружение русской армии и флота, и без существенных изменений удержалась до 30 годов XIX в.

Было усовершенствовано также ручное огнестрельное оружие: улучшена конструкция гладкоствольных ударно-кремневых фузей, появились «винтовальные» егерские ружья и штуцера. Изготовление штуцеров и «винтовальных» ружей обеспечило возможность создания в русской армии егерской пехоты.

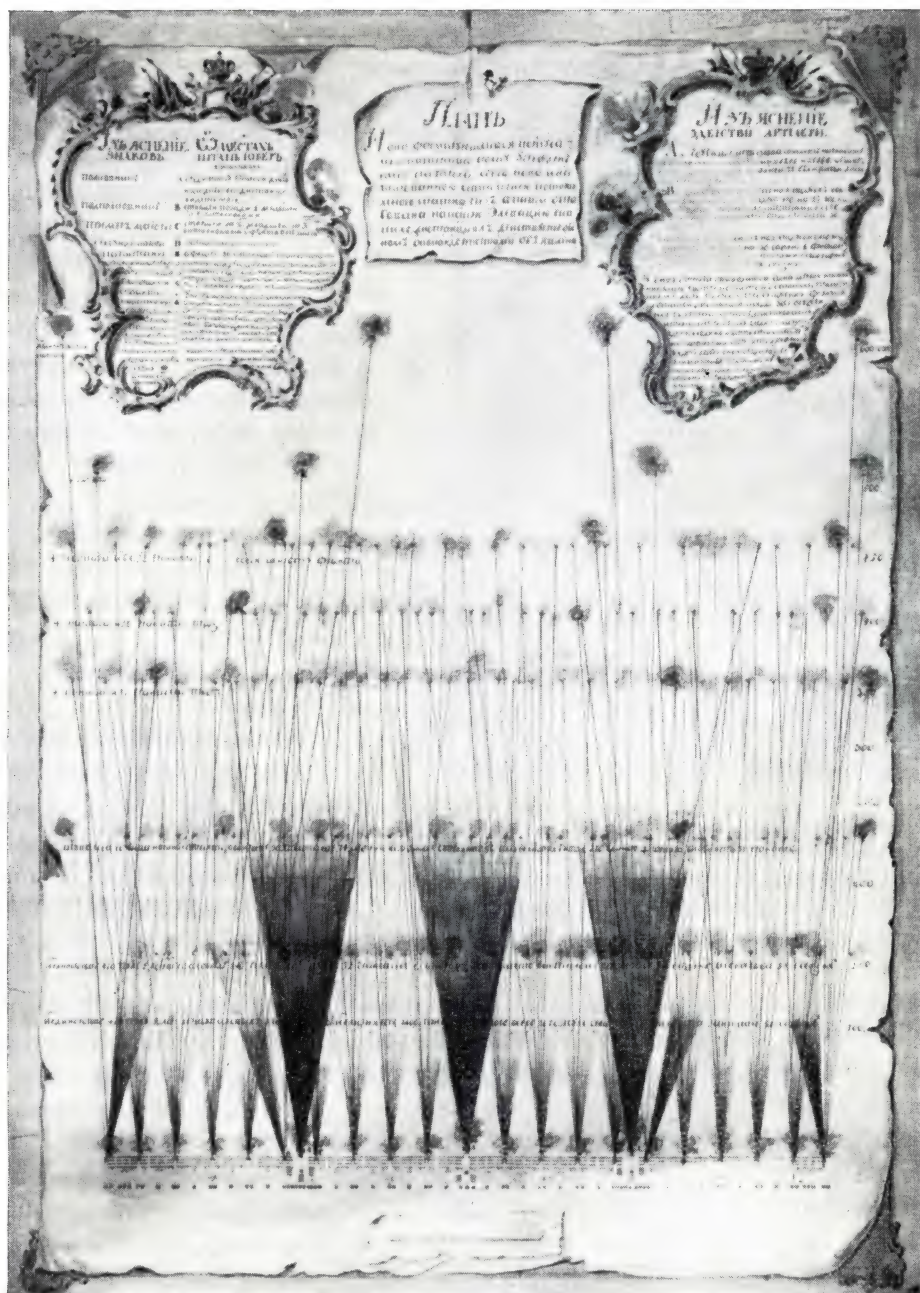
В отличие от Западной Европы, Россия не имела пятипереходной системы снабжения войск². В России была создана своя система баз, на которые опирались подвижные обозы³. Такая система снабжения имела важные преимущества: она не сковывала армию, как пятипереходная система, а, наоборот, создавала условия для развития стратегической подвижности войск, позволяла армии совершать широкий маневр на театре войны, не испытывая недостатка в продовольствии. Возможность создания крупных запасов продовольствия и фуража позволяла организовать тыл армии и флота на таких основаниях, которые отвечали бы новым способам ведения войны и военных действий.

Классовый характер вооруженных сил пронизывал всю военную систему России, сказываясь особенно сильно в комплектовании, организации, обучении, воспитании войск. Рядовой состав русской армии и флота комплектовался при помощи рекрутских наборов из крестьян и ремесленников, а офицерский — исключительно из дворян. Правительство проводило классовую политику, охраняя офицерский корпус от проникновения в него

¹ И. С. Прочко. Передовой характер отечественной артиллерийской науки и техники. М., 1952, стр. 22—24.

² Распространенная в армиях Западной Европы пятипереходная система — система снабжения войск из неподвижных баз («магазинов»). Наибольшее расстояние, на которое могли удаляться войска от таких баз, равнялось в то время пятидневным переходам. Пятипереходная система была порождена кордонной стратегией; она сильно ограничивала подвижность армий, обрекала их на вынужденную пассивность и медлительность.

³ В мирное время войска снабжались из постоянных магазинов, расположенных на месте квартирования. При передвижениях войска обеспечивались из «проходных магазинов», расположенных на всех больших трактах на расстоянии одного-двух переходов один от другого. Стратегические запасы продовольствия сосредоточивались в запасных магазинах. В военное время русская армия снабжалась путем подвоза из тыловых магазинов и путем реквизиций или закупок в районе боевых действий войск. Для текущего снабжения существовал штатный войсковой обоз, имевший обычно месячный запас продовольствия и фуража (Ред.).



Чертеж к рукописи П. И. Шувалова «Изъяснение о действии артиллерии». Центральный Военно-исторический архив.

недворянских элементов. Жестокая палочная дисциплина и муштра, произвол офицеров — характерное явление внутренней жизни русской армии. Военная служба солдат была очень тяжелой.

Рекрутская система комплектования войск, принятая в начале XVIII в., не претерпела сколько-нибудь существенного изменения и во второй половине столетия. В 1766 г. было утверждено «Генеральное учреждение о наборе рекрут», которое закрепляло принципиальные основы рекрутской системы¹. Вся тяжесть наборов ложилась главным образом на великорусское население.

В 80-х годах XVIII в. рекрутские наборы охватили и Украину. Для рекрут, набираемых на Украине, был установлен 15-летний срок службы, в то время как для всех других этот срок равнялся 25 годам. За время с 1767 по 1799 г. было проведено 32 набора, давшие армии 1 256 978 чел. Во время войн, которые вела Россия во второй половине XVIII в., а также от естественной убыли армия потеряла около 450 тыс. чел. К 1796 г. в армии числилось 458 тыс. чел. Таким образом, большая часть взятых в рекруты людей погибала от тяжелых условий квартирования, от болезней и т. п. Рекрутская система давала однородный в национальном отношении солдатский состав.

В результате длительного обучения и воспитания русские солдаты под руководством таких передовых полководцев, как П. А. Румянцев и А. В. Суворов, показывали чудеса храбрости и героизма.

Большинство армий Западной Европы того времени были наемными. Они комплектовались наймом и вербовкой людей самого разнообразного происхождения: чужеземцев, военнопленных, всякого рода деклассированных элементов и т. п. Моральный дух подобных армий был чрезвычайно низок. Эта система комплектования просуществовала в ряде государств Западной Европы почти до конца XVIII в. В сравнении с ней русская система комплектования войск была передовой для своего времени.

Подготовка офицерских кадров для армии осуществлялась в основном через гвардию и военные школы. Наибольшее значение из специальных военно-учебных заведений имели Сухопутный, Артиллерийский и Инженерный кадетские корпуса. За всю вторую половину XVIII в. военные школы (не считая военно-морских) дали войскам примерно 3 тыс. офицеров. Практиковался также наем офицеров-иностранцев, так как после манифеста о вольности дворянства 1762 г. в армии обнаружился значительный недостаток офицерских кадров, поскольку дворяне освобождались от обязанности нести военную службу. Подготовка младшего командного состава производилась в гарнизонных школах. Число учащихся гарнизонных школ непрерывно росло. Так, в 1765 г. при 108 гарнизонных батальонах числилось в гарнизонных школах 9 тыс. учеников².

¹ ПСЗ, т. XVII, № 12748, стр. 997—1015.

² «Инструкция полковничья». СПб., 1826, стр. 72.

Система организации войск второй половины XVIII в. была обусловлена сложившимися к тому времени формами и способами ведения войны и военных действий. Они в свою очередь определялись вооружением (гладкоствольные ружья и артиллерия), которое позволяло вести бой в линейных боевых порядках¹. При Петре III была сделана попытка приблизить организацию войск к чужой ей прусской военной системе. Военная комиссия в марте 1762 г. решила усилить тяжелую кирасирскую конницу, расформировать гренадерские полки и преобразовать полевые пехотные полки на прусский манер. Однако вследствие кратковременности царствования Петра III эти решения не были осуществлены. Петр III ввел для всех войск прусскую форму, которая на продолжительное время закрепилась в русских войсках.



Рядовые и сержант мушкетерских рот Преображенского, Семеновского и Измайловского полков с 1763 по 1786 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова. СПб., 1841—1862.

В последующий период (1763—1765) были проведены некоторые мероприятия по реорганизации войск. Определяя соотношения родов войск, установили, что на каждые два полка пехоты следует иметь один полк кавалерии. Признали необходимым преобразовать драгунскую конницу в карабинерную и образовать легкую егерскую пехоту. Было решено установить казарменную систему квартирования войск, для чего в губерниях позволялось строить казармы «на своем иждивении», не дожидаясь постройки их государством².

Вопросы организации войск вновь возникли в 70-х годах XVIII в. Интересы укрепления феодально-абсолютистского государства, потрясенного Крестьянской войной 1773—1775 гг., и активная внешняя политика царского правительства требовали дальнейшего усиления армии,

¹ См. четвертую главу настоящих «Очерков»: «Внешняя политика», § 4.

² ЦГВИА, ф. 1, д. 50, л. 28.

проведения военной реформы. С проектом преобразований выступили П. А. Румянцев и Г. А. Потемкин. Реализации их предложений помешали войны с Турцией и Швецией. Однако отдельные мысли и идеи, высказанные в проектах П. А. Румянцева и Г. А. Потемкина, нашли свое отражение в реорганизации кавалерии, развитии егерской пехоты и в других преобразованиях в русской армии второй половины XVIII в.

По родам оружия в организации в войсках происходили следующие изменения. Прежде всего значительно возросла численность пехоты. По штатам 1763 г. пехота состояла из трех гвардейских и 50 армейских полков (4 гренадерских и 46 пехотных) ¹. К 1769 г. число армейских полков было доведено до 63. Каждый пехотный полк имел по два батальона 12-ротного состава (2 гренадерских и 10 мушкетерских), из них 9-я и 10-я роты должны были оставаться на месте постоянного квартирования полка в качестве резерва. Штатная численность полка по книге штатов была определена в 2093 чел. ².

Наиболее важным было создание егерской пехоты. Впервые в России она появилась в войсках Румянцева во время осады Кольберга в 1761 г. В 1765 г. было решено учредить в армии егерский корпус численностью в 1560 чел., распределив людей командами (по 60 чел.) сначала в полках Лифляндском, Эстляндском, Финляндском, Смоленском, а затем и в других дивизиях.

В 1777 г. эти команды были преобразованы в егерские батальоны ³. Наконец, перешли к созданию отдельных егерских корпусов 4-батальонного состава. В 1785 г. их было семь (Кубанский, Таврический, Новороссийский, Бугский, Финляндский, Лифляндский и Белорусский) ⁴.

Насколько это было новым в строительстве вооруженных сил России, видно из того, что во Франции егерская пехота появилась уже в эпоху революционных войн. В Пруссии в конце XVIII в. было всего 1500 егерей, но использовались они как обычные линейные войска. В Австрии легкая пехота была организована еще хуже: она относилась к разряду нерегулярных войск.

Возникновение и развитие легкой егерской пехоты в России во второй половине XVIII в. не было случайным. Русская армия располагала необходимой материально-технической базой, обладала более высокими моральными и боевыми качествами, чем армии Западной Европы, в большинстве своем наемные.

К егерям по своему составу, вооружению и использованию в бою довольно близко подходили отдельные полевые батальоны, сформированные в 1775 г. Они несли гарнизонную службу в Сибири и других отдаленных местностях страны. В 1795 г. русская пехота имела в своем составе: гвар-

¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 31, л. 7.

² ПСЗ, т. XVI, № 11735, стр. 137.

³ ПСЗ, т. XX, № 14614, стр. 528.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16131, стр. 280.

дейских полков 4, гренадерских полков 15, пехотных полков 57, полков морской пехоты 2, егерских корпусов 10, отдельных гренадерских батальонов 3, отдельных мушкетерских батальонов 2, егерских батальонов 3, полевых батальонов 20¹. Таким образом, в пехотных войсках отмечалась тенденция роста легкой егерской пехоты, что отвечало развитию тактики колонн и рассынного строя.

В кавалерии появилось стремление усилить те виды конницы, которые можно было использовать на больших театрах войны для активных боевых действий.

Воинская комиссия в 1762—1764 гг. пришла к неправильному выводу, что нужно усилить тяжелую конницу, т. е. увеличить число кирасирских и карабинерных полков за счет драгунских и гусарских. К 1765 г. в составе кавалерии были: 1 гвардейский полк, 5 кирасирских, 20 карабинерных, 7 драгунских и 9 гусарских полков, всего 41 полк². Против такого соотношения возражал П. А. Румянцев; он писал, что мы «подражать взялись тому, что другие оставили, и к отягощению службы и великому казне убытку почти всю кавалерию на тяжелых лошадей и с тяжелой амуницией посадили»³.

Возражение П. А. Румянцева не было принято во внимание. Но опыт русско-турецкой войны 1768—1774 гг. показал нецелесообразность увлечения тяжелой конницей. С 1776 по 1796 г. были проведены новые преобразования, в результате которых в составе русской кавалерии увеличи-



Рядовые и офицер гусарских полков с 1764 по 1776 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова СПб., 1841—1862.

¹ «Столетие Военного министерства», т. IV, отд. 1, кн. 1, СПб., 1902, стр. 198, (гл. VIII).

² Там же.

³ Д. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, Прилож. 1. М., 1885, стр. 144; «П. А. Румянцев», т. II, М. 1953, стр. 261.

лась легкая конница. В ней насчитывалось: гвардейских полков 1, кирасирских полков 5, карабинерных 17, драгунских 11, гусарских 2, легкоконных 9, конно-гренадерских 1, конно-егерских 3, всего 49 полков¹. Большое внимание при этом обращалось на казачью конницу, численность которой к концу века возросла до 27 полков. Таким образом, в кавалерии происходило увеличение легкой конницы. Конница не была однородна, различные ее виды применялись для разных целей: казаки и гусары — для разведывательной службы, кирасиры, драгуны и карабинеры — для удара на поле боя, легкоконные полки — для преследования противника.

Артиллерия как род войска во второй половине XVIII в. развивалась довольно медленно. Полевая артиллерия в 1763 г. состояла из 2 канонирских, 2 фузилерных и 1 бомбардирского полка 10-ротного состава. В 90-х годах были сформированы еще 3 отдельных артиллерийских батальона, 5 конно-артиллерийских рот и 2 батальона артиллерии в составе гребного флота². Осадная артиллерия развивалась довольно медленно. В конце века парк осадной артиллерии имел не свыше 1500 орудий.

Некоторое развитие получили также инженерные войска. Во второй половине XVIII в. в русской армии имелись инженерный полк, особый гидравлический корпус и специальная рота инженеров для действий на южном театре³.

Для несения внутренней службы использовались гарнизонные войска. В 1765 г. в гарнизонных войсках было 91 290 чел., а в 1795 г. стало 122 705 чел.⁴, т. е. их численность составляла $\frac{1}{3}$ всей полевой армии. Однако и эти силы с трудом справлялись со своими задачами. Поэтому для подавления крестьянских восстаний правительство неоднократно посылало полевые войска. Таким образом, функцию подавления крестьянских восстаний выполняли все войска, как полевые, так и гарнизонные. Это наглядно показывает классовую природу царской армии, реакционность ее внутренней функции.

Во второй половине XVIII в. получили развитие такие высшие тактические соединения, как бригада и дивизия. В 1768 г. русская армия в мирное время была распределена на 8 дивизий и 3 окружных пограничных корпуса; в 1775 г. число дивизий увеличилось до 11. Дивизии имели непостоянный состав и представляли собою соединение трех родов войск — пехоты, кавалерии и артиллерии. В военное время действующая армия делилась на отдельные корпуса, дивизии и бригады. Применялись также легкие корпуса типа петровского корволанта, как отдельные отряды, состоявшие из трех родов войск. Состав корпусов, дивизий и бригад также не был постоянным. Образование высших тактических соединений диктовалось способами ведения военных действий.

¹ «Столетие Военного министерства», т. IV, отд. I, кн. 1, стр. 203 (гл. VIII).

² ЦГВИА, ф. 23, оп. 124, св. 26, д. 3—5, л. 16; ЦГАДА, ф. 66, д. 6/№. Русинов «Известие».

³ ЦГАДА, ф. Сената, д. 6004, л. 306; ПСЗ, т. XXI, 15563, стр. 718—720; т. XXIII, № 17261, стр. 569.

⁴ ЦГВИА, ф. 23, оп. 1/121, св. 20, л. 38.

В 1783 г. вместо неудобной прусской формы была введена новая, более удобная форма, отменено ношение солдатами кос и прекращено плетение волос. Каждый род войска получил свои мундиры.

На вооружении войск в основном состояло то же оружие, что и в начале века. Линейная пехота имела на вооружении 7-линейные гладкоствольные ружья со штыками, стрелявшие на 300 шагов, при действительном огне не далее чем 60—75 шагов. Конница имела вооружение в зависимости от ее вида. Кирасиры были вооружены палашами и пистолетами; драгуны и конные егеря имели палаши, пистолеты и ружья со штыками; карабинеры и легкоконные полки — палаши, карабины без штыков и пистолеты; гусары — сабли, карабины и пистолеты.

Центральное управление войсками в мирное время осуществлялось через Военную коллегию, местное управление — через командиров дивизий. В военное время действиями полевых армий руководил Военный совет, который составлял планы кампаний и руководил ходом военных действий. При отсутствии совершенных средств связи с войсками решения Военного совета не учитывали обстановку и нередко отрицательно влияли на действия главнокомандующих армиями. Примером может служить деятельность Конференции в Семилетней войне и Военного совета в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Следует, однако, сказать, что влияние Конференции на ход Семилетней войны бывало и положительным, когда в ряде случаев, при разработке общих стратегических планов, она подчиняла военную стратегию требованиям политики.

Самостоятельная роль главнокомандующих усилилась только в войнах конца XVIII в. (Г. А. Потемкин, А. В. Суворов).

Для управления войсками на театре войны в 1763 г. был создан Генеральный штаб, который являлся вспомогательным органом главнокоман-



Артиллерист ландмилицкого пехотного полка с 1763 по 1770 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова. СПб., 1841—1862.

дующего. В мирное же время Генеральный штаб должен был разрабатывать вопросы, связанные с подготовкой офицеров для несения квартирмейстерской службы и выполнения картографической работы.

Накануне Семилетней войны армия получила новые уставы¹. Пехотный устав 1755 г. в известной степени означал шаг назад по сравнению с Уставом воинским 1716 г.; главное внимание обращалось на ведение огневого боя, действиям же холодным оружием не придавалось должного значения; сложные построения нового устава значительно затрудняли всю систему полевой подготовки войск. Положительной чертой устава было введение колонн «для проломления неприятельского фронта». Кавалерийский устав 1755 г. мало отличался от миниховской Кирасирской экзерциции 1731 г. Однако отрицательное влияние этих уставов было сравнительно невелико, так как начавшаяся вскоре после того Семилетняя война прекратила процесс переучивания войск и, по существу, они действовали в этой войне по петровским уставам.

В период с 1763 по 1766 г. были изданы основные уставы, регулирующие строевую и полевую подготовку войск². Эти уставы были, несомненно, лучшими, чем уставы, принятые накануне Семилетней войны. В Пехотном строевом уставе 1763 г. видно стремление ограничить строевые формы и оставить лишь необходимые для боя.

В определении строевых норм требовалось исходить прежде всего из отечественной практики, не копируя западноевропейские образцы, но в то же время не упуская из виду лучший опыт Запада. Устав 1763 г. ввел развернутый строй в три шеренги с подразделением на дивизионы и взводы. Густые колонны были отменены и вместо них определены батальонные и полубатальонные колонны для маневрирования вне поля боя. Устав ограничивал роль огня как главного предмета боевой подготовки, были оставлены только самые простые виды стрельбы. Однако устав не упоминает о штыковом ударе, очевидно, ему не придавалось решающего значения в бою.

В целом устав 1763 г. закреплял те принципы боя, которые утвердились в середине XVIII в. Основной формой боя в тот период было фронтальное столкновение двух армий³.

Русский военно-морской флот на Балтике стал одним из самых крупных и сильных к концу первой четверти XVIII в. Но во второй четверти XVIII в. при слабых преемниках Петра I флот постепенно стал приходить в упадок. Возрождение его началось лишь с 40-х годов. За 15 лет военный

¹ ИСЗ, т. XIV, № 10494/а. Приложения, стр. 76—130; № 10475/а. Приложения, стр. 4—76.

² Пехотный строевой устав (1763); Устав воинский о конной экзерциции (1763); Инструкция полковничья пехотного полку (1764); Инструкция конного полку полковнику (1764); Дополнительные главы к Генеральному уставу о полевой службе (1766); Доклад об учреждении Егерского корпуса (инструкции для обучения егерей, 1765).

³ См. четвертую главу настоящих «Очерков»: «Внешняя политика», § 4.



Модель 54-пушечного корабля конца XVIII в.

Государственный Исторический музей.

Флот пополнился рядом линейных кораблей, фрегатами и другими кораблями. В 1757 г. в составе Балтийского флота было: 21 линейный корабль, 5 фрегатов и 158 других более мелких судов¹. Этот флот сыграл крупную роль в Семилетней войне. Он не только полностью подавил флот Пруссии, но и решительно отразил все попытки английского военного флота проникнуть в Балтийское море, а также оказал помощь со стороны моря своему союзнику того времени — Швеции. Взаимодействуя с армией, русский флот обеспечил взятие таких крупных приморских баз Пруссии, как Мемель, Кенигсберг и Кольберг.

По окончании Семилетней войны был утвержден новый штат Балтийского военного флота (1764). В военное время по «малому комплекту» полагалось иметь 32 линейных корабля, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля, 3 прама и ряд кораблей других классов, а по «большому комплекту» — 40 линейных кораблей и 10 фрегатов².

Угроза войны с Турцией и Швецией заставила правительство усилить строительство кораблей военно-морского флота. Русский Балтийский

¹ «Материалы для истории русского флота», т. X, СПб., 1883, стр. 417—418.

² ПСЗ, XVI, № 12020, стр. 506; Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота. М.—Л., 1939, стр. 87.

флот принял активное участие в действиях против турецкого флота. В 1769 г. для борьбы с Турцией были отправлены в Средиземное море две эскадры, в 1770 и 1772 гг. еще две. Объединенные под общим командованием А. Г. Орлова и выдающегося русского флотоводца адмирала Г. А. Спиридова, русские военно-морские силы в 1770 г. нанесли сокрушительный удар турецкому флоту. Наголову разгромив его в двух сражениях: в Хиосском проливе и в Чесменской бухте (24 и 26 июня 1770 г.) и почти полностью уничтожив его, русский флот обеспечил себе полное господство в восточной части Средиземного моря.

Активные действия русских военно-морских сил на Средиземноморском театре войны значительно способствовали успешным наступательным действиям русской армии на Балканском полуострове в 1770 г.

В ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. была создана Донская флотилия (для содействия сухопутным войскам на юге Украины и в Крыму). Строительство судов происходило на Воронежской и Павловской верфях, откуда они спускались затем по Дону в Азовское море. В Таганроге была построена гавань для флотилии. Азовская флотилия достигла значительных успехов в борьбе с турецким черноморским флотом, тесно взаимодействовала с сухопутными войсками русской армии. К концу русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Азовская флотилия имела в своем составе 11 «новоизобретенных» кораблей, 9 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, до 32 ботов, галиотов, транспортов и ряд мелких судов¹.

По окончании войны строительство Черноморского флота началось anew вновь заложенных в 1778 г. верфях в Херсоне и Николаеве. В 1785 г. был утвержден штат для Черноморского флота в составе 12 линейных кораблей, 20 фрегатов и 23 кораблей других типов².

С новой Херсонской верфи в 1783 г. был спущен первый 66-пушечный корабль «Слава Екатерины». В результате энергичного строительства к началу русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Черноморский флот насчитывал 4 линейных корабля, 14 фрегатов, 3 бомбардирских корабля и 50 мелких³. Кроме того, Днепро-Бугская лиманская флотилия имела 3 линейных корабля, 1 фрегат, 1 бот, 15 галер и других мелких гребных судов⁴. В конце войны России с Турцией в составе действующего Черноморского флота находилось уже 22 линейных корабля, 6 бомбардирских кораблей, 12 фрегатов, большое количество мелких судов (бригантин, шхун и т. п.)⁵. Это были довольно крупные военно-морские силы, с которыми приходилось считаться не только Турции, но также Франции и Англии. Черноморский флот под командованием великого русского

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XXI, ф. 21, д. 61, лл. 64—65.

² ПСЗ, т. XX, № 14580, стр. 499; № 14673, стр. 569; Р. Скаловский. Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова. СПб., 1856, стр. 46.

³ «Материалы для истории русского флота», т. XV, стр. 13—15.

⁴ «Очерки истории военно-морского флота». М., 1946, стр. 196, 209.

⁵ «Материалы для истории русского флота», т. XV. СПб., 1895, стр. 285—287.

флотоводца Ф. Ф. Ушакова одержал ряд блестящих побед над турецким флотом. В сражениях на Днепро-Бугском лимане, у о-ва Фидониси, при Керченском проливе, у Гаджибея и у мыса Калиакрия турецкий флот был разгромлен и в значительной своей части уничтожен. Эти блестящие победы обеспечили полное господство русского флота на Черном море.

Одновременно с созданием Черноморского флота продолжалось строительство военного флота и на Балтике. К началу русско-шведской войны 1788—1790 гг. он имел в своем составе 37 линейных кораблей, 13 фрегатов и 30 судов других классов. Гребной флот имел 200 судов¹. В сражениях при Готланде, Ревеле и Роченсальме шведский флот понес поражения. Эти победы упрочили положение России в Прибалтике.

Комплектование флота матросами осуществлялось на основе тех же правил, по которым проводились рекрутские наборы в армию. Офицерский состав давали адмиралтейские школы и открытый в 1752 г. морской корпус, который был значительно расширен в связи с необходимостью готовить кадры для Черноморского флота. Кроме того, существовал еще морской кадетский корпус в Херсоне, переименованный затем в штурманское училище.

Управление военно-морским флотом осуществлялось через Адмиралтейств-коллегию. После Семилетней войны был введен «Регламент о управлении адмиралтейств и флотов» (1765), которым определялись права и обязанности Адмиралтейств-коллегии и который заменил собою петровский регламент. Новый регламент коснулся лишь вопросов управления. Петровский же морской устав оставался в силе до конца века.

Итак, комплектование, организация, боевое оснащение русской армии и флота второй половины XVIII в. находились в зависимости от социально-экономических условий того времени, от способа производства. Вооруженные силы в руках господствующего класса являлись орудием для подавления народа. Вся военная система в России строилась на сугубо классовой основе. Большой срок военной службы, казарменное расположение, постоянное обучение и воспитательное воздействие командного состава — все это было направлено на подготовку послушных исполнителей воли господствующего класса помещиков и развивающейся буржуазии.

К. Маркс указывал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, связанные с обострением противоречий между феодалами и складывающейся буржуазией². Являясь диктатурой крепостников, абсолютизм в России второй половины XVIII в. должен был идти на некоторые уступки формирующейся буржуазии. Царское самодержавие обладая неограниченной властью, вследствие известной самостоятельности осуществляло некоторые частные мероприятия, удовлетворявшие потреб-

¹ Материалы для истории флота, ч. XIII, стр. 264—266.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 212.

ности купечества (отмена внутренних таможен, монополий в промышленности и торговле, Жалованная грамота городам и пр.).

Проводя эти мероприятия, правительство отнюдь не затрагивало основ классового господства дворянства; политика правительства отвечала интересам дворян-крепостников, имея своей конечной целью укрепление феодального строя, всех устоев самодержавия. Но объективно такие меры, как отмена внутренних таможен, монополий в промышленности и торговле и другие способствовали развитию капиталистических отношений в России второй половины XVII в.

Характерной особенностью государственного устройства Российской империи 50—60-х годов XVIII в. является укрепление дворянской диктатуры при одновременном усилении бюрократизма. Рост бюрократизма привел к переходу от коллегиального начала в управлении к единоличному, министерскому. В государственном аппарате постепенно ликвидировались коллегии, на месте которых появлялись учреждения, по организационной структуре приближавшиеся к министерствам.

Сенат потерял свои первоначальные широкие полномочия. Лишенный законодательных функций, утративший былую политическую силу и разделенный на ряд департаментов, Сенат стал послушным орудием царской власти, беспрекословно исполнял все ее распоряжения.

Можно наметить два этапа в развитии государственного устройства Российской империи и внутренней политики царского правительства второй половины XVIII в. Один из них охватил период до Крестьянской войны 1773—1775 гг. Перестраивая государственный аппарат, царское правительство в этот период лавировало, проводило отдельные мероприятия в духе «просвещенного абсолютизма». Наиболее ярким проявлением этой политики был созыв Уложенной комиссии, секуляризация монастырских земель и др. Второй этап начинался после Крестьянской войны 1773—1775 гг., когда правительство перешло к системе открытой дворянской диктатуры. В этих целях в 1775 г. была проведена реформа местного управления — разделение страны на 50 губерний. Новая губернско-уездная административно-территориальная система значительно усилила власть дворян на местах. Господство дворянства над многомиллионными массами крестьянства закрепила Жалованная грамота 1785 г.

Одновременно с этим города получали право самоуправления. Но на деле органы местного управления в городах стали безгласными придатками государственного аппарата, послушными исполнителями воли дворянского класса.

Таким образом, начавшееся несоответствие производственных отношений уровню производительных сил отразилось в политической надстройке, как то: в созыве законодательных комиссий 1754 и 1767 гг., дальнейшей бюрократизации государственного аппарата, реформе городского управления, отданного в руки богатейшего купечества под бдительным надзором дворянско-бюрократических органов и пр.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика царской России во второй половине XVIII в. диктовалась интересами господствовавшего класса дворян и развивавшейся буржуазии и имела своей основной целью укрепление феодально-абсолютистского государства¹. Обусловленная интересами господствующего класса, внешняя политика царизма отличалась большой активностью, сопровождалась присоединением к России ряда территорий.

С этими задачами внешней политики были связаны многочисленные и продолжительные войны, которые вела царская Россия во второй половине XVIII в.

Но при всей своей классовой направленности внешняя политика царизма решала важнейшие исторические задачи, стоявшие перед Россией в данный период: закрепление на берегах Балтики, выход к Черному морю и воссоединение украинских и белорусских земель с Россией. Выдвинутые историческим развитием страны, эти задачи во второй половине XVIII в. приобрели большое значение и стали основным содержанием внешней политики России.

В середине XVIII в. международное положение России значительно укрепилось, усилилось ее влияние среди европейских стран. Свидетельством возросшего могущества России явилось ее участие в Семилетней войне (1756—1763), в которой она играла ведущую роль. Как известно, в состав коалиции держав, выступивших против Пруссии, вошли Россия, Австрия, Франция, Швеция и Саксония. На стороне Пруссии действовала Англия.

Прусский король Фридрих II вел завоевательную политику, стремясь к расширению территории своего государства. Притязания Фридриха II в Турции и Швеции против России, его притязания к Польше и Курляндии тревожили русское правительство. Поэтому в Петербурге признали необходимым ослабить силы Фридриха II, чтобы сделать его для России «нестрашным и незаботным».

Одновременно предполагалось расширить русские границы в сторону Польши так, чтобы возвратить утерянные в прошлом земли Белоруссии и Украины, присоединить к России Курляндию и таким образом «коммер-

¹ Введение к главе написано Ю. Р. Клокманом.

цию Балтийского моря» «с Черным соединить». Польшу рассчитывали компенсировать передачей ей прибалтийских земель, которыми владела Пруссия.

Но при Петре III, вступившем на царский престол после смерти Елизаветы Петровны, произошел коренной переворот во внешней политике России. Не считаясь с государственными интересами, Петр III и его окружение полностью отказались от осуществления тех внешнеполитических целей, которые были поставлены русским правительством в начале войны. С Пруссией был заключен мир, Фридрих II безвозмездно получил обратно всю территорию, завоеванную русскими войсками в ходе Семилетней войны.

Однако победы, одержанные русской армией в этой войне, имели важное значение. Укрепилась безопасность западных границ России, заметно усилился ее международный авторитет в Европе.

В то время в России влиятельная группа дипломатов (Корф, Панин) выступила с идеей создания на севере Европы (с участием Англии) коалиции государств — так называемой «Северной системы». В состав ее, кроме России и Англии, предполагалось включить Пруссию, Данию, Польшу, Швецию и Саксонию. Эта коалиция имела целью создать новое соотношение международных сил в Европе и была направлена против Франции и ее союзницы Австрии. Участие России в «Северной системе» и предполагаемая ведущая роль ее в этой системе облегчили бы решение основных задач русской внешней политики. Хотя такую коалицию и не удалось организовать, но Россия заключила союзные договоры с Пруссией (1764) и Данией (1765), заручившись обещанием помощи с их стороны в случае войны с Турцией; был подписан также торговый договор с Англией (1766).

Настоятельная необходимость разрешения черноморской проблемы в 60-х годах XVIII в. диктовалась для господствовавшего класса прежде всего экономическими интересами. Во второй половине XVIII в., в связи с развитием промышленности и торговли, помещичье хозяйство, сохраняя феодально-крепостническую основу, все более увеличивало производство сельскохозяйственных продуктов на продажу. Резко возросла заинтересованность дворян в земле, в особенности в приобретении земель, расположенных на юге страны. Но значительная часть плодородных причерноморских степей принадлежала Турции и ее вассалу — крымскому хану.

Крымские татары из открытых степей Северного Причерноморья и Приазовья совершали частые разбойничьи набеги на Украину. Это лишало помещиков возможности планомерно осваивать прилегающие к границе территории, повышать доходность своих имений. Кроме того, отсутствие выхода к Черному морю препятствовало ведению торговли морским путем со странами Южной Европы и Ближнего Востока.

Пограничное русское и украинское население также веками терпело неисчислимый ущерб от опустошительных набегов крымских орд. Вторгаясь на территорию Украины, крымские татары грабили и разрушали

все на своем пути, десятками тысяч угоняли жителей в рабство. Таким образом, веками на юге разрушались производительные силы. Необходимо было положить конец этим разбойничьим набегам и укрепить русско-турецкую границу. Следовательно, борьба на юге носила и национальный характер.

Борьба за разрешение черноморской проблемы связана с двумя продолжительными русско-турецкими войнами (1768—1774 и 1787—1791 гг.), которые велись в сложной международной обстановке. Первая из них, начатая Турцией под непосредственным воздействием Франции и Австрии, сопровождалась напряженной военно-дипломатической борьбой и завершилась выгодным для России Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г. По этому договору Россия получила выход к Черному морю и право свободного прохода торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Крымское ханство становилось независимым от Турции, а в 1783 г. оно односторонним актом было включено в состав Российской империи. В период подготовки и хода русско-турецкой войны 1787—1791 гг. сильное противодействие России оказывали Англия и Пруссия. В этой войне на стороне России выступила Австрия, но существенной помощи она не оказывала и поэтому вся тяжесть лежала на русской армии.

Положение России осложнилось тем, что в то время ее государственным интересам на Балтийском море и в Прибалтике угрожала Швеция. В 1788 г. шведский король Густав III, подстрекаемый Англией и Пруссией, начал войну против России. В этой войне он хотел захватить Петербург и все территории, утраченные Швецией по Ништадтскому и Абоскому мирным договорам, и вытеснить Россию из Прибалтики. Однако в войне с Россией Швеция потерпела поражение и вынуждена была заключить мир на основе довоенного положения. Отбив нападение Швеции, Россия тем самым закрепила свое положение на берегах Балтийского моря и упрочила оборону северо-западных границ.

Успешно для России закончилась и война с Турцией. По Ясскому мирному договору 1791 г. Россия приобрела Очаков с территорией в междуречье Буга и Днестра; кроме того, Турция признала присоединение Крыма к России.

Следует отметить, что правительство Екатерины II отнюдь не собиралось ограничиться только укреплением на северных берегах Черного моря. В это время царизм разрабатывал планы широких захватов на Дунае и на Балканах, выражением которых явился известный «греческий проект».

Но независимо от классовых целей русского царизма присоединение причерноморских земель к России имело прогрессивное значение. Оно способствовало их хозяйственному освоению и развитию черноморской торговли. Войны России с Турцией второй половины XVIII в. положили конец вековым грабительским набегам крымских татар и турок на украинские и русские земли; они ослабили господство турецких феодалов над угнетенными народами Балкан и Кавказа и оказали большое влияние

на развитие национально-освободительного движения этих народов.

Решение черноморской проблемы сопровождалось решением и другой важной исторической задачи — воссоединения украинского и белорусского народов с братским русским народом. Именно тогда Белоруссия и большая часть Правобережной Украины, находившиеся под властью шляхетской Польши, вошли в состав России.

Вместе с тем реакционная роль царской России в отношении Польши проявилась в том, что она (наряду с Пруссией и Австрией) участвовала в ликвидации Польши как самостоятельного государства. Следует отметить, однако, что первоначально Россия не соглашалась на раздел Польши, предпочитая иметь на своих западных границах слабую, находившуюся в полной зависимости от нее Речь Посполитую, а отнюдь не агрессивную Пруссию или же Австрию. Но во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., в условиях сложившейся тогда трудной для России международной обстановки, русское правительство, под сильным давлением Пруссии и Австрии, пошло на раздел Польши¹.

Таковы были основные события внешней политики России во второй половине XVIII в. Выдающаяся роль в проведении этой политики, в достижении крупных побед России, одержанных в рассматриваемый период, принадлежит русской дипломатии, русской армии и полководцам А. В. Суворову и П. А. Румянцеву.

1

РОССИЯ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ (1756—1762)

В середине XVIII в. международное положение России значительно укрепилось, усилилось влияние ее среди европейских стран. Наглядным свидетельством возросшего могущества России явилось ее энергичное участие в Семилетней войне, которое едва не привело к гибели агрессивное Прусское государство.

Расширение Пруссии было основным вопросом международных отношений на востоке Европы в 40—70-х годах XVIII в. В России были встревожены быстрым усилением Пруссии, ее политикой непрерывного захвата чужих земель. Особенно беспокоили русское правительство непрекращавшиеся происки Фридриха II в Турции и Швеции против России, его устремления в Польше и Курляндии. Руководитель внешней политики России — канцлер А. П. Бестужев-Рюмин занял решительную позицию против Пруссии, находя, что она ввиду своей территориальной близости и «великой угрожаемой силы» представляет первую и главную опасность России. Он полагал, что необходимо унять «скоропостижного», как он его называл, короля Фридриха II.

Международная обстановка, предшествовавшая Семилетней войне, была очень сложной и напряженной.

¹ «История Польши» под ред. П. П. Третьякова, И. С. Миллера, В. Д. Королюка, т. I. М., 1954, стр. 167—169.

Семилетняя война была последним перед буржуазной революцией во Франции общеевропейским конфликтом. В нем наметились уже те противоречия и то соотношение сил, которые существовали и во время революции и в течение значительной части XIX в. Дело шло, во-первых, о последовавшей после войны за испанское наследство стадии англо-французского соперничества за колонии и мировое господство и, во-вторых, о новом после войны за австрийское наследство столкновении Австрии и Пруссии за гегемонию в Германии. Эти два противоречия и лежали в основе конфликта. При этом прежняя многовековая борьба между Францией и Австрией, между Бурбонами и Габсбургами, несколько ослабевшая после войны за испанское наследство, окончательно сошла на нет и к началу Семилетней войны превратилась в свою противоположность — франко-австрийский союз.

Новое столкновение Англии и Франции распространилось на континент Европы: вся дипломатическая подготовка со стороны Англии была направлена на то, чтобы создать на континенте антифранцузскую коалицию и, безнадежно впутав Францию в европейский конфликт, разбить ее на море и в колониях.

Реальная обстановка действительно сложилась весьма благоприятно для Англии. Франция оказалась втянутой в австро-прусскую борьбу на континенте, напрасно и без славы для себя расходовала здесь свои силы и в конечном результате оказалась битой на путях мирового господства и в колониях. Таков был результат бездарной политики обетшала и педшей к своей гибели абсолютной монархии во Франции.

Натянутые отношения между Австрией и Пруссией не прекратились со времени войны за австрийское наследство. Мария-Терезия не желала отказываться от Силезии, захваченной Фридрихом II, и деятельно готовилась к новой войне. Обе стороны вели энергичную дипломатическую подготовку, результатом которой было вмешательство в конфликт почти всей Европы. Наиболее неожиданным явилось сближение двух давних соперников, Франции и Австрии, и выступление Франции против своего старого союзника — Пруссии. Эта непредвиденная комбинация осуществилась следующим образом.

Англия издавна поддерживала в Европе монархию Габсбургов как соперницу Франции. С XVIII в. эта политика стала вдвойне необходимой для Англии, так как ей пришлось защищать на континенте от французов или от пруссаков Ганновер, фамильные владения новой английской династии, ганноверских курфюрстов по происхождению. Но со времени войны за австрийское наследство англичанам стало ясно, что на континенте появилась новая военная держава — Пруссия, которая наряду с Австрией не прочь была получить английские субсидии. В то же время отношения с Австрией у Англии стали явно портиться.

Еще весной 1749 г. Мария-Терезия запросила своих министров, какой линии ей следовало держаться во внешней политике. В обширной записке Кауниц подробно ответил императрице. У Австрии, писал он, есть друзья,

есть и враги. К первым относятся Англия, Голландия, Россия и Саксония, ко вторым — Турция, Франция и Пруссия, самым непримиримым из которых является Пруссия. Вред, принесенный ею Австрии, непоправим. С Силезией отрезан не какой-нибудь второстепенный член, но главная, существенная часть государственного тела. Поэтому необходимо всеми силами стараться ослабить Пруссию и отобрать у нее Силезию. А это возможно только в том случае, если у Австрии будут союзники. На помощь морских держав — Англии и Голландии особенно рассчитывать не приходится. Остается Франция. На нее-то и должны быть направлены все усилия. Ее-то и следует из врага превратить в союзника.

Осенью 1750 г. Кауниц был отправлен в Париж в качестве посла, а уже в мае 1751 г. он с разочарованием уверял Марию-Терезию, что разорвать связь между Францией и Пруссией мало надежды.

Новым козырем в дипломатической игре Марии-Терезии и ее помощника Кауница было предположение о том, что король прусский собирается заключить договор с Англией и, таким образом, стать на сторону противника Франции. Мария-Терезия предлагала французскому правительству войти в соглашение с нею для охраны «правопорядка и мира» в Европе.

Намек на измену Фридриха II возымел во Франции свое действие, но поскольку никаких определенных улик на этот счет у французов еще не было, предложение императрицы не привело к большим результатам. Однако неожиданно, в самом начале 1756 г., дело обернулось полностью в пользу австрийцев, и помог австрийцам не кто другой, как сам Фридрих II.

Англичане, потеряв надежду, что Австрия, занятая приготовлениями к новой войне с Пруссией, сможет осуществить защиту Ганновера, попробовали «нанять» прусского короля. Фридрих II согласился на предложение англичан с тем большей охотой, что это спасало его, как он думал, от возможной диверсии со стороны России, которая была в добрых отношениях с Англией. Фридрих II, далее, надеялся, что его дипломатического искусства хватит на то, чтобы предполагаемый договор с Англией, по существу направленный против Франции, не поссорил его с французами.

Англия, заинтересованная в защите ганноверских владений не только от французов, но и от Пруссии, готова была заключить «субсидный» договор также с Россией. Она рассчитывала за определенную сумму денег получить в свое распоряжение русские войска и использовать их по мере надобности как против Франции, так и против Пруссии. Русское же правительство, идя на соглашение с Англией, ставило своей целью привлечь ее для борьбы с растущей прусской агрессией, отказываясь от передачи войск всецело на службу Англии.

1 февраля 1756 г. английский посол в Петербурге Уильямс был приглашен к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину на конференцию, где и произошел обмен ратификационными грамотами. К великому огорчению Уильямса, Россия отказалась выступить в Западной Европе против

кого-либо, кроме Пруссии. Принимая на себя союзное обязательство защищать Ганновер от покушений со стороны Фридриха II, Россия подчеркивала, что готова осуществить диверсию с востока против прусского короля, но не считает возможным посылать свои войска в Нидерланды или на Рейн и в Ганновер. Русское правительство не шло дальше того, что было явно в интересах его политики.

Но уже через два дня после обмена ратификационными грамотами английский посол объявил, что 27 января (н. ст.) 1756 г. в Уайтхолле между Англией и Пруссией заключено соглашение, по которому оба государства гарантировали взаимную неприкосновенность своих владений и обязывались не допускать иностранные войска на территорию Германии. Заключая этот договор, Англия видела в нем начало изоляции Франции и создание общей коалиции европейских держав против Франции. Она рассчитывала, что Австрия, Пруссия и Россия будут сражаться с Францией на континенте, тогда как англичане будут бить своего исконного врага на море и в колониях.

Изумление и негодование французов на прусского короля, а русских на англичан не знало предела, хотя и выражалось в дипломатически вежливой форме.

Фридрих II предполагал, что Уайтхоллским соглашением он нейтрализует Англию, сохранит дружественные отношения с Россией и таким образом изолирует Австрию. А в этом заключалась его основная цель.

Но Уайтхоллское соглашение не оправдало надежд его инициаторов. Оно ускорило создание тройственной коалиции Австрии, Франции и России против Пруссии. 1 мая 1756 г. Мария-Терезия заключила в Версале договор с Людовиком XV, согласно которому обе державы обещали друг другу военную помощь — 24 тыс. чел. войска против всякого агрессора.

Русское правительство ответило на Уайтхоллское соглашение расторжением «субсидного» договора с Англией. На специальной Конференции¹, созванной в марте 1756 г., Россия ставила своей задачей, «ослабя короля прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным; усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ним против турок более важным и действительным. Одолживши Польшу доставлением ей королевской Пруссии, взамен получить не только Курляндию, но и такое округление границ с польской стороны, благодаря которому не токмо пресекулись бы нынешние беспрестанные об них хлопоты и беспокойства, но, быть может, и получен был бы способ соединить торговлю Балтийского и Черного морей и сосредоточить всю левантскую торговлю в своих руках»².

¹ В дальнейшем Конференция функционировала как постоянное учреждение при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Она ведала вопросами внешней политики России и руководства действиями русской армии и флота в период Семилетней войны.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5, т. 24, стб. 904.

Для войны с Пруссией Россия готовилась выставить 80-тысячную армию, а при необходимости и все силы. Одновременно русское правительство обратилось к Австрии с предложением совместных действий против Пруссии. Однако в Австрии не очень доверяли приготовлениям России к войне и опасались излишней торопливостью навлечь на себя нападение Фридриха II. В Австрии предпочитали ждать нападения Пруссии, а не выступать самим, так как, по смыслу договора с Францией, последняя обязывалась помочь Австрии лишь при том условии, если она подвергнется нападению. Австрия поэтому официально заявила в Петербурге, что она не собирается начать войну нынешним летом.

Таким образом, к середине лета 1756 г. русское правительство, в своем нетерпении сократить силы прусского короля и тем создать препятствия его агрессивной политике, готово было на соглашение с Австрией; оно готово было также вступить в соответствующее соглашение с Францией и было недовольно медлительностью австрийского двора.

Фридрих II, убежденный, что Австрия побуждает Россию к скорейшему началу войны, но что дело затягивается только из-за неподготовленности русской армии к походу, решился напасть первым.

19 августа прусские войска вероломно, без объявления войны, ворвались в Саксонию. Заняв Дрезден и Лейпциг, Фридрих II предъявил Августу III, курфюрсту Саксонии и королю Польши, ультиматум с требованием примкнуть к нему и присоединить свои войска к прусской армии. Август III с 18-тысячной армией ждал под Пирной австрийской помощи; австрийские войска шли под командованием фельдмаршала Дауна. Но Фридрих II разбил австрийцев у Лобозица (1 октября 1756 г.) и затем заставил саксонскую армию капитулировать.

Разгром, учиненный Фридрихом II в Саксонии, имел своим последствием окончательное оформление антипрусской коалиции в Европе. 31 декабря 1756 г. Елизавета Петровна присоединилась к австро-французскому (Версальскому) договору, а 22 января 1757 г. была подписана новая конвенция между Австрией и Россией. Каждая из союзниц обязывалась держать под ружьем не менее 80 тыс. регулярного войска, а Россия, сверх того, на Балтийском море — 15—20 линейных кораблей и не менее 40 галер. Обе стороны обязывались не заключать мира с Фридрихом II без взаимного согласия. В сепаратных статьях Мария-Терезия и Елизавета Петровна условились пригласить к участию в своем соглашении Францию, Швецию и Данию, причем две последние державы должны были получить вознаграждение в соответствии с долей их участия в войне. Ввиду усиления помощи, которую должна была оказать Россия Австрии, субсидии ей со стороны последней были увеличены до 1 млн. руб. в год. К договору прилагались две декларации; одна из них обеспечивала России получение Курляндии и Семигалии в обмен на Восточную Пруссию, другая подавала Австрии надежду на территориальные вознаграждения сверх возвращения Австрии Силезии и Глаца, т. е. своих же провинций захваченных Пруссией в предыдущую войну.

Вероломное нападение Фридриха II на Саксонию и Австрию окончательно определило также и поведение Франции. 1 мая 1757 г. был подписан второй Версальский договор между Австрией и Францией. Вместо 24 тыс. чел. Франция обязалась выставить 105 тыс., содержать за свой счет для Марии-Терезии 6-тысячный отряд баварцев и вюртембергцев и выдавать ей ежегодно субсидию в 12 млн. флоринов.

Коалиция против Фридриха II была завершена вступлением в нее Швеции. За участие в войне против Пруссии Австрия обещала Швеции Померанию.

Военные действия начались в 1757 г. выступлением войск Фридриха II против Австрии. Фридрих II рассчитывал быстро расправиться с Австрией, затем обрушиться на Францию, вывести ее из войны, а после этого выступить против России. Прусский король полагал, что, лишив Россию ее союзников, он без особого труда справится с ней один на один. Однако этот план был совершенно нереален. Фридрих II недооценил сил и возможностей России и ее армии, обладавшей высокими боевыми и моральными качествами. Он явно преувеличивал силы и возможности Пруссии, военный потенциал которой был весьма ограничен.

Весной 1757 г. 100-тысячная прусская армия, перейдя Рудные и Исполинские горы, вышла на чешскую равнину и 6 мая нанесла австрийцам поражение под стенами Праги. Но 18 июня австрийцы в свою очередь разбили Фридриха II у Коллина. Пруссаки потеряли около 13 тыс. чел., австрийцы 6 тыс.¹, и только медлительность австрийского фельдмаршала Дауна спасла пруссаков от полного поражения.

В это время на западе Германии французская армия маршала д'Эстре вторглась в Вестфалию и заставила англо-ганноверские войска герцога Кюберлендского уйти за Эльбу, а их союзников — гессенцев и брауншвейгцев — вообще прекратить борьбу. На севере шведы готовились захватить Восточную Померанию.

В начале июля 1757 г. русская армия под командованием С. Ф. Апраксина вступила на территорию Восточной Пруссии². Военные действия развивались успешно. Были взяты города Гумбинен и Инстербург; отдельный корпус во взаимодействии с отрядом кораблей флота овладел Мемелем, а затем вступил в Тильзит³. Наступая вглубь Восточной Пруссии,

¹ По заявлению Фридриха II, его потери равнялись 8 тыс. чел.

² Общая численность войск, подчиненных С. Ф. Апраксину, составляла 65 187 чел. Сверх того больных: при полках 7353 и в госпиталях 5443; в командировках находилось 15 726 чел. За вычетом нестроевых, под ружьем, таким образом, оставалось 59 646 солдат и офицеров («Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг.». Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1948, док. 51, прилож., стр. 157—159). (Далее «Семилетняя война. Материалы...»).

³ Следует отметить, что командующий корпусом генерал В. В. Фермор самолично смягчил условия сдачи гарнизона Тильзита. Вопреки условиям капитуляции, Фермор приказал отпустить весь гарнизон города с оружием в руках. Главнокомандующий русской армией С. Ф. Апраксин в своей реляции Елизавете Петровне определял это решение Фермора как досадную ошибку; на деле же оно было прецедентом перед русской армией. (Там же, док. 54, стр. 165).

русские войска вскоре форсировали р. Прегель в направлении на Кенигсберг.

Главный город Восточной Пруссии прикрывала прусская армия фельдмаршала Левальда. Ее численность, как доносил С. Ф. Апраксин, достигала 36—40 тыс. человек. Это были главные силы противника, его отборные войска, «...от большей части природные пруссаки...»¹. 19 августа 1757 г. у деревни Гросс-Егерсдорф произошло решительное сражение, которое закончилось полной победой русских войск. Сражение было очень упорным и ожесточенным. Пруссакки неожиданно атаковали русскую армию в тот момент, когда она только еще выступала из лагеря, вытягиваясь в походную колонну. Опасность внезапного нападения усугублялась для русских еще тем, что местность крайне затрудняла развертывание боевого порядка: лагерь стоял на небольшом лугу, ограниченном с двух сторон р. Прегель и непроходимым вброд ручьем Ауксином; впереди находился болотистый лес². Русским войскам приходилось занимать позицию под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника. Несмотря на это, передовые части русской армии оказывали стойкое сопротивление. Конница пруссаков, атаковавшая фланги русского боевого расположения, была повсеместно отброшена. На левом фланге ей был нанесен сильный удар³.

Но в центре для русских складывалось тяжелое положение. Левальд бросил сюда основную массу своих войск. Вторая дивизия В. А. Лопухина мужественно сражалась более двух часов, но под давлением намного превосходивших сил противника, израсходовав почти все боеприпасы и потеряв до $\frac{2}{3}$ своего личного состава, стала медленно отходить к опушке леса. Казалось, что «победа неприятеля получена была уже наполовину», — вспоминает участник сражения А. Т. Болотов⁴. Но в это время последовала смелая атака бригады генерал-майора П. А. Румянцева. Оставленная в резерве, эта бригада не получала никаких указаний от командующего Апраксина. Румянцев действовал по собственной инициативе. Под его начальством сводный гренадерский, Троицкий, Воронежский и Новгородский пехотные полки пробрались через густой лес и в пужный момент появились на угрожаемом участке боя.

«Сии свежие полки не стали долго медлить, но, давши залп, с криком «ура» бросились прямо на штыки против неприятелей и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену. Неприятели дрогнули, подались

¹ «Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг.» С предисловием. Под редакцией Н. М. Коробкова, М., 1948, док. 64, 65, стр. 188, 191. (Далее «Семилетняя война. Материалы...».)

² «Атлас карт и схем по русской военной истории». Сост. Л. Г. Бескровный, М., 1946, л. 27; «П. А. Румянцев». Сборник документов под ред. П. К. Фортупатова, т. I, М., 1953, схема 1. (Далее «П. А. Румянцев».)

³ «Семилетняя война. Материалы...», док. 64, стр. 185—186; «П. А. Румянцев», т. I, док. 47, стр. 75.

⁴ «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», т. I. СПб., 1871, стр. 538.



Сражение при Гросс-Егерсдорфе. Гравюра XVIII в.

несколько назад, хотели построиться получше, но некогда уже было: наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте, не долго медля, обратились они назад и стали искать спасения в ретире. Не прошло и четверти часа, как пруссаки, как скоты, без всякого порядка и строя побежали», — рассказывает Болотов¹.

Эта атака бригады Румянцева определила исход сражения. Прусская армия фельдмаршала Левальда была разбита наголову. На поле боя было подобрано более 3 тыс. трупов противника и захвачено 11 тяжелых и 18 полковых орудий². Потери русских составляли 1487 человек убитыми и 4494 ранеными³.

Русский главнокомандующий Апраксин проявил в этом сражении абсолютную беспомощность и полное неумение руководить боем, организовать взаимодействие войск. Победа была одержана только благодаря инициативе, проявленной командирами отдельных бригад и дивизий, а также благодаря храбрости, исключительной выдержке и самоотверженности русских солдат.

Успех русских войск не был, однако, развит. Апраксин, вместо энергичного преследования разгромленного противника с целью его окончательного

¹ «Жизнь и приключения Андрея Болотова...», т. I, стр. 541.

² «Семилетняя война. Материалы...», док. 65, стр. 190; Н. Коробков. Семилетняя война. М., 1940, стр. 125.

³ Д. Ф. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, вып. I, стр. 292. По другим данным русские потеряли в сражении 1348 человек убитыми и 5129 человек ранеными (см. статью К. В. Базилиевича «Разгром немецкой армии русскими войсками в Семилетней войне (1756—1763) и взятие Берлина» в сборнике «Героическое прошлое русского народа», 1946, стр. 77, а также Н. М. Коробков. «Семилетняя война», М., 1940, стр. 125).

уничтожения, простоял несколько дней на месте и после нерешительного продвижения до г. Велау отступил в Курляндию и Литву. Официально Апраксин объяснял свое отступление недостатком продовольствия и распространением в армии болезней. Но эти мотивы мало убедительны. Продвижение к Кенигсбергу, где имелись большие продовольственные ресурсы, было бы более правильным решением. Ссылка на недостаток продовольствия не была убедительной также и для русского правительства. Тот факт, что русская армия, наголову разбившая пруссаков, несмотря на одержанную победу отступила обратно к своим границам, — сам по себе вызывал серьезные подозрения в преступности действий командующего Апраксина¹.

Апраксин был арестован и предан суду, но вскоре умер. Карьерист и интриган, он принадлежал к той придворной группировке, которая в своей борьбе за власть ориентировалась на наследника престола Петра Федоровича и его жену, в. кн. Екатерину Алексеевну². Руководя военными действиями русской армии, он исходил из интересов этой придворной группировки, полностью пренебрегая государственными интересами России. Отступление Апраксина, не оправданное никакими военными соображениями, было вызвано опасением изменения внешней политики России ввиду ожидавшейся смерти заболевшей тогда Елизаветы Петровны.

Недовольная безрезультатным исходом летней кампании, Конференция приказала новому главнокомандующему Фермору, назначенному вместо Апраксина, в течение зимы 1757/58 г. занять Восточную Пруссию³. Наступая через Мемель и Тильзит, русские войска заняли 11 января 1758 г. Кенигсберг, а к концу января овладели всей Восточной Пруссией и вышли на нижнюю Вислу. Такое быстрое занятие Восточной Пруссии объясняется тем, что прусские войска не могли оказать серьезного сопротивления: не рассчитывая на активные действия со стороны русских зимой, Фридрих II отвел войска Левальда на запад, в Померанию, и держал в Восточной Пруссии лишь небольшие по своей численности гарнизоны. Занятие Восточной Пруссии обеспечивало России крупные стратегические преимущества. Русские приобретали важный плацдарм для дальнейшего наступления на Германию, базы, необходимые военно-морскому флоту, и, наконец, возможность снабжать войска более удобным морским путем.

Зимний поход 1757/58 г. в пределы Восточной Пруссии обращает на себя внимание своей основательной подготовкой и образцовой организацией марша. Это относится в первую очередь к войскам, которыми командовал талантливый генерал П. А. Румянцев⁴.

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 67, стр. 192, 193; док. 68, стр. 194—196; док. 69, стр. 196—198.

² См. об этом подробнее в третьей главе настоящих «Очерков: Государственный строй и внутренняя политика», § 1.

³ «Семилетняя война. Материалы...», док. 81, стр. 217.

⁴ «П. А. Румянцев», т. I, док. 52—68, стр. 83—106.

Между тем, французская армия под командой генерала Ришелье в Ганновере и Брауншвейге усердно занималась грабежом только что завоеванной страны (осень 1757 г.). Вторая французская армия, под начальством герцога Субиза, шла в это время на юг к долине р. Майна. В это же время небольшой австрийский отряд (3400 чел.) под командой генерала Гадика подошел с юго-востока к Берлину, который оказался незащищенным. Прежде чем берлинцы догадались, что перед ними слабый отряд, и прежде чем к городу подошло подкрепление, отправленное королем, Гадик 16 октября (н. ст.) 1757 г. исчез, захватив с собой 225 тыс. талеров контрибуции, которую берлинский магистрат собрал ему в течение двух часов. Положение Фридриха II было в этот момент весьма серьезным: две французские армии действовали на западе, австрийская армия — в Силезии, русская армия — на границе Восточной Пруссии. Фридрих II форсированным маршем двинулся против французской армии. 5 ноября 1757 г. у Росбаха эта армия, насчитывавшая 45 тыс. чел., была разбита вдвое меньшей армией пруссаков. От Росбаха Фридрих II с армией свыше 40 тыс. чел. повернул в Силезию. Австрийцы, располагая армией от 60 до 66 тыс. чел., не смогли противостоять натиску пруссаков и 5 декабря были разбиты у дер. Лейтен.

Таким образом, в исходе 1757 — начале 1758 г. французские и австрийские войска были повсеместно разбиты пруссаками; шведы долго собирались и выступили в июне 1757 г. Только одна русская армия, заняв в течение зимы 1757/58 г. Восточную Пруссию, одержала крупную победу важного стратегического значения. Успехи русской армии не очень повлияли союзникам: Людовик XV и Мария-Терезия боялись, что Россия чересчур усилится; опасались также расширения границ Российской империи. Пресловутый гофкригсрат — центр всех австрийских промедлений — настойчиво требовал русской помощи в Силезии.

Закрепившись в Восточной Пруссии, русские войска в конце мая 1758 г. предприняли наступление в Померании и продвинулись до г. Тухельна. Отсюда русская армия повернула резко на юг, в Познань. Тем самым она далеко удалялась от своей базы в Восточной Пруссии, лишалась содействия флота, что, помимо всего прочего, создавало большие трудности в снабжении. Но такое направление военных действий удовлетворяло требованиям австрийского правительства, стремившегося привлечь как можно больше русских сил ближе к Силезии. Развернув наступление в Познани, Конференция, не желая углублять разногласия, шла на явную уступку Австрии.

В соответствии с принятым планом кампании 1758 г. русская армия двигалась к рубежам рек Варты и Нетце, имея главной своей задачей занятие крепости Кюстрин (на Одере)¹. Движение главных сил прикрывал сводный отряд кавалерии в составе 24 эскадронов, которым командовал генерал-поручик П. А. Румянцев. 2 июля войска Румянцева,

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 101, стр. 245—252.

действовавшие в Восточной Померании, заняли важную крепость Дризен, а еще через два дня нанесли решительное поражение прусским частям под г. Фридебергом¹. В конце июля был взят Ландсберг, осажден Кюстрин.

Фридрих II, осведомленный об успешном наступлении русских войск на внутренние области Пруссии, прекратил свои действия против австрийцев. Сняв осаду Ольмюца, он двинулся к Кюстрину. Даун ничего не сделал, чтобы преградить ему путь. В ночь с 22 на 23 августа Фридрих II переправился на правый берег Одера (между Шведтом и Кюстрином). Прусская армия насчитывала 32 760 чел. при 116 артиллерийских орудиях².

В течение всего того времени, пока Фридрих II концентрировал войска на правом берегу Одера, главнокомандующий русской армией Фермор, проявляя поразительную медлительность, не предпринимал никаких решительных действий против пруссаков. Узнав о переправе прусской армии во главе с королем через р. Одер, Фермор прекратил осаду Кюстрина и отвел свои войска к дер. Цорндорф. Общая численность русских войск достигала 42 590 чел., при 134 артиллерийских орудиях. Кроме того, одна дивизия (Румянцева), накануне сражения при Цорндорфе посланная к Шведту в Померанию, не участвовала в сражении.

Позиция, выбранная Фермором, была очень тесна; перерезанная глубокими оврагами, она упиралась тылом в болотистую р. Митцель и имела совершенно не прикрытые фланги. Впереди находились высоты, которые обеспечивали противнику скрытые подступы и давали преимущества в ведении артиллерийского огня. На этой крайне невыгодной позиции утром 14 августа русскую армию атаковали войска Фридриха II. Пруссаки применили излюбленный ими прием «косой атаки». Этот прием состоял в концентрации сил подавляющего превосходства на направлении главного удара и охвата атакованного фланга противника.

Главный удар Фридрих II направил на русский правый фланг, где он сосредоточил 23 тыс. чел. против 16—17 тыс. русских войск³. Атака пруссаков сопровождалась сильным артиллерийским огнем, но их первый стремительный натиск был успешно отбит русской пехотой и противник «прогнан до второй его линии». Тогда прусский король бросил в атаку кавалерию Зейдлица. Но в этот ответственный момент сражения главнокомандующий русской армией Фермор бежал с поля боя. Он появился на поле сражения не раньше, чем была отбита атака кавалерии Зейдлица. После этого прусская пехота снова атаковала русских с фронта, но сосредоточенный огонь русских батарей обратил ее в бегство.

Прусская армия, потеряв до $\frac{1}{3}$ своего состава, потерпела поражение. Русская армия одержала полную победу. В этом сражении русские солдаты и офицеры, как всегда, проявили свои высокие моральные и боевые

¹ П. А. Румянцев», т. I, док. 99—105, стр. 151—159.

² Д. Ф. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, вып. II. СПб., 1888, стр. 236.

³ Н. Коробков. Семилетняя война, стр. 176.

качества. По свидетельству историка Архенгольца, участника описываемых событий, капитана прусской службы, русская армия сражалась храбро и мужественно, «являя зрелище, какого доселе не видывали примеров»¹.

Но заслуженная победа русских войск не была использована по вине главнокомандующего Фермора, немца, состоявшего на русской службе. Преступные действия Фермора были связаны с его ориентацией на Петра Федоровича и стоявшую за ним придворную группировку, которая работала перед Фридрихом II и всей прусской военной системой. Против него было предпринято специальное правительственное расследование, и он был снят с поста главнокомандующего русской армией. Новым главнокомандующим был назначен генерал П. С. Салтыков.

Французская армия в 1758 г. действовала независимо от австрийцев. Ее организация, ее действия свидетельствовали о полном разложении режима. Ришелье, командующий рейпской армией, был смещен графом Клермоном. 23 декабря н. ст. пруссаки нанесли ему тяжелое поражение при Крефельде. Французской армии пришлось очистить всю северо-западную Германию с г. Дюссельдорфом. Клермона сместили и передали командование Контаду. Трудно сказать, кто из них, Клермон или Контад, был хуже. И тем не менее французам удалось одержать над пруссаками несколько побед, не имевших, однако, большого значения, и после них обе французские армии отошли на зимние квартиры: армия Контада — за Рейн, армия Субиза — за Майн.

Тем временем двинулись вперед австрийцы. Пользуясь отвлечением главных сил Фридриха II на русских, Лаудон захватил Бамберг. Даун вторгся в Саксонию и грозил Силезии. Однако он не смог реализовать свою победу: Фридрих II сумел быстро перебросить значительные подкрепления в Саксонию, отеснил австрийцев в Богемию и ушел в Силезию.

Итак, в кампанию 1758 г. союзники, члены антипрусской коалиции, не добились сколько-нибудь существенных успехов. Основная причина этого заключалась в отсутствии согласованности действий между отдельными ее участниками. Более того, на результатах кампании отрицательно сказались разногласия, существовавшие среди членов коалиции — Австрии и Франции, с одной стороны, и России — с другой. Объединившись с Россией для ведения войны с Пруссией, Австрия и Франция не желали допустить усиления России в результате этой войны. На протяжении всей кампании 1758 г. австрийское правительство не прекращало домогательств использовать силы русских в своих частных интересах. прежде всего для овладения Силезией, не считаясь с требованиями стратегической обстановки, положением русских войск. Французское правительство не остановилось даже перед тем, чтобы воспрепятствовать России использовать Гданьск (Данциг) в качестве морской базы; это сильно затруднило боевые действия русской армии и флота на важнейшем

¹ М. Архенголец. История Семилетней войны в Германии. М., 1891, стр. 103.

стратегическом направлении, ведущем в центральные области Пруссии. Подобная ситуация, несомненно, облегчила положение Фридриха II, позволила ему не только уйти от поражения, но и собрать новые силы для продолжения войны.

К весне 1759 г. установилось следующее соотношение сил на театре военных действий: на Рейне и Майне французы собрали 125-тысячную армию; почти 160 тыс. австрийцев под командой Дауна стояли в Чехии; 16 тыс. шведов были сосредоточены около Штральзунда; на нижней Висле 60 тыс. русских готовились к наступлению на Бранденбург. У Фридриха II было 230 тыс. чел.

В 1759 г. Конференция утвердила план, по которому русская армия должна была совместно с австрийской армией развернуть широкие операции в Бранденбурге, этой важной области Пруссии, откуда Фридрих II черпал значительные силы и средства для продолжения войны¹.

В конце июня русская армия под командованием П. С. Салтыкова вступила в пределы Бранденбурга. Фридрих II выслал против русских корпус Веделя численностью в 27 380 чел. Салтыков располагал 40 тыс. чел., из них в регулярных войсках было 33 тыс. чел. Превышая противника своей общей численностью, русская армия значительно уступала ему в численности кавалерии (34 эскадрона регулярной кавалерии против 67 эскадронов противника)².

Сражение произошло 12 июля при дер. Пальциге. Сначала пруссаки дважды атаковали русских во фронт, но оба раза были отброшены. Затем они предприняли обход правого фланга русского расположения, но и здесь их отбили. Особенно отличились русские артиллеристы: ведя сосредоточенный огонь из шуваловских гаубиц и единорогов, они наносили атакующим частям противника большой урон, обращали их в бегство.

Перегруппировав свои силы, пруссаки снова атаковали правый фланг русских. Кавалерии на этот раз удалось прорваться через первую линию боевого порядка, но дальше она продвинуться не смогла, остановленная огнем русской артиллерии и войсками, быстро переброшенными Салтыковым с левого на правый фланг. Кавалерия довершила разгром конницы пруссаков, действуя одним только холодным оружием. После этого пруссаки в полном беспорядке поспешно отступили в направлении Цюлихау³. «Гордой неприятель ... храбростию генералитета и всего войска, — доносил Салтыков, — по пятичасовой наикресточайшей баталии совершенно разбит, прогнан и побежден»⁴.

На поле боя было подобрано 4220 трупов противника. Русские потеряли 900 чел. убитыми и 3900 ранеными. Следует отметить, что русские могли нанести корпусу Веделя гораздо большие потери, но Тотлебен,

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 194, стр. 424—432.

² Д. Ф. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, вып. III. СПб., 1891, стр. 44—45.

³ «Семилетняя война. Материалы...», док. 207, 210, стр. 457—463, 468—471.

⁴ Там же, док. 210, стр. 469.

командовавший легкой кавалерией, почти не преследовал разгромленного противника за пределами поля сражения. Несмотря на это, победа при Пальциге имела важное значение. Теперь русские войска могли соединиться с австрийскими и начать общее наступление на жизненные центры Пруссии — Франкфурт и Берлин. Действительно, 20 июня Франкфурт был занят русскими войсками. На другой день к ним присоединился австрийский корпус Лаудона (18 тыс. чел.), Салтыков предполагал затем начать движение на Берлин¹.

Фридрих II понял, какая опасность грозит его столице. Это уже был не случайный налет Гадики, как в прошлом году. Двигалась огромная армия, упорство и боевые качества которой были ему хорошо известны после битв при Цорндорфе и Пальциге. По плану, главные силы австрийцев должны были соединиться теперь с русской армией. Даун требовал движения ее к р. Бобер, на соединение с ним, но сам не трогался с места. В это время Фридрих II появился в Берлине и можно было ожидать столкновения русских с пруссаками. Это было ясно Дауну, но, может быть поэтому, он и оставался спокоен. Сражение, каков бы ни был его исход, должно было ослабить Фридриха. А если бы оно привело к разгрому русских, то тем лучше, плоды победы выпали бы на долю одних австрийцев.

Салтыков решил принять бой, имея в качестве подкрепления только корпус Лаудона. В конце июля русская армия укрепилась на высотах дер. Кунерсдорф, близ Франкфурта на правом берегу Одера, фронтом на север. Позиция была очень сильна, и Фридрих II не решался атаковать ее непосредственно во фронт. Он предпочел обойти русских на правом фланге и атаковать их укрепления с тыла. Но русский главнокомандующий своевременно разгадал намерения Фридриха II. Русская армия сделала разворот к югу, приняв новое расположение.

1 августа войска Фридриха II атаковали русскую армию. В общей сложности они насчитывали 48 тыс. чел. Действуя по принципу «косой атаки», пруссаки обрушились подавляющей массой своих сил на левый фланг русских и заняли высоту Мюльберг. Успех пруссаков в значительной степени объяснялся тем, что укрепления Мюльберга не были приспособлены к условиям местности: у подножия высоты большое пространство не простреливалось ни артиллерийским, ни ружейным огнем. Противник, правда, ценой больших потерь почти вплотную подошел к окопам русских и атаковал их с близкого расстояния. Затем пруссаки атаковали

¹ Следует отметить, что успехи русского оружия в этот период вызвали серьезную тревогу австрийского командования: крупные победы русских вовсе не входили в его расчеты; неприятно было уже то, что русские заняли Франкфурт. Еще на пути к этому городу Салтыкова посетил Лаудон, который заявил: так как достоверно известно, что Фридрих II движется против Дауна, он, Лаудон, не может принять участие в осуществлении плана Салтыкова и просит русского командующего выделить 30 тыс. на помощь Дауну. Салтыков отказал, заявив, что Франкфурт уже занят частями русской армии. Позже выяснилось, что корпус Лаудона двигался форсированным маршем к Франкфурту в то самое время, когда Лаудон советовал Салтыкову отказаться от этого намерения.

центр русского расположения — укрепления Шпицберга, которые обороняла дивизия П. А. Румянцева. Русские оказывали упорное сопротивление, неоднократно переходили в контратаки, навязывали противнику рукопашные бои. Встречая стойкое сопротивление русских войск, пруссаки, несмотря на то, что вводили в бой все новые части, только с большим трудом продвигались вперед. Тогда Фридрих II направил на русские окопы кавалерию Зейдлица. Развернувшуюся в стремительной атаке конницу противника русские встретили массированным артиллерийским огнем и нанесли ей большие потери. Затем Румянцев во главе двух русских кавалерийских полков и нескольких австрийских эскадронов контратаковал конницу Зейдлица во фланг. Произошла ожесточенная кавалерийская схватка, в результате которой пруссаки были отброшены.

Успехом частей, сражавшихся в центре, тотчас же воспользовался Салтыков: он предпринял энергичную контратаку на левом фланге. Пытаясь сорвать ее, Фридрих II снова послал свою конницу на укрепления Шпицберга, но она снова была сброшена с высоты. Разгромленные остатки прусской кавалерии были сметены огнем батарей Шпицберга. Это был переломный момент сражения. Наращивая удар по противнику, Салтыков перешел в общую контратаку. Решительной штыковой атакой по всему фронту русские войска смяли и опрокинули пруссаков, которые в полном беспорядке бежали с поля сражения, ища спасения за Одером¹.

Русская армия одержала решительную и наиболее крупную свою победу в Семилетней войне. Действительно, 48-тысячная армия Фридриха II была полностью разгромлена. Потери пруссаков непосредственно на поле сражения превышали в общем 17 тыс. Кроме того, у них было захвачено 26 знамен, 172 орудия и много другого военного имущества. Русские потеряли 2614 убитыми и 10 863 ранеными².

Кунерсдорфское сражение, закончившееся таким решительным поражением лучшей части прусской армии, показало тактическую зрелость русских войск, их высокую боевую выучку. Хорошо зарекомендовала себя русская артиллерия, сыгравшая большую роль в сражении. По своим тактическим и техническим качествам артиллерия русской армии намного превосходила прусскую. «Наша артиллерия,— доносил Салтыков,— а особливо же большая посредине армия из новоинвентованных орудиев и шуваловских гаубиц устроенная батарея великой неприятельской кавалерии и супротивным их батареям вред причиняла и кавалерии в намеряемой с той стороны атаки воспрепятствовала и несколько у неприятельских батарей пушек сбила и повредила»³.

Русские военачальники (Салтыков, Румянцев и др.) обнаружили возросшее боевое мастерство, умение руководить действиями войск, а солдаты и офицеры показали замечательные образцы мужества, непреодо-

¹ «П. А. Румянцев», т. I, док. 188, 189, стр. 262—269.

² Д. Ф. Масловский. Указ. соч., вып. III, стр. 133—134.

³ «Семилетняя война. Материалы...», док. 219, стр. 488.



Сражение при Кунерсдорфе. Гравюра XVIII в.

лимой стойкости и героизма. Салтыков высоко оценил действия русских войск в сражении. «Я за должность признаваю, — писал он, — всему генералитету, штаб и обер-офицерам и даже до последнего солдата справедливость отдать, что они в наихудшем огне так мужественно и неустрашимо поступали, как того от верных подданных и храбрых воинов ожидать можно»¹.

Но последствия решительной победы оказались совсем не те, которых можно было бы ожидать. Из-за своекорыстной политики австрийского правительства, преследовавшего прежде всего свои частные интересы в ущерб общему делу сокрушения врага, а также в результате длительной бездеятельности австрийского командования, был упущен весьма благоприятный случай ворваться на плечах разгромленного противника в Берлин и заставить Пруссию капитулировать еще в 1759 г.

Имея огромный перевес сил над остатками прусских войск, австрийцы тем не менее не предпринимали решительных действий, не оказывали активной поддержки русской армии. Даун требовал, чтобы русские шли к нему на помощь в Силезию, стараясь, по выражению Салтыкова, их «глубже в землю завести и от Одера отдалить»². Целых семь недель тянулись переговоры, из которых Салтыкову стало ясно только одно, что австрийцы хотят и дальше воевать русскими силами. Поэтому он был прав, отказав представителю австрийского командования, генералу Буккову, требовавшему от имени Дауна наступательных действий. В своей реляции императрице Елизавете Петровне фельдмаршал П. С. Салтыков

¹ «П. А. Румянцев», т. I, док. 189, стр. 268, 269.

² «Семилетняя война. Материалы...», док. 224, стр. 500.

следующим образом мотивировал этот отказ: «... и без того вверенная мне армия, — писал он, — довольно уже сделала и немало претерпела: теперь надлежало бы нам покою дать, а им (т. е. австрийцам. — *Ред.*) работать, ибо они (австрийцы. — *Ред.*) почти все лето пропустили бесплодно...»¹.

Салтыков разгадал подлинный смысл предложений австрийского командования, заключающийся в использовании русских войск для завоевания Силезии. Согласиться на это значило бы пожертвовать русской армией ради удовлетворения частных интересов Австрии, уклониться далеко в сторону от осуществления главной цели войны — разгрома Фридриха II. Вполне естественно, что Салтыков не мог пойти на такой шаг.

В результате разногласий между членами антипрусской коалиции Фридрих сумел оправиться от понесенного военного разгрома. Он набрал новую армию и получил возможность продолжать войну.

Австрийцы испортили все. Но русские победы не пропали даром. Пруссаки вынуждены были очистить Саксонию. Даун заставил прусского генерала Шметтау капитулировать в Дрездене, прусский генерал Финк сдался при Максене с 12 тыс. солдат, 20 ноября 1759 г. шведы захватили Анклам и взяли в плен другого прусского генерала — Мантейфеля.

В Западной Германии попрежнему действовали две французские армии — одна на Рейне, другая в области Майна. 13 апреля 1759 г. рейнская армия под начальством Брولли нанесла поражение Фердинанду Брауншвейгскому при Бергене и заняла Кассель и Минден. Здесь обе армии соединились, но начальники ссорились между собой, и Фердинанд, воспользовавшись этим, нанес французам, несмотря на их численное превосходство, поражение при Миндене (1 августа). Французы отступили, бросили Кассель и отошли в зимовку к Майну.

Разбитый при Кунерсдорфе Фридрих II уже не отваживался в 1760 г. на наступательные действия. Как ни велики были английские субсидии (с 1768 г. по 670 тыс. фунтов стерлингов ежегодно) и варварские реквизиции дочиства обобранной Саксонии, но и их едва хватало на содержание армии численностью более 200 тыс. чел. В 1760 г. он мог противопоставить 70-тысячной армии русских и 180-тысячной армии австрийцев всего лишь 120 тыс. и против французов около 70 тыс. войск.

Прусский король принимал все меры, чтобы заключить сепаратный мир с самым сильным врагом — Россией. Но Елизавета Петровна отказалась даже обсуждать мирные предложения. Салтыков 13 марта подал план военной кампании 1760 г. Он сводился к следующему: овладеть всей Померанией до крепостей на Одере, занять в начале кампании Данциг, откуда противник получал хлеб и вербовал людей; по занятии Данцига отправить корпус для осады Кольберга; прикрывая осаду главной армией, взяв Кольберг, двинуться к Одеру и овладеть Берлином. Этим движением должны были воспользоваться союзники и напасть на Фридриха с пре-

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 226, стр. 503.

восходящими силами; занятием всей Померании будет достигнута надежда на мир, ибо противник потеряет большую часть своих владений.

Конференция не согласилась с планом Салтыкова и утвердила другой план, более отвечавший австрийским, чем русским интересам. По этому плану главная австрийская армия предназначалась для действий в Саксонии, а заново сформированная вторая армия — в Лаузице. Русская армия должна была двинуться к р. Одере между Франкфуртом и Глогау.

В ходе войны все более выяснялось, что союзники России, члены антипрусской коалиции, особенно Франция, становятся ненадежными. Все союзники желали победоносного конца войны, но отнюдь не за счет усиления России. И в кампании 1760 г. австрийцы снова обманули надежды русских. Русские войска вступили в Померанию и овладели Кеслином; Лаудон разбил прусский корпус при Ландсгуте (13 мая) и вторгся в Силезию. Но после победы он действовал чрезвычайно медленно и упустил благоприятный случай захватить Бреславль, удовольствовавшись занятием Глаца. По требованию австрийцев, прусские войска двинулись к Бреславию, куда прибыл и окруживший город Лаудон. Но принцу Генриху удалось пробраться со своей армией в город под носом у австрийцев, и Лаудон отступил. 15 августа Фридрих II разбил Лаудона при Лигнице. Лаудон в Саксонии действовал крайне медленно и нерешительно.

Салтыков, таким образом, не мог рассчитывать на реальную поддержку австрийцев. Не считая возможным в создавшемся положении принять бой против двух прусских армий — Фридриха II и принца Генриха, он стал отступать на север. Кампания затягивалась, превращаясь в бесплодные марши, и не давала решительных результатов. Салтыков жаловался на свою болезнь и на крайне медленные действия австрийцев. Конференция слала ему одно за другим приказания действовать более решительно, и в середине сентября, наконец, было дано согласие на его отставку с назначением на его место совершенно бездарного фельдмаршала А. Б. Бутурлина. Во исполнение предписания Конференции от 22 августа было решено занять легкими войсками Берлин. Занятие Берлина рассматривалось как временная мера, которая предпринималась вследствие того, что основные силы Фридриха II были связаны австрийскими войсками.

22 сентября 1760 г. в 10 час. утра русские легкие войска под командованием Тотлебена подошли к Берлину; З. Чернышев занял Фюрстенвальде. В Берлине этого времени население составляло приблизительно 120 тыс. Появление казаков вызвало в Берлине панику. Буржуазия бежала из города, остальное же население прятало свое имущество, но в обороне города принимать участие не собиралось.

Русские выставили батарею между Котбусскими и Бранденбургскими воротами и потребовали сдачи города. На помощь к ним подошли войска З. Чернышева и П. Панина, а также отряд австрийцев. На 28 сентября был назначен штурм Берлина. Не ожидая его, прусские войска отступили. Чернышев узнал об этом на рассвете и отправил с парламентарем требование сдать город. Его парламентар встретился по дороге с офицером,

посланным от командующего легкими войсками Тотлебена объявить, что город сдается и он, Тотлебен, занимается составлением условий сдачи. Эти условия заключались в том, что все военные, находившиеся в Берлине, получили право свободного выхода из города со всем своим имуществом. Королевский замок и общественные здания оставались нетронутыми. С Берлина Тотлебен взял 200 тыс. талеров на войско и 1 млн. 500 тыс. контрибуции. Поведение Тотлебена вызвало парекания со стороны не только русских, но даже австрийцев и саксонцев. Тогда он послал русских солдат за порохом для взрыва арсенала, но «по неизвестным причинам» порох, когда его брали, взорвался, причем погибло 13 русских солдат. Арсенал так и остался целым. Если, тем не менее, пушечные, литейные и оружейные заводы около Берлина и Шпандау все же были разрушены до основания, то это сделали без ведома Тотлебена русские начальники частей, входивших в состав его корпуса. За все эти благоволения к немцам Тотлебен получил крупную взятку от бургомистра города. Так «патриотические купцы» Берлина вознаградили «вежливого» немецкого генерала русской службы, оказавшегося шпионом Фридриха II.

Австрийские союзники были явно недовольны теми параграфами условий сдачи, которые предусматривали сохранение в городе порядка и неприкосновенность жителей. Считая себя не связанными этими условиями, они отнимали у населения все, что можно было унести на руках. Для борьбы с этими грабежами в Берлин были введены русские части, которые поддерживали порядок. Сам Фридрих признал позже, что русские «спасли город от ужасов, которыми ему угрожали австрийцы». Это не мешало ему, однако, приказать своему министру Финкенштейну «сочинить хороший мемуар» по поводу зверств, якобы совершенных русскими.

Когда в Петербурге было получено известие о взятии Берлина, канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину принесли поздравления все иностранные послы, кроме английского. Австрийский, французский и саксонский представители настаивали на том, чтобы удержать Берлин и принудить прусского короля заключить мир. Но было уже поздно. Чернышев и Тотлебен оставили город (1 октября).

Хотя и кратковременный (три дня), но захват Берлина произвел огромное впечатление на современников и явился свидетельством силы русской армии, единственной, которая, несмотря на предательскую по отношению к ней политику австрийского правительства, наносила прусским войскам жестокие поражения. Однако Россия не смогла воспользоваться достигнутыми успехами и закрепить свою победу. Наоборот, русские войска вынуждены были оставить все занятые ими внутренние области Пруссии, уйти из Берлина и расположиться на зимних квартирах за нижней Вислой, у границ Польши.

Исход кампании 1760 г. объясняется прежде всего тем, что русская армия действовала без обеспеченного стратегического тыла. Войска слишком оторвались от своей базы в Восточной Пруссии. Коммуникации же на р.р. Варте и Нетце оказались растянутыми и не могли в достаточной

мере обеспечить прочную связь с армией, находившейся на Одере. Русскому командованию постоянно приходилось опасаться за свои сообщения с тылом. Донесения главнокомандующего П. С. Салтыкова в Петербург, его реляции императрице Елизавете Петровне, представляемые им рапорты в Конференцию, а также переговоры и переписка с представителями австрийского командования достаточно ясно свидетельствуют об этом¹. Именно потому, что русская армия не имела прочного тыла, она должна была в конце концов отказаться от всей завоеванной в 1760 г. территории Пруссии.

Не меньшую роль в общем неуспехе кампании сыграло и отсутствие необходимого стратегического единства действий союзников, что сильно сказывалось на протяжении всей войны. Союзники, члены антипрусской коалиции, имели различные цели в войне и добивались прежде всего осуществления своих собственных частных интересов. Австрия больше всего желала вернуть захваченные Пруссией Силезию и графство Глац. Все ее усилия были направлены к тому, чтобы сосредоточить здесь возможно больше русских войск, поставить их в полную зависимость от гофкригс-рата и достигнуть таким образом, намеченной цели с минимальными потерями со своей стороны. Возложив всю тяжесть военного бремени на одну русскую армию и ослабив ее в длительной и напряженной борьбе с армией Фридриха II, австрийское правительство рассчитывало соответственно подорвать внешнеполитическое положение России, уменьшить ее значение и роль при подведении итогов войны.

Франция еще больше, чем Австрия, опасалась роста силы и могущества России. Внешняя политика Франции на севере и востоке Европы издавна была основана на противодействии России в Швеции, Польше, Турции. Вступив в антипрусскую коалицию, французское правительство в течение всей Семилетней войны очень болезненно реагировало на каждый успех русской армии, а подчас оказывало и прямое сопротивление России. Что касается Швеции, то в Семилетней войне она проявляла очень слабую активность.

В 1760 г., как и в предыдущие кампании, шведские войска ограничивались действиями местного значения и то лишь в районе Штеттина. Они продолжали пассивно стоять в занятой ими части прусской Померании и отказались предпринять наступление на Бранденбург с севера в помощь русским войскам, занявшим Берлин.

Все это значительно затрудняло действия русских войск против Пруссии. Поэтому Фридрих II мог полностью использовать преимущества внутренних коммуникаций. Не разбрасывая сил и действуя по кратчайшим направлениям, он обрушивался против в данный момент наиболее опасного противника и не раз находил выход из, казалось бы, самого критического положения.

Учтя опыт кампании 1760 г., Конференция 1761 г. первоначально ре-

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 246—247, 263 и др.

шила предпринять наступление против Пруссии со стороны Померании, через которую шли кратчайшие и наиболее удобные пути в Бранденбург. Однако, несмотря на все преимущества развертывания наступления именно в этом направлении, Конференция перед самым началом кампании изменила свое решение и в 1761 г. основные силы русских войск снова направила в Силезию. Это было вызвано тем, что русское правительство опасалось заключения Францией и Австрией сепаратного мира с Пруссией и пошло на уступки союзникам. Но русское правительство старалось во всех случаях сохранить свою армию и не позволить венскому гофкригсрату свести ее на положение вспомогательной при австрийской армии.



П. А. Румянцев. Гравюра Валькера 1798 г. с портрета маслом работы Д. Г. Левицкого.

Избрав Силезию главным театром военных действий, Конференция одновременно направила в Померанию отдельный корпус русских войск под командованием генерал-поручика П. А. Румянцева, который получил самостоятельную задачу взять Кольберг. Корпус состоял из 4 полков пехоты, 2 драгунских полков, одного гусарского полка, 2 полков донских казаков и 15 резервных батальонов, всего общей численностью в 16 269 чел.¹ Артиллерия, приданная войскам, состояла из 16 единорогов и 4 полевых пушек (не считая полковой артиллерии). Сухопутным войскам оказывала содействие эскадра Балтийского флота под командованием вице-адмирала А. И. Полянского. Эскадра доставила корпусу дополнительное подкрепление, высадив десант в 6500 чел. пехоты при 42 орудиях осадной артиллерии.

Фридрих II, учитывая важное значение Кольберга в системе обороны Пруссии и вероятность его новой осады в течение зимы и весны 1761 г., провел ряд мероприятий по укреплению и усилению обороны крепости. Гарнизон Кольберга был доведен до 4 тыс. чел., число крепостных орудий доведено до 140. На расстоянии 3 км от крепости стоял сильный укрепленный лагерь 12-тысячного корпуса герцога Вюртембергского.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1682, л. 507.

Созданная пруссаками система укреплений в сочетании с лесисто-болотистой местностью, окружавшей Кольберг, сильно затрудняла осаду. Трудности положения усугублялись тем, что в распоряжении Румянцева к моменту назначения его «начальником секретной Кольбергской экспедиции» находилось только четыре полка пехоты. Остальные части корпуса были разбросаны на значительных расстояниях. Нужно было сосредоточить корпус в одном месте и привести его в порядок. Румянцев развернул энергичную деятельность по подготовке корпуса к боевым действиям. Весьма важным мероприятием явилось обучение войск боевому построению колоннами и действиям в рассыпном строю. Были созданы специальные стрелковые подразделения — «легкие батальоны», впоследствии получившие название «егерских»¹. Это было новым и значительным шагом вперед в тактике полевого боя.

В ночь с 7 на 8 августа Румянцев выступил к Кольбергу. Разбивая по пути кавалерийские части противника, русские войска 13 августа заняли позиции в 10 км от Кольбергского укрепленного района. В тот же день к Кольбергу подошел русский флот и начал обстрел крепости с моря. Для оказания еще большей помощи сухопутному корпусу с кораблей был высажен также морской десант, численностью в 2 тыс. чел., под командованием капитана Г. А. Спиридова.

Одновременно с действиями флота развернулись бои за передовые позиции укрепленного лагеря пруссаков. С помощью легких батальонов, сражавшихся в рассыпном строю, русские быстро продвинулись на обоих своих флангах и заняли лес, примыкавший к Кольбергу с востока. Отдельный отряд, посланный для разрушения коммуникаций Кольберга со Штеттином, активными действиями к западу от крепости полностью изолировал ее от остальной части прусской Померании.

Попытка противника глубоким обходным маневром прорвать кольцо блокады и выйти в тыл русским успеха не имела. Румянцев не только удержал все свои позиции к западу от Кольберга, но и занял еще Трептов, причем в этом бою русские гренадеры впервые пошли в атаку, «сделав батальонную колонну». Находившийся в городе отряд генерала Вернера численностью в 2400 чел. при шести орудиях был полностью уничтожен². Содействуя сухопутным войскам, флот продолжал вести эффективную бомбардировку укреплений Кольберга. Этот обстрел производился непрерывно до 28 сентября, когда в связи с наступлением осени русская эскадра вынуждена была вернуться на свои базы в Кронштадт и Ревель.

Румянцев, получивший значительные подкрепления, все теснее сжимал кольцо блокады вокруг Кольберга. Правда, 21 сентября в Кольберг прорвался 12-тысячный корпус генерала Платена, но уже 8 октября он отступил. Боясь полного окружения, герцог Вюртембергский 4 ноября оста-

¹ «Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов». 1947, стр. 28—32.

² «Журнал военных действий российской императорской армии», ч. III. СПб., 1761, стр. 162.

вил укрепленный лагерь и отступил от Кольберга. Фридрих II прилагал отчаянные усилия, чтобы удержать крепость. По его приказу войска герцога Вюртембергского и Платена в течение ноября предпринимали неоднократные попытки прорваться к осажденному гарнизону Кольберга.

Русские войска, не прекращая осады, успешно сдерживали наступление пруссаков. 2 декабря Румянцев, введя в бой свои резервы, разгромил соединенные корпуса герцога Вюртембергского и Платена. Тем временем в Кольберге, в результате усиленной бомбардировки крепостных сооружений, был взорван пороховой погреб. В крепости иссякли все запасы продовольствия. 5 декабря она капитулировала. В плен были взяты: комендант Кольберга полковник Гейден, 88 офицеров и 2903 рядовых. Русские захватили 146 пушек, 1523 ружья и много разного другого вооружения, снаряжения и боеприпасов¹.

Взяв Кольберг, русские войска прочно утвердились в Померании. Отсюда они могли предпринять решительное наступление на внутренние области Пруссии по кратчайшему направлению через Штеттин — Берлин, которое грозило неизбежной гибелью всему государству Фридриха II. «Следовало ожидать конца прусской монархии», — отмечал Архенгольц². Фридрих II также признавался, что «Пруссия лежала в агонии, ожидая последнего обряда»³.

Действительно, к началу 1762 г. положение Пруссии было очень тяжелое. Ее внутренние ресурсы иссякли, она не имела больше ни сил, ни средств для сопротивления. Тяжелое положение Пруссии усугублялось тем, что Англия, разбив Францию на море и в колониях и добившись осуществления своих целей, бросила Пруссию на произвол судьбы и прекратила выдачу ей субсидий.

Пруссия избежала неминуемого окончательного разгрома только вследствие разногласий среди ее противников и неожиданной смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. Между противниками Пруссии — Австрией, Францией и Россией — никогда не было полного согласия. На шестой год войны под влиянием военных неудач, которые терпели Австрия и Франция, разногласия еще более обострились.

Во внешней политике России при Петре III произошел резкий поворот. Немец по происхождению, он слепо преклонялся перед Фридрихом II, как заурядный мелкий немецкий князек. Но за ним стояли определенные круги придворной знати и немцы-голландцы, составлявшие его ближайшее окружение. Изменение внешней политики России было результатом действий этой группировки, пришедшей к власти с воцарением Петра III.

¹ «Журнал военных действий российской императорской армии», ч. III, стр. 360—361.

² И. Архенгольц. История Семилетней войны в Германии с 1756 по 1763 г. М., 1841, стр. 334

³ Th. Carlyle. History of Friedrich II... called Friedrich the Great, vol. XII. London, 1865, p. 271.

Петр III и его окружение проводили антинациональную внешнюю политику. 8 (19) февраля 1762 г. была опубликована декларация о прекращении военных действий с Пруссией, 5 (16) марта заключено перемирие, а 24 апреля (6 мая) подписан мирный договор. Вся территория, завоеванная русскими войсками, безвозмездно возвращалась Пруссии. Более того, Фридрих II получал в свое распоряжение 20-тысячный корпус русской армии для борьбы против союзников России. Так правительство Петра III стало на путь предательства государственных интересов России. Вместо отражения прусской агрессии и борьбы за утверждение позиций России в Прибалтике не только прекратилась война с Пруссией, но и заключен с ней военный союз, оказана прямая поддержка Фридриху II вооруженной силой. Вопреки государственным интересам России, в союзе с Пруссией была задумана и война с Данией из-за Шлезвига, исключительно ради удовлетворения династических интересов Петра III как гоштинского герцога.

Направление внешней политики Петра III и стоявшей за ним группировки, наряду с угрозой немецкого засилья и попытками перестроить русскую армию по прусскому образцу, пренебрежительное отношение Петра III ко всему русскому, сильное преклонение его перед Фридрихом II,— все это вызвало резкое недовольство внутри дворянства, особенно гвардии, и в итоге привело к дворцовому перевороту 28 июня 1762 г., к утверждению на престоле Екатерины II¹.

Под давлением общественного мнения Екатерина II расторгла военный союз с Пруссией, но войны не возобновила. Выход России из войны предопределил ее быстрое окончание. Бывшие союзники России — Австрия и Франция, не говоря уже о Швеции, не в состоянии были самостоятельно продолжать борьбу. Швеция первой вышла из войны и 22 мая (3 июня) 1762 г. подписала Гамбургский договор, по которому обязалась очистить Пруссию и Померанию. 19 (30) ноября 1762 г. был подписан прелиминарный мир между Францией и Англией. Окончательно мир был подписан в Париже 10 (21) февраля 1763 г. Почти одновременно с ним, 15 (26) февраля 1763 г., был заключен Губертсбургский мир, положивший конец континентальной войне.

Вековой спор за господство на море, спор за то, кому из двух держав предстоит в будущем превратиться в великую мировую державу — Франции или Англии, был решен в пользу Англии. Франция потеряла в Северной Америке огромные пространства Канады со всеми относящимися к ней территориями, за исключением Нового Орлеана. Фридрих II удержал Силезию. Саксонский курфюрст получил обратно все свои владения. В остальном все осталось по-старому.

Антинациональная политика Петра III нанесла большой ущерб государственным интересам России. Внешнеполитическая программа России,

¹ См. третью главу настоящих «Очерков»: «Государственный строй и внутренняя политика».

выдвинутая в начале войны и рассчитанная на присоединение Курляндии и развитие черноморской торговли, не была осуществлена. Россия не сделала никаких территориальных приобретений. Но ее опасный враг Фридрих II оказался надолго обессиленным. Пруссия была до крайности разорена и истощена, ее военная мощь основательно подорвана. После войны она долгое время оставалась в положении внешнеполитической изоляции и сама вынуждена была искать союза с Россией. Западноевропейские государства еще раз после Северной войны ощутили мощь русского государства.

Семилетняя война явилась хорошей военной школой для вооруженных сил России, разгромивших в упорной борьбе прусскую армию, которая считалась лучшей в Европе. Блестящие победы русской армии наглядно показали, что по своим моральным и боевым качествам, способам и формам ведения войны она намного превосходила наемные войска Фридриха II, его стратегию и тактику.

Победы русской армии имели решающее значение для разгрома Пруссии в период Семилетней войны. Они способствовали укреплению позиций России в Прибалтике, усилению ее международного положения во второй половине XVIII в.

2

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768—1774 гг. ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

Во второй половине XVIII в. особенную остроту в области внешней политики приобрела черноморская проблема.

Рост товарности сельского хозяйства усилил интерес помещиков к черноземным землям юга России. Для освоения этих земель нужно было сделать южную границу государства более прочной. Расширение внешней торговли требовало обладания устьями Днепра и Дона — естественными водными артериями сбыта продуктов из внутренних областей России по Черному морю. Но устья этих великих русских рек были отрезаны от страны. Поэтому растущие потребности дворянства и купечества не могли быть удовлетворены.

Экономические интересы дворянства и купечества тесно переплетались с задачами укрепления обороны страны. Турецкий флот, безраздельно господствовавший на Черном море, входил в устья Днепра и Дуная. Крымский полуостров служил Турции удобным стратегическим плацдармом для наступления против России. На Кавказе Турция стремилась захватить при содействии крымского хана так называемые «нейтральные земли» Большой и Малой Кабарды. Турция опиралась на кабардинских феодалов, недовольных тем, что эксплуатируемый ими «черный народ» (крепостные и рабы) массами перебегал в русские пределы. Порта развивала агрессию также в отношении Грузии и Дагестана.

Успешность проведения русской внешней политики в отношении Турции и Крыма во многом зависела от положения на северной и западной границах страны, т. е. в Швеции и Польше. Хотя Швеция утратила былую силу и престиж, опасность агрессии с ее стороны не исчезла. Швеция занимала видное место в политических расчетах более сильных держав, стремившихся использовать ее против России. Это относилось прежде всего к Франции, которая рассматривала Швецию, наряду с Польшей и Турцией, как оплот против возраставшего влияния России и мечтала создать «непроницаемый барьер между Россией и остальной Европой от полюса до Архипелага»¹.

Речь Посполитая в силу внутренних причин находилась в состоянии политического развала и была объектом притязаний соседних государств. В ее состав продолжали входить отторгнутые от России земли Белоруссии и Украины. Белорусский и украинский народы, испытывавшие гнет польских панов, издавна стремились к воссоединению с братским русским народом. В интересах России было осуществление этой цели и объединение в своих руках всего течения Западной Двины (средняя часть ее принадлежала Речи Посполитой), по которой проходил торговый путь в Прибалтику. Русское правительство стремилось также не допустить, чтобы другие державы овладели Польшей, и, по возможности, установить над ней свой протекторат. Конечно, царизм в своей политике в отношении Польши руководствовался классовыми мотивами. Тем не менее, реализация задач, связанных с Белоруссией и Украиной, имела бы положительные последствия как в смысле воссоединения украинских и белорусских земель, так и для развития производительных сил России.

Реализация русской внешнеполитической программы встречала противодействие иностранных держав. Франция, господствуя в левантской торговле, стремилась не допустить проникновения России на Ближний Восток.

Французские дипломаты, потеряв всякое чувство реальности, задавались несбыточной целью вернуть Россию к тому положению, какое она занимала до начала XVIII в. «Что касается России,— писал руководитель французской секретной дипломатии Брольи 6 мая 1762 г.,— то мы причисляем ее к рангу европейских держав только затем, чтобы исключить ее из этого ранга, отказывая ей в праве даже помыслить об участии в европейских делах»².

Политика Англии в отношении России носила двойственный характер. С одной стороны, англо-французские противоречия, а также торговые интересы Англии, нуждавшейся в русском хлебе, лесе, смоле, пеньке и т. д., толкали британское правительство на сближение с Россией. С другой стороны, желание России продвинуться к Черному и Средиземному морям вызывало противодействие Англии, которая сама стремилась

¹ М. Е. Boutaric. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère, vol. II. Paris, 1866, p. 470.

² А. Broglie [réd.]. Le secret du roi, vol. II. Paris, 1878, p. 13.

к господству на этих отдаленных от нее морях и строила планы широкой колониальной агрессии в направлении Востока. Поэтому каждый успех России в ее борьбе за выход к Черному морю и проливам приводил к углублению русско-английских противоречий.

Отношения России с Австрией были не менее сложны. Мечтая с помощью России расширить свои владения за счет Турции, Австрия в то же время считала крайне нежелательным продвижение России к Черному морю и устью Дуная¹. Растущие связи России с поработоченными Турцией народами Балкан, и особенно со славянами, вызывали у австрийского правительства опасения за свой собственный тыл, так как в империи Габсбургов находилось много поработоченных славян.

По мере роста русского влияния в Польше враждебность Австрии по отношению к России усиливалась, ибо у Австрии были собственные виды и на польские земли. Австрия все более сближалась с Францией. Еще накануне Семилетней войны между этими державами был заключен союз, который продолжал затем укрепляться, приобретая антирусскую направленность. Несмотря на все это, русское правительство рассчитывало бороться против Турции совместно с Австрией или, по крайней мере, обеспечить ее нейтралитет в случае русско-турецкой войны.

Пруссия не имела непосредственных интересов в Турции. Русская политика в Швеции также не встречала возражений со стороны Фридриха II. Устремления Пруссии были направлены в сторону Польши. Но Пруссия могла рассчитывать на какой-нибудь успех в этом направлении, только находясь в союзе с Россией. Заключения такого союза Фридрих II усиленно добивался с самого вступления на престол Екатерины II. Русское правительство долго воздерживалось от подписания союзного договора с Пруссией. Пользуясь преимущественным влиянием в Польше, оно предпочитало осуществить свои планы без формального союза. Однако обострение отношений с Турцией вызвало опасения русского правительства, что придется вести войну в Польше и в Турции одновременно. Отказаться же от союза с Пруссией значило бросить ее в объятия Франции. Вот почему после долгих проволочек и неоформленного сотрудничества, 31 марта 1764 г. Россия заключила с Пруссией союз сроком на 8 лет². Секретные статьи договора предусматривали совместные действия в Турции, Швеции и Польше. В случае войны России с Турцией Пруссия должна была оказывать ей помощь деньгами в размере 400 тыс. руб. в год. Предусматривалось совместное противодействие французскому влиянию в Швеции. Союзники объявляли своей целью сохранение польской конституции; кроме того, были подписаны еще сепаративная статья о диссидентах³ и секретная конвенция о кандидате на польский престол (ввиду

¹ *A. Beer. Die erste Theilung Polens, Bd. III. Documente. Wien, 1873, S. 263.*

² *Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VI. СПб., 1883, стр. 11.*

³ Диссиденты — польские подданные, исповедовавшие не католическую религию (православные и протестанты).

ожидавшейся смерти Августа III). Точно устанавливалась численность войск, которые Пруссия должна будет ввести в Польшу для поддержания русского ставленника Станислава Понятовского, если этого потребует Екатерина II. Не желая расширения Пруссии за счет Речи Посполитой, русское правительство временно отступило от своей позиции в вопросе о Белоруссии и Украине: в договоре с Пруссией не было ни слова о территориальных претензиях союзных держав.

Заключение союза с Пруссией означало новый курс внешней политики России, которая во время Семилетней войны и в предшествовавший период была союзницей противника Пруссии — Австрии. Этот новый курс явился следствием изменившейся международной обстановки и связан более всего с именем видного дипломата и государственного деятеля Н. И. Панина, фактически руководившего внешней политикой России с начала царствования Екатерины II. По замыслу Панина, союз с Пруссией должен был стать одним из звеньев так называемой «Северной системы», созданной в противовес франко-австрийскому блоку. Наряду с Россией, Пруссией, Англией, Данией к «Северной системе» предполагалось привлечь также Швецию и Польшу. Панин считал, что после упразднения в Польше *liberum veto*¹ и укрепления ее внутреннего строя она сможет стать полезной союзницей России против Турции².

Однако Панину не удалось осуществить «Северную систему» в полном объеме. Помешало, в частности, нежелание Пруссии рассматривать Польшу как своего возможного союзника, а также отказ Англии помогать России в случае русско-турецкой войны. Все же известное сближение с отдельными державами Севера было достигнуто: были заключены союзные договоры с Данией и Пруссией. Переговоры о возобновлении союзного договора с Англией (срок которого истек в 1759 г.) не привели к положительным результатам, и дело ограничилось подписанием в 1766 г. торгового договора. Все эти акты имели положительное значение для реализации русской внешнеполитической программы. В сентябре 1764 г. на польский престол был избран сторонник союза с Россией Станислав Понятовский.

В связи с разгоревшейся борьбой между диссидентами, ориентировавшимися на Россию, и католиками в Польшу были введены русские войска.

В то время когда русское правительство занималось польскими делами, Австрия и Франция прилагали все усилия к тому, чтобы заставить Турцию выступить против России. Польские события интересовали Турцию самым непосредственным образом: она давно поставила цель присоединить к себе польскую Подолию³. Захватнические планы Турции не помешали ей маскироваться защитником польской независимости. В сентябре 1768 г., воспользовавшись незначительным пограничным инциден-

¹ Правило единогласия в сейме при принятии законов.

² Сб. РИО, т. 22, стр. 332—335.

³ «Записка Ахмеда-эфенди». «Москвитянин», 1855, т. V, № 17—18.

том в Балте¹, Турция потребовала вывода русских войск из Польши. При этом она ссылалась на статью давно отмененного Прутского договора о невмешательстве России и Турции в дела Польши. Отказ русского резидента в Константинополе А. М. Обрескова дать какие бы то ни было гарантии без ведома Петербурга послужил Турции поводом для объявления России войны.

Ведение войны одновременно с Польшей и Турцией осложнило положение России и потребовало от нее огромного напряжения сил. Тем не менее военное преимущество — закономерное следствие более высокого развития производительных сил — с самого начала оказалось на стороне России. Русская армия прошла хорошую боевую школу во время Семилетней войны. Кроме того, не следует забывать, что угнетенные в султанской Турции народы — славяне, грузины, румыны, греки и др. — видели в русских войсках своих освободителей и всячески им помогали.

В кампанию 1769 г. войска Первой армии заняли Хотин и проникли в Молдавию. Местное население восторженно приветствовало русские войска, оказывало им поддержку. Одновременно войска Второй армии заняли Азов, считавшийся нейтральным. Подвластные крымскому хану ногаи заколебались и стали переходить на сторону России.

Еще более крупные победы были одержаны Россией в 1770 г. В знаменитых сражениях при Ларге и Кагуле русские войска под командованием выдающегося полководца П. А. Румянцева разгромили намного превосходившие их численностью соединенные силы турецких и татарских войск. В результате русские войска закрепились в Молдавии и Валахии и заняли ряд крепостей на Дунае. Действия войск П. А. Румянцева облегчили Второй русской армии взятие Бендер.

В июне 1770 г. русский флот уничтожил турецкий флот в сражениях в Хиосском проливе и в Чесменской бухте. Население многих островов Эгейского архипелага вступило в русское подданство.

Кампания 1771 г. ознаменовалась занятием Крыма. На Дунае войска Первой армии нанесли туркам ряд серьезных ударов и заняли крепости Журжу, Гирсово, Мачин. Русский флот держал в блокаде Дарданеллы.

Победоносное шествие русских войск внушило русскому правительству уверенность в том, что наступило наиболее подходящее время для заключения мира. Уже в 1770 г. Екатерина II предписала П. А. Румянцеву послать от своего имени письмо великому визирю с предложением начать мирные переговоры². Однако к переговорам не могли приступить раньше осени 1772 г. Терпя поражения, Турция, тем не менее, упорно отвергала мирные предложения России. Объяснение этого странного, на первый взгляд, явления крылось в международной обстановке, которая позволяла туркам рассчитывать на помощь Франции, Австрии и других государств.

¹ Речь шла о разгроме гайдамаками Балты, принадлежавшей крымскому хану. Турция обвиняла в этом русские войска.

² Сб. РИО, т. 97, стр. 139—140.

Победы России вызвали беспокойство западноевропейских держав. Французское правительство усилило антирусскую деятельность в Польше и Швеции. В 1770 г. в Польшу был направлен генерал Дюмурье, перед которым ставилась задача придать организованный характер антирусским выступлениям конфедератов. В связи с разгромом турецкого флота, версальский двор предложил Порте приобрести французские корабли. Англия стала отзывать из русского флота служивших в нем офицеров, явно обнаруживая свое недовольство морскими победами России в Эгейском архипелаге. После занятия Дунайских княжеств русскими войсками заметно усилилась враждебная позиция Австрии, которая стала откровенно поддерживать Турцию. Русские успехи не нравились и союзнику России — Пруссии. Фридрих II имел основания полагать, что более сильная Россия будет значительно меньше нуждаться в союзе с Пруссией. Дальнейшая политика Пруссии характеризуется стремлением поставить Россию в затруднительное положение, чтобы добиться ее согласия на раздел Речи Посполитой. Поскольку союзнические обязательства Пруссии лишали ее возможности выступать против России открыто, она решила действовать замаскированно — через посредство Австрии.

25—28 августа (н. ст.) 1769 г. в силезском городе Нейсе (Ниса) произошло свидание Фридриха II и Иосифа II — сына и соправителя австрийской императрицы Марии-Терезии. Прусский король намеренно преувеличивал возможности и планы России. «Чтобы остановить эту державу,— говорил он,— вся Европа должна будет вооружиться, потому что она завоеует все»¹. И он заметил, памятуя о союзе Австрии с Францией, что для поддержания антирусской группировки в Швеции крайне необходимы субсидии Франции. Фридрих II очень тонко затронул болезненное место Австрии. Он сообщил, что торговавшие в Бреславле славяне — австрийские подданные — устроили «публичное торжество в честь победы России». Фридрих II советовал Иосифу II получше с ними обращаться, чтобы они не начали волноваться под влиянием растущих симпатий к России². Толкая Австрию на противодействие русскому продвижению на Дунае, Фридрих II дал обязательство не трогать австрийских территорий. Иосиф II и Фридрих II обменялись заверениями, что будут соблюдать строжайший взаимный нейтралитет.

Это было только началом той вероломной политики, которую повела в дальнейшем Пруссия за спиной своего союзника — России. Со стороны же Австрии это было первым звеном целой цепи интриг, которые характеризовали ее политику в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Дипломатические представители Австрии и Пруссии в Константинополе не замедлили поставить Порту в известность об установившемся контакте своих правительств. Они внушали султану, что ему не следует торопиться с заключением мира, что, во всяком случае, он не должен вступать

¹ А. Arneht. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. Wien, 1867, S. 304.

² Там же, стр. 302.



Уничтожение русской эскадры турецкого флота в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня 1770 г.
Гравюра Канно и Ватса с картины маслом художника Патона, конец XVIII в.

в переговоры с русским правительством без посредничества Австрии и Пруссии.

Под влиянием побед России в 1770 г. сближение Австрии и Пруссии усилилось, и в августе произошло второе свидание Фридриха II и Иосифа II в Нейштадте (Нове Место). Фридрих II добивался от австрийского правительства более решительных действий. При этом он дал понять, что имеет в виду не войну (в случае вооруженного выступления Австрии Пруссия должна была бы воевать на стороне России), а угрозы, шантаж.

Фридрих II попытался использовать свидание в Нейштадте и для привлечения Австрии к проектируемому им разделу Речи Посполитой. Незадолго до этого свидания Австрия фактически положила начало польскому разделу, присоединив к своим владениям польские области Ципса, Новоторга, Чорстыня, а также богатые соляными копиями области Велички и Бохни. Фридрих недвусмысленно дал понять венскому двору, что он относится к этому захвату вполне благожелательно. Стороны даже заключили между собою договор под названием «политического катехизиса», в котором говорилось, что ни один из двух дворов не будет противиться выгоде другого, если это не будет противоречить его собственным интересам.

Во время переговоров Фридриха II и Иосифа II в Нейштадт явились турецкие уполномоченные с официальным предложением Австрии и Пруссии взять посредничество при заключении мира между Россией и Турцией. Иосиф II и Фридрих II считали, что теперь дело мира в их руках.

В письме Екатерине II от 14 сентября (н. ст.) 1770 г. Фридрих II предложил посредничество Пруссии и Австрии в переговорах с Турцией, ссылаясь на желание последней. Он указывал, что непринятие австрийского посредничества повлечет за собой более тесное сближение Австрии и Франции¹. Фридрих II запугивал Екатерину II опасностью «всеобщей войны, которую Франция старается разжечь в Европе»². В Петербурге разгадали роль, которую играл Фридрих II. В записке Н. И. Панину Екатерина назвала Фридриха II «адвокатом турок».

Итак, турки ухватились за протянутую им руку помощи и ни за что не соглашались вести переговоры без посредников. Это сделало невозможным открытие мирных переговоров в 1770 г., так как принятие иностранного посредничества противоречило принципу самостоятельности внешней политики, которого придерживалось русское правительство. Вмешательство иностранной дипломатии не только отсрочило заключение мира, но и непосредственно повлияло на содержание проектируемого мирного договора. Так, было решено не требовать включения Крыма в состав России, а добиваться только отделения его от Турции³. Это решение осталось в силе и после 1771 г., когда Крым был занят русскими войсками. Русское правительство вступило с крымским ханом в переговоры, доби-

¹ Сб. РИО, т. 20, стр. 274—277.

² Там же, стр. 275.

³ «Архив Государственного совета», т. I, СПб., ч. 1. 1869, стб. 43 и сл.

ваясь от него добровольной уступки в пользу России крепостей Еникале и Керчи.

Не менее осторожно подошли в России к вопросу о Дунайских княжествах. До осени 1770 г. о будущем политическом положении этих княжеств не было принято никакого решения, несмотря на определенно выраженное желание населения Молдавии и Валахии вступить в русское подданство. Затем русское правительство выдвинуло два следующих варианта постановления о Дунайских княжествах: независимость Молдавии и Валахии; временная оккупация княжеств русскими войсками с последующей передачей их Турции.

Переход в подданство России населения многих островов Архипелага побудил русское правительство ввести в проект мирного договора условие о передаче России одного из этих островов; большего не решались требовать из опасения международных осложнений.

Так война и дипломатия, взаимодействуя, оказывали различное влияние на проектируемый мирный договор, дополняя его новыми пунктами (результат военных побед России) и, в то же время, уменьшая русские требования к Порте (следствие давления международной дипломатии).

В 1771 г. враждебная деятельность Австрии еще более усилилась. Австрийский представитель в Константинополе Тугут вступил в тайные переговоры с Портой и предложил ей помощь своего правительства. 6 июля (н. ст.) 1771 г. Австрия и Турция заключили между собой конвенцию, которая известна под названием «тугутовой», или «субсидной». Австрия брала на себя обязательство добиться любыми — дипломатическими или военными — средствами возвращения Турции всех крепостей и земель, занятых русскими войсками. Турция со своей стороны согласилась вознаградить Австрию денежной субсидией в размере 11,25 млн. флоринов, уступить ей Малую Валахию, а также предоставить права наибольшего благоприятствования в области торговли¹. Захватнические планы Австрии в отношении Польши не помешали ей включить в конвенцию пункт о неприкосновенности земель Речи Посполитой. Впрочем, Австрия и не думала о действительном выполнении своих обязательств. Ее цель заключалась в том, чтобы создать осложнения для России. Эта цель была достигнута. Тугутова конвенция произвела тем более сильное впечатление в России, что туда поступали сведения о военных демонстрациях Австрии на границах Молдавии и Валахии.

Опасаясь вступления Австрии в войну и желая ускорить заключение мира, русское правительство решило устранить из договора пункты, наиболее нежелательные для Австрии и других стран Европы, прежде всего о независимости Молдавии и Валахии и о передаче России одного из островов Архипелага. Кроме того, было решено пожертвовать второстепенными требованиями, чтобы отстоять неприменимое условие России — предоставление независимости Крыму.

¹ J. E. Goertz. Mémoires et actes authentiques relatifs aux négociations qui ont précédées le partage de la Pologne. 1810, p. 146—153.

Все более убеждаясь в опасности сближения Пруссии и Австрии, русское правительство решило отказаться от политики сохранения целостности Речи Посполитой, но в то же время категорически возражало против отнятия у Польши славянских городов Гданьска, Торуня и Львова. 16 мая 1771 г. Н. И. Панин, который раньше был решительным противником раздела Польши, выступил с предложением согласиться на оставление за Австрией захваченных ею польских земель и на передачу Пруссии некоторых областей Польши¹.

Следствием этого поворота в русской политике явилось известное сближение между Россией, Австрией и Пруссией. Весной 1772 г. эти страны вступили в переговоры относительно доли каждой из них в Польше, причем претензии русского правительства относились только к восточной части Белоруссии и части Ливонии и не затрагивали областей с польским населением. В ходе переговоров Россия добилась формального обязательства со стороны Австрии содействовать России в заключении мира с Турцией. Включение этого пункта в договор о польском разделе отразило то сложное переплетение международных отношений, которое (наряду с основной причиной — внутренним развалом Польши) привело к лишению польского народа части его коренных земель: Австрия захватила Галицию, Пруссия — Поморье и часть Великой Польши. Россия получила Восточную Белоруссию с границей, идущей по рекам Западной Двине, Друти и Днепру².

Дипломатические шаги русского правительства, соединенные с военными победами в 1771 г., оказали влияние на ход дальнейших событий. Тугутова конвенция не была ратифицирована Австрией. Турция, терпя поражение и не получая от Австрии поддержки, на которую она рассчитывала, была вынуждена подписать 19 мая 1772 г. перемирие с Россией и согласиться на открытие мирных переговоров в Фокшанах. Правда, сближение России с Австрией на почве раздела Польши не устраняло противоречий между этими странами. Встречая возражения России против передачи Австрии Львова, австрийская дипломатия, подобно прусской, старалась создать побольше затруднений для России в надежде, что это сделает русское правительство более уступчивым. Не были устранены и русско-австрийские противоречия в Турции.

27 июля в Фокшанах начались мирные переговоры между Россией и Турцией. Россию представляли опытный русский дипломат А. М. Обресков, бывший в течение 30 лет русским резидентом в Константинополе, и фаворит императрицы Г. Г. Орлов, который выступал на конгрессе в звании первого посла.

Турецкие послы — дипломат Осман и шейх Яссини-заде — приехали в Фокшаны в сопровождении австрийского представителя Тугута и прусского — Цегелина, претендовавших на роль посредников в мирных пере-

¹ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 1, стб. 83—84.

² Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций..., т. II. СПб., 1875, стр. 24—29.

говорах. Однако твердая позиция русских дипломатов сделала невозможным осуществление этого плана. Впрочем, иностранные послы остались в Фокшанах и неофициально влияли на действия турецких представителей. Усилия иностранных держав увенчались успехом: турки наотрез отказались признать независимость Крыма, и мирные переговоры прекратились. Но увидев, что прекращение переговоров не изменило позиции русской стороны по вопросу о Крыме, турки, не готовые к возобновлению военных действий, предложили организовать новый мирный конгресс — в Бухаресте.

Перед самым роспуском Фокшанского конгресса международное положение России очень осложнилось. В Швеции произошел государственный переворот, который привел к укреплению абсолютизма в лице Густава III. В связи с этим усилилась угроза войны Швеции против России. Русское правительство с тревогой следило за состоянием северной границы. В рескрипте на имя Обрескова от 21 сентября 1772 г. говорилось, что в случае отсрочки заключения мира «дела империи будут находиться в самом важном и ножном (т. е. рискованном, опасном.— *Ред*) кризисе, какого со времени императора Петра I для России не настояло»¹. Вследствие этого русское правительство пошло на новые уступки. Так, оно согласилось на сохранение за Портой «некоторого рода инвеституры над новыми крымскими ханами»², т. е. чтобы последние утверждались турецким султаном, однако без права назначать их и смещать. Но решено было добиться согласия Порты на признание за Россией крепости Керчи и Еникале.

На Бухарестском конгрессе, открывшемся 29 октября (8 ноября) 1772 г., проявилось блестящее дипломатическое искусство А. М. Обрескова, который выступал теперь в качестве единственного представителя России. Сам по себе характер задач русской внешней политики, имевших жизненно важное значение для страны, позволял Обрескову действовать уверенно, проявить инициативу. Обресков расширил правительственный проект мирного договора, внес в него ряд новых пунктов в интересах подвластных Турции христианских народов, а также предложил некоторые другие статьи, важные для развития русской внешней торговли и для поднятия международного престижа России³. Все эти пункты впоследствии вошли в русско-турецкий мирный договор⁴.

С турецкой стороны переговоры вел на этот раз Абдур-Резак, один из наиболее крупных дипломатов тогдашней Турции. Однако он ничего не предпринимал самостоятельно и по каждому, даже мелкому, вопросу

¹ В. А. Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1881, стр. 406.

² См. Бухарестский проект мирного договора и договор 1774 г. в книге Е. И. Дружининой «Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.», приложения 1 (ст. 22—25) и 3 (ст. 1, 2, 4, 5).

³ Е. И. Дружинина. Русский дипломат А. М. Обресков. «Исторические записки», т. 40, стр. 267—279; *ее же*. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., М., 1955.

⁴ ПСЗ, т. XIX, № 14164, ст. 7, 12, 13, 14, стр. 957.



А. М. Обресков. Портрет маслом работы
Ф. С. Рокотова.

Государственная Третьяковская галерея

сносился с Константинополем, выясняя мнение не столько Оттоманской порты, сколько ее зарубежных покровителей.

Обресков огласил на конгрессе все мирные условия России. Он попробовал отстаивать также и те пункты, которые не имели прямого отношения к черноморской проблеме, но были важны для укрепления отношений России с подвластными Турции народами. Так, он дважды поднимал вопрос о передаче грузинам крепостей Кутаиси, Багдади и Шорапани, настаивал на освобождении Грузии от унижительной дани девушками и юношами, которую она обязана была посылать Турции¹.

Турция, стремившаяся к расширению своих владений на Кавказе, ни за что не соглашалась на это. Тогда Об-

ресков сформулировал свои предложения таким образом, что право Турции на указанные крепости становилось спорным; оно сохранялось только в том случае, «ежели оные ей в существе с давних времен принадлежали»². А так как было известно, что Кутаиси, Багдади и Шорапани с древних времен принадлежали грузинам, то при благоприятных условиях можно было пересмотреть этот вопрос. После долгих споров Абдур-Резак согласился на упразднение дани девушками и юношами, лишившей Западную Грузию самой сильной и здоровой части ее населения.

Обрескову удалось договориться по десяти пунктам мирного договора³, в частности о признании подданства Большой и Малой Кабарды России. Но турки упорно не соглашались на отделение Крыма от Оттоманской империи и всячески затягивали переговоры в ожидании благоприятной международной конъюнктуры.

Эти ожидания и надежды были не напрасны. Международное положение России в конце 1772 г. продолжало осложняться. Западноевропей-

¹ АВПр, ф. Сношения России с Турцией, д. 1742, л. 34.

² Там же, д. 1754, л. 67 об.

³ См. Бухарестский проект договора: *Е. И. Дружилина*. Указ. соч., стр. 338—341.

ские державы, желая ослабления России, умело воспользовались событиями в Швеции. Французские дипломаты заверили султана, что Густав III готов двинуть свои войска против России и что французское правительство вооружает сильную эскадру в помощь шведскому королю. Англия, начиная с Чесменской победы русского флота, с нарастающей враждебностью следила за успехами России. Однако ссориться с Россией в то время она не хотела, нуждаясь в ее поддержке против Франции. Англия стала тайно поддерживать антирусские мероприятия других держав (в том числе и Франции), которые не представляли опасности для нее самой. Английский представитель в Париже заявил, что французские субсидии в пользу антирусской партии в Швеции Англия считает желательными, а что свой протест против снаряжения французской эскадры в помощь Швеции Англия скроет от России¹.

В обстановке затянувшейся войны осложнилось также внутреннее положение России. Народные массы, несшие на себе все тяготы войны, поднимались против феодального гнета. В 1771 г. в России свирепствовала чума, занесенная из Турции русскими войсками и дошедшая до Москвы. В сентябре 1771 г. в Москве вспыхнуло восстание, заставившее многих дворян в панике покинуть город. Волновалось казачество на Дону, на Янке, на Волге. Все эти затруднения России, в особенности возможность шведской диверсии, усиливали несговорчивость Порты во время мирных переговоров в Бухаресте. 7 марта 1773 г. турецкий посол Абдур-Резак от имени своего правительства предложил, чтобы Россия возвратила Турции все завоеванные ею земли и получила за это 21 млн. руб.

Возобновилась война. Кампания 1773 г. оказалась не вполне удачной для России. П. А. Румянцев получил приказание перейти Дунай и атаковать главные силы турок. Не располагая достаточными силами, он не смог закрепиться на правом берегу Дуная и вынужден был вернуться обратно.

Осенью 1773 г. со всей силой проявилось действие внутреннего фактора, который, наряду с международной обстановкой, оказывал прямое влияние на ход войны. Разразилась Крестьянская война под руководством Е. Пугачева. Правительство крепостников, преследуя прежде всего свои классово-охранительные цели, решило как можно скорее окончить войну, чтобы двинуть войска на подавление восстания народных масс. В связи с этим царское правительство пошло на новые уступки Турции: решило во время переговоров о мире не требовать Керчи и Еникале (вместо них был поднят вопрос о Кинбурне, мало пригодном в качестве порта) и не настаивать на ограниченной свободе плавания по Черному морю. Правительство стало подвергать сомнению даже возможность отделения от Турции Крымского ханства, т. е. приступило к пересмотру основных задач русской внешней политики. Правительство снабдило Румянцева

¹ *F. Raumer. Eurora vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Kriegeres (1763—1783), Bd. II. Leipzig, 1839, S. 576, 580—581.*

значительными подкреплениями и предоставило ему полную свободу в военных предприятиях. Для скорейшего окончания войны он получил полномочия на заключение мира.

В июне 1774 г. Румянцев с главной армией переправился через Дунай. Части под командованием А. В. Суворова нанесли туркам огромные потери в сражении при Козлудже. Не давая возможности визирю собрать разбитые части, русские войска подошли к Шумле, а передовые отряды продвинулись за Балканы. Положение Турции стало безвыходным.

В такой обстановке 10 июля 1774 г. в болгарской деревне, носившей турецкое название Кючук-Кайнарджи, был подписан мир между Россией и Турцией. Большая заслуга в этом деле принадлежала Румянцеву, который умело воспользовался затруднительным положением противника и решительно пресек поползновения турок вовлечь Россию в новые длительные переговоры. Он скрыл от турок последние уступки, на которые согласилось пойти русское правительство, добился передачи России Керчи, Еникале и Кинбурна; Черное море и проливы были открыты для русского торгового мореплавания. Это открывало русской внешней торговле новые широкие возможности. Россия получила право неограниченного строительства флота на Черном море, хотя Турция не пропускала военные корабли через проливы.

Крымское ханство было объявлено независимым. Правда, религиозная зависимость татар от султана сохранялась, что позволило Турции вмешиваться в крымские дела. Но она уже не могла открыто использовать Крым в качестве стратегического плацдарма для наступательных действий против России. Южная русская граница стала несравненно более прочной, как со стороны Крыма, так и Кавказа, где во владение России переходила Кабарда. Кабардинский народ избавлялся от постоянной угрозы порабощения со стороны отсталой султанской Турции. Только теперь сделалось возможным хозяйственное освоение южноукраинских земель, прилегавших к Крымскому ханству.

Мирный договор содержал ряд статей, направленных на расширение прав подвластных Турции народов — славян, грузин, румын, молдаван, греков и др. Эти статьи создавали точку опоры для дальнейшей политики России на Кавказе и Балканах. В то же время они объективно способствовали развитию освободительной борьбы угнетенных народов Турции.

Значительная часть внешнеполитической программы России, разработанной в 60-х годах XVIII в., была осуществлена. Наиболее важным достижением был выход России к Черному морю. Включение Крыма в состав России в 1783 г. явилось прямым результатом победы, одержанной в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг., и имело исторически прогрессивное значение.

Воссоединение Восточной Белоруссии с Россией, происшедшее в ходе войны, означало только частичное разрешение задачи, связанной с Польшей, так как большая часть белорусских и украинских земель продолжала оставаться под игом польских панов. При этом необходимо отметить, что

раздел Речи Посполитой, совершившийся при участии Австрии и Пруссии, шел вразрез с первоначальной установкой России на сохранение целостности территорий, населенных поляками, и установление над ними русского протектората.

3

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ (1787—1791) И РУССКО-ШВЕДСКАЯ (1788—1790) ВОЙНЫ

Блестящая победа в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и заключение выгодного Кючук-Кайнарджийского мира открыли период крупных внешнеполитических успехов России. Международное положение складывалось для России благоприятно. Русская дипломатия умело использовала эту обстановку. Одним из первых ее достижений было значительное укрепление позиций России в Германской империи. Ожесточенное соперничество Австрии и Пруссии за преобладание в Германии побуждало обе державы тянуть Россию на свою сторону и заискивать перед ней.

Пруссия в период русско-турецкой войны 1769—1774 гг. вела двойственную политику по отношению к России¹. Победоносный исход войны еще более настроил Фридриха II против России. При всем том Пруссия добивалась возобновления русско-прусского союзного договора, надеясь использовать его в своей борьбе против Австрии. Подобная тактика Фридриха II была разгадана, однако русское правительство, желая обеспечить себе известный контроль над деятельностью прусской дипломатии, возобновило в 1777 г. союзный договор с Пруссией.

В 1778 г. между Австрией и Пруссией началась война за обладание Баварией. По просьбе обеих сторон, Россия вместе с Францией выступила в качестве посредника, и в мае 1779 г. в г. Тешене между Австрией и Пруссией был заключен мирный договор. Сохранив добрые отношения с Пруссией, Россия, вместе с тем, не допустила ее действительного усиления. Австрии также не удалось осуществить свои планы овладения Баварией. Русское правительство сумело сохранить необходимое для его интересов равновесие сил в Германской империи. Россия была признана одним из гарантов конституции Германской империи, что давало ей право в какой-то степени контролировать германские дела.

Следующим важным актом русского правительства было выступление в 1780 г. со знаменитой «Декларацией о вооруженном нейтралитете». Борьба американских колоний за независимость резко изменила расстановку международных сил. Соперничество Англии и Франции разгорелось с новой силой. Англия в ходе неудачной для нее войны против американских колоний, Франции, Испании и Голландии попала в крайне тяжелое положение. Английское правительство, в 70-х годах отказавшееся

¹ См. об этом § 2 настоящей главы.

заключить договор с Россией, теперь прилагало все усилия к тому, чтобы втянуть ее в чуждую русским интересам войну за целостность британской колониальной империи. Англия строила планы использования военной мощи России, добивалась заключения союзного договора и отправления в Америку русского экспедиционного корпуса. Наряду с этим английское правительство домогалось отправления русского военного флота в Средиземное море якобы с целью демонстрации, а на деле для того, чтобы столкнуть Россию с Францией и Испанией. Англия стремилась обратить в свою пользу и огромный международный авторитет России, требовала, чтобы Екатерина II выступила с энергичными декларациями в пользу Англии.

Обе стороны вели беспощадную борьбу на морях, не считаясь с интересами нейтральных держав. Особенно отличалось в этом отношении английское морское командование. Англичане вооружили множество каперов и захватывали суда и грузы нейтральных держав, воскресив средневековое «право» морского разбоя. Эта незаконная практика Англии отражалась на торговых интересах России, тем более, что главные предметы русского вывоза подходили под рубрику запрещенных товаров. Несколько случаев нападений на русские торговые корабли вызвали в Петербурге в 1778 г. самый резкий протест. Необходимо было оградить русскую торговлю от бесчинств английских каперов. Эту цель и преследовала «Декларация о вооруженном нейтралитете», провозглашенная Россией 28 февраля 1780 г. Содержание декларации сводилось к установлению русским правительством принципов, в силу которых, во-первых, за нейтральными кораблями признавалось право свободной торговли в водах воюющих держав; во-вторых, находящаяся на нейтральном корабле собственность воюющих держав, за исключением военной контрабанды, должна была считаться неприкосновенной; в-третьих, предметы военной контрабанды были точно фиксированы (оружие, амуниция и пр.); в-четвертых, блокированным должен считаться лишь тот порт, доступ в который действительно затруднен военно-морскими силами воюющей державы¹.

Для поддержания новых принципов морского права Россия заключила соответствующие конвенции с рядом европейских держав. К вооруженному нейтралитету присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия; его признали также Франция, Испания и Северо-Американские Соединенные Штаты.

Англия пыталась склонить Россию к отказу от вооруженного нейтралитета. Английское правительство в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. предприняло ряд враждебных России действий и препятствовало выходу России в Черное море. Однако в начале 80-х годов Англия была истощена острым внутренним кризисом и неудачной войной. Поэтому английское правительство решило пойти на уступки России и пустить в ход козырь, на который возлагались большие надежды. Англия пред-

¹ Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций..., т. IX(X). СПб., 1892, стр. 307—310; Дипломатический словарь, т. 1, М., 1948, стр. 425—426.

ложила России о-в Минорку, важную стратегическую позицию в западной части Средиземного моря¹, потребовав за это отказа от вооруженного нейтралитета и выступления против Франции и Испании. Эти замыслы британской дипломатии окончились полным провалом. Россия была твердо намерена освободить русскую морскую торговлю от английских купцов, в значительной степени захвативших ее в свои руки, и защитить русское торговое мореплавание от разбойничавших на морских путях английских каперов. Стремление России создать собственное независимое торговое мореплавание вызвало в кругах английской буржуазии резкое недовольство.

Ожесточенное сопротивление встречала со стороны английского правительства и перспектива усиления морской мощи России: сохранение безраздельного господства Англии на всех европейских морях было краеугольным камнем британской внешней политики. Попытки России обуздать английскую агрессию на море послужили одной из причин ухудшения русско-английских отношений в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. Вооруженный нейтралитет — важный этап в истории внешней политики России. Россия завладела инициативой при выработке новых международных законов.

Первоочередной задачей внешней политики России в начале 80-х годов было разрешение крымского вопроса.

Султанская Турция и после Кючук-Кайнарджийского мира стремилась вернуть себе Крым, важный плацдарм для нападения на Россию. Экономические интересы дворянства и купечества требовали закрепления выхода России к Черному морю. Развитие товарного производства на юге России было возможно лишь при условии свободной черноморской торговли. Освоение Северного Причерноморья открывало новые возможности для экономического развития Приазовья, южной Украины, части Белоруссии, центральных черноземных областей. Вывоз товаров не только юга России, но и этих районов искусственно тормозился до тех пор, пока Россия оставалась, по существу, отрезанной от черноморского побережья. Россия не имела возможности установить непосредственные экономические связи с Южной Европой. Продукты южноевропейских стран, подчеркивали современники, «до нас доходят уже через тысячу мытарских рук и за весьма дорогую цену»².

Свободная черноморская торговля приобретала для России особенное значение также и в связи с тем, что в торговле через балтийские порты английский капитал завоевал господствующие позиции. Поэтому русское правительство стремилось создать на Черном море экономический противовес английской торговой монополии на Балтике. Но порты, перешедшие в Россию по Кючук-Кайнарджийскому миру, за исключением Керчи, не годились для торгового судоходства.

¹ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX (X), стр. 319.

² Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование имп. Екатерины II. Казань, 1902, стр. 51.

Вместе с тем повторные акты агрессии со стороны султанской Турции создали на юге России тревожную, неустойчивую обстановку. Это также задерживало экономическое развитие края, создавало реальную угрозу безопасности страны.

Сразу же после заключения мира турецкое правительство, грубо нарушив лишь формально принятые обязательства, предприняло попытки восстановить свою власть над Крымом. В 1775 г. Турция провозгласила крымским ханом своего ставленника Девлет-Гирея и предъявила России требования, фактически сводившие на нет условия Кючук-Кайнарджийского договора. В качестве контрмеры против агрессивной тактики Турции Россия ввела в Крым свои войска и провозгласила крымским ханом Шагин-Гирея. В 1777 г. Турция, вновь начав провоцировать войну, подняла в Крыму восстание против Шагин-Гирея и ввела свои войска в Бессарабию. У берегов Крыма появился турецкий флот, готовый высадить десант.

Эти планы сорвал А. В. Суворов, который, с замечательным мастерством и в кратчайший срок укрепив крымское побережье, принял необходимые оборонительные меры. В результате турецкий флот бесславно ушел обратно.

10 (21) марта 1779 г. в Айнали-Каваке была заключена «Изъяснительная конвенция», по которой Турция еще раз подтвердила независимость Крыма, а также право свободного прохода через проливы для русских торговых судов¹.

Упорное сопротивление султанской Турции укреплению России в Северном Причерноморье, подготовка к новому выступлению против России ставили на очередь задачу установления такого международного режима проливов, который соответствовал бы интересам России.

В этих исторических условиях возник «греческий проект», обязанный своим названием иностранным дипломатам и публицистам того времени. В русских кругах его обычно называли просто «известным планом», или «известным большим планом». Основные положения «греческого проекта» содержатся в переписке Екатерины II с австрийским императором Иосифом II и в докладной записке А. А. Безбородко (начало 80-х годов). Проект предусматривал восстановление греческой империи во главе с государем из русского царствующего дома; из Молдавии, Валахии и Бессарабии предполагалось создать зависимое от России государство Дакию. Россия по этому плану должна была получить Очаков с территорией между Бугом и Днестром, Крым и несколько островов Архипелага². Союзнице России Австрии «греческий проект» предоставлял ряд славянских земель на Балканах; значительные территориальные «вознаграждения» из при-

¹ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII столетии. Одесса, 1889, стр. 207—208 N. Jorga. Geschichte des Ostanischen Reiches. Bd. V. Gotha, 1913, SS. 18—19; G. Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman, v. I, Paris № 38.

² Сб. РИО, т. 26, стр. 385.

надлежащих Турции территорий, в частности Египет, предполагалось дать Франции. «Греческий проект» отражал, таким образом, захватнические устремления крупных европейских держав. Инициатором его, наряду с Россией, была Австрия, строившая широкие планы захватов на Дунае и на Балканах.

Разрабатывая «греческий проект»¹, Россия и Австрия рассчитывали на сложившуюся для них в начале 80-х годов выгодную расстановку международных сил: европейские державы были связаны войной между Англией, с одной стороны, и американскими колониями, Францией, Голландией и Испанией — с другой. Заключение Версальского мира изменило положение дела. «Греческий проект» практически никогда не стоял в порядке дня русской дипломатии и угас вместе с породившей его международной обстановкой. Тем не менее, враждебные России иностранные дипломаты и журналисты использовали его для того, чтобы создать легенду о якобы грозившей Турции в 80-х годах XVIII в. непосредственной опасности со стороны России. В действительности же в этот период Турция еще господствовала на Черном море, частично в Северном Причерноморье и в Крыму, вела резко враждебную России политику, угрожала безопасности ее южных границ.

В этих условиях ближайшей целью внешней политики России попрежнему оставалось утверждение в Северном Причерноморье, свободное плавание в водах Черного моря, укрепление позиций на Кавказе. Такая направленность внешней политики в 80-х годах XVIII в. заставила русское правительство по-новому отнестись к выбору союзника. Союз с Пруссией, формально сохранявший силу до 1788 г., фактически перестал существовать. Враждебная России тактика Пруссии во время войны 1768—1774 гг., последовавшие за этим постоянные явные и тайные происки прусской дипломатии в Константинополе создавали серьезные препятствия планам Екатерины II на Ближнем Востоке. Кроме того, Россия отрицательно относилась к прусским планам новых захватов в Польше.

Наиболее выгодным для России союзником оказалась Австрия. Сближение между Россией и Австрией, начавшееся со времени Тешенского мира, завершилось обменом писем между Екатериной II и Иосифом II в апреле — мае 1781 г. Тем самым между Россией и Австрией установились союзные отношения (формальный союз, ввиду возможных международных осложнений, не был заключен)². Русско-австрийский союз дал России возможность частично нейтрализовать Австрию, строившую широкую программу владычества на Балканах, и до некоторой степени обеспечил содействие Вены в вопросах ближневосточной политики. В случае

¹ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 107—116; А. Arneht. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869. SS. 143—157, 169—175, 182—188.

² Формальному заключению договора помешали также некоторые разногласия по вопросу о дипломатической процедуре его подписания (см. Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 101—107).

нападения Турции на одну из договаривающихся сторон другая должна была прийти ей на помощь.

Новая ориентация русской дипломатии в известной мере послужила причиной перемены в руководстве внешней политикой России. В мае 1781 г. был уволен в бессрочный отпуск Н. И. Панин: прусская ориентация Панина и близкие отношения его с берлинским двором вызывали у Екатерины II недоверие к нему. Большое влияние на внешнюю политику России стал оказывать Г. А. Потемкин. Он непосредственно руководил русскими дипломатами, действовавшими в Турции, Дунайских княжествах, Грузии и Армении. Г. А. Потемкин был энергичным сторонником активной политики в отношении Турции. В это же время выдвинулся один из крупнейших русских дипломатов — А. А. Безбородко, ставший главным действующим лицом в Коллегии иностранных дел. Он принимал участие во всех крупных внешнеполитических актах конца XVIII в.

Султанская Турция с нарастающим ожесточением пыталась воспрепятствовать утверждению России на Черном море. Когда в 1783 г. Крым был включен в состав России, Турция начала готовиться к войне и послала эскадру к берегам Крыма. Но для войны с Россией собственных ресурсов у Турции нехватало, а помощи со стороны европейских держав в этот момент ожидать было невозможно. Конвенцией 28 декабря 1783 г. (8 января н. ст. 1784 г.) Турция в косвенной форме признала присоединение Крыма к России.

Вытеснение Турции из Крыма имело большое прогрессивное историческое значение, привело к укреплению обороноспособности России и к усилению экономического развития юга страны. Русское правительство провело ряд мероприятий для развития черноморской торговли, хотя и стесненной режимом проливов, установленным Турцией. В черноморских портах оно установило льготный тариф; в 1784 г. гавани Херсона, Севастополя и Феодосии были открыты торговым судам дружественных России держав, были заключены торговые договоры с Францией, Неаполем, Португалией, Австрией.

Включение Крыма и Северного Причерноморья в состав России ускорило рост производительных сил страны и развитие капиталистических отношений. Народы, населявшие Крым, черноморское и азовское побережья, получили возможность приобщиться к передовой русской культуре, перейти от кочевого образа жизни к оседлости, заниматься земледелием, ремеслами и пр. Навсегда прекратились разбойнические походы крымских и турецких феодалов на славянские земли.

Период от заключения Кючук-Кайнарджийского мира до начала русско-турецкой войны 1787—1791 гг. характеризуется укреплением внешнеполитических позиций и ростом международного авторитета России. Русская дипломатия умело использовала сложившееся в ее пользу соотношение сил. Тешенский мир и вооруженный нейтралитет закрепили за Россией положение наиболее влиятельной европейской державы.

Но Турция развернула энергичную подготовку к войне против России. Она стремилась занять Крым и все Северное Причерноморье, строила планы полного порабощения народов Кавказа и Закавказья, намеревалась лишить народ Молдавии и Валахии льгот и преимуществ, завоеванных для них русским оружием и русской дипломатией. Ближайшей и основной целью турецкой политики был Крым.

Особую роль в разжигании агрессивных устремлений Порты сыграла английская и прусская дипломатия.

Во второй половине 80-х годов, Англия, быстро оправившаяся от понесенного ею поражения в войне с североамериканскими колониями, продолжала свои захваты в Индии.

По отношению к России Англия вела враждебную политику, прикрывая ее заверениями в «дружественных» чувствах. В течение десятилетий британская дипломатия пыталась использовать Россию в своих интересах, а также всячески препятствовала усилению России как морской державы. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Англия старалась помешать выходу России к Черному морю. Завладев сильными позициями в русском морском экспорте, английская буржуазия противодействовала развитию самостоятельного русского торгового мореплавания.

В 1783—1784 гг. Англия предложила России заключить с нею союз, рассчитывая превратить Россию в свое орудие против Франции и поставить русскую внешнюю политику под свой контроль. Разгадав тактику британской дипломатии, Россия отвергла эти предложения.

В 1785 г. Георг III в качестве курфюрста Ганновера примкнул к организованной Фридрихом II лиге малых немецких государств (фюрстенбунду), к которой Россия относилась с нескрываемой враждебностью. Наметившееся после этого сближения Англии и Пруссии шло вразрез с интересами русской дипломатии.

Возникновение новой войны между Россией и Турцией было выгодно Англии и Пруссии. Англия рассчитывала, что война ослабит Россию и



Г. А. Потемкин. Гравюра XVIII в. с оригинала И.-Б. Лампи 1789 г.

лишит ее завоеванных позиций на Черном море. Пруссия надеялась, связав России руки этой войной, захватить новые земли в Польше. К тому же, отвлекая силы России и Австрии на Ближний Восток, Англия и Пруссия получали возможность осуществить задуманную ими интервенцию в Голландии.

Английский посол в Константинополе Энсли и прусский посланник Диц, не останавливаясь перед прямым обманом, подстрекали Турцию начать войну с Россией. Энсли завязал тесные связи с главным сторонником войны, великим визирем Юсуфом, которого он сумел уверить в военном превосходстве Турции и турецкого флота в особенности. Энсли и Диц убеждали турецкие правящие круги в том, что Австрия не окажет поддержки России и не примет участия в войне.

Русское правительство в этот момент стремилось на некоторое время оттянуть войну с Турцией. Не говоря уже о провокационной тактике Англии и Пруссии, на это толкала и позиция, занятая Францией и союзной Австрией. Французское правительство в середине 80-х годов склонялось к сближению с Россией и даже заключило в 1786 г. с ней торговый договор. Однако враждебные России тенденции снова взяли верх. Франция тайно помогала Турции готовиться к войне. Французские инженеры укрепляли турецкие крепости. Французские офицеры обучали личный состав турецкой армии и флота. Французские агенты плели сеть тайных интриг в Иране.

Ненадежна была и союзная Австрия, которая желала захватить Балканы с адриатическим побережьем и видела в России, близкой и дружественной славянским народам, препятствие для этих своих планов.

К неблагоприятной для России международной обстановке присоединились внутренние затруднения: осенью 1787 г. сильный неурожай привел к резкому повышению цен на хлеб; голод охватил целые губернии¹. В военном отношении Россия в это время также не была вполне подготовлена.

Непосредственным поводом к войне явился конфликт, который возник между Россией и Турцией в связи с вопросом о статусе Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии и о русском протекторате над Грузией. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. всколыхнула глубокую привязанность народных масс Молдавии и Валахии к русскому народу — их мощному защитнику от турецких насилий и угнетения. Народ Молдавии и Валахии в этой войне помогал России. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Россия получила право делать представления в пользу Молдавии и Валахии.

Турция обязалась вернуть населению отнятые земли и имущество и не препятствовать тем, кто пожелает переселиться в Россию; население Молдавии и Валахии на два года получило освобождение от различных сборов и повинностей.

¹ М. Щербатов. Соч., т. I. СПб., 1896, стб. 629—668, 683—720; Сб. РИО, т. 26, стр. 286, 402; т. 27, стр. 469, 477, 479.

Русское правительство энергично отстаивало завоеванные им позиции и защищало население Молдавии и Валахии от тяжкого гнета турецких феодалов-ассимиляторов. В начале 1782 г. Турции пришлось допустить в Бухарест и Яссы русских консулов¹. Русскому посланнику в Константинополе Я. И. Булгакову удалось в начале 1784 г. добиться хатти-шерифа, по которому фиксировался размер собираемых в Молдавии и Валахии податей и давалось обещание, что господа их будут смещаться не по произволу, как было до сих пор, а лишь в случае доказанного преступления.

Турция перешла в наступление, сместив преданного России господаря Валахии Суцо (Драко) и поставив на его место враждебного России фанариота Маврогения, против назначения которого тщетно протестовал Булгаков. Отставлен был и обвиненный в государственной измене господарь Молдавии Маврокордато, бежавший в Россию².

Еще более серьезное значение имело столкновение России и Турции в вопросе о протекторате над Грузией. Изнемогавшая в непосильной борьбе с султанской Турцией и шахским Ираном, Грузия давно искала помощи России. 23 июля 1783 г. в крепости св. Георгия был заключен русско-грузинский договор, по которому царь Кахетии и Карталинии Ираклий II, формально считавшийся вассалом персидского шаха, фактически же зависевший от Турции, отказался от подданства Ирану или какой-либо другой державе (имелась в виду Турция) и стал под покровительство России. В свою очередь Россия обещала защищать Восточную Грузию и гарантировала ее целостность и неприкосновенность. Турецкое правительство не признало Георгиевского договора. Одновременно Турция развернула активную деятельность на Северном Кавказе и в Закавказье, натравливая против Грузии азербайджанских ханов и дагестанских, кабардинских, черкесских феодалов, подстрекая их к выступлению против России.

Большие надежды возлагали в Константинополе на ставленника мусульманского духовенства Ушурму — так называемого шейха Мансура, возглавлявшего в 1785—1787 гг. под флагом «защиты ислама» движение против России на Северном Кавказе. Движение Мансура было организовано Турцией, энергично ему помогавшей всеми средствами³.

Турция сознательно провоцировала Россию на войну. На конференции 26 июля (н. ст.) рейс-эфенди предъявил Я. И. Булгакову ультиматум, потребовав признать верховные права Порты над Грузией, допустить турецких консулов в Крым и выдать господаря Молдавии Маврокордато.

¹ *N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. V. Gotha, 1913, S. 16.*

² Там же, стр. 46—47; *А. А. Гирс. Молдавия и Валахия перед турецкой войной 1787 г. «Русская старина», 1898, декабрь, стр. 633—653; его же. Россия и Ближний Восток. СПб., 1906, стр. 19—40.*

³ *Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. II. СПб., 1886, стр. 24, 246—247; Н. Смирнов. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 22—24.*

Об основной своей цели — желании отторгнуть от России Крым — Турция пока умалчивала.

В противоположность такой политике Турции русское правительство держалось очень осторожно, стараясь выиграть время и оттянуть войну. С этой целью русское правительство готово было частично удовлетворить требования Турции. В рескрипте от 19 августа 1787 г. Я. И. Булгакову Екатерина II подчеркивала, что разрыв с Турцией необходимо оттянуть до 1788 г. Русское правительство считало возможным не настаивать более на признании протектората России над Грузией и разрешить Турции держать консула в Крыму.

Однако Турция, спешившая развязать войну, не стала даже дожидаться ответа на свой ультиматум и 15 августа (н. ст.) предъявила Булгакову требование об уступке Крыма. Вслед за тем Булгаков был арестован и под конвоем препровожден в Семибашенный замок. Это было равносильно объявлению войны.

21 августа 1787 г. значительные силы турецкого флота атаковали русские сторожевые суда, стоявшие близ Кинбурна. Обороной Кинбурна и всего черноморского побережья от Херсона до Крыма искусно руководил А. В. Суворов. Этот район имел важное стратегическое значение. Расположенный против турецкой крепости Очаков Кинбурн держал под обстрелом своих батарей коммуникации на Днепро-Бугском лимане, прикрывая подступы к западному берегу Крыма. Именно поэтому первый свой удар турки обрушили на Кинбурн, подвергнув его непрерывной бомбардировке. В ночь с 13 на 14 сентября около 700 турок высадилось на Кинбурнской косе, но были тотчас же отбиты подоспевшим отрядом казаков и пехоты. 1 октября турецкая эскадра произвела еще более сильную бомбардировку Кинбурна и высадила крупный десант численностью до 5 тыс. чел. Под прикрытием артиллерийского огня эскадры турецкие войска повели наступление на русскую крепость. Гарнизон Кинбурна насчитывал едва 3 тыс. чел., но под руководством своего испытанного полководца Суворова разгромил превосходящие силы противника. Турецкий десант был почти полностью истреблен: из всего его состава на корабли вернулось не более 500 чел.¹

Бой был очень ожесточенным. Суворов все время находился в первых рядах, в самой гуще сражающихся масс, был два раза ранен, но нашел в себе силы до самого конца руководить боем, личным примером воодушевляя войска. В напряженный момент боя несколько турецких янычар бросились на Суворова. Его спас гренадер Степан Новиков, который рискуя жизнью, защитил полководца от наседавших турок².

Победа А. В. Суворова под Кинбурном имела важное стратегическое значение. Была сорвана попытка внезапного овладения Крымом и уничтожения Севастополя — главной базы русского Черноморского флота.

¹ «А. В. Суворов». Сборник документов под ред. Г. П. Мещерякова, т. II. М., 1951, док. 298—300, 318—319, стр. 326—327, 337—343.

² Там же, док. 316, стр. 339.

Победой при Кинбурне ограничились военные действия на Черном море. Одновременно на Северном Кавказе русский отряд под командованием генерала П. А. Текелли совершил удачный поиск против татар, оттеснив их за Кубань. Так закончилась первая кампания русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Возникновение войны дало толчок агрессивным замыслам Англии и Пруссии. Прусский министр Герцберг разработал план обмена территориями между Россией, Австрией, Польшей и Турцией, в результате которого Пруссия (в чем и заключалась вся суть плана Герцберга) должна была завладеть Гданьском, Торунем, Калишем и Познанью¹.

Россия выступила непримиримой противницей плана Герцберга, осуществление которого привело бы к одностороннему усилению Пруссии и подрыву русского влияния в Польше.

Война резко обострила отношения между Россией и Англией. Английское правительство приняло меры, чтобы сорвать назначенную на лето 1788 г. экспедицию русского военного флота в Средиземное море. На эту экспедицию возлагались большие задачи стратегического и политического характера: русские силы должны были возглавить всеобщее восстание поработенных Турцией балканских народов, уничтожить средиземноморский флот Турции и начать действия против Константинополя². При проходе в Средиземное море русская эскадра должна была зайти в английские порты. Весной 1788 г. английское правительство запретило России нанимать в Англии транспортные суда, закупать продовольствие для эскадры и вербовать английских офицеров на русскую службу.

Дальнейшие события ускорили раскол европейских держав на два противостоящих друг другу лагеря. Берлинский союзный договор 15 августа (н. ст.) 1788 г. завершил образование Тройственного союза, объединившего Англию, Пруссию и Голландию. Берлинский договор был направлен непосредственно против России и имел ближайшей своей целью связать России руки на Ближнем Востоке и подорвать ее позиции на Балтике.

Тем же целям вытеснения России из Прибалтики служило и спровоцированное Англией и Пруссией нападение Швеции на Россию летом 1788 г. Северная граница России была в этот момент слабо защищена — русские войска насчитывали всего 19 тыс. чел. против 30 тыс. чел. пехоты у Швеции, не считая флота³.

В июне 1788 г. шведские войска, без объявления войны, перешли границу России в Финляндии и осадили крепости Нейшлот и Фридрихсгам.

¹ *L. Häusser. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrich des Grossen, Bd. I. Berlin, 1858, S. 210—223.*

² *А. Н. Петров. Вторая турецкая война в царствование Екатерины II 1787—1791 гг., т. I. СПб., 1880, прил., стр. 19—27; «Русский архив», 1866, т. X, стб. 1374—1394.*

³ *М. Бородин. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912, стр. 132; В. Головачев. Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788—1790 г. СПб., 1871—1873, стр. 20.*

Одновременно в Финский залив вошел сильный шведский флот и захватил два русских сторожевых фрегата. 1 июля, т. е. фактически уже развязав войну, шведский король Густав III направил в Петербург исключительно резкую по форме и фантастическую по содержанию ноту. Агрессивные требования Швеции сводились к следующему: 1) возврат всех территорий, отошедших к России по Ништадтскому и Абоскому договорам; 2) заключение мира с Турцией при шведском посредничестве и возвращение ей Крыма; 3) если Порта не удовлетворится последним, то восстановить границы 1768 г., т. е. аннулировать Кючук-Кайнарджийский договор. Густав III мог отважиться на подобные требования лишь в расчете на поддержку Англии и Пруссии. Хорошо заплатила шведскому королю и Турция, согласившаяся выдавать ему субсидии за нападение на Россию¹.

Активные боевые действия происходили только на море. Русское командование вместо задуманной раньше экспедиции в Архипелаг спешно готовило Балтийский флот для защиты Петербурга от шведов.

6 июля у о-ва Гогланда русская эскадра, в составе 17 кораблей, 8 фрегатов и 7 мелких судов, под командованием адмирала С. К. Грейга атаковала шведский флот. Численность шведского флота достигала 17 кораблей и 7 больших фрегатов с артиллерией, по калибру равной корабельной². Ожесточенное сражение продолжалось 5 часов; шведский флот, понеся большие потери, вынужден был спешно укрыться в Свеаборге³.

Победа, одержанная над шведским флотом при Гогланде, имела важное стратегическое значение: был сорван план Густава III по овладению Петербургом. Действия шведской армии также успеха не имели. В августе шведы сняли осаду Фридрихсгама и Нейшлота и отступили к своим границам. Одновременно против Швеции начала военные действия союзница России — Дания. В августе 1788 г. датские войска осадили шведский порт Гетеборг.

В этот момент выступили Англия и Пруссия. Первоначально английская дипломатия пыталась угрозами удержать Данию от участия в военных действиях на стороне России. Когда Дания все же выполнила свои союзные обязательства, Англия и Пруссия поспешили на помощь Густаву III. Англия особенно опасалась поражения Швеции и усиления позиций России на Балтике. Она добивалась установления своей гегемонии в Северной Европе⁴. Английский посланник в Копенгагене Гью Эллиот

¹ J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Bd. VI. Gotha, 1859, S. 648—659; Gustav III. Collection des écrits, vol. I. Paris, 1804, p. 2.

² Ф. Весселаго. Краткая история русского флота. Изд. 2, М.—Л., 1939, стр. 130.

³ «Материалы для истории русского флота», ч. XIII. СПб., 1890, стр. 288—289, 297—298.

⁴ См. переписку Питта с Гренвилем и Георгом III: J. H. Rose. Life of William Pitt. London, 1923, p. 495—496; A. W. Ward. The Cambridge History of British Foreign Policy 1783—1919, v. I, 1783—1815, Cambridge, 1922, p. 182—183; D. G. Barnes. George III and William Pitt, 1783—1806. London, 1939, p. 185—186; Stanhope. W. Pitt et son temps, vol. II. Paris, 1863, p. 407—408.

вручил датскому главнокомандующему принцу Гессенскому ультиматум, в котором потребовал немедленного снятия осады с Гетеборга и заключения перемирия. В случае отказа Эллиот угрожал объявлением войны со стороны Англии и Пруссии. Одновременно вручил Дании декларацию аналогичного содержания прусский посланник. Дания капитулировала перед грубым нажимом Тройственного союза, заключила вынужденное перемирие (9 октября н. ст. 1788 г.) и до конца русско-шведской войны сохраняла навязанный ей нейтралитет.

Война со Швецией чрезвычайно осложнила военно-политическое положение России, ограничив ее силы и возможности для ведения борьбы с Турцией. Эти трудности усугублялись еще тем, что надежды на помощь Австрии не оправдались. Австрия вступила в войну как союзница России в январе 1788 г. Но количество войск, выделенных австрийцами для взаимодействия с русской армией, было весьма незначительно (7 батальонов пехоты и столько же эскадронов кавалерии).

Австрия преследовала в войне прежде всего свои частные цели, стремясь в первую очередь к захвату земель по адриатическому побережью и Сербии. Туда и были направлены основные силы австрийских войск. Это наносило явный ущерб интересам совместного с Россией ведения войны с Турцией, поскольку большая часть австрийской армии отвлекалась на второстепенный участок военных действий.

Главной задачей кампании 1788 г. русское командование считало овладение Очаковом. Это было поручено Екатеринославской армии под командованием Г. А. Потемкина (132 тыс. чел.) и Черноморскому флоту. Другая русская армия, получившая название Украинской, под командованием фельдмаршала П. А. Румянцева (52 тыс. чел.) должна была прикрывать осаду Очакова и держать связь с австрийцами.

Потемкин действовал крайне медленно, и русские войска подошли к Очакову только 28 июня. За это время турки с помощью присланных французских инженеров значительно усилили оборону своих крепостей на черноморском побережье и особенно Очакова. Здесь были восстановлены старые и созданы новые, мощные для того времени, оборонительные сооружения, гарнизон крепости пополнен отборными войсками и снабжен всем необходимым, чтобы выдержать длительную осаду, а в гавани Очакова уже больше месяца стояли основные силы турецкого военно-морского флота под командованием капудан-паши Эски-Гасана. Вместе с гребной флотилией турки имели на Днепровско-Бугском лимане около 100 боевых единиц. Этот сильный флот не только оказывал существенную помощь гарнизону крепости Очаков, но и значительно усиливал общее стратегическое положение турок на данном театре войны.

Русский Черноморский флот с начала войны дислоцировался в двух пунктах: главные силы — в Севастополе, а гребная флотилия — в Днепровско-Бугском лимане.

Севастопольская эскадра вышла в море в составе 2 линейных кораблей и 10 фрегатов, не считая легких судов. Вышедшая ей навстречу турецкая

эскадра насчитывала соответственно 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и 3 бомбардирских корабля и другие более мелкие суда.

3 июля 1788 г. у о-ва Фидониси (Змеиного) произошло сражение. Авангардом русской эскадры командовал выдающийся русский флотоводец Ф. Ф. Ушаков. Несмотря на численное превосходство противника, авангард Ушакова, смело атаковав турецкий флот, нанес решающий удар по флагманским кораблям Эски-Гасана. Не выдержав удара, турецкий флот отошел к Аккерману. Одно судно противника было потоплено¹.

Жаркие морские сражения происходили также на Днепровско-Бугском лимане 7, 17 и 18 июня. В итоге сражения многочисленная гребная флотилия турок была разбита наголову и отброшена от Очакова². Общие потери турок составили до 15 различных судов, 6 тыс. чел. убитыми, утонувшими и ранеными и 1800 пленными. В сравнении с этим потери русских были невелики, не более 190 чел.³. Такая блестящая победа была одержана прежде всего благодаря высокому воинскому мастерству и самоотверженности русских солдат, матросов и офицеров, обученных А. В. Суворовым и Ф. Ф. Ушаковым тактике решительного наступательного боя.

Победы на море дали возможность русским сухопутным силам активизировать свои действия против крепости Очакова. Лишенный поддержки турецкого флота, Очаков был прочно блокирован войсками Екатеринославской армии, и они все более тесно сжимали кольцо осады. 6 декабря 1788 г. эта сильнейшая крепость и военно-морская база турок на северном побережье Черного моря была взята ожесточенным штурмом русских войск. Еще раньше войска Украинской армии П. А. Румянцева овладели важной турецкой крепостью Хотин.

Стремясь свести на нет успехи русского оружия и связать России руки, Англия и Пруссия в октябре 1788 г. поспешили предложить свое посредничество для заключения мира со Швецией на основе возвращения к довоенному положению. Русское правительство, поняв суть этих «мирных» предложений, отвергло их⁴.

Воспользовавшись затруднительным положением России, воевавшей одновременно с Турцией и Швецией, Пруссия попыталась подорвать русское влияние в Польше. Царское правительство в этот момент не желало нового раздела, так как результатом его было бы нежелательное усиление Пруссии. Притязания Пруссии на Гданьск и Торунь встретили поэтому со стороны России энергичный отпор. На этой почве отношения России с Пруссией еще больше обострились.

¹ «Ф. Ф. Ушаков». Сборник документов, т. I, под ред. Р. Н. Мордвинова. М., 1951, док. 39—45, стр. 61—78.

² «А. В. Суворов», т. II, док. 427, 433—437, 442—445, стр. 415, 418—420, 422—424.

³ Там же, док. 436, стр. 419, прим.

⁴ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 1, стб. 607—611.



А. В. Суворов.
Портрет маслом работы И. Г. Шмидта. Копия.

Государственный Исторический музей.

Внутренняя обстановка в Польше благоприятствовала прусским планам. Открывшийся в октябре 1788 г. Четырехлетний сейм относился к Екатерине II враждебно. В январе 1789 г. были уничтожены Постоянный совет и его департамент, служившие орудием политики царского правительства. По требованию сейма Россия вывела свои войска из Польши.

Военные действия против Турции и Швеции в 1789 г. развивались для России успешно. Напротив, австрийские войска неизменно терпели серьезные поражения от турок. Главная австрийская армия под командованием самого императора Иосифа II была разбита в Банате. Австрийский корпус в Молдавии не проявлял никакой активности.

В июле 1789 г. турецкие войска численностью в 30 тыс. чел. переправились через Дунай и повели наступление к Фокшанам. Стоявшие по Серету передовые части австрийцев стали быстро отходить. Австрийский командующий Кобург обратился за помощью к А. В. Суворову, 10-тысячный корпус которого занимал Бырлад.

Оценив создавшуюся обстановку, Суворов немедленно выступил на соединение с австрийскими войсками. Расстояние около 60 км по пересеченной местности было пройдено за 28 часов. 21 июля 1789 г. русские войска с ходу атаковали турок при Фокшанах. Ожесточенное сражение продолжалось 9 часов; турки упорно оборонялись, неоднократно переходили в контратаки, но не смогли сдержать сокрушительный натиск русских частей. Руководимые Суворовым русские полки ворвались в укрепления противника и решительным штыковым ударом довершили свою победу. Разбитые турецкие войска в беспорядке бежали в направлении к Бухаресту. Противник потерял до 1,5 тыс. убитыми. Трофеи русских составили 10 артиллерийских орудий, 16 знамен и весь турецкий лагерь с большим количеством военных запасов¹.

Победой при Фокшанах Суворов вырвал из рук турецкого командования стратегическую инициативу. Но главнокомандующий на дунайском театре войны Потемкин не сумел ею воспользоваться. Он приказал Суворову отойти обратно к Бырладу.

Перегруппировав свои силы, турки в сентябре снова перешли в наступление. Их армия насчитывала 100 тыс. чел. Численность войск Суворова и Кобурга, удаленных друг от друга на значительное расстояние, составляла всего 25 тыс. (7 тыс. русских и 18 тыс. австрийцев). Противник обладал, таким образом, четырехкратным численным превосходством. Несмотря на это, Суворов принял исключительно смелое решение атаковать турок. Он действовал быстро и решительно. Совершив форсированный переход в 70 км, войска Суворова прибыли в Фокшаны и соединились с австрийцами. Разведкой Суворов установил, что турецкая армия расположилась между реками Рымной и Рымником тремя группами: у Тырго-Кукули, Крингу-Мейлора и Мартинешти. Сражение началось на рассвете 11 (22) сентября 1789 г. Сначала Суворов разбил турок у Тырго-Кукули, затем атаковал кавалерией их укрепленный лагерь в Крингу-

¹ «А. В. Суворов», т. II, док. 526, прилож., стр. 465—471.

Мейлоре, а после этого нанес сокрушительный удар по главным силам противника, стоявшим у Мартинешти. Ожесточенный рукопашный бой продолжался почти целый день, пока турецкая армия не была разгромлена и ее деморализованные остатки не обратились в паническое бегство. В сражении и при преследовании противник потерял убитыми и утонувшими более 17 тыс. чел. Русские захватили 80 артиллерийских орудий, 100 знамен и весь обоз турок. Русские потери были весьма невелики: 45 убитых и 133 раненых¹.

Блестящая победа Суворова на р. Рымнике решила судьбу кампании 1789 г. в пользу России. Русская армия, сломив упорное сопротивление турецких войск, продвинулась до низовьев Дуная. В течение сентября — ноября был взят штурмом укрепленный замок Гаджибей (на месте современной Одессы), взяты важные крепости Аккерман (ныне город Белгород-Днестровский) и Бендеры, в сражении при Каушанах разгромлены полевые войска турок. Русские войска прочно утвердились в междуречье Днестра и Серета².

Однако Потемкин и на этот раз не использовал сложившуюся на театре войны, стратегическую обстановку, благоприятную для поражения Турции еще в 1789 г. Война затягивалась.

В Финляндии русские войска весной 1789 г. перешли в наступление, отеснив шведов за р. Кюмень. Наступление сухопутных войск осуществлялось в тесном взаимодействии с галерным флотом. 13 августа 1789 г. в ожесточенном сражении при Роченсальме была разгромлена гребная флотилия шведов. В плен было захвачено 9 судов противника с экипажем, общей численностью в 37 офицеров и 1100 солдат и матросов. Кроме того, при отступлении шведы сами сожгли 30 своих судов, не будучи в состоянии их вывести. Русские потеряли 2 судна и 1011 чел. личного состава убитыми и ранеными³.

Несмотря на успехи кампании 1789 г., русское правительство хотело поскорее кончить войну. Русский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков, даже находясь в заключении в Семибашенном замке, по предложению Петербурга всеми силами старался воздействовать на турецких сановников и ускорить заключение мира. Между Потемкиным и великим визирем Гасан-пашой велись неофициальные переговоры. Однако под давлением Англии и Пруссии, старавшихся затянуть войну и суливших военную и финансовую помощь, Турция решила продолжать военные действия.

Весной 1790 г. война между Россией и Австрией, с одной стороны, и Англией и Пруссией — с другой, казалась неизбежной. В марте 1790 г. Пруссия заключила союзный договор с Польшей, направленный против России. Запуганная Англией и Пруссией, Австрия капитулировала.

¹ «А. В. Суворов», т. II, док. 536, стр. 480—481.

² «М. И. Кутузов». Документы, т. I, под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1950, док. 1, 129—133, стр. 5, 90—91.

³ «Материалы для истории русского флота», ч. XIII, стр. 594.



Сражение при Рымнике. Гравюра XVIII в.

На международной конференции в Рейхенбахе в июле 1790 г. она согласилась заключить немедленное перемирие с Турцией, приняла посредничество Англии и Пруссии и обязалась впредь не оказывать России никакой помощи.

Выход Австрии из войны с Турцией значительно осложнил положение России. Турция, рассчитывая на поддержку Англии и Пруссии, отказалась принять мирные условия России. Весной 1790 г. значительные силы турецкой армии и флота сосредоточились в портах Самсуне и Синопе для захвата сначала Севастополя, а затем и всего Крыма. Русское командование своевременно разгадало этот план турок.

В мае 1790 г. Черноморский флот, командиром которого вместо бездарного и трусливого М. И. Войновича стал выдающийся флотоводец Ф. Ф. Ушаков, нанес сильный удар по турецким базам на анатолийском побережье, рассеяв сосредоточенные там десантные войска противника. Было уничтожено и захвачено 12 турецких транспортных судов. Русская эскадра без потерь вернулась в Севастополь¹.

8 июля Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова одержал блестящую победу над турецким флотом в сражении при Керченском проливе. Еще более крупное поражение турецкий флот потерпел в сражении, разыгравшемся 28—29 августа между о-вом Тендрой и Гаджибеем. Ушаков атаковал турецкий флот, не останавливаясь для перестроения в боевой порядок, а делая это на ходу, во время сближения с противником. Это было совершенной новостью в тактике ведения морского боя того времени. Главный удар был направлен на флагманские корабли турок, вывод которых из строя решил исход сражения. Турецкий флот потерял 3 линейных корабля, в том числе флагманский корабль «Капитания», и несколько других мелких судов. Линейный корабль «Мелеки-Бахри» был взят в плен².

Разгром турецкого флота дал возможность перебросить гребную флотилию из Днепровско-Бугского лимана на Дунай. Совместно с сухопутными войсками гребная флотилия в 1790 г. принимала участие во взятии крепостей Тульчи, Исаки, Браилова и особенно отличилась в знаменитом суворовском штурме Измаила.

Измаил был мощной крепостью. Накануне войны его укрепления были еще более усилены по указаниям французских и немецких инженеров. Гарнизон насчитывал 35 тыс. чел., на бастионах крепости находилось 245 артиллерийских орудий. Борьба за Измаил развернулась с сентября 1790 г., но долгое время велась безрезультатно. Наконец во главе войск, расположенных под Измаилом, был поставлен Суворов.

А. В. Суворов прибыл под Измаил 2 декабря и сейчас же энергично приступил к подготовке штурма. Войска обучались приемам штурмовых действий в специальном учебном лагере, где был вырыт ров и насыпан вал по типу сооружений Измаила. Штурм начался на рассвете 11 декабря 1790 г. Суворов обратился к войскам с воззванием, в котором говорил:

¹ «Ф. Ф. Ушаков», т. I, док. 130—135, 138, 140—141, стр. 162—169, 171, 172—174.

² Там же, док. 289—308, стр. 294—316.



Штурм Измаила. Гравюра XVIII в.

«Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою». Русский полководец напомнил солдатам их воинский долг, прежние победы, призывал не уронить честь и славу русского оружия.

По сигналу ракеты войска, построенные в девять штурмовых колонн, устремились к Измаилу. На одном из ответственных участков фронта действовала колонна М. И. Кутузова, штурмовавшая Килийские ворота. Преодолев сильный картечный и ружейный огонь турок, их неоднократно, следовавшие одна за другой контратаки, русские войска к 8 часам утра ворвались в крепость. Но турки продолжали отчаянное сопротивление. Как доносил А. В. Суворов, гарнизон Измаила, отброшенный «от крепостного вала, упорно и твердо защищался в самом городе». «Каждый шаг надлежало приобрести новым поражением» противника. Русским войскам приходилось брать с бою квартал за кварталом, дом за домом. Наряду с пехотой и артиллерией в сражении активное участие приняли спешенные эскадроны кавалерии и казаки. Этот жестокий рукопашный бой внутри крепости продолжался еще шесть с половиной часов¹. Турецкий гарнизон в итоге ожесточенного сражения был почти полностью истреблен, и русские войска овладели Измаилом. «Крепость Измаильская, столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков», — доносил Суворов².

Штурм Измаила — наглядное свидетельство высоких моральных и боевых качеств русских воинов, которые под руководством А. В. Суворова совершили бессмертный, героический подвиг. Этот подвиг вошел в летопись русской военной славы как одна из самых блестящих ее страниц.

Падение Измаила решило судьбу кампании 1790 г. и оказало значительное влияние на ход всей русско-турецкой войны.

Успешно для России проходила и борьба с Швецией. В упорном сражении, развернувшемся 23—24 мая 1790 г. между Красной Горкой и мысом Стирсуден, Балтийский флот отразил наступление шведского флота и вынудил его к поспешному отступлению в Выборгский залив. 22 июня шведский флот понес здесь новое поражение, потеряв 7 линейных кораблей и 3 фрегата.

28 июня русская гребная флотилия под командованием Нассау-Зигена неудачно атаковала галерный флот шведов на Роченсальмском рейде и должна была отступить. Вина за поражение полностью ложится на Нассау-Зигена, иностранца-авантюриста, поставленного во главе Балтийского галерного флота правящей верхушкой России, покровительствовавшей иностранцам.

В марте 1790 г. начались мирные переговоры между Россией и Швецией. Англия и Пруссия пытались сорвать их, поддерживали Швецию

¹ «А. В. Суворов», т. II, док. 616—637, стр. 526—577.

² Там же, док. 637, стр. 550.

в ее непомерных требованиях об отказе России от части Финляндии, полученной по Абоскому договору 1743 г. Переговоры затянулись. Но военное поражение Швеции было налицо, и это заставило ее в конце концов отказаться от своих необоснованных претензий.

3 августа 1890 г. в небольшой финской деревне Вереле был заключен мир на условиях возвращения к довоенному положению. Верельский мир был дипломатической победой России и вызвал полное смятение среди англо-прусской дипломатии.

После Рейхенбахской конференции 1790 г. наиболее опасным открытым противником России была Англия.

У. Питт настойчиво и планомерно проводил программу установления английской гегемонии в Европе и видел в России основное препятствие этому. Английское правительство решило не допускать усиления России на Черном море и заставить ее отказаться от всех плодов блестящих побед русского оружия, в первую очередь от Очакова. С этой целью Англия настаивала на том, чтобы Россия приняла посредничество союзников и заключила с Турцией мир на основе довоенного положения. Одновременно У. Питт добивался полной международной изоляции России и образования антирусской коалиции во главе с Англией; в эту коалицию он стремился втянуть Пруссию, Турцию, Польшу, Данию, Швецию. Агрессивные устремления британской дипломатии прикрывались лицемерными фразами об охране «европейского равновесия», о «защите» интересов малых стран, о борьбе с «русской опасностью». Россия была готова дать твердый отпор диктаторским требованиям Англии и Пруссии. Многократные, беззастенчивые настояния их об отказе от Очакова и принятии посредничества были отвергнуты.

Исчерпав все дипломатические средства, Англия решила пустить в ход оружие. С конца 1790 г., при поддержке Пруссии, Англия развернула широкую дипломатическую кампанию, целью которой было образование направленной против России общеевропейской коалиции. В Константинополе, Вене, Варшаве, Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Мадриде англо-прусская дипломатия развила лихорадочную деятельность.

Особую роль в этот момент играла Польша. У. Питт сулил ей союзный и торговый договор с Англией в «компенсацию» за уступку Гданьска Пруссии. Польша, по замыслу Питта, должна была принять участие в войне против России.

От австрийского императора Леопольда II Англия добивалась разрыва союза с Россией, от Дании — разрешения на проход английского флота через Зунд и стоянку в датских портах, от Густава III — начала новой войны против России и предоставления в распоряжение Англии шведских портов. Сколько-нибудь существенных результатов союзники не добились. Частичный успех был достигнут ими лишь в Константинополе: обещаниями начать весной 1791 г. войну против России удалось склонить Селима III продолжать безнадежно проигранную войну. В других европейских столицах осторожная, выдержанная и вместе с тем твердая

тактика русской дипломатии дала большие результаты, чем грубый нажим Англии и Пруссии.

Английский кабинет заготовил ультиматум России о принятии ею в десятидневный срок требований союзников относительно Очакова и посредничества. Кабинет решил одновременно с этим послать английский флот на Балтику и в Черное море¹. Питт обратился к парламенту с просьбой об ассигнованиях на вооружение флота, предназначавшегося для действий против России, и начал энергичную подготовку военного флота к задуманной экспедиции. Россия в свою очередь готовилась к обороне. Было решено форсировать военно-морские вооружения; для действий против английского флота предполагалось вооружить 32 линейных корабля, в том числе 8 стопушечных, основные же сухопутные силы перебросить с турецкого театра военных действий на западный; командующим западной армией был назначен Г. А. Потемкин².

Война казалась неизбежной. В этот момент, однако, в действие вступили факторы, не учтенные Питтом в его стремлении к господству над Европой: в самой Англии вспыхнуло бурное движение протеста против внешней политики правительства. Огромную роль в выступлении английского общественного мнения сыграла господствовавшая в Европе уверенность в непобедимости русской армии. Большое значение имел и крах планов Питта относительно формирования коалиции. Уверенность в том, что удастся переложить тяжесть войны на плечи союзников, поколебалась, а воевать одна английская буржуазия не хотела. Наконец, война шла вразрез с интересами тех торгово-промышленных кругов Англии, которые вели широкую торговлю с Россией. Россия как поставщик сырья и в особенности абсолютно необходимых для английского флота материалов (мачтового леса, льна, пеньки) занимала исключительное место во внешней торговле Англии: в 1786—1792 гг. не менее $\frac{3}{4}$ всего английского ввоза льна поступало из России, по пеньке русский ввоз составлял 97—98%. Все больше росла и роль русского рынка для английских мануфактуристов.

При таких обстоятельствах война с Россией была крайне непопулярна. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов с большим успехом использовал эти враждебные Питту настроения и сумел воздействовать на общественное мнение Англии³. Лондон был наводнен брошюрами, резко критиковавшими правительственную политику. На многочисленных митингах принимались резолюции протеста против войны; в парламент подавались соответствующие петиции; избиратели некоторых графств

¹ П. Митрофанов. Леопольд II Австрийский. Пгр., 1916, т. I. ч. 1, стр. 399; E. Herrman Geschichte des russischen Staates, Bd. VI. Gotha, 1860, S. 391; F. Salomon. W. Pitt der Jüngere. Bd. I, Hf. 2. Leipzig, 1906.

² «Русский архив», 1874, кн. 2, стб. 246—258; Сб. РИО, т. 42, стр. 150—151.

³ «Архив кн. Воронцова», кн. 9, стр. 487—489, 491—496; кн. 8, стр. 19—23; В. П. Александренко. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии. «Русская старина», 1895, октябрь, т. 84, стр. 126—127.

обратились к своим депутатам с призывом голосовать против военных кредитов. В парламенте блестящие ораторы оппозиционной партии вигов — Фокс, Шеридан, Берк резко критиковали политику Питта и отстаивали необходимость дружественных отношений с Россией. Даже в самом кабинете Питта имелись противники войны.

Питт вынужден был отступить перед угрозой нараставшего внутри-политического кризиса и отказаться от войны. Провал планов Питта послужил сигналом к распаду Тройственного союза, быстро сошедшего с международной арены. Русская дипломатия одержала победу.

Все усилия русского правительства были обращены теперь на завершение войны с Турцией. Потерпев в 1790 г. решительное военное поражение, исчерпав, по существу, свои основные средства и возможности для ведения войны, Турция находилась в состоянии крайнего истощения. Но под давлением Англии и Пруссии она отказывалась признать свое поражение в войне с Россией.

Русской армии и флоту потребовалось панести в 1791 г. новые сокрушительные удары, чтобы заставить Турцию выйти из войны и подписать мир на требуемых условиях.

4 июня 1791 г. была разгромлена группировка турецких войск у Бабадага (23 тыс. чел.). 28 июня главные силы русской армии разбили войска противника, сосредоточенные в Мачине (30 тыс. чел.). Противник потерял убитыми более 4 тыс. чел., а также 350 орудий артиллерии, 15 знамен и большое количество военного имущества. Решающую роль в разгроме турецкой армии сыграли войска М. И. Кутузова, который проявил незаурядные качества талантливого военачальника.

Почти одновременно с этим русский Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова нанес сокрушительный удар турецкому флоту у мыса Калиакрии (близ Варны).

Турция, разбитая на суше и на море, покинутая на произвол судьбы своими покровителями, прекратила сопротивление. Главнокомандующий русской армией Н. В. Репнин подписал в Галаце 31 июля 1791 г. предварительные условия мира с Турцией. Вслед за тем развернулись переговоры о заключении мирного договора, начатые Г. А. Потемкиным в августе 1791 г. После его внезапной смерти представителем России на собравшемся в Яссах 30 октября конгрессе был назначен А. А. Безбородко. Он быстро разгадал тактику турецких дипломатов, стремившихся, по своему обыкновению, выиграть время. Затягивая переговоры, турецкие дипломаты рассчитывали вынести вопрос о заключении мира с Россией за рамки русско-турецких отношений, вовлечь в решение этого вопроса державы Западной Европы, враждебно настроенные к России, чтобы с их помощью свести на нет блестящие успехи русского оружия.

Турецкие представители попытались изменить в свою пользу условия Галацкого перемирия, потребовав, чтобы Россия обязалась не возводить крепостей на отходившей к ней территории между Бугом и Днестром и в свою очередь уступила Турции небольшую полосу на левом берегу

Днепра. Безбородко наотрез отказался обсуждать притязания турецких уполномоченных и пригрозил возобновить военные действия. Действуя твердо, решительно и вместе с тем очень умно и осторожно, Безбородко быстро сломил сопротивление турецких дипломатов¹. 29 декабря 1791 г. был подписан мирный договор, по которому был возобновлен Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г. и все последовавшие затем дипломатические акты. Граница между Россией и Турцией была установлена по р. Днестру. Россия получила Очаков, но должна была вернуть Порте Бессарабию, Молдавию и Валахию.

Вопрос о Грузии, послужившей непосредственным поводом к войне, в Ясском договоре был обойден; Порта обязалась, однако, воспрепятствовать нападению отрядов ахалцхского паши на владения царя Карталинии и признала себя ответственной за ущерб, причиненный набегами горцев на русские поселения на Северном Кавказе².

Русско-турецкая война 1787—1791 гг. была развязана султанской Турцией, стремившейся к захвату Крыма и всего Северного Причерноморья, к удалению России из черноморского бассейна и к порабощению грузинского народа. Объективно Россия в этой войне отстаивала исторические права на выход к Черному морю и защищала народы Грузии, Молдавии и Валахии от турецких угнетателей.

Большую роль в развязывании войны сыграли происки Англии и Пруссии, подстрекавших Турцию и суливших ей свою военную и финансовую поддержку. Декларации британской дипломатии о «защите» ею интересов «малых стран» и «европейского равновесия» на деле прикрывали агрессивные вождедения британской буржуазии. Именно в эти годы Англией впервые была выдвинута с такой отчетливостью и отстаивалась с такой энергией догма о сохранении status quo на Ближнем Востоке — «пустая и никогда на деле не проводившаяся теория о сохранении status quo». По определению классиков марксизма, для поработанных Турцией народов сохранение status quo «обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией»³.

Русская дипломатия рядом удачных маневров отразила происки англо-прусской лиги и расстроила планы о формировании коалиции против России. На униженные требования вернуть Очаков Россия ответила твердым отказом.

Конечная блестящая победа России в конфликте с Тройственным союзом была обусловлена более высоким военным потенциалом России, превосходством моральных и боевых качеств русской национальной армии, блестящим мастерством русской дипломатии. Внутренние противоречия в Тройственном союзе, ненависть якобы «спасаемых» союзниками «малых

¹ А. В. Лопухин. Очерк Ясского конгресса. «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел», вып. 5. М., 1843, стр. 111—153; Сб. РИО, т. 29, стр. 548—630.

² Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, стр. 41—49.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 393.

стран» к Англии и Пруссии, непопулярность войны с Россией в некоторых кругах английской буржуазии во многом способствовали поражению англо-прусской лиги.

При всем том происки Англии и Пруссии до известной степени сделали свое дело: из исключительно удачной в военном отношении войны Россия вышла с очень незначительными, по сравнению с понесенными ею жертвами, территориальными приращениями. Не удалось России добиться и независимости Молдавии и Валахии: Англия и Пруссия воспрепятствовали этому.

Заключенный вопреки упорному сопротивлению Англии и Пруссии Ясский договор способствовал укреплению России на Черном море и в Северном Причерноморье. В истории борьбы поработенных Турцией народов Ясский мир был новым важным этапом. Россия объективно содействовала освобождению в будущем этих народов от кровавого турецкого ига.

4

РУССКОЕ ВОЕННОЕ И ВОЕННО-МОРСКОЕ ИСКУССТВО

Марксистско-ленинское учение о войне и армии исходит из того, что военное искусство, а также организация армий находятся в зависимости от социально-экономических условий, от способа производства. Ф. Энгельс указывал, что «...вся организация и боевой метод армий, а вместе с ними победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических условий: от человеческого материала и от оружия...»¹. Русское военное искусство второй половины XVIII в. было ведущим, во многом опережало военное искусство Запада.

Основные предпосылки его прогрессивного развития в данный период заключались в следующем.

Наибольшее значение для военного дела имела довольно развитая по тому времени металлургическая промышленность, особенно на Урале². Все возраставшие потребности армии и флота в вооружении, боеприпасах, снаряжении полностью удовлетворялись из внутренних ресурсов страны. С этим было связано оснащение русской армии лучшим вооружением³ и соответственно обладание более совершенными способами и формами ведения войны. Русская армия, будучи национальной по своему составу, обладала несравненно более высокими моральными и боевыми качествами, чем наемные армии Западной Европы, которые набирались

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 160.

² См. первую главу настоящих «Очерков»: «Производительные силы и социальный-экономический строй».

³ См. главу третью «Государственный строй и внутренняя политика», § 3 «Армия и флот».

в основном из деклассированных элементов и иностранцев, людей самого разнообразного происхождения.

Русский народ на протяжении всей своей истории вел тяжелую и самоотверженную борьбу против иноземных захватчиков, героически защищая Родину от всех и всяких попыток ее порабощения. «Патриотизм,— указывал В. И. Ленин,— одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями....»¹.

В процессе этой многовековой борьбы за свою национальную и государственную независимость русский народ выковал в себе замечательные боевые традиции. Эти традиции, высокие моральные и боевые качества русского народа проявлялись и в действиях русских вооруженных сил в условиях войн России второй половины XVIII в. В 101 период времени Россия вела Семилетнюю войну с Пруссией в 1756—1762 гг., две войны с Турцией в 1768—1774 гг. и в 1787—1791 гг. и войну со Швецией в 1788—1790 гг. В ходе этих длительных и успешных войн русские вооруженные силы приобрели огромный боевой опыт, неуклонно совершенствовали свою организацию и тактику, непрерывно повышали свое боевое мастерство.

Таковы основные факторы, которые двигали вперед русское военное искусство, способствовали появлению выдающихся полководцев и флотоводцев, передовых военных деятелей данного периода времени.

Но русскую армию, как и всякую другую армию классового общества, нельзя рассматривать вне классовых взаимоотношений, свойственных определенной исторической эпохе. Во второй половине XVIII в. русская армия, как и прежде, была вооруженной опорой феодально-абсолютистского государства.

Наряду с передовыми военными деятелями, генералами и офицерами из дворян, в кадрах вооруженных сил России было много сторонников реакционного направления в военном искусстве. Они не дорожили честью и славою русского оружия, раболепствовали перед иностранными «военными авторитетами», и прежде всего перед Фридрихом II, видели в этом неоднократно битом русскими войсками полководце пример для подражания.

Слепо копируя прусскую военную систему, эти реакционеры насаждали в русской армии шаблонность и догматизм, тупую и жестокую муштру, пытались перестроить всю русскую армию по прусскому образцу. Жестокая муштра с палочной дисциплиной применялась реакционными генералами и офицерами потому, что она была для них лучшим способом держать солдат в повиновении, средством превращения их в послушных исполнителей воли дворянско-помещичьего класса. Классовый антагонизм между офицерами-дворянами и солдатами еще больше углубился во второй половине XVIII в. в связи с общим усилением феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства и обострением классовой борьбы, ярким

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 167.

проявлением которой была Крестьянская война 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева. Все это ограничивало деятельность передовых полководцев, генералов и офицеров русской армии и флота, тормозило развитие национального русского военного искусства в целом.

Развитие военного искусства в России происходило в острой борьбе нового со старым, передового направления с реакционным.

Лучшими представителями национальной военной школы второй половины XVIII в. были полководцы П. А. Румянцев и особенно А. В. Суворов, а также начинавший свою боевую деятельность М. И. Кутузов и ряд других талантливых военачальников, их последователей и учеников. Во флоте такими передовыми военными деятелями были адмиралы Г. А. Спиридов и Ф. Ф. Ушаков. Заслуга этих выдающихся военных деятелей, лучших представителей вооруженных сил России состоит в том, что они увидели новые тенденции в военном и военно-морском искусстве и развили их, сумели отказаться от устаревших форм и способов ведения войны и военных действий на суше и на море, способствуя тем самым прогрессивному развитию национального русского военного и военно-морского искусства.

Большое влияние на развитие военного дела в России во второй половине XVIII в. оказала Семилетняя война. В ходе этой войны русская армия и флот значительно укрепили и усовершенствовали свою организацию, вооружение и тактику, приобрели большой боевой опыт. Русская конница, находившаяся накануне войны в расстроенном состоянии, быстро повысила свои боевые качества; она успешно боролась с кавалерией пруссаков, широко применяя холодное оружие. Артиллерия, получившая новую и более единообразную материальную часть, отличалась высокими тактико-техническими качествами. Ее организация, маневренность и подвижность значительно возросли. Война наглядно показала, что русская армия обладала в то время лучшей в Европе артиллерией. В Семилетней войне русский солдат продемонстрировал свои высокие морально-боевые качества: способность переносить любые невзгоды и лишения походной жизни, дисциплинированность, храбрость, стойкость в обороне и наступлении¹.

В ходе войны выдвинулись талантливые русские военачальники — П. С. Салтыков, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев и др., приобрел свой первый боевой опыт А. В. Суворов. Это были представители национальной военной школы. Они разрабатывали и с успехом применяли новые формы и способы ведения войны, двигали русское военное искусство вперед по пути его прогрессивного развития.

Русская стратегия отличалась стремлением выбирать направление главного удара, а также координировать действия сухопутных войск и

¹ Состояние русской армии, ее организация и вооружение, уровень развития военного искусства накануне и в ходе Семилетней войны исследованы в кн. Н. М. Коробкова «Семилетняя война» (М., 1940).

флота. Наиболее ярким примером тому служит осада и взятие Кольберга (1761), важной приморской крепости Пруссии¹.

Большое развитие в Семилетнюю войну получила русская тактика. В отличие от союзных армий, участвовавших в Семилетней войне, которые могли сражаться только на ровной и открытой местности, русская армия оказалась способной действовать на любой местности — пересеченной, лесистой, болотистой. В действиях войск Румянцева под Кольбергом в 1761 г. впервые были применены батальонные колонны для маневрирования на поле боя и отражения атак противника, созданы легкие батальоны стрелков, впоследствии получившие название егерских².

На основе опыта Семилетней войны прогрессивные русские военные деятели пришли к выводу о полной несостоятельности прусской военной системы с ее косностью и жестокой муштрой, механическим исполнением команды и линейной тактикой, застывшей на шаблоне косоугольного боевого порядка. Семилетняя война выявила ряд достижений русского военного искусства в сравнении с военным искусством Пруссии и других стран Западной Европы. Боевой опыт Семилетней войны был использован в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Большую роль в развитии передового русского военного искусства в этот период сыграл П. А. Румянцев. Он проявил здесь выдающийся полководческий талант, дал образцы решительной наступательной стратегии, направленной на разгром живой силы противника³.

Блестящим примером такой стратегии является наступление войск Первой русской армии под командованием П. А. Румянцева от Хотина к Дунаю в 1770 г. В ходе этого наступления русская армия за один месяц (17 июня у Рябой Могилы, 7 июля на р. Ларге и 21 июля у р. Кагула) разгромила численно превосходившие ее войска турок и татар, заняла Молдавию и Валахию и вышла к низовьям Дуная⁴.

Наступление главных сил Первой армии от Хотина к Рябой Могиле сопровождалось одновременным марш-маневром в том же направлении двух других войсковых групп, которые в определенное время и в намеченном пункте соединились перед сражением. Это был принципиально новый порядок совершения марш-маневра, который не применялся в практике военного дела Западной Европы XVIII в.

¹ «Семилетняя война. Материалы...», док. 328, 329, 331, 333, 339, 341, 343, 345—349, 354, 358, 362, стр. 746—752, 753, 755, 756, 763, 765, 766, 769—771, 773—776, 781—783, 797, 798, 801—804; «П. А. Румянцев», т. I, док. 264—272, 275—277, 280, 282—284, 287, 293, 295, 302, 304, стр. 415—429, 432—437, 440, 441, 443—445, 448, 449, 456, 457, 470—472.

² «П. А. Румянцев», т. I, док. 278, стр. 437—439.

³ Полководческое искусство, организация и обучение войск П. А. Румянцева, а также его военно-теоретические взгляды рассматриваются в книге Ю. Р. Клокмана «Фельдмаршал П. А. Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.» (М., 1951).

⁴ «Фельдмаршал Румянцев». М., 1947, док. 66—73, 75—76, стр. 158—189, 192, 193; «П. А. Румянцев». Сборник документов, под ред. П. К. Фортунатова, т. II, М., 1953, док. 126—193, стр. 267—401.

Наступление с целью разгрома живой силы армии противника составляло характерную особенность стратегии П. А. Румянцева. «Коль ни давно уже упражняюсь всегда в одном ремесле,— утверждал русский полководец,— но ни испытание и ничто другое не могло мне никогда присоветовать за лучшее, предпринимать такие дела, в которых получаемые успехи не делали бы преломления силам сопротивных и не подавали бы по себе следствий решительных»¹.

На Западе во второй половине XVIII в. получила большое распространение так называемая кордонная стратегия. В соответствии с нею войска равномерно распределялись по всему театру войны для прикрытия всех оборонительных линий, крепостей и других важных стратегических пунктов. При выборе объекта действий отдавалось предпочтение местности и местным предметам, а методическое маневрирование на коммуникации противника вне поля сражения признавалось главным способом ведения войны. Русское военное искусство опередило в своем развитии военное дело Западной Европы. П. А. Румянцев, с именем которого связан новый подъем национального военного искусства, полностью отбросил кордонную стратегию, выдвинул и успешно осуществил на практике принцип решительного наступательного сражения как главного средства достижения победы над противником.

Считая наступление основным видом боевых действий, П. А. Румянцев вместе с тем не отрицал обороны, а при известных обстоятельствах допускал и отступление. Так, в июне 1773 г. его войска блестяще форсировали Дунай и в последовавших затем боях на правом берегу реки одержали ряд тактических успехов над турецкими войсками. Но вынужденные действовать по навязанному Петербургом авантюристическому плану, крайне ограниченные в своих средствах и возможностях, они не смогли добиться решающей стратегической победы и должны были отступить на левый берег Дуная. Это было тогда единственно правильным решением.

П. А. Румянцев понимал связь и взаимозависимость между политикой и стратегией. Исходя из положения, что «армия уподобляется мечу в руках политики», он признавал приоритет политики по отношению к стратегии. Перед началом кампании 1771 г. русский полководец обратился к правительству с просьбой информировать его о международной обстановке, считая, что отношения между Россией и европейскими странами, в особенности же с ее ближайшим соседом на юге, Австрией, могут оказать большое влияние на общий ход войны с Турцией. «Легко ошибиться мне,— писал Румянцев,— не имея сведения о той части дел политических, которые дают правила военным»². Хотя он не мог понять социальной сущности войны, но его взгляды на политику и стратегию, его признание ведущей роли первой по отношению к последней были передовыми для

¹ Чтения ОИДР, 1865, кн. 2. Архив военно-походной канцелярии П. А. Румянцева-Задунайского, ч. II, стр. 243.

² Там же, стр. 126.

своего времени. Они представляют значительный интерес для изучения развития военной мысли в России XVIII в.

Наступательной стратегии П. А. Румянцева соответствовала и наступательная тактика, отличавшаяся большим разнообразием, в зависимости от условий местности и характера действия противника.

Турецкая армия не держалась общераспространенной среди европейских армий XVIII в. линейной тактики. Она применяла боевой порядок или в виде клина, острым углом обращенного к противнику, или в виде охватывающего полумесяца. Первым же стремительным ударом турки пытались расстроить ряды своего противника, заставить его сражаться в общей неорганизованной массе, где исход сражения решался простым численным перевесом сил¹. Турки всегда располагали подавляющим численным превосходством, особенно в кавалерии, компенсируя этим недостаток боевой выучки и дисциплинированности своих войск.

Для борьбы с таким противником практика военного дела Западной Европы не пошла дальше боевого построения всей армии в одно каре. Каре представляло собою огромный четырехугольник, по внешним сторонам которого располагалась пехота, а внутри кавалерия и обозы. Снаружи каре ограждалось цепью из рогаток, т. е. продольных и поперечных брусьев, скрепленных между собою петлями и крючьями. Приняв боевой порядок в составе одного каре, армия обрекала себя на пассивную оборону. Всякая возможность активных наступательных действий исключалась: для этого каре было слишком громоздким и малоподвижным. Такой боевой порядок в 30-х годах XVIII в. был занесен с Запада и в русскую армию. Например, в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Миних обычно строил войска в три громоздких каре.

П. А. Румянцева перешел к построению войск в несколько каре различной величины (в основном полковых), между которыми располагалась конница, а впереди и на флангах — артиллерия и батальоны егерской пехоты. Рогатки были совершенно упразднены. Такой боевой порядок обеспечивал свободу маневра на поле боя, давал возможность производить концентрацию войск в определенном пункте для сосредоточенного удара, а самое главное — решительно атаковать противника, вести активные наступательные действия. Преимущества нового боевого порядка ярко проявились уже в кампании 1770 г., в сражениях при Рябой Могиле, у Ларги и Кагула, где русская армия наголову разбила многочисленные турецкие и татарские войска, действуя в составе четырех-пяти дивизионных каре².

П. А. Румянцева придавал большое значение высокому моральному духу войск для достижения победы. Обращаясь к войскам после Кагульского сражения, он говорил: «Я прошел все пространство степей до берегов Дуная, сбивая пред собою в превосходном числе стоявшего неприятеля».

¹ *Ибрагим-эфенди*. Изображение тактики, или искусный образ войск установления. СПб., 1777, стр. 88—89.

² «Фельдмаршал Румянцева», док. 66—72, стр. 158—189.

теля, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю вашу во всяком месте за непреоборимую стену»¹.

М. И. Калинин в статье «О моральном облике нашего народа» писал, что в русской армии «постоянно имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений»². Это высказывание М. И. Калинина можно отнести и к П. А. Румянцеву. Несомненно, что он оставался верен своему классу, и его понимание роли морального фактора ограничивалось мировоззрением класса, к которому он принадлежал. Но в тех условиях его система обучения и воспитания войск имела прогрессивный характер, отвечала требованиям его решительной, наступательной стратегии и тактики.

Основные положения своей системы воинского обучения и воспитания П. А. Румянцев изложил в «Обряде службы», особой инструкции, составленной им в марте 1770 г. Она получила всеобщее признание и распространение в русской армии. В 1776 г. «Обряд службы» с небольшими изменениями, внесенными Г. А. Потемкиным, был принят в качестве официальной инструкции для войск.

В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. выдвинулась целая плеяда талантливых генералов и офицеров русской армии, ставших мастерами вождения войск. Среди них особенно выделяется А. В. Суворов, блестящий теоретик и практик.

В июне 1773 г. Суворов при атаке земляных укреплений Туртука применил боевое построение взводными колоннами, впереди и на флангах которых действовали стрелки в рассыпном строю. Эта новая тактика колонн и рассыпного строя в последующее время получила широкое применение. В сентябре 1773 г. Суворов дал пример активной обороны, наголову разбив численно превосходящие турецкие войска под Гирсовом³. Наконец, в июне 1774 г. Суворов силами своей дивизии (14 тыс. чел. при 14 орудиях) одержал крупную победу над 40-тысячным турецким корпусом при Козлудже⁴. Эта победа имела важное значение для разгрома Турции, ускорила заключение мира с ней.

После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и до конца XVIII в. передовое направление военного искусства в России возглавлял А. В. Суворов. Он пошел значительно дальше П. А. Румянцева во всех областях военного дела: в стратегии и тактике, в разработке вопросов военной теории, организации обучения и воспитания войск. Суворов был не только великим полководцем, но и крупным военным теоретиком, замечательным

¹ «Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского. С присовокуплением краткого описания некоторых деяний сего великого мужа и переписки его с разными особами». СПб., 1811, стр. 40.

² М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М.—Л., 1948, стр. 97.

³ «А. В. Суворов». Документы, т. I. М., 1949, док. 580—582, стр. 679—683.

⁴ Там же, док. 593, 594, стр. 698—702. (Далее: «А. В. Суворов»).

мастером боевой подготовки войск. По силе своего полководческого дарования, по глубине и разносторонности своих военных знаний он не имел себе равного не только в России, но и среди полководцев и военных деятелей Западной Европы того времени. Выдающаяся полководческая и военно-организаторская деятельность А. В. Суворова ярко проявилась уже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Стратегия А. В. Суворова носила решительный характер. Главной задачей на войне он считал уничтожение живой силы противника, а главным средством разрешения этой задачи — бой. Исход войны решается в сражении. Суворов постоянно искал встречи с противником с целью полного его поражения и уничтожения. «Оттеснен противник — неудача; уничтожен — победа», — говорил полководец. Решительность стратегии А. В. Суворова сочеталась с ее высокой наступательной активностью. Начало подобной стратегии мы видим у П. А. Румянцева. Но только в практике полководческой деятельности Суворова, в его теоретических высказываниях эта решительная, наступательная стратегия, ставившая своей задачей полное поражение живой силы противника, получила всестороннее развитие. Классическим примером активной стратегии Суворова служат его блестящие победы в сражениях при Фокшанах и Рымнике, знаменитый штурм Измаила. Следствием всех этих побед был разгром главных сил турецкой армии, радикальное изменение стратегической обстановки на театре войны в пользу русских войск.

Основным видом боевых действий для А. В. Суворова являлось наступление. Но он не игнорировал также и обороны, которая всегда была у Суворова активной и преследовала цель подготовки сил и средств для перехода в наступление. Образцом активной стратегической обороны А. В. Суворова явилась оборона черноморского побережья от Херсона до Крымского полуострова в 1787—1788 гг. Нанеся туркам сокрушительный удар под Кинбурном, развернув активные действия на Днепро-Бугском лимане, Суворов полностью овладел стратегической инициативой и обеспечил таким образом переход главных сил русской армии на данном театре войны от обороны к наступлению¹.

Как и П. А. Румянцев, А. В. Суворов понимал связь политики и стратегии и, так же как и первый, не понимал классового содержания политики. Но тем не менее его взгляды были прогрессивными для XVIII в. Они свидетельствуют о передовой роли русских полководцев в развитии вопросов военной теории, о превосходстве русской военной мысли над западноевропейской.

Выдающийся стратег, А. В. Суворов был также талантливым тактиком, создавшим новые способы и формы ведения боя. В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. А. В. Суворов развил дальше тактику колонн и рассыпного строя. Применяя расчлененные боевые порядки (колонны, рассыпной строй, каре), Суворов дал возможность гибко маневрировать войсками на поле боя, осуществлять взаимодействие родов войск, частей

¹ «А. В. Суворов», т. II, М., 1951, док. 273—508, стр. 307—454.

и подразделений, сосредоточивать свои силы на решающем направлении атаки. В условиях господствовавшей тогда линейной тактики, сводившей бой к простому фронтальному столкновению двух сторон, совершенно исключалось применение маневра на поле боя, взаимодействие отдельных частей боевого порядка. Отсюда видно, насколько новой и оригинальной была тактика А. В. Суворова. Применение той или иной формы боевого порядка зависело от особенностей противника и характера театра военных действий. При атаке крепостей и укреплений А. В. Суворов строил войска в колонны, впереди которых располагались стрелки в рассыпном строю (штурм Измаила). В этом боевом порядке было найдено удачное сочетание огня и маневра в сражении.

В полевом сражении с турецкой армией войска А. В. Суворова действовали обычно в составе небольших (батальонных и ротных) каре. Например, в сражении при Рымнике пехота была построена в две линии батальонных и двухбатальонных каре на расстоянии картечного выстрела один от другого. Между ними расположился резерв. Артиллерия разместилась в боевых порядках пехоты, за пехотой — кавалерия, составив третью линию боевого порядка. Фронт и фланги всего боевого построения прикрывались егерями, действовавшими в рассыпном строю.

Таким образом, А. В. Суворов, восприняв опыт П. А. Румянцева, производил еще большее расчленение боевого порядка по фронту и, что самое главное, развивал его в глубину. «Густые кареи были обременительны, — говорил А. В. Суворов, имея в виду боевой порядок Румянцева, — гибче всех полковой карей, но и батальонные способные; они для крестных огней бьют противника во все стороны насквозь, вперед мужественно, жестоко и быстро»¹.

Повысив общую подвижность и маневренность боевых порядков, превратив штык в активное оружие пехоты, А. В. Суворов добился общей высокой наступательной активности своих войск. Артиллерийским и ружейным огнем подготовлялся решающий штыковой удар. При относительно слабом уровне военной техники XVIII в., когда прицельный огонь из гладкоствольного ружья можно было вести не далее 80—100 шагов, это расстояние преодолевалось стремительным натиском за 20—30 секунд. В течение этого времени противник успевал выстрелить только один раз. Поэтому стремительная атака, переходившая в решительный штыковой удар, становилась у А. В. Суворова главным средством достижения быстрой и полной победы в сражении. Окончательный разгром противника совершался энергичным преследованием. Оно велось с большим упорством и настойчивостью не только на поле боя, но и далеко за его пределами. А. В. Суворов требовал от войск «ничего не щадить, не взирая на труды, преследовать неприятеля денно и ночно до тех пор, пока истреблен не будет»².

¹ «А. В. Суворов», т. II, док. 42, стр. 63.

² «Генералиссимус Суворов». Сборник документов и материалов. М., 1947, стр. 246.

В связи с этим большую роль в стратегии и тактике А. В. Суворова играл фактор времени. «Деньги дороги; жизнь человеческая — еще дороже; а время — дороже всего», — утверждал он¹. Не многие великие полководцы умели так цепить и так эффективно использовать на войне фактор времени, как великий полководец России А. В. Суворов. Войска А. В. Суворова могли сражаться во всякое время года, дня и ночи, при любой погоде и на самой различной местности (в лесах, на горах, на равнинах и морских побережьях, у рек и озер), везде и всегда показывая высокое боевое мастерство.

А. В. Суворов развивал основы тактики артиллерии, широко применял маневрирование огнем артиллерии и передвижение ее на поле боя, сосредоточение артиллерийского огня на решающем направлении. В войсках Суворова артиллерия хорошо взаимодействовала с пехотой и конницей. Так, в сражениях при Фокшанах и Рымнике русская артиллерия действовала весьма активно. Своим массированным огнем она не только готовила атаку, но и продолжала затем подавлять противника, следуя непосредственно в боевых порядках пехоты и конницы, облегчая их продвижение на поле боя².

Весьма характерно широкое применение А. В. Суворовым в боевых порядках тактических резервов как важнейшего средства достижения успеха в сражении. Тактические резервы применял и П. А. Румянцев. Но А. В. Суворов пошел дальше: в резервах он видел одно из главных средств достижения успеха в сражении, они составляли неотъемлемую часть боевых порядков. В наемных армиях Западной Европы, которые действовали по шаблонной линейной тактике, тактические резервы в боевых порядках не применялись. Они появились там не раньше конца XVIII в., когда возникли буржуазные армии и наметился переход от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя.

Новые способы и формы ведения войны и боя А. В. Суворова, его наступательная стратегия и тактика определяли и систему боевой подготовки войск. Они требовали совсем иного солдата, иного людского контингента, чем могла дать феодально-крепостническая Россия. А. В. Суворову нужен был развитой и инициативный солдат, сознательно относящийся к выполнению своих служебных обязанностей. А русская армия того времени, как известно, строилась по сугубо классовому принципу: офицерский состав ее комплектовался исключительно из дворян, а рядовой — преимущественно из крепостных крестьян и трудящегося населения городов³. В своем подавляющем большинстве офицеры относились к солдатам, как помещики к крепостным. Поэтому великий полководец России А. В. Суворов должен был приложить максимум усилий, чтобы в условиях крепостнического строя поднять моральный дух своих солдат.

¹ «А. В. Суворов», т. IV, М., 1953, док. 148, стр. 116.

² «А. В. Суворов», т. II, М., 1952, док. 526, 536, стр. 465—471, 476—482.

³ См. третью главу настоящих «Очерков»: «Государственный строй и внутренняя политика», § 3.

чтобы прсбудить в них сознание своего высокого воинского долга, постоянную готовность к самопожертвованию.

А. В. Суворов был выдающимся военным организатором, замечательным мастером обучения и воспитания войск. Основой воинского обучения и воспитания А. В. Суворова являлся патриотизм великого полководца, уважение к личности солдата. Вместе с тем А. В. Суворов умел поддерживать в войсках твердую дисциплину.

Суворовская школа обучения и воспитания войск складывалась постепенно, непрерывно обогащалась новыми положениями и выводами, проверялась и совершенствовалась в огне многолетней боевой практики русской армии. Ее первые ростки восходят к «Полковому учреждению» (1764), инструкции, составленной А. В. Суворовым для обучения Суздальского полка¹. Завершением военно-педагогической системы А. В. Суворова явилась знаменитая «Наука побеждать», написанная великим полководцем в так называемый «тульчинский» период его деятельности, точнее в 1795—1796 гг.².

«Наука побеждать» — лучший памятник передовой русской военно-теоретической мысли конца XVIII в. А. В. Суворов разработал здесь новую для того времени тактику колонн и рассыпного строя, изложил ее основные руководящие положения и принципы, обобщил свои взгляды по боевой подготовке войск в стройную систему воинского обучения и воспитания. «Наука побеждать» является теоретическим обобщением многолетнего военного опыта А. В. Суворова, боевого опыта русской армии того времени. Суворов готовил свои войска не для парадов, а для

НАУКА ПОБѢЖДАТЬ.

Т в о р е н і е

Препрославившагося въ Свѣ-
тиѣ всегдашними побѣдами
Генералиссимуса Россій-
скихъ армій, Князя Италій-
скаго, Графа Суворова-
Рымникскаго,

С ъ п и с ь м а м и,

открывающими наиболѣе въ немъ
величайшія свойства его души и
таковыя же знанія военнаго иску-
ства.

ВЪ С П Е Т Е Р Б У Р ГѢ.
При Морской Типографіи 1806 года

Титульный лист книги «Наука побеждать»
А. В. Суворова. Первое издание, СПб., 1806 г.

¹ «А. В. Суворов», т. I, разд. II, док. 24, стр. 75—165.

² «А. В. Суворов», т. III, разд. IV, док. 514, стр. 501—508.

боя, учил солдат только тому, что им необходимо на войне, требовал от войск решительных наступательных действий, умения сражаться в различных боевых порядках, применять все формы борьбы, исходя из конкретных условий местности и расположения противника.

Сущность активной наступательной тактики А. В. Суворова изложена в трех основных положениях «Науки побеждать»: «глазомер», «быстрота», «натиск».

«Первое — глазомер: ...как маршировать, где атаковать, гнать и бить». Глазомер — умение ориентироваться в боевой обстановке, знание условий, обеспечивающих разгром противника.

«Второе — быстрота». В это понятие входит сохранение тактической внезапности, способность военачальника воспользоваться условиями, ведущими к победе, не потерять времени. «Неприятель нас не чаёт, — говорил Суворов, — считает нас за 100 верст, а коли издалека, на двух, трехстах и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова; атакуй с чем пришли, с чем бог послал».

«Третье — натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем»¹. Здесь Суворов выразил свое стремление к решительному разгрому противника на поле боя, к полному уничтожению его в настойчивом преследовании.

Усвоение этих принципов наступательной тактики, изложенных в «Науке побеждать», были главной задачей воинского обучения и воспитания солдата. Учения происходили в условиях, максимально приближенных к боевым. В этом отношении особенно показательны двусторонние учения, сквозные атаки, которые часто практиковал Суворов. С этой целью войска на маневрах разделялись на две стороны. Разойдясь на значительное расстояние, они начинали сближение, постепенно ускоряя темп своего движения и непрерывно ведя артиллерийский и ружейный огонь холостыми зарядами. С дистанции в 100 шагов войска бросались в атаку, держа ружья наперевес с примкнутыми штыками. В момент встречи солдаты поднимали ружья над головой, делали полоборота вправо, отчего получались небольшие интервалы, и так одна сторона, не останавливаясь, проходила сквозь строй другой.

Обучение войск неразрывно связывалось с их воспитанием. Главной силой на войне в борьбе за победу А. В. Суворов признавал солдата. «Солдат дорог, береги здоровье...», — всегда подчеркивал великий полководец². И он не уставал воспитывать в русском солдате мужество, отвагу, инициативность, сметливость, все качества храброго и стойкого воина, сознательно выполняющего порученное ему дело. «Каждый солдат должен понимать свой маневр», — указывал Суворов, выражая этим свое непреклонное требование, чтобы рядовой солдат твердо знал свои обязанности

¹ «А. В. Суворов», т. III, док. 514, стр. 506—507.

² Там же, стр. 507.

в бою, действовал смело и инициативно. «Богатыри! Неприятель от вас дрожит», — говорил Суворов, обращаясь к солдатам, пробуждая в них чувство воинской доблести, сознания своего достоинства. Эффективным средством воспитания в солдатах высокого воинского долга служило разъяснение боевых традиций русской армии, каждого полка, его славного боевого прошлого.

А. В. Суворов внимательно относился к солдатам, проявлял большую заботу о нуждах их повседневного быта и содержания. Такого же отношения к рядовым он требовал и от других офицеров. Командир роты, указывал Суворов, «к своим подчиненным имеет истинную любовь, нечется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем»¹. Особое значение он придавал личному примеру командиров. Сам Суворов служил лучшим образцом для подражания всякому солдату и командиру.

Пламенный патриот, А. В. Суворов горячо любил свою родину, отдавал служению ей все свои силы и способности. «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, — утверждал Суворов, — но я заключал доброе мое имя в славе моего Отечества и все успехи относил к его благоденствию»².

Отмечая решающее значение морального духа войск для одержания победы на войне, М. И. Калинин говорил: «...В военной истории нет полководцев, создавших себе мировую славу, которые не были бы любимцами своего войска. Это значит, что всемирно известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе. Такими были, например, Суворов, Кутузов и целый ряд других более или менее крупных полководцев»³.

Суворов действительно нашел дорогу к сердцу русского солдата. Непоколебимая моральная сила русского солдата — вот основа полководческого искусства Суворова, его высокого воинского мастерства. Именно с этим были связаны все победы великого русского полководца.

Передовое военное искусство А. В. Суворова имело прогрессивное значение.

Большое развитие во второй половине XVIII в. получило также русское военно-морское искусство, которое по своему уровню в тот период превосходило военно-морское искусство западноевропейских государств.

Развитие военно-морского искусства Западной Европы в XVIII в. не пошло дальше общепринятых шаблонов линейной тактики, находилось в состоянии упадка. Применение какого бы то ни было маневра исключалось. В бою флоты должны были строго придерживаться «линии баталии»,

¹ «А. В. Суворов», т. I, стр. 99.

² «Генералиссимус Суворов», док. 29, стр. 130.

³ М. И. Калинин. Статьи и речи. О коммунистическом воспитании. М., 1951, стр. 95.

в которой каждый корабль вел огонь только по одному, заранее определенному кораблю. Если противник обладал количественным превосходством в кораблях, то вступать с ним в сражение категорически запрещалось. Сковывая инициативу флотоводцев, это заставляло их придерживаться пассивно-оборонительной тактики, избегать решительных морских сражений¹.

Одним из представителей передового русского военно-морского искусства второй половины XVIII в. был адмирал Г. А. Спиридов. Выдающиеся способности Спиридова как талантливого командира проявились еще в Семилетней войне. Капитан Спиридов командовал десантом русских моряков, высаженным с кораблей эскадры вице-адмирала А. И. Полянского на рейде Кольберга в 1761 г. Тесно взаимодействуя с сухопутными войсками русской армии, десант принял активное участие в осаде этой важной приморской крепости Пруссии.

С особенной силой флотоводческое мастерство Спиридова проявилось во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Под его командованием русская эскадра впервые в морской истории совершила переход стратегического значения из Балтийского в Средиземное море. Будучи фактическим руководителем основных сил русского флота в Эгейском архипелаге, Спиридов возглавил подготовку и проведение крупнейших морских сражений той эпохи — сражения в Хиосском проливе (24 июня ст. ст. 1770 г.) и Чесменского сражения (26 июня того же года), которые закончились полным поражением и уничтожением превосходящих сил турецкого флота.

Блестящие победы русского военно-морского флота были одержаны благодаря применению новаторских тактических приемов, умелому использованию артиллерийских средств, правильной оценке обстановки. Не случайно поэтому Чесменское сражение явилось одним из выдающихся событий военно-морской истории: здесь было уничтожено около 100 боевых судов противника, в том числе 15 линейных кораблей. Действия русского флота в Архипелаге в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. во многом способствовали боевым успехам сухопутных сил, сражавшихся под командованием П. А. Румянцева.

Большое значение для дальнейшего развития русского военно-морского искусства второй половины XVIII в. имела деятельность выдающегося флотоводца Ф. Ф. Ушакова.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков был сторонником активной, наступательной морской стратегии, преследующей цель разгрома противника в решительном сражении. Он разделял стратегические взгляды А. В. Суворова и так же как и последний стремился придать сражениям решительный характер. Ушаков, подобно Суворову, не знал поражений в борьбе с противни-

¹ Р. Н. Мордвинов. Флотоводческое искусство адмирала Ф. Ф. Ушакова. «Русское военно-морское искусство». Сборник статей под ред. Р. Н. Мордвинова. М., 1951, стр. 120.



Адмирал Ф. Ф. Ушаков. Литография XIX в.

ком, хотя подчас ему приходилось действовать в крайне неблагоприятной обстановке, при невыгодном соотношении сил.

В русско-турецкой войне 1787—1791 гг. проявилось тесное боевое содружество А. В. Суворова и Ф. Ф. Ушакова. Стремясь к одной стратегической цели — уничтожению живой силы противника, Суворов и Ушаков добивались организации стратегического и тактического взаимодействия сухопутной армии и военно-морского флота в ряде кампаний этой войны. Так, борьба за Очаков в 1787—1788 гг., наряду с действиями русских

войск на суше, сопровождалась не менее ожесточенными морскими сражениями русского флота с турецким флотом на Днепро-Бугском лимане и у о-ва Фидоноси. В штурме Измаила 11 декабря 1790 г. принимала участие русская гребная флотилия, высадившая десант, и т. д.

Теория и практика военного дела Западной Европы XVIII в. не имела подобных примеров организации стратегического и тактического взаимодействия армии и флота. Русская военно-теоретическая мысль в этом отношении намного опередила западноевропейскую. Взаимодействие сухопутных и военно-морских сил успешно осуществлялось в России с начала XVIII в. А. В. Суворов и Ф. Ф. Ушаков восприняли и развили замечательные боевые традиции Петра I, традиции передового русского военного искусства. Следует подчеркнуть, что идея взаимодействия армии и флота проходит красной нитью через все последующее развитие русского военного и военно-морского искусства.

Не менее значительно новаторство адмирала Ушакова в тактике. «Он обладал исключительным талантом флотоводца, поражавшим оригинальностью и новизной тактических приемов. Он был ярый враг рутины и шаблона. Подобно Суворову, Ушаков был новатором тактических приемов на море»¹.

Смысл новой тактики Ушакова состоял в отказе от линейных принципов построения флота и в переходе к концентрации кораблей на решающем направлении. Удар сосредоточенными силами по флагманским кораблям противника неизменно приводил линейные построения последнего к расстройству, а затем и к поражению. В целях достижения наибольшей эффективности адмирал Ф. Ф. Ушаков учил вести бой на коротких дистанциях, чтобы прицельным огнем поражать корабли противника.

Активные методы ведения боевых действий на море требовали большой маневренной подготовки кораблей, высокой выучки их личного состава. Этому делу Ф. Ф. Ушаков уделял все свое внимание, не жалея сил и средств на обучение матросов и офицеров флота. Так же, как и А. В. Суворов, адмирал Ф. Ф. Ушаков хорошо знал дорогу к сердцу русского матроса, сердцу простого русского моряка. Он воспитывал матроса в духе крепкой воинской дисциплины, умения действовать смело и инициативно, проявлять свои высокие воинские качества. Подобно А. В. Суворову, адмирал Ф. Ф. Ушаков считал, что простой человек, рядовой солдат и матрос является главной силой на войне.

Лучшие представители вооруженных сил России А. В. Суворов и Ф. Ф. Ушаков и другие выдающиеся русские полководцы и флотоводцы понимали, что только опираясь на рядового воина, русского солдата и матроса, как на решающую силу армии и флота, они сами могут стать силой, необходимой Родине².

¹ «Правда», от 4 марта 1944 г.

² «Правда», от 15 октября 1955 г.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков был одним из основоположников знаменитой черноморской школы морской выучки, которая дала русскому флоту таких выдающихся адмиралов, как Д. Н. Сенявин, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин. Именно превосходная боевая выучка, мужество и героизм русских моряков — вот что прежде всего обеспечивало Ушакову победу над противником. Как и Суворов, Ушаков бил противника не числом, а умением. Как и Суворов, он считал, что недостаточно разбить врага, а нужно его уничтожить. Вот почему каждое победоносное сражение русский флотоводец завершал решительным преследованием противника до полного его уничтожения.

Деятельность адмирала Ф. Ф. Ушакова была направлена на укрепление боевой мощи русского Черноморского флота. Готовя флот для войны, он считал, что лучшая школа для моряка — это морские походы. Во время походов он обучал свой флот новым способам морской войны, разыгрывал примерные бои и сражения. Для своего времени это была самая передовая система обучения военных моряков, как и система армейского обучения Суворова. При всем том А. В. Суворов и Ф. Ф. Ушаков оставались верными своему классу. Суворов командовал войсками при подавлении Крестьянской войны 1773—1775 гг. Военная деятельность лучших представителей вооруженных сил России объективно была направлена на укрепление феодально-абсолютистского государства.

В 70—80-х годах XVIII в. А. В. Суворов и Ф. Ф. Ушаков положили основание Севастополю — городу-крепости, ставшему впоследствии главной базой русского Черноморского военного флота, надежным оплотом на южных рубежах нашей Родины.

Блестящие успехи русского оружия, выдающиеся победы, одержанные русской армией и флотом под руководством А. В. Суворова и Ф. Ф. Ушакова, показывают высокий уровень и самостоятельный путь развития военного и военно-морского искусства в России второй половины XVIII в. Возглавляемая великим полководцем России Александром Васильевичем Суворовым передовая русская военная школа занимала ведущее место и значительно превосходила теорию и практику военного дела Западной Европы того времени.

5

РОССИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789—1792 гг.

Подавление Крестьянской войны 1773—1775 гг. и последовавшее затем усиление власти помещиков на местах не принесли социального мира, которого ждали правительство и дворянство. Крестьянство, работные люди и трудящиеся города не прекратили борьбы, продолжали в разных формах выражать недовольство своим положением¹.

¹ См. вторую главу настоящих «Очерков»: «Классовая борьба».

Напряженные классовые отношения в деревне и в городе послужили основанием и явились питательной средой для революционных идей, зародившихся в передовой части русской интеллигенции.

Осуждение крепостного строя, сословного деления общества, тунеядства помещиков и правительственного произвола все чаще и более открыто проявлялось на страницах прогрессивных журналов 80-х годов, как «Беседующий гражданин», «Живописец» (3-е повторное издание), «Покоящийся трудолюбец» и др., а также в произведениях передовых дворянских писателей и разночинцев (Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина, Г. И. Попова, Матвея Комарова и др.). В России получили широкое распространение переводы произведений французских и английских авторов, поднимавших экономические и социально-политические вопросы, созвучные тем, которые волновали русское общество.

Обострение социально-экономических отношений в России и развитие демократической русской общественной мысли определили глубокий интерес в разных слоях русского общества к революционным событиям, развернувшимся в конце XVIII в. во Франции.

Сведения о начале революции во Франции сообщались в газетах «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости», которые перепечатывали их из немецких и французских газет реакционного направления. Кроме того, в книжных магазинах Петербурга и Москвы продавалась революционная французская литература: «Парижские дни, или Триумф Франции», «Обзор основных сочинений о Генеральных Штатах», «О национальном восстании и взятии Бастилии», журналы, политические памфлеты, карикатуры на различные партии, французский календарь и т. п. Современник П. Лопухин отмечал, что «никогда столько ввозимо иностранных к книгопродавцам книг не было, как ныне»¹. Московский генерал-губернатор А. А. Прозоровский писал Екатерине II: «Все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно»². Значительная часть этой литературы переводилась на русский язык, переписывалась от руки и быстро распродавалась.

В России к французской буржуазной революции отнеслись различно: глубокий интерес и сочувствие проявляли разночинцы и передовая дворянская интеллигенция, дворянство же в целом обнаруживало большую настороженность, страх, а позднее и враждебность.

Царское правительство старалось привить русскому обществу отрицательное отношение к революционной Франции. Так, известия о французских событиях передавались в «Санкт-Петербургских ведомостях» в духе роялистской французской печати и донесений из Парижа И. М. Симолина, русского посла. Газета преследовала определенную цель — запугать русское дворянство французской революцией, вызвать к ней ненависть и укрепить привязанность к крепостному и монархическому строю. Фран-

¹ М. М. Штрэнге. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. и различные слои русского общества. «Исторические записки», т. 39, стр. 105.

² «Летописи русской литературы и древности», т. V, отд. II. М., 1863, стр. 41.

цузская революция изображалась как анархия, как бунт голодной черни, которую использовали для своих целей небольшая кучка адвокатов и буржуазия. О депутатах Национального собрания газета писала: «В противном случае каменщики сии законодательствовали бы так, как и торговки в Версалии», изображала их кровавыми и продажными¹.

О сочувственном отношении демократической части русского общества к революции во Франции говорят многие современники. Успех революции вызвал в разночинной среде надежду на уничтожение крепостнических порядков в России. Сельский дьяк Романовский в беседе с крестьянами говорил: «Во Франции все свободные..., сие когда [б] и у нас скорее сбудось»². Переводчики Коллегии иностранных дел разночинцы И. К. Стрелевский и И. Н. Буйди обсуждали слышанные ими разговоры французов о том, что «было бы очень хорошо, если бы Национальный Конвент подумал о способе избавления Франции от такого врага (т. е. от императрицы.— И. А.), а людей русских от тиранства»³.

О большом интересе, который проявляла демократическая часть русского общества к французской революции, свидетельствовали и представители дворянства. В. П. Кочубей в своем письме (август 1792 г.) указывал, что французская революция имела в России, «как и в других местах, много приверженцев»⁴.

С. Р. Воронцов в своих мемуарах отметил мероприятия революционного французского правительства, которые особенно привлекали внимание русского общества: «Дух преобразования и общего равенства вскружил голову всем тем, кто из мещан и из народа»⁵.

Один из представителей украинской передовой интеллигенции довольно точно отметил большой интерес интеллигенции Украины к французской революции: «Перемена, последовавшая во Франции, столь важна и столь необыкновенна, что привлекает отменное внимание и любопытство всех народов; и я должен признаться, что большая часть моих соотечественников занимается рассуждением о сем редком происшествии»⁶.

Такое же отношение передовой части русской дворянской интеллигенции к событиям во Франции отмечали жившие в России французы Ф. Сегюр, Э. Женэ и Э. Дюмон. Последний записал в своем дневнике: «Французская революция была принята со страстью; молодым людям она совсем вскружила голову, права человека стали всеобщим катехизисом; некоторые не стеснялись даже, когда Робеспьер был во главе правительства, выражать свое безграничное удивление и свое сочувствие революции»⁷.

¹ «Санктпетербургские ведомости», 1789, № 65, стр. 1025; № 101, стр. 1611.

² Л. Коваленко. О влиянии французской буржуазной революции на Украину. «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 84.

³ К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», т. 19, стр. 95.

⁴ «Архив кн. Воронцова», кн. 18, М., 1880, стр. 44 (на франц. яз.).

⁵ Там же, кн. 16, стр. 300 (на франц. яз.).

⁶ Л. Коваленко. Указ. соч., стр. 82.

⁷ Э. Дюмон. Дневник. «Голос минувшего». 1913, февраль — март, стр. 153.

В обстановке напряженного внутреннего положения и сложных внешних отношений европейских государств появился замечательный труд революционно-демократического направления — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В нем впервые подвергались критике не отдельные политические и общественные недостатки и пороки, а вся социально-экономическая и политическая система России. Радищев обосновывал необходимость ее уничтожения путем революционной борьбы самих крестьян¹. В «Разборе сочинения Радищева», написанном Екатериной II тотчас, как книга попала к ней в руки, она отмечала, что Радищев «наполнен и заражен французским заблуждением» и «везде ищет случай придаться к царю и власти... надежду полагает на бунт от мужиков»².

Иначе приняли книгу А. Н. Радищева передовые слои русского общества. Несмотря на преследования, ее читали и передавали из рук в руки. «Путешествие» распространялось во многих списках, и его продолжали копировать. Влияние книги Радищева и французской буржуазной революции ярче всего проявилось в проекте поручика Ф. Кречетова — «Новое Уложение». Автор высказывает гневный протест против крепостничества и самодержавия, рассчитывает на освобождение народа от помещичьего гнета, царского произвола путем восстания.

Русское дворянство внимательно следило за ходом французской буржуазной революции. «Революционные события были ежедневным предметом разговоров и жарких споров», — записал дворянин Д. Н. Свербеев³. А. Т. Болотов переводил из французских и немецких журналов материалы о французской революции, которые в виде рукописного сборника под общим названием «Богородицкого вестника» читались с большим интересом его соседями помещиками.

Дворянство интересовало не достижения революции во Франции, но ее слабые стороны, внутренние трудности и противоречия, а также подготовка интервенции контрреволюционным французским дворянством и европейскими монархами. Русское дворянство стремилось предотвратить подобную революцию в России. Однако более дальновидные представители его не верили в такую возможность и уже задумывались о будущем. Например, С. Р. Воронцов так писал своему брату о революции: «Это не что иное, как борьба не на живот, а на смерть между имущими и теми, кто ничего не имеет, и так как первых гораздо меньше, то они в конце концов должны быть побеждены»⁴.

Враждебность к французской революции особенно усилилась после казни Людовика XVI, которая потрясла господствующий класс России. А. Болотов расправу французского народа над феодальной тиранией считал «страшным происшествием», «бешенством» и «злодейским поступ-

¹ См. пятую главу настоящих «Очерков» «Русская культура».

² «Архив кн. Воронцова», кн. 5, ч. 1. М., 1872, стр. 407, 420.

³ Д. Н. Свербеев. Записки, т. I. М., 1899, стр. 411.

⁴ «Архив кн. Воронцова», кн. 9, стр. 267—268.

ком». В таком же духе высказывался и представитель украинского дворянства Остроженко-Лохвицкий¹. Г. Р. Державин в стихотворении «На панихиду Людовика XVI» беспощадно обрушился на французскую революцию и открыто призывал к интервенции против нее.

К этому времени вполне определилась активная роль правительства Екатерины II в организации интервенции европейских держав против революционной Франции. Вначале царское правительство еще не имело ясного представления о том, что происходило во Франции. Оно объясняло события во Франции финансовыми затруднениями, английскими происками и личными недостатками Людовика XVI. Екатерина II рассчитывала, что французскому королю при помощи разных политических «фокусов» удастся победить революцию. Поэтому она вполне одобряла созыв собрания нотаблей и даже Генеральных Штатов с расширенным представительством от третьего сословия. Наконец, русская императрица верила, что волнения внутри Франции утихнут в случае успешной войны. Особенно полезной при создавшемся положении Екатерина II считала небольшую войну Франции с Голландией². По мысли Екатерины II, война должна была отвлечь внимание Англии и Пруссии от России.

Блестящие успехи русской армии, одержанные под руководством А. В. Суворова над турецкими войсками в 1789 г., и одновременное поражение шведского флота на Балтике усугубили враждебные отношения между Россией, Пруссией и Англией. При столь напряженных международных отношениях русское правительство не считало возможным ослаблять свои связи с Францией, во главе которой еще стоял король, и хотело получить помощь со стороны Национального собрания в случае военного вмешательства Англии в дела России.

Учредительное собрание было занято установлением нового порядка во Франции и считало, что не в интересах Франции заключать с Россией союз о дружбе и помощи и обострять отношения с Англией, а французский король без Учредительного собрания ничего не мог предпринять в этом направлении. Тогда Екатерина II дала указание русскому послу в Париже И. М. Симолину действовать путем подкупов. Симолину удалось подкупить Талейрана и некоторых членов Собрания и получить их согласие на то, что в случае посылки английской эскадры в Балтийское море они добьются решения Национального собрания вооружить французские эскадры и тем самым заставить Англию отказаться от посылки флота на Балтику³. Значительно позже Симолин сообщил императрице, что он добился через Талейрана обещания Мирабо воздействовать на Учредительное собрание, чтобы привести в боевую готовность французский флот.

Между тем Законодательное собрание продолжало создавать новый общественный порядок, ломая старые феодальные устои, ликвидируя

¹ «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», т. IV. СПб., 1873, стб. 1077; *Л. Коваленко*. Указ. соч., стр. 82.

² «Русский архив», 1879, № 9—12, стр. 166.

³ «Литературное наследство», № 29—30. М., 1937, стр. 492.

дворянские привилегии. Русский посол Симолин с большой тревогой доносил из Вены (1 марта 1792 г.), что французская революция не имеет примера в мировой истории, что она угрожает всем тронам, всем монархиям и что если ее не ликвидировать, то она распространится на другие государства Европы¹. Царское правительство все больше начинало понимать, что Франция переживает не временные затруднения, а нечто иное, воскрешавшее в памяти призрак Крестьянской войны под руководством Пугачева. Свою ненависть к революции Екатерина II выражала злобной бранью, предлагая применить против революционных деятелей виселицу и голод. «Вся эта сволочь,— писала она,— не лучше маркиза Пугачева». Екатерина II упрекала Людовика XVI в бездействии: она бы «разом разогнала людей, а не стала бы по клочкам уничтожать, что они сделали или делают»².

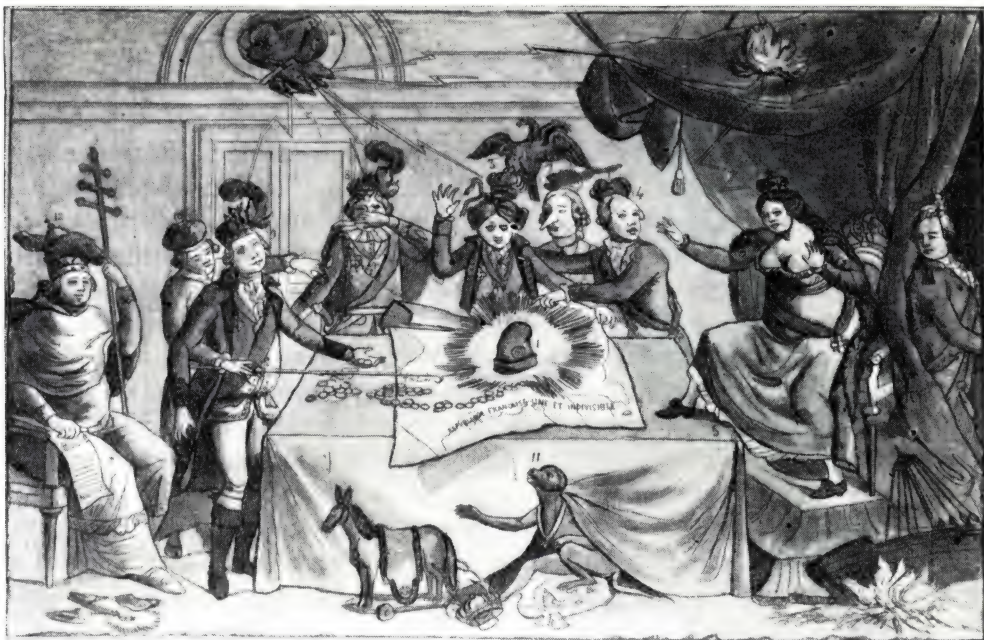
Царское правительство полагало, что король и французское дворянство смогут в ближайшее время восстановить прежний порядок во Франции. Царизм пристально следил за событиями во Франции и за отношением к ним русского общества, опасаясь проникновения революционных идей в Россию. Всем русским подданным было приказано покинуть Францию. Симолин получил указание прислать подробные сведения о их поведении³. Вернувшийся из Парижа Строганов, в связи с тем, что он посещал заседания Национального собрания и Якобинского клуба, был сослан в свои отдаленные деревни. Представители разночинной интеллигенции В. Я. Колокольников и М. И. Невзоров после их возвращения из-за границы, где им было присвоено звание доктора медицины, были заточены без предъявления обвинения в Шлиссельбургскую крепость. Там Колокольников вскоре умер, а Невзоров лишился рассудка.

Вслед за беспощадной расправой с революционером А. Н. Радищевым началось преследование представителей передовой русской интеллигенции — Г. И. Попова, Н. И. Новикова и др. 18 апреля 1792 г. последовал указ об аресте Новикова и о допросе его друзей. Н. И. Новикову было предъявлено обвинение в устройстве тайных сборищ, а также в издании запрещенных и «развратных» книг, направленных против правительства, законов и церкви. В действительности же у Новикова было найдено лишь небольшое количество запрещенных масонских книг, что и явилось единственной реальной уликой против него. Екатерина II отдала распоряжение о заточении Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость и о ссылке Н. И. Трубецкого и И. П. Тургенева в их отдаленные деревни без права въезда в Москву. В приговоре Н. И. Новиков назывался «вредным государственным преступником», зараженным «духом любоначалия и корыстолюбия». Затем началась расправа с передовым профессором Московского университета Иоганном Мельманом.

¹ «Литературное наследство», № 29—30, стр. 531.

² «Русский архив», 1878, № 9—12, стр. 172.

³ «Литературное наследство», № 29—30, стр. 435.



Европейские державы окружают фригийский колпак (эмблема французской буржуазной революции). Французская карикатура конца XVIII в.

Страх правительства Екатерины II за существование монархических тронов в Европе возрастал с каждым днем. Становилось ясным, что Людовик XVI и французское дворянство бессильны без помощи извне положить конец все более и более разраставшемуся революционному движению.

В 1790 г. был заключен союз Пруссии и Австрии для военного вмешательства во внутренние дела Франции. Но союзники не спешили с исполнением своих решений, так как больше заняты были разделом Польши.

Екатерина II считала, что «спасение» Франции от революции — дело самого французского дворянства, которому монархи Европы должны оказать необходимую помощь¹. Французская эмиграция собирала силы в Кобленце для борьбы с революцией. Она готовила армию, добивалась помощи от европейских государств и ждала подходящего момента, чтобы выступить против революционного народа. Французская контрреволюция возлагала большие надежды на русскую императрицу, держала ее в курсе своих политических махинаций, просила ее «впредь руководить всеми их демаршами»².

Екатерина II старалась прежде всего устранить разногласия, существовавшие между королевской «партией» и «партией» принцев. Она сама:

¹ Сб. РИО, т. 42, стр. 211.

² ЦГАДА, III, Франкфурт, январь — декабрь 1791 г.

набросала план подготовки к походу против Франции. Русское правительство считало нецелесообразным возвращение на престол Людовика XVI, так как, по его мнению, он не обладал качествами, необходимыми для восстановления и укрепления монархии во Франции. Екатерина II выдвинула брата Людовика XVI, графа Прованского (позднее Людовик XVIII), в качестве регента на время малолетства Людовика XVII. Австрия, Пруссия и Англия были против кандидатуры графа Прованского, высказавшись за графа д'Артуа, другого брата короля, менее умного и более податливого политика, что было им на руку; однако им пришлось уступить настойчивости Екатерины II и согласиться с кандидатурой графа Прованского.

Царское правительство не ограничило свою помощь французской контрреволюции только советами, руководством и дипломатической поддержкой. Оно оказывало французской эмиграции щедрую финансовую и материальную помощь. Екатерина II дала займы французским принцам 2 млн. руб. на наем контрреволюционного войска у различных немецких князей. Так как все деньги короля были конфискованы после его ареста за попытку бежать из Франции, то Екатерина II поспешила перевести Людовика XVI 100 тыс. франков.

Царизм субсидировал контрреволюционную деятельность в самой Франции. К этому необходимо добавить большие займы, которые правительство предоставило коалиции для подготовки похода против революционной Франции. Трудно назвать точно сумму, но можно сказать, что это стоило русскому государству миллионы рублей. Этим не исчерпывалась материальная помощь русского правительства французской эмиграции. В России была организована колония из французских эмигрантов, где они хотели создать показательное хозяйство, но дело ограничилось бессмысленной тратой русских денег и земель. Французская эмиграция смотрела на двор Екатерины II как на надежное убежище в случае полного краха своих контрреволюционных надежд.

Одновременно Екатерина II организовала общее дипломатическое выступление европейских держав против революционной Франции с требованием освободить Людовика XVI и его семью. В противном случае она грозила прекратить дипломатические отношения с Францией, выслать из России всех французских подданных, сторонников революции, оказывать еще большую поддержку контрреволюционной эмиграции¹. В то же время Екатерина II одобрила деятельность русского посла Симолина, способствовавшего организации бегства королевской семьи из Парижа и вручившего королеве паспорт на имя русской подданной Корф. Она предписывала Симолину расширить контрреволюционную деятельность в Париже, согласовав ее с послами других государств во Франции².

В 1792 г. царское правительство выслало из России французского поверенного в делах Женэ, мотивировав высылку тем, что король лишен вла-

¹ Сб. РИО, т. 42, стр. 180—181.

² «Литературное наследство», № 29—30, стр. 467, 490, 492.

сти, а иметь в лице Женэ представителя от Законодательного собрания оно не желает. Одновременно царизм добивался удаления французских послов также из Австрии и Пруссии.

В 1790 г., по окончании войны со Швецией, русское правительство, пользуясь политическими и денежными затруднениями шведского короля Густава III, решило заключить с ним союзно-оборонительный договор, направленный против Англии и Пруссии, а также привлечь его для оказания помощи французским эмигрантам. Шведский король искал новой военной авантюры, успехом которой он надеялся смягчить финансовый кризис, а также ослабить недовольство в стране его политикой. Екатерина II была уверена в успехе войны против революционной Франции и самодовольно заявляла А. В. Храповицкому, своему секретарю: «Мы с ним (Густавом III.— *Ред.*) часто в мыслях разъезжаем на Сене в канонерских лодках»¹. Она обещала Швеции содействие в борьбе против Франции, вплоть до предоставления военной силы после окончания войны с Турцией. Длительные и настойчивые переговоры со Швецией закончились заключением 7 октября 1791 г. русско-шведского союзно-оборонительного договора. Вслед за тем была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии»².

Весной 1792 г. шведские войска должны были высадиться в Австрийских Нидерландах и присоединить к себе войска французских принцев. К этому времени против Франции намеревались выступить также Австрия и Пруссия. Екатерина II обязалась предоставить в распоряжение Швеции флот и 8-тысячное сухопутное войско. Но ввиду войны с Турцией военная помощь заменилась денежной субсидией в размере 300 тыс. руб. в год. Равным образом, по этой конвенции русское правительство гарантировало нейтралитет Дании в войне Швеции с Францией.

Царское правительство не ограничило привлечением Швеции, оно старалось согласовать деятельность Австрии и Пруссии против буржуазной Франции.

Австрия и Пруссия заключили соглашение в Пильнице, направленное против революционной Франции, а в декларации от 27 августа 1791 г. призывали всех монархов Европы объединиться для восстановления королевской власти во Франции. Однако приготовления к выступлению шли очень медленно. Пруссия интересовалась больше разделом Польши, чем французскими делами. Екатерина II была обеспокоена введением в Польше конституции 3 мая 1791 г., так как новая конституция не только могла укрепить Польшу, но и послужить примером для соседних государств. В самом конце 1791 г. в Яссах был заключен выгодный для России русско-турецкий мирный договор. Русская армия была свободна, и царское правительство готовило ее для вступления в Польшу, о чем вело соответствующие переговоры с союзной Австрией.

¹ А. В. Храповицкий. Дневник. СПб., 1874, стр. 244.

² ЦГАДА, III, Стокгольм, май — декабрь 1791 г.

К этому времени окончательно организовалась первая коалиция европейских государств против революционной Франции. План ее действий был тщательно разработан при непосредственном участии Екатерины II; все, казалось, было предусмотрено и подготовлено. Однако смерть Леопольда II и убийство Густава III опять отодвинули военный поход против Франции. Выход Швеции из коалиции ослабил силы интервентов и задержал начало похода, но Франция, желая предупредить Австрию и Пруссию, сама объявила войну.

1 мая 1792 г. Екатерина II приказала генералу М. В. Каховскому вступить со своими войсками в Польшу, куда вскоре ввела свои войска и Пруссия, продолжавшая настаивать на немедленном разделе Польши. Война между союзниками и Францией продолжалась уже несколько месяцев, но вместо скорой победы союзное войско 20 сентября 1792 г. потерпело решительное поражение при Вальми. Битва при Вальми показала, какие нестоимые источники силы и отваги таит в себе революционный народ. Она вскрыла непримиримые противоречия в среде союзников, их неспособность вести успешную борьбу против революционной Франции.

Английское правительство, встревоженное победами Франции, изменило свою политику в отношении интервентов и взяло курс на сближение и совместную с Россией организацию второй коалиции против Французской республики. Екатерининский двор с большим удовлетворением встретил сообщение об отзыве английского посланника из Парижа. Но в то же время английское правительство вело переговоры с французским Конвентом. Это обстоятельство не могло не вызвать удивления русского правительства. Остерман прямо указал английскому послу Уитворту, что сношения английского правительства с Конвентом совершенно не совместимы с переговорами между Россией и Англией о французских делах. Уитворт, однако, успокоил Остермана, открыв ему настоящую причину переговоров с Конвентом. Эти переговоры нужны были правительству Англии для того, чтобы показать английскому народу, что договориться с революционными правителями Франции якобы невозможно. Для этой цели английское правительство в переговорах с Конвентом выставило такие условия, на которые Конвент не мог согласиться, и война между Англией и Францией стала неминуемой.

Конвент 1 февраля 1793 г. объявил Англии войну, а 25 марта н. ст. 1793 г. между Англией и Россией была подписана конвенция относительно общих действий против Франции. По этой конвенции обе стороны обязывались в продолжение всей войны оказывать друг другу помощь, заключить мир только с взаимного согласия, закрыть все свои порты для французских судов, а также не допускать торговли Франции с нейтральными странами.

Вступая в антифранцузскую коалицию, Англия брала на себя роль руководителя всей борьбой против революционной Франции. Англия потребовала от русского правительства посылки в ее распоряжение 12-тысячного корпуса. Правительство Екатерины II отказалось выполнить данное

требование. В сделку была вовлечена Сардиния, которой Россия предоставила субсидию в 400 тыс. руб.; Сардиния обязалась добавить к участвовавшим в первой кампании против Франции сардинским войскам еще корпус из 12 тыс. человек.

После казни Людовика XVI царское правительство усилило борьбу против французской революции. С Францией были окончательно порваны всякие дипломатические и торговые отношения. Французы, проживавшие в России и признавшие французскую республику, должны были покинуть Россию в течение трех недель. Оставаться разрешали только тем из них, которые отрекались от нового порядка во Франции и подтверждали это специально установленной присягой. Въезд в Россию разрешался лишь французам, имевшим рекомендацию от графов Прованского, д'Артуа и принца Конде. Был установлен строжайший контроль за приезжающими иностранцами всех национальностей. Ввоз книг из Франции и переписку запретили, сочинения энциклопедистов были изъяты из библиотек и продажи.

Правительство нашло нужным установить в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможне специальную цензуру для просмотра ввозимых из-за границы книг. Были запрещены многие русские книги, в том числе возбудила недовольство трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», которая рисовала восстание, хотя и подавленное, но и это внушило опасения царскому правительству. Екатерина II выразила свое недовольство президенту Академии наук за ее напечатание (1793). Сыновья, друзья Княжнина и книгопродавец Глазунов были подвергнуты допросу: искали «опасных» мыслей, посеянных Радищевым, Новиковым и французской революцией. Репрессии правительства не достигли своей цели. Сообщения о событиях во Франции продолжали проникать в Россию. Несмотря на запреты и преследования со стороны цензоров, чиновников и полиции, книжные торговцы столицы бойко торговали запрещенными книгами. Желавших прочесть эти книги было много. По свидетельству современника, В. Каразина, влияние французской революции на молодые умы наблюдалось не только в столицах, но и в отдаленных губерниях страны и даже в Сибири.

Правительство Екатерины II совместно с Англией, Австрией и Пруссией стояло на страже реакции во всей Европе. Эти государства мобилизовали свои лучшие войска против восстания в Польше, в котором им слышалось эхо французских событий. Действуя из страха перед новым общественным порядком, который несла с собой французская революция, царское правительство преследовало и свои внешнеполитические цели, поскольку с падением французской монархии оно лишилось надежного союзника.

* * *

Внешняя политика царской России второй половины XVIII в. отвечала интересам господствующего дворянского класса и купечества, была направлена на укрепление феодально-абсолютистского государства. Военно-

феодалная и купеческая верхушка России второй половины XVIII в. проводила активную завоевательную политику.

Однако при всей классовой направленности политики русского царизма целый ряд войн второй половины XVIII в. имел объективно прогрессивное значение. Они способствовали решению важнейших исторических задач, стоящих перед Россией: закрепление позиций на Балтийском море и в Прибалтике, вытеснение Турции из Северного Причерноморья и утверждение России на побережье Черного и Азовского морей, воссоединение украинского и белорусского народов с русским народом.

Эти задачи приходилось решать в сложной и напряженной международной обстановке, преодолевая сильное противодействие Англии, Франции и других держав Западной Европы, враждебно настроенных по отношению к России.

Правительства этих стран выступали организаторами и вдохновителями всех войн, которые вели Швеция и Турция против России во второй половине XVIII в. Швеция, военное могущество которой было сломлено еще во время Северной войны 1700—1721 гг., тем не менее и во второй половине XVIII в., подстрекаемая Англией, Францией, Пруссией и другими государствами, вела агрессивную политику.

Турция, несмотря на свою экономическую, военную и культурную отсталость, во второй половине XVIII в., при поддержке западноевропейских держав, также выступала враждебно против России. Пользуясь трудностями обороны русских границ в условиях широких открытых степей юга страны, они постоянно провоцировали пограничные конфликты, организовывали разбойничьи набеги крымских татар на территорию России. Именно благодаря поддержке западноевропейских держав Турция каждый раз проявляла крайнюю неуступчивость в отношении русских требований. Дипломатия враждебных России держав пыталась нейтрализовать успехи русского оружия средствами дипломатической борьбы, затягивая, таким образом, вопрос о заключении мира с Россией.

Войны России за возвращение выходов к Черному морю были продолжением многовековой борьбы за ликвидацию последствий тяжелого монголо-татарского ига. Россия вела борьбу за выход к черноморскому побережью, что соответствовало развитию производительных сил страны. Русско-турецкие войны второй половины XVIII в., несмотря на классовую направленность внешней политики самодержавия, оказали большое влияние на развитие национально-освободительного движения славянских и других народов Балканского полуострова и Кавказа против многовекового гнета турецких феодалов-ассимиляторов.

В войнах России второй половины XVIII в. национальное военное искусство достигло большого развития. Передовое направление русского военного и военно-морского искусства, с А. В. Суворовым и Ф. Ф. Ушаковым во главе, ярко проявило свою ведущую роль, доказало превосходство над консервативной теорией и практикой военного дела Западной Европы того времени.

Выдающиеся победы, одержанные русской армией и флотом под руководством А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова и других военных деятелей, утвердили положение России как великой державы, подняли международный авторитет и престиж страны.

Россия во второй половине XVIII в. принимала деятельное участие в общеевропейских делах. Русская дипломатия играла видную роль в разработке международного права. Наиболее важное значение в этом отношении имели «Декларация о вооруженном нейтралитете» 1780 г., направленная против разбоя Англии на морях, конвенция с Турцией 1783 г., установившая принципы консульского права.

Все это свидетельствовало о возросшем влиянии России в международных отношениях данного периода — начала 90-х годов XVIII в. В то же время все ярче проявлялась реакционная роль внешней политики царизма. Враждебно встретив революционный переворот во Франции, царизм перешел к подготовке вооруженных действий против революционной Франции и усилил реакцию в самой России.





ГЛАВА ПЯТАЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

1

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Русская культура во второй половине XVIII в. была преимущественно дворянской. Трудовым массам школа была недоступна. Но развивавшаяся промышленность нуждалась в науке, познающей действительные свойства и силы природы. Обострение социальных противоречий ставило перед наукой, общественной мыслью, литературой и искусством новые, прогрессивные задачи, решение которых выходило за рамки господствовавшей дворянской идеологии.

Значительных по тому времени успехов достигло просвещение в России. Постепенно освобождаясь от церковной опеки, оно приобретало все более светский характер. В просвещение втягивалось не только дворянство, но, что особенно показательно, и люди «среднего рода», не принадлежавшие к господствовавшему классу. Это было время возникновения русской разночинной интеллигенции. Отражая обострение классовой борьбы, просвещение в России уже во второй половине XVIII в. не было единым по своему социальному содержанию. В борьбе с господствовавшей дворянской идеологией в нем формировалась и крепла демократическая струя, воплощенная в лице таких выдающихся деятелей, как Ломоносов, Радищев, Новиков и некоторые другие, примыкавшие к ним, представители передовой русской культуры. Несмотря на стремление дворянства отгородить народные массы от образования, грамотность, хотя еще и в малой степени, проникала в их среду. Попрежнему наиболее распространенной формой, в особенности для неимущих, было групповое обучение при помощи «мастеров грамоты», дьяконов и дьячков. Учебными пособиями продолжали служить часослов и псалтирь, хотя стали входить в обиход и учебник Феофана Прокоповича «Первое учение отроком»¹ и печатные азбуки и арифметика Магницкого.

В качестве средства наглядного обучения широко использовались лубочные картинки. Обучение у «мастеров грамоты» носило религиозный характер.

¹ «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги». Впервые напечатанная в 1720 г., книга эта до 1725 г. в одной Александро-Невской типографии (Петербург) выдержала 12 изданий.

Правительство всячески заботилось о распространении религиозной идеологии в народе, о чем свидетельствует, например, указ 1743 г., обязывающий родителей, под угрозой штрафа, обучать детей не только «часовнику» и псалтири, но и катехизису.

Даже дети среднего дворянства учились у тех же «мастеров грамоты» и по тем же книгам и пособиям, что объясняется недостаточным количеством правительственных школ даже для «благородных». Среди небольшого числа технических школ продолжали действовать созданные под руководством В. Н. Татищева горнорудные училища на Урале, положившие начало горному образованию в России. В них готовили уральских «умельцев». Такое училище окончил знаменитый русский механик и изобретатель И. И. Ползунов.

В целях удовлетворения дворянских требований постепенно расширялись контингенты учащихся в Шляхетском кадетском корпусе (при открытии имел 200 чел., в 1760 г. — 490 чел.); кроме того, в 1752 г. был организован Морской шляхетный корпус как чисто дворянское учебное заведение. Петербургская артиллерийская школа в 1758 г. была соединена с инженерной и, подобно шляхетным корпусам, сделана строго сословно-дворянской.

Дворянских детей, не попадавших в привилегированные сословные школы, обучали дома или в частных пансионах учителя-иностранцы, зачастую совершенно не подготовленные к учительской профессии.

Большую роль в развитии просвещения в России сыграл М. В. Ломоносов. Его труды в различных областях знания служили основой для развития отечественной науки и школы. С 1753 г. Ломоносов становится во главе университета и гимназии при Академии наук, развивших под его руководством значительную деятельность. Для этих учебных заведений Ломоносов создал ряд учебников: в 1748 г. — «Риторику», а в 1755 г. — первую русскую научную грамматику. Эти книги отражали передовые по тому времени взгляды Ломоносова на язык и литературу. Благодаря его трудам русская школа могла лучше поставить изучение отечественного языка, за чистоту которого он настойчиво боролся.

Занимаясь воспитанием молодежи в академической гимназии, Ломоносов в 1759 г. составил правила под названием «Узаконение для учащихся гимназии императорской Академии наук». В этих правилах трактуются нормы морального поведения учеников, указывается, как вести занятия, чтобы достигнуть наилучших результатов.

Велика была роль Ломоносова и его учеников в создании Московского университета. Ломоносов разработал проект его организации, где развивал мысль, что просвещение должно быть доступным всем сословиям. «В университете тот студент почетнее, — писал он, — кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды»¹. Он предлагал открыть при университете гимназию не только для дворян и мещан, но и для крестьян. Но это

¹ М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. Госполитиздат, 1950, стр. 553.

демократическое предложение великого ученого осталось нереализованным, так как правительство опасалось распространения образования среди крестьянства, полагая, что «через учение познав цену вольности, возмущаются более свое униженное состояние»¹. Открытый в 1755 г. Московский университет состоял из трех факультетов: философского, юридического и медицинского. Характерно отсутствие богословского факультета, обычно занимавшего видное место в университетах Западной Европы. В этом сказалось влияние Ломоносова.

В первые годы студентами университета были преимущественно разночинцы².

В Московском университете укрепились влияние русских ученых, в первую очередь учеников Ломоносова: профессоров Н. Н. Поповского, преподававшего словесность и философию, А. А. Барсова, разрабатывавшего и педагогические вопросы.

С 1767 г., в отличие от западноевропейских университетов, где лекции читались на латинском языке, преподавание стало вестись на русском языке. Выдающиеся русские ученые, как, например, основоположник русской юридической науки С. Е. Десницкий, философ Д. С. Аничков и др., прославили Московский университет уже в первые годы его существования. Университет стал центром педагогических знаний в России³. Были переведены на русский язык произведения великого чешского педагога Яна-Амоса Коменского, а в 1771 г. составлено оригинальное учебно-методическое пособие под названием «Способ учения подготовляющегося к университету», в котором устанавливались основы прогрессивной методики преподавания.

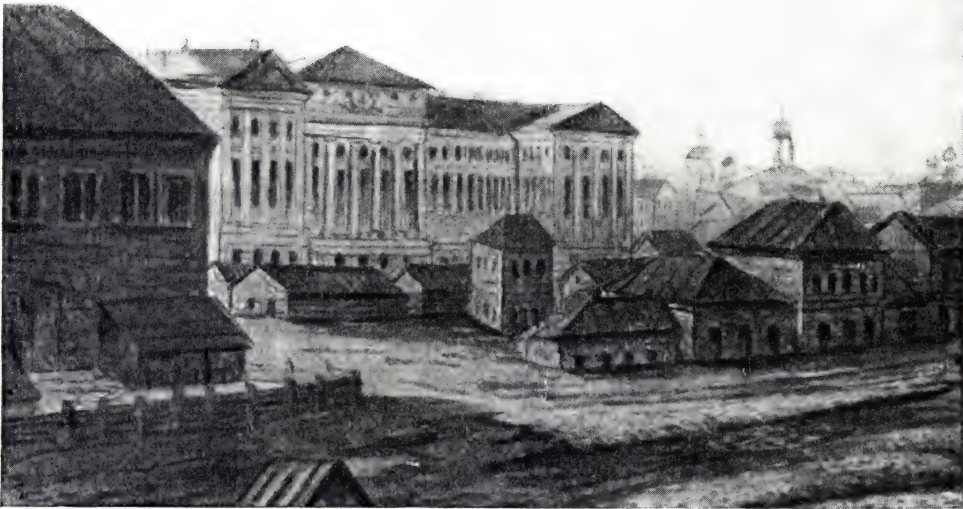
При университете была открыта гимназия с двумя отделениями: для дворян и для «разных чинов людей, кроме крепостных». Гимназия имела 4 класса, в которых изучались русский, латинский и один из иностранных языков, словесность, математика и история. Сословные различия между этими отделениями резко подчеркивались. В 1779 г. при Московском университете был создан дворянский пансион. Из его стен вышли многие передовые русские люди (В. А. Жуковский, братья Н. и А. Тургеневы, некоторые декабристы). При университете существовали и другие школы, например школа выдающихся русских архитекторов В. Баженова и М. Казакова. Баженов принимал для обучения и простых людей, чтобы воспитать из них зодчих.

По опыту Московского университета открылась гимназия в Казани. Московский университет составил и издал ряд азбук и грамматик для нерусских народов России: грамматику чувашскую (1770), азбуки

¹ «История Москвы», т. II, М., 1953, стр. 484 (слова из «Представления» И. И. Шувалова).

² Н. А. Пенчко. Основание Московского университета. М., 1953, стр. 131 и сл.; История Московского университета, М., 1955, стр. 38—39.

³ Первая учительская семинария возникла при Московском университете в 1779 г., но характер ее деятельности пока не изучен.



Здание Московского университета на Моховой улице. Архитектор М. Ф. Казаков. Акварель Ф. Я. Алексеева 1801 г. (деталь).

Государственный Эрмитаж.

грузинскую и татарскую (1778). Во второй половине XVIII в. Московский университет стал крупнейшим центром русской науки и просвещения.

В России не было организованной школьной системы, и ее отсутствие остро ощущалось к 60-м годам XVIII в. В 1760 г. И. И. Шувалов внес в Сенат предложение об организации всеобщего обучения для детей дворян путем устройства в «малых» городах школ грамотности, а в больших — гимназий. Но дальше обсуждения дело не пошло, так как дворянство предпочитало обучать своих детей в кадетских корпусах и частных пансионах. В конце 1764 г. Архангельский губернский магистрат послал в Петербург «гражданина» Василия Крестинина, который рекомендовал завести по городам «малые школы» для обучения «всякого чина и обоего пола детей без исключения», с тем чтобы состоятельные родители вносили за учение известную плату, а за бедных жалование учителям выплачивал магистрат. Этот проект отличался демократическим направлением и свидетельствовал о росте культурных запросов среди трудовых слоев городского населения. Как и многим прогрессивным проектам того времени, ему не было дано хода.

Под влиянием наказов Комиссии по составлению нового Уложения 1767 г. правительство Екатерины II вынуждено было заняться вопросами просвещения в стране. Екатерина II, ведя переписку с некоторыми философами-просветителями, обратилась к ним с предложением принять

участие в разработке организации народного образования в России. Лицемерно заявляя, что «заведением народных школ разнообразные в России обычаи приведутся в согласие, исправятся нравы», Екатерина II неофициально писала Салтыкову: «черни не должно давать образования; поскольку будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет нам повиноваться в такой мере, как повинуются теперь»¹. Главу XIV своего «Наказа» Екатерина посвятила вопросам воспитания. Но глава эта содержала лишь громкие фразы. Целью императрицы было показать, что дело воспитания должно быть подчинено правительственным указаниям. Правила воспитания сводились к тому, что родители обязаны учить детей «истинам» религии и почтению к царским законам.

Заслуживает внимания постановка вопроса о школах в наказах депутатам Уложенной комиссии. Классово-сословный характер изложенных в них требований выступает совершенно отчетливо. Так, городские жители подали проект «об учреждении в городах академий, униversитетов и школ для обучения в оных разным языкам купеческих и разночинских детей». Однодворцы и хлебопашцы просили «об определении для наук и постановлении богоугодных дел духовных и для утверждения благосостояния и знания законов и добрых поведений светских учителей». Дворяне ходатайствовали об учреждении в городах школ для дворянского юношества. Некоторые дворянские наказаы отмечали необходимость обучения крестьян в целях «исправления их нравов», т. е. в целях лучшего повиновения помещикам.

О нуждах народного образования говорилось в мае 1768 г. в «Большом собрании» Комиссии. Депутат от пахотных солдат Нижегородской губернии Жеребцов высказался за организацию «детского школьного учреждения» для детей крестьян. Против этого резко выступил депутат Любавцев, высказав мнение, что «земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству». Другой депутат от пахотных солдат — Егор Селиванов, поддерживая Жеребцова, заявил: «Когда не просвещен будет народ, возможно ли через него сделать отечеству полезное. А просвещение через что может вкорениться, как не через учреждение училищ?». С позиций крепостников это требование поддерживал граф Строганов, заявляя, что невежество приведет к «умерщвлению собственными своими крестьянами помещиков».

Нельзя не отметить также «Статьи» об организации народного образования, представленной в «Большое собрание» Академией наук. Академия предлагала учредить особое ведомство, которое руководило бы учебными заведениями, представляло план развертывания сети школ, составляло для них «уставы» и т. д. Эта передовая идея была осознана деятелями русской науки много раньше, чем наметились пути для реализации центрального ведомства просвещения во Франции и Англии.

¹ Н. А. Константинов и В. Я. Струминский. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953, стр. 55.

«Большое собрание» выделило специальную Комиссию, куда поступили для рассмотрения соответствующие предложения депутатов. Кроме того, ряд проектов выдвинули и сами члены Комиссии (о «нижних» деревенских училищах и городских училищах, о средних училищах, об училищах для иноверцев и т. д.). Это была напряженная работа, свидетельствовавшая об острой потребности русского общества в просвещении и организации школ. В середине 1770 г. разработка этих проектов была закончена, но дальнейшего движения они не получили, так как правительство считало их радикальными. Проекты Комиссии и выступления отдельных депутатов раскрывают перед нами позиции, занимаемые различными социальными группами русского общества 60-х годов XVIII в. в области просвещения.

В эти же годы развернул свою педагогическую деятельность один из образованных людей того времени — И. И. Бецкой (1704—1795). Поклонник французской просветительной философии и Локка, дворянин И. И. Бецкой верил в могущественную силу воспитания, был убежден в возможности создания посредством закрытых воспитательных учреждений «новой породы людей», которые, по мнению Бецкого, подготовили бы условия для постепенной отмены крепостного права. Его просветительные начинания представляют собой продуманные педагогические эксперименты¹.

В «Генеральном учреждении о воспитании обоес пола юношества» Бецкой подчеркивал: «Корень всему злу и добру — воспитание», а потому мы имеем в нашем распоряжении только одно средство: «Произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили сами». Для этого предлагалось создать училища, куда принимались бы дети не старше 5—6-летнего возраста и где они оставались бы «безвыходно» до 18—20 лет. Таким образом, по мысли Бецкого, среда не могла бы оказать на них отрицательное влияние. Бецкой стремился воспитать «новую породу» людей не только из дворян, но и из детей буржуазии и ремесленников.

Бецкой был сторонником энциклопедического образования, в особенности для дворян. Исходя из этого, он разработал проекты организации и реорганизации ряда закрытых учебных заведений и с 1764 по 1768 г. развернул кипучую деятельность; им было открыто училище при Академии художеств для мальчиков «всякого звания» (кроме крепостных), реорганизованы академическая гимназия, кадетские сухопутный и морской корпуса, открыты в Москве воспитательный дом для «незаконно рожденных» детей и подкидышей и коммерческое училище для подготовки «новой породы» русских коммерсантов. Бецкой явился также инициатором филантропических организаций, задачей которых был сбор пожертвований на открытие воспитательных домов для «незаконно рожденных».

¹ И. И. Бецкой. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоес пола, т. I и II. СПб., 1774.

В своем «Генеральном плане» московского воспитательного дома Бецкой выдвинул передовые педагогические положения. Дети, поступавшие в воспитательный дом, должны были содержаться и обучаться за счет государства; наряду с общеобразовательными предметами в программу входило обучение труду, что соответствовало воззрениям Бецкого о необходимости воспитания трудолюбия, формирующего «настоящего человека».

Как известно, московский и петербургский воспитательные дома, особенно после ухода в отставку Бецкого, были поставлены крайне плохо, смертность детей в них была исключительно велика.

Бецкой был сторонником женского образования и в этом отношении стоял выше некоторых передовых западноевропейских педагогов (например, Руссо), не считавших возможным, чтобы женщина получала равное с мужчиной образование. В 1764 г. в окрестностях Петербурга, у деревни Смольной, под руководством Бецкого открылось первое в России женское воспитательное учреждение — Институт благородных девиц (Смольный институт), с широкой программой обучения, включающей, помимо общеобразовательных предметов, труд (шитье) и домоводство. При Смольном имелось и «мещанское отделение», куда принимались девочки недворянских сословий (за исключением крепостных). Смольный институт в первые годы своего существования, несомненно, был выдающимся учебным заведением, из которого вышло много культурных русских женщин. Однако уже в 80-х годах XVIII в. все прогрессивное исчезает из практики института, и он становится замкнутым учебным заведением, готовящим «дворянских девиц», оторванных от жизни, от всего национального, преклоняющихся перед западноевропейскими нравами.

К концу века воспитание в закрытых сословно-дворянских учебных заведениях приняло сугубо реакционный характер. Учившиеся там дети дворян воспитывались как особая, привилегированная каста, презрительно относившаяся к народу.

С усилением дворянской диктатуры после подавления крестьянского восстания под руководством Пугачева политика правительства в области просвещения резко изменилась. От «просветительных» проектов Бецкого не осталось и следа. Однако отказаться от преобразования школьной системы в России было невозможно. Общий ход экономического развития, рост городов требовали большего, чем раньше, количества грамотных и образованных людей. Правительство обратилось к проектам организации народного образования более «безопасным», чем рекомендации философов-просветителей.

Ознакомившись со школьной реформой, проведенной в 1774 г. в Австрии, Екатерина II пригласила принимавшего в ней деятельное участие Ф. И. Янковича, серба по происхождению, сторонника взглядов известного чешского педагога XVII в. Яна-Амоса Коменского. После приезда Янковича в Россию в 1782 г. была организована «Комиссия об учреждении училищ», в которой он выполнял наиболее ответственную и сложную работу. Янковичу оказывали содействие некоторые русские педагоги:

Светлов, Сырейчиков, Ковалев и др.; он использовал также опыт Академии наук и Московского университета.

Комиссией в первую очередь были открыты главные (четырёхклассные) и малые (двухклассные) народные училища в Петербургской губернии. Директором петербургского главного народного училища был назначен Ф. И. Янкович. В 1785 г. в петербургских училищах было 1192 ученика. В 1786 г. были открыты главные народные училища в 25 губерниях.

На основе петербургского опыта Комиссия разработала устав народных училищ, который был утвержден правительством 5 августа 1786 г.¹ Согласно уставу, в губернских городах учреждались главные училища, состоявшие из четырех разрядов — классов. Главные училища давали общеобразовательную подготовку, приближаясь к типу средней школы с многопредметной программой и некоторым практическим уклоном.

В 1-м классе обучались на «природном» (русском) языке азбуке, чтению, письму, цифрам. Во 2-м классе изучали первую часть арифметики, грамматические правила, упражнялись в письме, чистописании и рисовании, а также проходили книгу «О должностях человека и гражданина». В 3-м классе проходили вторую часть арифметики, русскую грамматику, с упражнениями в правописании, первую часть всеобщей истории, введение в географию, землеописание Российского государства. В 4-м классе (два года) предлагалось повторять пройденную часть российской грамматики, писать сочинения практического характера (деловые письма, расписки и т. д.) изучать российскую историю, географию всеобщую и математическую (с задачами на глобусе), основания геометрии, механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры. Для детей,

КРАТКОЕ ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ

Российскаго Государства,

изданное

для

Народныхъ Училищъ Россійской Имперіи

по Высочайшему Повелѣнію

Царствующія Императрицы

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Цѣна безъ переплента :

Безъ картъ 25 коп. — Съ картами 50 коп.

Въ Санктпетербургѣ 1787 года.

Титульный лист учебника географии для народных училищ. СПб., 1787 г.

¹ ПСЗ, т. XXII, № 16421, стр. 646—667.

которых родители предполагали отдать в гимназию и университет, вошло изучение латыни и одного нового иностранного языка. Значительное место в программах всех четырех классов занимали предметы религиозного воспитания.

Малые народные училища открывались в уездных городах и в тех из губернских, где не хватало главных народных училищ. Малые училища должны были готовить грамотных, умевших хорошо писать и считать людей. Преподавание там велось по учебным планам, принятым для 1-го и 2-го классов главного училища.

Попечителем народных училищ в губернии считался губернатор, который назначал в них директоров и смотрителей. Общее учебно-воспитательное руководство училищами осуществлялось Главным училищным правлением. В хозяйственном отношении училища находились в ведении Приказа общественного призрения.

На основе устава 1786 г. Янкович издал «Правила» поведения для учащихся, а также составил дидактическое пособие для учителей, в котором сказалось некоторое влияние педагогической системы Я. А. Коменского, с учетом «способа учения» Московского университета, опыта сербских школ в Венгрии и русских учителей, своих соратников¹.

Согласно дидактическим указаниям Янковича, все предметы следовало преподавать «по-новому». Он утверждал, например, что историю невозможно преподавать без помощи карт. Он же развил мысль о составлении синхронистических таблиц, которые должны были способствовать лучшему запоминанию фактов и пониманию связи исторических событий.

По мнению Янковича, преподавание должно быть связано с жизнью. Так, при изучении геометрии следует добиваться, чтобы ученик не только умел доказать теорему, но и представлял, какие надо сделать практические выводы из теории. Предлагалось знакомить учеников с устройством часов, мельниц, организовывать экскурсии на предприятия, где работают машины. Янкович впервые ввел в русской народной школе естествознание. По его мысли, народные училища должны иметь лаборатории, кабинеты наглядных пособий и библиотеки. В продолжение пяти лет (1782—1787) Янкович и некоторые русские педагоги выпустили ряд учебных книг и пособий, как оригинальных, так и переводных. Методическое творчество Янковича и учителей его школы выражало передовые по тому времени педагогические положения.

Укрепление новой школьной системы зависело от наличия квалифицированных педагогов. Петербургское главное народное училище, руководимое Янковичем, стало и местом подготовки учителей для всех классов народных школ. С 1786 г. из него была выделена учительская семинария как самостоятельное учебное заведение. Семинария имела два отделе-

¹ «Руководство учителям первого и второго разряда народных училищ Российской империи, изданное пятым тиснением». СПб., 1818, стр. 143 и табл.; а также «Правила для учащихся в народных училищах, изданные по высочайшему повелению осьмым тиснением». СПб., 1807.

ния — математическое и историческое. «Для приучения к преподаванию» семинаристы под руководством профессоров объясняли построение уроков соответственно программе и проходили практику в петербургских малых училищах. Ученики семинарии пользовались относительной свободой, имели собственные выборные хозяйственные организации, издавали с 1784 г. журнал под названием «Растущий виноград». За свое восемнадцатилетнее существование семинария подготовила более 400 учителей. Многие воспитанники семинарии стали видными педагогами и авторами учебников, например И. Ф. Яковкин, позже профессор Казанского университета.

Введение новой школьной системы по уставу 1786 г. и проведенные мероприятия изменили облик русской школы, внося новое в содержание обучения и методы преподавания. В деле развития просвещения это был заметный шаг вперед. Русские революционные демократы высоко оценивали деятельность Янковича. Н. А. Добролюбов писал, что Янкович «принадлежит к числу тех немногих деятелей истории нашего воспитания, которых труды всегда будут иметь свою цену в глазах истинных любителей просвещения»¹.

Царское правительство не давало свободного хода просветительным тенденциям передовых русских педагогов. Кроме того, развитие народных училищ тормозилось неправильным финансированием народного просвещения, недостатком квалифицированных учителей, тяжелым правовым и материально-бытовым положением народных масс. В широком распространении просвещения в народе правительство не было заинтересовано; более того — оно его боялось. В народных училищах обучались лишь дети горожан.

Тем не менее распространение просвещения в 80-х годах XVIII в. происходило довольно успешно, о чем можно судить по следующей таблице:

Годы	Число		Число учащихся		Всего учащихся
	школ	учителей	мужчин	женщин	
1782	8	26	474	44	518
1785	12	38	1 282	209	1 491
1786	165	393	10 230	858	11 088

Все же для такой обширной страны, как Россия, это было недостаточно, и рост школ крайне отставал от потребностей народа в образовании. Во многих городах не было училищ, а в некоторых губерниях имелось лишь единственное училище в губернском городе².

¹ И. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Избранные педагогические высказывания. М., 1949, стр. 236.

² В Нижегородской губернии лишь 3 города из 9 имели училища, в Тамбовской 4 из 12, в Волынской 4 из 14, в Калужской, Пензенской и Полтавской 3 из

Формально народные училища были бессловесными. Даже крепостные имели право отдавать в них детей, если жили в тех городах, где находились училища. На деле же среди учеников главных училищ преобладали дети дворян, купцов и мещан. Количество детей крестьян и рабочих людей было совершенно ничтожно.

Положение школы и состояние просвещения у различных народов, входивших в состав Российской империи во второй половине XVIII в., было неодинаковым.

На Украине в середине XVIII в. народ на собственные средства организовал приходские школы. В казачьих полках открывались так называемые казачьи школы.

Зажиточное казачество отдавало своих детей в духовные семинарии.

Украинское дворянство просило об открытии гимназий и университета, но правительство Екатерины II отклонило это ходатайство, не желая создавать центры просвещения на Украине.

Закрепощение народных масс Украины в 80-х годах XVIII в. повлекло за собой постепенное свертывание приходских и казачьих школ.

В то же время в городских центрах, в результате установившейся связи с Москвой и Петербургом, в прогрессивные группы украинской интеллигенции проникли передовые идеи русских просветителей XVIII в. К этому времени относится деятельность замечательного украинского философа и поэта, просветителя и демократа Г. С. Сковороды (1722—1794).

Сковорода испытал на себе благотворное влияние передовой русской культуры. Он развивал мысль, что человек имеет право на счастье вне зависимости от чина, богатства, образования и общественного положения.

Он решительно критиковал господствовавшие взгляды на воспитание, утверждая, что нельзя слепо заимствовать педагогические теории за рубежом и что сам народ является творцом норм воспитания. В его педагогической системе большую роль играло нравственное и трудовое воспитание; выдвигалась идея всеобщего и равного для мужчин и женщин образования.

В отношении народов Поволжья царское правительство проводило политику насильственной христианизации. Для татар и других народностей были организованы так называемые «новокрещенные школы» и школы, готовившие переводчиков из местного населения. Однако после Крестьянской войны 1773—1775 гг., в которой народы Поволжья принимали активное участие, правительство было вынуждено отказаться от христианизации и установило контакт с мусульманским духовенством. Мусульманские школы (мектебе и медресе) стали рассматриваться как оплот самодержавия и осуществляли свою деятельность под контролем агентов царской власти.

31, в Подольской 3 из 13, в Астраханской 2 из 9, Симбирской 2 из 10, Иркутской 2 из 15, Киевской 1 из 12, Новороссийской 2 из 27. Всего из 500 городов школы имелись только в 254. Статистические данные взяты из кн. С. А. Князьков и Н. И. Сербос. Очерк народного образования в России. М., 1910, стр. 145.

В Сибири, на Крайнем Севере, на Камчатке в XVIII в. насаждались миссионерские школы, имевшие целью распространение православия, русского и церковно-славянского языков. На одной только Камчатке к концу XVIII в. было открыто до 20 таких школ, являвшихся оплотом колониального господства. Следует отметить деятельность русских выходцев на Аляске, например Шелехова, открывшего в 80-х годах XVIII в. школу для детей русского и местного населения. Тогда же в этих местах существовала и одна «гражданская» общеобразовательная школа по типу малого народного училища.

Несмотря на миссионерский характер большинства этих школ, они имели в известной мере и общеобразовательное значение, знакомя местных жителей с русским языком.

Значительную роль в деле просвещения и развития русской передовой педагогической мысли сыграли выдающиеся русские просветители второй половины XVIII в., прежде всего Н. И. Новиков и писатель-революционер А. Н. Радищев.

Н. И. Новиков много сделал для распространения педагогических знаний. «Благородная натура этого человека, — писал В. Г. Белинский, — постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве»¹. В «Прибавлении к Московским ведомостям» Н. И. Новиков напечатал замечательную статью «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия», в которой освещал вопросы физического, умственного и нравственного воспитания и призывал к разработке теории воспитания как науки.

Исключительное значение для выработки передовых взглядов на воспитание имели труды выдающегося просветителя — демократа и революционера А. Н. Радищева. Педагогические взгляды Радищева носили революционный характер. Он исходил из признания взаимосвязи физического и умственного развития человека. В «Беседе о том, что есть сын отечества», он заявлял, что основной задачей воспитания является формирование человека, обладающего гражданским сознанием, высокими нравственными качествами, любящего свое отечество. Согласно А. Н. Радищеву, главное в воспитании — не природные данные, а социальные факторы, окружающие человека.

Возражая против положений педагогической теории XVIII века об организации изолированных учебно-воспитательных учреждений, А. Н. Радищев подчеркивал, что человек развивается в обществе и для своего формирования должен воспитываться в общении с людьми. Он требовал просвещения широких народных масс. Критикуя крепостническое воспитание, Радищев противопоставлял ему воспитание «сына отечества», настоящего человека и гражданина, борющегося против угнетения, за свободу. Революционные педагогические воззрения Радищева — вершина педагогической мысли XVIII в. в России.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. III. М., 1948, стр. 146—147.

2

НАУКА И ТЕХНИКА ¹

Развитие мирового естествознания во второй половине XVIII в. характеризовалось дальнейшим усовершенствованием математического аппарата, применением более совершенных и точных методов наблюдения и эксперимента, усилением внимания к исследованию количественной стороны явлений. На новую ступень поднялись различные отрасли физики — учение об электричестве, оптика, теория теплоты. Большие успехи сделало изучение газов и их свойств. Новая кислородная теория горения, пришедшая на смену теории флогистона, и создание новой номенклатуры явились крупнейшими событиями в истории химии. В метафизическом представлении о природе была пробита первая брешь: образование Земли и всей солнечной системы было объяснено без гипотезы о «первом толчке», сначала И. Кантом (1755) и позднее, на рубеже XVIII—XIX вв., П.-С. Лапласом. Мысли о постепенном развитии Земли и живого мира изложил Ж.-Л. Бюффон в своей «Естественной истории», начавшей выходить в 1749 г. К.-Ф. Вольф (позднее переселившийся в Россию) заявлял в своей «Теории зарождения» (1759), что для него важнее всего было показать, что законченное растение «не такая вещь, для произведения которой совершенно не достаточны силы природы и нужно всемогущество творца... Раз мы пришли к этому сознанию,— продолжал он,— ничто не может помешать нам сделать подобное допущение и в отношении остальных органических тел природы» ². Таким образом, развитие различных отраслей естествознания приводило к дальнейшему освобождению науки от влияния религиозных представлений, к освобождению, начало которому было положено уже в XVI в. созданием гелиоцентрической системы. (По известному выражению Ф. Энгельса, Коперник дал «отставку теологии»).

Россия принимала самое деятельное участие в этом общем поступателном движении мирового естествознания. Основополагающие труды М. В. Ломоносова, равно как и выдающиеся исследования других петербургских академиков, крупнейшие экспедиции, посвященные изучению нашей родины и ее природных богатств, накопление и обобщение разнообразных технических и биологических данных в работах практиков-изобретателей и деятелей сельского хозяйства — таковы важнейшие события рассматриваемого периода. Наряду с Академией наук в этот период возникли новые научные центры — Московский университет (1755), Горное училище в Петербурге (1773) и др. В 1765 г. было организовано старейшее русское научное Вольное экономическое общество.

¹ Параграф по естествознанию написан В. П. Zubовым по материалам Т. И. Райнова.

² К. Ф. Вольф. Теория зарождения. М., 1950, стр. 61.

Центральное место в русской науке 40—60-х годов XVIII в. принадлежит М. В. Ломоносову (1711—1765). В его научной деятельности главное внимание было уделено разработке основных, ведущих проблем естествознания. Своим гением он чутко ощущал потребность в освоении природных богатств нашей родины в интересах народа.

Величие Ломоносова проявилось в том, что ему принадлежат не просто отдельные открытия и изобретения, а целые системы их, явившиеся научной основой для развития тех или иных отраслей техники.

Уже в ранних работах Ломоносова был поставлен вопрос о строении материи, которую он определял как «протяженное неспроницаемое, делимое на неощутимые части», т. е. на корпускулы, непрерывно движущиеся и способные вступать одни с другими в различные комбинации. Приписывая корпускулам протяженность, Ломоносов стоял на материалистических позициях. Физика и химия («корпускулярная философия») должны изучать движение и связи корпускул на математической и экспериментальной основе. «Один опыт,— писал Ломоносов,— я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением»¹. Ведущую роль в физике и химии Ломоносов отводил законам механики — законам движения тел и мельчайших составляющих эти тела частиц, причем оспаривал всеобщий характер некоторых положений Ньютона (пропорциональность массы и веса). Ломоносов утверждал, что познание мельчайших и неразделимых частиц не менее необходимо для «испытателей натуры», чем существование этих самых частиц для существования материальных тел. Атомно-молекулярная теория, как известно, легла в основу всего развития химии и физики XIX в.

В адресованном Л. Эйлеру письме от 5 июля 1748 г. Ломоносов дал первую в истории науки общую формулировку физического закона сохранения материи и движения. «Все встречающиеся в природе изменения,— писал он,— происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимется у чего-то другого... Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому»². Ломоносов не раз повторял эту формулировку и позднее.

В 1756 г. Ломоносов осуществил свои классические опыты, экспериментально обосновавшие закон сохранения вещества и ознаменовавшие начало нового этапа в развитии теоретической химии. Ломоносов гораздо шире, чем его современники, понял философскую суть открытого им закона, который был для него лишь частным случаем «всеобщего естественного закона», охватывающего «все перемены, в натуре случающиеся».

Мысль о единстве мироздания, о том, что материя бесконечной вселенной однородна, позволила М. В. Ломоносову распространить ряд

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1950, стр. 125.

² Там же, т. II. М.—Л., 1951, стр. 183, 185.

физических объяснений не только на метеорологические, но и дальше — на астрономические явления. Теория атмосферного электричества, выводы об электрической природе северного сияния, о происхождении кометных хвостов от «электрической силы» — крупнейшие научные достижения. Выдумывать какие-то более тонкие неземные пары в хвостах комет М. В. Ломоносов предоставлял тем, кто «вымыслы любят». Сам он заявлял, что находит природу «везде самой себе подобною»¹.

По мысли М. В. Ломоносова, одни и те же естественные законы господствуют в великом и малом. «Во всех системах вселенной имеются одни и те же начала и элементы... Одна и та же материя у раскаленного солнца и у раскаленных тел на земле»². Ломоносов-поэт продолжает мысль Ломоносова-ученого и рисует картину вечно горящего огненного океана Солнца:

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят³.

Эти представления о физической природе Солнца были для своего времени весьма прогрессивны.

В 1761 г. Ломоносов наблюдал редкое астрономическое явление прохождения Венеры через солнечный диск и первый открыл существование атмосферы на этой планете. Открытие тотчас же послужило для него новым аргументом в пользу однородности вселенной: на Венере, как и на Земле, «пары восходят, сгущаются облака, падают дожди, протекают ручьи, собираются в реки, реки втекают в моря, произрастают везде разные прозябения, ими питаются животные»⁴.

Уже в сравнительно ранних заметках Ломоносова имеется запись: «Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Такими «смутными представлениями» Ломоносов считал те многочисленные «невесомые материи», о которых подробно повествовали современные ему учебники физики и химии, — теплород, электрическая жидкость и т. д. Ломоносов смело разрушал представления о «невесомых материях», выдвигая идеи, основанные на движении. Его объяснение теплоты как некоего вращательного движения частиц (изложенное в рассуждении «О причине теплоты и холода», 1744—1745)⁵ значительно опередило эпоху.

Если все науки направлены на познание материи и движения, то становится понятной взаимная связь их. Незадолго до смерти Ломоносов, основоположник новой научной отрасли — физической химии, писал: «Хи-

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, стр. 131.

² Там же, стр. 245.

³ «Утреннее размышление о божием величестве». М. В. Ломоносов. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 111.

⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. IV. М.—Л., 1955, стр. 371.

⁵ *Его же*. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1950, стр. 145.

мик без знания физики подобен человеку, который всего искать должен оцупом. И сии две науки так соединены между собою, что одна без другой в совершенстве быть не могут»¹. Химия нуждается в помощи геометрии, механики, оптики. Геолог, исследуя земные слои, должен «употреблять в размышлении совет от математики, от химии и общей физики». И, наконец, «анатом, будучи притом физиолог, должен давать из физики причины животного тела», а ботаник «для показания причин растения должен иметь знание физических и химических главных причин».

Углубляя и уточняя смысл механистического понимания природы, Ломоносов вместе с тем высказал ряд замечательных мыслей о развитии вселенной. Всего отчетливее формулирован принцип развития в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (1757) и особенно в труде «О слоях земных» (1763), составивших одно из приложений к «Первым основаниям металлургии»². Историзм в понимании природы Ломоносова распространяется не только на прошедшее и настоящее, но и на будущее. «Должно представить,— писал он,— общее состояние шара земного и действия, как оное в таковые положения достигло и что впредь с ним по течению природы должно случиться»³. Он утверждал, что «планеты и самые неподвижные звезды изменяются, теряются в небе, показываются вновь», т. е. возникают и погибают, а с ними вместе и «малый наш шар земной»⁴.

Историю земли ученый рисовал как весьма продолжительный процесс, происходящий то медленно и непрерывно, то чрезвычайно быстро, скачкообразно (землетрясения и т. п. катастрофы). Конкретный ход геологической истории он объяснял действием внутренних и внешних факторов. Первые он сводил к подземному «жару», обусловленному интенсивными химическими процессами, происходящими в недрах земли; под их действием происходят горизонтальные и вертикальные перемещения земных пород.

К внешним факторам Ломоносов относил действие ветра, воды, льда и пр., а также некоторые космические условия, каковы, например, изменения в наклоне земной оси.

Ломоносов был замечательным мастером экспериментальной науки и новатором во многих областях техники. Горное дело, металлургия и приборное искусство, строительная техника, производство фарфора и стекла, получение солей и красок и иные отрасли техники хранят на страницах своей истории память о его гениальных вкладах. Он изобрел «ночезрительную трубу» для наблюдения в сумерках или в светлую ночь земных предметов, едва различимых глазом, он создал серию оригинальных оптических приборов. Ему принадлежит изобретение лобового токарного станка для

¹ М. В. Ломоносов. Проект нового регламента Академии наук (сентябрь, 1764). В кн.: П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 653—654.

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1954, стр. 295—302, 530—531.

³ Там же, стр. 613.

⁴ Там же, стр. 574.

обработки сферических поверхностей металлических зеркал астрономических труб. Он — изобретатель приборов для фильтрования под давлением, определения удельного веса при различных температурах, изучения сил сцепления твердых и жидких тел и испытания прочности материалов. В «Рассуждении о большой точности морского пути» (1758—1759) Ломоносов описал двадцать изобретенных им навигационных и астрономических приборов. Он произвел испытания модели геликоптера, или вертолета, этой своеобразной летающей машины тяжелее воздуха, могущей совершать подъем по вертикали, висеть в воздухе и летать в любом направлении.

В 1748—1749 гг. ученому удалось после долгих настояний открыть в Академии наук первую в России, прекрасно оборудованную, научную химическую лабораторию, позволившую подвести серьезную экспериментальную базу под его химические и физические изыскания.

В период наиболее интенсивных занятий в академической лаборатории (1740—1753) Ломоносов разрабатывал основы физической химии. Свои идеи и основные достижения он резюмировал сперва в «Курсе истинной физической химии» (1752—1754), не дошедшем до нас целиком, а затем — преимущественно в многолетних лабораторных журналах, тоже не сохранившихся полностью и содержавших материалы специальных физико-химических исследований, проведенных на базе стекольной фабрики, устроенной им в 1753—1755 гг. в дер. Усть-Рудице близ Петербурга. По общему признанию, Ломоносов заложил впервые в истории основы общей физической химии. Перенеся основные физико-химические работы в устьрудичскую фабрику, Ломоносов разработал здесь лабораторно и в заводском масштабе весь комплекс технологии силикатов для изготовления разнообразнейших цветных стекол (мозаичное стекло, бисер, стеклярус и пр.), а также химию и технологию оригинального варианта русского фарфора. И в том и в другом случае он достиг полного успеха. В академической лаборатории и на фабрике Ломоносов руководствовался правилом, которое он сформулировал в 1751 г. в «Слове о пользе химии»: «Науки художествам [т. е. технике] путь показывают; художества происхождение наук ускоряют»¹.

Курс горного дела и металлургии («Первые основания металлургии или рудных дел»), опубликованный в 1763 г., показывает, как Ломоносов, опираясь на свои знания в области естественных наук и на производственный опыт, разрабатывал научные основы горного дела и металлургии. Он сказал новое слово, выдвинув в этой книге требование всесторонне изучать свойства металлов, без чего невозможна разработка техники их получения. Ученый четко проводил мысль: химия — основание для металлургии. За два столетия до наших дней Ломоносов разрабатывал те научные основы, на которых и теперь покоится металлургическое производство. Как гуманист, он уделял при этом особое внимание

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л. 1951, стр. 351.



М. В. Ломоносов.
Бюст работы Ф. И. Шубина. Мрамор, 1792.
Президиум Академии Наук СССР.

специальным мерам по борьбе с вредными для рабочих людей условиями производства.

Ломоносов создал научные основы такой отрасли промышленности, как добыча россыпного золота. Он разработал незыблемую по сей день теорию движения воздуха и газов в рудниках, шахтах и пламенных печах. Устьрудицкая фабрика — образец организации промышленного производства на научной основе. Опираясь на помощь русских рабочих людей и мастеров, он блестяще проявил себя как заводский архитектор и строитель, изобретатель и конструктор, технолог и организатор, самостоятельно решив весь комплекс сложных задач для создания небывалого производства.

В одном из своих стихотворений¹ Ломоносов приглашал взглянуть на «горы высоки», на широкие поля, «где Волга, Днепр, где Обь течет», и предвещал, что скрытые богатства страны будут обнаружены наукой. Он разработал анкету для сбора статистико-экономических сведений, которые должны были лечь в основу подробного и всестороннего описания нашей страны, «чтоб вдруг видеть можно было, где что взять, ежели надобность потребует»².

Незадолго до смерти Ломоносов разработал специальную минералогическую анкету, которая должна была положить начало систематическому описанию богатств наших природных недр, над чем трудились и последующие поколения русских и советских ученых.

Много лет занимала Ломоносова мысль об освоении Арктики, о плавании из Ледовитого океана в Тихий. Он всесторонне исследовал вопрос, изучив богатый опыт русских путешественников. За месяц до кончины он написал подробную инструкцию для начальника будущей экспедиции. «Северный океан,— заявлял он,— есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою,



Медный перегонный куб из химической лаборатории М. В. Ломоносова,

174

Государственный Исторический музей.

¹ «Ода на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (1747). М. В. Ломоносов. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 149.

² «Доношение сенату 23 октября 1760».

через изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку»¹.

Широкие замыслы Ломоносова, касавшиеся постановки естественно-научных исследований и изучения природных богатств России, встречали сильное сопротивление со стороны «неприятелей наук российских», вершивших дела в Академии наук, т. е. тех карьеристов, которым была дорога лишь личная выгода и безразличны судьбы страны. Но и в лице своих ближайших покровителей Ломоносов не находил должной поддержки своим занятиям в области естествознания. В ответ на предложение И. И. Шувалова заняться целиком литературой и историей Ломоносов заявил, что не может «вовсе покинуть» свои занятия физикой и химией. «Всяк человек требует себе от трудов упокоения», а потому он считал законным несколько часов в день уделять физическим и химическим опытам «вместо билльяру»². Таким противопоставлением естественно-научных занятий и билльярда вынужден был Ломоносов оправдывать свои крупнейшие работы, которые являлись неотъемлемой частью его национального подвига — служения родине.

Одновременно с М. В. Ломоносовым в Академии наук трудилось несколько выдающихся физиков. И.-А. Браун (1712—1768) занимался методикой эксперимента, разрабатывал вопросы метеорологии, первым в истории науки добился искусственного затвердения ртути (1759) и тем содействовал разработке учения о физических состояниях вещества.

Г.-В. Рихман (1711—1753), друг и отчасти сотрудник Ломоносова, успешно разрабатывал вопросы теории теплоты и электричества. Его имя носит открытая и экспериментально проверенная им формула, выражающая температуру смеси однородных веществ различной температуры (1745). В 1745 г. им был изобретен «электрический указатель» для измерения величины заряда в наэлектризованном теле. Рихман погиб в 1753 г., производя опыты во время грозы.

В смежной области химии и техники трудились директор Петербургского монетного двора И. А. Шлаттер и особенно — товарищ Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии Д. И. Виноградов, вместе с ним отправленный за границу. Как и Ломоносов, но независимо от него, он блестяще разработал химию и технологию производства фарфора.

В 1766 г. вернулся в Петербург Л. Эйлер (1707—1783), проработавший здесь до самой смерти. В период своего пребывания в Берлине (1741—1766) Эйлер не порывал связи с Россией. В Петербурге печаталась его капитальная работа «Морская наука» (*Scientia navalis*, 1748—1749, 2 тома). По заданию Петербургской Академии им был написан большой труд, посвященный дифференциальному исчислению (1755).

Крупнейшим достижением явилось издание труда Л. Эйлера «*Institutiones calculi integralis*» (1768—1771, 3 тома), содержащего синтетическое

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., 1952, стр. 420.

² Письмо от 4 января 1753 г. Соч., т. VIII. М.—Л., 1948, стр. 120.



Здание Академии наук в Петербурге. Раскрашенная гравюра Б. Петерсона, 1799 г.

изложение интегрального исчисления на базе специальных работ прежних математиков и большого количества глубоких исследований самого ученого. Эйлер обогатил теоретическую астрономию фундаментальной работой по теории движения Луны (1753)¹. Теория эта приобрела исключительное значение для систематической разработки учения о движении небесных тел под влиянием всемирного тяготения. Замечательным образом физико-математических исследований Эйлера в области распространения света и точной теории разнообразных оптических приборов была его «Диоптрика» (1769—1771, 3 тома).

Велико было значение Эйлера в деле создания русских научных кадров. Находясь в Берлине, он внимательно рецензировал посылавшиеся ему на отзыв математические работы студентов. В 50-х годах у него жили и обучались адъюнкты С. К. Котельников, С. Я. Румовский, М. Софронov, а по возвращении в Петербург Эйлер несколько лет руководил математическим образованием Н. И. Фусса и М. Е. Головина. Эйлер написал несколько руководств по арифметике, а на основании его курсов и мемуаров было составлено много учебников по арифметике, алгебре, тригонометрии, математическому анализу, глубоко проникших в среднюю и высшую школу².

¹ Л. Эйлер. Новая теория движения Луны... СПб., 1772.

² См. А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII в. «Труды Ин-та истории естествознания АН СССР», т. III. М.—Л., 1949, стр. 45—116.

Ученик Эйлера С. К. Котельников выступил в начале 60-х годов с исследованиями по теоретической механике и математической физике. Ему принадлежат исследования, посвященные сложным вопросам теории света. Племянник Ломоносова М. Е. Головин перевел «Морскую науку» («*Scientia navalis...*») Эйлера, дополнив ее многочисленными приложениями и примечаниями (1773). Он изучал также математические законы связи между звуковыми колебаниями твердых тел постоянной упругости и действием приложенных к ним элементарных механических сил (1781).

В области астрономии, кроме М. В. Ломоносова и Л. Эйлера, следует назвать А.-И. Лекселя (1740—1784), приехавшего в Россию в 1768 г. и под руководством Эйлера начавшего свою работу. В 80-х годах Лексель показал, что открытый Ф.-В. Гершелем Уран (1781) является планетой, а не кометой, как полагал английский астроном; исследование орбиты Урана привело Лекселя к заключению о существовании еще более отдаленной планеты (т. е. открытого в XIX в. Нептуна).

Вторая половина XVIII в. была ознаменована организацией больших специально астрономических экспедиций — событие до того времени небывалое в истории русской науки. Таковы были экспедиции для наблюдений над прохождением Венеры по диску Солнца в 1761 и 1769 гг. (это редкое явление имеет место 4 раза за период в 240 лет и дает возможность определять параллакс Солнца, что, в свою очередь, позволяет вычислить расстояние Солнца от Земли). Богатые результаты второй экспедиции, точнее — целого ряда экспедиций, направленных в различные пункты России (Колу, Якутск, Орск, Астрахань и т. д.), были сведены и обработаны С. Я. Румовским (1732—1815).

Продолжением работ Г.-В. Рихмана и М. В. Ломоносова, положивших начало количественным экспериментальным исследованиям электрических явлений, были труды академика Ф.-У.-Т. Эпинуса (1724—1802). В 1758 г. он выступил с речью «О сходстве электрической силы с магнитною», а в 1759—1760 гг. опубликовал «Опыт теории электричества и магнетизма», в котором положил начало *количественным расчетам* в теории электричества. Эпинусу принадлежат также (относящиеся к 80-м годам) важные работы по усовершенствованию и созданию нового типа ахроматического микроскопа.

К последней четверти XVIII в. относятся работы академика Т. Е. Ловица (1757—1804), открывшего в 1785 г. адсорбционную способность угля в отношении жидкостей, а также специально занимавшегося исследованием охлаждающих смесей и вопросами кристаллографии. В. М. Севергин (1765—1826) разрабатывал различные вопросы химической технологии и дал обстоятельные сводки накопленного минералогического материала; особо следует отметить его «Опыт минералогического землеописания Российского государства», вышедший в начале следующего столетия (1809). В своих «Первых основаниях минералогии» (1798) и других работах Севергин основывался на достижениях новой, «антифлогистической» химии, горячим пропагандистом которой он стал. Различными отраслями

прикладной химии занимался также А. А. Мусин-Пушкин (1760—1805), произведший несколько позднее (1802—1804) первое геолого-минералогическое обследование Грузии.

После завершения Второй Камчатской экспедиции (1732—1743) большие экспедиции временно прекратились¹. Вторая половина 40-х годов и 50-е годы были временем публикации богатейших данных, добытых ранее. Видное место в этом отношении занимают исследования С. П. Крашенинникова, объединенные в его классическом «Описании земли Камчатки» (1755). Этот труд содержит подробное и образцовое для того времени физико-географическое описание Камчатки, Аляски и некоторых прилегающих островов,

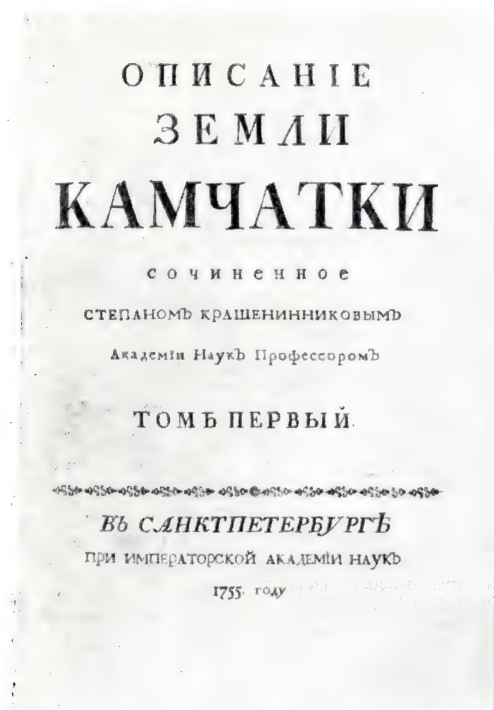


С. Я. Румовский. Литография первой половины XIX в.

характеристику свойств и минеральных ресурсов района, растительного и животного мира, а также хозяйственного быта, сведения по этнографии и истории коренного населения. Из трудов других участников второй экспедиции Беринга крупное значение имела «Flora sibirica» С.-Г. Гмелина (4 тома, 1747—1759), содержащая описание около 500 сибирских растительных видов.

После периода временного затишья экспедиционная деятельность развернулась с новой силой. Труды академических экспедиций 1768—1774 гг. принадлежат к числу наиболее замечательных достижений русского естествознания второй половины XVIII века. Экспедиция провела первое всестороннее научное обследование громадной территории Российской империи, почти до крайнего северо-востока Сибири (Байкал) и от Северного Ледовитого океана до побережья Каспийского и Черного морей. Исследователи собрали большое количество сведений о населении, его занятиях, быте, промыслах, верованиях, о достопримечательных древностях и т. д. Во главе экспедиций (всего их было пять) стояли академики П. С. Паллас (1741—1814), И. И. Лепехин (1740—1802), С.-Г. Гмелин (1745—1774), И. А. Гюльденштедт (1745—1781) и ботаник И. П. Фальк (1727—1773).

¹ Раздел об экспедициях написан по материалам А. И. Андреева.



Титульный лист книги С. П. Крашенинникова
«Описание земли Камчатки». СПб.,
1755 г.

П. С. Паллас обследовал район Среднего и Нижнего Поволжья, уральские степи и горы, а также Сибирь. Спутники Палласа предприняли несколько самостоятельных поездок: Н. П. Соколов — к китайской границе, к Аргуновскому острову; В. Ф. Зуев (1754—1794) — по Оби до берегов Северного Ледовитого океана, где собрал много сведений об остояках и ненцах; капитан Н. П. Рычков в 1769—1770 гг. совершил несколько путешествий, в частности посетил район Казанской губернии между Камой и Малым Черемшаном, имея в виду историко-археологические ценности этого края, входящего в состав древнего Болгарского царства¹.

Лепехин направился по следующему маршруту: из Москвы в Симбирск и Астрахань, далее через Гурьев, Оренбург, Кунгур к уральским горным заводам и берегам Белого моря.

Отряд И. Фалька исследовал Восточную Россию до Астрахани, Уральска и Оренбурга, Сибирь до Омска, Барнаула и Алтая, а также Кавказские минеральные воды и Терек. Спутник Фалька Х. Барданес самостоятельно путешествовал по Киргизским степям и собрал сведения о Бухаре, Хиве, Кашгаре и Туркестане. Другой его спутник — И. Г. Георги — совершил ряд самостоятельных путешествий по Башкирии, Уралу, Алтаю, вокруг Байкала и по Даурии.

Во время путешествий (1770—1774) Георги собрал много ценных материалов по географии, этнографии, ботанике, естественной истории и минералогии, снял немало карт и составил большую коллекцию собственноручных изображений народов европейской и азиатской частей России.

Значительный интерес представляла, наконец, экспедиция под руководством И. А. Гюльденштедта, посетившая многие районы Кавказа.

Таким образом, уже к 1774 г. Академия наук располагала громадными, исключительно ценными материалами по минералогии, животно-расти-

¹ Н. П. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

тельному миру, экономике страны и населению, собранными экспедициями. Не щадя сил, испытывая трудности передвижения, рискуя порой жизнью, участники экспедиций проделали большую работу по изучению нашей страны. Экспедиции 1768—1774 гг. доставили в Академию наук большое количество не только географических известий, но и карт разных местностей России, чем весьма содействовали работе Географического департамента Академии, который в период с 1769 по 1776 г. издал около 62 отдельных карт и планов, а затем выпустил и новую генеральную карту Российской империи, явившуюся большим достижением отечественной картографии.

В 80—90-х годах продолжались академические экспедиции, направленные на север в район Ладожского озера (Н. Я. Озерецковский) и на юг европейской России (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас и другие).

Материалы путешествий публиковались на протяжении трех последних десятилетий XVIII и в начале XIX в. Экспедиционные исследования Палласа послужили основным источником для его труда «Путешествие по разным провинциям Российской империи», напечатанного в трех томах в 1771—1776 гг. на немецком языке и вскоре же (1773—1788) переведенного на русский.

Материалы экспедиции И. И. Лепехина (1763—1772) вышли в четырех частях в 1771—1805 гг. («Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства»). Результаты экспедиции С.-Г. Гмелина (1768—1774) нашли отражение в изданном Академией (на немецком и переведенном на русский язык) его четырехтомном труде «Путешествия по России для исследования трех царств естества» (1771—1785). Дневники Гюльденштедта были изданы Палласом на немецком языке в 1787—1791 гг. (2 тома). Материалы экспедиции, руководимой ботаником И.-П. Фальком, были обработаны его спутником И. Георги и изданы Академией в 1785—1787 гг. в трех томах («Beyträge zur topographi



Н. Я. Озерецковский. Литография с рисунка Кашинцева, начало XIX в.



И. И. Ленехин. Литография с рисунка Кашинцева, начало XIX в.

schen Kenntniss des Russischen Reiches»). Вместе с тем Георги издал описание собственного путешествия¹.

Наряду с этими публикациями отчетно-монографического характера, посвященными описанию отдельных путешествий, в XVIII в. стали появляться уже и обобщающие труды. Таков, например, изданный в 1797—1802 гг. И. Георги на немецком языке огромный свод: «Физико-географическое и естественно-историческое описание Российского государства» в трех частях. Третья часть (в 7 томах) содержит результаты изучения минеральных, растительных и животных ресурсов и по форме представляет своего рода инвентарь. Труд Палласа «Flora Rossica» (1784—1788) охватывал древесные и ку-

старниковые породы Европейской России. В 80—90-х годах Паллас составил обширный сводный труд экологии и зоогеографии Азиатской России («Zoographia Rosso-Asiatica»), увидевший свет лишь в XIX в. Г. Ф. Соболевский издал в 1799 г. по-латыни сводную «Санкт-петербургскую флору».

Наряду с изучением географии и природы суши проводилось исследование морей и изучались вопросы кораблестроения и мореходства. К концу века русскими моряками были произведены гидрографические и картографические исследования Новой Земли, морей — Белого, Балтийского, Черного, Азовского, Каспийского; рек — Днепра, Днестра, Прута, Дуная, Дона, Волги; озер — Ладожского, Онежского, Байкала. В гидрографии европейских и русских морей велики заслуги А. И. Нагаева (1704—1780)². Из морских экспедиций здесь должны быть названы экспедиции, изучавшие северную часть Тихого океана и северо-востока Сибири: П. К. Креницына и М. Д. Левашова (1764—1769), И. И. Биллингса и Г. А. Сарыче-

¹ I. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise im russischen Reich. СПб., 1775.

² Подробнее о нем см. Т. И. Райнов. О роли русского флота в развитии естествознания XVIII в. «Труды Ин-та истории естествознания АН СССР», т. I. М.—Л., 1947, стр. 169—218.

ва (1785—1793); исследование Медвежьих островов сержантом С. Андреевым (1763—1764), плавание Ф. Розмыслова на Новую Землю (1768—1769) и др.

Запросы сельского хозяйства послужили стимулом к накоплению и обобщению разнообразных данных, относящихся к области биологических дисциплин. Особо следует отметить статьи по вопросам почвоведения в «Трудах Вольного экономического общества». Основы этой науки начал закладывать еще М. В. Ломоносов в своем труде «О слоях земных», где он изложил теорию органического происхождения чернозема.

Исходя из практических нужд агротехники, почвоведческими вопросами занимался А. Т. Болотов (1738—1833). В статье «Примечания о хлебопашестве вообще»¹ он предложил суммарную классификацию почв и рекомендовал углубить и дифференцировать ее, исходя, в сущности, из понятия микроструктуры почвы: *«разная пропорция в смешении составляющих землю разных частичек»*, — писал он, — и некоторые другие обстоятельства причиной того, что между землями, одинаковый наружный вид имеющими, уже великая разница бывает». Почти в те же годы вопросы почвоведения разрабатывал в Московском университете проф. М. И. Афонин («Слово о пользе, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве», 1771). Экспериментальные физико-химические методы были привлечены для объяснения почвообразования и физиологии растений в замечательной книге И. И. Комова «О земледелии» (1788).

А. Т. Болотов усердно разрабатывал вопрос о гибридизации и селекционных методах в растениеводстве. Он впервые раскрыл роль перекрестного опыления и самоопыления, подойдя к тому обобщению, которое позже

¹ Напечатана в «Трудах ВЭО», т. 9. СПб., 1768.

ЛОЦІЯ или МОРСКОЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

часть II

Содержащая въ себѣ описаніе входовъ въ порты и форватеровъ между шхерами и мѣлями, лежащихъ при сѣверныхъ берегахъ Финскаго залива до Ледзунда; также обоихъ Бельшовъ и Скагеррака.

Печатана въ Типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, 1789 года.

Титульный лист книги А. И. Нагаева «Лоция или Морской путеводитель», ч. II. СПб., 1789.



А. Т. Болотов в своем рабочем кабинете. С рисунка
А. Т. Болотова.

получило название «закона Найта-Дарвина». Много интересных статей содержит журнал «Экономический магазин», издававшийся им в 1780—1789 гг.

В последней четверти XVIII в. попытки преобразования и новообразования органических форм путем их искусственного скрещивания и гибридизации были сделаны у нас и другими практиками-растениеводами и животноводами. На конских заводах проводились успешные массовые и дорого стоившие гибридогенные опыты выведения русской породы рысистых лошадей¹. Настойчивость в постановке этих опытов положила прочную основу для выведения знаменитой в XIX в. русской породы «орловских рысаков».

Практические наблюдения растениеводов и животноводов вместе с богатейшими материалами академических экспедиций явились той основой, на которой строились теоретические обобщения, относящиеся к учению об изменчивости живых существ. В этой связи должны быть названы труды П. С. Палласа, А. А. Каверзнева, И. И. Лепехина, К.-Ф. Вольфа.

До переселения в Россию в 1757 г. у Палласа еще не было более или менее отчетливых эволюционных представлений, хотя он и придерживался воззрения, согласно которому растения и животные, вместе взятые, образуют в морфологическом отношении известное единство, систему форм, соединенных постепенными переходами («*Elenchus Zoophitorum*», 1760).

Во время экспедиции, о которой речь была выше, Паллас наблюдал на обширных русских пространствах разнообразие органических форм как близких одних к другим, так и более отдаленных. Сопоставление более или менее родственных видов могло подсказать Палласу мысль об их про-

¹ Из обширной литературы вопроса см.: В. О. Вурт. Из истории русского коноводства, 1952; М. Е. Лобашев. Очерк по истории русского животноводства. М.—Л., 1954.

исхождении друг от друга путем медленных изменений. В 1772 г. он довольно отчетливо сформулировал эволюционный взгляд в небольшой статье¹. Паллас писал: «Как кажется, природа даже, если можно так выразиться, в своих ошибках соблюдает известные законы. Так, имеются известные отклонения у многих животных, происходящие всегда одинаковым образом и образующие как бы побочные виды, из которых, пожалуй, действительно могли возникнуть различные виды в течение веков, через длительный ряд поколений. Так что очень вероятно, что многие близко родственные виды, которые мы после замечаем в животных и растительных царствах, могли иметь некогда такое происхождение».

Молодой русский ученый А. А. Каверзнев (род. около 1748 г., год смерти неизвестен) был отправлен Вольным экономическим обществом в Германию для изучения пчеловодства. В 1775 г. он напечатал на немецком языке небольшую диссертацию «*Von der Abartung der Thiere*» («О перерождении животных»)². Предметом этой диссертации был вопрос об изменчивости животных и ее причинах. По Каверзневу, «существуют три причины изменчивости животных: две естественные, а именно — температура, зависящая от климата, и характер пищи, а третья возникает непосредственно от гнета порабощения [человеком]». Развивая эти идеи, Каверзнев находился под влиянием материалистической традиции.

Несколькими годами позднее И. И. Лепехин писал, что «прозябаемые [растения] так, как животные, могут приобикнуть к разному климату и разной, смотря по стороне, ими обитаемой, получить состав, от которого и действия их перерождаются»³.

Вопрос о влиянии физической среды на образование и индивидуальное развитие организмов подробно изучал в Академии наук К.-Ф. Вольф (1734—1794), переселившийся в Россию в 1767 г. и продолжавший здесь свои эмбриологические работы⁴. Различия организмов Вольф объяснял действием внешних условий (света, теплоты, воздуха, влаги, пищи и пр.), стремясь дать единую теорию питания, роста и размножения. Он один из первых сформулировал в науке XVIII в. учение о метаморфозе в индивидуальном развитии растений, подробно обосновав, что в процессе индивидуального развития «все части растения, за исключением стебля, являются лишь видоизмененными листьями»⁵. При экспериментальном

¹ Она была помещена в «*Stralsundisches Magazin*», 1772, т. 2.

² В 1778 г. она была напечатана в несовременном русском переводе, переизданном в 1787 г. Новый русский перевод, выполненный Б. Е. Райковым совместно с С. Л. Соболев, помещен в «Научном наследстве», т. II (М., 1951, стр. 506—512) и перепечатан в издании: «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I. Л., 1952, стр. 387—396.

³ И. И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г., ч. III. СПб., 1780, стр. 93.

⁴ Первой печатной работой его в этом направлении была «Теория зарождения», вышедшая в 1759 г. (русский перевод. М., 1950).

⁵ К.-Ф. Вольф. О развитии кишечника у цыпленка. Напечатана в 1768—1769 гг. в «*Novi Commentarii*» Петербургской Академии наук, т. 12—13. Цит. по статье А. Е. Гайсина (русский перевод «Теории зарождения». М., 1950, стр. 426).

изучении индивидуального развития животных Вольф в известной мере руководствовался сходной мыслью о роли так называемых первичных «листочков», служащих морфологической основой зародышевого развития, и тем самым подготовил дальнейшую разработку этого вопроса в XIX в.

Привлекая большое количество новых фактов, подвергнув критике распространенную в его время теорию преформизма, согласно которой индивидуальное развитие сводится к простому увеличению в размерах, к росту предсуществующих зачатков, Вольф способствовал проникновению в биологию новых представлений. Его эмбриологические труды, посвященные индивидуальному развитию организмов, подготовляли почву для последующих успехов эволюционного учения об изменении растительных и животных видов.

Глубоким и блестящим экспериментальным исследованием в русской биологии того времени явилась микроскопическо-гистологическая диссертация А. М. Шумлянского (1748—1795) о строении почек, получившая мировую известность¹. Трагическая судьба самого Шумлянского, долго и почти безуспешно пытавшегося найти применение в России своему крупному научному таланту, служит одним из ярких показателей пагубного действия общественно-политической реакции того времени на русскую науку.

Блестящие результаты экспериментальных исследований Шумлянского в значительной мере объясняются материалистическим направлением его мыслей. В книге «Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки» (медицины), вышедшей в 1787 г., ясно сформулирован материалистический принцип понимания природы — принцип «взаимной зависимости» вещей, начиная от неодушевленных и кончая человеком. Человек, как и всякий другой организм, подчинен в своей жизнедеятельности тем же законам взаимосвязи и взаимодействия, что и вся остальная природа. «Физиолог по основаниям, анатомиками изведенным, взирает на тело живого человека как на животную машину, из бесчисленных сочленений состоящую... Твердых частей движение повинуетя законам механики, и жидких правилам гидравлики; иные действуют силою воздуха, а другие силою света»².

До сих пор были рассмотрены положительные достижения русского естествознания второй половины XVIII в. Но далеко не все содействовало тогда успешности и даже самой возможности разработки естественно-научных проблем.

Прогрессивным ученым приходилось преодолевать сильное сопротивление реакционных кругов русского общества.

¹ А. М. Шумлянский. *Dissertatio inauguralis anatomica de structura renum*. Argentorati, 1782. Диссертация опубликована на русском языке в кн. С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. М.—Л., 1949, стр. 519—558.

² Цит. по ст. С. Л. Соболев. Основоположник отечественной гистологии А. М. Шумлянский. «Научное наследство», т. II, стр. 427.

Неустанно подчеркивая связь всех наук в природе, великий Ломоносов упорно оберегал их от вторжения одной «науки» — богословия. Между науками о природе и богословием он воздвиг непроницаемую стену и настоятельно требовал от духовенства «не привязываться» к учениям, показывающим «правду физическую», а в особенности «не ругать наук в поповедях»¹. Вековая борьба науки против невежества и суеверия нашла у Ломоносова свое поэтическое выражение в образе Прометея, прикованного богами к скале за похищение небесного огня.

12 июля 1753 г., когда Г.-В. Рихман погиб во время грозы при наблюдении атмосферного электричества, М. В. Ломоносов писал И. И. Шувалову: «господин Рихман умер прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность». Но вместе с тем он высказывал опасение, как бы «сей случай не был протолкован противу приращения наук»², т. е. он боялся, что обскуранты увидят в смерти Рихмана небесную кару за неслыханную дерзость нового Прометея. Подобные толкования не заставили себя ждать, чему примером может служить высказывание В. А. Нащокина³.

В 1756 г. Синод представил Елизавете доклад о запрещении по всей империи книг, «противных вере и нравственности», дабы «никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, не отваживался»; в частности испрашивалось разрешение на изъятие книги Фонтенелля «Разговоры о множестве миров», напечатанной в русском переводе А. Кантемира в Петербурге в 1740 г.⁴ В том же году Синод возбудил вопрос о запрещении перевода поэмы А. Попа «Опыт о человеке», выполненного по указанию и под редакцией М. В. Ломоносова Н. Н. Поповским, на том основании, что «издатель оныя книги, ни из св. писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему, також и мнение о множестве миров, св. писанию совсем не согласное»⁵.

Реакция, усилившаяся в последних десятилетиях XVIII в., разными путями проникла и в область естествознания, сильно тормозя его развитие. В этой обстановке, например, некоторые русские академики стали сопровождать перевод «Естественной истории» Бюффона, предпринятый в конце 80-х годов, примечаниями, в которых, под влиянием реакционной библейской догмы о миротворении, отстаивалась идея неизменности

¹ М. В. Ломоносов. Мнения о университетском и гимназическом регламенте и о привилегии; П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 418.

² М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, М.—Л., 1948, стр. 131.

³ «Записки В. А. Нащокина». СПб., 1842, стр. 116; М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII. М.—Л., 1948, стр. 68 второй пагинации.

⁴ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1947, стр. 263.

⁵ Там же, стр. 287—288

живой природы. Однако подобного рода факты ни в какой степени не могут умалить огромное значение результатов, достигнутых к тому времени передовой русской наукой. Свое философское обобщение они нашли к концу века в трудах А. Н. Радищева.

* * *

Во второй половине XVIII в. в России развивалась медицинская наука. Основными предпосылками для этого являлись, с одной стороны, общий подъем культуры и науки, в частности естествознания, а с другой — острая необходимость улучшить медицинскую помощь в стране. Борьба с убылью населения в результате частых эпидемий, и высокой детской смертности была связана с погребностью помещичье-дворянской империи в сохранении и увеличении числа рабочих рук для сельского хозяйства и нарождающейся промышленности и солдат для армии. Необходимость улучшить постановку медицинского дела заставляла правящие круги заботиться о росте количества врачей в стране. Эта забота находила отклик в представителях передовой разночинной интеллигенции, из среды которой черпались медицинские кадры.

Если в первой четверти XVIII в. на всю страну существовала только одна медицинская школа при Московском госпитале, то в дальнейшем такие госпитальные школы создаются в Петербурге (при сухопутном и адмиралтейском госпиталях), в Кронштадте, Елизаветграде, при Колывано-Воскресенских заводах и т. п. В 1786 г. эти школы были отделены организационно от госпиталей и превращены в медико-хирургические училища.

В Петербурге создаются специальные медицинские учебные заведения — Медико-хирургический институт, Повивальный институт, Медико-хирургическая (впоследствии Военно-медицинская) академия, в Москве — медицинский факультет университета.

Все это принесло свои плоды. В 1681 г. в списке «чинов Аптекарского приказа» числилось всего 35 докторов и лекарей¹. Через 100 лет — в 1780 г. — в ведении Медицинской коллегии находилось уже «докторов 46, лекарей 488, подлекарей 364»². Однако количество врачей возросло далеко не пропорционально потребностям³. Крестьянское население было лишено врачебной помощи. Представители крестьян в комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 г. говорили: «Хотя во многих городах и есть лекари, но не было еще примера, чтобы один из них когда-нибудь зашел к страждущему крестьянину и подал ему какую ни есть помощь»⁴.

¹ Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871, прилож., стр. XIII—XVIII.

² Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 353.

³ Сб. РИО, т. 8, стр. 521, 542.

⁴ Там же, стр. 380.

Наряду с ростом числа лечебных учреждений и пунктов медицинского образования возникают и очаги медицинской науки.

Философские, научные и общественные взгляды М. В. Ломоносова получили свое отражение и развитие также и в русской медицине XVIII в. В некоторых произведениях русских врачей встречаются отзвуки его идей о корпускулярном строении тел (С. Г. Зыбелин), о сохранении вещества (Н. М. Максимович-Амбодик), о борьбе с детской смертностью (С. Г. Зыбелин), о необходимости распространения медицинских знаний (А. Г. Бахерахт).

Взгляды большинства русских врачей покоились в основном на прочном фундаменте опыта. Прекрасное выражение нашло это направление в словах профессора медицинского факультета Московского университета С. Г. Зыбелина (1735—1802): «Не должно рассуждать о вещах так, как их тот или другой описал сочинитель, но как природа оные произвела и глазам нашим представляет. Желательно, чтобы все были больше с натурой согласны и оной бы везде последовали, а не суемудренным своим умствованием предупреждали и как бы вооруженною рукой ей законы свои предписывали; но сами повиновались и разум пленяли в ее послушание, ибо противные ей ума изобретения скоро истлевают»¹.

Во второй половине XVIII в. появилось много оригинальных сочинений русских ученых-врачей и переводов иностранных книг. В 1792 г. вышел первый в России медицинский журнал — «Санкт-петербургские врачебные ведомости».

Наибольшие достижения русской медицины XVIII в. относятся к тем ее отраслям, развитие которых настоятельно требовалось запросами жизни.

Бичом России XVIII в., как и других стран Европы, были инфекционные болезни, особенно оспа и чума. В середине этого столетия начали практиковать оспопрививание в первоначальной его форме так называемой вариоляции, т. е. заражения гноем из оспенных пустул. Такая прививка хотя и не избавляла от заболевания, но значительно уменьшала смертность от оспы.

Русские врачи встретили оспопрививание весьма сочувственно. Были организованы специальные «оспенные дома», где производились прививки. Оспопрививание позднее распространилось по России, вплоть до ее далеких сибирских окраин. Было издано много книг и статей, посвященных оспе и противооспенным прививкам.

В 1770—1772 гг. в России распространилась эпидемия чумы. Это общественное бедствие, опустошившее ряд городов, заставило серьезно заняться изучением природы болезни и мер борьбы с нею. В это время выдвинулось много самоотверженных врачей-ученых, таких, как А. Ф. Ша-

¹ С. Г. Зыбелин. Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей из того крепости в теле человеческом (1768). «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Московском университете», ч. II, М., 1775.

фонский¹, К. О. Ягельский, Д. С. Самойлович, энергично боровшихся с чумой и обогативших науку капитальными трудами, касающимися этой и других инфекционных болезней.

В противовес распространенному учению о передаче болезней по воздуху (парами — «миазмами»), многие русские врачи отстаивали точку зрения передачи болезней контагионами, т. е. путем соприкосновения. Эта точка зрения была прогрессивной для того времени, так как уничтожала представление о неизбежности заражения и позволяла наметить конкретные способы борьбы с эпидемиями. Наиболее выдающимся представителем этого учения был Д. С. Самойлович (1744—1805)². В своих сочинениях он убедительно опровергал ошибочные, архаические теории передачи чумы, доказывая, что она передается соприкосновением, и создал стройную систему мероприятий по борьбе с эпидемией. В известной степени она сохранила свое значение до настоящего времени. Самойлович предвосхитил принцип, лежавший в основе современных профилактических прививок. Сочинения Самойловича принесли ему общеевропейскую известность и были переведены на некоторые иностранные языки. Самойлович был избран членом двенадцати европейских академий. Вместе с тем Петербургская Академия наук отказала Самойловичу в звании академика.

Наряду с эпидемиями большой урон населению приносила высокая детская смертность. Поэтому русская медицинская наука XVIII в. очень много внимания уделила родовспоможению и уходу за младенцами. Большая заслуга в разработке этих вопросов пришлась на долю Н. М. Максимовича-Амбодика и С. Г. Зыбелина. Первому принадлежит большой четырехтомный труд «Искусство повивания» (1784—1786), с передовых для того времени позиций излагавший основы акушерства и ухода за детьми. Второй в ряде публичных выступлений (впоследствии изданных) разработал принципы питания младенцев, намечал систему разумного физического воспитания детей³.

Большое развитие в русской медицине XVIII в. получило изучение лекарственных растений. Характерным для русских врачей было внимательное изучение лекарственных растений, «простым народом в болезнях употребляемых»⁴, признание того, что «врачебная наука ввела в упо-

¹ А. Ф. Шафонский. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г. М., 1775.

² Д. С. Самойлович. *Mémoires sur la peste qui en 1771 ravagea l'Empire de Russie et Surtout Moscou la capitale.* Paris, 1783.

³ С. Г. Зыбелин. Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела. М., 1775; *Его же.* Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину, состоящую в неприличной пище младенцам, даваемой в первые месяцы их жизни. М., 1780.

⁴ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. I—III. СПб., 1771—1780. С чрезвычайной полнотой отечественные лекарственные растения описаны в трудах Н. М. Максимовича-Амбодика «Врачебное веществословие» (СПб., 1783—1788) и «Первоначальные основания ботаники» (СПб., 1796).

требление множество таких вещей, которых пользу узнали прежде всего простые люди» (Н. Я. Озерецковский)¹.

Ведущим направлением русской медицины XVIII в. было клиническое, основанное на опыте и наблюдении. Русские врачи считали, что решающую роль в здоровье и болезни играют внешние воздействия, условия среды². Правильным пониманием влияния внешней среды объяснялось внимание передовых русских врачей XVIII в. к вопросам гигиены, получившим освещение в трудах С. Г. Зыбелина, Н. М. Максимовича-Амбодика, И. И. Лепехина, А. Г. Бахерахта и др. Основным принципом гигиены русские врачи признавали «следование природе», «согласие с природой». «Чем больше человек повинуетя природе и ее законам, тем долее живет», — провозглашалось в большинстве гигиенических сочинений³.

Вера в благотворную, целительную роль природы сказалась и в принципах лечения. «Врачи — лишь помощники природы». У ряда передовых русских врачей за этим утверждением скрывалось правильное представление о наличии в организме защитных механизмов, позволяющих ему самому справиться с болезнью. Задача врача — не противодействовать им, а своим лечебным вмешательством помочь им и их усилить⁴. Клинический опытный подход привел передовых русских врачей к пониманию необходимости индивидуализированного лечения.



Титульный лист издания «Санктпетербургские врачебные ведомости», ч. I. СПб., 1793.

¹ «Месяцеслов с наставлениями на 1782 г.», стр. 53; «Новые ежемесячные сочинения», 1786, октябрь, стр. 60.

² С. Г. Зыбелин. Слово о сложениях тела человеческого (1777). «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами одного», ч. 1—4, М., 1819—1823.

³ А. Вицман. Правила для желающих наслаждаться долголетнею жизнью. СПб., 1799, стр. 5.

⁴ Н. М. Максимович-Амбодик. Врачебное веществословие или описание целительных растений... Кн. 1, СПб., 1783.

Материалистические тенденции были ведущими в русской медицинской науке второй половины XVIII в. В русской медицинской литературе того времени часто указывалось, что человеческий организм повинуетя не влечениям души, а «уставам естества», т. е. законам физики¹. Русские врачи настойчиво искали материальный субстрат болезней² и даже источник некоторых психических расстройств были склонны видеть в «механической причине»³. Они правильно учитывали как влияние психики на жизненные функции, так и влияние телесных проявлений на психические.

Развитие медицины в России во второй половине XVIII в. проходило в острой борьбе. Русской медицинской науке приходилось преодолевать суеверия, предрассудки, а также сопротивление со стороны большинства иностранных врачей, которые препятствовали развитию медицины в России и появлению русских ученых-врачей. Иноземные врачи находили поддержку со стороны правящей аристократической верхушки, не верившей в знания русских ученых, в силу чего некоторые выдающиеся русские врачи-ученые не получили должного признания на родине. Передовые русские врачи горячо отстаивали научные достижения русской медицины и ее право на самостоятельное развитие.

* * *

Выдающихся достижений добилась в 60—90-х годах XVIII в. русская техническая мысль. Выше уже говорилось о роли, которую сыграл в этой области М. В. Ломоносов. Творческие силы русского народа замечательно проявились и в том, что он выдвинул в это время многих новаторов, чьи изобретения и открытия иногда опережали то, что появлялось в зарубежных странах.

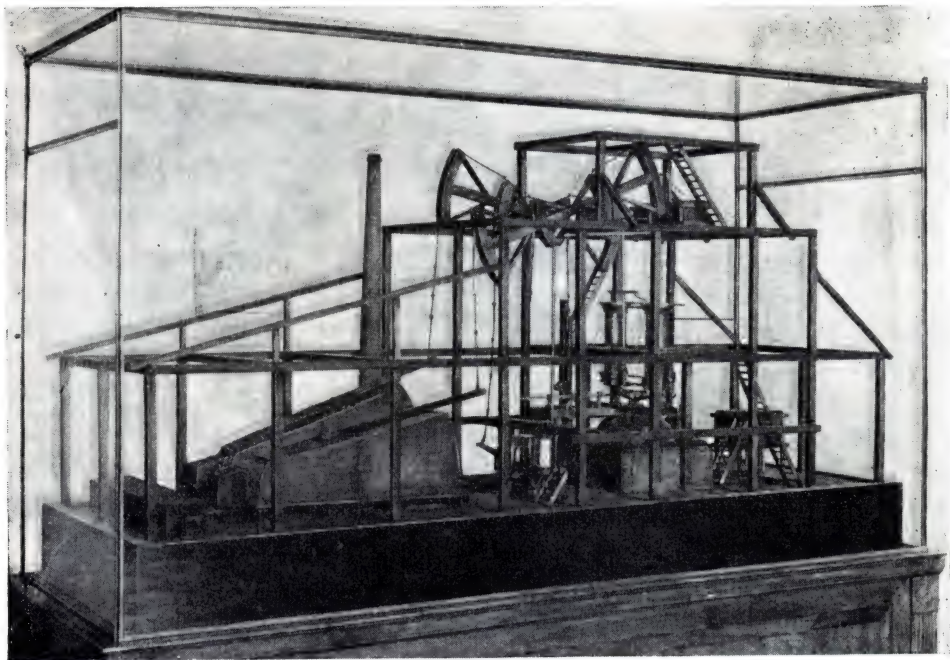
Еще при жизни Ломоносова, в 1760 г., Р. Глишков применил механический двигатель для привода в действие прядильных машин. Водяное колесо приводило в движение изобретенную им «самопрядочную машину» на 30 колес и «мотальную», заменявшую ручной труд 9 человек. Механизируя различные процессы прядильного производства, Глишков создал рабочие машины, увеличивавшие производительность труда в 5—15 раз. Только в 1771 г. появилась в Англии механическая прядильня Аркрайта, приводимая в действие водяным колесом.

В 60-х годах XVIII в. развернулась деятельность великого русского изобретателя Ивана Ивановича Ползунова (1728—1766), создавшего первую в мире универсальную паровую машину, пригодную для привода в действие любых машин и механизмов. Только через два десятилетия после машин Ползунова появилась универсальная паровая машина англичанина Дж. Уатта.

¹ Н. М. Максимович-Амбодик. Врачебное веществословие, кн. 1.

² Д. С. Самойлович. Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. СПб., 1792; см. также Д. Самойлович. Избр. произведения. М., 1949, стр. 51—71.

³ «Академические известия», 1780, июнь.



Модель паровой машины И. И. Ползунова.

Государственный Исторический музей.

Работая на заводах Урала, а затем Алтая, И. И. Ползунов овладел достижениями русской техники и науки того времени. К 60-м годам XVIII в. он стал выдающимся инженером, конструктором, изобретателем. В 1764—1765 гг. И. И. Ползунов построил первую в мире теплосиловую установку, пригодную для привода в действие любых заводских механизмов. Во всех ее звеньях были обеспечены непрерывность действия, автоматизм.

Все звенья теплосиловой установки Ползунова, как выразился ее автор, «сами себя в движении держали». Он сделал свою машину целиком из металла. Теплосиловая установка Ползунова была сооружена на берегу заводского пруда в Барнауле, в здании, достигавшем в высоту 18 м. Трудности строительства были исключительно велики. Изобретатель не имел в своем распоряжении ни одного специалиста. Помогали ему его ученики, особенно Дмитрий Левзин и Иван Черницын, двое отставных мастеровых и несколько «простых мужиков». Изнуренный непосильным трудом, И. И. Ползунов умер от скоротечной чахотки в 1766 г. Пущенная в ход через несколько дней после смерти изобретателя установка успешно прошла испытания и работала отлично. Но эксплуатировалась она всего несколько месяцев. Остановленная из-за вполне устранимой течи котла, машина, хотя сама по себе и была вполне исправной, больше уже не приводилась в действие. В условиях феодально-крепостнического производства изобретение Ползунова, конечно, не могло получить всеобщего

распространения. Но использование отдельных машин было вполне возможно, и это понимали передовые русские ученые того времени.

Однако иной точки зрения придерживались учреждения, ведавшие алтайскими заводами, и руководители Академии наук, куда тщетно обращались ученики И. И. Ползунова. В конце концов управители алтайских заводов Ирман и Меллер уничтожили замечательную машину.

В рядах русских механиков этой половины XVIII в. плодотворно трудились такие выдающиеся деятели, как К. Д. Фролов и И. П. Кулибин.

Козьма Дмитриевич Фролов (1726—1800) был одним из лучших во второй половине XVIII в. знатоков горнозаводского дела и гидротехники. В 1760 г. он построил на Урале машину для извлечения из руды золота. В 1763—1765 гг. Фролов соорудил на Алтае, на р. Корбалихе, водоподъемную плотину, направляющую воду в деривационный канал. Один и тот же поток приводил в действие водяные колеса на расположенных здесь предприятиях. Фролов изобрел и применил первые внутризаводские рельсовые пути с ходившими по ним саморазгружающимися вагонетками.

В 80-х годах XVIII в. Фролов создал на Змеиногорском руднике выдающееся для того времени инженерное сооружение: подземную гидросиловую установку для подъема руд и удаления воды из рудника. На речке Змеевке он построил земляную плотину высотой в 18 м, сооруженную с таким мастерством, что она работает по сей день. Применяв каскадно-деривационный принцип, Фролов силой одного и того же водного потока заставил последовательно приходить в действие водяные колеса пильной мельницы, водоподъемников и рудоподъемников. Змеиногорская подземная гидросиловая установка Фролова превосходила по своему совершенству, мощи и назначению французскую установку в Марли на р. Сене, считавшуюся самым выдающимся инженерным сооружением XVIII в.

Фролов осуществил и применил в промышленности много важных изобретений: обжиг золотоносной руды перед ее промывкой, автоматический механизм для сухой сортировки руды, пожарную машину-автомат, водяные часы, оригинальные каменные крепления подземных выработок и др. Он разработал грандиозные проекты механизации рудников, оставшиеся неосуществленными в феодально-крепостнической России.

Глубина и разносторонность дарований, присущие Фролову и типичные для передовых русских техников, ярко проявились в творчестве выдающегося русского исследователя, конструктора и изобретателя Ивана Петровича Кулибина (1735—1818). И. П. Кулибин положил очень много труда для развития техники часового дела. В 1767 г. он закончил изготовление «яичной фигуры» — знаменитых часов, хранящихся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Они состояли из 427 миниатюрных деталей, имели три завода — ходовой, боевой и курантный. Специальный механизм приводил в действие фигуры театра-автомата, устроенного в тех же часах.

Часы «яичной фигуры» принесли Кулибину столь большую известность, что его пригласили в 1769 г. в Петербург, где он стал руководить механическими мастерскими Академии наук.



И. П. Кулибин. Портрет маслом работы П. П. Веденецкого. 1818г.

Государственная Третьяковская галерея.

Точность в приборостроении — самая важная сторона дела. Как далеко пошел в этом направлении Кулибин, показывают сконструированные им астрономические карманные часы с отличным компенсатором нового типа. Эти часы показывали времена года, месяцы, дни, часы, минуты, секунды, фазы луны, время восхода и захода солнца в Петербурге и Москве. В одном из вариантов этих часов была предусмотрена стрелка, отсчитывающая четверти секунды. Вслед за М. В. Ломоносовым И. П. Кулибин изобретал и изготовлял различные физические приборы. Вместе со своим

учеником И. Г. Шершневым и оптиком И. И. Беляевым он создал первый в мире ахроматический микроскоп на основе расчетов Л. Эйлера.

Кулибину принадлежит первенство в создании арочных мостов с решетчатой фермой. В 1776 г. он разработал проект одноарочного моста через Неву с пролетом 298 м, остающийся по сей день непревзойденным образцом деревянного мостостроения. Ему принадлежат первые проекты металлических мостов через Неву с решетчатыми арками. В числе его изобретений — оригинальная сеялка, протезы для инвалидов, мощный подъемник для соляного рассола, семафорный телеграф, своеобразные гидросиловые установки, замечательный прожектор — «кулибинский фонарь». Разработав проект «самобеглой коляски», он дал конструктивные решения, которые были повторены только через столетие строителями первых автомобилей. Он изобрел и построил серию «водоходов» — судов, двигавшихся вверх по реке. На рубеже XIX в. он начал работать над созданием пароходов.

Труды и изобретения И. П. Кулибина не получили должного признания со стороны правительства, которое использовало его как придворного иллюминатора и декоратора. Он умер нищим, и для того, чтобы похоронить его, пришлось продать последние остатки его вещей. Пользуясь созданными Кулибиным приборами, русские ученые выполнили много важных исследований.

Значительных успехов достигла во второй половине XVIII в. русская горнозаводская техника. А. С. Ярцов, И. Г. Зыкин, Андрей Бессонов и другие уральские, алтайские, олонечские техники дали много новых решений для развития металлургического производства. Русский металл с уральской маркой «Старый соболь» получил тогда широкую известность.

Документы показывают, что во второй половине XVIII в. в стране были люди, искавшие новых, передовых решений технических задач. Среди них: строители горнозаводских плотин и деривационных систем Дорофей Головин и его товарищи, изобретатель жатвенной машины Бобрин, изобретатель математических инструментов и многих монетных и иных машин Лев Сабакин и многие другие. Труды их сочетались с трудами русских ученых, подхвативших и продолживших начинания М. В. Ломоносова. Об этом свидетельствует деятельность А. А. Мусина-Пушкина, заложившего основы современной технологии платины, В. М. Севергина — автора многих трудов по металлургии, минералогии, химической технологии, приборному искусству. Возросло во второй половине XVIII в. количество опубликованных книг и журнальных статей в области техники¹.

¹ Из оригинальных русских книг по технике следует назвать: *С. Котельников*. Молодой геодет, или Первые основания геодезии (1766) и «Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел» (1774); *Н. Г. Курганов*. Книга морской инженер (1777); *И. Комов*. О земледельных орудиях (1785). В 1791 г. *А. Колмаков* опубликовал «Справочник по гидравлике и гидротехнике». В 1778 г. вышел из печати классический труд русского академика *Л. Эйлера* «Полное умозрение строения и вождения кораблей» (СПб., 1778).



Модель деревянного арочного моста И. П. Кулибина. 1776 г. Гравюра 1799 г.

Известные успехи были достигнуты и в области русского технического образования. М. Ф. Соймонов и В. В. Нарышкин основали первое высшее учебное заведение по горнозаводскому делу — Горный институт в Петербурге, существующий доныне.

Трудами М. В. Ломоносова, его современников и продолжателей русская техника заложила во второй половине XVIII в. основу для своего дальнейшего творческого развития.

* * *

В середине XVIII в. большое внимание уделялось и вопросам русской исторической науки. В 1749—1750 гг. великий ученый-патриот М. В. Ломоносов включился в разгоревшуюся в Академии дискуссию по поводу диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского», написанной в духе крайнего норманизма. Ломоносов выступил против антинаучной норманистской концепции Миллера. На основании русских летописей, античных и средневековых источников Ломоносов убедительно показал, что славяне играли большую и вполне самостоятельную роль в общеевропейской истории¹.

В 50-х годах Ломоносов много работал над историей России. Главными его трудами в этой области являются «Краткий российский летописец с родословием» (1759) и более пространная «Древняя Российская история

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1953, стр. 79—80.

от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года» (закончена в 1758 г., вышла в свет после смерти Ломоносова в 1765 г.). Активным носителем исторического прогресса Ломоносов считает русский народ. В формировании русского народа в древнейший период он придавал ведущее значение процессам миграции племен, смешению разных этнических групп и языков, наконец, действию «правов, поведения, веры»¹. Этногенез русских славян он изображал как весьма длительный, издревле идущий процесс. И хотя в конкретном обосновании этих идей Ломоносов зачастую ошибался, не располагая достаточными источниками и современными нам методами исследования, его взгляды были во многом оправданы и обоснованы позднейшей исторической наукой. В понимании новейшей (для того времени) истории России он твердо придерживался высокой оценки петровских реформ, о которых восторженно и проникновенно говорил в «Слове похвальном Петру Великому» (1755).

Ломоносов интересовался развитием производительных сил страны. Народное хозяйство он рассматривал как результат трудовой деятельности народа. В 1759 г. он провел через Академию наук и Сенат «формы запросов» (анкету) из 30 вопросов («для сочинения вновь исправнейшего российского атласа»), касающихся состояния городов, сельского хозяйства, промышленности, торговли, путей сообщения и др. Ответы обрабатывались под общим его руководством. Однако ему не довелось дожить до завершения этой работы. Только в 1771—1774 гг. Академия наук издала основанные на этих данных «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи» (в 4 частях).

В 1763 г. Ломоносов пытался подойти к установлению успехов народного хозяйства России в наброске проекта «Экономического лексикона российских продуктов и показания внутреннего и внешнего оных сообщений с принадлежащими к тому ландкартами». Но он не дожидаясь реализации и этого проекта. Однако мысли его по этому предмету оказались весьма плодотворными и имели многих продолжателей.

В качестве главы Географического департамента Академии наук Ломоносов еще с 50-х годов поставил на очередь и разработал множество важнейших географических и картографических тем.

В это время велась большая работа в области общественных наук. В конце жизни В. Н. Татищев составил разносторонний, но не завершённый «Лексикон российской исторической, географической, политической, гражданской» (первая его часть была издана только в 1793 г.). О таком лексиконе думал и Ломоносов. Одновременно с Ломоносовым и в его же духе задумывался над вопросами развития производительных сил страны П. И. Рычков, выступивший с «Перепиской между двумя приятелями о коммерции». Крупным историческим трудом была «История Российская»

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1953, стр. 174—187.

В. Н. Татищева, первые четыре книги которой начали издаваться только с 1768 г. Написанная в аспекте интересов дворянства, сочувствовавшего реформам Петра I, она состояла из текста и примечаний. В тексте автор старался дать взаимно дополняющие элементы летописного изложения, а в примечаниях комментировал последние со своей классовой позиции. Русскую историю Татищев делил на четыре периода: древнейший (до Рюрика), период до нашествия монголов, монгольский и период освобождения от монголов — с начала правления Ивана III до воцарения Романовых. Это была попытка относительно связного изложения русской истории, при всей классовой односторонности проникнутого любовью к родной культуре, которой автор уделял большое внимание. Однако Татищеву не удалось довести свое изложение до конца. «История» Татищева явилась ценным подспорьем для более поздних русских историков — М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др.

Защитниками и выразителями экономических и политических притязаний буржуазии на некоторое уравнивание ее прав с господствовавшим дворянством выступили профессора Московского университета С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Ф.-Г. Дильтей, И.-М. Шаден, А. А. Артемьев и др. В «Представлении о учреждении законодательной и судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), в рукописи, представленной Екатерине II, С. Е. Десницкий объяснял, как можно обеспечить «богатство и изобилие» не только для дворянства, но и для буржуазии. Коллега его И. А. Третьяков выступил с проектом содействия быстрому «обогащению» имущих классов, изложенным в «Рассуждении о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772). Советуя поощрять «трудолюбие земледельцев», т. е. крепостных крестьян, путем правительственного их «защипения и

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

отъ начала

РОССИЙСКАГО НАРОДА

до кончины

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО

или до 1054 года,

сочиненная

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ Химіи,
и Членомъ Санктпетербургской Император-
ской и Королевской Шведской Ака-
деміи наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Титульный лист «Древней Российской истории»
М. В. Ломоносова. СПб., 1766.



П. И. Рычков. Гравюра Осипова, 1801 г.

ободрения» от помещиков, отмечая роль денег и банков в хозяйственной жизни, Третьяков особенно подчеркивал «две настоящие государственного обогащения причины»: «разделение трудов и изобретение художеств».

Внимание к интересам купеческой буржуазии проявлялось в эту эпоху не только в кругах московской профессуры. В первых «Трудах Вольного экономического общества», выходящих с 1766 г., стали появляться работы с разносторонней программой. Однако уже с конца 60-х и особенно с начала 70-х годов на страницах этого журнала все более начинали преобладать вопросы сельского, по преимуществу помещичьего хозяйства.

В 1770 г. в XVI томе «Трудов» были напечатаны два «Наказа для деревенского управителя в отсутствие помещика» — А. Т. Болотова и П. И. Рыčkова. Наказы содержали указания приказчикам по поводу мер и приемов управления помещичьими имениями на основе максимальной эксплуатации крестьянского труда, по возможности без разорения крестьян, но с применением наивыгоднейших для помещиков организационных и технических средств и при соблюдении контроля над приказчиками в интересах помещиков. Некоторые научно ценные экономические и агротехнические методы ставились, таким образом, на службу крепостникам.

Другим характерным отражением работы дворянской экономической мысли является так называемая Хозяйственная анкета 1767 г., составленная и распространенная на местах по указанию правительства в целях изучения причин роста хлебных цен в России, — вопроса, тревожившего правительство в связи с социальной опасностью дороговизны¹.

С конца 60-х годов началась довольно оживленная публикация архивных материалов. В 1767 г. была издана «Русская Правда», в 1770 г. — «Журнал или поденная записка» Петра I и др. При содействии московских

¹ Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. в «Летописях занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. 35, Л., 1929, стр. 39—104.

архивистов Н. И. Новиков в 1773—1775 гг. издавал в Петербурге замечательную серию исторических документов — «Древнюю Российскую Вивлиофику». В ней публиковались старинные княжеские грамоты дворянству и духовенству, дипломатические материалы, документы по истории расширения русских владений, дворянские родословные и послужные списки, отрывки из летописей и документы по истории древнерусского просвещения и техники. Новиков хотел, чтобы в «Вивлиофике», как писал он в предисловии, отразилась «великость духа» предков, «украшенного простотой», чем «Вивлиофика» должна была содействовать укреплению любви к родине.

Новиков проявил себя не только патриотической «Древней Российской Вивлиофикой», но и замечательным «Опытом исторического словаря о российских писателях» (1772). Это был первый в России опыт подведения с позиций просветительства исторических итогов и достижений прогрессивной русской культуры, преимущественно XVIII в. «Словарь» охватывал деятелей русской философии, науки, отчасти техники, литературы и искусства. Новиков заявлял в предисловии к «Опыту»: «Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются».

Одновременно велась работа по изучению исторического процесса в России. В 1770—1774 гг. появились первые три тома «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатова.

Главным источником для «Истории» Щербатова служили летописи. Частично он учитывал уже и «Русскую Правду». С III тома в поле его зрения начали входить и некоторые актовые материалы. Периодизация русской истории у Щербатова мало отличается от татищевской. Щербатов проявил полную неспособность учесть и осмыслить роль народа в истории. Грубые ошибки он допускал и в исторической географии и этнографии.

В последней четверти XVIII в. развитие общественных наук происходило после кровавого подавления крестьянского движения 1773—1775 гг., в условиях реакционного стремления дворянско-крепостнической России укрепить феодальный строй.

Наиболее характерными для дворянской экономической мысли этого периода были классово выраженные выступления кн. М. М. Щербатова и А. Т. Болотова. В ряде произведений 80-х годов Щербатов настаивал на необходимости передачи дворянству всех, в том числе и государственных, земель, с закрепощением крестьянского населения; он требовал еще большего увеличения дворянских привилегий в промышленности в ущерб буржуазии, находил недостаточно выгодными для дворянства меры правительственной финансовой политики и т. д. Излагая все это, Щербатов невольно вскрывал в «Размышлениях о дворянстве» внутреннюю порочность и разложение крепостного строя. В отличие от него Болотов был в общем удовлетворен экономической политикой правительства. Все вопросы дворянского хозяйствования Болотов сводил к мерам и способам

наивыгоднейшего использования дворянством растущих товарно-денежных отношений.

Для содействия помещикам в усвоении этих способов Болотов и издавал свои журналы — «Сельский житель» (1778—1779) и «Экономический магазин» (1780—1789).

Более значительную научную экономическую работу проводили в своих классовых экономических интересах представители купеческой буржуазии, не чуждые до некоторой степени народнохозяйственных установок. Среди относящихся сюда экономических и частью исторических произведений А. Фомина, В. Крестинина, М. Чулкова и др. наиболее интересным было принадлежащее М. Д. Чулкову обширное (7 томов, 21 кн.) «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной» (1781—1788). Для Чулкова торговля является «первым источником царских сокровищ», а «купцы — наиполезнейшие члены в обществе». Обращаясь, в первую очередь, к «капитальным купцам», он ставил перед собой задачу «собрать полную систему как бывшей до сего [с древности], так и ныне отправляющейся [русской] торговли». Под такой системой он разумел охват всех сторон и элементов торгового дела. Основанный в значительной степени на архивных документах, изобилующий подробностями о городах, реках, предприятиях, лицах и т. д., труд Чулкова явился исключительным для своего времени по полноте материалов о русской торговле и других хозяйственных вопросах.

Обстоятельное учебное руководство по экономической географии России составлено с буржуазных же позиций профессором Московского университета Х. А. Чеботаревым¹. Ни словом не упоминая о дворянах и не называя крестьян «крепостными», Чеботарев интересовался главным образом хозяйственной деятельностью «купечества», в состав которого он включил собственно купцов, а также городское и сельское население, принимавшее большее или меньшее участие в торговле и промыслах. Он обращал внимание также на природные ресурсы и крупную промышленность отдельных районов.

Активно занимаясь экономическими и государственно-правовыми проблемами, деятели последней четверти XVIII в. с неменьшим интересом обращались и к проблемам истории. Историки могли теперь опираться на большой объем доступных исторических источников. Между 1788 и 1791 гг. Н. И. Новиков выпустил 2-е издание «Древней Российской Вивлиофики», удвоенное по объему и содержащее большое количество полностью воспроизведенных русских исторических источников.

В области общеисторической обработки архивных материалов наибольшую активность проявили в это время дворянские историки — М. М. Щербатов и И. Н. Болтин.

¹ Х. А. Чеботарев. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776.

Крестьянская война, пережитая Щербатовым, наложила определенный отпечаток на IV—VII томы его «Истории». Уроками крестьянского движения объясняется несколько большее, чем прежде, внимание Щербатова к вопросам социально-экономической истории. Вначале это были вопросы преимущественно финансовой политики, но в более поздних томах «Истории» к ним присоединяются и проблемы экономического состояния служилого дворянства и крестьянства.

Роль народа в истории Щербатов отмечает с чувством ненависти. Напротив, у господствующего дворянства он стремится находить всякие «добродетели».

Другой историк этого времени — И. Н. Болтин выступил как представитель интересов среднего дворянства и апологет дворянско-самодержавной политики Екатерины II¹. Он был склонен преуменьшить социальные трудности своей эпохи.

В полемических трудах Болтина «ставятся общие вопросы об отличиях русского исторического процесса от западноевропейской истории, о происхождении русского народа и возникновении крепостного права»². Глубоко оскорбленный невежественно-клеветнической, легкомысленной и претенциозной книгой француза Леклерка (1784) о современной и древней России, он почувствовал себя обязанным «уличить и устыдить наглого ее сочинителя», что и сделал в своих «Примечаниях».



М. Д. Чулков. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.
Государственный Исторический музей

¹ Основные исторические труды И. Н. Болтина: «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (т. I—II. СПб., 1788) и две части полемики с М. М. Щербатовым (СПб., 1793—1794).

² Б. Б. Кафенгауз и Л. Г. Бескровный. Дворянские историки М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и другие. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 210.

Его книги представляли обычно «примечания» по отдельным полемиическим поводам, но эти «примечания» он умел несколько организовать и упорядочить по ряду крупных тем. Он приписывал географической среде и особенно климату ведущую роль в историческом процессе.

При многих ошибках в трактовке отдельных вопросов русской истории, понятных в условиях его времени, Болтин часто выступает как вдумчивый и проникательный исследователь. В древней Руси он правильно отметил наличие земледелия, ремесел и торговли. Вслед за Татищевым он высоко ценил «Русскую Правду» как источник для изучения древней Руси. Он задумывался над проблемой феодализма в России, отмечая принуждение «в первоначалии» развития феодализма на основе права помещика в деревне над его «подданными», и проводил иногда меткие параллели между развитием феодализма в России и на Западе. Болтин занимался историей не только дворянства, но и купечества, духовенства, ремесленников, и в этом его большая заслуга. При всех своих откровенно дворянских взглядах он понимал огромное значение крестьянства в истории России, изучал образование различных его разрядов, и особенно историю его закрепощения, выдвигая в объяснении последнего на первое место роль разнообразных экономических условий. Болтин не ограничивался, как его предшественники, древней историей России, но останавливался (хотя и не без дворянского пристрастия) также на исторических событиях XVIII в. Он проявлял интерес не только к политической и социальной истории, но и к истории русской культуры, к исторической географии России.

Вопросы экономической истории России 80—90-х годов привлекали внимание историков буржуазного направления, рассматривавших их преимущественно под углом зрения торговой буржуазии. Кроме труда Чулкова по «Истории российской коммерции», нужно отметить многочисленные произведения архангельских писателей — А. Фомина и В. Крестинина. Понятен также интерес буржуазных историков к Петру I, много сделавшему для развития нарождавшегося купеческого класса. О нем писал Крестинин и особенно много — Голиков в своих «Деяниях Петра Великого» (1788—1789) и в многотомных «Дополнениях» к ним (1790—1797), всего в 30 томах.

Приведенный в этих трудах огромный фактический материал сохранял значение длительное время.

В разработке вопросов русской истории исключительное место принадлежит А. Н. Радищеву, который первый отметил огромную революционную роль крестьянства в истории России. Раскрытием классового характера самодержавия он оказал влияние на позднейшую правильную трактовку политической истории России.

* * *

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась значительными успехами в развитии передовой русской философии. В то время возник русский философский материализм. Вслед за гениальным М. В. Ломоносовым на попри-

ще философии выдвинулись видные мыслители ломоносовской школы — Я. П. Козельский, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, а ближе к концу века великий демократ и революционер А. Н. Радищев.

Отражая углубление классовых противоречий в стране, нарастание протеста передовых сил общества против крепостничества, русский материализм второй половины XVIII в. был теоретической основой формировавшейся в то время русской просветительной идеологии, отражавшей чаяния задавленных крепостничеством народных, прежде всего крестьянских масс.

Русский материализм не стоял в стороне от прогрессивной зарубежной философии. Чуждые национальной ограниченности, русские мыслители-материалисты высоко ценили и творчески воспринимали философские воззрения французских просветителей. Своими успехами русская материалистическая мысль того времени немало обязана достижениям естествознания.

Рассматриваемый период характеризуется появлением довольно многочисленной философской литературы — оригинальной и переводной, печатавшейся не только в столицах, но и в провинции (в Тамбове, Смоленске). Передовые философские идеи пропагандировались на страницах периодических изданий¹. Не раз издавались в XVIII в. переводы Вольтера, статей из «Энциклопедии»². Французский материализм, нередко в искаженном цензурой виде, был представлен, в частности, переводами отрывков из сочинения Гельвеция «Об уме», из его же поэмы «Счастье»³, опубликованными И. П. Пнинным главами из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха»⁴.

Многие передовые философские произведения распространялись в рукописных копиях⁵. Если прежде философское образование было сосредоточено в духовных школах и академиях, то теперь центром философской борьбы и носителем передовых философских идей, наряду с Академией наук, становится Московский университет, где плодотворно трудились русские мыслители Н. Н. Поповский, Д. С. Аничков и С. Е. Десницкий.

Лагерю материализма противостояла идеалистическая вольфианская философия, официально насаждаемая в духовной и светской школе, и церковная богословская ортодоксия. Немалую роль в этой борьбе играло и реакционное масонство, представители которого (И. П. Елагин, И. В. Лопухин, И. Г. Шварц и др.) выступали в качестве фанатичных противников материализма и атеизма. Однако реакционеры бессильны были подорвать развитие русской материалистической мысли.

¹ «Московское издание» (1777—1781), «Зеркало света» (1786—1787), «Утренние часы» (1788—1789), «Беседующий гражданин» (1789), «Почта духов» (1789), «Санктпетербургский журнал» (1798) и т. д.

² Например, 2 тома в переводе Я. П. Козельского (1770).

³ «Невинное упражнение», 1763; «Зеркало света», 1786.

⁴ «Санктпетербургский журнал», 1798.

⁵ Например, «Зерцало безбожия» неизвестного русского автора.

Родоначальником русского материализма был М. В. Ломоносов; материализм находил твердую почву в его гениальных естественно-научных открытиях. Творчество Ломоносова в обосновании материализма было выдающимся достижением не только русской, но и мировой философской мысли.

Материалистически решая основной вопрос философии об отношении мышления к бытию, Ломоносов писал, что «идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место своего беспрестанно перемещающую»¹. Ломоносов утверждал принцип материального единства мира, признавал движение, протяженность неотъемлемыми свойствами материи. Большое прогрессивное значение имела критика Ломоносовым немецкого лейбнице-вольфианского идеализма. Развивая материалистическую теорию познания, Ломоносов отвергал проповедовавшуюся идеалистами теорию «врожденных идей», вскрывал непоследовательность английского философа Локка, который одновременно с критикой этой теории выдвинул чуждое материализму понятие «внутреннего опыта». Согласно Ломоносову, единственным первоисточником опыта является внешний мир. Он до конца отстаивал принцип познаваемости мира, не сомневался в том, что при помощи опыта, сочетаемого с теорией, люди будут все более овладевать силами природы и что в этом победном шествии науки его родине будет принадлежать почетное место.

Философским воззрениям Ломоносова были свойственны идеи взаимосвязи явлений природы, развития и изменяемости мира. В произведениях Ломоносова имеются зародыши материалистической диалектики. «Твердо помнить должно,— писал он в «Рассуждении о слоях и о внутренностях земных»,— что видимые телесные на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены, что показывает история и древняя география, с нынешнею снесенная, и случающиеся в наши веки перемены земной поверхности»². Он предугадывал зависимость между количественными и качественными изменениями в телах, подходил к различению форм механического движения и к мысли о переходе одного механического движения в другое (например, светового в тепловое). Важное значение в качестве предпосылки для диалектического понимания природы имел великий закон Ломоносова о сохранении вещества и движения.

Враг обскурантизма и поповщины, неутомимый поборник передовой науки, Ломоносов сыграл выдающуюся роль в истории атеистической мысли. Естественно-научное мировоззрение Ломоносова, со свойственными ему элементами диалектики, явилось глубоким для XVIII в. теоретическим обоснованием критики религии. Материалистическое объяснение

¹ М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения, 1950, стр. 455.

² Там же, стр. 396.

природы, выработанное великим русским ученым, нанесло серьезный удар по антинаучному религиозному взгляду на мир, покоящемуся на слепом признании неизменности и незыблемости якобы раз и навсегда созданных богом вещей. Закон Ломоносова, утверждающий несотворимость и неуничтожаемость материи и движения, доказывал несостоятельность библейской легенды о миротворении. Ломоносов смело боролся против вмешательства церкви в науку, раскрывал вред, причиняемый народу суевериями, обрядами и праздниками.

Одним из первых продолжателей Ломоносова в области философии был его ученик по академическому университету, уроженец Украины, Яков Павлович Козельский (род. 1728, ум. после 1793), автор оригинального труда по философии — «Философические предложения» (1768).

Я. П. Козельский дорожил самостоятельностью и независимостью своих суждений. «Я,— писал он,— не ласкал никому из других авторов, каков бы он велик ни был; потому что раболепствующий мнениям других людей равно глуп кажется в глазах мудрого человека, когда он защищает по ласкательству, а не по уверению»¹. В то же время он относился с уважением к передовым зарубежным мыслителям, особенно к Гельвецию и Руссо, многие идеи которых он разделял. В своих философских воззрениях Козельский исходил из признания единой природы мира вещей и мира людей, ибо, как он говорит, «более сих двух предметов натура в себе не имеет» — в качестве воспринимаемой чувствами и существующей вне человека реальности. Впервые в русской философии он дал определение философской науки как особой области, обнимающей «одне только генеральные познания о вещах и делах человеческих»². Ставя перед философией, в качестве основной, социально-этическую задачу искания «правил», ведущих к благополучию человечества, он тем самым отражал характерную уже для XVIII в. черту передовой русской философской мысли — ее стремление служить непосредственным нуждам общества.

Козельский считал основной своей целью дать теоретическое обоснование принципа «истинной добродетели» — гармонического сочетания личного и общего интересов, осуществление которого должно, по его мнению, привести к благополучию человеческого рода. Козельский видел в окружающей человека социальной среде ключ к приведению общества в «совершенное» состояние. Коренное переустройство общественных отношений на справедливых началах он считал неременным условием нравственного совершенствования общества и просвещения народа. «Выполировать (т. е. просветить) народ,— подчеркивает мыслитель,— иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей»³.

Принимая активное участие в философской борьбе, Козельский вслед за Ломоносовым критиковал вольфианский идеализм. Особое место в этой

¹ Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768. Предисловие, стр. 20.

² Там же, стр. 3.

³ Там же, стр. 198—199.

критике занимает опровержение вольфианского учения о «богооправдании», направленного к увековечиванию эксплуататорского общества. Козельский показывал, что земные порядки весьма далеки от совершенства. В этой связи представляет интерес отрицание им христианской идеи «непротивления». Раскрывая с демократических позиций смысл этой идеи, он писал, что «из тех правил, которые пишут философы о благодеянии неприятелям и прощении обид, заключать натурально следует, что выдумывали их те счастливые люди, которые всегда других людей обижали, а сами ни от кого не видали обид»¹.

Одновременно с Я. П. Козельским, деятельность которого протекала главным образом в Петербурге, на поприще философии выступали талантливые московские ученые Д. С. Аничков и С. Е. Десницкий.

Дмитрий Сергеевич Аничков (1733—1788), воспитанник Московского университета, с 1771 г. и до конца жизни занимал должность профессора «математики, логики и метафизики». Его перу принадлежит ряд математических и философских трудов². Целое поколение питомцев университета было обязано ему своими философскими знаниями.

Д. С. Аничков разрабатывал проблему материалистической теории познания. Признавая реально существующий мир вещей как основу чувственного восприятия, он показывал, что «все познание наше получает начало свое от чувств» и что «нет ничего такого в разуме, что бы прежде не находилось в чувствах»³. Вне опыта и наблюдения, утверждал он, немислимо положительное знание. Из этих философских предпосылок исходил ученый в своих взглядах на происхождение религии, стоящих в центре его творческих достижений.

В посвященном этому вопросу рассуждении «О начале и происшествии богопочитания...» Аничков смело выступал против церковной догмы, доказывая, что религия имеет чисто земные, естественные причины и возникла в «первоначальном состоянии человечества» из чувства страха перед грозными и непонятными явлениями природы, возбужденного воображения и «удивления» перед подвигами героев.

Сложившиеся религиозные верования коренятся, согласно Аничкову, в «обыкновениях народных». Аничков выступал также в защиту идеи веротерпимости.

Атеистическое «рассуждение» Аничкова было встречено враждебно

¹ Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768. Предисловие, стр. 125.

² Д. С. Аничков. «Курс чистой математики» (1780); «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений» (1770); «Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого» (1774), рассуждение «О начале и происшествии богопочитания у разных, а особливо у невежественных народов (1769), по свидетельству Н. И. Новикова «...весьма много похваляемое за свободное и ясное сей важной материи разъяснение», и др.

³ Его же. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. 1770, стр. 3.

реакционными профессорами университета и церковью. По доносу протоиерея Петра Алексеева, московский митрополит Амвросий возбудил против Аничкова дело в Синоде, которое тянулось много лет и было прекращено незадолго до смерти ученого. Самый же трактат, как «вредный» и «соблазнительный», подвергся изъятию и, повидимому, сожжению «рукою палача» на Лобном месте в Москве.

Единомышленник и коллега Д. С. Аничкова по Московскому университету Семен Ефимович Десницкий (год рождения неизвестен, ум. 1789), родом из мещан г. Нежина, был выдающимся ученым в области права, основоположником русской юридической науки¹. С. Е. Десницкий отстаивал ломоносовскую идею изменчивости и развития природы. «Непрестанное и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной материи, — писал он, — стремительные земли обращения, за которыми все части колеблются, примечаемые на небе перемены... все сии приключения свету доказывают смертность мира сего и его видимое с одного состояния в другое прехождение»². Заслуга Десницкого — в попытке распространить идею развития на область социальных явлений.

Не удовлетворяясь господствовавшей в XVIII в. отвлеченно-рационалистической «теорией естественного права», Десницкий предлагал идти в изучении общества историческим путем — не толковать о «вымышленных состояниях рода человеческого», но путем рассмотрения действительной истории показывать, «каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается»³. Основное положение, выдвинутое им, заключалось в том, что из «состояний общежития», т. е. из условий хозяйственной жизни народов, следует «выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах»⁴.

В творчестве Александра Николаевича Радищева философский материализм впервые стал теоретической основой революционной идеологии.

Свои философские взгляды Радищев изложил главным образом в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии». Выдающееся философское значение имеет и основной труд великого писателя-революционера — «Путешествие из Петербурга в Москву».

¹ Важнейшие труды С. Е. Десницкого: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768), «Юридическое рассуждение о вещах священных» (1772), «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества» (1775), «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития» (1781) и «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768).

² С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения..., 1781, стр. 3—4.

³ *Его же*. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, 1768, стр. 20.

⁴ *Его же*. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения..., стр. 6.

Отметая «все предрассудки, все предубеждения», считая необходимым руководствоваться «светильником опытности», Радищев утверждал, что «бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе»¹ и что движение является изначальным свойством «вещественности». Он пришел к выводу, что мысль есть «действие», т. е. функция мозга. Радищев понимал философское значение ломоносовского закона сохранения материи и движения. Природа «ничего не уничтожает, и небытие, или уничтожение, есть напрасное слово и мысль пустая»², — говорит он, показывая тем самым, насколько бессмысленно допускать божественный акт творения мира «из ничего». В природе, — учит он, — действуют незыблемые, присущие ей закономерности. Разумом своим человек «проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы»³.

Идея Ломоносова о взаимосвязи и изменении мира нашла отражение в его творчестве. Радищев явственно выражает мысль, что в природе имеет место процесс постепенного совершенствования. Человек для него — не «венец творения», а, как он пишет, «венец сложенных вещественных»⁴.

В своем философском трактате, написанном в ссылке, Радищев, как известно, излагал доводы как за, так и против идеи «бессмертия души». Однако, говоря о попытках идеалистов подкрепить эту идею, Радищев подчеркивал их шаткость и научную несостоятельность, нацеливал читателя на материалистическое решение вопроса. Хотя субъективно мысль о бессмертии и казалась ему заманчивой в его тяжелом и безотрадном положении, но как материалист, он понимал всю призрачность доставляемого ею утешения. Недаром Пушкин отмечал, в связи с чтением философского трактата Радищева, что автор в нем «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма».

Признавая заслуги Радищева перед русским философским материализмом, необходимо в то же время отметить, что в центре его творчества стоит проблема человеческого общества. Он делал замечательные попытки преодолеть ограниченность идеалистического взгляда на историю, подчеркивал огромное значение земледелия, промышленности, техники для общественного развития и роста культуры. Придерживаясь в основном теории «естественного права» и «общественного договора», он вместе с тем придал ей революционный характер, провозгласив не только возможность, но и неизбежность социального переворота — народной революции, низвергающей власть тирании.

Непримиримый враг идеализма и мистики, Радищев не ограничивался философской критикой религиозного мировоззрения, но вскрывал и политическую антинародную роль религии и церкви. Впервые в истории русской общественной мысли он открыто заявил о союзе господствующей церкви с самодержавием и крепостниками.

¹ А. И. Радищев. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, стр. 59.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 45—46.

В философских воззрениях Ломоносова, Радищева и других передовых русских мыслителей того времени были отклонения от материализма — метафизического по своему характеру — к деизму. («Вечернее размышление о божием величестве», «Утреннее размышление о божием величестве» Ломоносова (1743), отдельные высказывания о боге, как первопричине мира, в произведениях Радищева и др.). Сюда же примыкают ломоносовские высказывания в духе учения о «двойственности истины», объективный смысл которых заключался в стремлении освободить науку от опеки церкви. Отмечая все это, не следует, вместе с тем, забывать, что и к Ломоносову и к Радищеву можно отнести высказанное Марксом положение о том, что «деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и лёгкий способ отделаться от религии»¹.

* * *

В своей замечательной работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин писал: «У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция»². Эта традиция по существу восходит к философским воззрениям М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева, а также мыслителей, чье творчество падает на период между деятельностью этих корифеев отечественной культуры XVIII в. Отражая историческую ограниченность домарксистского материализма, русская материалистическая философия указанного времени неизбежно носила в целом механистический, метафизический характер и не распространялась на область явлений общественной жизни. Тем не менее, у русских материалистов второй половины XVIII в. имелись элементы диалектики и критики идеалистического понимания истории. Уже тогда передовая русская философия отличалась практической целеустремленностью, связью с насущными задачами прогрессивного развития страны. Видные русские мыслители второй половины XVIII в. были одновременно и борцами против экономического и духовного порабощения народа.

Русский материализм рассматриваемого периода являлся идейным предшественником материалистической философии последующего столетия — философии революционных демократов.

3

РУССКАЯ ПЕРЕДОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

Усиление капиталистических отношений в недрах феодального общества и острая стихийная борьба крестьянства и рабочих людей против крепостнических отношений в России определяли содержание, круг вопросов и быстроту развития общественной мысли второй половины XVIII в.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 2, стр. 144.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 201—202.

Русская передовая общественная мысль не представляла единого потока в своем развитии. Демократические тенденции можно подметить уже в мировоззрении, гениального ученого, мыслителя-материалиста, выходца из народа М. В. Ломоносова. Просветительские идеи Ломоносова были развиты Н. И. Новиковым, Я. П. Козельским и С. Е. Десницким, которые выступали против феодально-крепостнической системы и за установление буржуазных отношений в стране. Однако в средствах достижения поставленных задач они не пошли дальше Ломоносова.

Качественно новым этапом в русской общественной мысли явились идеи революционера-республиканца А. Н. Радищева об уничтожении феодально-крепостнического порядка и монархии путем крестьянской революции и установления народовластия.

Общественно-политические взгляды М. В. Ломоносова были тесно связаны с его эпохой и ее особенностями. В XVIII в. Россия, хотя и не без колебаний, значительно продвинулась вперед по пути экономического и культурного развития. В то же время резко ухудшилось положение крепостного крестьянства и других податных групп населения. Демократические слои русского общества, а также нарождавшаяся буржуазия и передовая часть дворянства защищали идею всестороннего развития производительных сил страны; в их числе первое место занимал Ломоносов, страстно боровшийся за освоение природных богатств страны и развитие творческих сил народа, в которые он убежденно верил.

Ломоносов был не только гениальным ученым, мыслителем, но и гражданином-патриотом, живо откликавшимся на острые и злободневные вопросы своего времени. Он никогда не замыкался в рамках «чистой» науки. Неотъемлемой чертой его научной и культурной деятельности является неразрывное сочетание теоретических проблем с практическими задачами во имя блага и интересов родины.

Великий ученый считал себя обязанным и призванным высказывать свое отношение и мнение по вопросам, стоящим в центре внимания общества. Он прямо говорит, что совесть не позволяет ему молчать и он должен сказать всю правду, когда дело касается пользы отечества¹. Высказывания Ломоносова по общественно-политическим проблемам рассеяны в разных местах его научных и главным образом поэтических произведений, а также в письмах к разным лицам и «Словах». Ломоносов осуждал многое в современном ему социально-экономическом строе. Но из-за цензурных соображений он делал это весьма осторожно, часто в виде намеков или иносказательно.

Как все просветители XVIII в., Ломоносов верил в могучую силу воздействия поэтического, вдохновенного слова. В посвящении «Краткому руководству к красноречию» (1748) он писал: «всевышняя премудрость к дарованию разума присовокупила человеку и слова дарование, в котором остроумные люди уже в древние времена приметили, что оное искус-

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII. М.—Л., 1948, стр. 231.

ством увеличено и тем с вящею пользою употреблено быть может... В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова... однако... в исправлении нравов человеческих... и во многих политических поведениях коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают»¹. Хвалебные оды («Похвала в стихах царям» и др.) служили для Ломоносова той легальной трибуной, где под прикрытием расточаемых царственным особам похвал он мог высказывать свои общественно-политические воззрения.

Всякий, кто хотел видеть и слышать правду, легко мог заметить противоречие между высказываемыми Ломоносовым в его одах идеалами и общественно-политическим порядком того времени.

Виднейшее место в общественно-политических взглядах Ломоносова занимает его отношение к труду и к положению крепостного крестьянства.

Труд и просвещение широких народных масс являются основой благоденствия государства. Высшим достоинством нашего народа, говорит он в оде «На взятие Хотина», является его трудолюбие: «в труд избранный наш народ»². Наряду с просвещением, наукой, твердыми законами и правым судом для счастья народа требуется усердный труд, поощряемый государством:

Во всем отечестве поставить правый суд,
И щедро награждать усердных верный труд,
Блаженство подданных возвысить чрез науки,
Наградой ободрять художественны руки³.

Эту мысль Ломоносов высказывал в разных произведениях. В публичном слове в Академии наук «О пользе химии» (1751) он говорит о большом значении труда в жизни человека: «Рассуждая о благополучии жития человеческого, — обращается он к слушателям, — не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит»⁴.

Ломоносов не протестовал прямо и открыто против крепостного права в целом. Но, защищая необходимость экономического и культурного развития страны, он высказывался по многим сторонам положения крепостного крестьянства, — против одних прямо и резко, а против других более сдержанно, и это дает нам возможность охарактеризовать отношение его к крепостному праву.

Общественно-политические взгляды Ломоносова проходят под знаком подчинения интересов отдельных групп и классов населения интересам всего общества. В своем письме-трактате к И. И. Шувалову (ноябрь 1761) «О сохранении и размножении российского народа» он пишет: «Разбирая

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, стр. 91—92.

² М. В. Ломоносов. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 13.

³ М. В. Ломоносов. Соч., т. II. СПб., 1893, стр. 273.

⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1951, стр. 349.

свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы»¹.

На первом плане у него стоит общая польза «Российского света» — русского народа. В целях обеспечения роста населения страны, что имело важнейшее значение для России, Ломоносов предлагает уничтожить некоторые обычаи и вкоренившиеся узаконения, «человекоубивствам и самоубивствам» подобные. К этой категории «обычаев и узаконений» он относит неравные по возрасту и насильственные браки, так как они задерживают рост народонаселения. Он высказывается против принудительных браков, требуя предварительного согласия венчающихся, вмешательства в это дело законодательства². Ломоносов выступил против одной из наиболее позорных социальных черт крепостничества, когда помещики считали своим неотъемлемым правом регламентировать браки своих крестьян. Даже образованный В. Н. Татищев признавал это право за помещиками³. Другим пожеланием Ломоносова было установление твердых и справедливых общегосударственных законов «правого» суда для всего населения⁴.

Об отношении же Ломоносова к праву помещиков на подневольный труд крестьян имеются более сдержанные его высказывания, по которым, однако, можно судить о его взглядах и на этот вопрос. Говоря о побегах крестьян из пограничных областей за границу, он утверждал, что эти побег «бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов»⁵, т. е. из-за ненормального положения помещичьих крестьян, что наносит большой вред интересам государства. Он предлагал весьма осторожно, насколько позволял существовавший режим, некоторые скромные меры против этих побегов. Он пишет: «Итак, мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству»⁶.

Содержания «помещичьего отягощения крестьянам» он и тут не вскрывает. Ему пришлось бы нарисовать весьма мрачную картину бесправного и бесчеловечного крестьянского труда. Но даже в том осторожном виде, в каком было написано письмо, оно впервые увидело свет лишь в 1819 г., и то со значительными сокращениями.

Ломоносов протестовал также против утверждения крепостников, что русский крестьянин в умственном и моральном отношении стоит на низком уровне и что он склонен к пьянству и лени, чем помещики пытались оправдать свою власть над крепостными крестьянами и право на их труд. Он с гордостью отмечал высокие умственные, моральные и творческие

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., 1952, стр. 383.

² Там же, стр. 384—386.

³ В. Н. Татищев. Краткие экономические до деревни следующие записи. «Временник Общества истории и древностей российских», кн. 12, М., 1852, стр. 22.

⁴ М. В. Ломоносов. Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 273.

⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 401.

⁶ Там же, стр. 401—402.

силы русского народа и его трудолюбие. Народ он видел прежде всего в крестьянине-земледельце, пастухе и затем купце.

В «Слове о пользе стекла» (1752) Ломоносов рисует безмерную жестокость, с какой европейские колонизаторы истребляли коренных жителей Америки, подвергая их непосильному и полному явным опасностей труду:

Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные! Или поистине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!¹

Изображая подробно и с возмущением тяжелую участь и подневольный труд туземцев-американцев, Ломоносов уже самым содержанием своих стихов наводил передовых читателей на мысль о бесправном, позорном положении и подневольном труде крепостного крестьянина в России и тем возбуждал общественное мнение против крепостного права.

Все эти суждения и высказывания Ломоносова, несмотря на их разрозненность, дают основание считать, что он не относился безразлично к крепостному порядку в России, высказываясь открыто против отдельных его сторон в доступной по цензурным условиям того времени форме.

В противоположность своим современникам Ломоносов не оправдывал существовавшего деления общества на сословия, с обязательным присвоением каждому из них особой общественной функции, а также не признавал он преимущества и привилегий в силу знатности происхождения: «Кто родом хвастает, тот чужим хвастает», — говорил Ломоносов в лице одного из положительных лиц в трагедии «Тамира и Селим». Только знания дают право на государственную службу и привилегии. Он нигде не оценивал положительно общественной, хозяйственной и политической роли дворянства.

В своих одах и других произведениях Ломоносов говорил о полезной деятельности трудового крестьянства, строившего при Петре I города, крепости, каналы, флот и т. д., но у него нет ни одного слова о дворянине-чиновнике, землевладельце. Говорить о пользе земледельца и купца для государства и ничего не говорить о землевладельцах — означало бросить вызов господствовавшему классу. И в этом проявляется косвенное осуждение Ломоносовым крепостного права.

Критикуя старый регламент Академии наук от 1747 г. за то, что тот закрывал двери университета перед людьми, «в подушный оклад

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. II. СПб., 1893, стр. 95—96.

положенными», Ломоносов тем самым показывал, что наука и знания могут и должны стать достоянием широких слоев общества. Но он далеко не прельщал себя надеждой, что при существовавшем тогда в России общественно-политическом порядке можно было сделать высшее образование доступным для всех, т. е. и для людей, в «подушный оклад положенных» и нуждающихся в государственном «коште», в государственной стипендии, как сказали бы мы теперь. Ломоносов предлагал открыть доступ к высшему образованию хотя бы для зажиточных людей из низших сословий, которые не нуждались в государственной помощи. Так выражался протест великого ученого против социально-политических ограничений в деле распространения науки и знаний в стране. Он признавал и за помещичьими крестьянами право на высшее образование, но видел его неосуществимость в феодально-крепостническом обществе. Зато начальное образование, по его мнению, должно быть распространено и на детей неимущего класса. В письме к И. И. Шувалову Ломоносов писал: «Однако главное дело в том состоит, что везде, где только есть церковь, должны попы и причетники учить грамоте за общую плату всего прихода»¹.

Таким образом, Ломоносов заботился о насаждении в стране не только высшего образования, которое было доступно в тогдашних условиях ограниченному кругу населения, но и начального образования для широких масс народа. Он старался пробуждать в русском юношестве, без различия сословий, стремление к просвещению и знанию:

Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать².

С благородным патриотизмом Ломоносов выступал против раболепия русской знати перед всем иностранным, а также против клеветнических утверждений иностранцев, преувеличивавших отсталость России. «Немало имеем свидетельств,— писал он в своей «Древней Российской истории» (1758),— что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели»³. В то время такое высказывание имело большое культурное и национальное значение.

Исходя из исторического опыта, Ломоносов считал, что лучшей формой власти для России является «самодержавство» во главе с «просвещенным» монархом. Но он признает, что самодержавие не является единственной формой власти, приемлемой одинаково для всех стран⁴.

Ломоносов предъявлял высокие требования к самодержавной власти и к личности монарха. Власть держится не на страхе подданных, а на их до-

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1952, стр. 408.

² М. В. Ломоносов. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 152.

³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 171.

верии к ней¹. В основу самодержавия должны быть положены правосудие, ясные, твердые и справедливые законы, которым сам монарх и вся исполнительная власть строго подчиняются. Наказания имеют целью воспитательное воздействие. Нравы и пороки народа исправляются в первую очередь убеждением и лишь при необходимости — принуждением. Каждому следует воздавать по заслугам. Внедрение просвещения и наук в народные массы, всемерное изучение и освоение природных богатств страны, а также расширение внутренней и внешней торговли должны занимать виднейшее место во внутренней политике.

Что касается внешней политики, то она должна носить мирный характер, но при безусловном обеспечении неприкосновенности и независимости государства. Мир и независимость являются необходимыми условиями для экономического и культурного развития народа. Законная власть не имеет права чинить насилия над народом; в противном случае, говорит Ломоносов, «насильная власть стоять не может долговечно»².

Обязанность блюсти интересы народа является и высшим долгом для царей. Устами благородного Мемнона, героя придворной трагедии «Демонфонт» (1752), Ломоносов говорит о праве не подчиняться самодержавной власти, нарушающей законы:

Дотоле князю я от ревности служил,
Пока он правду сам и искренность хранил.
Но ныне он свои законы преступает,
И тем от них меня и протчих освобождает³.

Воплощение идеи об идеальном монархе, о царе — слуге народа, Ломоносов видел в Петре I. В «Надписи к статуе Петра Великого» (1750) он писал:

Се образ изваян премудраго героя,
Что ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил⁴.

Великих просветителей — М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева — сближает мысль, что народ нельзя «презирать» (Ломоносов), что в народе нельзя «зрить лишь подлу тварь» (Радищев). Но выводы они делают разные, в соответствии со своими политическими воззрениями. Радищев — революционер — пришел к заключению, что без народного восстания, без народовластия нельзя уничтожить существующий крепостнический строй. М. В. Ломоносов — просветитель — верил, что социальная несправедливость может быть устранена или смягчена «просвещенным» монархом.

За несколько лет до смерти, не довольствуясь своими отрывочными высказываниями и суждениями по социально-политическим вопросам,

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. I, СПб., 1891, стр. 16.

² Там же, стр. 246.

³ М. В. Ломоносов. Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 58.

⁴ М. В. Ломоносов. Соч., т. I, СПб., 1891, стр. 205.

Ломоносов задумал серию специальных записок-трактатов, посвященных различным проблемам, затронутым им в его литературных и научных произведениях. В письме к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. Ломоносов сообщает ему план этой работы, которая должна была состоять из следующих глав:

- 1) О размножении и сохранении российского народа.
- 2) О истреблении праздности.
- 3) О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
- 4) О исправлении земледелия.
- 5) О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
- 6) О лучших пользах купечества.
- 7) О лучшей государственной экономии.
- 8) О сохранении военного искусства во время долговременного мира ¹.

Первую из намеченных записок Ломоносов написал в виде письма к Шувалову; были ли написаны остальные, остается невыясненным. Все материалы и произведения Ломоносова, имевшие общественно-политический характер, были взяты после его смерти Г. Орловым по указанию Екатерины II.

Общественно-политические идеи Ломоносова отличались внутренним противоречием. Он не видел неразрывной связи крепостничества и других социальных пороков с самодержавием и верил в то, что неограниченный «просвещенный» самодержец будет в состоянии осуществить те передовые общественно-политические идеи, которые Ломоносовым выдвигались.

Таким образом, зарождение русского просветительства относится к середине XVIII в. и связано с деятельностью Ломоносова. Это раннее просветительство отличалось еще ограниченностью и свои надежды на уничтожение феодально-крепостнических отношений возлагало на «просвещенного» монарха и распространение просвещения и науки в стране.

* * *

Усиление социально-экономических противоречий и связанное с ним обострение стихийной освободительной крестьянской борьбы имели в сфере идеологии своим результатом появление мыслителей по преимуществу из дворянской и отчасти из разночинной среды, сумевших подняться до сознания коренных задач прогрессивного развития страны и тем самым стать на защиту крепостных крестьян. Этими передовыми деятелями русской общественной мысли в предрадищевский период, наряду с Н. И. Новиковым, были Я. П. Козельский и С. Е. Десницкий.

«Философические предложения» (1768), написанные Я. П. Козельским в период работы Уложенной комиссии, явились наиболее радикальным выражением просветительских идей в России того времени. Лишенный возможности в подцензурной книге прямо говорить о самодержавно-крепо-

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1952, стр. 383.

«стническом строе, Козельский вынужден был в абстрактной форме выразить свою ненависть к рабству и к тупеядцам, живущим «за счет чужого поту» и угнетающим «людей, обществу полезных». Мыслитель-гуманист, он заявляет, что «подлым» следует называть не «простой народ», а «того, кто упражняется в порочных делах»¹.

Общественные идеалы Козельского резко противостояли взглядам реакционных дворянских публицистов. Князь М. М. Щербатов в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую» рисует наследственную монархию со строго сословной организацией и привилегированным дворянством². Идеализируя крепостнический строй, Щербатов наделяет офирских рабовладельцев такими предельно «высокими», на его дворянский взгляд, «добродетелями», как «разумная умеренность» в обращении с рабами. Действующий в стране офирцев «Катехизм законов» рекомендует знатым людям возносить хвалу богу, давшему им «лишнее», а всех «нижних себе» советует наказывать без «излишней жестокости» и лицемерно называет «братьями по человечеству». Щербатов отстаивал интересы своего сословия в реальной обстановке Уложенной комиссии 1767—1768 гг.

В совершенно ином виде представлял себе «истинно добродетельное» общество Я. П. Козельский. Своеволие и тунеядство вельмож, порочное законодательство, разорение ни в чем не повинных народов, свирепые расправы колонизаторов — обличение всего этого красной нитью проходит через его «Философические предложения». Задумываясь о путях к идеальному общественному устройству, Козельский, как мы видели, выдвигает положение, согласно которому следует не идти от просвещения народа к социальным переменам, а наоборот, последние рассматривать в качестве предпосылки «выполирования» (т. е. просвещения.— *Ред.*) народа. Это положение отличалось от распространенной в XVIII в. доктрины, по которой в результате якобы одного только просвещения воцарится на земле справедливость.

Важным шагом в развитии русской демократической мысли была постановка Козельским вопроса о средствах претворения в жизнь перемен, которые положат начало идеальному общественному устройству. Рассматривая общественную жизнь с идеалистических позиций, он сулил о ней с точки зрения «природы человека», историческое сводил к биологическому, критерий объективной закономерности — к критерию субъективно-моральному. Тем не менее, выводы его весьма радикальны. Он высказывал мысль о правомерности насильственного обуздания притеснителей народа. Сравнивая «великими обидами утесняемых от высших себя» людей с прегражденным и стремящимся найти выход потоком, он замечает, что эти «к долговременному терпению принужденные люди... как только найдут случай, то тем больше источают наружу свою досаду, и такие люди

¹ Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768, стр. 91.

² М. М. Щербатов. Соч., т. I, СПб., 1896.

иногда бывают сами и обидчики их, а иногда одни обидчики волнованию сердец их причиною, и в сем другом случае по справедливости почесть их можно почти за невиновных»¹. Таким образом, в осторожной и морально-отвлеченной форме Козельский делал известный шаг к постановке вопроса о правомерности крестьянских движений. Однако революционером Козельский не был. Его высказывания не означали прямого призыва к действию. Испытывая некоторое влияние дворянского либерализма, он все же не отвергал идеи «мирного» решения проблемы, полагая, что путь к социальной справедливости может быть открыт и при помощи устанавливаемых «просвещенными правителями» разумных законов.

Гораздо большей демократической последовательностью отличаются мысли Козельского об устройстве человеческого общества. Критикуя Монтескье, согласно которому республиканская форма правления якобы «пристойна» лишь «малым областям», он полагал, что республика возможна в любой, самой обширной стране и что именно она может обеспечить соединение «особенной пользы» человека с «общеею пользою».

Основу материального благосостояния общества Козельский видит в труде, в процессе которого, как он думает, и реализуется единство общего и личного интересов. Пользоваться результатом труда сограждан человек вправе лишь в том случае, если и сам трудится на пользу общества. Поэтому закон должен обязать работать всех, физически способных к труду. По мысли Козельского, этот соразмеряемый со способностями человека «труд уравненный» должен быть таков, чтобы каждый «мог содержать себя, престарелых родителей и малолетних детей»². «Мне думается,— пишет он,— что для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одяние, кушание и забаву, а третьи восемь часов на сон»³.

Как и другие просветители, Козельский выступает сторонником частной собственности и имущественного неравенства, рекомендуя лишь умеренность в «обладании имением» и решительное изгнание роскоши. Разделяя «договорную» теорию общества, он придерживается того взгляда, что человек, потеряв «натуральную вольность», приобрел взамен «гражданскую вольность и собственность имения», подлежащие охране со стороны государства⁴. Правда, Козельский советует всячески умерять приобретение «имения», ограничивая его удовлетворением жизненных нужд, личным трудом и заслугами перед обществом. Но он не сумел до конца уяснить зависимость социального неравенства от частной собственности и имущественных различий. Допуская явную непоследовательность, он считал возможным сочетание «труда уравненного» с неравным распределением общественного богатства, выделяя категорию людей, «предпочтен-

¹ Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768, стр. 156—157.

² Там же, стр. 200.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 180.

ных» за те или иные заслуги,— тех, которых общество наделяет значительно большими благами, нежели «низших» своих членов.

Демократическая тенденция явно сказывается в социально-политических воззрениях Козельского. Противопоставляя эгоистическому удовлетворению личного интереса принцип взаимопомощи, при котором каждый уверен, что коллектив будет служить ему надежной опорой и не оставит в беде,— чем самым он выдвигал идею социального обеспечения граждан. Решая в демократическом плане вопрос о взаимоотношениях между подчиненными и «начальствующими особами», он полагает наилучшим, чтобы «дела зависели не от одного старшего командира, а от совету его со своими товарищами и помощниками».

Козельский высказал мысль о том, что только при всеобщем благосостоянии, с устранением пропасти между роскошью и нищетой, возможна действительно крепкая и сполна отвечающая своему социальному назначению семья.

В противоположность идеологу дворянства М. М. Щербатову, Я. П. Козельский обходит молчанием вопрос о месте и роли религии и церкви в условиях идеального человеческого общества. Но уже то, что говоря о «введении в общество добронравия», он даже не обмолвился о религии — было смелым вызовом церкви. Развивая ломоносовскую мысль о демократизации науки и связи ее с практическими нуждами людей, Козельский подчеркивает, что науки не должны быть «чужды от общества»¹. Философ-гуманист, он горячо восстает против реакционной идеи о якобы природной неполноценности одних народов по сравнению с другими. «Все равно, кажется,— замечает он,— что во Франции ли, или в Татарии родиться, ежели надобно доходить до хорошего знания наук прилежными трудами многих лет»². Поскольку люди повсюду равно одарены разумом, то и «жребий сего превосходного дарования во всех обитающих во вселенной народах должен быть одинаков»³.

Разрабатывая социальные проблемы, Козельский задумывался и над тем, какими средствами общество сможет обеспечить свою безопасность «на долгие времена». Значительный интерес представляют в этой связи его высказывания о войнах. Осуждая войну в принципе, как величайшее бедствие, Козельский вместе с тем проводит различие между захватническими войнами, разжигаемыми «обладателями» в корыстных интересах, и войнами с целью защиты отечества или обуздания притеснителей народа. Он страстно хочет видеть человечество навсегда освободившимся от тягот и ужасов войны. Но он знает, что в современном ему обществе «печальных военных приключений миновать почти уже не можно»⁴. Когда

¹ Я. П. Козельский. Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании. СПб., 1788, стр. 15.

² *Его же*. Механические предложения. Предисловие. СПб., 1764, стр. 13.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Философические предложения, стр. 218.

все народы станут жить на справедливых началах, тогда, по мысли Козельского, призрак войны навсегда исчезнет с лица земли.

Одновременно с Я. П. Козельским жил и работал крупный ученый-юрист, профессор Московского университета Семен Ефимович Десницкий, в творчестве которого русская просветительная мысль нашла яркое проявление. Козельский опирался в основном на теорию «естественного права». Десницкий же подверг критике это столь популярное в XVIII в. учение, стремясь дать дальнейшее развитие общественной науке. Абстрактный «естественный» человек не может, согласно Десницкому, служить отправным пунктом для научного понимания явлений общественной жизни. Высмеивая немецкого теоретика «естественного права» Пуффендорфа (XVII в.), Десницкий писал, что «теряют время трудящиеся в таких от чувств человеческих удаленных изобретениях»¹. Он отвергает «естественное состояние» как вымышленное, предлагая путем изучения истории показать, «каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается»². Он, таким образом, требует, чтобы в области изучения истории вместо метода абстрактно-рационалистического был применен метод конкретно-исторический.

Пытаясь найти закономерности исторического процесса, Десницкий ставит развитие общества в зависимость от изменений в хозяйстве. Он различает четыре «состояния общежития»: собирательно-охотничье, пастушеское, хлебопашественное и «наивысшее», коммерческое, — и полагает, что общество должно закономерно проходить через все эти «состояния». По этим «четверояким народов состояниям» и следует, согласно Десницкому, судить об истории, правлении, законах и обычаях народов, о том, насколько преуспели они в науках и «художествах». Выдвинув эту главную идею своей концепции, Десницкий обнаружил известную тенденцию к отходу от общего для XVIII в. идеалистического взгляда на общество.

В свете этого основного теоретического положения ученый подвергает рассмотрению действующие в обществе институты. Так, исследуя вопрос о происхождении и формах собственности, он приходит к выводу, что частная собственность не могла возникнуть в первоначальном «состоянии общежития». Десницкий полагает, что на этой ступени общественного развития общность имущества обусловлена тем, что здесь «самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное», и потому «различие того, что твое и мое», здесь еще «весьма мало вразумительно»³. Только с переходом к оседлости и «хлебопашеству» создаются условия для появления частной, именно поземельной, собственности, основой которой, по его мнению, является непосредственный труд земле-

¹ С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, стр. 17.

² Там же, стр. 20.

³ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения..., стр. 11.

дельца. Однако это был, как он указывает, только первый шаг в развитии частной собственности, получающей свою законную, универсально-отчуждаемую форму в «наивысшем», «коммерческом» состоянии общества. Десницкий считал, что именно «начало и происхождение собственности» явилось причиной возникновения государства. В отличие от защитников «договорной» теории ученый видел здесь не результат сознательных поступков людей, а проявление исторической закономерности.

Десницкий был сторонником частной собственности. «Коммерческое состояние» он считал «наивысшим», и взгляд его на частную собственность носил отчетливо-буржуазный характер. Но для своего времени его суждения по данному вопросу имели прогрессивное значение, ибо были направлены против феодальной формы собственности и крепостничества. Он утверждал, что земля и ее плоды должны принадлежать тому, кто сам трудится и не живет чужим трудом, что лишение тружеников результатов их труда является делом «бесчеловечным и несносным».

В свете тех же общих положений Десницкий решает и вопрос о происхождении имущественного и социального неравенства. Оно, полагает он, возникает с появлением земледелия и связанной с ним частной собственности; согласно Десницкому, господство над людьми определяется уже самым фактом имущественного неравенства¹. Он, таким образом, приближается к уяснению экономической основы эксплуатации человека человеком.

Большой интерес представляют взгляды Десницкого на происхождение и развитие семьи и брака. Опровергая господствовавшую точку зрения, он указывает на исторический характер семьи и утверждает, что во времена, когда люди жили большими группами и не знали оседлости, не могло быть еще «никакого порядочного супружества». Лишь с переходом к «пастушескому состоянию» возникает первая, полигамная форма семьи, сменяющаяся на следующей ступени «общежителства» моногамией, или парной семьей. Он был одним из первых русских поборников женского равноправия, считая необходимым, чтобы правительство способствовало «уравнению и превознесению сего низверженного в древности пола»². В его сочинениях проблема истории семьи ставилась на научную почву. Следует иметь в виду, что историческая наука, как замечает Ф. Энгельс, до начала 60-х годов XIX в. «в этой области целиком еще была под влиянием пятикнижия Моисея»³.

Социологические воззрения Десницкого явились теоретической основой его проектов реорганизации государственного управления. Написанное им в 1768 г. для Уложенной комиссии «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской

¹ С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, стр. 27, 32.

² С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества, стр. 17, 29.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 118.

империи»¹ содержало положение об ограничении власти монарха. Десницкий предлагал под названием сената создать представительный орган, по существу, парламент, состоящий из 600—800 лиц и избираемый на пятилетний срок из среды «земельных владельцев», «купеческих и художественных людей», а также из «духовных и училищных мест». Наделяемый законодательными функциями, сенат этот должен, по его мысли, держать в поле зрения всю деятельность государя. Существенная особенность проектируемого Десницким учреждения заключалась в том, что представители дворянского сословия оказались бы здесь отнюдь не в большинстве. У руля управления государством Десницкий хотел видеть прежде всего представителей купечества и разночинной интеллигенции.

По той же линии буржуазных преобразований шли его проекты об установлении независимого от законодательной власти гласного суда, о судебной ответственности местной администрации, о реорганизации городского самоуправления, предусматривающей почти полное удаление из него дворянских элементов, и т. д. Не говоря прямо о ликвидации крепостничества, хотя именно такая постановка вопроса вытекала из его теоретических взглядов, Десницкий, тем не менее, намечал ряд проводимых сверху мероприятий — таких, как запрещение продавать крестьян без земли, разрушать целостность крестьянской семьи, которые, по существу были направлены к постепенному ограничению крепостного права.

С. Е. Десницкий был одним из видных идеологов буржуазии, сформировавшейся в России в 60—70-х годах XVIII в.

* * *

В эпоху, когда складывалась идеология русского просветительства XVIII в., вопрос о борьбе с крепостным правом был коренным вопросом всего общественного движения в России. В. И. Ленин говорил о трех характерных чертах просветителя: «вражда к крепостному праву», «горячая защита просвещения», свободы и, наконец, «отстаивание интересов народных масс»². И русским просветителям XVIII в. свойственна вражда к крепостному праву, и для них характерна горячая защита просвещения, свободы; их деятельность посвящена отстаиванию интересов народных масс.

Н. И. Новиков и А. Н. Радищев были выразителями двух этапов исторической жизни России, разделенных Крестьянской войной 1773—1775 гг. Убеждения Новикова формировались в период, предшествовавший этой войне. Буржуазные по своему существу, они, отразив до некоторой степени интересы и чаяния крепостного крестьянства, запечатлели также слабейшую сторону народного самосознания — веру в «хорошего царя». Политические воззрения А. Н. Радищева окончательно сложились после

¹ Опубликовано в «Записках имп. Академии Наук», т. VII, № 4, СПб., 1905.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.



Н. И. НОВИКОВ.
Портрет маслом работы Д. Г. Левицкого.
Государственная Третьяковская галерея.

Крестьянской войны. Непримируемая классовая ненависть к угнетателям, убеждение, что освобождение может быть завоевано только насильственным путем, легли в основание его политического мировоззрения.

Николай Иванович Новиков родился 7 мая 1744 г. в с. Тихвинском (Авдотьино), близ Москвы, в семье дворянина среднего достатка. Здесь же получил он начальное образование; грамоте учил его дьячок тихвинской церкви. В 1755 г. отец Новикова отвез одиннадцатилетнего мальчика в Москву и определил в гимназию при университете. Весной 1760 г., закончив курс обучения, Новиков должен был держать выпускной экзамен, но семейные обстоятельства вынудили его покинуть гимназию. Проведя два года дома, он, по воле отца, отправился служить в Измайловский гвардейский полк.

Крупнейшим событием политической жизни России 60-х годов XVIII в. был созыв Комиссии по составлению нового Уложения. Новиков был назначен в Комиссию для ведения «письменных дел», на должность «держателя дневной записки». Обсуждение крестьянского вопроса в Комиссии не осталось без влияния на Новикова.

Указом 23 декабря 1768 г. Комиссия была распущена. Напуганное многочисленными политическими спорами, непредвиденной смелостью демократических депутатов, отважившихся «предписывать законы верховной власти», «предлагать уничтожить рабство», правительство поспешило прекратить работу Уложенной комиссии.

Закрыв Комиссию, Екатерина II решила подчинить своей политике русскую литературу и общественное мнение. Так возникло решение издавать собственный сатирический журнал «Всякая всячина», в первом же номере которого она «отважилась» всемилостивейше разрешить всем желающим издавать в России сатирические журналы без цензуры и даже анонимно. С внешней стороны такое решение выглядело неслыханно либерально: русский монарх выступает сам в качестве писателя, заботится об уничтожении пороков, призывает на помощь русских писателей и широкие круги общества. Все это было исполнением прежнего замысла: создать легенду о себе как о «просвещенном» монархе.

В этой обстановке Н. И. Новиков и решил издавать свой сатирический журнал под названием «Трутень». Через месяц после роспуска Большого собрания Комиссии — в январе 1769 г. — Новиков уходит в отставку и отказывается навсегда от службы самодержавию.

В ряде статей своего журнала — двух письмах Правдулюбова, письмо Чистосердова, заметках «Издателя «Трутня»» и других — Новиков обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, в какой мере реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского «самодержавия». Более того, в своих статьях Новиков первый создал памфлетный образ Екатерины — деспота, прикрывающего свою крепостническую политику болтовней о «златом веке» в России.



Титульный лист журнала «Трутенъ» за май 1769 г.

туры, против преклонения части русского дворянства перед чужой, и прежде всего французской дворянской, внешне показной культурой и против враждебных идеологических влияний. Все политические статьи Новикова написаны своеобразным эзоповским языком, позднее прочно усвоенным русской литературой.

Отважная борьба издателя «Трутня» с правительственным журналом «Всякая всячина», с коронованным автором, не могла пройти безнаказанно: в апреле 1770 г. журнал был закрыт. Только через два года Новиков смог продолжить деятельность писателя-сатирика. С начала 1772 г. он приступил к изданию нового журнала — «Живописец». И в этом журнале тема антидворянская, антикрепостническая была главной. Некоторые статьи журнала вызвали переполох в дворянском лагере. В июне 1773 г., в канун крестьянского восстания, Новиков выпустил последний лист «Живописца».

Полемика Новикова с Екатериной II, возникшая вслед за выступлением демократических депутатов Комиссии, явилась этапом в русской общественной мысли, знаменовавшим нарастание протеста против крепостничества и самодержавия. Его передовые идеи формировали политическое сознание многих русских людей, воспитывали их в духе нетерпимости к произволу и деспотизму, звали на борьбу за «вольность» и «человеческие права».

В центре внимания Новикова находились большие, наболевшие вопросы социальной и национальной жизни России. Он решал их как просветитель, выступая в защиту закрепощенных крестьян, этих «питателей отечества».

Одной из важнейших тем его журнала стала тема борьбы за национальные основы русской культуры.

Если в «Трутне», как правило, обличались злоупотребления крепостным правом, сатирически изображались отдельные примеры бесчеловечности и тиранства, то в «Живописце» Новиков касается крепостной системы в целом. В ряде произведений, и прежде всего в «Письмах к Фалалею» и «Письмах дяди к племяннику», в «Отрывке путешествия» и т. д., показана гибельность для России утвердившегося в ней крепостного права. Крепостничество, по Новикову, аморально и бесчеловечно. Оно ведет сельское хозяйство к разорению. «Секу их [крестьян] нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики», — говорит герой «Писем к Фалалею» помещик Трифон Панкратьевич. Крепостное право — источник бедствий России, оно

обрекает крестьян на скотское существование, морально растлевает рабовладельцев. Уже в третьем листе «Живописца» один из Скотининых так определил свое отношение к отечеству: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел и сожалел, что в ней родился; полно, этому дивиться нечего, она и подлинно это заслуживает».

Антикрепостническая, антидворянская идея лежит в основе всех статей, очерков и рассказов журнала Н. И. Новикова.

Именно об этой сильной стороне Новикова-сатирика писал Н. А. Добролюбов:

«Новиков, как известно, был первый и может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок, сильный и господствующий... Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя было



Титульный лист журнала «Живописец» за 1772 г.

еще говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца»¹.

Вместе с тем Новиков не смог подняться до осознания революционной идеи, что только народ в вооруженной борьбе, только революция может уничтожить ненавистный ему режим и обновить отечество. Как просветитель XVIII столетия он верил в силу просвещения и в положительную деятельность «просвещенного» монарха, полагая, что главным и единственным путем к уничтожению крепостничества и сословных привилегий является воспитание. Объясняя существующий крепостнический режим моральными причинами, Новиков соответственно определял и свою задачу писателя и просветителя: начать воспитание новых поколений русских людей, которые, будучи просвещенными, покончат немедленно с преступным «владением себе подобными» людьми и утвердят новые, истинно разумные отношения между существующими в России сословиями. Главным в этих отношениях должно быть равенство. Новиков беспрестанно повторял: «Крестьяне такие же люди, как и дворяне». В «Отрывке путешествия» откровенно сказано: «Крестьяне — подобные вам человеки». Эта идея равенства, по Новикову, должна была составлять основу нового, созданного путем просвещения и воспитания общественного строя.

План воспитания нового поколения «единоземцев» в духе гражданских и национальных «добродетелей» должен был осуществляться путем создания просветительного центра из частных людей, который бы издавал и распространял по России нужные книги, газеты и журналы. С 1779 г. Новиков приступил к организации в Москве такого центра.

Поставив на общественное обсуждение вопрос о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства, Новиков объективно отразил грозную борьбу «хлебопашцев» за свою волю.

Десятилетие с 80-х по 90-е годы характерно большой активностью русских просветителей и влиянием просветительской идеологии на русскую культуру.

Одним из следствий реакции, наступившей после подавления Крестьянского восстания 1773—1775 гг., явилось широкое распространение в России масонства. Оно было пришлым для России явлением. Масонство стало быстро развиваться среди дворянства, прежде всего в Петербурге и Москве, именно в 70-х годах XVIII в. В этих двух городах были созданы десятки так называемых лож и орденов различных масонских систем. В одних ложах «братья-масоны» «упражнялись» в нравственном самоусовершенствовании и благотворительности, в других увлекались мистицизмом. Социально-политические воззрения масонов не противоречили интересам дворянства — они в большинстве своем оставались крепостниками и сторонниками абсолютизма.

Привлеченный в орден идеалами «братства» и гуманизма, Новиков заметил в масонстве многое, для него не приемлемое; прежде всего, отказ

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. I. ГИХЛ, 1934, стр. 258.

масонов от общественной деятельности, увлечение мистицизмом. Вот почему, став масоном, он занял в ордене независимую позицию.

На 80-е годы (после переезда в Москву, в связи с арендой в 1779 г. типографии Московского университета) падает второй период деятельности русского просветителя.

В 80-х годах Новиков выдвинул важную для русского общественного движения проблему: взаимоотношение власти и народа. До Радищева в России радикальные мыслители считали, что лучшей формой политического правления является «просвещенная» монархия. Разделяя эту пространственную политическую теорию, русские мыслители в то же время, в отличие от Вольтера и Дидро, не считали Екатерину II «просвещенным» монархом. Такова, например, была позиция Фонвизина. Новиков, в сущности, тоже стоял на этой точке зрения и отказывался видеть в Екатерине II идеального государя. В 1782 г. он пишет цикл сатирических рассказов «Пословицы Российские» на острейшие политические темы. Обращаясь к читателям, Новиков в частности спрашивал, — можно ли довериться теории просвещенного абсолютизма? Ответом на этот вопрос и был рассказ-пословица с характерным заглавием: «Сиди у моря, жди погоды». Нет сомнения, что в нем Новиков запечатлел кризис передовой русской политической мысли дорадищевского периода, с ее верой в теорию «просвещенного» монарха, которая в реальных условиях самодержавного правления заводит общественное движение в тупик.

Философские произведения, напечатанные в журналах Новикова «Утренний свет» (1777—1780) и «Московское издание» (1781), объединяются одной темой — обоснование такой нравственности, которая определяла бы общественно-активную и патриотическую деятельность человека. Вместо реакционного принижения человека церковью и масонством Новиков провозглашает идею величия человека. Человек — «истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей». Проповеди неравенства и сословности Новиков противопоставляет идею равенства. Равенство людей мотивируется их природой, их высоким положением в мире живых существ, их возможностью «мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать». Новиков никогда не говорит о «чине и должности», разделяющих людей. Свое «природное» величие человек еще должен осуществить, проявить и утвердить в своей жизни. Действительное достоинство человека зависит не от бога, а от самого человека, и прежде всего от его общественно-полезной деятельности, которая одна лишь может способствовать созданию «истинного человека».

Новиков высказывает мечту просветителей о торжестве истинно человеческих отношений в России, когда уничтожится сословность, исчезнет рабство, когда все люди, поняв смысл «науки о человеке», станут осуществлять свое истинное величие в деятельности на благо родины и всех сограждан. Новиков ставит своей задачей воспитывать в человеке чувство достоинства, патриотизм, ненависть к унижающим его сословным привилегиям, желание общественно-полезной деятельности.

В обстановке общественного подъема 80-х годов Новиков проявлял большой интерес к политике. Он стал писать на политические темы и ориентировал широкие круги своих читателей на политические проблемы. Политика господствовала в газете «Московские ведомости» и в журнале «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784). Центральные политические события эпохи — революционная война американского народа против «разбойников-англичан», утверждение республиканского режима за океаном — были в центре внимания Новикова-редактора. Сообщая подробнейшие сведения о ходе революции, о героизме народа, с оружием в руках защищавшего свои права, печатая многочисленные статьи, прославлявшие справедливость и самоотвержение в борьбе за независимость, он не скрывал своего сочувствия народу, стремившемуся к вольности. С начала 80-х годов Новиков, как книгоиздатель, год за годом выпускает книги, трактующие проблему торговли¹.

XVIII век — век формирования капиталистических отношений и нанесения сокрушительных ударов феодализму в ряде стран Запада. Развитие мануфактурной промышленности и торговли в России было одним из показателей не только успехов буржуазии, но и нового уклада, вызревавшего внутри старой формации. Вот почему антикрепостнические убеждения Новикова натолкнули его на перезод книг и статей, освещающих политические, экономические, социальные и культурные преимущества нового общественного строя.

Переводная статья «О торговле вообще» трактует свободный труд как основное условие развития общественного благоденствия, расцвета промышленности, торговли и искусств. «Вольность, приобретенная Голландией через войну против утеснителя своего, Филиппа, короля испанского, была главной пружиной скорого ее приращения».

Идеальное государство будущего — это государство свободных тружеников, где осуществлен принцип обязательного труда всех граждан. Новые «гражданские классы» этого общества — земледельцы, ремесленники, работники, фабриканты и купцы. Все люди в обществе доставляют «пропитание» себе своей работой. Лучшая форма государственного правления — республика. Вольность и республиканский строй народ завоевывает в борьбе с тиранами. Голландия «необходимостью принуждена была свергнуть с себя тиранское иго».

Просветитель Новиков страстно изыскивал средства, чтобы показать своим соотечественникам преимущества буржуазного общественного строя перед старым — феодально-крепостническим и самодержавным. Несомненно, Новиков идеализировал будущее буржуазное государство. Он не видел и не мог увидеть, как свободный земледелец, работник и ремесленник попадали в новую, еще более жестокую кабалу к капиталисту. Эти

¹ «Историческое описание российской коммерции»; «История о аглицкой торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныя в древние, средние, новейшие времена до 1776 г. с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» и др.

иллюзии и заблуждения у борцов против крепостничества возникали закономерно и объяснялись эпохой, в которой они жили. Сила же трактата «О торговле вообще» заключалась в его направленности против феодализма и самодержавного строя.

Как только журнал Новикова «Прибавление к Московским ведомостям» попал в руки Екатерины II, начались преследования Новикова, ограничение его издательской деятельности. Преследования эти закончились разгромом просветительского дела и в 1792 г. — заточением в Шлиссельбургскую крепость мужественного просветителя. Екатерина II понимала, какой политической силой стал просветительский центр, созданный Новиковым в Москве; по словам своего секретаря Храповицкого, она считала Новикова «умным и опасным человеком».

Выпущенный из крепости после смерти Екатерины II, в 1796 г., Новиков вынужден был удалиться в деревню. В 1805 году Новиков попытался вновь вернуться к просветительской деятельности; на очередных торгах он берет в аренду типографию университета. Новый директор Страхов отменил решение совета профессоров о передаче типографии Новикову. В следующем 1806 г. Новиков в журнале «Московский собеседник» перепечатывает после новой доработки свои лучшие антикрепостнические очерки — «Письма к Фалалею» и «Отрывок путешествия». В 1818 г., в возрасте 74 лет, он умер.

Писательская, издательская и просветительская деятельность Н. И. Новикова способствовала расшатыванию устоев самодержавно-крепостнического строя.

Декабристы и А. С. Пушкин первыми признали огромные заслуги Н. И. Новикова перед русской литературой, общественной мыслью и культурой и призывали к внимательному изучению его наследия. В дальнейшем революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и Н. А. Добролюбов — неоднократно напоминали передовому русскому обществу о плодотворной деятельности одного из первых русских просветителей.

* * *

А. Н. Радищев утверждал, что «обстоятельства делают великого мужа». Обстоятельства растущей России и поднимающейся нации, с одной стороны, и нараставшая из года в год борьба крепостных за свою свободу, с другой, — определяли убеждения первого русского революционера.

Александр Николаевич Радищев родился 20 августа 1749 г. в Москве. Первые семь лет своей жизни Радищев провел в имении отца — Верхнее Аблязово Саратовского наместничества Кузнецкого уезда, а затем был отправлен учиться сначала в Москву, потом в Петербург и, наконец, за границу, в Лейпциг.

Годы учения Радищева — это годы жадного усвоения наследия своих предшественников, знакомства с сочинениями первых русских просветителей — М. В. Ломоносова, Я. П. Козельского, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, внимательного изучения истории отечества, интереса к народному

творчеству. В Лейпцигском университете он основательно изучил юридические и естественные науки, философию, филологию, литературу, языки.

Его наставник, друг, «вождь юности» Федор Ушаков воспитывал в нем ненависть к тирании, любовь к свободе, учил добывать свободу в протесте и в борьбе. Протест русских студентов против деспотического режима начальника колонии майора Бокума, возглавленный Ушаковым, был первой практической школой гражданского воспитания Радищева. В студенческие годы Радищев знакомится с философскими сочинениями материалистов Гольбаха и Гельвеция, по их книгам «учится мыслить».

По возвращении в 1771 г. в Россию А. Н. Радищев сближается с Н. И. Новиковым и передает ему для издания сделанный им перевод книги «Размышление о греческой истории» Мабли, известного противника теории «просвещенного» абсолютизма. Перевод был снабжен примечаниями, в которых Радищев смело и открыто высказывался против абсолютизма. «Самодержавство, — говорил он, — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

В 1773 г. Радищев перешел из Сената на службу в штаб Финляндской дивизии. Работая в качестве обер-аудитора, он оказался близок к Военной коллегии, месту, куда стекались все донесения о действиях Пугачева, и потому был в курсе всего хода Крестьянской войны.

Крестьянская война 1773—1775 гг., как крупнейшее политическое событие, надолго определила идеологическую борьбу в русском обществе. Прогрессивная часть дворянства после восстания народа не могла в своей деятельности пройти мимо требований, выдвинутых крепостными, мимо вопросов социального и политического устройства русского государства, поднятых во время восстания.

Особое внимание должен был привлечь вопрос о законности, справедливости, даже гуманности восстания крепостных. В манифестах Пугачева говорилось, что угнетенные были вынуждены силой оружия добиваться своей свободы, защищаться от притеснений дворян.

Служба в Коммерц-коллегии, куда Радищев поступил в 1777 г., не могла удовлетворить его. Он стремился к деятельности общественной, на благо страдающего в оковах народа. Радищев принимает решение выступить на общественном поприще единым фронтом с просветителями, избрав для этого писательскую деятельность, ибо рассматривал слово как сильнейшее оружие. М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин высоко подняли звание писателя в России, его общественную роль. Опираясь на эти достижения, А. Н. Радищев развил свое учение о писателе: писатель не только патриот, но революционер, «прорицатель вольности» и потому активный политический деятель, вождь освободительного движения. Он писал: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеислие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения?»

После долгого перерыва в литературной деятельности первым его произведением было «Слово о Ломоносове», над которым Радищев начал

работать в 1780 г. Героем был избран исторический деятель, «великий муж», «исторгнутый из среды народных».

В 1782 г. Радищев пишет «Письмо другу, жительствующему в Тобольске». Героем «Письма» является Петр I. В облике «властного самодержца» Радищев рисует могучую личность великого преобразователя, воодушевленного заботой об отечестве, основателя «града на Неве», «обновившего Россию. Но Петр, будучи царем, «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», и с этим связана ненависть к нему его современников. «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Так Радищев дает свое определение патриотизма: деятельность, направленная на утверждение «вольности частной», борьба за освобождение крестьян от рабства, за свободу сограждан.

После «Письма к другу», начиная с оды «Вольность», героем новых произведений Радищева станет патриот-гражданин, или, как он сам зовет его, «прорицатель вольности», утверждающий свое человеческое достоинство в политической борьбе против русского «самодержавства» и крепостничества. В оде «Вольность», написанной в 1781—1783 гг., Радищев впервые ставит вопрос о народной революции как единственном пути к свободе. Ода отражала мировоззрение первого русского революционера, осознавшего необходимость народной революции и опиравшегося на опыт восставшего от «тяжести порабощения» русского народа.

«Житие В. Ф. Ушакова» — это обобщение опыта прошлого, сделанное с позиций уже сложившегося революционного самосознания. Радищев решительно и убежденно отвергает тезис о невозможности воспитания человека и гражданина. Он понимает, что в реальной действительности интересы государства и отечества не совпадают, что они враждебны друг другу. Но ему чужды пассивность и смирение перед этим объективным фактором истории. Радищев знает: человек может изменить действительное положение вещей; если у него отняли отечество, он может его завоевать, вернуть его себе в борьбе с феодально-самодержавным государством. Больше того, он знает, что только в борьбе за отечество каждая личность воспитает в себе гражданина. Это было открытием Радищева. Оно вооружало общественное движение, открывало перспективы, помогало людям порывать с пессимизмом и безнадежностью борьбы.

Так было найдено главное: писатель обязан воспитывать революционеров, будить ненависть к угнетателям.

«Путешествие из Петербурга в Москву» — книга, посвященная революционной борьбе против крепостной системы, вышла летом 1790 г. Ее герои — народ, как движущая сила революции, и передовой дворянин, порывающий со своим классом и становящийся в ряды деятелей революции, «прорицателей вольности».

Вступив на путь революционного протеста, Радищев стремился научить своих читателей «прямо взирать» на социально-политические язвы самодержавно-крепостнической России. Он пытался увлечь за собой

передовую часть дворянства и разночинной интеллигенции, оппозиционно настроенных к политическому режиму Екатерины II.

Общественно-политическая направленность «Путешествия» определила высокие художественные достоинства книги. Сюжетом «Путешествия» является история идейного и морального обновления «путешественника», открывшего правду жизни, новые идеалы и «правила», ради которых стоило жить и бороться. Герой, от лица которого ведется повествование, проходит как бы через три этапа. В первых главах ему открываются «частные неурядица»; он начинает понимать, что прежние его убеждения о благоденствующей России под управлением Екатерины II являются плодом глубоких заблуждений, и в главе «Новгород» признает, что «прежняя система пошла к чорту». Далее следует второй этап. Убедившись, что Россия бедствует, что в ней процветают «неурядица», злоупотребления властью, жестокий гнет рабства, «путешественник» страстно ищет путей к изменению положения, к уничтожению «неурядица». Он приходит к мысли, что единственное средство — это путь реформ сверху. Разделяя иллюзию многих дворянских деятелей эпохи о просвещенном характере екатерининского «самодержавства», он полагает, что все будет немедленно исправлено, если открыть «правду» монарху. Главы «Спасская Полесь», «Крестьяны», «Хотилы», «Выдропуск» посвящены показу краха этой иллюзии.

Крепостническая действительность, обнаженно представшая перед глазами героя, встречи с жертвами самодержавно-крепостнического строя («Чудово», «Зайцово» и др.) убеждают героя книги в несостоятельности этих надежд. Так начался третий и последний этап идейно-морального обновления героя, формирование его революционных убеждений. Путешественник понимает, что не монархия, какой бы «просвещенной» она ни была, и не «великие отчинники» могут принести народу свободу. Ее может себе добыть только сам народ, восстав против угнетателей, вынужденный к этому «тяжестью порабощения» («Медное», «Городня», «Тверь»).

В обращении путешественника на путь революции огромное значение приобретает встреча его с автором оды «Вольность», т. е. с самим Радищевым. Путешественник жадно слушал «прорицания о будущем жребии отечества». Его собственные мысли, отдельные наблюдения и выводы, как следствие опыта его путешествия, под влиянием творений этого «прорицателя вольности» складываются в систему революционных убеждений.

Начиная с «Городни» путешественник общается только с крестьянами; в их среде он ищет средства к установлению связей с ними на началах взаимного уважения и доверия. Так в книгу вторгается народ, русский крепостной крестьянин становится ее героем, занимающим центральное место в повествовании.

Поэзия угнетенных легла в основание новой эстетики Радищева. Это новое состояло в том, что, изображая русских крепостных крестьян, Радищев в современном ему мужике видел ту дремлющую до случая народную

силу, которая может сделать каждого из них истинным сыном отечества, патриотом, деятелем революции.

Образ бурлака открывает галерею крестьян радищевского «Путешествия». В «Любани» происходит встреча с крестьянином-пахарем. Уже здесь Радищев подчеркивает: как ни чудовищно положение крепостного, но его труд, даже безмерно тяжелый, спасает его и от голодной смерти и от нравственной гибели. Несмотря на свою бедность, крестьянин полон сознания своего достоинства, ибо хорошо знает, что он кормилец не только своей семьи и шестерых своих детей, но всей России.

Крестьянин из «Любани» не плачется, а судит своего жестокого барина. В нем нет ни смирения, ни самоуничижения. Когда путешественник начинает ему толковать о том, что «мучить людей законы запрещают», он с досадой обрывает бесполезную болтовню с барином, который не знает жестокой действительности и реального бессилия законов для мужика. При этом он заявляет довольно откровенно: «Мучить? Правда. Но, небось, барин не захочешь в мою кожу!».

Еще более характерна встреча путешественника с крепостной девушкой Анютой в деревне Едрово. Анюта — сирота, отец у нее умер, она живет с матерью и сестрой. Несмотря на бедность, сиротство и рабское положение, Анюта независима, горда, полна достоинства. И здесь, как и у крестьянина из «Любани», основа ее жизненного поведения — труд. Трудится она, ее мать, сестра. Трудом они кормятся, труд помогает им исполнять повинности. По деревне о ней слава: «Какая мастерица... всех за пояс заткнет... а как пойдет в поле жать... загляденье». В образе Анюты и ее семьи путешественнику открылся новый, неведомый мир нравственной красоты и духовного величия народа.

К таким же лицам, сумевшим, несмотря на рабский гнет, сохранить в себе «величественные преимущества человека», принадлежит и встреченный в «Городне» рекрут-крепостной. Волею «человеколюбивого помещика» он получил образование, разбудившее в нем дремавшие силы и способности. Но главное в его образовании — рост самосознания; он говорит о себе: «есмы человек, всем другим равный». Оставаясь крепостным, он «сносит свой жребий терпеливо», не умея терпеть «поругания». Пробужденное в нем человеческое достоинство делает его активным и смелым. Он грозно предупреждает своего мучителя: «не доведи до отчаяния души», «страшись!».

Когда Радищев писал «Путешествие из Петербурга в Москву», перед его глазами стоял опыт крестьянского восстания. Своеобразие радищевского подхода к крестьянам с особой силой проявилось в коллективных образах народа. Во всех этих случаях крестьяне даны в действии в наивысший момент своей жизни — в момент свершения мщенья.

Впервые с народом в действии мы сталкиваемся в главе «Зайцово», где крестьяне, «доведенные до крайности» своим мучителем, обрушили на него свое мщение. «Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте».

В главе «Хотиллов» прямо говорится о крестьянском восстании, о торжестве мщения, поднявшего десятки тысяч крестьян, сделавшего из них мужественных воинов, одушевленных целью «освободиться от своих властителей».

В оде «Вольность» Радищев рисует картину революции, которая преобразила мирных тружеников, сделав их «великими мужами», мстителями, бойцами за вольность.

Созданные Радищевым образы крестьян служат яркой иллюстрацией того, что народ способен завоевать себе и своему отечеству свободу. Вот почему в «Городне» путешественник обращается с прямым призывом к крепостным поднять восстание. Этот призыв к революции полон веры в народ и его созидательные силы, в способность создать своими руками новую государственность, новую, демократическую культуру. Веря в революцию и призывая народ к восстанию, Радищев, однако, знает, что «не пришла еще година» славной победы. И путешественник вместе с Радищевым высказывает мечту — русская революция должна победить непременно: «я зрю сквозь целое столетие».

Создавая свое революционное произведение, Радищев в то же время искал и других путей практического общения с соотечественниками, с теми, кто мог отозваться на его призыв, стать его «сочувственником» и «единомышленником».

В 1784 г. из бывших воспитанников Московского университета, определившихся после окончания курса на службу в столицу, в Петербурге было организовано «Общество друзей словесных наук». Это Общество устраивало литературные собрания, объединяя в своей среде любителей художественной и философской литературы. Кроме бывших студентов, в него входили молодые чиновники, а позже — молодые офицеры, главным образом моряки. В это Общество вступил и Радищев, задумав подчинить целям революционной пропаганды журнал Общества «Беседующий гражданин». Пользуясь тем, что, по уставу Общества, статьи в журнале помещались лишь после общего одобрения членов, Радищев собирался провести таким путем несколько своих революционно-пропагандистских статей.

При обсуждении статьи под названием «Беседа о том, что есть сын отечества», проникнутой «вольностью духа», большинство членов оказалось на стороне Радищева. В этой статье Радищев доказывал, что преступно свободного по рождению человека превращать в «тяглый скот». Оттого отечество лишается своих истинных патриотов, своих сыновей. Истинный же сын отечества — это свободный человек. Им не может быть помещик, «терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением», дворянский чиновник, «простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого отечества своего», «который с хладнокровием готов отнять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи», живущий для «услаждения вкуса и брюха»; им не может быть и крепостной крестьянин, превращенный из человека в раба. Поэтому, раз крепостное право лишает отечество своих сыновей, необходимо унич-



Н. А. Радищев.

Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. Копия.

Государственный Исторический музей.

тожить это зло, вернуть людям свободу, уничтожить причину развращения людей, расправиться с мучителями и поработителями. Помните, пророчески возвещал Радищев, что все чаще и чаще «жестокая печаль... возжигает слабый свет разума» в душах русских земледельцев и «заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца». Это было смелым и открытым выступлением против русского крепостничества. Статья была напечатана в декабрьском номере журнала «Беседующий гражданин» за 1789 г.

В те годы Радищев жил в Петербурге на Грязной улице (ныне улица Марата), в собственном доме. Здесь же им была устроена и маленькая типография. Вместе с друзьями, сослуживцами по таможне, он трудился над печатанием последнего и главного своего детища — «Путешествие из Петербурга в Москву». К маю 1790 г.

книга была готова. «Письмо другу» — первенец типографии — было уже пущено в продажу и прошло спокойно. Между тем, напечатанное в 1789 г. в академической типографии «Житие Ушакова» вызвало недовольство в правящих кругах. «Но как свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и беспристрастные люди, отдававшие справедливость сочинителю». На этих-то беспристрастных «зрителей без очков» и рассчитывал Радищев, готовя выпуск «Путешествия».

Первые 25 экземпляров книги Радищев вручил знакомому книгопродавцу Зотову. По городу пошел слух, что в Гостином дворе продается какое-то сочинение, в котором царям «грозят плахою». К концу месяца первая партия книг была распродана. Слух о книге дошел до Екатерины II. Прочитав ее, императрица пришла в ярость. Ее секретарь Храповицкий записал в своем дневнике: «Говорено о книге «Путешествие из

ПУТЕШЕСТВІЕ.

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обас, озорно, огромно, спознано,
и азаян,

Тилсмахидэ, Томъ II. Кн: XVIII. сшн: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Первое издание, СПб., 1790.

Петербурга до Москвы»... Открывается подозрение на Радищева... Сказывать изволила, что он бунтовщик, хуже Пугачева... Говорено с жаром и чувствительностью». Немедленно был дан приказ сыскать сочинителя.

26 июня был арестован книгопродавец Зотов. 30 июня Радищев был передан в руки начальника тайной канцелярии Шешковского, прозванного за жестокость «кнутобойцем». От Радищева добивались сведений о сообщниках, подозревая в нем организатора заговора. Задавались вопросы: почему написал книгу, зачем грозил царю, отчего «надежду полагал на бунт мужиков». Он категорически отрицал наличие сообщников и всю вину брал на себя.

Не добившись признания и не сломив духа мятежника «хуже Пугачева», Екатерина II повелела судить его, указав, что ожидает от судей «справедливого приговора» — смертной казни. Уголовной палатой был вынесен приговор о смертной казни четвертованием. 8 августа 1790 г. приговор был утвержден Сенатом. 4 сентября, однако, последовал именной указ Екатерины II о замене Радищеву смертной казни ссылкой в Илимский острог. Расчет был прост: сосланный в далекую Сибирь «на десятилетнее безисходное пребывание», он вряд ли выживет и перенесет тяготы ссылки. Одетый в «гнусный» нагольный тулуп, закованный в кандалы, Радищев был отправлен по этапу.

Но и живя в ссылке Радищев находил способы для многообразной деятельности. Он изучает Сибирь, ее экономику, быт крестьян, сочиняет для А. Р. Воронцова специальный трактат — «Письмо о китайском торге». В письмах Воронцову он сообщает множество ценных наблюдений над хозяйственным укладом сибирских крестьян, дает советы по поводу управления Сибирью, проявляет интерес к Северу. В Илимске он пишет замечательное философское сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии».

Смерть Екатерины II избавила А. Н. Радищева от сибирской ссылки. Но Павел I отказался предоставить ему полную свободу и приказал лишь перевести его в принадлежавшую ему деревню Немцово Калужской губ., где он должен был жить под строгим полицейским надзором. Только со смертью Павла I Радищеву было разрешено вернуться в Петербург. После возвращения из ссылки Радищев занимается литературной работой, пишет многочисленные поэтические и прозаические сочинения, встречается с молодыми просветителями, наконец, определяется на службу в Комиссию по составлению законов. До нас дошли три незавершенных его поэмы: «Песнь историческая», «Песни, петье на состязаниях», «Бова», а также лирические стихотворения. Особый интерес представляет философско-политическое стихотворение «Оснадцатое столетие», высоко ценившееся Пушкиным. В нем с позиции революционера дана оценка событий целого столетия. Радищев приветствует исторический прогресс. Великий XVIII век, как никакой другой, показал силу и могущество человека, который обогатил мир крупнейшими открытиями и изобретениями, подчинившими ему природу, выявил творческую мощь

народа, поднявшегося на борьбу за свои права и одержавшего победу в двух странах — Америке и Франции. «Нет, ты не будешь забвенно столетие безумно и мудро, — торжественно провозглашает Радищев, — потому что ты даровало смертным истину, вольность и свет — ясно созвездие вовек».

В 1802 г. Радищев активизирует свою литературную и общественно-политическую деятельность. В центре ее стояла огромная работа по созданию проектов законодательных реформ. До нас дошли и некоторые юридические сочинения Радищева: «О законоположении», «Проект гражданского уложения», «Проект для разделения уложения Российского» и др.

Программа Радищева, сформулированная в 1802 г. в юридических сочинениях, органически связана со всем тем, что он писал в 80-х годах XVIII в. Вместе с тем она резко отличается от требований, выдвинутых в оде «Вольность» и «Путешествии», так как в ней не было идеи крестьянской революции. Эта программа включала следующие важные вопросы: уничтожение крепостного права и сословных привилегий, упорядочение законодательства, создание новых, отвечающих потребностям времени, законов, изложенных к тому же ясным языком, введение контроля над их исполнением, уничтожение существовавшего произвола властей.

Как умный и реальный политик, Радищев хорошо разобрался в конкретных условиях действительности и живо откликнулся на насущные вопросы того времени.

Практически в годы либеральных обещаний имп. Александра Радищев не только не смог осуществить своей программы, но и подвергся травле. В Комиссии по составлению новых законов его травили за то, что он высказывал свои вольнолюбивые мнения по «казусным делам», которые он разбирал вместе с другими членами Комиссии по поручению Сената. Царские чиновники грозно напоминали Радищеву, что если он не смирится, то его ждет новая Сибирь. Чувствуя, что готовятся новые преследования, новая расправа, понимая, что нельзя добиться осуществления даже программы-минимум, Радищев решил покончить самоубийством. Утром 11 сентября 1802 г. он принял яд и ночью после долгих мучений умер.

Подвиг Радищева был понят и оценен его современниками и потомками. В. И. Ленин писал об Александре I, что он оказался из тех монархов, которые «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых»¹.

На творчество Радищева и на самое его имя самодержавие наложило запрет. В течение более столетия, до первой русской революции 1905 г., его мятежная книга «Путешествие из Петербурга в Москву» и революционная ода «Вольность» не могли увидеть свет. Но несмотря на это, имя Радищева органически и крепко вошло в сознание народа, а его творче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.

ское наследие оказалось тем прочным фундаментом, на котором строилось в XIX в. великое здание русской революционной общественной мысли.

Пушкин помнил Радищева всю жизнь. В своих стихах он прямо говорит, что «вслед Радищеву восславил я свободу».

Оценивая идеи Радищева, Герцен пишет: «Это наши мечты, мечты декабристов»¹.

* * *

Важнейшей проблемой русской общественной мысли второй половины XVIII в. являлся крестьянский вопрос. Закономерность глубокого интереса к нему объясняется первенствующей ролью, которую крестьянство играло в экономической жизни страны. Крестьянство питало рабочей силой не только сельское хозяйство, но и развивавшуюся промышленность, вследствие чего его разорение и бесправие крайне отрицательно сказывались на хозяйственной и культурной жизни государства в целом.

В первой половине XVIII в. крестьянским вопросом частично занимались представители дворянства и нарождавшейся буржуазии. Первые подходили к нему исключительно с точки зрения своих узко классовых интересов, и этим объясняется ограниченность постановки ими крестьянского вопроса. Дворянство не занимала проблема о крепостном праве ни с моральной, ни с правовой стороны. Оно считало ее решенной категорически в свою пользу. Только представитель нарождающейся буржуазии — И. Т. Посошков требовал определения крестьянских повинностей законом.

Но во второй половине XVIII в., с усилением и обострением борьбы крепостного крестьянства против феодально-крепостнической системы, в русской общественной мысли происходит коренной перелом по отношению к крестьянскому вопросу. Крестьянский вопрос в целом, как право помещика на личность и труд крестьянина, подвергается обсуждению не только на страницах передовой печати, но и демократическими депутатами в Уложенной комиссии. В защиту поработанного крестьянства все громче раздаются голоса представителей передовой общественной мысли. М. В. Ломоносов убедительно показывал, что первое место в хозяйстве страны принадлежит трудящимся массам, и горячо выступал против клеветы дворян на крестьянство, что оно якобы склонно к безделью, пьянству и лени.

Н. И. Новиков, Я. П. Козельский и, особенно, революционер А. Н. Радищев открыто и беспощадно заклеили крепостное право. Наряду с осуждением крепостной системы они большое внимание уделяли вопросу о практических способах ее ликвидации — от мирного ее разрешения до революционного свержения власти помещиков и самодержавия (Радищев).

² «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и „Путешествии“ Радищева, с предисловием Искандера, 1858, стр. VI.

4

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА ¹

Русская литература 1750—1780 гг. не была однородной. «В каждой национальной культуре,— указывал В. И. Ленин,— есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» ².

В 1750—1780 гг. устное народное творчество и народная рукописная книга непосредственно отражали настроения и чаяния закрепощенного крестьянства. Одновременно элементы демократической культуры сказывались и в творчестве передовых писателей этой поры — от М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина до А. Н. Радищева.

В условиях феодально-крепостнического строя русская литература вплоть до конца XVIII в. была по преимуществу дворянской. Кроме гениального помора Ломоносова, ни один писатель, не дворянин по происхождению, не имел первостепенного значения.

Более того, творчество таких писателей XVIII в., как Ф. А. Эмин, М. Д. Чулков и др., ясно обнаруживало идейную и политическую слабость нарождавшейся русской буржуазии.

Гневный голос многомиллионной крепостной деревни отчетливо гремел в народной поэзии и рукописной книге. В них ясно было выражено основное классовое противоречие XVIII в. — противоречие между дворянско-помещичьим классом и угнетенным крестьянством.

Обличение крепостничества, дворянской роскоши и беспутства было подсказано жизнью. В правдивом отображении действительности фольклор и народная рукописная книга в XVIII в. опережали ранние реалистические тенденции в дворянской и мещанской литературе.

Углубление социальных противоречий, протест против крепостного права находят яркое отражение в крестьянской и низовой городской литературе, начиная с 60-х годов XVIII в.

В рукописных произведениях ярко раскрывается нарастание классовой борьбы к концу 60-х годов XVIII в. В этом смысле наиболее значительным является «Плач холопов» (1767—1768), замечательный не только изображением бесправия крепостных и тиранства помещиков, но и своим призывом к крепостному крестьянству «злых господ корень переводить». В этом произведении, созданном в среде крепостных, звучит понимание непримиримости классовых противоречий. До этого сознания

¹ Текст стр. 501, 508—525 написан Л. В. Крестовой; стр. 502—507, 525—537 — В. Д. Кузьминой.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

не мог подняться никто из дворянских или разночинных писателей в 60-е годы XVIII в.

Иногда социальная проблематика облекается в рукописной книге 60-х годов в юмористическую оболочку. Примером этого может служить «Дело о побеге петуха от куриц из Пушкарских улиц»¹. Анекдотическое, невероятное происшествие является в этой повести материалом для пародии на судопроизводство по розыску беглого. Если же вспомнить, что побеги были массовой формой пассивного протеста крепостных в течение всего XVIII в., то станет понятной серьезная идейная основа этого произведения.

К произведениям, созданным трудовым народом в 70-е годы XVIII в., относятся сатирические крестьянские повести «Сказание о царевне Киселихе», «Повесть Пахринской деревни Камкина»², солдатские стихотворные сатиры («Челобитная крымских солдат», «Горестное сказание»)³, манифесты пугачевцев⁴, которые Пушкин назвал «удивительными памятниками народного красноречия». При разнообразии жанров и содержания все произведения проникнуты сознанием непримиримости классовых противоречий, и это находит свое выражение в социальной антитезе как основном приеме композиции, в сочувствии закабаленному трудовому народу и ненависти к дворянскому сословию.

Рост классового самосознания трудового народа в процессе Крестьянской войны 1773—1775 гг. запечатлен во многих произведениях демократической рукописной сатиры и юмористики, созданных в последней четверти XVIII столетия.

Осознавая роль бюрократического аппарата, в первую очередь — суда, как орудия классового угнетения, народ создает разнообразные сатирические произведения, обличающие грабительство и продажность чиновников.

Распространенными жанрами таких произведений являются сатирический диалог («беседа», «разговор») и пародия на документ.

Из числа рукописных обличений суда и чиновников издана сатирическая трилогия; «Копия с просьбы в небесную канцелярию»⁵, «Беседа у секретаря»⁶, «Разговор двух министров, земского суда канцеляристов»⁷.

¹ Повесть известна в большом количестве списков, попала в лубочные картинки (Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, № 65). О популярности этой повести пишет М. Д. Чулков в журнале «И то и сие» (1769).

² «Литературное наследство», № 9—10. 1933.

³ Там же.

⁴ С. Ф. Елеонский. Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы. «Художественный фольклор», т. IV—V. М., 1929; см. также: «Русская проза XVIII века», т. I, ГИХЛ, М.—Л., 1950, стр. 203—208 и 245—263.

⁵ «Копия с просьбы в небесную канцелярию» печаталась неоднократно: «Русский архив», 1875, № 10, стр. 255—256; «Русский архив», 1908, № 10, стр. 215—217; «Русская мысль», 1881, кн. 1, стр. 314—315; «Литература и марксизм», 1931, № 4, стр. 132—134.

⁶ «Литература и марксизм», 1931, № 4, стр. 134—136; П. Н. Берков. Русская народная драма XVIII—XX вв. М., 1953, стр. 64—68.

⁷ П. Н. Берков. Русская народная драма XVIII—XX вв., стр. 62—64.

По идейной направленности к ним близки юмористический «Разговор о кокушке в суде»¹, сатирическая переписка воеводы с Сенатом по поводу пожара² и анонимная стихотворная сатира на суд и чиновников³, где обличается всеобщая продажность — от «государева наместника» до последнего подьячего и квартального надзирателя.

К народной сатире на классово-несправедливый суд и чудовищное бездушие учреждений тесно примыкают разнообразные рукописные пародии на официальные документы. Еще И. Е. Забелин в 1892 г. напечатал пародийный «Глухой паспорт», в котором говорится о безвыходном положении беглого⁴. Неизданное пародийное завещание в юмористическую форму облакает горестные думы об ограблении народа; беглому, ставшему удалым разбойником, нечего завещать близким, кроме виселицы, своих «молодецких затей», или того, что не бывает на свете⁵.

Та же тесная связь юмористики с сатирой наблюдается в неизданном «Апшите, данном от хозяина серому коту»⁶. Заветная мечта крепостного слуги получить вольную — «апшит» — была несбыточной, пока дворовый был трудоспособным. «Когда холопей в яму покладут, тогда и вольный апшит в руки ему дадут», — писал с горечью автор «Плача холопов».

Но зато дворяне охотно отпускали на все четыре стороны престарелых и увечных, чтоб сбросить с себя необходимость их кормить и содержать. Перед ревизиями, указывает В. И. Семевский, это делалось массовым явлением⁷. Поэтому образ старого калеки-кота, получившего «вольный апшит», воспринимался читателем XVIII в. как намек на хорошо известное ему явление русской крепостнической действительности.

Разнообразными произведениями представлена в последней четверти XVIII в. антидворянская сатирическая повесть. Иногда она является автобиографией крепостного интеллигента, обличающего барина-крепостника, как, например, автобиография двадцатидвухлетнего художника В. В. Подзорова, сохранившаяся в деле о его побеге (1787)⁸ и первоначально изданная анонимно⁹. Былинным складом повествует молодой

¹ В. Д. Кузьмина. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII в. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. XIV, вып. 4. М., 1955, стр. 375—378.

² В. Д. Кузьмина. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. «Записки отд. рукоп. Гос. Б-ки им. В. И. Ленина», вып. 17. М., 1955, стр. 153.

³ «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. XIV, вып. 4. Указ. статья, стр. 378.

⁴ И. Е. Забелин. Заметки о памятниках простонародной литературы. «Библиографические записки», № 2. М., 1892, стр. 82—83.

⁵ «Записки отд. рукоп. Гос. Б-ки им. В. И. Ленина», вып. 17. Указ. статья В. Д. Кузьминой, стр. 154—156.

⁶ Там же, стр. 156—158.

⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. Изд. 2, СПб., 1903, стр. 269 и 270.

⁸ Гос. архив Горьковской области, ф. 162 (Нижегородский уездный суд), оп. 106, д. 6. Знакомство с подлинным делом позволило автору установить имя и возраст В. В. Подзорова.

⁹ В. И. Снегневский. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX ст. «Нижегородский сборник», т. X. Нижний Новгород, 1890, стр. 555—556.

художник о ненавистой неволе, о наказаниях «палочьем» без всякого «резону», о заключении в домашнюю тюрьму, об оковах, наложенных на него по барскому произволу, и о своем побеге. Гнев и горечь крестьянства, несущего еще большие тяготы после подавления крестьянского восстания 1773—1775 гг., запечатлены в этом «пасквильном, наподобие песни письме», как называли автобиографию В. В. Подзорова судебские чиновники 1780-х годов.

Другие сатирические повести конца XVIII в. складываются на основе устных сатирических диалогов. Таковы, например, «Повесть о некоем господине»¹, «Повесть о господине и приказчике»².

За балагурством и внешним комизмом в «Повести о некоем гоподине» сквозит глубокое презрение к барину и четкое осознание непримиримости интересов помещика и крестьянина.

Вторая — «Повесть о господине и приказчике» — интересна тем, что в ней показано расслоение крепостной деревни в 1780—1790 гг. и зарисован образ крестьянина-миroeда, который «крестьян разорил, как варом переварил».

Развитие русской литературы в 1750—1780 гг. не может быть раскрыто с надлежащей полнотой без учета рукописной книги, бытовавшей прежде всего в крестьянской среде.

Главную ценность рукописных сборников XVIII в. представляют не только списки старинных повестей, встречающиеся в них, но те произведения демократической литературы, в которых народ запечатлел свою оценку крепостнической действительности XVIII в. Насыщенность социальной тематикой, правдивое отображение непримиримых классовых противоречий — черты, характеризующие рукописную народную книгу на протяжении 60—80-х годов XVIII в.

Те же свойства характерны и для устной народной поэзии во второй половине XVIII в. Пословица, песня, былина были неразлучными спутниками народа в его труде, отдыхе, борьбе.

В народных пословицах четко звучало осознание классовых противоречий: «Неволя холопу — воля господину», «Всякой барин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит», «Близ царя — близ смерти», «Царь жалует, а псарь не жалует», «До неба высоко, а до царя далеко»³ и др. Народная пословица клеймила классово несправедливый и продажный суд («С кого судья взял, тот и прав стал», «Закон, как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Вор виноват, а подьячий мошне его рад», «Судьям то и полезно, что в карман полезло»), обличала паразитизм господствующих классов — дворянства и духовенства («Белые руки чужие труды любят», «Где поп, тут не надобен чорт»,

¹ В. Д. Кузьмина. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII в. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. XIV, вып. 4, стр. 374.

² Там же, стр. 374—375.

³ «Сборник 4291 древних российских пословиц». Изд. Московского ун-та, 1770. Собрал А. А. Барсов.

«Игумен за чарку, а братья за ковши») и выражала вековую мечту народа о свободе («Воля всего лучше»).

В народной песне XVIII в. классовая ненависть обращена не только против светских феодалов, но и против церкви. Сатирическая песня XVIII в. клеймит обжорство, пьянство, разврат и прямой разбой под смиренной одеждой монахов и монахинь¹.

Рост русской промышленности не замедлил отразиться на содержании устного творчества рабочих людей. Сказы и были и особенно песни горнорабочих Урала и Алтая, ярославских ткачей попадают к концу века в отдельные книги и рукописные сборники².

Центральное место в фольклоре второй половины XVIII в. занимают произведения, связанные с Крестьянской войной 1773—1775 гг.

Антидворянский характер движения выразился в характерной пословице пугачевцев: «Руби столбы — заборы повалятся», которой они сопровождали свою расправу с помещиками³. Глубокой симпатией овеян в народной песне образ Е. Пугачева: это «родной батюшка», «добрый молодец Емельян-казак». Даже пойманный, связанный Пугачев страшен своим врагам (песня «Судил тут граф Панин», предание «Пугач и Салтычиха»). Он силен народной поддержкой, его укрепляет «мелка рыбка», «мелка пташка» (песня «В том сударыня простила»). Многонациональный характер крестьянского движения также запечатлен в фольклоре. Известны мордовские, чувашские, башкирские, татарские песни и предания о Пугачеве. В сознании народов Поволжья Крестьянская война была воспринята как крупное событие их жизни. Еще в 60-х годах XIX в. чуваш и марийцы вели летосчисление от восстания крестьян, а старики считали свои годы и определяли хронологию разных народных событий от Крестьянской войны. Оценка восстания крестьян дана в следующих заключительных словах мордовского предания: «Спасибо пугачевцам, они перевешали всех господ..., пусть они увидят хорошее»⁴. Память о Крестьянской войне 1773—1775 гг. нашла выражение в конце XVIII в. в широко распространенных песнях, попадавших даже в печатные песенники: «Что пониже было города Саратова», «Вниз по матушке по Волге», или «Не шуми, мати зелена дубравушка». Последняя песня, по народному преданию, — одна из любимых песен Е. Пугачева.

Мотивы резкого протеста против насилия господствующих классов проникли в народную любовную лирику конца XVIII в. (песня-баллада о Ваньке-ключнике). Они отчетливо звучали в женских причетах при

¹ «Из монастыря Боголюбова старец Игренищю» и «Чурилья игуменья» — в сборнике *Кириш Данилова*; или «Не спасибо игумену тому», «Что во городе было во Казани» — в сборнике *И. Львова и П. Прача* («Собрание народных русских песен с их голосами», ч. 1—2. СПб., 1790).

² См. подробнее *А. П. Лозанова*. Поэтическое творчество «рабочих людей» крепостной эпохи. Сб. «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 86—121.

³ Чтения ОИДР, кн. 3, М., 1862, отд. V, стр. 343. (Два семейные предания).

⁴ «Мордовский этнографический сборник». СПб., 1910, стр. 56.

проводах рекрута, записанных и литературно обработанных А. Н. Радищевым¹.

Обострение классовой борьбы сказывается и на развитии народной сказки в XVIII в. Новые фантастические сюжеты встречаются в ней как исключение (сказка о Мизгире, сказка об Иване белом). Зато получает интенсивное развитие сатирическая сказка. Живое бытование именно такой сказки-бывальщины засвидетельствовано А. Н. Радищевым (сказка о чиновнике, любителе устриц, в главе «Спасская полесь»)². К XVIII в. можно отнести также приурочение сюжета «укрошение строптивой» к Екатерине II³. Косвенным, но веским свидетельством существования сказок о глупом барине в фольклоре XVIII в. является вышеупомянутая сатирическая повесть «Сказание о деревне Камкине». В XVIII в. широко известна также социально заостренная устная народная драма «Лодка», завершающаяся призывом атамана: «Жги, пали богатого помещика», и сатирическая устная драма «Мнимый барин».

Приведенные примеры ясно показывают, в чем заключались характерные черты демократической культуры в фольклоре и рукописной книге 50—80-х годов: это — правдивая обрисовка непримиримости классовых противоречий, обличение паразитизма господствующих классов, резко выраженная в отдельных произведениях антидворянская направленность, вплоть до призыва к вооруженной борьбе, социальная антитеза как один из основных приемов композиции.

Элементы демократической культуры были многообразны и в литературе. Писатели 50—80-х годов не раз обращались к устному народному творчеству, хотя и с неодинаковых социальных позиций.

Развитие русской литературы в 50—80-х годах было обусловлено, в конечном счете, двумя основными социально-экономическими предпосылками — развитием капиталистического уклада внутри господствовавшей феодально-крепостнической формации и обострением классовой борьбы крестьянства с помещиками.

Сложность социально-экономического базиса в эти годы обусловила быстрые темпы развития литературных направлений, которые не сменяли друг друга, а развивались одно внутри другого, сосуществуя и противоборствуя.

Последнее обстоятельство было отмечено еще В. Г. Белинским: «Какая-же чудовищная разница между Ломоносовым и Державиным, между притчами Сумарокова и баснями Хемницера, между комедиями Сумарокова и комедиями Фонвизина, между прозой не только Сумарокова, но и самого Ломоносова, даже какая значительная разница между драматургом Сумароковым и драматургом Княжнинным!»³.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1938, стр. 362—364.

² Варианты этой сказки известны под заглавием «Царица и солдат». См. М. В. Красноженова. Сказки Красноярского края. Под ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, М.—Л., 1955, стр. 140.



Крестьяне, слушающие слепых певцов. Гравюра конца XVIII в. с акварели И. А. Ерменева.

С конца 50-х годов внутри классицизма все отчетливее обнаруживаются элементы сентиментализма (Сумароков). Начиная с пьес Д. И. Фон-визина и журнальной прозы Н. И. Новикова, все яснее пробиваются первые реалистические тенденции, оформившиеся четко в произведениях А. Н. Радищева.

Развитие русского классицизма во второй половине XVIII в. связано, в первую очередь, с продолжением деятельности трех писателей: В. К. Тредиаковского (1703—1769), М. В. Ломоносова (1711—1765) и А. П. Сумарокова (1718—1777).

В последние 20 лет своей жизни В. К. Тредиаковский выступает преимущественно как теоретик литературы и плодовитый переводчик.

Первыми опытами по созданию истории поэзии можно считать трактаты Тредиаковского «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752) и «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755).

В эти годы Тредиаковский обращается к стихотворным переводам. Он перекладывает в стихи аллегорически-политический роман Фенелона «Похождения Телемака» (в переводе озаглавлено «Тилемахида», 1766). Не случайно, что А. Н. Радищев предпослал своему «Путешествию»

эпиграф из «Тилемахиды» — произведения, отличающегося резкими обличениями деспотизма и жадной толпы придворных.

50—60-е годы являются завершением творческого пути М. В. Ломоносова. В эти годы, как и ранее, он выступает в качестве поэта, лингвиста и теоретика литературы. Он создает свою «Грамматику» (1-е издание, 1757) и пишет рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке» (1757). В последнем он излагает свои воззрения на литературный язык и формулирует учение о трех «штилях», сохранившее значение на долгие годы. Он требует изъятия варваризмов и архаизмов из обихода и развития словарного состава языка на самобытной старинной национальной основе. В этом заключается огромное прогрессивное значение учения М. В. Ломоносова о трех «штилях».

Поистине огромное значение имело создание М. В. Ломоносовым первой научной грамматики русского языка. Его учение о трех «штилях» делало живую разговорную речь основой литературного языка, а его «Грамматика» исходила из повседневного употребления языка — «общего всех учителя».

Творчество М. В. Ломоносова-писателя и в последние десятилетия его жизни одушевлено гражданским пафосом: «Для пользы общества коль радостно трудиться!» — восклицает он ¹.

Тема родины попрежнему занимает первое место в творчестве Ломоносова-поэта. Он гордится ее давней и новой воинской славой ², восхищается успехами в строительстве каналов и флота ³, мечтает о великих открытиях «российских Колумбов» на Востоке и в Ледовитом океане ⁴, об открытии Северного морского пути. Ломоносов-просветитель рисует конкретные задачи отдельных наук — механики, химии, астрономии, географии, метеорологии в экономическом развитии России, создает «Письмо о пользе стекла» (1752) — замечательный образец научной поэзии. Просветительство М. В. Ломоносова приводило его к неизбежным и резким столкновениям с мракобесием реакционных церковников; из произведений, созданных в этой борьбе, следует назвать знаменитый памфлет «Гимн бороде» (1757), направленный против архиепископа Дмитрия Сеченова и являющийся одним из образцов резкой антицерковной сатиры в литературе XVIII в. Глубокий демократизм Ломоносова-просветителя ярко выражается в убеждении, что героизм — не привилегия дворянства. По его словам, в русском народе не перечислить героев — «от земледельца до царя» ⁵. В торжественную оду, прославлявшую русскую военную силу или успехи русского просвещения, он вводит картины земледельческого труда:

¹ М. В. Ломоносов. Послание Шувалову, 1760.

² М. В. Ломоносов. Трагедия «Тамира и Селим», 1750. Соч., под ред. М. И. Сухолинова, т. I. СПб., 1891, стр. 221 и сл.; «Ода... 25 ноября 1761 г.». Стихотворения, Изд. 1935, стр. 100.

³ «Ода... 25 ноября 1752 г.». Там же, стр. 83.

⁴ «Ода... 27 августа 1750 г.». Там же, стр. 78—79.

⁵ «Ода... 28 июня 1762 г.». Там же, стр. 123.

образ крестьянина-пахаря¹ или картины сбора винограда и молотбы². Чем дальше развивалось творчество М. В. Ломоносова, тем яснее становились в нем реалистические тенденции. Темой эпической поэмы он выбрал не события античной мифологии, а близкие к нему события русской истории — реформы Петра I (поэма «Петр Великий», 1760—1761). В одах последних лет слышны отголоски современных событий («Ода... 28 июля 1762 г.»). В этом обращении к современности Ломоносов справедливо видел свое новаторство.

«Вечная слава героев», просвещение России и расцвет русской науки являются основными темами в творчестве Ломоносова-поэта.

Иное направление русского классицизма представлено в творчестве А. П. Сумарокова (1718—1777). Демократизм М. В. Ломоносова, который считал, что быть героем способен всякий «от земледельца до царя», резко противостоит классовому самосознанию Сумарокова, убежденного, что именно дворяне — «первые члены отечества»³. С другой стороны, в произведениях Сумарокова ясно замечаются первые признаки формирования элементов сентиментализма внутри классицизма. Особенно отчетливы эти новые черты в творчестве зрелого Сумарокова.

Творчество Сумарокова и его эстетика обнаруживают такие же свойства, как и его социально-политические воззрения. Убежденный «монаршист» и сторонник «просвещенного абсолютизма», он не раз нападал на бюрократический аппарат самодержавия и «развращенные нравы» современных ему дворян. Но он был упорным защитником крепостного права, считал гибельным для страны освобождение крестьян, хотя и не раз требовал человеческого обращения с ними. С особенной резкостью консервативно-дворянские воззрения А. П. Сумарокова выражены им в «Стансах граду Синбирску на Пугачева» (1774). В философских воззрениях Сумарокова эмпиризм и теория познания Локка сочетаются с идеями Декарта.

Если Ломоносов обращался одновременно к разуму и чувству, то Сумароков убежден в главенстве последнего: «Разум ничему не научает, чувства то делают».

Философские и социально-политические воззрения Сумарокова определили его позицию в вопросах теории литературы, которой он занимался всю жизнь⁴. Следуя за Ломоносовым, Сумароков признавал необходимость разделения высокого и низкого («во стихотворстве знай различие родов»), давал точную классификацию жанров, во многом оставаясь последователем классицизма. Одновременно с этим его теоретические трактаты существенно отличны от работ Ломоносова.

¹ «Ода... 27 августа 1750 г.». Там же, стр. 79.

² «Ода на повый 1764 г.». Там же, стр. 128—129.

³ А. П. Сумароков. Сатира о благодетеле. Стихотворения, Изд. 1935, стр. 202.

⁴ А. П. Сумароков. Эпистола о русском языке. 1784. Там же, стр. 179; «Эпистола о стихотворстве», 1748. Там же, стр. 183; «Наставление хотящим быти писателями», 1774. Полн. собр. соч., ч. I. Изд. 2, М., 1787.

Творчество Сумарокова характеризуется большим разнообразием. Выдающийся лирик и сатирик, он был создателем национального репертуара русского театра: им написано 9 трагедий и 12 комедий. Первым из русских драматургов он обратился к национально-историческому сюжету в трагедии. В поздних комедиях его немало конкретных бытовых зарисовок.

Сумароков-писатель особенно своеобразен в лирике, где он разработал самые различные жанры (элегия, эклога, идиллия, сонет, песня и т. д.).

В отличие от Ломоносова Сумароков предпочитал в поэзии любовную тему гражданской и вместо торжественной оды — интимную лирику.

В его лирике господствуют элегические мотивы (жизнь — сон, мечта — дым, человек — былинка, увядающее растение), часто встречаются эмоциональные эпитеты. По той же причине в трагедии Сумароков уделял преимущественное внимание психологии любовных переживаний и лирическим размышлениям. Это находило выражение и в его требованиях к драматургу выявлять в трагедии прежде всего то, «что страсти скажут сами».

Будучи субъективно противником сентиментальной драмы, резко выступая против «пакостного рода» слезных комедий¹, Сумароков, тем не менее, является писателем, впервые отдавшим дань новому, формировавшемуся течению — консервативному дворянскому сентиментализму.

Становление русского (в частности, дворянского) сентиментализма именно в это время обусловлено изменениями, происходившими внутри феодально-крепостнической формации. Неприятие нарождающихся капиталистических отношений находит яркое выражение в творчестве ближайших учеников Сумарокова: М. М. Хераскова (1733—1807), И. Ф. Богдановича (1743—1803), В. И. Майкова (1728—1778) и др.

С начала 60-х годов группа дворянских писателей во главе с М. М. Херасковым (И. Богданович, С. Нарышкин, А. Нартов, С. Домашнев, А. Ржевский) объединяется вокруг журнала «Полезное увеселение», выходившего при Московском университете. В их элегиях, стансах звучат консервативно-дворянские сентиментальные темы и мотивы: непрочность и быстротечность жизни; призыв к уединению дворянства в поместье среди «приятностей» сельской жизни; ограничение стремлений человека моральными идеалами в противовес «гражданским правам»; призывы к самопознанию, отрицание разума, наконец, решительные высказывания против власти денег («золота»).

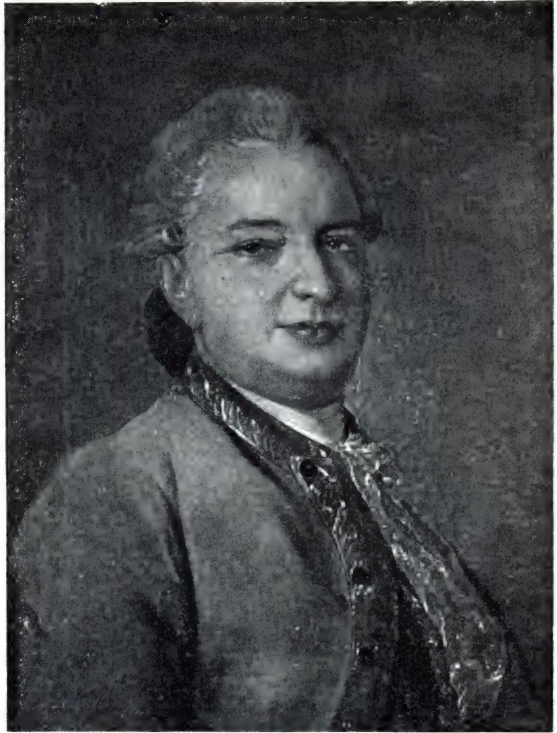
В драматургии сентиментальные тенденции обнаруживаются в ранней трагедии Хераскова «Венецианская монахиня» (1758). В пьесе действуют обыкновенные люди, защищается право человека на счастье и осуждаются ложные идеи религиозного долга.

К середине 60-х годов XVIII в. в русском сентиментализме начинает довольно отчетливо обозначаться не только дворянская, но также и ме-

¹ А. П. Сумароков. Примечание к «Дмитрию Самозванцу», 1771. Соч., т. IV. М., 1787. стр. 62.

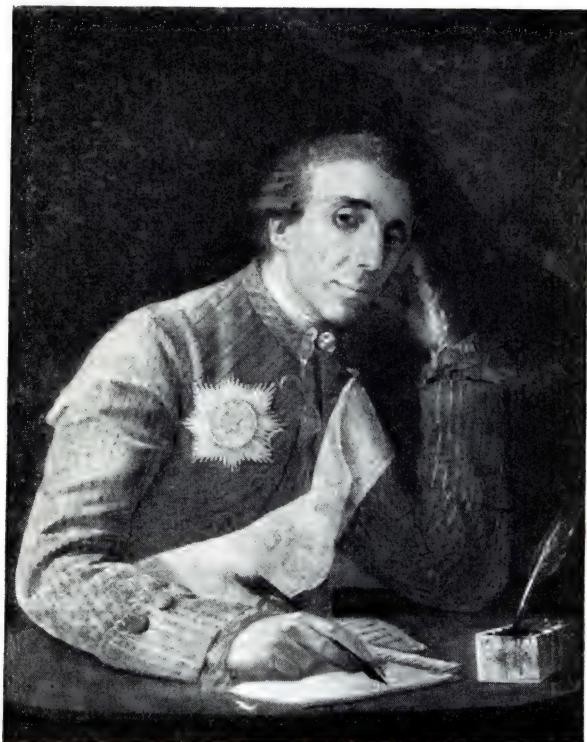
щанская струя; она представлена прежде всего романами Ф. А. Эмина (1735—1770) и драматургией В. И. Лукина (1737—1794). Сентиментальные элементы особенно ясны в пьесе Лукина «Мот, любовь исправленный» (1765). Вразрез с требованием Сумарокова не раздражать «слезами Талию» Лукин не только наделяет героев чувствительностью, но и широко вводит в комедию «жалостные явления», драматические положения. По-иному звучат буржуазные тенденции в романах Ф. А. Эмина, особенно в «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766). Не долг, не стоическая философия, а именно страсть, любовь является основой жизни, утверждает герой романа Эрнест. Резкие нападки на вельмож и жестокосердных помещиков не выливались у Эмина в открытый протест против крепостного права. Главным сословием в государстве является, по его мнению, купечество, которое и в России должно получить «училище, вольность, ободрение и почтение». Наконец, общей чертой идеологии менщанских сентименталистов является культ семейных добродетелей вместо идей дворянского долга и чести. Так различная социальная среда предопределяет дифференциацию тематики и проблематики в русском сентиментализме в раннюю пору его формирования — в 60-х годах XVIII в. Начиная с середины 60-х годов XVIII в. появляются многочисленные переводы произведений зарубежных писателей-сентименталистов, почва для которых уже была подготовлена в России.

Утверждение сентиментализма сопровождалось разложением классицизма; последний процесс обнаруживается в «ироикомических» поэмах В. И. Майкова «Игрок ломбера» (1763) и, особенно, «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1769—1771). Последняя поэма по бытовым сатирическим зарисовкам, полемичности, пародированию может быть сближена с сатирическими журналами 1769 г. Балагурство В. И. Майкова в «Елисее» порой сродни лубку. Не случайны в его поэме отзвуки народной бурлацкой песни «Что пониже было города Саратова», сюжетные мотивы из



В. И. Майков. Портрет маслом работы Ф. С. Рокотова, около 1765 г.

Государственная Третьяковская галерея



М. М. Херасков. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.

Государственный Исторический музей

былин о Васье Буслаеве и русских сказок (шапка-невидимка). Живой, хотя нередко грубоватый юмор, ярко выраженный интерес к быту и жизни городских масс столицы, меткий и выразительный язык обнаруживают его стремление к отображению обыденной действительности.

Следующий этап в развитии русского сентиментализма обнимает период с конца 60-х годов до начала Крестьянской войны.

Для консервативного дворянского сентиментализма в этот период характерны «Философические оды или песни» М. М. Хераскова (1769). По сравнению с произведениями начала 60-х годов Херасков усиливает в них идеи борьбы против разума и просвещения, выдвигая на первый

план «озарение свыше», выступает еще более резким противником складывающегося капитализма (ода «Богатство»), прославляет уединение и рисует счастливого крепостного, который будто бы «влачит плуг с охотой».

Другое течение сентиментализма находит себе выражение в журнальной прозе Н. И. Новикова и его сотрудников по изданию журналов «Трутенъ» (1769—1770) и «Живописецъ» (1772—1773). Для этих писателей типично обличение жестокости и паразитизма «злонравных» дворян, выбор «добродетельного мещанина» в качестве положительного героя. Чувствительность истолковывается здесь не как самопознание, а прежде всего как сострадание, как наличие «человеколюбия». Это особенно ясно видно в разработке крестьянской темы. Последовательно проводятся в журналах демократические тенденции. Барину с «каменным сердцем» противопоставлены трудолюбивые, добросердечные крепостные; носителями честности и просвещения не раз изображаются купцы, ремесленники, «добродетельные мещане».

Буржуазный сентиментализм накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. нашел особенно отчетливое выражение в произведениях М. И. Попова (1742 — ок. 1790) и М. Д. Чулкова (1740—1793).

М. Д. Чулков обнаруживает иные настроения, чем дворянские сентименталисты. Резко звучат антидворянская настроенность и третьесословные тенденции в его романе «Пригожая повариха» (1770). Показателен и выбор темы из городского быта, обращение к образу падшей женщины и явное сочувствие к ее «жалостному» положению, обусловленному бедностью и социальным неравенством. На сцене появляется такое произведение, как комическая опера М. И. Попова «Анюта». В ней элементы чувствительности, интерес к народной песне и языку соединены с обличением крепостничества и признанием власти денег. Но социальное противоречие (сословное неравенство Анюты и Виктора) снимается автором (Анюта оказывается дворянкой, приемной дочерью крестьянина Мирона), и произведение завершается благополучной развязкой.

Следующий период в развитии русской литературы XVIII в. тесно связан с событиями Крестьянской войны и правительственной реакцией, последовавшей за ее подавлением.

Представитель консервативно настроенного дворянства, М. М. Херасков в эти годы создает одновременно цикл «слезных драм»¹ и эпическую поэму «Россияда» (1771—1779). Крестьянское восстание заставило и Хераскова обратиться к социальным вопросам, к теме о бедном, неимущем человеке. Но социальные проблемы сведены в драматургии Хераскова к вопросу о личной добродетели и филантропии. Интересно отметить классовые признаки добродетели в драматургии Хераскова: у высших сословий она проявляется в милосердии и сострадании к беднякам, а у последних — в скромности, покорности, благодарности. Освещению социальной темы Херасков придал реакционный оттенок, характерный для дворянского сентиментализма.

В дворянской литературе 70-х годов реакционная трактовка социальной темы (в частности, крестьянского вопроса) сочетается с утверждением союза дворянства и самодержавия. Политическая тема положена Херасковым в основу прославленной современниками эпической поэмы «Россияда». В традиционной форме «героической поэмы», где явно проступают, однако, элементы сентиментализма, автор воспевает торжествующую дворянскую самодержавную Россию после подавления крестьянского восстания.

Аналогичный путь в годы Крестьянской войны проходит и другой дворянский писатель — И. Ф. Богданович. В эти годы он пишет шутиливую поэму «Душенька» (окончена ок. 1775), положив в основу ее миф о Психее. Античный миф разработан как «старинная повесть». Писатель привносит в нее множество черт русского дворянского быта XVIII в., вводит фольклорные элементы, самостоятельно разрабатывает образы, то усиливая комизм, то вводя чувствительность, и насыщает все произведение шутиливым колоритом.

Непосредственным откликом на события Крестьянской войны явилась пьеса «Точь в точь» второстепенного дворянского писателя М. И. Вере-

¹ «Друг несчастных», 1774; «Гонимые», 1775; «Школа добродетели», 1775.

кина (написана в 1774, напечатана в 1785 г.). С реакционно-дворянских позиций рисуется в ней крестьянское восстание, резко звучат сочувствие и жалость к пострадавшим дворянским «жертвам» (Пульхерия), восхищение добродетелями Милого, усмирителя пугачевцев, и осуждение недостойных дворян (Трусицкого, Лежебокова).

Крестьянский вопрос многократно привлекал внимание дворянских писателей в десятилетие, непосредственно примыкавшее к событиям крестьянского восстания. Резкое осуждение жестокости крепостничества звучит в комической опере Н. П. Николева (1758—1816) «Розана и Любим» (1776), названной автором «драмой с голосами». Сюжет произведения во многом близок к «Анюте» М. И. Попова, но отличается большей социальной заостренностью: вместо полковничьей дочери Анюты, героиней комической оперы Николева оказывается девушка-крестьянка Розана; обидчиком ее является сам барин, богатый помещик Щедров. По сравнению с пьесой Попова Николев углубил тему бесправия крепостных, их беззащитности от барского произвола (диалог лесника с отцом Розаны Излетом, хор псарей, гневные речи Любима). Николев подчеркивает, что «прямая нежность человеческого сердца», «прямая верность» и «чувство чести» свойственны именно крестьянам. Николев сохраняет традиционную благополучную развязку, но делает попытку мотивировать ее: барина Щедрова охватывает раскаяние и стыд, он не только отпускает Розану, но и дарит ей на свадьбу с Любимом 100 рублей.

Обличение жестокости помещиков, язвительная насмешка над галломанией дворян являются основой комической оперы Я. Б. Княжнина (1742—1791) «Несчастье от кареты» (1779). Завязкой ее служит продажа в рекруты Лукьяна, жениха Анюты, из-за прихоти барина Фирюлина, которому нужны деньги для покупки модной французской кареты. Текст пьесы насыщен антикрепостническими мотивами: «Боже мой, как мы несчастливы: нам должно пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся; без нас бы с голоду померли», — восклицает Лукьян. В один год с «Несчастьем от кареты» Княжнина была поставлена комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779), которая имела огромный успех благодаря народности языка, правдивости в обрисовке крестьянского быта и широкому введению народной песни.

В произведениях консервативных дворянских сентименталистов в 80-х годах обозначается интерес к фольклору (И. Ф. Богданович — «Русские пословицы», 1785, драма «Славяне», 1787), но он является лишь выражением реакционного мировоззрения и ограничивается подделкой под народность в официозном духе.

Особое место в дворянской литературе этой поры занимает М. Н. Муравьев (1757—1807). Его творчество разнообразно. Прославление М. В. Ломоносова («Похвальное слово М. В. Ломоносову», 1774) сочетается у него с субъективной сентиментальной лирикой, идиллией и даже обращением к характерному жанру романтизма — балладе. К этой же группе произ-

ведений относится и его неоконченная романтическая повесть «Оскольд». Тяга М. Н. Муравьева к «народному» и «национальному» открывала дворянской литературе новые пути: разработку исторической тематики в лирике и прозе.

Параллельно с дворянской литературой в период 1775—1789 гг. продолжается развитие третьесословной литературы. В эти годы издаются «плутовские» повеллы Ивана Новикова, в которых нередко звучат антидворянские ноты («Похождение Ивана гостинного сына», 1785—1786), и приключенческий роман М. Комарова с обильным включением фольклорных элементов¹. Более значительные по тематике, сочувствию к герою «из низов» некоторые повести М. Д. Чулкова из пятой части «Пересмешника» (1789). Из них особенно примечательна повесть «Горькая участь» с ярким изображением горестной судьбы крестьянина-бедняка и деревенских «съедугов» (богатеев) XVIII в. Отдельные живые картинки быта, острое ощущение социальной несправедливости и неумение осмыслить ее причины обращают на себя внимание в этой повести.

В третьесословной драматургии после периода Крестьянской войны появляется комическая опера «Санктпетербургский гостинный двор» (1784) М. Матинского. Автор ее, бывший крепостной графа Ягужинского, хорошо знал быт и нравы столичного купечества и чиновничества. Достоинством пьесы являются яркие сатирические образы (столичный купец-мошенник Сквалягин с супругой Саламанидой, подьячий Крюкодей), широкая картина семейного купеческого быта, обращение к народной песне и живому народному языку. Ограниченность политических воззрений Матинского сказывается в отсутствии серьезной критики купеческого сословия в целом: злонравному купцу Сквалягину он противопоставляет добродетельного купца Хвалимова.

Параллельно с развитием сентиментализма, в 80-х годах XVIII в. в дворянской литературе, кроме того, отчетливо наблюдается отход крупнейших писателей от правил классицизма, преодоление сентиментальной тематики и формирование реалистических тенденций в лирике и драматургии.

Ранее всего этот процесс выявился в творчестве Д. И. Фонвизина (1745—1792). В 60-х годах он создал стихотворные сатиры «Лисица-казнодей» и «Послание к слугам» и работал над переводами басен Гольберга и «Альзиры» Вольтера, чувствительной повести Арно «Сидней и Силли» и «Корионом» (переделка «Сиднея» Грессе). Традиции классицизма и сентиментализма сосуществовали и противоборствовали в его творчестве. Не случайно, что «Бригадир» (1766—1769) имел такой большой успех: вместо обличения общечеловеческих пороков, русские зрители увидели «в наших нравах первую комедию» (Н. И. Панин). Внимание

¹ М. Комаров. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора и разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов. М., 1779.

к костюму, повадкам действующих лиц, месту действия подчеркнуто авторской вводной ремаркой¹. Каждому из отрицательных персонажей придано реальное имя, отчество (бригадир — Игнатий Андреевич, его жена — Акулина Тимофеевна и т. д.), несколько гротескная, но индивидуальная речевая характеристика. В этом отношении особенно интересны сцены любовных объяснений².

В пьесе «Бригадир» Д. И. Фонвизин впервые сделал попытку отойти от одностороннего изображения человека. Бригадирша, например, не только невежественна, глупа и скупа. В ней теплится грубая, но искренняя материнская любовь. Семейная жизнь ее тяжела. В комедию вплетена драматическая тема о женской доле, о браке по принуждению и сентиментальная тема об идеальной, бескорыстной любви. Резко звучит осуждение дворянского невежества, «французобесия», корыстолюбия.

Еще резче отход от классицизма, отчетливый сентиментальные мотивы и ярче реалистические тенденции в «Недоросле» (1792) Д. И. Фонвизина. Реалистические тенденции в «Недоросле» многочисленны и многообразны. Разносторонне раскрыты и индивидуализированы характеры (г-жа Простакова, Митрофанушка и др.); благодаря введению биографий (г-жа Простакова, Скотинин, Цыфиркин и др.) показано их формирование. Бытовые сцены повседневной жизни, разрушая единство действия, уясняют роль среды и «растлевающее значение крепостного права»³. Образы воспринимаются не столько в оценочных категориях (положительные и отрицательные), сколько в социальных (дворяне, разночинцы, крепостные). Образы учителей и слуг отличаются глубокой жизненной правдивостью (Цыфиркин, Еремеевна). Положительные герои (Стародум, Софья, даже Правдин и Милон) — не просто резонеры, а действующие лица, которые тесно связаны с сюжетными событиями комедии.

От классицизма в «Недоросле» осталось немного; там сохранились: нравоучительная тенденция, подчеркнутая заключительной репликой Стародума; условные «знаменательные» имена, характеризующие либо душевные свойства героев (Правдин, Стародум, Простаков, Вральман), либо их происхождение (Кутейкин) и профессию (Цыфиркин обучает арифметике — «цыфири»); наконец, деление пьесы на пять актов и соблюдение двух единств (места и времени) из трех.

Разнообразней в этой пьесе черты сентиментализма. Они сказываются и в разрешении проблематики и в трактовке образов. В «Недоросле» многократно звучат новые сентиментальные мотивы: верная любовь, испытанная разлукой (Софья и Милон), богатство, нажитое честным трудом

¹ «Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сертуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и корсете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре».

² Действие II, явление 2 и 3; действие III, явление 4.

³ А. М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 22.

(Стародум), тяжелое положение бедной воспитанницы в семье грубых и корыстных опекунов. Еще большее внимание, чем в «Бригадире», уделено вопросу о воспитании. В отличие от классицистов, трактовавших воспитание как просвещение, «прояснение» ума, Д. И. Фонвизин в «Недоросле» рассматривает воспитание, прежде всего, как воспитание чувства, сердца, внушение гуманности. «Человек без души — зверь», заявляет Стародум, в полном соответствии с буржуазно-сентиментальными настроениями.

Но самое главное — в «Недоросле» остро поставлены социально-политические проблемы. Требование смягчения ужасов крепостничества, обличение придворных нравов и дворянского невежества, прославление честно-

го труда — все это делало «Недоросль» Д. И. Фонвизина не только первой реалистической бытовой комедией, но и выдающимся произведением передовой дворянской мысли, пытавшейся путем реформ разрешить наболевшие вопросы общественного строя и семейного быта. Не случайно, что именно эта пьеса Фонвизина, замечательная по злободневности тематики и художественному мастерству, вызвала широкий поток подражаний¹.

Понятно также, почему из всей драматургии XVIII в. именно эта пьеса сохранилась на советской сцене: в ней намечен новый, реалистический подход к раскрытию характеров и драматического конфликта, ясны тенденции осветить индивидуальное в типическом, показать «типические характеры в типических обстоятельствах». Эти элементы типического обобщения особенно ценны в драматургии Фонвизина.

Комедии «Бригадир» и «Недоросль» тесно связаны с публицистикой и журнальной прозой Д. И. Фонвизина. Монологи Стародума и Правдина находят соответствие (в обличениях пороков двора, бюрократии и дворянства) в «Рассуждении», в «Опыте российского сословника» (1783),

¹ Л. Г. Бараг. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII в. Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века». М.—Л., 1940, стр. 68—120; ср. также К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 204—208.



Д. И. Фонвизин. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.

Государственный Исторический музей

«Всеобщей придворной грамматике» (1783) и знаменитых «Вопросах» (1783). Многие статьи из журнала, задуманного Д. И. Фонвизиним под названием «Друг честных людей, или Стародум» (1788), являются своеобразным послесловием к знаменитой комедии, будучи написаны в виде писем от имени ее персонажей. Так, например, тема воспитания, поставленная писателем еще в 60-х годах, с новой силой звучит в переписке Стародума с помещиком Дурыкиным в очерке «Разговор у княгини Халдиной». Столкновение с Екатериной II в 1783 г. закончилось моральным и политическим поражением Д. И. Фонвизина; невозможность печатать свои произведения, наконец, тяжелая болезнь приводят его в последние годы к резкому поправению (незавершенная автобиография «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»). Но даже и в эти годы дар сатирика и трезвого наблюдателя не изменяет писателю. Многие зарисовки «Признания» представляют большой интерес для понимания как его биографии, так и творческой истории его комедий.

Разрушение классицизма и преодоление субъективного сентиментализма в русской лирике было заслугой Г. Р. Державина (1743—1816).

Четко разграниченные жанры лирики классицизма (ода, элегия, анакреонтика, сатира) Г. Р. Державин свободно сочетал воедино. Скептик по мировоззрению, он не преклонялся, однако, перед рассудком, а говорил, что в равной степени «ум и сердце человецье были гением моим» («Признание», 1807—1808). И к наследнику престола он обращался не с советом стать идеальным монархом, а с призывом: «Будь на троне человек»¹. Глубокая взволнованность пронизывает стихи поэта. Она сказывается в эмоциональной речи, в частых повторах, в постоянном включении личности поэта в произведение. Традиции античной мифологии стали у Державина элементами стиля, сблизилась с русской природой и бытом. «Седовласый и седобородый Борея» — «лихой старик» — напоминает Мороза русских сказок, «кумой» его оказывается русская Зима, которая катит в санях «в шубеночке атласной»².

Следуя М. В. Ломоносову в разработке высокой оды, воспевавшей славу русского оружия, Г. Р. Державин прославляет в ней не только великих полководцев (особенно П. А. Румянцева и А. В. Суворова), но и «росса» — русского солдата, русский народ³. Классовая природа Г. Р. Державина сказывается в изображении народа верным и послушным слугою царя, так же как и А. В. Суворова — «щитом царей Европы».

Темы и образы дворянского консервативного сентиментализма также нашли отклик у Г. Р. Державина. Ему не было чуждо и прославление семейных радостей, «приятностей» усадебной жизни⁴. Привлекала внима-

¹ Г. Р. Державин. Соч., т. I. С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864, стр. 84.

² Соч., т. III. СПб., 1866, стр. 344.

³ Г. Р. Державин. На взятие Измаила, 1791. Соч., т. I, стр. 341—361; «На переходе альпийских гор», 1799. Соч., т. II. СПб., 1865, стр. 278—298.

⁴ «Евгению», «Жизнь Званская». Соч., т. II, стр. 632; «Приглашение к обеду», «Другу», «Гостю» и др. Соч., т. I, стр. 665, 673, 670.

ние Державина и другая типично сентиментальная тема — о непрочности человеческой жизни и тщете всего земного¹. Но в отличие от сентименталистов типа Хераскова и Муравьева, Державин не мечтает о потустороннем мире, а призывает брать у краткой, но прекрасной земной жизни ее простые радости и жить так, чтобы без трепета и страха встретить смерть. Именно эту особенность мировоззрения Г. Р. Державина отмечал В. Г. Белинский: «С двух сторон отразился русский XVIII век в поэзии Державина; это со стороны наслаждения и пиров и со стороны трагического ужаса при мысли о смерти»². Сентиментальная те-



Г. Р. Державин. Портрет маслом работы В. Л. Боровиковского, 1795 г.

Государственная Третьяковская галлерея

ма преодолена скептическим умом Г. Р. Державина и представлением о высоком этическом идеале. Но этот идеал не замкнут у него мыслями о личном совершенствовании. Земной и практический ум его хотел видеть правду на земле, и он боролся за нее не только в служебной деятельности³, но и в своем поэтическом творчестве⁴. Отсюда широкий поток сатиры в его произведениях не в виде обличений общечеловеческих пороков, а в виде нападок на их конкретных носителей, «не взирая на лица»⁵. Именно поэтому А. С. Пушкин называл Г. Р. Державина «бичом вольмож», а Рылеев посвятил ему специальную «думу». Обличая «злонравных» дворян, Державин, как и Сумароков, не сомневался в закономерности существующего строя. Более того, он выступил в оде «К Фелице» (1782—1783)

¹ «На смерть кн. Мещерского», «Водопад». Г. Р. Державин. Соч., т. I, стр. 87, 457; «Последние стихи» и др. Соч., т. III, стр. 235.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907, стр. 142.

³ Г. Р. Державин. Объяснения к одам «На умеренность», «К Меркурию», «Послание Храповицкому», 1793, и др. Соч., т. III, стр. 623, 627, 655.

⁴ «Долг поэта — в мир правду вещать», «Издателю моих песней». Соч., т. II, стр. 680.

⁵ «Фелица», «Вельможа», «На счастье», «На умеренность» и др. Соч., т. I, стр. 129, 243, 489, 622.

с прославлением Екатерины II за дарование «вольностей» дворянам, а в «Вельможе» (1794) утверждал, что идеальный вельможа — «орудье власти есть, подпора царственного зданья». Классовая ограниченность Г. Р. Державина проступает в изображении им крепостной деревни, которую он словно наблюдает через окно барской усадьбы. Его жнеи — это «нимфы голосисты», крестьянин под властью доброго барина «ест добры щи и пиво пьет», «обогащенный щедрым небом, блаженство дней своих поет»¹. Вместе с тем Г. Р. Державин, как правдивый художник, вводит, например, такое упоминание о крепостных слугах в описании барского обеда: «рабы не смеют и дохнуть» («Приглашение к обеду»). Г. Р. Державин отражает настроение русского дворянства в период разложения крепостного права.

В жизни и творчестве Г. Р. Державина тесно сплетаются элементы старого и нового. Реалистические его тенденции отчетливо выявляются в умении находить поэтическое в обыденном², в конкретном изображении характеров, в своеобразной трактовке героической темы («Снигирь»), в широких картинах дворянской жизни как в столице, так и в усадьбе. С реалистическими элементами в творчестве Г. Р. Державина сосуществуют элементы раннего романтизма, в виде оссианических мотивов в военной оде, отзвуков поэзии Юнга в оде философской, в слиянии прекрасного и ужасного («Цыганская пляска»), в попытке объединения живописи, музыки и поэзии.

Сложный процесс становления реализма и романтизма в борьбе и преодолении отживающей идеологии, тем и жанров классицизма и сентиментализма особенно ясно виден на примере творчества Державина. Те же общие закономерности наблюдаются в творчестве поэтов его круга, в первую очередь В. В. Капниста (1757—1823) и И. И. Хемницера (1745—1784).

Политические и просветительские тенденции, наряду со смелым обличением носителей порока, позволяют говорить о преодолении классицизма и становлении реалистических тенденций в сатирах и особенно в баснях Хемницера (1779—1782). Сатира и гражданские мотивы имели также немалое значение и в творчестве Капниста, как показывает «Ода на рабство», написанная им по поводу закрепощения крестьянства Украины в 1783 г. В ней звучит гневное осуждение тирании и крепостничества.

Но и в этой оде В. В. Капнист еще в плену дворянских иллюзий: он надеется, что Екатерина II возвратит свободу его отчизне, и обещает воспеть ее за это. Три года спустя он пишет восторженную «Оду на истребление в России звания раба Екатериною второю» (1786). Эта ода вызвана всего лишь приказом императрицы подписываться в прошениях на «высочайшее имя» не «раб», а «верноподданный».

Рост политического самосознания передового русского дворянства на-

¹ «Осень во время осады Очакова». Соч., т. I, стр. 225.

² Г. Р. Державин. «Параше». Соч., т. II, стр. 184; «Кружка», «Гостю», «Другу». Соч., т. I, стр. 46, 670, 673.

ходит своеобразное отражение в трагедии 80-х годов. Если в середине века и даже перед Крестьянской войной А. П. Сумароков в трагедиях рисовал образ «идеального» государя, то трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир» (1784) и особенно «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, написанная им в последние годы жизни (1789), носят явно тираноборческий, антимонархический характер. Основой фабулы последней пьесы является неудачная попытка новгородского посадника Вадима поднять народное восстание против князя Рюрика. Нападки Я. Б. Княжнина направлены не на монарха-злодея (Рюрик — идеальный государь), а на монархию как таковую. Не случайно поэтому, что даже в 1871 г. монолог Пренеста печатался с цензурным пропуском строк, объявляющих самодержавие «содетелем бед».

В трагедии Княжнина, в отличие от трагедий середины века, отсутствуют внешние сценические эффекты, сложная интрига. Речь героев насыщена гражданской терминологией (самодержавие, тиран, гражданин, рабство, закон, свобода и т. п.). Классовая ограниченность писателя сказывается в том пассивном характере, который придан им народу. Все борцы за свободу — из числа посадников, а народ на коленях умоляет Рюрика сохранить венец. В этом ярко проявляется дворянский характер либерализма Я. Б. Княжнина.

А. Н. Радищев (1749—1802) начал свою писательскую деятельность двояко: как политический мыслитель (примечания к переводу книги Мабли «Размышления о греческой истории», 1773) и как сентиментальный писатель («Дневник одной недели», не дошедшие до нас ранние лирические произведения). В 80-х годах сентиментализм Радищева приобретает черты революционного протеста. В конце «Письма к другу, жительствоющему в Тобольске» (1782), Радищев выражает уверенность в неизбежности революционного свержения самодержавия. Особенно ярко виден революционный протест в посвящении «Путешествия из Петербурга в Москву», где Радищев не только сочувствует угнетенным, но и высказывает мысль, что «возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных».

Самостоятельность и своеобразие Радищева-писателя, преодоление им классицизма и сентиментализма и первые попытки перейти к критическому реализму яснее всего обнаруживаются в «Путешествии». Иначе, чем его западноевропейские и русские предшественники, разработал он жанр путешествия. Не переживания путешественника, не его внутренний мир, а разнообразная объективная действительность, которую он наблюдает, является предметом внимания писателя-революционера. А. Н. Радищев — «зритель без очков» (по отзыву его друга А. Г. Воронцова) — видит в ней непримиримые социально-политические противоречия: мир угнетенных и угнетателей. Социальная антитеза — один из основных композиционных приемов «Путешествия». Царю, вельможам, чиновникам, купцу-капиталисту противостоит трудовой народ, крепостные крестьяне, солдаты и лучшие представители демократической интеллигенции (следователь Крестьянкин, семинарист, крепостной интеллигент Ванюша,

гениальный Ломоносов). Народ — подлинный создатель и судия истории. Отсюда у Радищева интерес к фольклору как документу народного мировоззрения, внимание к наиболее остро звучащим его жанрам (запись рекрутских причитаний в главе «Городня»), резкое противопоставление народной песни безидейному искусству господствующих классов («Клин»). Мрачные картины крепостничества зарисованы в «Путешествии» Радищевым по-другому, чем у его предшественников. Он показывает, что «тиранство» — не порок, свойственный лишь жестокосердным господам, а неизбежное следствие крепостного права. Он внимательно и без прикрас рисует тяжкий повседневный труд крестьянина, его нищенский быт. Писатель не раз отмечает, что душевное благородство, бескорыстие, способность к глубокому чувству — именно свойство крепостных, а не их развращенных господ. Более того, Радищев показывает, что крестьянин не только терпит, но и вступает в борьбу со своими поработителями. Правомерность расправы крестьян с извергом-помещиком для писателя — «математическая ясность». Такой образ крестьянина впервые появился в русской литературе под пером революционера Радищева.

Разоблачение крепостного права тесно связано со второй темой «Путешествия» — столь же смелым и беспощадным обличением самодержавия. Для этого Радищев в главе «Спасская полость» прибегает к приему аллегорического сна или обращается к революционному прошлому европейской истории (ода «Вольность»). Неизбежность народного восстания в России ясна Радищеву, но революция, полагает он, свершится еще не скоро. Так тесно сплетаются в «Путешествии» три основные темы, разработанные писателем-революционером с помощью самых разнообразных приемов. Реалистические картины жизни и быта, документы, газетное объявление, трактат, ораторская речь, гражданская ода, чувствительные размышления — все служит одной цели; остальные темы «Путешествия» — разоблачение церкви, вопросы воспитания и морали, свобода печати и слова, литературные проблемы — занимают в произведении, по сравнению с ними, второстепенное место. Революционный пафос гражданской лирики связывает оду «Вольность» Радищева с гражданской поэзией начала XIX в. (Пушкин, Рылеев), а правдивое изображение крепостнической действительности в ее страшной повседневности — с тем методом изображения жизни, к которому пришла русская литература в период критического реализма.

По-иному, в сравнении с А. Н. Радищевым, развивался молодой И. А. Крылов (1769—1844). Он начал с драматургии. Первым его опытом была комическая опера «Кофейница» (1783), сюжет которой был взят им, подростком, из «Трутня» Н. И. Новикова. Юноша Крылов не раз обращался к драматургии. Он написал одну за другой трагедии «Клеопатра» и «Филомела», комическую оперу «Бешеная семья», комедии «Сочинитель в прихожей» и «Проказники».

Но еще значительнее было выступление Крылова как прозаика-сатирика в издаваемом им журнале «Почта духов» (1789). В. Г. Белинский ука-

зывает, что в журнальной прозаической сатире юноши Крылова «много ума, соли, местами даже желчи»¹. В процессе творческого роста молодой Крылов пробовал свои силы в басне, в том жанре, который позднее принес ему известность и славу. В 1788 г. он напечатал анонимно свои первые стихотворения и басни в журнале И. Г. Рахманинова «Утренние часы»².

Почти одновременно с И. А. Крыловым, но совсем в ином направлении, начинает свою деятельность Н. М. Карамзин (1766—1826). Молодой Карамзин начал писать в новиковском журнале «Детское чтение». Здесь он напечатал свой первый опыт сентиментальной повести — «Евгений и Юлия» (1787).

Третьесословная сентиментальная литература представлена в 80-е годы произведениями Н. Ф. Эмина. Повести Н. Ф. Эмина «Роза, полусправедливая и оригинальная повесть» (1788) и «Игра судьбы» (1789) обнаруживают еще зависимость писателя от фабулы авантюрного повествования (переодевание), от традиций классицизма (борьба чувства и долга), но в его произведениях имеются и новые, сентиментальные темы, идейные тенденции и приемы повествования (сельское уединение, крестьянская тема, утверждение достоинств человека независимо от его сословного положения, лиризм).

Обозрение русской литературы 50—80-х годов XVIII в. приводит к следующим итогам:

1. Историко-литературный процесс не представлял собою единого потока, в нем четко обозначалось классовое расслоение. Господствующее положение дворянства нашло отражение в преимущественно дворянском характере литературы этого периода. Обусловленная экономическими и социально-политическими особенностями исторического развития России, литература второй половины XVIII в. все же не была исключительно дворянской: в ней отчетливо видны буржуазная и крестьянская струя.

2. Классовая обусловленность идейного содержания литературы и стиля писателей XVIII в. с особой очевидностью проявляется в их отношении к главной проблеме русской жизни того времени — крепостному праву и крестьянскому восстанию. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — указывает В. И. Ленин³. Убеждение в неизбежности крепостнического строя у Сумарокова, Державина и Карамзина радикально отличается от требований смягчить его — у Попова, Николева, Фонвизина и противостоит резкому осуждению экономической, политической и этической несостоятельности крепостного права в народной литературе, а также у просветителя Н. И. Новикова и писателя-революционера А. Н. Радищева. Только крепостной автор «Плача холопов» и А. Н. Радищев в «Путешествии» говорят о правоте и неизбежно-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1914, стр. 456.

² И. А. Крылов. «Стыдливый игрок», «Судьба игроков», «Павлин и соловей», «Недовольный гостями стихотворец».

³ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 30.

сти крестьянского восстания. Для всех же дворянских писателей, от Сумарокова до Веревкина, Пугачев является «извергом естества».

3. Развиваясь в условиях формирования капиталистического уклада внутри господствовавшего феодально-крепостнического строя, русский литературный процесс XVIII в. закономерно отличался большой быстротой и сложностью. Интенсивное в течение полустолетия развитие и дифференциация русского литературного языка бросаются в глаза при сопоставлении прозы Тредиаковского и Карамзина. Реформа стихосложения в соответствии с национальными особенностями фонетики создала благоприятные условия для развития лирических жанров. Различные литературные направления (классицизм, сентиментализм, ранний романтизм, реализм) не сменяли друг друга последовательно. Черты их смешивались и противоборствовали друг другу, в чем проявлялась борьба старого и нового внутри творчества и наиболее крупных писателей (Сумароков, Державин, Крылов, Радищев, Карамзин).

4. Важным итогом развития русской литературы второй половины XVIII в. было также создание предпосылок для развития литературных направлений XIX в. — романтизма и критического реализма. Реалистические тенденции ясно проступают в бытовой и сатирической комедии (Фонвизин, Капнист), в очерках на страницах журналов (Новиков, Фонвизин, Крылов), в бытовых элементах и картинах природы в лирике (Державин), наконец, в правдивом изображении действительности «зрителем без очков», революционером Радищевым. С другой стороны, элементы раннего романтизма отчетливо выявляются в лирике Державина, в попытках Муравьева создать раннюю романтическую повесть и балладу.

* * *

Русская журналистика зародилась и развивалась в России в условиях феодально-крепостнической формации. Царское правительство, опиравшееся на господствующий дворянско-помещичий класс, неоднократно пыталось использовать периодическую печать в своих интересах, в целях укрепления феодально-крепостнического строя. Особенно показательным в этом отношении личное участие Екатерины II как автора и негласного редактора в журналах «Всякая всячина» и «Собеседник любителей российского слова». Но даже в официальных изданиях появлялись порой произведения совсем иного — прогрессивного — направления, как, например, «Опыт российского сословника» и «Вопросы» Д. И. Фонвизина в «Собеседнике» и др. На страницах многих периодических изданий XVIII в. передовые русские публицисты и писатели вели борьбу против крепостного права, обличали пороки дворянства, клеймили продажность суда, защищали самобытность и величие русской культуры.

Развитие русской журналистики во второй половине XVIII в. было обусловлено в конечном счете двумя причинами: сдвигами, происходившими внутри формации (появление черт капиталистического уклада в усло-

виях разлагавшегося феодально-крепостнического строя), и развитием классовой борьбы закрепощенного крестьянства против дворянско-помещичьего класса. Не случайно бурный рост количества журналов и усиление их публицистичности приходится на пятилетие, связанное с событиями Крестьянской войны, и на десятилетие, предшествовавшее политическим процессам Радищева, Новикова и Кречетова.

В 50—80-х годах XVIII в. развитие русской журналистики проходит через несколько этапов:

- 1) 1750—1768 — возникновение первых журналов;
- 2) 1769—1774 — пятилетие, примыкавшее к Крестьянской войне, отмеченное ростом количества периодических изданий, созданием особого типа сатирического журнала с острой социальной тематикой и демократизацией круга читателей;
- 3) 1775—1782 — годы правительственной реакции после подавления крестьянского восстания, когда резко сокращается количество журналов и почти исчезают сатирические издания;
- 4) 1783—1790 — новый период оживления в русской журналистике. Указ о вольных типографиях (1783) содействует возникновению первых провинциальных журналов и способствует росту количества периодических изданий вообще. Усиленная работа общественной мысли, вызванная разнообразными социально-экономическими причинами как внутри России (обострение классовых противоречий между дворянством и крепостным крестьянством, накопление элементов капиталистических отношений, процесс формирования русской нации), так и вне ее (американская война за независимость, французская буржуазная революция) возвращает журналы к социальной и обличительной тематике, углубляет ее, делает их интересными для демократического читателя. Развитие просвещения и успехи в различных областях знания приводят к дифференциации журналов по различным отраслям знания.

Еще во второй четверти XVIII в. появились первые предшественники русских журналов: «Примечания» к газете «Санктпетербургские ведомости» (1728—1742) и первые научные издания Академии наук — «Краткое описание Комментариев Петербургской Академии Наук» (1726—1847), «Содержание ученых рассуждений императорской Академии Наук» (1748—1755) и др. Особенно большое значение для широкого читателя имели «Примечания». Задуманные первоначально как толковый словарь иностранных слов и научных терминов, «Примечания» стали с 1729 г. первым научно-популярным и литературным журналом в России. Разнообразие материала объясняет успех этого издания, которое расходилось полностью и не залеживалось в академической конторе. Хорошо зная силу печатного слова, М. В. Ломоносов настаивал на необходимости издавать ежемесячный журнал по образцу не ведомственных изданий Академии наук, а именно «Примечаний». В письме Шувалову (3 января 1754) Ломоносов писал: «Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим («Примечаниям»). — В. К.)

периодические сочинения...»¹. Свое предложение об издании русского журнала Ломоносов характеризовал как «намерение и желание любителей наук». Ломоносов-ученый не раз страдал от невозможности ответить в русской печати на нападки своих зарубежных противников, пытавшихся унижить и исказить его научные открытия. При посредстве Л. Эйлера Ломоносов поместил статью — «О должности журналистов» — в амстердамском журнале «Nouvelle Bibliothèque germanique» (1755). Ломоносов подчеркивал большую ответственность журналистов при рецензировании работ ученых, так как дело «не в том, чтобы передавать вещи известные и истины общие, но чтобы уметь схватить новое и существенное в сочинениях, принадлежащих иногда людям самым гениальным». По мнению Ломоносова, журналист должен иметь в виду точное и основательное исследование истины. Ломоносов требовал справедливой оценки, без предвзятого мнения, а также точного изложения и цитирования. Особенно резко клеймил Ломоносов плагиат. Эта статья М. В. Ломоносова является замечательным образцом публицистики 1750-х годов, а высокие требования Ломоносова к журналистам не утратили значения и до сих пор. Пожелание Ломоносова об издании научно-популярного и литературного журнала вскоре осуществилось: 6 января 1755 г. при Академии наук начал выходить журнал под названием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В течение десятилетия существования «Ежемесячные сочинения» сохраняли как внешний облик, так и содержание, определившееся с самого начала, хотя трижды менялось их заглавие². Значительное место в журнале отводилось популяризации точных наук. Печатались также очерки и статьи, обращенные к хозяину-помещику. Помещались в нем произведения русских поэтов и переводная проза. Публицистические статьи в «Ежемесячных сочинениях» немногочисленны и, как правило, анонимны. М. В. Ломоносов участвовал в издании «Ежемесячных сочинений» не только как один из инициаторов этого журнала, но и как цензор. «Ежемесячные сочинения», как периодический орган Академии наук, подлежали прежде всего надзору академической канцелярии. Ломоносов-цензор боролся против антирусских тенденций в исторических и этнографических работах Г. Миллера и привлеченных им сотрудников. Так, например, Ломоносов резко выступил против попытки Миллера извратить историю русского народа и по поводу одной из его статей гневно писал в 1761 г.: «Он больше всего высматривает пятна на одежде Российского тела, проходя многие истинные ее украшения»³.

С 1759 г. одновременно с «Ежемесячными сочинениями», выходившими при Академии наук, стали возникать первые частные журналы, чаще всего

¹ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 250.

² 1755—1757 — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»; 1758—1762 — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»; 1763—1764 — «Ежемесячные сочинения об ученых делах».

³ П. С. Билярский. Указ. соч., стр. 491—492; ср. также стр. 324.

печатавшиеся при каком-нибудь учебном заведении. В Петербурге при Шляхетном корпусе в 1759—1760 гг. группа лиц (А. П. Сумароков, С. А. Порошин, П. Пастухов и др.) стала издавать на свои средства журнал «Праздное время, в пользу употребленное». В том же 1759 г. А. П. Сумароков начал издавать собственный ежемесячный журнал «Трудолюбивая пчела». Почти одновременно началось издание журналов и в Москве при университете (1756). Ближайший ученик А. П. Сумарокова М. М. Херасков принимал участие в издании двух университетских журналов: «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы, в пользу употребленные» (1763). Двое из младших писателей сумароковской школы также начали издание журналов: И. Ф. Богданович — журнала «Невинное упражнение» (1763), В. Д. Санковский — «Доброе намерение» (1764). В отличие от «Ежемесячных сочинений», как в столичных, так и в московских дворянских журналах литературно-художественный отдел занимал первое место. При малом количестве научных статей тем резче звучали публицистические ноты, и ярко обнаруживался сословно-дворянский характер этих изданий. Нападая на пороки, свойственные дворянам, Сумароков в первый книжке «Трудолюбивой пчелы» осмеивал засорение русского языка иностранными словами. Тема о самобытности русской культуры, лишь затронутая Сумароковым, получила более полное развитие в сатирических журналах 1769—1774 годов. Сословно-дворянское направление особенно ярко выражено в журнале «Полезное увеселение». Истинное просвещение, литература, книга объявлялись привилегией дворянства. На страницах «Полезного увеселения» нередко сентиментально-идиллические картины крепостного строя (Ржевский — «Стансы», Херасков — ода «Сельская жизнь» и др.).

60-е годы XVIII столетия отмечены более напряженной, чем ранее, работой социально-экономической мысли. Еще в «Ежемесячных сочинениях» печатал статьи П. И. Рычков. В 1765 г. возник первый экономический журнал — «Труды Вольного экономического общества» (1765—1775). В редакционном «предуведомлении» к журналу издатели объявляли XVIII столетие «экономическим веком».

В этом издании первое место занимали вопросы сельского хозяйства, волновавшие господствующий дворянский класс. Перечисленные журналы 1750—1768 гг., рассчитанные на читателя-дворянина, характеризовались отчетливо выраженной дворянской идеологией.

Жестокое закабаление крестьянства и рост гневного возмущения народных масс наложили отпечаток на характер и направление русской журналистики 1769—1774 гг. Резко увеличивается количество изданий. Если с 1728 по 1768 г. выходило всего девять различных изданий, то в одном 1769 г. появилось сразу восемь новых журналов. Публицистика начинает теснить другие жанры. В очерках и политических статьях, связанных с социальной проблематикой, сквозь традиции классицизма и сентиментальные излишества пробиваются попытки правдивого отображения действительности. Выбатывается новый тип обличительного сатирического журнала. В этот

период появляется журналист-профессионал, для которого издательская, редакторская и писательская деятельность является источником существования. Такими были малочинный дворянин Н. И. Новиков и его современники-разночинцы: М. Д. Чулков, Ф. А. Эмин и В. Г. Рубан. Наконец, некоторые журналы (в первую очередь журналы Н. И. Новикова) ориентируются не на дворянского читателя, а на читателей других сословий. Характерно, что именно такие журналы находят спрос и выходят повторными изданиями. Среди журналистов этого периода Н. И. Новиков, бесспорно, занимает первое место. Официозный еженедельник «Всякая всячина» (начал выходить с января 1769 г.), негласным редактором которого была Екатерина II, излагал правительственную точку зрения на желательность сатиры «в улыбатальном духе». Екатерина вовсе не была намерена «дать литературе неограниченное право рассуждать о политических предметах... Она очень не любила, когда под видом гласности в литературу прокрадывались какие-нибудь «предерзкие речи»»¹.

Началом журнальной деятельности Новикова была полемика со «Всякой всячиной» о задачах и характере журнальной сатиры. Антикрепостническое направление журнала «Трутень», помимо заглавия, подчеркивалось эпиграфом (взятым из басни Сумарокова): «Они работают, а вы их труд ядите». С первых же номеров журнала Новиков начал «целить на особы»: он обличал судейских чиновников, взяточничество, мошенничество и плутовство среди тех, которые «ходят в золоте и титлами надуты»; богатого дворянина Новиков характеризовал в одной из статей «Трутня» как человека «без разума, без добродетелей, без воспитания». А. М. Горький подчеркивал социально-политическую направленность первого журнала Новикова: ««Трутень» вооружался против крепостного права, бичевал взяточничество»². В журнале «Всякая всячина» Екатерина II под псевдонимом «Афиноген Перочинов» резко выступила против Новикова. Новиков не только не последовал ее советам, но под выразительным псевдонимом «Правдулюбова» ответил острой отповедью на страницах «Трутня», осыпая насмешками самое императрицу под видом «г-жи Всякой всячины» — «прабабки» русских журналов. В полемике со «Всякой всячиной» Новиков сумел объединить вокруг себя другие журналы. Союзниками его выступили «Адская почта» (Ф. Эмин), «Смесь», присоединился к ним и М. Чулков в журнале «И то и сию». Екатерина прибегла к репрессиям: к 1770 г. все сатирические журналы, кроме «Трутня», перестали выходить. Но и последний в 1770 году был вынужден изменить своему резко обличительному направлению. Тем не менее 27 апреля 1770 г. Новиков простился с читателями «против желания». Тотчас после закрытия «Трутня» Новиков попытался издавать второй сатирический журнал «Пустомеля». После двух номеров журнал был закрыт. Лишь с апреля 1772 г. Новиков начал выпускать новый еженедельник, «Живописец».

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1935, стр. 160.

² А. М. Горький. История русской литературы, стр. 34.

Желая обезопасить себя от новых преследований, Новиков открыл «Живописец» посвящением Екатерине, анонимно выпустившей в том же году комедию «О время!». Новиков намеренно истолковал появление этой пьесы как официальное разрешение обличений «не взирая на лица»: «Без вашего примера, — писал Новиков в первом листе «Живописца», — не отважился бы я напасть на пороки». Время от времени помещая в «Живописце» стихи и прозаические произведения, прославляющие Екатерину, Новиков продолжал бороться против крепостного гнета и паразитизма дворянства. В этом отношении особенно важны две статьи: «Отрывок путешествия в ***» и серия очерков «Письма к Фалалею», замечательные, как отмечал Добролюбов, «по мастерству своего лукавого юмора»¹. Продолжая тему, затронутую ранее в «Трутне» и «Пустомеле», Новиков с негодованием нападает в «Живописце» на слепое пристрастие русских бар ко всему иноземному: «Да истребится сие вредное и никакому народу не свойственное пристрастие... да будут презираемы все, ненавидящие отечество!». Не без давления свыше злободневные социальные темы начали постепенно заменяться отвлеченными рассуждениями о человеческих пороках вообще. Но и это не спасло журнала: в 1773 г. он был закрыт, как можно думать, по распоряжению сверху².

Последний сатирический журнал Новикова — «Кошелек» — печатался в 1774 г. Касаться крепостничества в годы крестьянского восстания было немыслимо. Тематика журнала вследствие этого несколько сужена по сравнению с предыдущими. Новиков высмеивал в нем главным образом «французоманию» и «неосмысленное обезьянство» дворянского сословия не только в быту, но и в языке. При всей ограниченности тематики «Кошелек» интересен ярким проявлением национального самосознания.

Говоря о значении новиковских журналов, Добролюбов указывал, что даже много лет спустя «недостатки прошлого положения дел не представлены в столь резких и живых картинах, как в сатире Новикова»³. В отличие от предшественников (Сумарокова, Хераскова и др.) Новиков обращался главным образом к недворянскому читателю. Он «говорил о мещанах, как лучших читателей своего журнала», — отмечал А. М. Горький, имея в виду слова из предисловия к третьему изданию «Живописца»: «Сие сочинение попало на вкус мещан наших». В полном соответствии с этим Новиков рисовал новый образ положительного героя, который «от добродетельных и честных родился мещан», а носителями человечности делал обнищавших крепостных крестьян в противовес барину

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 162. О принадлежности этих произведений Н. И. Новикову см. подробнее: Л. В. Крестова. Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова. «Исторические записки», кн. 44, стр. 253—287.

² «Живописец» оказался наиболее читаемым из журналов Новикова. В течение XVIII в. он выдержал четыре повторных издания (1773, 1775, 1781, 1793). С 1775 г. Новиков не просто перепечатывал текст «Живописца», а пополнял его наиболее резкими антикрепостническими статьями из «Трутня».

³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 175.

«с каменным сердцем». Но одновременно, как раз в подходе к образу положительного героя, выявляется историческая и классовая ограниченность Новикова. Ему кажутся возможными в условиях самодержавно-крепостнической России и благоразумный помещик Мирен, который «совсем отменно с подвластными себе обходится», и дворянин, «человек порядочный», в роли чиновника.

Сближались с позицией Новикова издатели «Адской почты» (Ф. Эмин) и «Смеси». Журнал «Смесь», подобно «Трутню», «целил на особы», нападал на чиновников, говорил о тяжелой доле «простого народа» и поддерживал издателя «Трутня» в полемике с Екатериной («Письма к издателю «Трутня»» в л. 20 «Смеси»). Иную позицию занимал М. Д. Чулков в журнале «И то и сию», стремясь «увеселять» читателей и «шутить, сколько силы мои позволят». Сатира Чулкова почти всегда беспредметна. Обличительные мотивы (см. «Эпитафию» в № 12) встречаются редко. Зато широко привлечен материал устной народной поэзии (пословицы, обрядовые песни). Совершенно особый отпечаток придает журналу Чулкова тема власти денег. Чулков убежден в чудодейственной силе денег, — они помогают получить образование, приобрести друзей и положение: «Прибыток имеет силу и все перевершит». Та же тема другими журналистами затрагивалась в более абстрактной форме¹. Совершенно бесцветными и во всем покорными правительству были журналы В. Рубана «Ни то, ни сию в прозе и стихах», «Трудолюбивый муравей» (несмотря на отдельные грубоватые выходы против «Всякой всячины»).

Усиление дворянской диктатуры после разгрома крестьянского восстания 1773—1775 гг. определяет изменение как содержания, так и типа журналов в конце 70-х и начале 80-х годов. Место сатирических еженедельных листов занимают теперь специализированные научные издания, литературно-художественные журналы консервативного направления, наконец, — масонская философская периодика. Н. И. Новиков пробует издавать еженедельный критико-библиографический журнал «Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год» (вышло 22 номера). Параллельно с «Трудами Вольного экономического общества» возникают и другие экономические журналы: «Санктпетербургское еженедельное сочинение, касающееся до размножения домостроительства и распространения общепользных знаний» (1778) и «Сельский житель» А. Т. Болотова (Москва, 1778—1779) — по определению издателя «экономическое, в пользу деревенских жителей служащее издание».

Типичным образцом столичного литературно-художественного журнала этой поры является «Санктпетербургский вестник» (1778—1781). Он издавался «Обществом любителей наук» на средства книгопродавца Вейтбрехта. В журнале было впервые введено деление материала на два отдела — «ученый» и «политический». В первом — «ученом» — отделе помещалась поэзия, беллетристика, библиография русских книг, отечественные

¹ Ср. письмо 37 в «Адской почте» или л. 2 «Ни то, ни сию» В. Рубана.

известия, как современные, так и исторические. Во втором — «политическом» — печатались царские и сенатские указы, придворная хроника, иностранные политические новости. Выпуск журнала был прекращен в связи с цензурными преследованиями, возникшими, повидимому, после напечатания обличительной оды Г. Р. Державина «Властителям и судиям».

Реакция после подавления крестьянского восстания отражается на новых журналах Н. И. Новикова: «Утренний свет» (1777—1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782). Социально-заостренная сатира на злободневные темы сменяется в них обличением общечеловеческих пороков, настойчиво звучит призыв к нравственному самосовершенствованию, идеалистические философские статьи вытесняют публицистику. В годы правительственной реакции Новиков смягчает остроту антикрепостнических обличений, призывая читателей к милосердию и человечности к рабам, слугам и беднякам. Это — несомненный шаг назад по сравнению с обличительной, «когтистой» сатирой «Трутня» и «Живописца».

Указ о вольных типографиях (15 января 1783) повелевал «типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий». Позволялось «каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе Благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет»¹. Этот указ, несмотря на угрозу конфискации книг, «к явным соблазнам клонящихся», и требование свидетельствовать все напечатанное в Управе благочиния, открывал некоторый простор частной инициативе и способствовал повсеместному развитию печати. После этого типографии в провинции возникают одна за другой, создается основа для возникновения первых провинциальных журналов и газет.

Типичным образцом столичного официального журнала в этот период был ежемесячный «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784). Официальным редактором его считалась кн. Е. Р. Дашкова, а негласно редактировала журнал Екатерина II. Отличительной чертой издания было полное отсутствие переводов. Направление журнала определялось статьями императрицы. Она напечатала там «Записки касательно российской истории» и серию юмористических очерков «Были и небылицы». Характеризуя этот журнал, Н. А. Добролюбов отмечал в «Записках» идеализацию исторического прошлого и последовательное проведение мысли, что «всякое добро нисходит от престола»². «Были и небылицы» продолжали «улыбательную» сатиру «Всякой всячины». Екатерина II подчеркивала, что, высмеивая человеческие слабости (ложь, мотовство, щегольство, самолюбие и т. п.), она не думает о необходимости изменять действительность: «Я из тех людей, для которых свет *поди, как может, а жить в оном как определено*» (курсив подлинника. — В. К.). Несмотря

¹ ПСЗ, т. XXI, № 15634, стр. 792.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 45.

на участие видных писателей — Державина, Капниста, Княжнина, Богдановича и др., журнал успеха не имел. Охранительные тенденции Екатерины II особенно ярко проявились в отношении к Д. И. Фонвизину. Он напечатал в «Собеседнике» несколько статей: «Опыт российского словника», «Вопросы» и др. В первой статье, написанной в форме остроумной пародии на словарь синонимов, Фонвизин резко нападал на продажных чиновников и придворную аристократию. После напечатания ее осмелевший писатель направил в «Собеседник» «Вопросы», язвительно и прямо затронувшие острые проблемы современности. Екатерина ответила резкой отповедью с явными угрозами. Фонвизин вынужден был написать покаянное письмо «К. г. Сочинителю „Былей и небылиц“», в котором клялся, будто ненавидит дерзкое «свободоязычие», но для последующих частей журнала он прислал «Всеобщую придворную грамматику», насыщенную резким обличением двора, которая, однако, не была пропущена в печать.

Специализированная периодика развивается по разнообразным отраслям знания. В течение десяти лет (1780—1789) А. Болотов выпускает «Экономический магазин». На значительный успех этого журнала указывает повторное издание его первых восьми частей в 1786—1788 гг. В то время как процесс накопления капиталистических элементов заставлял напряженнее работать экономическую мысль, развивавшийся процесс формирования русской нации способствовал возникновению острого интереса к национальной старине. Начали печататься разнообразные сборники по отечественной истории: «Древняя Российская Вивлиофика» (1773—1775) и продолжение ее — «Повествователь древностей российских» (1776) Н. И. Новикова, «Собрание русских записок и сочинений, служащих к составлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» (1787—1788) Ф. В. Туманского¹. Одновременно появляются первые музыкальные и театральные издания, пока еще как сборники произведений: «Музыкальные увеселения» (М., 1774), «Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре» в 3 частях (М., 1790), «Российской феатр» в 43 частях (СПб., 1786—1794).

Многие московские журналы 1783—1790 гг. издавались Н. И. Новиковым. В эти годы он выпускал газету «Московские ведомости» и в виде приложения к ней — серию журналов: «Экономический магазин», «Прибавления» (1783—1784), «Детское чтение для сердца и разума» (1784—1789), «Магазин натуральной истории, химии и физики» (1788—1790). «Прибавления» примечательны своим разнообразием: в них чередуются статьи по педагогике, литературе, искусству, истории, географии, экономике, естествознанию. Особенно выделяются статьи, посвященные вопросам воспитания и откликам на события борьбы североамериканских колоний за независимость². Журнал «Детское чтение» явился логическим за-

¹ В 1792—1794 гг. Ф. В. Туманский начинает выпускать первый русский исторический ежемесячник «Российский магазин».

² «Прибавления», № 46—47, 1784.

вершением педагогических статей в «Прибавлениях» к «Московским ведомостям». Главной задачей журнала Н. И. Новиков считал воспитание чувства национальной гордости в подрастающем поколении. Кроме того, Новиков стремился сочетать популяризацию знаний, сообщаемых в доступной и увлекательной форме (диалог, повесть, басня, загадка и т. п.), с этическим и общественным воспитанием детей. В составлении номеров «Детского чтения» деятельное участие принимали Н. М. Карамзин и его друг А. А. Петров. Журнал имел большой успех. Все его 15 частей переиздавались как в Москве (1811—1819), так и в провинции — Владимире (1797—1803), Орле (1819). Наиболее значительным из журналов Новикова в 80-е годы был, бесспорно, «Покоящийся трудолюбец» (1784—1785), посвященный «любезнейшему Отечеству и всем верным сынам его». Новиков ставил задачей журнала воспламенить в читателях любовь к родине и «о благе общем ревнование». Как и в предшествующих журналах, Новиков ратовал в нем за широкое распространение наук, защищал свободу печати и научных исследований. Но в «Покоящемся трудолюбце», в отличие от журналов начала 80-х годов, Новиков вернулся к обличениям современных ему зол, воскрешая до некоторой степени сатиру «Трутня». «Покоящийся трудолюбец» осмеивает галломанию, обличает продажных приказных, бичует алчных монахов, у которых «чрево пространнее всей природы», и особенно резко нападает на жестоких помещиков, противопоставляя им поселян, проливающих «кровавый пот»¹.

Привлечение студенческой и вообще учащейся молодежи к журналистике², дифференцирование изданий по отраслям знания или составу читателей не были единственными характерными признаками в развитии журналистики 80-х годов XVIII столетия. Как прямое следствие указа о вольных типографиях возникают первые провинциальные журналы в Ярославле (1786—1787) и Тобольске (1789—1794). В 1786 г. в Ярославле начинает ежемесячно выходить «Уединенный пошехонец», продолжавшийся в 1787 г. под измененным заглавием: «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле на 1787 год» (редактором его был, повидимому, В. Д. Санковский). Это был вполне благонамеренный дворянский журнал. Он восхвалял «мудрые распоряжения» Екатерины, описывал ее «благодеяния, чинимые в здешней стороне». Жестокое крепостничество рисовалось как безмятежная идиллия. Интересны в этом журнале краеведческие материалы о Ярославле, Ростове, Романове-Борисоглебске, Рыбин-

¹ Эпиграмма «Боярская щедрость». «Покоящийся трудолюбец», ч. II, стр. 234; стихотворение «Послание к другу». Там же, ч. IV, стр. 228—229.

² Участие воспитанников Московского университета в журналах Новикова началось с «Утреннего света», продолжалось в «Вечерней заре» и стало особенно значительным в «Покоящемся трудолюбце». Здесь начали свою деятельность молодые журналисты и писатели конца века — В. Подшивалов, П. Сохацкий и др. В 1787 г. питомцы Благородного пансиона при Московском университете под руководством В. Подшивалова напечатали в типографии Новикова сборник «Распускающийся цветок», а через два года, в 1789 г., молодой авторский коллектив выпустил второй сборник — «Полезное упражнение юношества».

ске и др. Первые сибирские журналы характеризовались большим разнообразием и значительностью содержания, а также длительностью существования. С сентября 1789 по декабрь 1791 г. в Тобольске, при Главном народном училище, в типографии купца Василия Корнильева печатался ежемесячный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»¹. Параллельно в 1790 г. там же выходил переводный «Журнал исторический, выбранный из разных книг» (анонимные переводы из франкфуртского «Политического вестника» о событиях французской революции). Наиболее интересным из тобольских журналов этих лет был «Иртыш»; он уделял внимание социально-политической тематике и не был чужд обличительной сатире. Главную роль в журнале играли ссыльный дворянин П. П. Сумароков, учителя народного училища и дворянская интеллигенция — И. И. Бахтин и Н. И. Ахвердов. С обличениями крепостного права выступал на страницах «Иртыша» Бахтин (стихотворная сатира «На жестокость некоторых дворян к их подданным», январь 1790). В мартовском номере «Иртыша» за тот же год помещена стихотворная сатира Ахвердова «Волк-судья, или Наказанные злость и невежество», где зло и метко высмеяна Колыванская палата уголовного суда².

Возрождение и углубление интереса к социально-политической проблематике на рубеже 80-х и 90-х годов XVIII в. особенно сильно отразились в столичных журналах 1789 г. — «Беседующий гражданин» и «Почта духов». «Беседующий гражданин» издавался «Обществом друзей словесных наук», не однородным в политическом отношении. Членами его были М. И. Антоновский, в юности сотрудничавший в московских журналах Н. И. Новикова, С. А. Тучков, К. А. Лубянович, И. Г. Рахманинов, А. Н. Радищев. Состав общества отразился на направлении журнала. Первое место в этом издании занимает принадлежащая перу А. Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества», отличающаяся такою «вольностью духа», что члены Общества не рассчитывали увидеть ее в печати. В «Беседе» Радищев касался прежде всего вопроса о крепостном праве, так как, по его мнению, «под игом рабства находящиеся» не могут быть названы сынами отечества. Радищев развивал мысли о признаках, присущих истинному сыну отечества, не видя последних среди дворян. К. А. Лубянович опубликовал в этом журнале «Завещание уездного дворянина своим детям», в котором призывал человечно обращаться с крепостными. Резко выраженным антидворянским характером проникнут напечатанный в «Беседующем гражданине» «Список с дневной записки городской думы града святого Петра» — документ, выразительно рисующий классовые противоречия в столице. В том же 1789 г. в Петербурге, в частной типографии Рахманинова, печатался журнал «Почта духов»³, издателем которого был два-

¹ Вышло 24 номера.

² Подробнее см. И. И. Шимко. Ссора двух председателей палат в г. Колывани в 1791—1793 гг. «Русский архив», март 1892, стр. 683—695.

³ «Почта духов, ежемесячное издание, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами».

дцатилетний тогда юноша И. А. Крылов. Молодой Крылов бичевал взяточничество чиновников, пороки и невежество дворян, алчность купцов, негодовал на ограбление и угнетение трудового народа, резко противопоставляя в своих очерках «мещанина добродетельного» и «честного крестьянина» знатному бездельнику (письмо XXXVII). Журнал был закрыт в августе 1789 г.

Отзвуки французской буржуазной революции в русских журналах XVIII в. немногочисленны, но, тем не менее, заслуживают внимания. Особенно интересен «Политический журнал», который издавался с 1790 г. профессором Московского университета П. А. Сохацким. На его страницах читатели получали в первые два года довольно полную и нередко сочувственную информацию о французских «делах». Так, например, события 1789 г. оценивались как «начало новой эпохи человеческого рода», а взятие Бастилии как «возвращение вольности Франции». Лишь под давлением правительственной реакции после 1793 г. «Политический журнал» был вынужден стать на позиции, враждебные революции.

Представление о прогрессивном направлении в русской журналистике 80-х годов XVIII в. будет неполно, если не остановиться на журналах, не допущенных к печати. Не увидели свет журналы вольнодумца Ф. В. Кречетова «Не все и не ничего» (1786), «О всех и за вся и о всем ко всем, или Российский патриот и патриотизм» (1788). Они остались в рукописи, и сведения о них ограничены объявлениями о подготовке этих изданий. В том же 1788 г. столичная полиция запретила издание задуманного Д. И. Фонвизиним журнала «Друг честных людей, или Стародум». В первую часть своего журнала Фонвизин включил запрещенную ранее «Всеобщую придворную грамматику» и вновь созданные замечательные по сарказму сатиры на крепостничество («Письмо Тараса Скотинина...», «Письмо надворного советника Взяткина» и др.). Материалы запрещенного к печати журнала Д. И. Фонвизина разошлись в списках и были так широко известны, что А. Н. Радищев ссылался на «Всеобщую придворную грамматику» в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Завидово»).

* * *

Развитие русской журналистики в 50—80-е годы тесно связано с развитием русской общественной мысли и во многом определяется деятельностью русских просветителей XVIII в.— М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова. В первые десятилетия своего существования русская журналистика развивалась быстро и плодотворно. Показательно, что рост количества периодических изданий совпадает с обострением социальной борьбы (1769—1774 и 1783—1790). Тематика русской журналистики 50—80-х годов тесно связана с насущными вопросами действительности. Обострение классовых противоречий в последней трети века сделало обличения крепостничества основной темой журналистики с 1769 г. От Новикова до Радищева и

Крылова передовые русские писатели восставали против ограбления закрепощенного народа и резко бичевали пороки вельмож, помещиков, чиновников и купцов. Начиная с изданий еще первой половины XVIII в. («Примечания» и др.), передовые журналисты отражали в своих статьях развитие русской национальной культуры (Ломоносов, Новиков, Фонвизин). Периодические издания 80—90-х годов помещали также на своих страницах отклики на революционные события за рубежом (борьба североамериканских колоний за независимость, французская буржуазная революция). Тесная связь с действительностью обуславливает развитие реалистических тенденций в журнальной прозе 60—80-х годов, которые находят затем яркое выражение в «Путешествии» Радищева. Журналистика XVIII в. имела значение не только для современных ей читателей. Поколения дворянских революционеров первой половины XIX века, от декабристов до А. И. Герцена с Н. П. Огаревым, считали русских просветителей XVIII в. своими ближайшими предшественниками. В 1861 г. в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература» Огарев писал: «Обе струи — струя Радищева и струя Новикова — оживали с удвоенной силой и сливались в одну потребность положить начало гражданской свободы в России... Вдумываешься во всю деятельность Новикова и отыскиваешь нить, проходящую от него до 14 декабря»¹.

5

РУССКОЕ ИСКУССТВО

История русского театрального искусства XVIII в. тесно связана с развитием драматургии. Подобно последней, оно не было однородным по своей классовой основе, социальной проблематике и художественным особенностям.

В 1750—1780 гг. в крестьянской среде продолжала развиваться устная народная драма («Лодка», сатирические бытовые сцены) и тесно связанный с нею кукольный театр (Петрушка, вертеп). В 1750—1760 гг., как и в предшествующие десятилетия, любительские труппы разночинцев показывали во время зимних и весенних праздников «российские комедии» (под этим названием равно подразумевались рукописные и печатные произведения)². Нередкое включение в эти зрелища антицерковной сатиры повлекло за собой указ Елизаветы Петровны (от 21 декабря 1750 г.) о запрещении «наряжаться в русских комедиях в чернеческое и прочее касающееся до духовных персон платье»³. На основании этого указа По-

¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 428 и 438.

² И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год». М., 1891, стр. 561—564. Ср. также характеристику репертуара таких спектаклей в статье «Театр». «История Москвы», т. II, М., 1953, стр. 589—594.

³ ПСЗ, т. XIII, № 9824, стр. 392.

лицеймейстерская канцелярия предписывала полиции строго следить, «дабы при оной комедии богопротивных игр не происходило»¹.

Развитие русской драматургии и формирование актерских кадров сделали возможной организацию профессионального театра. 30 августа 1756 г. появился указ: «учредить русской для представления трагедий и комедий театр». Директором его был назначен А. П. Сумароков, а ядро труппы составила группа актеров-ярославцев (Ф. Г. и Г. Г. Волковы, И. А. Дмитриевский, А. Попов и др.) во главе со знаменитым Ф. Г. Волковым. В 1750—1770 гг. растут частные театральные антрепризы в Москве (Локателли, Бельмонти, Медокс) и Петербурге (К. Книппер)².

Используя в своих интересах стремление демократического зрителя к театральному искусству, правительство сделало попытку организовать бесплатные театры «для народа» под надзором и на средства полиции. Такой театр был открыт в 1765 г. в Москве. Актерами были любители-разночинцы, которые получали от полиции по 50 коп. за каждый спектакль или репетицию. Характерно, что в репертуаре театра преобладали развлекательные спектакли со включением цирковых номеров, далекие от острой сатиры устной народной драмы и демократической интермедии. Этот театр, как и следовало ожидать, просуществовал недолго.

С развитием профессионального театра тесно связаны любительские спектакли учащейся молодежи. Профессиональный театр в Москве возник на основе спектаклей (с 1756 г.) университетской труппы, которая затем объединилась с антрепризой Локателли. Из питомцев московского воспитательного дома, обучавшихся драматическому искусству у актера И. И. Каллиграфа (1775—1778), вышло много молодых артистов, которые затем были включены в труппу К. Книппера и совершенствовались там свое сценическое искусство под руководством И. А. Дмитриевского. В 1764—1773 гг. ученики Петербургской Академии художеств занимались драматическим искусством под руководством известного комического актера Я. Д. Шумского. В их репертуаре были такие пьесы, как «Синав и Трувор» Сумарокова, «Амфитрион» и «Школа мужей» Мольера. В этом театре, под руководством Я. Шумского, начал свою деятельность Иван Лапин, впоследствии актер придворного театра. Одновременно ученики Академии художеств обучались у специальных учителей танцам и пению и, наряду с драматическими, ставили в своем театре оперные и балетные спектакли.

В 1759 г. русский городской театр в Петербурге был передан в ведение придворной конторы и стал придворным театром. К 80-м годам в столице уже имелись придворный и городские театры. В 1783 г. открывается многоярусный каменный театр, известный под названием «Большого театра»; в том же году в казну переходит театр К. Книппера, получивший название «Малого театра». Для руководства городскими театрами учреж-

¹ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 562—563.

² Небезинтересно отметить, что именно в театре К. Книппера состоялось первое представление «Недоросля» Фонвизина в 1782 г.

дается «Комитет для управления театральными зрелищами и музыкой». Одновременно, в 1783—1785 гг., архитектор Кваренги строит придворный Эрмитажный театр, как непосредственное продолжение Зимнего дворца.

По инициативе дворянства, всеми мерами укреплявшего свою диктатуру после подавления Крестьянской войны, с 1775 г. один за другим возникают провинциальные театры: в Калуге (1776), Харькове (1780), Тамбове (1786), Воронеже (1787) и др. Составитель вышедшего в 1787 г. «Драматического словаря» указывал на типичность этого явления: «Каждый знает, что в десятилетнее время и меньше начальники, управляющие отдаленными городами от столиц России, придумали с корпусом тамошнего дворянства заводить благородные и полезные забавы: везде, слышим, театры застроенные и строящиеся, в которых заведены довольно изрядные актеры».

К 50—80-м годам относится возникновение крепостных театров в дворянских усадьбах и городских домах (например, театров П. Б. и Н. П. Шереметевых — 50-е гг., М. П. Волконского в Москве — 1776 г., А. В. Суворова в с. Ундоле — 1784—1785 гг. и др.). Значение крепостных театров особенно возросло с 90-х годов, когда некоторые из них с успехом соперничали с городскими театрами.

Господство классицизма в драматургии во многом определило развитие актерского искусства. Черты классицизма отчетливо выявляются в искусстве русских актеров от Ф. Г. Волкова, И. А. Дмитриевского до П. А. Плавильщикова и начального периода творчества Я. Е. Шушерины и А. С. Яковлева.

Резкое разграничение «высокого» и «низкого», являющееся основой теории драмы в классицизме, требовало разных принципов исполнения в трагедии и комедии. Обязательная стихотворная форма трагедии (александрийский стих) обуславливала внимание к дикции и декламационности исполнения, столь характерным для трагического актера классицизма. Возвышенность характера героев трагедии классицизма выявлялась в пластических жестах и красивых позах. В руководствах по сценическому искусству актерам указывалось, что «расположение корпуса и телодвижения суть два предмета, довольно важные для театра»; их предостерегали от увлечения «поющей» либо «надутой» декламацией¹. В комедии классицизма, где надлежало обличать пороки, исполнительское искусство характеризовалось тщательной работой над мимикой, быстрым темпом диалогов и острой выразительностью, с тем... «чтоб с первого взгляда можно было узнать характер роли»².

Актерское искусство во многом выходило за узкие рамки поэтики классицизма. По признанию современников, Ф. Г. Волкову (1729—1763)

¹ «Разные мнения о качествах комедианта...» в сб. «Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на московском публичном театре», ч. 3, М., 1790, стр. 5—7.

² Там же.



Ф. Г. Волков.
Портрет маслом работы А. П. Лосенко, 1763 г
Государственная Третьяковская галерея

был чужд разрыв между комедией и трагедией: он «с равной силой играл трагические и комические роли». Современники запомнили его в ранних трагедиях Сумарокова в ролях Хорева («Хорев»), Трувора («Синав и Трувор») и особенно Оскольда («Семира»). «Выдающаяся заслуга Ф. Волкова заключалась в том, что он сумел соединить в созданном им совместно с Сумароковым в 1756 г. театре лучшие традиции русского народного театра с передовой драматургией. Волков поднял русский театр на новую ступень развития, создав театр, как национальное государственное учреждение»¹. Именно так следует понимать слова В. Г. Белинского: Россия обязана Волкову «началом своего театра»²...



И. А. Дмитревский в роли Стародума. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.

Друг и преемник Ф. Г. Волкова И. А. Дмитревский (1734—1821) в начале своей деятельности переиграл почти все роли классической драматургии, в 70-х годах перешел к сентиментальной драме, а в 1782 г. создал замечательный образ Стародума в «Недоросле» Фонвизина. Дмитревский был воспитателем и учителем первых поколений русских актеров, как П. А. Плавильщиков (1760—1812), С. Н. Сандунов (1756—1820), А. М. Крутицкий (ум. 1803).

П. А. Плавильщиков дебютировал в 1779 г. в роли Хорева и по признанию зрителей был «в трагедии художником просто пластическим». Он стремился оживить образы трагедий классицизма живыми человеческими страстями, «поймать в трагедии природу», по его собственным словам. Ясно выраженными реалистическими тенденциями отмечено творчество артистов комедии и комической оперы. С. Н. Сандунов, по отзывам своих современников, был «актер необыкновенной по уму гибкому и просве-

¹ Ю. А. Дмитриев. Ф. Волков и начало русского театра. «Театр», 1950, № 6, стр. 57.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1953, стр. 516.

ценному, по таланту сценическому и по стойкости характера». Огромный успех имел он в ролях слуг (особенно в роли Скапена в комедии Мольера «Скапеновы обманы») и позднее — в ролях подъячих. А. М. Крутицкий известен как выдающийся исполнитель Цифиркина в «Недоросле» и мольеровских стариков, как создатель подлинно реалистического образа мельника Фаддея («Мельник-колдун, обманщик и сват»). Приведенные примеры, не исчерпывая всего богатства русской актерской школы 50—80-х годов, дают представление об основном направлении в развитии актерского искусства данного периода — от утверждения и преодоления классицизма к зарождению и углублению реалистических тенденций.

В пору господства классицизма сценическое оформление трагедии и комедии было совершенно различным: в нем с полной наглядностью выражалось резкое разграничение «высокого» и «низкого». Герои трагедии облачались либо в так называемое «римское платье» (кольчуга, коротенькая юбочка на фижмах, епанча и шпашак или шляпа с перьями), либо в условные восточные костюмы, либо в старинные русские кафтаны. Декорации представляли обычно грандиозные архитектурные пейзажи или внутренность дворцов. В противовес этому в классической комедии употреблялась современная бытовая одежда, а ее декорации обычно представляли внутренность дворянского дома¹. В комической опере и «слезной» драме реалистические тенденции этих произведений подчеркивались бытовой обстановкой, одеждой крестьян, купцов, подъячих; действие разворачивалось либо на фоне природы, либо на фоне городского повседневного быта в столице или провинции. Таким образом, в оформлении спектакля наблюдается накопление предпосылок к развитию русского реалистического театрального искусства первой половины XIX в.

* * *

50—80-е годы являются знаменательным периодом в истории русской музыки. Богатейший репертуар русских народных песен, великолепные украинские песни привлекали к себе внимание писателей и музыкантов своей выразительностью, красочностью и простотой. Следование народным песенным образцам, порою стилизация под народный склад песни с середины века получили довольно широкое распространение в дворянской среде². В конце 70-х — начале 80-х годов появляются первые печатные нотные песенники, выходит первый выпуск «Собрания русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского (1776), в котором преобладают народные песни. Среди них обращают на себя внимание так называемые «молодецкие» песни, связанные с народными восстаниями XVII —

¹ В. Д. Кузьмина. Из истории оформления спектаклей в русском драматическом театре XVIII века. «Ежегодник Института Истории искусств. Театр». М., 1955, стр. 406—422.

² Песни А. П. Сумарокова, песни-романсы Г. Н. Теплова. «Между делом безделье, или Собрание разных песен», 1759.

XVIII вв. и проникнутые острым социальным протестом¹. В «Собрании наилучших российских песен, изданных иждивением книгопродавца Мейера» (1781), преобладают сентиментальные романсы и пасторали. Выходит «Собрание русских народных песен с их голосами» И. Прача (1790), в которое наряду с народными песнями включены и песни-романсы, бытовавшие в дворянской среде. Многие из песен, впервые записанных И. Прачем, являются прекрасными образцами русской народно-песенной классики («Заплетися плетень», «А мы просо сеяли», «Во лузях» и др.). В 80-х годах появляется рукописный сборник Кирши Данилова (напечатан в 1818 г.) с записями музыкальных напевов русского народного эпоса (историческая песня о Скопине-Шуйском, былина о Соловье Будимировиче, о госте Терентьице). Большое значение имела народная песня для творчества русских композиторов последней четверти XVIII в.

К 70-м годам XVIII в. относится зарождение русской национальной оперы, появление первых музыкальных опытов русского оперного творчества. «Русская комическая опера выросла как молодое явление поднимавшейся национальной культуры в период ярких фольклорных влияний на литературу и театр, в прямой связи с интересом к новой, крестьянской теме в искусстве»². Ставится первая русская комическая опера на крестьянскую тему — «Анюта» М. Попова (1772). Через несколько лет русские композиторы, завершающие свое образование в Италии, дебютируют там в оперных театрах³.

Начиная с «Анюты» М. Попова, демократическая тема стала основной в русской комической опере 70—80-х годов, что вызывало негодование дворянских зрителей. Так, одно из действующих лиц комической оперы «Мнимые вдовцы» (1787) с презрением говорит «о странности нынешнего вкуса», предпочитающего «уличную песенку или крестьянскую». Но именно простота напева и близость к народной песне стали причиной широкой популярности первых произведений русского оперного творчества, созданных музыкантами и композиторами Соколовским, Матинским, Фоминым, Пашкевичем.

Сын солдата-артиллериста, Е. И. Фомин (1762—1800) учился сначала в музыкальных классах Академии художеств в Петербурге, а затем в Италии, где после окончания Болонской академии был удостоен почетного звания «маэстро композитора» и избран ее членом почти одновременно с Моцартом. Вернувшись на родину, Фомин посвящает себя в основном оперному творчеству. Была поставлена его одноактная опера «Ямщики на подставе» (1787), текст Н. А. Львова, изображающая расставание ямщиков с женами. Особенно интересны в ней хоровые номера (например,

¹ «Еще вниз то было по матушке реке», «Что пониже было города Саратова», «Что да на матушке на Волге не черным зачернелось», а также бытовые сатирические песни («Недоноска меня матушка родила»).

² Т. Н. Ливанова. Музыка. «История Москвы», т. II, М., 1953, стр. 612—613.

³ Опера М. С. Березовского «Демофонт» шла в Ливорно в 1775 г., опера Д. С. Бортнянского «Алкид» — в Венеции в 1778 г. и т. д.

«Высоко сокол летал» или «Во поле береза»), построенные на фольклорной песенной основе. Несколько позже Е. И. Фомин создал дошедшую до нас вторую редакцию оперы «Мельник-колдун, обманщик и сват». Для первой постановки этой оперы (1779) скрипач московского театра Соколовский обработал для сценического исполнения с оркестром народно-песенные мелодии, указанные автором либретто А. А. Аблесимовым («Как вечер у нас со полуночи», «Как ходил-гулял молодчик», «Западала путь-дороженька моя» и др.). В поэтической основе «Мельника-колдуна», связанной с народной песней, и крылся широкий успех оперы.

В 1779 г. была поставлена опера В. А. Пашкевича «Несчастье от кареты» (текст Я. Б. Княжнина). О личности этого талантливого русского композитора сохранилось мало сведений. Известно, что с 1756 г. он дирижировал оркестром при дворе и одно время — в петербургском частном театре К. Книппера. В опере «Несчастье от кареты» музыка ограничена автором либретто; некоторые ее персонажи совсем лишены музыкальных характеристик, в обличительной тенденции и обрисовке характеров ведущее значение сохраняет слово, а не музыка. Арии и хоры этой оперы осуществлены вне песенных принципов. Вместе с тем в ней прекрасно разработаны оперные ансамбли, сосредоточенные в завязке и кульминации (квнтет в финале первого акта, патетический дуэт Анюты и Лукьяна в третьем действии), а лирико-патетическая окраска партий Лукьяна и Анюты и иронические арии шута Афанасия придают обрисовке демократических персонажей душевную теплоту и человечность. Интерес В. А. Пашкевича к углубленному раскрытию человеческого характера проявился в опере «Скупой» (1782), также написанной на текст Я. Б. Княжнина. Современники высоко оценили большой речитативный монолог ее главного действующего лица — Скрагина.

В 1781 г. М. Матинский написал музыку (не сохранилась) и либретто оперы «Санктпетербургский гостиный двор». В 1792 г. либретто оперы было переработано автором для новой постановки под заглавием «Как поживешь, так и прослывешь». Новую редакцию музыки, дошедшую до нас, написал В. А. Пашкевич. Музыка сопровождает здесь все развитие действия (комические арии, жанровые сцены — ансамбли). Главное музыкальное достоинство оперы Матинского — Пашкевича в том, что в ней впервые зазвучали со сцены многоголосые хоровые свадебные песни.

Оперными произведениями Фомина, Матинского, Пашкевича были заложены основы русской национальной оперной школы (психологическая и социальная характеристики персонажей, широкое обращение к народной песне и музыке), которая получила затем блестящее выражение в творчестве М. И. Глинки.

В 50—60-х годах наряду с комической оперой отмечается развитие русской камерной и инструментальной музыки, представленной творчеством И. Е. Хандошкина и Д. С. Бортнянского.

И. Е. Хандошкин (около 1740—1804) — один из замечательных музыкантов XVIII в. — был крепостным. Прекрасный скрипач-виртуоз, он был

также плодовитым композитором и написал много вариаций на русские песенные темы. Большим мастерством отличается серия его вариаций для двух скрипок, для скрипки и альты, а также знаменитые скрипичные сонаты, которые получили широкое признание и распространение в стране и были изданы за границей.

Начав еще мальчиком петь в церковном хоре г. Глухова, Д. С. Бортнянский (1751—1825) завершил музыкальное образование в Италии, где впервые получил признание и как оперный композитор. Д. С. Бортнянский написал четыре оперы — «Алкид», «Квинт Фабий», «Сын-соперник» и «Сокол». Но гораздо большее значение имели его клавирные сонаты и камерные ансамбли, для которых типичны мягкая, выразительная певучесть и ясный, уравновешенный лиризм.

Творчество Фомина, Пашкевича, Матинского, Хандошкина, Бортнянского является наглядным свидетельством интенсивного и плодотворного развития русской музыкальной культуры в последней четверти XVIII в.

* * *

Во второй половине XVIII в. успешно развивалось русское народное декоративное искусство. Оживление промышленной и торговой жизни в городах и усадьбах повышает потребность в труде ремесленников, способствуя более интенсивному его развитию.

В условиях начавшегося разложения феодального общества и роста классовых противоречий наметились два различных течения в развитии национальной культуры и искусства. В то время как господствующая верхушка феодального общества, презрительно отвернувшись от национальной культуры, стремилась подражать западноевропейским образцам, народ, в лице своих многих безвестных мастеров, продолжал творчески развивать лучшие традиции национального искусства и художественного ремесла.

Русская крепостная деревня второй половины XVIII в., выделявшая из своей среды многочисленных специалистов-ремесленников, особенно по обработке дерева (плотники, резчики, токари), не могла остаться чуждой художественному влиянию своих мастеров. Образцы бытовых изделий, созданных в то время мастерами Севера, Поволжья, Московской области, свидетельствуют о массовом тяготении именно к обработке дерева, как наиболее доступного материала, и о высоком декоративном и орнаментном мастерстве, достигнутом в этом деле.

Русские ремесла, связанные с обработкой дерева, охватывали едва ли не все стороны производственной жизни народа. Это прежде всего относится к плотничьему ремеслу: плотник строил города, рубил избы, возводил храмы и т. п. Накопленный веками строительный опыт русского народа развил в нем профессиональные понятия о конструктивности, чувство пропорций, смелость применения новых технических приемов, искание более совершенных форм. Постройки XVII—XVIII вв., выполненные без-

вестными зодчими из народа, являются прекрасными образцами русского национального зодчества.

На основе ремесла плотника со временем выделилось мастерство декоративной обработки дерева — резьбы разного вида, в зависимости от ее назначения. Особенное развитие получила так называемая выемчатая резьба, выполнявшаяся посредством вырезов и нарезок вглубь доски. Основной формой этой резьбы являются геометрические мотивы с центральным изображением круга и его сегментов, построенных в различных орнаментальных сочетаниях, при исключительном многообразии вариантов, свидетельствующих о длительной культуре этого вида искусства, осуществляемого при помощи простого ножа. Богатство вариантов резного узора обусловило возможность применения резьбы к самому широкому кругу крестьянских бытовых вещей (прялка, колыбель, валёк, деревянная посуда, ткацкий стан и т. д.) на протяжении всего XVIII века.

Другого вида декоративная мелко-узорная резьба развивалась на основе производства пряников, распространенного в XVIII в. в городах, где применялись так называемые «пряничные» доски¹. Декоративная резьба на пряничных досках отличается значительно обогащенным (по сравнению с геометрической резьбой) строем узора. Линии приняли здесь большую гибкость, наряду с геометрическими формами начинают появляться растительные узоры и другие элементы орнамента — «копытца», «зубчики», «желобки», «гребешки» и т. п., свидетельствующие о чисто народном и своеобразном развитии декоративного искусства художественно-резной обработки дерева.

Особенно следует отметить так называемые «почетные» доски, резьба на которых характеризуется сложным растительным узором из цветов и листьев, а также «хоромные» — с башнеобразными двухъярусными шатровыми зданиями, с флагами и арочными крыльцами на колоннах. Узоры обычно обрамлялись каймой с резной надписью, обозначающей дату изготовления доски и имя ее мастера (можно назвать имена Матвея Ворощина, С. А. Прянишникова и др.).

Производство ручной набойки по ткани в переходный период от ремесла к мануфактуре в значительной степени также зависело от искусства резчика. Сохранившиеся набойные доски XVIII в. построены на своеобразных формах графического рисунка и плоскостной резьбы. Крестьянская набойка этого времени обычно двуцветная: белый холст и цветной узор в одну краску или, наоборот, цветной фон и белый узор. Главное художественное достоинство узора заключалось в расположении и взаимном сочетании этих двух цветов. Резной узор для цветной крестьянской набойки, располагаясь на квадрате доски, равном ширине холста, в основном характеризуется простотой орнамента и разнообразным наложением персонажей — от древних (птица-сирин, птица-пава, розетки, круги, дороги), до современных, заимствованных из лубочных картин, изразцов, парчи

¹ Доска с резным узором для оттиска его на тесте.

и т. п. Дополненные собственной выдумкой, видоизменяясь и упрощаясь, они приобретали своеобразный, глубоко народный стиль, характерный выразительностью, грубоватостью очертаний и яркой декоративностью.

Так же древни истоки ремесленного производства деревянной, долблено-резной и точеной посуды. На протяжении тысячелетия русскими ремесленниками были выработаны, ставшие национальными, формы посуды: ковши, братины, чаши, стопы, чарки, стаканы, ставцы, мисы, блюда, солоницы. К концу XVIII в. употребление деревянной посуды сохраняется лишь в крестьянском быту и частично среди посадского населения. Исключение составляла особенно ценная посуда из березового капа, отличавшаяся плотностью, водонепроницаемостью и узорной древесиной.

Во второй половине XVIII в. в крестьянском быту были широко распространены большие и малые фигурно-вырезные ковши, черпаки и «наливки». Большие ковши и «скопкари» XVIII в. были емкостью до двух ведер. Все они вырезывались из целого куска дерева приемами скульптурной техники. Ковши воспроизводят форму древней русской лады, скопкари же изображают водяную птицу или конька, солоницы имеют форму уток. «Вся эта многочисленная группа фигурной посуды вводит нас в область изумительной конструктивной мысли, остроумного и умелого владения формой и развитого художественного вкуса»². Другие формы русской деревянной посуды — чарки, кубки, енды, братины, стаканы, блюда, чаши и т. п. — вырабатывались уже при помощи токарного станка и постепенно, с конца XVIII и в XIX в., вытесняли с рынка ладевидную посуду.



Пряничная доска С. А. Прянишникова 1778 г.

Государственный Исторический музей

¹ Кап — нарост (на дереве) кругловатой формы со сложно-узорчатым строением древесины.

² В. Воронов. Крестьянское искусство. М., 1924, стр. 60.



Набойная доска XVIII в.

Государственный Исторический музей

Крестьянская посуда северных районов и некоторых районов Поволжья обычно расписывалась и нередко снабжалась надписями с указаниями ее владельцев и места изготовления. Иногда надписи эти носили шуточный характер, например: «Гости гостите, пьяны не напивайтесь, вечера не дожидайтесь», и т. п.

Народная декоративная роспись по дереву сложилась сравнительно поздно, на основе живописной культуры XVII — начала XVIII в. Стремление к красочности выражалось первоначально лишь в расцветке бытовых вещей — шкафов-угловиков, сундуков-укладок, ко-

робьев, деревянной посуды. В росписи сказываются характерные особенности приемов местной живописной культуры XVII в., преемниками которой являются ремесленники-живописцы XVIII в. Так определяется группа вологодских живописцев, великоустюжских и северодвинских, ярославско-костромских, позднее — нижегородских, со свойственными им графическими и живописными приемами, своеобразием орнаментально-декоративного стиля, излюбленными мотивами и сюжетами и с общей для всей росписи в целом тенденцией к реализму. Одной из наиболее ранних является так называемая вологодская группа, известная главным образом своими работами по декоративной росписи лубяных коробьев; последние обычно служили тарой для перевозки клади, а в крестьянском быту — для хранения девичьего приданого. Этим назначением обусловлено их красочное оформление с изображением сцен и персонажей, заимствованных, повидимому, из свадебных песен. В основной декорации замечается преобладание графического элемента над живописным. На внутренних сторонах крышек можно видеть сюжеты или персонажи более раннего характера, восходящие к XVII в., как грифоны, попугаи, лады, всадники в одеждах, напоминающих одежду стрельцов, и т. п.

Ярославско-костромская роспись на коробьях второй половины XVIII в. резко отлична от вологодской; она свободна от контура и характерна более



Лубяная коробья с росписью, XVIII в.
Государственный Исторический музей



Квасник. Гжельская майолика второй половины XVIII в.

Государственный Исторический музей

рельефной живописностью, растительным орнаментом с симметрично расположенными реалистической формы букетами на густозеленом, голубом или желтом фоне.

Развившееся на основе многовекового труда ремесленников, русское народно-декоративное искусство резьбы и живописи по дереву полностью сохранило во второй половине XVIII в. своеобразие национальных форм, выработав новый, обогащенный декоративный строй, направленный к реализму.

Русская гончарная промышленность к середине XVIII в. достигла высокого технического, художественного и экономического развития и была вполне подготовлена к переходу к технике тонкой майолики, являвшейся следующей ступенью керамического производства. Первым предприятием, начавшим ее освоение, был московский ценный завод А. Гребенщикова, овладевший техникой художественной майолики, не исключая и труднейшей, считавшейся на Западе «неповторимой», росписи «белым по белому» на мисках и блюдах. Эта роспись, синяя и многоцветная, отличается виртуозным мастерством рисунка, разнообразием кистевого мазка и тончайшего штриха. Мастерами росписи были крепостные Гребенщикова: Гаврила Степанов, Матвей Борисов, Петр Иванов, Сергей Андреев, Спиридон Аверкиев, Иван Степанов и др.

В конце 70-х годов распространившееся по подмосковным (гжельским) деревням майоликовое производство получило новые, глубоко самобытные народные художественные формы. Кумганы и квасники гжельских мастеров украшены скульптурными фигурками (женщины в кокошниках с ребенком или с книгой в руках, мужчины с балалайками, целующиеся пары, гродавец лешек, пушкари у пушек, сражающиеся всадники, даже целая охота на медведя и мн. др.). За редким исключением, фигурки удачно помещены на плечах сосуда. С замечательным художественным чутьем гжельские мастера впервые разрешили в этих изделиях труднейшую задачу украшения сосудов малой круглой скульптурой без превращения ее в ручки или в ножки сосуда.

Для росписи своих изделий гжельские мастера использовали очень широкий круг сюжетов современного им русского искусства и окружающей жизни. Часто на них можно было видеть дома с дымиющимися трубами и флагами, башни, колокольни с колоколами, церкви, различных птиц и животных. На кувшинах и квасниках они рисовали купальницу, белокрыльник, хвощ, дикий лук, березу, ель и др. Реже писали людей, изображать которых было трудно. Вся эта широкая тематика росписей сопровождалась разного рода орнаментальными поясками, вставками, фризами и пр., дополнявшими основную роспись и подчеркивавшими отдельные части сосуда.

В целом гжельские майоликовые изделия второй половины XVIII в. отличаются не только самобытностью, но и глубоким пониманием законов прикладного искусства, богатой творческой фантазией, красочностью и смелостью композиционных решений. Из мастеров, создавших это



Фаянсовая «кухля» казенного петербургского завода, 1776 г.

Государственный Исторический музей

оригинальное народное искусство, известны Иван Никифорович Срослой, Иван Иванович Кокун, Никифор Семенович Гусятников.

Наряду с майоликой успешно развивалось фарфоровое художественное производство, представленное двумя крупными заводами: императорским в Петербурге и Ф. Я. Гарднера под Москвой.

Лучшие образцы фарфоровых изделий петербургского завода характеризуются широтой замысла, богатством и оригинальностью композиции, национальным характером тематики и прекрасным исполнением. Типичным для содержания фарфоровой скульптуры является обращение к русским сюжетам, исполненным очень реалистично. В 80—90-х годах эта тенденция получила выражение в серии «Народы России» скульптора (впоследствии академика) Якова Ивановича Рашета. Народы представлены в этой серии раскрашенными фигурами в национальных костюмах, с хозяйственными атрибутами в руках. Вся серия производит впечатление большого разнообразия, жизненности, богатства форм. Кроме того, завод выпустил несколько прекрасно выполненных сервизов, в частности замечательный «арабесковый» сервиз, и много других предметов, сделанных русскими мастерами и художниками.

Значительной художественной самобытностью отличаются изделия завода Ф. Я. Гарднера¹. Работавшие здесь крепостные художники создали

¹ На заводе работали нанятые у помещиков их крепостные художники; нам известны лишь очень немногие имена: Матвей Яковлевич Студинский, Иван Варламов, Михаил Панов, Сергей Никитин (в 1797 г. на заводе работали 72 живописца и 17 учеников).



Фарфоровая тарелка «арабескового» сервиза петербургского завода, 1784 г.

Государственный Исторический музей

свою оригинальную цветочную орнаментику, позволяющую легко отличать их произведения от других современных им изделий. Исполненные ими сюжетные росписи на темы народной жизни характеризуются живым, непосредственным чувством и любовным отношением к природе. Завод откликался и на большие исторические события своего времени. Примером служит небольшой чайный сервиз, сделанный в 1775 г. художником Кестнером в честь Чесменской победы над турками и являющийся одной из лучших художественных работ в русском фарфоре XVIII в. В 1778—1783 гг. завод выполнил придворный заказ на четыре больших столовых «орденских» сервиза, предназначенных для приема лиц, награжденных орденами (георгиевских, владимирских, александровских и андреевских кавалеров), в дни основания орденов. Эти сервизы имели прекрасную форму и орнаментику из лент, орденов и лавровых гирлянд; они отличались ясной, простой композицией, без всякой перегрузки, и той благородной сдержанностью, которая характеризует лучшие русские вещи из фарфора того времени. Сервизы имели большой заслуженный успех. Кроме посуды, гарднеровский завод изготавливал разные настольные принадле-



Фарфоровая корзиночка орденового Георгиевского сервиза завода
Ф. И. Гарднера, 1778 г.

Государственный Исторический музей

ности и декоративные статуэтки, которые отчасти повторяли модные в то время среди дворян западные фигурки, отчасти же были и вполне русскими по своему содержанию. Эти последние с одной стороны продолжали старую русскую традицию, восходящую к игрушкам московской Руси и майоликовым фигуркам Гжели, с другой — подготавливали почву для развития русской народной статуэтки XIX в.¹

Стекольное производство во второй половине XVIII в. развивалось очень быстро, а сохранившиеся до нашего времени стеклянные изделия этого времени свидетельствуют о высокой художественной культуре.

В течение всего периода вырабатывалось много зеленого дешевого стекла с эмалевой росписью, расходившегося среди широких кругов населения. Основу ассортимента составляли близкие народному быту кувшины и бутылки разных форм и размеров. Они расписаны зеленой, синей, желтой и красно-коричневой эмалевой краской, обычно хорошо связанной по колориту с зеленым цветом стекла. Сюжеты росписи — чисто народные: крупные декоративные цветы и травы, высокие голенастые птицы, львы, крылатые грифоны, люди в кафтанах XVIII в., обычно с музыкальными инструментами. Эти мастерски исполненные народные росписи зеленого стекла отличаются простым и красивым рисунком, прекрасно связаны с формой украшаемого предмета. Они выполнялись народными мастерами, работавшими на стекольных заводах.

Во второй половине века, после мозаичных работ М. В. Ломоносова, сопровождавшихся освоением сложных по технике приемов, распространяется производство цветного стекла разных оттенков: лилового, зеленого, красного, синего, молочного (непрозрачного белого). Техника украшения изделий из этого стекла была весьма разнообразной и очень искусной. Высокого художественного уровня достигло производство хрустальных кубков, форма которых получила наилучшие пропорции; их гравировка

¹ См. А. Б. Салтыков. Русская керамика. М., 1952; Б. Н. Эмме. Русский художественный фарфор. Л., 1950.

воспроизводит не только сложные орнаменты и монограммы, но и миниатюрные портреты и даже целые декоративные картины.

К концу XVIII в. развивается живопись по стеклу. Графины и другие предметы из цветного стекла расписываются золотыми цветами, гирляндами, монограммами, гербами, травными и геометрическими узорами. Кроме гравировки, золочения, росписи красками, употреблялись и другие способы художественной обработки стекла: шлифовка, гранение, так называемая «венецианская пить».

Все эти виды художественного стекла постепенно сходят с производства в конце 90-х годов, и в первые годы XIX в.¹ прикладное искусство в стекольной промышленности приобретает новый характер.

Использование металла в русском народном художественном творчестве не могло иметь настолько широкого распространения, как это было в отношении более доступных материалов — дерева и глины. Металлические изделия занимали в крестьянском обиходе скромное место; их применение ограничивалось почти исключительно предметами узко бытового назначения. Но и здесь стремление украсить быт и дать волю творческим импульсам находило отражение в усложнении изделий и придании им затейливых и красивых форм. Техническая сложность обработки металлов и выделки изделий выводила изготовление их из пределов домашнего производства. В большинстве случаев исполнителями были сельские или городские ремесленники, обладавшие необходимым оборудованием.

Железо было наиболее распространенным из металлов в крестьянском бытовом обиходе. Дверные и воротные петли в виде длинных полос железа, скреплявших досчатые створки ворот, достигали внушительных размеров. Их отделывали насеченными узорами, коваными завитками и фигурными завершениями; во многом сказывалась устойчивость форм национального производства, выработанных веками. Так, наружным щиткам врезных воротных замков в течение XVIII в. продолжала придаваться старинная форма секиры.

Интересную отрасль народного творчества составили осветительные приборы из железа, представлявшие по преимуществу «светцы» — приспособления для держания лучин. Украшения светцов достигали большого разнообразия и изощренности. Концы рогулек выковывались петлями, перекручивались завитками, превращаясь в некоторое подобие цветка. Еще наряднее делались более дорогие цельножелезные светцы на высокой кованой стойке, достигавшей высоты 1—1,5 м; они иногда представляли нечто вроде своеобразного канделябра для одновременного использования нескольких лучин. Излюбленным украшением было многократное перекручивание стержня стойки; оно создавало сплошную винтовую поверхность, мерцавшую своими бликами при горении лучины. В более сложных изделиях стойка выковывалась с расширенными «яблоками»,

¹ См. Е. А. Левинсон, Б. А. Смирнов, Б. А. Шелковников, Ф. С. Энгелис. Художественное стекло и его применение в архитектуре. Л., 1953; Д. Д. Иванов. Искусство керамики. М., 1925.



Бутылъ зеленого стекла с росписью, вторая половина XVIII в.

Государственный Исторический музей

усложнялась отрогами, придававшими ей вид растения. Во второй половине XVIII в. вводились приемы украшения светцов приклепанными розетками, листовыми дополнениями, спиральными завитками, усиливавшими впечатление растительных побегов.

В этот период в городах появились высокие ограды на каменных столбах, с пролетами, забранными железными коваными решетками. Каменные части этих оград имели архитектурно выработанные формы в духе господствовавшего стиля барокко; решетки же, составленные из высоких вертикальных стержней, были близки к формам народного кузнечного дела¹. Прутья решеток завершались завитками, копьевидными окончаниями, извилистыми отрогами.

Только позднейшие решетки московских оград 60-х годов могли получить решения, более разработанные композиционно и более увязанные с общим обликом архитектуры. Но и в этих случаях в них не сразу исчезали признаки непосредственного творчества кузнеца. Так, решетчатые ограды и ворота Царскосельского (ныне г. Пушкина)

дворца архитектора Растрелли, выполненные в 1756 г. мастером Яковом Волковым², являли в своей затейливости черты яркой народной традиции, прорывавшейся сквозь официально предудказанные стилистические задания.

Художественные устремления мастеров из народа проявлялись также и в слесарной обработке железа. Колодки подвесных замков не только

¹ Н. Р. Левинсон. Кованые решетки оград середины XVIII в. Сб. «Старая Москва». М., 1929, стр. 161—182.

² А. Бенуа. Царское село. СПб., 1910, стр. 82.



Графин зеленого стекла с росписью
золотом русского производства второй
половины XVIII в.

Государственный Исторический музей

получали фигурные очертания, по поверхности их не только наваривались завитки, волнистые и ломаные полосы, но иногда вся форма их трактовалась скульптурно. Отличались в этом отношении мастера исконных центров металлообрабатывающей промышленности — Тувы и особенно с. Павлова на Оке. В конце XVIII в. они делали замки в виде львов, уток и т. п.¹ Более замысловатыми были медные замочки, плоские, вырезанные силуэтно и дополненные гравировкой². Среди них встречались фигурки птиц, животных, всадников, охотников; воспроизводились и фантастические существа — чудовищные змеи, драконы, сирины. Некоторые фигурки были карикатурного и сатирического содержания и явно перекликались с современными лубочными картинками.

На Урале в заводской металлообрабатывающей промышленности этого периода отражались черты самобытного народного искусства. Хотя поверхность медных изделий (кружек, кувшинов, ларцов) украшалась в большинстве случаев довольно однообразной чеканкой в духе господствовавших в то время декоративных стилей барокко и рококо, но живое чувство мастеров-чеканщиков то и дело прорывало установленную схему беспредметного орнамента и населяло его образами, заимствованными из окружающего мира. Среди орнаментальных извивов появлялись фигуры девиц в сарафанах, изображения крестьянина в саях, щеголей в модных кафтанах. Эти предметы датируются по обычным на уральских изделиях заводских клеймам³ 50—60-ми годами XVIII в.

Русские мастера золото-серебряного дела создавали великолепные и совершенные по отделке художественные ценности, украшавшие быт



Магнит в медной чеканной оправе работы мастеров уральских заводов, середина XVIII в.

Государственный Исторический музей

¹ «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в., вып. 1. М.—Л., 1935, стр. 150.

² Е. Зябловский. Землеописание Российской империи, т. IV. СПб., 1810, стр. 150. В собрании Гос. Исторического музея имеется до 150 таких замков, некоторые из них помечены 1760—1780 гг.

³ Е. П. Дмитриева. Перегонный куб М. В. Ломоносова 1748 г. «Труды Гос. Исторического музея», вып. XIII. М., 1941, стр. 220.



Серебряный ларец с чернью, устюжская работа конца XVIII в.

Государственный Исторический музей

господствующего класса¹. Единственным в своем роде монументальным памятником искусства мастеров-серебряников явилось надгробие Александра Невского. Оно было выполнено в 1759 г. целиком из серебра и представляло сложную композицию высотой около 7 м, с несколькими фигурами в человеческий рост, с богатой орнаментацией, барельефами и группами предметов древнерусского вооружения (пыле находится в Гос. Эрмитаже).

Широкое развитие получили во второй половине XVIII в. отдельные отрасли серебряного дела. Среди них особо выделялось искусство черни по серебру, сочетаемое с золочением. Особенно отличались своим искусством мастера Москвы, Тобольска и Великого Устюга², где мастерство черни по серебру дожило в качестве местного художественного промысла до наших дней. В XVIII в. в Великом Устюге возникло также производство изделий из меди, покрываемой эмалью, с серебряными тисненными накладками³.

Высокого уровня достигло производство художественных изделий из металла в Туле — другом крупнейшем и старинном центре русской металлообрабатывающей промышленности. Мастера-оружейники применяли свое высокое умение в украшении парадного и охотничьего оружия. В первой половине XVIII в. в отделке оружия преобладала рельефная

¹ Т. Г. Гольдберг. Очерки по истории серебряного дела в России. «Труды Гос. Исторического музея», вып. XVIII. М., 1947 (рис. 21, 24, 27 и др.).

² Ее же. Черное серебро Великого Устюга. М., 1952.

³ Т. Н. Тихомирова. Устюжские эмали XVIII в. с серебряными накладками. «Труды Гос. Исторического музея», вып. XIII, стр. 191—216.

резьба. Во второй половине века выработался более изысканный прием отделки стали ишкрустацией серебром и золотом, воронением отдельных частей оружия, обогащением поверхности предметов превосходной полировкой или матовым травлением¹.

Если задачи оружейного дела ставили известный предел украшению изделий, то в «галантерейных» произведениях мастера-туляки могли полностью дать волю своей творческой фантазии. Эти изделия частью изготовлялись ими вне профессионально - заводской работы. Производство на сбыт приводило к свободному созданию разнообразнейших предметов — от небольших коробочек, табакерок, черпильниц до крупных поделок, вроде отделанного золоченой бронзой стального ларца с шахматами, таких же предметов мебелировки (Эрмитаж), колыбелей (Оружейная палата) или рабочей шкатулки Екатерины II с разными принадлежностями, покрытыми тонко выполненными матовыми рисунками и орнаментом (Исторический музей). Искусство полировки достигало у тульских мастеров такого совершенства, что даже зеркала, вставлявшиеся в крышки шкатулок, выполнялись ими из стали.

В руках народных мастеров-металлистов высокое профессиональное мастерство сочеталось с большим умением извлекать из самого материала заложенные в нем художественные возможности.

¹ Э. Ленц. *О Тульском оружейном заводе*. «Старые годы», 1907, № 7-9, стр. 336—347; С. И. Троицкий. Заметки о Тульском заводе. Там же, 1916, № 10-12, стр. 85—91; М. Денисова. Тульское художественное оружие XVIII—XIX вв. в собрании Гос. Исторического музея. М., 1952.



Стальной подсвечник, отделанный «алмазной» грапью и бронзой, работа тульских мастеров конца XVIII в
Государственный Исторический музей



К середине XVIII в. относится начало расцвета русского изобразительного искусства. Высокие достижения художественной культуры древней Руси помогли ему скоро достигнуть блестящих успехов, хотя и на новой — светской, т. е., по существу, реалистической основе. Реформы петровского времени открывали передовым русским людям новые перспективы для их творческой деятельности. Гордость за рост страны звучала в пышном искусстве 40—50-х годов. Вместе с тем начинавшаяся борьба с засильем иностранцев заставляла передовых русских людей стремиться шире использовать традиции национального допетровского искусства. В области архитектуры эти черты ярче всего проявились в творчестве С. И. Чевакинского (1713 — после 1776), Д. В. Ухтомского (1719—1775) и В. В. Растрелли (1700—1771), итальянца по происхождению, приехавшего в Россию еще мальчиком и глубоко впитавшего в себя русскую культуру.

С. И. Чевакинский работал в Царском Селе задолго до Растрелли. Именно он произвел колоссальное расширение дворца, начатое А. В. Квашовым в 1743—1744 гг.; ему принадлежит и самая композиция архитектурных объемов, сохраненная потом Растрелли. В Петербурге он построил собор Николы Морского (1752—1762), придав дворцовый характер его внутреннему, залитому светом, пространству.

Особенно много великолепных дворцов для царицы и ее вельмож строил В. В. Растрелли. Его дворцы поражали своей праздничностью и грандиозным размахом, занимая целые кварталы, отделенные от города огромными «парадными дворами» и парками. Особенно роскошны были загородные дворцы в Петергофе¹ (1746—1752) и Царском Селе² (1752—1756), где он завершил строительство, начатое другими зодчими. Растрелли сочетал гигантские масштабы дворцов с пышной декоративностью, внося неистощимое разнообразие в скульптурное убранство зданий. Еще пышнее было внутреннее оформление дворцов. В богатейшей резьбе по дереву сказывалось мастерство русских резчиков, широко распространенное в народном искусстве. К золоченой скульптуре прибавлялась еще живопись, блистающая светлыми, многоцветными красками, в которых нередко можно было встретить родство с жизнерадостными, яркими красками народного искусства. Своей иллюзорной глубиной живопись как бы раздвигала стены и плафоны и без того огромных зал. Обычно в живописи изображались различные аллегии, прославлявшие владельцев дворцов. Разумеется, в этой декоративной праздничности отражалось прежде всего мироощущение господствующего класса — дворянства, пользовавшегося всеми возможными привилегиями; в этом была классовая ограниченность

¹ В настоящее время Петродворец.

² Ныне г. Пушкин.

этого искусства. В то же время грандиозность и мощь его имели и государственное значение. Растрелли говорил, что «строение каменного Зимнего дворца строится для одной славы всероссийской».

Растрелли широко применял традиции русского зодчества, его многоцветность, золоченую резьбу, купола и пятиглавие (например, в соборе Смольного монастыря, 1747—1761). Он глубоко понимал и русскую действительность и русское общество с его идейными запросами; потому его творчество и стало органической частью русской культуры середины XVIII в., во многом перекликаясь с поэзией М. В. Ломоносова в своей торжествующей жизнерадостности.

К архитектурному стилю С. Чевакинского и В. Растрелли примыкали и другие зодчие. Из них наиболее талантливыми были А. В. Квасов (ум. 1772), А. Ф. Кокоринов (1726—1772), Д. В. Ухтомский (1719—1775), крепостной Шереметева Ф. С. Аргунов (1733—1780)¹. Ухтомский работал в Москве и имел для нее почти такое же значение, как Растрелли для Петербурга. К сожалению, почти ничего не сохранилось из произведений этого замечательного зодчего. Исключение составляют два верхних яруса колокольни в Троице-Сергиевской лавре, начатой Мичурпным и законченной Ухтомским. О других его работах мы знаем главным образом по проектам. Среди них особенно интересны проекты госпитального и инвалидного домов на берегу Москвы-реки и триумфальных ворот около Кремля, которые Ухтомский хотел построить в виде многоярусной сквозной башни, напоминающей колокольню. Эти триумфальные ворота были бы единственными в мире. Ухтомский учел здесь близость Кремля и его башен, с которыми ворота были бы органически связаны. Так проявилась у Ухтомского первая идея городского ансамбля, который в дальнейшем получил столь блестящее развитие в России. Ухтомский был талантливым педагогом: с его архитектурной школой, основанной в 1749 г., связано начало деятельности крупнейшего русского зодчего В. И. Баженова. Из этой школы вышел М. Ф. Казаков.

Русские художники-живописцы приобрели самостоятельное значение прежде всего в области искусства портрета, в котором уже в петровское время работали такие мастера, как И. Никитин и А. Матвеев. В декоративной живописи середины XVIII в. русские мастера не создали таких замечательных произведений, как в портрете, — по крайней мере судя по сохранившимся росписям. Впрочем, нам трудно говорить о декоративной живописи того времени, так как она почти не сохранилась², за исключением особой области — мозаики. М. В. Ломоносову удалось создать русскую мастерскую художников-мозаичистов, которые выполнили под его

¹ Семья Аргуновых была очень талантлива; кроме Федора Семеновича Аргунова, она дала еще трех живописцев: Федора Леонтьевича, Ивана Петровича и его сына Николая, одного рисовальщика — Якова, и еще одного зодчего — Павла Ивановича. Все они были крепостными.

² К сожалению, ничего не сохранилось из декоративных работ И. Вишнякова, которые в 40—50-х годах пользовались большим успехом.

руководством ряд превосходных мозаик¹; из них особенно замечательна большая картина, изображающая «Полтавскую баталию». Однако со смертью М. В. Ломоносова его мозаичная мастерская пришла в упадок.

Портреты работы Ивана Аргунова (1727—1802), крепостного Шереметевых, и Алексея Антропова (1716—1795), сына солдата, сильно отличаются от элегантных и светских, иногда изысканных, но чаще всего бездушных портретов кисти иностранцев, работавших при русском дворе. У А. П. Антропова в портретах появляется жизненная правда; так, в парадном портрете Петра III² (1762) дан такой правдивый образ жалкого уродца, что портрет этот приобретает значение нового слова в искусстве и вполне объясняет, почему Антропова не признавали в придворных кругах. Реализм отличает и его портрет А. М. Измайловой³ (1754), ярко показывающий образ чопорной старухи, придворной дамы, нарумяненной и набеленной. Сильный, интенсивный цвет, любовь к узорчю, иногда даже известная плоскостность указывают на тесные связи Антропова с традицией древней иконописи и с народным искусством, что довершает своеобразие его стиля. Творчество Антропова явилось утверждением самостоятельного пути развития портрета, независимого от влияния заезжих иностранцев и приведшего скоро к его блестящему расцвету.

И. Аргунов лучше, чем А. Антропов, усвоил приемы живописной техники иностранных мастеров (портрет П. Б. Шереметева 1760 г. и парадный портрет его жены, В. А. Шереметевой)⁴, но это не помешало и ему создать образы, поражающие своим реализмом. В портретах Хрипуновых⁵ (1757) видна уже глубокая и вдумчивая характеристика изображенных лиц. В творчестве обоих этих художников намечается пародная струя в русском искусстве, которой предстояло в будущем блестящее развитие.

Ко второй половине XVIII в. русское искусство пришло уже вполне сложившимся на светской основе. В это время оформилось его национальное своеобразие в ряду других европейских искусств, с которыми оно было тесно связано и среди которых оно заняло почетное место. Русские скульптура и архитектура, живописный портрет получили в XVIII в. мировое значение.

Расцвет русского искусства во второй половине столетия отражал развитие национального самосознания и рост Российской империи как могущественной европейской державы. Вместе с тем Крестьянская война 1773—1775 гг. поставила перед передовой общественной мыслью, в том числе перед литературой и искусством, проблему крестьянства. Правда,

¹ М. В. Ломоносов изобрел способ производства цветных смальт, который позволил ему добиться большой их декоративной красоты. Искусство мозаики в России было утрачено с XII в.

² Гос. Русский музей в Ленинграде. Повторение в Гос. Третьяковской галлерее в Москве.

³ Гос. Третьяковская галлерей.

⁴ Останкинский музей.

⁵ Там же.

в прямой форме протест нашел в искусстве лишь слабое отражение. Только несколько акварельных зарисовок нищих крестьян, сделанных И. А. Ерменевым¹ (70-е годы), по своей остроте и глубокому пониманию тяжелой доли крепостного крестьянства могут служить известной аналогией к пламенным строкам А. Н. Радищева о «деревне Разоренной». В целом же изобразительные искусства сохраняют свой дворянский характер. Отчасти это было обусловлено тем, что в XVIII в. произведения изобразительных искусств выполнялись главным образом по заказу дворян, что делало критику господствующего класса очень затруднительной; она проявлялась лишь в редких случаях.

Однако во второй половине XVIII в. на характере искусства сказываются «просветительские» идеи, зародившиеся в связи с разложением крепостнической системы. В передовом искусстве появляется стремление к простоте, возникает мысль о «естественном человеке», крепнет представление о впесословной ценности человеческой личности. По-новому стали понимать и героинку, которая становится более простой и естественной, более близкой к реализму. Этим новым направлением был классицизм², который получил в это время распространение по всей Европе. Русский классицизм, особенно в архитектуре и скульптуре, имеет бесспорно мировое значение.

В 1758 г. в России была открыта Академия художеств, реорганизованная в 1764 г., когда при ней было создано «Воспитательное училище». Академия сыграла огромную роль в развитии русского искусства, в организации систематического обучения «трем знатнейшим художествам», т. е. живописи, скульптуре и архитектуре, а также и гравюре. Академия воспитала в XVIII в. много крупнейших художников. Однако в ее деятельности было немало и недостатков. Она была учреждением бюрократическим, воспитывала художников (с пятилетнего возраста) в отрыве от народа. Правда, в нее все же просачивались идеи дворянских вольнодумцев, получил в нее доступ и классицизм.

В основу обучения были положены рисунок и «сочинение», т. е. композиция. Основным классом считался натурный. Однако преподавание ориентировалось на изучение высоких «образцов» античного искусства, вдохновлявших в ту эпоху всех художников Европы, которые видели в них воплощение своих героических идеалов. Конечно, такое поклонение античности связывало свободу творчества. Но русские художники, в особенности скульпторы и архитекторы, умели творчески претворять эти прообразы и создавать высокохудожественные произведения. По окончании Академии лучших учеников для довершения образования посылали «пенсионерами» за границу, главным образом в Париж и Рим.

¹ Гос. Русский музей.

² Классицизм конца XVIII в., как в России, так и в Западной Европе, следует резко отличать от французского классицизма XVII в., эпохи торжества абсолютизма. С последним классицизм конца XVIII в. имеет мало общего.

Среди классов живописи и скульптуры самыми важными считались классы «исторические», поскольку в исторических жанрах искусства легче всего было воплотить героические идеалы. Сумароков говорил, что они «умножают геройский огонь» и «любовь к отечеству». Меньше всего было связано с Академией искусство живописного портрета, развивавшееся главным образом вне ее стен. Именно здесь были достигнуты наиболее блестящие успехи, поскольку в портрете получил яркое отражение процесс развития человеческой личности — процесс, характернейший для русской культуры XVIII в., особенно в период зарождения капиталистического уклада в недрах феодального общества.

Первым крупнейшим русским портретистом был Ф. С. Рокотов (1736—1808), бывший крепостной, начавший свою деятельность в Академии художеств, но еще в середине 1760-х годов переселившийся в Москву и здесь, вдали от двора, нашедший свой собственный стиль. Уже первые работы Рокотова не уступают по мастерству пышным, парадным портретам иностранных портретистов, работавших при русском дворе (портреты царевича Павла мальчиком¹, Екатерины II², 1763); в Москве же Рокотов начинает писать интимные портреты, где все свое внимание сосредоточивает на лице.

Широкая, свободная манера письма и изысканно тонкий колорит, применявшийся в декоративной живописи, служат ему для выразительной передачи одухотворенности личности. Иногда у Рокотова появляются образы с ярко выраженным характером, как, например, в портрете поэта В. И. Майкова³ (около 1765), которого он показал вольнодумцем с острым насмешливым умом. Обычно Рокотова интересуют не столько особенности характера, сколько самая одухотворенность человека, которая светится особенно в глазах изображенных им лиц, отчего они кажутся как бы живыми, непосредственно общающимися со зрителем. Однако лица на портретах Рокотова часто схожи между собой; их объединяет мечта художника о новом человеке, вышедшем за рамки сословной ограниченности, о его благородстве и уме, о его сознании собственного достоинства (в портретах В. Н. Суровцевой⁴, В. Е. Новосильцовой⁵), наконец, о его скрытой теплоте (портрет «Неизвестной в розовом»⁶, 70-е годы).

Творчество замечательного русского портретиста Д. Г. Левицкого (1735—1822) было значительно шире и многообразнее творчества Ф. С. Рокотова. Украинец по происхождению⁷, Левицкий начал свое

¹ Гос. Русский музей.

² Гос. Третьяковская галерея.

³ Там же.

⁴ Гос. Русский музей.

⁵ Гос. Третьяковская галерея.

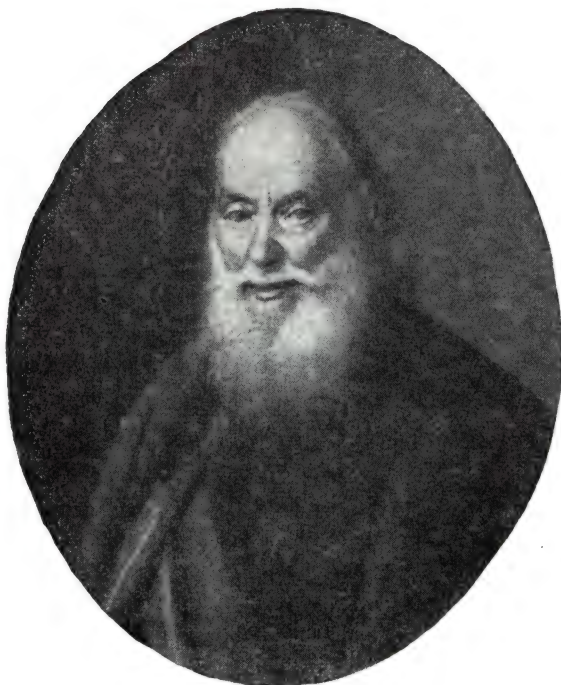
⁶ Там же.

⁷ Во второй половине XVIII в. Украина дала ряд художников, талант которых получил развитие в русском искусстве в Петербурге, ставшем в это время художественным центром всей страны.



Ф. С. Рокотов. Портрет В. Е. Новосильцовой. Масло, 1780 г.

Государственная Третьяковская галерея



Д. Г. Левицкий. Портрет отца (Г. К. Левицкого). Масло, 1779 г.

Государственная Третьяковская галерея

художественное образование в Киеве, у отца-гравера, и закончил его в Петербурге у А. П. Антропова. Левицкий великолепно владеет мастерством парадного портрета и в отличие от Рокотова не оставляет этого искусства до конца жизни (портреты А. Ф. Кокорина¹, 1769¹; Урсулы Мнишек², 1782; Екатерины II, 1783)³. Художник виртуозно владеет колоритом и передачей разнообразнейших материалов в одеждах и окружении портируемого, что создает впечатление ослепительной роскоши жизни последнего. Портреты Левицкого всегда поражают блеском декоративности.

Но художник почти никогда не ограничивается этой парадностью. Из-под условности поз и жестов проглядывают у Левицкого живые люди, что подчас начинает разрушать самую торжественность образа. Так, в портрете П. А. Демидова⁴ (1773) он изобразил богатейшего заводчика на фоне колонн и занавеса, но в шлафроке, в ночном колпаке и в окружении растений, лукович и лейки, свидетельствующих о его увлечении ботаникой. Точно так же и в парадных портретах юных «смолянок», заказанных ему Екатериной II по случаю первого выпуска в «Смольном институте для благородных девиц», Левицкий подглядел детскую непосредственность подростков, только прикидывающихся светскими дамами (портреты Е. И. Нелидовой, 1773; Е. Н. Хованской и Е. Н. Хрущевой, 1773)⁵.

В портретах интимных Д. Г. Левицкий создает образы порой очень глубокие, как в портрете отца⁶ (1779), порой обаятельные своей молодостью.

¹ Гос. Русский музей.

² Гос. Третьяковская галерея.

³ Гос. Русский музей; вариант в Гос. Третьяковской галерее.

⁴ Гос. Третьяковская галерея.

⁵ Гос. Русский музей.

⁶ Гос. Третьяковская галерея.



В. Л. Боровиковский. Портрет М. И. Лопухиной. Масло, 1797 г.

Государственная Третьяковская галерея.

стью и искренностью, как в портрете М. А. Дьяковой¹, будущей жены его друга, архитектора Н. А. Львова (1778). В отдельных случаях Левицкий даже позволяет себе легкую насмешку над изображаемым, как, например, в портрете Бакуниной² (1782), расплывшейся и неряшливой веселой помещицы.

Портреты Левицкого дают более конкретную характеристику образов, чем портреты Рокотова; тем самым они объективнее и разнообразнее их. Но во всех его портретах проявляется одна общая черта: влюбленность художника в жизнь, радостное утверждение ее богатства и разнообразия, крепкий реализм. Вместе с тем в своей откровенной правдивости Д. Г. Левицкий продолжает традицию своего учителя А. П. Антропова. Сочетание простоты и декоративной парадности в портретах Левицкого сближает их с поэзией его современника и друга Державина.

Продолжателем Д. Г. Левицкого был его ученик В. Л. Боровиковский (1757—1825), также украинец по происхождению. Он еще ближе подходит к изображению человеческой личности, приоткрывая зрителю ее чувства и в этом сближаясь с сентиментализмом. Но простота и непринужденность получают в его портретах некоторый оттенок нарочитости. Лучшим портретом этого рода является портрет М. И. Лопухиной³ (1797), мечтательность и томность которой он передал плавной линией контура и блеклым, хотя и чистым колоритом. Как и Рокотов, Боровиковский идеализирует свои образы, однако сохраняя при этом большую их конкретность.

Боровиковский писал и парадные портреты, но в них он идет дальше Левицкого в индивидуальной характеристике моделей; таков, например, портрет А. Б. Куракина⁴ (около 1801), знаменитого «брильянтового князя», надменного вельможи, слегка презрительного и в то же время любезного. Уже в одном из ранних своих портретов Боровиковский изобразил Екатерину II (1795) без всяких атрибутов императорского сана, в виде помещицы, прогуливающейся по своей усадьбе в Царском Селе⁵.

Так русский портрет XVIII в. приносит в дар следующему столетию богатое наследие: не одно лишь мастерство в понимании колорита, пластики и композиции, но и умение всеми этими средствами реалистически показать не только представителя дворянского сословия, но и ценность «внесловной» человеческой личности. Художники стремятся показать личность в наилучших ее качествах, сообразно требованиям передовой части русского общества. В русском портрете появляются элементы той простоты и задушевности, в которых нельзя не видеть отголосков народной культуры. Именно это и было одной из причин того высокого и своеобразного положения, которое русское искусство заняло среди других искусств Европы.

¹ Гос. Третьяковская галерея.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гос. Русский музей; вариант в Гос. Третьяковской галерее.

С самого основания Академии художеств перед русской исторической живописью были поставлены ответственные задачи гражданского воспитания зрителя. Для этого широко использовались героические образы из античной истории, как, например, в «Прощанье Гектора с Андромахой»¹ (1773), где художник А. П. Лосенко (1737—1773) показал патриотический пафос Гектора, уходящего на защиту родного города Трои. На первых порах такие сцены носили еще театральный характер, напоминая трагедии Сумарокова.

К концу XVIII в. растет интерес к отечественной истории, что составляет серьезное отличие русского классицизма от западноевропейского. Уже Лосенко написал картину «Владимир перед Рогнедой». Творчество Г. И. Угрюмова (1764—1823), работавшего в конце столетия, целиком посвящено темам из русской истории. В его картины, при всей их официальности, начинает просачиваться влияние просветительских идей, особенно о значении народа. Так, в картине «Ян Усмарь»² (1796) он показывает патриотизм, силу и храбрость сына простого воина, на бегу удерживающего разъяренного быка и тем доказывающего, что он достоин сразиться с «печенежским богатырем». Даже в сугубо официальной картине, заказанной Угрюмову имп. Павлом («Венчание Михаила Федоровича на царство»³ 1797—1799), он выдвинул на первый план народ.

Во второй половине XVIII в. в России получает развитие пейзаж; увлечение природой было тесно связано с развитием сентиментализма. В Академии существует класс ландшафтной живописи. К концу века начинают сливаться две линии ее развития: видовая и декоративная. В 90-х годах у Семена Щедрина (1745—1804) впервые появляются конкретные виды местности (чаще всего — дворцовых парков), которые одновременно являются и декоративными картинами с условным коричневатым колоритом «Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова», 1796)⁴.

Сверстником Семена Щедрина был пейзажист и баталист М. М. Иванов (1748—1823), прикомандированный к штабу Г. А. Потемкина и по самому роду своей службы обязанный изображать как славные баталии русского войска, так и присоединенные новые земли. В своих многочисленных акварелях М. Иванов обнаруживает интерес не только к природе новых стран, но и к людям и их быту. Например, в картину «Вид Эчмиадзина» (акварель⁵, масло⁶) художник вводит фигуры отдыхающих крестьян (на первом плане) и монаха, путешествующего на ослике (на втором).

Ф. Я. Алексеев (1753—1824) детально разрабатывает городской видовой пейзаж, поднимая его на новую ступень пейзажа художественного. В его

¹ Гос. Третьяковская галерея.

² Гос. Русский музей.

³ Там же.

⁴ Гос. Третьяковская галерея.

⁵ Там же.

⁶ Гос. Русский музей.



М. Ш и б а н о в. Крестьянский обед. Масло, 1774 г.

Государственная Третьяковская галерея

картине «Вид Дворцовой набережной»¹ (1794) впервые изображена величавая красота Петербурга, отраженная в зеркальной глади Невы. Все большее место занимают в его пейзажах человеческие фигуры, что свидетельствует о растущем интересе художника к жанру.

Собственно жанровая живопись в XVIII в. была в России отсталым участком. Жанровые картины были случайными и не создавали преемственной традиции. Так, осталась совершенно одинокой картина И. Ф. Фирсова «Юный живописец»² (60-е годы), превосходно передающая образ мальчика-художника во всей его простоте и чистоте; в картине есть большая задушевность и теплота, характерные для русского искусства. Знаменательная черта зарождающейся русской жанровой живописи — появление тем из крестьянской жизни. Именно здесь особенно отчетливо обнаруживается водораздел между крепостнической культурой и новой, в которой можно видеть зародыши демократического направления. Так, с одной стороны, мы видим «Храмовый праздник»³ (1784) И. М. Танкова, где изображается, как помещики в раззолоченной карете приехали полюбоваться на «щастливую жизнь» своих «поселян» — на купающихся крепостных девушек, похожих на нимф. С другой стороны, акварели И. А. Ерменева 70-х годов показывают скорбные образы слепых и нищих крестьян. Но Ерменев был непризнанным художником; он едва получил от Академии аттестат об ее окончании и позже не имел никаких заказов, — в то время они могли исходить только от вельможных меценатов. Повидимому, он кончил жизнь за границей⁴.

Только один художник, кроме И. А. Ерменева, — Михаил Шибанов, крепостной Г. А. Потемкина, правдиво показал крестьянскую жизнь в картинах: «Крестьянский обед»⁵ (1774) и «Сговор» или «Празднество свадебного договора»⁶ (1777). В последней представлен ряд глубоко правдивых образов, поражающих своей жизненностью (старуха с выразительной улыбкой — умной, ласковой и немного лукавой, смущенная и печальная невеста и др.). Особенно хороши образы крестьян в первой картине. В улыбку, с которой крестьянин смотрит на своего ребенка, Шибанов вложил много ласки и сердечной теплоты. Но кроме этих двух картин, до сих пор не обнаружено ни одной жанровой картины Шибанова⁷. Однако и эти разрозненные образцы жанровой живописи ярко свидетель-

¹ Гос. Третьяковская галерея.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бедственное положение художника, стремящегося к независимости, нашло яркое отражение в акварели неизвестного мастера, изобразившего художника на смертном одре, записывающим на стене многозначительные слова: «Выгоднее быть пеховым малером, чем историческим живописцем без покровителей. Испытал, по сожалею, что поздно».

⁵ Гос. Третьяковская галерея.

⁶ Там же.

⁷ Сохранилось несколько хороших портретов М. Шибанова, среди них — портрет Екатерины II в дорожном одеянии (Гос. Русский музей).



М. Шибанов. Портрет Екатерины II. Масло, 1789 г.

Государственный Русский музей

ствуют о происходящих в русском искусстве сдвигах в демократическом направлении.

Блестящего развития достигла во второй половине XVIII в. русская скульптура. Ее расцвет был подготовлен высокими достижениями декоративной скульптуры в середине века и народной резьбы по дереву и кости, искони процветавшей у нас, особенно на Севере. Именно из рода потомственных резчиков по кости вышел и один из самых крупных скульпторов XVIII в.— Ф. И. Шубин (1740—1805), односельчанин Ломоносова. Он был одним из первых учеников Академии художеств.

Основной специальностью Шубина был скульптурный портрет, который он поднял на такую же высоту, на которой стоял портрет живописный. С исключительным блеском он умел передавать личность во всей трепетности жизни и движения, не уступая в этом Д. Г. Левицкому. Как и Левицкий, Шубин показывает человека во всей его характерности, широко пользуясь для этого особыми средствами круглой скульптуры, позволяющей осматривать бюст с разных сторон, что значительно обогащает образ.

Бюсты Шубина даже еще разнообразнее, чем портреты Левицкого, еще правдивее и откровеннее. Шубин показывает и изящную улыбку усталого скептика-аристократа А. М. Голицына¹ (1775, мрамор), и суровую, умную голову З. Г. Чернышева² (1774, мрамор), полководца, взявшего в 1760 г. Берлин, и тупое лицо его брата И. Г. Чернышева³ (ок. 1776, мрамор), и вдохновенный взор М. В. Ломоносова⁴ (бронза), и, наконец, жестокое и дегенеративное лицо Павла⁵ (мрамор, 1800). По реализму, выразительности и исключительному мастерству бюсты Шубина являются произведениями мирового значения.

Ф. И. Шубин работал также и в области декоративной скульптуры, но не достиг здесь такой высоты, как в области портрета. Другие скульпторы, его современники, — Ф. Г. Гордеев, М. И. Козловский, И. П. Прокофьев, Ф. Ф. Щедрин, И. П. Мартос — работали главным образом в фигурной скульптуре, декоративной и монументальной, в которой легче всего было выразить героические гражданственные идеалы.

Первой по времени большой, монументальной скульптурой в России был памятник Петру I, воздвигнутый в Петербурге в 1765—1782 гг. французским скульптором Э. М. Фальконе (1716—1791). Мастер грациозных статуэток, близких к стилю рококо, у себя на родине (произведения большого пафоса были редким исключением в его парижском творчестве), Фальконе создал в Петербурге произведение титанической силы, исторически верное и в полной мере отвечающее образу Петра. Фальконе показал в своем памятнике и стремительное движение коня, и непреклонную волю всадника, осадившего коня на самом краю скалы; показал в нем властелина, готового растоптать все препятствия на пути к преобразованию страны, к превращению ее в могущественную, мировую державу. Тем самым памятник Петру I стал памятником славы и самой России. В раскрытии образа Петра I большое значение имеет прекрасная голова всадника, выполненная ученицей Фальконе Марией Колло. Сложно и верно задуманный образ Петра I, одновременно и прекрасный своей дерзновенной устремленностью, и страшный своей жестокостью, вдохновил А. С. Пушкина на создание поэмы «Медный всадник».

¹ Гос. Третьяковская галлерей.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гос. Русский музей.

⁵ Там же.

Среди блестящих русских скульпторов второй половины XVIII в. самыми выдающимися были М. И. Козловский, Ф. Ф. Щедрин и И. П. Мартос.

М. И. Козловский (1753—1802), украинец по происхождению, сочетал в своем творчестве изысканность XVIII в. с эмоциональной насыщенностью и драматизмом, с поисками героических образов. Его творческий путь, полный напряженных исканий, не был простым и прямолинейным движением к классицизму. То он создает идиллические образы всевозможных «Амуров», «Гименей», «Минервы с гением», изысканные и нежные, выполненные при помощи тончайшей моделировки и большей частью в мраморе («Амур спящий»¹, 1792, мрамор, был в Павловске; «Амур со стрелой»², 1797, мрамор), то, напротив, его чувство закипает страстным напряжением борьбы. Особенно замечательна его скульптура «Поликрат»³ (1790, гипс) — одно из самых прекрасных произведений мирового искусства того времени. Здесь ему удалось выразить столько порыва к свободе и столь-



М. И. Козловский. Поликрат. Гипс, 1790 г.

Государственный Русский музей

¹ Гос. Русский музей.

² Гос. Третьяковская галерея.

³ Гос. Русский музей.

ко предсмертной муки, что этот образ производит неизгладимое впечатление. То же драматическое напряжение и в его титаническом «Самсоне», центральной группе «Большого каскада» в Петергофе (1800, бронза), которая должна была символизировать победу Петра I над Швецией.

Как ни противоположны друг другу эти две группы произведений М. И. Козловского, в них заложено общее стремление к естественной, жизненной эмоциональности и правде. К концу жизни Козловский пытается слить оба направления своего творчества воедино. Особенно хорошо это ему удается в памятнике знаменитому полководцу А. В. Суворову (1801, бронза, Ленинград). В этом образе он сочетал стремительную легкость и мощь, воплотив идеальное представление о герое, неудержимо и бесстрашно готовом ринуться в бой. Хотя памятник и не имеет портретного сходства, но он представляет значительный шаг Козловского к реальному представлению о герое. Козловский близко подошел к классицизму, но законченным классицистом он не стал. В его замечательных надгробиях прорывается такая острота индивидуального чувства, которая не совместима с классицизмом (барельефное надгробие Мелиссино, 1800, бронза, музей «Некрополь» в Ленинграде).

Творчество Ф. Ф. Щедрина (1751—1825) развивается ровнее, чем у М. И. Козловского. И он остается в первое время тесно связанным с наследием XVIII в.: его «Диана»¹ (мрамор), изображенная в момент купанья, когда она была застигнута Актеоном, еще сохраняет некоторую манерность в своем изящном движении, но очень убедительно выражены скульптором ее испуг и гнев. В прекрасной «Неве» на «Большом каскаде» в Петергофе (около 1802) он создает уже совсем новый образ женщины — простой и естественной, глубоко человеческой в своей дружеской ласке, с которой она наклоняется вперед, обращаясь к своему другу «Волхову» на противоположном берегу каскада. Так же превосходен на том же «Каскаде» и горячий юноша Персей с отсеченной им головой Медузы в руке и с неостывшим гневом в глазах.

И. П. Мартос (1754—1835) начал работать в XVIII в. В XIX в. он стал самым крупным русским классицистом в скульптуре. Уже ранние его работы представляют исключительную художественную ценность. Их обаяние заключается в глубокой эмоциональности, которая всегда сообщает его классицизму особую теплоту. В ранние годы Мартос работает главным образом над скульптурными надгробиями, которые получили большое значение в расцвет эмоциональности, связанной с сентиментализмом и классицистическим культом героики. Уже первые его работы, барельефные надгробия Волконской² и Собакиной³ (1782, мрамор), поражают глубиной скорби и вместе с тем сдержанностью. Современники говорили, что они впервые увидели у Мартоса, как «мрамор плачет». Но эти слезы не нарушают величавой тишины и ясной гармонии

¹ Гос. Русский музей.

² Гос. Третьяковская галерея.

³ Московский музей архитектуры.



И. П. Мартос. Надгробие С. С. Волконской. Мрамор, 1782 г.
Государственная Третьяковская галерея

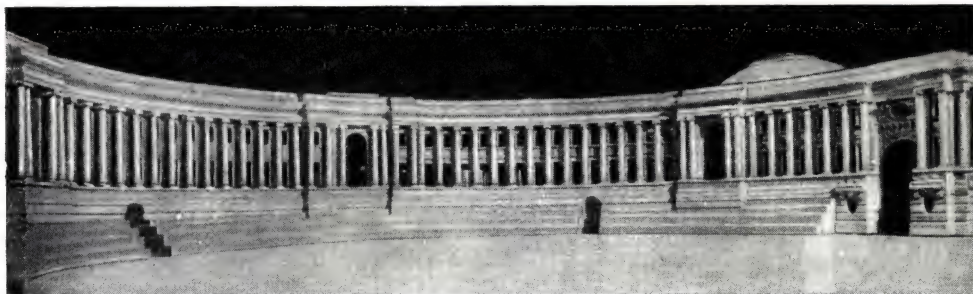
«плакальщиц и гения смерти. Скорбь не может сломить их мужественного духа.

Мировое значение имела русская архитектура второй половины XVIII в. К этому времени относятся широкие мероприятия по градостроительству. В 1762 г. была учреждена «Комиссия строительства столичных городов — С.-Петербурга и Москвы», которая расширила свои полномочия и утвердила новые планы для 213 провинциальных городов. Это было связано со стремлением придать городу целостный архитектурный облик, в чем нашла отражение идея об «отечестве» как об «общественном узле всех состояний», возникшая в то время в прогрессивных кругах русского общества. Разумеется, архитектура центра города сохраняла тогда дворянский характер; окраины, где жили трудящиеся, оставались в жалком виде. И все же забота о городском ансамбле означала большой шаг вперед по сравнению с существовавшим в середине XVIII в. пониманием города как соединения барских усадеб. Искусство городского ансамбля стало одним из главных достижений русской архитектуры начала XIX в.

Первым крупнейшим русским зодчим-классицистом был гениальный В. И. Баженов (1738—1799), обладавший неисчерпаемой архитектурной фантазией, мечтавший о грандиозных сооружениях. На его судьбе тяжело отразилась самодержавно-бюрократическая ограниченность царского строительства; великолепное творчество Баженова не укладывалось в рамки дворянского строительства, — лучшие замыслы зодчего потерпели крушение.

Самым грандиозным замыслом Баженова был проект Кремлевского дворца. Дворец должен был включить в свой внутренний двор все древние соборы, высоко ценимые зодчим, и вместе с тем — непосредственно слиться с городом, образуя подлинный городской ансамбль; в трех направлениях от дворца должны были уходить колоннады, переходя в главные магистрали Москвы, идущие к заставам. Знаменательно, что центром всей композиции должна была стать колоссальная площадь с амфитеатром, предназначенным для народа в дни празднеств. Так впервые проявилась у зодчего идея о значении народа. В отделке зданий Баженов отказывается от расточительной роскоши скульптурных украшений, характерной для Растрелли, находя красоту в спокойных и простых формах. Колонны получают теперь еще большее значение, чем прежде: они служат не декоративным целям, а конструктивным. Всю овальную площадь Баженов проектировал окружить колоннами; из колонн хотел он создать целые аллеи, соединяющие Кремль с городом. Современники говорили, что дворец будет «восьмым чудом света». Действительно, по грандиозности, свободной композиции и стройному единству это сооружение было бы единственным во всей современной ему архитектуре.

Но постройка была прервана вскоре после закладки — в 1775 г. Есть предположение, что очень дорогое строительство было не под силу бюджету России во время русско-турецкой войны. Но возможно, что причиной охлаждения Екатерины II к прогрессивному проекту Баженова было крестьянское восстание 1773—1775 гг. и вызванный им перелом полити-



В. И. Баженов. Модель Большого Кремлевского дворца
(Деталь — амфитеатр для народа)
Музей Академии архитектуры СССР

ческого курса. От великолепного замысла Баженова осталась только превосходная модель дворца¹.

Неудача постигла зодчего и в другой его крупной работе — в постройке зданий в царской подмосковной деревне «Царицыно» (1775—1785). Глубоко преданный идее национального развития, В. И. Баженов стремился создать национальную архитектуру не только путем своеобразного претворения общеевропейского классического наследия, но и путем возврата к старым, допетровским традициям. В декорации дворца и многочисленных павильонов, рассыпанных в парке, Баженов широко пользуется мотивами русского зодчества XVII в.; он создает причудливые и в высшей степени своеобразные архитектурные формы. Почти доведенная до конца, постройка была прервана Екатериной II, приказавшей разрушить дворец. Предполагают, что это была кара за вступление Баженова в масонскую ложу и за его близость к просветителю Н. И. Новикову.

Таким образом, от замечательных замыслов В. И. Баженова осталось очень немного. Некоторые его постройки впоследствии у него оспаривались. Установлено, что им был выстроен «Пашков дом», 1784—1786 (старое здание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина), справедливо считающийся одним из красивейших зданий в Москве. «Пашков дом» стоит на холме, при скрещении улиц Моховой и бывшей Знаменки (ул. Фрунзе), открываясь взору зрителя со стороны Боровицкой площади. Так называемый «парадный двор» усадьбы с великолепными воротами выходит в переулок. Хотя Баженов часто предпочитал завершать свои здания ровной горизонтальной линией, на этот раз он построил его в виде поднимающихся вверх трех объемов (с самым высоким в центре), лишь внизу соединенных в единый этаж. Эта «высотная» композиция была продиктована соседством с Кремлем и его башнями. Артистической тонкостью отличается рисунок всех декоративных деталей, которые придают «Пашкову дому» исключительное изящество, не нарушая ясности архитектурных

¹ Московский музей архитектуры.

форм. Также установлено, что Баженов — автор проекта «Михайловского замка» для Павла I, хотя строился он другим зодчим (В. Ф. Бренна). Даже на основании того немногого¹, что дошло до нас из произведений Баженова, можно бесспорно утверждать, что это был гениальнейший мастер не только русской, но и мировой архитектуры.

И. Е. Старов (1744—1808) уже в ранних своих произведениях обнаруживает большую самостоятельность, стремление к простоте и ясности архитектурных объемов (колокольня в с. Никольском, 1774—1776, разрушенная немцами). На пути к классицизму он был в числе первых зодчих, работавших в то время в России. Лучшей его постройкой был дворец Г. А. Потемкина в Петербурге, известный под названием «Таврического»² (1783—1788). Здесь Старов проявил совершенно новое понимание величавости. Он достиг ее широким размахом дворцовых крыльев, спокойным, почти суровым характером стен и замечательным единством здания, подчиненного центру, украшенному дорическим портиком и увенчанному куполом. Но особенно удались Старову внутренние помещения, где он создал единственные по грандиозности и красоте залы, отделенные друг от друга только сквозными колоннадами. Мотив использования Старовым двойной колоннады вместо стены был единственным во всей современной ему мировой архитектуре.

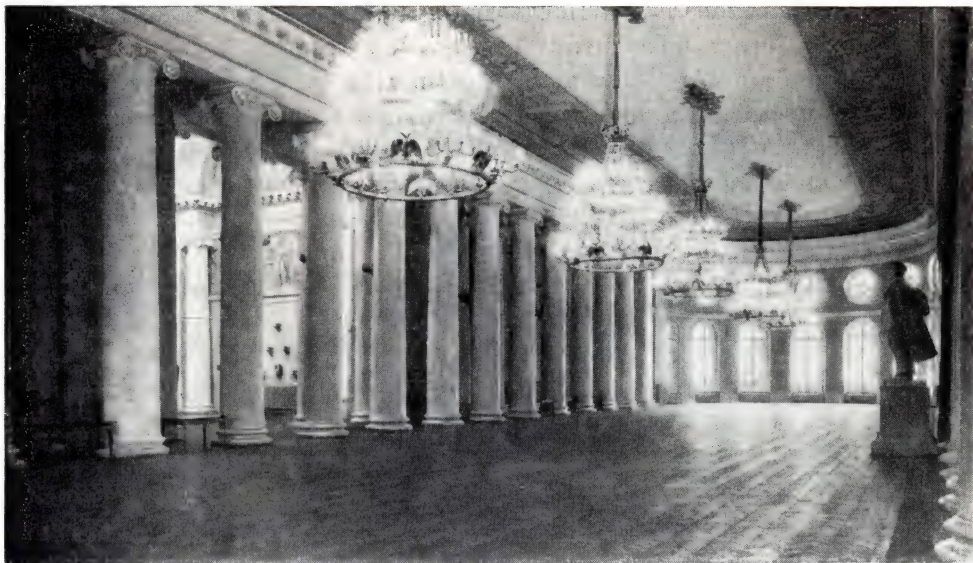
Третьим крупнейшим русским зодчим XVIII в. был М. Ф. Казаков (1737—1813). В отличие от Баженова и Старова, которые после Академии художеств побывали «пенсионерами» за границей, Казаков учился только в России и только у русских мастеров (в школе Ухтомского). Его неутомимой энергией была создана «классическая» Москва. Казаков испытал влияние Баженова, которому помогал в проектировании Кремлевского дворца. Именно ему Казаков был больше всего обязан высоким совершенством своего искусства. Унаследовал он от Баженова и увлечение древнерусскими мотивами (Петровский дворец, 1775—1782; дворец в Царицыне, на месте баженовского, 1787—1796) и пристрастие к сложным планам (дворец Демидова в Петровском-Алабине, 1776—1785), которое, впрочем, скоро преодолел³. Стил М. Ф. Казакова становится вполне самостоятельным уже в здании Сената (1776—1789), построенном в Кремле и отличающемся величавой простотой, соединенной с тонким изяществом. На произведениях зодчего лежит особый отпечаток, характерный для Москвы.

Вдали от государственного центра, в Москве медленнее развивается искусство городского ансамбля, дольше держится усадебный тип построек. Даже здания Московского университета (1786—1793), а затем

¹ В настоящее время академик И. Э. Грабарь нашел ряд новых построек, выполненных Баженовым в Москве. Грабарь утверждает, что Баженову принадлежат и некоторые здания, приписываемые Казакову (*И. Э. Грабарь. Известные и предполагаемые постройки В. И. Баженова. М., 1951*).

² Теперь имени М. С. Урицкого.

³ Дворец в Петровском-Алабине И. Э. Грабарь приписывает В. И. Баженову.



И. Е. Старов. Колонный зал Таврического дворца, 1783—1788 гг.

Голицынской больницы (1796—1801) Казаков строит в виде грандиозных усадеб с большим «парадным двором». Вместе с тем величавые дворцы московской знати отличаются у Казакова большой мягкостью, а подчас и живописной свободой композиции. Величавой красотой отличается знаменитый «Колонный зал» «Дворянского собрания», 1784 (ныне «Дом союзов»), украшенный колоннами пышного коринфского ордера. Простота гладких стен Голицынской больницы вплотную подводит к стилю строгого классицизма. И все же самые архитектурные объемы здания, широко растянутые по горизонтали, плавно изгибающиеся вокруг двора, увенчанные куполом, создают впечатление большого спокойствия и мягкости, характерных для Москвы XVIII в. М. Ф. Казаков создал в Москве целую школу архитекторов, которые с успехом работали на рубеже двух столетий и позже (сыновья зодчего, однофамилец его Родион Казаков, И. В. Еготов, А. Н. Бакарев и пр.).

Одновременно с русскими зодчими работали и иностранцы. Наиболее талантливыми среди них были француз Валлен Деламот (1729—1801), шотландец Чарльз Камерон (ок. 1730—1812), итальянец Джакомо Кваренги (1744—1817). Первый из них приехал в Россию еще в 1759 г. В своих постройках он делает только первые шаги к строгому стилю классицизма (Малый Зимний дворец, Старый Эрмитаж, приписываемые ему склады «Новой Голландии»). Лучшим зданием, в построении которого он принимал участие, было здание Академии художеств, возведенное А. Ф. Кокориновым.

Ч. Камерон (приехавший в 1779 г.) был знатоком античного искусства, и до приезда в Россию ничего не строил. Он работал лишь в загородных

дворцах, в Царском Селе и Павловске¹. Камерон создал в России очень своеобразный стиль, исполненный утонченной грации и лиризма. Особенно хороши его «Агатовые комнаты»² и «Камеронова галлерей» в Царском Селе, представляющие замечательный по разнообразию и прихотливой композиции комплекс сооружений. В Павловске Камерону принадлежит прекрасный замысел дворца, который был закончен (и отчасти изменен) другим зодчим. Лишь парковые павильоны, построенные им самим, сохраняют печать артистической руки этого тонкого зодчего. Особенно хорош «Храм дружбы» в виде круглого античного храма, поставленный на берегу реки Славянки в окружении зелени.

Кваренги (приехал в Россию в 1780 г.) работал в стиле более строгого классицизма. Многие его здания носят уже суровый характер; зодчий стремится к предельной простоте гладких стен (Английский дворец в Петергофе³, здание Академии наук в Ленинграде), но умеет осторожно смягчить суровость своих зданий тонким фризом из гирлянд («Концертный зал» в Царском Селе, фасады флигелей Государственного банка в Ленинграде), великолепными колоннами (Александровский дворец в Царском Селе) или статуями (на фронтонах Государственного банка и Манежа в Ленинграде). Единственным зданием, в котором допущено много скульптурных украшений (статуи и бюсты в нишах), был Эрмитажный театр Кваренги.

Наряду с застройкой столиц превосходные здания строились и в провинции, в особенности после указа о «вольности дворянской», когда дворяне, освобожденные от обязательной службы, потянулись в свои усадьбы. Многие из этих усадеб обстраивались по проектам лучших столичных зодчих; таковы, например, Никольское (Старов) с дворцом и храмом, Батури (Камерон) и Ляличи (Кваренги) и т. д. Исключительно пышно отделывались пригородные усадьбы — царские под Петербургом и помещичьи под Москвой. Особенную славу заслужило Архангельское Юсупова и Останкино Шереметевых. Дворец в Останкине строили крепостные зодчие А. Ф. Миронов, Г. Е. Дикушин и главным образом П. И. Аргунов, сын живописца Ивана Аргунова. По мнению академика И. Э. Грабаря, окончательный план этого дворца был дан Баженовым.

В течение длительного времени русское искусство XVIII в. не получало должного признания — его считали «провинциальным подражанием» Западной Европе. Только в наше время раскрыто национальное своеобразие русского искусства XVIII в., уже тогда содержавшего зачатки новой, демократической культуры, которая получила дальнейшее развитие в XIX в.

* * *

Обзор основных явлений русской культуры второй половины XVIII в. показывает, что в то время просвещение, наука и искусство в нашей

¹ Из других построек можно упомянуть лишь о недостроенном дворце А. К. Разумовского в Батурине (на Украине).

² Так назывался второй этаж «Холодных бань».

³ Уничтожен фашистами.



М. Ф. Казаков. Здание Голицынской больницы, 1796—1801 гг.

стране достигли значительного уровня. Прочную основу получило светское образование, укрепились центры научной деятельности — Академия наук и вновь созданный Московский университет, выросли национальные культурные кадры, успешно проявившие себя в самых различных областях научного творчества, в литературе и искусстве. Наряду с дворянской интеллигенцией возникла интеллигенция разночинная, ближе стоявшая к народу.

Большой интерес представляют относящиеся к этому периоду памятники народного творчества как в литературе, так и в области прикладного искусства. В русской культуре второй половины XVIII в., преимущественно дворянской, имели уже место ярко выраженные элементы демократизма.

Русское естествознание второй половины XVIII в., прежде всего в лице Ломоносова и его ближайших сотрудников и последователей, обогатило науку многими выдающимися открытиями, сделало важный шаг в познании закономерностей природы.

Замечательную активность проявила русская техническая мысль (И. И. Ползунов, И. П. Кулибин и др.). В результате проведения больших и длительных научных экспедиций продвинулось вперед изучение производительных сил страны.

Трудами участников этих экспедиций значительно обогатилась географическая наука.

Серьезного успеха достигли в это время в России также общественные науки — юриспруденция и история, хотя и ограниченные господствовавшим идеалистическим пониманием общественной жизни. Начавшаяся систематическая разработка и публикация исторических источников позволила углубить и расширить знания о прошлом русского народа. Заслуживают внимания указания на важность экономического фактора в развитии общества (С. Е. Десницкий). Историческая наука испытывала на себе влияние передовой русской общественной мысли того времени, сосредоточенной на вопросе о крепостном праве и самодержавии.

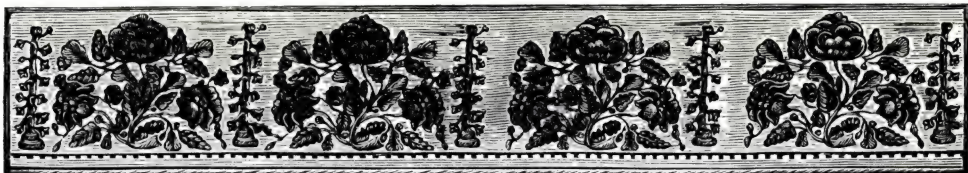
Н. И. Новиков, Я. П. Козельский и в особенности революционер А. Н. Радищев не только осуждали феодально-крепостнический порядок, но и ставили вопрос о практических способах его ликвидации — от мирного его разрешения путем просвещения народных масс и реформы сверху до революционного свержения крестьянством власти помещиков и самодержавия.

Русская литература и искусство второй половины XVIII в. поднялись до значительного уровня развития, отразив в наиболее передовых своих произведениях обострившиеся социальные противоречия. Литература, наряду с дворянским классицизмом и сентиментализмом, дала первые ростки критического реализма. Радищев выступил первым в отечественной литературе с революционными идеями. В русской литературе того времени уже сформировались демократические предпосылки для их дальнейшего развития в XIX в. В архитектуре творчеством В. И. Баженова, М. Ф. Казакова был сделан крупнейший вклад в русское и мировое искусство. Высокого развития достигло портретное искусство.

Прогрессивная русская культура второй половины XVIII в. отличалась национальным характером. Россия, писал М. В. Ломоносов, требует также в науке и искусствах «величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия». И сам он и многочисленные его последователи еще в XVIII в. положили немало сил для осуществления этой задачи. Передовая часть дворянства и выдающиеся представители народных масс содействовали накоплению культурных ценностей, их усилиями преодолевались угнетавшие творческую мысль условия крепостничества и расширялись связи с передовой западноевропейской культурой.

Русская наука, передовая общественная мысль, литература и искусство второй половины XVIII в. внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры.





ГЛАВА ШЕСТАЯ

У К Р А И Н А

В середине XVIII в. территория Украины была разделена границами государств на несколько частей. Восточная и юго-восточная части ее (Левобережная Украина, а также г. Киев с окрестностями Запорожья) входили в состав Российской империи. Часть Украины, от среднего течения Днепра до Карпат и от Белоруссии до линии Балта — Чигирин, находилась под властью панской Польши. Закарпатье принадлежало Венгрии, подчиненной Австрии. Теперешняя Черновицкая область составляла владения молдавского господаря, вассала султанской Турции. Современная Одесская область низовья Днепра, вся территория от р. Конские Воды до Перекопа и Сиваша принадлежала Турции и ее вассалу — крымскому хану.

Феодалные государства, владевшие отдельными частями Украины, находились на различных уровнях развития. Поэтому история каждой из упомянутых частей Украины имела в XVIII в. свои особенности; жизнь украинского народа в составе Российской империи весьма отличалась от условий жизни в тех частях Украины, которые были под властью Польши, Турции, Венгрии.

1

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Левобережная Украина состояла из двух частей: Гетманщины, воссоединившейся в 1654 г. с Россией и управляемой казацкой старшиной во главе с гетманом (области Полтавская, Черниговская и часть Сумской), и Слобожанщины — территории слободских казацких полков (современные Харьковская, большая часть Сумской и Ворошиловградской областей), входившей в состав Русского государства еще до 1654 г. Левобережная Украина во второй половине XVIII в. развивалась во всех отношениях значительно быстрее, чем Правобережная, находившаяся под иноземным гнетом.

Основным занятием населения было земледелие, сделавшее значительные успехи: распахивались под посев новые площади, проводилось осушение заболоченных земель, улучшалась обработка земли: ее уваживали,

увеличивали зяблевую запашку, улучшали обмолот, вводили новые культуры (бобовые, картофель и пр.)¹.

Хотя помещичье и крестьянское хозяйство на Левобережной Украине в целом оставалось еще натуральным, но общественное разделение труда, отделение ремесла от земледелия, товарное обращение и товарное производство заметно росли. Развивалась мелкая городская и сельская промышленность, производившая продукты на продажу. В 1776 г. на Гетманщине одних только кожевенных мастерских было 1416. Росло товарное производство и в помещичьих имениях. Многие помещики разводили для продажи скот, продавали зерно, пеньку. Было много помещичьих промышленных заведений — стекольных, зеркальных, свечных, кожевенных, дегтярных, табачных, водочных и др., продукция которых также шла на рынок. Эти заведения имели по несколько работников, а в некоторых насчитывалось по несколько десятков. В северных районах Гетманщины промышленность развивалась быстрее, чем в южных. Соответственно росту производства возрастало и число ярмарок. В конце XVIII в. только на Полтавщине их насчитывалось до 250. Росли торговые связи Гетманщины со Слобожанщиной и Запорожьем, Левобережной Украины с Россией: из Украины вывозился главным образом скот, а также пенька, табак, селитра, мед, воск; из России поступали ткани, железные изделия, галантерея, меха и другие товары. Торговые связи с Россией особенно увеличились после отмены в 1754 г. таможенных сборов (индукты и эвекты), что содействовало росту товарного производства. Во второй половине XVIII в. Левобережная Украина становилась все более важной частью всероссийского рынка.

Торговые связи Левобережной Украины с границей в середине XVIII в. осуществлялись главным образом через Петербург и Архангельск. Этот путь был очень длинным и поэтому невыгодным. В Комиссии по составлению нового Уложения украинские экспортеры требовали разрешения вывоза в Западную Европу через западную границу, но это желание царским правительством не было удовлетворено.

Более благоприятные условия для украинского экспорта начали создаваться лишь в 70-х годах, после воссоединения с Россией северного побережья Черного моря. Освобождение от татаро-турецкого господства значительной территории Причерноморья, колонизация этой территории, крупное строительство городов, гаваней и верфей — все это внесло большое оживление в экономическую жизнь Украины, в частности в ее торговлю. С этого времени старые промышленные районы — Стародубский и Черниговский полки, с их торговыми центрами и крупными ярмарками в Стародубе и Кролевце, начинали терять свою ведущую роль. Все более крепили в торговом отношении города Харьков, Полтава, Сумы, Ромны.

Во второй половине XVIII в. на Левобережной Украине имелись и

¹ А. Шафонский. Описание Черниговского наместничества. Киев, 1871, стр. 5, 225, 236, 530, 531; А. М. Лазаревский. Описание старой Малороссии, т. II. Киев, 1893, стр. 413.



Гурты скота, направляемые с Украины в Петербург. Гравюра конца XVIII в.

крупные промышленные заведения, принадлежавшие помещикам и казне, — суконные Ряшковская, Глушковская, Путивльская и некоторые полотняные мануфактуры. Работали в них или крепостные крестьяне владельца мануфактуры или прикрепленные к ней. Продукция этих мануфактур шла обычно государству, а не на рынок. На этих мануфактурах уже была прослойка наемных рабочих людей. Так, на Топальской парусно-полотняной мануфактуре по найму работало свыше 300 чел. и на других мануфактурах наиболее ответственные операции, как правило, выполнялись наемными рабочими людьми.

Гораздо сильнее, чем на помещичьих мануфактурах, применение наемного труда сказывалось в мелкой городской и крестьянской промышленности. Людей, желавших наняться и имевших возможность сравнительно свободно продавать свой труд, было особенно много среди горожан и казаков. Процесс разорения мелких производителей — крестьян, малоимущих казаков и горожан — помещиками, казацкой верхушкой и зажиточной частью горожан и крестьян во второй половине XVIII в. происходил несравненно интенсивнее, чем в первой половине столетия. Часть обезземеленных переходила на положение подсосудков, другая часть зарабатывала средства существования в городских и сельских промыслах. К концу XVIII в. на Левобережной Украине из обезземеленных крестьян и разорившихся ремесленников выросла значительная группа рабочих людей; только в кожевенной промышленности их было свыше 2,5 тыс.



Город Херсон. Рисунок пером из альбома И. Г. Мюнца 80-х годов XVIII в.

Государственный Исторический музей

Однако отлив рабочей силы в промышленность тормозился закрепощением крестьян. Жестокая эксплуатация уменьшала покупательную способность крестьянства, сужала внутренний рынок. В городах развитию промышленности мешали многочисленные цехи. Большую роль в городах играло дворянство, что также препятствовало развитию промышленности и торговли.

В Гетманщине в середине XVIII в. украинское шляхетство, казацкая старшина, высшее духовенство продолжали вести борьбу с правительством Российской империи за увеличение своих земельных владений и сохранение своей власти в крае. Эту борьбу украинские феодалы вели под лозунгами отстаивания «прав и вольностей» «малороссийского казачества», «малороссийского народа». К тому времени русское правительство не признавало еще за ними сословных прав дворянства. Между тем лишь при условии сохранения власти в крае и получения дворянских прав феодалы Гетманщины могли упрочить господство над крепостным населением и удерживать захваченные имения в своих руках.

В течение всей первой половины XVIII в. казацкая старшина сохраняла административную и судебную власть в полках и сотнях, на которые делилась территория Гетманщины, но должность гетмана с 1734 по 1750 г. оставалась незамещенной. Гетманщиной правила специальная коллегия (Правление), назначаемая русским правительством. Малороссийская коллегия состояла из представителей казацкой старшины и русских офицеров. В 1750 г. феодалам Гетманщины удалось добиться восстановления

должности гетмана. Гетманом был избран, по соглашению с царским правительством, К. Г. Разумовский. Он жил обычно в Петербурге, и Гетманщиной правила казачья старшина.

Украинские феодалы использовали гетманское правление в своих интересах. Они расширяли свои имения за счет оставшихся от прежних захватов ранговых и войсковых земель, т. е. сел и городов, принадлежавших местному — гетманскому — правлению. Гетманскими грамотами эти земли передавались отдельным феодалам в «потомственное владение». В 1751 г. в войсковых и ранговых имениях было еще 6952 двора и 5469 бездворных хат, а в 1764 г., после раздачи гетмана Разумовского, осталось 2661 двор и 1723 бездворных хаты¹. Местные феодалы продолжали захватывать общинные земли и земли казаков; свои захваты они нередко прикрывали актами купли, к которой насилем принуждали владельцев земли.

Пользуясь властью в крае, феодалы расширяли свои права на проживавшее в их имениях население. Гетманский универсал 1760 г. запретил крестьянам переселяться на новые места без письменного разрешения владельца имения, иначе владелец имения мог конфисковать землю крестьянина и его движимое имущество. Без письменного разрешения прежнего владельца никакой другой владелец не имел права поселить крестьянина на своей земле. В 1763 г. правительство Екатерины II подтвердило этот универсал. В том же году в Гетманщине была проведена судебная реформа на основе Третьего Литовского статута (1588). Судебная система была построена по образцу шляхетских судов Речи Посполитой. Полковые суды реорганизовались в городские; для разбора гражданских дел были введены земские суды, для земельных — подкоморные. Суды состояли из выборных представителей «шляхетства». В генеральный суд были избраны представители полковой старшины.



Украинский крестьянин. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.

¹ Б. А. Мякотин. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв., т. I, вып. II. Прага, 1926, стр. 222.



Украинская крестьянка. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.

Русские и украинские крепостники вели борьбу между собой за имения на Украине, за право эксплуатации трудящихся, в первую очередь крестьян. При этом русские феодалы стремились распространить на Украину власть общеимперских учреждений, ликвидировать местные особенности политического устройства, а украинские старались сохранить и усилить власть своих учреждений и ослабить связи Украины с Россией. Украинский народ стоял за укрепление единства с русским народом и совместно с ним выступал против царизма. Ему чужды были стремления казацкой старшины к сохранению и расширению ее прав и «привилегий», поэтому старшина в своем оппозиционном движении против царизма не могла иметь опоры в народных массах.

В 1764 г. украинские феодалы, стремясь закрепить свою власть в Гетманщине, начали кампанию за составление петиции Екатерине II об установлении наследственного гетманства и сохранении этой должности за родом Разумовских. Русское правительство было против закрепления власти украинских феодалов. Екатерина II предложила К. Г. Разумовскому отказаться от должности гетмана, что тот и сделал. Для управления Гетманщиной 17 ноября была учреждена Малороссийская коллегия, на должность председателя которой был назначен П. А. Румянцев.

В 1765 г. было упразднено полковое управление Слободжанщины. Разделенная на пять провинций, Слободская Украина образовала новую Слободско-Украинскую губернию с губернским центром в Харькове. Казацкие полки были ликвидированы, и вместо них образованы гусарские, с русскими офицерами во главе. Казацкая старшина, оставшаяся на службе в гусарских полках, получила офицерские чины и тем самым была причислена к дворянскому сословию. Казаки, не вошедшие в гусарские полки, были зачислены в группу «войсковых обывателей» и обложены на-

логом в размере 90—95 коп. с души.

Реформирование Слободской Украины не вызвало значительно-го протеста среди казацкой старшины, потому что служба в русской армии открывала ей возможности для получения вожделенных дворянских прав. С отдельными личностями, заявлявшими о своем недовольстве реформой и призывавшими старшину и казачество к составлению петиции на имя Екатерины II о возобновлении «вольностей», царское правительство расправилось решительно. Более значительным движением против реформы были выступления «войсковых обывателей», которые в ряде местностей отказались платить налоги и не признавали самого указа о реформе. Правительство направило против них воинские части; сотни непокорных были арестованы, и волнения были подавлены.

Одновременно с реформой казацкого войска Слободской Украины из части казаков Левобережной Украины были организованы пикинерные полки. Солдаты-пикинеры уравнивались в правах с государственными крестьянами.

Трудности военной службы, лишение казацких прав вызвали в 1769 г. восстание в Донском и Днепровском пикинерных полках, но оно было подавлено военной силой.

Феодалы Гетманщины были недовольны отменой гетманского управления и учреждением Малороссийской коллегии. Свое недовольство шляхетство проявило во время выборов депутатов и сочинения наказов в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г. Однако П. А. Румянцев расправился с оппозицией довольно быстро. Шляхетская оппозиция не могла развиваться в сколько-нибудь серьезную силу прежде всего потому, что она не могла увлечь за собой ни крестьянство, ни городское население. Более того, шляхетство само нуждалось в помощи царского правительства в борьбе против народных масс. К тому же царское правительство и его представитель на Украине П. А. Румянцев за отказ от прав на самоуправление создавали украинскому шляхетству возможность обогащения и вхо-



Украинский казак. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в

ждения в сословие русского дворянства. П. А. Румянцев, управляя Украиной, стремился улучшить работу ее административного, финансового и судебного аппарата. В частности, он заменил натуральный налог на содержание расквартированных русских войск (порции и рации) денежным налогом в размере одного рубля с каждого дома посполитого, казака-подпомощника¹ и подсоседка. Эта мера имела целью облегчить снабжение армии и ограничить злоупотребления казацкой старшины, ведавшей сбором натуральных налогов. Однако расчеты Румянцева полностью не оправдались: взимание рублевого оклада осталось в руках старшины, что давало ей возможность и далее злоупотреблять своей властью. В 1765 г. Румянцев распорядился произвести перепись населения. Проведенная в течение 1766—1769 гг. детальная перепись, получившая название «румянцевской ревизии», дала огромный материал, и поныне служащий важнейшим источником для изучения жизни украинского народа в XVIII в.

В 1780 г. на Левобережной Украине было введено Положение о губерниях (1775); деление территории на полки упразднялось. В 1782 г. вместо губерний были созданы наместничества Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, управление которыми возлагалось на П. А. Румянцева. В связи с этой реформой в губерниях и уездах Украины введены были общеперские административные и судебные учреждения. Почти одновременно с упомянутой реформой было упразднено (1783) правление казацкой старшины. Казацкие полки были преобразованы в регулярные части русской армии. Указ Екатерины II от 3 мая 1783 г. окончательно оформил крепостное право на Украине. Жалованная грамота дворянству (1785) была распространена и на украинское шляхетство. Украинские крепостники получили все права и привилегии русского дворянства.

Закабаление народных масс дворянством встречало активное сопротивление крестьянства. Одним из ярких примеров антифеодальной борьбы крестьян Левобережной Украины являются события, происходившие в с. Клишинцы Лубенского полка с 1761 по 1774 г. Клишинцы с 1757 г. принадлежали помещику Ф. Лысенку. Не довольствуясь трудом крепостных крестьян, он стремился превратить в своих «подданных» и казаков. Вначале казаки пытались найти защиту против насилий помещика у органов власти, но безуспешно. Тогда казаки взяли за оружие, к ним присоединились и крестьяне. На подавление восстания были посланы воинские команды, вооруженные артиллерией. Повстанцы создали укрепленный лагерь и мужественно защищались в течение 13 лет. Лишь в 1774 г. войскам удалось подавить восстание.

В еще более острых формах протекало крестьянское восстание в с. Турбаях в 1789—1793 гг., принадлежавшем богатым помещикам Базилевским. Закабалив посполитых, Базилевские повели наступление и на казацкие

¹ Посполитые — простые люди: крестьяне и мещане. Казак-подпомощник — бедный казак; он лично военной службы не нес, но обязан был участвовать в снабжении казака («выборного»), несшего эту службу.

семьи с целью их закрепощения. При поддержке местных властей Базилевские стали привлекать казаков к отбыванию повинностей. Тогда турбаевцы восстали; они разгромили помещичью усадьбу и убили ее владельцев.

Восставшие создали самоуправление, распределили между собой движимое имущество и землю. Вплоть до 1793 г. турбаевцы изгоняли появлявшиеся органы местной власти. В условиях войны с Турцией и Швецией правительство считало нецелесообразным посылать войска для подавления турбаевского восстания, ограничившись созданием военного кордона вокруг района восстания с целью его изоляции. Только в 1793 г. восстание было подавлено. Наиболее активных участников борьбы сослали в Сибирь на каторжные работы, остальных переселили на р. Днестр и Перекоп.

Находившееся в составе Российской империи Левобережье во второй половине XVIII в. сделало заметные шаги по пути экономического развития. Здесь развивались земледелие, промышленность, росло товарное производство и обращение, усиливались экономические связи с Россией.

Используя свою власть в крае, украинские феодалы укрепляли и развивали свою феодальную собственность, добились включения в состав российского дворянства.

Русским феодалам удалось ликвидировать местные органы власти украинских феодалов, усилить свою власть над Украиной.

Крестьяне Левобережья боролись против гнета украинских и русских крепостников, иногда совместно с русскими крестьянами; большие восстания крестьян были в с. Клишинцах и Турбаях.

2

ЗАПОРОЖЬЕ

Запорожские земли («вольности») простирались от р. Орели на севере до р. Конских Вод и низовьев р. Ингульда на юге, от Южного Буга на западе до р. Калмиуса на востоке. Эта территория имела немногочисленное население; более заселена была ее северная часть. Определить общую численность населения Запорожья мы пока не можем. В запорожском казачьем войске в 60—70-х годах насчитывалось 18—22 тыс. чел. Население запорожских земель делилось на две количественно неравные части: на казаков, составлявших большую часть его, и на посполитых.

Запорожские казаки пользовались определенными правами, признанными царской властью. Они владели обширной местностью, могли эксплуатировать ее естественные богатства; казаки пользовались правом участия в органах местного самоуправления и суда. Одной из привилегий запорожского казачества являлось право на получение жалованья из царской казны — деньгами и хлебом. Жалованье распределялось главным образом среди старшины. Доля денежного содержания, получаемого рядовым

казаком, была настолько ничтожной, что не могла оказать никакого влияния на его материальное положение.

Основная обязанность Запорожского войска заключалась в отправлении воинской повинности. Входя в состав нерегулярных войск Российской империи, запорожские казаки были обязаны участвовать в походах, а в мирное время нести пограничную службу в пределах войсковой территории. Выходя на службу, казак должен был иметь собственную одежду, вооружение, лошадь и необходимый запас продовольствия.

Верхушка запорожского казачества — старшина не успела консолидироваться в строго замкнутую сословную группу, однако пользовалась рядом привилегий, которые резко возвышали её над всей массой казачества. Старшина имела преимущество при отводе земельных участков под зимовники (хутора), при выдаче из войсковых угодий леса на постройки. Кроме жалованья из казны, она получала денежное содержание из войсковых доходов, обращая в свою пользу львиную часть денежных сборов, взимавшихся с населения войсковой территории; старшина пользовалась правом на «покуховный сбор» (пошлина на водку), а также на известную долю рыбы из улова. Высшая старшина (кошевой атаман, судья, писарь и пр.) применяла по отношению к рядовым казакам и посполитым в известных случаях и «внеэкономическое» принуждение. Старшина владела зимовниками, рыболовными промыслами, вела торговлю не только предметами собственного хозяйства, но также водкой, закупавшейся на стороне, и др.¹

Рядовое казачество отнюдь не представляло собою единую в социальном отношении массу. Верхушку его составляли богатые казаки. Подобно старшине, они владели зимовниками, рыболовными промыслами, снаряжали на свой счет чумацкие обозы, занимались торговлей. Как и старшина, богатые казаки принадлежали к эксплуататорскому слою запорожского населения. В экономическом отношении богатых казаков трудно, а порой и совсем невозможно отделить от старшины.

Значительная часть продукции хозяйства старшины и богатого казачества продавалась: на рынок шли сотни и тысячи голов лошадей, крупного рогатого скота и овец, а также продукты животноводства — шерсть, кожи, сало, масло и пр. На рынок поступал также и хлеб. Запорожские лошади и скот продавались далеко за пределами Запорожья, причем не только в

¹ Для общего представления об экономическом положении старшины достаточно привести следующие факты. В 1775 г., после ликвидации Сечи, правительственные власти, подвергнув аресту высшую запорожскую старшину, наложили запрет на ее имущество. В зимовниках кошевого П. Калнишевского было описано: лошадей разного возраста 639, крупного рогатого скота разного возраста 1076, овец и коз 14 045 и т. д.; хлеба в зерне зарегистрировано: ржи 1120 пудов, пшеницы 1055. У писаря И. Глобы описано было лошадей 336, крупного рогатого скота 889, овец и коз 12 463, зерна в зимовниках 3 529 пудов. К этому нужно прибавить, что общая стоимость имущества Калнишевского была определена в сумме 38 718 руб., а имущества Глобы в 31 267 руб. (Днепропетровский обл. архив, ф. Канц. Новороссийской губ., св. 112, № 3130).

центральных провинциях Украины и Великороссии, но и в Западной Европе; хлеб вывозился в Крым, продавался едисанским и ногайским татарам.

Богатые зимовничане, владельцы рыболовных промыслов, шинкари, богатые чумаки эксплуатировали труд неимущего казачества, запорожской голытьбы («голоота», «серома»). Источником пополнения запорожской серомы была, с одной стороны, местная беднота как казачьего, так и незаказачьего происхождения, с другой — и главным образом — разный пришлый люд, тянувшийся в Запорожье со всех сторон.

Между богачами и серомой лежал слой среднего казачества, часть которого вела свое хозяйство в степных зимовниках. Эти зимовники не подходили на богатые и благоустроенные хозяйства запорожской старшины. Они представляли собою убогие «куги», землянки, с не менее убогим хозяйством. Другая часть таких хозяев, более значительная, составляла основное население запорожских слобод (сел).

Следующей после казачества группой запорожского населения были «посполитые, запорожское «подданство». Посполитые не отбывали военной службы, но несли многочисленные повинности «войску Запорожскому» (подводную, дорожную), предоставляли квартиры воинским командам, вносили разные поборы. Вместе с тем посполитых ограничивали в правах на пользование войсковыми угодьями: как правило, они не могли селиться хуторами, им разрешалось жить только в селах, слободах. Документы сечевого архива различают две группы посполитых: тяглых и пеших. Под тяглыми разумелись хозяева, владевшие, кроме хат и огородов, рабочим скотом в количестве, позволявшем вести самостоятельное хозяйство. Под пешими подразумевались все те, кто, кроме хаты, имел или очень небольшое хозяйство, или вовсе не имел такового. Посполитые также не были единым в социальном отношении слоем. Среди них были и богатые эксплуатировавшие труд бедноты. Посполитые могли переходить в казаки; такой переход в каждом случае оформлялся кошом¹.

На Запорожье были и подсуесдки. От посполитых они отличались тем, что не имели собственных хат, а жили в чужих дворах; в отдельных случаях те, кто имел хаты, приравнялись в известной степени к посполитым, но считались менее способными к отправлению повинностей в пользу войска. Они платили также меньшие сборы.

В военно-административном отношении Запорожье делилось на паланки — округа (первоначально пять, позднее — восемь). Центром паланки была слобода, где жила местная администрация (паланковая старшина) и располагался гарнизон. Во главе паланки стоял полковник. Паланковой администрации подчинялись выборные атаманы сельских (слободских) казачьих и посполитых громад (обществ). Паланковая старшина была подчинена непосредственно кошевой старшине. Последняя состояла из кошевого атамана, судьи, писаря и есаула.

¹ Кош — войсковой штаб, одновременно орган высшей запорожской администрации.

Формально вся запорожская администрация избиралась казаками на радах (сходках), которым она и должна была давать отчет в своих действиях. Войсковая рада созывалась обычно раз в год — 1 января. В действительности выборы были фикцией. Кошевой атаман П. Калнишевский, например, неизменно поддерживаемый на новогодних радах кучкой старшины, занимал свой пост десять лет сряду и фактически совершенно не нес ответственности перед войсковой радой.

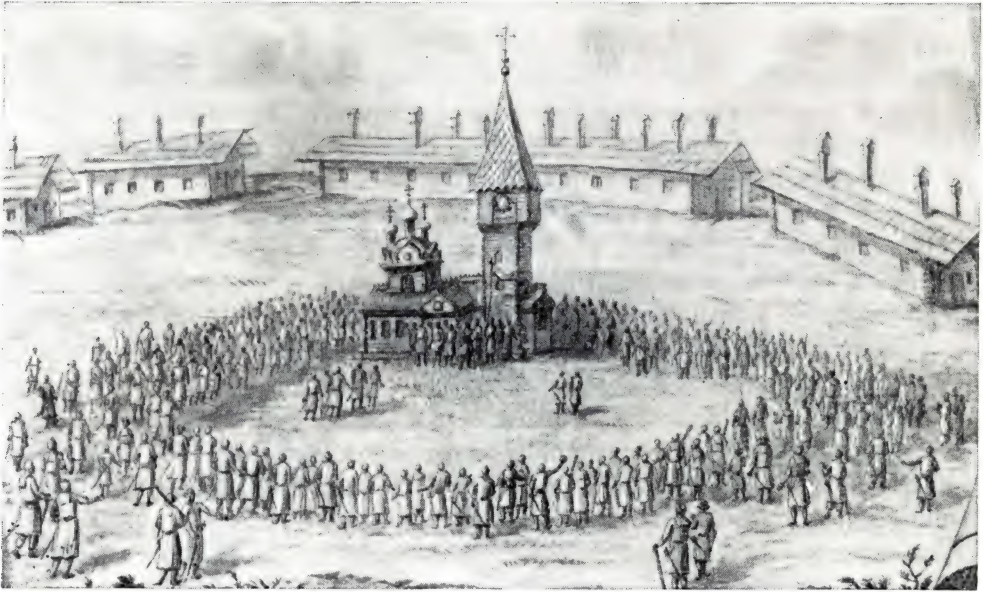
Административным и военным центром Запорожья была Сечь. Она представляла собой крепость, состоявшую из валов с башнями и рвами. В крепости, вокруг площади, стояло 38 куреней¹. Здесь жили казаки сечевого гарнизона. Рядом располагались войсковая канцелярия, склады, а также дома кошевой старшины, церковь и школа. На северной стороне Сечи имелось небольшое укрепление (Новосеченский ретраншемент), где с 1735 г. неотлучно находился гарнизон ландмилиции под командой штаб-офицера. С южной стороны к Сечи примыкало предместье Гасан-баша — центр торговой и ремесленной жизни Запорожья.

Большое влияние на активизацию классовый борьбы в Запорожье оказало народное восстание 1768 г. на Правобережной Украине (Колиивщина). Весной 1768 г. со всех концов Запорожья в скрытые места группами и в одиночку стекалась запорожская серома. Запорожская серома сыграла выдающуюся роль в Колиивщине. Она выдвинула из своей среды славного предводителя Максима Зализняка, казака Тимошевского куреня. Серома быстро соединялась в гайдамацкие отряды и под начальством избранных ватагов (предводителей) устремлялась на Правобережную Украину, громя по дороге запорожских богачей.

Выступления гайдамаков на Запорожье продолжались и после разгрома восстания на Правобережье. 21 августа 1768 г. прогнойнский полковник Федор Великий доносил в кош о нападении гайдамаков на его паланку. Гайдамаки, по словам Великого, «гвалтом набежали на паланку з ножами и дручем», разбили двери тюрьмы и выпустили заключенных, в числе которых находился известный гайдамак, казак Леушковского куреня Микита Головатый. Ночью того же дня, окружив паланковое правление, гайдамаки несколько раз подвергали его обстрелу.

Запорожские власти напрягали все усилия, чтобы подавить это движение. Кош призывал хозяев, имевших работников, бдительно следить за «сумнительными» и «беспаспортными» людьми, требовал присяги от сечевиков, т. е. от гарнизона, обязывая казаков бороться с гайдамаками. Кош организовал карательные экспедиции, куда привлекались обычно бо-

¹ Термин «курень» имел несколько значений. Курень — небольшое продолговатое здание — казарма. Курень являлся также хозяйственной организацией, которая должна была обеспечивать содержание казаков-сечевиков. Курень был и военно-административной единицей с определенным личным составом как в мирное, так и в военное время. Казаки куреня делились на два разряда: наличный состав, представленный сечевиками, и резерв, в который входили все казаки, жившие вне Сечи — в слободах и зимовниках.



Запорожская сечь. Рисунок на карте Запорожской сечи второй половины XVIII в.

Военно-исторический архив

гатые и зажиточные казаки. Несмотря на все мероприятия коша, направленные на подавление гайдамацкого движения, оно не утихало.

26 декабря 1768 г. вспыхнуло восстание в самой Сечи. Запорожские казаки захватили войсковую артиллерию и освободили находившихся в заключении гайдамаков. Восставшие разгромили дома старшины и богатого казачества, некоторых хозяев при этом «и прибили»¹. Кошевой атаман Калнишевский, застигнутый в своем доме, едва спасся «через верх потолочный». Переодевшись в монашескую рясу, он бежал в Новосеченский ретраншемент под защиту царского гарнизона. Туда же бежали судья, писарь, есаул и другие старшины.

Восставшие очень недолго владели Сечью. Калнишевский через посланцев вызвал оттуда в Новосеченский ретраншемент атаманов «с надежными казаками». В Сечь был направлен капитан К. Маркович. Он обратился к восставшим с увещаниями, уговаривал их прекратить борьбу, давая согласие на выборы нового кошевого атамана. Часть восставших послушала Марковича и избрала кошевым атаманом запорожского богача Ф. Федорова. Федоров приказал серомахам «разойтись по куреням». Вероятно, большинство восставших подчинилось этому, но часть их продолжала борьбу.

27 декабря 1768 г. новосеченский комендант Микульшин и Калнишевский направили против восставших отряд казаков под начальством двух

¹ «Записки історично-філологічного відділу АН УССР», кн. XI. Київ, 1927, документи, стр. 226; ЦГИА УССР, ф. КЗС.

старшин. Застигнутые врасплох серомахи героически сопротивлялись, но карателям удалось ворваться в крепость. Серомахи отступили в плавни, многие из них были убиты. Затем в Сечь вернулся Калнишевский и приступил к розыску и арестам участников восстания. Участь арестованных серомах решала специально созданная следственная комиссия, в состав которой вошли старшины и Микульшин.

После подавления восстания в Сечи борьба продолжалась в паланках. В рапорте кременчугскому обер-коменданту генералу В. А. Черткову от 30 марта 1769 г. Микульшин писал: «Уведомился я, что войска запорожского низового казаки сиромахи... ходють по своим вольностям, слободам и зимовникам, лошадей у козаков отнимают и прочее имущество грабють и зарытой в землю хлеб отрывают»¹.

В 1769 г. в Сечи вновь произошли волнения. Русско-турецкая война 1768—1774 гг., во время которой запорожцы сражались в составе русской армии, потребовала больших жертв от трудового казачества. Обязанное снаряжаться на войну на собственный счет, оно несло непосильные затраты. Татары, вторгаясь в пределы Запорожья, жгли поселения и уводили в плен людей. Ко всему этому добавлялся произвол и грабеж со стороны старшины. 7 декабря 1769 г. в помещении Корсунского куреня происходили выборы в так называемую депутацию в Петербург за жалованьем для войска. Куренной сходкой руководил куренной атаман Петр Остроух, старшина Мойсей Скапа — депутат Комиссии по составлению нового уложения и другие богатые казаки. Когда выборы закончились, казак Микита Дорошенко назвал Скапу и присутствующее «знатное товариство» изменниками. Скапа ударил Дорошенко. На помощь последнему подбежали его «согласники» и «немилосердно сего депутата Скапа били, так что тот атаман Остроух, депутат Скапа с прочим знатным товариством... принуждены (были) курень свой бросать и бежать»².

В курень была направлена команда. Казаки Корсунского куреня оказали отпор, но сопротивление корсунцев, не заручившихся поддержкой других курений, было быстро сломлено.

Шестеро активных участников волнения были арестованы и отправлены в вечную ссылку.

В середине 70-х годов серомахи продолжали объединяться в отряды и нападать на хозяйства богатого казачества и старшины. В следующие годы волнения среди казаков отряда полковника Аф. Колпака едва не кончились убийством последнего. Произошло восстание казаков запорожской гребной флотилии, посланной в устье Дуная.

Классовая борьба на Запорожье значительно оживилась во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. Запорожская беднота заявляла: «будет-де еще в Сечи недобре, стариков (казачью знать, членов старшинских сходов.— В. Г.) и панов выбыватымем». Запорожцы нападали на от-

¹ «Записки Історічно-філологічного відділу АН УРСР», кн. XI, стр. 234.

² ЦГИА УССР, ф. КЭС.

ряды правительственных войск, направлявшихся с турецкого фронта на подавление восстания. На Запорожье искали спасения от крепостнического гнета беглые не только с Правобережной, но и Левобережной и Слободской Украины. Это весьма раздражало украинских помещиков.

Царское правительство осуществляло планы колонизации юга страны и продвижения к Черному морю. С 1750 г. оно приступило к основанию так называемых Новой Сербии и Славяносербии, а затем Новослободского полка с центром в крепости св. Елизаветы (ныне Кировоград). Под новопоселенные полки была отведена часть запорожских степей. В 1764 г. была учреждена Новороссийская губерния, включившая в себя территории упраздненных Новосербии, Славяносербии и Новослободского полка. На южных землях Украины, привлекавших помещиков, усилились захваты плодородных запорожских земель. Помещики жаловались правительству на запорожцев и на непрекращавшееся бегство своих крестьян на Запорожье. Кючук-Кайнарджийский мир обеспечил выход России к Черному морю, и Запорожье, перестав быть пограничным форпостом в борьбе России с татарами и турками, оставалось очагом непрекращавшейся антифеодальной борьбы. Все это побудило царское правительство разрушить Сечь и упразднить Запорожское казачье войско.

В июне 1775 г. крупный отряд войск под командой генерала П. А. Текели занял Сечь. 3 августа 1775 г. был издан манифест Екатерины II об упразднении Запорожского войска. Часть запорожской старшины, признанная правительством благонадежной, получила чины, дворянство и земли. Большинство казаков и посполитых было превращено в крепостных. Остальная часть старшины чинов и дворянства не получила. Ее права на землю правительство не признало, поэтому при межевании бывших запорожских земель зимовники этой части старшины уничтожались, а хозяйство переносилось в слободы. Часть казачества, чтобы избавиться от крепостной неволи, ушла на Дон, в Левобережную и Слободскую Украину, а часть бежала за пределы России, основав затем Задунайскую Сечь. Запорожская старшина и богатое казачество искали способов для восстановления своего утраченного положения. Выразителями их интересов являлись старшины Сидор Белый, Захарий Чепега, Антон Головатый. Царское правительство, озабоченное, в связи с приближавшейся войной с Турцией, увеличением военных кадров, пошло навстречу интересам бывших запорожских верхов. В 1787 г. по распоряжению Екатерины II из основной массы бывших запорожцев было образовано «Войско верных казаков», получившее несколько позднее название Черноморского казачьего войска.

В последней четверти XVIII в. Россия освободила от турецко-татарской власти весь юг Украины, за исключением земель Измаильской области: в 1774 г. — территорию на левом берегу Южного Буга, в 1783 г. — часть юга Украины от Конских Вод и низовьев Днепра до Перекопа и Сиваша и, наконец, в 1791 г. — территорию между Южным Бугом и Днестром.

После воссоединения с Россией захваченного татарами и турками юга Украины и ликвидации Запорожской Сечи началось быстрое заселение

и развитие хозяйства этого изобилующего природными богатствами края. Было построено много новых городов. Некоторые из них стали крупными центрами. В 1778 г. был основан Херсон, около 1784 г. — Мариуполь (ныне г. Жданов); в 1787 г. на правом берегу Днепра — Екатеринослав (теперь Днепропетровск), в 1789 г. — Николаев, в 1794 г. — Одесса. Строительство новых городов на юге Украины требовало очень много рабочих рук — землекопов, плотников, каменщиков и др.; людей собирали со всей России, главным образом из Великороссии.

В последней четверти XVIII в. на юге Украины быстро развивалась промышленность. Производились исследования месторождений железных руд в районе Кривого Рога, залежей каменного угля, цветных металлов. В Херсоне был основан литейный завод, отливавший пушки и ядра для Черноморского флота. Другой литейный завод был построен в 1795 г. в Луганске (теперь Ворошиловград); для этого завода начали разработку каменного угля в районе Лисичанска. В Николаеве и Херсоне были созданы судостроительные верфи, возле Елизаветграда основана бумажная мануфактура. Основывались также кожевенные, лесопильные, салотопные заводы.

Херсон, Мариуполь, Николаев и позднее Одесса стали крупными портами, вели большую торговлю с заграницей. Города эти быстро росли. Так, Николаев уже в 1792 г. насчитывал 1566 жителей и 1734 работника, Мариуполь в 80-х годах — полторы тысячи жителей.

В южной части Украины в 80-х годах быстро развивались земледелие и скотоводство. За последнюю четверть XVIII в. численность населения возросла в несколько раз. Возникло очень много новых сел. Бежавшие от крепостного гнета в надежде на лучшую жизнь украинские и русские крестьяне распахивали южные степи. Юг Украины колонизовался также помещиками, насильственно выводившими туда своих крестьян из центральных губерний страны.

Царское правительство щедро раздавало землю помещикам. В четырех уездах Херсонской губернии населению было отведено 2 167 800 дес. хорошей земли, из них помещикам 1 638 800 (75%); остальную землю роздали на разных условиях горожанам, государственным крестьянам, иноземным колонистам и др. Каждый помещик захватывал себе опромную площадь. В Екатеринославской губернии не было помещичьих участков менее 1,5 тыс. дес., обычно помещик владел 12—15 тыс. дес. Вяземский получил 200 тыс. дес. Бежавший на юг крестьянин обычно мог поселиться только на земле помещика. Чтобы заманить беглеца в свое имение, помещик давал ему на несколько лет льготы, а затем закрепощал. Более всего переселилось на юг украинцев и великороссов, в результате чего в этом районе возникло много великорусских сел.

До 70—90-х годов XVIII в. юг Украины, находившийся под властью султанской Турции и ее вассала Крымского ханства, был очень слабо заселенным, почти пустынным краем. После воссоединения с Россией здесь началось быстрое заселение и бурный хозяйственный подъем.

3

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Находившаяся под властью шляхетской Польши Правобережная Украина резко отставала в своем экономическом и культурном развитии от Левобережной Украины, еще в 1654 г. воссоединенной с Россией. К середине XVIII в. Левобережная Украина достигла больших успехов в развитии сельского хозяйства, промышленности, городов, культуры по сравнению с первой половиной XVII в. Развитие же экономики и культуры Правобережной Украины к этому времени было ниже того уровня, на котором она находилась в первой половине XVII в. Основным занятием населения в середине XVIII в. здесь в еще большей мере, чем 100 лет назад, оставалось земледелие с господствовавшей, как и раньше, трехпольной системой. В Полесье, Карпатах и в южных районах Правобережной Украины, где было больше выпасов, разводили рогатый скот, а также свиней, лошадей и овец; скот был низкого качества и малопродуктивный.

Слабое экономическое развитие страны видно и по состоянию ее городов, промышленности, товарооборота. В XVIII в. города Правобережья были в упадке. Товарное обращение развивалось не между деревней и городом, а между крепостным поместьем и заграницей. Феодалы вывозили за границу лес, зерно и другие продукты сельского хозяйства и покупали там необходимые им изделия промышленности. Купцы привозили из-за границы предметы как барского обихода, так и массового потребления — металлические изделия (косы, серпы, ножи), ткани, галантерею, юфть и пр. В большом количестве ввозились товары из России; по селам Правобережья в значительной мере их распространяли коробейники, или, как их здесь называли, маркитаны. Торговые связи Правобережья с Россией непрерывно росли, особенно сильно в последней четверти XVIII в. В то время как торговля с заграницей в городах западной части Украины, подвластной Польше, замирала, торговля с Россией в городах восточной ее части росла ¹.

Городская промышленность Правобережной Украины находилась в тяжелом положении. Страну наводняли изделия зарубежной промышленности. Правительство панской Польши покровительствовало ввозу изделий из Западной Европы, не защищало промышленность своей страны от иностранной конкуренции. Обмен товаров между городом и деревней падал. Покупательная способность крестьян была чрезвычайно низкой: городские промышленные изделия им были недоступны, многие необходимые вещи они изготовляли силами своей семьи либо заказывали деревенским ремесленникам. Пользовались изделиями сельских ремесленников и имения крепостников (фольварки). Крепостники поддерживали

¹ И. М. Каманин. Статистические данные о евреях в Юго-Западном крае во второй половине прошлого века (1765—1791). Предисловие к «Архиву ЮЗР», ч. V, т. II, вып. 1, Киев, 1890, стр. 101, 146, 147.

сельских ремесленников в их конкуренции с ремесленниками городскими. Цехи городских ремесленников разваливались, число их уменьшалось.

В поисках средств существования городские ремесленники и торговцы переходили к земледелию. Горожанам разрешалось брать наделы с условием выполнения с них повинностей. От горожан, взявших наделы, феодалы сначала требовали денежный оброк (чинш), потом переводили их с денежной ренты на отработочную, принуждая к выполнению еженедельной барщины. В конце концов горожан, имевших наделы и выполнявших барщину, феодалы исключали из сословия горожан (мещан), превращая их в крепостных крестьян¹. Из боязни стать крепостными крестьянами часть горожан упорно не прекращала городских занятий, зачастую идя на крайние лишения. Не оставляли городских занятий все евреи, которых в XVIII в. на Правобережной Украине насчитывалось более 250 тыс.². Подавляющее большинство их жило в городах, местечках, где они составляли около 30—40% населения. Богатых евреев было немного: к ним относились откупщики — арендаторы монополий феодалов, ростовщики и крупные торговцы. С арендой монополий феодалов была связана значительная часть евреев богатых и бедных: арендаторы и субарендаторы, корчмари, сборщики сдававшихся на откуп налогов. Многие евреи занимались торговлей: товары, привозимые оптовиками и скупаемые для вывоза за границу, проходили через много рук, пока доходили до потребителя или экспортера. Большое количество евреев занималось ремеслом. Но было очень много евреев, обнищавших до крайности.

Евреи имели свои общины (кагалы). Вся власть в общинах принадлежала богачам, только они имели право голоса при избрании кагальной старшины. Кагальная верхушка была тесно связана с крепостниками. Феодалы и кагальная верхушка сеяли вражду, взаимное недоверие и отчужденность между еврейской и другими национальностями.

В XVIII в. в Речи Посполитой не было централизации, «...этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»³. Сохранение в неизменном виде старых производственных отношений тормозило развитие производительных сил. Ф. Энгельс писал о Речи Посполитой XVIII в.: «Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель»⁴.

¹ А. И. Баранович. Упадок города Речи Посполитой. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 30—49.

² «История еврейского народа», т. XI. «История евреев в России», т. I. М., 1915, стр. 119—121. Сколько было всех жителей в подвластной Польше Правобережной Украине, мы не знаем. Можем предполагать, что во второй половине XVIII в. их было не менее четырех миллионов (*T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. I, Kraków — Warszawa, 1897, st. 61, 104*).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 370.

⁴ Там же, т. XIII, ч. I, стр. 159.

Во второй половине XVIII в. на Правобережной Украине увеличивалось производство товарного зерна. В связи с ростом в 50-х годах спроса на зерно заграничного рынка цены на зерно начинали подниматься. Чтобы иметь побольше хлеба для продажи, крепостники, отнимая землю у крестьян, расширяли в своих имениях посевную площадь и барщинные работы крестьян. Прежде всего это практиковалось на Западной Украине; отсюда хлеб вывозили за границу через порты Балтийского моря, Гданьск и др. После присоединения к России Северного Причерноморья хлеб из Южной Украины стали вывозить через порты Черного моря. Соответственно увеличивались фольварковые посевы и в этой части Правобережной Украины.

В конце XVIII в. на Правобережной Украине многие крепостники создавали промышленные заведения. Возникли мануфактуры в Корце на Волини, Немирове, Тульчине, Голохвастове, Чуднове, Махновке, Тараще, Корсуні. Большинство их обслуживало своими изделиями потребности состоятельных классов населения: производило дорогие сукна, шелка, дорогие кожаные изделия, оружие, зеркала, фарфор, экипажи и т. п.

Продукция части мануфактур шла преимущественно на рынок. Шляпная мануфактура в Махновке изготовляла «главным образом простые шляпы из украинской шерсти», которые «имели хороший сбыт и расход на Украине»¹. Корецкая суконная мануфактура работала в основном на армию. Среди барских мануфактур были и такие, которые удовлетворяли главным образом потребности самих владельцев. Но большинство мануфактур феодалов оказались недолговечными.

При существовавшей тогда системе хозяйства, собственником всей земли был феодал, а жившие в имении крестьяне и мещане были его «подданными», «хлопами». На Правобережной Украине феодал мог в любое время отнять землю у крестьянина или заменить ее другим участком. Повинности «подданных» здесь также не были твердо установленными: владелец по своему усмотрению мог увеличить их объем, заменить одну форму ренты другой, ввести новые повинности.

Феодалы Правобережья пользовались правом обложения товаров, которые продавались в их имениях или провозились через их территорию. Они могли устанавливать монополии на производство и продажу различных продуктов, например спиртных напитков, на перемол зерна, торговлю дегтем, смолой, солью, решетами и пр. Зачастую крепостники объявляли своей монополией скупку у своих крестьян основных продуктов сельского хозяйства (зерна, скота), а также и продажу им продуктов потребления. Сбор доходов от монополий, а также от обложения торговли и от некоторых других поборов владельцы имений сдавали на откуп — в «аренду». В западных областях Правобережной Украины доход от аренды составлял десятки процентов общей суммы дохода от имения, в южных районах — преобладающую часть его. Ограбление населения посредством разного рода

¹ Т. Korzon. Указ. соч., т. I, стр. 261.

аренд усугублялось тем, что откупщик старался выжать не только сумму, выплаченную пану за аренду, но и возможно бóльшую прибыль в свою пользу.

Повинности крестьян были особенно тяжелыми в северо-западной части Правобережной Украины, менее тяжелыми — в юго-восточной; наибольшими они были в черноземной полосе северо-западного Правобережья, наименьшими — в юго-восточном углу его (в районе Черкасс, Чигирина, Звенигородки).

В северной и западной частях Правобережья господствовала отработочная форма ренты. Крестьяне отбывали еженедельную барщину: от волочного надела по 3—4 дня, полуволочного — 2—3 дня¹. Все хозяйства обязаны были отбывать ежегодно по 12 дней шарварков (работы по ремонту плотин, дорог, корчем, фольварков); по очереди нести дневную и ночную сторожу в фольварке и аренде (несколько десятков дней в году); толочь просо, выбирать и мочить коноплю; выделять по 3—4 мотка пряжи; выращивать капусту; давать ежегодно по каплуну и 3—4 курицы. Все крестьяне несли подводную повинность — от хозяйства дней по 30. Сдавая свои монополии в аренду, крепостники выжимали из каждого крестьянского хозяйства в денежном выражении еще несколько десятков рабочих дней в год.

Волочных хозяйств к середине XVIII в. в северной и западной частях Правобережья осталось уже мало; подавляющее большинство крестьянских хозяйств были полуволочными либо еще более мелкими. На полуволочном и меньшем наделе существовала обычно одна семья. На волочном наделе жило больше одной семьи крестьян, поэтому на них падали меньшие повинности, чем на крестьян, живших на полуволочных и меньших наделах.

Учитывая низкую производительность крестьянского труда того времени, трудность для крестьянина обеспечить себе и своей семье необходимые средства существования, можно сказать, что феодалы-крепостники разоряли крестьян, отнимали у них не только все прибавочное рабочее время, но зачастую и часть необходимого. Инвентари имений южной Волыни середины XVIII в. показывают, что число крестьян, вовсе не имевших рабочего скота или имевших одну голову его (лошадь или вола), составляло в разных селах от 25 до 50% общего числа крестьянских хозяйств. Многие крестьяне, не располагавшие рабочим скотом, бросали наделы. Положение этих разоренных, не обеспеченных рабочим скотом крестьянских хозяйств было чрезвычайно тяжелым. Необходимость обработать свой надел заставляла крестьянина обращаться за «помощью» к более богатому односельчанину, расплачиваясь за пользование рабочим скотом опять-таки своей работой. В то же время богатые крестьяне владели 5—8, даже 9 головами рабочего скота, но таких крестьян было немного.

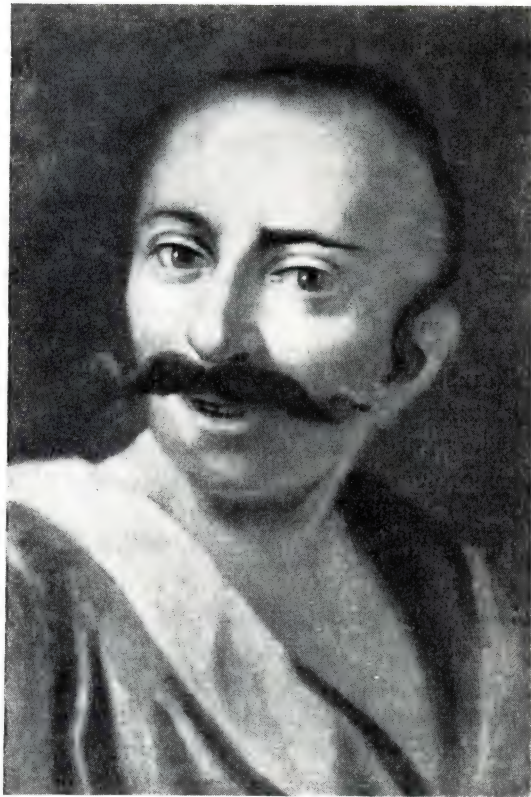
¹ Волока — приблизительно 21 га.

Не имевший поля крестьянин, чтобы заработать кусок хлеба, вынужден был искать работы у богатого крестьянина, арендатора, попа; при этом он не освобождался и от повинностей своему феодалу. Многие из разоренных крестьян уходили из села и в поисках пропитания бродили по стране, ютились в чужих домах, становились коморниками. Найти заработок в обедневшей стране было чрезвычайно трудно. Семьи многих разоренных крестьян от недоедания вымирали.

В полесских районах феодальные повинности были менее тяжелыми по сравнению с повинностями в черноземных районах Западной Украины. Но это не значит, что крестьяне Полесья жили в лучших условиях, чем крестьяне черноземной части Западной Украины, ибо по качеству земли Полесья значительно хуже земель западной части черноземной Украины. В южных районах Правобережья преобладала денежная и продуктовая рента, но во второй половине XVIII в. феодалы увеличивали барщинные работы и здесь.

Описания старост в южной части Киевского воеводства за 1765 и 1789 гг. свидетельствуют, что за эти 24 года барщинные работы возросли более чем вдвое¹. Феодальные повинности здесь были легче, чем в Западной Украине. Однако и в южных районах Правобережья феодальная эксплуатация была значительной. Буржуазные историки, говоря о «чрезвычайно легких» повинностях, игнорировали эксплуатацию населения южных районов Правобережья посредством аренд феодальных монополий и налогов и преувеличивали число крестьян, имевших льготы («слободы») в несении повинностей².

Народные массы Правобережной Украины активно боролись против порабощения их феодальной Речью Посполитой. Главная движущая



Иван Гонта. Портрет маслом работы неизвестного художника второй половины XVIII в. Копия.
Государственный Исторический музей

¹ Архив ЮЗР, ч. VII, т. III, Киев, 1905. Предисл., стр. 7, 8, 13—15.

² Там же, стр. 22.

сила в этой борьбе — крестьяне. В течение почти всего XVIII в. отряды повстанцев (гайдамаки на Правобережье и опрышки в Прикарпатье) вели борьбу с панами. Многочисленны были местные восстания. Особенно большое восстание было в 1750 г., когда отряды восставших громили шляхту на территории от южных границ Польского государства до Мозыря и Летичева, взяли ряд городов, в том числе Умань, Винницу.

Большое крестьянское восстание, охватившее всю Правобережную Украину, началось в мае 1768 г. в районе Мотронинского монастыря, вблизи Черкасс и Чигирина, быстро охватив близлежащие районы. Предводителем восстания был Максим Зализняк, местный уроженец (родом из Медведовки), живший некоторое время в Запорожье. В июне отряды Зализняка двинулись к Умани, куда сбежалась шляхта из районов, охваченных восстанием. Против повстанцев паны послали «надворных казаков» из Умани — войско, набранное из местного населения. Но казаки вместе со своим сотником Иваном Гонтой перешли на сторону восставших. Восставшие крестьяне и казаки взяли Умань. Отряды повстанцев действовали на всей Правобережной Украине, в том числе и в западной части ее (в районах Дубно, Белза и др.). Известны отряды Неживого, Швачки, Журбы и Бондаренко.

Восстание грозило распространиться на Белоруссию и Польшу, Левобережную Украину, Молдавию; охватило оно и Запорожье. В защиту крепостников выступил русский царизм. Царские войска предательски захватили Зализняка, Гонтю и других гайдамаков. Совместно с войсками панской Польши они жестоко подавили восстание. Захваченных в плен русских подданных судило русское правительство, польских — польское. Шляхетские суды приговаривали повстанцев к жесточайшим наказаниям. Для расправы над виновниками был создан специальный трибунал в местечке Кодне. М. Зализняка, жившего в Запорожье и считавшегося русским подданным, били кнутом и сослали в Сибирь. По дороге в ссылку он бежал, но был пойман. Конец его жизни неизвестен. В народе существует предание, что он принимал участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Паны зверски замучили Гонтю: с него живого содрали кожу, отрубили части тела, причем голову ему отрубили лишь на третий день.

Кровавая расправа не прекратила вооруженной борьбы народных масс. Отдельные отряды повстанцев боролись против панов-крепостников и после 1768 г. В разных местах вспыхивали местные восстания.

В 1789 г. крепостники Правобережной Украины и Польши были в большой панике, ожидая восстания украинских крестьян. Расследование показало, что крестьяне действительно готовы были расправиться с панами. Говорили, например, что уже вырос бежавший в Россию сын Гонты, что он собрал отряд, с которым в скором времени войдет в подвластную Польше часть Украины, чтобы расправиться с феодалами и их прислужниками¹. Народ жадно ловил подобные слухи и хотел, чтобы они оправда-

¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. V, Киев, 1902, стр. 604.

лись. Но своими силами украинские крестьяне не могли свергнуть панское иго. Единственной их надеждой была помощь России. Многие русские крестьяне, солдаты, иногда и офицеры активно помогали украинскому народу в борьбе с панской Польшей: вступая в отряды восставших, они сражались не только против панских войск, но и против помогавших панам частей царской армии.

В 1793 и 1795 гг., во время второго и третьего разделов Польши, большая часть Правобережной Украины — от Днепра до Збруча и Западного Буга — была воссоединена с Россией. В 1792 г. вошедшие в Правобережную Украину русские войска были встречены украинцами как освободители; местные крепостники, боясь расправы своих крестьян, бежали из имений.

Царское правительство, конечно, не позволило крестьянам уничтожить крепостнический гнет, а наоборот, создало сильный аппарат для его охраны. Имения были оставлены прежним владельцам. Местные органы власти были отданы в руки местным крепостникам. Русские, польские, украинские феодалы нашли общий язык в деле эксплуатации и усмирения трудящихся.

Несмотря на то, что Россия XVIII в. была крепостнической страной, все же воссоединение с ней украинских земель открывало им больший простор для развития производительных сил, избавляло от угрозы колонизации.

По первому разделу Польши (1772) большей частью Западной Украины (от Карпат до Збруча) завладела Австрия. Эту часть Украины австрийское правительство назвало Галицией. Буковина в середине XVIII в. была под властью молдавских господарей и вместе с Молдавией подчинялась султанской Турции. В 1774 г. Австрия захватила и Буковину, которую затем объединила с Галицией в одну провинцию. Закарпатьем, как и раньше, владели австро-венгерские феодалы. Хозяйство в Буковине и Закарпатье было весьма отсталым. Население долин занималось большей частью примитивным земледелием. В горных районах имелось много лесов, и поэтому здесь развились лесные промыслы — добыча смолы, угля, изготовление изделий из дерева.

Народные массы Закарпатья находились под гнетом венгерских, австрийских и местных украинских феодалов; население Буковины угнетали украинские, молдавские, турецкие, затем австрийские помещики. С феодальным гнетом крестьяне Буковины и Закарпатья боролись различными способами.

Вооруженные отряды опрышков действовали в горах. В Буковине с крепостниками расправлялись гайдуки. В 1760 г. в Закарпатье вспыхнуло народное восстание против насильственно навязанной унии; постепенно оно переросло в движение против крепостничества. Население дорожило православием: эта религия связывала его с русским народом, на помощь которого оно надеялось в своей борьбе за освобождение от Австрии и подвластной ей Венгрии. Во второй половине XVIII в. положение крестьян в Закарпатье резко ухудшилось: в 1775—1778 гг.

была введена регулярная барщина по 3 дня в неделю с телеки (хозяйства); в 1781 г. в результате передела земли крепостники отняли у крестьян лучшие земли.

В Галиции австрийское правительство нашло себе верную опору в польских феодалах, униатской церкви и украинских богачах.

Правобережная Украина во второй половине XVIII в. находилась в глубоком упадке: в застое были городская промышленность, товарное производство и обращение, города; крестьяне были разорены и придавлены. Сохранение нерушимыми отсталых производственных отношений и государственного строя тормозило развитие производительных сил.

Трудящиеся Правобережной Украины, в первую очередь крестьяне, активно и упорно боролись за свержение ига магнатско-шляхетской Польши, за воссоединение с Россией.

В конце XVIII в. Правобережная Украина, за исключением западной ее части, была воссоединена с Россией.

4

КУЛЬТУРА УКРАИНЫ

Во второй половине XVIII в. продолжался процесс превращения украинской народности в нацию. К концу XVIII в. усилились попытки положить в основу ее литературного языка общенародный разговорный язык.

В культуре украинского народа следует различать культуру господствующего класса и угнетенных народных масс.

С критикой феодально-крепостнических отношений в данный период выступали прогрессивные общественные деятели, лучшие люди из дворян. Эти выступления отражали общий процесс начавшегося разложения феодально-крепостнического строя.

Процесс формирования украинской нации протекал в тесной связи с формированием русской нации. Несмотря на проводившуюся царизмом политику жестокого угнетения украинской культуры, происходило еще большее сближение двух братских народов, «...столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Росло влияние передовой русской культуры на украинскую².

Влияние прогрессивных общественных идей и передовой русской культуры сказалось на всех областях культурной жизни Украины. Гениальные труды М. В. Ломоносова содействовали распространению материалистических идей. Широко известны были произведения русских писателей и устного творчества русского народа. На Украине, зна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.

² «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1953, стр. 399—408.

ли знаменитое произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Многие деятели русской культуры были родом из Украины, как, например, писатель-философ Я. П. Козельский¹.

Украинские передовые общественные деятели интересовались просветительной литературой XVIII в. и критиковали феодально-крепостнический строй. Вокруг этих деятелей объединялось немало их сторонников. Критика феодально-крепостнических порядков проводилась в кружках А. А. Палицына (на Слобожанщине) и В. В. Капниста (на Полтавщине). Известный поэт конца XVIII в. В. В. Капнист написал комедию «Ябеда» (1798), в которой разоблачал феодально-абсолютистский строй. Указ

Екатерины II от 3 мая 1783 г., юридически оформивший крепостное право на Левобережной Украине, он встретил одой «На рабство» (1783).

Самым выдающимся прогрессивным представителем культуры украинского народа того времени был философ и писатель Григорий Саввич Сковорода² (1722—1794), происходивший из малоземельной казацкой семьи с. Чернухи на Лубенщине. Выходец из народа, много странствовавший по Украине, Сковорода хорошо знал жизнь трудящихся масс, их интересы. Он принадлежал к числу образованнейших людей своего времени, прекрасно знал философию и античную литературу, владел многими



Г. С. Сковорода. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. Копия.

Государственный Исторический музей

¹ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I. М., 1952, стр. 411—659.

² Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета. «Записки Харьковского университета», 1897, кн. 2; П. Н. Берков. Василий Васильевич Капнист. 1757—1823. М.—Л., 1950; П. Тичина, П. Попов, О. Трахтенберг. Г. С. Сковорода. Збірник доповідей з нагоди 220-річчя народження, 1722—1942. Уфа, 1953; М. И. Ковалинский. Жизнь Григория Сковороды (Г. С. Сковорода. Собр. соч., т. I. СПб., 1912, стр. 1—42); Г. И. Данилевский. Г. С. Сковорода. «Украинская старина». Харьков, 1886; П. М. Попов. З листування Г. С. Сковороди. «Радянське літературознавство», 1955, № 18, стр. 57—70; «История Украинской ССР», т. I. стр. 402—404.

древними и новыми языками. Его творчество развивалось в неразрывной связи с передовыми общественно-политическими идеями России, с русской культурой и литературой. Учился Сковорода в Киево-Могилянской академии, жил одно время в Петербурге, провел три года за границей — в Венгрии и Германии, где изучал философию. Некоторое время Сковорода преподавал поэзию в Переяславской коллегии, откуда был исключен за столкновение с местным епископом, выступавшим против его новаторского курса поэзии. В 1759 г. Г. С. Сковорода стал учителем Харьковской коллегии, но вскоре и здесь его отстранили от преподавания за призыв к свободе мысли и за протест против духовной власти, проявленные им в курсе лекций «Начальная дверь ко христианскому добронравию»¹. С этого времени и до конца своей жизни он, распространяя свои идеи, ходил по Украине, как странствующий учитель.

Г. С. Сковорода горячо протестовал против эксплуатации народа и критиковал общественные несправедливости. Идеал Сковороды — общество, отвергающее паразитизм и в труде находящее свое счастье. Он утверждал, что придет время, когда земля сделается страной и царством любви, без вражды и раздора, где все будет общее. Сковорода резко осуждал пренебрежительное отношение феодалов к народным массам.

Но Г. С. Сковорода не был революционером. Он мечтал преобразовать общественную и личную жизнь путем просвещения и морального самоусовершенствования. Сковорода горячо любил свой народ, свою родину, чтил ее славное прошлое, в особенности освободительную борьбу украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого.

Философским воззрениям Г. С. Сковороды присущи противоречия, колебания между идеализмом и материализмом. Он полагал, что видимый мир («натура») есть только «тень», «внешность», внутреннюю же сущность мира он видел в божественном начале². С точки зрения идеализма он рассматривал и человека, имеющего, по его мнению, внешность — тело и внутреннюю сущность — божественное начало. «Плоть — ничтоже: дух животворит»³. Но в его философии проявлялась и материалистическая тенденция. Он признавал безначальность и вечность материи во времени и бесконечность ее в пространстве. Природа, говорит Сковорода, «есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина»⁴.

Г. С. Сковорода был противником господствовавшей тогда православной церкви, остро высмеивал и критиковал религиозную обрядность, современное духовенство, монашество, библейские легенды и чудеса⁵.

Г. С. Сковорода — автор многих литературных произведений, в частности лирических стихотворений, объединенных им в сборник «Сад бже-

¹ Г. С. Сковорода. Собр. соч., т. I. СПб., 1912, стр. 26, 61—72 и др.

² Там же, стр. 64, 69, 90—92 и др.

³ Там же, стр. 332—333.

⁴ Там же, стр. 324.

⁵ Там же, стр. 12, 23.

ственных песней»¹. Некоторые из его стихотворений пели лирники и кобзари. Ему принадлежит также ряд переводов, в частности переводы из Плутарха и Цицерона. Литературные произведения его проникнуты любовью к народу и родине. В своих «Баснях харьковских»² он бичевал феодалов-эксплуататоров, высмеивал погоню старшины за чинами, за дворянством, защищал интересы крестьян и городских низов. Борясь против церковной ортодоксии, против мертвящей схоластики и мракобесия в философии, науке, литературе, Г. С. Сковорода тем самым содействовал развитию свободной мысли, освобождению философии от теологии, утверждению реализма в литературе, зарождению новой украинской литературы.

Умер Г. С. Сковорода в 1794 г. и похоронен в селе Сковородиновке (раньше Ивановка) на Харьковщине.

Левобережная Украина, откуда вышел ряд крупных деятелей украинской и русской культуры, выделялась среди других украинских земель довольно значительным количеством школ, подавляющее большинство которых было создано за столетие после воссоединения Украины с Россией. В школах учились главным образом дети старшины, духовенства, а также казаков, мещан и частично крестьян. Обучали в них чтению, письму, церковному пению. Учителями были преимущественно псаломщики — дьяки. Содержание учителям выплачивалось родителями учеников натурой и деньгами. Наряду с постоянными начальными школами при церквях обучение проводили странствующие дьяки, которые переходили из села в село. В дальнейшем, в связи с усилением классового и национального гнета, число начальных школ на Левобережной Украине уменьшалось, а вместе с тем падала и грамотность среди украинского населения.

С распространением на Украину общеимперских законов, школы, согласно уставу 1786 г., стали делиться на главные (четырехклассные, в губернских городах), средние (трехклассные) и двухклассные. Однако новых школ открывалось очень мало³.

В развитии просвещения и науки на Украине во второй половине XVIII в. большую роль продолжала играть Киево-Могилянская академия. Учились в ней главным образом дети старшины, духовенства, отчасти мещан, казаков, иногда и крестьян. В составе студентов академии были не только украинцы, русские и белорусы, но и представители угнетаемых Турцией и Австрией южнославянских народов (сербы, черногорцы, болгары), а также молдаване.

Наука в академии попрежнему носила преимущественно церковно-богословский, схоластический характер, хотя и на Украине, под влиянием развития науки и просвещения в России, произошли некоторые изменения

¹ «Сочинения в стихах и в прозе Григория Саввича Сковороды». СПб., 1861.

² «Басни харьковские Г. С. Сковороды». М., 1837.

³ «Основа», 1863, кн. V; И. Ф. Павловский. Приходские школы в старой Малороссии и причины их уничтожения. «Киевская старина», январь, 1904, отд. I, стр. 1—40; «Черниговский земский сборник», 1877, кн. II.

в сторону приближения обучения к жизни. Было введено преподавание французского и немецкого языков, естественной истории, географии, математики, а также архитектуры, живописи, «сельской и домашней экономики», медицины и других предметов. В конце XVIII в. академия перешла с латинского языка преподавания на русский.

Из воспитанников Киево-Могилянской академии вышли известные деятели украинской и русской культуры — философ и писатель Г. С. Скворода, философ Д. М. Велланский (Кавунник), композиторы М. С. Березовский, А. Л. Ведель и др. Некоторые воспитанники академии занимали крупные посты в государственном управлении России, как А. А. Безбородко — выдающийся русский дипломат. Воспитанники академии преподавали во многих русских школах.

Кроме Киево-Могилянской академии, в Левобережной Украине и Слобожанщине существовало несколько коллегий — в Чернигове, Харькове, Переяславе. Некоторое время существовали также коллегии в Новгороде-Северском и Полтаве. Из студентов Киево-Могилянской академии и названных коллегий набирали учеников для Медико-хирургической академии в Петербурге, медико-хирургических школ и частично медицинского факультета Московского университета.

Из Украины в XVIII в. вышли талантливые ученые-медики, сыгравшие значительную роль в развитии медицины в России. Воспитанниками Киево-Могилянской академии были знаменитые ученые-медики: П. А. Загорский — профессор анатомии, академик и президент Медико-хирургической академии в Петербурге, А. М. Шумлянский (1748—1795), Н. М. Максимович-Амбодик (1744—1812), М. М. Тереховский и др.

Во второй половине XVIII в. церковно-схоластическое направление науки в Киево-Могилянской академии перестало удовлетворять украинскую старшину. В ее среде возникали проекты основания украинского университета. Однако царское правительство отказывалось осуществить эти проекты¹.

В значительно худшем положении, чем в Левобережной Украине и Слобожанщине, было просвещение на Правобережье, еще находившемся под властью шляхетско-католической Польши. Стремясь окатоличить и ополячить украинское население, польская шляхта и духовенство насаждали на Правобережье католические школы — иезуитские и пиарские², а также униатские, с обучением на польском и латинском языках.

В результате усиления национально-религиозного угнетения народное просвещение в Галиции и на Правобережье во второй половине XVIII в. все более клонилось к упадку. После юридической ликвидации ордена иезуитов в 1773 г. в Польше вопросами просвещения стала заниматься Эдукационная комиссия. Она усилила политику окатоличения и полонизации ук-

¹ О Киевско-Могилянской академии во второй половине XVIII в. см. *В. Серебрянников*. Киевская академия с половины XVIII ст. Киев, 1896—1897; *Хв. Тітов*. Старавища освіти в Київській Україні кінця XVI — початка XIX ст. Київ, 1924.

² Иезуиты и пиары — члены католических монашеских орденов.

раинского населения¹.

В Галиции австрийское правительство проводило политику германизации. Стремясь привлечь на свою сторону верхушку украинской общественности и подготовить из ее среды преданное Австрии униатское духовенство и чиновничество, австрийское правительство открыло в 1774 г. в Вене униатскую семинарию, которая в 1784 г. была переведена во Львов. В том же году австрийское правительство основало в Львове университет с преподаванием на немецком и латинском языках и в 1787 г. — богословский и философский факуль-



Н. М. Максимович Амбодик. Гравюра
конца XVIII в.

теты с преподаванием на «русском» языке²... Наряду с трехклассными и четырехклассными школами с немецким языком преподавания были организованы одноклассные школы с преподаванием на «русском» языке. Закрепившись в Галиции, австрийское правительство ликвидировало свои уступки украинской культуре. В 1809 г. кафедры Львовского университета с преподаванием на «русском» языке были закрыты³.

В Закарпатской Украине, где венгерские феодалы в течение нескольких столетий осуществляли политику окатоличения и мадьяризации украинского населения, было небольшое количество церковно-униатских школ, в которых изучали «русскую» грамматику. В Ужгороде в конце XVIII в. существовала униатская семинария, переведенная из Мукачева.

В Буковине во время господства Турции и молдавских феодалов в некоторых городах и селах существовали молдавские церковные право-

¹ А. Савич. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVIII в. Київ, 1929 (разделы 5 и 6).

² Русским языком здесь назван книжный язык Украины того времени.

³ «Матеріали до культурної історії Галицької Русі XVIII і XIX віку». «Збірник Історично-філософської секції наукового товариства ім. Шевченка», т. V, отд. II. Львів, 1902; «Записки наукового товариства ім. Шевченка», т. 132, 146, 150, Львів, 1922—1929.

славные начальные школы, где чтению обучали по молдавскому и «русскому» катехизисам и письму по-молдавски. Австрийское правительство проводило в Буковине, как и в Галиции, политику онемечивания населения.

В XVIII в. среди украинских феодалов усилился интерес к истории украинского народа. Собирались сведения о прошлом Украины, ее экономической, политической и культурной жизни. При помощи исторических данных казачья старшина стремилась обосновать свои права на дворянство, на господство над народными массами, на феодальную автономию Украины. Отдельные представители казачьей старшины (генеральный подскарбий Я. Маркович, 1690—1770, генеральный бунчужный Н. Ханенко, 1691—1760, и др.) вели дневники, в которых записывали события личной и общественной жизни.

Из обзорных трудов второй половины XVIII в., в которых история Украины излагается в систематизированном виде (конечно, с точки зрения украинских феодалов) и хронологической последовательности, следует отметить прежде всего произведение П. И. Симоновского «Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах» (1765)¹. Попытку систематического изложения истории Украины находим также в труде А. И. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще» (1785—1786)².

Стремления украинской феодальной верхушки укрепить свои привилегии отражены в сочинении Г. А. Полетики «Историческое известие, на каком основании Малая Россия была под республикою Польскою и на каких договорах поддалась российским государям, и патристическое рассуждение, каким образом можно бы оную учредить, чтобы она полезна могла быть Российскому государству без нарушения прав и вольностей». Ему же принадлежит «Мнение ... на проект правам благородных», читанное в Комиссии по составлению нового Уложения, где он является защитником автономности Украины и ходатаем об утверждении за шляхетством прав и привилегий, «которые во время бытности Малые России под Польшею подтверждаемы были»³.

В конце XVIII в., в связи с разделением Украины на губернии и наместничества, появились описания наместничеств Черниговского, Новгород-Северского, Харьковского, Екатеринославского, в которых помещены ценные сведения об экономике Украины, о ее населении, природе и т. д.⁴... Значительный интерес для изучения истории Украины представляют также издания исторических материалов В. Г. Рубана⁵.

¹ Чтения ОИДР, 1847, кн. 2, стр. 1—159.

² Там же, кн. 5—9.

³ Сб. РИО, т. 36. СПб., 1882, стр. 346—356.

⁴ См., например: А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание, с кратким географическим и историческим описанием Малые России (1786), ч. I—II. Киев, 1851.

⁵ В. Г. Рубан. Краткие географические, политические и исторические известия о малой России. СПб., 1773; «Краткая летопись Малые России, с 1506 по 1776 г.». СПб., 1777; «Землеописание Малые России». СПб., 1777, и др.

Украинская литература в своем развитии во второй половине XVIII в. значительно продвинулась вперед, обогатившись большим количеством новых произведений и новых жанров. Стал более заметным удельный вес светской литературы. В литературе развиваются элементы реализма и народности, происходят изменения в литературном языке. Старый макаронический язык, представлявший собою смесь украинских и церковнославянских, отчасти польских и латинских слов, отмирает. Усиливается влияние более развитого русского литературного языка, имевшего положительное значение для дальнейшего развития украинского языка. Появляются произведения, написанные на народном украинском языке¹.

Новые явления резко отразились на характере поэтического творчества, на его содержании и форме. На смену силлабическому стихосложению пришло силлабо-тоническое, развивавшееся под влиянием трудов основателей русского тонического стихосложения (М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и др.). Увеличилось число исторических и политических стихотворений. Такой характер носило, в частности, большое стихотворение С. Дивовича «Разговор Великороссии с Малороссией» (1762).

В этом произведении подчеркнуты исконные связи между двумя братскими народами, постоянное стремление украинского народа к объединению с русским народом, добровольное воссоединение Украины с Россией. Вместе с тем в этом стихотворении отразились автономистские стремления старшины.

Появилось много лирических стихотворений в жанре сентиментальных романсов, авторы которых — студенты, странствующие дьяки, мелкие чиновники — широко заимствовали стиль и образы народной песни. Украинский сентиментальный романс в ряде случаев использовал образцы русской лирической поэзии — песни А. П. Сумарокова и других русских поэтов, а образцы украинской лирической поэзии и народной песни можно было встретить и в многочисленных сборниках русской песни (сборники В. Трутовского (1779), М. Чулкова (1790) и др.).

До нас дошло много анонимных произведений общественно-политической обличительной поэзии, на формирование и развитие которой известное влияние оказало творчество родоначальника русской сатиры А. Д. Кантемира (1709—1744). В поэзии все более яркое отражение находят быт народа, протест против угнетения народных масс феодалами. Рукописная сатира 1764 г., автором которой является, очевидно, выходец из крестьян, бичует взяточничество и несправедливость в судах, эксплуатацию трудящихся масс духовенством, распутство монахов. В сатирах про попа Негребецкого, Марка Пекельного и богатого «мужика» Гаврилу разоблачаются взяточничество и продажность властей и духовенства.

¹ «Історія української літератури», т. II. Київ, 1954, стр. 94—124; Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев, 1911; П. Житецкий. Энеида Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII в. Киев, 1900; «История Украинской ССР», т. I.

Сатира о бедном Кирике и попе рассказывает, как поп был наказан за свою жадность. В стихотворениях «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны» изображен разбогатевший Данилей, стремящийся путем взятков получить дворянство. Сатирическое произведение «Плач лаврских монахов» (1786) осмеивает жалобы архимандрита и монахов Киево-Печерского монастыря по поводу отобрания в казну монастырских земель. В ряде сочинений, представляющих собою пародии на различные церковные службы и культовую поэзию («Синаксар на память пьяницам о избрании горилки», «От послания Бахусова к пиворизам чтение» и др.), проявляются элементы антирелигиозной идеологии. Известно только одно имя автора сатирических произведений — священника Ивана Некришевича из с. Вишеньки на Киевщине, написавшего диалоги «Исповедь» (1789) и «Ярмарок» (1790).

Большим успехом попрежнему пользовались реалистические интермедии, или интерлюдии, которые ставились в антрактах школьной драмы¹. Реалистический характер и народный язык интермедий имели большое значение в развитии украинской литературы. Интермедии явились важным начальным этапом в развитии украинской бытовой комедии.

Продолжала развиваться вертепная драма, перенесенная с Украины в Россию. Вертепный театр пользовался большой популярностью среди народных масс. Первый постоянный публичный театр на Украине был основан в 1789 г. в Харькове.

В народном устном творчестве были распространены песни исторические и лирические. В исторических песнях воспеваются героическое прошлое украинского народа, его борьба против украинских феодалов и иноземных захватчиков. Немало песен посвящено борьбе против шведских захватчиков и славной Полтавской победе, Семену Палию, борьбе против турецко-татарской агрессии. Народные песни проникнуты любовью к Богдану Хмельницкому, Максиму Кривоносу, Ивану Богуну, Даниле Нечаю, а также Максиму Зализняку, Ивану Гонте, Олексе Довбушу. В народном творчестве отражена тяжелая жизнь народа: крепостное право, барщина, притеснения со стороны помещиков, управителей, царских чиновников, голод, нищета народа. Много песен посвящено запорожской жизни — военным походам, ликвидации Запорожской Сечи и т. д. Для фольклора второй половины XVIII в. характерно усиление антикрепостнического творчества. С большой любовью в народных песнях воспеваются народные мстители: гайдамаки, Колиивщина, прикарпатские опришки, восстание в Турбаях 1789 г. и т. д. В песнях широко отражен быт народа. Наряду с песнями о семейных отношениях и любовными, создавались песни наймитские, чумацкие, песни, связанные с рекрутчиной, солдатской службой².

Искусство украинского народа, в частности музыкальное, в XVIII в. также поднялось на более высокую ступень. На Украине было много

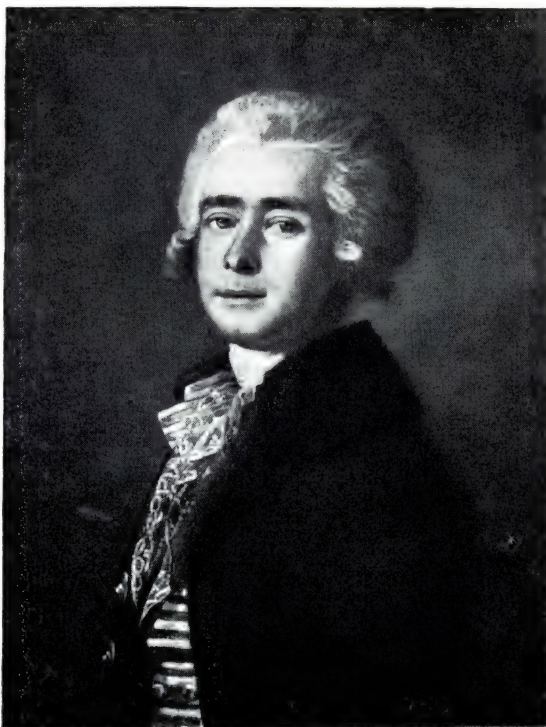
¹ А. Белецкий. Старинный театр в России. М., 1923.

² А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III. СПб., 1891: «Українські народні думи та історичні пісні». Київ, 1955.

странствующих певцов и музыкантов (лирники, кобзари, бандуристы), пение и музыка которых пользовались большой популярностью среди народа. В имениях казацкой старшины, украинских помещиков создавались хоры, духовые и симфонические оркестры, а также оперные и балетные группы из крестьян. Духовые оркестры имелись и в значительных городах. Украинские певцы и музыканты пользовались популярностью в России. Украина дала ряд галантливых композиторов. Многие из них приобрели широкую известность: М. С. Березовский (1745—1777)¹, А. Л. Ведель (1767—1806)², Д. С. Бортнянский (1751—1825)³, творчество которых заняло видное место в истории русской и украинской музыки, а также В. Ф. Трутовский (гуслиар при дворе Екатерины II), составитель первого русского нотного песенника, включающего тексты русских и украинских народных песен⁴.

Выпускались нотные книги. В изданном в 1790 г. «Почаевском богослужении» собраны, кроме церковных, некоторые популярные народные песни. В Глухове существовало музыкальное училище. На развитие украинской музыкальной культуры большое влияние оказала русская музыкальная культура. В свою очередь украинская музыка нашла отражение в русской музыке⁵.

Во второй половине XVIII в. зодчество Украины поднялось на более высокую ступень. Народное творчество особенно ярко проявилось



Д. С. Бортнянский. Портрет маслом работы М. И. Бельского, 1788 г.

Государственная Третьяковская галерея

¹ В. Васина-Гроссман. Забытая повесть о русском музыканте (К. 170-летию со дня смерти М. Березовского. 1745—1777). «Советская музыка», 1947, № 4, стр. 61—64.

² В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем Академией, ч. 2. Киев, 1856, стр. 373—379.

³ Б. Доброхотов. Д. С. Бортнянский. М.—Л., 1950.

⁴ П. К. Симоны. Камер-гуслист В. Ф. Трутовский. М., 1905.

⁵ Ник. Финдейзин. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в., т. II, вып. VI. М.—Л., 1929; Якоб Штеллин. Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935.



Запорожский собор в Новомосковске, 1772—1779 гг.
Архитектор Я. Погребняк.

в деревянном строительстве. Архитектурные формы памятников деревянного зодчества Украины, во многом восходя к традициям древнейших времен, особенно убедительно показывают близость русской и украинской народной культуры. При общности типологических схем и стилистического выражения, архитектура в каждой из отдельных областей Украины имеет свои особенности. Для украинского деревянного зодчества в целом характерны многоглавые высотные композиции, совершенство пропорций, гармоническая связь с местным ландшафтом. Из памятников деревянного зод-

чества Украины следует отметить такие выдающиеся произведения, как пятирубная церковь в г. Ромны¹ (1764), знаменитый девятиглавый Запорожский собор в Новомосковске, построенный народным зодчим Якимом Погребняком (1772—1779), трехверхая церковь из с. Кривки (XVIII в.)².

В архитектуре Украины нарастало плодотворное влияние русской архитектуры.

На Украине работали такие видные русские архитекторы, как Г. И. Шедель, построивший колокольню Киево-Печерской лавры и здание Академии в Киеве на Подоле; А. В. Квасов, построивший собор в г. Козельце (в архитектуре этого памятника автор творчески сочетал приемы русского и украинского зодчества); знаменитый В. В. Растрелли³, автор проекта замечательной Андреевской церкви в Киеве, построенной в живописнейшей местности, на высокой горе над Днепром, и расписанной внутри художниками Григорием и Дмитрием Левицкими под руководством русского художника А. П. Антропова.

¹ В настоящее время находится в Полтаве.

² В настоящее время находится под Львовом.

³ А. Матвеев. Растрелли. М.—Л., 1938.

Под влиянием выдающихся русских зодчих В. В. Растрелли, А. В. Квасова, П. И. Неелова формировалось творчество талантливых местных украинских мастеров, из которых следует назвать архитектора И. Г. Григоровича-Барского, построившего многочисленные здания в Киеве, в Межигорском (под Киевом) и Красногорском монастырях и работавшего совместно с А. В. Квасовым над постройкой Козелецкого собора; крепостного Киево-Печерской лавры С. Д. Ковнира (1695—1786), построившего ряд сооружений в лавре.



В. Л. Боровиковский. Портрет маслом работы И. В. Бугаевского-Благодарного, 1824 г.

Государственная Третьяковская галерея

В западных областях Украины, находившихся под властью шляхетской

Польши, польские паны стремились уничтожить украинскую культуру. Несмотря на это, украинские мастера вносили в архитектуру зданий много черт, присущих украинской и русской архитектуре (ансамбль Почаевской лавры). Из произведений этого периода следует отметить собор св. Юра во Львове, ратушу в г. Бучаче, ансамбль зданий площади в г. Жовква (б. Нестеров) и др. Над росписью собора св. Юра во Львове работал известный украинский мастер Л. Долинский, родом из Киевщины.

Огромное влияние на развитие украинской архитектуры периода классицизма оказало творчество великих русских зодчих — В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, И. Е. Старова¹, Дж. Кваренги. Великим русским архитектором И. Е. Старовым создан проект г. Екатеринослава. Он же построил там дворец Г. А. Потемкина. Замечательное произведение архитектуры — дворец гетмана К. Разумовского в Батурине возведен архитектором Ч. Камероном².

Ряд выдающихся ансамблей создан архитектором Кваренги (Хотин, Ляличи и др.). Под влиянием великих зодчих этого периода находились многие местные архитекторы.

¹ Э. Голлербах. Архитектор И. Е. Старов. Жизнь и творчество. М., 1939; «История русской архитектуры». М., 1951, стр. 239.

² См. Горностаев. Строительство графов Разумовских в Черниговщине. М., 1911.



Украинское народное шитье второй половины XVIII в.

Государственный Исторический музей

Замечательные скульпторы второй половины XVIII — начала XIX в. М. И. Козловский¹ и И. П. Мартос² (1752—1835) были уроженцами Украины.

Высокого уровня развития достигла на Украине в XVIII в. также живопись, развитие которой тесно связано с развитием русской живописи.

Уроженцами Украины являются выдающиеся художники Д. Г. Левицкий³ (1735—1822), В. Л. Боровиковский⁴ (1757—1825), А. П. Лосенко⁵ (1737—1773). В середине XVIII в. в Киеве насчитывалось около 50 граверов, из которых наиболее выдающимся был Г. К. Левицкий⁶ (отец художника Д. Г. Левицкого). Значительную роль в развитии живописи на Украине сыграли художественные школы при Киево-Могилянской академии и Киево-Печерской лавре. Живопись была очень распространена в быту украинского народа. Стены домов украшались картинами; наиболее популярные из них: «Козак Мамай» (в разных вариантах), «Чайки», события из жизни запорожцев и т. д. Разнообразной росписью украшались печи, потолки, ставни, кафель, посуда⁷.

¹ «Михаил Иванович Козловский (1753—1802)». Л., 1953.

² М. Алпатов. Иван Петрович Мартос. 1752—1835. М.—Л., 1947.

³ Г. В. Жидков. Д. Г. Левицкий. «Русское искусство». М., 1952, стр. 75—96.

⁴ Н. Коваленская. История русского искусства XVIII в. М.—Л., 1940, стр. 78—81.

⁵ А. Н. Савинов. А. П. Лосенко. «Русское искусство», стр. 97.

⁶ П. М. Попов. Матеріяли до словника українських граверів. Київ, 1926; теж, додаток 1-й. Київ, 1927.

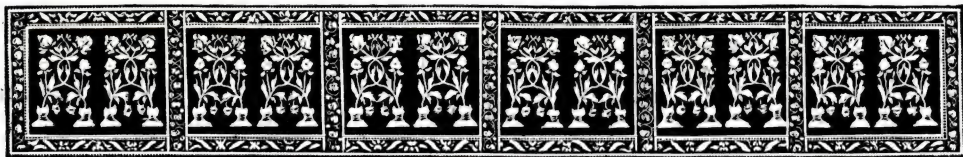
⁷ Г. Г. Павлуцький. Історія українського орнаменту. Київ, 1927.

В области народной художественной промышленности высокого уровня достигли производство ковров, керамика и кафельное производство. Орнамент и краски, которыми украшались ковры, различались по местностям. В одних областях был распространен главным образом растительный орнамент (Левобережная Украина и Слобожанщина), в других — геометрический (западноукраинские земли). Наряду с крестьянским производством ковров существовали мастерские в городах. В конце XVIII в. на Украине возникло крупное фарфоро-фаянсовое производство (в Понуровке — имении Миклашевских на Черниговщине, в Межигорье под Киевом, в Корце и Барановке на Волыни). На украшениях замечательных изделий этого и кафельного производства также сказалось значительное влияние народного искусства. Кафели украшались орнаментом и рисунками, изображающими казаков, бандуристов, чайки, бои с татарами и пр.

Несмотря на тягчайшие условия феодально-крепостнического и национально-колониального гнета со стороны шляхетской Польши, австрийской монархии и русского царизма, культура украинского народа во второй половине XVIII в. значительно продвинулась вперед, связь ее с русской культурой все более укреплялась. Украинский народ проявлял огромные творческие силы, развивая свою богатую и оригинальную культуру. Развитие украинской культуры в этот период было более интенсивным на Гетманщине — Левобережье с Киевом, где после воссоединения Украины с Россией для этого создаются более благоприятные условия. С Киевом, Левобережной Украиной и Россией поддерживали связь Правобережье, Галиция, Буковина и Закарпатская Украина.

Воссоединившееся в 1654 г. с Россией Левобережье с Киевом играло в этот период ведущую роль в культурной жизни всей Украины.





ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЕЛОРУССИЯ

В середине XVIII в. Белоруссия входила в состав панской Польши. Государственный строй Речи Посполитой был отсталым. Феодалы держали значительные личные войска, имели свои крепости; они вели себя в своих имениях, как самостоятельные государи. Общегосударственные органы власти были очень слабы; в стране царила феодальная анархия; между феодалами происходили частые войны. Формально все «шляхетные» (дворяне) были равны, на деле же господствовали крупнейшие из них — магнаты. Феодалы обладали очень большими правами; они могли устанавливать монополии в своих имениях, облагать ввозимые, вывозимые и провозимые товары, распоряжаться судьбой и имуществом крепостных, отнимать у них наделы, устанавливать те или иные повинности.

Основным занятием населения было земледелие; оно находилось в плохом состоянии: местами до 30% пахотных земель оставались заброшенными. Урожайность не повышалась. В сельском хозяйстве господствовало трехполье. В озимом клину сеяли почти исключительно рожь, посевы озимой пшеницы были незначительны; в яровом клину сеяли главным образом овес, много засевалось также ячменя, гречихи, гороха.

Во второй половине XVIII в., в связи с ростом рыночного спроса на хлеб и повышением цен на него, крепостники Белоруссии стали увеличивать посевы в своих поместьях — фольварках. Наблюдалось это преимущественно в западной части Белоруссии. В 46 староствах и державах Троцкого, Виленского, Новогрудского, Брестского и Минского воеводств общий прирост фольварковой посевной площади с 1738 по 1770 г. составил 260%¹.

Во второй половине XVIII в. польско-белорусские крепостники усиливали барщинные повинности. Во многих случаях крестьян переводили с чинша (денежной ренты) на барщину. Так поступили с крестьянами королевских имений («столовых экономий»). В 1780 г. в Гродненской и Брестско-Кобринской экономиях из 20 414 хозяйств зависимого населения

¹ А. Żabko-Potapowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkiem Księstwie Litewskiem w wieku XVIII Warszawa, 1929, st. 118.

Староства и державы — государственные имения.

17 323 были крестьянскими. Из них 14 909 крестьянских хозяйств стали тяглыми, т. е. обязанными отбывать барщину¹.

Процесс замены денежной ренты барщиной или рост отработочной ренты происходил также в староствах и державах, которых в Белоруссии было довольно много.

В частновладельческих поместьях увеличение отработочной ренты началось ранее середины XVIII в. Барщина достигла наибольшего размера у мелкопоместных феодалов. У них часто встречались села сплошь на барщине. Вторая половина XVIII в.— время значительного усиления барщины как в этих поместьях, так и вообще в Белоруссии.

Во второй половине XVIII в. в Белоруссии большинство крестьянских хозяйств были тяглые, основной повинностью их являлась барщина. В 1790 г. в Великом княжестве Литовском, в состав которого входили Литва и большая часть Белоруссии, тяглых дымов насчитывалось 71,9%, остальные были чиншевыми, служебными². В числе чиншевых дымов были включены и хозяйства мещан, поэтому можно думать, что во второй половине XVIII в. в остававшейся под властью Польши части Белоруссии тяглыми были не менее 75—80% крестьянских хозяйств.

Основными повинностями в значительной части государственных имений в восточной части Белоруссии оставались чинш и продуктовый оброк³. Но и в тех районах, где подавляющее большинство крестьян отбывало еженедельную барщину, главную повинность части крестьян составлял денежный оброк. Таких крестьян называли «вольными», т. е. свободными от еженедельной барщины. На денежном оброке находились немногочисленные контрактные и «новоосевшие» крестьяне, повинности которых определялись условием между ними и имением. Денежный оброк вместо барщины платили многие слабые, нехозяйственные крестьяне, с которых имение не могло получить полноценной барщины. В каждом селе 2—12% крестьян были чиншевыми (на денежном оброке). Наконец, и те крестьяне, основной повинностью которых была барщина, от части земли (волок приемных, куничных) вносили денежную ренту. Они отбывали барщину с хозяйства в полволоки (10,5 га) по 2—4 дня в неделю. Кроме того, они отработывали ежегодно по несколько дней толок (работ во время уборки хлебов, сена), а также по 12—20 дней шарварков (работ по ремонту дорог, плотин, мельниц, корчем), ежегодно отбывали по несколько дней покурков (молотба хлеба зимой). Крестьяне поставляли имению подводы, обычно для вывоза хлеба к речным или морским портам; по очереди отбывали ночную сторожку в панском дворе и аренде; несли недельное дежурство в имении, изготавливали из своего материала по 1—2 мотка нитей,

¹ St. Kościalkowski. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie», t. V, Wilno, 1911, st. 103—119.

² H. Lowmiański. Rys historyczny województwa Nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach. Wilno, 1935, st. 66.

³ I. Baranowski. Wieś i folwark. «Studia z dziejów agrarnych Polski». Warszawa, 1914, st. 258—267; A. Żabko-Potapowicz. Указ. соч., стр. 124.

несколько метров невода, давали от надела по курице, по 6 яиц и денежную плату.

Денежная рента (чинш) в обычных условиях была более легкой формой эксплуатации, чем отработочная рента (барщина). Естественно, что крестьяне стремились перейти на денежную ренту, если она была умеренная. Но во многих имениях, крестьяне которых платили денежную ренту, размеры ее были завышены. Так, в Шклове крестьяне работали лишь 10 дней в году, за все же остальное платили деньгами. Чинши были так велики, что когда здесь совершенно ликвидировали фольварки и стали раздавать земли крестьянам, они категорически отказывались от дорезок, ибо связанные с ними платежи оказались очень высокими. Тяжело жилось крестьянам и в Быховском поместье, где они также были обложены чиншем. Под бременем непосильных повинностей крестьяне бросали земли, бродяжничали, нищенствовали¹.

Значительную группу крестьян составляли так называемые стрельцы и осочники. Их обязанность заключалась в охране лесов феодала и лесной дичи. За свою службу они обычно получали по 1/4 волоки. Зачастую они брали в имении дополнительные участки земли, по полволоке и больше, за что платили чинш. Осочников и стрельцов было много в лесничествах.

Для охраны имений феодалы нуждались в вооруженных отрядах и курьерах; их набирали из бояр и земян. В староствах Белоруссии бояре составляли 22,3% всего крестьянского населения²; их военная служба в XVIII в. в больших размерах уже была не нужна, курьерская же стала слишком дорогой. Последнюю в Брестско-Кобринской экономии выполняли так называемые босняки (крестьяне-слуги), получавшие за это обычно небольшой земельный надел (загороду). Отсюда проистекало стремление землевладельцев заменить службу бояр чиншем. Земян было меньше, чем бояр, зачастую они выделялись из бояр. Их повинности в инвентаре с. Липнишек описаны так: земяне панцырные никакими повинностями не обложены, их единственная обязанность — всегда быть готовыми к защите границ; они обязаны были иметь коня, седло, мундир, саблю и ружье. Земяне путные должны были иметь то же вооружение, что и панцырные: ездили они в самые дальние дороги и по очереди дежурили во дворе. Земяне являлись досмотрщиками над работниками, ездили на экзекуции при выколачивании податей³.

Беднейшей группой крестьян были кутники, или коморники, — лица, снимавшие угол для жилья. Они обязаны были работать 3 дня летом в дворовом огороде, на уборке хлеба и, кроме того, один день в год, наравне

¹ *I. Baranowski*. Указ. соч., стр. 261, 270.

² *К. Кернажыцкі*. Гаспадарка старостаў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой пол. XVIII стагоддзя. Інстытут беларускае культуры. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 3. Працы класы гісторыі, т. II. Менск, 1928.

³ Центральный гос. арх. Литовской ССР (ЦГАЛ). Отдел древних актов, кн. 3820. лл. 51—52. В староствах Дудском, Якунском и других они были отягощены еще дополнительными повинностями — данями и работами.

с другими тяглыми крестьянами, на ремонте построек имения. Близкими к кутникам по экономическому положению были бобыли и огородники. Кутники, бобыли и огородники жили работой на фольварке у богатых крестьян или ремеслом; занимаясь ремеслом, они нередко и свои повинности выполняли им же¹.

Эксплуатация крестьян не ограничивалась перечисленными видами повинностей, к ним нужно еще добавить разного рода «монополии» двора. Крестьяне обязаны были молоть хлеб на мельнице своего господина, покупать вино в его корчме, ездить на базар только в его местечко, только в его имении покупать соль, сельди, смолу, серпы и только пану продавать лен, пеньку, меха, мед, а нередко хлеб и скот. Цены на продаваемые и покупаемые товары назначал «двор» (управление имением). Если крестьяне освобождались от монополий, то за это они уплачивали значительную сумму. Удельный вес доходов владельца от монополий и баналитетов в Ревятичском старостве составлял 26,4% общей суммы дохода старостве, в Дудском — 28,8%, в Шкловском — 19,6%, а в Рындинском даже 50,4%².

Большое развитие в Белоруссии получила система «держаний» (посесий) поместий за предоставленный владельцу кредит. Такой временный держатель, или посессор, стремился в кратчайшее время выжать из поместья максимальный доход. При господстве фольварочно-барщинной системы в поместном хозяйстве это порождало хищническую эксплуатацию не только природных богатств, но главным образом самого населения, его разорение.

Размеры крестьянских наделов были различны³. Колебания были весьма значительны. Наиболее высокий процент землеобеспечения в полволоки



Белорусский крестьянин. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.

¹ Архив Виленской археогр. комиссии (ABK), т. XXXV. Вильно, 1910. стр. 282 и др.

² К. Кернажыцкі. Указ. соч., стр. 89.

³ Т. Забела Панская гаспадарка на Беларусі і быт подданнага сялянства ў другой пал. XVIII ст. Інстытут беларускае культуры. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 3. Працы класы гісторыі, т. II. Менск, 1928, стр. 139; ABK, т. XXXV.

падал на восточные и северные земли Белоруссии и Виленский район. В центральной и западной частях Белоруссии наиболее распространенный размер крестьянского держания составлял от четверти до половины волоки. В настоящее время возможно установить обеспечение крестьян только основными, «оседлыми» волоками. Приемные или куничные земли, которые крестьяне обычно брали дополнительно, увеличивали крестьянское держание, но распространены они были весьма неравномерно. Меньше всего их было в Витебском районе. В других же районах от 30 до 50% крестьянских дворов располагали приемными землями.

Другим показателем имущественного положения крестьян является рабочий скот — волы и кони. Крестьянских хозяйств, не имевших рабочего скота, было от 6 до 12%, среднее хозяйство имело примерно одну запряжку. В отдельных поместьях и даже районах колебания были весьма значительны¹. На крестьянском наделе была обычно одна семья; многочисленные ранее сябры, потужники и другие почти совершенно исчезли. Редко встречались в крестьянских дворах постоянные работники — паробки и девки². Чаще всего их держали многоземельные крестьяне, особенно бояре и земяне. У последних их было по 2—3 чел.

В XVIII в. в частновладельческих и государственных поместьях деятельность крестьянской общины была более оживленной, чем в XVII в. В тех селах, где имели место чиншевые отношения и не было барщины, это явление вполне понятно: там слабее регламентировалась личная деятельность крестьянина и общины в целом. Однако такая тенденция проявлялась и в поместьях, где господствовала барщина. Оживлению общины способствовала обстановка, сложившаяся для поместного хозяйства в XVIII в. Войны второй половины XVII и начала XVIII в. принесли поместному хозяйству очень много тяжелых повинностей и платежей (воинские контрибуции, постой, налоги), выполнения которых военные части и органы правительства Речи Посполитой требовали от владельца или администрации поместья. Требовать их с каждого отдельного крестьянина для феодала было сложным делом, тем более что измученное, разоренное крестьянство не могло исправно выполнять свои повинности. Мало того, оно зачастую требовало от феодала различных льгот для поддержания своего хозяйства, а то и помощи — скотом, лесом, хлебом. И крепостники сделали общину ответственной за неисправных плательщиков. На нее же были возложены некоторые виды помощи бедноте, ссуды в голодные годы и т. п.

Вильно, 1910. Предисловие А. Турцевича, стр. XIV; *М. Довнар-Запольскі*. Соцыяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII стагоддзях. «Гістарычна-археалёгічны зборнік», № 1. Менск, 1927, ст. 1—66.

¹ М. Довнар-Запольский средним обеспечением для Витебского района считает 2—3 коня на хозяйство, а в остальных 0,5 коня и 1,5 вола (указ. соч., стр. 26—27). По староствам Кернажицкий (указ. соч., стр. 88) дает примерно те же данные: без рабочего скота (кутники, халупники, загородники и др.) — 12,1%, с 1—2 шт. — 63,6%, с 3—4 шт. — 23,1%, с 5 и более — 1,2%. Т. Забела (указ. соч., стр. 140) считает, что крестьянский двор имел по 2—3 гол. скота.

² М. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. 23.

В государственных поместьях общины должны были собираться раз в году (в начале ноября) для избрания двух кандидатов в войты¹, одного из которых и утверждала администрация поместья. Для помощи войту избирались присяжные — лавники. Сельская администрация — войты, лант-войты (лавники) имели льготы в повинностях. Они обычно освобождались от барщины и платили наравне с землянами чинш. Снижались также повинности и десятникам². Войты с присяжными разбирали дела о потравах, межах и другие мелкие споры между крестьянами. На собрании войты отчитывались в своей деятельности главным образом по собиранию и расходованию общинных средств. Во второй половине XVIII в. замечалось оживление даже копного суда, против которого феодалы боролись в течение столетий.

Рост феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства во второй половине XVIII в. вызвал усиление борьбы трудящихся масс Белоруссии против крепостного гнета. Яркой иллюстрацией упорной борьбы крестьян против эксплуатации феодалов, в частности против перевода с денежной ренты или со «служебного» положения на барщину, может служить движение крестьян Слонимского староства против старост Сапег. Борьба эта тянулась десятки лет³.

Соппротивление развитию барщины основных разрядов крестьянства этого староства было сломлено еще в первой половине XVIII в. Однако оставались на чинше и в несколько облегченном положении многочисленные здесь крестьяне-слуги и бояре; за них-то и принялись местные старосты во второй половине XVIII в. В Слонимском старостве по инвентарю 1765 г. числилось 247 боярских дымов, что составляло около 28% всех полевых дымов.

Такое количество военных слуг феодалу стало ненужным, ему выгоднее было перевести их в тяглые крестьяне, что к середине XVIII в. уже и сделало большинство частных владельцев.

В 60-х годах XVIII в. Слонимское староство держал крупный и влиятельный магнат гетман М. Огинский. Он начал с увеличения денежных платежей бояр, стал привлекать их к несению тягла. Однако бояре упорно отказывались не только ходить на работы, но и давать дань продуктами. Дело дошло до сейма, который в 1766 г. создал специальную комиссию для разбора дела на месте. Комиссия признала, что боярские села, за исключением Переволок, не имели подлинных документов для обоснования своих претензий, а потому должны были нести обычные крестьянские повинности⁴. Между тем в течение 200 лет ни скарб, ни старосты не ставили под сомнение их «боярство». Сейм утвердил постановление комиссии, до-

¹ В данном случае войт — глава сельской общины.

² АВК, т. XXXV, стр. 537; т. XXXVIII, Вильно, 1914, стр. 339.

³ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения. Львов, 1949.

⁴ Библиотека Вильнюсского университета, рукопись (связка) № А 1021 (стр. не нумерованы).

бавив, что в случае отказа крестьян в дальнейшем от выполнения тяглых повинностей будут посланы военные части.

На основании постановления сейма гетман Огинский заключил с пятью селами (Пасеница, Селевичи, Крокотки, Лопухово, Шляпандки), как записано в документе, «добровольный, непринужденный» договор, согласно которому они освобождались от барщины, а обязывались платить чинш в размере 40 злотых с волоки, кроме того, давать с волоки бочку овса, 4 курицы, 2 гуся, 40 яиц, 10 возов дров¹. В действительности к подписанию этого «непринужденного» договора крестьян вынуждали насильем. Как видно из их судебной жалобы, в села Крокотки и Лопухово Огинский «прислал полк татар (литовских.— Д. II.) в 500 коней, которые не только батожением уничтожали жизнь и здоровье, но несколько человек замучили, имущество уничтожили, забрали 123 штуки скота, коней тоже... людей повязали по 2 человека и под конвоем доставили во двор Грибов, где... шнуром просмоленным... на столб таскали и мучили, чтобы подписывались на больший чинш»². Крестьяне под принуждением подписались — поставили кресты, но затем отказались выполнять это «соглашение». Тогда Огинский снова послал отряд солдат в с. Крокотки, «которые собрали всех в одно гумно, обнажили палаши, привезли воз лозы, чтобы сечь, требуя подписать согласие платить чинш по 40 злотых с волоки... Видя последние минуты жизни, принуждены были подписаться на чинш в 40 злотых с волоки, ломая наше право»³. Вскоре Огинский пошел дальше: он потребовал от бывших бояр выполнения барщинных работ. Те снова начали сопротивляться, но в ответ получили в 1776 г. разъяснение сейма, что договор с Огинским — дело его доброй воли, а законом является сеймовое постановление 1766 г. о их тягловом положении.

Из документов 1761 г. узнаем, что в имении Каменщина Мозырского повета уже несколько лет тянулись «крестьянские бунты, угрожающие всему Белорусскому краю», на усмирение которых были двинуты войска⁴.

В 1768—1769 гг. разрозненные антифеодальные выступления были на юге и востоке Белоруссии; повидимому, они были связаны с крестьянским восстанием 1768 г. на Украине.

В 1778 г. в с. Дворец Брестской экономии был убит панский служащий; чтобы не дать разгореться восстанию, туда немедленно были посланы войска.

Крестьянство вело против феодалов непрерывную борьбу. Формы ее были разнообразны: жалобы, порубки леса, выпасы посевов, бегство. Бегство белорусских крестьян за русскую границу особенно усилилось после первого раздела Польши; в некоторых случаях уходили целые семейства и даже деревни.

¹ ВЦГАДА, кн. 11619, Lustracia за 1789 г.

² Рукопись, № А 1021.

³ Там же.

⁴ «Гісторыя Беларусі ў дакумэнтах і матэрыялах», т. I. Менск, 1936, стр. 636.

Обострение борьбы крестьян против крепостников, крестьянские восстания, принявшие угрожающий характер, отсталость и слабость страны, низкая производительность крепостного труда — все это побуждало некоторых феодалов к попыткам частичного реформирования крепостнических отношений. Так, литовский подканцлер Иоахим Хрептович в своих имениях Щорсы и Вишнево, отменив недельную барщину, потребовал в свою пользу $\frac{1}{3}$ урожая с крестьянской земли, шарварки же, стражу и подводную повинность сохранил. Крестьянин мог оставить надел, подыскав себе заместителя. При «землеустройстве» крестьян Хрептович удержал часть лучших земель за собой. Подобные реформы, но с бóльшим сохранением барщины, были проведены в Игумене Масальским, а также некоторыми другими крепостниками. Феодалов, пытавшихся реформировать крепостное хозяйство, было немного. Кроме того, эти реформы были недолговечны.

В XVIII в. городская промышленность Белоруссии была незначительна. Во второй половине века возникли новые мануфактуры, организованные главным образом феодалами-крепостниками. Наибольшее увеличение числа мануфактур и больших мастерских отмечено в поместьях Радзивиллов, в центральной и западной частях Белоруссии. В середине XVIII в. здесь существовали стекольные гуты, камнеграницельни, керамические, зеркальные, гобеленные мастерские.

Суконная мануфактура за три года (1753—1755) выпустила сукна на сумму 42,9 тыс. злотых. Из них на 24,6 тыс. отпущено сукна по требованиям владельца, на 7,0 тыс. лежало остатком, на 10,8 тыс. продано на сторону (главным образом лицам, близким владельцу) ¹. Налибокская стекольная гута за 1780—1785 гг. продала изделий на 51 тыс. злотых, а своему владельцу отпустила на 52 тыс. Кореличская мануфактура гобеленов, как и Серженская фарфоровая, долгие годы работала почти исключительно на владельцев ².

Были мануфактуры в имениях и других крепостников. В г. Поставы открыл полотняную мануфактуру Тизенгауз. В г. Бобовне с 1769 г. существовала суконная мануфактура помещика Берновича. Сапеги открыли три мануфактуры (шелковых тканей, столового белья, экипажей) в Рожанах и одну в Кодне. Подканцлер Сапега около 1759 г. заложил стекольную гуту и поташню в Быховском имении. Хрептович в 1790 г. открыл в Вишневе металлургический завод, производивший также сельскохозяйственные орудия. Были мануфактуры в Шкловском поместье, в Котлове и других местах.

В Гродненских королевских экономиях на протяжении примерно 10 лет (в 70—80-х годах) было основано более 20 мануфактур: шелковая, суконная, полотняная и др. Правительство поддерживало мануфактуры крепост-

¹ *W. Kula. Początki układu kapitalistycznego w Polsce XVIII wieku. «Przegląd historyczny», t. XVII. Warszawa, 1951, st. 59.*

² Там же, стр. 56—60.

ников. Так, гродненским мануфактурам оно предоставило ряд льгот, в том числе беспошлинный ввоз из-за границы оборудования и материалов.

Продукция гродненских мануфактур, несмотря на свое высокое качество, все же уступала заграничным изделиям, а главное стоила на 75—100% дороже, что затрудняло ее реализацию на рынке. Мануфактуры давали из года в год нарастающий дефицит, а потому были закрыты. Дефицитными оказались мануфактуры и других крепостников. К началу XIX в. большинство этих мануфактур феодалов прекратили свое существование.

На мануфактурах мастерами работали преимущественно иностранцы, навербованные за границей; подручными были крепостные крестьяне. Оплата труда была сдельная и выдавалась мастеру для всей производственной группы. Мастера-крестьяне, постоянно работавшие в промышленных заведениях, получали обычно полволоки земли, свободной от всех повинностей. По словам посетившего гродненские мануфактуры Бернулли, на них работало 1 500 чел.; англичанин Кокс считает, что здесь работало 3 тыс. чел. Он учитывал тех, которые пряли лен и шерсть в окрестных деревнях (по домам). Рабочий день тянулся 13,5 час. Содержание рабочим выдавалось продуктами и деньгами. Подмастерье получал в год деньгами 100—150 злотых, ученики — значительно меньше¹. Для крестьян работа на мануфактурах являлась тяжелой формой барщины.

Для всей Речи Посполитой XVIII в. огромное значение имела торговля с заграницей. Польша поставляла за границу сырье и закупала там промышленные изделия. В 50—60-х годах ее торговые обороты с заграницей увеличились. Однако после 1773 г. Австрия и особенно Пруссия создали на западной границе Речи Посполитой таможенный барьер, чем значительно затруднили ее торговые связи с Западной Европой. Русское правительство предоставляло ряд льгот для вывоза и ввоза товаров Речи Посполитой через русскую границу и русские порты, в том числе через Ригу. Была также установлена свободная навигация по Западной Двине для обоих государств. Это еще более усилило экономические связи Белоруссии с Россией. Торговля с Россией возросла. В 1778 г. пограничный пункт в г. Дисне собрал торговых сборов 22 690 злотых, а в 1786 г. — 76 514 злотых². Торговые обороты пограничных с Россией городов увеличились. В 1791 г. на ярмарку в Бешенковичах (на р. Двине, недалеко от Витебска) было привезено товаров более чем на 1 млн. злотых³.

Торговые связи Белоруссии с Польшей во второй половине XVIII в. были невелики. Накануне второго раздела шло в Польшу 6,6% экспорта всего Великого княжества Литовского, а из Польши — 3,3% его импорта⁴.

¹ И. Г. Губянский. Граф Антоний Тизенгауз и гродненские королевские мануфактуры. Пгр., 1916, стр. 13.

² О. Hedeman. Drisnai Druja magdeburgskie miasta. Wilno, 1934, st. 128.

³ И. С. Рябинин. Местечко Бешенковичи. «Витебско-полоцкая старина», вып. II. Витебск, 1912, стр. 240.

⁴ F. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta, t. II. Krakow — Warszawa, 1897, st. 190—191.

Стремление крепостников увеличить торговлю зерном и сельскохозяйственным сырьем вызвало попытки улучшить пути сообщения. С этой целью на протяжении трех лет чистили Неман, а некоторые его притоки были объявлены сплавными. В 1775—1776 гг. сейм вынес постановление о чистке рек Пины и Муховица¹, соединенных позже каналом. Так был создан водный путь из рек Черноморского бассейна в Балтийское море. В 1784 г. трудом крепостных литовского гетмана Огинского было закончено строительство канала, соединявшего бассейны Немана и Днепра. Одновременно шло строительство грунтовых дорог. Была проложена дорога улучшенного типа от Слонима через Пинск на Волынь.

Внутренняя торговля в Белоруссии была слабо развита и в значительной мере носила ярмарочный характер. Города приходили в упадок, превращаясь в деревни. Ремесленники и торговцы переходили к земледелию. Почти половина населения белорусских городов, не считая евреев, занималось земледелием². Поэтому королевские города той части Белоруссии, которая после первого раздела осталась под властью панской Польши, за исключением восьми (Минск, Пинск, Брест, Гродно, Мозырь, Волковыск, Новогрудок, Лида), постановлением сейма 1776 г. были лишены права на самоуправление («магдебургского права»)³.

Во второй половине XVIII в. происходил рост лишь некоторых городов. Значительно возросли города Пинск и Слоним, стоявшие на важных торговых путях, соединявших Белоруссию, Россию, Украину, Литву и Польшу. Слуцк, Несвиж, Рожаны и особенно Гродно развивались как промышленные и торговые центры. В Зельве в ярмарочные дни бойко торговали около 200 лавок, на годовые ярмарки сюда приезжали даже иностранные купцы. Значительно поднялся Минск, развитию которого много способствовали контрактовые ярмарки.

Жестокое социальное угнетение белорусских трудящихся усугублялось тяжелым национальным и религиозным гнетом. Польские помещики насильственно распространяли церковную унию, проводили политику ополячения белорусов, жестоко преследовали белорусский язык и культуру пытались духовно поработить народ Белоруссии, ослабить и подорвать его связи с русским народом. Белорусское население городов подвергалось религиозным преследованиям и ограничениям в области торговли, промышленности, участия в городском управлении. Национально-религиозное угнетение особенно обострилось во время «барской конфедерации» и реформ Четырехлетний сейма. Такая политика польского панства еще более усиливала стремление белорусского народа воссоединиться с братским русским народом.

¹ «Volumina Legum. Prawa Konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego y Wielkiego Księstwa Litewskiego», t. VIII. Warszawa, 1782, st. 650.

² Евреи составляли 25—30% городского населения Белоруссии, занимались они арендой панских монополий, торговлей, ремеслом, поденной работой.

³ Vol. Leg., t. VII, st. 928—929.

В 1772 г., по первому разделу, восточная часть Белоруссии была воссоединена с Россией. В составе России, даже царской и крепостнической, Белоруссия получала такие возможности развития, каких не имела в Речи Посполитой. Значительные успехи сделало сельское хозяйство. Могилевский губернатор в своем донесении правительству писал, что за четыре (1773—1777) года посевы ржи сильно увеличились. Развивалась быстро по тем временам и промышленность. Создавались вотчинные мануфактуры; наиболее распространенными среди них были суконные и парусиновые. Существовали мануфактуры, выделявшие кожу, кирпич, железные изделия.

Крупнейшим центром мануфактур в Восточной Белоруссии стал принадлежавший Потемкину г. Кричев: здесь было две парусиновые мануфактуры, одна канатная, заводы — винокуренный, два стекольных, три лесопильных¹.

Крупнейшим центром городского ремесленного производства в восточной части Белоруссии оставался Могилев, где в 1785 г. было 748 ремесленников². Могилев был старинным центром кожевенного производства и художественных изделий.

Развивалась и торговля. Усиливались торговые связи с русскими губерниями и Украиной. Хозяйство Белоруссии все более втягивалось в орбиту всероссийского рынка, что ускоряло экономическое развитие страны. Белорусские купцы ездили в Дорогобуж, Вязьму, Москву, Киев, Кременчуг и другие города. Русские и украинские купцы ездили в белорусские города.

Возрастал вывоз из Белоруссии и в Западную Европу по Западной Двине, через Ригу.

Показателем экономического роста Восточной Белоруссии в эти годы служит рост численности городского и местечкового населения. С 1773 по 1785 г. в Восточной Белоруссии оно значительно возросло. Было положено начало научному изучению восточной части Белоруссии. В 1773 г. Российская Академия наук направила сюда две научные экспедиции. Одной из них, «физической», руководил выдающийся русский ученый академик И. И. Лепехин.

В восточной части Белоруссии царское правительство проводило, конечно, крепостническую политику. За местными крепостниками сохранялись имения и власть над крепостными крестьянами. Жалованная грамота дворянству 1785 г. была распространена в 1787 г. и на помещиков восточной части Белоруссии. В этом же году были произведены выборы уездных и губернских предводителей дворянства, образованы уездные и губернские дворянские собрания. За помещиками было оставлено право свободного винокурения и свободной продажи вина в белорусских губерниях.

¹ Е. П. Закалинская. Вотчинное хозяйство Могилевской губернии конца XVIII—начала XIX в., стр. 60, 62—70, 82 (рукопись).

² П. Жукович. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II. ЖМНП, 1915, № 2, стр. 300.

Помещики Белоруссии получили разрешение на продажу своих крестьян в другие губернии.

Сохраняя права местных помещиков, царское правительство в то же время насаждало в восточной части Белоруссии русских помещиков, щедро жалую им в потомственное владение конфискованные королевские и монастырские имения. Г. А. Потемкину, П. В. Завадовскому, С. Г. Зорину и другим было роздано 141 995 крестьян.

Поскольку в восточной части Белоруссии феодальный гнет сохранился, то, естественно, крестьяне вели против него непрерывную борьбу: искали спасения в бегстве, поджигали усадьбы, убивали крепостников, отказывались выполнять феодальные повинности (крестьяне Чернецкого староства в течение четырех лет в 90-х годах XVIII в. не платили оброчных денег)¹.

По второму разделу Польши (1793) воссоединилась с Россией центральная часть Белоруссии с г. Минском. По третьему разделу (1795) отошла к России западная часть Белоруссии с городами Гродно, Слонимом и Брестом. Таким образом с Россией воссоединилась вся Белоруссия и белорусский народ был спасен от денационализации. Дальнейшая история белорусского народа протекала в обществе хотя и крепостническом, но все же более прогрессивном, чем шляхетской Речи Посполитой.

Развитие культуры белорусского народа в XVIII в. протекало в тяжелых условиях иноземного порабощения. Одним из факторов, способствовавших борьбе белорусского народа против иноземного гнета, сохранению и развитию белорусской культуры, было существование Русского государства, помощь русского народа.

К середине XVIII в. подавляющее большинство дворянства (шляхты) Белоруссии было окатоличено и ополячено, за исключением небольшой части в пограничных с Россией районах, а также в районе г. Слуцка. Здесь сохранялись и развивались элементы феодальной белорусской культуры: имеются документы, писанные на «русском» языке обычно латинским алфавитом, рукописные художественные произведения, которые читались мелной шляхтой, духовенством, городской верхушкой².

Белорусская шляхта и богатые горожане получали образование в орденских школах, католических и униатских, а в последней четверти XVIII в. — в школах, реформированных Эдукационной комиссией. Много сыновей белорусской шляхты обучалось в Виленской академии. В самой Белоруссии существовало много средних школ — 3 «академических», 6 орденских, два кадетских корпуса, несколько духовных семинарий. Для шляхетских детей при этих школах имелись небольшие пансионы. Число учеников в средних школах было невелико (по 70—100 чел. в каждой), ежегодный выпуск на одну школу составлял 7—10 чел.

Стремление улучшить ведение крупного феодального хозяйства породило в Белоруссии новый тип школы. А Тизенгауз, который ведал коро-

¹ Материал о восточной части Белоруссии в 1772—1796 гг. взят из кн. «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1954, стр. 197—203.

² Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, вып. 2. Пг., 1921, стр. 228—237.

левскими экономиями, открыл в Гродно несколько школ (бухгалтерскую, акушерскую, ветеринарно-медицинскую, землемерную, строительную), выпускавших необходимых для имений работников¹. В эти школы учеников из шляхты находили с трудом; например, в медицинско-ветеринарную и акушерскую школы не смогли набрать даже по 6 учеников, пришлось их набирать из крестьянских юношей и девушек, а также из других сословий.

Дети крестьян, за редкими исключениями, ни в каких школах не обучались. Шляхта на Гродненском сеймике постановила ходатайствовать перед сеймом о запрещении обучения крестьянских детей.

В воссоединенной по первому разделу с Россией восточной части Белоруссии часть детей шляхты и зажиточных горожан учились в православных и русских школах. Крестьяне Белоруссии были неграмотны.

Во второй половине XVIII в. в поместьях крупных феодалов Белоруссии вырос крепостной театр, а в городах — обслуживавший крупную и среднюю шляхту театр свободных профессиональных артистов. В Гродно Тизенгауз создал из крепостных оркестр и балетную труппу; он организовал здесь же балетную школу, в которой обучали крепостную молодежь. В 1784 г. в Гродно выступали одновременно три труппы: оперная итальянская, балетная и драматическая польская Богуславского². Труппы были у некоторых магнатов; роли в них выполняли крепостные и любители из шляхты.

Самым крупным из магнатских театров был театр Радзивиллов в Несвиже, ставивший оперы, драмы, балеты. В последней четверти XVIII в. в Шклове держал свой театр русский крепостник С. Г. Зорич; постановки в нем шли на русском и польском языках.

На ярмарках в городах и местечках выступали артисты-профессионалы³. Большой популярностью у горожан и крестьян Белоруссии пользовался старинный народный кукольный театр — батлейка. Были профессионалы-батлейщики.

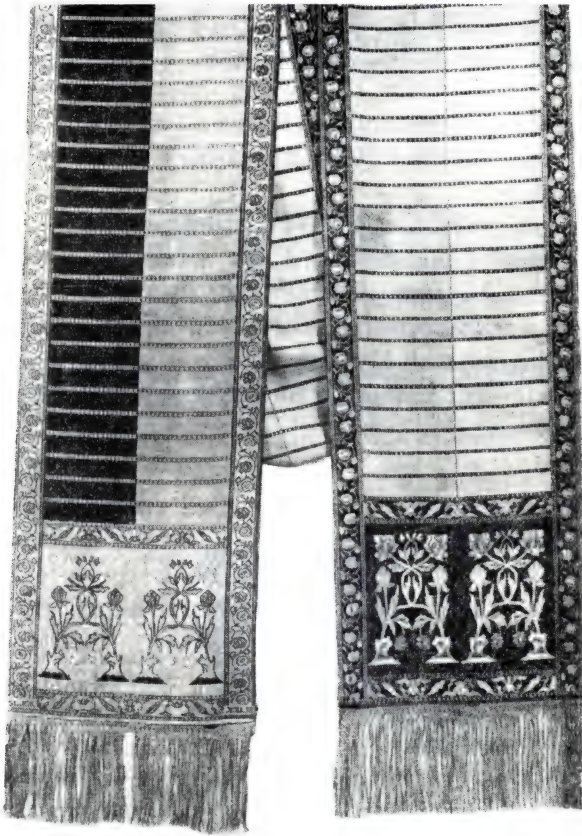
В народных песнях и сказках отразились высокие духовные качества белорусского народа, любовь к свободе и своей родине, ненависть и презрение к угнетателям и вековая борьба с ними, глубокая вера в свои силы и правоту своего дела. Популярны были казацкие, гайдамацкие песни, прославлявшие борьбу против феодалов. В песнях выражено народом его стремление к воссоединению с русским народом: «калі б Русь уся... заадно была».

Народная белорусская архитектура представлена деревянными постройками светского и культового характера. В это время строились (особенно в восточной части Белоруссии) церкви двух, трех и пяти срубов с довольно сложными перекрытиями (шатровые, купольные). Как церкви.

¹ J. Jaroszewicz. *Obraz Litwy pod względem jęj cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*, t. II, Wilno, 1845, st. 125, 126, 131, 251.

² «Гродненская старина». Гродно, 1910.

³ M. Rulikowski. *Teatr polski na Litwie 1784—1906*. Wilno, 1907, st.



Слудцкий пояс XVIII в.

Государственный Исторический музей

так и хаты украшались художественной резьбой на карнизах, наличниках окон и дверей, потолочных балках и т. п.

В белорусской резьбе, как и в вышивке, тканье и гончарных изделиях, преобладал геометрический орнамент, однако довольно распространены и мотивы животного и особенно растительного орнамента. Живопись представлена почти исключительно иконописью, в которой можно заметить дальнейший отход от византийских канонов и усиление тенденций к реализму. Светская живопись ограничивалась почти исключительно портретом. Обращают на себя внимание портреты крепостного художника Ф. Тулова.

Из художественных ремесел были широко распространены вышивка, ткачество, гончарное и ювелирное дело. Многие изделия этих ремесел поражают красотой, богатством рисунка, тонкостью отделки, строгостью линий. Заслуженной славой пользовались могилевские оружейники и ювелиры. Изделия таких мастеров, как Афанасий Вовчок и Петр Слизык, ценились весьма высоко. Мировую известность белорусскому художествен-

ному мастерству доставили знаменитые шелковые, золотом и серебром тканые случские пояса. Наиболее талантливым мастером — ткачом поясов был белорус Василь Барсук.

Воссоединение Белоруссии с Россией способствовало установлению плодотворных связей белорусской культуры с передовым демократическим направлением в русской культуре, оказавшей большое влияние на ее дальнейшее развитие.

В середине второй половины XVIII в. с Россией воссоединилась восточная часть Белоруссии, в конце столетия — остальная Белоруссия. Национальное угнетение уменьшилось. В России был более передовой, чем в Речи Посполитой, государственный строй, и феодальный общественный строй стоял на более высокой ступени развития, чем в Речи Посполитой.

Все это создавало для развития Белоруссии в границах России более благоприятные условия.





ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАРОДЫ СЕВЕРА, ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Народы Севера, Поволжья и Приуралья входили в состав Русского государства на протяжении многих веков.

В Русском централизованном государстве господствовал крепостник-феодал. Еще больше, чем русского крестьянина, он эксплуатировал живших в государстве трудящихся многочисленных нерусских народностей, калеча их культуру, нарочито задерживая развитие их языка и всемерно русифицируя их.

Русские крепостники отнимали у народностей Севера, Поволжья и Приуралья их земли, переселяли на них своих крепостных из России. Многие русские трудящиеся бежали от крепостного гнета на территории, заселенные нерусскими народностями. Образование и развитие всероссийского рынка вело к тому, что все чаще не только русские посещали те или иные народы России и поселялись среди них, но и представители нерусских народов приезжали в русские города и области, зачастую проживая там длительное время. Во второй половине XVIII в. на территории нерусских народов Российской империи жило много русских: в Башкирии они составляли около 40% населения, их было очень много в Карелии, немало и среди других народов.

Русские и нерусские трудящиеся Севера, Поволжья, Приуралья вместе работали, сообща преодолевали жизненные трудности, боролись с общими врагами — крепостниками и царизмом. В Кижском восстании, в Крестьянской войне 1773—1775 гг. вместе с русскими выступали народы Севера, Поволжья, Приуралья. В труде и борьбе народы сближались, заимствовали друг у друга производственный опыт, взаимно обогащали язык и культуру. Однако нерусские народы больше заимствовали у более развитого русского народа, чем наоборот: русское влияние все более сказывалось в их жизни и быту — в строениях, одежде, обычаях, культуре и языке.

1

КАРЕЛИЯ

Воссоединение западной и восточной частей Карелии и закончившийся в начале XVIII в. процесс массового переселения карел с Карельского перешейка в северные и средние районы современной нам Карелии создали благоприятные условия для объединения карельского народа в со-

ставе Русского государства¹. Царское правительство проводило на присоединенной территории ряд мер, направленных к упрочению своей власти. С этой целью оно ввело здесь русское поместное и монастырское землевладение. Погосты Салменский, Суоярвский и др. раздавались русским дворянам в качестве поместий. Валаамский, Коневецкий и Александр-Невский монастыри получили земли в Сердобольском, Импилахтинском и Суйстамском приходах².

В XVIII в. в этих местах весьма сказывалось русское влияние — на языке, обычаях, одежде населения. Проезжавший в начале XIX в. по Выборгской губернии ассессор Абоского гофгерихта Рибендер отмечал: «Все отличалось от нашего (т. е. финского. — А. Г.): обычаи, одежда, образ мыслей, даже язык, которым говорил народ., смешан с русскими словами... так что мы его едва понимали»³.

Население восточной части Карелии в своем подавляющем большинстве состояло из государственных крестьян. По национальному признаку это население делилось на карел, русских и вепсов. Карелы заселяли преимущественно местность, расположенную к северо-западу от Онежского озера: Лопские погосты, Шуйский погост и Карельскую треть Кижского погоста, а также Олонецкий перешеек (волости Святозерская, Сямозерская и др.). Основным населением заонежских и присвирских погостов — Толвуйского, Выгозерского, части Кижского, Челмужского, Пудожского, Остречинского и др. — были русские. На юго-западном берегу Онежского озера, к северу от Остречинского погоста, в Шелтозерской волости жили вепсы⁴.

Суровые климатические и почвенные условия Карелии не благоприятствовали развитию земледелия. Хотя здесь применялся трехпольный севооборот, но недостаток удобной пахотной земли заставлял крестьян прибегать к примитивному подсечному земледелию на лесных участках. Землю пахали прямой сохой и деревянной бороной (по-карельски — астувой)⁵.

Из зерновых культур сеяли рожь, овес, ячмень, в южных районах в очень незначительном количестве — пшеницу⁶. В своих наказах в Уложенную комиссию 1767 г. олонецкие крестьяне писали, что они вмешивают «в малый хлебный умолот ржаную солому и протчее от соломы оставшее охвостье»⁷. Академик Н. Озерецковский, путешествовавший по Карелии в 1785 г., отмечает в своем дневнике, что карелы вместо хлеба упо-

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 43, 44.

² В. Крохин. История карел. «Русская старина», 1908, № 7, стр. 78.

³ Там же, стр. 78—79.

⁴ Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951, стр. 15; Д. В. Бубрих. Указ. соч., стр. 44—46.

⁵ ЦГБИА, ф. ВУА, кн. 18888, лл. 38—42.

⁶ «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому Н. Озерецковского». СПб., 1792, стр. 197. (Далее сокращенно: «Путешествие Н. Озерецковского»); «Труды ВЭО», ч. 13. СПб., 1769, стр. 17—21.

⁷ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. X. Сб. РИО, т. 115, стр. 134.

требляют ржаную солому, которую мелко рубят сечками, сушат в печи, потом толкут в ступах и, примешав немного овсяной муки, пекут хлеб¹.

Из технических культур крестьяне сеяли лен и коноплю (преимущественно в Пудожском и Шальском погостах). Из огородных культур наиболее распространенной была репа, которую употребляли в свежем и сухом виде, а также для приготовления кваса. Картофель в Олонецком уезде во второй половине XVIII в. еще не был известен. Развитию скотоводства мешало отсутствие хороших пастбищ: луга, заросшие деревьями, кустарником и покрытые мхом, требовали специальной обработки. При недостатке хлеба и мяса существенное значение в питании карел имела рыба. Рыбная ловля и охота были наиболее распространенными промыслами².

Во второй половине XVIII в. продолжало расти имущественное расслоение карельской деревни. Земельные участки большинства крестьян сокращались. В руки богатых крестьян и купцов постепенно переходили лучшие государственные пашенные земли и сенные покосы, которые они отнимали за долги или скупали, пользуясь безвыходным положением разорявшихся крестьян. Занимая у деревенских богатеев деньги и хлеб на ростовщических условиях, неимущие крестьяне попадали в положение вечных должников и принуждены были уступить участки своей пахотной земли, «лишаясь... и последнего к пропитанию средства»³. Олонецкие наказы 1767 г. обращали внимание правительства на то, что некоторые обнищавшие крестьяне, «оставя дома свои и деревенские участки впусте, разбрелись в разные места, скитаясь между дворами»⁴. Официальные документы того времени отмечают, что «пожиточные крестьяне все пустые участки по себе разделили и тою землею владеют и прибыль от нее получают, а самые убогие люди и участки меньше имеют»⁵.

Таким образом, в карельской деревне усилился процесс обезземеления большинства крестьянского населения, с одной стороны, и сосредоточения лучших земель в руках меньшинства — с другой. Поэт Г. Р. Державин, бывший в 1784—1785 гг. олонецким губернатором, следующим образом объяснял источник обогащения зажиточных крестьян: «Малое количество зажиточных крестьян и есть причиною, что более бедных. Они, нажив достаток подрядом или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабелят долгами почти в вечную себе работу бедных заёмщиков, а чрез то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближайшем селении живущему»⁶.

Деревенские богатеи, если они занимались торговлей или промыслами, могли записываться в посадские люди, не оставляя своего сельского

¹ «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 91.

² Там же, стр. 119, 240; «Труды ВЭО», ч. 13, 1769, стр. 21—22, 27, 29, 34.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, кн. 18888, л. 52 об.

⁴ Сб. РИО, т. 115, стр. 141.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 891, л. 223 об.

⁶ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 142—143.

хозяйства. Еще в наказах 1767 г. олонечские крестьяне указывали на тот факт, что между ними «жительство почти в каждых... погостах, волостях и деревнях смежно имеют олонечские купцы на тяглах таковых же, как государственные крестьяне, деревенских участках...»¹.

Частые неурожаи, дороговизна хлеба, необеспеченность земель для прокормления семьи и необходимость добывания денег на уплату подушной подати — все это заставляло крестьян искать средств к существованию на отхожих промыслах, получивших во второй половине XVIII в. особенно большое распространение. Карельские крестьяне искали заработка не только в пределах Карелии, но и в Петербурге, Москве, Новгороде, Риге, Выборге и других городах, где работали плотниками, столярами и каменотесами, а также занимались мелкой торговлей. Крестьяне уходили на рыбную ловлю в Финский залив, в устье Невы, где рыба имела лучший сбыт и продавалась по более высокой цене. В тех районах, где среди карельского крестьянства с давних пор были распространены домашние железные промыслы, они не потеряли своего значения и во второй половине XVIII в. Так, крестьяне Лопских погостов, а также Мунозерского конца Шуйского и Карельской трети Кижского погостов, не отрываясь от сельского хозяйства, изготавливали сыродутное железо и уклад, которые шли на местные купеческие мануфактуры и через скупщиков на ярмарки².

Казенная металлургическая мануфактура, возникавшая в начале XVIII в., не поглотила крестьянской железоделательной промышленности, но все же нанесла ей значительный ущерб, особенно в тех районах, где рудные месторождения эксплуатировались казенными заводами.

Временное свертывание казенной металлургической промышленности в Карелии после окончания Северной войны сменилось во второй половине XVIII в. новым ростом казенных предприятий. Вместе с расширением объема работ Кончезерских железоделательного и медеплавильного заводов и усилившейся эксплуатацией Воицкого золотого рудника, открытого в 1742 г., с 1748 г. возобновилась деятельность судостроительной верфи в Лодейном Поле. В 60-х годах XVIII в. началась разработка тивдийского мрамора для строившегося в Петербурге Исаакиевского собора.

Возникали новые казенные заводы: в 1751 г. построен купоросный завод при Марциальных водах; в 1755 г. закончено строительство Петровского медеплавильного завода на р. Лососинке, куда с Кончезерского завода было перенесено производство меди. В 1769 г., в связи с русско-турецкой войной, началась постройка Лижемского завода для отливки пушек. В 1774 г., после того как более тщательная геологическая разведка снова обнаружила в районе бывшего Петровского завода достаточные запасы

¹ Сб. РИО, т. 115, стр. 131.

² ЦГВИА, ф. ВУА, кн. 18888, л. 49 об.— 51; «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 156, 226.

железной руды, поблизости от него на р. Лососинке был сооружен крупный Александровский пушечный завод¹.

Большинство кадровых мастеровых казенных заводов набиралось в принудительном порядке из приписных крестьян. Их называли «непременными вечными работниками»; многие рабочие являлись уже третьим и четвертым поколением казенных металлургических мастеровых. «Вечные работники» получали ничтожную плату: уйти с заводов по своему желанию они не могли. Исключение представлял Александровский пушечный завод, на котором, помимо 270 таких казенных мастеровых, значилось до 100 вольнонаемных. Вся работа по обеспечению казенных заводов сырьем являлась повинностью приписных крестьян близлежащих от заводов погостов².

Наряду с расширением старых и открытием новых казенных заводов значительно возросла и частная промышленность. Начавшееся в 30—40-х годах XVIII в. строительство небольших частных железных молотовых заводов в Прионежье во второй половине века получило дальнейшее развитие. Зажиточная верхушка карельского крестьянства выделяла из своей среды новых владельцев небольших железных заводов. В 60-х годах в Карелии местные и петербургские купцы открыли чугуноплавильные и молотовые вододействующие заводы: Топорецкий и Туломозерский в Олонецком погосте, Киворецкий в Сямозерской волости, Тивдийский, Туборецкий, Вичковский и др. Производственная мощность заводов была неодинакова: от 4 до 26 тыс. пудов чугуна и от 2 до 10 тыс. пудов железа в год. Заводы изготавливали также чугунную посуду, треножки, печные заслонки, заступы, уклад, сталь и т. д. Некоторые заводы, например Тивдийский, скупали уклад у местных карельских крестьян, занимавшихся железным промыслом. Заводы работали на вольный рынок; продукция вывозилась в Петербург, отпускалась за границу, частично продавалась на месте. Все работы выполнялись местными крестьянами и по вольному найму³.

В этот же период в Карелии открывались и предприятия «легкой» промышленности: стекольный завод и 5 льноочистительных «фабрик» около Пудож, 6 салотопенных и 7 кожевенных заводов. Кроме того, в присвирском районе и в Олонецком погосте в 80-х годах насчитывалось 28 пильных мельниц, продукция которых шла на постройку судов, а также вывозилась в качестве строительного материала в Петербург⁴.

¹ Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг., стр. 18; С. М. Левидова. История Онежского завода. Петрозаводск, 1938, стр. 19, 31—32; «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 131, 232—233.

² Я. А. Балагуров. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955, стр. 46—52, 83; «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 194.

³ «Месяцеслов исторический и географический на 1793 г.». СПб., 1793, стр. 83—108; О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 47—52, 76, 88.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, кн. 18888, л. 34; «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 108, 111, 137, 192, 200.

В то же время в Карелии появились и предприниматели-иностранцы. В 1763 г. в районе Петровского завода на р. Лососинке французская компания Баралл, Шаннони, Фуллон открыла мануфактуру по выработке листового железа и производству подносов, самоваров и разной хозяйственной посуды. Той же компанией в 1775 г. открыт чугуноплавильный завод в Мегорском погосте, производивший чугунную посуду, которая отправлялась для продажи в Петербург. В присвирском районе английский купец Рекс построил завод, производивший листовое железо, желье и сталь; сырье для этого предприятия в виде железного лома доставлялось из Петербурга. Этот купец имел и пильный завод, на котором работали местные крестьяне, а их жены нанимались к тому же купцу для погрузки теса на галиоты, отправлявшиеся в Петербург¹.

С отменой в 1754 г. внутренних таможенных пошлин происходил дальнейший рост товарного обмена между восточной частью Карелии и другими местностями империи. В наказах государственных крестьян Олонецкого уезда в Уложенную комиссию 1767 г. говорится, что посадские люди «предовольные торги и промыслы и на отъезжих ярмарках и в Санкт-Петербурге и в протчих городах лавочные товары имеют», которыми торгуют не только на внутреннем, русском рынке, но также и в иностранных государствах². Об этом же более подробно свидетельствуют и данные 80-х годов XVIII в. Из Карелии в большом количестве доставляли в Петербург главным образом строительный лес, тес, деготь, смолу. Кроме того, олонецкие купцы отправляли в столицу нитки, сено, дрова, рыбу. Пудожские купцы ежегодно вывозили в Петербург и шведскую Лапландию до 40 тыс. пудов «карельского» льна, который по своему качеству считался выше псковского; лен покупало и прионежское население для изготовления неводо́в. Петрозаводские купцы поставляли в столицу ивовую кору, шедшую на выделку кож, говяжье сало, соленую рыбу, дичь, меха, скупая все это по деревням. Пудожские торговые люди вывозили в Петербург стеклянную посуду, свечи, лен, полотно, парусинный холст (равендук).

Повенецкие купцы торговали солью и рыбой, которые привозились с Белого моря; в окрестностях Повенца производилась ломка белого кварцевого камня, из которого изготовлялись жернова и ступы для петербургского фарфорового завода. Из Лопских погостов в Беломорье вывозились железные листы для солеварен и проволока для рыболовных крючков, а на Тихвинскую ярмарку — уклад. Кемские купцы торговали в Архангельске продукцией морского зверобойного промысла и привозили оттуда хлеб, снабжая им Беломорье и Лопские погосты. Постоянно ощущавшийся карельским населением недостаток в хлебе возмещался ввозом его из низовых городов Поволжья водным путем, а зимой — гужом через Вологду и Каргополь. По данным 80-х годов, со всех пристаней, находив-

¹ «Месяцеслов исторический и географический на 1793 г.», стр. 99—101; «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 133—134.

² Сб. РИО, т. 115, стр. 131—132.

шихся на Онежском и Ладожском озерах, ежегодно отправлялось до 400 судов с товарами в Петербург и другие города и 200 судов с беломорских пристаней Карелии в Архангельск, на Мурманский берег и Новую Землю¹.

В Карелии два раза в год устраивались ярмарки: в Шунге, Олонце, Пудожке и при Александро-Свирском монастыре. Самой крупной из них была официально открытая в 1782 г. Шунгская ярмарка, где торговля велась еще с XVII в.² Сюда съезжались купцы из Москвы, Петербурга, Новгорода, Тихвина, Онеги, Архангельска, Вологды, Ярославля, Ростова, Нижнего Новгорода и т. д. Карельские и русские погосты Олонецкого края доставляли на ярмарку уклад, меха, рыбу, соль, лен, пеньку, невыделанную кожу, холстину. Приезжавшие из других районов государства купцы привозили хлеб, сахар, выделанную кожу, сукно, парчу, штоф, бархат, шелк, позументы и другие товары. Из Швеции в большом количестве доставлялись лошади. О масштабах торговли на Шунгской ярмарке можно судить по общей стоимости привозившихся туда товаров, которая достигала 100 тыс. руб.; одни лишь товары Лопских погостов, состоявшие главным образом из пушнины и продукции железных промыслов, оценивались свыше 20 тыс. руб. На других ярмарках торговали преимущественно продуктами местных промыслов. Так, например, на ярмарку в Олонец окрестные жители привозили шкуры серобурых и чернобурых лисиц и прочие меха; на Пудожской ярмарке торговали хлебом, льном, рыбой, на Александро-Свирской — посудой. По сведениям на 1788 г., в пяти городах Олонецкой губернии, учрежденной в 1784 г. (Петрозаводске, Олонце, Пудожке, Повенце и Кемии), числилось 880 купцов и около 3000 мещан, в том числе до 100 ремесленников. Более 40 купцов вели в этих городах оптовую торговлю, ежегодный оборот которой составлял 94 470 руб.; лавочную торговлю вели 234 чел. с семьями, имея ежегодный оборот на сумму 63 195 руб. Через Олонецкую пограничную таможню в 1787 г. провезено товаров на 4775 руб.³

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в. в Карелии быстро росли товарное производство и обращение — усиливалась связь со всероссийским рынком, формировались капиталистические отношения. Среди карельского крестьянства возросла роль ростовщика, скупщика, подрядчика, в руки которых переходили лучшие земельные пахотные участки и сенные покосы от разорившихся крестьян. Таким образом, в казенной деревне отслаивалась, с одной стороны, эксплуататорская верхушка, часть которой, записываясь в «посадские люди», пополняла ряды купеческого класса, с другой — крестьянская беднота, проходившая все стадии обнищания, вплоть до полного отрыва от

¹ «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 167—170, 173, 183, 187, 210, 283; ЦГВИА, ф. ВУА, кн. 18888, л. 33 и об., 34—37.

² «Памятная книжка Олонецкой губ. на 1865 г.». Петрозаводск, 1865, стр. 149 и др.

³ «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 117, 192, 193, 206, 226, 253; ЦГВИА, ф. ВУА, кн. 18888, л. 35—36.

своего хозяйства; она поставляла наемную рабочую силу на рынок труда для растущей частной промышленности.

Вместе с тем во второй половине XVIII в. усилилась и феодально-крепостническая эксплуатация государственных крестьян Карелии. С повышением оброка росла и подушная подать. По данным генеральной таблицы Олонецкого наместничества на 1788 г., число крестьян казенного ведомства в Карелии составляло до 59 тыс. душ м. п.¹ Большая часть их, населявшая Лопские погосты, присвирский район и восточные погосты, платила подушную подать деньгами. Кроме того, они несли различные, все возрастающие государственные повинности (подводные, дорожные), а также выделяли из своей среды целовальников, счетчиков и т. п. на провиантские, соляные и другие казенные склады.

В наиболее тяжелом положении находились крестьяне, приписанные к заводам: по третьей ревизии (1762—1767) их насчитывалось 18 970 душ. Это было население ближайших к заводам погостов Шуйского, Кижского, Толвуйского, Остречинского, части Олонецкого, Выгозерского и Святозерского². Здесь карелы, русские и вепсы были связаны общими повинностями по обеспечению заводов сырьем. Приписные крестьяне отрабатывали на заводских работах подушную подать и выполняли другие принудительные разверстки. Раскладка заводских работ по заготовке и доставке руды и угля производилась погостскими и волостными старостами, но деревенская верхушка, захватившая в свои руки мирское управление, сваливала всю тяжесть этой повинности на бедноту. Отработка приписными крестьянами подушной подати на казенных заводах засчитывалась им из расчета 4—5 коп. в день, согласно «плакату» 1724 г. Казенные расценки поденного крестьянского труда оставались неизменными в течение почти полувека, в то время как хлебные цены за тот же период выросли вдвое³. Повышение денежного оброка в 1768 г. в два раза и вытекающее отсюда увеличение разверсток на заводские работы, растущие недоимки, злоупотребления заводской администрации — все это вызвало волнения среди приписных крестьян, стремившихся к замене принудительных разверсток работой по вольному найму. Первыми отказались выполнять заводские разверстки крестьяне Кижского погоста в 1769 г. В начале 1770 г. волнения распространились на другие погосты. В 1771 г. движение переросло в большое восстание⁴.

В конце 70-х годов правительство провело в отношении приписных крестьян ряд мероприятий, направленных на предотвращение новых выступлений. В 1779 г. вышел указ, ограничивший круг принудительных работ приписных крестьян и увеличивший нормы оплаты их труда вдвое по

¹ «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 191. Данные о населении исчисляются здесь и ниже только по территории восточной части Карелии, то есть по уездам Петрозаводскому, Повенецкому, Пудожскому, Олонецкому и Кемскому.

² Сб. РИО, т. 115, стр. 123.

³ А. П. Глаголева. К истории приписных крестьян в XVIII в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия». Сборник статей, М., 1952, стр. 277, 280—281.

⁴ О Кижском восстании см. вторую главу настоящих «Очерков».

сравнению с плакатом 1724 г.¹ Однако эти меры не могли облегчить положение крестьян, так как одни повинности уменьшались, а другие увеличивались. С открытием в Карелии Александровского пушечного завода обеспечение его сырьем и топливом ложилось новой нагрузкой на тех же приписных крестьян. Но так как они уже не были в состоянии выполнять дополнительные разверстки, то заводоуправление стало брать работников по вольному найму за более высокую цену, а затем взыскивало эти деньги с приписных крестьян. Эти добавочные расходы, круговая порука в уплате повинностей, повышение оброчного сбора в 1783 г. до 3 руб. с души, усиливавшаяся эксплуатация крестьянской бедноты, злоупотребления заводской администрации — все это имело своим последствием накопление крупных недоимок, сумма которых в первой четверти XIX в. достигла 148 096 руб.²

Следственная комиссия по делу о волнениях среди приписных крестьян Олонецких заводов, выясняя причины этих волнений, столкнулась и с тем фактом, что бедственное положение многих карельских крестьян было связано с их обезземелением. В своем докладе правительству комиссия признала необходимым вернуть прежним владельцам все казенные земли, которые перешли к богатым крестьянам, подрядчикам и купцам за неуплату долгов и по другим причинам. В 1784—1785 гг. правительство сделало попытку провести передел крестьянских земельных участков. Олонецкая казенная палата была завалена жалобами крестьян на то, что «иные в малом количестве, другие и вовсе, платя подати, земли не имеют»³. По данным генеральной табели Олонецкого наместничества 1788 г., на 59 тыс. душ м. п. приходилось до 40 тыс. дес. пахотной земли, т. е. менее десятины на душу⁴. Правительство ставило своей задачей ликвидировать на казенных землях стихийно возникшее там личное поземельное владение и восстановить ранее принадлежавшее волостному миру право исключительного владения пахотными и сенокосными землями. Для наделения малоземельных и безземельных крестьян землей, согласно решению правительства, все земли, перешедшие ранее в личное пользование крестьян по купчим и закладным, подлежали возврату в мир за денежное вознаграждение. Но передел земли во многих местах Олонецкого края не был доведен до конца вследствие происков богатых крестьян, выступивших против земельного передела и получивших поддержку со стороны местных властей. Попытки правительства провести земельный передел в Олонецкой губернии носила нерешительный и противоречивый характер. По инструкции, земли, перешедшие к посадским людям, возврату не подлежали. Правительство считалось с возрастающим значением класса купцов и торговцев, частная собственность которых охранялась законом.

¹ ПСЗ, т. XX, № 14878, стр. 822—824.

² С. М. Левинова. История Онежского завода, стр. 57—61.

³ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере, стр. 134—137.

⁴ «Путешествие Н. Озерецкого», стр. 202.

В условиях феодально-крепостнической России не было предпосылок для развития национальной культуры карел. Царское правительство проводило политику насильственной руссификации.

Первые общеобразовательные школы на территории Карелии, созданные в 20-х годах XVIII в., находились в ведении духовного ведомства, были недоступны для широких масс населения и насчитывали только несколько десятков учащихся. В 80-х годах XVIII в. открылись общеобразовательные двухклассные народные училища в Петрозаводске, Олонце, Вытегре и некоторых селах. После того как Петрозаводск стал губернским центром, в 1786 г. его двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное. В том же году в олонецком училище обучались 21 мальчик и 4 девочки, в Вытегорском — 27 мальчиков и 2 девочки¹. Наряду с казенными училищами в городах практиковалось и частное обучение детей грамоте, преимущественно чтению часослова и псалтыри. По генеральной табели Олонецкого наместничества на 1788 г., в Карелии значилось 1364 чел. грамотных².

Карельские народные массы продолжали хранить свою национальную самобытность, свой язык. Карельские руны, создававшиеся в течение многих столетий, передавались из поколения в поколение. Позднее эти руны, записанные Э. Ленротом в XIX в., вошли в состав «Калевалы», переведенной на многие европейские языки. Народное художественное творчество карел обладало национальным своеобразием, выражавшимся в художественном ремесле, резьбе по дереву, в народных вышивках, украшениях одежды и т. д. Памятников народного художественного творчества в области гражданской архитектуры от XVIII в. в Карелии не сохранилось. Что же касается карельского церковного деревянного зодчества, то на нем, как и на всем русском Севере, сказалось влияние вековых традиций русского деревянного зодчества, проявившееся в строительстве многоглавых и шатровых храмов. Образцами шатрового покрытия церквей в Карелии второй половины XVIII в. могут служить Никольская церковь в Шуе Беломорского района, построенная в 1753 г., Успенская церковь в Кондопоге, построенная в 1774 г. Кондопожская церковь, в архитектуре которой с большим искусством применен шатровый тип с высотой в 45 м., принадлежит к числу мировых шедевров деревянного зодчества³.

Старинные экономические и культурные связи карел с русским народом в XVIII в. укрепились еще более. Этому способствовало возникновение и развитие в Олонецком крае крупной металлургической промышленности, сыгравшей большую роль в развитии производительных сил Карелии. Наряду с русскими мастерами в создание этой промышленности внесли свой вклад карельские кузнецы и плотники, искусство которых было широко известно за пределами Олонецкого края. Образовавшийся

¹ И. Благовещенский [сост.]. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. Петрозаводск, 1902, стр. 228—229, 260.

² «Путешествие Н. Озерецковского», стр. 120, 200.

³ Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество. М., 1950, стр. 70—72.

здесь горнозаводский район с центром в Петрозаводске стал важнейшим узлом связей между карельским и русским населением, которые во второй половине XVIII в. окрепли благодаря совместной борьбе против феодальной эксплуатации. Наиболее активную роль в этих связях сыграли прионежские карелы — ближайшие соседи русского населения Заонежья и главные проводники его экономического и культурного влияния¹.

2

НАРОДЫ СЕВЕРА²

На территории Коми края, по данным «Экономических примечаний к генеральному межеванию» 60-х годов XVIII в., жило до 26,5 тыс. чел. По национальности большинство населения края было коми; русские жили главным образом в городах и промышленных центрах, но и здесь преобладающим элементом населения были коми³. И.-Г. Георги, посетивший Коми край во второй половине XVIII в., отметил, что местное население по своим экономическим и бытовым условиям не отличается от русского, за исключением языка, относящегося к группе угорских языков. «Языком сим,— пишет Георги,— говорят они между собою, и в некоторых деревнях женщины совсем по-русски не знают»⁴.

Административным центром Коми края в XVII и в первой половине XVIII в. был Яренск. Ко второй половине XVIII в. Яренск постепенно пришел в упадок, и наиболее крупным населенным пунктом в Коми крае стал Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), расположенный при впадении Сысолы в Вычегду; в 1780 г. он был преобразован в город. В «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» подчеркивается значение водного пути по Сыsole: «По реке Сыsole бывает судный ход баркасами и каюками и лодками к Архангельскому порту с хлебом, железом, также и гонка плотов лесу для корабельного строения»⁵. Во время генерального межевания в Усть-Сысольске насчитывалось 324 двора, тогда как старый административный центр края, Яренск, имел их всего 155.

Основным занятием большинства населения Коми края было земледелие. Наиболее благоприятна для земледелия была его юго-западная часть, по верхнему течению р. Лузы, по Сыsole и Вычегде. К северу от

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 46.

² При составлении раздела о народе коми использован, с согласия автора, неопубликованный очерк Н. Ф. Демидовой «Народ Коми в XVIII в.». Все ссылки на архивные материалы взяты из этого очерка.

³ ЦГАДА, Экономические примечания к генеральному межеванию, Яренский уезд, д. 25, л. 1.

⁴ И.-Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 1. СПб., 1799 (Далее И.-Г. Георги. Указ. соч.).

⁵ ЦГАДА, Экономические примечания к генеральному межеванию, Усть-Сысольский уезд, д. 95, л. 3.

Вычегды население хотя и занималось земледелием, но позднее наступление весны и ранние осенние заморозки весьма снижали урожайность. Пашни располагались главным образом по берегам рек. Весенние разливы вредили пахотным землям, так как вода смывала верхний, более плодородный слой почвы и наносила много песка. Расширение площади пахотных земель могло идти только за счет площадей, занятых лесом, поэтому наряду с пашенным было широко распространено подсечное земледелие, что отметил академик И. И. Лепехин, наблюдавший хозяйство коми во второй половине XVIII в.¹ О том, что подсечное земледелие имело очень важное значение в хозяйстве коми, свидетельствуют наказы крестьян Коми края в Уложенную комиссию 1767 г., в которых они просили о разрешении вырубать казенные леса для расчистки мест под пашни.

Земледелие не представляло единственного занятия населения Коми края. В северных районах его почти не было. Здесь население занималось промыслом (охотой, рыбной ловлей), местами — скотоводством. Охота и рыбная ловля играли существенную роль и в хозяйстве населения южных районов. В XVIII в. охотничий промысел клонился к упадку. Наиболее ценные пушные звери в лесах, расположенных близ населенных пунктов, были уже истреблены². Чтобы добыть пушного зверя, население уходило в глухие леса, за сотни верст от своих деревень.

По указу Екатерины II от 10 июня 1763 г. охота на всех зверей и птиц, кроме хищных, запрещалась на время с 1 марта до Петрова дня (29 июня ст. стиля) ежегодно. Это распоряжение должно было неблагоприятно отразиться на охотничьем хозяйстве населения Коми края, так как обычно охотники уходили на промысел с 1 января верст за 500—600 от места жительства и возвращались домой в середине апреля.

Ремесло было развито слабо, и производство промышленных изделий не выходило за рамки домашней промышленности, если не считать речного судостроения на Лузе, Сысоле и Вычегде, которое сохраняло свое значение и в XVIII в.

Наряду с земледелием, скотоводством и охотой население занималось отходничеством на промышленные предприятия — железодельные заводы, Сереговский соляной промысел, на добычу точильного камня на Печоре и др.

Подавляющую массу населения Коми края составляли чернососные, или государственные, крестьяне. Землепользование у крестьян коми ничем не отличалось от землепользования русских государственных крестьян. Помещичьего землевладения в крае не было. Церковное и монастырское землевладение было ничтожно и в 60-х годах XVIII в. почти полностью ликвидировано. Земли и крестьяне мелких монастырей Коми края перешли в ведение Коллегии экономии.

¹ «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией Наук», т. V. «Окончание записок академика Лепехина». СПб., 1822, стр. 210—211. (Далее сокращенно: *И. И. Лепехин. Указ. соч.*).

² Сб. РИО, т. 123, стр. 212, 244.

К середине XVIII в. значительная часть, и притом лучшая, земель края перешла в руки деревенских богачей и купечества Яренска, Усть-Сысольска и других городов. Какого размера достигало богатство отдельных лиц и семей и как широко они эксплуатировали труд окрестного населения, можно видеть из характеристики, данной И. И. Лепехиным богачам Сухановым, по происхождению местным крестьянам коми Усть-Сысольской волости. «Проворство их в торговле,— пишет И. И. Лепехин,— обогатило их и сделало зырянскими князьками. Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина, и все его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их и задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после отбирают все их жите-бытье, богатство. Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысолу и спросишь, кому они принадлежат, отвечают — Сухановым; есть ли где пасутся стада,— стада принадлежат Сухановым, да и бывший на Печоре зырянский промысел в добывании точильного камня ныне надлежит Сухановым»¹.

Захватывали крестьянские участки не только деревенские богатеи: скупкой земель и присвоением их, главным образом по просроченным закладам, занималось и купечество. К 60-м годам XVIII в. значительная часть лучших крестьянских участков оказалась в руках деревенских богачей и купцов, которые обрабатывали их трудом своих половников из среды местных и пришлых крестьян.

Деревенские богатеи и купцы эксплуатировали и крестьян-охотников. Охотники, особенно в лесных районах, испытывали затруднения в сбыте продуктов своего труда и принуждены были продавать добытые шкурки пушных зверей скупщику из местных крестьян либо купцов. Скупая по дешевке эти товары на месте, купцы перепродавали их в Усть-Сысольске и Яренске приезжим купцам или сами отвозили на устюжский и архангельский рынки. Скупщики занимались и ростовщическими операциями, в результате чего охотник становился неоплатным должником скупщика; попав к нему в кабалу, крестьянин за бесценок отдавал все, что добыл за целый охотничий сезон.

В Коми крае, наряду со сравнительно крупными городскими рынками в Яренске и Усть-Сысольске, были также сельские ярмарки. Бойкий торг сохранился на старом пушном рынке в Турье (в верховьях р. Выми), и вырос новый торговый центр — с. Вознесенское Важгортской волости на р. Удоре, в районе, богатом пушным зверем. Крупные волостные торговые центры XVII в. — Туглим и Усть-Вымь — в XVIII в. захирели. В «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» дана яркая картина торговых операций устьсысольского купечества. Устьсысольские купцы продавали предметы крестьянского обихода, закупали на местном рынке хлеб, продукты промыслового хозяйства и либо сами направляли закупленный товар в Архангельский порт (хлеб), либо перепродавали его

¹ И. И. Лепехин. Указ. соч., стр. 247—248.

приезжим купцам (меха и моржовая кость)¹. Главный доход они получали от скупки местных товаров. Вот почему купечество Яренска и Усть-Сысольска в течение всего XVIII в. вело борьбу за свою монополию на местном рынке. Оно добивалось запрещения местным крестьянам-скупщикам покупать продукты охотничьего хозяйства и добивалось такого же запрещения и для приезжих купцов.

Промышленность Коми края в XVIII в. сделала значительные успехи. В крае развилась железоделательная промышленность. В середине XVIII в. устюжские купцы А. А. Плотников и А. В. Попов получили из Берг-коллегии привилегию на постройку железоделательных заводов по р. Сыsole. Сначала ими был построен Нювчимский завод при слиянии рек Нювчима и Денделя; затем было построено еще два завода — Нючпасский на р. Лопи и Кажимский на р. Сыsole. Заводы пользовались правительственной поддержкой: им отведены были казенные земли, леса, рудные месторождения². Первоначально на заводах работали мастерами крепостные, купленные владельцами в обход закона у помещиков. Подсобные работы выполнялись местным населением. При втором владельце заводов, верхотурском купце М. Походяшине (1768—1788), значительная масса работ выполнялась наемными людьми, «зырянскими руками». С 1788 г. эти железоделательные заводы перешли к петербургскому купцу А. М. Грибанову. На Нювчимском заводе Грибанова работало до 200 чел. Чугуна выплавлялось ежегодно до 60 тыс. пудов, железа 10—20 тыс. пудов. Нючпасский завод давал ежегодно 70 тыс. пудов чугуна и 2 тыс. пудов железа, Кажимский — 50 тыс. пудов чугуна³.

Местное население, получавшее работу на заводах, очень часто попадало в долговую зависимость от заводчиков, которые платили за него недоимки по казенным платежам и требовали отработки этих сумм на заводах.

Основанный гостиной сотни торговым человеком Д. Г. Панкратьевым в середине XVII в. Сереговский солеварный промысел во второй половине XVIII в. принадлежал великоустюжскому купцу Рыбникову. В первой половине века на промысле работало до 200 чел. Рыбников расширил предприятие, и в 80-х годах XVIII в. число работников доходило уже до 500. По данным И. И. Лепехина, во второй половине XVIII в. на варницах было 257 «забеглых душ», т. е. беглых, приписанных к варницам. Продолжалась приписка и местных крестьян. Эти крестьяне «в положенные для себя дни находятся — в летнее время на хлебопашестве, и в зимнее время в мастерстве для заводу. Оброку же заводчику не платят, затем что всегда бывают при заводе. А платит за них подушную подать завод-

¹ ЦГАДА, Экономические примечания к генеральному межеванию, Усть-Сысольский уезд, д. 95, л. 2.

² А. Анисимов. Кажимские горные заводы. «Коми му» («Зырянский край»), 1924, № 4—6, стр. 59—61.

³ ЦГАДА, Экономические примечания к генеральному межеванию, Яренский уезд, д. 108, 109.

чик Рыбников в казну по 70 коп. с души»¹. Кроме приписных крестьян работали на промысле и государственные крестьяне соседних деревень «из найму», главным образом по рубке и доставке дров и перевозке соли. Общее число таких крестьян доходило до 200 ежегодно. Заводчик часто давал деньги вперед, что создавало долговую зависимость крестьян². Сереговский соляной промысел имел 3 рассолоподъемных трубы и 10 варниц. Ежегодно вываривалось до 150 тыс. пудов соли. Соль сдавалась в казну по 9 коп. за пуд. Во второй половине XVIII в. можно отметить некоторый упадок промысла: в конце XVII в. здесь работало 13 варниц и вываривалось ежегодно до 300 тыс. пудов соли³.

В административном отношении население Коми края подчинялось яренскому уездному воеводе, в свою очередь подчиненному великоустюжскому провинциальному воеводе. Кроме подушной подати, крестьяне края, как и другие чернососные крестьяне, платили оброчный сбор, отбывали разного рода повинности, из которых наиболее тяжелой была подводная и перевозка казенных грузов. Огромные расстояния между населенными пунктами края увеличивали тяжесть этой повинности.

Борьба крестьян Коми края против эксплуатации и гнета исследована мало. Известно, что многие крестьяне бежали в разные города и области Российской империи. Были местные выступления, протесты, расправы с отдельными эксплуататорами.

Материальная культура народа коми в XVIII в. определялась его земледельческим и охотничьим хозяйством. Основными земледельческими орудиями служили соха с железными сошниками, деревянные бороны — суковатки, сделанные из суковатых деревьев с сучками, обращенными вниз, иногда бороны с деревянными зубьями, изредка с железными. Широкое распространение подсечного земледелия позволяло вообще не прибегать к сохе: семена бросали в землю, удобренную золой, и боронили деревянной бороной. Жали хлеб серпами, молотили цепами. Сырой климат требовал просушки хлеба перед молотьбой, поэтому пользовались овинами. Сено косили косой-горбушей, которую местное население предпочитало обыкновенной русской косе-литовке: в лесах и на болотах сено косили между пнями и кочками, и горбуша, не допускавшая широкого размаха, казалась более удобной. Местное население редко пользовалось телегами. Даже летом, во время уборки хлеба и сена, употреблялись особые сани-волокуши, полоз и оглобля которых, по словам И. И. Лепехина, «состоят из одной криулины». Соединение двух «криулин», скрепленных поперечными связями и застланных тонкими досками, и составляло летние сани. И. И. Лепехин даже признавал некоторое преимущество за

¹ ЦГАДА, Экономические примечания к генеральному межеванию, Яренский уезд, д. 108, л. 82—83.

² Сб. РИО, т. 123, стр. 241.

³ В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. Летопись занятий Археологической комиссии за 1927—1928 гг., вып. 35. Л., 1929, стр. 17.

этими летними санями по сравнению с обычными телегами, на каких возят снопы: зерно не осыпается, так как нет никакой тряски, а только «легкое качание». У русских коми заимствовали колесные телеги, но переделали их по-своему. Колеса телеги плотно прикреплялись к концам оси, и при движении «самая ось вертится по своей круглоте и ворочает к концам ее прикрепленные колеса»¹.

Приспособления для охоты и рыбной ловли вырабатывались веками. В XVIII в. охотники пользовались и огнестрельным оружием, но главным образом для охоты на пушного зверя. Очень широко были распространены разного рода капканы — пружинные (слопцы) и действовавшие своей тяжестью (плашки горностайные). Для ловли птиц применялись силки и сети. Довольно широко был распространен сбор яиц диких птиц, особенно уток. На деревьях развешивались бураки (сосуды из бересты) и небольшие деревянные кадушки. Утки устраивали там свои гнезда, а охотники собирали из этих гнезд яйца².

Крестьянские дворы в Коми крае, как и вообще на Севере, делались крытыми. Избы, как правило, топились по-черному, бани были редки, и местное население мылось редко. Все это создавало антисанитарные условия существования и содействовало распространению эпидемий³.

Народ коми принял христианство еще в XIV в. К XVIII в. оно пустило уже глубокие корни, и, как замечает И. И. Лепехин, местные жители «более оказывают своей ревности и усердия в христианской вере, нежели другие народы»⁴. Тем не менее некоторые пережитки языческих верований сохранились и в XVIII в.: остатки тотемических представлений, пережитки культа священных рощ и деревьев и т. п.

Элементы совместной борьбы русского и коми народов нашли свое отражение в легенде о богатыре Пере, который оказал помощь русским войскам, победив в единоборстве вражеского богатыря⁵. Классовая борьба нашла отражение в легендах о «разбойнике» Шипице, боровшемся с богачами и насильниками⁶.

* * *

Саамы (лопары) жили на Кольском полуострове и частично, попеременно с карелами, в Заонежье. Саамов, по неполным данным третьей ревизии (1761—1767), было около 400 душ м. п.

Основным занятием саамов в XVIII в. продолжали оставаться рыбная ловля и охота. Саамы в это время еще сохраняли полукочевой быт и три раза в год переносили свои вежи (шалашы) с места на место, в зависимости от того, где они ловили рыбу в то или иное время года.

Земледелия у кольских саамов почти не было. Наличие его отмечено только в одном из наказов в Уложенную комиссию 1767 г. — от Пяозер-

¹ И. И. Лепехин. Указ. соч., стр. 258—260.

² Там же, стр. 245—246.

³ Там же, стр. 250—252.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ «Коми му», 1926, № 5(27), стр. 38—42.

⁶ «Коми му», 1927, № 1—2 (35—36), стр. 40.

ского погоста, расположенного в юго-восточной части Кольского уезда. Здесь земледелие было подсечным и велось в незначительных размерах¹. Занимались кольские саамы и оленеводством, но тоже в незначительных размерах².

На Кольском полуострове саамы зависели главным образом от монастырей, развернувших здесь еще в XVII в. промысловую деятельность и закабаливших местное население. В 1764 г., с проведением в жизнь указа о секуляризации монастырских имений, у монастырей были отобраны в казну все угодья и крестьяне, в том числе и лопари, которых объявили экономическими крестьянами. Но это не улучшило их экономического положения. По свидетельству позднейшего исследователя быта саамов Н. Н. Харузина, «большинство лопарей только перешло из рук в руки, от монастыря к кольским жителям, которые, так сказать, разделили лопарские погосты между собой для продолжения той эксплуатации, которую в продолжение веков совершал Печенгский монастырь. Другая же часть лопарей в этой кабале находилась еще раньше»³.

Рыбопромышленники, ссужая саамов в долг деньгами и необходимыми предметами бытового обихода, забирали у них выловленную рыбу по дешевой цене, а товары отпускали им втридорога; вместе с тем рыбопромышленники спаивали их — водка неизменно сопутствовала всякой сделке промышленников с саамами. Чрезмерной эксплуатацией и гнетом саамы были до того разорены, что оказывались не в состоянии сами использовать свои рыболовные угодья. Они их сдавали арендаторам за плату⁴. «По такой крайности, — говорят авторы наказов кольских саамов, — употребляем в пищу, выталкивая наподобие муки, сосновую кору, примешивая с мукою, а другие так, что по неимению у себя дневной пищи помирают голодной смертью»⁵.

Имущественное положение саамов было неодинаково. И.-Г. Георги, характеризуя их оленеводство, отметил наличие крупных стад у отдельных саамов и в то же время подчеркнул, что некоторые из них имеют настолько мало оленей, что иногда бывают лишены возможности кормиться от оленеводства. Тогда такой бедняк «уступает остальных своих оленей кому ни есть из приятелей, а сам принимается для исправления своего за звериный промысел»⁶. Некоторые наказания заонежских саамских погостов говорят о том, что в погостах были состоятельные жители, которые порывали связь со своими погостами и записывались в купечество.

Саамы считались государственными или экономическими крестьянами и должны были платить подушную подать, оброк за пользование угодьями и выполнять ряд «мирских» служб, в том числе и подводную повинность.

¹ Материалы екатерининской законодательной комиссии, т. XI. Сб. РИО, т. 123, стр. 342.

² И.-Г. Георги. Указ соч., стр. 5.

³ Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 125.

⁴ Сб. РИО, т. 123, стр. 348.

⁵ Там же, стр. 351.

⁶ И.-Г. Георги. Указ. соч., стр. 5—6.

Некоторые из лопарских погостов Кольского полуострова и в XVIII в. продолжали платить дань датчанам в размере полутора ефимка (около 75 коп. на русские деньги) с человека в год¹.

Наиболее обычной формой протеста саамов против гнета и эксплуатации в XVIII в. были побег.

Данных о культуре саамов XVIII в. сохранилось чрезвычайно мало. О степени развития материальной культуры можно судить по производству ими предметов промыслового и бытового обихода. Саамы мужчины изготавливали легкие деревянные лодки, сани, похожие своим внешним видом на лодки, кожаную оленью сбрую, а также выделывали деревянную посуду, украшая ее резьбой, а иногда инкрустацией из кости, олова и оленьего рога. Женщины выделывали меха, приготавливали нитки из жил, вязали сети. Они же занимались волочением оловянной проволоки: в оленьем роге проделывали небольшие круглые отверстия и через них вытягивали проволоку. Женщины шили кожаную и суконную одежду, которую украшали вышивкой из шерсти и волоченого олова².

Язык саамов относится к группе угорских языков. Он имеет много наречий, настолько различных, что саамы отдельных погостов с трудом понимают друг друга. Письменности саамы в XVIII в. не имели.

Подавляющее большинство саамов в XVIII в. исповедовало христианство, но у них сохранялись и прежние языческие верования, в основе которых лежало обожествление сил и явлений природы. У саамов не было общих богов. Обиталищем богов считались священные горы, озера, деревья. Там же находились и изображения богов в виде деревянных идолов, вырезанных из стволов или корней деревьев, или в виде каменных нагромождений. У саамов были волхвы³.

Русское влияние на культуру саамов велико. Занятие земледелием усилилось, несомненно, под русским влиянием. Христианство основная масса саамов тоже приняла от русских. Русское влияние сказывалось и в заимствовании предметов бытового обихода, и в духовной культуре. Русские ткани — шерстяные и хлопчатобумажные, украшения (застежки, перстни, серьги) прочно вошли в быт саамов⁴.

3

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ

Во второй половине XVIII в. в расселении народов Среднего Поволжья не произошло значительных изменений: продолжала увеличиваться численность русского населения, часть же нерусского населения переходила на земли Заволжья и Приуралья.

¹ В XVI—XVII вв. Кольский полуостров был спорным владением между Россией и Данией. В западной части полуострова саамы платили две дани — московскому царю и датчанам (двое данные саамы). Саамы юго-западной части Кольского полуострова в XVII в. платили еще дань и Швеции (троеданные саамы).

² И.-Г. Георги. Указ. соч., стр. 6.

³ Там же, стр. 11—13.

⁴ Там же, стр. 7.

Наиболее многочисленная из народностей Среднего Поволжья — мордва паселяла в основном территории современной Мордовской АССР, а также некоторые районы Чувашской АССР, Ульяновской, Горьковской, Пензенской и Рязанской областей. Значительная часть мордвы переселилась в Заволжье на территорию современной Татарской АССР, а также Башкирской АССР, Чкаловской и Куйбышевской областей.

Народ мари составлял значительную часть населения современных Горно-Марийского района и района Йошкар-Олы Марийской АССР, Ветлужского района Горьковской области, Яранского, Уржумского районов Кировской области, Мамадышского, Елабужского районов Татарской АССР и Сарапульского — Удмуртской АССР; часть мари переселилась в Приуралье и Башкирию.

Чуваши, занимая главным образом территорию современной Чувашской АССР, продолжали переселяться на левый берег Волги, в район современной Татарской и Башкирской АССР и Куйбышевской области.

Татары проживали на всем Поволжье. Значительная часть их переселилась и продолжала переселяться в Башкирию. Родственные татарам мишари (мещеряки) жили преимущественно в современном Цивильском районе Чувашской АССР. Удмурты населяли главным образом современные Глазовский и Сарапульский районы Удмуртской АССР, Слободской район Кировской области, Осинский — Молотовской области, Казанский и Мамадышский — Татарской АССР. Отдельные их поселения встречались в Заволжье на территории Куйбышевской области и в Башкирии.

Как видно из этого перечисления, народности Поволжья зачастую имели общую территорию, смешиваясь между собой и с русским населением. Часто в одной деревне жили две народности.

Процент нерусского населения на территории Поволжья продолжал уменьшаться. Одной из главных причин этого послужили захваты русскими помещиками земель нерусских народностей. Эти земли помещики заселяли крепостными, переведенными из центральных областей России. В результате обезземеления часть нерусского населения вынуждена была



Чувашка. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.- Г. Георги. СПб., 1799.

уходить с прежних мест на укрепленные линии, где многие «беглые» верстались в казаки, или селились на башкирских землях на условиях оброчного владения. Правительство переводило государственных крестьян, в число которых вошла большая часть нерусского населения Поволжья, на новые земли в Башкирию.

Ко времени третьей ревизии (1761—1767) нерусского населения в районах Поволжья было уже менее 30%. В то время в Казанской губернии и Нижегородском наместничестве¹ числилось 1 603 228 душ м. п., из них татар, мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов 372 410. Кроме того, 53 392 души м. п. мордвы и татар жили в Воронежской губернии, в Шацкой и Тамбовской провинциях²; 808 ясачных жили на Ветлуге (Костромское наместничество)³. Несмотря на то, что Среднее Поволжье было богатым и плодородным краем⁴, жители его, в особенности представители нерусских народностей, были «в зажитках посредственны, но более недостаточных»⁵. Причина бедности населения заключалась в низком уровне развития производительных сил в крае.

Основным занятием нерусского населения Поволжья во второй половине XVIII в. было земледелие. Техника обработки земли у народностей Поволжья существенно не отличалась от русской; только татары и находившаяся под их влиянием часть мордвы и чувашей употребляли вместо сохи тяжелый плуг сабан и не вносили в почву удобрений. Господствующей системой земледелия в Поволжье было трехполье, в северных районах встречалось и подсечное земледелие. Мордва, чуваш, мари и удмурты, по отзывам И. И. Лепехина, были хорошими земледельцами. Несмотря на это, урожаи были низкие, особенно в северной лесистой и болотистой части Поволжья и южных безлесных и засушливых районах. Наиболее распространенными культурами были: рожь, пшеница, овес, ячмень, греча, просо, а также горох, лен и конопля. Определенных норм количества земли, отводимой для ясачных крестьян, как правило, не существовало. Во второй половине XVIII в. все сильнее начал сказываться недостаток земли. Вся ясачная земля, находившаяся в пользовании деревни, делилась по числу ревизских душ⁶.

Скотоводство не было широко развито и в основном удовлетворяло

¹ Казанская губерния и Нижегородское наместничество занимали территории современных Татарской, Марийской, Удмуртской, Мордовской, Чувашской АССР и Кировской, Молотовской, Ульяновской, Пензенской и Горьковской областей.

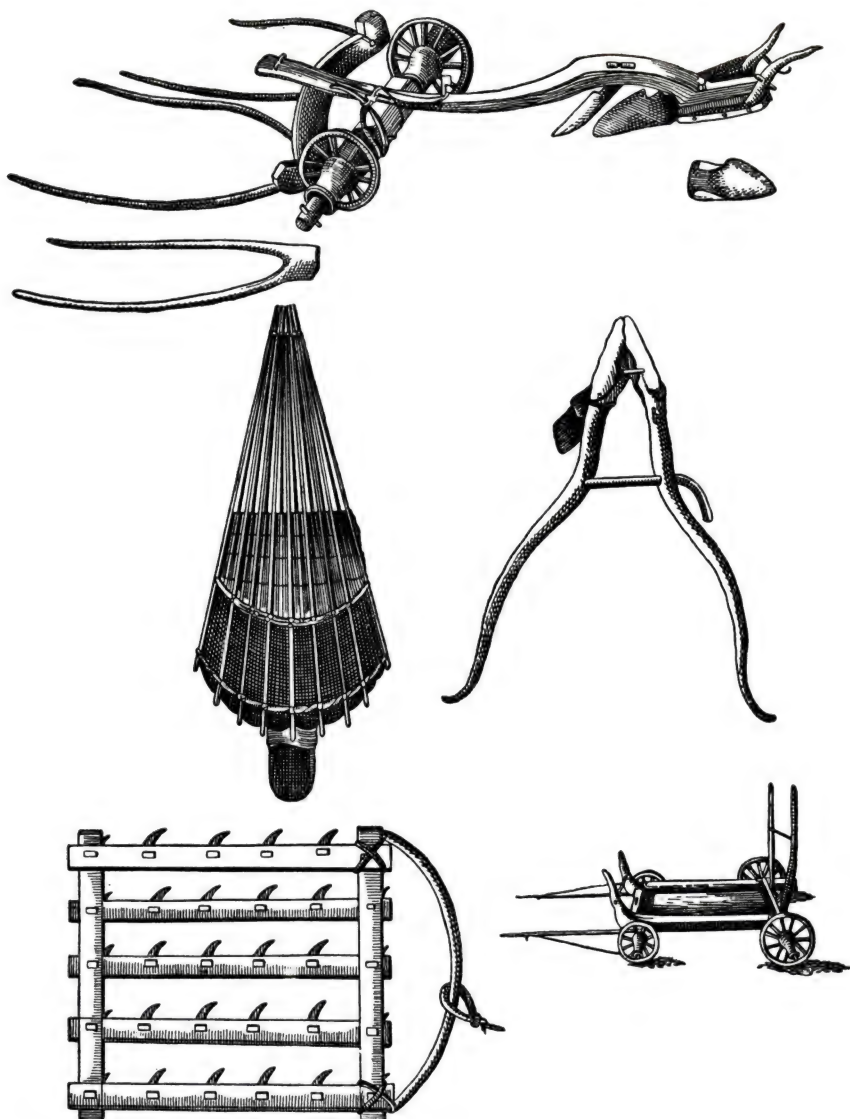
² Шацкая провинция — главным образом на территории современной Рязанской обл.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XVI, д. 720, л. 31 об. — 32; д. 777, II, л. 455; д. 650, л. 10.

⁴ Казанская губерния «изобилствует... урождением множества хлеба, скота, птиц, медом и рыбами и разных родов зверями, кроме соболей». (Из доношения казанского губернатора 1760 г. ЦГАДА, Госархив, разр. XVI, д. 720, л. 15).

⁵ ЦГАДА, Межевой архив, Экономические примечания к генеральному межеванию. Казанская губерния, д. 12, л. 11.

⁶ Ясачные крестьяне Свияжского уезда в своем наказе в Уложенную комиссию 1767 просят: «Для лучшего в хлебопашестве порядка узаконено б было нам, ясаш-



Земледельческие орудия Поволжья. Гравюра из «Дневных записок»
И. И. Лепехина, 1771 г.

потребности натурального хозяйства. Только татары занимались разведением скота для выделки кож и стрижки шерсти на продажу.

По сведениям Г. Миллера, мордва, мари и чуваша имели довольно развитое огородное хозяйство и снабжали города овощами¹.

С истреблением лесов охота постепенно переставала быть одним из основных занятий населения и превращалась в отхожий промысел. Мари, никам, полевую пашенную землю и сенные покосы делить между собою от переписи до переписи, а не погодно...» (Сб. РИО, т. 115, стр. 412).

¹ Г. Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791, стр. 23.

мордва, чуваша славилась как искусные охотники. Обычно охотники уходили в северные дальние леса на всю зиму. Бортничество сохранилось только там, где оставались леса. Однако мед, воск и меха все еще продолжали занимать на рынке значительное место в качестве предметов сбыта. Татары и мордва переходили на ульевое пчеловодство.

В северных лесных районах население занималось рубкой и продажей дров. У удмуртов была развита обработка дерева. Г. Миллер, рассказывая о вытачивании чашек из древесных наростов, отметил, что «иногда точат помянутые чашки так тонко, что оные прозрачны бывают»¹. Удмурты делали сани, кадки, бочки и прочие предметы домашнего обихода, которые сбывали жителям безлесных южных районов. Вообще же изготовление промышленных изделий было развито у народов Поволжья сравнительно слабо и рассчитано главным образом на удовлетворение потребностей своего же хозяйства. На местные рынки шла только часть домашней продукции некоторых хозяйств; торговали хлебом, салом, маслом, медом, воском, мехами, овчинами, шерстью, кожами. Шерсть и кожи вырабатывались татарами специально для рынка, почему эти предметы получили даже название «татарских товаров». На ярмарках сбывались и предметы промышленного производства, привозимые купцами из городов.

В городах было развито мелкое товарное производство: в большом количестве имелись, чаще всего у торговцев, небольшие кожевенные, мыловаренные, салотопенные, свечные «заводы» и красильни. Они располагали примитивным оборудованием и обслуживались «своим семейством» или «временно наемными людьми». Некоторое участие в городской промышленности и торговле принимала зажиточная верхушка народов Поволжья.

На территории Поволжья велась крупная оптовая торговля. Некоторые из слободских служилых татар имели в Казани собственные лавки, отправляли по Волге суда, вели торговлю с башкирами, у которых они покупали лошадей, служили в качестве посредников, торговых уполномоченных и переводчиков при торговых сношениях со среднеазиатскими народами и Китаем.

Во второй половине, и особенно в последнее десятилетие XVIII в., на территории Поволжья значительно развилась крупная мануфактурная промышленность, как государственная, так и частная. Известны крупнейшие суконные «фабрики» — Микляева (750 чел. рабочих людей), Дряблова (1086 чел.) и Осокина (1645 чел.) в Казани, более мелкие «фабрики» в Арзамасе, Тамбове и уездах: 6 полотняных «фабрик», 6 стекольных, 5 хлопчатобумажных, а также шелковые, сафьяновые, канатная «фабрики» и другие². Всего, по неполной росписи 1776 г., работала 21 «фабрика».

¹ Г. Ф. Миллер Указ. соч., стр. 25.

² «Роспись состоящим в России ведомства государственной мануфактурной Коллегии и ее конторы фабрикам с показанием оных числа и в коих городах и уездах находятся». «Московский любопытный месяцеслов на 1776 г.». М., 1776, стр. 215—221.

В металлургии к середине XVIII в. доменные печи и молотовые заводы совершенно вытеснили прежние ручные горны. Но после краткого расцвета металлургии в 50-х — начале 60-х гг. многие повооткрытые заводы снова закрылись. На территории Поволжья уцелели «железные» и «медные» заводы в Камско-Вятском районе и группа заводов Баташевых, выпускавшая чугунную посуду и другие предметы домашнего обихода.

До последней четверти XVIII в. казенной монополией было поташное производство, в котором были заняты в основном приписные государственные крестьяне Поволжья. После отмены монополии производством поташа занимались в дворянских вотчинах большей частью крепостные крестьяне.

В конце XVIII в. в Казани был создан казенный пороховой завод; вблизи города работал стекольный завод, имелись кораблестроительные верфи.

Промышленные заведения использовали как крепостной, так и наемный труд; в новых отраслях промышленности применялся главным образом наемный труд.

Характерным признаком неполного отрыва работающих от земледелия являлось прекращение работы большинства мелких мануфактур в Поволжье на летнее время. Казанские и вятские предприниматели указывали, что их наемные работники «упражняются... в ткачестве с октября по май... в страдное же время по содержанию договоров увольняются в дома свои для работы»¹. Однако на других, чаще всего на медеплавильных, железоделательных и поташных заводах, заводчики, наоборот, старались задерживать рабочих насильно, или путем экономического закабаления: «многих ясных крестьян нанимают... в работы..., а потом не хотя[т] их от работы



Марийка. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.-Г. Георги.

¹ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947, стр. 137.

отпустить. По простоте их и незнанию начитают на них денег по многому числу и держат у себя в работе... многие годы»¹.

Об условиях найма рабочей силы можно судить по челобитной ясачных татар Свияжского уезда, где говорится: «многие от тех заводов пришли в разорение... за двадцать рублей (т. е. за аванс) принужден работать лет десять и пятнадцать, да и во оные едва ли совсем расчестся там может»²

В конце XVIII в. приписка к заводам была прекращена, так как от работ на заводе хозяйство приписного крестьянина приходило в «запустение». Положение приписных к корабельно-лесным работам много раз обсуждалось в Сенате, но к существенному улучшению их состояния это не привело. Приписных служилых мурз и татар пытались заменить вольнонаемными, но так как добровольных работников на это дело не находилось, то правительство вынуждено было только повысить поденную оплату (с 1750 по 1797 г. она была увеличена почти в 4 раза) и ограничить сроки работ. В отношении налогов приписные с 1794 г. были уравнены с государственными крестьянами и платили 1 руб. подушной подати и 3 руб. оброчного сбора. Таким образом, эта категория рабочих людей окончательно перешла в разряд податного населения; от их привилегированного положения оставалось только владение землей на основе помещного права.

Положение ясачных крестьян систематически ухудшалось в течение XVIII в. из-за постепенно усиливавшегося обезземеления. Несмотря на прямое запрещение экспроприировать ясачную землю, считавшуюся государственной, она уходила из рук ясачных разными путями: в результате прямого захвата русским помещиком, отказа обнищавших ясачных от оброчных урочищ, заклада земли под заем для платежа подушных денег.

Наряду с этим усиливался рост имущественной дифференциации ясачных людей. Наем бедняков-ясачных зажиточной частью ясачных людей стал общим явлением. Степень состоятельности зажиточных отражена в их «наказах» в Комиссию об Уложении о разрешении им покупать у помещиков и служилых татар земли, поставлять вместо себя рекрутов или вносить за эту повинность деньгами. Они брали на оброк мельницы, занимались торговлей и, приняв христианство, записывались в посад или купечество, живя в городах «своими домами» и даже занимая выборные должности (сотников и др.)³. Обедневшие ясачные, не имея возможности жить земледельческим трудом, уходили на судовые сплавные работы, добычу соли, нанимались на заводы. Это делалось, как правило, без согласия общины, связанной круговой порукой в выплате податей и вынужденной в таком случае платить «с пуста». Чаще всего попавшие в кабалу не могли уже уйти с завода и оставались там бессрочно.

¹ Сб. РИО, т. 115, стр. 349.

² Там же, стр. 398.

³ Там же, стр. 355, 393, 407.

Служилые мурзы и татары, в основном давно уже утратившие привилегированное положение, сливались, по существу, с ясачной массой. Их помещные земли чаще всего переходили в руки русских помещиков путем фиктивных сделок с подставными покупателями, принимавшими после этого христианство и перепродававшими землю тем же помещикам¹. Большая часть мурз и татар была записана в работы на корабельные леса и попала в не менее тяжелое положение, чем ясачные крестьяне; однако некоторые из них, сохранившие свои земельные богатства, откупались от работ, нанимая вместо себя неимущих. Татары-помещики имели своих крепостных единоплеменников. В 1784 г. мурзы, владевшие дворовыми людьми, были уравнены в правах с русским дворянством.

Процент закрепощения среди нерусских народов Поволжья был меньшим, чем среди русских; закрепощена была некоторая часть мордвы и чувашей; незначительное число татар были крепостными у своих мурз. Основную массу крепостных в Поволжье составляли русские крестьяне, переведенные сюда помещиками.

Ясачные люди в качестве государственных крестьян, к которым они были приравнены, платили с 1754 г. рублевый оброк и 70-копеечную подушную подать. В 1768—1783 гг. оброк был соответственно увеличен до 2—3 руб. С 1794 г. увеличена до 1 руб. подушная подать. Фактически народы Поволжья платили долгое время значительно больше, так как они обязаны были платить подушные деньги за новокрещенов, освобождаемых на 3 года от налога. Кроме того, из-за вымогательства местной администрации платежи и повинности взимались в увеличенном размере.

Самым значительным движением нерусских народов Поволжья было их участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Это движение наиболее широко развернулось после оставления Пугачевым Казани и перехода его на правый берег Волги. Силы восставших быстро пополнялись русскими, мари́йцами, чувашами, мордвой и татарами. Крестьяне восставали еще до прихода основных отрядов повстанцев; города сдавались им без сопротивления².

К восстанию присоединилось все правобережное Поволжье³. После ухода повстанческих сил в низовья Волги правительственным войскам приходилось выдерживать столкновения с национальными отрядами восставших. В мордовской деревне Борашеве поручика С. Кабанова и его отряд встретили с рогатинами и дубьем; под с. Хорошеваши капитан Алексей Тупишин с казаками был 4 раза атакован отрядом из 700 чувашей; тот же поручик Кабанов доносил, что в Троицком остроге, в Красной слободе близ Темниковского винокуренного завода «обыватели, большей ча-

¹ Русским запрещалось покупать землю у служилых мурз и татар; крестившиеся мурзы и татары, наоборот, могли входить в сделки с русскими, но не могли с некрещеными.

² Из всех городов Средней Волги, занятых восставшими, сопротивление было оказано только в Ядрине.

³ «Пугачевщина». Сб. документов, т. II. М.—Л., 1929, стр. 34.

стью мордва, татары и помещичьи люди, все, взбунтовавшись, чинят великие злодейства и варварства»¹.

В восстаниях против феодального строя почти поголовно принимало участие нерусское население Поволжья. Исключение составляли служилые татары, которых правительство использовало для подавления восстания. Но беднейшие слои татарского населения активно участвовали в восстании.

Во второй половине XVIII в. влияние русской культуры на народности Поволжья было уже значительным. Это сказывалось в изменении быта и нравов, в заимствовании русских слов и одежды вследствие постоянного общения и смешения в результате браков с русскими. По внешнему виду нерусское население отличалось от русского только одеждой, особенно женской, сохранившей свой старинный вид².

Несмотря на то, что большая часть удмуртов, марийцев, чувашей и почти вся мордва приняли христианство, они продолжали приносить жертвы своим богам и предкам в кереметях и на могилах. Большинство татар оставались мусульманами; по выражению наказа ясачных татар Казанского уезда, они принимали христианство и крестились «по нужде», а не добровольно³.

В Казани была духовная семинария, с 1758 г. — гимназия, в которой учились дети дворян, чиновников и купцов. В 1786 г. открылось главное народное училище для детей мещан и разночинцев. Родом из Поволжья был не порывавший связи с ним поэт Г. Р. Державин. В Казани работал поэт и драматург М. И. Веревкин. Заметным поэтом в Поволжье был Г. П. Каменев, известен философ А. А. Панаев. С 90-х годов в Казани имелся постоянный театр.

Мусульманское духовенство создало ряд начальных школ и несколько медресе. Последние готовили кадры мусульманского духовенства. Число учеников во всех мусульманских школах было невелико, в них обучались дети богатых. Обучение сводилось главным образом к заучиванию наизусть текстов мусульманских религиозных книг на арабском языке.

Изучение татарского языка началось в казанской гимназии; преподаватель ее С. Хальфин составил букварь и грамматику этого языка. Татарский поэт Гибдрахим Усманов, писавший под псевдонимом Утыз-Имени, заявлял, что «татары обязаны знать и русский язык», овладевать также знаниями в области математики и медицины.

Народы создавали свой богатый фольклор разных жанров, в том числе исторические песни о героях борьбы против крепостнической эксплуатации.

В прикладном искусстве мотивы народного растительного орнамента мы замечаем в вышивке, тканье и ювелирных изделиях.

¹ «Пугачевщина». Сб. документов, т. II, стр. 307.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. Изд. 1. СПб., 1773, стр. 81.

³ Сб. РИО, т. 115, стр. 375.

Сближению русского и нерусского крестьянского и ясачного населения Поволжья способствовало сходство экономического и правового положения. Понимание ими общности их интересов всего ярче сказалось во время Крестьянской войны 1773—1775 гг., когда русские и нерусские народы Поволжья вместе боролись против своих угнетателей.

4

БАШКИРИЯ

Территория Башкирии во второй половине XVIII в. входила в состав Оренбургской губернии. До 1782 г. сохранялось ее старое (башкирское) деление на «дороги» — Казанскую, Ногайскую, Сибирскую и Осинскую. В 1782 г. было введено деление на уезды.

В середине XVIII в. население края сильно увеличилось вследствие притока поселенцев, переводившихся на территории пограничных крепостей, беглых из внутренних районов государства и мастеровых и рабочих людей.

Население Башкирии было многонациональным. По данным четвертой ревизии (1781—1787), в ней насчитывалось 70 600 башкир, 13 888 мишарей, 110 тыс. татар, чувашей, марийцев и удмуртов. Русского населения в конце XVIII в. было около 132 тыс. чел.¹

Основным занятием русского населения и других переселенцев из внутренних уездов являлось земледелие. Под возрастающим влиянием русских переселенцев к земледелию переходили и башкиры. Во второй половине XVIII в. земледелие наиболее распространено было среди башкир Осинской и Казанской дорог, в меньшей степени — у башкирского населения Сибирской и Ногайской дорог. В некоторых местах на землях русского и татарского населения существовала трехпольная система севооборота, но наиболее распространены были переложная и подсечная системы земледелия. В своих записках П. С. Паллас отмечал: «На новине сеют они 2 года ячмень, 2 года овес, 2 года озимую рожь, и еще один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь»².

Постепенно изменялась и система скотоводства: все большее значение приобретали сенокосение и заготовка сена на зиму.

В середине XVIII в. в экономической жизни края происходили значительные изменения, связанные с развитием металлургической промышленности на юге Урала. На территории Башкирии было построено много железоделательных и медеплавильных заводов, что потребовало большого

¹ ЦГИАЛ, Сенаторские ревизии, д. 52, л. 13, 14, 223—224; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895, л. 14—15 об. При расчетах по национальному признаку женское население не учитывалось, так как не имелось сведений о количестве женщин нерусского населения.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, кн. 1, ч. II. СПб., 1786, стр. 96—97.



Башкирка. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.-Г. Георги.

крупными башкирскими рудопромышленниками Осинской дороги была семья Тасимовых. Среди башкирской верхушки появлялись отдельные предприниматели, создававшие свои «заводы». Так, старшина Надыр Уразметов в 60-х годах начал строить нефтяной завод³. Существовали здесь кожевенные, салотопенные, мыловаренные и винокуренные «заводы»⁴.

Торговля в Башкирии, благодаря преобладанию у местного населения натурального хозяйства, была развита слабо и носила преимущественно меновой характер. Но во второй половине XVIII в. в связи с крупными изменениями во всей экономической жизни края, притоком новых групп населения и созданием новых отраслей промышленности, заметно выросло товарно-денежное обращение.

Земельная собственность башкирских кочевых и полукочевых феодалов маскировалась общинной собственностью на территории кочевий.

количества рабочих рук. На заводы переводились купленные крепостные крестьяне, правительство приписывало к заводам целые деревни государственных крестьян. Наконец, заводы притягивали к себе большое количество беглых, а также крестьян, отходивших на промыслы в поисках заработка. Для поставки на заводы руды, дров, угля и др.¹ привлекалось и местное население (в том числе и башкиры).

В период роста заводской промышленности края среди местного населения, главным образом башкир, появились рудознатцы, отыскивавшие рудные месторождения, иногда они же занимались их разработкой и поставкой руды к заводам. В дер. Кояновой Гайнинской волости насчитывалось до 90 дворов башкир-рудопромышленников². Во главе разведок обычно стояли богатые старшины, использовавшие труд рядовых, несостоятельных башкир. Наиболее

¹ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 9011, л. 4—6 об.

² ЦГАДА, ф. Воронцова, д. 880, л. 1, об.— 2.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1142, л. 52—86.

⁴ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 10019.

Феодалная верхушка башкир при ведении кочевого хозяйства эксплуатировала рядовых башкир-общинников, используя пережитки родового строя. Обладая правом распределения кочевий, башкирские старшины захватили наиболее удобные земли. Гораздо более определился феодальный характер землевладения у башкир при переходе к земледелию, когда в постоянном владении феодалов сосредоточивались большие площади, иногда путем прямого захвата общинных земель. При этом башкирские феодалы использовали в своих интересах такие обычаи, как «подмога» в страдную пору, «помощь» во время голода, отдача скота на выпас и т. д. Благодаря этому они создавали зависимую от себя группу башкир, зачастую кочевавших вместе с ними и в некоторой мере обслуживавших их хозяйство. Захват пахотных земель, ростовщичество и тусначество (работа за долг) приобретали в XVIII в. все большее значение¹. Усиление эксплуатации вело к росту недовольства в среде рядовых башкир, что принуждало башкирских феодалов искать себе опоры у царского правительства. Группа башкир-землевладельцев ходатайствовала о разрешении покупать крепостных крестьян, необходимых им для обработки земель².

Татарские мурзы и князья, мишарские, чувашские и другие феодалы так же эксплуатировали народные массы, как и представители башкирской и русской феодальной верхушки.

Основная масса нерусской части трудящихся состояла из зависимых от своих феодалов общинников-земледельцев и скотоводов.

Русские крестьяне в Башкирии были государственными, дворцовыми, экономическими, помещичьими и приписанными к заводам. Во второй половине XVIII в. в крае возросла численность крепостных, приписных крестьян и работных людей. Вместе с этим увеличились силы борцов против крепостничества.

Царская администрация в управлении Башкирией стремилась взять под свой контроль всю жизнь местного населения. Башкирское общество ранее пользовалось значительными правами во внутреннем самоуправлении. Башкирские старшины, видя в усилении колониальной политики посягательство на свои старые привилегии, находились в оппозиции к царскому правительству. Поэтому последнее постепенно снижало роль родовых старшин и заменяло их новыми, выборными, а позднее и назначаемыми. Отмена наследственных родовых старшин и замена их выборными, с утверждением кандидатов в Оренбургской губернской канцелярии, положили начало упадку старшинской власти. Старшин постепенно отстраняли от различных вопросов управления. После разрешения продажи башкирских земель спорные дела о землевладении перешли в ведение местной администрации. Той же цели ограничения старшинской власти служило введение при каждом старшине назначаемого писаря (обычно из мишарей), на обязанности которого лежал контроль за деятельностью

¹ ЦГАДА, Бирская нижняя расправа, д. 9, л. 1—1 об.; Архив МИД, Башкирские дела, св. 494, д. 3, л. 21—22.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XVI, д. 813, л. 34—36 об.

старшины и своевременная информация провинциальной и губернской администрации о замеченных в его действиях непорядках.

После подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. контроль над башкирскими общинами усилился: был создан целый ряд соответствующих учреждений. Рассмотрение мелких судебных дел башкир было поручено Оренбургской пограничной экспедиции¹. В 1782 г. из рук старшин был изъят суд по мелким уголовным и гражданским делам; для суда над башкирами и другим нерусским населением края были организованы нижние расправы, существовавшие параллельно с такими же расправами для русских крестьян².

В 1788 г. создано духовное магометанское собрание во главе с муфтием, подведомственное Уфимскому наместничеству, а позднее канцелярии оренбургского губернатора. Тогда в сферу ведения русской администрации перешли вопросы о назначении на духовные мусульманские должности и дела, подлежащие по шариату разбору в советах мулл и старшин (бракоразводные и др.)³.

В конце XVIII в. на Оренбургский край было распространено генеральное межевание, которое должно было закрепить покупки и захваты земель, совершенные русскими помещиками и заводчиками.

В течение второй половины XVIII в. происходило дальнейшее увеличение сборов и повинностей, падавших на население Башкирии; при этом система налогового обложения была значительно упрощена. В 1754 г. башкиры перестали платить ясак и на них была распространена соляная монополия. По подсчетам оренбургского губернатора И. И. Неплюева, это должно было значительно увеличить казенные сборы. Несколько ранее, в 1748 г., ясак, платимый тептяро-бобыльской группой населения, был заменен единой 80-копеечной податью, что увеличило сумму сбора более чем вдвое. Тептяри, бобыли и другое нерусское население использовали, кроме того, на казенных работах в крепостях, на постройке Стерлитамакской пристани, подвозке к ней соли и т. д. Ежегодно на эти работы высылалось от 800 до 1000 чел. За работу им полагалось по 3 коп. в день денежного жалованья и продовольствия. На нерусское население падала и подводная повинность.

Переселявшиеся в Башкирию, в том числе русские, платили подушную подать, возросшую в последнем десятилетии XVIII в. до 1 руб., и оброчный сбор, размер которого также увеличивался.

Рекрутские наборы распространялись только на русское население Башкирии. Служилых татар и мишарей, которые ранее участвовали только в отдельных походах, теперь начали систематически привлекать к отбыванию сторожевой пограничной службы. Тяжелым гнетом легла на плечи башкирского населения военная повинность. Для несения летней

¹ ЦГАДА, ф. Паниных, д. 211, л. 1—29.

² ЦГАДА, Бирская нижняя расправа, д. 1, л. 2—5 об.

³ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XVI, д. 934, ч. V, л. 72; Дворцовый отдел, д. 61029, л. 60.

и зимней линейной службы башкиры должны были выставлять по 1 человеку с 8 дворов (в последней четверти века — с трех) с полным обмундированием, 2 лошадьми и провиантом на все время несения службы. Смена лиц, выставленных для пограничной службы, производилась 2 раза в год. Жалованье выдавалось им только при дальних походах и участии в военных действиях. Башкирские и мишарские отряды принимали участие во всех войнах Российской империи, когда производился специальный набор объединенных отрядов численностью в несколько тысяч человек. В конце XVIII в. обязанность нести линейную службу была распространена на тептярей и бобылей. Начиная с 1790 г. начали создаваться нерегулярные тептяро-бобыльские полки.

В третьей четверти XVIII в. в Башкирии резко обострились классовые и национальные противоречия. О росте недовольства рядовых башкир-общинников действиями башкирских феодалов и старшин свидетельствуют жалобы рядовых башкир на действия старшин. Имеются упоминания о выступлениях рядовых башкир против отдельных ненавистных для них эксплуататоров. Так, в течение ряда лет башкиры Китай-Терсятской волости вели борьбу за смещение старшины Даута Еналина. Не добившись положительного для себя решения Оренбургской губернской канцелярии, они в 1756 г. сожгли дом Еналина, угрожая убить его самого¹.

Потеря большого количества земель, заводское строительство, введение соляной монополии, обременительная воинская повинность усиливали возмущение башкир, а также русских работных людей действиями царской администрации.

В 1754 г. вспыхнуло восстание на Авзяно-Петровских заводах, перекинувшееся затем на Вознесенский и Камский заводы. Вскоре восстание охватило все крупнейшие заводы Южного Урала². Жестокая расправа не смирila восставших. Напротив, работные люди приняли впоследствии самое деятельное участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. в Башкирии.

Накапливалось недовольство и в низших группах служилых людей. Набирая гарнизоны крепостей из пришлых людей, значительную часть которых составляли беглые, оренбургская администрация тем самым создавала там скрытые очаги недовольства.

Подъем классовой борьбы сплотил отдельные группы в общий фронт борьбы против феодального строя и царского самодержавия, и в 70-х годах XVIII в. крестьяне башкиры, мишари, татары, чуваша, мордва и марийцы выступали против крепостнического строя вместе с русскими крестьянами и работными людьми.

В начале 70-х годов XVIII в. обстановка в крае была чрезвычайно напряженной. Слухи о восстании яицких казаков и манифесты Пугачева

¹ «Сенатский архив (Протоколы Сената 1757—1758 гг.)», т. X, СПб., 1903, стр. 482—483.

² А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале XVIII—XX вв. М., 1931.

распространялись среди населения Башкирии. В манифесте, обращенном к башкирскому народу, Пугачев писал: «Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом, словом, всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу»¹.

Башкирский народ находился «в большом колебании». Попытка царской администрации использовать башкир и мишарей в борьбе с восставшими потерпела неудачу. С трудом собранный полторатысячный башкирский и мишарский отряд перешел на сторону Пугачева. Вслед за этим многочисленные башкирские отряды один за другим вливались в ряды восставших. Башкирами были виднейшие сподвижники Пугачева — старшина Кинзя Арасланов, старшина Шайтан-Кудейской волости Юлай Азналин и его сын Салават Юлаев и многие другие. Произведенный Пугачевым в чин полковника, Салават Юлаев был послан в центр Башкирии с тем, чтобы объединить и возглавить разраставшееся там движение. Выдающиеся организаторские способности Салавата, его пламенная агитация, мужество и непримиримость в борьбе с правительственными войсками сделали его вождем башкирских масс. К концу 1773 г. широкие массы башкирского народа поднялись на борьбу с царизмом. По определению генерала Деколонга, «башкирский народ генерально взбунтовался и сущим неприятелем сделался»².

Башкиры принимали деятельное участие в Крестьянской войне. Но если рядовые башкиры-общинники находились в лагере восставших, то часть башкирских старшин, примкнувшая первоначально к восстанию, весной 1774 г. отошла от него. Известны имена многих старшин, «находившихся в непоколебимой верности» царскому правительству и принимавших активное участие в борьбе с восстанием (Ахмет Шарыпов, Юсуп Надыров и др.)³.

После поражения войск Пугачева под Черным Яром правительство бросило крупные силы для подавления восстания внутри края. Башкирия была окружена. В сентябре 1774 г. восставшие были разбиты под Елдяцкой крепостью, в ноябре был взят в плен Салават Юлаев. В конце 1774 г. царским войскам удалось задушить восстание в Башкирии.

Крестьянская война 1773—1775 гг. охватила широкие массы трудящихся башкир, мишарей, мари, удмуртов, чувашей. По подсчетам Уфимской провинциальной канцелярии, в ней принимало участие 14 038 башкирских дворов, 8752 мишарских и 31 481 человек ясачных татар, мари, удмуртов и чувашей. В числе не примкнувших к восстанию указано лишь 54 двора башкир Казанской дороги и 1170 ясачных татар⁴. В классовых

¹ «Пугачевщина», т. I. М.—Л., 1926, стр. 28.

² А. И. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907, стр. 21.

³ ЦГАДА, ф. Папных, д. 196, л. 312—313 об.

⁴ Там же, л. 230—311.

битвах, которые развернулись на территории Башкирии во второй половине XVIII в., создавались традиции совместной борьбы угнетенных групп многонационального населения края против общего врага.

Материальная культура башкир определялась в значительной степени их кочевым бытом. Частые передвижения с места на место обусловили простоту их летних жилищ и зимних домов.

Во второй половине XVIII в. в материальной культуре башкир произошли существенные изменения, связанные с переходом населения к земледелию; в первую очередь это выразилось в освоении русской техники земледелия, а также в изготовлении несложных сельскохозяйственных орудий, металлические части которых башкиры умели выделывать сами.

До нас дошло большое количество башкирских сказок, песен и легенд, отражающих борьбу башкирских трудящихся против эксплуататоров. Значительная часть произведений носила характер феодального эпоса и прославляла отдельных представителей феодальной верхушки. Любимым героем народных исторических песен был Салават Юлаев, талантливый народный поэт, представитель башкирской литературы XVIII в.

Необходимо отметить некоторое повышение грамотности населения края во второй половине XVIII в. Народное образование в крае находилось в руках мусульманского духовенства — мулл. Во второй половине XVIII в. были открыты и русские школы. Вместе с общим развитием просвещения в крае во второй половине XVIII в. усилилось влияние русской культуры на культуру различных народов, проживавших на территории Башкирии. Оно проявлялось как в заимствовании обычаев и верований, так и в передаче производственных навыков.





ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАРОДЫ СИБИРИ ¹

В XVIII в. Сибирь продолжала оставаться многонациональной окраиной царской России. На северо-западе Сибири жили ненцы (самоеды), южнее их — по Оби и ее притокам — ханты (остяки) и мансы (вогулы), а еще южнее, в Западной Сибири, — сибирские татары. На среднем течении Оби жили селькупы (остяко-самоеды). В низовьях Енисея жили энцы (енисейские, или хантайские, карасинские и подгородные самоеды), в тундре между Енисеем и Хатангой — нганасаны (авамские, или тавгийские, самоеды); по Енисею, от устья Каса до Курейки, жили кеты (енисейские остяки). На юге Западной Сибири на Алтае обитали разные тюрко-язычные племена, часть которых лишь во второй половине XVIII в. стала русскими подданными. В верховьях Томи жили шорцы, в верховьях Енисея — племена предков хакасов, по рр. Томи и Чулыму — томские и чулымские татары. Буряты обитали по обоим берегам Байкала, в верховьях Ангары и Лены, в бассейне Селенги. Эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты) были распространены на огромном пространстве зоны тайги от Енисея до Охотского моря. Якуты во второй половине XVIII в. жили в среднем течении Лены, на Вилюе и Яне, заняли бассейн Оленека, Хатанги, Анабара, жили по Индигирке и Колыме, а отдельные их поселения появились и на берегах Охотского моря. Юкагиры во второй половине XVIII в. находились небольшими группами в окружении эвенов, якутов и русского населения в бассейне Яны, Индигирки и Колымы. В бассейне Анадыря их теснили и ассимилировали чукчи. Коряки жили по берегам Пенжинского залива, на севере Камчатки и по берегу Берингова моря, к югу от мыса Наварина. Камчадалы (ительмены) продолжали занимать большую часть Камчатки, часть их стала сливаться с русскими. На Курильских островах жили айны (курилы). Во второй половине XVIII в. очень увеличилось русское население Сибири, особенно вдоль сибирского тракта, по берегам рек и вокруг городов.

Нерчинский договор 1689 г. и Буринский договор 1727 г. установили южную сухопутную границу Восточной и Средней Сибири: от Охотского моря (южнее устья р. Уд) до пограничного знака № 24 на Сабинском

¹ В статье использованы материалы С. В. Бахрушина и С. А. Токарева.

хребте, несколько западнее верховьев Кантегира (левого притока Енисея в его верховьях). С установлением в первой половине XVIII в. Пресногорьковской укрепленной военной линии, которая начиналась на Тоболе выше Кургана, у крепости Звериноголовской, и достигала Иртыша у Омской крепости, и с проведением в это же время линии русских крепостей по Иртышу, от Омской крепости до Усть-Каменогорской, прочно вошла в пределы России вся юго-западная часть Сибири. Колывано-Кузнецкая военная линия, образованная в 1759—1762 гг., прикрывала Западную Сибирь с юга. К началу второй половины XVIII в. за пределами России, кроме Приамурья и Приморья, оставалась еще большая часть территории современной Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. Присоединение в 1758 г. Горного Алтая было единственным, но значительным территориальным приобретением России в материковой части Сибири в рассматриваемый период.

Таким образом, во второй половине XVIII в. почти закончилось расширение русских владений на материке в Северной Азии. В это же время произошло быстрое, по своим темпам напоминающее продвижение русских землепроходцев по Сибири в первой половине XVIII в., проникновение русских как на Алеутские и другие острова, так и на самый североамериканский материк, где смелые и энергичные русские люди вписали также не одну славную страницу в историю географических открытий.

Многонациональное население Сибири второй половины XVIII в. находилось на различных ступенях развития: у одних народов удерживался первобытно-общинный строй (ительмены, чукчи, коряки, айны, отчасти эвенки), у других быстро шел процесс классообразования, становления патриархально-феодальных отношений (якуты, буряты и др.), у третьих уже сложились феодальные отношения (русские). В крепостнической царской России народы Сибири развивались крайне медленно¹. Русское население Сибири в этом отношении обогнало местные народы. Общение с русскими трудящимися содействовало росту материальной и духовной культуры этих народов.

Политика царского правительства в отношении развития земледелия в Сибири не изменилась: земледелие и во второй половине XVIII в. рассматривалось не как самостоятельная цель колонизации Сибири, а исключительно как вспомогательное средство для поддержания горнозаводской промышленности и главным образом как способ обеспечения содержания войск на границах.

Создание военных пограничных линий и усиление военных гарнизонов, а также развитие горнозаводских округов, естественно, потребовали мероприятий и в этой области. Так, в целях снабжения продовольствием верхнеиртышских крепостей в 1763 г. последовал указ о заселении местностей по рекам Бухтарме, Ульбе и по Иртышу, в районе Семипалатной, Ямышевской и Омской крепостей, причем поселенцам отводилось по

¹ См. «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.», главу девятую. М. 1956 г.

5 дес. под посевы, выдавался хлеб на обсеменение полей и необходимый живой и технический инвентарь. Состав поселенцев был очень пестрый: отставные солдаты, «вольножелающие» из крестьян других сибирских уездов и главным образом попрежнему ссыльные: помещичьи люди, отправляемые в Сибирь по зачету за рекрутов, и т. п.

В тех районах, где хлебопашество было сравнительно широко распространено, правительство не заботилось о его дальнейшем развитии. Крестьяне целыми уездами отписывались к горным заводам, причислялись к казачьим войскам.

Во второй половине XVIII в. продолжалось дальнейшее развитие горнорудной промышленности Сибиря. На Алтае возникло 7 казенных заводов. В Забайкалье, на Нерчинских серебро-свинцовых рудниках и плавильных заводах увеличивалась добыча серебра; в 1774 г. она составила 619 пудов. С 1776 г. в пределах Нерчинского горного округа начала развиваться и золотопромышленность. В разных районах Сибиря начали действовать железоделательные заводы: Петровский в Забайкалье, основанный в 1778 г. и существующий поныне; Ланинский на западном берегу Байкала, закрытый в начале XIX в.; Ирбинский, Канский, Езагашский и Лугавский медеплавильный в южной части бассейна Енисея, впоследствии закрытые, и др. В Сибиря были также суконные, фарфоро-фаянсовые «фабрики», кожевенные и солеваренные заводы и т. п.

Развитие горной промышленности в Сибиря продолжало оставаться очень важным фактором в истории ее колонизации. Усиление эксплуатации ископаемых богатств требовало привлечения на рудники, прииски и заводы все большего числа рабочих рук. Потребности промышленности на первых порах удовлетворялись припиской к уральским и алтайским заводам местного крестьянского населения. С переходом алтайских заводов в собственность царской семьи стали широко практиковаться переселение крестьян в Алтайский округ и приписка их к заводам; из этих приписанных к заводам крестьян постепенно выделился разряд мастеровых, которые специализировались на заводских работах и за это получали освобождение от других государственных повинностей. Указами 1760 и 1769 гг. для преступников, приговоренных к смертной казни или к каторжным работам, устанавливалась ссылка на Нерчинские заводы, вместо ссылки в Рогервик и в другие места.

Рост горной промышленности во второй половине XVIII в. повлек за собой не только усиление ссылок на заводы, но и развитие «вольной» колонизации Сибиря. На горные заводы и промыслы потянулись беглые. Правительство, заинтересованное в расширении горного дела, смотрело на это явление сквозь пальцы. В течение XVIII в. неоднократно издавались указы, предписывавшие не высылать с казенных и «партикулярных» заводов объявившихся на них после ревизии работных людей и мастеров, а приписывать их к заводским волостям с уплатой владельцам денежного вознаграждения; вместе с тем предупреждалось о запрещении впредь принимать беглых на работу. Из тех же соображений правительство временами

направляло на заводы и другие пришлые элементы, попадавшие в руки сибирских властей, вместо того чтобы возвращать их в Россию.

С целью оградить Алтайский горнозаводский округ от нападений кочевников, в 1759 г., как уже сказано выше, была создана Колывано-Кузнецкая, или Колывано-Воскресенская, военная линия, которая начиналась от Иртыша несколько выше Семипалатинска, шла по р. Убе и, отделяясь от нее, направлялась к северу на Змеиногорский рудник и на Колыванский завод¹, далее через Белорецкий форпост на Маралиху, а оттуда на Бийск и на Кузнецк. Эта линия, огибая с юго-запада Алтайские горы, должна была обеспечить спокойную эксплуатацию алтайских горных богатств.

Поселение служилых людей вдоль Пресногорьковской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой линий, производившееся с 20-х годов XVIII в., завершилось в 1808 г. образованием линейного казачьего войска в составе первоначально 6 тыс. чел. Значительный контингент сибирских войск составляла попрежнему ссылка. Указом 1766 г. предписывалось, например, определять в военную службу помещичьих людей, присылаемых на поселение за «непослушание». На службу в Сибирь поголовно направлялись целые группы боеспособного населения, признанные правительством неблагонадежными. Так, в 1760 г. были расселены среди сибирских казаков донские казаки; в 1763 г. сформировано несколько полков из беглых российских подданных, выведенных из Польши; в 1770 г. поселены на сибирских линиях ссыльные запорожцы.

Образование военных линий и линейных войск явилось важным фактором не только в деле обороны страны, но и в развитии земледельческой культуры, так как в противоположность городским гарнизонам линейные казаки, занимаясь главным образом сельским хозяйством, представляли собою скорее вооруженных крестьян, чем регулярные войска.

В связи с общим ростом общественного разделения труда в России, в этот период в Сибири наблюдается развитие ремесла и торговли. Большое значение приобрела для Сибири торговля с Китаем, сосредоточенная в Кяхте. Частная торговля с Китаем вначале встречала сильную конкуренцию со стороны казны, снаряжавшей более или менее регулярно торговые караваны в эту страну. Но с прекращением во второй половине XVIII в. казенного караванного торгового с Китаем всецело перешла в частные руки и много способствовала оживлению местных рынков, открывая сбыт как сибирской, так и американской пушнины.

Из внутренних ярмарок крупную роль играла возникшая еще в XVII в. Ирбитская ярмарка, которая служила посредническим пунктом между европейской частью России и Сибирью.

¹ Таково было первоначальное направление линии с 1759 г.; в 1762 г. линия шла с самого начала вдоль Каменогорско-Кузнецкого тракта, начинаясь непосредственно от Усть-Каменогорской крепости (Ульбинская, или Согра, Сеитовский редут, Верхне-Убинская защита, Плоская, Ключевский маяк), и далее, к Белорецкой защите.

Развитие ремесла и торговли отразилось на росте сибирских городов. В XVIII в. начался наплыв в города крестьян, которые принимали деятельное участие в городских промыслах и торгах.

В связи с развитием товарного производства особое значение приобрели пути сообщения. Верхотурский и «чрезкаменный» пути все более утрачивали свое значение. Уже с XVII в. намечалась «новая дорога» из Казани через Кунгур на Исеть. Возникновение горнозаводского округа придавало этому направлению особенно важную роль. Тем не менее в XVIII в. правительство упорно отказывалось допустить пользование дорогой на Екатеринбург, и только в 1763 г. Верхотурский тракт был упразднен, а взамен его открыт Московский тракт через Кунгур — Екатеринбург — Тюмень. Этот путь после запрещения в 1708 г. «чрезкаменного» пути стал единственной официальной дорогой в Сибирь. Между 1762 и 1795 гг. внутри Сибири шло оживленное дорожное строительство с целью связать Московский тракт с Восточной Сибирью, в частности с Кяхтой. К концу XVIII в. был установлен тракт через Якутск к Охотскому морю, который имел важное значение в связи с устремлением промышленной деятельности русских в Северную Америку. В конце XVIII в. возникла мысль об учреждении наряду с сухопутными дорогами водных путей.

В 1798 г., согласно проекту генерал-майора Новицкого, было предписано даже приступить к работам по соединению Оби с Енисеем посредством канала между Тымом и Сымом; однако распоряжение это, как известно, не было выполнено.

В связи с развитием путей сообщения принимались энергичные меры по заселению территорий, по которым проходили новые тракты, и обслуживанию трактов. Ямское дело получило дальнейшее развитие, число ямщиков продолжало увеличиваться.

Подводя итоги русской колонизации Сибири во второй половине XVIII в., можно отметить те же явления, которые имели место и в предыдущий период. Во главе переселенческой волны стояла вольная колонизация, опережавшая всюду колонизацию правительственную и забегавшая далеко вперед, но без всякого руководства и без плана. В этом движении показателен пример заселения долины р. Бухтармы, начавшегося в середине XVIII в., вскоре после устройства Колывано-Кузнецкой линии. Здесь в еще не принадлежавшей к русским владениям горной области, отождествляемой с легендарным «Беловодьем», возникло до 30 поселений «каменщиков» (горных людей), которые только в 1790 г. стали «гласными правительству» и в числе 205 чел. м. п. и 68 чел. ж. п. выразили готовность перейти в русское подданство.

Для заселения края правительство прибегало попрежнему к двум испытанным средствам, характерным для феодального строя, — к чисто принудительному набору и к ссылке. Последняя играла очень крупную роль в XVIII в. Общие итоги заселения Сибири за XVIII в. определяются следующими цифрами: в 1797 г. русских в Сибири, за исключением Иркут-

ской губ. и Камчатки, числилось 575 765 чел., что составляло 81% всего населения Сибири; иначе говоря, Сибирь стала уже русской.

Хозяйственный рост Сибири отразился на культурной жизни ее русского населения.

В XVIII в. возникли первые в Сибири школы в виде отдельных училищ, открывавшихся в больших городах. В 1784 г. в Тобольске была основана первая типография, а в 1789 г. появился первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»,

Под влиянием успехов просвещения складывалась сибирская интеллигенция, разночинная по своему составу, пестрая по образованию. На попущие «исторического собрания» выступил тобольский ямщик Иван Леонтьевич Черепанов, составитель компилятивной летописи (с 1578 по 1760), в которой он соединил новые данные Г. Миллера со старыми записями тобольских книжников. В другой области примером зарождавшейся сибирской интеллигенции является «солдатский сын» «механикус» Иван Иванович Ползунов (1728—1766), изобретатель паровой машины, предвосхитивший на много лет идею Дж. Уатта. Рядом с ним можно поставить самоучку-метеоролога Неверова.

На молодую сибирскую интеллигенцию большое влияние оказали политические ссыльные, среди которых было много выдающихся лиц. Ссылным был и основатель названного выше журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» П. П. Сумароков (1765—1814).

Большое значение в культурной жизни Сибири второй половины XVIII в. имела «великая академическая», или «физическая», экспедиция 1768—1774 гг., организованная под общим руководством академика П. Палласа. В отличие от экспедиций В. Беринга, экспедиция 60—70-х годов XVIII в. не ставила себе мореходных задач, а сосредоточила свою работу на исследовании материка. Обследована была огромная территория от Кавказа до низовьев Енисея и от Волги до Забайкалья. Участники экспедиции — П. Паллас, В. Зуев, И.-Г. Георги, И. Лепехин и другие собрали богатейший материал по географии, флоре и фауне обследованных областей, по быту и культуре их народов. В результате работы экспедиции и ранее накопленных данных стало возможным появление первого в России сводного этнографического труда И.-Г. Георги¹, в котором содержались обширные этнографические сведения о народах России. Этот труд не утратил своего значения и поныне.

Последним значительным экспедиционным предприятием XVIII в. было путешествие капитанов И. Биллингса и Г. А. Сарычева в 1785—1794 гг. Они были отправлены на обследование Чукотки, должны были обойти ее морским путем. Но сделать этого им не удалось. В конце концов Биллингс прошел от Чукотки до Колымы сухим путем. Эта экспедиция обследовала также Берингов пролив, Алеутские острова.

¹ И.-Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. 1—4. СПб., 1776—1777.

В XVIII в., особенно во второй его половине, в связи с общим экономическим развитием России произошли изменения в ясачном обложении коренного населения Сибири царским правительством. Значение «мягкой рухляди» в русском государственном хозяйстве постепенно падало. В 1769 г. правительство даже сочло возможным отказаться от обязательности уплаты ясака мехами и предоставило ясачным людям право выплачивать его деньгами. Для увеличения государственных доходов было приступлено к радикальной реорганизации архаического ясака. Была учреждена «ясачная комиссия гвардии секунд-майора Щербачева», командированного в Сибирь для проведения в жизнь реформы ясачного обложения. По всем воеводствам Сибири «комиссии о расположении ясака» устанавливали размеры и порядок взимания ясака в зависимости от хозяйственного состояния, бытовых условий того или иного народа. Работа ясачных комиссий протекала в духе инструкции, которая была дана правительством Екатерины II. В инструкции предлагалось передать все дело раскладки и сбора ясака в руки местной знати. Князьцы и старшины должны были отныне по своему усмотрению разверстывать ясак в своих родах (улусах) и уплачивать его в казну не с каждого плательщика порознь, но «суммою со своего улуса»¹. Этой мерой правительство избавляло себя от хлопотливой задачи выколачивания ясака от неимущих плательщиков, как это было раньше, и возлагало ответственность за сбор его на господствующие слои местного населения. Князьцам эта мера была тоже выгодна, ибо она открывала им значительные возможности для личного обогащения.

Указанные мероприятия ускорили развитие феодальных отношений среди якутов и бурят, стоявших на более высоком уровне культуры, чем другие народы Сибири. Правительство всячески покровительствовало феодальной знати: отдельным князьцам жаловалось дворянство, их привлекали в Комиссию по составлению нового Уложения в качестве представителей коренного населения Сибири и т. п.

Другим результатом деятельности ясачной комиссии было, как указано выше, предоставление в 1769 г. права ясачным людям платить ясак, по желанию, пушшиной или деньгами. Это разрешение было вызвано катастрофическим уменьшением количества ценного пушного зверя. И только на Камчатке, где еще водились в достаточном числе ценные виды соболей, в конце XVIII в. продолжали жестокими мерами собирать ясак натурой.

Переход на денежную уплату части ясака расширял возможность эксплуатации коренного населения Сибири купцами метрополии и в особенности местными. Скупка пушнины, ранее ограниченная правительством во избежание утечки ее в частные руки, теперь была передана во власть хищных скупщиков, грабивших сибирских звероловов. Не стесняясь в средствах для своего обогащения, они прибегали к поголовному спаиванию поставщиков пушнины, опутывали их неоплатными долгами и, пользуясь их незнанием рыночных цен, за бесценок, почти даром, выры-

¹ И. Булычев. Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. СПб., 1856, стр. 255—268.

вали у них драгоценную добычу. Кроме того, мелкие и крупные представители царской администрации попрежнему продолжали всякими путями грабить и эксплуатировать коренное население в свою пользу.

Темные стороны царского колониального режима не должны, однако, заслонять положительных явлений, внесенных в жизнь сибирских народов экономическим и культурным общением с русским народом. В XVIII в., благодаря влиянию русских крестьян, некоторые сибирские народы, ранее не умевшие обрабатывать землю, занялись земледелием. По примеру русских вводились новые типы жилищ, изменялся к лучшему быт, повышался культурный уровень местного населения.

* * *

Население Алтайской горной страны только в 1758 г. вошло в состав Российского государства. До этого племена северной части Алтая более столетия находились на положении «двоеданцев», платя одновременно дань России и джунгарскому контайше, а все население южной части Алтая состояло в подданстве Джунгарии.

Южный и северный районы Алтая различались между собой не только по природным и хозяйственным условиям, но и по историческим судьбам и сложившимся культурным типам. Северная, предгорная и горнотаежная полоса — Кузнецкий Алатау и Большая Алтайская Чернь — была издавна населена полуоседлыми охотничьими племенами (кумандинцами, челканцами, тубаларами), которые в виде подсобных промыслов занимались земледелием и собиранием съедобных растений (клубней кандыка и луковиц сараны). Население проживало в постоянных селениях и улусах; жилищем служили бревенчатые срубные юрты, землянки, а для уходивших на зимний промысел охотников — легкие шалаши. В культуре населения северного района Алтая сохранилось много древних традиций, сближавших его со старинными насельниками таежной полосы Сибири.

В южной, горностепной полосе Алтая сложился совершенно иной тип хозяйства и культуры. Здесь обитали собственно алтайцы (алтайкижи) и теленгиты. На богатых горных лугах пасли свои многочисленные стада кочевники, издавна заселявшие эту часть Алтая. Не знавшее оседлости население жило кочевыми группами (аилами) в решетчато-войлочных круглых юртах, по многу раз в год передвигаясь с места на место вместе со стадами. Охота играла в его жизни лишь подсобную роль. Местами существовало и земледелие, даже с искусственным орошением. Но поля были очень небольшие, а орудия обработки весьма примитивные: мотыга (абыл) и одноконная небольшая соха (андазын).

У населения Алтая сохранились черты родоплеменного быта. Оно делилось на экзогамные патрилинейные роды сёок (буквально «кости»), члены которых считались связанными кровным родством (карындаш — брат, от «карып» — утроба матери). Названия многих родов свидетельствуют о том, что предки их вышли из самых различных древних племен, в разное время побывавших на Алтае. Наиболее многочисленными родами

алтайцев являлись кыпчак, найман, иркит, тӧлес, тодош, мундус и др. Во внутриплеменных общественных отношениях алтайцы уже переросли рамки родового строя, и внутри них резко сказывалось классовое расслоение; власть принадлежала богачам и родовой знати.

Классовое расслоение и феодальные формы социальных отношений особенно заметны были в южной полосе Алтая, где с XV в., если не раньше, было сильно влияние западных монголов — ойратов. В XVII в., в эпоху расцвета могущества Ойратско-Джунгарской державы, весь Алтай, а особенно Горный, входил в состав зависимых от нее территорий. Эта зависимость сказалась и в очень сильном влиянии западных монголов на население Алтая в социальном и культурном отношении. Самый язык алтайцев, тюркский по происхождению, переполнен монголизмами; в частности, была монгольской вся социальная терминология.

Родовые группы алтайцев были объединены в дючины (от монгольского «дэчин» — 40), во главе которых стояли зайсаны (от монгольского «цзайсан»); отдельными родами управляли демичи. Зайсаны и демичи представляли собою наследственную родовую знать, владельцев крупных стад скота. Они располагали огромной властью над населением, пользуясь и пережитками патриархальных традиций и средствами внеэкономического давления в виде дружин, составленных из их вооруженных слуг. По отношению к джунгарскому контайше алтайские зайсаны выступали как вассалы последнего, собирая для него с населения алман (дань) и выставляя в необходимых случаях вспомогательную военную силу. Такое положение держалось до середины XVIII в., когда Джунгарское государство стало быстро клониться к упадку. Китайский император Киен-Лунг воспользовался распрями среди джунгар, чтобы покончить с беспокойным соседом на северо-западе. Маньчжуро-китайское войско вторглось в Джунгарию и в 1756—1757 гг. произвело там ужасающий разгром, в результате которого страна была опустошена; незначительные остатки джунгарского населения вымирали от голода и вспыхнувшей эпидемии оспы. Всего погибло около миллиона человек. С этого времени джунгары перестали беспокоить границы Сибири и ее племена.

В этих условиях бывшие джунгарские вассалы, зайсаны южноалтайских дючин, чтобы спастись от гибели, перешли под покровительство России. Еще с осени 1755 г. 11 алтайских зайсанов со своими подданными, прикочевав к русской границе, просили принять их в подданство. Через год с такой же просьбой обратился крупный зайсан Омбо с 1 тыс. семейств подвластного населения. Почти одновременно явился уполномоченный еще 12 зайсанов, которые, прося принять их в подданство, обещали платить ясак и выставлять по первому требованию двухтысячное войско. Когда же началось массовое истребление джунгар войсками китайского императора, к русской границе хлынули толпы беженцев. Русское правительство согласилось присоединить весь Алтай до водораздельных хребтов к своим владениям (1757). К России перешел весь бассейн Катунь, Чуи, Чарыша, Телецкое озеро с р. Чулышманом. С императорским Китаем

удалось по этому поводу довольно быстро договориться. По соглашению 1758 г. вся названная территория осталась за Россией, за исключением бассейна Чуи. жители которого сохранили «двоеданство», обязавшись платить ясак и России и Китаю. Это положение длилось до 1866 г., когда Китай отказался от получения дани с чуйских «двоеданцев». Вновь присоединенные области были включены в состав Алтайского горного округа, который по указу 1747 г. являлся собственностью Кабинета е. и. в., т. е. частным владением царской фамилии. Все доходы с этой богатой страны шли уже не в государственную казну, а в удельное ведомство, т. е. семье российского императора.

Основным занятием бурят во второй половине XVIII в. продолжало оставаться скотоводство. Но в системе ведения этого хозяйства произошли изменения. Влияние оседлого быта русских крестьян, рост населения, интенсификация скотоводческого хозяйства (рост сенокосения и заготовок сена) сократили, даже у забайкальских бурят, число перекочевов и усилили тягу к оседлости. Появились целые деревни новокрещенных бурят, перешедших на оседлую жизнь в постройки русского типа. Число кочевков главной массы бурят сократилось до 2—4 в год.

Под влиянием русских крестьян у бурят в довольно значительных размерах начало развиваться земледелие. Русские приемы земледелия, русский сельскохозяйственный инвентарь и принесенные русскими культуры — рожь, пшеница, ячмень, овес — вытеснили примитивное мотыжное земледелие западных бурят и их древние культуры — просо и курлыч. К концу XVIII в. земледелие распространилось и среди забайкальских бурят.

Забайкальские буряты были лучше обеспечены скотом, чем предбайкальские. Особенно богатыми считались хоринцы. Но рядом с немногочисленной группой богачей, владевших тысячами табунами лошадей, стадами крупного рогатого скота, овец и верблюдов, было много неимущих скотоводов-бедняков. Хотя буряты занимались скотоводством, однако большинству из них скота неоставало даже для питания. Бурятские бедняки питались мясом павших животных, в том числе лошадиным и верблюжьим.

Скотоводство и земледелие дополнялись «домашними промыслами». Буряты выделывали железные вещи. Составитель первого сводного труда по этнографии России И. Георги писал: «Железные их вещи с серебряной насечкой славны во всей России под именем братской работы»¹. Бурятские женщины занимались выделкой кож, изготовлением войлоков и т. п.

У восточных забайкальских бурят быстро складывались феодальные формы социальных отношений. Бурятская феодальная верхушка господствовала не только благодаря своему богатству, в ее руках была сосредоточена и политическая власть. Царское правительство поддерживало

¹ «Братскими людьми» русские продолжали называть предков современных бурят в течение всего XVIII в.

бурятскую знать, наделяя ее привилегиями, титулами тайшей, помогая ей в захвате власти над своим народом.

Господствующий класс бурятского общества (нойоны) закабалял бурятское крестьянство также путем поборов при сборе ясака. Уплатив ясак полностью в царскую казну, нойоны затем уже собирали его со своих соплеменников. Бурятская знать принуждала рядовых бурят пасти ее скот, ростовщически предоставляла им в долг деньги и скот.

Со второй половины XVIII в. появились первые записи обычного права бурят на монгольском языке. В 1759 г. составлена цаадза (указ, запрещение) селенгинских бурят. В 1763 г. у хоринских бурят был записан устав (хэб), регулировавший брачное и охотничье право. В 1788 г. был принят общий для хоринских и селенгинских бурят согласительный закон о размерах выкупа (андза) за правонарушения и о брачных нормах¹. Памятники обычного права бурят свидетельствуют об усилении торговой и ростовщической эксплуатации трудящихся бурят эксплуататорской верхушкой. На основании «Уложения» хоринцев 1781 г. ответственность за долги носила как имущественный, так и личный характер. При неуплате долгов в срок продавалось имущество, а также производилось наказание розгами. Должник мог быть отдан кредитору в кабалу для отработки долга.

Для военного и политического закрепления Забайкалья царское правительство прибегло к мере, непосредственно коснувшейся как бурят, так и эвенков-коневодов Забайкалья. На них была возложена охрана границ. Охраняя границу, буряты защищали и свои земли от хищничества монгольских ханов и тайшей.

В первой половине XVIII в. во многих пограничных караулах служили дружины из селенгинских и хоринских бурятских родов. В 1764 г. из этих дружин было сформировано 4 бурятских казачьих полка, получивших название по родам: Ашехабатский, Сартолов, Цонголов и Атаганов. В каждом полку было по 6 сотен. Зачислялись в казаки буряты сначала добровольно, причем добровольцев оказывалось всегда больше, чем требовалось по штату. В дальнейшем для бурят, причисленных к казачьему сословию, военная служба стала уже обязательной, и в отставку увольнялись только старики и неспособные носить оружие. Командные должности атаманов, есаулов, сотников и т. д. были формально выборными, но фактически эти должности оказались в руках родовитых нойонов.

Развитие феодальных отношений у бурят способствовало распространению среди них ламаизма, одной из феодальных религий Азии, разновидности буддизма. Проповедь его среди бурят широко поддерживали местные тайши, видевшие в ламаизме орудие укрепления своей власти. Успехи ламаизма ограничились Забайкальем; в Западную Бурятию он проникал в XVIII в. очень слабо. Западные буряты сохраняли свою старую религию, постепенно уступавшую православия.

¹ «Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета», отд. 1. Науки гуманитарные, вып. 1. Иркутск, 1921.

* * *

Во второй половине XVIII в. произошли существенные изменения в социально-экономическом и культурном укладе якутов, одного из наиболее многочисленных народов Восточной Сибири. Здесь происходило дальнейшее усиление господствующей улусной верхушки — тойонов.

Быстро протекавший в первой половине XVIII в. процесс концентрации лучших, наиболее удобных для использования покосных угодий в руках тойонов еще более ухудшил положение якутской бедноты. Многие бедняки не в состоянии были платить ясак, что приводило к падению ясачных сборов. Правительство не могло не обратить внимание на это обстоятельство, причинявшее убыток казне.

В Якутии, в связи с образованием ясачной комиссии Щербачева, также была создана комиссия для реорганизации системы ясачного обложения, которая в октябре — ноябре 1767 г. провела крупную реформу. Якутских «князьцов» вызывали в город, от них получали сведения о населении их волостей, хозяйственных условиях, выплачиваемом ясаке; при этом их заставляли якобы «добровольно» повышать размеры ясака и впредь уплачивать его «не с каждого порознь, но суммою». Сбирать и сдавать ясак должны были те же «князьцы» — тойоны, что поставило все трудящееся население в зависимость от них.

Однако упорядочение ясачного обложения этим далеко не исчерпывалось. Оно было тесно связано с землепользованием, так как развитие сенокосного хозяйства у якутов привело к полной неплатежеспособности бедняков, не наделенных землей. Распределение годной для сенокосения земли стало у якутов большим вопросом уже к середине XVIII в.

Администрация начала с того, что указом от 20 сентября 1765 г. запретила якутам продавать и покупать землю. Земля стала рассматриваться как надел, даваемый за платимый ясак. Правда, при самом переобложении ясаком в 1767 г. не было речи о том, что ясак должен разверстываться по



Якут. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.-Г. Георги.



Силки для ловли пушных зверей и забор для рыбной ловли
в Сибири. Гравюра из «Путешествия» П. С. Палласа 1770 г.
изд. 1809 г.

размерам земельных наделов: в документах этого времени говорится только о распределении ясака «по достатку и промыслам», т. е. по степени зажиточности отдельных хозяев. Но уже в скором времени, в 70-х годах, вошла в употребление практика распределять если не ясак по земле, то землю по платимому ясаку. Дело в том, что еще в XVII в. ясачные оклады у якутов были весьма различны и приблизительно соответствовали зажиточности отдельных плательщиков, хотя, конечно, далеко не были ей пропорциональны. По мере упадка охотничьего промысла и сокращения ясачных сборов уменьшалась и разница между окладами. К 60-м годам XVIII в. во многих случаях существовало лишь 2—3 размера окладов, переведенных повсеместно на деньги, хотя и обозначавшихся по-старому в меховых единицах: $\frac{1}{2}$ соболя — 3, р. 50 к., $\frac{1}{4}$ соболя — 1 р. 75 к., $\frac{1}{2}$ лиси-



Охотский порт. Гравюра из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, изд. 1755 г.

цы — 1 рубль¹. Несмотря на незначительность этой разницы, высший разряд плательщиков — «состоящие в соболях» (это были главным образом тойоны) — претендовал на получение более крупных наделов земли.

Так сложились в 60—70-х годах XVIII в. в Якутии основы того своеобразного земельного строя, который, постепенно видоизменяясь, сохранился под именем «классной системы землепользования» до Великой Октябрьской социалистической революции. Для якутского тойонства «классная система землепользования» стала главным основанием его экономического могущества.

Одновременно с экономическим усилением якутского тойонства в XVIII в. происходило и его политическое укрепление. Судебные дела якутского населения были всецело в руках местных «князьцов», и русская администрация отстранялась от участия в разборе этих дел. В 1752 г. у якутов было отнято право апелляции на решения «князьцов». Одновременно тойонам было предоставлено право применять к осужденным телесные наказания.

Еще более расширилась власть тойонов над населением улусов, когда в 60-х годах им было предоставлено право выдавать своим соулусникам разрешения на отлучку. Была введена система «видов», или «билетов», без которых ни один якут не имел права выехать за пределы своей волости.

¹ С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940, стр. 120; его же. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 330—332 и др.

Вид же выдавался «князьцом» на определенный срок и с точным указанием цели отлучки.

Все охарактеризованные выше явления — развитие тойонского землевладения, судебные и административные права тойонства над улусным населением — были звеньями единого процесса развития феодальных отношений в Якутии, превращения тойонства в феодалов-помещиков, а массы улусного населения — в зависимое крестьянство.

«Великие экспедиции» 1725—1743 гг., в которых участвовали сотни людей, походы на Камчатку и Чукотку, открытие пути в Америку и начало торговли с ней — все это привело к тому, что Якутия с ее большими реками превратилась как бы в проезжую дорогу, по которой передвигались массы людей и тысячи пудов груза. До Якутска движение шло по р. Лене, а дальше на восток, к Охотскому морю, шел сухопутный тракт. Перевозки по этому тракту от Якутска до Охотска требовали большого количества подвод. На якутов была возложена тяжелая подводная повинность. Ежегодно они должны были выставлять тысячи лошадей под казенные грузы. Повинность эта разоряла и истощала население, перевозки не выполнялись, войска и жители Анадыря и Охотска зачастую голодали из-за недостатка хлеба. Тогда правительство перешло к системе платных перевозок по Охотскому тракту. В 1763 г. за каждую лошадь была назначена плата в 3 р. 15 к. Это резко изменило положение. Якутские тойоны, почувствовав выгоду этого дела, завладели перевозками¹. Они начали добиваться повышения платы и, постепенно монополизировав все дело снабжения Охотска, стали диктовать администрации свои условия.

Система перевозок по Охотскому тракту вела к обогащению тойонской верхушки и к ухудшению положения якутских народных масс. В то же время эти перевозки толкали к перестройке тойонского хозяйства. Тойоны — содержатели станков² — нанимали ямщиков, брали лошадей в аренду («в тело» по местному выражению), получали деньги и с казны и с улусных обществ за доставку грузов. Транспортные подряды способствовали появлению нового тойонского хозяйства предпринимательского типа.

Военные действия на Анадыре и Чукотке в конце 40-х — начале 50-х годов XVIII в. показали, что справиться с чукчами при помощи военной силы очень трудно. В связи с этим в 1766 г. военные действия против них были прекращены, и чукчей отныне старались «замирить» вовлечением в торговые отношения с русскими, снабжением необходимыми для них железными изделиями и табаком. Кабинет е. и. в. отпускал ежегодно определенную сумму на «чукотские подарки» в целях подкупа чукотской социальной верхушки.

¹ Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929, стр. 304—325; А. Белевский. Аграрный вопрос в Якутской области. «Русское богатство», 1902, № 11, стр. 98, 103—104.

² Станками в Сибири назывались станции на трактах, где сменяли лошадей (оленей).

В 1770 г. Анадырский острог был ликвидирован как база русских военных экспедиций и воинские части из него выведены. В нем оставались лишь местные русские жители и небольшой административный аппарат. К концу третьей четверти XVIII в. активное сопротивление чукчей, как и камчадалов и коряков, в основном прекратилось.

С окончанием военных действий с чукчами стали складываться мирные отношения, начала развиваться торговля. Богатые чукотские оленеводы сами неоднократно обращались к местным русским властям с просьбами об открытии торговли. К концу XVIII в. относится возникновение русско-чукотских ярмарок, которые просуществовали до XX в. В 1788 г. было положено начало Анюйской ярмарке (в поселке Островном на р. Анюе), сыгравшей

громадную роль в развитии торговых отношений во всей северо-восточной Сибири. Обороты ее достигали сотен тысяч рублей. В торговые операции были втянуты не только чукчи и азиатские эскимосы, но и эскимосы Аляски. Позже возникли русско-чукотские ярмарки: Туманская (на р. Майн, притоке Анадыря), Марковская (на Анадыре), Чукотская (восточнее сел. Пенжино) и др. В 1789 г. все чукчи и азиатские эскимосы официально были приняты в русское подданство.

Правда, чукчи продолжали нападать на юкагир-чуванцев и на оленных коряков и теснили тех и других. Оленные чукчи со своими стадами в течение второй половины XVIII в. заняли весь бассейн Анадыря и Чауна, проникли на юкагирские территории к западу от Анадыря, на Анюй, Омолон до самой Колымы и на корякские территории к югу от Анадыря. На самом Анадыре вместе с русским населением сохранилось некоторое количество утративших оленей юкагир (чуванцев и ходынцев). Эти юкагиры постепенно слились с русским населением. Другая часть юкагир-чуванцев, сохранившая оленей и кочевой образ жизни, стала кочевать среди оленных чукчей и коряков. В XIX в. эти чуванцы были ассимилированы коряками и чукчами.



Коряк. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» Г. Георги.

В первой и в начале второй половины XVIII в. значительная часть коряков вместе с русскими и юкагирами участвовала в военных действиях как против чукчей, разорявших коряков своими набегами, так и против своих «немирных» соплеменников.

В 1752 г. на территории коряков была основана Гижигинская крепость, сыгравшая большую роль в ликвидации восстаний коряков этой области. Последнее вооруженное выступление коряков Пенжинского «моря» произошло в 1756 г.

Подавляя вооруженные выступления «немирных» коряков, правительство со своей стороны сделало корякам существенные уступки. В 1763 г. было уменьшено ясачное обложение коряков и установлены твердые ставки ясака. В 1767 г. оленные коряки платили в среднем в год ясака 1 р. 43 к., оседлые — по 1 р. 20 к. При этом требовалась выплата только $\frac{3}{8}$ ясака лисицами, а остальные $\frac{5}{8}$ ясака выплачивались деньгами; сбор ясака с коряков был предоставлен корякским же «лутчим людям» (знати, богачам), русские ясачные сборщики перестали ездить по стойбищам и селениям коряков. Это мероприятие быстро привлекло на сторону правительства верхушечную, зажиточную прослойку корякского народа. Некоторых представителей корякской верхушки правительство привлекло к местному управлению. Так, крещеный богатый тойон¹ с. Каменского Семен Умьявин во второй половине XVIII в. был даже членом нижнего земского суда. Содействуя укреплению богатой верхушки коряков, правительство одновременно предоставляло русским купцам эксплуатировать коряков. Но в отдаленные стойбища оленных коряков купцы проникать не решались, а товарообменные операции производили главным образом во время выездов коряков в русские селения на Пенжине и по берегу Пенжинского залива. Более оживленная торговля протекала с оседлыми береговыми коряками. В с. Гижиге устраивались ежегодные ярмарки. Коряки усвоили от русских искусство горячей обработки железа, и в корякском селе Парень образовалась группа профессиональных кузнецов, выделывавших ножи, которые распространялись по всей территории коряков и за ее пределами.

Во второй половине XVIII в. ительмены (камчадалы) сильно пострадали от эпидемии оспы. В течение 20 лет, отделяющих третью ревизию (1761—1767) от четвертой (1781—1787), число «ясачных камчадалов» в связи с эпидемией сократилось более чем вдвое.

Тем не менее налоговое бремя на камчадалов в последней четверти XVIII в. увеличилось, но активного сопротивления чрезмерному увеличению ясака на Камчатке во второй половине XVIII в. оказано уже не было.

Особенностью «ясачной» политики царского правительства на Камчатке, в отличие от таковой же в отношении коряков, начиная с 70—80-х

¹ «Тойон» — якутское слово, со значением «господин», «начальник». Русские стали называть тойонами также наиболее влиятельных и богатых чукчей, коряков, камчадалов, а также алеутов и индейцев в Русской Америке. Сами эти народы слова «тойон» до знакомства с русскими не знали.



Зимняя юрта и летние балаганы камчадалов, заготовка ими рыбы и жира. Гравюра из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, изд. 1755 г.

годов XVIII в. была тенденция к максимальному сокращению взимания ясака в денежной форме. Это объясняется высоким качеством камчатской пушнины, а также сокращением сбора мехов в других частях Сибири. Согласно законченной в 1809 г. переписи камчадалов, они были обложены ясаком на 2742 р. 26 $\frac{1}{2}$ к., причем деньгами из этой суммы было разрешено взыскать лишь не более 28 р. 26 $\frac{1}{2}$ к.

Увеличение оклада ясака в конце XVIII — начале XIX в. сопровождалось усилением власти камчадалских старейшин (тойонов), которые к тому времени превратились фактически в приказчиков царизма. По существу, обложение ясаком всецело зависело от них, ибо им было предоставлено право по своему усмотрению и в зависимости от состояния плательщиков изменять размер отдельных обложений, наблюдая лишь за тем, чтобы общая сумма ясака соответствовала требованиям царской администрации.

Тяжело отзывалась на благосостоянии камчадалов подводная повинность. Камчадалы обязаны были бесплатно возить на своих собаках чиновников и доставлять разные грузы. Из-за частых требований подвод охотники отрывались от промысла, собаки гибли, а семьи каюров голодали.

Значительную долю в разорении камчадалов сыграл неэквивалентный обмен, соединенный с ростовщичеством. «Всякий камчадал, — пишет один из путешественников, — имеет между купцами своего кредитора, у которого во всякое время берет он в долг разные безделицы, не спрашивая о цене их, почему купец записывает в свою книгу за всякую вещь десятирную цену, так что иной камчадал по книгам должен ему рублей тысячу и

более, в самом же деле и на сто не будет. Когда купцы ездят по Камчатке, то спрашивают своих должников, помнят ли они долги свои. «Помним», — отвечает камчадал. «А сколько ты мне должен, знаешь ли?» — «Почему мне знать — ты грамотный, посмотри в книгу, она скажет»¹.

Во второй половине XVIII в. начался процесс слияния камчадалов (ительменов) с русскими; к концу XIX в. камчадалы усвоили русский язык, русские типы рубленых жилищ, одежду русского вида, целый ряд русских бытовых черт. В настоящее время на Камчатке лишь небольшая группа камчадалов сохранила свой язык. Значительная же часть старожильческого русского населения Камчатки представляет собою потомство камчадалов (ительменов), усвоивших русский язык и русскую культуру.

Территория русских владений в Сибири во второй половине XVIII в. увеличилась: к России был присоединен Алтай. Одновременно и на территориях, ранее присоединенных к России, укреплялась русская власть, в частности на Чукотском и Камчатском полуостровах.

Продолжался хозяйственный рост Сибири: развивались горнорудное дело, земледелие, росли города, укреплялось товарное производство и обращение, прокладывались пути сообщения.

Хозяйственный рост Сибири создавал условия для увеличения здесь русского населения. В конце XVIII в. большинство населения Сибири (бол. 80%) составляли русские; Сибирь стала вполне русской областью и по национальному составу своего населения.

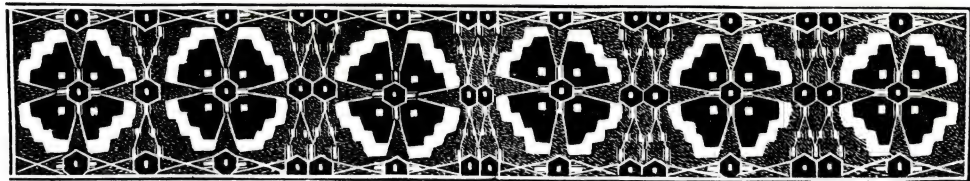
Замена части ясака денежными взносами вызвала усиление эксплуатации народов Сибири русским купечеством. Во второй половине XVIII в. увеличивалось угнетение их царскими чиновниками.

Политика царского правительства содействовала развитию среди ряда народов Сибири феодальных отношений. Несмотря на ряд отрицательных моментов, связанных с этим процессом, в целом переход от патриархально-родовых к феодальным отношениям, далеко, впрочем, не завершенным, представлял для этих народов прогрессивное явление.

Численность наиболее передовых народов Сибири (якутов, бурят, предков современных хакасов) возрастала; другие, более отсталые или малочисленные народы Сибири сливались с русскими (камчадалы, котты в бассейне Каны и др.), а также с якутами, бурятами и другими более сильными в экономическом отношении сибирскими же народами. Большое прогрессивное значение имело для народов Сибири экономическое и культурное сближение их с трудовым русским крестьянством.

¹ И. Головин. Материалы для истории заселений на берегах Восточного океана, вып. II. СПб., 1861, стр. 107.





ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

1

ЭСТОНИЯ

Хозяйство Эстонии, совершенно разоренное во время шведского владычества, в первой половине XVIII в., после включения, в состав Российской империи, постепенно восстанавливалось. Процесс дальнейшего развития его стал особенно заметным во второй половине XVIII в.

Основным занятием населения Эстонии было земледелие и, в частности, зерновое хозяйство. Зерно производили для собственного потребления, а также в большом количестве для изготовления водки. Зерно и водку продавали на внутреннем рынке и вывозили за границу.

В Эстонии развивались промыслы. Так, в Кодавере широкое распространение получило производство саней, бочек, на о-ве Хийумаа — строительство лодок и небольших парусных судов, в западной части Эстонии — тканье сукон. На побережьях моря и озер повсеместно было развито рыболовство. Эстонские рыбаки в технике и использовании орудий (снастей) лова многое перенимали от русских рыбаков.

В Эстонию приходило много русских крестьян, которые для уплаты оброка искали здесь работу в качестве плотников, каменщиков, камнетесов, кирпичников, землекопов, рыбаков, садовников и др. Многому у них учились эстонские крестьяне.

Во второй половине XVIII в. в Эстонии развивались и мануфактурная промышленность; сказалось влияние промышленного подъема во внутренних губерниях России, а также включения Эстонии во всероссийский рынок. Наиболее известными были мануфактуры, изготавливавшие стекло и изделия из стекла, текстиль¹. Существовали мануфактуры, производившие

¹ Л. А. Лооне. Из истории промышленного переворота в Эстонии. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 80. Байковая мануфактура была в Нарве. Наиболее крупной мануфактурой по набивке ситца и печатанию головных платков было предприятие Х. Фрезе в Таллине (основано в 1793 г.), на котором числилось до 148 наемных работников.

гвозди, кожевенные изделия, бумагу, фаянс, а также лесопилы и др.¹. Имелись мануфактуры, в которых переплавляли медь, изготавливали крахмал, зеленое стекло, зеркала (Пыльтсама, Тирна, Выйзику, Лехтсе, Нурси). Мануфактуры основывались как купцами, так и помещиками. На мануфактурах работали преимущественно наемные работники, но наряду с ними, главным образом на подсобных работах, использовались и крепостные крестьяне.

Быстро росла внутренняя и внешняя торговля Эстонии. О росте внутренней торговли свидетельствует рост базаров и ярмарок. Крупнейшая в Эстонии ярмарка происходила ежегодно в январе в Тарту. Ярмарки устраивались и в сельских местностях. Внешняя торговля осуществлялась через Петербургский и прибалтийские порты (Ригу, Таллин, Нарву, Пярну). Через Таллинский порт больше ввозилось товаров, чем вывозилось. В Нарве и Пярну вывоз преобладал над ввозом. Вывозили в основном лес (Нарва, Пярну), хлеб (Таллин). Ежегодно в Пярну приходило до 100 кораблей, в Таллин до 225, в Нарву до 240. Через Нарву ежегодно вывозилось продуктов более чем на 500 тыс. руб.² Нарва и Таллин были портами, через которые вывозились товары из России и ввозились в Россию. С этими портами, в частности, было связано петербургское и московское купечество. В интересах развития торговли в Нарве в устье р. Нарвы был углублен фарватер для прохода морских судов к городу и проведены работы по улучшению судоходства по реке.

Эстония развивала торговые связи с внутренними районами России. Из России в Эстонию привозили железо, медь, гвозди, свечи, мыло, медную посуду, обои, конскую упряжь, кожи, меха, ткани, рыбу, хмель, табак, лен, коноплю, лес и т. п. Из Эстонии во внутренние районы России и в Петербург вывозили стекло, зеркала, бутылки, крахмал, водку, парфюмерию, масло, фрукты, скот на убой, строительный камень и другие товары. Русские промышленные изделия, которые были дешевле, дали возможность эстонцам отказаться от ввоза многих дорогих иностранных товаров. Сбыт местной эстонской продукции на рынках России, расширявший товарооборот между окраинами и центром России, содействовал развитию производства как в Эстонии, так и в России. Развитие промышленного производства и торговли оказало влияние и на рост городов. Крупнейшими городами Эстонии были: Таллин, Тарту, Пярну, Нарва, Курессааре (ныне Кингисепи).

Крепостнический строй, господствовавший в Эстонии, принял особенно тяжелые формы во второй половине XVIII в., когда помещики усилили бар-

¹ Ряпинская писчебумажная мануфактура была старейшей в Эстонии (основана в 1734 г.). Работали здесь крепостные крестьяне. Вторая бумажная мануфактура, меньших размеров, была основана в 1764 г. в дер. Суло. С 1772 по 1782 г. в Таллине существовала фаянсовая мануфактура К. Фика. В 1780 г. в Пярну была построена корабельная верфь, где строились торговые суда и работало около 100 чел. В Нарве и Пярну имелись лесопильные мануфактуры.

² А. В. Петров. Город Нарва. СПб., 1901, стр. 400.



Эстонские крестьяне. Гравюра XVIII в.

щину и повысили оброк. Публицист И. Х. Петри в начале XIX в. писал, что крепостное право ни в одной стране не является таким страшным и не сопряжено с таким угнетением и мучениями, как в Эстляндии¹.

По величине крестьянские хозяйства делились на несколько групп. Сравнительно богатые хозяйства зачастую имели нескольких работников из крестьянской бедноты, мужчин и женщин. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств были бедными. Много было совершенно разоренных, безземельных хозяйств. В 80-х годах XVIII в. число жилищ безземельных составляло на о-ве Сааремаа 7,5% всех крестьянских жилищ, в Пярнумаа 33,3%, а в отдельных приходах Пярну и Вильяндимаа достигало 41—63%².

Безземельные бедняки нанимались на сельскохозяйственные работы к помещикам и зажиточным крестьянам или занимались ремеслом. Об ухудшении положения эстонских крестьян наглядно свидетельствует рост недоимок по государственным налогам. К началу 1765 г. недоимки только по Дерптскому и Пярнускому уездам составляли 7 тыс. руб. деньгами и 7 тыс. четвертей хлеба³. Тяжелое положение крестьян Эстонии в конце XVIII в. привело к уменьшению прироста населения.

Классовое угнетение в Эстонии усугублялось национальным. Немцы-крепостники, потомки рыцарей Ливонского ордена, жестоко угнетали

¹ J. Ch. Petri. Ehistland und die Ehsten, Bd. I. Gotha, 1802, S. 356.

² A. W. Hupel. Die gegenwärtige Verfassung der Rigaschen und Revalschen Statthalterschaft. Zur Ergänzung der topographischen Nachrichten von Lief- und Ehistland. Riga, 1789.

³ Я. Зутис. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937, стр. 140.

крепостных крестьян — эстонцев. И.-Х. Петри писал: «Уже с детства лежит на его (эстонца. — *Ред.*) лице и в выражении отпечаток нищеты и рабства; гнев, ненависть вместе с горьким презрением — это единственно сильное чувство, на что способен в прах поверженный эстонец. Немец для него — то страшилище, чем пугают детей. Когда те кричат или не хотят успокоиться и быть послушными, родители им говорят: „Замолчи, немцы идут“»¹.

Во главе городских управлений — магистратов и судов — стояли немцы. Гильдии и цехи находились в руках немецких купцов и мастеров, которые не допускали в гильдии и цехи эстонских и русских купцов и ремесленников. «Немецкое» население не принималось даже в число граждан и жило в пригородах. Тем не менее магистрат облагал жителей пригородов — эстонцев и русских — высокими налогами. Если жители протестовали, они подвергались репрессиям, как, например, в Тарту в конце 50-х годов XVIII в. Привилегии немецкого бюргерства препятствовали развитию городов.

Эстонские крестьяне упорно боролись против крепостнического гнета. Многие искали спасения в бегстве. Часты были поджоги имений, убийства помещиков, массовые выступления крестьян. Стремясь ослабить борьбу крестьян и предотвратить крестьянские восстания, Екатерина II в 1765 г. через генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна рекомендовала прибалтийским помещикам регламентировать эксплуатацию крепостных крестьян, установить определенный размер повинностей, обеспечить крепостным крестьянам право собственности на движимое имущество, установить предел наказаний за небольшие проступки, ограничить продажу крепостных.

Прибалтийское дворянство выступило против ограничения своей власти над крепостными крестьянами. Однако под нажимом генерал-губернатора лифляндский ландтаг в 1765 г. был вынужден принять соответствующее постановление². В постановлении признавалось право собственности крестьян на движимое имущество. Прибалтийское дворянство обещало повышать натуральный оброк лишь по мере увеличения в крестьянских хозяйствах числа рабочих рук и площади обрабатываемой земли. Размеры барщины и гужевые повинности помещики также обещали устанавливать в соответствии с потребностями имений. Дополнительная чрезвычайная барщина должна была впоследствии выполняться в счет других работ им за особую плату, но не во время сева и других срочных полевых работ. Запрещалась продажа крепостных крестьян с публичного торга и за пределы губернии. В случае нарушения этих постановлений крестьяне получали право подавать жалобы на помещиков в местный суд (орднунгсгерихт). Но если на суде жалоба крестьянина признавалась «необоснованной», его наказывали десятью парами розог в первый раз и двадцатью парами — при вторичной жалобе. При подаче жалобы в третий раз крестьянина отправляли на принудительные работы сроком на один год.

¹ *I. Ch. Petri*. Указ. соч., стр. 305.

² *Я. Зутис*. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 347.

Бароны-крепостники не выполняли постановления ландтага 1765 г. и продолжали увеличивать барщинные повинности.

Крестьяне Эстонии, можно сказать, учились борьбе против крепостников у своих русских соседей. Некоторые из активных участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. были сосланы в Эстонию, в порт Рогервик (ныне Палдиски), пожизненно на каторжные работы. Несмотря на то, что их держали в очень строгой изоляции, они все же имели связь с окрестными жителями, которые от них узнавали правду о грозной для крепостников-помещиков Крестьянской войне.

70—80-е годы XVIII в. в Эстонии отмечены рядом выступлений крестьян, в чем можно видеть отголосок происходивших в те же годы движений среди русских крестьян. Значительное крестьянское восстание произошло в Эстонии и Латвии в 1784 г. Поводом к восстанию послужило введение подушной подати. Согласно указу Екатерины II от 1783 г., подати, взимавшиеся до того времени с гаков и др., заменялись денежным окладом по 70 коп. в год с каждой души мужского пола¹. Указ разрешал феодалам самим вносить подать за крестьян, а затем делать среди них подушную раскладку по своему усмотрению.

Пользуясь предоставленным указом правом, помещики нередко вынуждали крестьян отбывать вдвойне внесенную сумму. Подобные действия помещиков, естественно, вызывали недовольство крестьян. Кроме того, под влиянием указа, среди крестьян широко распространилось мнение, что введение подушной подати освобождает их от крепостной зависимости, после чего они «переходят к государству». Освобождение от гнета немецких баронов и уничтожение всякой барщины — вот ближайшие цели восстания.

В июне 1784 г. крестьянское движение охватило северную Латвию и южную Эстонию. Генерал-губернатор Броун доносил 15 июня Екатерине II: «Возмущение во всей губернии есть общее. Я почти не знаю мызы, которая бы не была в волнении, а если некоторые явно того еще не сделали, то только ожидают, чтобы возмущение было повсюду. Судебным делам делают насилия, с начальниками обходятся с поруганием, хотят быть свободными от всякой барщины, иные хотят подушные деньги вносить в казначейства сами...»². Наиболее крупные выступления в эстонской части Лифляндской губернии произошли в Каруле, Ряпине, Хааславе, Рогози, Антсле, Сангасте, Валгуте, Кярстне и др. Крестьяне не выходили на барщину. Помещики, суд и полиция оказались бессильны принудить их. Для подавления восстания генерал-губернатор направил три полка солдат.

Между восставшими и войсками произошли кровавые столкновения. Во время одного из самых крупных, в Каруле³, солдаты открыли ружейный огонь; один крестьянин был убит, двое смертельно ранены; пятерых при-

¹ ПСЗ, т. XXI, № 15724, стр. 908; № 15870, стр. 1045.

² «Архив кн. Воронцова», кн. 25. М., 1882, стр. 469—471.

³ Подробнее см. *Е. Ф. Дюбюк*. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 13, стр. 194—197.

говорили к «гонению в шпицрутены сквозь тысячу человек два раза», других — к наказанию шпицрутенами «сквозь тысячу человек один раз». Такому же наказанию, которое фактически обрекало людей на смерть, были подвергнуты 19 крестьян, среди которых находились женщины и мальчик. Кровавые столкновения с войсками происходили и в других местах. В Ряпине в стычке с войсками были убито 5 и ранено 8 крестьян.

Писатель Д. И. Фонвизин, проезжая в 1784 г. через Эстонию, писал: «Крестьяне оказывают войскам упорное сопротивление и, стремясь скинуть с себя ярмо рабства, считают смерть ни во что. Многих из них убивают насмерть, раненные же не дают перевязывать свои раны, решив лучше умереть, чем вернуться в рабство»¹.

Правительство, напуганное восстанием, запретило помещикам произвольно увеличивать записанные в вакенбухи нормы барщины и обложения крестьян.

* * *

В конце столетия классовые противоречия в Эстонии обострились до крайности. Местный публицист Г. Меркель в 1796 г. писал: «Народ уже перестал быть дворовой собакой, которая дает себя погонять ударами на цепь. Он — тигр, скрипящий зубами с молчаливым бешенством в своих цепях и выжидающий только минуты, когда можно будет разорвать их и омыть свой позор в крови. Явления, возвещающие это, бесчисленны, точно подземный шум при начале землетрясения». Крестьяне открыто призывали «пришибить господ дубинами, да бросить по краям дороги на съедение псам»².

Немецкие крепостники жили в постоянном страхе, ожидая крестьянского восстания. И.-Х. Петри, основываясь на своих личных наблюдениях, писал: «Из-за таких ежедневных проявлений упрямства, ненависти и презрения к немцам, особенно по отношению к дворянству, опасаются постоянно бунта и восстания, ибо тогда ни один немец не остался бы в живых. Каждый раз в случае войны дрожат больше перед внутренним врагом, нежели перед внешним, и во время последней шведско-русской войны (1788—1790 гг.— *Ред.*) проявлялись как здесь, так и там следы неутомимого мятежного духа этого народа»³.

В 1783 г. были учреждены Ревельская и Рижская губернии. Южно-эстонские земли отошли к Рижской губернии. В том же году все ленные поместья в Эстонии были объявлены собственностью тех, кто ими владел.

Важным мероприятием для Эстонии было введение в 1782 г. единой для всей России таможенной системы, при которой взимание пошлин от местных городов перешло к правительственным органам⁴. Купцы начали заку-

¹ Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма. М., 1946, стр. 249.

² Г. Меркель. Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия. Чтения ОИДР, кн. 1. М., 1870, стр. 110—111.

³ I. Ch. Petri. Указ. соч., стр. 305—306.

⁴ ПСЗ, т. XXI, № 15520, стр. 678.

пать товары в Петербурге в большем количестве, чем раньше, так как петербургские товары стали дешевле заграничных.

Распространение на Эстонию жалованных грамот дворянству и городам уничтожило корпоративную замкнутость дворянской олигархии и уравняло в правах всех дворян. Коллегия ландратов была упразднена, ландтаг реорганизован, и в нем, наряду с иматрикулированным¹ рыцарством, стали принимать участие ландзасы (низшее дворянство) и средние городские слои. Городской реформой в прибалтийских городах была лишена монопольной власти кучка средневековых патрициев-немцев. Распространение русской общегосударственной налоговой и таможенной системы на Эстонию значительно уменьшило ее изолированность от других областей России и содействовало ее экономическому развитию.

Во второй половине XVIII в. многие передовые люди Эстонии выступали против крепостного права. К их числу относится Иоганн-Георг Эйзен (1717—1779). Исходя из интересов развивавшейся буржуазии и обуржуазившегося дворянства, Эйзен считал возможным освобождение крестьян от крепостной зависимости в результате законодательных актов «просвещенного» монарха. Тех же взглядов придерживался и другой публицист — Гарлиб Меркель (1769—1850), выступавший с такой резкой критикой крепостного права в Прибалтике, что местные власти вынесли решение предать его книгу сожжению.

В Эстонии второй половины XVIII в. имелось мало школ. Просвещение было привилегией правящих классов. Дети помещиков и городской верхушки получали высшее образование в университетах Германии. Для крестьян и низших слоев города среднее и высшее образование было недоступно.

В 1765 г. были открыты церковно-приходские сельские, или мызные, школы. Задачей их была пропаганда феодальной идеологии среди крепостного крестьянства. Обучение в сельских школах ограничивалось преподаванием «закона божьего», чтением и церковным пением. Но и в конце XVIII в. было немало приходов и мыз, где школ не было. Открытые же школы, подчиненные строгому контролю пасторов и помещиков, влачили жалкое существование, работая лишь в продолжение нескольких зимних месяцев.

Между тем развитие хозяйства увеличивало нужду помещиков и буржуазии в грамотных людях. В 1784 г. городские школы были реорганизованы правительством в высшие и низшие народные училища. В Таллине действовали мужская гимназия и женское училище, содержавшиеся за счет города. Во второй половине XVIII в. была открыта гимназия в Тарту, в 90-х годах — училище для мальчиков и училище для девочек в Пярну и в Курессааре. В Нарве были финская и немецкая школы, в которых обучались дети помещиков, купцов и пасторов. Обе они находились

¹ Иматрикулированное рыцарство — дворяне-помещики, занесенные в специальные списки, так называемые дворянские матрикулы, составленные в середине XVIII в. Эти дворяне имели все права местного дворянского сословия.

в ведении магистратов. В гимназиях и училищах изучали русский, немецкий, греческий, латинский язык, математику, географию.

Во второй половине XVIII в. в Прибалтике возросло значение русского языка. А.-В. Хупель писал: «Русский язык очень нужен, так как повседневно общаемся с русскими, имеем с ними сношения и торговые дела»¹. Царское правительство требовало, чтобы в прибалтийских школах преподавали русский язык, «яко необходимо нужный и без которого знания и употребление в должности весьма неудобно»². Но эстонские помещики всячески препятствовали распространению в Эстонии русского языка, в особенности среди крестьян. Они боялись, что это облегчит последним переселение в города и губернии России и укрепит связи эксплуатируемого населения Эстонии с трудящимися России.

В 1766 г. в Пылтсама вышло первое периодическое издание на эстонском языке (41 номер) под названием «Краткое наставление». Это был еженедельник, издававшийся П.-Э. Вильде и А.-В. Хупелем, где давались советы по медицине, сельскому хозяйству. Журнал призывал эстонцев к просвещению, осуждал пренебрежительное отношение прибалтийских немцев к эстонцам.

Обострение классовой борьбы крестьян против своих угнетателей принудило немецких феодалов прибегнуть к распространению светской литературы на эстонском языке. В рассказах, песенках и стихах крестьянам проповедовалось послушание и восхвалялся существующий строй, который «создан богом, вечен и неизбежен». Подобная литература не вызывала интереса среди крестьян.

В противовес церковной и светской литературе, издаваемой феодалами, в Эстонии развивалось устное творчество крестьянских масс в виде песен и сказок, поговорок, народных шуток и т. п. В них отражены быт и труд крестьянства, его борьба и ненависть к эксплуататорам.

Эстонские народные пословицы отражают непримиримые классовые противоречия между помещиками и крепостными, господствующий в деревне эксплуататорский порядок, разоблачают крепостнические суды³.

В песнях описаны тяжелый труд на барщине, издевательства крепостников, образно показано, как помещики высасывали из деревни последние жизненные соки:

Где от курочек яички?
На большом баронском блюде.
Чуть родился жеребенок —
У господ готова упряжь.
У крестьянки сын родился —
И тому ярмо готово...

¹ А. W. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehistland, Bd. I. Riga, 1774, S. 147.

² ПСЗ, т. XXII, № 16055, стр. 206.

³ «Какой мир может быть у богатого с бедными или у волка с собакой?». «Не считай барины братом, а волка овцой». «Где гора, там имение; где холм, там корчма, а крестьянские дворы — на болоте». «Суд так, как присудят; правда так, как велют: царень, гони волов в имение».

Одновременно в песнях звучит уверенность в том, что крестьяне одержат победу над своими угнетателями.

С установлением и развитием связей между эстонцами и русскими можно отметить плодотворное влияние на эстонский фольклор русских народных песен и мелодий, прежде всего в юго-восточной Эстонии. Возникли новые напевы, свидетельствующие о проникновении в эстонскую народную музыку русских элементов (такова, например, мелодия народной песни «Пряди, Лийзу»).

Музыкальными народными инструментами были издавна гусли (канель) и волынка (торупил).

Под влиянием русского искусства в Эстонии развивались искусство и архитектура. Русские зодчие возвели здесь немало замечательных архитектурных памятников. В 1765—1768 гг. в Пярну русский зодчий В. Яковлев построил Екатерининскую церковь, в архитектуре которой стиль барокко сочетался с нарождающимся классицизмом. В стиле раннего классицизма построены церковные здания Успенского собора в Тарту (1782), Знаменской гарнизонной церкви в Нарве (1786—1796), разрушенной немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Замечательным памятником чистого классицизма был мост в Тарту, построенный в 1781—1784 гг. (разрушен в 1941 г.). Выдающийся русский зодчий А. Захаров — знаменитый строитель Адмиралтейства — построил в Таллине здание морского госпиталя. В том же Таллине по проекту известного русского архитектора Дж. Кваренги был сооружен в стиле классицизма мраморный памятник адмиралу С. Грейгу.

В Эстонии во второй половине XVIII в. профессиональных театров не существовало.

В 1784 г. в Таллине был организован драматический кружок любителей театрального искусства, но он вскоре распался.

Присоединение Эстонии к России и непосредственная близость к тогдашней столице Российской империи — Петербургу имели большое значение для пробуждения и дальнейшего развития эстонской культуры и искусства.

2

ЛАТВИЯ

В середине XVIII в. одна часть Латвии — Лифляндия — входила в состав Российской империи, а другая — Курляндия, Латгалия — была под властью Польши.

Латышский народ, попавший в XIII в. под иго немецких завоевателей и столетиями насильственно отрываемый от тесного общения с русским народом, в XVIII в. возобновил с ним близкие политические, экономические и культурные связи, которые в дальнейшем продолжали укрепляться.

Центром экономической жизни в Латвии все еще было крепостное поместье, но во второй половине XVIII в. оно уже не представляло собою, как ранее, замкнутое целое, слабо связанное с остальным миром: помещики уже производили хлеб в значительной мере на продажу. В стране росли общественное разделение труда, товарное производство.

Главное занятие населения составляло земледелие; основными продуктами производства были хлеб, лен и конопля. Помещики Латвии издавна перегоняли зерно на водку. Винокурение они монополизировали: постановлениями 1730 и 1766 гг. оно было крестьянам запрещено. Водку помещики продавали в принадлежавших им корчмах, а также отправляли в Петербургскую и Псковскую губернии.

Значительная часть производимого в имениях зерна, преимущественно рожь, продавалась за границу¹. В 1763 г. лифляндские помещики добились от Сената разрешения свободно вывозить хлеб за границу². Цены на хлеб в связи с этим значительно возросли.

Побочные продукты винокурения предоставляли помещикам возможность разводить для сбыта на местный рынок и в Петербург скот (волов, свиней). Помещики расширяли площадь своих полей. Площадь мызных (господских) полей увеличилась с XVII в. на 20 %, главным образом путем захвата крестьянских полей.

В XVIII в. в Латвии развивались крестьянские промыслы, а также мануфактуры. В Лифляндии образовались отдельные районы, например Рауна и Пиебалга, где было много ремесленников-ткачей. Крестьяне продавали на ярмарках и в городах ткани своего производства, конкурируя с городскими цеховыми ремесленниками. В связи с протестами последних Рижский магистрат запретил крестьянам торговать в рижских предместьях полотном и одеждой собственного производства. Конкуренцию деревенских ремесленников стали ощущать городские ремесленники и в Курляндии, и под их нажимом герцог в 1772 г. запретил деревенским ремесленникам и крестьянам продавать на ярмарках изделия их производства в большом количестве.

Во второй половине XVIII в. росла мануфактура. В Алуksне, центре льноводческого района Лифляндии, в середине XVIII в. успешно работала полотняная мануфактура, принадлежавшая помещику Фитингофу. В 1760 г. им же была заведена в Алуksне кожевенная мануфактура. В имении Лугажах работала чулочная и суконная мануфактура, а в имениях Сунтажи, Заубе и Яунбери — стекольные мануфактуры. В Латгалии графы Плятеры организовали в местечке Краславе большую мануфактуру по выработке бархатных, шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Здесь же изготовлялись холодное и огнестрельное оружие и кареты. Мастера на всех этих мануфактурах обычно были вольнонаемные из Германии; рабо-

¹ *A. W. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, Bd. II. Riga, 1777, S. 333—334.*

² ПСЗ, т. XVI, № 11785, стр. 137.

ту, не требующую большой квалификации, выполняли местные крепостные крестьяне. В связи с развитием винокурения в имениях появились медиковальные мастерские, так называемые капарамуры. Из медных слитков, которые привозились из России, в них изготовляли необходимую для мызных винокурен аппаратуру. В середине XVIII в. такие медиковальные имелись в Вангажах, Саласпилсе, Икшкиле, Ропажках. В Курляндском герцогстве медиковальная существовала в Эде, близ Кулдиги; там же работали и железоделательные заводы. В имениях было много кирпичных заводов и известковых печей. Наиболее крупные из них были в Лиелюмправе, Лиелварде и Саласпилсе (возле Риги), откуда строительный материал отправлялся по Даугаве в Ригу.

Во второй половине XVIII в. в Риге возникли и капиталистические мануфактуры. В 1765 г. И. Штейнгауэр основал бумажную мельницу в Засулауке, которая просуществовала весь XVIII в. В 1785 г. русский торговец в Риге Ф. Грязнов завел железолитейный завод. В 1784 г. купец Раве основал акционерное общество, которое организовало в Риге сахарную мануфактуру. В конце XVIII в. в Риге работало 6 мануфактур и 2 лесопилы¹. Однако капиталистической мануфактуре в Латвии при крепостном строе было трудно развиваться. Выражая взгляды нарождавшейся лифляндской буржуазии, пастор И. Г. Эйзен в 1751 г. писал, что крепостное рабство является главным препятствием, задерживающим развитие сельского хозяйства и промышленности.

Показателем роста общественного разделения труда и товарного обмена служит рост не только городов, но и сельских ярмарок. В Латвии их было немало. Во второй половине XVIII в. ярмарки в Лифляндии происходили в 34 пунктах 49 раз в год. Было много ярмарок в Курляндском герцогстве. В Латгалии виднейшими ярмарочными центрами являлись Краслава и Крустпилс. Ярмарки специализировались по отдельным отраслям торговли: в Риге и Валке — по продаже хлеба, в Курляндском герцогстве — по продаже рыбы.

Латвия имела морские порты, самым крупным из которых была Рига. С 1710 г., со времени присоединения Риги к Российской империи, она стала одним из главных портов России. Во второй половине XVIII в. рижская торговля беспрестанно возрастала; в 1750—1759 гг. Рижскую гавань посещало в среднем 540 кораблей в год, в 1776—1785 гг. — 841, в конце XVIII в. — около 1000 кораблей. Рига была самым крупным городом Латвии и торговым центром всей населенной латышами территории. Сюда везли сельскохозяйственные продукты своего производства не только лифляндцы, но и курляндцы и латгальцы, несмотря на то, что государственные границы отделяли Курляндское герцогство и Латгалию от Лифляндии.

Рост товарно-денежных отношений, увеличение в крепостных поместьях товарного производства вызвали усиление эксплуатации крестьян.

¹ J. Jēss Kapitalistiskā manufaktura Vidzemē XVIII g. s. beigās un XIX g. s. sākumā. Rīgā, 1951, s. 12, 57—60 lpp.

Во второй половине XVIII в. лифляндские крепостники значительно повысили барщину. Процесс увеличения барщины в Курляндском герцогстве начался в 20—30-х годах XVIII в., когда наряду с регулярной барщиной помещики ввели чрезвычайную, так называемую «режную», или урочную, систему. Сущность этой системы заключалась в том, что крестьяне должны были не только посылать в имение барщинных работников, но, кроме того, обрабатывать определенное количество господской земли. Около середины XVIII в. чрезвычайная барщина стала регулярной, а в 70-х годах режный участок увеличился на 50—70%.

Управление Лифляндией, т. е. той частью Латвии, которая принадлежала России, возглавлял генерал-губернатор. Царская власть поддерживала в Лифляндии господство местных крепостников — потомков немецких рыцарей. Дворянский ландтаг, коллегия ландратов, ландмаршал дворянства, советники из местных дворян имели в губернском управлении большую власть.

Генерал-губернатором в 1762—1792 гг. был граф Ю. Ю. Броун, владелец больших имений в Лифляндии, записанный в списки лифляндского и курляндского рыцарства.

В Риге, как и в остальных городах Латвии, власть принадлежала кучке немцев-бюргеров. В середине XVIII в. здесь было много латышских, а также русских ремесленников, торговцев и рабочих. Но немецкий магистрат не предоставлял им прав горожан.

Классовая борьба между крепостниками и крестьянами Латгалии во второй половине XVIII в. заметно обострилась. В середине столетия в Петербург от крестьян Лифляндии поступило много жалоб на помещиков. Жалобы эти встревожили царское правительство возможностью вспышки крестьянских волнений. Тревогу правительства должны были увеличить и настроения лифляндской буржуазии. В 1764 г., при обсуждении в правительственной комиссии вопроса о торговле города Риги с крестьянами, между представителями рижских торговцев и лифляндскими помещиками обнаружились острые разногласия. Желая захватить в свои руки всю торговлю крестьян, крепостники говорили, что крестьянам не принадлежит ни движимое, ни недвижимое имущество, поэтому они не имеют права продавать что-либо в городах. Представители рижских торговцев указывали, что крестьяне всегда привозили в Ригу и продавали там свои сельскохозяйственные продукты и закупали все необходимое для своих хозяйств. Они требовали признать за крестьянами право на движимое имущество и дозволить им беспрепятственно продавать в городах излишки производства их хозяйств, если феодальная рента помещику уплачена. Они заявляли, что крепостное рабство препятствует росту населения, а также развитию торговли, промышленности и земледелия.

В изданном в 1765 г. уставе о рижской коммерции¹ в интересах помещиков ограничивался ввоз иностранной водки в Ригу; крепостникам

¹ ПСЗ, т. XVII, № 12518, стр. 390—450.



Город Рига. Акварель работы неизвестного художника начала XIX в.

Государственный Исторический музей.

предоставлялось неограниченное право на производство водки, а также на оптовую торговлю. Крестьянам было дозволено беспрепятственно привозить в города для продажи продукты их производства, при условии выполнения всех феодальных повинностей. Изданный в 1766 г. устав для малых городов Лифляндии распространял эти постановления и на города Цесис, Валмиеру, Лимбажи и Валку.

Чтобы предупредить крестьянские волнения, царское правительство оказало давление на лифляндский ландтаг, и в 1765 г. ландтаг принял постановление о регламентации барщины. Но крепостники Латвии, игнорируя это постановление, продолжали увеличивать повинности. Доведенные до отчаяния крестьяне в ряде имений отказались отбывать барщину [в Скулте (1765—1767), имении Некен (1767) и др.]. Крестьяне Некена отправили делегацию с жалобой в Петербург, делегатов там арестовали, затем отослали домой и жестоко наказали. При подавлении крестьянских волнений трое крестьян из имения Некен были приговорены к каторжным работам.

Летом 1771 г. волнения среди лифляндских крестьян приняли более широкие размеры. В Алуксненском приходе крестьяне имения Ласберги отказались подчиняться помещикам и отбывать барщину. Вооружившись ружьями, топорами и вилами, они разгромили имение. Аграрные беспорядки начались и в других соседних имениях, и вскоре брожение охватило весь Цесисский уезд. Объятые паникой помещики и пасторы бежали в города.

Волнения 1771 г. были жестоко подавлены военной силой. Крупные отряды солдат ночью окружили крестьянские хутора Ласбергского района и арестовали всех находившихся там крестьян. 40 человек из них были приговорены к наказанию розгами, двоим был вынесен смертный приговор, семерых отправили на каторжные работы.

На крестьян Латвии не могла не оказать большое влияние героическая борьба русских крестьян.

Новая вспышка волнений среди крестьян в Лифляндии произошла в 1776—1777 гг. При проезде через Лифляндию в 1776 г. в. кн. Павла Петровича крестьяне четырех лифляндских имений подали ему жалобы. Последние были переданы на «расследование» дворянскому земскому суду — ландгерихту и оставлены без последствий. Год спустя (1777) крестьяне 10 имений окрестностей Цесиса, Валмиеры и Рауны отказались исполнять барщинные работы и заявили о своем желании стать государственными крестьянами. Екатерина II предписала генерал-губернатору Броуну поступать с непослушными крестьянами со всей строгостью. Броун приказал арестовать большое число крестьян, их подвергли массовой порке и многих отправили на каторжные работы. О жестокой экзекуции возле валмиерской церкви крестьянин-очевидец писал: «Должны были сечь их (крестьян. — *Ред.*) до последнего издыхания, и секли всех, одного за другим, причем присутствовали все господа помещики, судьи и управители... Сию скорбь, вопль, стенание, слезы и кровь, в сей день в Валмиере

пролитые, невозможно поистине изобразить словами»¹. Собравшиеся на месте истязания 2 тысячи крестьян не выдержали и бросились на судей, которых только сильная военная охрана спасла от расправы.

В целях укрепления своей власти в прибалтийских провинциях и сближения их с Россией царское правительство в 80-х годах XVIII в. провело здесь административные и судебные реформы. В 1783 г. оно распространило на Лифляндию реформу губернского управления, проведенную в остальных частях России еще в 1775 г. Этой реформой ограничивалось влияние местной администрации и лифляндского дворянства: высшие чины управления и суда, избиравшиеся дворянством, теперь назначались правительством; в нижний земский суд из пяти заседателей двое избирались из среды государственных крестьян. В 1785 г. царское правительство ликвидировало прежнюю замкнутость Рижского городского магистрата и гильдий, уничтожив, таким образом, власть над городом кучки немецких бюргеров. Полноправными гражданами Риги становились и русские, и латыши; право голоса на выборах получал всякий гражданин города (не только немец), владевший соответственным имуществом.

Новые распоряжения царского правительства имели прогрессивное значение для развития городской торговли и промышленности. Новая губернская реформа предусматривала взимание подушной подати от крестьян в размере 70 коп. Патентом 1784 г. разрешалось помещикам вносить подать за крестьян и взыскивать ее с них натурой, соответственно увеличивая барщину. Так как оценка барщинной работы была чрезвычайно низкой, то наложенная на крестьян сумма подушной подати значительно выросла. Крестьяне стремились уплатить подушный налог в казначейство сами, без посредничества помещиков. К тому же среди крестьян распространилось убеждение, что, уплатив подушную подать, они освободятся от власти помещика и станут государственными крестьянами. Настроение крестьян



Латышский крестьянин. Рисунок начала XIX в.

Государственный Исторический музей.

¹ И. П. Шульгин. Волнения крестьян в Лифляндии в 1777 г. В кн. «Памятники новой русской истории». Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашипиревым, т. I, отд. II СПб., 1871, стр. 20.

ярко выражено в словах крестьянина-ткача Бормана из Рауны: «Чего же вы ждете, что не платите? Теперь настало время проснуться; если кто теперь не уплатит своей подушной подати, тот навсегда останется под властью господина». Лифляндское наместническое управление готовилось силой подавить крестьянские волнения, разместив в имениях военные отряды. В Лиелдруене при попытке военного отряда арестовать крестьян произошло столкновение. Около двухсот крестьян пытались освободить арестованных. «У нас также имеются ружья,— кричали они,— мы тоже можем стрелять. И если нас даже убьют, мы свято умрем». Волнения достигли наибольших размеров в летние месяцы, когда в них приняли участие крестьяне более 120 лифляндских имений; движение распространилось также на эстонскую часть Лифляндии.

Для подавления крестьянских движений в Лифляндии царское правительство послало значительные воинские силы. Солдат разместили по имениям. Начались карательные экспедиции, которые возглавлял лифляндский дворянин Мантейфель. Волнения среди крестьян были жестоко подавлены, многие участники его сосланы на каторжные работы ¹.

Крестьянские восстания вызвали литературную борьбу между сторонниками и противниками крепостников. Пастор Г.-Ф. Стендер (старший) в своих многочисленных книжках пытался примирить крестьян с существующим крепостническим строем. Он писал: «Добровольно покорись власти своего господина, хотя бы она была суровой. Ибо кто руку поднимет на господина своего, тот попадет в руки палача» ². К. Ф. Шульц-Ашераден советовал заглушить жалобы крестьян при помощи тактики «иссечения кожи» крестьян, которую осуществляли бы дворянские суды и сами помещики.

Сознание тормозящего влияния крепостнического строя на экономическое развитие страны вызвало выступления против крепостничества некоторых представителей буржуазии и обуржуазивавшейся части дворянства. Против крепостной системы выступил в 1777 г. в печатных работах советник экономии курляндского герцога, бывший лифляндский пастор И.-Г. Эйзен. Для увеличения доходов от поместий он предлагал освободить в герцогских имениях свыше 7 тыс. крепостных крестьян, отведя им в пожизненную аренду их хозяйства. Это предложение было отвергнуто; Эйзену пришлось покинуть пределы Курляндского герцогства. Критиковали лифляндское крепостничество и другие представители зарождавшейся буржуазии — Г.-И. Яннау (1752—1821) и Г. Меркель (1769—1850). Меркель не призывал крестьян к восстанию. Обращаясь к царскому правительству с призывом об отмене крепостного права, он считал, что крепостничество противоречит «духу времени» и «мудрой политике», а реформы необходимы, чтобы предотвратить революцию.

¹ О лифляндских крестьянских волнениях 1784 г. см. *Е. Ф. Дюбюк. Указ. соч.*, стр. 175—206; *Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в.*, Рига, 1946, стр. 537—548.

² *G. F. Stender. Pasakas un stāsti. Jelgavā, 1789, s. 81 lpp.; «Svēti stāsti». Jelgavā, 1791, s. 158 lpp.*

Курляндское герцогство было ленным владением шляхетской Польши, сам герцог был крупнейшим помещиком Курляндии. Латгалия входила в состав Речи Посполитой как Инфлянтское воеводство.

В конце века в Курляндии происходило значительное движение среди горожан. В 1790 г. образовалась «бюргерская уния» городов, выдвинувшая требование об участии бюргеров в ландтаге, о праве бюргеров приобретать имения, занимать государственные должности и др. В 1791 г. в «бюргерской унии» произошел раскол: ремесленники выделились в особую группировку. Осенью 1792 г. в Елгаве возникли волнения среди ремесленников, с цехом мельников во главе. Посадив «дерево свободы», они 18 декабря штурмовали герцогский замок, но восстание было подавлено.

В 1794 г. в Польше вспыхнуло восстание под руководством Тадеуша Костюшко. В мае 1794 г. отряды польских повстанцев заняли Лиенау (Либаву). Узнав об этом, крестьяне Гробинского, Кулдигского и других районов Курляндии начали разорять имения, отказывались исполнять барщину, поджигали принадлежащие помещикам леса. Не имея сил подавить крестьянские волнения, герцог и дворяне обратились к царской России. С помощью войска, присланного в Курляндию Екатериной II, волнения были подавлены. Опасаясь возобновления волнений, дворянство и герцог Курляндии обратились к царскому правительству с просьбой принять герцогство в состав империи. В 1795 г. Курляндское герцогство вошло в состав Российской империи. Латгалия была присоединена к России еще в 1772 г., во время первого раздела Польши. Таким образом все области, населенные латышами, были объединены.

В истории латышского народа присоединение к России Латгалии и Курляндии, несмотря на поддержку русским царизмом немецких баронов, сыграло в общем положительную роль: развивалось их хозяйство, росли города, порты (Лиенау, Вентспилс). Мощная в военном отношении Российская империя обеспечила Латвии продолжительный мир. Объединение под одной властью всех населенных латышами территорий ускорило процесс складывания латышской нации.

Укрепление феодально-крепостнического строя в Латвии и политика духовного угнетения народа проводились господствующим классом при посредстве церкви и зависимой от церкви школы. Во второй половине XVIII в. увеличилось число латышских школ и повысилась грамотность латышского населения. Увеличилось количество латышских книг. Из 120 латышских изданий, вышедших в свет во второй половине XVIII в., лишь около 25 имели светское содержание; в это же число входят буквари, календари и т. п. В середине XVIII в. в Елгаве начал выходить в свет первый латышский календарь. Авторами книг были немецкие пасторы, католические ксендзы. В книгах проповедовалась «незыблемость» и «справедливость» крепостного строя. В числе авторов был и курляндский пастор Г.-Ф. Стендер, которого обыкновенно зовут Стендером-старшим. Он перевел на латышский язык несколько художественных произведений. Переводы его показали, что латышский язык богат и гибок и хорошо и вырази-

тельно передает выдающиеся художественные произведения других народов. Стендер-старший составил латышскую грамматику (1761), которая выдержала несколько изданий. Грамматические правила Стендер иллюстрировал примерами из латышских народных песен, пословиц и загадок. В 1789 г. Стендер издал немецко-латышский словарь в двух частях, сохранивший научную ценность при изучении истории латышского языка.

В конце XVIII в. на латышском языке появилось несколько книжек по сельскохозяйственным вопросам. В 1790 г. в Митаве (ныне Елгава) выходит в переработке комедия датского писателя Ф.-Л. Гольберга «О крестьянине, превращенном в помещика».

Отношение латышского народа к феодально-крепостническому строю и окружающей среде отражалось в сказаниях и народных песнях (дайнах). Высоко ценился у латышей труд: в народных песнях многократно и с большим уважением упоминаются пахарь, рыбак, бортник и др. О непримиримой вражде и ненависти крестьян к эксплуататорам-помещикам свидетельствуют многие народные песни:

Пусть черт заботится о господине,
Я о господине на забочусь,
Я топчу голову господина
Под копытами жеребца¹.

Русская культура всегда оказывала значительное влияние на материальную и духовную культуру латышского народа.

Русское влияние в Латвии особенно возросло в XVIII в., когда Лифляндия с Ригой, а позже Латгалия и Курляндское герцогство были объединены в составе Российской империи. В XVIII в. в Риге было много русских, не только чиновников, офицеров, но и мастеров, ремесленников и чернорабочих. Из Риги русское влияние распространялось и на деревню. В XVIII в. в Риге и ее окрестностях вошли в употребление сани и повозки русского образца, с успехом воспроизводимые латышскими ремесленниками.

Достижения материальной культуры русского народа нашли быстрое и широкое распространение среди латышей, но русскую духовную культуру широкие массы латышского народа осваивали медленнее. Господствующие классы Латвии всеми средствами препятствовали ознакомлению латышей с ее достижениями. Однако латышский народ эти препятствия постепенно преодолевал.

3

ЛИТВА

В XVIII в. Литва, как часть Великого княжества Литовского, входила в состав Речи Посполитой и хотя имела свои органы власти, но фактически находилась под властью польских феодалов.

¹ К. Barons un H. Vissendorfs. Latvju dainas. IV, Peterburgā, 1910, s. 469, lpp., № 31389.

Основным занятием населения Литвы в XVIII в., как и в предшествующие столетия, было земледелие. В озимом клине, как и раньше, сеяли почти исключительно рожь, в незначительном количестве пшеницу, в яровом клине — преимущественно овес, ячмень, гречиху, горох. С XVI по XVIII в. размер посевной площади в Литве не увеличился, а урожайность понизилась. Земледельческая техника, сельскохозяйственный инвентарь и трехпольная система земледелия оставались теми же, что и в XVI в. Во второй половине XVIII в. феодалы увеличивали число фольварков и барских (фольварковых) полей. В Жемайтии и в Тракайском воеводстве за время с 1738 по 1770 г. новые фольварки возникли в 14 староствах и значительно выросли барские запашки в 20 староствах¹. Росло число фольварков и в частновладельческих и церковных имениях.

В это время возникли крепостные полотняные мануфактуры в Шауляйской королевской экономии и в других местах.

Города Литвы в середине XVIII в. находились в упадке. Однако некоторые из них во второй половине века вновь начали оживать. Так, в 1791 г. Вильнюс (Вильно) был не только торговым, но самым крупным промышленным центром Литвы. В 1789 г. только в 28 цехах числилось 594 ремесленника, а во всем городе их было значительно больше². Город постепенно поднимался из запустения и развалин. Строились новые здания ратуши, театра, астрономической обсерватории, десятки больших частных домов. Несколько ожил и г. Каунас (Ковно) — он имел 4,5 тыс. жителей. Вновь усилилась его торговля с Крুলевцем и Вильнюсом; свыше 20 больших судов, груженных хлебом, пенькой, льном, поташем и т. д., дважды в год уходили из Каунаса в Пруссию. Значительным стал экспорт лесных товаров. Двадцать пять купцов Каунаса располагали оборотным капиталом в 20 тыс. червонных золотых. Цеховых ремесленников насчитывалось значительно больше 150. Численность населения других менее значительных городов составляла в Шауляе 1,8 тыс., в Тракае, древней столице Литвы было лишь 400 жителей³.

Во второй половине XVIII в. для Литвы, как и для всех областей Речи Посполитой, очень большое значение имела торговля с границей; быстро увеличивались торговые связи Литвы с Россией.

Чтобы увеличить товарооборот, литовские феодалы улучшали пути сообщения. С этой целью очищались реки и устранялись другие препятствия для сплава. Реки Зижма и Гава (приток Немана) объявлены были сплавными; на протяжении трех лет чистили Неман, сделали сплавной Свенту. В 1784 г. закончилось строительство канала, соединившего бассейны Немана и Днепра, т. е. Балтийское и Черное моря. Улучшались и строились грунтовые дороги. Была проложена дорога Вильнюс — Брест — Люблин.

¹ *A. Żabko-Potapowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkiem Księstwie Litewskiem w wieku osiemnastym. Warszawa, 1929, st. 112—119.*

² *«Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe», cz. VII. Wilno, 1933, st. 350.*

³ *T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. II. Kraków—Warszawa, 1897, st. 190—191.*

Во второй половине XVIII в., в связи с ростом фольварков, крепостники усиливали барщину и переводили крестьян с чинша (денежного оброка) на барщину. Так, в 60-х годах XVIII в. переведены на барщину «столовые экономии», часть королевских имений, жившие 75—125 лет почти исключительно на чинше. Это были огромные хозяйственные комплексы: Шауляйская экономия имела 3,5 тыс. хозяйств, Алитусская — 2,5 тыс.

В каждом войтовстве на лучших землях закладывались фольварки. Остальные земли после выделения общинных угодий были разверстаны между крестьянами.

На крестьянский двор отводилось $\frac{1}{4}$ волоки «оседлой» земли (реже $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{2}$ волоки) и обычно столько же «приемной»¹. В хозяйстве центральной части Литвы господствовала отработочная рента. Денежная рента (чинш) была основной повинностью около половины крестьян восточной и западной Литвы.

Барщинные крестьяне отбывали приблизительно такие же повинности, как и в Белоруссии. Обычно с одной части своего надела (оседлой земли) барщинные крестьяне отбывали барщину, с другой (приемной земли) несли денежную ренту. Так, в Алитусской экономии после перевода ее крестьян на барщину было 706 волок оседлых и 1303 приемных, в Шауляйской — 773 оседлых и 2453 приемных². Не все крестьяне отбывали барщину в поле. Осочники, стрельцы охраняли панский лес, загоняли и убивали зверя во время охоты, а в фольварке не работали. В Алитусской экономии осочников и стрельцов было 4 села, 89 хозяйств³. Босняки выполняли курьерскую службу, за которую имели маленькие наделы (загороду).

Эксплуатация крестьян не ограничивалась перечисленными видами повинностей; к ним нужно еще добавить монополии на перемол зерна, продажу спиртных напитков; крестьяне обязаны были покупать соль, сельди, смолу, серпы только в управлении имения и только ему продавать лен, пеньку, меха, мед, а нередко хлеб и скот.

Крестьяне в Литве были лучше обеспечены землей, чем в Польше. Здесь многие из них имели $\frac{3}{4}$ волоки и более. Больше, чем в других областях Речи Посполитой, крестьяне имели скота. В Шауляйской экономии в 1789 г. на крестьянский двор приходилось в среднем по 3 лошади и 1,3 вола. Это вовсе не означало, что здесь не было крестьян, не имевших рабочего скота. Последние в Шауляйской экономии составляли 13,5%, в других местах этот процент снижался до 10—5⁴.

Кутники, коморники, т. е. снимавшие угол для жилья у основных держателей, в инвентарях 80-х годов XVIII в. встречаются значительно чаще,

¹ Волока — 21,36 га.

² St. Koscialkowski. Ze Studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie. В кн.: «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie», t. V. Wilno, 1911, st. 104.

³ St. Koscialkowski. Указ. соч., стр. 107.

⁴ ВЦГА, кн. 4058, л. 45—67.



Литовская деревня. Гравюра Хейнеке (Перерисовка).

чем раньше. Больше всего их было в Жемайтии, где имелось значительное число многоземельных крестьян, державших часто по 3—4 кутника на хозяйство.

В мануфактурах крепостников мастерами работали преимущественно иностранцы, а подручными — местные крепостные. В порядке выполнения барщины крепостные крестьяне заготавливали и доставляли топливо, строительные материалы и сырье, перевозили продукцию промышленных заведений.

Во второй половине XVIII в. феодалы Литвы в своих интересах допускали некоторое оживление в деятельности крестьянской общины. Как и в Белоруссии, паны стремились переложить на крестьянскую общину заботу о хозяйствах, попавших в тяжелое положение (голод, пожар, болезнь), чем раньше занималось управление имением, а также сделать общину ответственной за ряд повинностей и платежей крестьянского двора. В это время оживилась судебная деятельность сельских властей.

Ухудшилось положение мещан. Так как промышленность и торговля городов находились в упадке, то постановлением сейма 1776 г. у всех королевских городов Литвы, кроме Вильнюса, Каунаса, Тракая, было отнято право на самоуправление (магдебургское право). Население непривileгированных городов в правовом отношении почти ничем не отличалось от крестьян.

Значительную часть населения литовских городов и местечек (около $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$) составляли евреи. Они занимались откупами монополий феодалов, торговлей и мелким ремеслом.

В еврейских общинах (кагалах) хозяйничали старшины — богачи, жестоко, эксплуатировавшие бедняков. Беднота, как это имело место в Шауляе, просила короля ликвидировать кагал, ибо «раввин и старшины занимаются вымогательством и махинациями... отнимают последние прошки на свое обогащение»¹. Еще более беззастенчиво хозяйничали богачи-евреи в еврейской общине Вильнюса².

Во второй половине XVIII в. усилилось крестьянское движение против крепостничества. Крупное восстание было в Шауляйской экономии. С 1640 до 1765 г. крестьяне здесь несли только денежную ренту, а в 1765 г. была введена барщина. Крестьяне считали это нарушением своих вековых прав, жаловались королю, но безрезультатно: фольварки строились, и барщина внедрялась в жизнь.

В июне 1769 г. в Шауляйской экономии вспыхнуло восстание под лозунгом возврата к старым повинностям. Администратор экономии Ягмин писал: «...Самой главной причиной бунта является замена чиншей на панцину... ибо издавна привыкший к вольности люд этой неволи переносить не хочет»³. Жаловались крестьяне и на уменьшение их земельных держаний во время перемеривания, на открытие крепостных мануфактур.

К концу весны 1769 г. у крестьян не стало хлеба, а управление имением не прекращало требовать выполнения работ и различных повинностей. Крестьян, не выполнявших повинности, били, отбирали у них скот; так было в селах Данилах и Ромашках. В с. Лопкайцах крестьяне не допустили репрессий. Собравшийся из окрестных сел народ захватил двор в Жагорах, разобрал панское имущество, кассу и арестовал Ягмина. Весть о восстании облетела всю экономию. 14 июля того же года начались волнения в Ионишкисе. К крестьянам, строившим новый фольварк, войт Павга обратился со словами: «Теперь не время это делать, это обождет! Хватайте урядников, губернаторов и иных и собирайтесь в Янишки»⁴. Народ повалил туда. Богатые мещане, связанные с администрацией экономии, настроенные против движения, скрылись, за исключением нескольких торговцев. Активное участие в движении, кроме оседлых крестьян, приняли кутники, домашние слуги, сторожа, крепостные работники дворовых мастеровских и мануфактур. Восставшие, захватив барский двор в Ионишкисе, вылавливали панскую администрацию. После суда над арестованными было избрано новое управление во главе с учителем школы Шимоном Александровичем.

17 июля 1769 г. поднялись крестьяне Шауляйской экономии. Здесь повторилось то же, что в Ионишкисе и Жагорах. В Шауляе сурово рас-

¹ «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», т. I. Менск, 1936, стр. 642.

² Там же, стр. 644.

³ St. Koscialkowski. Указ. соч., стр. 140.

⁴ A. Janulajtis. Powstanie włościan szawelskich w roku 1769. Wilno, 1921, st. 17 (перев. с лит.).

правились с панским служащим шляхтичем Грушасом за его издевательства, а главным образом за набор людей для работы в ионишкисских мануфактурах. Расправились с войтом Орловским, корчмарями и другими пособниками экономической администрации. В Шауляе к восстанию примкнули мещане, а также евреи. Избранное восставшими управление Шауляйской экономией распорядилось, чтобы все крестьяне, чьи земли были забраны под фольварки, вернулись на них, обрабатывали их по-старому и на барщину не ходили. Феодалы подавили это восстание.

В 1775 г. происходили волнения в районе Паланги, в 1785—1793 гг. — в районе Стаклишкяй, в 1788—1791 гг. — в Шауляйской экономии и других имениях Литвы.

Конституция 3 мая 1791 г. уничтожила отдельное управление Великого княжества Литовского, укрепила центральную власть Речи Посполитой, сделала некоторые уступки горожанам. Магнаты для борьбы с проводившим эту конституцию Четырехлетним сеймом создали конфедерацию в Тарговице, поддержанную царским правительством. Летом 1792 г. русские войска заняли территорию Великого княжества Литовского. Тарговчане, пришедшие в их обозе, образовали генеральную литовскую конфедерацию, куда вошли крупнейшие магнаты Литвы — Сапега, Радзивилл, Масальский и др. Конфедераты захватили власть в свои руки и отменили постановления сейма. Литва после второго раздела Польши осталась в ее составе.

Восстание 1794 г., вождем которого был Тадеуш Костюшко, охватило и литовские воеводства. 23 апреля находившиеся в Вильнюсе польско-литовские войска, при поддержке мещан и шляхты, восстали против управления конфедератов и под руководством полковника Я. Ясинского захватили Вильнюс. Власть в Литве перешла в руки восставших. Для управления делами Великого княжества Литовского был создан специальный правительственный орган — Верховный совет. Средняя и в особенности мелкая безземельная шляхта Литвы повсеместно приняла участие в восстании.

Желая привлечь к восстанию крестьян, руководство Верховного совета давало им туманные обещания о ликвидации крепостничества. В ряде мест крестьяне Литвы поддерживали восстание. Однако увидев, что Верховный совет им ничего не дает, крестьяне стали отходить от него: отказывались давать рекрутов, а рекруты, набранные ранее, убегали. Принудительный набор побуждал крестьян к враждебным действиям против Верховного совета. В июле и августе повстанцы были разбиты царскими войсками.

По третьему разделу Польши основные литовские земли отошли к России, занеманская часть Литвы была оккупирована Пруссией. Подчинение Литвы крепостнической Российской империи казалось литовским крепостникам выходом из неустойчивого положения, создавшегося в Речи Посполитой за последние годы ее существования. Они спешили заверить Екатерину II в своих верноподданных чувствах.

Присоединение Литвы к России имело положительное значение для развития литовского народа. Установление связей экономики Литвы со всероссийским рынком ускорило разложение феодализма и формирование капиталистических отношений. С установлением непосредственных связей литовского народа с русским возросло влияние на литовский народ борьбы русских крестьян и передовой общественной мысли.

Находясь под властью шляхетской Польши, литовский народ, наряду с социальным гнетом, испытывал тяжелый национальный гнет. Литовские феодалы давно ополчились. В Литве господствовала польская феодальная культура. Школы были в руках духовенства. В середине XVIII в. школами в Литве руководили иезуиты; преподавание велось на польском языке. Иезуиты имели здесь и свою высшую школу — Вильнюсскую академию. В последней четверти XVIII в. она была преобразована по типу европейских университетов. Было усилено преподавание естественных и физико-математических наук. На реорганизованную Виленскую академию было возложено руководство средними и низшими школами во всем Великом княжестве Литовском. Виленская академия имела четыре факультета: богословский, юридический, физический и медицинский. Для усиления Академии была приглашена профессура из-за границы, преимущественно из Франции. Профессор ботаники француз Жильберт основал в Вильнюсе ботанический сад, изучал жизнь растений. Духовенство объявило его безбожником, и он был изгнан из Литвы; ректором Академии с 1770 г. стал Почобут, крупный исследователь в области математики и астрономии. Его усилиями была построена и оборудована в Вильнюсе астрономическая обсерватория¹.

Кроме Академии, в Литве было 7—8 средних школ со сроком обучения в 6—7 лет, две духовные семинарии для подготовки священников, кадетский корпус и инженерная школа. При школах были устроены небольшие пансионы для детей шляхты². Кроме средних, имелись низшие школы при костелах с весьма ограниченной программой обучения. В высшей и средней школах учились почти исключительно дети шляхты и знатных горожан, в низших — дети горожан, мелкой шляхты, иногда крестьян. Дети крупных феодалов обучались дома, где для них нанимали учителей, или за границей.

В литовской архитектуре второй половины XVIII в. получил распространение классический стиль. Лучшие памятники зодчества Литвы — здания вильнюсской и каунасской ратуш.

Выдающимся архитектором был крестьянский сын Л. Стуока-Гуцявичус, профессор Вильнюсской академии. Он был не только зодчим, но и славным гражданином своей родины. Л. Стуока-Гуцявичус принимал активное участие в восстании под руководством Т. Костюшко и был тяжело

¹ J. Jaroszewicz. *Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*, cz. II. Wilno, 1845, st. 265.

² J. Łukaszewicz. *Historia szkół w Koronie i w Wielkiem księstwie Litewskiem*, t. II. Poznań, 1840, st. 445—446.

ранен. Гонимый властями, измученный, в глубокой нужде, 45 лет от роду умер этот талантливый сын литовского народа.

Во второй половине XVIII в. развивалась и живопись. Как и в архитектуре, этому немало способствовала организация в Вильнюсской академии специальной кафедры, которой руководил крупный художник П. Смуглевич (Смуглявичус). Сам Смуглевич придерживался академического направления, но большинство его учеников впоследствии пошло по новому, реалистическому пути.

Феодално-крепостническая система и национальное угнетение весьма неблагоприятно отражались на культурной жизни простого литовского народа. Феодалы и церковники сознательно держали народ в невежестве, темноте.

В конце XVIII в. оживилось изучение литовского языка и литературы. Крепостники презирали литовский язык и считали своим языком польский. У передовых людей появилось стремление сохранить свою народность, развивать родной язык, вырваться из оков клерикализма. В 60—70-х годах Кристионас Донелайтис написал реалистическую поэму «Времена года». Он показал жизнь литовских крестьян, эксплуатацию их феодалами, что считал важнейшей причиной бедности народа.

В это же время начал свою деятельность филолог, историк и поэт Д. Пошка. Он собирал памятники древности, песни, составил довольно полный словарь литовского языка. Большой известностью пользовалась его поэма «Мужик Жемайтии и Литвы». Его деятельность развернулась полностью уже в XIX в., когда на развитие литовской литературы, искусств и общественной мысли начала сильно влиять передовая русская мысль.

Крепостное крестьянство развивало свою устную поэзию и прозу, в которой выражало свои взгляды. В пословицах и поговорках ярко отражено отношение крестьян к угнетателям — крепостникам и духовенству.

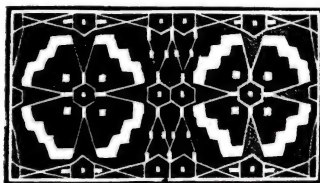
Письменность не получила распространения среди народа, но зато развилось устное творчество — песня и сказка. Хороши, разнообразны и проникновенны свадебные и трудовые песни. В песнях, которые исполнялись во время работы и на отдыхе, народ выражал свое уважение к труду, любви, но в то же время изливал свою горечь подневольного жестокого барщинного труда.

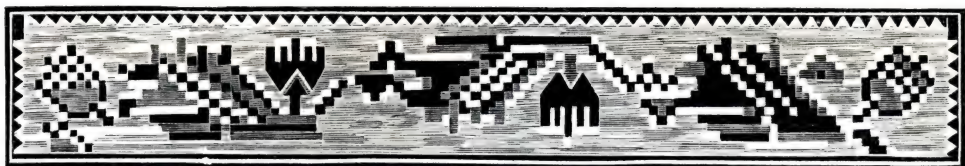
Во второй половине XVIII в. уже существовали все основные жанры литовских сказок. В волшебных сказках народ выражал свои мечты о лучшей жизни, в сказках о животных (о судах и войнах зверей и т. п.) он высмеивал феодальные порядки. То же видим и в сказках о младшем брате «дурачке», который на деле оказывается умным, добрым, справедливым, в противоположность своим старшим братьям — надменным, ограниченным, жестоким. Язык литовских народных песен и сказок поражает своей чистотой, звучностью, богатством красок.

В XVIII в. широко развилось народное изобразительное искусство. Усовершенствование пил, долот и буравов, их многообразие способствовали дальнейшему росту мастерства в области резьбы по дереву и скульптуры.

Потолочные балки, дверные и оконные наличники не только в храмах или богатых домах, но и в бедных избах покрывались затейливым орнаментом, преимущественно геометрического характера. Народные резчики в храмах изображали не только святых и ангелов, но целые сцены, например «страшного суда», где черти тащат в ад помещиков и ксендзов, а в рай идут крестьяне. Широкое распространение в вышивках и ткацких изделиях — полотенцах, поясах и т. п. — получил орнамент геометрический и растительный.

Народ бережно хранил и развивал свои мелодии и мотивы в музыке, песне и танце. Через века рабства и бедности он пронес свой язык, свою устную поэзию и прозу, свою культуру.





ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МОЛДАВИЯ

В середине XVIII в. Молдавия оставалась раздробленной на отдельные части, находившиеся под властью различных государств. Южная часть левобережья Днестра входила в так называемую Очаковскую область, оккупированную султанской Турцией. Часть левобережья Днестра, расположенная на север от Мокрого Ягорлыка, до 1793 г. была под властью панской Польши. Средняя часть междуречья Днестра и Прута подчинялась непосредственно власти молдавского господаря. Бендеры, а также значительная часть Хотинщины были в непосредственном управлении турецких чиновников. Район Тирасполя по правую сторону Днестра, территория, расположенная на юг от Кишинева, и значительная часть земель вокруг Кагула, так же как и степи Буджака, продолжали оставаться местом кочевья татарских орд, подвластных крымскому хану. Во второй половине XVIII в. татары стали отсюда уходить. В 1759 г. из Буджака в Таврию была переведена Эдичкульская орда, а в 1770 г., во время войны России с Турцией, 12 тыс. татар Едисанской и Белгородской орд были переселены на север от Перекопа и под Азов¹.

В последней четверти XVIII в. в Молдавии произошел некоторый рост производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В промышленности создавались новые для страны отрасли производства (стекольное, суконное и др.); обработка сельскохозяйственных продуктов и производство промышленных изделий совершенствовались на основе дальнейшего разделения труда и приобретения новых производственных навыков ремесленниками.

В сельском хозяйстве Молдавии происходило некоторое расширение посевных площадей, садов и виноградников (особенно в восточной части страны, не находившейся под властью Турции), увеличивались посевы кукурузы и промышленное скотоводство.

Во второй половине XVIII в. в молдавской деревне стали заметны изменения, вызванные значительным ростом товарного производства в стране. Рост продажи сельскохозяйственных продуктов из боярских вотчин на внутреннем и внешнем рынках приводил часто к расширению барщинной запашки путем дальнейшей экспроприации боярами земель

¹ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. V. Одесса, 1863, стр. 492, 493.

крестьян-общинников, а также путем сокращения площади земель, предоставляемых боярами крепостным крестьянам. Значительно возросли повинности крестьян.

Развитие товарного производства и товарно-денежных отношений в стране сопровождалось в конце XVIII в. переводом крестьянских хозяйств с отработочной и продуктовой ренты на денежную¹. Наиболее распространенной формой феодальной ренты продолжала оставаться отработочная.

Господари издавали законы, увеличивавшие крепостную зависимость крестьян (царан). В 1766 г. господарь Григорий Александр Гика издал закон, согласно которому крепостные крестьяне в течение года должны были отбывать для землевладельцев определенное число дней барщины². Фактически же барщина во много раз превышала установленную. По уложению того же господаря, изданному в 1776 г., крестьянам, жившим на боярских землях, было запрещено переходить от одного боярина к другому. Тот же господарь узаконил за боярами право на многие повинности зависимых крестьян, которые они несли сверх положенной барщины: крестьяне должны были исправлять мосты, мельницы и строения в боярских имениях, перевозить боярам на своих подводах урожай с боярских полей и топливо из боярских лесов и пр.³ Господари неоднократно подтверждали обязанность крестьян (помимо перечисленных выше повинностей) вносить десятину в их пользу, в пользу бояр, церкви и турецких феодалов-работителей.

В еще худшем положении были крепостные цыгане, по сути рабы молдавских феодалов. Хозяева могли продавать цыган без земли, детей без родителей. В случае, если цыган, принадлежавший одному феодалу, женился на цыганке, принадлежавшей другому феодалу, то детей от этого брака делили между собой владельцы родителей⁴.

Хозяйство большинства резешей (крестьян-общинников) мельчало, и многие из них распродавали свои земли. Некоторые резеши богатели и становились служилыми людьми.

Крестьяне занимались домашней промышленностью, ремеслами. Среди них имелись люди различных специальностей; они обслуживали двор феодала, изготовляли изделия на заказ, а подчас и для продажи. Для этих ремесленников сельское хозяйство мало-помалу становилось второстепенным занятием.

В своих вотчинах бояре занимались переработкой сельскохозяйственных продуктов для винокуренных, салотопенных, кожевенных и других заведений, собственниками которых они являлись. Центральная часть Молда-

¹ «Путешествие по Новороссийскому краю Ионы, митрополита Русского». «Записки Одесского общества истории и древностей», т. III. Одесса, 1853, стр. 558.

² *M. Emerit. Les paysans roumains depuis le traité d'Andrianople jusqu'à la libération des terres.* Paris, 1937, p. 41.

³ «Постановление пунктов о обязанностях к владельцам вотчин царан или земледельцев Бессарабской области...». Кишинев, 1819, стр. 8—13.

⁴ *Gh. Ghibănescu. Surete și izvoade. Documente slavo-române...*, т. XXV, Iași, 1932, стр. 94, 99—100.

вии сделалась районом промышленного виноградарства. Вырабатываемое здесь вино шло и за пределы Молдавии. Некий предприниматель Шендро в 1790—1812 гг. вывозил большое количество вина в Москву¹. Во второй половине XVIII в. в Молдавии расширилась внутренняя и внешняя торговля.

Некоторому оживлению торговли в конце XVIII в. содействовала отмена, согласно условиям русско-турецкого договора 1774 г., права свободного въезда в Молдавию турецких бейликчи — сборщиков натуральных поставок. Вместо них поставлять припасы в Турцию стали господа или откупщики из числа греков-фанариотов. Откупщики получали у господа

право монопольной закупки продуктов у жителей с 27 ноября по 30 июня по ценам, устанавливаемым господарем. Лишь по истечении указанного срока продукты можно было продавать по рыночной цене. Но и после 1774 г. Турция во многом продолжала ограничивать внешнюю торговлю Молдавии. Хлеб, вывозимый из Молдавии в Константинополь, купцы могли продать только по цене, установленной турецкими властями. Вывоз хлеба и некоторых продуктов в другие страны не разрешался.

Денежные суммы, притекавшие в Молдавию в результате внешней торговли, поступали в руки господарей и чиновников, тратились на предметы роскоши и уплывали в Турцию в виде налогов. Один из современников писал: «Хлеб и сельскохозяйственные продукты, которые Молдавия вывозит в Константинополь, оплачиваются теми деньгами, которые Молдавия вносит в Константинополь в виде дани»².



Молдавский крестьянин. Рисунок акварелью и пером из альбома И.Г.Мюнца. 80-е годы XVIII в.
Государственный Исторический музей.

¹ См. *Bachtalovschi. Viticultura în Basarabia. Desvoltarea istorica a viticulturii în Basarabia. Chişinău, 1921, p. 7.*

² *D'Hauterive Mémoire sur l'état ancien et actuel de la Moldavie présente à SAS le prince Alexandre Ipsilanti, Hospodar régnant en 1787...* Bucarest, 1902. p. 128.

Втягивание крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения способствовало тому, что крестьяне могли покупать ремесленные изделия, изготовленные внутри страны. Это содействовало развитию ремесла.

В XVIII в. значительно возросла численность городских ремесленников. В городах Молдавии ремесленники имели не только мастерские, но и лавки при них, в которых продавали свои изделия. В Кишиневе имели мастерские ведерщики, лудильщики, портные, кожухари, кузнецы и ювелиры. Многие городские ремесленники полностью порывали с сельским хозяйством. Число ремесленных цехов в Молдавии в XVIII в. значительно увеличилось. Для ремесленников, объединенных в цехи, приобрела большое значение борьба с конкуренцией стекавшихся в города крестьян. Цех постепенно становился замкнутой организацией. Цеховые старосты следили за тем, чтобы никто из посторонних не занимался ремеслом. Мастера неохотно принимали в свои цехи новых ремесленников и новых учеников. Окончившим срок обучения цехи препятствовали стать подмастерьями и мастерами: они обязаны были работать некоторое время у мастеров за ничтожную плату¹. Кроме купцов, торговавших в городах, были торговцы, разносившие и развозившие товары по селам.

В городах купечество было объединено в торговые корпорации, которые боролись с конкуренцией посторонних лиц. Грамота Александра-Константина Маврокордата 1783 г. гласила: «Без разрешения старосты [торговой корпорации] никто не имеет права открыть магазин... Разносчики имеют право торговать только на ярмарках». Иностранные купцы облагались специальным налогом. Свой товар (кроме пищевых продуктов) они могли продавать в стране только оптом².

Ограничения задерживали развитие торговли в Молдавии. Цехи также тормозили развитие товарно-денежных отношений. В некоторых городах по настоянию цехов купцам было запрещено продавать без особого разрешения ввозимые в эти города изделия, которые могли вырабатываться на месте. Скупщикам разрешалось закупать продукцию у ремесленников, но запрещалось торговать ею в городах, в которых они ее купили³.

Города были расположены на землях господарских и боярских. На боярских землях находились города Оргеев, Кишинев и др. Собственники имений, на территории которых стояли города, имели право взимать с населения ряд сборов: от ремесел, за землю, которой пользовались горожане, за убой скота, ярмарочные и торговые сборы; они же имели монополию на торговлю спиртными напитками, на взвешивание товаров и др.

Специализация городского ремесленного населения придавала отдельным районам городов особый облик. Имелись кварталы и улицы, где жили ремесленники, занимавшиеся одним и тем же ремеслом⁴. В конце

¹ Uricarul, т. XIV. Iași, 1889, стр. 3

² Там же, т. II, стр. 38—45.

³ Там же, т. XIV, стр. 4.

⁴ *N. Iorga. Istoria industriilor la Romîni. București, 1927, стр. 48—49.*



Молдавская деревня на Днестре у Ямполья. Рисунок акварелью и пером из альбома И. Г. Мюнца. 80-е годы XVIII в.

Государственный Исторический музей.

XVIII в. некоторые села, ставшие торговыми и промышленными центрами, были переведены господарскими грамотами на положение городов.

Процесс складывания молдавского внутреннего рынка к концу XVIII в. достиг значительных результатов. Общественное разделение труда и специализация отдельных районов Молдавии на производство определенных товаров к этому времени стали особенно заметными. Ремесленники и крестьяне, занимавшиеся промыслами, теперь изготавливали продукцию для рынков, иногда находившихся далеко от места производства. Появились не только скупщики продукции ремесленников, но и скупщики сырья, которые перепродавали его ремесленникам. Однако элементы капиталистических отношений были в Молдавии еще слабо развиты. Системы эксплуатации наемного труда еще не было, лишь на некоторых предприятиях он применялся эпизодически. Успехи развития товарного производства также были еще довольно ограничены. В стране все еще продолжало господствовать натуральное хозяйство, преобладавшее над товарным. Развитие производства и торговли тормозилось цехами, боярами, фанариотами и турецкими феодалами.

Эксплуатация крестьянства и городских трудящихся феодалами усугублялась налоговым гнетом и натуральными повинностями в пользу турецких феодалов и церкви. Обложены были скот, пашни, сады, виноградники,

ульи и т. д. Кроме прямых налогов, население платило много косвенных. Частыми были единовременные поборы деньгами и продуктами в качестве дани турецким феодалам, причем размер этих поборов в несколько раз превышал размеры дани.

Сбор налогов отдавался господами на откуп. Откупщики — чаще всего фанариоты — вносили в господарскую вистерию (казну) обусловленную сумму денег и взамен получали право собирать с населения ту или иную подать. Уплатив откупные деньги, сборщики взимали с крестьян поборы в таких размерах, чтобы возместить уплаченное и обогатиться самим. Крестьяне должны были исполнять извозную повинность в пользу господара, а также поставлять лошадей для почты. Налог «с очагов», существовавший в Молдавии еще с XVII в., был распространен на конюшни и скотные сараи. При этом он был значительно увеличен. В 1789 г. в городах был введен налог на погреб.

Молдавские крестьяне вели упорную борьбу с поработителями-турками, их ставленниками — греками-фанариотами и с боярами. Формы этой борьбы были различны. Одной из них был отказ крестьян платить подати и выполнять повинности. Во второй половине XVIII в. это было настолько частым явлением, что нашло отражение в специальном законодательном акте господара Иоана Калимахи (1768). В нем было отмечено, что крестьяне, проживавшие в боярских вотчинах, отказывались работать на бояр положенное число дней в году. В уложении 1776 г. господара Гики также говорилось: «Многие бояре жаловались, что люди, проживающие в их имениях, не желают работать». Участились случаи бегства крестьян, в результате чего многие местности опустели. Явление это принимало иногда угрожающие размеры. Чтобы вернуть беглецов, господа издавали грамоты, в которых обещали вернувшимся различные льготы, как временное освобождение от налогов и повинностей.

Во второй половине XVIII в. усилились активные выступления городского трудового люда и крестьянства против бояр. В 1759 г. вспыхнуло большое восстание в Яссах против господара Калимахи и его советника Ставараки, отличавшегося особенной жестокостью при взыскании податей. Хотя инициатором выступления масс вначале была группа бояр, недовольная управлением фанариота Ставараки и стремившаяся для его свержения использовать народную ненависть к угнетателям, но движение городского трудового люда явно носило антифеодальный характер¹.

Во второй половине XVIII в. в Молдавии сильно развилось гайдуцкое движение.

Выходцы из крестьян и городских плебейских элементов, гайдуки боролись против турецких захватчиков, греков-фанариотов и молдавских бояр. Во время войны России с Турцией гайдуки воевали вместе с русскими против турецких феодалов-завоевателей. Гайдуки нападали небольшими

¹ А. Д. Xenopol. *Istoria Romănilor din Dacia Traiana*, t. IX. București, 1929, p. 107—108.

отрядами на ненавистных бояр, богатых купцов и откупщиков податей, отбирали отнятое у народа добро и раздавали его крестьянской и городской бедноте. Во второй половине XVIII в. на берегах Прута действовал отряд Лопушняна, в конце XVIII века в Сорокском уезде — отряд гайдука Бакира. В то же время в этой части Молдавии боролся против угнетателей народа гайдук Бужор.

Будучи по своей сущности крестьянским движением, гайдучество заключало в себе и его недостатки. Выступления гайдуков были разрозненными и носили стихийный местный характер. Сами они не могли свергнуть ни турецких поработителей, ни класс феодалов и боролись только против отдельных, особенно ненавистных угнетателей. Тем не менее гайдучье движение выражало стремление молдавского народа к освобождению от гнета турецких поработителей, греков-фанариотов и бояр.

В 60-х годах XVIII в. Турция начала готовиться к войне с Россией. Расходы на подготовку к ней легли тяжелым бременем на плечи трудящихся Молдавии. Их принуждали поставлять провиант для турецкой армии, ремонтировать крепости и дороги, пополнять людьми турецкую армию.

Во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг., в которой Турция потерпела поражение, русские войска освободили территорию Молдавии от турецкого господства. Молдаване радостно встречали своих избавителей — русских солдат. Победы русских войск воодушевляли молдаван на борьбу с поработителями. От Молдавии в Петербург отправилась депутация с ходатайством о принятии Молдавии в состав России. Из молдаван, валахов и трансильванцев были созданы гусарские части, которые приняли участие в боевых действиях русской армии. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., положивший конец войне, хотя и не принес освобождения Молдавии от кровавого ига турецких феодалов-ассимиляторов, но ослабил позиции Турции в Молдавии и Валахии и укрепил в этих княжествах влияние России.

В 1787 г. Турция начала новую войну с Россией. Молдаване приняли в ней активное участие на стороне русских войск. Согласно условиям Ясского договора России с Турцией (1791), к России была присоединена территория между Бугом и Днестром (современные Слободзейский, Тираспольский, Григориопольский и Дубоссарский районы Молдавской ССР). Северная часть Молдавии, по левую сторону Днестра, бывшая под властью Польши (ныне Рыбницкий и Каменский районы Молдавской ССР), была присоединена к России в 1793 г. Таким образом, все левобережье Днестра вошло в состав Российской империи.

В 1792 г. на русско-турецкой границе вдоль Днестра строилась так называемая Днестровская линия укреплений, которая должна была обезопасить левобережную Молдавию и Украину от возможных набегов турок. В этом же году на месте древнего молдавского поселения Старой Суклеи была заложена А. В. Суворовым крепость Средняя. Место расположения этой крепости привлекало новых поселенцев как удобным

землями для хлебопашества, так и тем, что она находилась на торговом пути, шедшем с севера Молдавии, из Польши и Украины в Причерноморье¹. В 1795 г. около Средней был основан город Тирасполь. В 1799 г. город имел 350 дворов (молдаван, русских, украинцев, евреев и др.)². На левобережье Днестра после присоединения его к России быстро увеличивалась численность населения, развивались сельское хозяйство, ремесла, крестьянские промыслы.

П. Сумароков в 1799 г. посетил левобережье Днестра. Он пишет, например, что в Дубоссарах было в то время 300 дворов, а жителями были молдаване, греки, армяне и др. и что в городе он видел «множество лавок». Дубоссары были крупным центром торговли. Дубоссарская ярмарка служила местом сбыта больших партий скота для отправки за границу. Сумароков писал, что в Дубоссарах были развиты промыслы³.

Турецкие феодалы-поработители старались ассимилировать молдаван и уничтожить культуру молдавского народа. Но уничтожить молдавскую культуру они были не в состоянии, хотя сильно задержали ее развитие. Благодаря братской помощи русского народа молдавский народ сохранил свою самобытность. В XVIII в. на культуру молдавского народа заметно сильное влияние русской культуры.

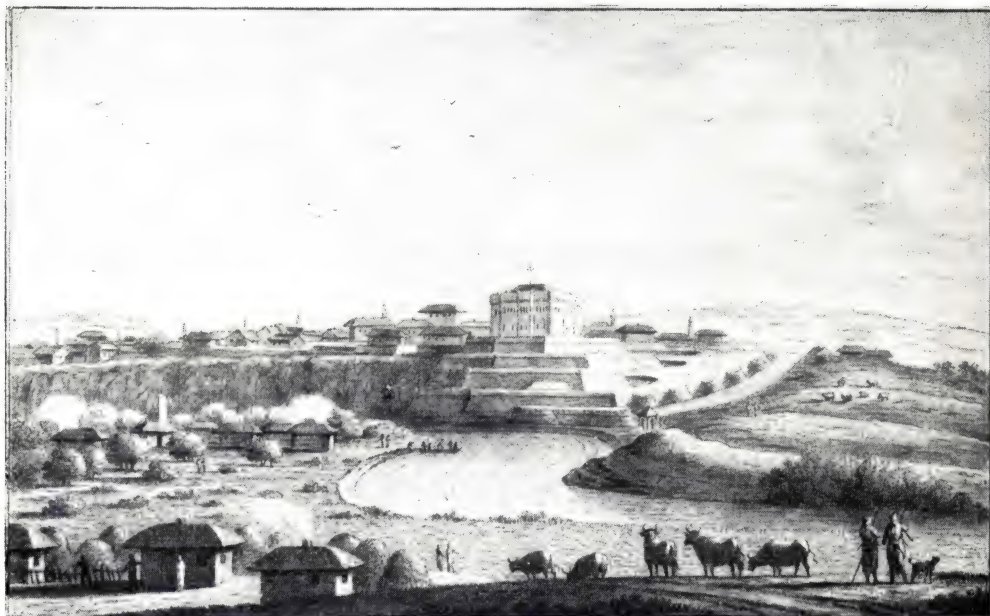
Во второй половине XVIII в. избы в молдавских селениях имели только зажиточные крестьяне. Крестьянская беднота попрежнему ютилась в землянках или в жалких лачугах, сплетенных из веток и обмазанных глиной, без окон и дымовых труб. Бояре и греки-фанариоты жили в больших домах, строительство которых поручалось мастерам-специалистам. Богачи привозили из-за границы убранство для своих домов и дорогие ткани. Во второй половине XVIII в. турецкая одежда, которую носили многие бояре, стала постепенно заменяться европейской; в убранстве боярских домов вместо турецких ковров, диванов и низких столиков появилась европейская мебель. Через русских офицеров и чиновников, живших многие годы в Молдавии, молдавские бояре стали знакомиться с произведениями русской и западноевропейской литературы и искусства.

Народные песни, стихи, легенды и сказки Молдавии отражали вековой гнет, который испытывали молдаване под властью турецких феодалов-ассимиляторов, и борьбу молдавского народа против этого гнета. Они рассказывают, с каким нетерпением ждали молдаване русских солдат, своих освободителей, как вступали в русские войска для совместной борьбы против Турции. Молдаване создали свои народные танцы, в которых заложена та же идея борьбы с угнетателями. В народных песнях, стихах, легендах и сказках любимым героем молдаван является сильный духом и телом гайдук, который борется против угнетателей своего народа, турецких поработителей, фанариотов и бояр.

¹ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1. Одесса, 1844, стр. 264.

² П. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1779 г. М., 1800, стр. 228.

³ Там же, стр. 234—235.



Город Бендеры. Рисунок акварелью и пером из альбома И. Г. Мюнца. 80-е годы XVIII в.

Высокого уровня достигло народное художественное творчество. Развито было домашнее производство ковров с красочным геометрическим растительным и животным орнаментом и пр.

Молдавское мелкое и среднее боярство, а также городские верхи, отстаивая свои экономические и политические интересы, боролись с фанариотской знатью, в руках которой сосредоточивалась власть в стране. Свои интересы молдавское среднее и мелкое боярство и развивающаяся буржуазия выставляли как интересы национальные, противопоставляя их интересам фанариотов и турецких завоевателей. Этим объясняется интерес части господствующего класса Молдавии к национальному языку и культуре.

Во второй половине XVIII в. в некоторых городах Молдавского княжества стали открываться школы, где преподавание велось на молдавском языке. Обычно же господари-фанариоты вводили в школах преподавание на греческом языке. В школах могли учиться только дети бояр, духовенства и купечества. Высшее образование получали только дети бояр. Для детей же крестьян и городской бедноты образование было недоступно. В Молдавии издавались книги на молдавском языке. Одним из центров книгопечатания были Дубоссары. Молдавские книги печатались здесь русским гражданским шрифтом¹. В то же время увеличивалось число переводных изданий. В 1789 г. в Яссах вышла молдавско-русская

¹ В. П. Коробан. Молдавская культура в XVIII в. В сб.: «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв.». Кишинев, 1950, стр. 168.

грамматика¹. В том же году был издан русско-молдавский разговорник М. Стрельбицкого². Амфилохий Хотинянский издал «Русскую географию», переведенную на молдавский язык³. Кроме названных книг, с русского на молдавский язык переводились и другие.

Феодальная культура Молдавии в целом отражала интересы господствующего класса. Однако в конце XVIII в. в Молдавии появилась литература, проповедовавшая идеи буржуазной революции. В 1796 г. на молдавский язык был переведен с французского «Трактат о революциях, или Речь гражданина Карно на Марсовом поле». Перевел трактат выходец из мелкого боярства Дармэнеску, который в это же время знакомил своих друзей в Бендерах с революционными листовками. В тот же период написано «Слово крестьянина к боярам», автор которого, оставшийся неизвестным, выступая от имени крепостных, предупреждал бояр, что терпение эксплуатируемых ими крестьян лопнет и они восстанут с оружием в руках.

Несмотря на страшный гнет и ассимиляторскую политику турецких феодалов, молдавский народ сохранил себя, свой язык и не сошел с исторической арены. Турецкое порабощение тормозило развитие капиталистических отношений в Молдавии, задерживало развитие элементов нации.

Возникновение капиталистических отношений и экономических связей между отдельными районами Молдавии, зарождение национальной буржуазии, начало разложения натурального феодального и крестьянского хозяйства — все эти явления создавали предпосылки для экономической общности молдавского народа как одного из элементов нации. Жители Сорок, Бендер, Кишинева и других местностей и городов Молдавии общались между собой на ярмарках, в ремесленных заведениях, в учреждениях, посредством печати. В результате этого расширявшегося общения жителей язык молдаван постепенно приобретал элементы национальной общности.

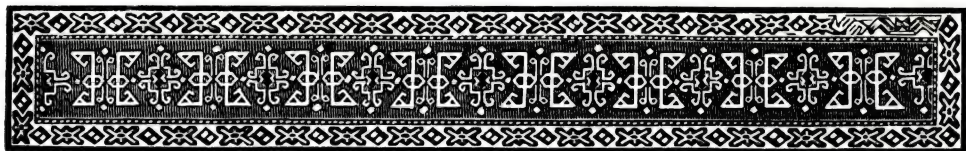
Национальное самосознание в последней четверти XVIII в. проявлялось и в дальнейшем развитии молдавской литературы и народного искусства, которые выражали народный протест против национального гнета.

¹ J. Jordan. Influențe rusești asupra limbii române. «Analele Academiei RPR», s. C., t. I. București, 1949, p. 5.

² «Bibliografiă veche română. 1508—1830», t. IV. București, 1944, p. 107, № 225.

³ J. Jordan. Указ. соч., стр. 4.





ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАРОДЫ КАВКАЗА

1

ГРУЗИЯ

Социально-экономические отношения в Грузии второй половины XVIII в. в основном сохраняли черты, характерные для них в первой половине века¹. Основная масса производителей материальных благ — крестьянство (гlexоба, от «гlexи» — крестьянин) было прочно прикреплено к земле, принадлежавшей светским феодалам — членам царских семей, тавадам (князьям), азнаурам (дворянам) и духовенству. Внеэкономическое принуждение в хозяйственной практике землевладельцев приобрело во второй половине века еще более острые формы. В полной силе оставалась формула, данная в начале столетия в законах Вахтанга и гласившая, что все, что имеется у крепостного, принадлежит господину (буквально: «крепостного все — есть [собственность] господина»²). На крестьянах лежали десятки различных повинностей в пользу феодала — оброки натурой, разного рода барщинные работы, а отчасти и денежные подати.

Безудержная эксплуатация крестьян дала повод писателю конца XVIII — начала XIX в. Иоанну Багратиони сравнивать помещичий желудок с волчьим, а «нюх» господ, безошибочно приводивший их в деревню, где господ ожидали «хлеб и вино», — с нюхом свиньи³.

Крестьяне, поднимаясь по временам стихийно, поджигали господские дома, разоряли хозяйство феодалов, совершали убийства феодалов; чаще же они прибегали к пассивным формам классовой борьбы, устраивая побеги самолично или всей семьей, бросая и дом, и насиженную землю, и господское хозяйство. Бежавшие крепостные, спасаясь от погони, должны были «исчезнуть», «пропасть», в связи с этим стал ходячим термин «пропащие» («дакаргули»). Беглецы чаще всего старались уйти из

¹ Подробнее см.: «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.», М. 1956 г.

² Законы Вахтанга, § 258. См. «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI». Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, изд. А. С. Френкеля, 1887, стр. 77; Д. Чубинов. Грузинская хрестоматия, ч. 1. СПб., 1846, стр. 394—455 (на груз. яз.).

³ «Калмасоба, или хождение по сбору». Пер. с груз. Введение и комментарии В. Дондуа. Тбилиси, 1945, стр. 23, 150.

одного грузинского царства в другое, где снова попадали в зависимость от местных землевладельцев. Закон давности определял право поисков беглых крестьян — от «переписи населения» до следующей такой же переписи; в отдельных случаях сроки достигали 30 лет¹. «Поручившие» себя на разных условиях новым патронам составили категории хизан, гариб-богано и т. п. Хизанами (буквально: «бедными») назывались безземельные крестьяне, вступавшие с землевладельцем в особые арендные условия землепользования², которые на практике приводили их к закабалению. Названия «гариб» и «богано» непосредственно отображают положение бездомных, бесприютных крестьян; этим названиям соответствует русское слово «бобыль»³.

Классовая борьба грузинских крестьян находила также выражение в нападениях отдельных отрядов беглых на господские дворы. В условиях развития в XVI—XVIII вв. русско-грузинских связей представляется закономерным, что в Грузии беглым крестьянам было присвоено распространенное в России и на Украине название «казак» (в грузинском произношении «казах») ⁴. Считается установленным наличие грузинского этнического элемента в составе казачества донского, терского и кубанского ⁵.

Крепостные условия в равнинной Грузии не везде были одинаковы. В Западной Грузии они были более гнетущими, чем в Восточной (Картли и Кахети). В свою очередь в Картли эти условия были более тяжелыми, чем в Кахети. Поэтому беглые крестьяне из Западной Грузии устремились в Восточную, а из Картли — в Кахети. Обратный процесс наблюдался редко. Горная часть Грузии существенно отличалась по уровню развития социальных отношений от равнинной Грузии. В некоторых местностях нагорной Грузии крепостничество уже утвердилось; в других в виде пережитков сохранялись взаимоотношения раннефеодального периода, в отдельных же ее уголках сохранялись еще «теми» (общины), упорно отбивавшиеся от наступающих на них грузинских феодалов.

Широко распространившаяся практика эксплуатации крестьян до полного их разорения подрывала производительные силы, что в свою очередь вызывало расстройство казны, ослабляло обороноспособность государства. Правящие круги были вынуждены прибегать к мерам, которые, полностью сохраняя феодальный способ производства, имели целью несколько ограничить нормами из дебулеба (адата, буквально: «уложе-

¹ Законы Вахтанга, § 199 и 202.

² С. П. Зелинский. Объяснительный словарь... Приложение к «Своду материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Тифлис. 1889, стр. 109.

³ С. С. Орбелиани. Грузинский лексикон. Под ред. проф. И. Кипшидзе и проф. А. Шанидзе. Тифлис, 1928 (на груз. яз.).

⁴ Я. Цинцадзе. Из истории взаимоотношений Украины с Грузией. Тбилиси, 1954, стр. 44, 21—22 (на груз. яз.).

⁵ Там же, стр. 21.

ние», «то, что положено») право собственников эксплуатировать крестьян.

В условиях классового общества и произвола феодалов эти меры не могли быть достаточно эффективными. Меры правительства Ираклия II в Восточной Грузии были направлены прежде всего на борьбу с побегам крестьян и казакованием. В одном документе Ираклий II записал следующее: «Не дай бог, если пропадает (сбежит.— *В. Д.*) пленный или скотина или если вдруг появится где-либо казах, то в таких случаях [караул, обыватели, чины администрации] должны действовать с прилежанием, устраивая погоню», под страхом подвергнуться в противном случае взысканию¹. Правительство пыталось в корне пресечь всякую попытку крестьянина покинуть двор, усадьбу, пашню, виноградники. Уход, бегство, «шатание» крестьян расценивались в эксплуататорском обществе как правонарушение. Задача властей заключалась в том, чтобы господа зорко оберегали свое достоинство, не переманивая в то же время чужих крепостных.

Ираклий II всячески поощрял собственников постоять за «свое», но в пределах дебулеба. Свое завещание («Ираклиев распоряжок») собственным детям он заключил назиданием (§ 58) о пагубности хищнического отношения к хозяйству и крепостному труду. Надо, пишет Ираклий II, «бережно относиться к своему уделу и достоянию, защищать его; подвергать насилию общие (т. е. всем им принадлежавшие.— *В. Д.*) удельные имения было бы делом, навлекающим [на людей] гнев божий; если все цари, царевичи, неправосудно будут грабить (буквально: «драть», «рвать».— *В. Д.*), то и среди братьев (подразумеваются царевичи.— *В. Д.*) нарушится мир, и крестьяне у них разбегутся»².

Проведение намеченных мероприятий было труднодостижимо уже по отсутствию развитого административного аппарата и следственных органов, а главное — по классовой природе права, суда и т. п. Характерна жалоба рядового дворянина Эрасти Госташабишвили, войскового сотника, поданная Ираклию II в 1779 г. Выступая против могущественного Заала Капланишвили (Орбелиани) для отвода претензий последнего на дер. Головна, Госташабишвили пишет: «Один Капланишвили — истец против меня, а другой Капланишвили, по имени Мзечабуки, — сидит у тебя [Ираклия] в качестве мдиванбега (царского судьи.— *В. Д.*), и что же из этого выйдет?» (буквально: «что же я могу сделать?») ³. Госташабишвили хорошо понимал, что два князя, да еще родных, будут действовать на суде согласованно.

От хищений надо было уберечь доходы от таможен, рынков и торгово-ремесленных заведений. И здесь Ираклий II стремился оградить

¹ «Сакартвелос сидзвелени» («Грузинские древности»), т. I. Под ред. Е. Такайшвили. Изд. 2. Тифлис, 1920, стр. 196 (на груз. яз.) (далее цитир.: «Грузинские древности»).

² Там же, стр. 221.

³ Там же, стр. 146.

интересы казны и наказывать нарушителей установленных норм феодально-го права. Надо подчеркнуть влияние общих феодально-крепостнических порядков на жизнь грузинского города. Значительная часть городских ремесленников была феодально зависимой. Во главе городского управления стояли феодалы (например, моурав Тбилиси был обычно из тавадов), которые творили суд с представителями привилегированной верхушки купечества — «вельможными», «великими» мокалаке.

Установившаяся практика личного участия царя в мелочах жизни города и деревни, частый выпуск приказов, распоряжений, рассылка царских ясаулов — все это с одной стороны свидетельствует о напряженной в общем деятельности грузинского правительства и самого Ираклия II, а с другой стороны показывает несовершенство государственного аппарата, патриархальные черты управления, нечеткость разграничения публичного права от частного, общественного достояния — от семейного, фамильного. Характерно завещание Ираклия II, призывавшее царевичей управлять Грузией общими усилиями, как неким соединением удельных имений¹. Здесь неизбежно сказались внутренние противоречия, сделавшие «эфемерным» и «случайным» то «объединение княжеств», которое удалось было провести Ираклию II; в условиях экономической раздробленности Грузии оно быстро распалось. Все же Ираклия II надо поставить в ряд прогрессивных деятелей своего времени, содействовавших созданию условий для будущего развития страны; а именно, он значительно облегчил и ускорил осуществление акта большой исторической важности — акта присоединения Грузии к России.

К середине XVIII в. в Восточном Закавказье создалась сравнительно благоприятная для Грузии внешнеполитическая обстановка. После убийства в Иране Надир-шаха (1747) начался длительный период феодальной анархии. Междоусобная борьба феодалов Закавказья и походы на Азербайджан из Ирана вызвали ряд обращений ереванского и азербайджанских ханов за помощью к царям Картли и Кахети. В походах картло-кахетинских войск иногда участвовали и отряды из Западной Грузии. Результатом политики восточногрузинских царей (картлийского Теймураза II и кахетинского Ираклия II) было упрочение политического влияния Грузии в Восточном Закавказье. В 60-х годах установилась вассальная зависимость от Картли-Кахети армянского Ереванского и азербайджанского Гянджинского ханств. Серьезной задачей грузинских правительств была и постоянная борьба с нападениями из Дагестана, организаторами которых выступали некоторые дагестанские феодалы (например, в 1754—1755 гг. аварский нусал) и феодализирующаяся верхушка так называемых Джаро-Белоканских вольных обществ. Одной из целей набегов был захват людей, преимущественно крестьян, для перепродажи в Турцию и Крым².

¹ «Грузинские древности», т. I, стр. 248 и сл.

² Папуна Орбелиани. См. «Картлис цховреба» («История Грузии»). «Histoire de la Géorgie, II partie. Publiée en géorgien par M. Tchoubinof. SPB., 1854 (на груз. яз.);



Тбилиси. Гравюра А. Петрова по рисунку с натуры. 1767 г.

В 50-х годах XVIII в. возобновились сношения Восточной Грузии с Россией с целью получить поддержку в борьбе за окончательное освобождение Грузии из-под власти иранских шахов и в войнах с враждебными правительствам Картли и Кахети закавказскими феодалами. В 1752 г. грузинские цари отправили в Петербург послов — митрополита Афанасия и кахетинского князя Симона Макашвили¹. Посольство сообщило, что «в настоящее время (1752 г.— В. Д.) уже нет господина над нами [грузинами] из неверных царей», между тем как прежде «какие только не постигали нас и царства наши бедствия, пленения, чинившиеся с давних времен со стороны языческих царей». Теперь, после нанесения мусульманским владетелям ряда чувствительных поражений, «переживаем время, когда [налицо предпосылки, необходимые, чтобы окончательно] вывести нас из татарского плена, [переживаем наступление] дня нашего воскресения. Но спасение мыслимо лишь в том случае, если русское правительство протянет Грузии руку помощи против врагов, которых еще много»².

Переговоры продолжались в 1752—1754 гг.

(далее питир.: П. Орбелиани. История Грузии); см. также франц. перевод: М. Brosset. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX s. traduite du géorgien, vol. VII. SPb., 1858 (далее: Brosset, стр.).

¹ П. Орбелиани. История Грузии, т. II, стр. 444; Brosset, стр. 170; см. там же Я. Цинцадзе. Посольство в Россию Афанасия Тбилели и Симона Макашвили (1752—1754). «Саисторио моамбе» («Исторический вестник»), кн. 6. Тбилиси, 1952, стр. 85—134 (на груз. яз.), с приложением архивных материалов (стр. 135—175).

² Я. Цинцадзе. Указ. соч., стр. 159 (русский текст.), стр. 161—162 (на груз. яз.).

В 1760 г. поехал в Петербург картлийский царь Теймураз II. Он просил военной и денежной помощи для обороны против нападений из Дагестана и для похода на Иран. Но Россия в это время не могла оказать Грузии реальной военной помощи. В Петербурге избегали обострения отношений с Турцией и Ираном¹.

В 1760-е годы в Закавказье и Иране произошли важные политические события. В 1762 г. в Петербурге умер Теймураз II. Картли и Кахети объединились в одно царство под властью Ираклия II. В Иране борьба между претендентами на престол приближалась к концу. Керим-хан Зенд одержал верх над своими соперниками и, начиная с 1761 г., правил почти всем Ираном.

Правящие круги Картли-Кахети правильно оценили силы соперничавших мусульманских ханов. Теперь Керим-хан был сильнейшим среди владетелей Ирана. Формально Ираклий II не отвергал верховной власти Керим-хана над Восточной Грузией, хотя фактически действовал независимо от него. Керим-хан признал Картли и Кахети объединенным царством, подтвердив также и зависимость от прусицкого царя Гянджинского и Ереванского ханств.

В 40—60-х годах XVIII в. разрешение внешнеполитических задач осложнялось напряженной борьбой против реакционных тавадов, господствовавшей тогда политической раздробленностью страны, системой сатавадо (сеньории).

Борьба с феодальной реакцией началась с упразднения двух наиболее сильных сатавадо — ксанского (1743) и арагвинского (1744). Картлийская тавадская знать вооружилась для защиты своих привилегий от угрозы, шедшей со стороны сторонников центральной власти. Она вступала в соглашение со всеми врагами Грузии — кызылбашскими, турецкими, дагестанскими феодалами.

К 60-м годам у картлийских тавадов почти полностью исчезла надежда на получение помощи извне: Керим-хан покровительствовал Ираклию II, на поддержку России тавады не могли рассчитывать, Турция в это время не вмешивалась в дела Восточного Закавказья, в соседних ханствах укреплялось политическое влияние Картли-Кахети.

В этих условиях феодальная знать должна была изменить методы борьбы, стать на путь заговора и террора. Заговором руководил Паата, внебрачный сын царя Вахтанга. В 1765 г., когда готовилось покушение на Ираклия II и на всю его семью, заговорщиков выдал самшвильдский крестьянин, ткач Датуна («Датка»). Зачинщики заговора были схвачены. Ираклий II попытался использовать это дело в политических целях. Он созвал заседание дарбази (царского совета) и выступил на нем в роли истца. Зачинщики заговора — царевичи Паата, Давид и Элизбар Тактакишвили — были приговорены к смертной казни, их имущество конфисковано.

¹ Я. Цинцадзе. Указ. соч., стр. 159 (русский текст.), стр. 161—162 (на груз. яз.).

В 1764 г. Ираклий II предпринял ряд мер к возврату царских крепостных и имений, присвоенных тавадами после 1725 г., во время господства в Картли и Кахети турок и кызылбашей.

Дальнейшие события в Картли и Кахети связаны с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. В данной связи необходимо коснуться и внутриполитического положения, в котором тогда находилась вассальная Турция Западная Грузия.

Феодалная анархия в Западной Грузии в течение первой половины XVIII в. не ослабевала. Система сатавадо господствовала здесь без ограничений. Царские имения и крепости были захвачены мтаварами (владельческими князьями) и тавадами. Работоторговля достигла высшего предела; каких-либо правил, регулировавших крепостные отношения, не существовало. Одни крепостные убегали, попадая в кабалу к другим феодалам, иные, бросая хозяйство, казаковали с оружием в руках. Тяжелое внутреннее положение страны облегчало турецкую агрессию. В руках турок находились Поты, Батуми, Цихис-Дзири, Сухуми и другие крепости.

В 1752 г. в Имерети воцарился Соломон I. В то время сильнейшими тавадами в Имерети были Леван Абашидзе и рачинский эристави (владельческий князь) Ростом, жестоко враждовавший с отцом Соломона — Александром.

Положение имеретинского двора было крайне тяжелым. Царские земли давно расхитили тавады. Соломон I был обессилен: не только дадиани в Мегрелии, но и рачинский эристави был сильнее царя. Мелкие феодалы находились под влиянием сильных феодалов. Прогрессивные круги общества стремились к упрочению царской власти, к политическому объединению всех земель Лихт-Имерети (от Лихского хребта до Черного моря) для уничтожения турецкого господства, к борьбе против распространения мусульманства и против «пленопродавства». В этом отношении все силы народа Западной и Восточной Грузии были направлены на решение одних и тех же задач.

Вокруг Соломона I постепенно стали собираться мелкие тавады. Умело были использованы и разногласия, раздиравшие крупные сатавадо. Соломон I примирился с гуриели Мамия (гурийский владетельный князь), договорившись с ним и дадиани Отиа о совместных действиях против Абашидзе и Ростом; последние обратились за помощью к ахалцихскому папе.

Папа не раз обращался к Соломону I с требованием разрешить по-старому в Имерети куплю пленников. В 1759 г. в Имерети это требование было решительно отклонено: продажа пленников строго воспрещалась под страхом гражданского и церковного наказания¹. Султан

¹ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т. I, Тифлис, 1866, стр. 56—57; III. *Буржанадзе*. Начальный период царствования Соломона Первого. «Труды Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина», т. I. Тбилиси, 1950, стр. 93.

приказал «наказывать» имеретинцев. Леван Абашидзе и эристави Ростом воспользовались этим для выступления против Соломона. Изменник родины Абашидзе поспешил в Ахалцихе. Обещав туркам помощь от лица эристави Ростом и некоторых других тавадов, он выступил вместе с турками против Имерети. На помощь Соломону I прибыли войска дадиани и гуриели. В сражении на Хресильском поле в Окриба (1757) турецкое войско было почти уничтожено, был убит и предатель Леван Абашидзе. Другой изменник, эристави Ростом, и незначительные остатки турецкого войска бежали¹.

В результате Хресильской битвы владение Левана Абашидзе окончательно подчинилось царю, а Ростом присягнул ему на верность.

Тем временем между Имерети и Картли-Кахети был заключен военный союз (1758), который не нарушался до 1770 г.²

В 1758 г. имеретинское войско дважды вступало в сражения с турками. Первый бой проиграли грузины, но во втором турки понесли сильное поражение. После этого авторитет имеретинского военно-политического руководства значительно возрос. Эта победа способствовала делу укрепления царской власти и политического объединения земель Западной Грузии (1759). Для решения многих наболевших вопросов было созвано чрезвычайное собрание светских и церковных князей Западной Грузии. В нем приняли участие высшее духовенство всей страны с католикосом во главе, имеретинские царевичи, тавады, азнауры и дадиани вместе с одишскими (метрельскими) княжичами, тавадами и азнаурами³. На собрании Соломон I по общим вопросам, в которых была заинтересована вся страна, выступал как государь, а дадиани, гуриели и тавады — как «подчиненные и исполнители его приказа». Особенно важным решением собрания явилось запрещение продажи пленников во всей Западной Грузии.

Таким образом, объединение Западной Грузии и усиление царской власти протекали под знаком борьбы против Турции.

Имеретинские тавады со страхом смотрели на усиление царя. Особенно беспокойно чувствовал себя рачинский эристави Ростом. Походы на Имерети ахалцихского паши (1763) и сераскера Гасан-пашы (1766), поддержанные Ростомом, закончились освобождением от турок некоторых имеретинских крепостей (1768)⁴. В том же году Ростом был изгнан из Рачи. Рачинское владетельное княжество присягнуло на верность царю.

В обстановке борьбы против турецкой агрессии правящие круги Имерети решили обратиться за помощью к России. В Петербург был отправ-

¹ Е. Такайшвили. Материалы для истории Грузии. Тифлис, 1895, стр. 16; Царевич Баграт. Новое повествование. Под ред. Т. Н. Ломоури. Тбилиси, 1941, стр. 53 (на груз. яз.).

² П. Орбелиани. История Грузии, ч. II, стр. 474; Brosset, стр. 207.

³ С. Какабадзе. О церковных реформах во время Соломона Первого. Тбилиси, 1913, стр. 4—5 (на груз. яз.).

⁴ «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Под редакцией А. А. Цагарели, т. I. СПб., 1891, стр. 31 (далее сокращенно: «Грамоты»).

лен (1768) в качестве посла кутаисский митрополит Максим¹. В это время началась русско-турецкая война. В ответ на имеретинское посольство царское правительство послало в Грузию поручика Хвабулова со специальными полномочиями; ему было поручено, в частности, максимально ускорить дело вовлечения Имерети и Картли-Кахети в предстоявшие военные действия против Турции².

В результате обмена мнениями в Петербурге и Грузии выяснилось, что правители Картли-Кахети и Имерети были готовы начать войну против Турции, однако предварительным условием они ставили получение из России помощи войсками и деньгами. Участие Грузии в русско-турецкой войне было важно для России, и поэтому русское правительство решило послать на Кавказ войска. В 1768 г. в Грузию прибыл отряд в составе 3767 чел., во главе с генералом Тотлебенем³. Однако для выполнения сложной военно-политической миссии у Тотлебена не оказались ни политических, ни военных способностей. Предпринятые им в 1770 г. осады крепостей Ахалцихе и Поти оказались неудачными. Авантюристические действия Тотлебена, который без согласования с Ираклием II пытался привести жителей Грузии к присяге императрице, и его военные неудачи заставили русское правительство отозвать Тотлебена и заменить его Сухотинным. Однако и Сухотин был вынужден снять осаду Поти, потеряв значительное число солдат не столько вследствие военных действий, сколько от болезней. В 1772 г. русский корпус был выведен из Грузии.

Несмотря на это, русско-турецкая война и ее общие результаты имели для Грузии большое значение. Успехи, одержанные русскими войсками в войне, ослабили позиции Турции на Черном море и на Кавказе. Русское правительство открыто заявило о готовности помочь Грузии в освободительной борьбе, и впервые русский отряд прошел через Дарьяльское ущелье.

В 1771 г. Восточная Грузия приняла исторической важности решение — просить русское правительство принять Грузию под свое покровительство. Проект договора был отослан в Петербург и послужил в дальнейшем основой русско-грузинского трактата 1783 г.⁴ В 1773 г. при посредничестве русского представителя был возобновлен союз между Западной и Восточной Грузией, грузинские войска имели ряд успехов в сражениях с турками. В Кючук-Кайнарджийский трактат был внесен параграф (23-й), посвященный Грузии. Турция обязывалась амнистировать грузин, участвовавших в войне; отказалась от инкорпорации Западной Грузии, от «податей» с Имерети вообще и, в частности, от бесчеловечной дани юно-

¹ См. «Просительную грамоту царя Соломона». «Грамоты», т. I, стр. 18—19 и др.

² Там же, стр. 26.

³ О личном составе и вооружении русского корпуса — там же, стр. 81—82.

⁴ «Грамоты», т. I, стр. 329—332; *И. Г. Бугков*. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 1. СПб., 1869, стр. 286; там же, ч. 2. СПб., 1869, стр. 119—120.

шами и девушками и от религиозного преследования христиан. Хотя права Турции на крепости Кутаиси, Шорпани и Багдади, взятые во время войны русскими и грузинскими войсками, формально сохранились, но фактически они остались за грузинами. После войны Западная Грузия начала отстраиваться, заметно росла численность населения.

Познакомившись в ходе войны с русской военной организацией, в Грузии воочию убедились в отсталости грузинского феодального ополчения, но понимали, что создать постоянное регулярное войско невозможно: ни царская казна не располагала средствами для технического снабжения и поддержания такого войска, ни тавады не пожелали бы отдать своих крепостных в солдаты. Для обсуждения вопроса об организации в Картли-Кахети новой системы войск был созван (1774) дарбази, который разработал устав войска моригэ (буквально: «соблюдающий очередь», «очередной»), признанного «наилучшим и наиболее подходящим».

Организация войска моригэ состояла в следующем. Все способные носить оружие мужчины, за исключением грузин-горцев, тушин и пшаво-хевсуров, обязаны были один месяц в году отбывать военную службу; люди, занятые в домашнем хозяйстве господ или в сельском хозяйстве, а также кушцы могли выставлять вместо себя замену. Таким образом, $\frac{1}{12}$ всего взрослого мужского населения постоянно находилась в войсках в распоряжении царя. Воин моригэ шел на службу за свой счет и обязан был иметь собственное оружие. Поэтому устав освобождал крестьян Картли-Кахети от продовольственного налога. За поголовную явку военнообязанных в очередное войско отвечали «господа и управители данного селения». Господин должен был снабжать призванных на службу крестьян всем необходимым, если они не имели средств. За опоздание или невыход в очередное войско виновных наказывали¹. Главным начальником войска моригэ был Леван, сын Ираклия II.

Первое время в очередное войско входило ежемесячно несколько тысяч воинов. Целесообразность организации войска моригэ не замедлила сказаться. Нападения дагестанских феодалов прекратились, страна, казалось, вернулась к нормальной жизни, запущенные селения вновь отстроились, крестьяне приступили к мирному труду.

Как ни компромиссна была по своему характеру система войска моригэ, она все же не подходила к тавадско-крепостническому общественному строю. Таваду было нелюбо идти в очередное войско. Здесь он не был военачальником собственных крепостных и не имел при себе собственных азнауров-воинов. Тавади в войске моригэ числился одним из воинов. В очередном войске царь и тавади друг для друга были не патроном и вассалом, а государем и подданным. Ушедший в очередное войско крепостной на месяц покидал своего господина и становился непосредственно царским подданным. Крестьяне не преминули использовать это обстоятельство в классовой борьбе. Находившиеся в войске моригэ крестьяне жаловались царю на несправедливые притеснения со стороны господ.

¹ «Грузинские древности», т. I, стр. 177—187.

Царская власть вынуждена была энергично вмешаться во взаимоотношения господина и его крепостного. Войско моригэ содействовало политическому усилению центральной власти. Вот почему тавады не жалели своих сил для упразднения моригэ. Хотя войско моригэ никогда не отменялось официально, но тавадской реакции удалось постепенно обессилить его и в конце концов ликвидировать. Очередное войско вновь было заменено очередной караульной службой тавадов на местах. Это явилось большой победой тавадской реакции в борьбе против царской власти.

Наряду с попыткой проведения военной реформы в Восточной Грузии с 70-х годов XVIII в. проводились мероприятия и экономического характера. Были сделаны первые попытки внедрить мануфактурное производство, собрать мастеров различных специальностей, наладить производство сукна, стекла, хрусталя, зеркал, сахара; был заложен фундамент горнорудной промышленности (1774). Для поисков и плавки руд были привлечены греческие мастера из Турции. Заработал Ахтальский сереброплавильный завод, затем Аллавердский и Шамблукский медеплавильные заводы¹. Ахтальский завод в некоторые годы давал до 90 пудов чистого серебра. Была усовершенствована также техника типографского дела и чеканки монет. Академик И. А. Гильденштедт, проводивший в начале 70-х годов несколько месяцев в Тбилиси, засвидетельствовал наличие горнорудных и нефтедобывающих предприятий, порохового и солеваренного заводов, монетного двора, типографии и т. д.²

Изыскивались меры и для развития торговли. Купечество испытывало большие притеснения со стороны феодалов. Охрана дорог и торговых караванов требовала больших усилий. Власти принимали меры, в том числе и законодательные, для создания нормальных условий торговли. В тех же целях был пересмотрен действовавший пошлинный тариф. Значительно оживилась торговля Грузии с Россией. Долгое время торговые сношения осуществлялись лишь по дербентскому торговому пути, шедшему вдоль побережья Каспийского моря. Во второй половине XVIII в. открылся закрытый в продолжение многих столетий «осетинский» торговый путь³. Грузия снова связалась с северными странами кратчайшим караванным путем, причем Тбилиси постепенно превратился в главный складочный пункт для поступающих этим путем товаров. Оживилось и Арагвинское ущелье, где на место заглохшего поселения Живвани выступило Анапури. Древнее название «осетинский путь» постепенно сменилось более соответствовавшим его новому содержанию названием — «российский путь». Караванная торговля по этому пути оставалась пока еще слабой, однако она все больше и больше возрастала. Уже в последней четверти XVIII в. Кизляр, Моздок, Астрахань вошли в сферу обычной деятельности тбилисских торговых товариществ. В результате установления

¹ «Материалы к истории горной промышленности Грузии», т. I, 1799—1829. Под ред. Ш. К. Чхетия. Тбилиси, 1936, стр. 10.

² «Reisen durch Russland und die Caucasischen Gebürge», ч. 1. СПб., 1787, стр. 226, 271 и др.

³ Через Дарьяльское ущелье.

караванного сообщения по Дарьяльскому ущелью Грузия непосредственно экономически связалась с Европой, минуя клонившиеся к упадку Иран и Турцию. Как указывалось выше, в 70-х годах русское войско впервые прошло этим путем, который приобрел для Грузии исключительно важное политическое и экономическое значение.

В целях оказания помощи торговле и ремеслу было обращено должное внимание на правовое положение мокалаке (горожан) — купцов и ремесленников, обладавших известным имущественным цензом. Был узаконен так называемый «городской порядок» собственности (1770), чем сделан важный шаг по пути вытеснения из города феодальных взаимоотношений. По этому «порядку» имущество умершего бездетного мокалаке переходило не к царю, а к наследнику этого мокалаке, хотя бы и дальнему родственнику. Для административного урегулирования городской жизни были строго определены права и обязанности представителей городской администрации (моурава, мелика, мамасахлиси), а также ремесленных цехов и купеческих корпораций¹. В результате энергичного проведения соответствующих мероприятий, доходы казны в Картли-Кахети в 80-х годах XVIII в. заметно выросли.

Особые трудности представило политическое переустройство страны, заключавшееся в разделении управления государством на различные централизованные отделы: внешних дел, государственных доходов и военных дел. Таким же новшеством был институт «собраний судей», введенный в 1778 г. С этих пор все судебные тяжбы вместо царя или назначенных царем временных судей разбирало постоянное судилище из нескольких мдиванбегов (судей).

Царская власть теоретически признавалась самодержавной. Тем не менее царский совет имел большое значение. Ни одного важного государственного вопроса царь помимо совета не решал. Совет был большой и малый.

В состав большого входили сыновья царя, католикос и другие церковные и светские князья, а также высшие царские чиновники. Малый совет состоял из избранных царем лиц. Одни дела, в зависимости от их характера и значения, царь рассматривал в большом совете, а другие — в кругу своих приближенных.

В области духовной культуры просвещение занимало большое место. Уже в 50-х годах XVIII в. возобновилась культурная работа, прекратившаяся было в условиях господства в стране Турции и Ирана. Так, вновь заработала (1749) тбилисская типография. К 90-м годам XVIII в. тираж некоторых напечатанных в этой типографии книг достигал 1000 экземпляров².

Ранее школы в Грузии были только частные. Со второй половины XVIII в. появились и государственные школы. В Тбилиси была основана

¹ «Грузинские древности», т. II, Тифлис, 1909, стр. 523—528 (на груз. яз.).

² «Грузинская книга. Библиография», т. I, 1629—1920. Тбилиси, 1941, стр. 69 (на груз. яз.).

философская семинария (1756), такую же семинарию основали в Телави (1782). Учебные планы их составлялись по образцу учебных планов аналогичных русских училищ. Семинариями ведали ректоры, получавшие жалование из казны. Из этих учебных заведений вышел ряд образованных грузин, действовавших в разных областях государственной жизни. Главным руководителем дела просвещения в тот период был католикос Антоний Багратиони, видный церковный и политический деятель.

Со второй половины XVIII в. в Грузии усилилось влияние русской культуры, ярким показателем чего служит литература, в первую очередь переводная. Освоение русского языка, памятников русской письменной культуры облегчалось наличием в Грузии больших переводческих традиций, о которых свидетельствует дошедший до нас от средневековья богатый фонд переводов с основных письменных языков мира. Переводы с русского языка были рассчитаны на удовлетворение различных потребностей и интересов — школьно-учебных, научно-философских, законодательных, культовых и т. п. В историю грузинской литературы прочно вошли имена деятелей, которым принадлежал почин организации переводов с русского. Весьма продуктивным в данном отношении оказалось творчество таких видных представителей грузинской культуры, как вышеупомянутый католикос Антоний и младший его современник Гайоз (Гай) — ректор Телавской семинарии, Алексей Месхишвили и др. Среди переводов Антония с русского языка особенно надо отметить книгу «Физика теоретическая, вновь переведенная», т. е. «Экспериментальную физику» Х. Вольфа в переводе М. В. Ломоносова. Достоин внимания, что этот научный труд, переведенный гениальным русским ученым, стал достоянием грузинского читателя еще в те времена. Среди книг, переведенных с русского ректором Гайозом, был и «Духовный регламент» времени Петра Великого¹.

Обращает на себя внимание забота об усвоении и распространении русской грамотности. Ректор Гайоз основал около 1779 г. в Тбилиси школу для обучения русскому языку². Русский язык, как незаменимое средство живого общения с русским народом, старательно изучался едва ли не каждым грузином, кому только пришлось пожить в России. Для грузинских писателей XVIII в. характерны русизмы; любопытным примером их употребления может служить «Хождение, или Путешествие, Ионы митрополита Руисского», описанное самим Ионой из фамилии Гедеванишвили (1737—1791).

Русская культура стала близкой, родной для знаменитого грузинского поэта XVIII в. Давида Гурамишвили, прожившего в русско-украинской среде свыше 60 лет (1728—1792). Его прославленная «Давитиани»³

¹ К. Кекелидзе. История древнегрузинской письменности, т. I. Изд. 3, Тбилиси, 1951, стр. 362—363 (на груз. яз.).

² Там же, стр. 362.

³ «Давитиани» [«Книга Давида»]. Тифлис, 1881; то же, русский перев. Н. Заболоцкого. М., 1953.

много способствовала расширению осведомленности грузинского общества о жизни братских русского и украинского народов, об их народном творчестве, пробуждению в Грузии живого интереса и симпатий к русскому крестьянину, русской культуре.

Много содействовал популяризации идеи о благотворном значении взаимного сближения русского и грузинского народов и грузинский историк Папуна Орбелиани. В своем талантливом труде он привел факты, характеризующие жизнь грузинской колонии в Москве, участие ее представителей в деятельности Осетинской комиссии по распространению христианства («просвещения») среди горского населения Северного Кавказа. Историк оптимистически смотрел на будущее русско-грузинских отношений. Он искренне верил в ту версию, тогда, повидимому, популярную, по которой Петр I, уже на смертном одре, завещал своим приближенным: «Грузии тяжко, ради [христианской] веры пособите ей, на счет моей казны одолжите ей войско»¹.

Таким образом, в изучаемый период внутригосударственные вопросы — экономические, социальные, политические, культурные — одинаково требовали урегулирования.

Для внутреннего развития страны важны были как взаимоотношения между грузинскими царствами и внутри них, так и внешнеполитические отношения. И в той и в другой области имелись большие трудности.

Турция в 80-х годах XVIII в. упорно добивалась господства в Западной Грузии, особенно на черноморском побережье. Имеретины мужественно боролись с агрессором. В неравной борьбе Имерети продолжала искать союзника в лице России и просила у нее помощи, чтобы отвоевать у турок Поти и Батуми.

Взаимоотношения между западным и восточным грузинскими царствами во второй половине 70-х годов обострились. Картлийские и имеретинские феодалы прилагали все усилия к разрушению союза, заключенного в 1773 г. между Восточной и Западной Грузией. Тавадов поддерживал в их планах ахалцихский паша. При дворе же царя Ираклия II нашел место со своими приверженцами восставший против отца наследник имеретинского престола Александр Соломонович (1778). В свою очередь Соломон I дал приют восставшему против Ираклия II сыну ксанского эристава Элизбара, а затем и царевичу Александру Бакаровичу, выехавшему из Ирана в Имерети. Подготавливался поход на Восточную Грузию с целью посадить этого царевича на картлийский престол.

В это тяжелое для Восточной Грузии время возобновились переговоры с Россией о протекторате, имевшие для обеих сторон важное значение как в плане грядущей русско-турецкой войны, так и для укрепления экономических связей. Оживились сношения русского правительства с двором Ираклия II. В Восточную Грузию направлялись для ее всестороннего изучения русские чиновники, посланники, путешественники.

¹ П. Орбелиани. История Грузии, ч. II, стр. 458; Brosset, стр. 186.

На основе собранных сведений правительство Екатерины II ближе знакомилось с условиями, соблюдение которых обеспечило бы вовлечение этой страны в ближневосточную политику России. Находившемуся при дворе Ираклия II доктору Я. Рейнегсу в 1782 г. было поручено «подвигнуть» Ираклия II официально просить покровительства у Екатерины II¹. В Грузии это предложение было принято. Отказавшись от политического суверенитета в пользу России и связав с ней судьбу Грузии, грузинские дипломаты надеялись навсегда устранить посягательства турецко-иранских агрессоров и обеспечить своей стране возможность возродиться. Мысль о помощи со стороны России, надежда найти в ней спасение от физической гибели и разорения были распространены среди широких кругов грузинского населения.

В 1782 г. Ираклий II формально обратился к русскому правительству с просьбой принять Грузию под свой протекторат. Он повторил представленные им же в 1771 г. условия и добавил новые «просительные» пункты. Последнее вызывалось изменившимися, по сравнению с 1771 г., обстоятельствами. Русское правительство еще до этого на деле доказало свое желание заключить с грузинским царем «дружественное соглашение». По просьбе Ираклия II оно принимало меры к урегулированию обострившихся отношений Восточной Грузии с Фатх Али-ханом кубинским и принудило царевича Александра Бакаровича выехать в Россию. В крепости Георгиевске (на Северном Кавказе) Россия и Грузия подписали 24 июля 1783 г. «дружественное соглашение» (Георгиевский трактат). Со стороны грузинского правительства документ подписали мухранбатони Иоанн и Гарсеван Чавчавадзе, а со стороны императрицы — генерал П. С. Потемкин. Ираклий II подписал трактат через 6 месяцев (24 января 1784 г.), после чего «дружественное соглашение» вошло в силу.

Трактат предусматривал обоюдные обязательства. Главнейшие его пункты были следующие.

Царь Картли и Кахети, всенародно навеки отвергнув свою зависимость от Ирана «или иной державы», с этих пор признавал только верховную власть русского императора и принимал его покровительство. Картли-кахетинские цари при вступлении на престол должны утверждаться русским императором и приносить ему присягу.

Царь Картли и Кахети отказывался от права вести самостоятельные дипломатические сношения с иностранными государствами и давал обязательство в случае необходимости выступать на стороне русского государя со всеми своими военными силами. Русский государь со своей стороны торжественно обещал осуществлять над Картли и Кахети вечное покровительство и защищать грузинское царство. Эта защита и покровительство императора распространялись и на те земли, которые в будущем могли быть присоединены к Грузии.

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 118. О Рейнегсе подробнее см. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947, стр. 50 и сл.

В деле внутреннего управления страной царь Картли и Кахети оставался самостоятельным.

К трактату были приложены частные (сепаратные) пункты. Ираклий обязывался находиться в согласии с имеретинским царем Соломоном, а в случаях возникновения между ними разногласий арбитром выступал русский император. В целях подкрепления грузинского войска для обороны Грузии от врагов Екатерина II обещала послать в Грузию два батальона пехоты на постоянное там пребывание. В случае возникновения войны русский пограничный начальник облакался полномочием на заключение соглашения с царем Картли и Кахети об оказании помощи последнему и о совместных действиях против общего врага. Наконец, во время войны или заключения мира русский царь должен был прилагать усилия для возвращения Грузии земель, захваченных у нее врагами в прошлом¹.

Согласно трактату, русское войско прибыло в Тбилиси и было торжественно встречено 3 ноября 1783 г. Ираклий II присягнул русскому государю в верности 23 ноября 1783 г.²

Заключение Георгиевского трактата было важным политическим событием как для России, так и для всего Закавказья. Оно облегчало борьбу народов Кавказа против ига Ирана и Турции.

Россия вынуждена была отказаться от заключения с имеретинским царством договора, аналогичного Георгиевскому трактату: русский посол в Стамбуле опасался, чтобы заключение такого договора не привело к объявлению войны Турцией. Однако сношения России с Западной Грузией не были нарушены.

Турецкое правительство стремилось заставить Ираклия II разорвать установившиеся между Россией и Восточной Грузией отношения. С одной стороны, султан старался восстановить против картли-кахетинского правительства некоторых дагестанских и закавказских феодалов, с другой — через эрзерумского и ахалцихского пашей призывал Ираклия II к союзу с Турцией, при условии выдачи в качестве заложников двух тавадов. По этому поводу царь устроил совещание в Сагареджо (1786), на котором, в связи с трудностями внутреннего и внешнего положения Восточной Грузии, было решено принять предложение Турции и выдать заложников. Представителю русского правительства при дворе Ираклия II полковнику С. Д. Бурнашеву и начальнику Кавказской укрепленной линии П. С. Потемкину не удалось отговорить Ираклия II от этого акта³.

Порта усиливала попытки к ограждению Грузии от все возрастающего здесь русского влияния. Между тем грузинский народ, приняв Георгиевский трактат 1783 г., тем самым открыто продемонстрировал свою волю

¹ Текст трактата см. ПСЗ, т. XXI, № 15835, стр. 1013 и сл.; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа..., ч. II, стр. 122 и сл.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 129, 131.

³ Там же, стр. 191—193; «Грамоты», т. II, вып. II, СПб., 1902, стр. 59—60.

раз навсегда порвать с отсталыми феодальными государствами Ближнего Востока и идти вперед по пути прогресса с помощью русского народа. Однако еще не были преодолены трудности практического объединения усилий грузинского и русского народов, которые были направлены на обезвреживание турецких и иранских агрессоров на Кавказе. В Грузии еще существовали реакционные протурецкие и проиранские группы, которые в своем большинстве были противниками русской ориентации, потому что прогрессивные круги грузинского общества с актом вступления под покровительство России связывали осуществление ряда политических реформ. Реакционеры-тавады, которым разделение Картли-Кахети на удельные имения представлялось наилучшей гарантией сохранения своих неограниченных политических прав, нашли себе надежную опору в лице жены Ираклия II Дареджан и родных ее сыновей, причем царица и ее сыновья были сторонниками полного соглашения с Турцией.

Вскоре между Россией и Турцией началась война (август 1787 г.). По смыслу трактата Картли-Кахетинское царство тоже оказалось в состоянии войны с Турцией. Однако, в связи с внутренними трудностями, Грузия не включилась в активные военные действия, и потому в Ясский трактат 1791 г. не был внесен пункт о присоединении к Картли-Кахетинскому царству захваченных Турцией земель Самцхе-Саатабаго. Вместе с тем успехи России и в этой войне повели к дальнейшему ослаблению позиций турецкого султана на Кавказе.

90-е годы XVIII в. в жизни Восточной Грузии были крайне тяжелыми из-за внутренней реакции и возобновления персидской агрессии.

Тавадская реакция, разногласия между отдельными царевичами, распад войска моригэ, повторявшиеся акты государственной измены, набеги дагестанских феодалов — все это вносило сильную дезорганизацию в деловую жизнь страны, ее правящих кругов. В 1791 и 1792 гг. Дареджан и ее сыновья вырвали у престарелого Ираклия II два закона. Первый из них изменял порядок наследования престола: престол должен был переходить к старшему члену царской фамилии, а не от отца к сыну¹. Ираклий II отверг этот закон немедленно после подписания². Зато остался в силе другой закон, на основании которого Ираклий II предоставлял наследнику Георгию 4000 дымов, а пяти остальным царевичам — по 1003 дыма крепостных крестьян. Таким образом, созданное ценой напряженной борьбы против светских и церковных князей царское имение попало в руки феодалов, еще более реакционных, чем тавады. В своих удельных имениях царевичи считали себя полными господами — государями. С этого времени они сделались оплотом и вожаками тавадской реакции.

В 1792 г. имела место новая попытка объединения Восточной и Западной Грузии. После смерти бездетного Соломона I имеретинского (1784) претендентами на престол выступали Давид, несовершеннолетний

¹ «Грузинские древности», т. I, стр. 200—201.

² П. Иоселиани. Жизнь Георгия Тринадцатого и присоединение Грузии к России. Тбилиси, 1895, стр. 277; то же, 1936, стр. 224.

сын царского брата Арчила, впоследствии занявший престол под именем Соломона II, и двоюродный брат царя, тоже Давид, сын Георгия. В течение нескольких лет между претендентами с переменным успехом велась вооруженная борьба, поддержанная представителями разных феодальных фамилий. При таких условиях некоторые имеретинские феодалы предпочли обратиться к Ираклию II с предложением объединить под своей властью Имерети и Картли-Кахети. Совещание царского совета, продолжавшееся три дня, оказалось безрезультатным. Ираклий II не решился принять предложение об объединении, опасаясь Турции. Из Картли было послано войско, поддерживавшее Соломона II.

Независимо от неудачи, постигшей на этот раз сторонников объединения Грузии, прогрессивные силы все же имели значительный успех. Правящие круги во главе с Соломоном Леонидзе, видным политическим деятелем и соратником царя Ираклия II, добились заключения в 1790 г. договора между картли-кахетинским и имеретинским царствами. Этот трактат утверждал союз его участников против общего врага¹. Впоследствии объединенные этим трактатом союзники сообща просили русскую императрицу (1793) о принятии их под свое покровительство².

В середине 90-х годов XVIII в. Грузия претерпела опустошительное нашествие иранского шаха. После многолетней борьбы между феодалами в Иране победителем вошел шах Ага Мухамед Каджар. Он пытался восстановить в Картли и Кахети господство Ирана, требуя от грузинского правительства аннулирования русско-грузинского трактата и признания сюзеренных прав шаха в Грузии. Его послания были полны угроз по адресу грузин³. Так же агрессивны были намерения шаха относительно Армении и Азербайджана. Отдельные попытки объединения сил закавказских народов имели место, но феодальная раздробленность и постоянные междоусобицы помешали дружному отпору вражескому нашествию.

Летом 1795 г. шах предпринял большой поход на Закавказье. В последних числах августа 1795 г. его войска подошли к Шуше и Еревану. Армянский католикос в Эчмиадзине откупился крупной суммой денег. В начале сентября после неудачной осады Шуши шах стремительно двинулся на Тбилиси.

Грузия, выдержавшая за предшествовавшие 50 лет не один десяток войн, на этот раз оказалась не подготовленной к отпору. Главнейшей причиной послужило общее ослабление страны вследствие тавадской реакции, узко классовых интересов феодалов, не желавших организовать крестьянство для защиты страны. Большинство царевичей оставалось в своих уделах, Георгий — в Кахети, Юлон — в Картли. Была и прямая измена. Надо сказать, что пограничное русское начальство в лице генерала

¹ «Грамоты», т. II, вып. I. СПб., 1898, стр. 183—185 (груз. тексты); то же, т. II, вып. II, стр. 67—70 (русский недословный перевод).

² «Грамоты», т. II, вып. I, стр. 112—113 (груз. тексты); то же, т. II, вып. II, стр. 270—271 (русский перевод).

³ «Грамоты», т. II, вып. II, стр. 95.

И. В. Гудовича не проявило должной оперативности. Гудович начал длительную переписку с Петербургом, дожидаясь распоряжений. Приказ от 4 сентября о военной помощи Грузии пришел Гудовичу из Петербурга только 1 октября.

Шах вторгся в Грузию с 35-тысячным войском. 10 сентября 1795 г. враг приблизился к Тбилиси. Грузинское командование во главе с Ираклием II могло противопоставить этой силе лишь 5 тыс. воинов, из которых 3 тыс. составляли приведенное Соломоном II вспомогательное войско. Несмотря на такую малочисленность, грузинам удалось разбить передовые отряды шахского корпуса и обратить врага в бегство. Противник обнаружил нерешительность, но изменники Грузии успели тайно донести о малочисленности тбилисского гарнизона, и враг уверенно перешел в наступление. Решительное сражение произошло на Крцанисском поле у ворот Тбилиси. Несмотря на героические усилия, грузинское войско потерпело поражение и стало отступать в горы, в Мтиулету по Военно-Грузинской дороге. Соломон II со своим войском вернулся в Имерети. Ага Мухаммед вступил в Тбилиси, город был сожжен и ограблен, захваченные жители погибли или были уведены в плен. Одновременно шахские отряды разбрелись для грабежа по всей стране¹.

Пока Ага Мухаммед оставался в Грузии, между ним и царем Ираклием II завязались переговоры. Царь, находившийся в то время в Ананури, старался выиграть время. Ведя с противником переговоры, он одновременно информировал о ходе дел генерала Гудовича и настаивал на ускорении помощи. Впрочем, шах недолго оставался в Грузии. В конце сентября Ага Мухаммед отошел в Азербайджан, а весной 1796 г., перезимовав в Муганской степи и получив тревожные известия из Хорасана и сообщения о движении русских войск, ушел в Иран.

Уже в конце 1795 г. русское правительство окончательно убедилось в необходимости безотлагательного вооруженного выступления против Ирана. В декабре в Грузию прибыл 2-тысячный русский отряд, а весной 1796 г. через Дербент в Закавказье вступило 30-тысячное русское войско под начальством В. Зубова, которое быстро заняло Дербент, Кубу, Баку, Сальяны, Шемаху, вышло на Мугань и готовилось к походу внутрь Ирана.

В Грузии начала восстанавливаться мирная жизнь. Укрывшееся было население вернулось на места. Тбилиси стал вновь отстраиваться. Походом на Гянджу, хан которой принял участие в предприятиях Ага Мухаммед-шаха, была восстановлена зависимость от Грузии Гянджинского ханства, так же как и Ереванского. В это время умерла Екатерина II (1796). Новый император Павел I отменил поход на Иран и отозвал русские

¹ Подробности о вторжении иранских войск в Грузию и о разорении Тбилиси отражены в архивных документах и литературе: «Грамоты», т. II, вып. II, стр. 104 и сл.; «Из записок царевича Теймураза. Взятие Тифлиса Ага Мухаммед-ханом в 1795 г.». Тифлис, 1895, стр. 26; *П. Г. Бутков*. Указ. соч., ч. II, стр. 388 и сл.; *Н. Бараташвили*. Беди Картлиса («Судьба Грузии», поэма) и др.

войска в Россию. В Иране готовился новый поход на Закавказье. Но вторжение в Грузию не состоялось, так как Ага Мухаммед был убит (1797).

Последние годы XVIII в. были для Грузии очень тяжелыми. В 1798 г. на 80-м году жизни умер Ираклий II, прогрессивный политический деятель и талантливый полководец. После его смерти тавадская реакция крайне усилилась, династическая борьба приняла уродливые формы. Против старшего сына Ираклия, Георгия XII, провозгласившего наследником своего сына, выступили его братья Ираклиевичи. Один из них бежал за помощью к иранскому шаху, другие побудили к походу на Грузию аварского нусала. Умножились побегы крестьян, страна была опустошена. В этих тяжелых условиях Георгий XII вновь обратился к России. Дальнейшие переговоры и ознакомление русского правительства с внутриполитическим положением Грузии привели в 1801 г. к историческому акту присоединения Грузии к России. Этот акт имел объективно прогрессивное значение, так как оградил Грузию от постоянных вражеских нашествий и внутренних междоусобиц и связал судьбу грузинского народа с историческими судьбами великого русского народа.

2

АРМЕНИЯ

Во второй половине XVIII в. Армения попрежнему оставалась поделенной между султанской Турцией и шахским Ираном. Власть иранских шахов к середине XVIII в. ослабела; северные и северо-восточные округа Армении (Лори и др.) в указанный период подчинялись царю Восточной Грузии; юго-восточные округа (Зангезур, Капан, Мегри и др.) входили в состав Карабахского ханства; большая часть Восточной Армении входила в состав Ереванского ханства¹.

Крестьяне на землях светских и духовных феодалов Восточной Армении подвергались жестокой эксплуатации². Для второй половины XVIII в. характерны смешанные формы феодальной земельной ренты. Наиболее распространенной формой эксплуатации крестьян в Восточной Армении было взимание ренты продуктами (мульк) и ренты-налога (бахра). Феодальное земельное владение называлось «мульк», этим же термином называлась также и та часть урожая, которую землевладелец брал у крестьянина. Католикос Симеон описывает «принятый в стране обычай», по которому в XVIII в. «во всех деревнях, что бы ни посеяли, одну пятую часть урожая, что именуется *бахрой*, отдают казне и одну десятую часть урожая, что именуется *мульком*, дают *мулькадару*». Од-

¹ С. А. Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Казань, 1889, стр. 3; И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852, стб. 441—446.

² Подробнее о производственных отношениях в Армении в XVIII в. см.: «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.». М., 1956 г.

нако упомянутый Симеоном «обычай» не имел силы закона, и мулькадар иногда вместо $\frac{1}{10}$ брал также $\frac{1}{5}$ урожая. Так, по свидетельству того же Симеона, деревни Ошакан и Франканоц $\frac{1}{5}$ урожая платили в качестве бахра государству и еще $\frac{1}{5}$ отдавали мулькадару — Эчмиадзину¹.

Кроме уплаты продуктовой ренты, крестьяне должны были выходить на барщинные работы в любое время года. Какие работы выполняли крестьяне, рассказал в автобиографии уроженец принадлежавшей Эчмиадзину дер. Вагаршпат армянин Артемий Араратский. Десятник деревни отправил Артемия на выполнение «канканной работы» [«канкан» — подземный водопровод. — *Ред.*], «в которой и упражнялся я, — пишет Артемий, — два года, почти всякой день, кроме воскресных; при сеянии пшена (риса) ходил *мутить воду*²; гонял птиц при хлебном посеве; работал при сеянии хлопчатой бумаги; обрезал солому и, словом, исправлял всякие сельские работы по моим силам. Сверх того, в рабочее время летом после полудня обыкновенно посылаем был с быками и буйволами на поле, для кормления их. Для выполнения работ «назначались всегда бедные люди»³.

Тяжелы и многообразны были повинности крестьян на землях светских феодалов — меликов: каждый крестьянский дом обязан был выделять одного человека для работы на полях мелика и доставки ему дров из леса; в определенные дни крестьяне должны были отправлять все плуги деревни для вспашки его земельных угодий. На обязанности деревни лежало, кроме того, выделять одного человека, который должен был в течение всего года выполнять для мелика сельские работы, одного человека в качестве рассыльного для исполнения приказов владельца, сторожа для меликских лошадей, сторожа и работника для ухода за ослами, нескольких человек для работы в самом доме мелика. Все они содержались за счет деревенской общины. Женщины деревни должны были летом собирать разные травы для семьи мелика и чесать шерсть; каждый дом, помимо сдачи определенной доли урожая и выполнения указанных обязанностей, должен был давать мелику по одному сомару пшеницы⁴.

Кроме бахры, крестьяне уплачивали государству десятки других податей, размеры которых во второй половине XVIII в. чрезвычайно увеличились.

Помимо названных повинностей и сборов, крестьяне платили подушную подать, размер которой в 70—90-х годах XVIII в. с женатого был в 2 раза выше, чем с холостого; но часто с холостого брали столько же, сколько и с женатого. В деревнях, подвластных феодалам, налоги соби-

¹ Симеон Ереванци. Джамбр. Вагаршпат. 1873, стр. 112—113, 159 (на арм. яз.).

² [Подчеркнуто автором]. Мутить воду ногами, чтобы при сеянии риса семена были под водой покрыты землею. «Жизнь Артемия Араратского», ч. I, СПб., 1813, стр. 6, прим.

³ Там же, стр. 92, 103.

⁴ Е. Лалаян. Сисиан. «Азгагракан андэс», 1898, № 1, стр. 123; «Зангезурн гавар», 1898, I (Сисиан), стр. 23; II (Зангезур), 1898, стр. 15. Сомар — мера веса сыпучих тел, около 3 пудов.

рали сами землевладельцы, которые путем жестокой эксплуатации расширяли свои хозяйства и накапливали огромные богатства¹.

Дошедшие до нас архивные документы² позволяют составить представление об издольщине (испольщине), существовавшей в Восточной Армении во второй половине XVIII в. Например, начальник монастыря Хорвирап Аветик-вардапет в 1771 г. по договору сдал монастырский земельный участок в обработку крестьянину Маркосу из дер. Норк. Маркос должен был насадить новый сад, причем «после того, как сад даст урожай, половина урожая будет [принадлежать] монастырю, половина — Маркосу». Аналогичный договор был заключен в 1798 г. между Эчмиадзинском и аштаракским крестьянином Овсепом. Присутствовавшие при заключении договора жители Аштарака заявили, что условия издольщины в их деревне «таковы всегда во все времена»³.

Специальных указов шахов или ханов о прикреплении крестьян в Восточной Армении не обнаружено, но фактически крестьяне находились на положении крепостных: их продавали и покупали с землей и без земли, в случаях бегства возвращали на прежнее место жительства, подвергали телесным наказаниям. Классовая борьба крестьян проявлялась не только в форме бегства, но и в открытых выступлениях и волнениях из-за притеснений и захватов феодалами земли, воды (орошение в условиях хозяйства в Армении имело особое значение) и пастбищ⁴.

Несмотря на застойные формы феодализма, во второй половине XVIII в., по сравнению с первой половиной века, в Восточной Армении произошел некоторый хозяйственный подъем. Усилился процесс разделения труда, рост товарного производства и внутреннего рынка.

После войн Надир-шаха Ереван стал одним из узловых пунктов караванной торговли на территории Закавказья⁵ и крупным ремесленным центром. В конце XVIII — начале XIX в. в Ереване были ремесленники самых разнообразных специальностей: портные, сапожники, токари, плотники, каменщики, золотых дел мастера, кузнецы, ткачи, красильщики и многие другие. Численность населения Еревана возросла до 15 тыс. Ремесла были развиты не только в Ереване, но и во многих деревнях. По данным начала XIX в., в Ереванском ханстве числилось 2600 ремесленников и торговцев, которые имели свои лавки и мастерские в городе или в деревнях. Из указанного числа 1370 торговцев и ремесленников жили в Ереване, остальные — в деревнях⁶. Население дер. Шахкерта занималось производ-

¹ «Жизнь Артемия Араратского», ч. I, стр. 175.

² «Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам», ч. I. Сост. А. Абрамян. Ереван, 1941 (на арм. яз.). (В дальнейшем сокращенно: «Купчие»).

³ «Купчие», № 73, 79, стр. 92, 100.

⁴ П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954, стр. 38—39, 44—47.

⁵ «Научные труды Ереванского гос. университета», т. XIII. Ереван, 1940, стр. 152—153 (на арм. яз.).

⁶ И. Шопен. Указ. соч., стб. 875.

ством медных изделий, хозяйственной посуды, инвентаря, оружия и т. д.¹. В деревнях распространена была и домашняя промышленность, особенно ткачество².

В XVIII в. происходила некоторая хозяйственная специализация районов. Рост внутреннего и внешнего рынка, развитие товарно-денежных отношений и их влияние на феодальное хозяйство Армении можно показать на примере хозяйства Эчмиадзина. По свидетельству Симеона, Эчмиадзин получал продукты из разных районов: масло, сыр и скот — из Байазета, Алашкерта, Вана, Эрзерума; пшеницу, ячмень, чечевицу — из районов Гегаркуни, Ширака, Карса, Апарана; из Тбилиси — воск и пр.; из Нахичевани (Гохтан, Акулис, Мегри) — сухие фрукты (урюк, миндаль, орех, бобы); из округов Лори, Казаха, Шемахи, Ширвана, Гянджи — железные, деревянные и шерстяные изделия и «тому подобное»³. Из Ереванского ханства вывозились: рис, хлопок и вина в Байазет, Карс, Эрзерум, Тбилиси и т. д.⁴.

Эчмиадзин, кроме 23 мульковых деревень, откуда он брал ренту (мульк) в размере $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ урожая, имел в собственном хозяйстве около 750 га пахотных полей, фруктовые сады и виноградники. В связи с развитием хлопководства при католикосе Симеоне в Эчмиадзине был построен хлопкоочистительный «завод». Около 50% площади пахотных земель (300—350 га) засеивалось пшеницей, остальная половина — хлопком и рисом. Наиболее ценной и выгодной культурой был хлопок. Из винограда изготовлялось вино для продажи. На рынок поставлялись и другие продукты монастырского хозяйства, как рис, хлопок и т. д. Во второй половине XVIII в. Эчмиадзин получал около 3 тыс. туманов дохода в год⁵.

В связи с развитием товарно-денежных отношений происходил процесс имущественной дифференциации крестьянства. В армянской деревне расширялась та прослойка, откуда выходили светские и церковные должностные лица: деревенские старшины (танутеры), десятники, сотники, управляющие мульковыми деревнями, а также священники, дьяконы и др. Вместе с тем обострялись противоречия между зажиточной прослойкой деревни и остальными крестьянами. О неравенстве, существовавшем в то время в деревне, и о привилегиях, которыми пользовались в деревнях представители зажиточной части населения, сообщает Артемий Араратский. Описывая принудительные работы, которые крестьяне Вагаршапата должны были нести по воле ереванского хана, этот автор говорит: «Для производства оных [работ] положено избирать в наряд из бедных семейств всякого возраста 35 чел. и для надсматривания за ними из богатых 5 человек; сверх того, приставлены были два персианина и один армянин

¹ Лео. История Армении, т. III. Ереван, 1946, стр. 721 (на арм. яз.).

² «Жизнь Артемия Араратского», ч. I, стр. 219—220.

³ Симеон Ереванци. Указ. соч., стр. 50—51.

⁴ «Научные труды Ереванского гос. университета», т. XIII, стр. 200—203.

⁵ Там же, стр. 170—171; Симеон Ереванци. Указ. соч., стр. 198.

главными зрителями. Детям богатых людей назначено было сменяться через неделю, а возвращаться опять на работу через 6 и 7 недель, бедным же — через неделю же и две, а другим и через три, смотря по тому, кто беднее»¹.

Однако подъем экономики Восточной Армении в изучаемый период можно считать лишь очень относительным. Хозяйство в основном оставалось натуральным, феодальные производственные отношения были господствующими. Развитию хозяйства препятствовали непрерывные междоусобные войны, грабительные экспедиции местных правителей и ханов и внешние вторжения.

Западная Армения была разделена турецкими властями на области (пашалыки) и округа (санджаки). В XVIII в. она делилась на Ванский, Эрзерумский, Карсский, Диарбекирский и Сивасский пашалыки. Власть и управление в пашалыках находились в руках пашей, назначаемых султаном. Санджаками управляли курдские феодалы — беи.

В феодальных земельных отношениях в Турции в указанный период усилилась тенденция перехода от временного держания земель к наследственному.

В армянских землях наследственными землевладельцами являлись курдские беи, которые подвергали жестокой эксплуатации армянское крестьянство. Кроме поземельного налога — ашара (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ урожая) армянские крестьяне платили подушную подать (джизья), десятки денежных налогов и по требованию феодала-землевладельца выполняли барщинные работы.

Во второй половине XVIII в. Турция переживала экономический и политический упадок. Ослабление и разложение турецкого феодального государства создавало благоприятные условия для роста сепаратизма крупных феодалов и курдских племенных вождей в провинциях. Подвластное армянское население страдало от самоуправства пашей и курдских беев². В результате междоусобных войн и набегов феодалов в 50-х годах в Западной Армении погибло много людей, «все крестьяне рассеялись, [их] посевы уничтожались». Подобные события разыгрались также в 1769 и 1770 гг.³ Внутренние раздоры и междоусобия крупных феодалов губительно отражались на развитии страны.

В Баязете была установлена наследственная власть курдского паши; судьба населения всецело зависела от его произвола. Современник Артемий Араратский приводит в своем жизнеописании многочисленные факты дикой расправы паши Баязета с местными армянами⁴. Очень тяжелым было также и положение армянского населения в Ване, Багеше.

¹ «Жизнь Артемия Араратского», ч. I, стр. 106—107.

² «История армянского народа», ч. I. Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоанисяна. Ереван, 1951, стр. 260—261.

³ В. А. Аюбян. Мелкие хроники XIII—XVIII вв. Ереван, 1951, стр. 374—377 (на арм. яз.); Лео. Указ. соч., стр. 735.

⁴ «Жизнь Артемия Араратского», ч. I, стр. 163—164, 171.

Эрзеруме и в других округах и областях Турецкой Армении. Паша взимал налоги по своему усмотрению, когда и сколько ему хотелось¹. Армянское население Вана и окружающих деревень должно было даже содержать войска пашы на свои средства. Правителем Багеша турецкое правительство назначало того из курдских феодалов, кто давал большую взятку. Феодал, получивший власть в Багеше, нещадно грабил и разорял население. В том же положении находился другой армянский центр — Муш. В результате господства Турции, междоусобных войн и губительных набегов феодалов численность населения Западной Армении сократилась, города и деревни были опустошены.

* * *

Притеснения, которые испытывало армянское население Восточной и Западной Армении,

усилили переселение армян в Россию. В Астрахани, Москве, Кизляре, Моздоке, Григориополе, Нахичевани-на-Дону (около Ростова) и в других местах имелись армянские колонии. В июне 1763 г. армянин Иоган Асатуров, обращаясь к русскому правительству с просьбой о разрешении построить в Астрахани новую армянскую церковь, писал, что при Петре I (около 1706 г.) в Астрахани было только 30 армянских дворов, «а ныне стало быть до пяти сот»². В конце XVIII — начале XIX в. в Астрахани насчитывалось армян более 5 тыс. чел. обоего пола; из этого числа 243 семейства занимались промышленностью³. Армяне, поселившиеся в Астрахани и на Северном Кавказе, развили шелководство и виноделие.

В Кизляре армяне стали селиться с 1724 г. Здесь они «прилагали все свое старание о насаждении винограда и тутовых деревьев, о разведении



Армянин. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.-Г. Георги.

¹ Лео. Указ. соч., стр. 730.

² «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1883, стр. 171; ПСЗ, т. XVI, № 11853, стр. 287.

³ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. II, М., 1833, стр. 95.

сорочинского пшена (риса), пшеницы, проса, кунжута, марены и хлопчатой бумаги, приобретая из прежних своих обиталищ лозы, корни и семена». По статистическим данным начала XIX в., в Кизляре жило армян около 4300 душ обоего пола. Кизлярские армяне имели много виноградных садов, «под коими землй занимается до 3000 десятин», занимались виноделием и шелководством¹. В 1763 г. армянская колония образовалась и в Моздоке. В 1779 г. армянское население Крыма было переселено на Дон, где образовалась армянская колония, известная под названием «Новая Нахичевань», или «Нахичевань-на-Дону». Переселенцы на 10 лет освобождались от всех государственных податей и служб².

Кроме старого армянского центра в Москве, образовалась армянская колония и в Петербурге. Армянские купцы, жившие в Москве, Петербурге и Астрахани, принимали участие во внутренней торговле, а также в развитии мануфактурной шелковой промышленности³.

Междоусобицы и смуты, происходившие в Иране, способствовали усилению эмиграции армянского населения и в другие страны. Особый упадок переживала Новая Джульфа. В первой половине XVIII в. многие джувльфинские армяне переселились с семьями в Индию.

Новая политическая обстановка, создавшаяся в период русско-турецких войн второй половины XVIII в., содействовала оживлению армянского освободительного движения, получившего сильную поддержку со стороны России.

Тесные взаимоотношения с Восточной Грузией, в зависимости от которой находились два соседних армянских ханства — Ереванское и Гянджинское, — улучшили положение Эчмиадзинского монастыря. Особенно укрепились хозяйственное положение и политическая роль Эчмиадзина при католикосе Симеоне (1763—1780). Он пользовался значительным авторитетом и часто выступал в роли посредника между Ираклием II, иранскими ханами и турецкими пашами.

Во второй половине XVIII в. эчмиадзинские католикосы как представители армянских господствующих сословий — духовенства и меликов и местной торговой буржуазии — вновь завязали сношения с Россией. Уже предшественник Симеона католикос Яков написал в 1760 г. Елизавете Петровне послание, в котором просил взять под покровительство армян и грузин⁴. В 1766 г. Симеон отправил в Петербург специального посланца, и Екатерина II обещала взять под свое покровительство армянский народ. Для постоянной связи с Россией Симеон назначил в 1773 г. в качестве своего представителя епископа Иосифа Аргутинского.

В России армянское купечество пользовалось многочисленными привилегиями. Армянские торговцы играли видную роль в русской восточной

¹ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. II, стр. 97, 104.

² Там же, стр. 78—79; ПСЗ, т. XX, № 14942, стр. 878.

³ См. главу «Армения» в «Очерках истории СССР. Вторая четверть XVIII в.».

⁴ Матенадаран (Гос. хранилище древних армянских рукописей), рук. 2911. стр. 143—144.

торговле, в частности в торговле с Ираном. Многие армянские богачи приобретали в России земли и основали мануфактуры и заводы. Армян охотно принимали на русскую государственную службу и в русскую армию. Проживавшие в России армяне быстро приобщались к русской культуре. Русские армяне выступали как поборники освобождения Армении с помощью России от иранского и турецкого ига. Эти планы находили широкий отклик в Армении, население которой стремилось сбросить гнет турецких султанов и персидских шахов.

Армянская торговая буржуазия усилилась также в Индии. В XVIII в. имелись большие армянские колонии в Калькутте, Мадрасе и других индийских городах. Однако, когда в Индии укрепились английские колонизаторы, армянские купцы стали постепенно терять свои прежние позиции. Поэтому и нарождавшаяся армянская буржуазия, подобно буржуазии всех народов, начала ощущать потребность в «собственном» государстве. В Индии появилась армянская интеллигенция, выражавшая политические стремления нарождавшейся буржуазии и пропагандировавшая идею воссоздания независимой Армении.

Одним из выдающихся представителей армянского освободительного движения второй половины XVIII в. был Иосиф Эмин¹. Он родился в 1726 г. в Иране, в г. Хамадане, в семье зажиточного торговца, юность провел в Калькутте. Хорошо знавший тяжелое положение находившегося под ирано-турецким игом армянского народа, И. Эмин решил отправиться в Англию, чтобы изучить там науки и военное дело и посвятить свою жизнь освобождению поработенной родины. В Англии И. Эмин познакомился с передовыми идеями буржуазных просветителей XVIII в. В то же время он убедился, что ни Англия, ни другие западноевропейские государства не заинтересованы в освобождении Армении. В 1759 г. И. Эмин через Киликию направился в Армению, где стал вести пропаганду, призывая к борьбе против поработителей. Однако реальная политическая обстановка в Закавказье привела его к убеждению, что освобождение армянского народа могло быть осуществлено лишь при содействии могущественной северной державы — России.

В 1761 г. И. Эмин посетил Петербург. Он ознакомил канцлера М. И. Воронцова и других русских государственных деятелей со своей политической программой, которая предусматривала освобождение Армении и образование федеративного армяно-грузинского государства под покровительством России. Воронцов отнесся сочувственно к его проектам и содействовал его поездке на Кавказ². Весной 1763 г. И. Эмин прибыл в Грузию вместе с отрядом добровольцев, набранных среди астраханских армян.

¹ Историю своей жизни И. Эмин рассказал в автобиографии, написанной на английском языке: «The Life and Adventures of Joseph Emin». London, 1792 (2 ed.: Calcutta, 1918).

² «The Life and Adventures of Joseph Emin», р. 188—191, 211. О пребывании Эмина в России сохранились архивные документы. См. А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван, 1945, стр. 323 и сл.

Грузинский царь Ираклий II принял его и поручил ему обучать свои войска регулярному строю. Однако все попытки И. Эмина побудить Ираклия II приступить к освобождению армянских земель не дали результатов. Опасаясь Турции, Ираклий II ограничивался лишь неопределенными обещаниями. Тогда И. Эмин, имевший уже многочисленных приверженцев среди армян в самой Грузии, решил завязать непосредственные сношения с армянами Западной Армении.

В то время Османская империя находилась в состоянии упадка, и среди поработанных ею народов происходило глубокое брожение. На Кавказе упорную многолетнюю борьбу вели имеретины, жители Западной Грузии, находившейся в вассальной зависимости от султана. В 60-х годах XVIII в. началось брожение в городах и в селах Западной Армении, особенно в горных районах. Одним из центров армянского освободительного движения в Армении был монастырь св. Карапета близ Муша. Настоятель этого монастыря Овнан известил И. Эмина о проведенной подготовке к восстанию, о том, что 40 тыс. чел. готовы взяться за оружие и что «даже женщины готовы сражаться»¹. Но он настаивал, чтобы И. Эмин явился в Западную Армению с отрядом грузинских войск, так как считал, что лишь поддержка Ираклия II могла обеспечить успех намеченного восстания. Грузинский царь долго колебался. Лишь в марте 1764 г. он отправил Овнану послание, в котором давал, наконец, свое согласие на его предложение. Однако посланец Эмина был задержан в Ереване людьми хапа, которые отобрали у него послание Ираклия II, получившее вследствие этого широкую огласку. Католикос Симеон, решительный противник каких-либо повстанческих движений, поспешил известить Ираклия II о случившемся и решительно выступал против планов Эмина и Овнана². Оказавшись в затруднительном положении, Ираклий II в 1764 г. выслал И. Эмина из Грузии. В течение последующих пяти лет И. Эмин продолжал пропаганду идеи освобождения армянского народа, но всюду наталкивался на противодействие со стороны католикоса Симеона. Затем он вернулся в Индию.

В 1768 г. началась война между Россией и Турцией. Ираклий II заключил союз с Россией, и отряд русских войск вступил в Грузию. Русско-турецкая война вызвала большие надежды у всех подвластных султану народов, мечтавших освободиться от тяжелого ига. Ереванские армяне обратились к Ираклию II с посланием, в котором заверяли его в своей готовности присоединиться к русским и грузинским войскам. Возобновилась подготовка восстания в Западной Армении³.

Одновременно вопрос об освобождении Армении выдвигали и армяне, проживавшие в России. В июле 1769 г. богатый армянский предпринима-

¹ «The Life and Adventures of Joseph Emin», p. 217, 218, 234—235.

² Матенадаран, рукопись 2912, стр. 51—52.

³ А. Р. Иоаннисян. Армянское национально-освободительное движение в 60-х гг. XVIII столетия. «Известия АН СССР», серия истории и философии, М., 1946, № 2. стр. 142—143.



Ереван. Гравюра по рисунку с натуры Г. Сергеева, 1796 г.

тель и торговец Мовсес Сарафов, выступавший от имени многочисленной группы армян, представил русскому правительству проект освобождения армянских земель и воссоздания независимого армянского государства под покровительством России. В докладной записке Сарафова предлагалось организовать воинский отряд из проживавших в России армян, а также вовлечь в войну против Турции армянских меликов. Далее указывалось, что военные действия следует начать с занятия Еревана, после чего двинуть русские, грузинские и армянские войска на Ахалцихе, Карс, Баязет и Ван. Предполагалось, что к войскам присоединятся многочисленные добровольцы из числа местных армян. После освобождения армянских земель предполагалось воссоздать независимое армянское царство, причем Россия должна была взять на себя обязательство оказывать Армении военную помощь в случае нападения на нее соседних государств. Однако военные действия в Закавказье развивались неудачно. Русским и грузинским войскам не удалось вступить на территорию Армении. Надежды на приход русских войск и освобождение ими армянских земель не сбылись.

В 70-х годах XVIII в. важным центром армянского освободительного движения стал индийский город Мадрас. В Мадрасе имелась группа армянских буржуазных деятелей во главе с богатым торговцем Шаамиром Шаамиряном. Кружок Шаамиряна вел активную пропаганду за освобождение Армении и создание независимого армянского государства.

В 1773 г., в основанной в Мадрасе армянской типографии было напечатано произведение одного из главных идеологов мадрасского кружка —

Мовсеса Баграмяна. Произведение это было озаглавлено «Новая книга, называемая увещанием»¹. В своей книге Баграмян изложил историю армянского народа и дал подробное географическое описание Армении с целью ознакомить молодых армян с их родиной и ее прошлым. Он подробно подсчитал те поборы, которые взимали с поработанного армянского населения персы и турки. В стихах он оплакивал участь родной страны, находившейся в тяжком плену, и призывал своих соотечественников пробудиться и смело вступить в бой за свободу своей отчизны. К числу причин порабощения армянского народа Баграмян относил самодержавную власть и произвол армянских царей и князей, взаимную вражду и распри, лень и нерадивость, а также невежество. Поэтому он призывал своих соотечественников к просвещению, так как, по его словам, лишь учение и просвещение могли помочь армянскому народу найти выход из его тяжелого положения.

Шаамирян послал «Новую книгу» католикосу Симеону и армянским меликам. В особом послании к католикосу члены мадрасского кружка изложили программу действий для освобождения Армении². Однако просветительные и освободительные идеи передовых мадрасских буржуазных деятелей натолкнулись на решительное сопротивление со стороны феодально-клерикальных кругов. Католикос Симеон резко осудил эти идеи и предал «Новую книгу» анафеме. Несмотря на это, Шаамирян и его единомышленники продолжали пропагандировать свои политические идеи. Мечтая о воссоздании армянского государства, они разработали подробный проект конституции независимой Армении, который изложен в произведении, носящем название «Западни честолюбия»³. В первой, теоретической части критикуется деспотизм и излагаются основные принципы государственного строя, основанного на «законности»; вторая часть содержит проект законодательства независимого армянского государства. Согласно этому проекту, от каждой области должны избираться местным населением два уполномоченных. Один из них становится членом верховного государственного органа, именуемого «армянской палатой», другой же назначается на ту или иную государственную должность. Армянская палата — высшая власть в стране. Ей подчиняется и глава государства — нахарар, являющийся одновременно верховным главнокомандующим. Во главе отдельных отраслей управления стоят коллегии из трех высших должностных лиц, избираемых армянской палатой. Армянская палата назначает также местную администрацию. Церковь отделена от государства. Все граждане Армении обязаны подчиняться лишь законам и могут быть подвержены наказанию только по приговору суда.

¹ «Нор тетрак вор кочи ордорак», Мадрас, 1772 [1773] (на арм. яз.).

² «Архив армянской истории», кн. VIII. Тифлис, 1908, стр. 574—575 (на арм. яз.).

³ «Ворогайт нарац». Об авторах этой книги и истории ее опубликования см. А. Р. Иоаннисян. К истории возникновения «Западни честолюбия». «Известия АН Армянской ССР», 1948, № 3.

Государственный строй, описываемый в «Западне честолюбия», представляет собою буржуазную республику. Строй этот упраздняет сословные привилегии, крепостничество и другие формы феодальной зависимости и заменяет их буржуазными имущественными отношениями и господством буржуазии. «Западня честолюбия» — выдающийся документ армянской прогрессивной буржуазной идеологии XVIII в. Следует подчеркнуть, что этот проект, вышедший из кругов армянской прогрессивной буржуазии, опережал уровень социально-экономического развития самой Армении.

Важными документами армянского освободительного движения второй половины XVIII в. являются также два проекта армяно-русского договора, свидетельствующие о том, что все выдающиеся армянские деятели того времени связывали судьбу армянского народа с Россией.

Первый из проектов составил в 1783 г. И. Аргутинский и представил его русскому правительству. Согласно этому проекту, Россия должна была восстановить независимое армянское царство. Русской императрице предоставлялось право назначить армянского царя или из военных армян, или из числа своих приближенных. Между Арменией и Россией должен был существовать военный союз, а на территории Армении должны были постоянно находиться русские войска. Предлагалось также заключить между обоими государствами торговый договор. Потомки армянских князей должны были получить обратно свои владения. В воссозданном армянском государстве предусматривалось сохранить систему мультка — феодальных поборов с крестьян¹.

Второй проект армяно-русского договора разработан несколько позднее. Он отражал политические установки мадрасского кружка. Шаамирян и его единомышленники также придавали большое значение роли России в освобождении армянского народа. Шаамирян постоянно переписывался с И. Аргутинским и поддерживал через него связь с Г. А. Потемкиным. Когда в русских правительственных кругах стал обсуждаться вопрос о воссоздании армянского государства, Шаамирян переслал Аргутинскому свой проект договора с Россией². По этому проекту Армения объявлялась независимой республикой, управляемой армянской палатой и возглавляемой президентом — нахараром. Между Арменией и Россией предполагалось заключить постоянный союз. Торговля между обоими государствами должна была быть свободной.

Проекты армяно-русского договора наглядно свидетельствуют о наличии различных течений в армянском освободительном движении того времени. Все слои армянского общества стремились освободиться с помощью России от тяжелого чужеземного ига. Но различные классы по-разному представляли себе будущую освобожденную Армению. Феодально-клерикальные и проживавшие в России буржуазно-дворянские слои стремились к воссозданию армянской монархии с привилегированным дворянством

¹ «Архив армянской истории», кн. IV, Тифлис, 1899, стр. 713—744 (на арм. яз.).

² Там же, стр. 734—737.

и духовенством, с помещичьим землевладением и феодальной эксплуатацией крестьян. Представители же прогрессивных слоев нарождавшейся буржуазии и ее интеллигенции, группировавшиеся вокруг кружка Шаамира Шаамиряна, мечтали о ликвидации феодально-сословного строя и о создании буржуазной республики, в которой были бы обеспечены частная собственность и политическое господство буржуазии. Что же касается трудового народа, то он стремился освободиться не только от иноземной, но и от всякой иной эксплуатации. Однако стремления армянских народных масс не могли найти своего отражения ни в проектах армяно-русского договора, ни в других аналогичных документах, так как переговоры с русским правительством вели представители господствующего феодального класса и нарождавшейся армянской буржуазии.

В начале 80-х годов XVIII в. восточный вопрос, а в этой связи и вопрос о Закавказье, приобрел для русского правительства особое значение.

Торговля через Каспийское море с Закавказьем, Ираном и Средней Азией издавна играла для России первостепенную роль. Кроме того, Закавказье имело большое оборонное и военно-стратегическое значение для укрепления позиций России на Черном море, на Северном Кавказе и в Крыму. Вследствие этого было решено вновь присоединить к России прикаспийские области, завоеванные Петром I, а также опереться в Закавказье на три вассальных государства: Грузию, Армению и Албанию (Азербайджан).

В январе 1780 г. в Астрахань был направлен генерал А. В. Суворов для подготовки военной экспедиции в Иран. В связи с этим в Петербурге состоялись совещания между Г. А. Потемкиным, А. В. Суворовым и двумя видными армянскими деятелями — И. Аргутинским и известным богачом И. Лазаревым. Аргутинский и Лазарев сообщили подробные сведения о положении в Закавказье. Одновременно они просили восстановить армянское государство с центром в Ереване¹. Лазарев, кроме того, представил Суворову особую докладную записку, в которой также содержался проект создать под покровительством России армянское государство из армянских провинций, подвластных Ирану².

По прибытии в Астрахань А. В. Суворов, энергично готовясь к предстоящему походу, завязал сношения с армянскими меликами. В своих письмах он просил их оказать содействие русским войскам, на что те ответили полным согласием³. Но предполагавшаяся военная экспедиция в Иран была временно отложена, и Суворов вскоре отозван. Осенью 1782 г. вопрос об иранском походе вновь встал в порядок дня. Теперь это дело было поручено родственнику Г. А. Потемкина, генералу Павлу Потемкину,

¹ Дневник Аргутинского. «Архив армянской истории», кн. IX. Тифлис, 1911, стр. 17—18 (на арм. яз.).

² Архив АН СССР, ф. 99, № 13. «Бумаги героя Суворова 1780—1783 гг. в бытность его в Астрахани и на Кубани о Персии и Кавказе», л. 59—64.

³ А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия. Ереван, 1947, стр. 31.

назначенному командующим русскими войсками на Кавказе. Последний установил связь с новым армянским католиком Гукасом и армянскими меликами. В Эчмиадзин прибыл специальный уполномоченный русского правительства Я. Рейнегс. В Эчмиадзинском соборе состоялось тайное совещание, на котором все присутствующие присягнули на верность России¹. В 1783 и 1784 гг. ереванские горожане тоже вступили в переписку с генералом П. Потемкиным и просили его спасти и освободить их². Г. А. Потемкин в своем докладе Екатерине II, ссылаясь на сведения, полученные из Еревана, сообщил, «что армяне ожидают российских войск и что готовы присоединиться к ним, коль скоро в тот край оные придут»³. Армянский народ видел в русских своих избавителей и возлагал свои надежды на Россию. Столь же сочувственно относились к русским и другие народы Закавказья.

С подписанием в июле 1783 г. в Георгиевской крепости договора о протекторате России над Грузией окончательно был разработан новый план иранского похода, согласно которому русские войска должны были вступить в закавказские ханства с двух сторон: со стороны Дербента и со стороны Грузии. Первая группа войск должна была занять прикаспийские области до Энзели; воинские же части, наступавшие из Грузии, должны были взять Карабах и Ереванское ханство. Целью похода провозглашалось «восстановление Армении»⁴.

Весной 1784 г. произошли, однако, новые события, несколько изменившие намеченные планы. Один из претендентов на шахский престол, Али Мурад-хан, сумел к этому времени подчинить себе большую часть Ирана, за исключением северных областей. Он предложил русскому правительству признать его шахом и оказать ему помощь против Турции, обещая отказаться в пользу России от прикаспийских областей, а также от ханств Карабахского, Карабахского, Нахичеванского и Ереванского⁵. Предложения эти побудили русское правительство вновь отложить поход. Решено было заключить предварительное соглашение с Али Мурад-ханом. Для ведения переговоров в Иран был послан особый уполномоченный — полковник Тамара. В секретных инструкциях, врученных ему, значительное место отводилось вопросу о воссоздании армянского государства; он должен был добиваться, «чтоб край армянский в его независимости восстановлен был». Одновременно предполагалось организовать армянское правительство, с которым должно было быть заключено особое соглашение⁶.

Планы русской дипломатии встретили решительное сопротивление со стороны других европейских держав, опасавшихся усиления России на

¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 90, л. 3—7 об.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 13, ч. VIII, л. 64; ч. VIII, л. 160—167.

³ А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 116.

⁴ Архив АН СССР, ф. 99, № 3, л. 1024, 1033—1034.

⁵ ЦГВИА, ф. 52, д. 32, л. 127.

⁶ Там же, д. 25, л. 9—12.

Востоке. Французский представитель в Иране всячески склонял персидское правительство отказаться от договора с Россией. К тому же Али Мурад-хан вскоре умер, и Испаганью завладел Ага Мухаммед-хан. Полковник Тамара, не доехав до столицы Ирана, в начале 1785 г. вернулся обратно. Начавшаяся в 1787 г. новая русско-турецкая война заставила русское правительство отказаться от планов иранского похода.

Ага Мухаммед-хан, известный своей жестокостью, вскоре завладел почти всем Ираном. Став главой государства, он решил подчинить своей власти закавказские ханства и Грузию. Летом 1795 г. Ага Мухаммед-хан с 50-тысячной армией вторгся в Закавказье. Нашествие вызвало панику среди местного населения. Жители Еревана, Нахичевани, Карабаха, бросая родные места, длинными вереницами двинулись на север.

Ага Мухаммед-хан разделил свою армию на три части. Часть войск он отправил в Ереванское ханство, другую — в Муганскую степь для покорения ханств Шемахинского и Нухинского, сам же двинулся в Карабах, чтобы завладеть Шушой. Осада Шуши закончилась, однако, неудачей. В обороне города активное участие приняли и армяне, многие из которых прославились своей храбростью. Но иранским войскам все же удалось увести в плен многих жителей окрестных армянских деревень.

В конце июля 1795 г. иранские войска вторглись в Ереванское ханство и осадили Ереван. После короткого сопротивления ереванский хан выразил свою покорность и выдал заложников. Лишь ценой большого выкупа удалось спасти от разорения Эчмиадзин и соседние армянские села.

Сняв осаду Шуши, Ага Мухаммед-хан через Гянджу двинулся на Тбилиси. Грузинская столица подверглась страшному опустошению. Ага Мухаммед-хан в Грузии задержался не долго. Он удалился на зиму в Муганскую степь, а затем, получив сведения о движениях русских войск и о начавшихся в Хорасане волнениях, ушел обратно в Иран.

Нашествие Ага Мухаммеда-хана грозило подорвать русское влияние в Закавказье. Поэтому русское правительство решило немедленно предпринять поход в Закавказье. В указе Екатерины II одной из основных целей похода провозглашалось «восстановление Грузии и Армении». Главкомандующим был назначен В. Зубов. В числе прочих лиц Зубов должен был сопровождать и Иосиф Аргутинский. Последний представил Зубову докладную записку, в которой просил оказать помощь армянскому народу.

В апреле 1796 г. русские войска выступили в поход и уже 10 мая овладели Дербентом. Аргутинский обратился с воззванием к проживавшим в городе армянам, призывая их оказывать всемерную помощь русским войскам. Аналогичное послание направил он и армянскому населению Закавказья¹. Русская армия двигалась вперед, не встречая серьезного сопротивления, так как азербайджанское население закавказских ханств, подобно грузинам и армянам, стремилось избавиться от персидского ига

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2802, л. 1—1 об., 6—6 об.

и видело в русских своих избавителей. Вступление русских войск в Закавказье и их быстрое продвижение вперед вызвало среди армян большие надежды. Грузинский посол передал Зубову письмо ереванских армян, в котором они вновь просили, чтобы Россия избавила их от чужеземного ига.

Получив подкрепление, Зубов отправил в октябре 1796 г. специальный отряд русских войск под командованием генерала А. М. Римского-Корсакова для занятия Гянджи. Во время движения на Гянджу русские войска оказались в затруднительном положении из-за нехватки транспортных средств. Но им пришли на помощь крестьяне окрестных армянских деревень, которые на своих собственных телегах перевозили необходимый для русской армии провиант на берега Куры. Вскоре русские войска заняли Гянджу. Но как раз в это время военные действия прекратились. В ноябре 1796 г. умерла Екатерина II, и на престол вступил Павел I, который считал иранский поход несвоевременным и тотчас же отдал приказ вернуть назад русские войска. Русские войска удалились из занятых ими областей. Вместе с ними на русскую территорию перешло множество армян, оказывавших помощь русским и опасавшихся мести со стороны шаха.

Надежды армян на освобождение с помощью России от ига иранских шахов осуществились лишь в XIX в.

В связи с тяжелым положением Армении в XVIII в. значительную роль в развитии армянской культуры играли культурные центры в армянских колониях, в том числе в колониях на территории России.

Наряду с школами при монастырях, существовавшими и ранее, были созданы светские армянские школы на средства армянской торговой буржуазии. В 60-х годах в Эчмиадзине открылась высшая духовная школа.

Во второй половине XVIII в. новые армянские типографии были основаны в Эчмиадзине, Петербурге, Нахичевани-на-Дону и в других местах. В 1771 г. католикос Симеон основал в Эчмиадзине на средства богатых индийских армян типографию и бумажную мануфактуру. В 1780 г. армянский купец Григор Халдарян перевез свою типографию из Лондона в Петербург. Петербургская типография Халдаряна сыграла немалую роль в сближении армянской и русской культуры. В XVIII в. были напечатаны 523 армянские книги¹ (значительная часть из них — во второй половине XVIII в.).

В конце XVIII в. начало выходить первое армянское периодическое издание. Индийский армянский священник Арутюн Шмавонян основал в 1789 г. в Мадрасе свою типографию, в которой в 1794—1796 гг. и печатался армянский журнал «Аздарар» («Вестник»). В этом журнале помещались материалы и сообщения из истории Ирана, Индии, сведения о событиях французской буржуазной революции 1789—1794 гг., сообщения из России, Китая и т. д. В «Аздараре» увидели свет труды Хачатура Абега Джугаеци «История Персии» и Акопа Аютянца «История Гайдара».

¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 937.

Али-хана». Издание ежемесячника «Аздара» — органа армянской торговой буржуазии — было прогрессивным явлением¹.

Развитие армянской литературы, книгопечатания и школьного преподавания вызвало интерес к изучению армянского языка. В 1779 г. напечатана грамматика армянского языка М. Чамчяна, которая сыграла серьезную роль в развитии армянского языка. Мхитар Себастиаци составил толковый словарь армянского языка. Первый том этого ценного труда вышел в 1749 г., второй в 1769 г. Ученики Мхитара Себастиаци в 80-х годах XVIII в. начали составлять новый толковый словарь армянского языка, который был опубликован впервые в 1836 г.².

В 80-х годах XVIII в. были составлены первые армяно-русские и русско-армянские словари и другие пособия для изучения русского языка. Основатель петербургской армянской типографии Григор Халдарян составил армяно-русский словарь «Книга, называемая тропой знания языка», который вышел из печати в 1788 г., после его смерти³. В 1788 г. из типографии Халдаряна вышло в свет другое пособие — «Книга, называемая ключом знания», издателем которой была армянка Клеопатра Сарафян. Книга Клеопатры Сарафян содержит материалы разговорного языка (вопросы, ответы), букварь, словарь, переводы с русского языка на армянский и с армянского на русский.

Во второй половине XVIII в. написан ряд исторических трудов. Среди них особое место занимает объемистый труд М. Чамчяна «История Армении», написанный в Венеции в 1784—1786 гг. Чамчян использовал все доступные ему опубликованные и неопубликованные источники — труды армянских, а также греческих и римских историков, памятные записи рукописей, архивные материалы. Книга Чамчяна посвящена истории Армении с древнейших времен до 80-х годов XVIII в. Это — первый обобщающий и серьезный труд по истории Армении⁴.

Другой историк второй половины XVIII в., Хачатур Абега Джугаеци, написал «Историю Персии» с древнейших времен до правления Зенд Керим-хана, т. е. до 70-х годов XVIII в. Важное значение имеет последняя часть этого труда, где автор, современник событий, приводит весьма ценные материалы по истории Ирана второй половины XVIII в.⁵.

В 1765 г. католикос Симеон написал книгу «Джамбр», которая содержит историю армянской церкви (в частности, Эчмиадзина) с древнейших времен до второй половины XVIII в. (1765). В «Джамбре» собраны документы, характеризующие Эчмиадзинский монастырь и его хозяйство в XVII—XVIII вв. Католикос Симеон, как подлинный феодал и хозяин Эчмиадзина, не забыл сообщить своим преемникам о том, где и под каким

¹ «История армянского народа», ч. I, стр. 274.

² Лео. Указ. соч., стр. 1082, 1006.

³ «История армянского народа», ч. I, стр. 277.

⁴ Там же, стр. 276—277.

⁵ «История Персии» Хачатура Абега Джугаеци издана на армянском языке в Вагаршапате в 1903 г.

номером, в каком списке или журнале можно найти тот или иной документ и как сберечь его¹.

Как пособие для армянских купцов и торговых людей в 1781 г. была издана «Арифметика»; в 1794 г. на армянском языке вышла книга по геометрии (до того математические армянские сочинения были только рукописные). Тогда же был издан ряд географических карт и пособий по географии, естествознанию и т. д.

Во второй половине XVIII в. в Москве жил новоджульфинский армянин Петрос Калантарян, основатель армянской научной медицины. П. Калантарян получил медицинское образование в Московском университете и называл себя «московским врачом». В 1789 г. он написал «Башкариан» («Лечебник»), который вышел в свет в 1793 г. в типографии, основанной И. Аргутинским в Нахичевани-на-Дону. В первой части книги Калантаряна описаны болезни и указаны лечебные средства (армянскими буквами на латинском языке), вторая часть книги содержит перечень лекарств (363 слова). В книге рядом с латинскими и армянскими терминами приводятся русские названия².

В литературе второй половины XVIII в. различаются церковно-клерикальное и светское направления. Церковные песни и стихи писали многие представители армянского духовенства (католикос Симеон, Гукас Карнеци, Мхитар Себасти и др.); Петросу Капанци и Багдасару Дпиру принадлежат песни и стихи светского жанра, посвященные любви, природе и т. д., которые пользовались широкой популярностью. «Песенник» П. Капанци был издан в 1772 г. Книга Б. Дпира выдержала в XVIII в. три издания. Его песни были широко известны в XVIII—XIX вв., некоторые сохранились среди армян донныне³. Однако в песнях и стихах П. Капанци и Б. Дпира сказались классовая ограниченность авторов, которые не замечали ни социального неравенства, ни классовой борьбы в обществе.

Во второй половине XVIII в. жил гениальный ашуг Саят-Нова (Арутюн Саядян). Саят-Нова родился в 1717 г. в лорийском селе Санаил. В 12-летнем возрасте Саят-Нова был увезен в Тбилиси, где стал учеником ремесленника-ткача. Овладев искусством игры на кяманче, он сочинял одновременно стихи и музыку к ним. В 40—50-х годах Саят-Нова был уже прославленным в Тбилиси певцом и музыкантом. Свои песни Саят-Нова писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках. При взятии Тбилиси полчищами Ага Мухаммед-хана (1795) Саят-Нова был убит. Саят-Нова вышел из народных низов и видел социальное неравенство и противоречия своего времени. Глубоко полюбив трудовой народ, он с гневным протестом против феодального класса писал: «Я простолюдин,

¹ Симеон Ереванци. Указ. соч., стр. 101—125, 158 и др.

² «История армянского народа», ч. I, стр. 278. В XVIII в. занимались медицинской также Оваким Огуллухян и Микаел Растен, труды которых изданы в XIX в.; Лео. Указ. соч., стр. 1059, прим. 2.

³ «История армянской литературы». Ереван, 1949, стр. 233 (на арм. яз.); «Антология армянской поэзии». М., 1940, стр. 313.

князем быть не хочу!». Подчеркивая свою принадлежность к трудовому народу, для которого он творил свои песни, Саят-Нова имел последователей.

Архитектура и искусство во второй половине XVIII в. находились в упадке: крупных архитектурных памятников создано не было. Происходили восстановительные работы в Эчмиадзинском монастыре, стены которого тонкими и искусными росписями украсили выходцы из семьи Нагаша Овнатана. Поэт и живописец Нагаш Овнатан Овнатанян в 1786 г. был приглашен из Тбилиси в Эчмиадзин католикосом Гукасом. Остатки росписи, сохранившейся в Эчмиадзине, свидетельствуют о таланте мастера.

В армянской культуре второй половины XVIII в. наряду с церковно-клерикальным и народно-демократическим направлением появилось и буржуазное, которое получило свой расцвет в XIX в.

3

АЗЕРБАЙДЖАН

Производственные отношения в Азербайджане во второй половине XVIII в. в основном характеризовались чертами, отмеченными для первой половины века. По-прежнему в Азербайджане были два основных класса — феодалы (включая и знать кочевых племен) и крестьяне. Рабовладельческий уклад уже исчез, и рабы сохранились лишь как челядинцы и военные слуги ханов и беков, и то в незначительном количестве. Частное землевладение получило гораздо большее распространение, нежели при Сефевидях. В связи с падением централистической политики последних и торжеством феодальной раздробленности, права частных землевладельцев расширились.

Основными видами феодальной земельной собственности в Азербайджане были тиул и мюльк. Тиул (тийюль), который при Сефевидях давал служилым людям только право на получение доли ренты-налога с определенной местности, но не на управление этой местностью, во второй половине XVIII в. превратился в право владения землей с полной властью над крестьянами; об этом ясно говорят дошедшие до нас указы (ракамы) ханов этого периода¹. В ханских грамотах в тиул жаловались теперь не только доходы, как при Сефевидях, но и земли и жители. Например, грамота Шейх Али-хана кубинского говорит о пожаловании «целиком и полностью» жителей сел. Кудьял в тиул Ага Беку². Вместе с тем тиул оставался условным владением, связанным с несением службы хану. Его нельзя было продать. Считалось необходимым возобновление пожалования

¹ «Указы кубинских ханов» [перс. текст и русский перевод]. Тбилиси, 1937, док. 7, 19, стр. 62, 69—70; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 184—221; В. Н. Левинатов. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

² «Указы кубинских ханов», док. 23, стр. 72.

в случае смерти хана, давшего тиул, или в случае смерти тиулдара (владельца тиула). Во второй половине XVIII в. стала заметной тенденция передачи тиула по наследству¹.

Мюльком (мульком) попрежнему называлась частновладельческая земля (также рента с такой земли), владение которой не было связано со службой или другими обязательствами по отношению к государству. Различались мюльки, пожалованные ханами, и мюльки, приобретенные покупкой. Мюльки можно было свободно продавать и передавать по наследству. Купчих прамот на мюльки до нас дошло много². Мюльк, с которого государство ничего не брало, уступая владельцу право взимать в свою пользу наряду с рентой и государственные налоги, обозначался особым термином «мюльк-и хасс ва халис» (буквально: «собственный и очищенный [от податей] мюльк») ³. Продолжали существовать земли дивана (казны) и вакфные (мусульманских религиозных учреждений).

В Азербайджане второй половины XVIII в. существовала вполне развитая феодальная иерархия. В первом ряду ее стояли владетельные ханы, затем члены ханских домов, султаны, мелики (этот титул носили остатки армянских феодалов, сохранившихся в Карабахе и Зангезуре), беки; различались беки, получившие звание по наследству от знатных предков, и беки неродовитые, из ханских служилых людей. Все эти категории лиц, как и духовенство мусульманское и христианское (армянское), были освобождены от налогов и податей. Ниже беков стояли ханские нукеры и мулязимы — дружинники хана, находившиеся под его особым покровительством.

Наиболее сильную прослойку класса феодалов, как и раньше (в XIII—XVII вв.), составляла знать кочевых и полукочевых племен, из среды которой вышло большинство ханских династий и которая получила от шахов в пожалование земли с оседлыми или полуоседлыми феодально зависимыми крестьянами-земледельцами (ра'ийятами). Внутри же кочевых племен, как следствие застойных условий кочевого скотоводческого хозяйства, продолжали сохраняться патриархально-феодальные отношения.

Крестьянство делилось на ра'ийотов (земледельцев) и илятов (кочевников). Часть кочевников составляла ядро ханского войска. С конца XVII и в XVIII в. подати и повинности илятов стали больше, чем в XVI—XVII вв., однако в общем они были менее тяжелы, нежели повинности ра'ийотов. Некоторые иляты освобождались от всех повинностей, кроме военной службы. Такие лица (как из кочевников, так и из других групп населения) назывались ма'афами, или му'афами [араб. «изъятые»,

¹ На примере сельской общины Деделу можно проследить переход тиульного владения в руках трех поколений одной бекской фамилии. (См. «Указы кубинских ханов», док. 5, 6, стр. 60—61).

² «Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв.» [перс. текст и русский пер.]. Тифлис, 1936.

³ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 222—247.

«освобожденные» от податей, также азадами (перс.) и тарханами (монг.)); они были обязаны по первому приказу являться на конях и с оружием в ханское войско. Были случаи предоставления ма'афского права целым сельским общинам, разумеется под условием несения военной службы¹.

Почти все крестьяне-земледельцы находились в частной феодальной зависимости, хотя и в XVIII в. были еще немногие крестьянские общины, владевшие своими землями на правах мюлька и платившие только долю поземельного налога, следовавшего в казну.

Существовало мнение, будто в Азербайджане ра'ийяты-земледельцы, в отличие от грузинских, не были прикреплены к земле. Однако документы показывают, что по крайней мере в некоторых ханствах ра'ийяты, быть может не все, не имели права свободного перехода. Например, грамота Ибрахим Халил-хана карабахского 1791 г. предписывала старшинам селений мелика варандинского собрать всех разбежавшихся ра'ийятов и водворить их на место². Во время войны и набегов ханы и беки угоняли из других ханств крестьян и поселяли их на своих землях³.

Основная тяжесть феодальных повинностей лежала, несомненно, на зависимых ра'ийятах. На них лежал поземельный налог, носивший разные названия (малджихат, иначе бахра) и вносившийся, в зависимости от вида земельного владения, то полностью в казну, то частному владельцу, то делившийся между ними в определенной пропорции. Например, в Нахичеванском ханстве $\frac{4}{10}$ поземельного налога шло владельцу мюлька, а $\frac{6}{10}$ — в казну.

Размеры поземельного налога колебались от $\frac{1}{10}$ до $\frac{3}{10}$ валового урожая. В разных ханствах ра'ийяты платили в пользу владельца еще дополнительные сборы (кесим): чоп-башы — за пастбу скота на пастбищах летних (ййлаг) или зимних (кышлаг), баг-башы — сбор с садов, сборы маслом, шелком и т. д., байрамлык — праздничные приношения владельцу⁴. Ра'ийят платил беку за свадьбу сына или дочери. Сбор даругалык взимался, в зависимости от вида владения, то в пользу даруги (сборщика налогов, управляющего), то в пользу самого землевладельца. Наряду с рентой продуктами, как ведущей формой ренты, частично применялась и денежная форма ренты.

Собственные хозяйства землевладельцев были невелики. Отсюда и небольшие размеры барщины (бигар, бегар) — от 3 до 6 дней в год. Кроме того, ра'ийяты работали всем сходом на владельца еще 2 дня в год и должны были предоставлять бекам перевозочные средства для обычных перекочек на ййлаги и кышлаг. Принадлежавшую им лично землю беки и ханы нередко отдавали малоземельным крестьянам на условиях

¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 182—183.

² АзЦАУ, Ист. арх., ф. Воен.-окр. начальника, д. 14, л. 414—415.

³ Аббас-кули-ага Бакиханов. Гюлистан ирам. Баку, 1926, стр. 130; И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 258—259.

⁴ «Указы кубинских ханов», док. 14, 15, стр. 66—67.

кабальной аренды, чаще всего за половину, иногда за $\frac{6}{10}$ урожая, включая сюда и остальные сборы.

Особую категорию крестьян составляли ранджбары. Так называли лично зависимых крестьян, пожалованных ханом владельцам и работавших исключительно на них. Ранджбары обычно не входили в состав сельских общин, владельцы могли их переселять по своему произволу из одного селения в другое¹. Ханским приказом любой ра'ийят мог быть переведен в категорию ранджбаров, и наоборот². Положение ранджбаров было еще тяжелее положения ра'ийятов. Местами ранджбарами называли также наследственных арендаторов-издольщиков, отдававших землевладельцам до $\frac{2}{3}$ дохода. Трудом ранджбаров обрабатывались шелковичные сады ханов шемахинского и шекинского и других крупных феодалов, хлопковые и рисовые поля. Таким образом, основной формой эксплуатации ранджбаров была отработочная рента.

Кроме повинностей владельцу, ра'ийяты платили еще разные сборы в казну; иногда эти подати хан, в виде особой милости, также уступал владельцу.

Ханы размещали на постой в селениях своих воинов из кочевых племен или дагестанских наемников, обязывая ра'ийятов кормить их; при уходе постояльцев ра'ийяты должны были еще вручать им денежный «подарок». Этот сбор прозвали в насмешку «диш-кираси» («награда за труд зубов»), т. е. награда постояльцам за то, что они трудятся есть чужой хлеб³.

Тяжелые войны времени правления Надир-шаха, турецкие и иранские вторжения, нашествия шаха Ага Мухаммед-хана в 90-х годах XVIII в., постоянные феодальные междоусобицы довели крестьянство Азербайджана до полного разорения. В стране были часты неурожай и голод, с которыми обедневшие крестьяне не могли справиться. Классовая борьба крестьян с феодалами во второй половине XVIII в. приняла главным образом форму массовых побегов крестьян от феодалов или из одного ханства в другие. В этот период очень развилось также «разбойничество», по терминологии источников, т. е. деятельность разрозненных отрядов беглых крестьян и кочевников, боровшихся с местными феодалами⁴. В конце XVIII в. в районах Кубы, Дербента и Сальяна вспыхнули восстания, которые, однако, были быстро подавлены.

Городская жизнь в этот период, как и во всей Передней Азии с конца XVII в., продолжала оставаться в состоянии упадка. Старые караванные пути утратили былое значение, транзитная торговля уменьшилась; разорение страны во время междоусобий XVIII в. сократило шелководство до ничтожных размеров, и только в последней четверти XVIII в. оно несколько поднялось. В районе Баку из 52 нефтяных колодцев, существо-

¹ «Указы кубинских ханов», док. 8, 10, 11, 21, 24, 26.

² См., например, указы Мехди-кули-хана карабахского: АзЦАУ, Ист. арх., ф. Воен.-окр. начальника, д. 47, л. 83; ф. Бакинско-бекской комиссии, д. 2, л. 281.

³ Аббас-кули-ага Бакиханов. Указ. соч., стр. 149.

⁴ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 336.

вавших к началу XVIII в., к середине века действовали только 26. К началу XIX в. только четыре города Северного Азербайджана — Куба, Баку, Гянджа и Шуша — имели 5—8 тыс. жителей. Купцы не играли самостоятельной роли в хозяйстве страны, действуя или в роли организаторов караванной торговли, или в качестве откупщиков податей и таможенных пошлин (рахдар), нефтяных и соляных промыслов, сборов с ханских кышлагов и яйлагов и т. д. Промышленность имела форму ремесла (городского и сельского) или домашней промышленности. Условий для возникновения мануфактуры в Азербайджане в XVIII в. не имелось.

В последней четверти XVIII в. появились признаки некоторого подъема в сельском хозяйстве, особенно в области шелководства, и отчасти ремесла и торговли. Это объясняется ослаблением гнета иранского владычества в 1747—1795 гг., а также усилением экономических связей с Россией.

Из Азербайджана в Россию в значительном количестве вывозились шелк-сырец, шафран, а также изделия местной мелкой промышленности: шелковые ткани из Шемахи (дара, тафта, татанлик, канаус и др.), хлопчатобумажные ткани из Гянджи, медные изделия из Гянджи и Шеки. Вывозились также нефть и соль. Из России ввозились в Азербайджан, а также транзитом через Азербайджан в Грузию и Иран русские и западноевропейские сукна, полотна и прочие текстильные товары, кожи и кожевенные изделия, посуда, стекло, краски, писчая бумага, предметы вооружения, металлы (железо, медь, свинец, олово), деревянные изделия, воск, вино, водка и т. д. Рыбные ловли на р. Куре в районе Сальян, принадлежавшие Фатх Али-хану кубинскому, сдавались им на откуп преимущественно русским подданным, купцам из Астрахани; эти рыбные ловли приносили кубинскому хану ежегодно 50 тыс. руб. серебром дохода. В 90-х годах XVIII в. происходил некоторый рост добычи нефти в районе Баку¹; она приносила 40 тыс. руб. серебром дохода в год. К концу XVIII в. русское правительство имело в виду, после предполагаемого присоединения к России Баку, оборудовать там крупный торговый порт. Увеличился и вывоз шелковых тканей в Россию из Шемахи. В 70-х годах XVIII в. в Шемахе и ее районе работало до 1500 шелкоткацких станков. Это было меньше, чем в XVII в., но следует помнить, что Шемаха была совершенно разорена войнами первой половины XVIII в.

Внутренняя торговля ханств Азербайджана сильно страдала из-за феодальной раздробленности, междоусобий и внутренних таможенных пошлин. Предметами внутренней торговли были шелк-сырец, хлопчатобумажные и шелковые ткани, растительные краски, ковры, медные и деревянные изделия, шерсть, хлопок, нефть, соль, рыба, зерно.

Черты некоторого подъема в экономике Азербайджана могли проявиться лишь в очень ограниченных рамках. Производительные силы

¹ В. А. Зубов. Общее обозрение торговли с Азией. «Русский архив», 1873, кн. 5, стб. 885 и сл.



Баку. Гравюра А. М. Шелковникова с рисунка Г. Сергеева, 1796 г.

в сельском хозяйстве и промышленности Азербайджана развивались крайне медленно. Феодализм Азербайджана, как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, отличался застойными формами. При господстве феодальной раздробленности в условиях хозяйственной разобщенности феодальных владений, при жестокой эксплуатации крестьянства и его крайней бедности, отсутствии элементарных гарантий собственности горожан, в Азербайджане не могли развиваться и зародыши новых производственных отношений. Товарное производство в городах Азербайджана обслуживало феодализм; условия для развития капиталистического производства еще не возникли. В создавшейся обстановке присоединение страны к России было выходом из состояния длительного застоя.

В каждом ханстве верховная власть принадлежала хану. Наряду со светской администрацией (в области финансов, военных дел и полиции) существовало духовное управление во главе с казием, ведавшим шариатским судом и делами ислама. Наряду с шариатом действовали местные обычаи (адат), особенно у горских и кочевых племен, новые сборники законов, как Джам- и Аббаси (уложение шаха Аббаса I), и узаконения местных ханов, как Дастур аль-амаль (уложение Мамед Хасан-хана шекинского). Ханства делились на махалы (округа), которыми управляли или назначенные ханами наибы, или наследственные местные владельцы — султаны, мелики. Ханская власть, в теории неограниченная, на практике почти никогда не нарушала сословных прав духовенства и беков.

После убийства Надир-шаха (1747) Иран пережил период междоусобий феодальных группировок. Во второй половине XVIII в. он вступил в состояние тяжелого хозяйственного и политического упадка. В Азер-

байджане и Дагестане отдельные ханства, частью существовавшие и раньше как вассальные владения Ирана, частью образовавшиеся во второй половине XVIII в., в большинстве сохраняли лишь номинальную зависимость от Ирана. Однако стоило Ирану несколько оправиться от междоусобий, особенно с утверждением на шахском престоле династии Каджаров, над государствами Закавказья вновь нависла угроза иранского вторжения.

В Северном (ныне советском) Азербайджане во второй половине XVIII в. существовали следующие государственные образования. На северном склоне Главного Кавказского хребта продолжали существовать ханства Кубинское и Дербентское (объединились в 1765 г.). На Апшеронском полуострове сложилось маленькое и слабое ханство — Бакинское. В районе Шемахи снова образовалось ханство Ширванское. Соседями Ширвана с запада были небольшие султанства Куткашенское и Арешское. В районе г. Шеки (иначе Нуха) потомок древней местной ханской династии Хаджи Челяби еще при Надир-шахе восстал и укрепился в крепости Гелясен ва Герасен, а в 1749 г., устранив местного мелика — сторонника Ирана, провозгласил себя шекинским ханом. Еще дальше к западу лежали султанство Элисуйское и союз шести так называемых Джаро-Белаканских вольных обществ (джама'атов) — родо-племенных общин аваров. К югу от р. Куры лежали ханства Гянджинское, с ханской династией Зийяд-оглы из азербайджанского кочевого племени каджар, и ханство Карабахское. Последнее возникло в 1747 г., когда власть в Карабахе захватил Панах-хан, наследственный глава азербайджанского кочевого племени джеваншир. Вмешавшись в борьбу пяти армянских меликов Нагорного Карабаха, он в союзе с одним из них, меликом варандинским, подчинил себе всех меликов. На неприступной горе Панах-хан построил укрепленную столицу нового ханства — город Панахабад (Шуша), заселив его азербайджанскими и армянскими ремесленниками и купцами. В состав этого ханства вошли также азербайджанские кочевые племена Мильской и Карабахской степей и часть Армении (Зангезур). Феодалное ополчение, которое собирал Панах-хан, исчислялось в 20 тыс. чел.¹. Он даже номинально не признавал верховной власти Ирана. Между Зангезурским хребтом и р. Араксом располагалось ханство Нахичеванское, с ханской династией из наследственных вождей азербайджанского полукочевого племени кенгерлю. В Муганской степи находилось султанство Рудбарское и округ Сальян, принадлежавший хану кубинскому. К югу от устья Куры лежало ханство Талышское, с центром в г. Ленгеркунан (ныне Ленкорань).

Политическая история Азербайджана второй половины XVIII в. наполнена войнами ханств между собою и внутренними междоусобиями феодальной знати. С 70-х годов XVIII в., вследствие роста экономических связей стран Закавказья с Россией и в условиях постоянной угрозы со

¹ *Мухаммед-Садык (Нами)*. Тарих-игити гушай. Изд. перс. текста Нефиси. Тегеран, 1317 хиджры солнечной (1939 н. э.), стр. 105.

стороны султанской Турции и шахского Ирана, усилилась ориентация на Россию широких масс населения Азербайджана, части феодалов и особенно горожан; передовые элементы этих слоев понимали, что власть Ирана или Турции не принесет Азербайджану ничего, кроме нового разорения страны и новых междоусобий. Усилилось и влияние Восточной Грузии, союзницы России; в зависимости от Восточной Грузии находилось во второй половине XVIII в. Гянджинское ханство.

В северо-восточной части Азербайджана усилилось Кубинское ханство. В ряду остальных ханов Азербайджана выделялась фигура Фатх Али-хана (происходит: Фатали) кубинского (1758—1789). Решительный сторонник союза с Россией и Восточной Грузией, Фатх Али-хан сумел объединить под своей властью восточную часть Азербайджана. Кубинское ханство, сложившееся в последней четверти XVII в., было невелико. Феодалное ополчение Кубы и Сальяна составляло всего 860 чел.¹ В Кубинском ханстве (без Сальяна) в середине XVIII в. насчитывалось немногим более 100 селений с 30 тыс. жителей.

Фатх Али-хан присоединил ханство Дербентское (1765), подчинил ханство Бакинское. В 1767 г. в союзе с Хусейн-ханом шекинским он овладел ханством Ширванским.

Успех Фатх Али-хана не был прочен. Против него составил союз азербайджанских и дагестанских ханов, напуганных усилением его могущества. Они разбили Фатх Али-хана в битве на Гавдушанском поле (1774) и вытеснили его из ханства; только с помощью войск России (которыми командовал генерал Медем), посланных Екатериной II, ему удалось вновь отвоевать свои владения (1775). К концу 80-х годов XVIII в. Фатх Али-хан завоевал побережье Каспийского моря от Дербента до Ардебилля; влияние Кубинского ханства распространилось на часть Дагестана, Гилян и даже Тебриз. Однако расширение Кубинского ханства не имело прочной опоры в экономическом развитии страны и не могло быть устойчивым. К Азербайджану того времени с полным правом можно отнести высказывание И. В. Сталина о Грузии, где при экономической раздробленности грузины были разбиты на целый ряд оторванных друг от друга княжеств и где эфемерное и случайное объединение княжеств не было прочным². После смерти Фатх Али-хана владения Кубино-Дербентского ханства сильно сократились. Однако относительный хозяйственный подъем в Кубинском ханстве произошел во второй половине XVIII в. В 1796 г. в Кубинском ханстве (без Дербента, Сальяна и других владений) числилось уже 252 селения и до 60 тыс. жителей.

Войны между ханствами, продолжавшиеся из года в год, сопровождались разрушениями, пленением жителей (их теперь, как правило, не обращали в рабство, а принудительно переселяли во владения победителя),

¹ «Тазкират-ал-мулук: анонимная памятная записка об администрации сефевидского Ирана, составленная около 1725 г.». Изд. В. Минорского, Гембридж, 1943, л. 113а (перс. текст), стр. 102 (англ. пер.).

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 295.

арестами купцов из враждебных ханств и прекращением торговых сношений между воюющими ханствами. Жизнь везде была полна опасностей. Наиболее страдало от междоусобий крестьянство.

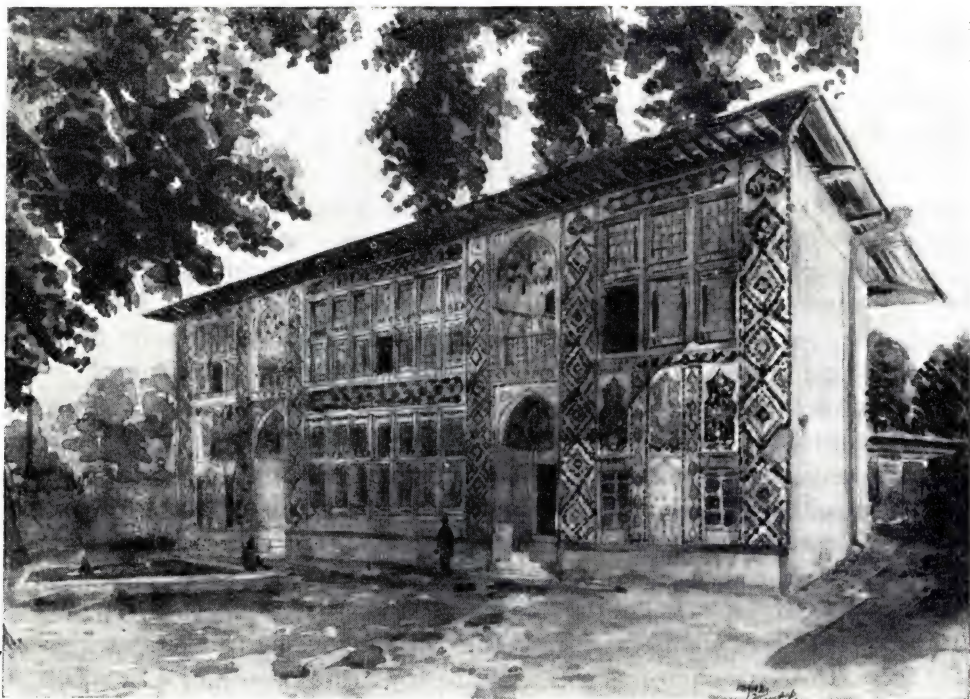
Закавказье играло исключительно важную роль в периоды русско-турецких войн второй половины XVIII в. Поэтому попытки иранских шахов и турецких султанов возобновить агрессию в Закавказье встречали со стороны русского правительства отпор. В этой обстановке усиливалась ориентация на Россию народных масс Азербайджана, которая находила отражение в политике некоторых правителей. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. турецкий султан посылал азербайджанским и дагестанским феодалам письма, отправляя агентов, чтобы склонить их на выступление против России, но не имел успеха. Такая же неудача постигла попытки султана и во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Фатх Али-хан кубинский не только отверг предложение турецкого эmissара выступить против России и напасть на Грузию, но предложил Ираклию II помощь против турок, переслал султанский фирман русскому правительству и просил его принять Кубинское ханство под покровительство России. Еще в 1783 г. с аналогичной просьбой обратился в Петербург карабахский хан, а в начале 90-х годов, в связи с угрозой иранской агрессии, — кубинский, бакинский, талышский, ширванский, шекинский и дербентский ханы.

После ряда междоусобий центральная власть в Иране попала в руки династии Каджаров, вышедшей из обиранившейся фамилии наследственных глав азербайджанского кочевого племени каджар. Основатель этой династии, Ага Мухаммед-хан (1781—1797) стремился захватить Закавказье с его нефтью, шелком, медью, серебром. К 1795 г. он занял войсками Южный Азербайджан и покорил ханов этой области. Труднее оказалось подчинить Северный Азербайджан. Получив требование Ага Мухаммед-хана прислать заложника (аманата), Ибрахим Халил-хан карабахский (1760—1806) отправил в Россию посольство с просьбой о помощи и, получив благоприятный ответ, разрушил исторический Худа-Аферинский мост на Араксе и собрал 15 тыс. войска для отпора Ирану. Посланный шахом передовой отряд был разбит совместным карабахским и грузинским войском. В 1795 г. Ага Мухаммед-хан, восстановив наскоро Худа-Аферинский мост и переправив значительные военные силы через Аракс, лично осадил Шушу — прекрасную природную крепость. Крепость взять не удалось благодаря героическому сопротивлению осажденных, поддержанному населением ханства, и Ага Мухаммед-хан снял осаду. Но Северный Азербайджан подвергся жестокому разорению: иранские войска сжигали села, угоняли людей в рабство. Жители разбегались в горы и леса. Поля в тот год не обрабатывались, и в следующем году зернового хлеба в стране почти не было; крестьяне питались падалью, кореньями и желудями. Появилась чума. Шемаха и Ах-Су были разрушены. Североазербайджанские ханы должны были признать себя вассалами шаха. Феодалы Азербайджана разделились на сторонников России и Ирана, во многих хан-

ствах шла междоусобная война. В сентябре 1795 г. Ага Мухаммед-хан пошел на Восточную Грузию, где подверг разгрому Тбилиси. На зиму войска шаха расположились в Муганской степи, чтобы весной возобновить военные действия. Известие о восстании в Хорасане и о движении из России отряда генерала В. Зубова заставило Ага Мухаммед-хана вернуться в Иран. Поход Зубова был предпринят в мае 1796 г. Еще до наступления летней жары русские войска продвинулись до Ширвана. Дербент был сдан русским войскам под давлением городского населения. Бакинское население с радостью приняло прокламацию Зубова и добровольно впустило в город его войско. Подобное отношение было у большинства населения Ширвана. Это объясняет и позицию азербайджанских феодалов. Ханы бакинский, шекинский и гянджинский подчинились России: хан карабахский послал к Зубову своего сына с подарками; в Ширване сторонник Ирана Мустафа-хан был низложен местными беками и заменен его двоюродным братом, сторонником России, Касим-ханом. Зубов готовил присоединение Северного Азербайджана до Аракса на юге. Но после смерти Екатерины II новый император Павел I отказался от активной политики в странах Закавказья, сосредоточив все внимание на европейских делах. Отряд Зубова был отозван в Россию (в начале 1797 г.). Тогда Ага Мухаммед, ставший шахом, в 1797 г. снова пошел на Северный Азербайджан. Обессиленная голодом и чумой страна не могла сопротивляться. Ибрахим-хан карабахский бежал, иранцы без боя заняли «девственную крепость» Шушу, которую до того никому не удавалось взять; в Ширванском ханстве был восстановлен Мустафа-хан.

Обосновавшись в Шуше, Ага Мухаммед-шах превратил этот город в застенки, наполнив подземелья дворца людьми разных классов, заподозренными в симпатиях к России. В числе других был арестован везир хана карабахского, ученый Панах, талантливейший из тогдашних азербайджанских поэтов, писавший под псевдонимом Вагиф («Знающий»), сторонник сближения с Россией. Но скоро против шаха составилась заговор, и в мае 1797 г. он был убит несколькими придворными, опасавшимися за свою жизнь¹. Новый шах Ирана, Фатх Али-хан (1797—1834), племянник Ага Мухаммед-шаха, не проявил активности в Закавказье, довольствуясь признанием иранского господства со стороны азербайджанских ханов, которые возобновили междоусобные распри и войны. Доведенные до отчаяния крестьяне и горожане местами восставали. Против Шейх Али-хана кубинского, державшегося при помощи 10 тыс. наемников из Дагестана, размещенных на постой в селениях и сильно притеснявших население, вспыхнули восстания в Сальяне, Кубе и Дербенте (1799—1800). В широких народных массах Азербайджана росло стремление к присоединению к России. Только это открывало возможность для прогрессивного развития страны.

¹ *Ахмед-бек Джеваншир*. О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г. Шуша, 1901, стр. 1—30; *Абдуррезак Думбули*. Маасир-и султанийэ [Изд. перс. текста], Тебриз, 1241 г. х. (1825 н. э.), стр. 20 и сл.



Ханский дворец в г. Нухе, XVIII в. Рисунок архитектора Али-заде, 1938 г.

Общий экономический упадок Азербайджана в XVIII в., как и сопредельных государств, тяжело отразился и на культурной жизни. Тем не менее азербайджанская поэзия XVIII в. представлена крупнейшими поэтами — Видади (ум. 1809) и Вагифом (1717—1797). В поэзии Видади преобладают грустные настроения, вызванные тяжелым положением страны, разоренной иноземными вторжениями и феодальными междоусобиями.

Поэзия Вагифа, напротив, проникнута жизнерадостностью и бодрым оптимизмом; он воспевал красоту, любовь; гражданские мотивы, возмущение захватнической политикой Ирана и Турции, как и своекорыстной и враждебной народу политикой местных ханов, — занимают видное место в поэзии Вагифа. Поэт получил традиционное литературное образование, основанное на изучении арабской и персидской классической поэзии, но сам не подражал классическим поэтам; язык его азербайджанских стихов близок к языку народных певцов — ашугов. Поэзия Вагифа носит вполне светский характер и свободна от влияния суфийского мистицизма. Он был убежденным сторонником ориентации на Россию и в качестве советника Ибрахим-хана карабахского — деятельным проводником русской ориентации в политике. Во время первого вторжения Ага Мухаммед-хана в Закавказье (1795) Вагиф в стихотворении, посвященном поэту Видади писал: «Последний из смертных, гнушайся Ага Мухаммед-ханом.



Деталь росписи стен зала первого этажа ханского дворца в г. Нухе, XVIII в.

Дыхание пока ты имеешь, ни шаха слугой, ни другом хундкара ¹ не будь».

В XVIII в. в Азербайджане развился новый архитектурный стиль, выраженный преимущественно в светских зданиях. Из них самый замечательный — двухэтажный дворец шекинских ханов в Шеки (современная Пуха), украшенный богатой резной декорировкой по фасаду и стенной живописью внутри по мотивам произведений Низами; дворец этот сохранился и в наши дни, как и дворцы карабахских ханов в Шуше.

Широко были развиты прикладное искусство, резьба по камню, орнаментировка металлической посуды, оружия, ковроткачество.

4

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Во второй половине XVIII в., как и в предшествующее время, на территории Северного Кавказа не сложилось сколько-нибудь крупных государственных образований. Там имелись или отдельные небольшие феодальные владения (в Кабарде, Дагестане, отчасти в Западной Черкесии), ослабленные постоянными междоусобными войнами, или общества (в высокогорной части Кавказского хребта), находившиеся в стадии разложения родового строя и медленного сложения феодальных отношений (у осетин, балкарцев, ингушей, чеченцев и др.).

Процесс развития производительных сил Северного Кавказа, при большом, а иногда и преобладающем, значении скотоводства, шел медленно, хозяйство оставалось в основном натуральным, особенно в горах. Однако во второй половине XVIII в. наметились некоторые сдвиги в развитии товарного производства и товарно-денежных отношений, в значительной степени связанные с усилившейся русской колонизацией Северного Кавказа и развитием обмена русских товаров на местные продукты и изделия в пограничных с Россией пунктах.

В сфере социальных отношений этот процесс сопровождался развитием феодальных отношений, осложненных, однако, устойчивыми патриархальными пережитками, и усилением эксплуатации феодально-зависимых слоев населения; это вызывало обострение классовой борьбы, которая особенно ярко проявлялась у адыгейских племен.

Многочисленные адыгейские племена черкесов занимали территорию за Кубанью, от р. Лабы до берега Черного моря, и горную часть Западного Кавказа по северным и отчасти юго-западным склонам Главного Кавказского хребта. Процесс феодализации шел быстрее у темиргоевцев, жанеевцев, хатукайцев и бжедухов, поселения которых располагались в предгорных равнинах. Здесь высшим феодальным слоем были князья, нередко из семей, породнившихся с крымским ханским домом. Племена, жившие по горным склонам, князей не имели. В 90-х годах XVIII в.

¹ Хундкар (худавендкар) — один из титулов турецкого султана.

у абадзехов, натухайцев и шапсугов происходили восстания крестьянства (тлфокотль) против дворянства (уорков). Шапсугское дворянство под предводительством Али Султана Шеретлукова искало поддержки против народа у бжедухских князей и дворян и обратилось с просьбой о помощи к русскому правительству, для чего Шеретлуков лично ездил в Петербург. Русское правительство послало казачий отряд с артиллерией, вследствие чего в Бзиюкской битве (1796) шапсугское и абадзехское народные ополчения потерпели поражение. Несмотря на это, борьба продолжалась — крестьянство не согласилось на восстановление дворянских привилегий, не приняло Шеретлукова, и он был вынужден поселиться под защитой русской военной линии¹.

В Кабарде процесс феодализации развивался в условиях натурального скотоводческого и земледельческого хозяйства, с переложной системой, и неполной еще оседлости². Ремесло было еще соединено с земледелием, промышленность носила домашний характер. В русские поселения кабардинцы привозили хлеб, мед и изделия домашней промышленности — сукна, бурки, войлоки, обменивая их или покупая холст, мелкие железные изделия и т. п. Однако в XVIII в. товарно-денежные отношения еще не были развиты. «Штрафы» уплачивались скотом или ясырями (пленниками). Феодальная рента была или отработочной, или продуктовой³.

В этих условиях в Кабарде не могло сложиться централизованное государство. В 1748 г. в Большой и Малой Кабарде числилось 32 владельца, а русский автор конца XVIII в. отмечал, что «ныне число владельцев столь размножилось, что уже лишаются они способов к достойному себя продовольствию»⁴.

Державившиеся устойчиво патриархальные пережитки требовали «почтения» к владельцу, «старшему летами», но сколько-нибудь сильной власти старший князь не имел. Дворяне (уорки) были «вольны в выборе себе владельца», поэтому влияние того или другого князя было непрочным⁵.

Источники второй половины XVIII в. чрезвычайно ярко рисуют усиление эксплуатации феодально зависимого населения Кабарды, объединенного в общины крестьянства и холопов. Крестьянские старшины (бегулы) участвовали в народных собраниях, уже совсем утративших в XVIII в. демократический характер: совещания происходили «по степеням» — «владельцы, уздени и народные старшины, каждый год особенно»,

¹ Н. Ф. Дубровин. Черкесы. Краснодар, 1927; М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг. Краснодар, 1927; Л. Я. Люлье. Черкессия. Краснодар, 1927 («Материалы для истории черкесского народа», вып. 1, 2, 4); Д. Т. Жантиева. Мотивы исторического эпоса северокавказских горцев. «Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института», т. II. Ростов-на-Дону, 1929.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 5, ч. II, л. 126—127.

³ Там же, д. 1; д. 5, ч. II, л. 19—21, 23, 29.

⁴ [И. С. Потемкин]. Описание горских народов. Курск, 1794, стр. 5.

⁵ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 4, 1770 г.

причем уздени (дворяне) почти всегда соглашались «с мнением владельцев, понеже они от них зависят», и их же обязанностью было «стараться соглашать народ» с принятым владельцами решением¹.

Жестокое обращение владельцев с подвластными вело к тому, что «взаимная злоба и ненависть» возрастали. Чрезвычайно усилилось бегство холопов (ясырей) на русскую линию, а также стремление «черного народа» уйти от владельцев под защиту русских укреплений. Во время русско-турецких войн второй половины XVIII в. русское правительство, осведомленное о происках турецких агентов среди кабардинских владельцев, внимательно следило за проявлениями антагонизма между кабардинскими феодалами и «простым» народом, обнадеживая последний обещаниями защиты от притеснений владельцев. Но политика русского крепостнического правительства по отношению к феодально зависимым слоям населения Кабарды, конечно, не была последовательной, и оно поддерживало «верных» кабардинских владельцев, закрепляя за ними землю. Так, в конце 80-х годов XVIII в. кабардинским князьям Атажуке и Арасламбеку Елбуздукиным было отдано 9 тыс. дес. удобной земли на левом берегу р. Малки².

В Дагестане XVIII в. сложилось до 15 отдельных феодальных владений. Особенно дробными они были на территории, населенной кумыками. По данным русского источника 90-х годов XVIII в., наиболее крупным из дагестанских ханств было Аварское ханство, где считалось до 30 тыс. дворов; в уцмийстве кайтагском тогда же насчитывалось 25 тыс. дворов, в Казикумухском ханстве — 15 тыс., в шамхальстве тарковском — 12 тыс. и т. д. Были и совсем небольшие владения. В высокогорных частях сохранялись так называемые «вольные» общества, не зависевшие от ханской власти³.

В приморской части Дагестана существовало поливное земледелие, было развито садоводство. Наряду с городами Дербентом и Тарку выделились ремесленные и торговые центры — некоторые аулы горного Дагестана.

По сообщениям источников XVIII в., наиболее известен аул Кубачи, с его ремесленным производством оружия, металлической посуды и ювелирных изделий на заказ и на продажу. В высокогорных частях Дагестана было развито пастбищное скотоводство с перегоном скота на летние и зимние пастбища⁴. Земледелие здесь требовало больших затрат труда.

¹ [П. С. Потемкин]. Описание горских народов, стр. 8—9; ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 5, ч. II, л. 19.

² «Акты Кавказской археографической комиссии», т. 1, стр. 746—748; [П. С. Потемкин]. Описание горских народов, стр. 1—20; ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 4, 5, ч. II, л. 19—20, 23, 29, 102, 103, 128; д. 33.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 18474, 18488, 18503.

⁴ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949; «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И. А. Гильденштедта». СПб., 1809, стр. 115—134.

Население Дагестана, особенно приморских его частей, уже было втянуто в торговые отношения с жителями Закавказья и с русским населением казачьих городков и русских крепостей по Тереку, особенно с Кизляром.

Основным процессом социального развития в феодальных ханствах был рост феодальных повинностей и крепостнических порядков. Крепостные (чагары у кумыков, ра'ийяты в Кайтаге), жившие на ханских или бекских землях, отбывали барщинные повинности и вносили продуктовую ренту¹. Зависимость крестьянства (узденства), объединенного в общины (тухумы), в значительной степени была связана с тем, что горные пастбища (летние) и кутаны (зимние пастбища на равнине), как и лучшие поливные земли, были захвачены феодалами.

Вторая половина XVIII в. заполнена постоянными войнами дагестанских феодалов между собою, набегами на Грузию, вмешательством в феодальные войны азербайджанских владельцев, многие из которых были связаны с ханами Дагестана родственными отношениями.

Таким образом, для внутреннего положения у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII в. характерны усиление феодального гнета, феодальная раздробленность и внутренние междоусобия.

Пути исторического развития народов Северного Кавказа в значительной степени определялись взаимоотношениями между Россией и Турцией.

Султанская Турция с давних времен стремилась овладеть Кавказом и, пользуясь им в качестве стратегического плацдарма, распространиться дальше в сторону России. Хотя в XVIII в. могущество Османской империи клонилось к упадку, она не переставала быть опасной для своих соседей, так как становилась орудием западноевропейских держав, особенно Франции и Англии.

Адыгейцы, или черкесы, считались подданными крымского хана, однако эта зависимость была довольно шаткой. Отдельные племена адыгейцев, например темиргоевцы, платили крымским ханам дань пленниками и лошадьми, но в то же время не соглашались сделать эту дань регулярной и называли ее подарком². Крымские ханы «делали страшные усилия, чтобы покорить совершенно эти народы», — свидетельствует современник, французский консул в Крыму Пейсонель³. Турецкий султан и крымский хан огнем и мечом насаждали мусульманство среди горцев⁴. Мусульманство было распространено среди черкесских феодалов, но в массе своей черкесы оставались полуязычниками-полухристианами.

¹ «Шамхалы тарковские». «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1. Тифлис, 1868; «Казикумухские и кюринские ханы». Там же, вып. II. Тифлис, 1869; «Мехтулинские ханы». Там же.

² Сб. РИО, т. 48, стр. 517—518.

³ М. Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire, vol. II. Paris, 1787, p. 310.

⁴ См. III. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947.

Под влиянием кровавых, разорительных набегов турок и татар отдельные племена заявляли в середине XVIII в. о своем желании вступить в русское подданство. Однако, несмотря на большое стратегическое значение прикубанских земель, русское правительство воздерживалось от переговоров о подданстве черкесов во избежание «явного с Портою Оттоманскою нарушения дружбы»¹.

Кабардинская ветвь адыгейского народа также страдала от турецко-крымской агрессии, что побуждало ее ориентироваться на Россию. Но территориальная близость давала Крымскому ханству возможность удерживать часть кабардинцев в известной зависимости от себя. Так, при вступлении на престол нового хана (а ханы сменялись в Крыму очень часто) кабардинцы были вынуждены платить ему тяжелую дань людьми. Белградский договор 1739 г., провозгласивший Кабарду «барьером» между Россией и Турцией, не разрешил вопроса о Кабарде, являясь в этом пункте компромиссом.

Жестокая эксплуатация со стороны кабардинских феодалов побуждала зависимых от них людей покидать родные места и селиться в русских пределах — преимущественно в крепости Кизляр и в основанном в 1763 г. Моздоке. Там они принимали христианство, что ограждало их от выдачи феодалам и приносило им в то же время некоторые материальные блага. На русскую линию бежали также рабы кабардинских владельцев, в частности — захваченные в плен грузины и армяне. Отказ русского правительства возвращать беглецов, принявших христианство, привел к тому, что часть кабардинской верхушки заняла резко враждебную позицию по отношению к России; кабардинские феодалы стали требовать упразднения Моздока, устраивать нападения на русские крепости².

Раскол кабардинцев по вопросу о внешнеполитической ориентации отразился и на отношении различных классов к насаждавшемуся Портой мусульманству: беи и дворянство вступали в магометанство, сельские жители еще сохраняли следы христианства.

На стыке Большой и Малой Кабарды, в ущельях Центрального Кавказа жила северная ветвь осетинского народа. Борьба за зимние пастбища на равнине привела к зависимости осетин от кабардинских феодалов. Осетины, терпя «во всем скудость и недостаток по тесноте своих мест»³, стремились с помощью России освободиться от этой зависимости. Кабардинские земли отделяли осетин от русской границы, стесняя их торговые сношения с Россией. Между тем осетины остро нуждались в соли, в текстильных и металлических изделиях русской промышленности и т. д. а в случае недорода также и в русском хлебе.

¹ Сб. РИО, т. 48, стр. 518.

² П. Г. Бугков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. II, стр. 3—6; Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739—1779). Владикавказ, 1930, стр. 25.

³ «Материалы по истории осетинского народа», т. II. Орджоникидзе, 1942, стр. 64, 87.

В 40—50-х годах XVIII в. в правительственных сферах России неоднократно обсуждались просьбы осетинских старшин разрешить им вместе с рядом «фамилий из их народа» переселиться на свободные земли «ближе к России» и вступить в русское подданство. Они видели в этом спасение не только от гнета кабардинских феодалов, но и «от нападения крымских и кубанских войск»¹.

Удовлетворение этих просьб соответствовало интересам и царской России. Северная Осетия включала в себя Дарьяльское ущелье и была связующим звеном между Россией и Закавказьем, в частности с дружественной Грузией. В середине XVIII в. на территории горной Осетии были найдены залежи свинцовых и серебряных руд, поэтому Осетия стала интересовать Россию и с экономической точки зрения. Но внешнеполитическая обстановка заставляла Сенат действовать осторожно и отложить до более благоприятного времени принятие осетин в русское подданство. Решено было ограничиться подготовительными мероприятиями, в частности — продолжать христианизацию осетинского населения.

В северном Дагестане находились населенные кумыками владения шамхала тарковского, который официально еще с XVII в. зависел от шахов Ирана, но в своей внешней политике он ориентировался на Россию. После персидского похода Петра I неуклонно развивались торговые связи народов Дагестана с Россией, что было очень важно для восстановления их экономики, сильно пострадавшей от неоднократных нашествий иранских, турецких и татарских войск. Через Дагестан велась также транзитная торговля России с Закавказьем и Ираном². В этой части Кавказа Россия не граничила с Турцией, но, пользуясь упадком Иранского государства, султан стремился захватить его владения на Кавказе. В 1762 г. государственный канцлер М. И. Воронцов указывал на намерение султана «учинить приобретения над Персиею, и особливо близ Каспийского моря». Если это случится, — писал Воронцов, — то «не трудно им (туркам. — *Ред.*) будет не токмо заведенный на том море российский торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские»³.

Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на Кавказе действовали два корпуса русских войск: Кубанский корпус под командованием генерала И. Ф. Медема и Закавказский корпус под командованием генерала Г.-Г. Тотлебена. При поддержке ногаев Медем в 1769 г. взял турецкое укрепление Копыл на Кубани и придвинулся к границам Кабарды. Крымский хан настойчиво побуждал кабардинцев действовать в пользу Турции⁴. Угнетенные массы Кабарды, решительно встав на сторону

¹ «Материалы по истории осетинского народа», т. II, стр. 55.

² Р. М. Магомедов. Присоединение Дагестана к России. «Очерки по истории Дагестана». Сборник статей. Махач-Кала, 1950, стр. 129 и сл.

³ «Архив кн. Воронцова», кн. 25. М., 1882, стр. 301.

⁴ См. письмо Крым-Гирея кабардинским владельцам (январь 1769 г.). Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 32—33.

России, открыто заявили о своем намерении вступить в русское подданство. «Они, холопы, такое намерение имеют,— сообщал побывавший в Кабарде русский агент Е. Чорин,— что как бы скоро войско российское паки к ним со стремительством нападения подошло, тотчас предается (так! — *Ред.*) к нему, а через то владельцы и уздени их обессилеют и противиться уже не могут»¹. «Черный народ о подданстве Криму и слышать не хочет»,— сообщал астраханский губернатор Н. А. Бекетов².

В июне 1769 г. войска Медема одержали победу над отрядами кабардинских феодалов на р. Эшкаконе. Кабардинский народ присягнул на подданство России. После этого русское правительство, пойдя на компромисс с кабардинскими «владельцами» по вопросу о беглых, согласилось возвращать им всех крепостных, а за невольников-христиан, работавших ранее в хозяйствах феодалов, уплачивать выкуп³.

В связи с отправкой в Грузию русского корпуса, для России было важно обеспечить беспрепятственное движение войск и курьеров через земли Северной Осетии. Это побудило правительство удовлетворить просьбу осетин о принятии их в русское подданство. При присяге осетинам разъяснялось, какая помощь требуется от них для успешных действий русских войск (постройка мостов, предоставление проводников и т. д.). Русское правительство в свою очередь обещало защищать осетин от притеснений со стороны феодалов Малой и Большой Кабарды⁴.

В 1771 г. русские войска заняли Крым, который был объявлен независимым. Во время переговоров с ханом русское правительство потребовало признания прав России на Большую и Малую Кабарду, соглашаясь в то же время возвратить крымскому хану его прикубанские владения. В результате в союзный договор 1772 г. вошла статья 3, которая гласила: «До войны настоящей бывшие под властью крымского хана все татарские и черкесские народы, таманцы и некрасовцы попрежнему имеют быть во власти хана крымского; Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи»⁵.

Придавая большое значение кабардинскому вопросу, русское правительство добивалось включения в русско-турецкий мирный договор следующего пункта: «Обе Кабарды, Большая и Малая, должны быть признаны совершенно принадлежащими империи Всероссийской, так как из древних времен они принадлежали ей до последнего Белградского трактата». Однако на мирном конгрессе 1772 г. турецкий уполномоченный, ссылаясь на желание оградить престиж своего государства, предложил записать в договоре, что «обе Кабарды имеют оставаться по силе учиненных между двором российским и татарами договоров». Эта формулировка,

¹ Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей..., стр. 17. Ср. донесение А. Киреева на стр. 16.

² АКАК, т. I, стр. 82.

³ Там же, стр. 85.

⁴ «Материалы по истории осетинского народа», т. II, стр. 94, 95, 101, 102.

⁵ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 7. Одесса, 1868, стр. 207.

вошедшая в несколько измененной форме в мирный договор 1774 г., впоследствии послужила причиной серьезных осложнений.

Кючук-Кайнарджийский мир (1774) был переломным моментом в истории народов Северного Кавказа. Отделение от Турции Крымского ханства, выход России к Черному морю и восстановление ее прав на Азов, наконец, окончательное включение Кабарды в состав России,—меняли соотношение сил России и Турции на Кавказе. Укреплению русских позиций способствовали также дружественные связи с Грузией, получившие новый стимул благодаря статье 23 Кючук-Кайнарджийского договора (освобождение Имеретии и Мегрелии от дани людьми и т. д.). В результате успешной войны 1768—1774 гг. заметно усилилось влияние России в Дагестане и в Азербайджане.

Рассчитывая с помощью иностранных держав ликвидировать договор 1774 г., султанская Турция упорно не выводила своих войск из Крыма и Тамани, усиливала гарнизоны в Очакове и Суджук-Кале, засылала агентов к ногаям и черкесам. Весной 1775 г. с помощью турецких войск ханом стал ставленник Порты Девлет-Гирей, который отказался признать договор 1772 г.¹

Явные нарушения мирного договора со стороны султана побудили русское правительство в декабре 1776 г. ввести войска за Перекоп. Девлет-Гирею пришлось покинуть Крым, ханом стал Шагин-Гирей. Наступило затишье, однако не надолго. Уже в октябре 1777 г. «турки весьма искусно сработали татарский бунт»² против Шагин-Гирея и попытались занять Крым. Русское правительство было вынуждено принять более действенные меры, чтобы обеспечить выполнение Кючук-Кайнарджийского договора: решено было создать прочную оборонительную линию по р. Кубани. В 1777 г. А. В. Суворов был назначен командующим Кубанским корпусом и прибыл в Копыл. За короткий срок на Кубани была создана целая система крепостей и редутов от моря до устья Лабы. В результате этих мероприятий опасность вторжения турецких войск со стороны Кавказа значительно уменьшилась. По сообщению А. В. Суворова (1778), прикубанские черкесы пачали приезжать в русские укрепления на линии и «мало-помалу производить уже торги лошадьми, скотом, маслом, молоком и другими товарами»³. В марте 1779 г. Турция подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира и признала ханом Шагин-Гирея (в силу Айналы-Кавакской конвенции); Россия согласилась (по этой же конвенции) вывести свои войска из Крыма и Кубани.

Вывод русских войск был немедленно использован Портой во враждебных целях. Султанские агенты стали усиленно подстрекать кабардинцев и черкесов к нападениям на крепости Азово-Моздокской линии, которые Россия строила на землях, приобретенных по Кючук-Кайнарджийскому договору. Кабардинская верхушка снова подняла голову, но

¹ И. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 40.

² Выражение П. А. Румянцева (Чтения ОИДР, кн. 4, отд. II. М., 1875, стр. 2).

³ «А. В. Суворов». Сборник документов, т. II. М., 1951, стр. 38—39.

«черный народ кабардинский слабое принимал участие в предприятиях владельцев»¹.

В самом Крыму турецкие агенты также развивали большую активность. Весной 1782 г. обстановка в Крымском ханстве настолько обострилась, что Шагин-Гирей бежал в Еникале под защиту русского гарнизона.

Все это побудило русское правительство снова ввести свои войска на территорию Крымского ханства, поручить А. В. Суворову командование Кубанским корпусом и объявить о включении Крыма, Тамани и Кубани в состав России. Константинопольским актом от 28 декабря 1783 г. (8 января 1784 г.) Турция признала этот акт, одновременно связав Россию обязательством не претендовать на земли по левому берегу Кубани.

Таким образом, граница России на Северном Кавказе проходила теперь по Кубани. Положение закубанских черкесов не могло считаться урегулированным, так как вместо Крымского ханства непосредственным претендентом на их земли стала Оттоманская империя. В начале 80-х годов XVIII в. Порта стала укреплять Анапу в целях превращения ее в опорный пункт для завоевания Северного Кавказа.

Для дальнейшей истории народов Северного Кавказа большое значение имел установленный с 1783 г. протекторат России над Восточной Грузией. Через Северный Кавказ осуществлялись связи русского и грузинского народов.

Постройка ряда крепостей, в том числе Владикавказа, для охраны Военно-Грузинской дороги способствовала укреплению связей также и с Северной Осетией. Осетины стали селиться вокруг русских укреплений и обрабатывать пустующие поля.

Султан не примирился с потерей Крыма. Не примирился он также и с тем, что Восточная Грузия оказалась под протекторатом России.

Готовясь к новой войне, турецкие политики в своих планах отводили большое место деятельности антирусских элементов на Кавказе. Командующий крепостью Анапой Ферах Али посылал своих агентов и подарки кабардинским феодалам, устанавливал связи с Чечней, а также с местным мусульманским духовенством и призывал горцев объединиться под знаменем ислама для борьбы против «неверных»². Политика Порты встречала поддержку со стороны английской и французской дипломатии.

Агентами турецкого султана было использовано выступление с религиозной проповедью «шейха» Мансура (его настоящее имя было Ушурма)³. «Пророк» Ушурма появился за Сунжей, в чеченском ауле Алды, в марте 1785 г. и, проповедуя шариат и борьбу с «неверными», привлек к себе известную часть горцев, страдавших от феодальной эксплуатации, от междоусобной борьбы феодалов и произвола царских властей. Ушурма был окружен представителями мусульманского духовенства, свя-

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа..., ч. II, стр. 52.

² Н. И. Веселовский. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914.

³ Н. Смирнов. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 19—39.

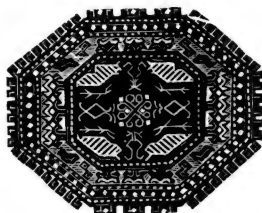
занными с Портой. Он неоднократно посещал Анапу. В своих призывах Ушурма указывал на ожидаемую им военную помощь Турции. В июле 1785 г. Ушурма попытался взять военно-административный и экономический центр Северного Кавказа — Кизляр, но потерпел неудачу.

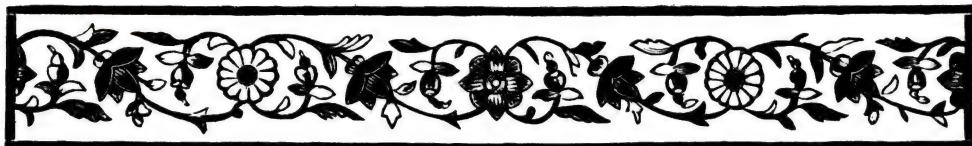
Осенью 1786 г. отход горцев от Ушурмы принял массовый характер. В 1787 г. он бежал за Кубань в расчете поднять против России черкесов. В сентябре 1787 г. началась русско-турецкая война, и турки делали все, чтобы повысить авторитет Ушурмы: султан официально присвоил ему звание имама, посылал ему подарки и т. д. Но в столкновениях с русскими Ушурма был разбит и осенью 1787 г. бежал в Анапу. Потерпел поражение и турецкий сераскер Батал-паша, который в 1790 г. перешел Кубань с 35-тысячным войском.

Летом 1791 г. России удалось в тяжелом, кровопролитном бою взять Анапу (захватив там Ушурму) и Суджук-Кале. Русские победы на кавказском и дунайском театрах войны заставили турецкое правительство согласиться на заключение мира.

Ясский мирный договор 9 января (29 декабря) 1791 г. закрепил за Россией Кабарду, правый берег Кубани и Тамань. Турция отказалась от своих претензий на Грузию (статья 5). Однако оставление в руках Оттоманской империи крепости Анапы и части кавказского побережья Черного моря представляло серьезную угрозу для России и народов Кавказа, в особенности для западных черкесов. Чтобы укрепить кубанскую границу, русское правительство в 1792—1793 гг. переселило на Кубань Черноморское казачье войско (жившее между Бугом и Днепром).

Создание во второй половине XVIII в. ряда русских оборонительных линий усилило русскую колонизацию территории Северного Кавказа. Наряду с военной колонизацией началась широкая раздача царским правительством русским помещикам плодородных степных земель севернее линий, последние переводили сюда крепостных крестьян. Известное распространение получила вольная колонизация, разрешенная в связи с необходимостью скорейшего заселения пограничного района. Хозяйственный облик края значительно изменился. С одной стороны, расширилась сфера феодально-крепостнического и колониального гнета царской России; с другой стороны, в ходе колонизации (особенно крестьянской и казачьей) и хозяйственного освоения новых земель, складывались предпосылки для более быстрого развития — уже в XIX в. — капитализма в южных окраинах страны. Между русскими переселенцами и местным населением завязывались экономические и культурные связи.





ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КАЗАХСТАН И НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1

КАЗАХСТАН

Во второй половине XVIII в. кочевья казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов (по терминологии русских документов — «орд») занимали обширные степные пространства от р. Яика на западе до границ Китайской империи¹ и от р. Иртыша на севере до р. Сыр-Дарьи на юге. Основой хозяйства казахов оставалось экстенсивное кочевое скотоводство, с перекочевками в зависимости от времени года. Так, в середине XVIII в. зимние кочевья Младшего жуза пахотились в районе р. Иргиза, оз. Чалкара и южнее, до низовьев Сыр-Дарьи, летом же казахи этого жуза кочевали значительно севернее — по Илеку, Ори и другим степным речкам и Яику.

В социально-экономическом отношении Казахстан во второй половине века развивался в значительной степени под влиянием экономики России. Присоединение к России Младшего жуза в 1731 г. и Среднего — в 1740 г. уже во второй половине века оказало прогрессивное влияние на развитие казахского хозяйства. С развитием всероссийского рынка хозяйство казахов постепенно включалось в общую экономическую жизнь России. Казахстан становился источником сырья для развивавшейся русской промышленности, отчасти и рынком сбыта изделий русского ремесла и мануфактур. Возросло значение караванных путей, проходивших через казахские степи и связывавших Россию с рынками Средней Азии (Хивой, Бухарой, Ташкентом) и с рынками Китая (Кульджой, Чугучаком). Большое значение для развития экономических и культурных связей Казахстана с Россией имело устройство укрепленных линий и городов, заселявшихся русскими людьми.

Значительно усилились торговые связи Казахстана с Россией. Некоторые крепости становились центрами оживленной торговли. Главным пунктом меновой торговли Младшего жуза стал г. Оренбург. В 60-х годах XVIII в. Оренбург уже был одним из крупных торговых центров азиатской части России. Здесь казахи меняли скот (овец и лошадей), продукты скотоводства (верблюжью и овечью шерсть, мерлушку, овчину), изде-

¹ До 1758 г. здесь проходила граница Джунгарии.



Кочевье казахов у крепости Усть-Каменогорской. Акварель работы неизвестного художника начала XIX в. Копия.

Государственный Исторический музей

лия (кошмы, тулупы и т. п.), меха (лисиц, корсаков, волков) на товары русских и азиатских купцов (сукно, бархат, холст, хлопчатобумажные ткани, кожаные изделия, котлы, таганы, красильные материалы, а также иглы, гребни, зеркала и пр.)¹.

Особенно заинтересована была Россия в поступлении скота в Оренбург. Чтобы обеспечить обмен скота на хлеб и сделать Оренбург центром хлебной торговли с казахами, предполагалось снизить цены на хлеб и отменить на 10 лет уже сниженную пошлину на хлеб, взимаемую с русских купцов². В 1750 г. была введена такса на товары русских купцов, торговавших с азиатскими купцами и казахами.

Согласно указу Коллегии иностранных дел от 23 сентября 1747 г., казахам разрешалась беспошлинная торговля скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. Вместе с тем не допускалось «ущерба» в казенных сборах. Так, азиатские купцы должны были платить в течение первых 10 лет торговли 3 коп. с рубля, а по истечении их — 5 коп. с рубля³. Доходы от торговли в Оренбурге год от года росли: по неполным данным, всякого рода торговые сборы, в том числе таможенные пошлины, в 1738 г. составили 1375 руб., а в 1754 г. — 65 912 руб.⁴.

¹ Об ассортименте товаров меновой торговли см. *И. Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. СПб., 1799, стр. 136—137; *П. Паллас*. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб., 1809, стр. 351—352; *А. Левшин*. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. II. СПб., 1832, стр. 219 и др.

² ЦГИАЛ, ф. Секр. экспедиции Сената, д. 506, 1763—1765 гг., л. 4 об.— 5. «Представление» в Сенат оренб. губернатора Д. Волкова, 1763 г.

³ АВПр. ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1798 г., д. 3, л. 145 об.— 146.

⁴ *П. Рычков*. Топография оренбургская, ч. I. СПб., 1762, стр. 321.

На Оренбургскую линию приезжали рядовые казахи-скотоводы, главным образом из аулов Младшего жуза. Они выменивали хлеб и предметы домашнего обихода у оренбургского казачества и крестьян пограничных селений. Усилился заезд в Оренбург казахских баев и старшин со скотом, верблюжьей шерстью и мехами. По словам П. Рычкова, казахи, «покупая в Оренбурге разные товары, у себя в орде торговать стали, да и хлеб... выменивать и в пищу зимой употреблять начали»¹.

Казахи, зимовавшие по р. Эмбе, пригоняли скот и в Гурьев городок. Но здесь разрешалось выменивать скот у казахов только на хлеб.

Прибыльную торговлю в Оренбурге вели купцы, приезжавшие из центральных районов России и из Сибири, а также татарские купцы из оренбургской Сентовой слободы. По мере развития торговых связей со среднеазиатскими ханствами все чаще приезжали в Оренбург бухарские и хивинские купцы.

В декабре 1747 г. открылся меновой торг в Ямышевской и Семипалатинской крепостях, где казахи Среднего жуза могли вести обмен с русским населением Сибири. Здесь сибирские купцы сбывали ткани, чугунные и металлические изделия, различную мелочь. В дальнейшем в ассортименте ямышевского торга все в большем количестве появлялись бухарские и китайские товары (шелковые ткани, халаты, чай и пр.). Но неустойчивое положение на границе с Джунгарией в значительной мере тормозило развитие торговли на Иртышской линии. Поэтому оренбургский губернатор И. Неплюев решил устроить меновой двор за Иртышом «на подобие крепости» и содержать его под караулом².

В 1750 г. казахам Среднего жуза, кочевавшим по Ишиму, в верховьях Тобола и Иртыша, было разрешено вести меновую торговлю в Троицкой крепости³. Прямой торговый тракт из Сибири в европейскую часть России проходил через Троицкую крепость, и она, наряду с Оренбургом, должна была стать пунктом широкого обмена казахского скота на хлеб русского населения Сибири.

Меновая торговля была разрешена и по всей Уйской линии. Здесь торговля значительно оживилась в 70-х годах; в ней участвовали и рядовые казахи-скотоводы. По наблюдениям Н. Рычкова, в селения Уйской линии казахи приходили «толпами, приводя с собой табуны овец, коров и лошадей»⁴.

В 1766 г. открылась меновая торговля в Петропавловской крепости, в которой были заинтересованы главным образом казахи Ишимской степи. В 60—70-х годах XVIII в. в течение летнего сезона в Петропавловск съезжалось 500—650 казахов и свыше 100 купцов из центральных

¹ П. Рычков. Топография оренбургская, ч. 1, стр. 141.

² Омский обл. архив, ф. 1, 1748 г., д. 15, л. 356.

³ В. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года, в. III. Казань, 1891, стр. 728.

⁴ [Н. Рычков]. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргиз-Байсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772, стр. 98.

районов России, из Сибири и Средней Азии¹. Особенно оживилась меновая торговля в Петропавловске в 70-х годах, конкурируя в это время с торговлей городов Иртышской линии².

Размеры менового торгога с казахами на русских рынках сильно колебались по отдельным годам, обнаруживая, однако, явную тенденцию к росту: в 1745 г. у казахов было выменено лишь 542 лошади и 3053 барана, а через 40 лет, т. е. в 1784 г., — 2470 лошадей и 211 485 баранов. Возрастал обмен хлеба на скот и на шерсть: в 1762 г. казахам было продано 14 776 пудов хлеба, а с отменой пошлин на хлеб, в 1763—1766 гг., — 48 291 пуд³. Общая сумма русского вывоза в степь также возрастала. Потребность казахского хозяйства в предметах промышленного производства все в большей мере удовлетворялась вывозом из России.

Расширением рынков сбыта скота, сырья и изделий скотоводческого хозяйства стимулировалось развитие скотоводства в казахских степях. Так, возраставший спрос на лошадей усиливал развитие коневодства в северных и северо-восточных районах Среднего жуза. Расширялось разведение верблюдов в южных и юго-восточных районах Казахстана в связи со спросом русского рынка на верблюжью шерсть.

Проникновение товарных отношений в Казахстан способствовало разложению казахского натурального хозяйства и развитию товарного производства. Но этот процесс в Казахстане во второй половине XVIII в. протекал очень медленно. Рост товарных отношений тормозился низким уровнем производительных сил, патриархальной замкнутостью казахского хозяйства и патриархально-феодальными отношениями. Торговля оставалась меновой. Поставщиками скота и продуктов скотоводческого хозяйства на рынок были главным образом байские хозяйства. Основная масса казахского населения, зависимая от феодалов и маломощная экономически, могла поставлять на рынок лишь незначительное количество продуктов своего хозяйства. Кроме того, торговля Казахстана с Россией развивалась неравномерно: казахские аулы, кочевавшие близ русских районов, включались в торговые связи с Россией раньше и более интенсивно, чем отдаленные кочевые районы.

Посредничество купцов и казахских баев в меновой торговле не обеспечивало трудящемуся населению нормального обмена. Купцы старались сбывать казахам в первую очередь товары низкого качества. Высокосортные ткани могла приобретать только казахская знать. Указывая на прибыльность купеческого торгога в Оренбурге, И. Неплюев писал в Коллегию иностранных дел: «У портов и в других местах едва ль с такою прибылью торгуют»⁴.

¹ Омский обл. архив, ф. 1, д. 179, л. 468.

² Там же, д. 209, л. 112—120; д. 221, л. 65—74.

³ ЦГИАЛ, ф. 3, 1767 г., д. 868, л. 6 об.; А. Левшин. Указ. соч., т. III, стр. 221—222. Следует заметить, что эти цифры неполно отражают объем обмена, так как пограничные таможенники обычно учитывали не все меновые сделки.

⁴ АВВР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747 г., д. 3, л. 126 об.

Намереваясь стать хозяевами оренбургского торгова, русские купцы были серьезно обеспокоены торговлей крестьян на Оренбургской линии и конкуренцией азиатских купцов. Они жаловались администрации Оренбургского края, что «много убогих торгашей и крестьян наехало, и цену у товаров испортили». Купцы просили запретить крестьянскую торговлю¹. Однако с точки зрения экономической политики Российской империи полное запрещение крестьянской торговли считалось нецелесообразным. Поэтому были установлены лишь ограничения крестьянского торгова, которые нашли свое отражение в указе 1755 г.: крестьянам разрешалось вести торговлю только продуктами своего производства и не ближе чем в 5 верстах от города. Категорически запрещалось продавать казахам «заповедные товары» (ружья, порох, свинец). Но эти ограничения не могли прекратить тайного обмена. Выезжая на охотничий промысел в степь, русские крестьяне продавали казахам и запрещенные товары. Этот обмен и оживление торговых связей на линии способствовали развитию общения русских крестьян с трудящимся населением казахских аулов.

С расширением торговых связей России со среднеазиатскими и восточными рынками усиливалось транзитное значение казахских степей.росло значение караванных путей, соединявших Хиву, Бухару и Ташкент с Оренбургом и Орском, а также путей, связывавших Ургенч и Хиву с Астраханью и Средним Поволжьем. В целях обеспечения безопасности караванной торговли царское правительство принимало различные меры по охране караванов. Вожаками караванов могли быть только влиятельные старшины. Они должны были оставлять в Оренбурге аманатов (заложников) до возвращения караванов. Некоторым султанам разрешалось брать в свою пользу торговые пошлины с караванов азиатских купцов, проходивших через их кочевья.

Под влиянием экономики России в Казахстане начало развиваться земледелие. Казахи, приезжавшие обменивать скот на хлеб, все более знакомились с земледельческим хозяйством русских крестьян пограничных селений. Наблюдения о земледельческом хозяйстве и оседлом быте казахи получали и на «внутренней стороне», за укрепленной линией, куда время от времени казахи перегоняли скот. Большую роль в развитии экономических и культурных связей казахского и русского населения сыграла крестьянская колонизация. Внедрение земледелия в районах, примыкавших к Сибирской линии, было связано с продвижением русской крестьянской колонизации в Западную Сибирь. В 1765 г. были поселены на Ишиме в казахских владениях 10 русских крестьян с сельскохозяйственным инвентарем². В 1766 г. был разрешен вызов на Ишимскую линию «мастеровых людей». Интенсивно росли форштадты³. Так, например, в форштадте Петропавловской крепости в 70-х годах насчитывалось около 200 дворов. К концу XVIII в. в окрестностях крепостей Новой

¹ ЦГАДА, ф. Дела Прав. сената по Кабинету. кн. 90/1167, л. 58 об.

² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1744—1782 гг., д. 10, л. 157 об — 158.

³ Форштадт — селение около крепости.

Ишимской линии существовало 795 дворов крестьян, мастеровых людей и отставных солдат, занимавшихся главным образом земледелием.

Русские крестьяне-переселенцы приносили в Сибирь свой сельскохозяйственный опыт, который постепенно осваивался казахами. Появились очаги земледелия в северных, северо-восточных и центральных районах Казахстана: в районах рек Илека, Иргиза, Тобола, в верховьях Иртыша, Тургая и Нуры. Повысился удельный вес земледелия в западных и северо-западных районах, примыкавших к Оренбургской линии. Расширялись посевы пшеницы и проса. В тех районах, в которых развивалось земледелие, началось тяготение к оседлому образу жизни. В северных районах Казахстана феодальная верхушка строила на своих зимовках деревянные дома, выпрашивая для этого у царской администрации русских плотников. Весной 1765 г. приехавшие на Ишим 20 русских плотников построили зимний дом для султана Аблая и обучили казахское население строить зимние жилища¹. Бедняки, оседая около зимовок, жили в глинобитных домах (землянках). Произошли некоторые изменения и в скотоводческом хозяйстве. В западных и северо-западных районах кочевков Младшего жуза, примыкавших к Оренбургской линии, стало развиваться сенокосение, в силу чего улучшались условия для разведения молочного рогатого скота и для его содержания зимой. В хозяйствах феодальной верхушки строились крытые сараи для мелкого скота.

Усиление экономических связей Казахстана с Россией сказалось и на развитии казахского ремесла и домашней промышленности. Казахское население перенимало у русских ремесленников, селившихся в городах Сибири, их мастерство. У казахов стали развиваться в первую очередь те промыслы, продукция которых находила сбыт на русском рынке (выделка кошм и т. п.). Усилился процесс выделения некоторых видов ремесла (кузнечное, деревообделочное). Часть кузнецов продавала свои изделия. Ремесленники северных районов, изготавливавшие деревянные части юрты, седла и пр., сбывали свою продукцию в кочевые районы. Однако товарное производство в Казахстане во второй половине XVIII в. развивалось еще медленно. Специалистов-ремесленников, продававших свои изделия, было немного. Ремесленное производство было почти не дифференцировано. Кузнецы занимались и ювелирным делом — изготавливали женские украшения. Располагая несложным инвентарем, кузнецы обычно переходили из аула в аул в поисках заказов.

Проживавшие в окрестностях русских городов казахи постепенно вовлекались в извозный промысел и в работу на соляных промыслах в районе Илецкой Защиты, на Коряковском форпосте (ныне Павлодар), на озерах Эльтоп и Нижний Баскунчак. Здесь казахи-бедняки встречались с русскими работными людьми. В процессе начавшегося в 80-х годах XVIII в. освоения богатых месторождений полезных ископаемых в Западном, Центральном и Восточном Казахстане усиливался приток

¹ Омский обл. архив, ф. 1, 1765 г., д. 133, л. 52 об.

на рудники русских работных людей с Урала и крепостных крестьян. В дальнейшем в работу на предприятиях вовлекались и казахи (подвоз к заводам угля и руды). В совместном труде, в тяжелых условиях крепостного гнета крепились дружественные отношения русских и казахских трудящихся. Столкновения казахов с караулами форпостов во время самовольных перегонов скота на так называемую «внутреннюю сторону» (на земли между Яиком и Волгой) и стычки с богатой верхушкой русских селений, заинтересованной в большой запашке, сближали казахскую бедноту с русскими крестьянами, бежавшими в Сибирь от крепостного гнета.

Развитие хозяйства Казахстана тормозилось усилением феодального и царского гнета, а также серьезными осложнениями во внешнеполитической обстановке. В Казахстане во второй половине XVIII в. обострился земельный вопрос. В результате захвата пастбищ казахской феодальной верхушкой и царской администрацией все более сокращалась кормовая база скотоводческого хозяйства трудового населения. В 50—60-х годах XVIII в. султан Аблай, его сыновья и крупные батыры (военная знать) закрепили за собой лучшие зимовки Среднего жуза. Лучшие пастбища составили территорию султанских владений и в Младшем жузе. По мере стеснения кочевий возрастало значение пастбищ по Иртышу и Яику, вблизи русских границ.

Вопрос о зимовках на правой стороне Иртыша и Яика затрагивал жизненные интересы в первую очередь широких масс скотоводов, лишившихся лучших пастбищ.

Поощряя меновую торговлю в пограничных городах, царское правительство стремилось вместе с тем отодвинуть казахов укрепленными линиями вглубь степей. Особенно сложным был земельный вопрос в Младшем жузе. Пастбища на левом берегу Яика, где обычно бушевали метели и бывали глубокие снежные заносы, не могли быть использованы для зимовок. Попытки казахов кочевать в низовьях Волги приводили к столкновениям с калмыцкими феодалами. Переход казахов на «внутреннюю сторону» был запрещен царским указом 1756 г. Не разрешалось также кочевать в районах строившихся крепостей.

Вместе с тем царская администрация нередко разрешала султанам и влиятельным старшинам перегонять свой скот на «внутреннюю сторону». В результате сговора с царской администрацией казахских феодалов для них открывались новые возможности эксплуатации трудящегося населения. Так, например, хан Младшего жуза Нурали категорически запрещал перегонять скот за Яик тем, кто не давал ему лошадей и баранов «во взятку». Поборы скотом делались и в пользу детей хана. Старшины жаловались царской администрации: «Дети ево, хана, коих имеет 40... собирали с народа каждой равную же для себя часть»¹. Требуя дань за пропуск скота на «внутреннюю сторону», Нурали захватывал в плен тех, кто не хотел или не мог удовлетворять его хищнические аппетиты. Царской

¹ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л., 1940, стр. 66.

администрации было хорошо известно, что плата за пропуск скота на «внутреннюю сторону» взимается и в Среднем жузе. Осенью 1769 г. генерал-поручик И. Шпрингер доносил в Коллегию иностранных дел: «Аблай султан тех только киргиз-кайсаки на внутреннюю сторону Иртыша пропускает, которые его дарят»¹. Эти поборы, ложившиеся тяжелым бременем на плечи трудящегося населения, были своеобразной формой земельной ренты. Обязательными оставались для трудящегося населения другие натуральные повинности, взимавшиеся за пользование землей: зякет в скотоводческих районах и ушур в районах земледельческих. В южных районах Казахстана на призимовочных участках феодалов развивалась испольщина, закабальная земледельцев-бедняков.

Патриархально-феодалная знать, прикрываясь общинными формами землепользования и используя с большой выгодой для себя патриархально-родовые пережитки, интенсивно концентрировала в своих руках средства производства — лучшие пастбищные угодья и скот.

В результате земельных ограничений, проводимых царской администрацией, и крупных накоплений скота в руках казахской феодалской верхушки все более ухудшалось положение широких масс казахского крестьянства. Осложнения в земельных отношениях тормозили развитие хозяйства казахских трудящихся. Бескормица и всевозможные феодалские поборы приводили к разорению трудовое население аулов; разорившимся скотоводам приходилось вступать в кабальные сделки с богатой верхушкой аула (саун, жунберу и др.). Бедняки обязывались возвращать с приплодом взятый у биев во временное пользование скот и отрабатывать заем пастбой бийского скота. По мере усиления феодалского гнета отработки приобретали разнообразные формы, выступая нередко под видом традиционной «родовой помощи». Широко применялась эксплуатация труда бедняков, под видом патриархальной «помощи», в устройстве водопоев для скота — глубоких степных колодцев, которые фактически становились собственностью феодалов. Богатые семьи аулов охотно принимали к себе несовершеннолетних членов семей своих сородичей, а также сирот и бедных родственников и широко использовали их в пастбе скота и в домашних работах. Пастухи эти жили в аулах своих «покровителей» и за свой труд получали скудную пищу и одежду. Намереваясь женить опекаемого юношу, «покровитель» выплачивал калым за его невесту, что вело опекаемого к полному закабалению. Таким образом феодалы приспособляли патриархальные институты к развивавшейся феодалской экономике и феодалским отношениям.

Феодалский гнет усиливался и в Среднем и в Старшем жузах. В Среднем жузе этому всемерно способствовала реакционная политика султана Аблая. Став крупнейшим феодалом и стремясь к самовластью, Аблай широко использовал все способы эксплуатации трудящегося населения. Наиболее тяжел был феодалский гнет во владениях султана Аблая и его

¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1744—1782 гг., д. 10, л. 189 об

сыновей. Здесь все лучшие зимовки были изъяты из пользования трудового населения и закреплены за султанами. Таким образом ухудшалась кормовая база скотоводческого хозяйства трудящегося населения; бескормица в зимних условиях вела к большим потерям скота. Скотоводы, получившие разрешение Аблая перегнать скот на правую сторону Иртыша, обязаны были давать ему подарки скотом. Все более увеличивались феодальные повинности трудящегося населения. Аулы, пытавшиеся откочевать из владений султана Аблая и его сыновей, разорялись ханом и его тюленгутами (личная дружина султана). Так, например, жестокую расправу учинил Аблай над джагалбайлинцами, которые отказались платить хану аип¹. Вспоминая страдания казахского народа от произвола и насилий Аблая, Джамбул писал:

Был хан Аблай. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.

Труд эксплуатируемых скотоводов не мог быть производительным; феодальный гнет тормозил развитие их хозяйства, а техника производства была рутинной и отсталой.

Все более усиливались классовые противоречия. Участились самовольные перекочевки казахских аулов на правую сторону Иртыша и Ялика; нередко откочевки трудящихся скотоводов от «своих» султанов и старшин принимали массовый характер. В 1763—1784 гг., например, несколько тысяч хозяйств Среднего жуза родов аргын и найман перекочевало на территорию Джунгарии. Происходили и другие выступления трудовых скотоводов против «своих» феодалов, что вынуждало последних просить царскую администрацию защиты от «наглостей и притеснений» подвластных им аулов.

В середине XVIII в. бегство кулов (рабов) из хозяйств феодалов приняло массовый характер. Бежавшие кулы обычно не возвращались к своим владельцам; они оседали в русских поселениях и городах, что ускорило ликвидацию отживавшего института рабства.

Внутриполитическая обстановка в Казахстане во второй половине XVIII в. характеризуется усилением феодальной борьбы и политической раздробленности. Феодальная междоусобица в Младшем и Среднем жузах разжигалась реакционной группой султанов (Батыром, Абулмамбетом и другими), выступавшей против русской ориентации и пытавшейся захватить ханскую власть у Абулхаира, принявшего русское подданство. Феодальную борьбу в Младшем жузе возглавил старый враг Абулхаира султан Батыр, которому в конце 1748 г. удалось спровоцировать султана Барака на убийство Абулхаира. Но на этом не закончилась борьба за власть в Младшем жузе. После смерти Абулхаира еще более возросло влияние враждебной Абулхаиру группы султанов старшей династии Жади́га, в силу чего положение потомков Абулхаира оказалось очень неустойчивым. Это проявилось при «выборах» в ханы старшего сына

¹ Аип — штраф.

Абулхаира султана Нурали. «Выборы» состоялись в узком кругу старшин и при участии присланного И. Неплюевым переводчика Я. Гуляева. Казахским ханом был «избран» тот, кто был угоден царскому правительству. Однако Нурали не удалось стать ханом всего Младшего жуза: султан Батыр в том же 1748 г. добился своего избрания в ханы, сделавшись владельцем значительной части многочисленного рода шекты.

Младший жуз распался на два ханства. Юго-восточная часть жуза оказалась под властью Батыра; северо-западные районы составили ханство Нурали. Будучи ханом (1748—1786), Нурали стремился распространить свою власть и на Средний жуз, а также пытался с помощью хивинских феодалов стать ханом Хивы. Но со смертью хана Абулхаира владения Среднего жуза для его потомков были потеряны. В центральной части Среднего жуза усиливалась власть султана Аблая, в юго-восточных районах этого жуза до 1751 г. господствовал султан Барак. Старший жуз до 1758 г. оставался под властью Джунгарии. Таким образом, в середине XVIII в. феодальная раздробленность Казахстана еще более усилилась.

Попытка Нурали утвердиться в звании хана Младшего и Среднего жузов не имела успеха. Царское правительство в своей утвердительной грамоте решило именовать его просто казахским ханом. У ханской власти не было прочной социальной опоры. Стремление Нурали значительно ослабить власть и влияние старшин обострили его взаимоотношения с ними¹. Росло недовольство старшин политикой хана. Старшины упорно добивались восстановления своих феодальных прав и требовали от царского правительства устранения Нурали от ханства. Феодальная борьба особенно обострилась в 80-х годах XVIII в.

Несколько иной была внутривнутриполитическая обстановка в Среднем жузе. После смерти султана Барака (1751) у Аблая не оказалось соперников среди султанов. Ханская власть в лице Абулмамбета была номинальной². Султан Аблай, правивший большей частью Среднего жуза, не считался с Абулмамбетом, хотя формально до 1771 г. не был ханом. Западная часть Старшего жуза (общины усуней) также вошла в состав владений Аблая.

Опорой власти Аблая были султаны, его сыновья и другие родственники. Они получили обширные владения и сделались правителями крупных родов. Стараясь укрепить эту «удельную систему», Аблай хотел устранить от власти наиболее влиятельных старшин, а также деспотически пользовался своей властью и кровно-родственными связями. Кроме того, Аблай выдвигал военную знать — батыров, которые могли быть военной опорой его ханской власти и должны были участвовать в его феодальных войнах. Выдвинувшиеся в годы правления Аблая батыры упорно добивались расширения своей власти, стараясь захватить ее у старшин³.

¹ Хан Нурали, вопреки обычаям, не хотел делиться своими доходами с биями.

² Хан Абулмамбет, принявший подданство России в 1740 г., в скором времени стал вассалом джунгарского хунтайджи и оставался зависимым от Джунгарии до конца своего правления.

³ В ближайшем окружении Аблая были батыры Алимбет, Кулсара, Кулебак и др.

Стремясь к самовластию, Аблай не созывал совета биев и не считался с решениями собраний старшин. Аблай присвоил право присуждения к смертной казни старшин и других феодалов, не считаясь с тем, что это право ранее принадлежало собраниям феодальной знати. С целью ослабления своих противников — непокорных старшин — Аблай поддерживал их родовые распри. «Лучшее средство ослабить старшин, — советовал Аблай своим сыновьям-султанам, — это не решать никогда до конца родовых споров»¹. Но Аблаю не удалось сломить власть биев. Крупные би (Казбек, Джаныбек и др.), управлявшие многочисленными родами, фактически были независимыми владельцами и не подчинялись Аблаю. Ненадежной опорой ханской власти была и личная дружина Аблая (тюленгуты), пестрая по своему этническому и социальному составу, состоявшая преимущественно из пленных.

Аблай не сумел объединить феодально раздробленные жузы. Непрочным объединением было и ханство Аблая. Феодальная раздробленность в Среднем жузе все более усиливалась. Стремление Аблая создать казахское ханство по типу отсталых среднеазиатских ханств и обособиться от России выражало реакционную политику Аблая. Эта политика противоречила коренным интересам широких масс казахского народа. Институт ханской власти изживал себя. Феодальная междоусобица и родовые распри усилили процесс распада ханства Аблая.

Обострилась классовая борьба. Важнейшими ее проявлениями во второй половине XVIII в. были участие казахов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. и восстание казахов Младшего жуза под предводительством Батыра Срыма.

Крестьянская война 1773—1775 гг. сливалась с борьбой угнетенных народов Поволжья, Приуралья и Казахстана против феодального и национального гнета. Основной причиной участия казахов в Крестьянской войне был земельный вопрос — недостаток кочевий в результате ограничений со стороны царской администрации и захвата лучших пастбищ казахскими феодалами.

В Крестьянскую войну на первых порах включились казахи Младшего жуза. Ближайшим поводом к этому послужило появление Е. Пугачева в сентябре 1773 г. на Яике. Слухи о продвижении непрерывно пополнявшегося повстанцами отряда Пугачева к Яицкому городку быстро распространялись в казахских аулах. Хан Нурали, узнав о появлении Пугачева, поспешил отправить к нему своего писаря Забира с поручением разведать, «подлинный это государь или нет», и вручить Пугачеву подарки. Это обращение Нурали было использовано Пугачевым для привлечения казахов в войско повстанцев. В знак верности Нурали Пугачев потребовал, чтобы он прислал ему прежде всего своего сына и «лутчих киргисцов 100 человек для учинения присяги»². Однако Нурали не послал Пугачеву аманата и не пополнил его войска. Поддерживая связи с Пугачевым, он в то же

¹ Ч. Валиханов. Соч., под ред. Н. Веселовского. СПб., 1904, стр. 6.

² ЛОИИ. Архив Воронцовых, д. 422, л. 45 об.

время информировал оренбургскую администрацию о продвижении повстанческих отрядов и выражал свою готовность разбить «злодея» Пугачева¹. Царские власти, рассчитывая расправиться с Пугачевым своими силами, потребовали, однако, чтобы Нурали обеспечил безопасность царских форпостов от нападения казахов. С продвижением повстанческого войска Пугачева вверх по Яику ему сдались без боя Илецкий городок, крепость Татищева и другие крепости и форпосты. Крестьянская война все более ширилась, захватив и нынешнюю Западно-Казахстанскую область.

Во время длительной осады Оренбурга Пугачев, придававший большое значение участию в восстании казахов, снова пытался привлечь хаана Нурали к активному участию в Крестьянской войне. Нурали, извлекавший большие выгоды из оказываемых им царской администрации различных услуг, заявил на этот раз Пугачеву о своей верности императрице, после чего Пугачев решил изменить тактику. Через своих посланцев он обратился с воззваниями непосредственно к казахскому народу. В одном из своих «именных указов» 1773 г. Пугачев писал: «Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду вас жаловать верно, нелицемерно землею, водою и травами, и ружьями, и провизантом, реками, солью и хлебом, и свинцом»². «Листы» Пугачева, содержание которых отражало основные нужды казахского народа, быстро распространились в казахских аулах. Ответом на эти воззвания были участившиеся нападения казахов-повстанцев на царские крепости и форпосты. Казахо-повстанцы участвовали и в осаде Оренбурга, а также во взятии Илецкой Защиты. Осенью 1773 г. казахские воины, пригнавшие в ставку Пугачева скот, добровольно остались служить в рядах его войска. Часть казахо-повстанцев входила в отряды башкир.

Популярность Пугачева как руководителя восставших росла среди широких масс казахского народа. После успеха повстанцев на Яике часть казахов Младшего жуза перешла на правую сторону реки и осталась там зимовать. Казахи, кочевавшие в районах, занятых повстанцами, снабжали их скотом в долг. Однако участие казахов в Крестьянской войне на первых этапах ее развития тормозилось двурешнической политикой хана Нурали и колебаниями значительной части султанов. С перемещением центра Крестьянской войны на Южный Урал усилились нападения казахов на сибирские форпосты. Нередко эти выступления сопровождались переходами казахов на «внутреннюю сторону» в районе Петропавловской крепости, в связи с чем потребовались регулярные части войск для усиления ее гарнизона.

Между тем Пугачев, намереваясь совершить нападение на Звериноголовскую крепость, обратился с новым воззванием к казахам, отправив с ним своих людей в Средний жуз. В ответ на воззвание собрание

¹ ЛОИИ, Архив Воронцовых, д. 422, л. 45 об.

² «Пугачевщина», т. I. М.—Л., 1926, стр. 26.

старшин решило послать к нему своих джигитов, чтобы выяснить, куда следует направить казахские отряды. Пугачев пытался использовать и помощь султана Аблая. Однако надежды, возлагаемые на него, не оправдались. Продолжая свою реакционную политику, Аблай старался всячески противодействовать включению казахов в повстанческие отряды и всеми способами подавлял выступления своих аулов.

В то время как поражения повстанческой армии углубляли реакционные настроения в рядах казахской феодальной верхушки, народные массы продолжали упорную борьбу против феодально-крепостнического гнета. Со стороны казахов она выражалась в многократных нападениях на укрепления Яицкой линии. Эти выступления, хотя и не связанные непосредственно с боевыми операциями крестьянской армии, способствовали успехам повстанцев на Урале и в Поволжье. Волнения в казахской степи продолжались и после ухода повстанческой армии к Казани, а затем на правый берег Волги, и после ее поражения, выдачи и казни Пугачева и его соратников. В 1775 г. казахи все еще не верили в казнь Пугачева и упорно ждали его появления. В том же году хану Нурали пришлось снова просить военной помощи у царского правительства для подавления волнений среди казахов.

Несмотря на поражение, Крестьянская война 1773—1775 гг. сыграла большую роль в общем процессе борьбы трудящихся масс против феодально-крепостнического гнета. Участие казахов в Крестьянской войне подготовило почву для дальнейшей борьбы казахских трудящихся против своих феодалов и царского гнета. В совместной борьбе трудящихся масс были заложены глубокие основы дружбы казахского и русского народов.

Новая вспышка восстаний трудящихся казахов произошла в Младшем жузе в конце XVIII в. Основная причина этого движения коренилась в обострении земельного вопроса в Младшем жузе¹. В результате распада Младшего жуза на два ханства для широких масс трудящихся казахов были потеряны кочевья в районе Приаралья и Сыр-Дарьи: казахи владений Нурали вынуждены были продвигаться к берегам р. Урала (Яика). Кочевья, простиравшиеся между Уралом и Волгой, жизненно необходимые казахам, были заняты калмыками-торгоутами. Участвовавшие столкновения с ними из-за зимовок, сопровождавшиеся захватом большого количества скота, были очень разорительными для казахского хозяйства. С 70-х годов XVIII в. часть земель, расположенных между Уралом и Волгой, стала собственностью русских вельмож — А. А. Безбородко и Н. Б. Юсупова. Оставался в силе царский указ 1756 г., запрещающий казахам переходить на «внутреннюю сторону», несмотря на то, что значительная часть калмыков откочевала в 1771 г. в Джунгарию.

Стеснение казахских кочевий царской администрацией, усилившийся захват лучших общинных зимовок феодальной верхушкой подрывали кормовую базу рядового скотоводческого хозяйства. Выражением про-

¹ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 174—179.

теста трудящихся казахов против земельных ограничений и расхвата зимовок были участившиеся самовольные перегоны скота на «внутреннюю сторону». Поблажки, которые делались начальством крепостей для казахской феодальной верхушки, еще более обостряли земельный вопрос для широких масс, так как феодалы стремились использовать лучшие пастбища и на «внутренней стороне» только для своего скота.

Земельные ограничения трудящихся казахов в 80—90-х годах XVIII в. были ярким выражением усиления феодального и колониального гнета. В связи с ликвидацией крестьянского восстания 1773—1775 гг. участились «воинские поиски» в казахских аулах, кочевавших около укрепленной линии. Пограничная барымта¹, сопровождавшаяся разорением мирных аулов, совершалась по разным, нередко вымышленным поводам (невыдача пленных, погрома лугов и пр.). Особенно широко она применялась в районах Нижне-Уральской линии, где организаторами ее были и старшины Уральского казачьего войска.

Росло недовольство рядовых скотоводов политикой Нурали и царской администрации. Политика Нурали вызывала ропот и среди старшин, феодальные права и материальное благополучие которых были ущемлены произволом и алчностью хана². В конце XVIII в. движение переросло в восстание. Движущей силой восстания были казахские крестьяне-скотоводы. К восстанию примкнули также бии и батыры, недовольные политикой хана и его султанов. Среди них выдвинулся крупный феодал, старшина рода Байбакты, Батыр Срым, под управлением которого состояло 2 тыс. хозяйств.

В то время как казахское крестьянство стремилось избавиться от феодального гнета, произвола хана, а также от «воинских поисков» царских карательных отрядов, патриархально-феодальная знать упорно добивалась укрепления своей власти и феодальных прав, пытаясь использовать антифеодальное народное движение в своих классовых интересах. В этой сложной обстановке с ее острыми классовыми противоречиями удар восстания направлялся против ханской власти Нурали.

Восстание было ответом на захваты лучших кочевий феодалами и на земельные ограничения царской администрации, и участие казахского крестьянства в этом движении было исторической необходимостью. Ближайшим поводом для возникновения этого движения послужили события 1782—1783 гг., когда во время воинских поисков у казахов, самовольно перешедших на «внутреннюю сторону», было угнано более 4 тыс. лошадей. Не менее тяжелыми были последствия сильных джудов³, охвативших обширные районы.

¹ Барымта — здесь отгон скота у казахов в наказание за набеги на укрепленную линию.

² См. «Представление собрания старшин имп. Екатерине II о насилиях хана Нурали и его братьев в жузе 1785 г.». «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 62—65.

³ Джуд — падеж скота от бескормицы, вызванной гололедицей, буранами и т. п.

Волнения среди казахов начались в западных районах Младшего жуза в частности в междуречье Урала и Эмбы. На первых порах они не носили массового характера. Повстанческие отряды возглавлялись обычно старшинами отдельных родов. Среди них выдвинулся Батыр Срым. В одном из многократных столкновений казахов с отрядами Уральского казачьего войска Батыр Срым захватил в плен атамана Чаганова и продал его в рабство в Хиву. Пограничное начальство, узнав об этом, потребовало немедленно вернуть Чаганова, а также выдать Батыра Срыма в качестве заложника. В 1783 г. Срым, ставший жертвой предательства хана Нурали, был захвачен карательной экспедицией и заключен в тюрьму. Получив освобождение лишь весной 1784 г., Батыр Срым приступил к организации вооруженных отрядов из числа недовольных ханом старшин и крестьян-скотоводов.

К началу 1785 г. в повстанческих отрядах было уже более 6 тыс. чел. Повстанцы проникали небольшими группами в тыл карательных отрядов, разоряли аулы хана и султанов. К началу лета 1785 г. многие аулы хана откочевали к Срым; Нурали не удалось вернуть их.

Чтобы предотвратить дальнейшие волнения среди казахов, генерал-губернатор края О. А. Игельстром решил установить непосредственные связи со старшинами восставших родов. С этой целью им были вручены открытые листы, в которых участникам восстания было обещано прощение царского правительства. Широкое собрание старшин, обсудив обращение Игельстрорма, в свою очередь потребовало устранения Нурали от ханства¹. Тем временем повстанческие отряды усилили свои нападения на аулы хана и султанов, захватывая в большом количестве их скот. Весной 1786 г. Нурали бежал за Урал и отдался под покровительство царской администрации. 3 июня 1786 г. Екатерина II подписала указ об отстранении Нурали от ханской власти, после чего Нурали был вызван в Оренбург, а затем отправлен в Уфу.

С упразднением ханской власти царское правительство намеревалось приблизить управление в Младшем жузе к общероссийской системе управления и поставило вопрос об образовании пограничного суда. Попыткой разрешить вопросы нового порядка управления в казахских жузах был проект Игельстрорма («реформа Игельстрорма»), одобренный и утвержденный в дальнейшем в Петербурге. Новый орган управления жузом — пограничный суд, с постоянным местонахождением в Оренбурге, состоял из представителей казахской феодальной знати и царской администрации. Пограничному суду подчинялись расправы — административные органы, состоявшие из родовых старшин². Таким образом, ликвидация ханской власти усиливала власть старшин. Пограничный суд открылся в Оренбурге в 1786 г.; в следующем году появились на местах расправы. Но в скором времени обнаружилась нежизнеспособность этих органов. Рас-

¹ «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, док. 9 (1).

² Там же, док. 12 и 16.

правы ни разу не собирались; наиболее влиятельные старшины не вошли в их состав.

Волнения среди казахов 1785—1787 гг. имели некоторые результаты. Царские власти несколько ограничили воинские поиски в казахских аулах. При этом значительно сократилось число пленных казахов. Многим старшинам давалось разрешение перегонять свой скот на правую сторону Урала. Однако эти уступки царского правительства были кратковременными. Оренбургский губернатор А. А. Пеутлинг, стоявший за восстановление ханской власти, постарался установить связи с некоторыми султанами и старшинами, которые хотели сохранить ханскую власть. Казацьи отряды атамана Донского усилили свои «воинские поиски» в казахских аулах. Эти меры вызвали ответные нападения казахов на пограничную линию, что в свою очередь послужило поводом для отправления в казахскую степь новой карательной экспедиции. Волнения в жузе все более усиливались и в связи с распространившимися слухами о восстановлении ханской власти.

Во время начавшегося нового подъема движения все глубже размежевывались классовые силы внутри движения. Казахское крестьянство боролось не только против насилий султанов и воинских поисков карательных отрядов; оно выступало и против «своих» старшин, оказывавших царской администрации различные услуги и получавших за это различные поблажки. Но размежеванию классовых сил внутри движения в сильной степени мешали устои патриархально-родового быта, тормозившие развитие классового сознания. Неблагоприятно сказалась на развитии движения реакционная роль патриархально-феодальной знати и мусульманского духовенства, а также сближение Батыра Срыма с некоторыми реакционными элементами, пытавшимися использовать борьбу казахских трудящихся в своих классовых интересах.

В конце августа 1791 г. в Орской крепости в присутствии генерал-губернатора состоялась церемония «выборов» нового хана. Весть об «избрании» в ханы ненавистного народу султана Эралы, брата Нурали, вызвала возмущение народных масс. Повстанцы стали упорно разорять аулы старшин, изменивших движению. На этом этапе подъема народного движения более определенно выявилась непоследовательность Батыра Срыма: отказавшись от требования ликвидации ханской власти, Батыр Срым вместе со многими старшинами добивался избрания «послушного» им хана.

Сближение Батыра Срыма с султаном Абулгазизом противоречило коренным интересам народных масс, так как Абулгазиз являлся орудием в руках бухарских и хивинских феодалов, добивавшихся отторжения казахских земель от России. Происки бухарских и хивинских феодалов поддерживало мусульманское духовенство. Оно помогало и появившимся в это время в Хиве и Бухаре турецким агентам, которые с помощью хивинского хана пытались поднять казахов против России. Но их агитация

не имела успеха¹. Попытка Батыра Срыма заставить подвластные ему аулы откочевать в Хиву была встречена враждебно.

В 90-х годах восстание развернулось с новой силой. Выступая против старшин, намеревавшихся восстановить ханскую власть, повстанцы усилили свои нападения на их аулы и на пограничные форпосты, посылавшие в степь карательные отряды. В конце сентября 1792 года казахи-повстанцы напали на Илецкий городок, но взять его не сумели. После этой неудачи отряды повстанцев стали действовать более стремительно, совершая внезапные и смелые нападения на аулы ненавистных им султанов и старшин. Местами восстание выливалось в форму партизанской войны. Население аулов помогало повстанцам. Атаман Уральского казачьего войска Д. Донсков утверждал, что сочувствующие восставшим аулы «не толико не препятствуют им в злодеяниях, но еще, скрывая путь их, дают им убежища». Не мог подавить восстания и новоизбранный хан Есим², захвативший в плен нескольких сторонников Срыма и выдавший их царским властям. Стихийные бедствия 1795—1796 гг. (падеж скота и голод), разорившие большое количество аулов, еще более активизировали повстанцев. Весной 1797 г. хан Есим был убит повстанцами, его аулы разграблены.

После смерти Есима по инициативе Игельстрома был образован ханский совет³. Начавший свою деятельность в августе 1797 г. ханский совет не нашел поддержки среди султанов: часть их признала ханом Младшего жуза Каратая. Осенью 1797 г. в состав ханского совета вошел и Батыр Срым. На одном из собраний Батыр Срым заявил о своем намерении прекратить борьбу. Это заявление он осуществил в октябре 1797 г. Дальнейшая судьба Срыма неизвестна⁴.

Поражение восстания, продолжавшегося около 14 лет, было вызвано в первую очередь общими причинами поражения крестьянских движений феодального периода (стихийность, неорганизованность, отсутствие ясной программы борьбы), а также причинами, вытекавшими из специфики социальных отношений в Казахстане XVIII в. (живучесть патриархально-родового быта). Поражению восстания способствовала предательская политика некоторых представителей патриархально-феодальной знати и их

¹ Об этом писал 15 августа 1788 г. в Коммерц-коллегию командир Астраханского казачьего полка Г. В. Персидский: «На сих днях из Киргиской орды возвратился посыланной из татар старшина...; он верно ведал, что в Бухарии и Хиве есть турок 7 человек, присланных от Порты, которые стараются посредством тамошнего хана развратить киргисцов, но поныне ни малейшаго в том успеха не имеют» («Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 103, док. 31).

² Хан Эралы умер в 1794 г. Царское правительство решилось избрать нового хана Есима только в 1795 г.

³ Ханский совет, возглавляемый султаном Айчуваком, состоял из 6 старшин и представителя царской администрации, муфтия Хусаинова.

⁴ По фольклорным данным, Срым, преследуемый султаном Каратаем, бежал в Хивинское ханство, где был отравлен. В некоторых архивных материалах имеются указания на то, что Срым откочевал к Сыр-Дарье и умер там в своем ауле.

стремление использовать народное восстание в своих классовых интересах. Стойкость повстанцев была значительно ослаблена неравной борьбой с хорошо вооруженными частями регулярных войск и хозяйственным кризисом (джут, голод).

Восстание 1783—1797 гг., бывшее в своей основе антифеодальным народным движением,— крупный этап в истории казахского народа. Оно способствовало ликвидации ханской власти, росту классового сознания и развитию классовой борьбы. Несмотря на внутренние противоречия, оно имело прогрессивное значение. Внешнеполитическое положение Казахстана во второй половине XVIII в. также было сложным. Еще не была ликвидирована военная опасность со стороны Джунгарии. На территорию Казахстана претендовали Хивинское ханство и Цинская империя.

В 50-х годах враждебный казахскому народу и России хивинский хан Каип с помощью своего сына султана Батыра, а также туркменских и каракалпакских феодалов (подданных Хивинского ханства) пытался захватить владения Младшего жуза на Сыр-Дарье.

В 60-х годах в Хиве резко обострилась борьба между узбекскими феодалами, во главе которых стоял инак Мухаммед Эмин, родоначальник кунградской династии, и племенными вождями туркменского племени иомудов. Обращение Мухаммед Эмина за помощью к хану Нурали вызвало в 1767 г. крупное вторжение туркменских феодалов в казахские владения, сопровождавшееся разорением аулов, захватом большого количества пленных и скота. Вскоре после победы над туркменскими феодалами в 1770 г. Мухаммед Эмин и его приверженцы сделали хивинским ханом одного из внуков Абулхаира, султана Акыма. Однако «мир» хивинских и казахских феодалов оказался непрочным: в 1772 г. Акым был изгнан из Хивы; вновь возникла опасность нападений хивинских беков на территорию Младшего жуза. В свою очередь съезд казахских старшин Младшего жуза решил совершить военный поход на Хиву, рассчитывая на участие в нем приаральских казахов и трудящихся туркмен, которые, как подданные хивинского хана, были обременены феодальными повинностями и налогами. Однако этот поход не состоялся¹. Царское правительство, заинтересованное в торговых связях с Хивой и Бухарой, постаралось и на этот раз не допустить военного столкновения казахов со среднеазиатскими ханствами.

В 50—60-х годах XVIII в. осложнилось положение и на западных границах Младшего жуза: обострилась борьба с волжскими калмыками за зимовки, расположенные по побережью Каспийского моря, между Волгой и Яиком. В этих зимовках особенно нуждались рядовые казахи-скотоводы поколения Байулы. Многократными набегами калмыцкие феодалы (тайши) разоряли казахские аулы, захватывали большое количество скота во время зимних переходов казахов на правую сторону Яика.

¹ О казахско-хивинских отношениях см. *М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. М.—Л., 1941, стр. 158—160; его же. Батыр Срым, стр. 171—173.*

Внешнеполитическое положение Среднего и Старшего жузов осложнялось взаимоотношениями с Джунгарией. В середине XVIII в. Джунгария, раздираемая феодальной междоусобицей, переживала тяжелый кризис, особенно обострившийся в 1750 г. с воцарением хунтайджи Ламы Дорджи¹. Нойоны Амурсана и Даваца пытались захватить власть в Джунгарии, но их заговор был раскрыт, и им пришлось бежать в Средний жуз. Беглецам удалось найти приют во владениях Аблая, который рассчитывал использовать их в случае военного вторжения джунгаров. Отказ Аблая выдать беглецов еще более осложнил взаимоотношения Среднего жуза с Джунгарией. Лама Дорджи, по примеру своих предшественников, решил совершить военное нападение на Казахстан. В 1751 г. джунгары дважды вторгались на территорию Среднего жуза, захватывая скот и пленных, опустошая аулы. Посланный на границу Джунгарии капитан Яковлев, сообщая о результатах своей разведки в казахских аулах, пострадавших во время нашествия джунгаров, писал: «Оттого их (казахов.— *Н. А.*) скот весьма худ, да и кибиток очень мало ставят. Степи же во многих местах от опасности выжжены киргизами, и ныне очень тесно кочуют»². Царская администрация, пытаясь предотвратить дальнейшую агрессию Джунгарии и стараясь заставить Ламу Дорджи не нарушать мира и с Россией, требовала от Аблая отправления нойонов в Оренбург. Аблай явно затягивал выполнение этого требования. Политика Аблая еще более обострила положение на восточных границах жуза.

В 1752 г. произошло новое вторжение джунгаров в казахские степи с целью «поиска» нойонов. Во время этого нападения, по рассказу капитана Яковлева, за Тоболом и Уем не осталось ни одной души, а за р. Убаганом и между Тоболом и Тогузаком все степи были выжжены³. Казахское ополчение, выступившее в поход весной 1753 г., нанесло сильное поражение джунгарам. По словам участвовавших в этом сражении пленных джунгар, «силы с их (джунгарской.— *Н. А.*) стороны были наполовину побиты, а земля в самое крайнее разорение пришла»⁴.

Ламе Дорджи, серьезно обеспокоенному возможностью военного вмешательства России, не удалось совершить нового похода на Средний жуз⁵. Нойон Даваца, захватив власть в Джунгарии, через своих послов обещал Аблаю выдать всех пленных казахов. Однако феодальная междоусобица в Джунгарии еще более усилилась. В 1754 г. Амурсана сделал попытку свергнуть Даваца, но эта попытка не имела успеха. Амурсана бежал

¹ Иакинф (Бичурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков, начиная с XV столетия. СПб., 1834, стр. 194—106; *П. Рычков*. Топография Оренбургская, ч. I. СПб., 1762, стр. 39—41.

² АВПР, ф. Джунгарские дела, 1752—1753 гг., д. 5, л. 53 об.—54.

³ Там же, л. 58 об., 79 об. Рапорт бригадира Крафта в Коллегию иностранных дел 22 декабря 1753 г.

⁴ Омский обл. архив, ф. 1, 1753 г., д. 30, л. 103, 110 об.

⁵ В документах имеются указания, что джунгарские правители лишь потому не захватили всю территорию Младшего и Среднего жузов, что они «от России великое опасение имеют».

к китайскому богдыхану, рассчитывая продолжать борьбу с Давацци при военной помощи Цинской империи. Между тем Аблай решил совершить новый поход в Джунгарию, намереваясь использовать желание народных масс навсегда прекратить джунгарские набеги. В памятниках героического эпоса рассказывается об успешных походах казахов вглубь Джунгарии¹.

В свою очередь правительство Цинской империи решило уничтожить Джунгарию как государство, расчленив ее на четыре части, по числу населивших ее племен. В 1755 и 1758 гг. крупные вторжения цинских войск положили конец Джунгарии как государству. Джунгары были разгромлены, почти все население Джунгарии истреблено. На границах завоеванной Джунгарии цинское правительство создало военную линию, значительно стеснявшую кочевья казахов Среднего и Старшего жузов². Трудящиеся казахи должны были ежегодно платить крупную дань цинскому правительству, поставлять для военных походов отряды, снабженные запасами продовольствия. Собирая дань, военные отряды грабили казахские аулы. Особенно тяжелым было положение Старшего жуза, население которого еще более страдало от произвола цинских военных властей.

Политика цинских феодалов не имела ничего общего с интересами китайского народа, неоднократно пытавшегося освободиться от феодального гнета.

В конце XVIII в. южные районы Старшего жуза оказались под властью Кокандского ханства. Трудящееся население этих районов несло бремя двойного гнета кокандских и казахских феодалов. Кроме ушура (десятины), в земледельческих районах взимался харадж, составлявший около $\frac{2}{3}$ урожая. Кабальный характер носила издольщина; тяжелы были и другие формы феодальной эксплуатации.

Широкие слои казахского населения тяготели к России, с помощью которой они надеялись избавиться от военных нападений и жить в мире. К концу XVIII в. участились откочевки казахов Среднего жуза к русским границам по правую сторону Иртыша. Значительно возросло тяготение Старшего жуза к России. Все более очевидной становилась историческая необходимость присоединения всего Казахстана к России.

Изменения в экономике Казахстана, происходившие во второй половине XVIII в., оказывали влияние и на развитие культуры казахского народа.

Со второй половины XVIII в. началось изучение истории и географии Казахстана русскими учеными. Карта, составленная С. Ремезовым, уже не удовлетворяла требованиям развивавшейся русской науки, и в первой четверти XVIII в. были собраны новые топографические сведения и сделаны ландкарты экспедициями А. Бековича-Черкасского (1714—1715), А. И. Кожина (1718) и др. Много сделала для изучения Казахстана возглавлявшаяся И. Георги и П. Палласом Академическая экспедиция 1767—

¹ Архив ИЯЛ АН Казахской ССР, «Батырлар», т. V, стр. 337—352.

² Казахам запрещалось кочевать дальше р. Аягуза.

1768 г., собравшая ценные сведения по истории и географии Казахстана и продолженная путешествием И. Фалька. Ценным вкладом в изучение Казахстана был труд П. Рычкова «Топография оренбургская» (1762); на основании многолетних личных наблюдений и архивных материалов в ней дано подробное историко-географическое и экономическое описание обширного Оренбургского края. К этой работе были приложены карты, составленные геодезистом И. Красильниковым. Напечатанные впервые в 1780 г., они не утратили своего научного значения до настоящего времени.

Изучение Казахстана производилось с помощью казахов, сопровождавших русских путешественников в качестве проводников. В их рассказах ученые черпали ценный фактический материал. В общении казахского народа с населением русских окраинных городов и селений развивался казахский язык, обогащаясь за счет словарного фонда богатого русского языка, отражая новое в хозяйстве и в быту казахского народа.

Грамотность у казахов в XVIII в. была еще на очень низком уровне: грамотными были только служители мусульманского культа (ходжи и муллы) и некоторые представители феодальной верхушки. Обучение грамоте в казахских школах заключалось лишь в заучивании арабского алфавита и молитв на арабском языке, собранных в учебнике «Шараит-уль-иман» («Условия веры»), а также в чтении Хафтияка (сборника, составляющего седьмую часть Корана) и, наконец, в чтении самого Корана. Только сыновья крупных феодалов могли продолжать свое учение в медресе (высшая духовная школа), где они изучали арабскую философию и религиозное мусульманское право (шариат). В Казахстане во второй половине XVIII века не было казахских светских школ и обучения на родном языке. Господствовавшие арабский алфавит и арабская письменность, недоступные народу, тормозили развитие казахской письменности.

В 1789 г. в Омске открылась «азиатская школа», которая должна была готовить переводчиков и писарей для местной администрации. «Азиатская школа» предназначалась для обучения детей богатой верхушки. В ней преподавались русский язык и русская письменность. Позднее в «азиатской школе» были созданы топографический и землемерный классы¹. В 1765 г. в Омске, Петропавловске и Ямышеве (на Иртыше) открылись русские «гарнизонные» школы, но в них дети казахов обучались редко.

Устное творчество казахского народа во второй половине XVIII в. развивалось в двух направлениях: в творчестве народных акынов, отражавших думы и чаяния трудового народа, и в произведениях феодальных акынов (Бухар-Жирау и др.), воспевавших ханскую власть, патриархально-феодальные устои и родовые традиции. Господство патриархально-родового быта в общественной жизни казахов тормозило борьбу с феодальной идеологией, а порой сказывалось и в творчестве народных акынов.

¹ «Азиатская школа» просуществовала до 1836 г. Массовое открытие в Казахстане русских школ («русско-киргизских») происходило лишь в последней четверти XIX в.

Наиболее распространенным жанром устного творчества XVIII в. был «жир» — повествование в прозе с стихотворным речитативом разговорной речи, исполнявшееся под аккомпанемент кобыза.

Крупные события XVIII в., связавшие историю казахского народа с историей русского народа и нашедшие отражение в различных памятниках фольклора, придавали им нередко своеобразный публицистический характер. Утрачивая в процессе длительного бытования злободневность, памятники народного творчества в устах акынов нередко приобретали форму эпических поэм, посвященных различным историческим событиям, в частности борьбе казахского народа с джунгарами, движению казахов 80—90-х годов и т. д. Произведения о героической борьбе казахского народа с джунгарской агрессией проникнуты глубоким патриотизмом. Песни народных акынов разоблачают ханскую власть, ее произвол и насилие (песни о султанах Аблае, о хане Нурали). Песни, посвященные Срымму, в большинстве случаев идеализируют его личность, не вскрывая социальных противоречий руководимого им движения.

Развивалась глубоко самобытная музыкальная культура. Наиболее распространенная форма песенного творчества — «терме» — небольшая, однородная по ритму мелодия речитативного склада; она составляла основу поэтических импровизаций акынов. Широко распространенными музыкальными инструментами были: домбра (щипковый двухструнный инструмент) и кобыз (смычковый инструмент с полым ковшеобразным корпусом, выгнутым грифом и смычком в виде лука).

Музыкальная культура развивалась в творчестве профессиональных певцов (оленши, анши) и музыкантов (кюйши), а также исполнителей, сочетавших искусство пения, сопровождавшееся игрой на инструменте, с искусством поэтических импровизаций.

Отражая классовые противоречия между трудовым народом и феодально-бйской верхушкой, музыкальная культура казахского народа второй половины XVIII в. не была однородна по своему идейному содержанию. Широкое распространение имели музыкальные произведения, являвшиеся импровизациями на темы повседневной трудовой деятельности: койши — трудовые песни пастухов и бедняков, песни на сюжеты из лирико-бытовых поэм «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», исторические песни.

2

УЗБЕКИСТАН

Территория Узбекистана во второй половине XVIII в. оставалась разорванной между тремя ханствами — Бухарским, Хивинским и Кокандским — и более мелкими феодальными владениями. Кроме узбеков, составлявших большинство населения, и таджиков, в ханствах жили туркмены, казахи, киргизы, евреи, индийцы, иранцы, русские (последние, в числе до 2 тыс. чел., — в качестве военных слуг и рабов).

Среди узбекских ханств середины XVIII в. самым крупным по территории и населению было Бухарское. Столица его город Бухара, имевший около 15 тыс. дворов, т. е. до 80 тыс. жителей¹, был окружен густо населенными районами, покрытыми садами и пашнями поливного земледелия. Русских путешественников XVIII в. поражало замечательное искусство и трудолюбие земледельцев, тщательно возделывавших каждый метр площади и умевших вырастить высокий урожай пшеницы, ячменя, риса, проса, джугары, кунжута, хлопка и табака на поливных землях, при крайней примитивности земледельческих орудий².

Наряду с земледелием, являвшимся в XVIII в. занятием основной массы трудящегося населения ханства, здесь в течение многих веков развивались домашняя промышленность и городские ремесла. В сельском хозяйстве издавна возделывались масличные, красильные, лекарственные растения и в широком размере хлопок и шелк.

Хотя в первой половине XVIII в. в связи с междоусобными войнами, вторжениями кочевников и Надир-шаха земледелие и ремесло Бухарского ханства были сильно подорваны, все же к концу этого столетия, как видно из свидетельств современников, хозяйство, благодаря усилиям крестьян и ремесленников, было в некоторой степени восстановлено и продолжало развиваться.

Ф. Ефремов отметил широкое развитие в Бухаре хлопководства, шелководства, садоводства, каракулеводства и ткачества³. П. И. Рычков считал хлопок и шелк «главными продуктами бухарской промышленности»⁴. «Разведение хлопчатой бумаги составляет также немаловажный предмет промышленности жителей Бухары,— сообщает Бурнашев,— зерна отделяют [от хлопка]... на особых станках. Бухарцы прядут хлопчатую бумагу и делают из нее различные ткани как для собственного употребления, так и для отпуски в Россию и другие места. Немалое также количество вывозится оттуда сырой бумаги» (хлопка)⁵. В составе продукции мелкой текстильной промышленности Ефремов упоминает разнообразные шелковые и бумажные ткани, «кои отвозятся в другие земли»⁶.

Хотя некоторые русские путешественники XVIII в. и называют текстильные предприятия среднеазиатских городов «фабриками», однако это

¹ Показания грека Николая Григорьева, записанные в 1752 г., опубликованы В. В. Вельяминовым-Зерновым в кн. «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр-Хана (1748—1765 гг.)», т. I, Уфа, 1853. Прилож., стр. 14 (далее: *Н. Григорьев*. Указ. соч.).

² *Т. С. Бурнашев*. Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. I—III, стр. 76; *Н. Муравьев*. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. I. М., 1822, стр. 88.

³ «Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию». СПб., 1794, стр. 36. (далее: *Ф. Ефремов*. Указ. соч.).

⁴ «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неустроева». М., 1949, стр. 107.

⁵ *Т. С. Бурнашев*. Указ. соч., стр. 76—77.

⁶ *Ф. Ефремов*. Указ. соч., стр. 36.

были лишь ремесленные мастерские, наряду с которыми широкое распространение имела домашняя промышленность¹.

Бухарцы получали основные металлы из России, а золото и серебро — также из Индии, Персии и Китая; у себя они добывали свинец, серу, купорос, нашатырь, квасцы, селитру и соль. Плавка руд производилась примитивным способом, в небольших горнах².

Кроме столицы Бухары торгово-промышленное значение имели Самарканд, Карши, Джизак, Катта-Курган, Кермине, Хатырчи и другие более мелкие города.

Значительную часть населения Бухарского ханства составляли кочевые и полукочевые скотоводческие узбекские племена — мангиты (мангыты), кенегесы, китай-кипчаки, минги, катаганы, кунграты (конграты) и др. Большинство узбекских племен Бухарского ханства находилось уже в процессе оседания или полuosедлости. В то время как трудящиеся-кочевники, теряя скот и разоряясь вследствие эксплуатации их богатыми скотовладельцами — биями, оседали на земли и постепенно сливались с исконным земледельческим населением, сами бии и эмиры кочевых племен разными путями приобретали феодальные земельные владения (особенно в округах поливного земледелия), а вместе с тем и феодальные права на крестьянское население. Землевладельцы старались получать на свои земли иммунитетные права путем превращения их в «милки хурри холис», т. е. в обеленные имения. Феодальная зависимость крестьян от этого резко увеличивалась.

Во второй половине XVIII в. земельные участки в Бухаре приобрели характер товара в такой степени, что, с одной стороны, возможна была быстрая распродажа значительных имений³, а с другой — концентрация земельной собственности в руках отдельных магнатов.

Хивинское ханство отделялось от других узбекских ханств большим пустынным пространством, чем объясняют некоторую отсталость общественного развития в этом ханстве по сравнению с Бухарским⁴. Кочевые племена Хивинского ханства в большинстве своем еще не стали полuosедлыми и в XVIII в. Процесс их оседания, конечно, начался раньше, но широко развернулся лишь в конце XVIII и в XIX в. Начиная с 60-х годов XVIII в., в Хивинском ханстве производились некоторые ирригационные работы. Так, каракалпаки провели канал от Аму-Дарьи до сел. Кенегес: в 70-х годах хивинцами были построены плотины на протоках, впадавших в оз. Даукара; в дельте Аму-Дарьи были проведены новые арыки и расширены участки обрабатываемой земли. Развивалось в Хорезме и ремесло.

В середине XVIII в. территория Кокандского ханства ограничивалась центральной частью Ферганской долины, причем северо-восточной ее

¹ Н. Григорьев. Указ. соч., стр. 20; Т. С. Бурнашев. Указ. соч., стр. 80.

² Т. С. Бурнашев. Указ. соч., стр. 83.

³ Н. Григорьев. Указ. соч., стр. 13.

⁴ П. П. Иванов. Удельные земли сейид Мухаммед-хана хивинского (1856—1865). ЗИВ АН СССР, вып. VI, 1937, стр. 30.

частью владели киргизские правители¹. Кокандское ханство в конце XVIII в. по своей территории было уже больше Хивинского. Историк Мир Абдулкарим Бухари, живший в начале XIX в., причислял к нему даже такие города с их областями, как Ходжент и Ташкент².

Производительные силы в Кокандском ханстве во второй половине XVIII в. росли довольно быстро; в этот период были проведены новые оросительные каналы и наблюдалось оседание на землю кочевников³, рост ряда городов, например Коканда и Намангана. В Ферганской долине было развито производство хлопка, шелка и изделий из них, как для собственного употребления, так и на вывоз.

Относительно производительных сил Ташкентского владения современники отмечают, как и для Коканда, их рост во второй половине XVIII в. Были развиты хлопководство, шелководство и садоводство. Хлопок и шелк как свой, так и купленный в соседних владениях, по словам побывавшего в Ташкенте в 1800 г. горного чиновника Поспелова, «обрабатывают на разные ткани, как для себя, так и на продажу посторонним, чем и занимается большая часть людей обоого пола. Дело сих тканей в Ташкенте, как и сами тамошние жители признаются, в чистоте уступает еще другим владениям»⁴.

Поспелов писал, что «хотя в Ташкентском владении урожай хлеба всегда бывает изобильный (сам-20 и более) и в посеве оного многие упражняются, однакож таковых, кои занимаются другими ремеслами, гораздо более и потому большого запаса [хлеба] в нем (т. е. в Ташкенте.— *Ред.*) не предвидится».

Поспелов высоко оценил трудовые навыки и традиции жителей Ташкента, отметив вместе с тем крайне тяжелое положение ташкентских ремесленников⁵. Не лучше было оно в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Работая с 4—5 часов утра до позднего вечера, ткач мог соткать самое большее 4—6 аршин ткани и за свой напряженный труд, требовавший долголетней выучки, редко получал вознаграждение, достаточное для того, чтобы прокормить свою семью.

По свидетельству Поспелова и Бурнашева, жители Ташкентского владения в конце XVIII в. мало занимались скотоводством, хотя для этого и имели удобные места по р. Чирчику: «Они находят для себя выгоднее упражняться в земледелии и в рукоделиях и на сии уже выменивают

¹ П. П. Иванов. Казахи и Кокандское ханство. К истории их взаимоотношений в начале XIX в. ЗИВ АН СССР, вып. VII, 1939, стр. 97.

² *Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadire-Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818). Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Paris, 1876, p. 53.*

³ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 20—28 и сл.

⁴ «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., изд. Я. Ханыкова». «Вестник РГО», кн. I, ч. 1, отд. VI, 1851, стр. 33—34.

⁵ Там же.

сколько нужно скота, более от киргизцев. Впрочем, имеющегося у них скота держат или на полевом корму или довольствуют посеянной нарочно для того травой, также ячменем и соломою»¹. Кроме пшеницы и ячменя, упоминается культура риса и проса. Орудием земледелия в конце XVIII в. служила железная соха, укрепленная на деревянной «криулине с оглоблями, но без колес». Все путешественники отмечают в Ташкенте обилие садов и разнообразие фруктов.

Железную руду «ташкентцы» добывали в отрогах Алайского хребта, свинцовую — в Кара-Тау. Плавка руд и литье, как и в Бухарском ханстве, были примитивны².

Мирный земледельческий народ — каракалпаки жили главным образом в низовьях рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, занимаясь землепашеством и скотоводством³.

Состояние внутренней торговли в узбекских ханствах очень скудно освещено источниками и крайне слабо изучено. Появление во второй половине XVIII в. новых городов и значительных поселений, в которых имелись рынки и велась оживленная торговля, а также наличие в городах крупных торговцев, ссужавших займами ханов и пытавшихся вмешиваться в политическую жизнь страны⁴, свидетельствуют о большем развитии торговли, чем в первой половине века.

Рост производительных сил и внутреннего обмена были основой процесса некоторой консолидации внутри ханств. Однако утверждение П. П. Иванова, что к концу XVIII в. в Бухаре «завершилось образование внутреннего рынка»⁵, все же преувеличено.

О росте внешней торговли ханств изучаемого периода имеются прямые свидетельства современников. Т. Бурнашев видел в Бухаре девять двухэтажных каравансараяв, специально приспособленных для приема приезжих купцов, где оплата за хранение товаров взималась соразмерно времени их пребывания в каравансарае⁶. Н. Григорьев отметил, что еще в 40—50-х годах XVIII в. бухарцы вели оживленную караванную торговлю с Ираном, Индией, Афганистаном, Ташкентом, Казахстаном и особенно с Россией⁷.

В Казахстан из Средней Азии вывозили хлопчатобумажные ткани и шитое из них платье в обмен на лошадей, баранов, пушнину и шерстяные изделия⁸.

Торговля с Россией уже с XVI в. была важнейшим направлением внешней торговли узбекских ханств. Это подтверждается многочисленными посольствами Бухары и Хивы, весьма часто отправлявшимися в Москву и

¹ «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.», стр. 34—35.

² Там же, стр. 26—36.

³ Т. С. Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары..., стр. 43.

⁴ «Убайдулла наме». Рукопись. ИВУз, № 1532, л. 53 а и б, 137 б, 138 б, 201 а и сл.

⁵ П. П. Иванов. Казахи и Кокандское ханство, стр. 98.

⁶ Т. С. Бурнашев. Указ. соч., стр. 68, 73.

⁷ Н. Григорьев. Указ. соч., стр. 23—24.

⁸ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. 1889, стр. 102, 105 и 107

Петербург¹ а также данными о ввозе в Россию товаров из Средней Азии и вывозе туда русских товаров. После присоединения Казахстана к России и основания г. Оренбурга торговые сношения с Россией приняли регулярный характер. Другие торговые пути шли через Сибирь. Главными предметами вывоза из Средней Азии в Россию в XVIII в. были хлопчатобумажная пряжа и хлопок-сырец, шелк, хлопчатобумажные и шелковые ткани, каракуль и драгоценные металлы. Из России в ханства привозили железо, медь, олово, чугун (в изделиях), сукно и другие ткани, русские и иностранные краски, пушнину. С конца XVIII в. среднеазиатские ханства стали важным рынком сырья для русской промышленности и рынком сбыта русских промышленных изделий. Экономические связи с Россией способствовали развитию в Средней Азии мелкого товарного производства и товарно-денежных отношений.

Из приведенных, хотя и отрывочных, сведений о земледелии, скотоводстве, ремесле и торговле народов Узбекистана все же видно, что, при натуральном в основе хозяйстве, здесь существовало товарное производство, которое обслуживало феодальное общество. Несмотря на многовековое существование, товарное производство еще не привело к появлению элементов капитализма. В ханствах Средней Азии изучаемого периода не было рабочих, лишенных средств производства. Закабаленные крестьяне не могли оставить арендовавшиеся ими издольно клочки земли; ремесленники городов в основном тоже владели своими примитивными орудиями, и таким образом средства производства были распылены между мелкими производителями. Следовательно, здесь еще не было условий, необходимых для зарождения капиталистических производственных отношений.

Производственные отношения были типично феодальными и в городах и в сельских местностях всех ханств². Своеобразие феодальных отношений в узбекских ханствах заключалось, во-первых, в особых условиях поливного земледелия, требовавшего государственных мероприятий для поддержания оросительных систем, что вело к большей, чем в других странах, роли государственной собственности на землю, и, во-вторых, в сосуществовании оседлого и кочевого населения.

Для второй половины XVIII в. характерно развитие условного служилого землевладения — танхо. В этом смысле танхо является противоположностью землевладения типа «милки хурри холис» (частных обеленных имений). Если обладание обеленными имениями усиливало независимость их владельца от центральной ханской власти, то получение танхо, напротив, обязывало службой и потому привязывало служилого человека к хану и усиливало ханскую власть.

¹ *Н. И. Веселовский*. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Моск. Гл. архива МИД. СПб., 1884; *С. В. Жуковский*. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

² Подробнее см. «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.».

Хотя феодальная раздробленность в ханствах далеко не была ликвидирована, все же в конце XVIII в. мангиты в Бухаре, кунграты в Хиве и минги в Коканде, опираясь на поддержку служилых людей и горожан, смогли нанести ощутительные удары местным феодалам. Мангиты применяли обычный и для других стран метод «вывода» вотчинников из родных им кочевых юртов и областей с освоенными имениями.

Нередко практиковались переселения целых племен, а иногда и оседлых жителей на новые места с целью ослабить их самостоятельность и поставить в более зависимое положение.

В период правления Шохмурода (1785—1800) приняты были решительные меры для восстановления вакуффов; религиозным учреждениям и потомкам всевозможных шейхов, сейидов и других почитаемых лиц возвращались многочисленные недвижимости, которые были раньше обращены в вакф, но за годы междоусобных войн начала XVIII в. были захвачены и присвоены эмирами.

Содействие укреплению вакуфного землевладения было необходимой данью влиятельному духовенству, с помощью которого ханы могли еще больше поработать трудящееся население. В то же время это — показатель слабости и феодальной отсталости ханской власти, которая не только не в силах была пойти на секуляризацию церковных земель, но, наоборот, вынуждена была увеличивать землевладение духовных феодалов.

Крестьянское население как на государственных землях, так и на землях, отданных в «кормление» служилым людям, а также на мулковых и вакуфных землях подвергалось тяжелой эксплуатации. Податями и налогами в пользу казны и землевладельцев облагались все виды хозяйства крестьянина — земледельца или скотовода. Поземельный налог уплачивался из доли урожая, обычно натурой, зерном или хлопком. Существовал особый налог на скот — зякет, который взимался баранами и овцами. Всевозможными сборами облагались сады, огороды, клеверные поля. Самый сбор податей сопровождался вымогательствами и произволом со стороны сборщиков и низшей администрации. Влиятельными лицами, взимавшими поборы с сельского населения, были мирабы, ведавшие распределением воды на орошаемые поля. Тяжелы были барщинные работы по ежегодной очистке ирригационной сети, проведению новых каналов, на постройках в хозяйстве хана или местных феодалов. Ремесленники и торговцы облагались произвольно большими пошлинами, обязаны были делать подношения крупным и мелким феодалам.

Во всей Средней Азии и особенно в Хивинском ханстве во второй половине XVIII в. еще существовала работорговля и использование рабов на особенно тяжелых работах, в качестве домашних слуг и т. п.

Для дальнейшего роста производительных сил настоятельно требовалось преодоление феодальной раздробленности страны. Поэтому важное значение в политической истории этого периода имела борьба между различными группами класса феодалов за создание централизованной феодальной монархии, для чего надо было сломить сопротивление местных

удельных правителей. Эта борьба продолжалась и в XIX в., вплоть до момента присоединения Средней Азии к России.

После завоевания Бухары Надир-шахом (1741) Мухаммад Рахим мангит, бывший тогда одним из придворных Абулфайз-хана, служил в войске шаха и побывал в Иране. Возвратившись оттуда, он организовал убийство Абулфайза и фактически с тех пор правил бухарским ханством, хотя официально занял ханский престол только в 1753 г.

Выведенным из Ирана войскам Мухаммад Рахим платил жалованье и давал чины. Однако его власть не могла основываться только на силе иностранного войска. Как указал В. В. Бартольд, Мухаммад Рахим пользовался поддержкой бухарского духовенства, а также «выдающихся людей из ремесленников и подданных»¹. В управление государством Мухаммад Рахим ввел некоторые «новшества и поборы», которые были отменены в конце правления Дониёл-бия. Мухаммад Рахиму приписывается восстановление Даргомской плотины на Зеравшане, при помощи которой подавалась вода для орошения Самарканда и его окрестностей.

Местные источники подчеркивают централизаторскую политику Рахим-хана, отмеченную и Н. Григорьевым. Автор «Гулишан-ал-мулук», Мухаммад Якуб Бухари утверждает, что Мухаммад Рахим в государственных делах следовал примеру Надир-шаха и старался подчинить своей власти все 92 узбекских рода. Действительно, все годы своего правления Мухаммад Рахим воевал против сепаратистски настроенных вождей узбекских племен и крупных землевладельцев. Ему удалось не только подавить сепаратистское восстание правителя Нурата Тугой Мурод Буркута, но и заставить этого феодала служить ханскому престолу. Победив Тугой Мурода, хан отобрал у него его наследственный юрт, дав взамен поместье в Бухарской области². Крепости мнанкальских кипчаков Мухаммад Рахим велел скрыть, многих знатных узбеков казнить, а «простолюдинов» (фукаро) переселить в другую область, водворив на их место карлуков из Несефа³. В 1753 г. Мухаммад Рахим предпринял поход против владетелей Ургута, богатой и неприступной крепости и области к югу от г. Самарканда, затем подчинил Шахрисябз, Хисар, Куляб, в дальнейшем также Ходжент, Ташкент, Туркестан и другие области.

Эмиры узбекских племен, насильственно переселенных Мухаммад Рахимом, не смели проявлять недовольство при его жизни. Но в 1758 г., как только дошла весть о его смерти, они собрали до 10 тыс. вооруженных конных соплеменников и привели их в Бухару, чтобы захватить власть в столице и свергнуть мангитскую династию. Однако старший представитель мангитов Дониёл-бий аталик принял ряд мер против заговорщиков, выслал против них войска и призвал горожан к защите ханской династии. Повидимому, централизаторская политика мангитов соответствовала интересам торгово-ремесленного населения Бухары, так как оно довольно

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 106—107.

² «Тухфат ул-хони». Рукопись ИВУз, № 16, л. 131а — 166б.

³ Там же, л. 153а — 157а.

активно выступило против вождей восставших племен. Основной боевой силой горожан были бедняки, кинувшиеся громить богатые дома эмиров со всей яростью долго накапливавшейся ненависти к эксплуататорам.

Вот как описывает эти события историческая хроника Мухаммад Шарифа: «Бедняки, нищие, бродяги и сироты ужасающей толпой стали грабить и бить гордых [эмиров]. Ударами палок и камней они ранили и убивали мятежников, грабили их жилища, захватывали имущество и вещи, поджигали постройки — только пыль и дым поднялись от их богатых домов. Большинство заговорщиков было уничтожено, едва ли одна двухтысячная часть их выбежала из города живыми, потеряв жен, детей, имущество и достояние»¹. Из этого отрывка видно, что предводители переселенных узбекских племен имели дома и семьи в столице. Вероятно, Мухаммад Рахим намеренно изолировал знать от ее соплеменников, переселяя племена в отдаленные области, а их вождей оставляя жить в Бухаре.

После разгрома заговора 1758 г. многие виновники — крупные феодалы, вожди узбекских племен, — были казнены, но это не прекратило борьбы феодалов против Дониёл-бия.

Жестокое подавив восстание в Мианкале, Дониёл-бий совершил затем два похода против Нарбута-бия, высланного в Карши за попытку захватить власть в Бухаре. После шестимесячной осады жители Карши убили своего феодала и сдали крепость Дониёлу. Очевидно, и здесь бухарское правительство пользовалось поддержкой городского торгово-ремесленного населения². Для походов против непокорных феодалов нужно было располагать надежным войском. И Мухаммад Рахим и Дониёл-бий всячески стремились привлечь военных слуг и обеспечить их жалованием и земельными пожалованиями. Средства для этого выжимались из трудового населения.

Следующим этапом борьбы за укрепление ханской власти было время правления Шохмурода, представителя мангитской династии. Он пришел к власти после крупного городского восстания в Бухаре 1785 г., о широком размахе которого говорит уже то, что в ходе его было убито более тысячи человек. Для подавления восстания Шохмуроду пришлось пойти на уступки горожанам Бухары: он дал им торжественно тарханную грамоту (т. е. привилегию в налоговом и некоторых других отношениях). Автор хроники Мухаммад Мир Алим Бухари так описывает причины этого пожалования: «Говорят, что положение жителей Бухары было очень тяжело и мучительно. Простой народ и бедняки во время правления Дониёл-бия аталика испытывали насилия и вымогательства со стороны служилых, собиравших разного рода налоги. В связи с этим [Шохмурод] указом освободил жителей города Бухары от налогов, выдав им тарханную грамоту»³. Шохмуродом были казнены: верховный судья Бухары за

¹ «Тодж-ут таворих». Рукопись. ИВУз, № 2092, л. 515б.

² «Гульшан ал-мулук». Рукопись. ИВУз, № 1507, л. 137а, 138б.

³ «Фатхномаи-султони». Рукопись. ИВУз, № 1838, л. 8б.

взяточничество, первый везир за произвол и вымогательства. Были приняты меры для восстановления оросительных систем на Зеравшане, Амударье и Капка-Дарье¹. Вновь орошенные земли занимали узбеки, переходившие к оседлости.

При Шохмуроде были проведены некоторые реформы. Финансовая реформа Шохмурода заключалась в отмене не предусмотренных шариатом поборов с населения; он оставил только хародж (поземельная подать в размере $\frac{2}{5}$ урожая), зякет (подать с торговцев и скотоводов в размере $\frac{1}{40}$ части имущества) и джизью (подать с иноверцев). Эта реформа явилась следствием народных восстаний. Не уменьшая степени эксплуатации земледельцев и ремесленников, она создавала больший порядок в налоговом деле, давала горожанам (торговцам и ремесленникам) некоторую гарантию от произвола сборщиков. Были произведены некоторые изменения в судопроизводстве, организована высшая судебная палата при дворе, состоявшая из сорока ученых законоведов во главе с самим Шохмуродом; было усилено преследование за преступления против частной собственности.

Административно-полицейская реформа была проведена путем восстановления должности райса — блюстителя нравов и торгового инспектора, которому вменялось в обязанность строго следить за исполнением всеми мусульманами предписаний шариата, регламентировавшего всю гражданскую и даже частную жизнь с назойливой мелочностью. Шохмурод использовал влияние мусульманского духовенства для упрочения своей власти. Сам Шохмурод считался большим знатоком богословия и законоведения. В военной реформе тоже сказалось ханжество, присущее новому правителю: в каждый отряд он назначил имама, одновременно резко повысив требовательность по части воинской дисциплины. Войско Шохмурода, насчитывавшее, по некоторым данным, около 60 тыс. чел., стало получать регулярное жалованье². Для аграрной политики Шохмурода характерно стремление восстановить доходные имения духовенства путем возобновления утраченных вакуфных документов.

Проведенные реформы не облегчали, однако, положения трудового населения, которое попрежнему обязано было содержать государственный аппарат и военное служилое сословие, постоянно подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны феодалов.

Шохмурод продолжал борьбу против отдельных феодалов, подчинив на время области Шахрисабз и Ходжента.

Шохмурод совершил несколько походов на Мерв, во время которых дважды была разрушена Мургабская плотина, и цветущий Мервский оазис превращен в пустыню. Только в 1797 г. плотина была восстановлена, но

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 108—109.

² Сведения о реформах Шохмурода заимствованы главным образом из примечаний В. В. Григорьева к запискам Мирзы Шемса Бухари («О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари». Казань, 1861, стр. 45).

последствия ее разрушений не могли быть ликвидированы в течение очень долгого времени¹.

Шохмурод воевал также с афганским правителем Тимур-шахом, но имел от этой кампании не столько военные, сколько дипломатические успехи: он затруднил подвоз продовольствия к войску Тимур-шаха, завел с ним переговоры о мире. Границей между Бухарой и Афганистаном была признана Аму-Дарья².

Пользуясь лозунгами «священной войны» с «неверными» — шиитами, Шохмурод неоднократно нападал на области Хорасана ради военной добычи. Походы носили грабительский характер, военачальники Шохмурода уводили в плен тысячи жителей, которых обращали в рабство. От набегов сильно страдало и таджикское население Хорасана.

В 1747—1757 гг. ханом Хивы был казахский султан Каип. Он пытался сломить сепаратизм племенных вождей и землевладельцев, но вынужден был бежать из Хивы вследствие восстания населения, разоренного тяжелыми налогами. Основной движущей силой этого восстания были трудящиеся крестьяне и ремесленники, которые перебили налоговых сборщиков и требовали провозглашения ханом вместо Каипа другого хана, наивно предполагая, что их невыносимое положение происходит только из-за личной жестокости и несправедливости Каипа. Слабость центральной власти в Хиве позволяла вождям племен, в том числе туркменских, безнаказанно грабить земледельческое население, и люди разбегались в соседние страны. Орошение Хивинского ханства пришло в упадок, многие поля оставались невозделанными, даже в столице ханства, Хиве, из-за голода и произвола феодалов осталось совсем немного жителей.

Между вождями узбекских племен происходила жестокая борьба за власть; решался вопрос о том, кто станет во главе феодальной монархии. В Хиве во второй половине XVIII в. выдвинулись инаки узбекского племени кунгратов, пользовавшиеся поддержкой состоятельных горожан и духовенства. Инак Мухаммад Амин (1763—1790) успешно отразил в 1770 г. нападение туркмен и в 1782 г. нападение бухарцев. Правя от имени «подставного» хана Абулгози, Мухаммад Амин вместе с кушбеги и аталыком сосредоточил в своих руках власть и независимо от хана распоряжался административными, финансовыми и военными делами. С 1804 г. в Хиве воцарилась не только фактически, но и формально новая узбекская династия кунгратов.

После победы Мухаммад Амина над мятежными феодалами хозяйство и торговля в Хивинском ханстве наладились, страна вновь заселялась. При Мухаммад Амине и Ивазе несколько расширилась площадь орошаемых земель к востоку от дельты Аму-Дарьи, на месте бывшего озера Даукара. Узбеки преградили плотинами протоки, впадавшие в это озеро,

¹ *Mir Abdoul Kerim Boukhary*. Указ соч., стр. 58—64; «Гулшан ал-мулук». Рукопись. ИВУз, № 1507, л. 139—140; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 69.

² В. В. Григорьев. Примечания к запискам Мирзы Шемса Бухари, стр. 51—52.

оно стало иссякать и освободило землю для земледелия. При Мухаммад Амине были проведены новые каналы к западу от дельты, из рукавов Чуманай и Чапгли-Басу, и таким путем новые участки земель были орошены¹.

Город Коканд, столица самого молодого узбекского ханства, был основан в начале XVIII в. и первоначально носил название «Калай Рахим-бий» по имени его основателя Рахим-бия минга². Преемник Рахим-бия Абдулкарим не остался в своем уделе — Ходженте, а переехал в Коканд и обстроил его.

Вследствие завоевания Кашгара китайцами и разгрома ими же калмыцкого государства Джунгарии в 1758—1760 гг. часть кочевников-калмыков подвинулась на запад и вторглась в Ферганскую долину. Абдулкариму удалось дать отпор подступившим к Коканду калмыкам. В Фергане нашли убежище бежавшие от китайцев кашгарские мусульмане. Население Кокандского ханства увеличилось также за счет переселенцев из Самаркандской области. Ферганские города, в особенности Коканд, стали крупными торгово-ремесленными центрами. Постройка новых оросительных каналов давала возможность расширения земледелия, садоводства и посевов хлопка. Для дальнейшего развития производительных сил постоянно необходимо было усиление центральной власти кокандских ханов и прекращение произвола и разбоя со стороны феодальных дружин, вождей кочевых племен.

С середины 70-х годов и до конца XVIII в. Кокандским ханством правил Нарбута-бий минг, внук Абдулкарим-бия. Начавшаяся при нем борьба за укрепление ханской власти продолжалась и в XIX в., до присоединения Средней Азии к России. Прекращение феодальных распрей, достигнутое после присоединения к России, было благом для народа, для всего трудящегося населения городов и деревень Средней Азии.

Источники по истории культуры Узбекистана второй половины XVIII в. плохо изучены. Нам известно мало памятников культуры этого времени.

Зодчество XVIII в. не оставило зданий, которые в какой-либо мере могут быть сопоставлены с произведениями XIV—XVII вв. Историки архитектуры указывают лишь на некоторые постройки этого времени. Так, например, в Намангане в конце XVIII в. был построен мавзолей, известный под названием «Ходжамны Кабры». Портал здания украшен резной и поливной терракотой красочно ярких темно-зеленых и оранжево-красных тонов. Строитель этого мавзолея Мухаммад Иброхим, сын Абдурахима, мастерски и со вкусом использовал стилистические приемы древних зодчих и сумел создать произведение высоких художественных достоинств³.

¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 98.

² В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 57.

³ В. Л. Воронина. Неизвестные памятники Средней Азии. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. М., 1950, стр. 96—98.

Из числа зданий, построенных во второй половине XVIII в. в Бухаре, можно указать здание Хонако Шейх-Джалол, сооруженное в 1753—1754 гг. недалеко от ворот того же имени; это довольно крупная постройка, своеобразная по своему асимметричному плану и несколько хаотичному нагромождению отдельных частей¹; мечеть Халифá Худойдод, построенная в 1777 г. в западной части города, квадратная в плане, перекрытая куполом, окруженная с трех сторон открытым навесом на деревянных столбах. В этой мечети представляют интерес резные столбы колонн, с грубоватым, но довольно выразительным, глубоко вырезанным растительным орнаментом, и алебастровая лепка на внешних стенах мечети².

Из бухарских памятников можно еще назвать довольно большое медресе Ирназар-ильчи, названное по имени ездившего неоднократно в Петербург бухарского посла Ирназара, и одновременно с ним построенное одноэтажное медресе Рахманкул, портал которого был украшен майоликовыми плитками хорошей работы и панелью из резных мраморных плит.

Во второй половине XVIII в. написаны исторические сочинения Абдурахмана Толи «История Абулфайз-хана» и Мухаммад Вафои Карминаги «Тухфан хони», продолженное Алимбеком, сыном Ниёз Кули-бек ишана; оба эти произведения, написанные крайне напыщенным, характерным для придворных хроник языком, содержат, однако, обширный и зачастую подробный материал, без которого не обойдется историк, исследующий явления политической жизни и классовой борьбы в середине XVIII в. Из литературных произведений этого времени следует указать еще на диван (сборник стихов) узбекского историка и поэта Муниса.

Подводя итоги очерку истории Узбекистана во второй половине XVIII в., нужно указать на отсталость ханств в отношении хозяйственного и культурного их развития. В центральной России вторая половина XVIII в. ознаменовалась процессом возникновения элементов капитализма, в Узбекистане же в этот период господствовал феодализм и вплоть до присоединения к России не создалось еще условий для появления капиталистических отношений. Целая историческая эпоха отделяла общественный строй узбекских ханств от передовых районов России.

3

ТАДЖИКИСТАН

Во второй половине XVIII в. таджикский народ оказался территориально разобленным двумя узбекскими ханствами, Бухарским и Кокандским, и создавшимся в 1747 г. Афганским государством. В Бухарском

¹ В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 86.

² Там же, стр. 86—87.

ханстве на смену Аштарханидам пришла к власти узбекская династия мангитов, в Кокандском — также узбекская династия мингов.

Исконные таджикские центры, как Ходжент, Ура-Тюбе, Исфара, Капибадам и др. (ныне составляющие Ленинабадскую область Таджикской ССР), горные таджикские владения — Каратегин и Дарваз (ныне Гармская область Таджикской ССР), а также памирские княжества — Шугнан, Рупан и Вахан (ныне Горно-Бадахшанская область Таджикской ССР), управлявшиеся местными правителями, находились в вассальных отношениях к Кокандскому ханству.

Северные пределы аштарханидского государства, включавшие в последние годы правления династии прибрежные сыр-дарьинские районы с городами Ташкентом, Туркестаном, Чимкентом и др., находились в руках казахских султанов, тогда как таджикские поселения в горах Чимгана, Чоткала и др. входили в состав Кокандского ханства. Таджикское население в городах и селениях равнины было уже двуязычным, частично и совсем узбекизированным.

Однако, судя по сохранившимся таджикским сборникам народных сказок и рассказов в рукописях XVIII и начала XIX в., читавшихся в Ташкенте и Чимкенте на многочисленных постоянных дворах и гостиницах (чоймехмонхона), таджикский язык все же был широко распространен в названных городах. Таджикский язык был принят и в канцелярской переписке узбекских ханств¹.

Исторические судьбы таджикского и узбекского народов в XVIII в., как и ранее, тесно переплетались². Основным занятием оседлого таджикского и узбекского населения равнины были поливное земледелие и садоводство, требовавшие, при примитивности орудий, исключительной интенсивности труда. Среди крестьянства была распространена домашняя промышленность, особенно ткачество бумажных материй, в городах развивалось специализированное ремесло и мелкое товарное производство. Их примером может служить мелкая промышленность Ходжента, где обособленно от кварталов, занятых домами светских и духовных феодалов, были расположены кварталы ювелиров, оружейников, мастеров щитов, котельников, ткачей и т. д.³ Другие частные примеры — специализированное производство бумаги бумажных дел мастерами (когазрезами), сосредоточенное в XVIII в. в Коканде, или производство резных деревянных изделий в Ура-Тюбе⁴.

¹ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.». Сост. О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса. Ташкент, 1954.

² Подробнее о развитии производительных сил и производственных отношений в Средней Азии, а также о политических событиях в узбекских ханствах во второй половине XVIII в. см. в § 2 настоящей главы.

³ А. Е. Маджи. К истории феодального Ходжента. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», сб. I. Сталинабад, 1945, стр. 137—144.

⁴ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I. М., 1955, стр. 388.

Значение крупного торгово-промышленного центра, игравшего роль посредника в торговле Средней Азии с Россией, имел Ташкент. Правительство Екатерины II с конца 70-х годов XVIII в. начало уделять большое внимание торговле со Средней Азией — рынку сырья для русских промышленных изделий и их сбыта. Посольство в Бухару в 1780 г. переводчика Бекчурина именно ставило целью выяснение возможности расширения торговли России с Бухарой и открытия там русских торговых контор¹.

К концу XVIII в. окончательно сложились основные торговые пути из России в Среднюю Азию. Помимо старого — по Волге, Каспийскому морю и Мангышлаку к Хиве, а оттуда в Бухару и иногда в Коканд, установился второй путь — из Оренбурга или Троицка через Ташкент на Бухару и Коканд. Третий путь шел со стороны Семипалатинска и Петропавловска через Казахскую степь на Ташкент.

Характерной особенностью торговли России с Бухарой (и другими среднеазиатскими ханствами) в конце XVIII в. был ее почти исключительно меновой характер. Торговля в основном велась в пограничных районах. Вглубь России среднеазиатские купцы обычно не допускались из соображений, чтобы они не узнали «истинных цен» на товары.

Главным предметом вывоза из Средней Азии в Россию были бумажные и шелковые ткани, хлопчатобумажная пряжа, хлопок-сырец; с конца XVIII в. среднеазиатский рынок стал рынком сырья для русской промышленности; кроме того, вывозились сушеные фрукты, мерлушки, кожа, ревеня и пр. Из России ввозили золото в иностранной монете, сукно, ткани, русские и иностранные металлы и металлические изделия, меха и т. д. В конце XVIII и в начале XIX в. русский торговый капитал господствовал на рынках Средней Азии. Английская буржуазия, занятая завоеванием Индии, не только не была в состоянии проникнуть в Среднюю Азию, но даже свой текстиль сбывала туда при посредстве русского купечества, так как пути в Среднюю Азию через Россию были наиболее благоприятны². Таким образом, таджикское население городов, а отчасти и сельских поселений равнины было затронуто процессом товарного производства и обменом с Россией и другими странами. В горах социально-экономическое развитие населения сильно отставало. Наряду с земледелием в трудных горных условиях население занималось здесь отгонным скотоводством, с перегонном скота на все лето на горные пастбища. Хозяйство оставалось в основном натуральным, что вело к устойчивости пережитков патриархальных отношений (большая семья, молочные артели, общинные пастбища и т. д.)³.

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2, Л., 1925, стр. 224, 231.

² «История народов Узбекистана», т. II. Ташкент, 1947, стр. 212—213.

³ И. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сга-линабад — Л. 1954; М. С. Андреев. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. «Известия Туркестанского отдела РГО», т. XVII. Ташкент, 1924, стр. 217—218 и др.

Взаимоотношения классов таджикского и узбекского населения Бухарского и Кокандского ханств в общем оставались такими же, какими они были в первой половине XVIII в., но положение широких народных масс стало еще тяжелее¹. Беспрестанные феодальные войны и мятежи племен в XVII и в первой половине XVIII в., нашествие Надир-шаха, жестокое правление в Бухарском ханстве Мухаммад Рахима мангита и его преемника Дониёл-бия аталика не только не ослабили податного бремени, но и увеличили его. Чтобы властвовать и держать в повиновении своевольных феодалов и вождей кочевых племен, особенно из тех, которые были враждебны мангитам, нужно было располагать надежным войском. Поэтому и Мухаммад Рахим, и Дониёл-бий всячески ухаживали за военным сословием и стремились хорошо его обеспечить разного рода наградами и земельными пожалованиями. Каковы они были, можно судить по свидетельству екатерининского сержанта Ф. Ефремова, бывшего рабом у Дониёл-бия и выслужившегося до чина юз-баши (сотенного командира). Он был наделен землею, «с которой собиралось в год до 300 червонных тамошних, коп в России меняются по 3 рубли»². При тогдашней дешевизне жизни это было очень большое обеспечение.

Для всего этого нужны были средства, которые и выжимались из населения, теперь более разоренного и обнищавшего, чем даже при последних Аштарханидах. При Дониёл-бие было введено много новых податей, особенно тяжелым бременем ложившихся на оседлое и городское население: аминона (базарный сбор в пользу податных чиновников), мухрона (сбор за приложение печати — тип нотариального сбора), хакки-тарозу (весовой сбор) и др. Кочевые ханы продолжали свои набеги на земледельческие районы, безнаказанно грабили и всячески угнетали земледельческое население ханства, обремененное тяжелыми налогами и поборами служилого сословия, жившего исключительно за его счет.

Духовенство, суфийские шейхи или ишаны столь же жестоко эксплуатировали крестьян и ремесленников, как и прежде. Алчное и продажное духовенство стремилось всеми правдами и неправдами поддержать и упрочить власть имущих и обогатить себя. За подкуп и богатые подарки ишаны способствовали возведению Мухаммад Рахима на бухарский трон, на который он, в сущности, не имел никаких юридических прав. Произвольные сборы с населения на свое «кормление», производившиеся феодальными чиновниками, начиная с самых мелких до самых высших, взяточничество и вымогательство судей были повседневным и самым обычным явлением. Показательно в этом отношении, что преемник Дониёл-бия Шохмурод по вступлении его на престол для успокоения населения казнил верховного судью столицы (козикалон) за взяточничество и первого министра (кушбеги) за различные злоупотребления и вымогательства.

¹ Подробнее о социально-экономических отношениях см. «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.». М. 1956 г.

² «Российского унтер-офицера Ефремова десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии...». СПб., 1786, стр. 33—34.

Тяжелы были для населения и постоянные войны, ареной которых были районы поливного земледелия. Так, в 1789—1790 гг. Шохмурод в походе на Мерв разбил в ожесточенном бою мервского наместника Байрам Али-хана, взял город, разрушил Мургабскую плотину, уничтожил большой цветущий оазис, увел в Бухару 30 тыс. (а по другим сведениям даже 100 тыс.) мервских жителей-шиитов и поселил их в районе Бухары и Самарканда. До последних дней царизма потомки этих пленных сохраняли в Бухарском ханстве и в Самаркандской области известную обособленность от местного населения, среди которого они были известны под именем марви (мервцев) или эрони (иранцы). Шохмурод не ограничивался лишь походами на Мерв, но избрал объектом своих хищнических набегов и районы северо-восточного Хорасана, откуда его отряды возвращались с богатой добычей, в которой наибольшую ценность представляли многочисленные пленники, обращаемые в рабство. Ими переполнялись рынки Бухары, Самарканда и других городов ханства; их покупали за бесценок, и наиболее здоровые из них образовали потом ханские конвои. Своими походами на Хорасан Шохмурод причинял огромные бедствия тамошнему населению.

Помимо Ирана, Шохмурод вел войну с Афганистаном из-за бухарских владений на левом берегу Аму-Дарьи. Военные действия его против Тимур-шаха, сына и преемника основателя Афганского государства Ахмад-шаха, не были успешными. Обе стороны заключили мир, обменявшись богатыми подарками и договорившись считать Аму-Дарью границей между Бухарой и Афганистаном¹. Этим договором таджикское население левого берега Аму-Дарьи было оторвано от таджиков, обитавших на правобережной аму-дарьинской территории².

В отделившейся от Бухары в самом начале XVIII в. Фергане таджикское население находилось в таком же тяжелом положении, как и во владениях мангитской династии. История основанного мингами в Ферганской долине самостоятельного Кокандского ханства в течение первых четвертей века своего существования полна переселений и переходов разных кочевых и полукочевых племен, усобиц и потрясений политико-экономического порядка. Связная картина всех этих событий не может быть дана отчасти из-за отсутствия, отчасти из-за неразработанности надежных исторических хроник и дат.

Пришедшие сюда еще в XVI в. кочевые узбеки продолжали кочевой образ жизни; в городах жила лишь правящая племенная верхушка. Однако исчезновение из среднего пояса Ферганской долины кустарниковых зарослей в результате истребления их стадами кочевников и высыхание почвы в этом районе заставили кочевников обратиться к земледелию.

¹ Шохмурод (Книга побед Шохмурода) в стихах Мирзы Садика «мунши». Рукопись 1819—1820. ИВУз, л. 32б — 55а; «Сиродж-ут-Таворих («Светильник историй»), Файз-Мухаммад-котиба», т. I. Кабул, 1331 (1912—1913), стр. 27—29.

² Б. Г. Гафуров. Указ. соч., т. I, М. 1955, стр. 400.

XVIII век и был для нового ханства периодом постепенного превращения кочевников в оседлых обитателей Ферганы. Усобицы, опустошительные войны в других районах Средней Азии давали в это время большой прилив в Фергану разных беглецов-эмигрантов.

Слабые кокандские ханы, не располагавшие организованными военными силами и прочным государственным аппаратом, не пользовались достаточным авторитетом у населения и были бессильны подавлять внутренние беспорядки, мятежи и восстания¹.

Помимо внутренних смут, чрезвычайный вред приносили мирному таджикскому и вообще оседлому населению постоянные войны между Бухарой и Кокандом. В сферу военных действий прежде всего вовлекались Ходжент и Ура-Тюбе с их округами. Оба эти города лежали при входе с запада в Ферганскую долину, и оба были сильными крепостями, имевшими важное стратегическое значение как для Кокандского, так и для Бухарского ханства. Бедствия и разорение населения дошли до последней степени.

Во второй половине XVIII в. власть в Ташкенте перешла в руки так называемых ходжей, представителей дервишизма, потомков известного ташкентского шейха XIV в. Антаура (собственно, шейх Хованди Тахур — «чистый господин»), происходившего из существующего поныне таджикского селения Богистон (на левом берегу Чирчика). До того четыре даха (части) Ташкента имели каждая своих правителей, свои укрепления, свои отдельные войска. Между местными правителями шли бесконечные войны. «От сего земледелие и скотоводство приходило в упадок; полезное заведение садов подвержено было разорению; вместо трудолюбивого в ремесле упражнения, каждый выходил с оружием в руках и всегда видел жизнь свою в опасности»².

Переход власти к ходже Юнусу, беспощадно расправлявшемуся с нарушителями «порядка», прекратил внутренние усобицы. Но цветущая Ташкентская область постоянно привлекала внимание как бухарских, так и кокандских ханов.

В литературе и науке Средней Азии в XVIII в. на первое место выдвигался, особенно в правление Шохмурода, фанатичный, пропитанный мертвящей коранской догмой суфизм, воспитывавший народные массы в невежестве и покорности главам дервишских орденов (ишанам). Наука, носившая схоластический характер, отличалась отсутствием всякой оригинальности. Дошедшие до нас произведения этого периода представляют по преимуществу комментарии на более ранние сочинения, комментарии на эти комментарии.

¹ В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885, стр. 16—19, 22 и 62—64; «Мунтахаб-ут-Таворих Мухаммед Хаким-хана». Рукопись, 1844. ИВУз, л. 186а.

² «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., изд. и примеч. Н. Ханькова». «Вестник РГО», кн. 1, ч. 1, отд. VI, 1851, стр. 20—23.

Из исторических сочинений XVIII в. выделяется лишь одно, написанное крайне напыщенным таджикским языком, полным трескучего красноречия, громоздких и сложных периодов, — «Тухфат ул-хони» («Ханский подарок»), иначе называемое «Та'рихи Рахимхони» («Рахимханова история»). Его автор, Мухаммад Вафои Карминаги, принадлежавший к придворным кругам, изложил не только историю Мухаммад Рахим-хана, основателя династии мангитов, но и сопутствовавшие этому события в странах Мавераннахра, преимущественно в Бухаре, с 1721 по 1769 г. включительно. Это сочинение в своем полном виде, в сущности, состоит из двух частей, написанных разными лицами; первую часть, излагающую события с 1721 г., происхождение Мухаммад Рахима и его историю до его смерти в 1758 г., написал Мухаммад Вафои, продолжил же эту историю уроженец г. Карши Алимбек, сын Ниёз Кули бек-ишана¹.

В начальных таджикских школах (мактабах) Бухарского ханства в этот период стало проводиться чтение произведений великого узбекского поэта Навои, что сыграло большую роль в культурном сближении народов соседей — узбеков и таджиков².

Придворная панегирическая литература пришла в упадок. Вне придворных кругов стало распространяться литературное течение, получившее название «бедилизма», по имени индийского поэта, писавшего по-таджикски, Мирзо Абдулқодир Бедиль (1644—1721). Бедиль, потомок среднеазиатских эмигрантов, родился и жил в Индии, был автором многочисленных стихов, газелей, рубаятов, философских трактатов и большой поэмы «Ирфон» («Гносис», 1712). Судя по хронологии его произведений, его взгляды претерпели эволюцию — от реакционной индийской разновидности суфизма (маджзубизма) к еретически-пантеистической его форме. Будучи в основном идеалистом-мистиком, Бедиль доходил до прямой критики исламской ортодоксии; в его взглядах проявлялись даже некоторые материалистические элементы. Особенно решительно высказывался он в пользу улучшения участи народных масс, резко осуждал деспотизм и тиранию господствующих классов. Вместе с тем, возможно для прикрытия своих радикальных высказываний, Бедиль писал крайне усложненным, нарочито туманным и труднопонимаемым языком³. Влияние Бедилья на таджикскую и узбекскую литературу было огромно. Со второй половины XVIII в. шли острые словопроения в мадрасах по поводу толкования тех или иных его стихов; произведения его переписывались особо сложным почерком (шикаста), чтобы еще более затруднить «непосвященным» чтение и дать возможность блеснуть знатокам. Бедилизм в том виде, как он насаждался кругами мадраса, несомненно, тормозил развитие литературы. Необходимо отметить, что творчество Бедилья вызвало различные

¹ В правление эмира Абдулахада (1885—1910) сложный текст этого сочинения был сокращен и изложен более понятным языком Мирзой Абдулқодиром. Оба варианта этого труда представляют собою редкие рукописи.

² Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 411.

³ С. Айни. Мирзо Абдулқодир Бедил, Сталинабад, 1954.

направления в поэзии. Одни поэты воспринимали лишь форму и эпитетически еще более ее усложняли, превращая поэзию в загадку. Другие воспринимали преимущественно идейное содержание и развивали социальные мотивы протеста против деспотизма и религиозного ханжества.

Некоторые рукописные сочинения говорят о том, что вне официальной литературы, преимущественно в кругах городских ремесленников, теплился дух протеста и антифеодальной оппозиции, не нашедший еще ясного выражения в произведениях того времени.

4

КИРГИЗИЯ

Коренное население, жившее в XVIII в. на территории современной Киргизской ССР, — киргизы занимались кочевым скотоводством. В китайском источнике XVIII в. (1777) о киргизах сообщается, что они «живут в войлочных кибитках, занимаются скотоводством, питаются мясом, вино делают из коровьего и кобыльего молока, как и у олозов» (калмыков)¹.

Киргизы разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот. Скот содержался круглый год на подножном корму. Многовековой опыт кочевников выработал целую систему распределения пастбищ, которые делились на весенние, летние, осенние и зимние и нередко находились на значительном расстоянии одно от другого. Заготовка кормов на зиму почти не производилась. Тяжело переносил скот такие зимы, когда земля покрывалась глубоким снегом. Бедствие для киргизского хозяйства составляли эпизоотии и бескормица, приводившие к массовому падежу скота.

Занимались киргизы и земледелием, которое, однако, имело в их хозяйстве лишь вспомогательное значение. Земледелие, по преимуществу поливное, было распространено только в плодородных долинах рек Чу, Таласа, в Ферганской долине и в Иссык-Кульской котловине. Земледельцами были наиболее бедные слои киргизов, не имевшие возможности совершать полный цикл кочевания. Почву обрабатывали примитивными деревянными орудиями, сеяли просо, ячмень, пшеницу, овес и горох.

Видное место занимала в хозяйстве киргизов охота. Экономическое значение имела охота с беркутами. Остальные виды охоты носили любительский характер, занимались ими, как правило, высшие слои киргизского общества.

Домашние промыслы были связаны главным образом с обработкой продуктов животноводства. Киргизам была известна также обработка дерева и металлов. Кузнецы выделывали подковы, топоры, ружья, клинки, ножи и т. д. Из серебра специальные мастера изготовляли женские украшения, украшения для мужской одежды и конской сбруи.

¹ «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. монахом Иакинфом» (Бичуриным), ч. II. СПб. 1829, стр. 147. (Далее сокращенно: «Описание...»).

Хозяйство киргизов носило в основном натуральный характер. Внутренняя торговля была очень слабо развита. С Китаем и другими иностранными государствами вела торговлю только господствующая верхушка киргизского общества. Привозные товары были почти недоступны для рядовых кочевников-скотоводов.

В киргизском обществе второй половины XVIII в. господствовали своеобразные, характерные для кочевых народов феодальные отношения, эксплуататорская сущность которых затушевывалась пережитками патриархально-родового быта. В киргизском обществе формально существовала общинная собственность на пастбища, но фактически всеми земельными угодьями бесконтрольно распоряжались феодалы — бии. По сведениям того же источника, «иные бии имеют от 10 до 20, другие от 20 до 30 аманей»¹. Звание бия было наследственным². Манапы (привилегированная верхушка, выделившаяся из среды биев) известны по письменным источникам лишь с XIX в., но киргизское предание относит появление их к XVIII в.³ В руках биев находилась и судебная власть.

Опутанные пережитками патриархально-родового быта, трудящиеся киргизы (пукара) несли в пользу феодалов различного рода повинности в форме отработки или приношений натурой, эксплуататорская сущность которых маскировалась видимостью родовой помощи между трудящимися и их эксплуататорами — феодалами. Наряду с зависимыми скотоводами в киргизском обществе имелись еще и рабы (кул), чаще всего из военнопленных⁴. Рабство у киргизов носило патриархально-домашний характер. В отличие от зависимых скотоводов, рабы, как правило, не были связаны родственными отношениями со своими хозяевами-феодалами, и поэтому эксплуатация рабов была особенно жестокой.

Киргизы делились на племена и роды, которые принципиально отличались от рода и племени доклассового общества. В источниках XVIII в. упоминаются племена саяк, сарыбагыш, черик, монгуш, адигине, монолдор и др., потомки которых занимают значительное место среди современных киргизов. В киргизском обществе имелась феодальная иерархия: правители родов находились в подчинении и зависимости от правителей племен и т. п. Однако единого феодального государства у киргизов не существовало. Правление отдельными родами, племенами или их объединениями считалось наследственным правом определенных семейств⁵. В начале второй половины XVIII в., до 1758 г., территория современной Киргизской ССР входила в состав Джунгарии — феодального государства калмыков (ойратов). Установившееся в конце XVII в. господство калмыцких феодалов исключительно тяжело отразилось на положении киргизского

¹ «Описание...», стр. 147. Аман — аул.

² Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 гг., ч. 1. СПб., 1824, стр. 256.

³ В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 49—50.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ «Описание...», стр. 147.

народа. Этот период киргизский народ назвал временем слез, бедствий и притеснений («Зар заман», «Тар заман»). Лучшие пастбища перешли в руки калмыкских феодалов, и основная масса киргизов была вынуждена покинуть родной край и переселиться в Ферганскую долину. Киргизы, наряду с казахами, китайцами и другими народами, вели постоянную борьбу против калмыкских феодалов. Цитированный выше китайский источник сообщает о борьбе киргизов с калмыками следующее: «Киргизы бедны, но отважны, не дорожат жизнью, ...храбры на войне... даже чжуньгары во время своего могущества не могли покорить их под свою власть»¹. Эта борьба нашла свое отражение в эпосе «Манас», в частности в его версии, записанной от манасчи Саякбая Каралаева, а поэмы «Эр Табылды» и «Курманбек» полностью посвящены борьбе киргизского народа против гнета калмыкских феодалов.

В 1758 г. Джунгария, ослабленная междоусобной войной джунгарских феодалов, перестала существовать как государство, территория ее была завоевана Китаем. Большинство калмыков было истреблено, остатки их рассеялись в горах, кочевья опустели². В этот период киргизы массами возвращались из Ферганской долины на свои старые кочевья в горах Тянь-Шаня, где киргизские феодалы перешли в зависимость от Китайской империи³. Цинская маньчжурская династия, правившая в это время в Китае, воздержалась от военной оккупации занятой киргизами территории. За разрешение пользоваться освободившимися от калмыков пастбищами киргизы были обязаны давать Цинской династии ежегодно одну голову со 100 лошадей или рогатого скота и с 1000 овец. Для сбора этой дани ежегодно посылались военные отряды, которых сопровождали китайские купцы. Последние развили среди киргизов довольно широкую торговую деятельность, обменивая свои товары на предметы скотоводческого хозяйства кочевников. Из Киргизии в Китай пригонялся скот. Торговля с киргизами, как и с другими народами Средней Азии, составляла одну из важных статей дохода Цинской династии. 1/20 часть пригоняемого в Китай скота поступала в доход государства. Зависимость киргизского народа от китайских императоров первоначально была значительно более легкой, чем господство калмыкских феодалов. Со временем эксплуатация киргизов маньчжурско-китайской феодальной знатью, которая угнетала и китайский народ, приобрела более тяжелые формы.

Междоусобные войны киргизских феодалов, их столкновения с казахскими султанами и кокандскими феодалами сделали во второй половине XVIII в. положение трудящихся киргизов очень тяжелым. Особенно сильно пострадал киргизский народ в 70-х годах XVIII в. от феодальной войны

¹ «Описание...», стр. 148.

² Там же, стр. 165—166; Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. 1951, стр. 14, 25.

³ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 47; его же. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 88.

между казахским ханом Аблаем и киргизскими феодалами. В этой войне киргизские феодалы потерпели поражение. Аблай вторгся в пределы Киргизии, разорил киргизские аулы, многих киргизов угнал в свои владения в качестве военнопленных рабов («Джайловское побоище»). Цинское правительство не вмешивалось во взаимоотношения киргизских и казахских феодалов, так как установление мира в Киргизии не входило в его расчеты.

Поэтому среди киргизского народа все более укреплялась ориентация на Россию. Киргизы видели в русском народе защитника, способного пресечь разорительные для киргизов постоянные войны. В 1784 г. киргизы племени сарабагыш отправили из Тянь-Шаня посольство в Петербург с просьбой принять их в подданство России. Послы вернулись с ценными подарками. Но Россия, владения которой еще не граничили в то время с Киргизией, не могла удовлетворить просьбу киргизов¹. Добровольное присоединение киргизов к России произошло, как известно, значительно позже, в начале второй половины XIX в.

Культура киргизского народа второй половины XVIII в. имела много общих черт с культурой других кочевых народов. Кочевой образ жизни и патриархально-родовой быт наложили глубокий отпечаток как на материальную, так и на духовную культуру киргизов. Жилищем для них служила переносная юрта, состоявшая из деревянных складных решеточных стенок (кереге) и обруча (тундук), который упирался на жерди (уук), образующие купол полусферической формы. Деревянный остов юрты покрывался войлоком. Качество войлока, размеры, внутреннее убранство и внешнее украшение юрты зависели от материального благополучия ее хозяина.

При отсутствии письменности на родном языке большое развитие получило у киргизов устное народное творчество, связанное с народной музыкальной культурой. В песнях, эпосе, сказках, в пословицах и поговорках отразился быт киргизского народа, связанный с жизнью в юртах, в постоянном общении с природой. Особенно характерны в этом отношении пастушеские женские песни «бекбекей» и песни конских пастухов «шырылдан».

Этими песнями пастухи перекликались по ночам, призывая друг друга к бодрствованию. В произведениях киргизского фольклора, которые не могут быть точно датированы, но сложившихся уж в классовом феодальном обществе, ярко выступают социальные мотивы, сатирически изображены феодалы, которым противопоставлены вышедшие из народа герои².

¹ П. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. II. СПб., 1844, стр. 490; «Рукопись капитана Андреева». Ученый архив Всесоюзного Географического общества, разр. 64, оп. 1, д. 14.

² «Антология киргизской литературы». Архив Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, д. 1329; «Киргизские пословицы и поговорки». Фрунзе, 1948 (на кирг. яз.); «Киргизские народные сказки». Фрунзе, 1954.

Различного рода произведения устного народного творчества исполнялись многочисленными, нередко специализировавшимися на исполнении только определенных произведений, сказителями-импровизаторами, пользовавшимися среди киргизов большим уважением и популярностью.

В поэтическом творчестве киргизского народа нашли свое отражение и исторические события XVIII в. Как указывалось выше, именно к XVIII в. относятся те наслоения древнего эпоса «Манас», которые повествуют о войнах киргизов с калмыками. Борьба с калмыками, господство калмыцких феодалов над киргизским народом и другие исторические события XVIII в. отражены в таких произведениях устного творчества киргизского народа, как «Курманбек», «Эр Табылды», «Сарынжи-Бокой», «Эр Солтоной», «Мендирман», «Жаныш-Байыш» (вариант М. Мусульманкулова) и другие.

Ко времени господства над киргизами калмыцких феодалов относится и зарождение литературного течения «заманы», использованного реакционными киргизскими акынами во второй половине XIX — начале XX в. в целях антирусской пропаганды.

Феодальная идеология наложила свой отпечаток на эпические поэмы, например на некоторые эпизоды и варианты киргизских эпосов «Манас» и «Жаныш-Байыш». Кроме того, некоторые произведения, отражавшие господствовавшую феодальную идеологию, носили открыто реакционный характер. К ним может быть отнесено большинство песен-восхвалений (моктоо), посвященных отдельным киргизским феодалам. Такого рода песни получили среди киргизской знати широкое распространение. Сочинителями их были обычно профессиональные акыны — импровизаторы, принадлежавшие к окружению того или иного крупного киргизского феодала, которого сказитель и воспевал. К этой же группе относится также большинство песен религиозного содержания.

Как кочевой народ, киргизы не знали монументального строительства. Единственным типом построек, дошедших до нас от XVIII в., являются кумбозы (гробницы, построенные над могилами знатных киргизов). Их особенно много на территории современной Тянь-Шаньской области Киргизской ССР. Построены они из сырцового кирпича, а по своим архитектурным данным напоминают знаменитое надгробное сооружение XIV в., известное в народе под названием «Кумбоз Манаса» и по своей строительной технике теснейшим образом связаны с древними архитектурными традициями народов Средней Азии¹.

Широко было развито у киргизов декоративное прикладное искусство, связанное с кочевым бытом: изготовление войлочных орнаментированных ковров и кошм, предметов одежды, орнаментация кожаных изделий (седел, сбруи и т. п.), резьба по дереву (резные узоры деревянных частей юрты), орнаментация металлических украшений. Истоки киргизского национального узора, имеющего смысловое содержание, лежат в глубоком

¹ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950.

прошлом — в первобытном реалистическом искусстве¹. Чрезвычайно характерны для киргизского орнамента мотивы, взятые из животного и растительного мира.

Зачатки современных наук бытовали среди киргизов в форме устных народных, эмпирических знаний, почерпнутых из опыта многих поколений. Среди этого комплекса знаний было немало сведений, которые своими корнями уходили в книжные источники древности и средневековья. Значительный запас эмпирических знаний накопили киргизы, например, в области астрономии, зоологии, ботаники, анатомии, медицины, ветеринарии и т. д.

По своим религиозным верованиям во второй половине XVIII в. киргизы уже официально считались мусульманами. Вытеснение киргизов из Семиречья и поселение в Ферганской долине и близлежащих районах способствовали значительному усилению влияния ислама. Известно, что Фергана была одним из важнейших очагов распространения мусульманской религии на Востоке. Патриархально-родовой быт кочевников и нахождение киргизов и их предков в период могущества арабского халифата за пределами этого государства привели, однако, к тому, что ислам не получил широкого распространения в киргизском народе и в XVIII в. Догматы ислама были освоены главным образом господствующей верхушкой киргизского общества, а народные массы продолжали придерживаться своих древних верований. В основе этих религиозных представлений киргизов лежала вера в многочисленных духов, которыми заполнен якобы весь мир. Главным проводником подобных верований киргизов был бакшы, напоминавший во многом шамана сибирских народов. Древние верования занимали доминирующее положение в быту киргизского народа еще и в XIX в. Известный русский востоковед академик В. В. Бартольд справедливо заметил по этому вопросу, что «и в XIX в. киргизы были мусульманами только по имени и почти совсем не были знакомы с обрядами ислама»².

5

ТУРКМЕНИСТАН

Во второй половине XVIII в. туркменские кочевые и полукочевые племена занимали, как и ранее, степи и пустыни к востоку от Каспийского моря до Сыр-Дарьи, Усть-Урта и Мангышлака. Основным занятием населения здесь было скотоводство, сочетавшееся с другими видами занятий. Повсеместно туркмены занимались охотой, а на побережье Каспийского моря — рыболовством. Имели распространение некоторые виды домашней промышленности, связанные со скотоводческим хозяйством, — валяние

¹ М. В. Рындин. Киргизский узор. «Труды Киргизского филиала АН СССР», т. I. Фрунзе, 1943; «Киргизский национальный узор». Л.—Фрунзе, 1948.

² В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 21.

кошем, выделка грубых шерстяных тканей, ковров¹. На о-ве Челекене туркмены добывали нефть, серу, соль, озокерит и приготавливали из растений черную краску. В 1782 г. здесь было около 20 нефтяных колодцев, из которых добывалось в год до 4 тыс. пудов нефти. Челекенские туркмены вели торговлю нефтью и другими продуктами². Природные условия почти не позволяли заниматься земледелием, и туркменское население остро нуждалось в хлебе³.

Хозяйство носило в основном натуральный характер, но постепенно развивалась торговля туркмен с Россией и Хивой. Русские привозили сюда пшеничную муку, чугунные котлы, деревянную посуду и выменивали эти товары на кошмы, масло, обчину и т. п. Прибытие русских кораблей с хлебом всегда вызывало радостное оживление среди прикаспийских туркмен. На пристань съезжались люди из ближних и дальних аулов, порой за сотни километров. В Хиве туркмены покупали хлеб, ткани и оружие. В сношениях туркмен с Хивой значительную роль играла и работоторговля⁴.

Через кочевья туркмен пролегали дороги, связывавшие Хиву и Бухару с Россией. Туркменские старшины писали в 1767 г. Екатерине II: «Напредь сего мы Российской империи присягу чинили в том, чтоб приезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухарию караваны препровождать, напротив того из Бухарии и Хивы следующие караваны до Астрахани препровождать же». Туркменская знать была заинтересована в том, чтобы главная торговая дорога шла по туркменской территории, и шедшие через туркменские степи караваны могли бы охраняться от набегов казахских феодалов, нападая в свою очередь на караваны, проходившие через казахские земли⁵.

Отсталостью хозяйства туркмен определялась сохранность архаических патриархальных черт в общественном строе и в быту. Основой общественной организации кочевников-туркмен в XVIII в. был небольшой аул, состоявший из нескольких кибиток. Во главе аула стоял старшина — аксакал. Население аула состояло обычно из близких родственников, но в состав аула входили и чужаки, обычно беднота. Жизнь этих бесправных присельников (гельмишек) была тяжела и безрадостна⁶. Аулы объеди-

¹ Л. С. Берг. История исследования Туркмении. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 84, 90; «Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.». Вводная статья В. Разумовской. «Красный архив», 1939, № 2, стр. 224 (в дальнейшем сокращенно: «Красный архив»).

² Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 85, 89; Б. А. Литвинский. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. «Материалы Южно-Туркм. археол. комплексной экспедиции», вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 85—86.

³ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 232, 242 и др.

⁴ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 90; «Красный архив», 1939, № 2, стр. 212, 217, 219, 227, 229, 233 и др.

⁵ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 232, 242 и др.

⁶ Там же, стр. 212, 214. О тяжелом положении пришельцев говорится в «Родословной туркмен» Абульгази (пер. А. Туманского; Асхабад, 1897, стр. 70—71) и в народных песнях (например, «Бир гиче»).

нялись по родовому признаку; во главе объединений, включавших иногда несколько сот кибиток, стояли «главные старшины» (по терминологии русских путешественников), обычно именовавшиеся «бегами», иногда носившие также названия «онбеги», «батыры». Часто беги передавали свое звание по наследству. Русские авторы XVIII в. отмечали имущественное и социальное неравенство среди туркмен, выделяя среди них «лучших», «зпатных», которым противостояли «скудные», «пеший народ». Главное богатство знати составлял скот. Туркмены имели рабов-военнопленных, но чаще их продавали, чем использовали в своем хозяйстве¹.

Туркменское население побережья Каспийского моря, Усть-Урта и Кара-Кумов во второй половине XVIII в. было немногочисленным; большая часть туркмен ушла в Хорезм и оазисы южного Туркменистана, где было возможно земледельческое хозяйство. Борьба за земли, пригодные для хлебопашества, играла чрезвычайно важную роль в политической истории Туркменистана. Борьба за землю и воду лежала и в основе войны, развернувшейся в Хивинском ханстве во второй половине XVIII в. между туркменской знатью и узбекскими феодалами. Уже в 40-х годах значительная часть туркмен, ушедших из Хивы в прикаспийские степи во время грабительских походов Надир-шаха, вынуждена была вернуться обратно, ибо, как объясняли современники, «они люди не кочевные и обжили к хлебу, и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут». Вернулась под персидское ярмо главным образом беднота, а богатая скотом знать отсиживалась в степях². Но после смерти Надир-шаха и падения его империи туркмены-иомуды, воспользовавшись усобицей между вождями узбекских племен мангытов (мангитов) и конгратов (кунгратов), завязавшейся в Хиве в правление хана Каипа, сделали попытку захватить земли и власть в Хиве.

Войны между иомудской знатью и узбекскими феодалами начались уже в 1748 г. и продолжались вплоть до 1770 г. В 1764 г. иомуды и човдуры в награду за помощь, оказанную главе конгратов — инаку Мухаммад Амину, получили орошаемые земли на Янги-арыке. В дальнейшем иомудская знать попыталась вести самостоятельную политику, вследствие чего Мухаммад Амин призвал в Хиву текинцев и салоров и с их помощью напал на иомудов. Нападение оказалось неудачным — инак был оставлен узбекскими феодалами и сдался иомудам. Иомудские вожди захватили политическую власть в Хиве, но сохранили узбекский бюрократический аппарат³. Эта победа оказалась непрочной. Открытый грабеж оседлого

¹ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 212, 216—218, 220—221, 227, 229, 242, 250; *Р. Карутц*. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Пер. Е. Петри. СПб., [б. г.], стр. 23.

² «Красный архив», 1939, № 2, стр. 218, 238.

³ *Н. И. Веселовский*. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. СПб., 1877, стр. 220; «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. II. М.—Л., 1938, стр. 337—339 (в дальнейшем сокращенно: МИТТ-II); «Путевые записки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг.». «Вестник РГО», 1858, т. XXII, стр. 96 и сл.

узбекского населения иомудской кочевой знатью и, очевидно, столкновения между иомудами и узбеками из-за воды быстро вызвали широкое народное движение против власти иомудских феодально-родовых главарей. Объединившиеся узбекские феодалы сумели нанести иомудам поражение у Араб-Ханэ осенью 1770 г. и вытеснить их из Хивы¹.

Борьба туркмен за землю и воду в Хорезмском оазисе на этом, однако, не кончилась. В нее с 1778 г. вновь вступили салоры, теке и сарыки, жившие на среднем течении Аму-Дарьи (ниже Чарджоу). Для борьбы с ними Мухаммад Амин вновь пригласил в Хиву иомудов, с помощью которых подавил феодальные мятежи, отразил текинцев, салоров и бухарские войска и окончательно укрепил власть конгратской династии в Хиве².

Хивинские ханы нуждались в туркменской коннице — в этом была основная причина их союза с туркменской знатью. В конце XVIII в. туркмены получали в Хиве землю и воду под условием военной службы в качестве ханских нукеров.

Каждый нукер получал от хана несколько танапов земли (хивинский танап — 0,4 га) и за это должен был являться на войну на своем коне и со своим оружием. С этого времени и до присоединения Хивы к России туркмены составляли основу хивинского войска³.

Крупные события, связанные с борьбой за землю, пригодную для земледелия, развернулись во второй половине XVIII в. в южной части Туркменистана. Уже в 1747 г. против персидского ига восстали приамударьинские туркмены — эрсари и сарыки. Побережье Аму-Дарьи от Чарджоу до Керки и несколько выше осталось в руках эрсари (сарыки позднее ушли в Мерв). Хотя земли эти принадлежали Бухаре, но власть эмира не была здесь значительной. Каждый эрсаринский род имел свою крепость, порой снабженную артиллерией. Эрсаринские и сарыкские беги, не порывая патриархальных связей, на которых формально основывалась их власть над соплеменниками, все теснее сближались с феодальным классом Бухары, получали бухарские придворные звания. Туркменская конница прикрывала бухарскую границу и по указанию бухарских властей совершала набеги на соседние владения. Эрсари и присоединившиеся к ним мелкие племена продолжали вести во второй половине XVIII в., как и позже, в основном земледельческое хозяйство, хотя часть их оставалась кочевниками⁴. Об их общественном строе в XVIII в. до нас почти не дошло известий, но, видимо, у них шел процесс феодализации, что обусловило обострение классовых противоречий и подготовило ряд восстаний в начале XIX в.

¹ МИТТ-II, стр. 339, 344, 345, 347—350. Не смешивать с битвой у Араб-Ханэ в 1768 г. (МИТТ-II, стр. 235), которая была выиграна иомудами.

² МИТТ-II, стр. 351, 353; Ф. Ефремов. Десятилетнее странствование. М., 1952, стр. 24.

³ «История народов Узбекистана», т. II. Ташкент, 1947, стр. 162.

⁴ МИТТ-II, стр. 189—190, 197, 425; Капитан Быков. Очерк переправ через реку Аму-Дарья. Ташкент, 1879, стр. 55.

Мургабский оазис и прикопетдагские районы с 1747 по 1796 г. входили во владение потомков Надир-шаха¹, но фактически здесь хозяйничали полунезависимые мелкие феодалы и вожди кочевых и полукочевых племен. В предгорьях Копет-Дага стоял ряд феодальных городков и укрепленных сел; в центре обычно высился сильно укрепленный замок — резиденция феодала, а вокруг лепились домики простого народа — крестьян и ремесленников. Население здесь было смешанное: туркмены (главным образом из племен алили, емрели, махтум, карадашлы), курды, остатки древнего таджико-хорасанского населения (предки туркменских племен анаули, мехинли и др.); в Мерве жили иранцы, поселенные там Надир-шахом, во многих городах Атека — афшары.

Богатейшим оазисом южного Туркменистана — Марыйским (Мервским) и во второй половине XVIII в. правили кадджарские ханы². Мерв вплоть до конца века был довольно крупным торговым центром³, хотя бесконечные войны затрудняли торговлю и сокращали товарооборот. Во второй половине XVIII в. в окрестностях Мерва жили туркмены из племени салор. Кадджарские правители Мерва рано вступили в дружественные отношения с салорской знатью: наиболее крупный правитель Мерва Байрам Али-хан, погибший в 80-х годах, происходил от смешанного брака: отцом его был кадджар, матерью — туркменка из племени салор. Туркмены жили не в городе, а в окрестных селах⁴.

В 80-х годах XVIII в. начались походы бухарских войск на Мерв. Первый поход, в котором участвовало 2 тыс. всадников, окончился неудачей. Впоследствии военные действия свелись к набегам на Мерв бухарских отрядов (особенно из приамударьинских туркмен). В середине 80-х годов бухарский эмир Шохмурод предпринял решительный поход на Мерв. Ему удалось заманить в засаду и убить Байрам Али-хана, но при попытке захватить город он вновь потерпел поражение: жители города отбили нападение бухарского войска, которое вынуждено было ограничиться грабежом окрестностей⁵. Среди жителей Мерва начались раздоры. Правивший городом сын Байрам Али-хана обратился за помощью к Тимур-шаху афганскому, и в Мерв пришло афганское войско. Но еще до его прихода Шохмуроду удалось захватить крепость, охранявшую мервскую плотину; обрекая Мерв на неурожай и голод, он приказал бухарскому войску разрушить плотину. После ухода афганского войска Мерв подчинился эмиру бухарскому, причем большая часть иранского населения была уведена в Бухару⁶. Мервская плотина была восстановлена лишь в конце 90-х годов

¹ *Лэн-Пуль*. Мусульманские династии. СПб., 1899, стр. 218—219.

² МИТТ-II, стр. 197.

³ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, стр. 92—93; М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 1—17.

⁴ МИТТ-II, стр. 197, 200.

⁵ Ф. Ефремов. Указ. соч., стр. 23, 66; МИТТ-II, стр. 197—198; А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. III. М., 1849, стр. 53—54.

⁶ МИТТ-II, стр. 199—200; В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 88—89.

XVIII в. В Мерве с самого начала XIX в. находился бухарский наместник с войском, но громадное большинство населения составляли туркмены, однако уже не салоры, которые ушли в Серахс и Иолотань, а пришедшие с Аму-Дарьи теке и сарыки, союзники и подданные эмира бухарского¹. Так весь Мургабский оазис перешел в руки туркмен, осевших на его плодородных землях.

Во второй половине XVIII в. возобновилось движение туркмен-текинцев в прикопетдагскую полосу. Основной причиной этого движения было стремление захватить землю, пригодную для хлебопашества, в которой крайне нуждались текинцы, временно ушедшие от тирании Надир-шаха в Балханские горы. Но все удобные земли были заняты туркменскими племенами емрели, алили и другими, более мелкими, а также курдами и афшарами. Первоначально, по словам предания, текинцы обратились к емрелинской знати с просьбой отвести им землю для поселения, но получили отказ. Емрелинский маслахат (совет знати) соглашался пустить текинцев в емрелинские села лишь в качестве полузависимых присельников (гельмишек). Текинцы отказались принять это условие, и началась война. Захватив вначале земли на окраине песков², текинцы впоследствии заняли весь Ахал. Часть его населения была вытеснена. Успехи текинского наступления на Ахал объяснялись не только сплоченностью текинцев, остро нуждавшихся в земле и поэтому отчаянно сражавшихся, но и классовыми противоречиями в самом Ахале и царившей в нем феодальной раздробленностью.

Борьба за Ахал велась путем множества самостоятельных походов против отдельных феодальных владетелей. Закабаленное крестьянство Ахала иногда вступало с текинцами в прямой союз против местных феодалов. Так произошло во время захвата текинцами Нисы (видимо, уже в начале XIX в.), куда их пригласили махтумы, не выдержавшие притеснений и произвола феодального владетеля Нисы — Джафар-хана.

Различие между текинцами и старым населением Ахала было весьма значительным. В то время как старое население — карадашлы, махтумы, емрели, алили, не говоря о курдах и остатках таджико-хорасанского населения, — издавна было оседлым, текинцы до прихода в Ахал были кочевыми и полукочевыми скотоводами, лишь в малой степени занимавшимися земледелием и почти неизвестными с городской культурой.

Захват и заселение Ахала текинцами не могли не вызвать серьезных изменений в хозяйственном и общественном строе как местного населения, так и самих завоевателей. С одной стороны, началось массовое оседание текинцев, поделивших между собою захваченные земли. Первоначально земли каждого села делились поровну между семьями, участвовавшими в его завоевании. Но это равенство стало быстро нарушаться, и в начале

¹ МИТТ-II, стр. 227—230, 378—379.

² М. Е. Массон. Городища Нисы в ауле Багир и их изучение. «Труды Южно-Туркменист. археол. комплексной экспедиции», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 92.

XIX в. у текинцев уже появилась крупная земельная собственность¹. С другой стороны, оставшееся в Ахале местное население сближалось и перемешивалось с текинцами, хотя патриархально-родовые пережитки затрудняли это сближение.

Старая феодальная знать была истреблена или бежала, укрепленные городки и замки — твердыни феодальных хищников — были заброшены. Их сменили текинские села, где среди текинских дайхан (крестьян) группами или отдельными семьями жили остатки прежних обитателей Ахала — крестьяне и ремесленники. Постепенно в этих селах стали вырастать укрепленные усадьбы текинских баев², начавших исподволь сосредоточивать в своих руках землю и воду и эксплуатировать обедневших соседей и со-родичей.

В результате текинского переселения в Ахале установились архаические полупатриархальные, полуфеодальные отношения. Область приняла тот облик, который сохранялся до присоединения Туркменистана к России. Более прочно феодальные порядки держались в Атеке, где еще в XIX в. существовали крепости мелких иранских феодалов³. Но и в Атеке в XVIII в. стали селиться текинцы.

Таким образом, во второй половине XVIII в. во всем южном Туркменистане победили полупатриархальные, полуфеодальные отношения, что было связано с упадком средневосточных феодальных государств, с массовым движением на юг кочевых и полукочевых северотуркменских племен и оседанием их в прикопетдагских районах (Ахал и Атек), низовьях Мургаба и Теджена и на среднем течении Аму-Дарьи.

В туркменском полупатриархальном, полуфеодальном обществе XVIII в. обострились классовые противоречия между эксплуататорской феодально-родовой знатью и ростовщиками, с одной стороны, и массой туркменских трудящихся — скотоводов и земледельцев — с другой. Беднота, составлявшая большинство населения, разорялась, теряла землю и скот и переходила на положение издольщиков и наемных пастухов. Самый забитый и угнетенный слой общества составляли рабы (кулы), обычно военнопленные иранцы и курды.

Положение туркмен резко ухудшилось с конца XVIII в., когда окрепшие Иран и Бухара возобновили наступление на туркменские земли. С севера усилился натиск казахских феодалов, стремившихся подчинить себе туркмен Мангышлака⁴. Часть знати открыто перешла на сторону захватчиков. Предводители среднеамударьинских туркмен организовывали набеги на Мерв; один из иомудских феодально-родовых вождей, Ходжам Берды-хан, стал сподвижником жестокого каджарского шаха Ага Мохам-

¹ Например, Мурад-сердар владел землями, орошаемыми источником Гяуре (Д. Н. Субботич. Материалы по землеводопользованию. Ашхабад, 1896, стр. 10).

² Например, крепость Ак-Кала в Кенши; см. также М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 95.

³ МИТТ-II, стр. 385—387.

⁴ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 251—252.

меда и участвовал в его грабительских походах¹. Предательская политика знати, охотно вступившей в союз с врагами, чтобы надежнее подчинить себе родной народ, вновь открыла врагу путь в туркменские земли.

В XVIII в. укрепились экономические и политические связи Туркмении с Россией.

В царствование Елизаветы Петровны несколько иомудских старшин приезжали в Петербург и представлялись императрице. Они получили «высочайшую грамоту», в которой говорилось: «Жителям Мангышлака позволяется приезжать морем в Астрахань и отправлять в сем городе свою торговлю»².

Еще в 1741 г. туркмены Мангышлака говорили капитану Тебелеву, посланному к восточному берегу Каспийского моря на торговом судне: «...Мы-де, как и прежде, так и ныне, состоим под державою его императорского величества, как-де вы, так и мы почитаем одного государя российского»³. Туркмены эти настойчиво стремились перейти в русское подданство и в 1745 г. присылали в Петербург своих аксакалов с просьбой о принятии их в подданство России и о построении у них крепости для защиты от набегов и грабежей.

Царское правительство, заинтересованное возможностью утвердиться на восточном побережье Каспийского моря, неоднократно направляло туда экспедиции. В 1764 г. для отыскания гаваней были отправлены капитан И. В. Токмачев и инженер-майор Ладыженский, обследовавшие Челекен и район нынешнего Красноводска.

В 70-х годах XVIII в. Петербург посетил посланец от туркмен, который просил устроить торговую гавань на о-ве Огурчинском. В связи с этим в 1781 г. на Каспийское море была направлена военная эскадра под командованием М. И. Войновича. Осмотрев остров и установив, что для устройства гавани он не пригоден, Войнович прибыл к Красноводским горам; здесь к нему приехали «первостатейные старшины» туркмен «с разными предложениями, к пользе российской с Хивой и Бухариею торговли служащими»⁴. В 1798 г. мангышлакские туркмены отправили своих депутатов к астраханскому губернатору с просьбой построить на мысе Тюб-Караган крепость, которая служила бы местом для склада товаров в торговле со Средней Азией и Астраханью.

Таким образом туркмены восточного побережья Каспийского моря в течение всей второй половины XVIII в. упорно добивались укрепления торговых и политических связей с Россией. Правда, царское правительство так и не решилось вплоть до XIX в. присоединить к России Мангышлак и Красноводский полуостров, но экономические связи России с Туркменистаном успешно развивались, причем в эти связи втягивались не только

¹ О нем имеется дестан, написанный Шабенде, реакционным поэтом военно-феодалного направления. См. также МИТТ-II, стр. 302, где он назван Ходжөнд-верды.

² АКАК, т. II. Тифлис, 1868, стр. 999.

³ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 215.

⁴ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 90.

прибрежные туркменские племена, но и население отдаленных районов страны. В конце XVIII в. русские товары уже продавались на базарах Мерва, куда еще не достигало русское политическое влияние. Вместе с тем все более и более широкие круги туркменского народа приходили к мысли о переходе в русское подданство как о пути спасения от междоусобных войн, грабежей и произвола феодальных государей Востока.

О художественной одаренности туркменского народа можно судить по предметам домашней промышленности, бытовавшим повсеместно, отчасти по изделиям ремесленного производства, например ювелирного. Туркменские ковры и войлочные изделия уже тогда отличались своеобразием узоров и красок.

Слабое развитие грамотности среди туркменского народа вело к распространению устного народного творчества, особенно народной песни. Преподавание в мусульманских школах (мектебе), которые имелись в оседлых поселениях, велось на основе арабского алфавита и чуждого народу книжного языка. Кочевое население, можно сказать, не знало грамотности. С устной народной поэзией и народной музыкой было тесно связано творчество крупнейшего туркменского поэта Махтум-кули, жившего во второй половине XVIII в. В его произведениях ярко отразилось обострение социальных противоречий в Туркменистане этого периода.

Махтум-кули (литературный псевдоним — Фраги) происходил из племени гоклен, жившего в долине Сумбара. Он был сыном поэта Азади, в молодости учился в Хиве, в медресе Ширгази, немало странствовал, затем вернулся на родину, где зарабатывал себе на пропитание преподаванием в мектебе и ремеслом кюмушчи (серебряных дел мастера). Свои стихи он записывал, но его рукописи погибли во время войны с иранцами¹. Однако стихи Махтум-кули пользуются доныне широкой известностью не только у туркмен, но и у многих соседних народов.

Творчество Махтум-кули открыло новый этап в истории туркменской литературы. Он отказался от господствовавшего ранее книжного языка, насыщенного арабскими и персидскими словами и мало понятного народу, отказался от распространенного прежде жанра дестана (феодального романа). Махтум-кули ввел в туркменскую литературу новый жанр — лирические стихотворения. Написанные на народном языке, эти небольшие стихотворения быстро превращались в народные песни и расходились по всему Туркменистану. Язык Махтум-кули прост, красочен, богат оттенками и музыкален. Его стихам свойственны искренность и сила чувства.

Широкой известностью пользуется любовная лирика Махтум-кули, отличающаяся нежностью и задушевностью, несмотря на некоторую пышность и гиперболичность образов, свойственную вообще любовной лирике Ближнего и Среднего Востока феодального периода. Большую роль в его творчестве играли и социально-политические мотивы. Отсталостью туркменского общества, сохранившего в XVIII в. много патриархальных

¹ *Махтум-кули (Фраги)*. Избранные стихи. Пер. с туркменского под ред. А. Дейча. Предисловие Е. Э. Бертельса. М., 1948, стр. 5—10.

черт в экономике и тем более в сознании людей, объясняется отсутствие в стихах Махтум-кули четкого классового самосознания, но по своим воззрениям и идеалам он ближе всего стоит к основной массе народа — туркменскому патриархальному крестьянству. Его стихи полны гнева и ненависти к богачам и стяжателям и глубоким сочувствием к беднякам¹. Стихи Махтум-кули пронизаны глубокой любовью к своему народу. Поэт признавал царящую в обществе несправедливость, но не видел средств победить ее; отсюда глубокий пессимизм многих его стихов, отсюда его псевдоним «Фраги» («Печальный»)².

Махтум-кули сумел подняться выше родо-племенной ограниченности: он призывал к объединению туркменских племен, к созданию единого и независимого туркменского государства. Но неизбежная социальная ограниченность Махтум-кули сказывается в том, что рядом с призывом к объединению, обращенным к народу, у него находят место надежда на бога и вера в «доброе хана», который не только объединит туркменские племена, но и установит справедливые порядки³. О его классовой ограниченности говорит и сильная религиозная струя в творчестве, но его религиозность сочетается с резким антиклерикализмом, с враждебным и презрительным отношением к духовенству⁴.

Наряду с прогрессивным направлением, ярко выраженным в творчестве Махтум-кули, в туркменской литературе имелось реакционное военно-феодалное направление, представленное емрелинским поэтом Магрупи. Магрупи воспевал грабительские походы знати, с откровенным восхищением рисовал сцены истребления капыров (т. е. гяуров — «неверных») и перечислял награбленную добычу. Он восхвалял и идеализировал патриархально-феодалный быт туркмен XVIII в., не желая замечать острых социальных противоречий, нищеты и страданий народа; народные массы вообще не фигурируют в его произведениях.

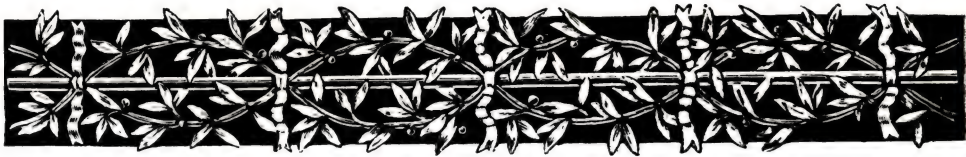
¹ *Махтум-кули (Фраги)*. Указ. соч., стр. 258—260 («Страшный суд»), 237 («Бедняк»), 313—314.

² Там же, стр. 315—316, 344 и др.

³ Там же, стр. 322, 336—337 (стихи о Чоудар-хане), 344, 350.

⁴ Там же, стр. 248, 256, 258—262, 263 и др.





ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVIII в.— важный этап в истории нашей Родины. В этот период происходил сложный и внутренне противоречивый исторический процесс, в котором проявилось уже несоответствие производительных сил и производственных отношений. С одной стороны, в этот период самодержавие стремилось расширить и укрепить феодально-крепостническую систему, усилить господство дворянства; с другой стороны, вместе с ростом производительных сил народного хозяйства складывался капиталистический уклад, свидетельствовавший о начавшемся уже процессе разложения крепостничества, особенно в центральных районах страны.

Во второй половине XVIII в. развивалась крестьянская промышленность. Из мелкого товарного производства возникали расширенные мастерские и мануфактуры. Это особенно отчетливо проявляется в текстильных и металлообрабатывающих промыслах.

Мануфактурная промышленность росла, охватывая все новые и новые отрасли производства. На крестьянских и купеческих мануфактурах, особенно в шелковой и хлопчатобумажной промышленности, формировался капиталистический способ производства, ширилось применение наемного труда. Хотя работные люди, занятые на мануфактурах, в массе своей оставались еще крепостными крестьянами, отпущенными на оброк, и часть их заработной платы присваивалась помещиками в виде денежной феодальной земельной ренты, все же в своих отношениях с владельцами мануфактур эти крестьяне выступали как наемные рабочие.

Развитие общественного разделения труда, рост торговли и промышленности способствовали возникновению классового расслоения среди крестьянства, в особенности в оброчной, нечерноземной полосе. Здесь из разбогатевших крестьян — торговцев и предпринимателей, владельцев небольших мануфактур — выделялась буржуазия, часто находившаяся еще в крепостной зависимости от помещика. Одновременно разорялась основная группа податного сельского населения России. Обнищавшие крестьяне вынуждены были массами уходить на заработки в города, наниматься на мануфактуры и т. п. Таким образом рос рынок труда в России.

Эти явления, связанные с процессом первоначального накопления, более заметны во второй половине XVIII в., чем в предшествующем периоде. В черноземной полосе, где господствовала барщина, процесс классового расслоения крестьянства шел слабее. Помещики, сохраняя феодально-

крепостническую основу своего хозяйства, увеличивали производство сельскохозяйственных продуктов на продажу.

Возраставшее применение наемного труда, наряду с увеличением отхода крестьян на заработки во второй половине XVIII в., свидетельствовало о все большем проникновении в крепостной строй новых, капиталистических отношений. Следует подчеркнуть, что в условиях господства феодально-крепостнического строя процесс вызревания капиталистических отношений в России происходил медленно.

Крупная промышленность, использовавшая труд крепостных крестьян, как, например, уральская металлургия, также продолжала развиваться во второй половине XVIII в. Россия заняла ведущее место в Европе по выплавке черного металла и достигла больших успехов в экспорте железа. Именно в это время «...крепостное право,— отмечал В. И. Ленин,— служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹.

Развитие промышленности и рост товарности сельского хозяйства имели своим следствием расширение всероссийского рынка. Это стало особенно заметно после отмены в 1754 г. внутренних таможенных сборов и ликвидации таможенной черты между Украиной и Россией. Развитие водного транспорта, прорытие каналов также имело большое значение для развития рынка в данный период времени. Наряду с этим развивался также и внешний рынок.

Развитие товарного производства, промышленности и торговли привело во второй половине XVIII в. к углублению географической специализации отдельных хозяйственных районов России, дальнейшему расширению экономических связей между ними, росту городов, возникновению промышленных центров. Конечно, хозяйственных районов с узкой специализацией производства было еще мало. Но в каждом районе постепенно выделялась отрасль производства, которая становилась ведущей, определяла значение данного района в экономике страны. Черноземная полоса России все больше специализировалась на производстве сельскохозяйственных продуктов, в нечерноземной полосе развивались преимущественно промышленность и торговля. Наиболее заметно этот процесс специализации отдельных районов сказывался в центре — в Московской, Владимирской, Ярославской, Калужской, Нижегородской и других губерниях, а также на Урале.

Таким образом, во второй половине XVIII в. с большей силой, чем прежде, внутри феодального общества проявлялся процесс первоначального накопления, росли капиталистические отношения. Вместе с тем усиливалось несоответствие между ростом производительных сил и еще господствовавшими в стране крепостническими отношениями.

Крепостное право в этот период вызвало особенно упорную борьбу народных масс. Непрекращавшиеся волнения и отдельные восстания переросли в грандиозную Крестьянскую войну 1773—1775 гг. Широтой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

своего размаха и небывалой остротой классовой борьбы эта война превзошла все предшествующие антифеодальные движения России и ускорила разложение крепостнического строя. Дворянское правительство еще до этой войны было вынуждено лавировать, прибегать к отдельным мероприятиям в духе так называемого «просвещенного абсолютизма», созвало Уложенную комиссию и в то же время продолжало применять жестокие крепостнические меры воздействия на массы.

Дворянство должно было считаться с нараставшим экономическим значением купечества. Верхушка купечества получила в свои руки органы городского управления, хотя и сильно опраниченного дворянско-бюрократическими рамками.

Внешняя (как и внутренняя) политика царской России определялась интересами господствовавшего дворянского класса и была направлена на укрепление феодально-абсолютистского государства. Вместе с тем активная внешняя политика царской России имела своим следствием упрочение позиций русского абсолютизма и на международной арене. Но объективно эта политика способствовала разрешению ряда важнейших исторических задач, стоявших перед страной в данный период времени. Сюда относится воссоединение украинского и белорусского народов с русским народом, утверждение на Черном море и дальнейшее закрепление позиций России в Прибалтике. Все это содействовало развитию производительных сил страны, обеспечению прочной обороны Российского государства.

Выдающуюся роль в достижении крупных побед в России в рассматриваемый период времени сыграла русская армия и полководцы А. В. Суворов и П. А. Румянцев. Возглавляемая Суворовым военная школа была передовой для своего времени и имела важное значение для развития русского военного искусства. Прогрессивная военно-морская теория и тактика адмирала Ф. Ф. Ушакова были также серьезным вкладом в военноморском искусстве.

Во второй половине XVIII в. в России наблюдался подъем национальной русской культуры. Возник ряд культурных центров (Московский университет, Академия художеств и др.), где получили значительное для того времени развитие отечественная наука, литература, искусство, архитектура.

Культура поднимающейся русской нации не была социально однородной по своему характеру. Господствующее место занимала дворянская культура. Но развивались и элементы демократической культуры. Они складывались в упорной борьбе трудящихся масс против феодально-крепостнической эксплуатации. В это время начинается формирование демократической идеологии, великими представителями которой были М. В. Ломоносов и А. Н. Радищев.

Передовые общественные деятели, выражая интересы народа, выступали против крепостничества. Усиление демократического направления составляет характерную особенность русской культуры второй половины

XVIII в. В литературе и публицистике происходила борьба нового со старым, передового, демократического направления — с господствующей культурой правящего дворянского класса.

Носителем лучших черт складывающейся русской нации, творцом материальной и духовной культуры был народ, многомиллионные массы сельского и городского населения феодальной России.

Вторая половина XVIII в. — важный этап в формировании русской нации. Русский литературный язык намного приблизился к разговорной речи, постепенно освобождаясь от архаизмов и от особенностей канцелярского языка и стиля, унаследованных от прошлого. Большое значение в этом отношении имело создание М. В. Ломоносовым научной грамматики русского языка.

Большая заслуга в развитии национального литературного языка принадлежала писателям, передовым общественным деятелям, выдающимся представителям отечественной науки того времени¹. Процесс складывания единого национального русского языка, поглощения им различных местных диалектов, приближения литературного языка к живой разговорной речи завершился уже в XIX в.

Во второй половине XVIII в. территория России значительно расширилась. Ее границы простирались от Ледовитого океана на севере до побережья Черного и Азовского морей на юге и от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке. Помимо земель с русским населением Российская империя включала в свой состав обширные территории, населенные нерусскими народами. Русская нация формировалась как нация господствующая, объединявшая вокруг себя другие народы России, а государство — как многонациональное.

Процесс складывания русской народности в русскую нацию, интенсивно происходивший в рассматриваемый период времени, завершился уже в XIX в.

Царизм жестоко угнетал нерусские народы России, всячески тормозил развитие их экономики и культуры. Однако, наряду с этим во второй половине XVIII в. росли и крепились начавшие еще ранее складываться экономические и культурные связи русского народа с другими народами России. Русский народ вместе с трудящимися массами других народов вел совместную борьбу против феодально-крепостнического гнета дворян и их государственной власти. Так, в Крестьянской войне 1773—1775 гг., наряду с русским народом, принимали активное участие башкиры, татары, мордва, марийцы и др.

Входившие в состав России народы находились на различных ступенях социально-экономического развития. Некоторые народы Сибири, Алтая, Севера в рассматриваемый период времени в своем общественном строе сохраняли многие черты родовых отношений и только еще переходили к

¹ В. В. Виноградов. Вопросы образования русского национального литературного языка в связи с историей общества. «Вопросы формирования русской народности и буржуазной нации» (рукопись, стр. 360—364). Институт истории АН СССР.

феодалным формам социальных отношений. Напротив, в Прибалтике, на Украине, у народов Поволжья господствовал феодально-крепостнический строй, и уже развивались новые, капиталистические отношения.

Украина, территорией которой владело несколько государств, не представляла единого целого в экономическом отношении. В каждой части Украины господствовал феодальный строй, находившийся на различных ступенях развития. Панская Польша, султанская Турция жестоко угнетали украинский народ, тормозили его экономическое и культурное развитие.

Несмотря на гнет царизма, на Левобережной Украине, воссоединенной с Россией в середине XVII в., развивалось народное хозяйство, укреплялись экономические связи с Россией, особенно после отмены внутренних таможенных сборов в 1754 г. Все более вовлекаясь во всероссийский рынок, Левобережная Украина становилась его важной составной частью. Значительное развитие на Левобережной Украине получили также литература, искусство, которые испытывали на себе положительное влияние передовой русской культуры. Во второй половине XVIII в. Левобережье играло ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни всей Украины.

Во второй половине XVIII в. из-под ига султанской Турции были освобождены южные украинские земли, и от гнета шляхетской Польши большая часть Правобережной Украины. На этих землях стали быстрее развиваться производительные силы. На юге Украины возникли новые крупные торговые и культурные центры — Херсон, Николаев, Одесса и др., значение которых особенно возросло в последующий период времени. Рос Севастополь — главная база русского Черноморского флота.

В конце XVIII в. белорусский народ был воссоединен с русским народом. Хотя это воссоединение произошло в рамках крепостнической России, но господствовавшие в России феодально-крепостнические отношения давали больший, чем в панской Польше, простор развитию производительных сил Белоруссии.

К концу XVIII в. в состав России вошли Курляндия, Латгалия и основные литовские земли. Прибалтика еще теснее связалась с центральной Россией, что имело положительное значение для развития экономики и культуры эстонского, латышского и литовского народов.

Во второй половине XVIII в. экономическое и культурное сближение народов, живших в Российском государстве, усиливалось не только в результате расширения и углубления торговых связей, втягивания национальных окраин во всероссийский рынок. Народы Сибири, Поволжья, Приуралья, Севера и других областей России перенимали у русских земледелие, технику, различные ремесла. Русская культура способствовала развитию культуры нерусских народов.

Росли и крепились также экономические связи с Россией и народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, которые в основной своей массе в рассматриваемый отрезок времени еще не входили в состав России.

Таким образом, изучаемый период (1750—1790) представляет собою важный этап в социально-экономическом развитии нашей Родины. В это время производительные силы вступили в противоречие с феодально-крепостническими отношениями. Начался период разложения феодально-крепостнической системы.

Организационная работа по тому и научно-техническая его подготовка выполнены А. П. Виноградовой (бригадир тома).

В технической подготовке принимали участие Н. П. Малолетов и М. М. Зайцева.

Карты составлены И. А. Голубцовым.

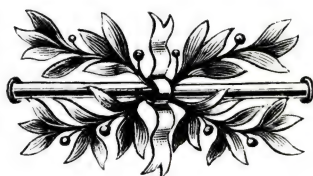
Иллюстрации подобраны Н. А. Баклановой.

Схемы выполнены Б. Г. Слищаном.

Указатели составлены А. П. Виноградовой.

Фотоработы для иллюстрирования настоящего издания выполнены фотолабораторией Государственного исторического музея под руководством А. В. Хлебникова.

Съемки для цветных репродукций произведены С. Г. Беляевым и Р. И. Мазиковым.



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Маркс К. 7, 61, 99, 147, 193, 248, 249, 319, 386, 469, 481, 594

Энгельс Ф. 193, 248, 249, 319, 386, 387, 428, 469, 481, 594

Ленин В. И. 17, 19, 21, 45, 51, 81, 94, 96, 101, 112, 235, 249, 251, 290, 388, 469, 482, 497, 499, 521, 571, 600, 832

Абашидзе Леван, имеретинский князь
723, 724

Аббас I, иранский шах 759

Аббас-Кули-ага Бакиханов, историк 756,
757

Абдулахад, бухарский эмир 815

Абдулкадыр Мирза. См. Бедиль

Абдулкарим-бий, кокандский хан 808

Абдуррахим 808

Абдуррахман-Толи, историк 809

Абдур-Резак, турецкий дипломат 359, 361

Абдуррезак Думбули, историк 763

Аблай, казахский хан 781—786, 788, 794,
788, 794, 797, 819

Аблесимов Александр Анисимович, писа-
тель 512, 540

Абрамян А., историк 512, 540

Абулгози, хивинский хан 807

Абулгазиз, казахский султан 791

Абулмамбет, казахский султан 784, 785

Абулфайз (Абулфейз), бухарский хан
804, 809

Абулхаир, казахский султан, хивинский
хан 784, 785, 793, 798

Август III, курфюрст саксонский, поль-
ский король 328, 352

Авербух Р. А., историк 22

Аверкиев Спиридон, мастер художест-
венной майолики 545

Аветик-вердапет, настоятель хорвиран-
ского монастыря 738

Ага-Бек, азербайджанский феодал 754

Ага Мухаммед-хан, иранский шах 734—
736, 750, 753, 757, 762—764, 827, 828

Азади Девлет Мамед, туркменский поэт
829

Азадовский М. К., литературовед 504

Азналиев Юлай, башкирский старшина,
отец Салавата Юлаева 236, 660

Айни С., историк 815

Айчувак, казахский султан 792

Аюбян В. А., историк 740

Аксаков Сергей Тимофеевич 76

Акым, казахский султан, хивинский хан
793

Алейников Андрей, депутат от казаков в
Уложенной комиссии 1767 г. 279

Александр, имеретинский царь 723

Александр I, 497

Александр Бакарович, имеретинский ца-
ревич 730, 731

Александр Соломонович, имеретинский
царевич 730

Александр Ярославич Невский 552

Александренко В. П., историк 384

Александрович Шимон, школьный учи-
тель 702

Алексеев Петр 467

Алексеев Федор Яковлевич, художник
419, 562

Алефиренко П. К., историк 3, 20, 22, 202,
892

Алиев Муса, участник Крестьянской вой-
ны 1773—1775 гг. 224

Алимбек, сын Нияз Кули-бек ишона, бу-
харский историк 809, 815

Алимбет, казахский батыр 785

Алиханов-Аварский М. (Максут Али-хан),
историк 825

Алишер Навои. См. Навои

Али-заде, азербайджанский архитектор
764

Али Мурад-хан, иранский шах 749, 750

Алметьев Идеркей, татарин 211

Алпатов М. В., искусствовед 612

Амвросий, московский митрополит 467

Амурсана, джунгарский нойон 794

Андреев А. И., историк 18, 437

- Андреев В., историк 254
 Андреев М. С., историк 811
 Андреев Н. П., литературовед 504
 Андреев Сергей, мастер художественной майолики 545
 Андреев Степан, геодезист и картограф 441
 Андреев Ф., рабочий Московского Суконного двора 190
 Андрущенко А. И., историк 193, 201, 891
 Анисимов А. Ф., историк 642
 Аничков Дмитрий Сергеевич, профессор Московского университета 418, 463, 466, 467
 Анна Ивановна, императрица 78
 Анна Петровна, герцогиня голштинская 269
 Антаур (Хованди Тахур), ташкентский шейх 814
 Антоновский Михаил Иванович, член «Об-ва друзей словесных наук» 532
 Антропов Алексей Петрович, художник 556, 560, 610
 Анучин Д. Н. 196
 Аполлова Н. Г., историк 893
 Апраксин М. Ф., граф 240
 Апраксин Степан Федорович, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в Семилетнюю войну 249, 250, 258, 267, 329—332
 Аракелян Б. Н., историк 740
 Аранов Илья Федорович, атаман в войске Пугачева 218, 219, 222, 226
 Арасламбек, кабардинский князь 768
 Арасланов Князя, башкирский старшина, полковник в войске Пугачева 224, 226, 660
 Аргунов Иван Петрович, художник 555, 574
 Аргунов Николай Иванович, художник 555
 Аргунов Павел Иванович, архитектор 555, 574
 Аргунов Федор Семенович, архитектор 555
 Аргунов Яков Иванович, учитель рисования, 555
 Аргуновы, семья крепостных художников и архитекторов 555
 Аргутинский Иосиф. См. Иосиф Аргутинский
 Аренс А. К. 810
 Аркрайт Ричард, предприниматель 450
 Арио, французский писатель 513
 Артемий Арабатский 737, 739, 740
 Артемьев Алексей Артемьевич, профессор Московского университета 457
 Артуа (де). См. Д'Артуа
 Арутюнян П. Т., историк 738, 892
 Архангельский С. И., историк 41, 64, 87
 Архенгольд И. В., военный историк 335, 347
 Арчил, грузинский царевич 734
 Асатуров Логан, купец 741
 Аскоченский В., историк 609
 Атажука, кабардинский князь 768
 Аткинсон Т.-В., гравер 123, 137
 Афанасий (Тбилили), грузинский митрополит 721
 Афанасьев Терентий, ткач Московского Суконного двора 190
 Афонин Матвей Иванович, профессор Московского университета 441
 Ахвердов Н. И., дворянин, сотрудник журнала «Иртыш» 532
 Ахмад, афганский шах 813
 Ахмед-бек Джеваншир, азербайджанский историк 763
 Ахмет-Эфенди (Ресми А.-Э.), турецкий дипломат 352
 Ащепков Е. А., искусствовед 638
 Аютянц Акоп, армянский историк 751
 Бабкин Д. С., литературовед 19
 Бабурин Д. С., историк 21
 Багалеи Д. И., историк 601
 Баграмян Мовсес, армянский общественный деятель и писатель 746
 Баграт, грузинский царевич 724
 Багратиони Антоний, католикос Грузии 729
 Багратиони Иоанн, писатель 717
 Бажаев В. Г. 38
 Баженов Василий Иванович, архитектор 10, 24, 418, 555, 570—574, 576, 611
 Базилевич К. В., историк 331
 Базилевские, украинские помещики 584, 585
 Байрам Али-хан, правитель Мерва 813, 825
 Бак И. С., историк 22
 Бакарев Алексей Никитич, архитектор 573
 Бакир, молдавский гайдук 713
 Бакланов Н. Б., историк 20
 Бакланова Н. А., историк 836
 Бакмейстер Л. И., писатель 30
 Бакрадзе Д. З., историк 717
 Бакунина 561
 Балагуров Я. А., историк 184, 185, 630, 633

- Бантыш-Каменский Н. Н., историк 14
Бараг Л. Г., литературовед 515
Барак, казахский султан 784, 785
Баралл, мануфактурист 634
Баранович А. И., историк 3, 20, 594, 892
Бараташвили Н. 735
Барсов Антон Алексеевич, профессор Московского университета 418, 502
Барсук Василь, белорусский мастер-ткач 627
Бартольд В. В., академик 804, 806, 808, 811, 817, 818, 821
Барышников, купец 251
Батал-паша, турецкий сераскер 775
Баташева, владелица бумажной мануфактуры 245
Баташевы, заводовладельцы 10, 106, 107, 651
Батыр, казахский хан 784, 785, 793, 807
Батыр Срым (Датов Срым), старшина Младшего жуза, предводитель восстания в С.-З. Казахстане 786, 789—792
Бахерахт Андрей Гаврилович, доктор медицины, ученый-новатор 447, 449
Бахрушин С. В., историк 662, 892
Бахтин Иван Иванович, сотрудник журнала «Иртыш» 532
Башмаков М. М., член Екатеринбургской горной канцелярии 196
Беарде (де) Лабей, французский ученый 275, 276
Бедиль Мпрзо Абулкодир, индийско-таджикский поэт 815
Безбородко Александр Андреевич, канцлер, дипломат 366, 368, 385, 386, 604, 788
Безобразов В. П., историк 14
Бекетов Никита Афанасьевич, астраханский губернатор 772
Беккариа Чезаре, итальянский юрист 276
Бекович-Черкасский Александр, начальник Хивинской экспедиции 795
Бекчурин Мендиар, переводчик 811
Белевский А., 676
Белецкий А., искусствовед 608
Белинский Виссарион Григорьевич 16, 17, 195, 427, 489, 504, 517, 520, 521, 537
Белобородов Иван Наумович, полковник в войске Пугачева 218, 223, 227, 229, 236
Белый Сидор, старшина Запорожского войска 591
Бельмонти, театральный антрепренер 535
Бельский М. И., художник 609
Беляев И. И., ученик И. П. Кулибина, оптик 454
Бенуа А. Н., художник 550
Берг Л. С., академик, географ 822, 828
Бердзенишвили Н. А., академик 892
Березняков Н. В., историк 892
Березовский Максим Сазонтович, композитор 539, 604, 609
Беринг Витус, начальник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций 437, 667
Берк Эдмунд, член английского парламента 385
Берков П. Н., литературовед 19, 500, 601
Бернович М. Ю., помещик и владелец суконной мануфактуры 621
Бернулли Даниил, академик, математик 622
Бертельс Е. Э., литературовед 829
Бескровный Л. Г., историк 48, 330, 378, 461, 891
Бессонов, помещик 174, 175
Бессонов Андрей, горнозаводский техник 454
Бессонов П., искусствовед 57
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, канцлер 9, 249, 258, 267, 324, 326, 342
Бестужев-Рюмин Михаил Петрович, посол во Франции 258
Бестужева Анна, помещица 173
Бецкой Иван Иванович, государственный деятель 285, 421, 422
Бибиков Александр Ильич, маршал Уложенной комиссии 1767 г., главнокомандующий правительственными войсками в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. 225, 235, 279
Бибиков Г. Н., историк 20, 64
Бибиков Юрий, полковник 225, 227
Биллингс И. И., капитан, исследователь Сев. Сибири 440, 667
Бильбасов В. А., историк 13
Биларский П. С., историк 16, 431, 524
Бирон Эрнст-Иоганн, курляндский герцог, регент 255
Благоვენский И., историк 638
Благой Д. Д., литературовед 23, 24
Бланкеннагель, майор, путешественник 823
Блок Г., литературовед 194
Блюменфельд, немецкий историк права 276
Бобрин, тульский оружейник, изобретатель 454
Багдан Хмельницкий. См. Хмельницкий
Богданович Ипполит Федорович, поэт 508, 511, 512, 525, 530

- Боголюбов В., историк 37, 38, 281
 Богословский М. М., историк 282
 Богун Иван, казачий полковник, сподвижник Богдана Хмельницкого в борьбе украинского народа 608
 Богуславский, антрепренер польской труппы 626
 Бойко И. Д., историк 892
 Бокум, майор, начальник колонии русских студентов в Лейпциге 490
 Болотин Ефим, владелец Московского Суконого двора 190, 252
 Болотников Иван Исаевич, руководитель Крестьянской войны 1606—1607 гг. 222, 237
 Болотов Андрей Тимофеевич, ученый агроном и писатель 12, 40, 75, 84, 205, 231, 232, 270, 330, 331, 406, 407, 441, 442, 458, 459, 466, 528, 530
 Болтин Иван Никитич, историк 457, 460
 Бондаренко Иван, запорожский казак, предводитель повстанческого отряда 598
 Борисов В., историк 85
 Борисов Матвей, мастер художественной майолики 545
 Борман Лаур, литовский крестьянин-ткач 696
 Борнс А., путешественник 825
 Боровиковский Владимир Лукич, художник 517, 561, 611, 612
 Боровой С. Я., историк 150
 Бородин М., историк 373
 Бортнянский Дмитрий Степанович, композитор 539—541, 609
 Бочкарев В. Н., историк 22, 280
 Брагинский И. С., историк 893
 Брандт Яков Илларионович, генерал-аншеф, казанский губернатор 212, 219
 Браун Иосиф-Адам, академик, физик 434
 Бренна Викентий Францевич, художник и архитектор 572
 Брольи (де) Виктор Франсуа, герцог, командующий французской армией в Семилетнюю войну 340, 350
 Броун Юрий Юрьевич, лифляндский генерал-губернатор 684, 685, 692
 Брюсов В. Я., поэт 199
 Бубрих Д. В., историк 630, 639
 Бугаевский-Благодарный Иван Васильевич, художник 611
 Бужор, молдавский гайдук 713
 Буйди И. Н., переводчик Коллегии иностранных дел 405
 Букков, австрийский генерал 339
 Булавин Кондратий Афанасьевич, руководитель восстания в 1707—1709 гг. на Дону 222
 Булгаков Яков Иванович, дипломат 371, 372, 378
 Булычев И. Д., историк 668
 Бурбоны, династия французских королей 325
 Буржанадзе Ш., историк 723
 Бурнашев Степан Данилович, полковник, дипломат 732
 Бурнашев Т. С., путешественник 798—801, 814
 Бурылин, крестьянин-предприниматель с. Иванова 70
 Бутенко В. А., историк 123
 Бутков П. Г., историк 725, 731, 732, 735, 773, 774, 770
 Бутримов, крестьянин-предприниматель с. Иванова 98
 Бутурлин Александр Борисович, главнокомандующий в Семилетнюю войну 250, 258, 341
 Бухар-жирау, казахский акын 796
 Быков А., капитан 824
 Бюффон (де) Жорж-Луи Леклерк, французский натуралист и писатель 428, 445
 Вагина П. А., историк 182, 183
 Вагиф (Молла Панах), азербайджанский поэт и государственный деятель 763, 764
 Валиханов Ч. Ч., историк 786
 Валькер, гравер 345
 Варданес Х., путешественник 438
 Варламов Иван, крепостной художник по фарфору 547
 Васильевская О. И., историк 633
 Васина-Гроссман В., искусствовед 609
 Вассар А. К., историк 892
 Ватс, гравер 355
 Вахтанг VI, картлийский царь 717, 718
 Ведель, прусский генерал 336
 Ведель Артемий Лукьянович, композитор 604, 609
 Веденецкий П. П., художник 453
 Вейтбрехт, петербургский издатель и книготорговец 528
 Велланский (Кавунник) Данило Михайлович, украинский философ 604
 Вельяминов-Зернов В. В., историк 798
 Венгеров С. А., историк литературы 517
 Венедиктов А. В., юрист 71

- Вережкин Михаил Иванович, поэт и драматург 511, 512, 522, 654
- Веретенников В. И., историк 13, 252
- Вернер Иоганн Поль, прусский генерал 346
- Веселаго Ф. Ф., военный историк 317, 374
- Веселовский Н. И., историк 774, 786, 802, 823
- Ветошников Яков, рабочий Малоарославской мануфактуры 187
- Видади Молла Вели, азербайджанский поэт 764
- Викунин, ярославский купец 154
- Вильбоа Н. П., генерал, член императорского совета 271, 274
- Вильде Т. Э., издатель 688
- Виноградов В. В., академик 834
- Виноградов Дмитрий Иванович, ученый 434
- Винский Григорий Степанович, писатель 84, 298
- Висковатов А. В., историк 311, 313, 315
- Виташевский Н. А., историк 676
- Витевский В. Н., историк 208, 778
- Витошнов Андрей, яицкий казак, член военной коллегии Пугачева 211, 222, 226
- Витт В. О. 442
- Витюгов А. А., историк 38
- Вихляев И., бургомистр Главного магистрата 255
- Випман А., писатель 449
- Вишняков И., художник декоративной живописи 555
- Владимиров, купец 142
- Вовчок Афанасий, могилевский мастер-металлист 627
- Вознесенский С. В., историк 282
- Войнович Марк Иванович, адмирал 380, 828
- Волгин В. П., академик 264
- Волков Григорий Григорьевич, актер 535
- Волков Дмитрий Васильевич, член императорского совета 271, 777
- Волков С. И., историк 178
- Волков Федор Григорьевич, актер, основоположник русского театра 9, 535—537
- Волков Яков, мастер литейного дела 550
- Волконская С. С., княгиня 568, 569
- Волконский Михаил Никитич, московский генерал-губернатор 205, 231, 536
- Вольтер Ф.-М.-А., французский философ 264, 272, 463, 487, 513
- Вольф Г., член «Вольного Экономического общества» 41
- Вольф Каспар-Фридрих, член петербургской Академии наук анатом 428, 442 — 444
- Вольф Христиан, немецкий философ и математик 729
- Воронин Н., историк 174
- Воронина В. Л., искусствовед 808
- Воронов В., искусствовед 543
- Воронов Н. В., историк 246
- Воронцов Александр Романович, государственный деятель 496, 519
- Воронцов Михаил Илларионович, канцлер 78, 251, 258, 265, 271, 743, 771
- Воронцов Роман Илларионович, конференц-министр 108, 183, 259, 265, 266, 275
- Воронцов Семен Романович, граф, посол в Англии 384, 405, 406
- Воронцовы, графы 32, 76, 103, 125, 126, 174, 266, 267
- Ворошин Матвей, мастер резьбы по дереву 542
- Востоков А. А., историк 255
- Вюртембергский герцог 346, 347
- Вяземский Александр Алексеевич, генерал-прокурор Сената 175, 183, 187, 200, 285, 303, 592
- Вяткин М. П., историк 41, 148, 201, 788, 793, 891
- Габсбурги, династия австрийских императоров 325, 351
- Гадик Андрей, ген.-фельдмаршал, командующий австрийской армией в Семилетнюю войну 333, 337
- Гайоз (Гай), ректор Телавской семинарии 729
- Гайсинович А. Е., историк 201, 443
- Гандурин И., крестьянин-предприниматель с. Иванова 61
- Гарднер Ф. Я., владелец фарфорового завода 546—548
- Гарелин И., крестьянин с. Иванова, владелец полотняной мануфактуры 62, 98
- Гасан-паша, великий визирь, турецкий дипломат 378, 724
- Гафуров Б. Г., историк 810, 813, 815
- Гейден (фон дер), прусский полковник, комендант Кольберга 347
- Гейман В. Г., историк 643
- Гейслер Х.-Г., художник и гравер 69, 237
- Гельвеций Клод Адриан, французский философ 463, 465, 490

- Геннин (де) Вильгельм (Вилим) Иванович, инженер, управляющий уральскими заводами 117
- Генрих, принц, командующий прусской армией в Семилетнюю войну 341
- Георг, принц голштинский 271
- Георг III, курфюрст ганноверский, английский король 369, 374
- Георги Иоганн, этнограф, путешественник 85, 88, 92, 93, 438—440, 639, 645—647, 651, 656, 667, 671, 673, 741, 777, 795
- Георгий XII, грузинский царь 733—736
- Герман И. Е., историк 118, 261
- Герман К. Э. 45
- Герцберг Эвальд Фридрих, прусский дипломат 373
- Герцен Александр Иванович 17, 195, 375, 450, 489, 498, 534
- Гершель Фредерик Вильгельм (Вильям), английский астроном 436
- Гессен Ю. И., историк 21
- Гибянский И. Г., историк 622
- Гика Григорий Александр, молдавский господарь 375, 708, 712
- Гирс А. А. 371
- Глаголева А. П., историк 636, 892
- Глазатова Е. И., историк 202, 203, 207
- Глазунов М., книготорговец 413
- Глебов Александр Иванович, обер-прокурор Сената, заводовладелец 126, 251, 255, 260, 270—272
- Глинков Родион, изобретатель чесально-прядельной машины 450
- Глоба И., запорожский кошевой писарь 586
- Гмелин Иоганн-Георг, путешественник 117
- Гмелин Самуил-Георг-Готлиб, академик, путешественник 437, 439
- Голиков Иван Иванович, историк 462
- Голицын Александр Михайлович, канцлер 566
- Голицын Дмитрий Алексеевич, 75
- Голицын Михаил Михайлович, сенатор 63, 258
- Голицын Петр Михайлович, главнокомандующий правительственными войсками в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. 226, 235
- Голлербах Э., искусствовед 611
- Голобуцкий В. А., историк 892
- Головатый Антон, запорожский старшина 591
- Головатый Микита, казак, гайдамак 588
- Головачев В. Ф., историк 373
- Головин, помещик 57
- Головин Дорофей Федорович, гидротехник 454
- Головин И., историк 680
- Головин Михаил Евсеевич, математик 435, 436
- Головкин Михаил Гаврилович, заводовладелец 180
- Голубцов И. А., историк 836
- Голубцов С. А., историк 201
- Гольбах (де) Поль Анри, французский философ-материалист 463, 490
- Гольберг Ф.-Л., датский писатель 513, 698
- Гольдберг Т. Г., искусствовед 552
- Гом, английский купец 126
- Гонта Иван, казачий сотник, руководитель крестьянской войны на Правобережной Украине 597, 598, 608
- Гончаров А. А., владелец Малоюрославцевкой мануфактуры 18, 98, 182, 187 — 189, 191, 231, 252
- Горбунов М. А., историк философии 23
- Горбылев, петербургский купец 126
- Гордеев Федор Гордеевич, скульптор 566
- Горденин, владелец Суконной мануфактуры 108
- Горностаев Ф., искусствовед 611
- Горшков Максим, илецкий казак, член военной коллегии Пугачева 222, 226, 237
- Горький Алексей Максимович 514, 526, 527
- Госташабишвили Эрасти, грузинский дворянин 719
- Готье Ю. В., академик, историк 22, 253, 256, 260, 261, 268, 275, 891
- Грабарь И. Э., академик 24, 572, 574
- Градовский А. Д., историк 13
- Граф Прованский 413
- Грачевы И., Е., Ф., крестьяне-предприниматели с. Иванова 61, 62, 67, 68
- Гребенщиков А., владелец ценинного завода 545
- Грейг Самуил Карлович, адмирал 374, 689
- Греков Б. Д., академик, историк 20, 26, 32, 41, 64, 65, 120, 137, 458, 636
- Гренвиль Уильям, английский политический деятель 374
- Грессе Луи, французский поэт 513
- Грибанов, купец 142, 642
- Григорович В. И., историк 14
- Григорович-Барский И. Г., украинский архитектор 611
- Григорьев В. В., историк 14, 305, 806, 807

- Григорьев Н. 798, 799, 801, 804
 Гримм Фредерик-Мельхиор, французский писатель 272
 Громбах С. М., 892
 Грот Я. К., академик 196, 204, 516
 Грушас, литовский шляхтич 703
 Грязнов Иван, полковник в войске Пугачева 217, 221
 Грязнов Ф., купец, владелец завода 691
 Губин М., купец 107
 Гудович Иван Васильевич, генерал 735
 Гукас (Карнеци), армянский католикос 749, 753, 754
 Гуляев Я., переводчик 785
 Гурамишвили Давид, грузинский поэт 729
 Гурьев Семен, поручик л.-г. Измайловского полка 272
 Гуслистый К. Г., историк 892
 Густав III, шведский король 323, 359, 361, 374, 383, 411, 412
 Гусятников Никифор, мастер художественной майолики 546
 Гусятниковы, купцы, владельцы мануфактур 107, 159, 246
 Гюльденштедт (Гильденштедт) И.-А., академик, путешественник 437—439, 727, 768
- Давацц, джунгарский нойон 794, 795
 Давид Арчиллович, имеретинский царевич 722, 733—734. См. Соломон II
 Давид Георгиевич, имеретинский царевич 734
 Д'Аламбер Жан, французский философ 272
 Данилевский В. В., историк 20, 23, 102, 892
 Данилевский Г. П., историк 601
 Данилов М. В., артиллерист, изобретатель 308
 Дареджан, грузинская царица, жена ц. Ираклия II 733
 Д'Артуа, граф 410, 413
 Датов Срым. См. Батыр Срым
 Датуна («Датка»), грузинский крестьянин-ткач 722
 Даун Леопольд-Иосиф, граф, австрийский главнокомандующий в Семилетнюю войну 308, 328, 329, 334, 337, 339
 Дашкова Екатерина Романовна, княгиня 529
 Девлет-Гирей, крымский хан 366, 773
 Дейч А. 829
 Деколонг Иван Александрович, генерал-поручик, командующий правительственными войсками в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. 216, 225, 227, 660
 Деламот Валлен Ж.-Б., французский архитектор 573
 Демидова Н. Ф., историк 639, 892
 Демидовы, заводовладельцы 108, 118, 174, 180, 182, 183, 187, 202, 217, 218, 251, 252
 Денисова М. М., искусствовед 553
 Державин Гавриил Романович 57, 205, 407, 504, 516—518, 521, 522, 529, 530, 561, 631, 654
 Десницкий Семен Ефимович, профессор Московского университета, юрист 10, 19, 23, 418, 457, 463, 467, 470, 476, 480, 481, 482, 576
 Джамбул, казахский поэт 784
 Джаныбек, казахский бий 786
 Джафар-хан, владелец Нисы 826
 Джервис М. В., историк 19
 Джугаеци Хачатур Абега, армянский историк 751, 752
 Дивов Иван Иванович, сенатор 255
 Дивович С., 607
 Дидро Дени, французский философ 272, 487
 Дикушин Григорий Ефимович, крепостной архитектор 574
 Дильтей Филипп-Генрих, профессор Московского университета, юрист 457
 Дитятин И. И., историк 13, 154
 Диц Г. Ф., прусский дипломат, посланник в Константинополе 370
 Дмитриевский Иван Афанасьевич, драматический актер 535—537
 Дмитриев Н. Н., историк 21, 97
 Дмитриев Ю. Д., искусствовед 537
 Дмитриев-Мамонов А. И., историк 16, 196, 660
 Дмитриева Е. Н., историк 551
 Дмитрий (Сеченов), архиепископ 506
 Добролюбов Николай Александрович 17, 425, 485, 486, 489, 526, 527, 529
 Доброхотов Б., историк 609
 Довбуш Олекса, участник восстания на Правобережной Украине 608
 Довнар-Запольский М. В. (Доўнар-Запольскі), историк 618
 Долгих Б. О., этнограф 892
 Долгополов Евстафий, ржевский купец 205
 Долинский Л., украинский художник 611
 Домашнев Сергей Герасимович, писатель 508

- Дондуа В. Д., историк 717, 892
 Довелайтис Кристионас, литовский писатель 705
 Дониел-бий, бухарский хан 804, 805, 812
 Донсков Д., атаман Уральского казачьего войска 791, 792
 Дорошенко Микита, запорожский казак 590
 Дпир Багдасар, армянский поэт 753
 Дружинин Н. М., академик, историк 24, 50, 51, 54, 58
 Дружинина Е. И., историк 22, 359, 360, 891
 Дубровин Н. Ф., академик, военный историк 15, 16, 195, 196, 212, 219, 232, 235, 371, 767
 Дубровский Алексей, мценский купеческий сын, член военной коллегии Пугачева 233, 236
 Дубцов, инсарский купец 230
 Дурденевский И., крестьянин с. Иванова 61
 Дэрманеску, молдавский писатель 716
 Д'Эстре, французский маршал 329
 Дьякова М. А. 561
 Дюбюк Е. Ф. 88, 685, 696
 Дюмон Этьен, французский мемуарист 405
 Дюмуре Шарль-Франсуа, французский генерал 354
- Евгений-Фридрих Вюртембергский, герцог, командующий прусскими войсками в Семилетнюю войну 345—347
 Евреинов Я. И., купец, президент Коммерц-коллегии 125, 126, 145
 Евреиновы, купцы 159
 Евсеев Петр, крестьянин, предводитель повстанческого отряда 230
 Евстратов Михаил, крестьянин, предводитель повстанческого отряда 230
 Егизаров С. А., историк 736
 Еготов Иван Васильевич, архитектор 573
 Екатерина II, императрица 50, 114, 144, 150, 157, 166, 170, 172, 192, 198, 200, 205, 215, 225, 235, 240, 244, 249, 251, 255, 261, 267, 269, 271—279, 282, 284, 285, 288, 290, 298, 301, 303, 318, 323, 332, 348, 351—353, 356, 364, 366—368, 372, 377, 404, 406—410, 412, 413, 420, 422, 426, 457, 461, 476, 483, 484, 487, 489, 492, 495, 496, 504, 516, 518, 526, 527, 529, 530, 558, 561, 564, 565, 571, 581—584, 591, 601, 609, 640, 684, 685, 694, 697, 703, 731, 732, 735, 742, 749, 750, 751, 761, 790, 811, 822
- Елагин Иван Перфильевич, гофмейстер, историк, поэт и переводчик 463
 Елеонский С. Ф., историк 500
 Елизавета Петровна, императрица 90, 171, 174, 180, 188, 250—253, 254, 255, 258, 262, 264, 266—269, 271, 273, 285, 322, 327, 328, 329, 332, 339, 340, 344, 347, 534, 742, 828
 Елизарова Н. А., историк 24
 Еляков И. Е., гравёр 129
 Еналин Даут, башкирский старшина 659
 Ереванци Симеон. См. Симеон
 Еремеев, владелец Суконной мануфактуры 117
 Еремина Курица. См. Оболяев Степан
 Ерменев Иван Алексеевич, художник 10, 505, 557, 564
 Есим, казахский хан 792
 Ефименко А. Я., историк 38
 Ефимов Г., историк 818
 Ефремов П. А. 12
 Ефремов Ф. С., путешественник 798, 812, 824, 825
- Жадиг, казахский султан 784
 Жантиева Д. Т., историк 767
 Жаринов Д. А., историк 58
 Железняк Максим. См. Зализняк М.
 Жемчугова (Ковалева) Прасковья Ивановна, крепостная актриса 24
 Жена Э., французский поверенный в России 405, 410, 411
 Жеребцов, депутат от пахотных солдат в Уложенную комиссию 1767 г. 420
 Жеребцов А., подполковник 252
 Жидков Г. В., искусствовед 612
 Жижка М. В., историк 201, 215, 216
 Жилкин, атаман в войске Пугачева 218
 Жильберт, профессор ботаники в Вильнюсской академии 704
 Житецкий П., историк 607
 Жукович П., историк 624, 825
 Жуковский Василий Андреевич, поэт 418
 Жуковский В. А., историк 825
 Журавлевы, московские купцы 135
 Журба Андрей, казак, участник восстания на Украине 598
- Забелла Т., историк 617, 618
 Забелин И. Е., историк 57, 81, 501, 534, 535
 Заболоцкий Н., переводчик 729
 Завадовский Петр Васильевич, государственный деятель по просвещению 625

- Загорский Петр Андреевич, президент Петербургской медико-хирургической академии 604
- Заев, секунд-майор 216
- Закалинская Е. П., историк 35, 624
- Зализняк (Железняк) Максим, запорожский гайдамак, руководитель крестьянского восстания (Колиивщины) на Правобережной Украине 588, 598, 608
- Заметаев Игнат (Метелкин, Метелка, Запрометов), атаман повстанческого отряда 239
- Замысловский Е. Е., историк 446
- Заозерская Е. И., историк 22
- Зарубин Чика. См. Чика
- Засецкий А. А., 38
- Захаров Андриан Дмитриевич, архитектор 689
- Зейдлиц Фридрих-Вильгельм, прусский генерал 334
- Зелинский С. П. 718
- Земской Данила, московский купец 135
- Зенд Керим-хан, иранский шах 722, 752
- Злобин Б. А., купец г. Вольска 159
- Злотников М. Ф., историк 111
- Зонненфельс Иосиф, немецкий историк права 276
- Зорич Семен Гаврилович, генерал, белорусский помещик, заводовладелец 276, 625
- Зотов Герасим, петербургский книготорговец 495, 496
- Зубков Ф., крестьянин-предприниматель с. Иванова 61, 251
- Зубов, помещик 242
- Зубов Валериан Александрович, главнокомандующий русскими войсками в персидском походе 735, 750, 751, 758, 763
- Зубов В. П., историк 428, 892
- Зубов Д. А., саратовский помещик 76
- Зуев Василий Федорович, академик, путешественник и писатель 438, 439, 667
- Зутис Я. Я., историк 22, 683, 684, 696
- Зыбелин Семен Герасимович, первый профессор медицины Московского университета 447—449
- Зыкин И. Г., горнозаводский техник 454
- Зырянов А. Н., историк 196
- Зябловский Е. Ф., историк 551
- Иакинф (Бичурин Н. Я.), востоковед 794, 816
- Ибрагим-эфенди, доверенный турецкого паши 392
- Ибрагим-Халил, карабахский хан 756, 762—764
- Иваз, правитель Хивы 807
- Иван III, вел. князь московский 457
- Иван Антонович, император 272
- Иванов Алексей, помещичий крестьянин, атаман крестьянского отряда 230
- Иванов Д. Д., искусствовед 549
- Иванов Иван, помещичий крестьянин атаман крестьянского отряда 230, 233
- Иванов Михаил Матвеевич, художник 562
- Иванов Петр, мастер художественной майолики 545
- Иванов П. П., историк 799, 801
- Иванов Яков, помещичий крестьянин, атаман повстанческого отряда 230, 234
- Игельстром Отто Андреевич, симбирский и уфимский генерал-губернатор 790, 792
- Игнатъев Р. Г., историк 196
- Игнатъев Тихон, крестьянин Ярославского у. 239
- Измайлова А. М. 556
- Илишев Семен, атаман в войске Пугачева 223
- Иоаннисян А. Р., историк 731, 740, 743, 744, 746, 748, 749, 892
- Иона (Гедеванишвили), грузинский митрополит 729
- Иоселиани П., историк 733
- Иосиф II, австрийский император 276, 354, 356, 366, 367, 377
- Иосиф Аргутинский, армянский архиепископ, общественный и политический деятель 747, 748, 750, 753
- Иосиф Эмин. См. Эмин Иосиф
- Ираклиевичи, грузинские царевичи, сыновья Ираклия II 736
- Ираклий II (Теймуразович), царь Кахети и Карталинии 371, 719, 720, 722, 723, 725, 730—736, 742, 744, 762
- Ирман, генерал-поручик, управляющий алтайскими заводами 452
- Ирназар, бухарский посол в Петербурге 809
- Истомин Владимир Иванович, контр-адмирал 403
- Ишинский, крестьянин, владелец мануфактуры в с. Иванове 98

- Кабанов С., поручик 653
 Кабо Р. М., географ 39, 40
 Каверзнев Афанасий Авакумович, ученый, биолог 442, 443
 Казаков Матвей Федорович, архитектор 10, 24, 418, 419, 555, 572—576, 611
 Казаков Родион Родионович, архитектор 573
 Казбек, казахский бий 786
 Каиц, казахский султан, хивинский хан 793, 807, 823
 Какабадзе С., историк 724
 Калантарян Петрос, армянский врач, основатель армянской медицины 753
 Каллиграф (Каллиграф) Иван Иванович, актер 535
 Калимахи Иона, молдавский господарь 712
 Калинин М. И. 393, 399, 761
 Калнищевский П. И., запорожский кошевой атаман 586, 588—590
 Калужный И. Д., историк 201
 Каманин И. М., историк 593
 Каменев Гавриил Петрович, поэт 654
 Каменский, атаман повстанческого отряда 230
 Камерон Чарльз, архитектор 573, 574, 611
 Кано, гравёр 355
 Каныкаев (Каныкеев) Бахтияр, мещеряк, «главный полковник» Пугачева 216, 232
 Кант Иммануил, немецкий философ 428
 Кантемир Антиох Дмитриевич, писатель сатирик 445, 607
 Каланци Петрос, армянский поэт 753
 Капланишвили (Орбелиани) Заал, грузинский дворянин 719
 Капланишвили Мзечабуки, грузинский судья 719
 Канист Василий Васильевич, поэт и драматург 518, 522, 530, 601
 Кар Василий Алексеевич, генерал-майор, главнокомандующий правительственными войсками в подавлении Крестьянской войны 215, 216
 Караваев Денис, яицкий казак, участник Крестьянской войны 210, 211
 Каразин В. 413
 Каралаев Саякбай, киргизский манасчи (сказитель) 818
 Карамзин Николай Михайлович 198, 521, 522, 531
 Каратай, казахский султан, затем хан 792
 Каргин Никита, яицкий атаман, участник Крестьянской войны 227
 Каррыев А. К., историк 893
 Карский Е. Ф., историк 625
 Карутц Р., историк 823
 Касим, ширванский хан 763
 Кауниц Ритберг-Венцель-Антон, австрийский дипломат 325, 326
 Кафенгауз Б. Б. 20, 102, 163, 180, 186, 202, 268, 461, 891
 Каховский Михаил Васильевич, генерал 412
 Капницев, художник 439
 Капницев Д. А., историк 20
 Кашишев В. В., издатель 695
 Кваренги Джакомо, архитектор 536, 573, 574, 611, 689
 Квасов Андрей Васильевич, архитектор 554, 555, 610, 611
 Кекелидзе К., историк 729
 Керим-хан Зенд. См. Зенд Керим
 Кернажицкий К. И., историк 616—618
 Кестнер, художник по фарфору 547
 Киен-Лунг, китайский император 670
 Кизеветтер А. А., историк 13, 45, 155, 161, 282
 Киннидзе И., профессор 718
 Киреев А. 772
 Киреевский П. В. 205
 Кирша Данилов 503, 539
 Кисляков Н. А., историк 811
 Клермон (де) Людовик, командующий французской армией в Семилетнюю войну 335
 Клокман Ю. Р., историк 3, 23, 321, 390, 891—893
 Ключевский В. О., историк 12—14
 Кнаппе, художник 59
 Кшиппер К., петербургский театральный антрепренер 535, 540
 Княжнин Яков Борисович, писатель 404, 413, 504, 512, 519, 530, 540
 Князев, командир правительственного отряда по борьбе с повстанческим движением 185
 Князьков С. А., историк 426
 Кобург Заальфельд Фридрих-Носия, австрийский фельдмаршал 377
 Ковалев, педагог 423
 Коваленко Л., историк 405, 407
 Коваленская Н. Н., искусствовед 24, 612, 892

- Ковалинский М. И., историк 601
Ковнир С. Д., архитектор 611
Коган Ю. Я., историк 891, 892
Коган Э. С., историк 43
Кожевниковы, казаки 211
Кожин Александр Иванович, топограф 795
Козельский Я. И., депутат в Уложенную комиссию 1767 г. 279
Козельский Яков Павлович, философ 9, 19, 23, 463, 465, 466, 470, 476—480, 489, 498, 576, 601
Козенс Р., мастер Красносельской мануфактуры 97
Козловский Михаил Иванович, скульптор 566, 567, 612
Кокоринов Александр Филиппович, архитектор 555, 560, 573
Кокс У., англичанин 622
Кокун Иван Иванович, мастер художественной майолики 546
Кокушкин Д., владелец юрьевопольской мануфактуры 97
Колло Мария-Анна, скульптор 566
Колокольников Василий Яковлевич, доктор медицины 408
Колмаков Алексей Васильевич, переводчик Адмиралтейской коллегии 454
Колпак Афанасий, полковник Запорожского войска 590
Комаров Матвей, писатель 404, 513
Коменский Ян Амос, чешский педагог 418, 422, 424
Комов Иван Иванович, ученый-агроном 441, 454
Конде Луи-Жозеф (де) Бурбон, командующий французской армией в Семилетнюю войну 413
Кондрашенков А. А., историк 170, 203
Кондяков Андрей, московский купец 134—135
Константинов Н. А. историк 420, 892
Контад (де) Луи-Жорж-Эразм, герцог, командующий французской армией в Семилетнюю войну 335
Коперник Николай, 428
Коркунов М. А., историк 13
Корнилов Владимир Алексеевич, адмирал 403
Корнилов О. Е., историк 201
Корнильев Василий, тобольский купец, владелец типографии 532
Коробан В. П., историк 715
Коробков Н. М., историк 18, 23, 329—331, 334, 338, 339
Коробьин Григорий Степанович, депутат в Уложенной комиссии 1767 г. 116, 279, 280
Королюк В. Д., историк 324
Корольков Иван, владелец кирпичного завода в Москве 246
Корф Алексей, комендант Верхне-Озерной «дистанции» 214
Корф Анна-Христина, вдова барона Корфа 410
Корф С. А., историк 15, 296
Костин Семен, староста Кижской трети в Карелии 185
Костюшко Тадеуш, польский патриот, деятель национального восстания 1794 г. 697, 703, 704
Косцялковский С., историк 615, 700, 702
Котельников Семен Кириллович, адъюнкт Петербургской Акад. наук, математик 435, 436, 454
Кочубей В. П., князь 405
Красильников И., геодезист 796
Красноженова М. В., историк 504
Крафт И., бригадир 734
Крашенинников Степан Петрович, академик, исследователь Камчатки 438, 675, 679
Краухин Андрей, солдат 239
Креницын Петр Кузьмич, мореплаватель, исследователь Алеутских островов 440
Крестинин Василий Васильевич, писатель 155, 419, 460, 462
Крестова Л. В., литературовед 499, 527, 892
Кречетников Петр Никитич, генерал-майор, астраханский губернатор 206
Кречетов Федор Васильевич, писатель, издатель 406, 523, 533
Кривonos Максим, участник восстания на Украине 608
Крохин В., историк 630
Кружков В. С., литературовед 17
Крутицкий Антон Михайлович, драматический актер 537, 538
Крылов П. Н., иркутский следователь 260
Крылов Иван Андреевич, баснописец, драматург 19, 520, 522, 533
Крым-гирей, крымский хан 771
Кувяткин Захар, рабочий Малоярославецкой мануфактуры 189
Кузнецов, атаман в войске Пугачева 217

- Кузнецов Б. Г., литературовед 23
Кузнецова Устинья, жена Пугачева 213, 227
Кузьмина В. Д., литературовед 499, 501, 502, 538, 892
Кулебака, казахский батыр 785
Кулибин Иван Петрович, механик-изобретатель 10, 452—455, 575
Куликов Тихон, рабочий Малоярославской мануфактуры 187
Кулсара, казахский батыр 785
Кумберландский герцог В.-А., командующий англо-ганноверскими войсками в Семилетнюю войну 329
Куприянов, рабочий человек 192
Куракин А. Б. 56, 561
Куракины, князья, помещики 33, 63, 76, 177
Курганов Н. Г., историк 454
Кутузов (Голицынов-Кутузов) Михаил Илларионович 22, 382, 385, 389
Кушева Е. Н., историк 3, 20, 56, 64, 893
- Ладыженский инженер-майор, участник Каспийской экспедиции 185, 828
Лазарев Михаил Петрович, адмирал 403
Лазарев (Лазарян) Эгiazар, армянский купец, общественный деятель 251, 748
Лазаревский А. М., историк 15, 578
Лалаян Е., историк 737
Лама Дорджи (Дорджа), джунгарский хунтайджи 794
Ламанский В. И., историк 16
Ламин И.-Б., художник 369
Лалин Иван, актер придворного театра в Петербурге 535
Лаплас Пьер-Симон, французский астроном, физик и математик 428
Лаппо Ф. И., историк 22, 242, 268, 891
Лаппо-Данилевский А. С., историк 175, 261
Ларионов С., историк 32
Латкин В. Н., историк 14, 257, 278
Лаув (фон), эстляндский помещик, владелец стекольной мануфактуры 113
Лаудон Евгений (Геодон-Эрнест), австрийский генерал-фельдмаршал 335, 337, 341
Лебедев В. И., историк 201
Левальдт (фон) Иоганн, прусский фельдмаршал 330, 331
Леван Ираклиевич, грузинский царевич 726
Левашов Василий Яковлевич, генерал-аншеф, сенатор 250
Левашев Михаил Дмитриевич, мореплаватель, исследователь Алеутских островов 440
Левенталь Л. Г., историк 676
Левзин Дмитрий, механик, ученик Ползунова 451
Левинатов В. Н., историк 754
Левидова С. М., историк 633, 637
Левинсон Е. А., искусствовед 549
Левинсон Н. Р., искусствовед 550, 892
Левицкий Григорий Кириллович, гравёр 559, 560, 610, 612
Левицкий Дмитрий Григорьевич, художник 10, 24, 558, 560, 561, 566, 610, 612
Левшин А. И., историк 777, 779
Леер Г. А., военный историк 14
Лейбниц Готфрид Вильгельм, немецкий философ и математик 464
Леклерк Николай-Гавриил, академик, историк 461
Лексель Андерс-Иоганн, академик, астроном 436
Лемке М. К., литературовед 195
Ленрот Элиас, финский писатель, этнограф 638
Ленц Э., историк 553
Лео, историк 739—741, 751—753
Леонидзе Соломон, грузинский политический деятель 734
Леонов А. И., искусствовед 24
Леонтьев Н., генерал-аншеф, тульский помещик 172
Леопольд II, австрийский император 383, 412
Лепехин Иван Иванович, академик, путешественник 29, 437—440, 442, 443, 448, 449, 640—644, 648, 649
Лесток И.-Г., граф 249
Ливанова Т. Н., искусствовед 24, 539
Лиман, основатель и владелец Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры 97
Литвинский Б. А., историк 822
Лобашев М. Е., историк 442
Ловиц Товий Егорович, академик, химик 436
Логинов Андрей, откупщик 251
Лозанова А. Н., литературовед 503
Локателли Джованни Баттиста, итальянский антрепренер 535

- Локк Джон, английский философ 421, 464
 Ломоносов Михаил Васильевич 9, 10, 16, 18, 23, 102, 264, 416, 418, 428—434, 436, 441, 445, 447, 450, 453—457, 462, 464, 465, 468—476, 489, 490, 498, 504—508, 512, 516, 520, 523, 524, 533, 534, 548, 555, 557, 565, 566, 575, 576, 600, 607, 722, 724, 729, 833, 834
 Ломоури Т. Н., историк 724
 Лооне Л. А., историк 681
 Лопухин А. В., историк 386
 Лопухин, помещик 70
 Лопухин Василий Абрамович, генерал-аншеф 330
 Лопухин Иван Владимирович, масон 463
 Лопухин Петр Васильевич, московский губернатор 404
 Лопухина М. И. 560—561
 Лопушняк, молдавский гайдук 713
 Лосенко Антон Павлович, художник 562, 612
 Лубянович К. А., член «Общества друзей словесных наук» 532
 Лугинин Л. И., купец, владелец мануфактуры 182, 252
 Лугинины, купцы 107, 182
 Лукин Владимир Игнатьевич, писатель и переводчик 509
 Лысенко Ф., украинский помещик 584
 Лэн-Пуль (Стенли), историк 825
 Львов, раненбургский помещик 242
 Львов Николай Александрович, архитектор, музыкальный деятель 503, 539, 561
 Любавцев, депутат от крестьян в Уложенную комиссию 420
 Любомиров П. Г., историк 20, 26, 34, 87, 100, 104, 107, 651
 Людовик XV, французский король 327, 333
 Людовик XVI, французский король 406, 407, 409, 410, 413
 Людовик XVII, французский король 410
 Людовик XVIII, французский король (б. граф Прованский) 410, 413
 Люлье Л. Я., историк 767
 Лященко П. И., историк 20, 37, 43, 44, 56
 Мабли (де) Габриель Бонно, французский мыслитель 490, 519
 Маврогени Николай, молдавский господарь 371
 Маврокордато Александр Константиан, молдавский господарь 371, 710
 Магомедов Р. М., историк 771
 Магницкий Леонтий Филиппович, математик 416
 Магруппи, туркменский (емрелинский) поэт 830
 Маджи А. Е., историк 810
 Майков Василий Иванович, поэт 508, 509, 558
 Макашвили Симон, кахетинский князь, 721
 Макова, владимирская помещица 174
 Макогоненко Г. П., литературовед 23, 892
 Максим, кутаисский митрополит 725
 Максимов Л., историк 24
 Максимович Г. А., историк 14
 Максимович-Амбодик Нестор Максимович, доктор медицины 447—450, 604, 605
 Мамед-Хасан, шекинский хан 759
 Мамия, гурийский владетельный князь 723
 Мансуров Павел Дмитриевич, генерал-майор, командующий правительственными отрядами по борьбе с Пугачевым 226, 227
 Мантейфель, лифляндский дворянин 696
 Мантейфель Андрей, граф, прусский генерал 340
 Марголин С. Л., историк 193, 891
 Мария-Терезия, австрийская императрица 276, 325—329, 333, 354
 Маркевич В. Е., историк 201
 Маркович К., капитан 589
 Маркович Я., генеральный подскарбий 606
 Маркос, армянский крестьянин 738
 Мартенс Ф. Ф., историк 12, 14, 351, 358, 364, 365, 367
 Мартос Иван Петрович, скульптор 566—569, 612
 Мартынов М. Г., изобретатель новой системы артиллерийских орудий 308
 Мартынов М. Н., историк 200, 281
 Масальский, помещик 621, 703
 Маслов, генерал-майор 171
 Маслов Дементий Иванович, дворянин Ливенского у., депутат в Уложенную комиссию 116, 242
 Маслов Николай Иванович, сенатор, воронежский губернатор 192
 Масловский Д. Ф., военный историк 14, 48, 313, 331, 334, 336, 338
 Массон М. Е., историк 820, 826, 827
 Матвеев А., искусствовед 611
 Матвеев Андрей Матвеевич, художник 555, 611

- Матвеев Кузьма, владелец мануфактуры 251
- Матинский, помещичий приказчик 173
- Мативский Михаил, композитор 513, 539—541
- Махаев Михаил, художник 129
- Махаммед-Садык Нами 760
- Махтум-кули (Фраи), туркменский поэт 829, 830
- Медем И. Ф., командующий Кубанским корпусом в русско-турецкую войну, генерал-от-артиллерии 671, 771, 772
- Медокс Михаил Егорович, театральный антрепренер 535
- Мейер Иосиф, книготорговец 539
- Мелиссино 568
- Меллер, управляющий алтайскими заводами 452
- Мельгунов Алексей Петрович, сенатор 78, 271
- Мельман Иоганн, профессор Московского университета 408
- Меншуткин Б. Н., историк 16
- Меркель Гарлиб, публицист 686, 687, 696
- Мертваго, дворянин 233
- Месхишвили Алексей, грузинский общественный деятель 729
- Метелкин. См. Заметаев
- Мехди-кули, карабахский хан 757
- Мехмет, турецкий паша 392
- Мешалин И. В., историк 21, 62, 65, 95, 97—99, 116
- Мещанинов, купец 251
- Мещеряков Г. П., историк 18, 372
- Миклашевские, украинские помещики 613
- Микляев, казанский купец, владелец мануфактуры 650
- Микульшин, комендант Новосеченского ретраншементы 589, 590
- Миллер Герард Фридрих, академик 455, 524, 649, 650, 667
- Миллер И. С., историк 324
- Милютин Д. А., историк 14
- Миних Бурхард-Христофор, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкую войну 251, 271, 392
- Миних Иоганн-Эрнест, государственный деятель 285
- Минорский В. Ф., историк 761
- Мир-Абдул-Карим-Бухари (Абуль-Керим), 800, 807
- Мир-Алишер-Навои. См. Навои
- Мир-Мухаммед-Амин Бухари, историк 805
- Мирабо Оноре Габриель Рикетти, французский политический деятель 407
- Мирза Садик «мунши» 813
- Мирза Шемс Бухари, историк 806
- Мирзин, монастырский крестьянин 168
- Мирзо Абдулқодир (Абулькадир) Бедиль. См. Бедиль
- Мирович Василий Яковлевич, поручик Смоленского полка 272
- Миронов Алексей Федорович, крепостной архитектор 574
- Митрофанов П., историк 384
- Михельсон Иван Иванович, полковник 226, 228, 229, 235
- Михневич Н. П., историк 14
- Мичурин Иван Федорович, архитектор 555
- Мнишек Урсула 560
- Моисеев Иван, рабочий Малоярославецкой мануфактуры 187, 189
- Мольер Жан Батист, французский драматург 535, 538
- Монтескье Шарль Луи, французский философ 276, 478
- Мордвинов Р. Н., военный историк 18, 400
- Мордовцев Д. Л., писатель 197
- Моцарт Вольфганг Амадей, композитор 539
- Мунис (Мир Мухаммед), историк и поэт 809
- Муравьев Михаил Никитич, писатель и общественный деятель 512, 513, 517, 522
- Муравьев Н. Е., сенатор 285
- Муравьев Н. Н., путешественник 798
- Мурад-Сердар, текинский феодал 827
- Мусаев Барын (Баранка) 211
- Мусин-Пушкин Аполлос Аполлосович, химик и геолог 437, 454
- Мустафа, ширванский хан 763
- Мусульманкулов М. 820
- Муфель, майор. 225
- Мухаммад Амин (Мухаммед Эмин), инак, кунграт 793, 799, 807, 808, 823, 824
- Мухаммад Вафои-Карминаги 809, 815
- Мухаммад Иброхим 808
- Мухаммад Мир Али Бухари. См. Мир-Мухаммед-Амин Бухари
- Мухаммад Рахим-хан, правитель Бухары, мангит 804, 805, 812, 815,
- Мухаммад Хаким, хан 814
- Мухаммад Шариф, историк 805

- Мухаммед Садык Нами, историк 760
 Мухаммед Эмин. См. Мухаммад Амин
 Мюнц И. Т. 580, 709, 711, 715
 Мякотин В. А., историк 581
- Навои Мир Алишер (Амир Низамуддин Алишер), поэт 815
 Нагаев Алексей Иванович, адмирал, гидрограф 440, 441
 НаDIR, иранский шах 720, 738, 759, 760, 798, 804, 812, 823, 825, 826
 Надыров Юсуф, башкирский старшина 660
 Наливкин В. П., историк 800, 808, 814
 Нами Мухаммед-Садык. См. Мухаммед Садык Нами
 Нарбута-бий, правитель кокандского ханства 805, 808
 Нартов Андрей Андреевич, писатель 508
 Нартов А. К., изобретатель 308
 Нарышкин В. В., основатель Горного института в Петербурге 455
 Нарышкин Семен Васильевич, писатель 508
 Нассау-Зиген Карл-Генрих-Николай-Оттон, адмирал 382
 Нахимов Павел Степанович, адмирал 403
 Нащокин Василий Александрович, генерал-поручик, мемуарист 445
 Неболсин Г., историк 126
 Неверов, метеоролог 667
 Невзоров Максим Иванович, поэт и публицист 408
 Неелов П. И., архитектор 611
 Неживой Семен, предводитель повстанческого отряда 598
 Незеленов А. И., историк 16
 Некрашевич Иван, писатель 608
 Нелидова Е. И. 560
 Неплюев Иван Иванович, сенатор, оренбургский губернатор 208, 259, 658, 778, 779, 785
 Нерсесов Г., историк 22
 Нерсесова Э. А., историк 30
 Неустроев С. С., историк 798
 Нечай Данила, участник освободительной борьбы на Украине 608
 Нечкина М. В., историк 19, 200
 Ниез Кулибек-ишон (Мухаммед-Нияз), отец историка Алимбека 809
 Низами Ганджеви Ильяс Юсих-оглы, азербайджанский поэт 766
 Никитин Иван Максимович, художник-портретист 555
 Никитин Сергей, крепостной художник по фарфору 547
 Никифоров П., купец, президент Пензенского магистрата 154
 Николай I 194
 Николев Николай Петрович, поэт и драматург 512, 519, 521
 Новиков Иван, писатель 513
 Новиков Николай Иванович, публицист 17, 19, 279, 408, 413, 416, 427, 459, 460, 466, 470, 476, 482—490, 498, 499, 505, 510, 521, 523, 526—534, 571, 576
 Новиков Степан, гренадер 372
 Новосильцова В. Е., 558, 559
 Ногмов Ш. Б., историк 769
 Норберг И. Э., шведский инженер 86, 102
 Нуралы (Нуралы), казахский султан, затем хан 215, 782, 785—791, 793, 797
 Нуров Г. А., историк 893
 Ньютон Исаак, английский математик 429
- Оболяев Степан (Еремина Курица), пахотный солдат 210, 211
 Обресков Алексей Михайлович, дипломат 353, 358—360
 Обручев Н. Н., историк 45
 Овнан, епископ, настоятель Карапетского монастыря 744
 Овнатанян Нагаш Овнатан, поэт и художник 754
 Овсеп, аштаракский крестьянин 738
 Овчинников Андрей, яицкий казак, атаман в войске Пугачева 212, 214, 216, 224—227, 235
 Огарев, помещик 33
 Огарев Николай Платонович, поэт, писатель 489, 534
 Огинский Михаил Казимир, литовский гетман 619, 620
 Огуллухян Оваким, медик 753
 Одоевский Иван Васильевич, князь, сенатор 250
 Озерецковский Николай Яковлевич, академик, путешественник 439, 449, 630—636
 Олесов М., владелец тамбовской суконной мануфактуры 108
 Олиц Петр Иванович, полковник, командир Рижского драгунского полка 181
 Олсуфьев Адам Васильевич, граф, статс-секретарь Екатерины II, президент Вольно-Экономического общества 275, 285

- Омбо, алтайский зайсан 670
Опочинин М., генерал-майор 181, 182
Орбелиани Папуна, грузинский историк 720, 721, 724, 730
Орбелиани С. С., историк 718
Орлов (Чесменский) Алексей Григорьевич, граф 318
Орлов Григорий Григорьевич, граф 267, 275, 358, 476
Орловский, литовский войт 703
Орловы, графы, государственные деятели 57, 219
Оружейников, яицкий казак, участник Крестьянской войны 1773—1775 гг. 239
Осипов А., гравер 458
Осман-эфенди, турецкий дипломат 358
Осокин Петр, купец, владелец суконной мануфактуры в Казани 103, 108, 650
Остерман Иван Андреевич, дипломат 412
Остерман Федор Андреевич, московский губернатор 201
Остроженко-Лохвицкий, украинский дворянин 407
Остроух Петр, куренной атаман запорожского войска 590
Отиа, грузинский князь 723
- Паата, грузинский царевич 722
Павга, литовский войт 702
Павел I, император 92, 221, 304, 496, 562, 566, 572, 735, 751, 763
Павел Петрович, великий князь, затем император 241, 267, 272, 558, 694
Павлинов Д. М., историк 676
Павлов Никита, владелец кирпичного завода в Москве 246
Павлов-Сильванский Н. П., историк 16
Павловский И. Ф., историк 603
Павлуцкий Г. Г., искусствовед 612
Падуров Тимофей. См. Подуров
Пажитнов К. А., историк 21, 22, 90, 93, 111, 117, 118
Палий Семен, участник освободительной войны на Украине нач. XVIII в. 608
Паллас Петр-Симон, академик, путешественник 437—443, 654, 655, 674, 777, 795
Палицын А. А., украинский общественный деятель 601
Панаев А. А., философ 654
Панах, карабахский хан 760
Панах, поэт. См. Вагиф
Панин Никита Иванович, государственный деятель и дипломат 9, 267, 273, 322, 352, 356, 358, 368, 513
- Панин Петр Иванович, главнокомандующий правительственными войсками в Крестьянскую войну 1773—1775 гг. 206, 230, 231, 235—237, 503
Панков Алексей, владелец бумажной мануфактуры 252
Панкратова А. М., академик, историк 21, 94
Панкратьев Д. Г., торговый человек гостинной сотни, владелец солеварных промыслов 642
Панкратьевы Д. Г. и И. Д., владельцы солеварных промыслов 643
Панов Михаил, крепостной художник по фарфору 547
Пассек Н., помещица 175
Пастухов, купец 142
Пастухов, П., издатель 525
Патон, художник 355
Пашкевич Василий Алексеевич, композитор 539, 540
Пейсонель М., французский консул в Крыму 767, 769
Пекарский П. П., академик 16
Пенчко Н. А., историк 418
Персидский Г. В., командир астраханского казачьего полка 792
Перфильев Афанасий Петрович, яицкий казак, соратник Пугачева 205, 227, 236
Петерсон Б., гравер 435
Петр I 90, 264, 269, 271, 277, 316, 359, 402, 456—458, 462, 473, 475, 491, 507, 530, 566, 568, 729, 730, 741, 748, 771
Петр III (Петр Ульрих, Петр Федорович) 114, 176, 210, 211, 215, 217—221, 228, 234, 238, 239, 258, 267—272, 312, 322, 332, 335, 347, 348, 556
Петр Ульрих, голштинский герцог. См. Петр III
Петри И. Х., писатель-публицист 60, 683, 686, 721
Петри Э. Ю. 823
Петров А., гравер 721
Петров А. А., литератор 531
Петров А. В., историк 682
Петров А. Н., историк 14, 373
Петров М. А., историк 892
Петров Н. И., историк 607
Петров С., историк 201
Петрушевский А. Ф., историк 14
Петрушевский И. П., историк 754—757

- Пеутлинг А. А., генерал-майор, оренбургский губернатор 791
 Пигарев К. В., литературовед 515
 Питт Вильям (младший), английский государственный деятель 374, 383—385, 515
 Пичета В. И., академик, историк 64
 Плавильщиков Петр Алексеевич, актер, писатель и педагог 536, 537
 Планер Д., историк 196
 Платен Дубислав-Фридрих, прусский генерал 346, 347
 Платонов С. Ф., историк 13
 Плеханов Георгий Валентинович 19, 277
 Плотников А. А., устюжский купец 642
 Плутарх 603
 Плятеры, графы 690
 Пнин Иван Петрович, писатель 463
 Погребняк Яким, украинский архитектор 610
 Подзоров В. В., крепостной художник 501, 502
 Подуров Т., казачий сотник, соратник Пугачева 212, 215, 224, 226, 236
 Подшивалов Василий Сергеевич, писатель, журналист 531
 Покровский В. И., историк 15
 Покровский М. Н., академик, историк 19, 199, 200
 Покровский С. А., историк 132
 Поленов А. Я., автор крестьянского проекта в Уложенную комиссию 276
 Полетика Григорий Андреевич, общественный деятель 606
 Ползунов Иван Иванович, механик-изобретатель 23, 102, 417, 450—452, 575, 667
 Полявские, помещики 177
 Полянский Андрей Иванович, вице-адмирал 345, 400
 Пономарев Н. В., историк 42
 Поп Александр, английский поэт и философ 445
 Попов А., актер 535
 Попов А. В., устюжский купец 642
 Попов Г. И. (Ларион Левитов), писатель 404, 408
 Попов Кирилл, купец 136
 Попов Михаил Иванович, писатель и переводчик 510—512, 521, 539
 Попов П. М., искусствовед 601, 612
 Поповский Николай Никитич, профессор Московского университета, писатель и переводчик 418, 445, 463
 Порошин Семен Андреевич, публицист, издатель 525
 Портнов Лазарь, плецкий атаман 212
 Посошков Иван Тихонович, публицист 498
 Носпелов, горный чиновник 800, 814
 Потанов Г., служитель гр. Шереметевых 99
 Потемкин Павел Сергеевич, граф, саратовский и кавказский генерал-губернатор 76, 225, 228, 625, 731, 732, 748, 749, 767, 768
 Потемкин (Таврический) Григорий Александрович, князь 35, 68, 76, 152, 311, 312, 315, 368, 369, 375, 378, 384, 385, 393, 562, 564, 572, 611, 624, 625, 747, 748
 Похилевич Д. Л., историк 619, 892
 Походяшин М., купец и заводовладелец 103, 104, 108, 251, 642
 Почиталин Иван Яковлев, яицкий казак, член военной коллегии Пугачева 210, 211, 222, 224, 226, 237
 Почобут Мартин, ректор Вильнюсской академии 704
 Пошка Дионизас, литовский поэт, историк, филолог 705
 Прач Иван (Ян Богумир), музыкант, педагог и композитор 503, 539
 Пресняков А. Е., историк 13
 Приклонский С. А., историк 631, 637
 Причетников В., художник 77
 Прозоровский Александр Александрович, московский генерал-губернатор 404
 Прокофьев Иван Петрович, скульптор 566
 Пронштейн А. П., историк 73
 Просвиркина С., искусствовед 892
 Прочко И. С., историк 308
 Пруссак А. В., историк 201
 Прянишников С. А., мастер резьбы по дереву 542, 543
 Пугачев Емельян Иванович, руководитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. 8, 10, 11, 15, 17, 19, 194—198, 200—239, 242, 279, 361, 389, 408, 422, 490, 496, 503, 522, 660, 786—788
 Пугаченкова Г. А., искусствовед 820
 Пустоваловы, фабриканты 109
 Пуффендорф Самуил, немецкий юрист и историк 480
 Пушкин Александр Сергеевич 16, 194, 195, 198, 199, 204, 225, 468, 489, 496, 498, 500, 517, 520, 566

- Пьяновы, яицкие казаки, сторонники Пугачева 210
- Пышин А. Н., историк литературы 608
- Раве, рижский купец, 691
- Радзивиллы, магнаты Речи Посполитой, помещики, заводовладельцы 113, 621, 626, 703
- Радицев Александр Николаевич 34, 39, 40, 70, 285, 406, 408, 413, 416, 427, 446, 462, 463, 467—470, 475, 487, 489—499, 504, 505, 519, 520, 522, 523, 532—534, 557, 576, 601, 833
- Разгон А. М., историк 62
- Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. 195, 208, 209, 222, 237
- Разумовская В., историк 822
- Разумовские, графы 582
- Разумовский Алексей Григорьевич, фельдмаршал 68, 249, 574
- Разумовский Кирилл Григорьевич, украинский гетман 57, 581, 582, 611
- Райков Б. Е., историк 443, 445
- Райнов Т. И., историк 428, 440
- Растен Микаел, медик 753
- Растрелли Варфоломей Варфоломеевич, архитектор 550, 554, 555, 571, 610
- Раумер Ф., историк 361
- Рахим-бий, кокандский хан 808
- Рахманинов Иван Герасимович, писатель, издатель, переводчик 521, 532
- Рашет Яков Иванович, скульптор 546
- Рашин А. Г., историк 21
- Рейнегс Яков, придворный медик Ираклия II, уполномоченный русского правительства в Грузии 731, 749
- Рейнсдорп Иван Андреевич, генерал, оренбургский губернатор 206, 212, 214
- Рекс, английский купец 634
- Ремезов Семен Ульянович, историк, картограф 795
- Ренгольд, купец 142
- Репнин Николай Васильевич, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий армией в русско-турецкую войну 1787—1791 гг. 385
- Репнина П. И., княгиня, помещица 174
- Репнины, князья, помещики и заводовладельцы 174, 191, 385
- Ржаникова Т. Н., историк 177, 203
- Ржевский Алексей Андреевич, писатель-одописец 508, 525
- Рибендер Р. Г., ассессор Абоского гофгерихта 630
- Ригельман А. И. 581—583, 606, 617
- Римский-Корсаков Александр Михайлович, генерал-от-инфантерии 751
- Рихман Георг-Вильгельм, академик, физик 434, 436, 445
- Ришелье Луи-Франсуа-Арман-Дюплесси, герцог, командующий французской (рейнской) армией в Семилетнюю войну 333, 335
- Робеспьер Максимилиан-Мари-Изидор, деятель французской буржуазной революции 1789 г. 405
- Ровинский Д. А., искусствовед 500
- Рожков Н. А., историк 19
- Розмыслов Федор, мореплаватель, гидрограф 441
- Рокотов Федор Степанович, художник 360, 509, 558—561
- Романович-Славатинский А. В., историк 15, 270
- Романовский, сельский дяк на Украине 405
- Росляков А. А., историк 893
- Ростом, имеретинский князь (эристави) 723, 724
- Рубан В. Г., 9, 526, 528, 606
- Рубинштейн Н. Л., историк 21, 22, 88, 98, 103, 109, 112, 125, 240, 241, 265
- Рубцов, пясарский купец 230
- Румовский Степан Яковлевич, вице-президент Академии наук, первый русский астроном 435—437
- Румянцев Александр Иванович, сенатор, дипломат 250
- Румянцев (Задунайский) Петр Александрович, генерал-губернатор Украины, полководец 18, 22, 23, 35, 40, 63, 301, 310—313, 324, 330, 332, 333, 338, 344—347, 353, 361, 362, 375, 376, 389—396, 400, 516, 582—584, 773, 833
- Рунич Павел Степанович, сенатор 205
- Руссо Жан-Жак, французский философ и писатель 422, 465
- Рыбников, великоустюжский купец и соляной промышленник 642, 643
- Рылеев Кондратий Федорович, поэт 517, 520
- Рындзюнский П. Г., историк 152, 891
- Рындин М. В., искусствовед 821
- Рычков Николай Петрович, адъюнкт Академии наук, путешественник и писатель 438, 778

- Рычков Петр Иванович, академик, историк Оренбургского края 55, 204, 456, 458, 525, 777, 778, 794, 796, 798, 801
- Рябинин И. С., историк 622
- Савиннов А. Н., искусствовед 612
- Савич А. А., историк 605, 659
- Салават Юлаев, вождь башкирского народа, соратник Пугачева 201, 215—218, 223, 225, 228, 236, 660, 661
- Салтыков А. Б., искусствовед 548, 892
- Салтыков Б. М., владелец кирпичного завода в Москве 246
- Салтыков Петр Семенович, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в Семилетнюю войну 335—341, 344, 389, 420
- Салтыкова Д. Н. (Салтычиха), помещица 80, 503
- Сальников Андрей, приписной крестьянин, участник кижского восстания 185
- Самойлович Даниил Самойлович, доктор медицины, микробиолог 448, 450
- Сандунов Сила Николаевич, актер 537
- Сандунова Елизавета Семеновна, оперная певица 537
- Санковский Василий Демьянович, писатель и издатель 525, 531
- Сапега, князь, подканцлер 113, 621, 703
- Сапег, магнаты Речи Посполитой заводладельцы 113, 621
- Сарафов Мовсес, армянский предприниматель и общественный деятель 745
- Сарафян Клеопатра, автор русско-армянского толкового словаря 752
- Сарычев Гавриил Андреевич, адмирал, мореплаватель и гидрограф 440—441, 667
- Саят-Нова (Арутюн-Саядзян), ашуг народов Закавказья 753, 754
- Светлов, педагог 423
- Себастиан Мхитар, писатель, автор толкового словаря армянского языка 752, 753
- Свербеев Д. Н., писатель 406
- Севергин Василий Михайлович, академик, химик и минералог 436, 454
- Северцов, капитан драгунского отряда 168
- Сегюр (де) Луи-Филипп, французский посланник в Петербурге 405
- Сеземов Никифор, крепостной Шереметевых, откупщик 67, 138
- Селиванов Егор, депутат от пахотных солдат в Уложенную комиссию 1767 г. 420
- Селим III, турецкий султан 383
- Семевский В. И., историк 12, 15, 28, 45, 46, 50—60, 68, 80, 167—169, 172, 174, 175, 177, 178, 182, 183, 185, 192, 197, 198, 240—245, 281, 501
- Семенников В. П., историк 16
- Семенов А. А., историк 15, 123, 893
- Сербов Н. И., историк 426
- Сергеев Г., художник 745, 759
- Сергеев Иван, однодворец Ливенского у. 241, 242
- Сергеева Н. И. 202
- Серебренников В., историк 604
- Серилов Федор, владелец суконной мануфактуры 117
- Сефевиды, династия иранских шахов 754
- Сеченов Дмитрий. См. Дмитрий (Сеченов)
- Сиверс, владелица Красносельской мануфактуры 244
- Сиверс Карл Ефимович, граф, генерал-поручик 251
- Сиверс Яков Ефимович, граф, генерал-губернатор новгородского наместничества 34, 183, 296
- Сивков К. В., историк 20, 22, 57, 63, 173, 176, 239, 242, 283, 405, 891
- Симеон (Ереванци), армянский католикос и историк 736, 737, 739, 742, 744, 746, 751—753
- Симолин Иван Матвеевич, дипломат посланник в Париже 404, 407, 408, 410
- Симони П. К. 609
- Симонов Иван Данилович, полковник, комендант Яицкого городка 209, 211, 214
- Симоновский П. И. 606
- Синявин Д. Н., адмирал 403
- Ситников Матвей, московский кунец 135
- Сказкин С. Д., историк 891
- Скаловский Р. К., генерал-майор 318
- Скапа Моисей, куренной запорожский старшина 590
- Скитский Б. В., историк 770—772
- Скобочкин Данила, яицкий казак, «судья» военной коллегии Пугачева 222
- Сковорода Григорий Саввич, украинский философ 426, 601—604
- Скрипицын, майор 228

- Слизик Петр, могилевский мегаллист 627
 Слицан Б. Г., историк 836, 891
 Словцов П., историк 819
 Смирнов Б. А., искусствовед 549
 Смирнов В. Д., историк 366
 Смирнов Н., историк 371, 774
 Смолянинов П. Т., историк 203
 Смуглевич (Смуглявичус) П., литовский художник 705
 Снежневский В. И., историк 501
 Собакин Лев, техник-изобретатель 454
 Собакина 568
 Соболев Климент Алексеевич, руководитель кижского восстания 185
 Соболевский Григорий Федорович, доктор медицины 440
 Соболев С. Л. 443, 444
 Соймонов Михаил Федорович, сенатор, основатель Горного института в Петербурге 455
 Соков, крестьянин-предприниматель 98
 Соколов, тюменский мещанин 239
 Соколов А. Т. См. Хлопуша
 Соколов Д. Н., историк 199
 Соколов Никита Петрович, академик, путешественник 438
 Соколовский М. М., композитор и скрипач 533, 540
 Соловьев Иван Петров, участник восстания на Малоярославцевкой мануфактуре 189
 Соловьев С. М., историк 171, 172, 174, 175, 252, 260, 262, 274, 327
 Солодовниковы, купцы 159
 Соломон I (Александрович), имеретинский царь 723—725, 730, 732—734
 Соломон II, грузинский царь 735
 Соломон Леонидзе. См. Леонидзе
 Софинов П. 194, 195
 София-Фредерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская (затем императрица Екатерина II) 269
 Софронов Михаил, адъютант Петербургской Академии наук 435
 Сохацкий Павел Афанасьевич, профессор Московского университета, писатель 531, 533
 Спиридов Григорий Андреевич, адмирал 23, 318, 346, 389, 400
 Срослой Иван Никифорович, гжельский мастер художественной майолики 546
 Ставараки, советник молдавского господаря, фанариот 712
 Сталин И. В. 761
 Станислав Август (Понятовский), польский король 352
 Станиславская А. М., историк 22, 891
 Старов Иван Егорович, архитектор 10, 572, 573, 611
 Стендер Г. Ф. (старший), составитель латышской грамматики, переводчик 696—698
 Степанов А. А., историк 62, 67
 Степанов Гаврила, мастер художественной майолики 545
 Степанов Иван, мастер художественной майолики 545
 Степерманис М. К., историк 892
 Столыпин А. А., помещик 33
 Сторожев В. Н. 162
 Страхов П. И., профессор и ректор Московского университета 489
 Стрелевский И. К., переводчик Коллегии иностранных дел 405
 Стрельбицкий Михаил, составитель русско-молдавского разговорника 716
 Строганов Павел Александрович, сенатор 408, 420
 Строгановы, предприниматели 103, 108, 408
 Стромилова, помещица 174
 Струмилин С. Г., историк 20—22, 101, 126
 Струминский В. Я., историк 420
 Студинский Матвей Яковлевич, крепостной художник по фарфору 547
 Стуока-Гуцявичюс Лауринас литовский архитектор 704
 Субботич Д. Н., историк 827
 Субиз, герцог 333, 335
 Суворов Александр Васильевич 17, 23, 206, 235, 310, 324, 362, 366, 372, 376—378, 380, 382, 389, 393—403, 407, 414, 516, 536, 568, 713, 748, 773, 774
 Суетин, яцкий войсковой дьяк 209
 Сукин, депутат от мануфактур-коллегий в Уложенную комиссию 1767 г. 116
 Сумароков Александр Петрович, писатель 276, 504—508, 517, 519, 521, 522, 525—527, 535, 537, 538, 558, 562, 607
 Сумароков Панкратий Платонович, писатель 532, 667, 714
 Суровцева В. Н. 558

- Суровщиков Василий, московский купец 134
- Сухан Иван, участник восстания на Малайя-Славянской мануфактуре 189
- Сухановы, крестьяне-предприниматели Усть-Сысольской волости 641
- Сухарев Гаврила, рабочий Московского Суконного двора 191
- Сухомлин А. В., военный историк 23
- Сухомлинов М. И., историк 506
- Сухотин, генерал 725
- Суцо (Драко) Михаил, господарь Валахии 371
- Сырейчиков Евгений Борисович, писатель и педагог 423
- Такайшвили Е., историк 719, 724
- Тактакишвили Элизбар, грузинский артист 722, 730
- Таланов, владелец полотняной мануфактуры в Кинешме 97
- Талейран Шарль Морис, французский дипломат 407
- Тамара Василий Степанович, полковник, посланник в Константинополе 749
- Тамбовцев, яицкий атаман 209
- Тамес Иван, владелец полотняной мануфактуры 67, 117
- Танков (Тонков) И. М., художник 564
- Тараканов, капитан, помещик 174
- Тарле Е. В., академик, историк 23
- Тасимовы, башкирские рудопромышленники 656
- Татищев Василий Никитич, историк, географ 78, 118, 417, 456, 457, 462, 472
- Твердышев Иван Борисович, купец и заводовладелец 107, 217
- Творогов Иван, плецкий казак, член военной коллегии Пугачева 205, 222, 235
- Тебелев Гавриил, капитан астраханского гарнизона 828
- Теймураз II, картлийский царь, 720, 722, 735
- Текелли (Текелий) Петр Абрамович, генерал 373, 591
- Теплов Григорий Николаевич, государственный деятель и композитор 267, 285, 538
- Терентьев И., купец 136
- Тереховский Мартын Матвеевич, доктор медицины 604
- Тизенгауз (Тизенгаус) Антоний, подскарбий вел. княжества Литовского 621, 626
- Тимковский Е. Ф., путешественник 817
- Тимур-шах, афганский правитель 807, 813, 825
- Титов Х., историк 604
- Тихомирова Т. Н., искусствовед 552
- Тичина П., историк 601
- Токарев С. А., историк, этнограф 167, 662, 675
- Токмаков И. Ф., историк 88
- Токмачев, капитан 828
- Толкачевы, казаки, участники Крестьянской войны 1773--1775 гг. 211, 214, 219, 227
- Толстой П. Я., помещик 241
- Тонков И. М. См. Танков
- Торнов Василий Иванович, атаман, соратник Пугачева 236
- Тотлебен Готлиб-Курт-Генрих, генерал-майор 336, 341, 342, 725, 771
- Траубенберг Гавриил, генерал-майор, деятель Следственной комиссии в Яицком городке 209
- Трахтенберг О., историк 601
- Тредиакowski Василий Кириллович, поэт и переводчик 505, 522, 607
- Третьяков Алексей, владелец суконной мануфактуры 117
- Третьяков Иван Андреевич, профессор Московского университета, юрист 10, 457
- Третьяков П. Н., историк 324
- Тройницкий С. Н., историк 553
- Трубецкой Н. Н., князь 408
- Трубецкой Никита Юрьевич, генерал-прокурор 249, 250, 258, 259, 265, 271, 408
- Трубецкой Петр Никитич, сенатор 259
- Трутовский Василий Федорович, композитор 538, 607, 609
- Туган-Бараповский М. И., историк 12, 15
- Тугой-Мурод-бий-Буркут, правитель Нурата 804
- Тугут (де), Иоанн-Амелей-Франц, австрийский дипломат 358
- Тулинов Яков Васильев, воронежский купец, владелец мануфактуры 108, 109
- Тулов Ф., белорусский крепостной художник 627
- Туманский А. 822
- Туманский Федор Васильевич, журналист и переводчик 530
- Тупишин Алексей, капитан 653
- Тургенев Александр Иванович, историк, член Комиссии по составлению законов 418

- Тургенев Иван Петрович, директор Московского университета 408
- Тургенев Николай Иванович 56, 57, 418
- Турцевич А. 618
- Турчанинов Алексей, солепромышленник 154
- Турчанинов Афанасий, московский купец 103, 135, 154
- Турчанинов Герасим, купец-откупщик 251
- Тучков Сергей Алексеевич, сенатор, член «Об-ва друзей словесных наук» 532
- Тхоржевский С. И., историк 200, 234
- Уатт Бенжамен Джемс, английский изобретатель** 102, 450, 667
- Угримов, коллежский ассессор, владелец копнинской бумажной мануфактуры (в с. Пушкине Моск. у.) 245
- Угрюмов Григорий Иванович, художник 562
- Уильямс, английский посол в Петербурге 267, 269, 326
- Уитворт Чарльз, английский посол в России 412
- Украинцев, владимирский помещик 242
- Ульянов Илья, яицкий казак (брат Чики Зарубина) 211, 237
- Уляницкий В. А. военный историк 359
- Умвявин Семен, коряцкий топон 678
- Уразметов Надыр, башкирский старшина 656
- Урицкий М. С. 572
- Урсула Мнишек. См. Мнишек
- Урусов, начальник карательного отряда 185
- Усаев Канзафар, меццаряцкий сотник, полковник в войске Пугачева 205, 216—218
- Усманов Гибдрахим (Утыз-Имени), поэт 654
- Устюгов Н. В., историк 892
- Ухтомский Дмитрий Васильевич, архитектор 554, 555, 573
- Ушаков Федор Васильевич 490, 491, 495
- Ушаков Федор Федорович, адмирал 23, 319, 376, 380, 385, 389, 400—403, 414
- Фальк Иоганн-Петр, академик, натуралист, путешественник** 437—439, 796
- Фальконэ Этьен-Морис, французский скульптор** 566
- Фатх-Али (Фатали), кубинский хан** 731, 758, 761—763
- Федор Великий, прогнойнский полковник 588
- Федоров Филипп, кошевой атаман войска запорожского 589
- Федоров-Давыдов А. А., искусствовед 24
- Фейнштейн П. О. 100
- Феофан Прокопович 416
- Ферах-Али, начальник гарнизона Анапской крепости 774
- Фердинанд, герцог Брауншвейгский, прусский фельдмаршал, командующий в Семилетнюю войну 340
- Фермор Вилим Вилимович, генерал-аншеф, главнокомандующий русской армией в Семилетнюю войну 329, 332, 334, 335
- Фик К., владелец фаянсовой мануфактуры в Таллине 682
- Филипп, испанский король 488
- Филиппов А. Н., историк 13, 201
- Финдейзен Н. Ф., искусствовед 609
- Финк, прусский генерал 340
- Финкенштейн, прусский министр 342
- Фирсов И. Ф., художник 564
- Фирсов Н. Н. 198, 199, 250, 251, 365
- Фитингоф, помещик, владелец мануфактур 690
- Флоровский А. В., 14, 278—280
- Фокс Генри, английский политический деятель 385
- Фомин Александр Иванович, писатель, член «Вольно-экономического об-ва» 460, 462
- Фомин Евстигней Ипатович, композитор 539—541
- Фонвизин Денис Иванович, писатель 10, 19, 225, 404, 487, 489, 490, 499, 504, 505, 513—516, 522, 530, 533—535, 537, 686
- Фортунатов П. К., военный историк 18, 330, 390
- Френкель А. С., издатель 717
- Фрезе Х., купец, владелец ситценабивной мануфактуры в Таллине 681
- Фридрих II, прусский король 267, 269, 321, 324—329, 332—338, 340, 342, 344, 345, 347—349, 351, 354, 356, 363, 369, 388
- Фролов Кузьма Дмитриевич, строитель гидротехник 10, 102, 452
- Фролов-Багреев, секунд-майор, тамбовский помещик 175, 178
- Фуллер, мануфактурист 634

- Фусс Николай Иванович, академик, математик 435
- Хаджи-Челяби, шекинский хан 760
- Халдарян Григор, армянский купец и общественный деятель 751, 752
- Хальфин С., преподаватель Казанской гимназии, составитель букваря и грамматики татарского языка 654
- Хандошкин Иван Евстафьевич, композитор, скрипач 540, 541
- Ханенко Н., генеральный бунчужный 606
- Ханин Максим, донской казак, самозванец 239
- Ханыков Н. В., историк 800, 814
- Харузин Н. Н., историк 645
- Хвабулов, грузинский князь, посол в Грузии 725
- Хейнке, гравер 701
- Хемницер Иван Иванович, баснописец 504, 518
- Херасков, Михаил Матвеевич, писатель 508, 510, 511, 517, 525, 527
- Хитрово, камер-юнкер 272
- Хлебников, лейтенант 244, 251
- Хлопуша (Соколов А. Т.), соратник Пугачева 214—217, 224, 226, 236
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович 602, 608
- Хованди Тахур, ташкентский шейх 814
- Хованская Е. Н. 560
- Ходжам Берды-хан, туркменский феодал 827
- Хомяков, тульский помещик 79
- Хомяков Ф. Т., бригадир 181, 189, 252
- Хотинянский Амфилохий 716
- Храповицкий Александр Васильевич, сенатор, статс-секретарь Екатерины II 285, 411, 489, 495, 496
- Храповицкий Василий Иванович, генерал-майор 411
- Хрептович Иоахим, подканцлер, заводо-владелец 113, 621
- Хрипуновы 556
- Хрущев Петр, поручик л.-гв. Измайловского полка 272
- Хрущева Е. Н. 560
- Хупель А. В., издатель и публицист 66, 683, 688, 689
- Хусаинов, казахский муфтий 792
- Хусейн, шекинский хан 761
- Цагарели А. А., историк 724
- Цегелин, прусский дипломат, представитель в Константинополе 358
- Цинцадзе Я., историк 718, 721, 722
- Цицерон 603
- Чавчавадзе Гарсеван, грузинский дипломат 731
- Чавчавадзе Иоанн, грузинский дипломат 731
- Чаганов, атаман уральского казачьего войска 790
- Чамчян М. 752
- Чеботарев Харитон Андреевич, ректор Московского университета, профессор истории 460
- Чевакинский Савва Иванович, архитектор 554, 555
- Челищев Петр Иванович, писатель 37, 38, 86
- Чемберлен В., владелец красносельской мануфактуры 97
- Ченег Захарий, запорожский старшина 591
- Черевань А. С., историк 176
- Черепанов Илья Леопольдович, составитель «Сибирской истории» 667
- Черницын Иван, механик, ученик Ползунова И. И. 451
- Чернышев Захар Григорьевич, генерал-губернатор Москвы, командующий войсками в Семилетнюю войну 341, 389, 566
- Чернышев Иван Григорьевич, обер-прокурор Сената 251, 259, 566
- Чернышев Петр Матвеевич, полковник, симбирский комендант 216
- Чернышевский Николай Гаврилович 195, 425
- Чертков В. А., генерал, кременчугский обер-комендант 590
- Чехович О. Д., историк 810, 893
- Чечулин Н. Д., историк 14, 15, 148, 149, 254, 277
- Чика-Зарубин, яицкий казак, соратник Пугачева 210, 211, 214, 216, 217, 221, 223, 226, 236
- Чистович Я., историк 446
- Черин Е. 772
- Чоудар-хан, туркменский хан 830
- Чубинов Д., историк 717
- Чулков М. Д., писатель 124, 460, 461, 499, 500, 510, 511, 513, 526, 528, 607
- Чулошников А. П., историк 200, 226
- Чумаков Федор, яицкий казак, участник Крестьянской войны 1773—1775 гг. 205, 224, 235

- Чупин Н., историк 196
 Чупров Иван Андреевич, депутат государственных (черносошных) крестьян в Уложенную комиссию 279
 Чхейдзе А. И., историк 194, 199
 Чхетиа Ш. К., историк 727
- Шаамирян Мовсес**, армянский общественный и политический деятель 745—748
Шабенде, туркменский поэт 828
Шагин-Гирей, крымский хан 366, 773, 774
Шаден Иоанн Матиас, профессор Московского университета, философ 457
Шаннони, французский мануфактурист 634
Шапиро А. Л., историк 67
Шарыпов Ахмет, башкирский старшина 660
Шафонский Афанасий Филимонович, доктор медицины, писатель 31, 447, 448, 578, 606
Шахматовы, помещики Саратовской губ. 56, 64
Шаховской Яков Петрович, конференц-министр, генерал-прокурор 259, 265, 271, 275
Шах-Мурод. См. Шохмурод
Шванович М. А., подпоручик, сторонник Пугачева 224
Шварц Иван Егорович, профессор Московского университета, масон 463
Швецова Е. А., историк 892
Шедель Г. И., архитектор 610
Шейх-Али, кубинский хан 754, 763
Шелехов Григорий, купец, путешественник 427
Шелковников А. М., гравер 759
Шелковников Б. А., искусствовед 549
Шемякин, купец 259
Шеншин, орловский помещик 81
Шепелев, помещик 177
Шереметев Николай Петрович, граф 52, 54, 56, 67, 76, 100, 536
Шереметев Петр Борисович, граф 67, 98, 100, 138, 536, 555, 556
Шереметева В. А., графиня 556
Шереметевы, графы 55, 57, 61, 66, 70, 86, 89, 90, 99, 100, 138, 172, 177, 536, 556, 574
Шеретлуков Али-Султан, шапсугский дворянин 767
Шеридан Ричард Бринсли, английский писатель и политический деятель 385
Шершневы В. Г., изобретатель 454
Шестаков, ярославский помещик 81
Шепиковский Степан Иванович, начальник тайной канцелярии 496
Шибанов Михаил, крепостной художник 10 563—565
Шигаев Максим Григорьев, яицкий казак, «судья» коллегии Пугачева 210, 211, 214, 222, 224, 226
Шиллинг Е. М., историк 768
Шимко И. И., историк 532
Шинадзе А., профессор 718
Шишкин В. А., искусствовед 809
Шлаттер Иоганн-Вильгельм, директор Монетного двора, писатель 434
Шмавонян Арутюн, армянский общественный деятель 751
Шметтау Ф.-В., прусский генерал 340
Шмидт И. Г., художник 376—377
Шопен И. И., историк 736, 738
Шохмурод, правитель Бухары 803, 805—807, 812—814
Шпрингер И., генерал-поручик 783
Штейнгауер И., владелец бумажной мельницы 691
Штеллин Якоб, академик 609
Шторх Генрих, академик, экономист 99, 103
Штранге М. М., историк 22, 404
Штрубе, профессор Петербургской Академии наук 255
Шубин Федот Иванович, скульптор 24, 432—433, 565, 566
Шувалов Александр Иванович, сенатор, генерал-фельдмаршал 249, 252, 258, 259, 267
Шувалов Иван Иванович, куратор Московского университета 78, 249, 418, 419, 434, 445, 471, 474, 476, 523
Шувалов Петр Иванович, сенатор, заводо-владелец 104, 126, 182, 183, 249—251, 255, 258, 260—268, 309
Шуваловы, графы 249—251, 255, 258, 266, 267, 269
Шульгин И. П., историк 695
Шумлянский Александр Михайлович, доктор медицины, президент С. Петербургской медико-хирургической Академии 444, 604
Шумский Яков Данилович, актер 535
Шушерин Яков Емельянович, актер 536
Щеглов В. Г., историк 13, 285
Щедрин Семен Федорович, художник 562

- Щедрин Феодосий Федорович, академик, скульптор 566—568
- Щепетов К. Н., историк 20, 41, 52, 55, 56, 62, 67, 70, 89, 100, 172, 891
- Щепкин Е. Н., историк 14
- Щепочкин, владелец мануфактуры 188
- Щербатов Иван Андреевич, князь, сенатор 250
- Щербатов Михаил Михайлович, князь, историк и публицист 42, 44, 84, 88, 227, 250, 251, 255, 280, 298, 370, 457, 459, 460, 461, 477, 479, 498
- Щербатов Федор Федорович, князь, командующий правительственными войсками при подавлении Крестьянской войны 227, 235
- Щербачев, секунд-майор, организатор «ясачной комиссии» 668, 673
- Эверсман Э. А., историк 798
- Эйзен Иоганн-Георг, публицист 687, 691, 696
- Эйлер Леонард (Леонгард), академик, математик и физик 429, 434—436, 454, 524
- Элизбар, грузинский эривани 730
- Эллиот Гью, английский посланник в Копенгагене 374, 375
- Эмин Иосиф, армянский общественный и политический деятель 743, 744
- Эмин Николай Федорович, писатель 521
- Эмин Федор Александрович, писатель и переводчик 499, 509, 526, 528
- Эмме, вице-президент Юстиц-коллегии 255, 548
- Эмме Б. Н., искусствовед 548
- Энсли, английский посол в Константинополе 370
- Энтелис Ф. С., искусствовед 549
- Эпинус Франц-Ульрих-Теодор, академик, математик и астроном 436
- Эралы, казахский султан (брат Нуралы-хана) 791, 792
- Эсим. См. Есим.
- Эски Гасан, капудан паша, турецкий командующий военно-морскими силами 375, 376
- Юдин П. Л., историк 197
- Юзефович Т., историк 386
- Юлаев Салават. См. Салават Юлаев
- Юлай Азналин. См. Азналин
- Юлоп, грузинский царевич 734
- Юнг Эдуард, английский поэт 518
- Юнус, ташкентский ходжа 814
- Юсти, немецкий юрист 276
- Юсупов Борис Григорьевич, сенатор, президент Коммерц-коллегии 250
- Юсупов Николай Борисович, владелец подмосковной усадьбы «Архангельское» 574, 788
- Юсуф-паша, турецкий великий визирь 370
- Юшкевич А. П. 435
- Юшков Иван Иванович, судья Судного приказа 255
- Ягельский Касьян Осипович, доктор медицины 448
- Ягмин, администратор Шауляйской экономики в Литве 702
- Ягузинский Сергей Павлович, граф, генерал-поручик 104, 173, 251, 513
- Яков, армянский католикос 742
- Яковкин И. Ф., педагог, профессор Казанского университета 425
- Яковлев, капитан 794
- Яковлев Алексей Семенович, актер 536
- Яковлев Василий, архитектор 689
- Яковлев Петр, уральский заводовладелец 106
- Яковлев Савва, уральский заводовладелец, откупщик 103, 106, 107, 125, 136
- Яковлевы, купцы-откупщики 106
- Яковцевский В. Н., экономист 21, 133, 141, 145, 891
- Ямановский И. Я., крестьянин-предприниматель с. Иванова 61, 98
- Янкович Федор Иванович, педагог 422—425
- Яннау Г. И., историк 696
- Ярослав I Владимирович (Ярослав Мудрый) 456
- Ярцов А. С., горнозаводский техник 454
- Ясинский Я., полковник 703
- Ясинин-Заде, турецкий дипломат 358

- Arneth A. 354, 367
Bachtalovskii 709
Baranowski I. 615, 616
Barnes D. G. 374
Barons K. 698
Beer A. 351
Boutèric M. E. 350
Broglie A. 350
Brosset M. 721, 730
Carlyle Th. 347
D'Hauterive 709
Emerit M. 708
Georgi J.-G. 440
Ghibanescu Gh. 708
Goertz J. E. 357
Gustav III 374
Häusser L. 373
Hedemann O. 622
Herrman E. 384
Hupel A. W. 683, 688, 690
Jaroczewicz J. 626, 704
Jenšs J. 691
Jorga N. 371, 626, 691, 702, 704, 710
Jordan J. 716
Korzon T. 594, 595, 622, 699
Koscalkowski St. 615, 700, 702
Kula W. 621
Lowmianski H. 615
Lukaszewicz A. 704
Mir Abdoul Kerim Boukhary 800, 807
Noradounghian G. 366
Petri J. Ch. 683, 684, 686
Peyssonel M. 767, 769
Raumer F. 361
Rose J. H. 374
Rulikowski M. 626
Salomon F. 384
Stanhope W. 374
Stender G. F. 686, 696—698
Viscendorf H. 698
Ward A. W. 374
Xenopol A. D. 712
Zabko-Potapowicz A. 614, 699
Zinkeisen J. W. 374

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аварское ханство 768
Авзяно-Петровские заводы 182, 183, 197, 207, 217, 227, 659
Австрия 9, 38, 122, 128, 312, 321—329, 333, 335, 340—348, 351—358, 364—370, 373, 375, 378, 391, 409—413, 422, 577, 599, 603, 605, 622
Адриатическое побережье 375
Азербайджан 773, 754—766
Азиатская Россия 135, 440
Азия 672
Азов, г. и порт 33, 353, 707, 773
Азовское море 35, 318, 414, 446, 834
Азово-Моздокская укрепленная линия 773
Азовское побережье 368
Айналы-Кавак, н. п. * 366
Ак-Кала, крепость в Кеши (Ср. Азия) 827
Аккерман (Белгород-Днестровский), г. и крепость 376, 378
Акмолинск, г. 196, 762
Акулис, н. п. 739
Алайский горный хребет 801
Алапаевские заводы 183, 218
Алатырь, г. на р. Суре 229
Алатырская провинция 55, 172
Алашкерт, г. 739
Алды, чеченский аул 774
Александровский уезд 36
Александров-Свирская ярмарка в Карелии 635
Александров-Свирский монастырь 630, 635
Александровский завод 633, 637
Алексеевка, с. Воронежской губ. 90
Алексинский уезд 174, 182
Алеутские острова (Алеутский архипелаг) 663, 667
Алитусская экономия 700
Аллавердский завод 727
Алтай (Алтайский край) 86, 102, 438, 452, 503, 662, 663, 665, 680, 810, 835
Алтайские казенные заводы 117, 118
Алтайский горнозаводский округ 664, 665, 669, 671
Алуксне, н. п. 690, 694
Аляска, полуостров 122, 427, 437, 677
Америка 364, 434, 473, 497, 676. См. также Сев. Америка
Аму-Дарья, р. 799, 801, 806, 807, 813, 824, 826, 827
Анабара (Анабар), р. в Якутии 662
Анадырь, г. и острог 677
Анадырь, р. 662, 676, 677
Ананури, селение 727, 735
Анапа, г. и крепость 380, 774, 775
Англия 53, 101, 120, 126—128, 130, 147, 267, 269, 318, 321—327, 347, 348, 350, 352, 354, 361, 363, 364, 367, 369, 370, 373—378, 380—387, 407, 410—415, 420, 450, 743, 749
Анклам, г. 340
Антиповская станица 233
Антсла, г. 685
Анжуй, р., приток Колымы 674
Анжуйская ярмарка в Сибири 677
Апаран, г. и район 739
Апшеронский полуостров 760
Араб-Ханэ, н. п. 824
Арагвинское ущелье 727
Аракс, р., приток р. Куры 760, 762, 763
Аргамаково, с. 177
Аргуновский острог 438
Ардатовский уезд 27
Ардебиль, г. 761
Арешское султанство 760
Арзамас, г. 229, 650
Арзамасская провинция 55
Арзамасский уезд (и район) 64, 98, 174
Армения 368, 735—754, 760
Архангелогородская (Архангельская) губерния 37, 49, 85, 100
Архангельск, г. 103, 124, 122, 140, 155, 258, 578, 634, 635
Архангельский порт 129, 130, 270, 639, 641

* Прим.: н. п.— населенный пункт.

- Архангельское, подмосковная усадьба 574
 Архангельское, с. Пензенского нам-ства 63
 Архипелаг (греческий, Эгейский Архипелаг), острова 121, 350, 354, 357, 366, 374, 400
 Астраханская губерния 138, 253, 261, 426
 Астрахань, губ. г. 11, 121, 122, 145, 151, 171, 250, 254, 270, 438, 727, 741, 748, 758, 780, 822, 828.
 Атек, прикопетдагский район 825
 Афганистан (Афганское государство) 800, 801, 807, 809, 813
 Ахал, прикопетдагский район 826, 827
 Ахалцыхе, г. и крепость 724, 725, 745
 Ахталский завод 727
 Ах-Су, г. 762
 Аштарах, дер. 738
 Аягуз, р., впад. в оз. Балхаш 795
- Бабадаг, н. п. 385
 Бабиновический уезд Могилевской губ. 35
 Бавария 363
 Багдади, г. и крепость 360, 726
 Багеш, округ 740, 741
 Байкальское озеро (Байкал) 437, 438, 440, 664
 Бакинское ханство 760, 761
 Баку, г. 735, 757—759
 Балканский полуостров (Балканы), 318, 323, 324, 351, 362, 366, 367, 370
 Балта, н. п. 353
 Балтийское море (и Балтика) 317, 322, 323, 327, 328, 373, 374, 384, 400, 407, 440, 595, 623, 699, 834
 Балта-Чигирин, укрепленная линия на Украине 352, 577
 Балханские горы 826
 Бамберг, г. 335
 Банат, австрийская провинция 377
 Барабинская степь 39
 Барановка, н. п. 613
 Барнаул, г. 438, 451
 Бастилия, крепость 533, 404
 Батуми, г. и порт 723, 730
 Батулин, г. на р. Сейме 57, 574, 611
 Бахмут, г. 215
 Башкирия 8, 76, 207, 214—216, 217, 220, 221, 227—229, 236, 438, 629, 647, 648, 653—661
 Байазет, г. 739, 740, 745
 Башкирская АССР 204, 647
 Бежецкий уезд 168, 177, 239
- Безводное, с. Нижегородской губ. 87
 Белза, г. 598
 Белевский монастырь 168
 Белевский уезд 175, 182, 252, 270
 Белицкий уезд 35
 Белгородская губерния 32, 60, 75, 100, 133, 175, 176, 253
 Белгородская орда 707
 Белое море 121, 438, 440, 634
 Беломорский район (Беломорье) 634, 638
 Белорецк, г. 217
 Белорецкая защита (Белорецкий форпост), крепость 665
 Белорецкий завод 217, 227
 Белоруссия 9—11, 24, 35, 46, 50, 51, 54, 58, 113, 158, 301, 302, 321, 324, 350, 352, 358, 365, 577, 578, 614—628, 700, 835
 Белорусские таможи 129, 130
 Бельская пристань 30
 Бендеры, г. и крепость 210, 353, 378, 707, 715, 716
 Берген, н. п. 340
 Берда, слобода 213—215, 217, 222—226, 234
 Березовская, станица на р. Медведице 233
 Березовский уезд 39
 Берингов пролив 667
 Берингово море 662
 Берлин, г. 333, 337, 339—344, 347, 435
 Бессарабия 366, 386
 Бешенковичи, н. п. 622
 Бийск, г. 665
 Ближний Восток 322, 367—370, 373, 386, 733, 759, 829
 Бобер, р., приток р. Одера 337
 Бобовня, н. п. 621
 Богемия 335
 Богистон, н. п. 814
 Богородск, г. 153
 Богородский уезд (и район) 85
 Богородское, с. Московской губ. 62, 93
 Богословский завод 104, 105
 Богучарово, усадьба 79
 Болгарское царство (Болгария) 438, 440
 Большая Алтайская Чернь, горнотаежная полоса на Алтае 669
 Большая Кабарда. См. Кабарда Большая
 Большой Узень. См. Узени рр.
 Борашево, дер. в Нижнем Поволжье 653
 Боренский завод 191
 Борисоглебск, г. 153
 Борисоглебский уезд 230
 Боровский уезд 251
 Босфор, пролив 323

- Ботошаны (Ботошани, Ботушаны), г. 716
 Бохния, г. 356
 Браилов, крепость на Дунае 380
 Бранденбург, курфюршество 336, 344
 Брауншвейг, герцогство 333
 Бреславль, г. 341, 354
 Брест, г. и крепость 623, 625, 699
 Брестско-Кобринская экономия 614, 616, 620
 Брестское воеводство 614
 Бронницкий уезд 28, 153
 Бронницы, г. 153
 Брынский завод 181
 Брянск, г. 27
 Брянские заводы А. Гончарова 189
 Брянский уезд 182, 188
 Буг, р. См. Западный и Южный Буг
 Бугач, г. 611
 Бугульма, г. 216, 227
 Бугуруслан, г. 226, 227
 Бугурусланский уезд 76
 Буджак, степная местность 707
 Бузео (Бузуев), р., приток р. Серет 377
 Бузулук, г. 218, 219, 226
 Буйский уезд 97
 Буковина 599, 605, 606, 613
 Бухара, г. 438, 776, 780, 791, 792, 798, 799, 805, 809, 811, 813, 815, 822, 827, 828
 Бухарское ханство (Бухара, Бухария) 438, 793, 797—801, 803—805, 807, 809, 812, 814, 815, 824, 825
 Бухарест, г. 359, 361, 371, 377
 Бухтарма, р., приток р. Иртыша 663, 666
 Быковка, р. в Башкирии 227
 Бырлад, г. 377

 Важгортская волость в Коми-крае 641
 Валаамский монастырь на о-ве Валаам (Ладожского оз.) 630
 Валахия 353, 357, 366, 369—371, 386, 387, 390, 713
 Валгута, н. п. 685
 Валка (Валк), г. 691, 694
 Валмиера (Вольмар), г. 694
 Валуйский уезд 60
 Вальми, дер. 412
 Ван, г. 739, 740, 741, 745
 Вангажи, н. п. 691
 Ванский пашалык 740, 741
 Варна, г. и крепость на Черном море 384
 Варта, р., приток р. Одера 333, 342
 Варшава, г. 122, 383
 Васильевское, с. Владимирской губ. 90
 Вахан, памирское княжество 810
 Вагаршапат, дер. в Армении 737, 739, 752
 Вача, с. Владимирской губ. 87
 Велау, г. 332
 Великие Луки, г. 100, 122, 134
 Великий Устюг, г. 37, 121, 122, 552
 Великогубская волость в Карелии 184
 Великолуцкая провинция 302
 Великороссия 42, 50—53, 59, 72, 170, 278, 587, 592
 Великоустюжская область 38
 Вель, р., приток р. Ваги 38
 Вельский уезд 71
 Вена, г. 122, 367, 383, 408, 605
 Венгрия 424, 577, 599, 602
 Вентспилс (Виндава), г. и порт 697
 Вереле, дер. 383
 Версаль, г. 327, 329
 Верх-Исетский завод 183
 Верхне-Алапаевский завод 107, 183
 Верхне-Озерная крепость 214, 216
 Верхне-Тагильский завод 105
 Верхне-Удинская защита, крепость 665
 Верхне-Яицкая укрепленная линия 227
 Верхнее Аблязово, с. 489
 Верхнее Поднепровье 45
 Верхнеломовский уезд 177
 Верхнеудинский уезд 108
 Верхний Ломов, г. 230
 Верхотурский путь в Сибирь 666
 Верхотурский уезд 40
 Верхотурье, г. 218
 Вестфалия 329
 Ветлуга, р., приток р. Волги 37, 648
 Ветлужский район Горьковской обл. РСФСР 647
 Виленский район 618
 Виленское воеводство 614
 Вильнюс (Вильно), г. 699, 705
 Виллой, р. в Якутии, приток р. Лены 662
 Вильяндимаа (Вильяндиский, Феллинский) уезд 66, 683
 Винница, г. на р. Ю. Буг 698
 Висла (Нижняя Висла), р. 336, 342
 Витебск, г. 122, 622
 Витебская губерния 49
 Витебский район 618
 Вичковский завод в Карелии 633
 Вишеньки, с. 608
 Владикавказ, г. и крепост. на р. Терек 774
 Владимир, г. 242, 531
 Владимирская губерния 27, 28, 48, 53, 61, 62, 85, 87, 90, 100, 153, 169, 832

- Владимирский уезд 28
 Вознесенский завод 183, 659
 Вознесенское, с. 641
 Военно-грузинская дорога 735, 774
 Воицкий золотой рудник в Карелии 632
 Волга, р. 26, 29, 30, 32, 64, 103, 120—122, 139, 201, 207, 210, 214, 218, 229, 232, 233, 235, 253, 270, 279, 361, 433, 440, 647, 650, 653, 782, 788, 793, 811
 Волковыск, г. 623
 Вологда, г. 121, 122, 634, 635
 Вологодская губерния 26, 49, 53, 62, 71
 Вологодская провинция 37
 Вологодское наместничество 85
 Волоколамск, г. 231
 Волоколамский уезд 175, 270
 Волхов, р. 103
 Волинская губерния 425
 Воынь 577, 595, 596, 613, 623
 Вольск, г. 159
 Воронеж, г. 122, 140, 253, 318, 536
 Воронежская губерния 31, 32, 44, 49, 53, 56, 64, 75, 90, 100, 109, 120, 169, 175, 176, 191, 230, 231, 648
 Воронежская провинция 44
 Воронежское наместничество 31
 Воронежский уезд 31, 120
 Ворошиловградская область Украинской ССР 577
 Ворсма, с. 87, 90, 93, 100
 Воскресенский завод 217, 218, 227
 Восток 122, 129, 130, 305, 307, 351, 506, 750
 Восточная Армения 736, 738, 740
 Восточная Белоруссия 362, 624
 Восточная Грузия 511, 718, 719, 721, 723, 725, 727, 730—733, 736, 742, 761, 763, 774
 Восточная Померания 329, 334
 Восточная Пруссия 329, 333, 342
 Восточная Сибирь (Иркутское наместничество) 39, 40, 438, 662, 673
 Восточное Закавказье 720
 Восточный Казахстан 781
 Воткинский завод 183, 218, 225
 Выборг, г. и порт 129, 632
 Выборгская губерния 34, 304
 Выборгский залив 382
 Выгозерский погост в Карелии 630, 636
 Выйзику (Войсек), н. п. 682
 Вымь, р., приток р. Вычегды 641
 Выровский завод 181
 Вытегра, г. 638
 Вычегда, р., приток р. Сев. Двины 121, 639, 640
 Вышгородская волость 252
 Вышневолоцкий канал 102, 103
 Вяземский уезд 175, 183
 Вязники, слобода Владимирской губ. 62, 153
 Вязники, г. 141, 153
 Вязовка, с. Саратовской губ. 64
 Вязьма, г. 624
 Вятка, р., приток р. Камы 31, 37
 Вятская губерния 38, 49, 63, 87, 88, 169, 242, 304
 Вятская провинция 37, 167, 305
 Гаага, г. 383
 Гава, р., приток р. Немана 699
 Гаджибей, крепость 319, 378, 380, 835
 Гайнинская волость в Башкирии 656
 Галац, г. и порт 385
 Галиция (часть Зап. Украины) 358, 599, 600, 604—606
 Галицкий уезд 174, 175
 Галич, г. Костромской губ. 27
 Галичский уезд 87
 Ганновер, курфюршество 325, 327, 333, 369
 Гарднера Ф. Я. фарфоровый завод в с. Вербилки 546—548
 Гармская область Таджикской ССР 810.
 См. также Дарваз
 Гасан-Баша, предместье Запорожской Сечи 588
 Гданьск (Данциг), г. и порт 122, 335, 340, 358, 373, 376, 383, 595
 Гегаркун, район 739
 Гелясен ва Герасен, крепость 760
 Георгиевская крепость (Георгиевск) 371, 731, 749
 Германия (Германская империя) 121, 193, 325, 327, 328, 332, 335, 363, 443, 602, 687, 690
 Гетеборг, г. и порт 374, 375
 Гетманщина (часть Левобережной Украины) 577, 578, 580—583
 Гжатск, г. 153
 Гжатская пристань 30, 116
 Гжель, с. Московской губ. 548
 Гижига, с. 678
 Гижигинская крепость 678
 Гилян, провинция Ирана 76
 Гирсово (Гирсов), г. и крепость на р. Дунае 353, 393
 Глазовский район Удмуртской АССР 647
 Глац, графство 328, 341, 344
 Глогау, н. п. на р. Одере 341
 Глухов, г. 541, 609

- Глушковская сукодная мануфактура 113, 579
 Гогланд, остров в Финском зал. 374
 Голландия (Нидерланды) 120, 122, 326, 363, 364, 367, 370, 373, 407, 488
 Головна, дер. 719
 Голохвастово, н. п. 595
 Голунь, с. Тульской губ. 63
 Голштиния 267, 269
 Горбатов, г. Нижегородской губ. 153
 Горбатовский уезд 87
 Горно-Алтайская автономная область РСФСР 663
 Горно-Бадахшанская область Таджикской ССР 810
 Горно-Марийский район Марийской АССР 647
 Гороблагодатские заводы 103, 104, 183, 250
 Городищенский уезд 33
 Горьковская область РСФСР 647, 648
 Готланд, остров 319
 Гохтан, район 739
 Гремячев, г. 231
 Григориополь, г. на р. Днестре 741
 Григориопольский район Молдавской ССР 713
 Гробинский район в Курляндии 697
 Гродненские королевские экономии 614, 621—623
 Гродно, г. на р. Немане 113, 623, 625, 626
 Гросс-Егерсдорф, дер. 330, 331
 Грузия 9, 360, 368, 371, 272, 386, 437, 717—736, 743, 744, 749, 750, 758, 761, 762, 769, 771—775
 Гумбинен, местечко, позднее город 329
 Гурьев-городок, крепость в устье р. Яика 209, 214, 226, 438, 778
 Гянджа (Ганджа), г. 735, 739, 750, 751, 758
 Гянджинское ханство 720, 722, 735, 742, 760, 761
 Дагестан 349, 720, 722, 760, 761, 763, 768—773
 Дакия 366
 Далматов Успенский монастырь 170, 226
 Даниловка с. 97
 Данилы, с. 702
 Дания 128, 147, 322, 328, 348, 352, 364, 374, 375, 383, 411, 646
 Данковский уезд 31, 56
 Данциг. См. Гданьск
 Дарваз, горное таджикское владение 810
 Даргомская плотина в Ср. Азии на р. Зеравшане 804
 Дарданеллы, пролив 323, 353
 Дарьяльское ущелье 725, 727, 728, 771
 Даугава (Западная Двина), р. 65, 350, 691
 Даукар (Дау-Кара), оз. в Ср. Азии в дельте р. Аму-Дарьи 799, 807
 Двинский уезд 37
 Дворец, с. Брестской экономии 620
 Дендель, р. в Коми-крае 642
 Дербент, г. и крепость 735, 749, 750, 757, 761, 763, 768
 Дербентское ханство 760
 Дерптский уезд (Тартумаа) 683
 Джизак, г. Бухарского ханства 799
 Джунгария (Джунгарское государство) 669, 670, 776, 778, 784, 785, 788, 793—795, 817, 818
 Диарбекирский пашалык 740
 Дисна, г. на р. Зап. Двине 622
 Дмитров, г. 27, 134, 231
 Дмитровский уезд 27, 28
 Днепр, р. 30, 35, 349, 386, 433, 440, 577, 591, 599, 610, 623, 699, 775
 Днепро-Бугский лиман 319, 375, 376, 380, 394, 402
 Днестр, р. 45, 323, 366, 378, 385, 386, 440, 585, 591, 707, 711, 713, 714
 Днестровская линия укреплений 713
 Дон, р. 35, 72, 73, 171, 208, 209, 237, 238, 318, 349, 361, 440, 591, 742
 Донецкий уезд 36
 Донского войска (Донская) область 72, 73, 171, 208, 209, 235
 Дорогобуж, г. 624
 Дрезден, г. 328, 340
 Дризен (Дрисса), г. и крепость 334
 Друть, р., приток Днепра 358
 Дубно, г. 598
 Дубовка, посад 229
 Дубоссарская ярмарка в Молдавии 714
 Дубоссарский район Молдавской ССР 713
 Дубоссары, г. на р. Днестре 714, 715
 Дутненские заводы 174, 181
 Дудское староство в Белоруссии 616—617
 Дунай, р. 323, 349, 351, 353, 354, 361, 362, 367, 377, 378, 380, 390, 391, 392, 440, 590
 Дунайские княжества 354, 357, 368, 370
 Дюссельдорф, г. 335
 Европа. См. Западная Европа
 Египет 367

- Егорьевское, с. 174
 Едисанская орда 707
 Езагашский (Язагашский) завод 664
 Екатеринбург г. 218, 666
 Екатеринбургский завод 110
 Екатеринослав (Днепропетровск), г. на р. Днепре 592, 611
 Екатеринославская губерния 592
 Екатеринославское наместничество 36, 606
 Елабуга, г. на р. Кама 228
 Елабужский район Татарской АССР 647
 Елгава (б. Митава), г. на р. Лиелупе 697
 Елдяцкая крепость 660
 Елец, г. 140
 Елецкая провинция 44, 55
 Елецкий уезд 33, 56, 65
 Елисаветград, г. и крепость 446, 592
 Елисаветградский уезд 36
 Ельшанка, с. Саратовской губ. 64
 Еникале, крепость и пристань 357, 359, 361, 362, 774
 Енисей, р. 662—664, 666, 667
 Енисейск, г. 122, 142
 Енисейская провинция 80, 305
 Епифанский уезд 175, 270
 Ереван, г. 734, 738, 744, 745, 748—750
 Ереванское ханство 720, 722, 735, 736, 788, 742, 749, 750
 Ефремовский уезд 32
Жагоры, с. 702, 703
 Железная, дер. Белевского у. 182
 Жемайтис 699, 701
 Жингани, сел. 727
 Журжа (Журжево), крепость на р. Дунае 353
 «Забава», помещичья усадьба 77
 Забайкалье 306, 664, 667, 672
 Заволжье 44, 239, 242, 646, 647
 Задунайская Сечь 591
 Заинск, пригород Уфимской провинции 225, 228
 Закавказье 369, 371, 720, 722, 732, 734—736, 738, 743, 748—751, 762, 763, 768, 771, 836
 Закарпатье (Закарпатская Украина) 577, 599, 605, 613
 Зангезур, ю.-в. округ Армении 736, 755, 760
 Зангезурский горный хребет 760
 Заонежские погосты в Карелии 630, 639, 644
 Западная Армения 740, 741, 744
 Западная Бурятия 672
 Западная Германия 340
 Западная Грузия 360, 718, 720, 723—726, 730, 732, 744. См. также Имеретия
 Западная Двина (Даугава) 65, 350, 622, 624. См. также Даугава
 Западная Европа (Европа, Запад) 21, 37, 97, 101, 111, 129—131, 193, 207, 273, 298, 308, 311, 312, 316, 322, 325, 326, 328, 344, 349, 350, 354, 356, 357, 374, 383—392, 396, 399, 402, 403, 408, 409, 411, 413, 414, 447, 462, 557, 561, 574, 578, 587, 593, 622, 624, 728, 832, 834
 Западная Сибирь 39, 214, 662, 663, 780
 Западная Черкесия 766
 Западно-Казахстанская область 787
 Западный Буг, р., приток Вислы 45, 323, 366, 385, 599, 713, 775
 Западный Кавказ 766
 Запорожская Сечь (Запорожье, Сечь) 235, 239, 577, 578, 585—592, 608
 Засулаук, н. п. 691
 Заубе, н. п. 690
 Зауралье 106
 Збруч, р., приток Днестра 599
 «Званка», имение Г. Р. Державина 57
 Звенигородка, г. 596
 Звериноголовская крепость 663, 787
 Зельва, н. п. 623
 Зеравшан (Зарафшан), р. в Ср. Азии 799, 804, 806
 Зижма, р. 699
 Зимовейская станица на Дону 210, 225
 Златоуст, г. 218, 228, 239
 Златоустовский уезд 228
 Змеевка, р. на Алтае 452
 Змеиногорский завод 102
 Змеиногорский рудник 452, 665
 Знаменское, с. Симбирского у. 177
 Зуевский район Московской губ. 85
 Зунд, пролив 383
 Ивановка, с. См. Сквородиновка
 Иваново, с. Владимирской губ. 18, 61, 62, 70, 86, 90, 93, 98, 164
 Ивановский район 85, 98, 100
 Ивановское, с. Пензенского у. 177
 Игумен, н. п. 621
 Ижевский завод гр. Шувалова 183, 207, 218, 228
 Ижорский завод 117, 118
 Измаил, крепость на р. Дунае 380—382, 394, 395, 402
 Измайлова, деревня Казанского у. 223
 Измаильская область 577, 591

- Изюмская провинция 176
Изюмский уезд 33
Икшкиль (Икскуль), н. п. 691
Илек, р., приток р. Яика 776, 781
Илецкая Защита (Илецкий городок), крепость 212, 216, 226, 781, 787, 792
Илимск, г. 496
Ильинская крепость на р. Яике 216
Ильмень, оз. 103
Имеретия 723—725, 730, 734, 735, 744, 773
Имплахтинский приход в Карелии 630
Ингулец, р., приток р. Днепра 585
Индигирка, р. в Якутии 662
Индия 121, 122, 369, 434, 742—744, 751, 801, 811, 812, 815,
Инсар, г. 230
Инстербург, г. 329
Инфляндское воеводство. См. Латгалия.
Иодотань, г. на р. Мургабе 826
Ионишкис, н. п. 702, 703
Иошкар-Олинский район (Иошкар-Олы), Марийской АССР 647
Иран (Персия) 120—122, 129, 130, 145, 270, 370, 371, 720, 722, 728, 730—732, 735, 736, 742, 743, 748—751, 758—764, 771, 799, 801, 804, 812, 813, 827
Ирбит, г. 142
Ирбитская ярмарка 61, 121, 124, 141
Ирбитский завод 664
Иргиз (Большой, Малый), р. р. 210, 776, 781
Иркутск, г. 122, 125, 140, 142, 254, 260
Иркутская губерния 305, 426, 666, 667
Иркутская область 305
Иркутская провинция 305
Иркутский округ 39
Иркутское наместничество. См. Восточная Сибирь
Иртыш, р. 39, 663, 665, 776, 778, 781—784, 795, 796
Иртышская крепость 778
Иртышская укрепленная линия 665, 778, 779
Исакча, крепость на р. Дунае 380
Исетская провинция 170, 194, 203
Исеть, р., приток р. Тобола 666
Испанья, г. 750
Испания 363—365, 367
Исполинские горы 329
Иссык-Кульская котловина в Ср. Азии 816
Истицкие (Истинские) заводы гр. А. И. Шувалова 251
Исфара, г. 810
Италия 121
Ишим, р., приток р. Иртыша 39, 778, 780, 781
Ишимская укрепленная линия 780
Ишимская степь 778
Ишимский уезд 39
Кабарда 360, 362, 767, 771—775
Кабарда Большая 349, 767, 772
Кабарда Малая 349, 360, 767, 770, 772
Кавказ 11, 171, 208, 324, 360, 362, 367, 369, 438, 667, 725, 726, 733, 744, 749, 769, 770—775
Кавказская укрепленная линия 732
Кавказские минеральные воды 438
Кавказский хребет 766
Кагул, н. п. 392
Кагул, р., приток р. Дуная 353, 390, 707
Кадомский уезд 230
Кажимский завод 642
Казанская губерния 38, 49, 62, 63, 85, 87, 108, 120, 133, 183, 207, 212, 235, 238, 242, 253, 280, 304, 425, 438, 648
Казанская дорога в Башкирии 655, 660
Казанский край, 202
Казанский уезд 98, 223, 647, 654
Казань, г. 121, 201, 203, 210, 212, 216, 225, 228, 229, 236, 304, 418, 650, 651, 653, 654, 666, 788
Казах, г. 739
Казахская степь 811
Казахстан 39, 218, 235, 776—797, 801, 802
Казикумухское ханство в Дагестане 768
Кайтаг, район в Дагестане 768, 769
Калиакрия, мыс на Черном море 319, 385
Калиш, г. 373
Калмиус, р. 585
Калуга, г. 27, 30, 180—182, 536
Калужская губерния 27, 28, 48, 53, 87, 169, 425, 496, 832
Калужская провинция 97, 180
Калужское наместничество 30
Калужский уезд 5, 18, 174
Калькутта, г. 743
Кама, р., приток Волги 30, 37, 103, 121, 207, 217, 218, 438
Каменогорско-Кузнецкий тракт в Сибири 665
Каменский район Молдавской ССР 713
Каменское, с. 678
Каменщина, н. п. 620

- Камский завод гр. Шувалова 659
 Камско-Вятский район в Поволжье 651
 Камчатка, полуостров 426, 427, 437, 662, 667, 675, 676, 678—680
 Камышин, г. 254
 Камышлов, г. 183
 Кан, р., приток р. Енисея 680
 Канада 348
 Канибадам, г. 810
 Канский завод 664
 Кантегир, р., приток р. Енисея 663
 Капан, ю.-в. округ Армении 736
 Карабахская степь 760
 Карабахское ханство (Карабах) 736, 749, 750, 755, 760. См. также Шупшинское ханство
 Карадахское ханство 749
 Карапетский монастырь в Армении 744
 Кара-Тау (Каратау), горный хребет 801
 Каратегин, р-н в Таджикистане 810, 811
 Кара-Кумы, пустыня 823
 Каргалы (Каргалинская, Сеитова) слобода под Оренбургом 212, 215, 226, 778
 Каргополь, г. на р. Онега 634
 Каргопольский уезд 636
 Карелия 629—639
 Карельская треть Кижского погоста в Карелии 630, 632
 Карельский перешеек 629
 Каролен. См. Карула
 Карпатские горы (Карпаты) 577, 587, 593, 599
 Карс, г. и крепость 739, 745
 Карсский пашалык 740
 Картли (Карталиния, Картлия) 371, 386, 718, 720—722, 731, 732, 734. См. также Вост. Грузия
 Картли-Кахетинское царство 722—726, 728, 733, 734
 Карула (Каролен), н. п. 685
 Карши, г. и крепость на р. Кашка-Дарье 799, 805, 815
 Касимов, г. на р. Оке 27
 Каслинский завод Никиты Демидова 183, 218
 Каспийское море 209, 218, 235, 250, 437, 440, 727, 748, 761, 771, 793, 811, 821, 823, 828
 Кассель, г. 340
 Катунь, р., приток р. Оби 670
 Катта-Курган, г. на р. Зеравшан 799
 Каунас (Ковно), г. 699, 701
 Каушаны, н. п. 378
 Кахетия (Кахети) 371, 718, 720—722, 731, 732, 734
 Кашгар, г. 438, 808
 Кашин, г. 155
 Капинский уезд 28, 177
 Каширский уезд 75, 172, 175, 270
 Кашка-Дарья, р. 806
 Кемь (Кеми), г. и порт 635
 Кемский уезд 636
 Кенегес, сел. 799
 Кенигсберг (ныне Калининград), г. 122, 317, 330, 332
 Керенск, г. 230, 234
 Керки, г. на р. Аму-Дарье 824
 Кермине, г. 799
 Керченский пролив 319, 380
 Керчь, г. и крепость 357, 359, 361, 362, 365
 Кеслин, г. 341
 Кеши, н. п. 827
 Киворецкий завод в Карелии 633
 Киев, г. 559, 577, 611—613, 624
 Киево-Печерская лавра 608, 610—612
 Киевская губерния 44, 426
 Киевское наместничество 584, 608, 611
 Киж (Кижки), дер. в Карелии 185
 Кижский погост 184, 185, 630, 632, 636
 Кизляр, г. и крепость на р. Терек 208, 209, 727, 741—743, 769, 770, 775
 Килия, г. и крепость на р. Дунае 382
 Киль, г. и порт 269
 Кимры, с. Тверской губ. 88
 Кинбурн, крепость на Днепро-Бугском лимане 361, 362, 372, 373, 394
 Кинбурнская коса 372
 Кингисепп (Курессааре, Курисоо, Курризаль), г. 687
 Кинешма, г. на Волге 97, 134
 Киргизия 816—821
 Киргизская ССР 816, 817, 820
 Киргизские степи 438
 Кировская область РСФСР 647, 648
 Кирсанов, г. 56
 Кирупа, н. п. 65
 Китай (Китайская, Циньская империя) 121, 122, 129, 130, 650, 665, 671, 751, 776, 793, 795, 799, 817, 818
 Китай-Терсяцкая волость в Башкирии 659
 Кичуевский фельдшанец, полевое укрепление 216, 225
 Кишкинев, г. 707, 710, 716
 Клинский уезд 27, 175, 270

- Клишинцы, с. 584, 585
Ключевский маяк, крепость 665
Кобленц, г. и крепость на р. Рейне 409
Ковров, г. 153
Кодавере (Кодафер), н. п. 681
Кодня (Кодна), н. п. 598, 621
Козелец, г. 610
Козлуджа, г. 362, 393
Козьминский завод в Воронежской губ. 191
Коканд, г. 800, 808, 810, 811, 814
Кокандское ханство 795, 797, 799, 800, 803, 808, 814
Кола, г. 37, 436
Коллин 329
Коломна, г. 30, 98, 231
Коломенский уезд 27
Колы ано-Воскресенские заводы 40, 102, 179, 446, 665
Кольвано-Кузнецкая (Кольвано-Воскресенская, Кузнецко-Кольванская укрепленная линия) в Сибири 663, 665, 666
Кольванская губерния 305
Кольванское наместничество 39
Колыма (Ковыма), р. 662, 667, 677
Кольберг, г. и крепость 312, 317, 340, 345—347, 390, 400
Кольский полуостров 644—646
Кольский уезд 645
Коми-край 639—644
Кондопожский погост (Кондопога) 638
Коневецкий монастырь в Карелии 630
Конские воды, р., приток р. Днепра 577, 585, 591
Константинополь (Стамбул, Царьград), г. 121, 353, 354, 360, 367, 371, 373, 378, 383, 709, 732, 774
Кончезерский завод 184, 632
Копенгаген, г. 374, 383
Копет-Даг, горный хребет 825
Коппинская бумажная мануфактура 244
Копыл, укрепление на р. Кубани 771, 773
Корбалиха, р. на Алтае 102, 452
Кореличская гобеленовая мануфактура 621
Кореличи, н. п. 621
Коротоякский уезд 56
Корсунский курень Запорожской Сечи 590
Корсунь, г. на р. Рось 595
Корец, н. п. 595, 613
Коряковский форпост (Павлодар) 781
Кострома, г. 27, 97, 116
Костромская губерния 27, 28, 48, 53, 62, 85
Костромская провинция 29, 30, 97
Костромское наместничество 648
Костромской край 87
Костромской уезд (и район) 95, 98
Котлово, н. п. 621
Кохма, с. Шуйского у. 62, 85
Коянова, дер. 656
Крайний Север 38, 306, 427
Краслава, н. п. 690, 691
Красная горка (на Финском заливе) 382
Красная слобода Пермской губ. 653
Красноводск, г. и порт на Каспийском море 828
Красноводские горы 828
Красноводский полуостров 828
Кра ногорский монастырь 611
Красное село, Петербургской губ. 97
Красносельская мануфактура 97, 118, 243
Краснослободск, г. 218
Краснослободский уезд 230
Красноуфимск, г. 217, 218, 225—228
Кременчуг, г. 624
Крепость св. Елизаветы. См. Елисаветград
Крефельд, г. 335
Кривки, с. на Украине 610
Кривой Рог 592
Кричевское староство 35
Кричевские мануфактуры 620
Крокотки, с. 620
Кролевец (Крулевец), г. 578
Кронштадт, г. и морская крепость 151, 346
Крустпилс, г. 691
Крымский полуостров, Крым 33, 45, 128, 349, 394, 720, 742, 748, 769, 773, 774
Крымское ханство 33, 45, 122, 128, 301, 318, 323, 350, 353, 356, 359, 361, 362, 365—369, 371, 372, 374, 380, 386, 592, 720, 770, 774
Крынгун-Мейлор, н. п. 377, 378
Куба, г. 735, 757, 761, 763
Кубань, р. 36, 373, 771—775
Кубачи, аул 768
Кубино-Дербентское ханство 761
Кубинское ханство 758—762
Кудьял, с. 754
Кузнецк, г. в Сибири на р. Томь 665
Кузнецкий Алатау, горный хребет 669
Кузнецкий край в Зап. Сибири 86
Кузнецкий уезд Саратовского наместства 489
Куйбышевская область РСФСР 647

- Кулаги, с. 176
 Кулдига, н. п. на р. Венте 691
 Кулдигский район 697
 Кульджа, г. и крепость 776
 Куляб, г. в Ср. Азии 804
 Кунгур, г. 217, 438, 666
 Кунгурский уезд 108, 218
 Кунерсдорф, дер. на р. Одере 337—340
 Кура, р. в Закавказье 751, 758, 760
 Курган, г. 225, 663
 Курейка, р., приток р. Енисея 662
 Курильские острова 662
 Курляндское герцогство (Курляндия) 51, 171, 321—324, 328, 332, 349, 689—692, 696—698
 Курмыш, г. 229
 Курск, г. на р. Сейме 122
 Курская губерния 49, 53, 54
 Курский монастырь 168
 Курское наместничество 30—33
 Кусково, подмосковная усадьба 57
 Кутаиси, г. и крепость 360
 Куткашенское султанство в Азербайджане 760
 Кымпулунг, г. 716
 Кыштымские заводы Н. Демидова 102, 183
 Кюмень, р., впад. в Финский залив 378
 Кюстрин, крепость на р. Одере 333, 334
 Кючук-Кайнарджа, дер. 362
 Кярстна (Керстенгоф), н. п. 685
 Кяхта, торговая слобода на р. Селенге в Забайкалье 122, 665, 666
- Лаба, р., приток р. Кубани 773
 Ладога, г. 34
 Ладожский канал 103
 Ладожское озеро 37, 250, 439, 440, 630, 634
 Лаишевский уезд 242
 Ландсберг, г. 334
 Ландсгут, г. 341
 Ланинский железоделательный завод 664
 Лапландия 634
 Ларга, р., приток р. Прута 353, 390, 392
 Ласберги, н. п. 694
 Ласбергский район 694
 Латвия 10, 11, 60, 171, 302, 685, 689—698
 Латгалия 689, 692, 697, 698
 Лаузиц (Лузания), 65, 341, 689, 691, 692, 697, 698, 835
 Лебедянский уезд 56
- Левобережная Украина (Левобережье) 59, 65, 68, 113, 176, 301, 577—579, 585, 593, 595, 597—599, 603, 604, 613, 835.
 См. также Гетманщина
 Лежнево, с. Владимирской губ. 62
 Лейпциг, г. 122, 328, 489, 490
 Лейтен, дер. 333
 Лена, р. 662, 676
 Ленгеркунап (Ленкорань), г. 760
 Ленинадская область Таджикской ССР 810
 Летичев, г. 598
 Леушковский курень Запорожской Сечи 588
 Лехтсе, г. 682
 Ливенский уезд 32, 65, 241
 Ливония 358
 Ливорно, г. 142
 Лигниц, г. 341
 Лида, г. 623
 Лиелварде (Ленварден), н. п. 691
 Лиелруен, н. п. 696
 Лиелюмправ, н. п. 691
 Лиеная (Либава), г. и порт 697
 Лижма, р., впад. в Онежское оз. 184
 Лижемский (Лижменский) завод 184, 632
 Лимбажи, г. 694
 Липецк, г. 140
 Липецкий завод 191
 Липнишки, с. Брестско-Кобринской экон. номии 616
 Лисичанск, н. п. на р. Сев. Донец 592
 Литва (Литовское Великое княжество) 51, 54, 58, 113, 171, 253, 332, 615, 622, 623, 698—706
 Лифляндия 34, 45, 78, 689, 690—696
 Лифляндская губерния 49, 302, 685
 Лихт-Имерети, область в Закавказье 723
 Лихтский хребет в Закавказье 723
 Лобозиц, г. 328
 Лодейное поле, г. на р. Свири, 632
 Лондон, г. 384
 Лонкайцы, с. в Литве 702
 Лопские погосты в Карелии 630, 632, 634—636
 Лопухово, с. 620
 Лопь (Лопья), р. приток р. Сысолы 642
 Лори, провинция Армении 736, 739
 Лососинка, р., впад. в Онежское оз. 184, 632—634
 Лубенщина, территория Левобережной Украины по р. Суле 601

- Луга, г. Псковского наместничества 34
 Лугавский медеплавильный завод 664
 Лугажи, н. п. 690
 Луганск (Ворошиловград), г. 592
 Луза, р., приток р. Юга 639, 640
 Лукояновский уезд 27
 Луховской уезд 88
 Лысково, с. Нижегородской губ. 93
 Львов, г. 358, 605, 610, 611
 Люблин, г. 699
 Ляличи, с. Брянской губ. 574, 611
 Лягушина, дер. Оренбургской губ. 228
 Мавераннахр, междуречье рр. Аму- и Сыр-Дарьи (б. государство тимуридов) 815
 Магнитная станица и крепость на Урале 227
 Магнитогорск, г. 227
 Мадрас, г. 743, 745, 751
 Мадрид, г. 383
 Майн, р., приток р. Анадырь 677
 Майн, р., приток р. Рейна 333, 335, 336, 340
 Макарьев, г. 153
 Макарьевская (Нижегородская) ярмарка 11, 61, 85, 124, 153, 155
 Максен, дер. в Саксонии 340
 Малка, р., приток р. Терека 768
 Малмыжский уезд Вятской губ. 242
 Малоярославецкий уезд Калужской губ. 18, 187, 188, 252
 Малый Узень. См. Узени, рр. в Прикаспийской низменности.
 Малый Черемшан, р., приток Волги 438
 Мальковка, с. на Волге 210
 Мамадышский район Татарской АССР 647
 Мангышлак, полуостров Каспийского моря 814, 821, 827, 828
 Маралиха, р., приток р. Чарыша 665
 Марийская АССР 647, 648
 Мариуполь (Жданов), г. и порт на Азовском море 592
 Марковская русско-чукотская ярмарка на р. Анадыри 677
 Марли, н. п. на р. Сене 452
 Мартинешти, н. п. на р. Рымнике 377, 378
 Марыйский (Мервский) оазис в Южн. Туркмении 806, 825
 Марьевка, с. Воронежской губ. 90
 Масленский острог на Урале 183
 Махновка, н. п. 595
 Мачин, г. и крепость на р. Дунае 353, 385
 Мегорский погост в Карелии 634
 Мегрелия (Мингрелия) 723, 773
 Мегри, юго-вост. округ Армении 736, 739
 Медведевка, с. в Правобережной Украине 598
 Медвежьи острова (Восточно-Сибирского моря) 441
 Медынский уезд 182, 188
 Межигорский монастырь близ Киева 611, 613
 Мезень, г. 37
 Меленки, г. 153
 Мемель (Клайпеда), г. 317, 329, 332
 Мензелинский уезд 225
 Мерв, г. в Ср. Азии 806, 813, 825—829
 Мервский оазис. См. Марыйский оазис
 Мещовский уезд 182, 188
 Мианкаль, район Бухарского ханства 805
 Миасс, р., приток р. Исети 228
 Миасский медеплавильный завод 104
 Мильская степь в Ср. Азии 760
 Минден, г. и крепость 340
 Минозерский конец Шуйского погоста в Карелии 632
 Мингрелия. См. Мегрелия
 Минорка, остров группы Болеарских островов 365
 Минск (Менск), г. 623, 625
 Минское воеводство 614
 Митава (Елгава), г. 698
 Митцель, р. 334
 Могилев, г. на р. Днепре 122, 624
 Могилевская губерния 35, 49
 Могилевская провинция 302
 Можайск, г. Московской губ. 231
 Можайский уезд 30
 Моздок, г. на Сев. Кавказе 727, 741, 742, 770
 Мозырь, г. на р. Припяти 598
 Мозырский повет 620
 Мокрый Ягорлык, н. п. 707
 Мокша, р., приток р. Оки 230
 Молдавия (Молдавское княжество) 353, 357, 366, 369—371, 377, 386, 387, 390, 598, 599, 707—716
 Молдавская ССР 713
 Молога, р., приток Волги 37
 Мордовская АССР 647, 648
 Моршанск, г. на р. Цне 56
 Мосальский уезд 182, 188
 Москва, г. 8, 18, 29, 30—32, 37, 57, 89, 90, 92, 93, 97, 104, 108, 109, 115—117, 120—122, 129, 130, 134, 135, 139, 140, 143—145,

- 150, 151, 158—163, 173, 201—203, 207, 214—216, 232, 235, 236, 239, 246, 252, 253, 262—264, 274, 293, 296, 361, 404, 413, 426, 438, 446, 453, 467, 483, 486—489, 531, 546, 552, 555, 559, 570, 573, 624, 632, 635, 709, 730, 741, 742, 753
- Москва, р., приток Оки 555
- Московская губерния 21, 27, 30, 48, 53, 54, 62, 85, 87, 94, 96, 100, 103, 109, 133, 139, 140, 153, 166, 169, 172, 201, 231, 235, 253, 832
- Московская область 541
- Московская провинция 30, 138, 139
- Московский посад 153
- Московский Суконый двор, мануфактура 118, 189—191, 270
- Московский тракт на Сибирь 253, 666
- Московский уезд (и район) 76, 85, 86, 95, 96, 98, 172, 173, 244, 261
- Московский ценинный завод Гребенщикова 548
- Мотовилихинский завод 186
- Мотронинский монастырь на Украине (близ Чигирина) 598
- Мста, р., впад. в оз. Ильмень 103
- Мтиулети, горный район Вост. Грузии 735
- Муганская степь (Мугань) в Вост. Закавказье 735, 750, 760, 763
- Мукачев, н. п. 605
- Мунозерский конец Шуйского погоста в Карелии 632
- Мургаб, р. в Ср. Азии 806, 813, 827
- Мургабская плотина 806, 813
- Мургабский оазис 825, 826
- Мурманский берег 635
- Муромский уезд 87, 88
- Мухавец, р., приток р. Зап. Буга 623
- Муш, г. и округ в Закавказье 741, 744
- Мценск, г. 30
- Мюльберг, укрепленная высота 337
- Наварин, мыс и бухта в Южной Греции 662
- Нагорный Карабах 760
- Налибоки, н. п. 621
- Налибокская стеклянная гута в Белоруссии 621
- Наманган, г. Кокандского ханства 800, 808
- Нарва, г. и порт 34, 122, 128—130, 682, 687, 689
- Нарва, р. 681, 682, 689
- Наровчат, г. 230
- Нарым, р., приток р. Иртыша 40
- Нахичеванское ханство 749, 760
- Нахичевань на Дону (Новый Нахичевань), г. 739, 741, 742, 751 753
- Неаполитанское королевство 128
- Неаполь, г. 368
- Нева, р. 103 129, 270, 454, 491, 564, 632
- Невьянская слобода на р. Туре 183
- Невьянские заводы 101, 102, 106, 117, 186, 187, 218
- Нежин, г. на р. Остреле 467
- Нежинская ярмарка 124
- Нейва, р., приток р. Туры 106
- Нейсе (Ниса), г. 354, 826
- Нейшлот (Нишлот), крепость 373, 374
- Нейштадт (Новое место), г. 356
- Некен, н. п. 694
- Неман, р. 623, 699
- Немиров, г. 595
- Немцово, дер. Калужской губ. 496
- Нерехта, г. 116
- Нерехта, р., приток р. Клязьмы 116
- Нерчинск, г. 80, 254, 305
- Нерчинская область 305
- Нерчинские серебро-плавильные заводы 664
- Нерчинские серебро-свинцовые рудники 185, 192, 664
- Нерчинский горный округ 40, 664
- Несвиж, г. 623, 626
- Несеф, г. 804
- Нестеров (Жовква), г. 611
- Нетце, р. 333, 342
- Нидерланды. См. Голландия
- Нижегородская губерния 26—28, 48, 53, 62—64, 85, 87, 88, 90, 100, 120, 138, 153, 235, 242, 253, 304, 420, 425, 832
- Нижегородский край 86
- Нижегородский уезд (и район) 88, 98
- Нижегородское наместничество 648
- Нижнеломовский уезд Тамбовской губ. 230
- Нижне-Озерная крепость на Урале 212
- Нижне-Тагильские заводы 102, 183, 187, 218
- Нижне-Удинский уезд 39
- Нижне-Уральская укрепленная линия 789
- Нижнее Поволжье 35, 39, 48, 75, 208, 239, 438
- Нижний Баскунчак, оз. 781
- Нижний Ломов, г. Пензенской губ. 230
- Нижний Новгород, г. 27, 121, 229, 635

- Нижняя Волга 208, 215
 Николаев, г. и порт на Черном море 153, 318, 592, 835
 Никольское, подмосковная усадьба 572, 574
 Никольское, с. Юрьевского у. 174
 Ниса, н. п. 826
 Нишлот. См. Нейшлот
 Новая Джульфа, г. 742
 Новая Земля, острова Сев. Ледовитого океана 635, 640, 641
 Новая Ишимская укрепленная линия 780, 781
 Новая Сербия (Новосербия) 591
 Новгород, г. 34, 122, 215, 632, 635
 Новгородская губерния 34, 49, 53, 133, 166, 171, 241, 253
 Новгородский край 87
 Новгородский уезд 175
 Новгородское наместничество 296
 Новгород-Северск, г. на р. Десне 604
 Новгород-Северское наместничество 584, 606
 Новоторга, г. 356
 Новогрудок, г. 623
 Новогрудское воеводство 614
 Новомиргородский уезд Екатеринославского нам-ства 36
 Новомосковск, г. на Левобережной Украине 610
 Новомосковский уезд 36
 Новороссийск, г. и порт на Черном море 171, 245
 Новороссийская губерния 44, 426
 Новороссийская казенная суконная мануфактура 245
 Новороссийский уезд 36
 Новороссия (Новороссийский край) 36, 171
 Новосеченский ретраншемент в Запорожье 588, 589
 Новосильский уезд Тульской губ. 63
 Новоспасский монастырь 168, 252
 Новохоперский уезд Воронежской губ. 230
 Новый Орлеан, г. 348
 Ногайская дорога в Башкирии 655
 Норвегия 122
 Норк, дер. в Закавказье 738
 Нура, р. в Казахстане 781
 Нурата (Нур-ат), горное феодальное владение 804
 Нурси, н. п. 682
 Нуха (Шеки), г. 764—766
 Нухинское ханство. См. Шекинское ханство
 Ньючим, р. 642
 Ньючимский завод 642
 Нючпасский завод 642
 Обоянский уезд 172, 174
 Обь, р., впад. в С. Ледовитый океан 40, 433, 438, 662, 666
 Огурчинский остров на Каспийском море 828
 Одер, р. 334, 337—340, 340
 Одесса, г. и порт 128, 153, 378, 592
 Одесская область Украинской ССР 577
 Озеры, с. Московской губ. 62
 Ойратско-Джунгарская держава. См. Джунгария
 Ока, р., приток Волги 30, 120, 121, 181, 551
 Окриба, местность в Закавказье 724
 Оленёк, р. в Якутии, впад. в море Лаптевых 662
 Олонецкая вотчина Хутынского монастыря 252
 Олонецкая губерния 49, 53, 63, 153, 635, 637
 Олонецкая пограничная таможня 635
 Олонецкие казенные заводы 183, 184, 191, 637
 Олонецкий край 34, 86, 184, 189, 635—638
 Олонецкий перешеек 630
 Олонецкий погост в Карелии 633
 Олонецкий уезд 631, 636
 Олонецкое наместничество 636—638
 Ольмюц, г. и крепость 334
 Омолон, р. в Якутии, приток р. Колымы 677
 Омск, г. и крепость на р. Иртыше 438, 663, 796
 Онега, г. 635
 Онега, р., впад. в Белое море 37
 Онежское озеро 630, 634
 Оргеев, г. 710
 Орел, г. 30, 122, 531
 Орель, р., приток р. Днепра 585
 Оренбург, г. 11, 121, 140, 168, 203, 207, 212—222, 224, 226, 227, 236, 305, 438, 776—778, 780, 787, 790, 802, 811
 Оренбургская губерния 49, 108, 170, 171, 208, 220, 222, 224, 235, 253, 261, 304, 655, 778, 780, 781
 Оренбургская укрепленная линия 214, 780, 781
 Оренбургский край 36, 68, 171, 658, 780, 781, 796

- Орловская губерния 49, 53, 100, 169, 241
 Орловская провинция 138
 Орск, г. на р. Урале 780
 Орская крепость 791
 Оршанский уезд Могилевской губ. 35
 Орь, р., приток р. Урал 776
 Оса, пригород Казани, на р. Осинке 228
 Осетия 771
 Осинская дорога в Башкирии 655, 656
 Осинский район Молотовской области РСФСР 647
 Осинский уезд Пермского наместничества 108
 Останкино, подмосковная усадьба 56, 228, 574
 Осташковская слобода (позднее город Осташков) 88
 Осташковский уезд 241
 Остречинский погост в Карелии 184, 630, 636
 Островной поселок на р. Анжуй 677
 Острогжск, г. Воронежской губ. 32
 Острогжская провинция 56, 176
 Острогжский уезд 32
 Османская (Османская) империя. См. Турция
 Охотск, г. и порт 675, 676
 Охотская область 305
 Охотский тракт в Сибири 676
 Охотское море 662, 666, 676
 Очаков, г. и крепость (порт) на Черном море 323, 366, 372, 375, 376, 383, 384, 386, 401, 707, 773
 Очаковская область 36
 Ошакан, дер. 737

 Павлово, с. Нижегородской губ. 7, 87, 88, 90, 93, 99, 100, 551
 Павлово-Вохна, с. Московской губ. 62, 95, 96
 Павловск, г. Петербургской губ. 574
 Павловский район Нижегородской губ. 100
 Павловское, с. Московского у. 173
 Паланга, н. п. 703
 Палдиски (Рогервик), порт Балтийского моря 189, 190, 264, 664, 685
 Пальциг, дер. 336, 337
 Панахабад. См. Шуша
 Парень, коряцкое село на побережье Пенжинского залива 678
 Париж, г. 18, 329, 361, 410, 412, 557
 Пасеница, с. в Белоруссии 620
 Пафнютьев Боровский монастырь Калужской губ. 167
 Пенжина, р., впад. в Охотское море 678
 «Пенжинское море» (Пенжинская губа), залив Охотского моря 662, 678
 Пенза, г. на р. Суре 154, 218, 229, 234
 Пензенская губерния 48, 49, 53, 425
 Пензенская область 647, 648
 Пензенский уезд 172, 177, 230, 233
 Пензенское наместничество 33, 63
 Переволоки, с. в Белоруссии 619
 Передняя Азия 757
 Перекоп, г. и крепость на Черном море 577, 585, 591, 707, 773
 Переяслав, г. на р. Трубеже (Украина) 604
 Переяславль-Залесская провинция 28, 31, 97, 175
 Переяславль-Залесский, г. 97, 231
 Пермская губерния 49, 100, 169
 Пермское наместничество 39
 Персия. См. Иран
 Петербург (Санкт-Петербург, Ленинград) 31—34, 79, 91, 92, 97, 100, 103, 115, 117, 118, 121, 122, 127—130, 136, 137, 142—145, 150, 151, 161, 173, 181, 185, 192, 209, 213, 214, 231, 239—241, 253, 262, 269, 271, 283, 293, 296, 321, 323, 344, 353, 374, 378, 391, 404, 413, 419, 422, 426, 435, 446, 452, 453, 459, 466, 486, 489, 495, 525, 535, 546, 554, 555, 559, 564, 566, 568, 574, 578, 579, 581, 590, 602, 632—635, 682, 687, 689, 690, 692, 713, 721, 722, 725, 735, 742, 751, 762, 767, 790, 802, 809, 819, 828
 Петербургская губерния 34, 49, 184, 423, 690
 Петербургский порт 122, 127—130, 682
 Петергоф (Петродворец), г. Петербургской губ. 554, 568
 Петровский завод в Забайкалье 664
 Петровский завод в Карелии на р. Лососинке 632, 634
 Петровск, г. 229
 Петровский уезд 172, 230
 Петровское-Алабино, помещичья усадьба 573
 Петрозаводск, г. 153, 635, 638, 639
 Петрозаводский уезд 636
 Петрокаменский завод 107
 Петропавловск, г. и крепость на р. Ишиме 778—780, 787, 796, 811
 Петропавловский завод Походяшина 104
 Петропавловская гавань 39

- Печенгский Трифонов монастырь в Архангельской губ. 645
Печора, р. 640, 641
Пиебалга, н. п. 690
Пильниц, г. на р. Эльбе 411
Пина, р., приток р. Ясельды 623
Пинск, г. 623
Пирна, г. 328
Писцовская волость Костромского у. 95
Плоская, крепость Кольвано-Воскресенской линии 665
Повенец, г. Олонецкого наместничества 634—636
Повенецкий уезд 636
Поволжье 8, 10, 11, 44, 76, 98, 120, 176, 200, 206, 207, 211, 212, 217, 227, 228, 235, 237, 246, 304, 426, 503, 541, 544, 629, 634, 646—655, 661, 786, 788, 835
Подвинье 45
Подолля 352
Подольск, г. Московской губ. 153, 425
Подольская губерния 426
Познань 333, 373
Покровское, подмосковное село 62, 116, 187
Полесье 593, 597
Полоцкая губерния 302
Полтава, г. на р. Ворскле 579, 604
Полтавская губерния 44, 425
Полтавская область 577, 578, 601
Польша (Польское государство, Речь Посполитая) 9, 19, 45, 47, 50, 122, 171, 210, 253, 254, 271, 301, 302, 321—325, 327, 328, 342, 344, 349—354, 356—358, 362, 363, 367, 370, 373, 376—378, 383, 412, 413, 472, 577, 581, 593, 594, 597—599, 604, 610, 611, 614, 615, 618, 620, 622, 624, 625, 628, 665, 697, 698, 700, 703, 704, 707, 713, 714, 835
Померания 329, 332, 340, 341, 344—346, 348
Поморье 358
Понуровка, с. на Украине 613
Португалия 128, 368
Порховский уезд Псковской губ. 240
Поставы, г. 621
Поти, г. и крепость на Черном море 723, 725, 730
Почаевская лавра на Правобережной Украине 611
Пошехонский уезд Ярославской провинции 28, 175
Правобережная Украина (Правобережье) 9, 11, 51, 54, 58, 324, 588, 591, 593—600, 604, 835
Прага 329
Прегель, р. 330
Преображенская подмосковная слобода 93
Пресногорьковская (Иртышская) укрепленная линия 663, 665
Приазовье 45, 49, 322, 365
Приамурье 663
Приаралье 788
Прибалтийский край (Прибалтика) 9, 34, 35, 46, 50, 51, 54, 58, 60, 65, 74, 75, 113, 301, 302, 304, 319, 321, 323, 348—350, 407, 414, 633, 646, 681, 682, 687, 688, 833, 835
Придонье 35, 239
Прикарпатье 598
Приморье 663
Присвирские погосты в Карелии 630
Приуралье 11, 15, 178, 207, 211—213, 217, 229, 234, 246, 280, 305, 629, 647, 661, 786, 788, 836
Причерноморье 578
Пролейка, р. в Поволжье 229
Пронкина, дер. на Украине 226
Пруссия 9, 90, 258, 267—269, 312, 317, 321—328, 334—337, 339, 342, 344, 345—349, 351, 352, 354, 356, 358, 363, 364, 367, 369, 370, 373—376, 378, 380, 382—388, 390, 400, 407, 409—414, 622, 703
Прут, р., впад. в р. Дунай 440, 707, 713, 714
Псковская губерния 34, 49, 53, 54, 122, 240, 302, 690
Пудож, г. Олонецкой губ. 633, 635
Пудожская ярмарка 635
Пудожский погост в Карелии 630, 631
Пудожский уезд, 636
Путивльская суконная мануфактура 113, 579
Пушкин, г. См. Царское село
Пушкино, с. Московской губ. 244
Пыльтсамаа (Обер-Пален, Полчев), г. 682, 688
Пяозерский погост в Карелии 644—645
Пярну (Пернов), г. и порт 66, 682, 687, 689
Пярнумаа (Пярнуский, Перновский) уезд 683
Радзивилловская таможня на Волыни 413
Раненбургский уезд 242
Рассынная, крепость на Урале 212

- Рауна (Роннебург), н. п. 690, 694, 696
 Рача, г. 724
 Рачинское княжество в Закавказье 724
 Ревдинский завод Демидова 102
 Ревель (Таллин), г. и порт 113, 122, 128—130, 303, 319, 346. См. также Таллин
 Ревельская губерния 302, 686
 Ревятичское староство 617
 Рейн, р. 327, 335, 336, 340
 Рейхенбах, г. 380
 Речь Посполитая. См. Польша
 Рига, г. и порт 30, 122, 128, 151, 161, 171, 240, 303, 413, 622, 624, 632, 682, 686, 691—695, 698
 Рижская губерния 302, 686
 Рогервик (Балтийский порт) 189, 190, 264, 664, 685. См. также Палдиски
 Рогози (Рогозинское), н. п. 685
 Рожаны, н. п. на р. Нарев 621, 623
 Рождественская ярмарка в Воронежской губ. 124
 Рождественский завод Демидовых 223
 Романов-Борисоглебск, г. Ярославского наместничества 532
 Романовский уезд Ярославской провинции 28
 Ромашки, с. 702
 Роменский уезд 31
 Ромны, г. на Суле 578, 610
 Ромоданово, с. и волость Калужского уезда 180—182, 252
 Ропажы (Роденпойс), н. п. 691
 Ропша 272
 «Российский путь» в Грузии 727
 Росбах, г. 333
 Россия (Российская империя) *passim*
 Ростов, г. Ярославской губ. 531
 Ростов на Дону, г. 741
 Ростовский уезд Переяславль-Залесской провинции 28
 Роченсальм, крепость 319, 378, 382
 Рошан. См. Рушан
 Ругодив. См. Нарва
 Рудбарское султанство в Ср. Азии 760
 Рудные горы 329
 Руза, г. Московской губ. 116
 Румыния 353
 Русаново, с. Алексинского уезда 174
 Русская Америка 678
 Рушан (Рошан), памирское княжество 810
 Рыбинск, г. на р. Волге 153, 532
 Рыбницкий район Молдавской ССР 713
 Рыльский уезд Курского нам-ства 31
 Рымна, р. в Молдавии 377
 Рымник, р., впад. в р. Серет 377, 379, 394, 395
 Рындинское староство в Белоруссии 617
 Рындозерская волость Олонецкого края 184
 Рябая Могила, н. п. 390, 392
 Рязжский уезд 32
 Рязанская губерния 27, 28, 49, 53, 54, 169, 242
 Рязанская область 647, 648
 Рязанская провинция 55
 Рязанское наместничество 33
 Рязань, г. на р. Оке 231
 Ряпино, н. п. 113, 685, 686
 Рязинская писчебумажная мануфактура 682
 Рязьковская (Рязьская, Ряская) суконная мануфактура на Украине 113, 579
 Сааремаа (Эзель), остров Балтийского моря 683
 Сабинский горный хребет (Сабино-Даг) 662, 663
 Саввин-Сторожевский монастырь Московской губ. 168
 Сагайдачный тракт 32
 Сагареджо, н. п. в Закавказье 732
 Сакмара, р., приток р. Яик 213, 226, 227
 Сакмарский городок Оренбургской губ. 212, 226
 Саксония 321, 322, 326, 328, 329, 335, 340, 341
 Саласпилс, н. п. 691
 Салменский погост в Карелии 630
 Сальникова Ватага, н. п. в Нижнем Поволжье 235
 Сальянский округ 760
 Сальяны, г. на р. Куре 735, 757, 758, 761, 763
 Самара, г. 212, 216, 218, 219, 225, 226, 239
 Самарканд, г. 799, 804, 813
 Самаркандская область 808, 813
 Самарская Лука, на Волге за г. Симбирском 214
 Самарская укрепленная линия 216—219
 Самсун, г. и порт на Черном море 380
 Самцхе-Саатабаго, феодальное владение в Закавказье 733
 Санаин, сел. в Армении 753
 Сангасте (Сагниц), н. п. 685
 Сапожок, г. 231
 Саранск, г. 229, 234

- Сарапул, г. на р. Каме 228
 Сарапульский район Удмуртской АССР 647
 Саратов, г. на Волге 56, 121, 218, 229
 Саратовская губерния 64
 Саратовское наместничество 35, 36, 76, 489
 Сардиния, королевство 413
 Сарепта (Красноармейск), г. на р. Волге 98, 235
 Саткинский завод на Урале 218, 228
 Свеаборг, г. и крепость на Финском заливе 374
 Сверженская фарфоровая мануфактура в Белоруссии 621
 Свента, р., приток р. Вилии 699
 Свинская ярмарка под Брянском 124
 Свияжский уезд Казанской губ. 177, 648, 652
 Святозерская волость Олонецкого края 184, 630
 Святозерский погост в Карелии 636
 Севастополь, г. и крепость на Черном море 128, 368, 372, 375, 380, 403, 835
 Север 37, 38, 122, 250, 307, 352, 427, 496, 541, 565, 629, 638, 644, 661, 834—836
 Северная Азия 663
 Северная Америка. См. Сев.-Амер. Соед. Штаты
 Северная Двина, р. 37, 38, 121
 Северная Латвия 685
 Северная Осетия 771, 772, 774
 Северное Причерноморье 45, 49, 301, 322, 365—369, 375, 386, 387, 414, 479, 595
 Северный Азербайджан 758, 760, 762, 763
 Северный Дагестан 771
 Северный Кавказ 11, 35, 36, 371, 373, 386, 730, 731, 741, 748, 766—775, 834, 836
 Северный Ледовитый океан 250, 433, 437, 438, 506
 Северный морской путь 506
 Северо-Американские Соединенные Штаты (Северная Америка) 348, 364, 666
 Севская ярмарка на Украине 124
 Сеитова слобода. См. Каргалы
 Сеитовский редут, крепость Колывано-Воскресенской линии 665
 Селевичи, с. 620
 Селенга, р., впад. в оз. Байкал 662
 Семенов, г. Нижегородской губ. 153
 Семеновская подмосковная слобода 93
 Семеновский уезд Нижегородской губ. 27
 Семигалия (вост. часть Курляндии) 328
 Семипалатинск, г. и крепость на р. Иртыше 663, 665, 778, 811
 Семиречье 821
 Сена, р. 411, 452
 Серахс, н. п. 826
 Сербия 375
 Сердобольский приход в Карелии 630
 Серебрянский завод 103
 Сереговский солеваренный промысел в Коми-крае 640, 642, 643
 Серет, р., приток Дуная 377, 378
 Серпейский уезд Калужской губ. 172, 182, 188
 Серпуховский уезд Московской губ. 172
 Сестрорецкий оружейный завод 117, 179
 Сечь. См. Запорожская Сечь
 Сибирская губерния 170, 196, 218, 305
 Сибирская дорога в Башкирии 655
 Сибирская укрепленная линия 216, 218, 780
 Сибирь 6, 10, 11, 15, 17, 26, 37—39, 42, 45, 49, 54, 69, 70, 74, 80, 120—122, 125, 164, 170, 171, 185, 192, 196, 215, 235, 264, 271, 305, 306, 312, 427, 437, 438, 440, 496, 497, 585, 598, 662, 674—680, 778—782, 802, 835
 Сивасский пашалык 740
 Сиваши (Сиваш), залив Азовского моря 577, 591
 Силезия 102, 326, 327, 328, 333, 335, 339—341, 344, 345, 348
 Симбирск, г. на Волге 210, 216, 235—237, 279, 283, 438
 Симбирская губерния 49, 76, 169, 426
 Симбирский уезд 177
 Синоп, порт на Черном море 380
 Сирия 121
 Сквородиновка (Ивановка), с. на Левобережной Украине 603
 Скулте (Скулта), н. п. 694
 Славянка, р. 574
 Славяносербия 591
 Слободзейский район Молдавской ССР
 Слободская Украина (Слобожанщина) 60, 577, 578, 582, 583, 591, 601, 604, 613
 Слободско-Украинская губерния 32, 582
 Слободской район Кировской обл. РСФСР 647
 Слоним, г. на р. Шаре 623, 625
 Слонимское староство в Белоруссии 619
 Слуцк, г. на р. Случ 625
 Смоленск, г. на Днепре 100, 122, 140, 215, 463

- Смоленская губерния 35, 49, 53, 54, 100, 153, 171, 253
 Смоленское наместничество 35
 Смольная, дер. под Петербургом 422
 Соликамская провинция 183
 Соликамский солеварный завод 183
 Соликамский посад 154
 Соликамский уезд Пермской губ. 154, 183, 281
 Соль-Галицкая (Солигалич), г. 37
 Сороки, г. на р. Днестре 716
 Сороколетово, с. Белевского у. 182
 Сорокский уезд 713
 Сорочинск, г. и крепость 226
 Спасо-Ярославский монастырь 167
 Спасское, с. Арзамасского у. 174
 Средиземное море 23, 318, 350, 364, 365, 373, 400
 Среднее Поволжье (Средне-Волжский район) 30—33, 49, 75, 100, 177, 203, 208, 242, 438, 646—648, 653, 780
 Средний Восток 759, 829
 Средний Урал 103, 207, 217, 218, 226
 Средняя, крепость 713, 714
 Средняя Азия 11, 24, 122, 130, 145, 748, 776, 779, 801—804, 808, 811, 814, 818, 820, 828, 836
 Ставрополь, г. на Волге 226
 Ставропольский уезд 219
 Стаклишкый, н. п. 703
 Стамбул. См. Константинополь
 Старая Сукля, н. п. 713
 Стародуб, г. 570
 Степная Украина 49, 239
 Стерлитамак, г. на р. Белой 217, 658
 Спирсуден, мыс на Берегу Финского залива 382
 Стокгольм, г. 383
 Суботовичи, дер. на Украине 176
 Суджук-Кале, крепость на Сев. Кавказе 773, 775
 Судогодский уезд Владимирской губ. 87
 Суздаль, г. Владимирской губ. 141
 Суздальский уезд 88
 Суйтамский приход в Карелии 630
 Сулак, р. в Дагестане, впад. в Каспийское море 771
 Суло, дер. 682
 Сумбар, р. в Ср. Азии 829
 Сумская область Украинской ССР 577
 Сумская ярмарка на Украине 124
 Сумы, г. на р. Псел 578
 Сунжа, р., приток р. Терека 774
 Сунтажи, н. п. 690
 Суоярвский погост в Карелии 630
 Сура, р., приток р. Волги 229
 Сургут, г. на р. Обь 40
 Сухона, р., приток р. Сев. Двины, 38, 121
 Сухуми, г. и порт на Черном море 723
 Сыктывкар. См. Усть-Сысольск
 Сым, р., приток Енисея 666
 Сыр-Дарья, р., 776, 788, 792, 793, 801, 821
 Сысола, р., приток р. Вычегды 639, 640, 642
 Сямозерская волость Олонецкого края 184, 630, 633
 Таврическая губерния (Таврия) 44, 707
 Таганрог, г. и порт на Азовском море 122, 153, 318
 Таджикистан 809—816
 Талас, р. в Ср. Азии 816
 Таллин (Колывань, Ревель), г. и порт 66, 681 682, 687, 689
 Талышское ханство в Закавказье 760
 Тамань, полуостров 773—775
 Тамбов, г. на р. Цне 122, 140, 463 536, 650
 Тамбовская губерния 49, 53—56, 425
 Тамбовская провинция 32, 648
 Тамбовская ярмарка 124
 Тамбовский уезд 31, 175, 178, 230
 Тамбовское наместничество 31
 Тараща, г. на Правобережной Украине 595
 Тарговицы, н. п. 703
 Тарку (Тарки), г. 768
 Тарский уезд Гобольского нам-ства 39
 Тарту (Юрьев, Дерпт), г. 66, 682, 684, 687, 689
 Тарусский уезд 172
 Татарская АССР 204, 647, 648
 Татищева крепость на р. Яике 212, 216, 226, 227, 787
 Ташкент, г. в Ср. Азии 776, 780, 800, 801, 804, 810, 811, 814
 Ташкентская область 800, 814
 Тбилиси, г. 720, 721, 727—729, 732, 734, 735, 739, 750, 753, 754, 763
 Тверская губерния 26—29, 49, 53, 62, 85, 87, 88, 100, 120, 169, 239, 241
 Тверской уезд (и район) 98, 175, 270
 Тверца, р., приток р. Волги 103
 Тверь, г. на р. Волге 27, 103, 121, 122
 Тебриз, г. 761
 Теджен, р. в Ср. Азии 827
 Телави, г. 729
 Телецкое озеро на Алтае 670

- Темников, г. на р. Мокше 230
 Темниковский винокуренный завод 653
 Темниковский уезд 175
 Тендра, остров на Черном море 380
 Терек, р. приток р. Куры 210, 438, 769, 771
 Тешен, г. 363
 Тивдийский мраморо-обделочный завод в Карелии 633
 Тильзит, г. 329, 332
 Тимошевский курень в Запорожской Сечи 588
 Тирасполь, г. на р. Днестре 707, 714
 Тираспольский район Молдавской ССР 713
 Тирна, н. п. 682
 Тихвин, г. Петербургской губ. 635
 Тихвинское (Авдотьино), с. Московской губ. 483
 Тихий (Великий, Восточный) океан 18 433, 440, 834
 Тобол, р. 663 778, 781, 794
 Тобольск, г. 122, 142, 196, 216, 218, 531, 532, 552, 667
 Тобольская губерния 39, 305
 Тобольская область 305
 Тобольская провинция Сибирской губ. 80, 305
 Тобольская ярмарка 124
 Тобольский уезд 39, 40
 Тобольское наместничество 39—40
 Тогузак, р. 794
 Толвуйский погост в Карелии 630, 636
 Томск, г. 122
 Томская губерния 39, 170
 Томская область Тобольской губ. 305
 Томский уезд 40
 Томь, р., приток р. Зеи 39, 662
 Тональская парусная мануфактура 113, 579
 Топорецкий завод в Карелии 632, 633
 Торговица, н. п. 703
 Торжок, г. Тверской губ. 122
 Торунь, г. 358, 373, 376
 Тотьма, г. на р. Сухоне 37
 Тракай, г. 701
 Тракайское воеводство 699
 Трептов (Третау), г. 346
 Трифонов Успенский монастырь в Вятской провинции 167
 Троицко-Сергиевская лавра 168, 555
 Троицк, г. 230, 233, 811
 Троицкая крепость на Урале 227, 228, 778
 Троицкая Оренбургская ярмарка 124
 Троицкий острог 653
 Троицкий уезд Шацкой провинции 64
 Троицко-Петрокаменский завод на р. Нейве 106
 Трокское воеводство 614
 Тубозерская волость Олонецкого края 184
 Туборецкий металлургический завод 633
 Туглим, н. п. 641
 Тула, г. 27, 47, 116, 182, 231, 551, 552
 Туломозерский завод в Карелии 633
 Тульская губерния 27, 28, 48, 53, 54, 62—64, 79, 116, 155, 169, 174
 Тульская провинция 270
 Тульский уезд (и район) 86, 87, 175
 Тульский оружейный завод 104, 108, 191
 Тульское наместничество 33
 Тульча, г. и крепость 380
 Тульчин, г. на Правобережной Украине 595
 Туманская русско-чукотская ярмарка на р. Майне 677
 Турбаи, с. 584, 585, 608
 Тургай, р., впад. в р. Иргиз 781
 Туринский округ в Сибири 40
 Туринский уезд 39
 Туркестан, г. 438, 804, 810
 Туркменистан 821—830
 Туртукай, н. п. 393
 Туруханский уезд Тобольского нам-ства 39
 Турция (Оттоманская, Османская империя, Порта) 9, 122, 129, 157, 285, 301, 312, 317, 318, 321—324, 326, 344, 349—354, 356—362, 365—369, 372—378, 383, 385—393, 411, 414, 415, 577, 585, 591, 592, 599, 603, 605, 707, 713, 714, 720, 722—730, 732—734, 736, 740, 741, 744, 745, 749, 763, 764, 769, 775, 835
 Турья, р., приток р. Сосвы 641
 Турья, с. Пермского нам-ства 641
 Тухельн, г. 333
 Тым, р., приток Оби 666
 Тырго-Кукули, дер. 377, 378
 Тюб-Караган, полуостров Каспийского моря 828
 Тюменский округ Тобольского нам-ства 40
 Тюменский уезд 39
 Тюменско-Тобольский уезд 39
 Тюмень, г. на р. Туре 122, 140
 Тянь-Шань, горная цепь в Центральной Азии 818, 819
 Тянь-Шаньская область Киргизской ССР 820

- Уба, р., приток р. Иртыша 665
 Убаган, р., приток р. Иртыша 794
 Углич, г. Ярославской губ. на Волге 29, 116
 Угодские заводы 251
 Уд, р., впад. в Охотское море 662
 Удинск, г. в В. Сибири 125
 Удмуртская АССР 647, 648
 Ужгород, г. 605
 Узбекистан 797—809
 Узени Большой и Малый, рр. в Прикаспийской низменности 235
 Уй, р., приток р. Тобола 794
 Уйская укрепленная линия 778
 Украина 9—11, 14—16, 29, 30, 36, 38, 42, 43, 46, 50, 72, 75, 93, 113, 120, 122, 129, 139, 158, 164, 175, 176, 273, 278, 301, 310, 318, 322, 323, 350, 352, 405, 426, 465, 574, 577—613, 713, 714, 718, 835. См. также Левобережная Украина и Правобережная Украина
 Ульба, р., приток р. Иртыша 663
 Ульбинская крепость в Сибири 665
 Ульяновская область РСФСР 647, 648
 Умань, г. 598
 Ундо́л, с. Владимирской губ. 536
 Ура-Тюбе, г. в Таджикистане 810, 814
 Урал (Уральский край) 8, 21, 68, 86, 101—107, 120, 163, 166, 171, 183, 185, 186, 189, 200, 205, 207, 215, 218, 226, 238, 239, 270, 387, 417, 438, 451, 452, 503, 551, 655, 788, 790, 832
 Урал, р. См. Яик
 Уральск (Яицкий городок) 210, 438. См. также Яицкий городок
 Уральские горы (Урал) 214, 218, 227, 438
 Уральские заводы 117, 118, 428
 Уральские степи 438, 780
 Ургенч, г. 438, 780
 Ургут, крепость 804
 Уржумский район Кировской области РСФСР 647
 Усть-Вымь, торговое село 641
 Устюг Великий. См. Великий Устюг
 Устюжна, г. на р. Мологе 134
 Устюженский район (край) 86
 Усть-Каменогорская крепость на р. Иртыше 663, 665, 777
 Усть-Рудица, дер. Копорского у. близ Петербурга 432, 434
 Усть-Рудицкая фабрика стеклянных и мозаичных изделий 432, 433
 Усть-Сысола, р. в Коми-крае 639
 Усть-Сысольск, г. 639, 641, 642
 Усть-Сысольская волость 641
 Усть-Урт, территория между Каспийским и Аральским морями 821, 823
 Уткинский завод 102, 104, 218
 Уфа, г. на р. Белой 217, 226, 228, 236, 305, 790
 Уфимская губерния 217, 304
 Уфимская провинция 52
 Уфимское наместничество 76, 656
 Уфимский уезд 175
 Фатежский уезд Курского нам-ства 31
 Феодосия, г. и порт на Черном море 128, 368
 Ферганская долина в С.-В. Узбекистане 800, 808, 813, 814, 816, 818, 821
 Ферганская область (Фергана) 808, 813, 814, 821
 Фидониси (Фидонизи, Змеинный), остров на Черном море 319, 376, 402
 Финляндия 78, 304, 373, 378, 388
 Финляндская губерния 304
 Финский залив 373, 632
 Фокшаны, г. 358, 359, 377, 394, 396
 Франканоц, дер. в Армении 737
 Франкфурт, г. на р. Одере 337, 341
 Франция 128, 147, 149, 193, 251, 269, 310, 312, 318, 321—325, 329, 335, 344, 345, 347, 348, 350—354, 361, 363—365, 367—370, 404—407, 409—415, 420, 479, 497, 533, 704, 769
 Фридрихсгам (Фридеберг), г. 334
 Фридрихсгам, г. и крепость 373, 374
 Фюрстенвальде, г. 341
 Хааслава (Газелау), н. п. 685
 Хамадан, г. 743
 Харьков, г. 536, 578, 582, 603, 604, 606, 608
 Харьковская область (Харьковщина) 577
 Харьковская губ. и нам-ство 31, 592, 603
 Хатанга, р., впад. в море Лаптевых 662
 Хатырчи, г. на р. Зеравшан 799
 Херсон, г. 128, 153, 318, 319, 368, 372, 580, 592, 835
 Херсонская губерния 592
 Хивинское ханство (и Хива, г.) в Ср. Азии 438, 780, 785, 790—793, 797, 799—803, 807, 811, 812, 822—824, 828, 829
 Хийумаа (Даго), остров Балтийского моря 681
 Хиосский пролив Эгейского моря 318, 353, 400
 Хиссар, г. в Ср. Азии 804

- Хлынов (Вятка), г. 121
 Хлыновский уезд 281
 Хмелевка, с. Саратовской губ. 64
 Ходжент, г. в Ср. Азии 800, 804, 806, 808, 810, 814
 Хомутово, с. Московской губ. 62
 Хорвирапский монастырь в Армении 738
 Хорасан, г. и провинция С.-В. Ирана 735, 750, 763, 807, 813
 Хорезм, государство в Ср. Азии 799, 823
 Хорезмский оазис в Туркмении 824
 Хорошеваши, село в Нижнем Поволжье 653
 Хотин, крепость на р. Днестре 353, 376, 390, 471, 611
 Хутынский монастырь в Новгородском уезде 167, 252
- Царицын, г. на Волге 121, 234, 235, 254
 Царицыно, подмосковное село 571, 572
 Царское Село (Пушкин), г. Петербургской губ. 550, 554, 574
 Царьград. См. Константинополь
 Центрально-земледельческий район 32
 Центрально-промышленный район 27—30, 44, 166,
 Центрально-черноземный район 30—33, 42, 43, 120, 139, 140, 164, 166, 832
 Цесис (Венден), г. 694
 Цесисский уезд 694
 Цивильск, г. 229
 Цивильский район Чувашской АССР 647
 Циньская империя. См. Китай
 Ципса, н. п. 356
 Цихис-Дзири, крепость на Черном море 723
- Цорндорф, дер. 334, 337
 Цюлюхау (Цюлихау), г. 336
- Чалкар, оз. 776
 Чангли-Басу, р. в Ср. Азии 808
 Чарджоу (Чарджуй), г. на р. Аму-Дарье 824
 Чарыш, р., приток р. Оби 670
 Чаун, р. 677
 Чебаркуль, г. на Урале 228
 Челекен, остров на Каспийском море 822, 828
 Челмужский погост в Карелии 630
 Челябинск, г. на р. Миасс 140, 221, 225, 227
 Чердынский уезд Пермской губ. 183, 281
- Черкассы, г. в Правобережной Украине на р. Днепре 596, 598
 Чернецкое староство в Белоруссии 625
 Чернигов, г. на р. Десне 604
 Черниговское наместничество 31, 32, 584, 606
 Черновицкая область Украинской ССР 578
 Черное море 9, 35, 128, 319, 321, 323, 327, 350, 351, 362, 364, 365, 367—370, 373, 383, 384, 386, 387, 414, 437, 440, 577, 578, 591, 595, 699, 723, 725, 745, 773, 775, 833, 834
 Чернореченская крепость на Урале 212
 Чернуха, с. на Украине 601
 Черный Яр, г. на Волге 206, 235, 660
 Чесменская бухта 318, 353, 355
 Чесноковка, с. Уфимской губ. 217, 225
 Чехия 336
 Чечня 774
 Чигирин, г. 596, 598
 Чимган, местность в Казахстане 810
 Чимкент, г. 810
 Чирчик, р., приток р. Сыр-Дарья 800, 814
 Чорстынь, г. 356
 Чу, р. 816
 Чувашская АССР 647, 648
 Чугучак, г. 776
 Чуднов, г. на р. Тетерев 595
 Чукотка, полуостров 667, 668, 676, 680
 Чукотская ярмарка 677
 Чулым, р., приток р. Оби 662
 Чулышман, р., впад. в Телецкое оз. 670
 Чуманай, р. 808
 Чурилово, с. Юрьевского у. 174
 Чусовая, р., приток р. Камы 103
 Чуя, р., приток р. Лены 670, 671
- Шадринск, г. на р. Исети 183, 226
 Шайтан-Кудейская волость в Башкирии 660
 Шальский погост в Карелии 631
 Шамблукский завод в Закавказье 727
 Шауляй (быв. Шавли), г. 699, 702, 703
 Шауляйская королевская экономия 113, 699, 702, 703
 Шахкерт, дер. 738
 Шахриябз, феодальное владение в Ср. Азии 804, 806
 Шацк, г. Тамбовского нам-ства 231
 Шацкая вотчина Новоспасского монастыря 168, 252
 Шацкая провинция 56, 64, 648

- Шацкий уезд 172, 252
 Шведт, н. п. на р. Одер 334
 Швеция 9, 122, 273, 312, 317, 321—324, 328, 329, 344, 348, 350—352, 354, 359, 361, 364, 373—377, 382, 383, 388, 411, 412, 414, 585, 635, 646
 Шеки (Нуха), г. 758, 760, 764—766
 Шекинское (Нухинское) ханство 750
 Шелтозерская волость в Карелии 184, 630
 Шемаха, г. в Азербайджане 735, 739, 758, 760, 762
 Шемахинское ханство 750
 Ширак, степной район в Закавказье 739
 Ширван, г. в Азербайджане 739, 763
 Ширванское ханство (Ширван) 739, 760, 761, 763
 Шклов, г. 616, 626
 Шкловское староство в Белоруссии 617, 621
 Шлезвиг, герцогство в Германии 348
 Шлиссельбург, г. 34, 97, 103
 Шлиссельбургская крепость 272, 408, 489
 Шлиссельбургская ситценабивная мануфактура 97
 Шляпаньки, с. в Белоруссии 620
 Шоропани, крепость 360, 726
 Шпандау, г. 342
 Шпицберг, укрепленная высота 338
 Штеттин, г. 269, 344, 346, 347
 Штралезунд, г. и порт 336
 Шугнан, памирское княжество 810
 Шуйский погост в Карелии 630, 632, 636
 Шуйский уезд (и район) Владимирской губ. 85, 88, 98
 Шумла, г. и крепость на Балканах 362
 Шунга (Шунгский погост) в Карелии 635
 Шунгская ярмарка 635
 Шуша (Панахабад), г. и крепость 734, 750, 758, 760, 762, 763, 766
 Шуя, с. Беломорского р-на в Карелии 638
 Шуя, г. Ивановской обл. 85, 141
 Щигровский уезд Курского нам-ства 31
 Щорсы, н. п. 621
 Эгейский архипелаг. См. Архипелаг.
 Эда, н. п. 691
 Эдисанская орда 707
 Эдичкульская орда 707
 Элисуйское султанство в Азербайджане 760
 Эльба, р. 329
 Эльтон, оз. 781
 Эмба, р., впад. в Каспийское море 778, 790
 Энзелинский залив Каспийского моря 749
 Эрзерум, г. и крепость 739, 741
 Эрзерумский папалык 740
 Эстляндия 34, 78, 113, 683
 Эстляндская губерния 49, 302
 Эстония 10, 60, 66, 171, 302, 681—689
 Эчмиадзин, г. 749, 751—754
 Эчмиадзинский монастырь 737, 739, 742, 752, 754
 Эшпакон, р. на Сев. Кавказе 772
 Южная Европа 322, 365
 Южная Украина 365
 Южный Азербайджан 762, 787
 Южный Буг, р., впад. в Черное море 36, 45, 385, 585, 591, 595, 775
 Южный Туркменистан 823—825
 Южный Урал 103, 202, 217, 659, 787
 Юзеева, дер. 216, 224
 Юрьев Польский, г. Владимирской губ. 97
 Юрьевский уезд Владимирской губ. 97, 174
 Юхнов, г. Смоленской губ. 153
 Юхотская волость Ярославской губ. 52, 54, 90
 Ядрин, г. на р. Суре 653
 Яик (затем Урал), р., впад. в Каспийское море 207—210, 213, 215, 216, 221, 226, 227, 234, 235, 361, 776, 782, 784—788, 790, 793
 Яицкая линия и ее крепости 208, 212, 227
 Яицкий городок (Уральск), г. на р. Яике 203, 205, 208—212, 214, 222, 226, 227, 235, 786
 Якунское староство в Белоруссии 616
 Якутия 673, 675, 676
 Якутск, г. на р. Лене 125, 142, 676
 Якутская область 305
 Ялуторовск, г. на р. Исети 218
 Ялуторовский уезд 39, 170
 Ямполь, г. на р. Днестре 711
 Ямышев, г. на р. Иртыше 796
 Ямышевская крепость 663, 778
 Яна, р. в Якутии, впад. в море Лаптевых 662

- Янги-арык. 823
Яранский район Кировской области
РСФСР 647
Яренск, г. Архангельской губ. 37, 639,
641, 642
Ярославль, г. 27, 152, 154, 167, 531, 532,
635
Ярославская губерния 27, 28, 48, 53, 54,
62, 64, 85, 90, 153, 832
Ярославская провинция 27
Ярославский уезд (и район) 28, 29, 98,
251
Яссы, г. 371, 385, 411, 712, 715
Яунбери, п. п. 690.



ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Пахота. Гравюра из «Трудов Вольного Экономического общества», 1766 г.	27
2. Боронованье. Гравюра из «Трудов Вольного Экономического общества», 1769 г.	29
3. Крестьянин со жбаном. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. (вклейка)	32—33
4. Помещик на жатве. Гравюра из книги «Деревенское зеркало», 1799 г.	55
5. «Званка» — усадьба Г. Р. Державина в Новгородской губернии. Слева — суконная «фабрика». Гравюра конца XVIII в.	57
6. Кирпичный «завод» в поместье. Акварель Кнаппе, 90-е годы XVIII в.	59
7. Крестьянин-оброчник, уходящий на заработки. Гравюра конца XVIII в.	61
8. Курная изба 80-х годов XVIII в. Макет	63
9. В. Л. Боровиковский. Старик, греющий руки у огня. Аллегория зимы. Масло, 1790-е годы (цветная вклейка)	64—65
10. Наказание крестьянина батогами в присутствии помещика. Гравюра Х.-Г. Гейслера конца XVIII в.	69
11. Журнал наказаний дворовых людей помещика Лопухина, 1763—1765 годы	70
12. Плеть старосты Вельского уезда Вологодской губернии, 1790-е годы	71
13. Крестьянская утварь XVIII в. Деревянный ковш	72
14. Крестьянская утварь XVIII в. Деревянная резная солоница	73
15. Крестьянская утварь XVIII в. Железные светцы	74
16. Помещицья усадьба конца XVIII в. «Забава» под Москвой. Акварель В. Причетникова	77
17. Тканый шерстяной ковер работы крепостных мастериц с изображением усадьбы помещика Хомякова «Богучарово» Тульской губернии, 1770-е годы	79
18. Мирской сход в присутствии помещика и священника. Гравюра из книги «Деревенское зеркало», 1799 г.	83
19. Набойка второй половины XVIII в. (вклейка)	86—87
20. Железные дверные замки конца XVIII в.	88
21. Резной деревянный ларец, конец XVIII в.	89
22. Резные донца прялок 1788 и 1792 годов	91
23. Серебряная с чернью табакерка великоустюжской работы XVIII в.	92
24. Серебряные с камнями серьги и перстень XVIII в.	93
25. Резной гребень из моржовой кости холмогорской работы, конец XVIII в.	95
26. Ситец русского производства второй половины XVIII в. (цветная вклейка)	96—97
27. Шелковая ткань производства русской мануфактуры второй половины XVIII в. (вклейка)	98—99
28. Медный самовар работы тульских заводов, конец XVIII в.	103
29. Богословский медеплавильный завод на Урале. Рисунок пером XVIII в.	105

30. Медный кувшин работы уральских заводов, вторая половина XVIII в.	106
31. Медный ларец с чеканным орнаментом работы уральских заводов, вторая половина XVIII в.	107
32. Рабочий тульских оружейных заводов. Акварель из альбома к «Описанию Тульского оружейного завода», конец XVIII в.	108
33. Горнозаводский рабочий. Перерисовка изображения из «Прешпекта Екатеринбургского завода 1729 г.»	110
34. Штрафной ошейник для рабочих уральских заводов, XVIII в.	119
35. Разгрузка барижи с хлебом. Гравюра Т.-В. Аткинсона, 1803 г.	123
36. «Проспект биржи и гостиного двора вверх по Малой Неве реке». Гравюра И. Елякова по рисунку М. И. Махаева 1753 г.	129
37. Крестьянский обоз с товаром. Гравюра Т.-В. Аткинсона, 1803 г.	137
38. Купец Б. А. Злобин из г. Вольска. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVIII в.	159
39. Оружие оставших крестьян	177
40. Рабочий Московского Суконого двора Гаврила Сухарев. Портрет маслом работы неизвестного художника, конец XVIII в.	191
41. Е. И. Пугачев в заточенье. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVIII в. (вклейка)	234—235
42. Вырывание поздрей у осужденного. Гравюра Х.-Г. Гейслера, конец XVIII в.	237
43. Схема. Центральные органы управления 60—70-х годов XVIII в.	287
44. Схема. Центральные органы управления 80—90-х годов XVIII в. (до 1796 г.)	289
45. Схема. Местные органы управления после реформы 1775 г.	295
46. Схема. Городские учреждения конца XVIII в.	299
47. Профиль полупудового «единорога». Рисунок из альбома XVIII в.	307
48. Чертеж к рукописи П. И. Шувалова «Изъяснение о действии артиллерии»	309
49. Рядовые и сержант мушкетерских рот Преображенского, Семеновского и Измайловского полков с 1763 по 1786 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова. СПб., 1841—1862	311
50. Рядовые и офицер гусарских полков с 1764 по 1776 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова, СПб., 1841—1862	313
51. Артиллерист ландмилицкого пехотного полка с 1763 по 1770 г. Литография из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова, СПб., 1841—1862	315
52. Модель 54-пушечного корабля конца XVIII в.	317
53. Сражение при Гросс-Егерсдорфе. Гравюра XVIII в.	331
54. Сражение при Кунерсдорфе. Гравюра XVIII в.	339
55. Вид — план Берлина. Гравюра XVIII в.	343
56. П. А. Румянцев. Гравюра Валькера 1798 г. с портрета маслом работы Д. Г. Левицкого	345
57. Уничтожение русской эскадрой турецкого флота в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. Гравюра Кано и Ватса с картины маслом художника Патона, конец XVIII в.	355
58. А. М. Обресков. Портрет маслом работы Ф. С. Рокотова	360
59. Г. А. Потемкин. Гравюра XVIII в. с оригинала И.-Б. Лампи, 1789 г.	369
60. А. В. Суворов. Портрет маслом работы И.-Г. Шмидта, 1800 г. Копия (вклейка)	376—377
61. Сражение при Рымнике. Гравюра XVIII в.	379
62. Штурм Измаила. Гравюра XVIII в.	381

63. Титульный лист книги «Наука побеждать» А. В. Суворова. Первое издание, СПб., 1806 г.	397
64. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. Литография XIX в.	401
65. Европейские державы окружают фригийский колпак (эмблема французской буржуазной революции). Французская карикатура конца XVIII в.	409
66. Здание Московского университета на Моховой улице. Архитектор М. Ф. Казаков. Акварель Ф. Я. Алексеева, 1801 г. Деталь.	419
67. Титульный лист учебника географии для народных училищ. СПб., 1787 г.	423
68. М. В. Ломоносов. Мраморный бюст работы Ф. Шубина (вклейка) . . .	432—433
69. Медный перегонный куб из химической лаборатории М. В. Ломоносова, 1748 г.	433
70. Здание Академии наук в Петербурге. Раскрашенная гравюра Б. Петерсона, 1799 г.	435
71. С. Я. Румовский. Литография первой половины XIX в.	437
72. Титульный лист книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». СПб., 1755 г.	438
73. Н. Я. Озерецковский. Литография с рисунка Кашинцева, начало XIX в. . .	439
74. И. И. Лепехин. Литография с рисунка Кашинцева, начало XIX в. . . .	440
75. Титульный лист книги А. И. Нагаева «Лоция или морской путеводитель», ч. II, СПб., 1789	441
76. А. Т. Болотов в своем рабочем кабинете. С рисунка А. Т. Болотова . . .	442
77. Титульный лист издания «Санктпетербургские врачебные ведомости», ч. 1, СПб., 1793	449
78. Модель паровой машины И. И. Ползунова.	451
79. И. П. Кулибин. Портрет маслом работы П. П. Веденевского, 1818 г. . . .	453
80. Модель деревянного арочного моста И. П. Кулибина 1775 г. Гравюра 1799 г.	455
81. Титульный лист «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова, СПб., 1766	457
82. П. И. Рычков. Гравюра Осипова, 1801 г.	458
83. М. Д. Чулков. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.	461
84. Н. И. Новиков. Портрет маслом работы Д. Г. Левицкого (вклейка) . .	482—483
85. Титульный лист журнала «Трутенъ» за май 1769 г.	484
86. Титульный лист журнала «Живописецъ» за 1772 г.	485
87. А. Н. Радищев. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. Копия (вклейка)	494—495
88. Титульный лист книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Первое издание. СПб., 1790	495
89. Крестьяне, слушающие слепых певцов. Гравюра конца XVIII в. с акварели И. А. Ерменева	505
90. В. И. Майков. Портрет маслом работы Ф. С. Рокотова, около 1765 г. . . .	509
91. М. М. Херасков. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.	510
92. Д. И. Фонвизин. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.	515
93. Г. Р. Державин. Портрет маслом работы В. Л. Боровиковского, 1795 г. .	517
94. Ф. Г. Волков. Портрет маслом работы А. П. Лосенко, 1763 г. (вклейка) .	536—537
95. И. А. Дмитриевский в роли Стародума. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в.	537
96. Пряничная доска С. А. Прянишникова, 1778 г.	543
97. Набойная доска XVIII в.	544

98. Расписная коробья, XVIII в. (цветная вклейка)	544—545
99. Квасник. Гжельская керамика второй половины XVIII в. (цветная вклейка)	544—545
100. Фаянсовая «кухля» петербургского казенного завода, 1776 г.	546
101. Фарфоровая тарелка «арабескового» сервиза петербургского завода, 1784 г.	547
102. Фарфоровая корзиночка орденового Георгиевского сервиза завода Ф. Я. Гарднера, 1778 г.	548
103. Бутылъ зеленого стекла с росписью, вторая половина XVIII в.	550
104. Графин зеленого стекла с росписью, вторая половина XVIII в. (цветная вклейка)	550—551
105. Магнит в медной чеканной оправе работы мастеров уральских заводов середины XVIII в.	551
106. Серебряный ларец с чернью устюжской работы конца XVIII в.	552
107. Стальной подсвечник, отделанный «алмазной» гранью и бронзой, работа тульских мастеров конца XVIII в.	553
108. Ф. С. Рокотов. Портрет В. Е. Новосильцовой. Масло, 1780 г.	559
109. Д. Г. Левицкий. Портрет отца (Г. К. Левицкого). Масло, 1779 г.	560
110. В. Л. Боровиковский. Портрет М. И. Лопухиной. Масло, 1797 г. (цветная вклейка).	560—561
111. М. Шибанов. Крестьянский обед. Масло. 1774 г.	563
112. М. Шибанов. Портрет Екатерины II. Масло, 1789 г.	565
113. М. И. Козловский. Поликрат. Гипс. 1790 г.	567
114. И. П. Мартос. Надгробие С. С. Волконской. Мрамор, 1782 г.	569
115. В. И. Баженов. Модель Большого Кремлевского дворца. Деталь — Амфитеатр для народа	571
116. И. Е. Старов. Колонный зал Таврического дворца, 1783—1787 гг.	573
117. М. Ф. Казаков. Здание Голицынской больницы. 1796—1801 гг.	575
118. Гурты скота, направляемые с Украины в Петербург. Гравюра конца XVIII в.	579
119. Город Херсон. Рисунок пером из альбома И. Г. Мюнца «Путешествия», 1780-е годы	580
120. Украинский крестьянин. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.	581
121. Украинская крестьянка. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.	582
122. Украинский казак. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.	583
123. Запорожская сечь. Рисунок на карте Запорожской сечи второй половины XVIII в.	589
124. Иван Гонта. Портрет маслом работы неизвестного художника второй половины XVIII в. Копия	597
125. Г. С. Сковорода. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. Копия	601
126. Н. М. Максимович-Амбодик. Гравюра конца XVIII в.	605
127. Д. С. Бортнянский. Портрет маслом работы М. И. Бельского, 1788 г.	609
128. Запорожский собор в Новомосковке, 1772—1779. Архитектор Я. Погребняк	610
129. В. В. Боровиковский. Портрет маслом работы И. В. Бугаевского-Благодарного, 1824 г.	611
130. Украинское народное питье второй половины XVIII в.	612
131. Белорусский крестьянин. Литография с рисунка А. И. Ригельмана конца XVIII в.	617
132. Слуцкий пояс XVIII в.	627

133. Чувашка. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». СПб., 1799 г. 647
134. Земледельческие орудия Поволжья. Гравюра из книги И. И. Лепехина «Дневные записки путешествия». СПб., 1771 г. 649
135. Марийка. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1799 г. 651
136. Башкирка. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1799 г. 656
137. Якут. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1799 г. 673
138. Силки для ловли пушных зверей и забор для рыбной ловли в Сибири. Гравюра из книги П.-С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства», изд. 1809 г. 674
139. Охотский порт. Гравюра из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изд. 1755 г. 675
140. Коряк. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1799 г. 677
141. Зимняя юрта и летние балаганы камчадалов, заготовка ими рыбы и жира. Гравюра из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изд. 1755 г. 679
142. Эстонские крестьяне. Гравюра XVIII в. 683
143. Город Рига. Акварель работы неизвестного художника начала XIX в. 693
144. Латышский крестьянин. Рисунок начала XIX в. 695
145. Литовская деревня. Гравюра Хейнеке (перерисовка) 701
146. Молдавский крестьянин. Рисунок пером и акварелью из альбома «Путешествия» И. Г. Мюнца, 80-е годы XVIII в. 709
147. Молдавская деревня на Днестре у Ямполя. Рисунок пером и акварелью из альбома «Путешествия» И. Г. Мюнца, 80-е годы XVIII в. 711
148. Город Бендеры. Рисунок пером и акварелью из альбома «Путешествия» И. Г. Мюнца, 80-е годы XVIII в. 715
149. Тбилиси. Гравюра А. Петрова по рисунку с натуры 1767 г. 721
150. Армянин. Раскрашенная гравюра из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1799 г. 741
151. Ереван. Гравюра по рисунку с натуры С. Сергеева, 1796 г. 745
152. Баку. Гравюра А. М. Шелковникова по рисунку С. Сергеева, 1796 г. 759
153. Ханский дворец в г. Нухе, XVIII в. Рисунок архитектора Али-заде, 1938 г. 764
154. Деталь росписи стен зала первого этажа ханского дворца в г. Нухе, XVIII в. 765
155. Кочевье казахов у крепости Усть-Каменогорской. Акварель работы неизвестного художника начала XIX в. Копия 777

СПИСОК КАРТ

(ПРИЛАГАЕМЫХ К ЭТОМУ ТОМУ)

1. Участие России в Семилетней войне 1756—1762 гг. (врезки: Сражение при Грос-Егерсдорфе, Пальциге и Криерсдорфе, Взятие Берлина).
2. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в 1773—1775 гг.
3. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. (врезки: Сражение при Рымнике, Штурм Измаила).
4. Промышленность в России в третьей четверти XVIII в. (врезки: Сибирь — южная часть, Промышленность Москвы и С.-Петербурга).
5. Распространение барщины и оброка в великороссийских губерниях во 2-й половине XVIII в.
6. Русско-шведская война в 1788—1790 гг.
7. Российская империя в конце XVIII в. (в нач. 1790-х гг.).

Карты составлены А. И. Голубцовым.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВАК	— Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией.
АВПР	— Архив Внешней политики России.
АзЦАУ	— Азербайджанское Центральное Архивное Управление.
АКАК	— Акты Кавказской Археографической Комиссии.
Архив ИЯЛ	— Архив Института языка и литературы АН СССР.
Архив ЮЗР	— Архив Юго-Западной России.
Вестник РГО	— Вестник Русского Географического Общества.
ВУА	— Военно-Ученый Архив.
ВЦГА	— Виленский Центральный Государственный Архив.
ГИМ ОПИ	— Государственный Исторический Музей. Отдел Письменных Источников.
ЗИВ АН	— Записки Института Востоковедения Академии наук.
ИБУз	— Институт Востоковедения Академии наук Узбекской ССР.
ИПС	— История Правительствующего Сената.
ЛОИИ	— Ленинградское Отделение Института Истории АН.
МВД	— Министерство Внутренних Дел.
МИД	— Министерство Иностранных Дел.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении.
ПСЗ	— Полное Собрание Законов Российской империи.
РБС	— Русский Биографический Словарь.
Сборник РИО	— Сборник имп. Русского Исторического Общества.
Труды ВЭО	— Труды Вольного Экономического Общества.
ЦГАВМФ	— Центральный Государственный Архив Военно-Морского Флота.
ЦГАДА	— Центральный Государственный Архив Древних Актов (в Москве).
ЦГВИА	— Центральный Государственный Военно-Исторический Архив.
ЦГИА	— Центральный Государственный Исторический Архив.
ЦГИА УССР, ф. КЗС	— Центральный Государственный Исторический Архив Украинской ССР, фонд Коша Запорожской Сечи.
Чтения в ОИДР	— Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская Археологическая Комплексная Экспедиция.



ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i> (Б. Б. Кафенгауз)	5
---	---

Глава первая

Производительные силы и социально-экономический строй

1. Сельское хозяйство и население (К. В. Сивков, Б. Б. Кафенгауз, П. Г. Рындзюнский)	26
2. Крестьяне (К. Н. Щенегов)	49
3. Дворяне (Ю. Я. Коган)	75
4. Промышленность (М. П. Вяткин)	85
5. Торговля (В. Н. Яковцевский)	119
6. Город и городская реформа 1785 г. (Б. Б. Кафенгауз)	151

Глава вторая

Классовая борьба

1. Крестьянское движение в 50—60-х годах (К. В. Сивков)	166
2. Борьба рабочих людей и приписных крестьян на мануфактурах в 50—60-х годах (М. П. Вяткин)	179
3. Крестьянская война 1773—1775 гг. (А. И. Андрущенко, С. Л. Марголин)	193
4. Крестьянское движение и борьба рабочих людей в 70—80-х годах (П. Г. Рындзюнский, М. П. Вяткин)	238

Глава третья

Государственный строй и внутренняя политика

1. Внутренняя политика России 1750—1773 гг. Уложенная комиссия (Ю. В. Гогье, Ф. И. Лаппо, Б. Б. Кафенгауз)	248
2. Реформы органов центрального и местного управления и внутренняя политика 70—80-х годов (Б. Г. Слицан)	284
3. Армия и флот (Л. Г. Бескровный)	307

Глава четвертая

Внешняя политика

1. Россия в Семилетней войне (1756—1763) (С. Д. Сказкин, Ю. Р. Клокман)	324
2. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. Первый раздел Польши (Е. И. Дружинина)	349
3. Русско-турецкая (1787—1791) и русско-шведская (1788—1790) войны (А. М. Станиславская, Ю. Р. Клокман)	363

4. Русское военное и военно-морское искусство (Ю. Р. Клокман)	387
5. Россия и французская буржуазная революция 1789—1792 гг. (П. К. Алефиренко)	403

Глава пятая

Русская культура

1. Просвещение (Н. А. Константинов)	416
2. Наука в техника (В. П. Зубов, С. М. Грамбах, В. В. Данилевский, Ю. Я. Коган)	428
3. Русская передовая общественная мысль (П. К. Алефиренко, Г. П. Макогоненко, Ю. Я. Коган)	469
4. Литература и журналистика (Л. В. Крестова, В. Д. Кузьмина)	499
5. Русское искусство (В. Д. Кузьмина, Н. Н. Коваленская, С. К. Просвиркина, А. Б. Салтыков, П. Р. Левинсон)	534

Глава шестая

Украина

1. Левобережная Украина (И. Д. Бойко)	577
2. Запорожье (В. А. Голобуцкий)	585
3. Правобережная Украина (А. И. Баранович)	593
4. Культура Украины (К. Г. Гуслистый)	600

Глава седьмая

Белоруссия (Д. Л. Похилевич)	614
--	-----

Глава восьмая

Народы Севера, Поволжья и Приуралья

1. Карелия (А. П. Глаголева)	629
2. Народы Севера (Н. В. Устюгов)	639
3. Народы Поволжья (Е. А. Швецова)	646
4. Башкирия (Н. Ф. Демидова)	655

Глава девятая

Народы Сибири (С. В. Бахрушин, Б. О. Долгих)	662
--	-----

Глава десятая

Народы Прибалтики

1. Эстония (А. К. Вассар, М. А. Петров)	681
2. Латвия (М. К. Степерманис)	689
3. Литва (Д. Л. Похилевич)	698

Глава одиннадцатая

Молдавия (Н. В. Березняков)	707
---------------------------------------	-----

Глава двенадцатая

Народы Кавказа

1. Грузия (В. Д. Дондуа, Н. А. Бердзенишвили)	717
2. Армения (А. Р. Иоаннисян, П. Т. Арутюнян)	736

3. Азербайджан (<i>И. П. Петрушевский</i>)	754
4. Народы Северного Кавказа (<i>Е. Н. Кушева, Е. И. Дружинина</i>)	766

Глава тринадцатая

Казахстан и народы Средней Азии

1. Казахстан (<i>Н. Г. Аполлова</i>)	776
2. Узбекистан (<i>О. Д. Чехович</i>)	797
3. Таджикистан (<i>А. А. Семенов, И. С. Брагинский</i>)	809
4. Киргизия (<i>Г. А. Нуров</i>)	816
5. Туркменистан (<i>А. К. Каррыев, А. А. Росляков</i>)	821
<i>Заключение</i> (<i>Ю. Р. Клокман</i>)	831

Указатель имен	837
Указатель географических названий	863
Перечень иллюстраций	886
Список карт	891
Список принятых сокращений	891

Очерки истории СССР.
Период феодализма.
Россия во второй половине XVIII в.

*

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

*

Редакторы издательства *Ц. М. Подгорненская,*
А. И. Андрущенко

Художественная и техническая редакция
А. А. Киселевой

РИСО АН СССР № 1-137В. Сдано в набор; 3/1 1956 г.
Подп. в печать 21/VI 1956 г. Т-05318. Тип. зак. № 9
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 56+16 вкл.+6 цв. карт
(с приложениями) = 76,72+22 вкл. Уч.-изд. л.
66,0+6,8 вкл. = 72,8. Тираж: 000 экз.

Цена 55 р. 35 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
14	9 сл.	Н. А. Чечулин.	Н. Д. Чечулин.
119	Подпись под иллюстрацией	XVII в.	XVIII в.
126	1 сл.	ворованный	ворванный
353	11 сл.	шлоку	школу
359	17 сл.	ножном	нежном
361	6 сл.	на ограниченной	на неограниченной
366	4 сл.	Ostanischen	Osmanischen
611	16 сл.	Бучаче	Бугаче
611	15 сл.	(б. Нестеров)	(ныне Нестеров)
684	10 сл.	им	или
783	20 сл.	бийского	байского
783	21 сл.	биев	баев
793	14 сл.	сына	отца
797	15 сл.	бийской	байской
836	8 сл.	Малолетов	Малолетова
891	3 сл.	Гросс-	Гросс-
891	4 сл.	Криерсдорф	Куниерсдорф
891	5 сл.	1775	1774

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
СССР

—
XVIII в.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР